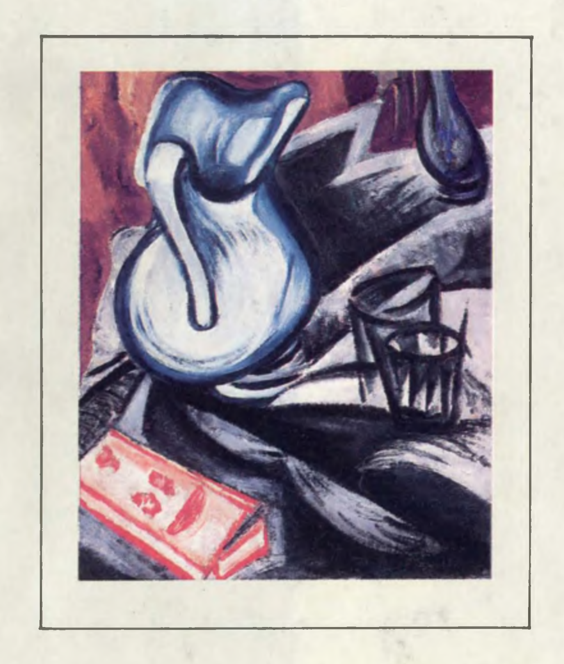
МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

ПИСЬМА

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ПИСЬМА

Эллис Лак

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

EL
ELLIS LUCK
ЭЛЛИС ЛАК

МАРИНА

ЦВЕТАЕВА

Собрание сочинений в семи томах

Москва
Эллис Лак
1995

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Собрание сочинений в семи томах

Том 7

ПИСЬМА

Москва
Эллис Лак
1995

ББК 84Ря44
Ц 25

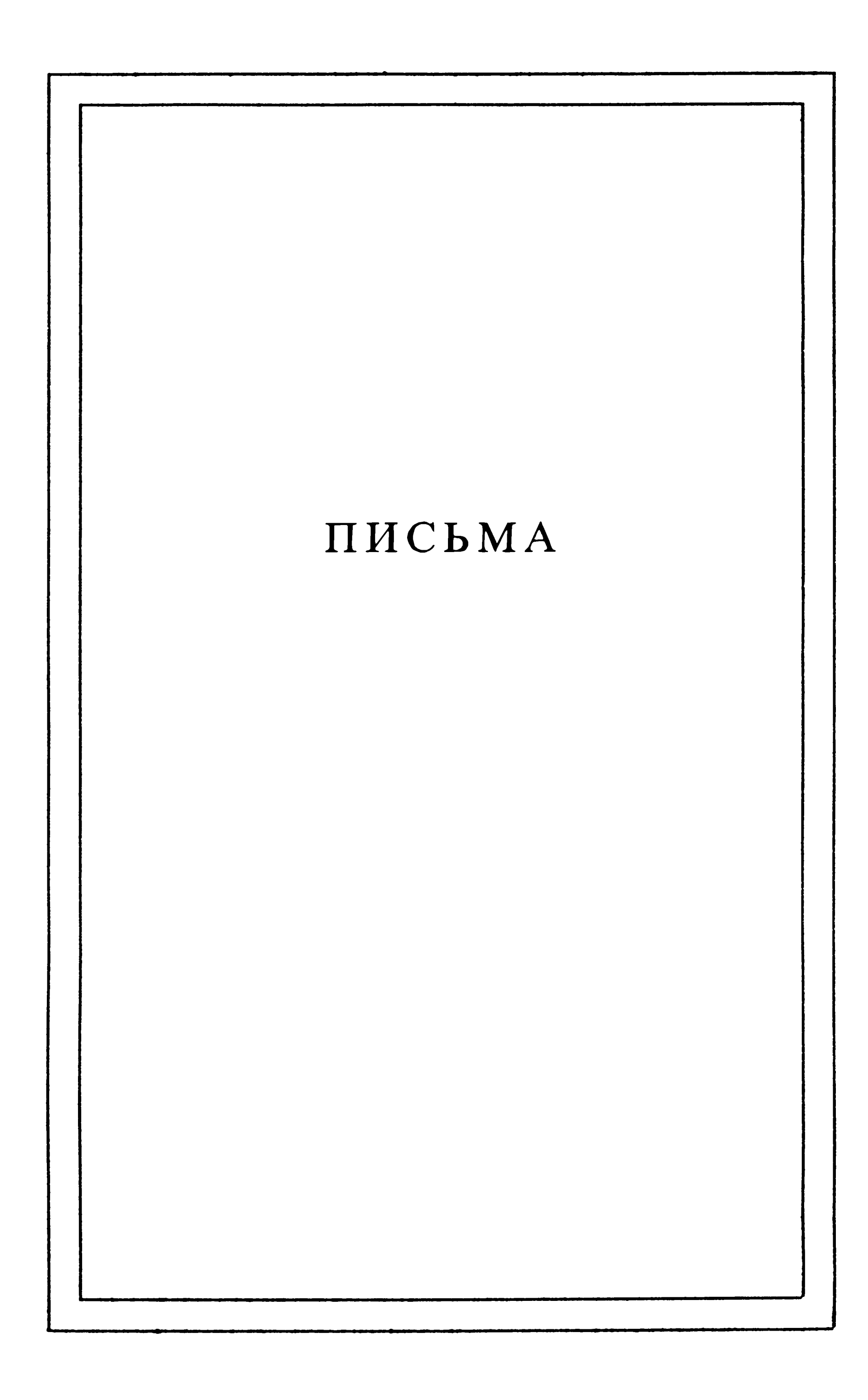
Составление, подготовка текста и комментарии
Льва Мнухина

Художник А. А. Семенов

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты картин О. В. Розановой

Ц $\frac{4700000000\text{-}017}{130(03)-95}$ Без объявл.

ISBN 5-7195-0018-9 (Т 7)
ISBN 5-7195-0012-Х

ПИСЬМА

В. Ф. БУЛГАКОВУ

1

Вшеноры, 11-го января 1925 г.

Милый Валентин Федорович,

Посылаю Вам Нечитайлова, — сделала, что могла. Одну песню (Московская Царица) я бы, вообще*, выпустила, — она неисправима, все вкось и врозь, размера подлинника же я не знаю. (Отметила это на полях)[1].

Стихи Туринцева прочитаны и отмечены. Лучшее, по-моему, паровоз. «Разлучная» слабее, особенно конец. Остальных бы я определенно не взяла. Что скажете с Сергеем Владиславовичем?[2]

А у Ляцкого я бы все-таки просила 350 кр⟨он⟩ за лист, — все равно придется уступить. Если же сразу — 300, получится 250, если не 200 кр⟨он⟩[3].

По-моему, можно сдавать, не дожидаясь Рафальского, — С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ никак не может его разыскать. Жаль из-за 2 — 3 стихотворений задерживать. Вставим post factum.

Трепещу за подарок Крачковского. О Калинникове[4] Вам С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ расскажет. Два листа с лишним (не с третьим ли?!) Немировича[5] — наша роковая дань возрасту и славе.

Пока всего лучшего, желаю Вам (нам!) успеха. Очень тронута печеньем, — спасибо.

МЦ.

2

Вшеноры, 17-го января 1925 г.

Милый Валентин Федорович,

Отвечаю по пунктам:

1) Юбиляру[1] верю нá слово, — это все, что Вам — С⟨ергею⟩ В⟨ладиславовичу⟩ — мне — остается.

2) Поэму Бальмонта оставляю на усмотрение, Ваше и С⟨ергея⟩ В⟨ладиславовича⟩[2]. Если вы, люди правовые, такую исключительность предпочтения допускаете (Б⟨альмон⟩т единственный «иностранец» в сборнике) — то мне, как поэту и сотоварищу его, нечего возразить. Меньше всего бы меня смущало поведение К⟨рачков⟩ского[3].

3) Калинников. — Гм. — Из всего, мною читанного, по-моему, приемлема только «Земля». Либо те две сказки. Остальное явно не подходит. Будьте упорны, *сдастся*[4].

---

* Здесь и далее сохранены особенности орфографии и пунктуации М. И. Цветаевой. Знаки препинания воспроизводятся, как правило, по текстам публикуемых источников.

4) О Туринцевской «Музыке»[5]. Согласна. Но если пойдет поэма Б⟨альмон⟩та с посвящением К⟨рачков⟩скому, *не* согласна. — Некий параллелизм с Крачковским. — Не хочу. — А снять посвящение — обидеть автора.

5) Нечитайлова жалко[6]. Но, пожалуй, правы. Кроме того, он кажется не здешний, будут нарекания.

6) «Примечаний» С. Н. Булгакова не брать *ни в коем случае.* Напишу и напомню. Он первый предложил примечания, за тяжестью, опустить. А теперь возгордился. Статьи он обратно не возьмет, ибо ее никто не берет, даже без примечаний.

7) Р⟨афаль⟩ского я бы взяла, — в пару Туринцеву. С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ Вам стихи достанет. Не подойдут — не возьмем.

Поздравляю Вас с прозой К⟨рачков⟩ского[7]. Это Ваше чисто личное приобретение, вроде виллы на Ривьере. С усладой жду того дня, когда Вы, с вставшими дыбом волосами, ворветесь к нам в комнату с возгласом: «Мой Гоголь совсем упал!» (Попросту: свезли)[8]. (В предыдущей фразе три *с*, — отдаленное действие К⟨рачков⟩ского!)

Предупреждаю Вас: это *сумасшедший,* вскоре убедитесь сами.

Шлю Вам привет. Передайте от меня В. И. Н⟨емировичу⟩-Д⟨анченко⟩ мое искреннее сожаление, что не могу присутствовать на его торжестве.

МЦветаева

3

Вшеноры, 27-го января 1925 г., вторник.

Милый Валентин Федорович,

Ваше письмо пришло уже после отъезда С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩, — не знаю, будет ли на Вашем совещании.

О сборнике: с распределением согласна. С распадением *на две* части — тоже. Это нужно отстоять. Мы — уступку, они — уступку. Три сборника из данного материала — жидко. Убеждена, что уломать их можно.

Гонорар, по-моему, великолепен, особенно (эгоистически!) для меня, которую никто переводить не будет[1]. — Да и не всех прозаиков тоже. — Редакторский гонорар — нельзя лучше. Все хорошо.

Бальмонт. Хорошо, что *во втором* сборнике, не так кинется в глаза. И хорошо, что с К⟨рачков⟩ским (tu l'as voulu, Georges Dandin!*[2] — Это я Бальмонту).

Бесконечно благодарна Вам и Сергею Владиславовичу за Калинникова[3]. Знаете, чем он меня взял? *Настоящей* авторской гордостью, столь обратной тщеславию: лучше отказаться, чем дать (с его точки зрения) плохое. Учтите его нищету, учтите и змеиность (баба-змей, так я его зову)[4]. Для такого — отказ подвиг. Если бы он ныл и настаивал, я бы не вступилась.

Е⟨вгения⟩ Н⟨иколаевича⟩ извещу[5]. Трудно. Особенно — из-за нее: безумная ревность к мужниной славе. Извещу и подслащу: два корифея и т. д.

---

* Ты этого хотел, Жорж Данден! *(фр.)*

О туринцевском посвящении: мне это, в виду редакторства, неприятно, но мой девиз по отношению к обществу, вообще:

— Ne daigne —

т. е. не снисхожу до могущих быть толков[6]. И, в конце концов, обижать поэта хуже, чем раздражать читателя. Итак, если стихи Вам и С⟨ергею⟩ В⟨ладиславовичу⟩ нравятся —

Совсем о другом: прочла на днях книжонку Л. Л. Толстого «Правда об отце» и т. д. Помните эпизод с котлетками?[7] Выходит, что Лев Толстой отпал от православия из-за бараньих котлеток. А в перечне домашних занятий С⟨офьи⟩ А⟨ндреевны⟩[8] — «...принимала отчеты приказчика, переписывала „Войну и мир“, выкорчевывала дубы, шила Л⟨ьву⟩ Н⟨иколаевичу⟩ рубахи, кормила грудных детей...» И заметьте — в *дневном* перечне! Выходит, что у нее было нечто вроде детских яслей. — Хорош сынок! —

Да! Забыла про С. Н. Булгакова. — Правильно. — Я, по чести, давно колебалась, но видя Вашу увлеченность статьей, не решалась подымать вопроса. Будь *один* сборник (как мы тогда думали и распределяли) — русский язык, Пушкин, слово[9] — было бы жаль лишаться. Для распавшегося же на две части он будет громоздок. Предупреждаю, что всех нас троих, как *воинствующий* христианин — возненавидит. Меня он уже и так аттестует как «fille-garson»* (*его* выражение) и считает язычницей. Но, еще раз: ne daigne!

Очень радуюсь нашему сожительству в сборнике[10]. Всего хорошего. Шлю привет.

МЦ.

4

Вшеноры, 11-го марта 1925 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Дай Бог всем «коллегиям» спеваться — как наша! С выбором второго стиха Р⟨афаль⟩ского («устали — стали») — вполне согласна, это лучший из остающихся, хотя где-то там в серединке — не помню где — что-то и наворочено. Стихи Бржезины[1] берите какие хотите, — вполне доверяю выбору Вашему и Сергея Владиславовича. — И затяжной же, однако, у нас сборник! Не успеет ли до окончательного прекращения принятия рукописей подрасти новый сотрудник — мой сын?

Очень рада буду, если когда-нибудь заглянете в мое «тверское уединение» (стих Ахматовой)[2], — мне из него долго не выбраться, ибо без няни. Серьезно, приезжайте как-нибудь, послушаете «на лужайке детский крик»[3], погуляем, поболтаем. Только предупредите.

Шлю Вам сердечный привет.

МЦ.

---

* Здесь: мальчик на побегушках *(фр.)*.

5

Вшеноры, 12-го августа 1925 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Спасибо за сведение, — об отзыве, естественно, ничего не знала. Фамилия Адамович не предвещает ничего доброго[1], — из неудавшихся поэтов, потому злостен. Издал в начале революции в Петербурге «Сборник тринадцати»[2], там были его контрреволюционные стихи. И, неожиданная формула: обо мне хорошо говорили имена и плохо — фамилии.

Но отзыв разыщу и прочту.

Заканчиваю воспоминания о Брюсове[3]. Зная, что буду писать, ни Ходасевича, ни Гиппиус, ни Святополка-Мирского не читала[4]. По возвращении С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ устрою чтение, — м. б. приедете? С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ возвращается недели через две, несколько поправился.

Да! В «Поэме Конца» у меня два пробела, *нужно заполнить* — как сделать?[5]

Привет.

МЦ.

6

Вшеноры, 23-го августа 1925 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Чтение Брюсова будет *во вторник*, 25-го, в 9 ч. на вилле «Боженка» у Чириковых (Вшеноры)[1].

Не известила раньше, п. ч. все никак не могли сговориться слушатели.

Очень жду Вас. Приехал С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ и также будет рад Вас видеть.

Итак, ждем Вас у Чириковых. Всего лучшего.

МЦветаева

P. S. Переночевать Вам устроим, — п. ч. чтение в 9 ч. вечера, а посл⟨едний⟩ поезд (в Прагу) 9 ч. 45 м⟨инут⟩.

7

Париж, 2-го января 1926 г.

С Новым годом, дорогой Валентин Федорович!

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ желает Вам возвращения в Россию[1], а я — того же, что себе — тишины, т. е. возможности работать. Это мой давнишний вопль, вопль вопиющего, не в пустыне, а на базаре. Все базар — Париж, как Вшеноры, и Вшеноры, как Париж, *весь быт — базар*. Но не всякий базар — быт: ширазский[2] — например! Быт, *это непреображенная вещественность*. До этой формулы, наконец, добралась, ненависть довела.

Но как же поэт, преображающий все?.. Нет, не все, — только то, что любит. А любит — не все. Так, дневная суета, например, которую ненавижу, для меня — быт. Для другого — поэзия. И ходьба куда-нибудь на край света (который обожаю!), под дождем (который обожаю!) для меня поэзия. Для другого — быт. Быта самого по себе нет. Он возникает

только с нашей ненавистью. Итак, вещественность, которую ненавидишь, — быт. Быт: *ненавидимая видимость.*

Париж? Не знаю. Кто я, чтобы говорить о таком городе? О Париже мог бы сказать Наполеон (Господин!) или Виктор Гюго (не меньший) или — последний нищий, которому, хотя и по-другому, тоже открыто *все.*

Я живу не в Париже, а в таком-то квартале. Знаю метро, с которым справляюсь плохо, знаю автомобили, с которыми не справляюсь совсем (от *каждого* непереехавшего — чувство взятого барьера, а вы знаете — чего это стоит! — *всего* человека в один-единственный миг), знаю магазины, в которых теряюсь. И еще, отчасти, русскую колонию. И — *тот* Париж, когда мне было шестнадцать лет: свободный, уединенный, весь в книжных лотках вдоль Сены. То есть: свою сияющую свободу — тогда. Я пять мес〈яцев〉 прожила в Париже, совсем одна, ни с кем не познакомившись. Знала я его тогда? (Исходив вдоль и поперек!) Нет — свою душу знала, как теперь. Городов мне знать не дано.

«В Париже человек чувствует себя песчинкой». Весь? Нет. Тело его? Да. Тело в океане тел. Но не душа в океане душ, — уже просто потому, что такого океана — нет. А если есть — бесшумный, недавящий.

Работать очень трудно: живем вчетвером. Почти никуда не хожу, но приходят. Квартал бедный, дымный, шумный. Если бы осталась, переехала бы за город. Не могу жить без деревьев, а здесь ни кустика. Страдаю за детей.

Уже просила Слонима похлопотать о продлении мне «отпуска» (с сохранением содержания) до осени[3]. Страстно хочу на океан. Отсюда близко. Боюсь, потом никогда не увижу. М. б. в Россию придется вернуться (именно *придется* — совсем не хочу!)* или еще что-нибудь... Хочется большой природы. Отсюда близко. На лето в Чехию — грустно звучит. Ведь опять под Прагу, на холмики. Глубже, с детьми, трудно, — быт и так тяжел.

Если можете, дорогой Валентин Федорович, похлопочите. Мне стыдно Вас просить, знаю, как Вы заняты, знаю и ужасающую скуку «чужих дел». Но Слонима я уже просила, а больше некого. У меня от нашей встречи осталось сильное и глубокое человеческое впечатление, иначе бы никогда не решилась.

Новый год походил на нестрашный Бедлам. С〈ергей〉 Я〈ковлевич〉 Вам писал уже[4]. Русский Новый год буду встречать дома.

Сердечный привет Вам и — заочно — Вашей супруге и дочке[5].

Марина Цветаева

Пишу большую статью о критике и критиках[6].

8

Дорогой Валентин Федорович[1],

Письмо чудесное и деяние чудесное. Старого монстра[2] знаю, уверял меня, что в 1905 г. печаталась (его милостями) в «Журнале для всех»

* В случае переворота, не иначе, конечно! *(примеч. М. Цветаевой)*

(мне было 11 лет[3], и в «Журнале для всех» не печаталась *никогда*). Когда опровергла, спорил.

Посылаю расписку, заявление и доверенность. Получили ли мое письмо с трудной просьбой? Наши скрестились.

Всего лучшего. Сердечный привет Вам и Вашим. Пишите.

МЦ.

Париж, 9-го января 1926 г.

9

Париж, 18-го янв⟨аря⟩ 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович!

Как благодарить?!

Мы так мало с Вами знакомы, а кто из моих друзей сделал бы для меня то, что сделали Вы. Я ведь знаю трудность таких дел и просьб. Удача — всецело Ваша, личная: влияние человека на человека[1].

В Чехию осенью вернусь непременно, — хочу утянуть это лето у судьбы: в последний раз (так мне кажется) увидеть море.

В Париже мне не жить — слишком много зависти. Мой несчастный вечер, еще не бывший, с каждым днем создает мне новых врагов.

Вечер, назначенный, было, на 23 января, переносится на 6 февраля[2] — мало друзей и слишком много непроданных билетов. Если бы Вы только знали, как все это унизительно.

— Купите, Христа ради! — Пойдите, Христа ради!

Прибедняться и ласкаться я не умею, — напротив, сейчас во мне, пышнее, чем когда-либо, цветет ирония. И «благодетели» закрывают уже готовую, было, раскрыться руку (точней — бумажник!).

Познакомилась с Л. Шестовым, И. Буниным и... Тэффи. Первый — само благородство, второй — само чванство, третья — сама пошлость.

Первый меня любит, второй терпит, третья... с третьей мы не кланяемся.

Насколько чище и человечнее литературная Прага!

Кончила большую статью о критике и критиках (здешние — *хамы*. Почитайте Яблоновского («Возрождение») и Адамовича («Звено») о Есенине!)[3].

Живем скученно, четверо в одной комнате, почти невозможно писать. Страшно устаю и, пока, мало радуюсь.

Привет вшенорцам, особенно — если встречаетесь — Григорию Исаковичу Альтшулеру[4]. Его письмо получила, немножко освобожусь — напишу.

Тороплюсь. Еще раз — благодарность за доброе дело и, главное, — волю. Всего лучшего от С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ и меня Вам и Вашим.

МЦ.

10

Дорогой Валентин Федорович,

Сердечный привет и благодарность за все. Завтра на 10 дней еду в Лондон[1], где у меня впервые за 8 лет (4 советских, 4 эмигрантских) будет ВРЕМЯ. (Еду одна.)

Оттуда напишу.

Нет отношения, которое бы больше трогало и убеждало меня, чем *забота издали*.

Расскажу Вам много забавных гнусностей о здешнем литературном *котле*. Чтó — Прага!

Если видаете Чириковых, скажите, что люблю, помню и напишу. С Людмилой и Валентиной в переписке[2].

МЦ.

Париж, 9-го марта 1926 г. (по числу — весна!)

11

Париж, 8-го апреля 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Только что вернулась из Вандеи, куда ездила искать жилище на лето. Нашла. На океане. Маленький домик у рыбаков. Пески. Море. Никакой зелени. Увы, самое дешевое место оказалось еще слишком дорогим: 400 фр〈анков〉 в месяц, без электр〈ичества〉 и газа.

Вандея сиротская, одна капуста для кроликов. Жители изысканно вежливы, старухи в чепцах-башенках и деревянных, без задка, туфельках. Молодые — стриженые.

— Кончается старый мир! —

Еду на полгода — писать и дышать.

У нас был очень любопытный доклад кн〈язя〉 Святополк-Мирского: «Культура смерти в предреволюционной литературе»[1] — Были Бунин, Алданов, С. Яблоновский, много — кто[2] (говорю о старых или правых), но никто не принял вызова, после 1 ч. просто покинули зал. Походило на бегство.

Сердечный привет Вам и семье. С〈ергей〉 Я〈ковлевич〉 все хворает, хочу поскорее увозить его отсюда.

Привет Чириковым и Альтшулерам, если видаетесь. Передайте Г〈ригорию〉 Ис〈ааковичу〉, что у моего сына 14 зубов[3].

МЦ.

12

St. Gilles-sur-Vie (Vendée)
Avenue de la Plage
Ker-Edouard

Запоздалое Христос Воскресе, дорогой Валентин Федорович!

Как проводите Пасху? Хорошо ли во Вшенорах?

Я с детьми в Вандее — вот уже две недели. Погода разная, бывает такой ветер (ледяной, с океана), что Георгий не выходит. Бывает тепло,

жарко еще не было. Живем в рыбацком домике, хозяева рыбак и рыбачка. Вместе полтораста лет. В sorciers* не верят, но верят в mauvaises gens, qui jettent un sort** (NB! *Sor*cier именно тот, кто бросает *sort*. По-нашему — дурной глаз.) Меня — не то, что чехи! — любят[1]. Часто сижу в хижине со старухой, раздуваю огонь мехами, слушаю, говорю.

Заботы по дому — как во Вшенорах — т. е. *весь* день занят. Иногда подумываю о няньке, хотя бы на три утренних часа, но... ревность или ее исток: *ревностность*. Не могу допустить, что Мура будут касаться чужие руки. Пока не могу.

Гулянье пожирает 3/4 дня, остальная четверть все, что Вы знаете. На себя только поздний вечер, но — силы не те, порох не тот, голова не та, и — письма (нет-нет да надо ответить, кроме того, каждый день пишу С⟨ергею⟩ Я⟨ковлевичу⟩).

Природа здесь однообразная: море, песок. Есть дюны, но не разлазаешься: мягкие, осыпаются под ногой. Но — лучший климат для детей во всей приморской Франции. Кроме того — ВАНДЕЯ[2].

Вот и все пока, дорогой Валентин Федорович. Очень рада буду получить от Вас весточку. Вспоминаю Вас с неизменной нежностью.

МЦ.

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ приезжает дней через десять — занят журналом[3] и получением carte d'identité***. Читали, как меня честят г⟨оспо⟩да критики за статью (о них) в «Благонамеренном»? Осоргин, Адамович, Яблоновский (последних двух не читала, обещали прислать)[4].

St. Gilles, 9-го мая 1926 г.

13

St. Gilles, 11-го мая 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Иждивенские деньги перешлите, пожалуйста, Сереже, по старому адр⟨есу⟩, иначе ему не на что будет выехать к нам. Расписки посланы вчера.

Тороплюсь на почту. Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

Читали ли Вы, как меня честят в газетах? Я — только Я⟨блонов⟩ского и Осоргина. А есть еще Адамович и... Петр Струве!

14

St. Gilles, 8-го июня 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Очень рада была Вашему большому письму, той волне тепла из Вшенор, особенно ощутимой в нашей прохвоженной Вандее. Ветра здесь *лютые*. Если видаетесь с *Бёмом*[1], передайте ему, пожалуйста, что климат здесь, пока, меньше всего теплый и ровный, и вообще вовсе не приспособлен для слабогрудых. Три разных ветра в день (все холод-

* Колдунов *(фр.)*.
** Дурных людей, которые могут сглазить *(фр.)*.
*** Удостоверение личности *(фр.)*.

ные). Мы живем, п. ч. живем, но везти сюда слабых детей на поправку не стоит. Нужно *южнее.*

Блудный сын наконец прибыл, — заездили коня Версты![2] — первые четыре дня ел, не смыкая челюстей, и спал, не размыкая глаз. Поправляется. Если бы не погода — все хорошо. Но погода плачевная. За сутки час — два тепла, да и то! Либо дождь, либо ветер!

Пишу — людей никого — все свободное время идет на тетрадь.

Сердечный привет Вам и Вашим.

Где звездочка — наш дом[3].

МЦ.

15

St. Gilles, 9-го июня 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Сердечная просьба:

помогите Анне Антоновне Тесковой (Gregrova, č⟨islo⟩ 1190) перевезти к ней нашу большую корзину (громадную!), которая стоит у Чириковых. Эта корзина тяжелой глыбой на моей совести. Там Муркино приданое на два года вперед, мои тетради, письма, всяческое. И все это пожирается молью.

Еще: у наших бывших хозяев (č⟨islo⟩ 23, Ванчуровых) Сережина шинель, френч и ранец с тетрадями. Все это нужно переложить в корзину перед отправкой ее к Тесковой. А то пропадет. (В корзине места много.)

Тескова, очевидно, за корзиной приедет сама, нужно только помочь ей доставить ее на вокзал (лошадь? тачку?). Было бы хорошо списаться о дне и часе.

Не знаю, где будем осенью, поэтому выписывать нет смысла. А вещи (особенно Муркины) хорошие, во второй раз не будет.

Очень смущена такой тяжеловесной просьбой. Уступаю место еще более смущенному просителю[1]. Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

Погода у нас гнуснейшая.

16

⟨Июнь 1926⟩[1]

Дорогой Валентин Федорович,

Прошение, увы, без полей обнаружила, когда кончила. Мне стыдно за такое настойчивое напоминание о себе. О нас бы должны заботиться боги, а не мы сами.

Напишу Вам как-нибудь по-настоящему, а пока угнетенное спасибо.

МЦ.

17

St. Gilles, 20-го июля 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Итак, к 15-му сентября возвращаюсь в Чехию. Украли у меня чехи месяц океана[1] (и 370 фр⟨анков⟩ уплоченных денег!), что-же, когда-нибудь представлю счет. (Как Вам нравится эта наглость?!)

Теперь вот о чем: как Вы полагаете, восстановима ли моя прежняя расценка? проще — с моим приездом, явлением перед Заблоцким[2] *во плоти* (вживе и въяве!) протянет ли мне Заблоцкий сухой, но не дрожащей (скорей держащей!) рукой — прежнюю тысячу?

На 500 кр⟨он⟩ ехать нет смысла, одна дорога чего стоит. 500 кр⟨он⟩ на меня с детьми — это сплошная задолженность, т. е. сплошное унижение. За 500 кр⟨он⟩ в месяц я чехов буду ненавидеть, за тысячу — любить.

Пишу о всем этом — в совершенно ином тоне, ибо не знаю, как у него с юмором и цинизмом нищеты — почтительно и корректно Сергею Владиславовичу[3]. От его ответа зависит мое решение.

Английская стипендия? Смеюсь[4]. И не знала, что есть таковая. Студентам, кажется — какая-то малость. А вот что «Благонамеренный» задолжал нам с С⟨ергеем⟩ Я⟨ковлевичем⟩ (его рассказ, моя статья) тысячу франков — знаю твердо. «Руководитель» (т. е. меценат) Соколов даже не отвечает, а чудесный невинный 22-летний редактор Шаховской на днях принимает пóслух на Афон[5]. Прислал нам собственных, кровных, от полной нищеты — полтораста франков, пятьдесят из которых истратили, а сто возвращаем. Ничего не знаю трогательнее этой присылки, — последний жест редактора и первый — монаха.

Уже написала Тесковой с просьбой попытаться устроить нас в Праге. Помните мою жизнь во Вшенорах? Заранее устала. *Не хочу*. Хочу — хоть изредка — музыки, прогулки по новым местам, чуть-чуть красоты и беззаботности. За́городом я *душа* и *рабочий скот*, хочу немножко побыть человеком.

Моя Вандея кончилась вчера, в день получения 500 кр⟨он⟩. Я сейчас уже *еду*, все полтора месяца. Жду ехать. Странно, ведь я и раньше знала, что уеду, но 15-ое октября равно бессрочности, а 15-ое сентября — причем *непременное* — уже завтра, нет, сегодня, чуть ли не — вчера. Я не еду, я уже уехала. Погода испортилась? Все равно. Купаться нельзя? *Не я* купаюсь. Клянусь, что не преувеличиваю.

Огорчена? *Нет*. Если бы сама жизнь не вмешивалась я, за физическим (хроническим!) невмешательством в свою жизнь, до сих пор сидела бы в Трехпрудном пер⟨еулке⟩, в д⟨оме⟩ № 8 с двумя огромными тополями, которого уже нету (в ⟨19⟩19 г. снесен) и где родилась. Поэтому — приветствую бессердечие Завазала, Гирсы[6] и пр.

Знаете ли, дорогой Валентин Федорович, что мне стыдно Вас благодарить? Вы ходили, ездили, изводились — а я «благодарю». Вы *делали* — а я — говорю! Не гадость? Благодарность то́чно сводить счеты — несводимые, ибо *дело* и *слово* — несоизмеримы.

Благодарить я буду эсеров, которые для меня *ничего* не сделали, даже на письмо не ответили (писала и Лебедеву, и Слониму)[7]. Эсеры доказали, что им на меня наплевать. Что мне остаётся? Благодарить за искренность. И поблагодарю — плевком же.

Вот Вам пример (из моей *бывшей* вандейской жизни): рыбак вытаскивает утопленника: откачивает, отмачивает (для рифмы! скорей: просушивает!) отпаивает — отстаивает. И утопленник, ртом, прожженным *солью* и *ромом*: «Большое, большое спасибо!» Что с рыбаком? Рыбака *тошнит*.

Людовик Баварский[8] — страстная любовь моей 16-летней матери. Проезжая место, где утонул, бросила кольцо — обручилась. Так что

(Wahlverwandschaften*) некоторым образом — мой отец. А вот стих о нем — не мой, чей не помню:

В горах — как здесь, в покое царском —
Торжественная тишина,
И о Людовике Баварском
Грустила верная луна...[9]

И еще стих Верлена:

Roi! O seul prince de ce siécle, — Sire!**[10]

Сама бы с наслаждением поехала на его озеро, где м. б. еще бродит тень моей 16-летней матери и достоверно лежит ее кольцо.

Сердечный привет от всех нас.

Пишите!

МЦ.

18

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
12-го декабря 1927 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Я Вас не забыла, Вы одно из самых милых мне воспоминаний в последних Вшенорах, из которых Вы — кажется — уехали? Адреса Вашего не знаю, потому пишу на Анну Антоновну[1].

Что Вам рассказать о себе, о нас? Начнем с нас: Мур огромный, все говорит, рост и вес пятилетнего (покупаю на французские «six ans»***), разум по возрасту, а возраст 2 г〈ода〉 10 мес〈яцев〉. Красивый, кудрявый, отчаянный. Белокур и бедокур. Настоящий мальчик. Игрушки: «машина» (автомобиль), поезд, палки, полное отсутствие женственного начала. Поэта не выйдет. Не горюю.

Але четырнадцать лет, выше меня, крупная, красивая, спокойная, очень гармоничная. Недавно поступила в школу рисования, за месяц большие успехи, даровита и любит.

С〈ергей〉 Я〈ковлевич〉 *весь* в евразийстве[2]. Житейские ресурсы — игра в к〈инематогра〉фе[3], но скромен, горд — зарабатывает мало: с $6^1/_2$ до 6 ч. — 40 фр〈анков〉, из к〈отор〉ых 7 на обед и 5 на дорогу, итого 28 фр〈анков〉. А мог бы, по данным, 100. Выступления раза два, три в неделю, но фильм («Жанна д'Арк») кончается, и что будет дальше — неизвестно. Хорошо бы: другой фильм.

О себе. Написала во Франции поэмы: «С моря», «Попытка комнаты», «Лестница», «Письмо к Рильке»[4] (будет в № III «Верст»), «Поэма воздуха» и ныне кончила II ч〈асть〉 «Тезея» — «Федру». (Задумана трилогией: «Ариадна» — «Федра» — «Елена».)

Не помолодела — не постарела, живу хоть лучше, чем во Вшенорах, но и хуже: нет той природы и свободы. И друзей нет. Вся жизнь в детях, в домашнем и в тетради.

---

* Избирательное родство *(нем.)*.
** Король! Единственный принц этого столетия, — Сир! *(фр.)*
*** Шесть лет *(фр.)*.

Надеюсь весной приехать в Прагу, все зависит от 1000 крон, к⟨отор⟩ые — соберу или не соберу? — пражским выступлением (нужны на дорогу туда и обратно, жить буду у Анны Антоновны). Очень соскучилась по Праге.

Да! На самых днях будет оказия в Париж: в Прагу едет наш добрый знакомый П. П. Сувчинский (вождь евразийства) на несколько дней. Если не трудно, милый Валентин Федорович, передайте Анне Антоновне для него наши «драгоценности»[5]. Он у нее будет. Очень хотела бы, чтобы Вы с ним повидались, но не знаю, где остановится.

Очень рада буду, если отзоветесь. Сердечный привет Вам и Вашим. Пишите обо всем.

МЦ.

19

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
29-го дек⟨абря⟩ 1927 г.

С Новым Годом, дорогой Валентин Федорович! Желаю Вам в нем — но у Вас всё есть — а *Россия* — в ⟨19⟩28 г. — несбыточна.

Где Вы и что Вы? Я Вам недавно писала через Анну Антоновну. Если отзоветесь, напишу большое письмо.

Нынче выходит № III «Верст» и, скоро, моя книга стихов «После России» (1922 г. — 1925 г.) — получите обе[1].

Всего лучшего Вам и Вашей семье от нас всех.

МЦ.

Булгаков Валентин Федорович (1886—1966) — писатель, мемуарист, секретарь Л. Н. Толстого. С 1923 по 1948 г. жил в Праге. В течение ряда лет (1924—1926) был председателем Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Вернулся в СССР в 1949 г.

Цветаева познакомилась с Булгаковым в ноябре 1924 г., когда создавалась редакционная коллегия нового литературного периодического издания «Ковчег». В нее, кроме Булгакова и Цветаевой, вошел также С. В. Завадский. «Работа шла в поразительном единодушии трех редакторов. Ум и вкус Марины Ивановны до сих пор вспоминаются мною с удивлением и преклонением», — писал позднее Булгаков. (Литературная Россия. М. 1987. 18 декабря.) Сборники намечалось выпускать в пражском издательстве «Пламя».

Совместная работа Цветаевой и Булгакова над составлением первых сборников и редактированием рукописей и явилась поводом возникновения переписки. Она продолжалась некоторое время и после отъезда Цветаевой во Францию.

«Я очень любил получать письма Марины: лапидарный, совершенно своеобразный слог, вкус, прихотливая, вольная и, может быть, даже несколько по-женски кокетливо-капризная мысль, никогда вместе с тем не компрометирующая большого, глубокого ума, иногда злые (только не зло злые, а откровенно злые) отзывы о писателях и произведениях — все это давало чудесную и живую пищу уму», — писал Булгаков в своих воспоминаниях (Встречи с прошлым. Вып. 2. М.: Сов. Россия, 1976. С. 213—214). Последний раз они виделись в 1937 г. в Париже, куда Булгаков приезжал по делам Пражского русского культурно-исторического музея.

Письма 7 (с купюрами), 9, 12 и 18 впервые—Булгаков В. Ф. Встречи с прошлым. Вып. 2. М.: Сов. Россия, 1976 (публикация М. А. Рашковской); письма 1—5, 7 (полностью), 8, 10, 11, 13—*Вестник РХД*, 1991, № 161 (публикация Д. Лерина); письма 6 (по фотографии с оригинала), 14, 15, 17, 19—Цветаева М. Письма Валентину Булгакову. 1925—1927. Прага, Музей Чешской литературы, 1992 (с комментариями В. Ф. Булгакова и Г. Ванечковой). Письма печатаются по текстам первых публикаций (с использованием комментариев), письмо 16—по копии из архива составителя.

1

[1] В январских письмах 1925 г. речь идет о подготовке к изданию первых сборников «Ковчега». О содержании и авторах первого выпуска см. письмо 11 к О. Е. Колбасиной-Черновой и комментарий 4 к нему (т. 6).

[2] С. В. Завадский (1871—1935)—известный до революции судебный деятель. Профессор русского юридического факультета в Праге, преподавал русский язык и литературу.

[3] Речь идет о гонорарах в издательстве «Пламя», которое возглавлял Е. А. Ляцкий.

[4] Правильно—Каллиников. См. комментарий 8 к письму 5 к О. Е. Колбасиной-Черновой (т. 6).

[5] В. И. Немирович-Данченко.

2

[1] «Т. е. верю В. И. Немировичу-Данченко, праздновавшему тогда свое 80-летие 〈и 60-летие литературной работы〉, что его рукопись для сборника «Ковчег» действительно не превышает 2½ печатных листов». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

[2] «Писатель Крачковский предложил для напечатания в сборник «Ковчег» посвященную ему «Поэму любви» К. Д. Бальмонта 〈«Первая любовь»〉. Между тем Бальмонт, проживая в Париже, не состоял членом Союза русских писателей в Чехословакии». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

[3] «Крачковский, уже написавший Бальмонту, что поэма будет принята, жаловался, что редакция «Ковчега» поставит его в невозможное положение перед Бальмонтом в случае отказа напечатать поэму». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

[4] «Каллиников настаивал на помещении в «Ковчеге» другой его вещи, большей по размеру». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)* Повесть Каллиникова «Земля» опубликована в журнале «Воля России» (1922, № 5). Одной из сказок, о которых упоминает Цветаева, возможно, являлась «Как царь вором был». Позже напечатана в журнале «Своими путями» (1925, № 3/4).

[5] Стихотворение А. А. Туринцева «Музыка» было посвящено М. Цветаевой. Текст его, принятый во второй выпуск сборника, обнаружить не удалось.

[6] «Так как издательство потребовало сокращения объема сборника, то от «Песен восточных славян», записанных В. Нечитайловым, пришлось отказаться». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

[7] Для первого выпуска «Ковчега» редакции удалось заполучить от Д. Крачковского очерк «Vita crusiata*. Сибирь».

[8] «Я находил, что Крачковский наружностью несколько напоминает Гоголя». «Не помню, по какому поводу я выразился однажды о Крачковском: «Мой Гоголь падает». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

3

[1] «Сборник был уступлен книгоиздательству с правом перевода на все языки». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

---

* Жизнь на кресте *(лат.)*.

[2] Неточное выражение из комедии Мольера «Жорж Данден» (1668), герой которой – богатый крестьянин, женившийся на дочери дворянина, испытывает в неравном браке уколы самолюбия и обращается к самому себе со словами: «Вы этого хотели, вы этого хотели, Жорж Данден». *Dandin* – простофиля, увалень *(фр.)*.

[3] Речь идет о включенном во второй выпуск «Ковчега» отрывка из повести И. Каллиникова «Безумная».

[4] Цветаева обыгрывает название повести И. Каллиникова «Баба-змея». Была напечатана в журнале «Беседа» (Берлин. 1925. № 6/7).

[5] «О том, что рассказ Е. И. Чирикова пойдет не в первом, а во втором выпуске сборника, ввиду необходимости пропустить в первом выпуске большой рассказ тогдашнего юбиляра В. И. Немировича-Данченко». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

[6] В «Ответе на анкету» в 1926 г. Цветаева писала: «Был бы щит, начертала бы „Ne daigne"»*. См. т. 4.

[7] «Л. Н. Толстой, после периода аскетизма и увлечения православием, однажды будто бы потребовал себе вкусных котлеток, чем и окончилось навсегда означенное увлечение». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

[8] *С. А. Толстая,* жена писателя.

[9] Статьи С. В. Завадского «О русском языке», А. А. Кизеветтера «Заметки о Пушкине» и С. Булгакова «Что такое слово».

[10] «Поэма Конца» М. Цветаевой и «Замолчанное о Толстом» В. Ф. Булгакова были включены в один сборник.

4

[1] *Бржезина* Оттокар (настоящее имя Ебавый Вацлав; 1868 – 1929) – чешский поэт-символист. Его стихи в «Ковчеге» были опубликованы в переводе С. Я. Савинова.

[2] Имеется в виду стихотворение А. Ахматовой «Уединение» («Так много камней брошено в меня...»), написанное в усадьбе Слепнево Бежецкого уезда Тверской губернии (1914).

[3] Цитата из стихотворения французского поэта Пьера Жана Беранже (1780 – 1857) «Урок» (1858) в переводе В. С. Курочкина (1831 – 1875).

5

[1] В. Ф. Булгаков сообщил Цветаевой об отклике Г. Адамовича на ее «Мо́лодца». См. об этом письмо 29 к О. Е. Колбасиной-Черновой и комментарий 8 к нему (т. 6).

[2] Сборник «Тринадцать поэтов» вышел в 1917 г. В него, кстати, вошли и стихи М. Цветаевой («Над церко́вкой – голубые облака...», «Чуть светает...»).

[3] Очерк «Герой труда». См. т. 4.

[4] Вероятнее всего, речь идет о следующих статьях: Ходасевич В. «Брюсов». – Современные записки (1921. № 23. С. 212 – 236), Гиппиус З. «Одержимый (О Брюсове)». – В ее кн.: «Живые лица» (Прага: Пламя, 1925); Святополк-Мирский Д. П. «Валерий Яковлевич Брюсов». – Современные записки (1924. № 22. С. 412 – 426).

[5] «Нужно было получить рукопись для исправления обратно из издательства, куда она была уже сдана для напечатания. Это было устроено». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

---

* Не снисхожу *(фр.)*.

6

[1] В. Ф. Булгаков присутствовал на этом вечере. Цветаева еще раз выступила в Праге в 1925 г. с чтением своих воспоминаний о Брюсове: 22 октября на вечере современной русской поэзии, устроенном Союзом русских писателей и журналистов, Чешско-русской Еднотой и «Скитом поэтов».

7

[1] Несколько дней спустя, в феврале 1926 г., В. Ф. Булгаков обратился к Советскому правительству с просьбой разрешить ему вернуться в Россию. Он намеревался принять участие в подготовке празднования 100-летнего юбилея со дня рождения Л. Н. Толстого, в редактировании полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, в реорганизации толстовского музея и пр. При этом В. Ф. Булгаков обещал отказаться от любых политических или антиправительственных выступлений. В мае В. Ф. Булгаков получил из Москвы отказ ВЦИК («За Свободу». Варшава. 1926. 9 мая. Лит. приложение).

[2] *Шираз*—город в Иране (был столицей государства в XVIII в.).

[3] «М. И. Цветаева получала ежемесячное пособие от чехословацкого правительства. Литераторы, получавшие такое пособие, должны были проживать в Чехословакии. Выезд разрешался лишь на срок 2—3, много 4 месяцев. М. И. желала, чтобы этот срок был продлен для нее. Это было сделано». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

В письме, также датированном 2 января, С. Эфрон пишет Булгакову, прося его похлопотать об этом «иждивении» и сохранить его до осени:

«У Марины есть возможность в Париже устраивать свои литературные дела гораздо шире, чем в Праге. Кроме того, здесь есть среда, вернее несколько человек, Марине по литературе близких. Если чехи пообещают, можно будет Марину отправить на месяц—два к морю. Она переутомлена до последнего предела. Живем здесь вчетвером в одной комнате... Марина, Вы знаете, человек напряженнейшего труда. Обстановка, ее окружавшая, была очень тяжелой. Она надорвалась. Ей *необходимо* дать и душевный и физический роздых... Вы знаете жизнь Марины, четырехлетнее пребывание ее в Мокропсах и Вшенорах, совмещение кухни, детской и рабочего кабинета... Марина, может быть, единственный из поэтов, сумевшая семь лет (три в России, четыре в Чехии) прожить в кухне и не потерявшая ни своего дара, ни работоспособности. Сейчас отдых не только ее право, а необходимость». *(Соч. 88*. Т. 2. С. 619.)

[4] В упомянутом выше письме С. Я. Эфрон писал: «Русский Париж, за маленьким исключением, мне очень не по душе. Был на встрече Нового Года, устроенной политическим Красным Крестом. Собралось больше тысячи «недорезанных буржуев», пресыщенных и вяло-веселых (всё больше—евреи), они не ели, а жрали икру и купались в шампанском. На эту же встречу попала группа русских рабочих в засаленных пиджаках, с мозолистыми руками и со смущенными лицами. Они сконфуженно жались к стене, не зная, что делать меж смокингами и фраками. Я был не в смокинге и не во фраке, а в своем обычном синем костюме, но сгорел со стыда. Потом рабочие перепились, начали ругаться и чуть было не устроили погрома. Их с трудом вывели». (Там же. С. 619.)

[5] Булгакова Анна Владимировна (до замужества Цубербилер; 1896—1964), учительница; дочь Татьяна (р. 1921; в настоящее время по мужу—Романюк).

[6] Статью «Поэт о критике» (см. т. 5).

8

[1] Письмо является припиской к письму С. Я. Эфрона к В. Ф. Булгакову.

[2] Речь идет о *Миролюбове* Викторе Сергеевиче (1860—1939)—журналисте, издателе и редакторе. В России издавал «Журнал для всех». М. Цветаева и С. Эфрон отвечают на письмо Булгакова, в котором последний описал свой конфликт с издательством «Пламя»:

«Я подробно, и отчасти в комической форме, описал свой конфликт с кн-вом Пламя. Это русско-чешское кн-во решило, в виду трудности сбыта, прекратить издание русских книг и при этом вернуть авторам даже те рукописи, которые были уже приняты. Я был одним из таких авторов: изд-вом, в лице прежнего его редактора проф. Е. А. Ляцкого, была принята и давно уже оплачена моя рукопись «Глагол неба» (антология русской религиозной поэзии). Не требуя от меня, как и с других авторов, возвращения гонорара, изд-во, в лице его нового временного редактора В. С. Миролюбова, мотивировало отказ от рукописи не своими расстроенными делами (как это было на самом деле), а *недостатками самой рукописи*. При личных объяснениях со мной г. Миролюбов вел себя, с моей точки зрения, в высшей степени двусмысленно и предосудительно. Возмущенный его поведением, я категорически потребовал от кн-ва Пламя или формального извинения передо мною за действия своего сотрудника Миролюбова (ввиду его отказа принести *личное* извинение), либо обратного приема моей рукописи. Глава издательства консул Иосиф Гайный исполнил второе из моих требований.

Впрочем, через несколько месяцев, после того, как г. Миролюбов покинул свою службу в кн-ве Пламя и уехал из Праги, я добровольно взял свою рукопись обратно из издательства».

По этому поводу С. Эфрон пишет Булгакову:

«Дорогой Валентин Федорович,

с восторженным удовлетворением прочел Ваше письмо. Вы прекрасно выполнили то, что Вам надлежало выполнить. Миролюбов посрамлен, Гайный, очевидно, стал на Вашу сторону (что очень важно и приятно), а Вы получили удовлетворение в самой выгодной форме. В Париже узнал многое о М., долженствующее укрепить Вас на Вашей позиции. Оказывается, он был бичом всех редакций, в к-ых принимал участие. Последними его выживали эсеры из своей газеты и с большим трудом и скандалом выжили. Единственная его заслуга (и очень весомая) в том, что в «Журнале для всех» впервые начали печататься Ремизов, А. Блок, Бальмонт и др. Этим он страшно возгордился и отсюда его сумасшедшее высокомерие. Его поведение во время разговора с Вами недопустимо позорное...» (Письма Валентину Булгакову. С. 32).

[3] В 1905 г. М. Цветаевой было 13 лет.

9

[1] Цветаева благодарит Булгакова за его хлопоты по продлению ей чешской стипендии. См. предыдущее письмо.

[2] О первом парижском вечере Цветаевой 6 февраля 1926 г. см. письма 2 к П. П. Сувчинскому (т. 6) и 1 к Л. И. Шестову и комментарии к ним

[3] Речь идет о статье А. Яблоновского «Есенин», написанной в связи со смертью поэта (Возрождение. 1925. 31 декабря), и «Литературных беседах» Г. Адамовича (Звено. 1926. 10 января). «Пьяный, дикий, разнузданный и морально растерзанный, но талантливый, несомненно талантливый»,—писал о Есенине А. Яблоновский. См. также «Поэт о критике» и «Цветник» в т. 5.

[4] См. комментарий 2 к письму 26 к А. А. Тесковой (т. 6).

10

[1] О поездке Цветаевой в Лондон см. письма к П. П. Сувчинскому и комментарии к ним (т. 6).

[2] Дочери Е. Н. Чирикова.

11

[1] Доклад-диспут «Культура смерти в русской предреволюционной литературе» был устроен редакцией журнала «Версты» в помещении Союза молодых

поэтов и писателей (79, рю Данфер-Рошро) 5 апреля 1926 г. См. также статью Д. П. Святополк-Мирского «Веяние смерти в предреволюционной литературе». (Версты. 1927. № 2. С. 247—253) и письмо 6 к П. П. Сувчинскому и комментарий 5 к нему (т. 6).

[2] Приглашения принять участие в диспуте были посланы: М. А. Алданову, Г. В. Адамовичу, К. Д. Бальмонту, И. А. Бунину, З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцеву, К. В. Мочульскому, Д. С. Мережковскому, Ф. А. Степуну, П. П. Сувчинскому, А. А. Туринцеву, В. Ф. Ходасевичу, М. И. Цветаевой, С. Я. Эфрону и В. Р. Ховину.

[3] Врач Г. И. Альтшуллер наблюдал сына Цветаевой после его рождения.

12

[1] «Вероятно, имеются в виду бедняки-чехи в пригородах Праги, где жила М. И. Цветаева. 〈...〉 местное население подчас ворчало на переполняющих их родные места «русов». Иначе говоря, идет речь об общем «горьком хлебе изгнания», а не о каком-нибудь личном недовольстве населения русской писательницей». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

[2] *Вандея* — департамент на западе Франции, являвшийся центром мятежей во время Великой французской революции. В переносном смысле — контрреволюция. По Цветаевой, «надо всегда, повсюду, и в прошлом, и настоящем, и будущем, быть на стороне побежденных: в Вандее — за королевскую рать, надо быть не на стороне санкюлотов, которые не оставили в живых ни одного из офицеров Луи XVI» (Сосинский В. Она не была ни на кого похожа. — *Воспоминания о Цветаевой.* С. 369).

[3] «Верстами». См. письма к П. П. Сувчинскому и комментарии к ним в т. 6.

[4] Речь идет об откликах на статью Цветаевой «Поэт о критике», опубликованную в журнале «Благонамеренный» (Брюссель. 1926. № 2): А. Яблоновский. В халате (фельетон) — (Возрождение. 1926. 5 мая); М. Осоргин. Дядя и тетя (фельетон) — (Последние новости. 1926. 29 апреля). С нападками на Цветаеву за ее толкование личности поэта и отношение к критике и критикам выступили также Антон Крайний (З. Гиппиус). Мертвый дух — «Голос минувшего. На чужой стороне» (Париж. 1926. № 4); Ю. Айхенвальд. Литературные заметки (Руль. 1926. 5 мая); П. Струве. О пустоутробии и озорстве. (Возрождение. 1926. 6 мая); Г. Адамович, «герой» статьи Цветаевой, в печати на эту статью не откликнулся.

14

[1] А. Л. Бем предполагал отправить свою семью на лето во Францию.

[2] С. Я. Эфрон. В письме, датированном тем же числом, он писал В. Ф. Булгакову: «Впервые за восемь лет по старорежимному отдыхаю. До сих пор удивляюсь, как удалось мне вырваться из Парижа. Мои «Версты» уподобились клейкой бумаге, а я — мухе: одну ногу вытяну — другие увязнут». (РГАЛИ, ф. 2226, оп. 1, ед. хр. 1253, л. 10.)

[3] Письмо написано на открытке с изображением St. Gilles.

15

[1] К письму Цветаевой было приложено письмо С. Я. Эфрона с той же просьбой о сохранении корзины с вещами. Про свое военное снаряжение Эфрон писал, что оно ему «очень дорого, как память»; про дневники и письма — «не хотелось бы, чтобы неверные руки там копались. Поэтому обращаемся именно к *Вам* и Тесковой», а в конце письма добавил: «Простите, милый, за постоянную гнусную эксплуатацию Вас. Вот видите — непротивление злу до добра Вас не довело». (Там же, л. 11.)

16

[1] Письмо датировано В. Ф. Булгаковым и является припиской Цветаевой к краткому письму С. Я. Эфрона. К письму было приложено прошение о продлении стипендии, а также два чистых бланка за подписью Цветаевой.

17

[1] «Чехословацкое Министерство иностранных дел согласилось продлить М. И. Цветаевой писательскую «займообразную ссуду» лишь до 15 сентября (она ходатайствовала о продлении ее до 15 октября), причем, начиная с 15-го июля, размер ссуды уменьшался вдвое, с 1000 на 500 чеш⟨ских⟩ крон». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

[2] См. комментарий 2 к письму 1 к Е. А. Ляцкому (т. 6). В. Ф. Булгаков считал М. Л. Заблоцкого «человеком, мало популярным в русской литературной среде».

[3] С. В. Завадскому, как Председателю комитета по улучшению быта русских писателей.

[4] «Кто-то из «доброжелателей» М. И. Цветаевой, или просто из легкомысленных русских людей, ложно информировал круги, от которых зависело ее дело, будто, помимо помощи из Праги, она стала с некоторых пор получать еще «стипендию» из английских источников». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

[5] О «Благонамеренном» и его издателях см. письма к Д. А. Шаховскому и комментарии к ним.

[6] *Завазал* Зено (Зенон) Иосифович (ок. 1881—1934), *Гирса* Вацлав (1875—?) — ответственные представители Чехословацкого Министерства иностранных дел, заведовавшие делами русской колонии и в том числе помощью писателям. (Сведения Е. И. Лубянниковой.)

[7] «Упрек Марины Ивановны оказался неверным, ибо именно благодаря представительству «эсеров» (особо влиятельной группы в Праге), ей продлена была впоследствии выдача пособия без обязательства возвращаться в Прагу». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

[8] В. Ф. Булгаков находился в то время в Баварии и в своем письме к М. Цветаевой коснулся истории баварского короля Людовика IV. См. письмо 2 к В. В. Розанову и комментарий 3 к нему (т. 6), а также письмо 38 к А. Берг.

[9] Источник цитаты установить не удалось.

[10] Неточно цитируемая первая строка из сонета Поля Верлена «A Louis il de Baviere» (1886), посвященного Людовику Баварскому. Правильно: «Roi, le seul vrai roide siécle, salut, Sire...»

18

[1] А. А. Тескова.

[2] См. комментарии к письму к П. П. Сувчинскому и Л. П. Карсавину.

[3] В 1927—1928 гг. С. Эфрон подрабатывал в кинематографе статистом. Известно, что в этом качестве он принимал участие в фильме «Страсти Жанны д'Арк» (режиссер Карл Теодор Дрейер). В письме к Елизавете Эфрон Сергей Яковлевич писал в эти дни: «Только в последние дни наша жизнь стала приходить в порядок. Летом трудно было материально. Осенью дела пошли лучше. Раз десять крутился в большой фильме о Жанне д'Арк... Из моих заработков — самый унизительный, но лучше других оплачиваемый, съемки». (Архив А. А. Саакянц.)

[4] «Новогоднее» (см. т. 3).

[5] «М. И. Цветаевой и ее мужем, при отъезде в Париж, оставлены были у меня на хранение различные «сувениры», дорогие для них, но не представляющие никакой или почти никакой материальной ценности». *(Примеч. В. Ф. Булгакова.)*

19

[1] По свидетельству В. Ф. Булгакова, обещанных книг он не получил.

Ф. КУБКЕ

1

Вшеноры, 14-го марта 1925 г.

Многоуважаемый доктор,

У меня из своих вещей далеко не все. Посылаю Вам, что имею: «Метель», «Фортуну» (пьеса), «Психею», «Царь-Девицу», «Ремесло», отдельные стихи, напечатанные в газетах, и два прозаических отрывка из неизданных московских записей: «Вольный проезд» и «Чердачное»[1]. 〈...〉

〈...〉 Все, что я Вам посылаю — единственные экземпляры. «Метели» у меня нет даже в черновике, приехав из России восстановила по памяти[2].

«Мóлодца», который выйдет на днях, Вам с удовольствием подарю.

Шлю привет Вам, Вашей милой жене, сыну. Как назвали? Мой — Георгий!..

2

Вшеноры, 26-го августа 1925 г.

〈...〉 Самое позднее — послезавтра, в пятницу, отправлю Вам I ч〈асть〉[1] «Героя труда» (записи о Валерии Брюсове), неделю спустя — II ч〈асть〉. Так что, не позже как дней через десять, у Вас будет вся вещь (около двух листов), из которых и выберете, по своему усмотрению, для «Prager Presse»[2]. Я лично посоветовала бы взять «Вечер поэтесс», дающий не только Брюсова, но картину времени (1921 г.). Прочтете — увидите.

Очень, очень благодарна Вам за Вашу заботу, при Вашей занятости это — героизм...

〈...〉 Знакомы ли Вы с книгой прозы Бориса Пастернака?[3] (Борис Пастернак — рассказы, есть на советской книжной выставке.) Самое замечательное достижение современной русской прозы. Буду писать о ней. Лелею мечту устроить ее на чешский, хотя бы частично (в книге 〈*неразб*〉 рассказа). Язык, при всей своеобразности, вполне переводим. Один из рассказов «Воздушные пути», перепечатанный в журнале «Своими Путями»[4], будет Вам передан Сергеем Яковлевичем. Прочтите — перечтите — а, главное, вчитайтесь. И скажите, есть ли надежда с переводом? 〈...〉

Кубка Франтишек (1894 — 1969) — чешский писатель, критик, переводчик. Автор книги «Поэты революционной России» (Прага, 1924), в которой даны творческие портреты Блока, Есенина, Маяковского, Пастернака, Цветаевой. Здесь же были опубликованы и переводы Кубки из русских поэтов, в том числе отрывки из ранних стихотворений Цветаевой. О своих встречах с Цветаевой написал воспоминания «Грустный романс о Марине Цветаевой» (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 353 — 361).

Впервые (с купюрами) — «Československá rusistika». Прага. 1962. № 1. С. 50 — 51. (Публикация В. В. Морковина.) Печатаются по тексту публикации. Отрывок из письма от 29 августа 1925 г. приводится в комментариях.

1

[1] Речь идет о возможных переводах Ф. Кубкой произведений Цветаевой на чешский язык. См. письмо 5 к А. А. Тесковой и комментарий 8 к нему (т. 6).

О своем отношении к переводам из Цветаевой Ф. Кубка писал: «Это был мучительный труд. Строка за строкой — одни существительные, без глаголов. Как у импрессионистов. И все же это был не импрессионизм, и не поэтизм, и не сюрреализм. Рифмы ассонансные. Слова разделены паузами по напевности и ударению. Видение мира иллюзорно, но в то же время ритм, мелодия стиха в высшей степени реальны». (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 357.)

[2] См. письмо 5 к А. А. Тесковой (т. 6).

2

[1] Спустя три дня, Цветаева сообщала Ф. Кубке: «Отправляю Вам «первый транспорт» Брюсова, глава «Вечер поэтесс», как сами увидите, не закончена. Остальное — через неделю. А с фотографией — не знаю как быть: не оказалось ни одной*. 〈...〉 Если не лень, напишите мне впечатление о Брюсове, не знаю, не слишком ли *местно* для чешско-немецкого читателя».

[2] Чехословацкая газета, выходившая на немецком языке в Праге.

[3] «Рассказы» (М.; Л.: Круг, 1925). См. также ответ Цветаевой на анкету газеты «Возрождение» от 1 января 1926 г. в т. 4.

[4] Рассказ «Воздушные пути» был напечатан в журнале «Своими путями» (№ 6/7, 1925 г.).

Д. А. ШАХОВСКОМУ

1

Všenory, 6-го октября 1925 г.

Милостивый Государь,
Г〈осподи〉н Шаховской,
(К сожалению, не знаю Вашего отчества.)

Настойчивость Вашего желания меня трогает, но, увы, у меня ничего нет, в данный час, для Вашего журнала, кроме стихов. Прозу пишу редко, скорей в порядке события, а не состояния, — так, только что сдала в «Волю России» большую статью о Брюсове — «Герой труда», вещь, над которой работала месяц и которая бы Вам не подошла по размерам (больше трех листов). В настоящее время кончаю поэму «Крысолов» и, живя сверхъестественно трудной бытовой жизнью, уже ничем не отвлекаюсь.

Если стихи Вам нужны, уведомьте экспрессом, экспрессом же вышлю. Есть поэма в 70 строк о Марине Мнишек (былинная)[1], есть «Поэма горы», но обе вещи отнюдь не «благонамеренные», даже — обратно. (*Вне* политики.) — Предупреждаю. — Впрочем, если Вы знаете мои

---

* Ф. Кубка просил у Цветаевой ее фотографию для публикации вместе с переводами.

стихи, и предупреждать нечего. И не лучшим ли образцом благородной иронии будет явление *моих* стихов на страницах журнала с *таким* названием?

То есть: не подумает ли читатель, что над ним смеются? То же, впрочем, испытывает и читатель революционной «Воли России», читая моего «Крысолова».

Итак, стихи есть. Выслать могу. Для следующего же № «Благонамеренного» смогу дать Вам один или два психологически-критических очерка о двух совершенно необычайных книгах, которые не называю, чтобы не сглазить.

К 1-му ноября думаю быть в Париже, где мне устраивают выступление[2].

Всего лучшего. Привет.

Марина Цветаева

P. S. Извините за промедление, — только сегодня удалось отыскать Ваше первое письмо с адресом. В последнем Вашем и в письме г‹осподи›на Цебрикова[3] он отсутствовал.

2

Вшеноры, близ Праги, 10-го октября 1925 г.

Многоуважаемый Димитрий Алексеевич,

Вы не в обиде, что я к Вам не пишу — князь? Князь я говорю только тогда, когда могу дать этот титул — вторично. Это со мною было — за жизнь — раз — с Кн‹язем› С. М. Волконским, которого — до того человеческий нимб затмевал княжеский — попросту звала Сергеем Михайловичем.

Хотите в каком-нибудь № Вашего журнала напишу о княжестве? О титуле вообще. Есть хорошие мысли.

А имя у Вас восхитительное — мое любимое и пáрное — и было бы именем моего сына, если бы в честь Добровольческой Армии не обещала (еще в 1918 г.) назвать его Георгием.

«Благонамеренный» — шутка, проба читателя[1]. Как мое «Ремесло», в котором ничего от ремесла. И только один (совсем молодой) критик задумался, остальные приняли. «Благонамеренный» похож на название миноноски: «Отчаянный», «Неустрашимый». По-моему — мистификация, потому что не сознательно так назвать нельзя. — «Pour épater le bourgeois»*.

Скажите Цебрикову, чтобы не подписывался «заместитель Князя Шаховского» — замещать можно редактора, не князя. «Князь» незаместимо, потому что не занятие. («Что делаешь?» «Княжу»). Это кончилось с Ростислава и Мстиславами.) И поскольку великолепно — наместник, постольку жалко — заместитель. Тень такой подписи падает на Вас.

---

* «Чтобы эпатировать буржуа» *(фр.)*.

Если когда-нибудь встретимся, расскажу Вам, что́ *я* бы делала со своим княжеством, если бы оно у меня было. (Было у моей польской бабушки.)[2] Что я́ бы с ним делала, не оно — со мной!

Титул — глубокая вещь, удивляюсь поверхностному, чисто-слов ному — вне смыслового — отношению к нему его носителей. Говорю не о Вас, потому что Вас не знаю.

Княжество прежде всего — нимб. Под нимбом нужен — лик.

Посылаю Марину — стихи написаны давно, но читателю это безразлично[3].

Если можете, перешлите мне гонорар еще по чешскому адр⟨ у⟩. До 30-го я в Чехии. Потом мой адр⟨ес⟩:

PARIS, XIX
8, rue Rouvet
chez Mme Tchernowa

До свидания.

Марина Цветаева

Очень прошу, по возможности, корректуру. (Из Брюсселя в Париж — пустяк.) Если же *очень* срочно, — попрошу править самолично. Как поэт, Вы знаете нестерпимость опечаток.

Прошу ударений на:

У ро́днаго у царевича
и
Солнце среди звѣздъ.
(рифма).
⟩ означают пробелы между строчками.

3

Париж, 15-го ноября 1925 г., воскресение

Многоуважаемый Димитрий Алексеевич,

Не бойтесь: статьи никакой нет и не будет, — ограничусь краткой записью в тетрадь[1]. Мне, лично, такие, налету брошенные, мысли больше дают, чем статьи: статья в потенции.

Относительно нимба и лика — остро́ и умно́, относительно барона и князя — остроумно. Нимба нет не только у барона (где уж тут! «Zigeunerbaron!»)* — но и у герцога нет. А знаете почему? Князь — очень древний, древнейший, дочеловеческий титул — первый из всех — Князь Тьмы[2]. Отсюда, может быть, его осиянность, убедительность и прекрасность.

Вот и вся моя статья.

О «Щипцах»[3]. — Неужели Вы поверили?! — Я — редактором журнала с таким неблагозвучным названием? (Зубоврачебные, волосяные, пр.)

* «Цыганский барон» *(нем.)*.

По-французски les tenailles — еще дает: écartelé, tenaillé* и т. д. Инквизиция, чуть ли не Иоанна д'Арк, — но по-русски — либо зубоврачебный кабинет, либо дамская парикмахерская.

От своей резкой отповеди Ремизову, по просьбе «Посл⟨едних⟩ Новостей», пришлось отказаться. Опровержение же они поместили.

Ненавижу такие шутки, шуток (с собой) вообще не понимаю, в детстве кидалась предметами, ныне, увы, ограничиваюсь словесным рипостом, но всегда вредоносным и всегда мгновенным.

Шутить со мной — отсутствие чутья и дурной вкус. Жаль, что их проявил именно Ремизов, *весь* на чутье.

В Париже — его же «информация» — навряд ли останусь, мне, чтобы перейти Place de la Bastille**, нужно напрячь всю свою волю, ввиду нелегкости моей жизни — излишняя «проба сил». Но месяца два еще выживу, — вечер в конце декабря, потом приедет муж (основатель журнала «Своими Путями»[4] — прекрасный журнал — абсолютно-благородный) — посмотрю вместе с ним Париж — настоящих, т. е. незаменимых, спутников пока нет — а дальше? Не знаю. Если бы ему удалось достать здесь какую-нибудь работу (*не* шоферскую), остались бы, — после докторской работы (о византийском искусстве), к⟨отор⟩ую он на днях подает, делать ему в Праге нечего. Русским, особенно филологам, в Чехии по окончании нет ходу. Если бы прослышали про какое-нибудь место (так называемый «интеллигентный труд»), была бы Вам очень благодарна за оповещение. С журнальным и газетным делом он знаком отлично.

Пишу без всякой надежды, на всякий случай, ибо отродясь знаю, что все места (в жизни *сей*) уже заняты. Свободно только Царство Небесное, и там я несомненно буду первой.

Мысль о творчестве и детях — прекрасна. Напишите! Только — остро́ заостряя, уточняя до крайности. И пошлите в «Своими Путями», — или мне, — я перешлю. Я в Париже их представитель.

И не только заострите — углубите. О сущности женской и мужской. Об исконной разнице. О сознательной любви (отцовстве) и инстинкте (материнстве). Об источнике творчества (подсознательном).

Напишите. Может хорошо выйти.

До свидания. Вещь, по своему усмотрению, назовите «Димитрий» или «Марина». При такой связанности судеб это — одно.

МЦ.

P. S. Не знаете ли Вы кого-нибудь из сильных мира сего, в Париже, кто бы мне для вечера предоставил бесплатный зал? Есть таковой у Юсупова[5] и есть таковой у Малявина[6] (студия). Цейтлины[7] (т. е. Мария Самойловна) уже отказали. — «К нам она — и нам ее поэзия — не подходит». Снять зал — 600 фр⟨анков⟩. Для меня вечер — вопрос не славы, а хлеба.

---

* Здесь: разодранный, пытаемый калеными щипцами *(фр.)*.

** Площадь Бастилии *(фр.)*.

Самое трудное – просить за себя. За другого бы я сумела.

Титула я не преувеличиваю, я только не хочу, чтобы его приуменьшали его носители.

4

Париж, 2-го декабря 1925 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Не вините в неблагодарности – только что отправила в «В⟨олю⟩ Р⟨оссии⟩» последние главы поэмы[1].

Теперь я – временно и очень относительно – свободна. Если хотите и не поздно, могу дать в «Благонамеренный» что-нибудь из прозы – небольшое. – Каковы сроки?

Письмо к Малявину получила. Меня трогает Ваше заочное участие. Это редко.

С вечером пока ничего не выяснено, виною отчасти я сама, – мое отголкновение от всех житейских низостей, от унизительности всего житейского. Пережить стихи – да, написать стихи – да, прочесть стихи – да, навязывать билеты на стихи – нет. И не только лично, – и заочно противно.

Пока до свидания. Рада буду, если напишете. Письмо Малявина очень послужит. – Спасибо. –

МЦветаева

5

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Посылаю Вам свое «О благодарности» и статью молодой начинающей поэтессы – Ариадны Черновой – о моем «Мóлодце»[1]. Не удивляйтесь: статьи о себе могут предлагать только писатели бесстыдные – или совсем уже отрешенные (я). Дело не в «Мóлодце», а в пишущей.

Я и реклама еще дальше, чем я и политическая экономия, совсем далеко, не на одной земле. Просто – хорошо написано.

Просьба: тотчас же известите о судьбе и той и другой вещи. Подготовляются рождественские №№, и всюду просят прозы.

Пока до свидания, скоро увидите Алексея Михайловича[2], радуется поездке, как ребенок.

МЦ.

За «Благодарность» хотела бы 100 фр⟨анков⟩ – не много ведь? Я знаю, что у вас (собирательно) мало денег.

За другое – чтó положите.

Париж, 7-го декабря 1925 г.

– Рецензий, увы, нету, да я и не умею их писать, никогда не писала. – Малявин в студии отказал.

6

Париж, Сочельник ⟨24-го декабря⟩ 1925 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

«Венеция» в «Современные Записки» передана и, думается, принята[1]. Руднев был один и окончательно сказать не мог[2]. В «Совр⟨еменных⟩ Записках» никто не понимает стихов, кроме Степуна, а Степуна нет. Был еще Гуковский, но Гуковский умер. Я с ними en froid*: читают мне опасливые нотации о форме (чтó они под ней подразумевают?) и, явно робея, просят рукописей – которых я не даю.

Да! Голубчик! Ужасный случай с Ремизовым. Всё готово, чемоданы уложены, завтра ехать, в 11 ч. уходят все гости, а в 12 ч. сильно и сразу заболевает Серафима Павловна[3]. Припадок печени. 40 температуры. Была на краю смерти. Врач испугался и созвал консилиум. Вчера (23-го) у них была моя приятельница, г⟨оспо⟩жа Чернова[4]. Говорить с больной нельзя, полный покой, лежит в темноте. t° – 39. Телеграмма, посланная через знакомую старушку (невесту Владимира Соловьева)[5], не дошла, п. ч. старушка, с перепугу и сослепу, перепутала фамилию. Телеграмма, *к ужасу* Алекс⟨ея⟩ Мих⟨айловича⟩, вернулась. Расскажите все это устроителям банкета. – *Fatalité***.

Да! Читали ли в «⟨Последних⟩ Новостях» мою «Попытку ревности»? Вчера получила на нее ответ, – по пунктам – и столько же строк. Передала в «Последние Новости», – пусть напечатают[6]. Грубовато – забавно – чуть трогательно – очень по-мужски. То, чего *не скажет* (даже себе!) ни один «порядочный» мужчина. Мужское-собирательное – на единоличное женское.

Голубчик, как только сможете – гонорар за «Благодарность». Не обижайтесь, что напоминаю. Праздники – и много чаевых.

Нынче приезжает мой муж. Чудный день, розовый и голубой. Идем за елкой.

МЦ.

P. S. Прочтите в «Новостях» и «Днях» (рожд⟨ественские⟩ №№) мою прозу[7]. Послала стихи на конкурс «Звена» – из чистого задору[8].

Будет ли отзыв о «Ковчеге»?[9] Чириков не «нечист», ибо *прошел*. Вредно лишь действующее, напр⟨имер⟩ – Крачковский. Что скажете о «Поэме конца»? Айхенвальд в «Руле» опять «ничего не понял»[10].

7

Париж, 30-го декабря 1925 г.

Многоуважаемый Димитрий Алексеевич,

Пока только два слова.

Если бы я еще обладала способностью воспринимать обиды, я бы на Ваше «гутированье» обиделась, им бы оскорбилась[1]. Но это давно утрачено, обижаюсь только на толчки на улицах, – привычка с детства.

* В холодных отношениях *(фр.)*.
** Фатальность *(фр.)*.

«Гутировать», «Feinschmecker»* — до чего не я и не мое! Вообще, из всех пресловутых пяти чувств, знаю только одно: слух. Остальных — как не бывало и — хоть бы не было!

«Гутированье», кроме того — нечто от влаги. Я суха, как огонь и как пепел.

«Благодарность», «О любви», «Из дневника»[2] и все, что еще появится на столбцах газет — тождественны, т. е. разнятся только страницами дневника, на которых написаны. День на день, час на час, миг на миг — не приходятся. А в итоге — всё я. «A prendre ou à laisser»** и «plutôt à laisser qu'à prendre»***.

Беседа с Антокольским[3] — просто игра фантазии. Как таковую и даю. Я не философ. Я поэт, умеющий и думать (писать и прозу).

Единственный мой грех в том, что я даю эти отрывки врозь. Будь в России царь, или будь я в России — дневник этот был бы напечатан сразу и полностью. Встала бы живая жизнь, верней — целая единая неделимая душа. А так — дробь, отрывки... Misère de nous!****

Все, что я хочу от «славы» — возможно высокого гонорара, чтобы писать дальше. И — тишины[4].

(В просторечии: пустой комнаты с трехаршинным письменным столом, — хотя бы кухонным!)

Ваши стихи в «Совр‹еменные› Записки» передам. Привет.

МЦветаева

8

Париж, 23-го января 1926 г.

Милый Димитрий Алексеевич,

Пока только два слова: и «Благонамеренный» и гонорар получила — сердечное спасибо.

6-го мой вечер, все время пожрано рассылкой билетов, «благодарностями» и просьбами. После 6-го напишу — и о «Благонамеренном» и о Вас, лично.

Сердечный привет.

Марина Цветаева

9

Париж, 14-го февраля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

— Ура! — *Ваша* взяла! Отдаю Вам статью без всяких оглядок[1]. Тогда, в последний вечер, Вы меня растрогали — Африкой, Гиппиус («красивая?» — «Не знаю, я к ней не подходил»...), стариком, в которого швыряли камни, — настойчивостью, грустью — не знаю: всем собой.

---

* Гурман, любитель хорошо поесть *(нем.)*.

** «Либо принимаете, либо нет» *(фр.)*.

*** «Скорее нет, чем да» *(фр.)*.

**** Ничтожность наша *(фр.)*.

Поэтому — не жду 20-го (приезд Святополка-Мирского) и отдаю статью. Только берегитесь: большая!

У меня работы еще на неделю, самое большее — на 10 дней. Получите не позже 25-го. Мое слово верное. Будьте совершенно спокойны.

— Очень жаль, что уехали. Мы с Вами хорошо встретились[2]. Посылаю Вам стих для «Благонамеренного». Посвящение — если не нравится, или по иным каким причинам — можете снять, сноску *оставьте непременно, без нее не помещайте*[3]. Иначе — рассоримся.

Посвящаю этот стих (который очень люблю) Вам, потому что Вы на него похожи.

До свидания. Пишите.

МЦ.

〈*Приписка карандашом:*〉

АВТОРСКАЯ КОРРЕКТУРА ПРОЗЫ НЕОБХОДИМА

〈К письму приложен текст стихотворения «Старинное благоговенье».〉

10

Париж, 25-го февр〈аля〉 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Со статьей беда: *очень* большая. 30 страниц моего текста и около 15-ти — Адамовича, не выкину ни строки, предупреждаю, но Адамовича можно петитом[1]. (Тогда около 40 стр〈аниц〉.)

Три пункта:

Первый: 1) идет или нет «Старинное благоговенье» *(только со сноской!)*

Второй: 2) беретесь ли печатать всю статью зараз *(иначе не даю!)*

Третий: 3) если все-таки (последний срок!) настаиваете[2], *пришлите экспрессом расписку, что обещаете авторскую корректуру*[3].

Сердечный привет. Пришлась ли парча?

МЦ.

P. S. Статья готова.

11

Париж, 3-го марта 1926 г., среда

Милый Димитрий Алексеевич,

Вот — рукопись. Теперь — внимание:

В этой вещи не должно быть ни одной опечатки. Отвечаю за каждое слово. У меня слишком свой язык (соседство слов), чтобы я кому бы то ни было, кроме себя, могла доверить слежку. Поэтому — личная корректура необходима. Кроме того, я отвечаю не только за себя, но за Адамовича. Достаточно с него своих грехов.

10-го я на 2 недели уезжаю в Лондон[1], и корректура должна быть пересылаема туда. О поездке никому не говорила и никому не говорите. Адрес сообщу еще до отъезда. Летучей почтой — так летучей почтой. Возвращать буду исправно.

БОЛЬШАЯ ПРОСЬБА: у меня на 20 стр〈анице〉, во второй половине: «не забыть *Репина* — волочащуюся по снегу полу шинели»... Узнайте, точно ли это репинская картина. («Дуэль Пушкина» — Дантес с опущен-

ной головой и пистолетом, и приподнимаемый со снегу Пушкин. — Известнейшая картина, висевшая везде и всюду. *Справьтесь.* Мне некогда и не у кого. — Опрашивала всех)[2].

Если успеете (?), пришлите часть корректуры еще сюда, не успеете — по адресу, который сообщу. Знайте, что без корректуры вещь не даю и буду от нее повсеместно (в печати!) отрекаться. Прошу внимания 1) к сноскам 2) подчеркнутым словам (косой шрифт, курсив, не разрядка) 3) к кавычкам 4) к красной строке.

Я так над этой статьей работала, что испортить в печати — грех. До свидания. Жду ответа. О моей поездке — НИКОМУ. (Ехать морем, боюсь сглазу.)

МЦ.

«Цветник» — Адамовича — можно петитом, в виду экономии места, но возражения — тем же шрифтом, что текст. Чтобы оттенить. Обиды никакой, п. ч. — цитаты.

Да! Щадя Вас, по личной склонности, вместо: «ПОЗОРНАЯ СТАТЬЯ АКАДЕМИКА БУНИНА» проставила: «ПРИСКОРБНАЯ»...[3]

— Напишите впечатление от статьи.

Посылаем новый № «Своими Путями». Резников уже написал отзыв, который будет Вам переслан завтра[4]. Полюбуйтесь на идиотизм Воеводина («О Худож⟨ественном⟩ Театре»)[5]. Статью просунул тайком от С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩, пользуясь его отсутствием. То же самое как если бы, пользуясь отсутствием — Вашим, за писание принялся бы... «руководитель»[6]. (NB! Последнему не показывайте!)

«Тыл» С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ Вы уже конечно получили[7]. «Шинель» так разрослась — что до другого раза[8].

Все эпиграфы — петитом. Везде, где курсив — *подчеркнуто.* (Ничего не подчеркнутого не выделять.) Эпиграф после Монтеня — мой — *курсивом!* (подчеркнуто)[9].

12

Париж, 8-го марта 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Вы большой умник и большое Вам спасибо. Невязка — явная. Необходима следующая вставка:

«Не доверяю также критикам — бывшим поэтам, НЕ ИМЕВШИМ МУЖЕСТВА ОТСТАТЬ»[1].

Это и объясняет, и затемняет, словом, то, что нужно. Не совсем критики, не совсем поэты, — отставшие-не приставшие, и т. д. Об этом я и думала. А о книге мне Святополк-Мирский говорил. Это — трогательно. Доказательство, что тяготение к столу — врожденное.

Вы внимательный читатель, во внимании перещеголяли писавшего. (А я ли уж не внимательна!) — Спасибо.

Насчет Талмуда — не знаю. У меня нет стариков, которым я могла бы верить. Нет универсального старика! (Есть — Вячеслав Иванов — но он

далёко.) Если Талмуд — быт, законничество, сутяжничество, *прикладное* еврейства (полагаюсь на Вас!), смело перечеркивайте и ставьте ПРОРОКАМИ. Я Талмуда не читала (поступила как Адамович).

Третье: *непогрешимость русского царя и римского папы.* Это скорей для красного словца. Для меня каждая сила непогрешима. (Непогрешимость природы!) А цари и папы не всегда бывали сильны. Поэтому — перечеркивайте всю фразу, ни к чему.

Видите, во всем сошлись, и это не уступка. Я просто доступна воспитанию. Все Ваши отметки — правильны. Спорить нечего. Мне дорога вообще правда: чистота вывода.

«Конец Казановы» (III ч‹асть› «Феникса») — гнуснейшая книжонка, с картинкой, да еще без моей корректуры. Если Вы меня любите, сожгите ее немедленно[2]. Посвящение? Не понимаю.

«Дочери моей Ариадне — венецианским ее глазам». Это? — Чего же тут вырывать? Ответьте. Не люблю загадок. Впрочем (книга издана обманом, и я за нее не получила ни копейки) те мои «издатели» отлично могли сочинить посвящение. — Какое?

Еду послезавтра утром, на две недели:
Адр‹ес›:

Prince D. Swiatopolk-Mirsky
(для МЦ.)
15, Torrington Sq.
London W.C. 1[3]

Потому что я еще не знаю своей квартиры. Корректуры это не задержит, с Мирским будем соседями.

До свидания. Из Лондона напишу.

МЦ.

Мирский мне говорил — не в порядке жалобы, а удивления, что до сих пор не получил гонорара за статью в I Благонамеренном. Я сказала, что это, очевидно, оплошность. — Так ведь?

13

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Сначала деловое.

1) Если до отсылки сами будете сличать мой текст с корректурным и уверитесь, что *пропусков* нет, можете рукописи не отсылать. Она мне нужна только в смысле пропусков.

2) В следующий же раз пришлите мне корректурные знаки, точные, с толкованием. А то, боюсь, мои поправки не будут поняты. Вами — да, рабочими — нет. Во всяком случае, *эту* корректуру просмотрите. Мирский знает только английскую систему, так как русские ему, естественно, корректуры не присылают.

Детектива не нанимайте: погу́бите его для Англии. Следя за мной, разжиреет от моей неподвижности, а детективу — как жокею — как актеру — жир — смерть.

Сижу и рву в клоки подлую книгу М⟨андельштама⟩ «Шум Времени»[1]. Вот все мои тайны в Англии (лондонские трущобы).

До свидания. Когда будете в Париже? Возвращаюсь 25-го, до 24-го — шлите сюда.

МЦ.

18-го марта ⟨1926⟩ 1917 г.[2]

14

Лондон, 20-го марта 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

1) Я Вас еще не поблагодарила за Чэстертона[1]. Очень мне близкая и замечательная книга.

2) Что с Сережиной рукописью? *(Тыл.)* Она была отослана до моего отъезда, с адр⟨есом⟩ отправителя, и если затерялась, то только у вас. Кроме того, ей предшествовала телегр⟨амма⟩, где С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ оповещал Вас, что высылает. Времени прошло больше двух недель, Вы видите, что вещи нет, и упоминаете об этом, между прочим, в письме — мне, не запрашивая С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩. *В чем дело?* Ответьте.

3) В отсылаемой корректуре маленький пропуск. Стр. 106, строка 3 сверху.

— именно современников. *И из современников — именно соотечественников.*

Подчеркнутое красным пропущено, необходимо вставить. Последите[2].

---

4) Пойдет ли «Старинное благоговенье»?

5) — Просьба о сообщении корректурных знаков.

Жду ответа на все эти вопросы. Пока, всего лучшего.

МЦ.

15

Лондон, 24-го марта 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

С корректурой беда, поправляйте пока не поздно. Пропущен (не послан) целый большой кусок рукописи, а именно: с половины 12 стр⟨аницы⟩ рукописи по 24а. Т. е. последнее, что я получила до нынешнего — 1/2 12 стр⟨аницы⟩ моей рукописи (разрезана у Вас) и соответствующая корректура. Последнее слово в тексте:

ДЛЯ СИМВО — тут отрезано.

Посылаю Вам самоё страницу для наглядности. Пропущено, т. е. не послано Вами и не правлено мною, целых 12 1/2 стр⟨аниц⟩ (от второй половины 12 стр⟨аницы⟩ по нынешнюю полученную 24а).

Послезавтра буду дома, высылайте домой. *Ради Бога, не подведите!*
Пропасть здесь не могла, здесь образцовая почта. И в доме заваляться негде.

Рукопись отошлю всю целиком, по окончании вещи. На корректуре «Цветника» настаиваю СТРАСТНО. Дело чести.
А с «Тылом» — слава Богу[1]. Это Вы меня спутали, упомянув о «Шинели». С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ верно уже знает.

Читатель ограничен писателем? О да. Пример безграничного читателя — тонкая, умная, даровитая женщина, любящая Вербицкую[2], т. е. не могущая (силой даровитости своей!) оставаться в пределах пошлости, ставимых автором, *разбивающая* круг.
Читатель *должен* быть ограничиваем писателем! Иначе *все* авторы Шекспиры!

Просмотрите еще раз мою корректуру. Есть пропущенное слово. Последите, чтобы вставили. Вообще, приложите руку.

Итак 1) жду пропущенных 12 1/2 с⟨траниц⟩
2) ЦВЕТНИКА

Мирскому просьбу заехать в Бельгию передала. Он Вам вчера писал.
Всего лучшего.

МЦ.

16

Дорогой Димитрий Алексеевич,
Я, конечно, на Вас не сержусь, но давайте поправлять, пока не поздно.
Немедленно высылайте мне *всю* напечатанную статью. Просмотрю и отмечу главнейшие опечатки, те, что искажают смысл (есть явные, невинные), а Вы в конце книги их поместите.
Ведь опечатки могут быть (могут и не быть, — тем лучше!) и в том, что я правила, поэтому прошу Вас выслать *всю* статью, «Цветник» включая. Словом, от А до Z.
ВСЮ СТАТЬЮ, ОТ А до Z, ЦВЕТНИК ВКЛЮЧАЯ.
Помеченные опечатки книги не портят, это знак внимания к читателю. Кроме того, ведь все равно не успокоюсь и, так или иначе, обелюсь.
Руководителя[1], если заупрямится, к чертям, — сам виноват.
Итак, жду. Не нужно ссориться!
Сердечный привет от С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ и меня.

МЦ.

Париж, 27-го марта 1926 г.

17

Париж, 5-го апреля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Только что вернулась с моей родины Вандеи, куда уезжаю с Алей и Муром в 20⟨-х⟩ числах[1]. Спасибо за исполненную просьбу и вот Вам, в ответ, исполненная, даже преисполненная Ваша: обойдемся вовсе без опечаточного листа. Опечатка (смысловая) только одна: стр. 108, первая строка:

Напечатано:	*Должно читать:*
Да, нужно это	Да, но нужно это

Несколько меняет смысл, но не так уже существенно. Есть совсем глупые: ПУНК (вместо пункт и *дважды!*), лан*ш*афт, вообще выходит, что я в иностр⟨анных⟩ словах безграмотна. Но настоящий не подумает, а до не-настоящего — мало дела.

Теперь просьба: дайте мне 10 оттисков статьи Мирского[2] и моей, есть оказия в Россию, хочу послать. *Очень* прошу. Не пять и пять, а по 10-ти каждой — смежные ведь, не деля. Мирского, кстати, прочла только хвост, то, что было при моей статье.

И если решите дать, поторопитесь, — оказия моя дней через 10 уезжает. Очень верная. Жаль потерять случай.

Привет и спасибо. Будьте здоровы и неутомимы.

МЦ.

Нынче доклад Мирского на тему:
Культура смерти в предреволюционной литературе[3].
Жаль, что Вас не будет.

18

Париж, 24-го апреля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

У Мирского умерла мать — после короткой болезни[1]. Он чувствует, действует и держится молодцом. Только в больших случаях узнаешь человека.

После Лондона (к 1-му июля) собирается к Вам, хочет с Вами попутешествовать. Я бы тоже хотела.

Нынче вечером уезжаю с детьми в Вандею и увожу «Благонамеренного»[2]. Оттуда напишу — о нем, о Вас и о себе.

До свидания — жаль, что только осенью. Сердечный привет от нас всех.

МЦ.

Люблю Вас как родного.

Гонорар, когда сможете, направьте по Сережиному адресу и на его имя — там, где я буду жить, банков нет. Только песок. Сережин адр⟨ес⟩ до 15-го/18-го прежний. *Приедет позже,* после выхода «Верст»[3]. — Подвигаются.

Мой адр⟨ес:⟩

St. Gilles-sur-Vie (Vendée)
Avenue de la Plage
Ker-Edouard

(*Vie* — река. *Ker* — по-бретонски — дом).

19

3-го мая 1926 г.

Воистину Воскресе, дорогой Димитрий Алексеевич! Это наши с Вами слезы по поводу статьи Осоргина[1]. Кстати — озарение! — ведь «Посл⟨ед-ние⟩ Нов⟨ости⟩» родня «Звену», так что Осоргин (дядя) заступился за племянника (А⟨дамови⟩ча). Осоргин — золотое сердце, много раз выручал меня в Рев⟨олюцию⟩, очень рада, что — посильно — вернула. Но в «Пос⟨ледние⟩ Нов⟨ости⟩» отныне ни ногой[2].

Как, однако, отозвался читатель-чернь! Двумя строками больш⟨ого⟩ фельетона!

О своей жизни в другой раз. У меня даже мечта, что летом приедете погостить.

Очень люблю Вас. До свидания.

МЦ.

20

St. Gilles, 18-го мая 1926 г.

Милый Димитрий Алексеевич,

Вот стихи, мой любимый цикл «Проводá», который жалела и не давала. Не весь, всех стихов 13 (даю 7), а строк 256 (даю 158)[1]. Делаю это сознательно: читатель быстро сыт, не хочу кормить через силу,не так его люблю (читателя). Но — оговорка: конец, т. е. 2-ая ч⟨асть⟩ «Проводóв» должна пойти в следующей книге «Благонамеренного» под цифрами: 7 — 8 и т. д. Если не согласны, могу сейчас дослать остальное, если не согласны и так — верните.

Стихи трудные, с ударениями, курсивом, переносами (разбивкой) строк. Корректура необходима. Только так и даю. Пояснила (синим) как могла, но — КОРРЕКТУРА НЕОБХОДИМА (с этим родилась, с этим и умру!).

У нас Норд, об океане и думать нечего, мерзнем, кутаемся. С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ на днях приезжает в трогательном самообмане ждущих его Тигра и Эвфрата (я о климате!).

Моя Вандея — суровая, как ей и быть должно.

Очень прошу, милый Димитрий Алексеевич, если уже не выслали наших гонораров С⟨ергею⟩ Я⟨ковлевичу⟩, выслать их мне. Деньги очень нужны. За дачу пришлось заплатить сразу за все полгода — больше 2-х тысяч.

Где будете летом? Что делаете? Пишете ли свое?

Из всех «отзывов» единственный, меня огорчивший, и, вообще, единственный — отзыв Струве[2]. СОВСЕМ НЕ ПОНИМАЕТ СТИХОВ, ни моих, никаких. Френолог бы у не о двух шишек не обнаружил: воображения и слуха. (Слух, впрочем, в ушной раковине, а то глубже, — стало быть выемка.)

До свидания. Сердечный привет.

МЦ.

Жду скорейшего ответа насчет «Проводо́в», В⟨оля⟩ России тоже просит.

21

St. Gilles, 1-го июля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Спасибо сердечное за книжку и письмо[1]. Но и от книжки и от письма — грусть. Помните наше совместное посещение Сергиевского подворья?[2] Ветер — оттуда. Вижу Вас на сиротливых дорожках — с книжкой — не стихов уже. Над Сергиевским подворьем — вечный дождь. Так я его вижу. Вы — не так. Но сказав: больно, я должна объяснить — почему.

Конец «Благонамеренного», конец города (Подворье), конечный стих Вашей книги[3], старые концы каких-то начал (письма), — все это вне жизни, над жизнью. Мне жаль Вас терять — не из жизни, я сама — вне, из третьего царства — не земли, не неба, — из моей тридевятой страны, откуда все стихи.

О деньгах не тревожьтесь. Захочет, сможет — отдаст[4]. Я напишу ему, и С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ напишет. Что выйдет — видно будет.

А Вы, до Подворья, можно и *из* Подворья, не приехали бы к нам? В 20-х числах здесь будет Мирский, приезжайте. Дорога не так дорога́ — 75 фр⟨анков⟩. Об остальном не беспокойтесь. Жить будете у нас, в комнате Сергея Яковлевича вторая кровать. Побродите по Сен-Жильским пескам, покупаетесь, поедите крабов и рыбов, прослушаете две моих новых вещи[5], — проститесь с чем-то, чего в Подворье с собой не возьмете.

Письма Ваши (те) поберегу, пока не востребуете. Как все то (душевное), чего в Сергиевское с собой не берут. Вы оставите мне себя из тридевятого царства, себя — стихов (грехов у Вас нет!).

До свидания. Как растравительно-тщателен тип заставки к письмам. А почерк! Самая прелесть в том, что он был таким же и на счетах — и в смертный час! Форма, ставшая сущностью.

Жду ответа о приезде. Можно и позже, в августе.

Сердечный привет

МЦ.

Шаховской Дмитрий (Димитрий) Алексеевич (1902—1989) — поэт, издатель. В 1920-х гг. стал священнослужителем. Впоследствии — архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Стихи публиковал под псевдонимом «Странник». Посвятил Цветаевой несколько стихотворений.

Переписка М. И. Цветаевой с князем Д. А. Шаховским возникла по инициативе последнего. Студент Лувенского университета в Бельгии, Шаховской

задумал издавать в Брюсселе «Журнал русской литературной культуры» под названием «Благонамеренный» и стал искать сотрудничества эмигрантских авторов, близких молодому редактору по духу. В их числе была и М. И. Цветаева.

«Я был, — вспоминал в 1970 г. Д. А. Шаховской, — вне каких-либо литературных или иных партий; за моим журналом не стояло никакое движение, но мне нравился радикализм ранних евразийцев и Цветаевой... Может быть, это вызывалось все большею отрешенностью моей в эти годы от обычных литературных и светских общественных интересов. Тут я внутренно находил с Мариной Ивановной что-то общее. В каком-то своем, может быть несколько ином отношении, она тоже чувствовала себя «не от мира сего» в мире». (*НП*. С. 339.)

Личное знакомство Цветаевой с Шаховским состоялось в Париже в феврале 1926 г. Однако их сотрудничество оказалось кратким: молодой редактор, разочаровавшись в мирских ценностях, решил «выйти из этого мира в молитву и богомыслие». Переписка М. И. Цветаевой и Д. А. Шаховского прекратилась после того, как он сообщил ей в своем последнем письме об отъезде на Афон, чтобы принять иноческий постриг. Перестал существовать, естественно, и «Благонамеренный» (вышло всего два номера).

Письма 1—20 впервые — *НП*. Письмо — 21 — в кн.: Архиепископ Иоанн Шаховской. «Биография юности. (Установление единства)». Париж: YMCA-PRESS, 1977. С. 417—418. Печатаются по текстам первых публикаций (с использованием комментариев).

1

[1] Стихотворение «Димитрий! Марина! В мире...» (1916), опубликованное ранее в сборнике «Версты I» (1922). См. т. 1.

[2] О первом парижском вечере Цветаевой см. комментарий 2 к письму 1 к Л. И. Шестову.

[3] *Цебриков* Георгий Владимирович — писатель. В 1925 г. посвящен в сан диакона. Прямого отношения к редактированию журнала «Благонамеренный» не имел, но выполнял иногда поручения редактора. В первом номере журнала были напечатаны три его рассказа.

2

[1] Название журнала — «Благонамеренный» — восходит к одноименному журналу, издававшемуся в пушкинские времена А. Е. Измайловым. В редакционном «философическом обосновании благонамеренности» утверждалось, в частности, что «искусство есть уход от середины» и что главное обоснование «Благонамеренного» в том, что печатающиеся в нем сотрудники имеют собственное основание благонамеренности».

[2] Бабушка М. И. Цветаевой по материнской линии, Мария Лукинична Бернацкая, титула не имела. Возможно, речь идет о прабабке Цветаевой по матери графине Марии Ледуховской. См. также письма к В. Н. Буниной.

[3] См. комментарий 1 к письму 1. Это стихотворение в «Благонамеренном» (№ 1) было опубликовано под названием «Марина». См. также письмо 3.

3

[1] См. письмо 2, в котором Цветаева предложила написать что-нибудь для очередного номера журнала на тему о княжеском титуле.

[2] Ср. стихотворный цикл «Князь тьмы» (1917) в т. 1.

[3] Об истории с журналом «Щипцы», мистифицированной А. М. Ремизовым, см. письмо к А. Седых и комментарий 2 к нему.

[4] См. комментарий 10 к письму 3 к О. Е. Колбасиной-Черновой (т. 6).

[5] Князь Ф. Ф. Юсупов имел зал, предназначенный для спектаклей любительской театральной студии (27, Rue Gutenberg).

[6] *Малявин* Филипп Андреевич (1869—1940)—русский живописец. С 1922 г. жил в эмиграции.

[7] Правильно: Цетлины. См. письма к М. С. Цетлиной в т. 6.

4

[1] «Крысолов». Последние главы поэмы были помещены в журнале «Воля России» (№ 12, 1925; № 1, 1926).

5

[1] Статья А. В. Черновой «В огнь-синь». (См. письмо 29 к О. Е. Колбасиной-Черновой в т. 6.) Первоначально рецензия предназначалась для газеты «Дни», но была отвергнута редактором литературного отдела В. Ф. Ходасевичем как «убогая». (Биография юности. С. 186.)

[2] По приглашению Д. А. Шаховского А. М. Ремизов собирался ехать в Брюссель, где устраивалось его выступление. См. также письмо 6.

6

[1] *«Венеция»*—стихотворение Д. А. Шаховского в «Современных записках» опубликовано не было; вошло в его сборник «Предметы» (Брюссель, 1926).

[2] *Руднев*—один из редакторов «Современных записок». См. письма к нему.

[3] С. П. Ремизова-Довгелло, жена писателя.

[4] О. Е. Колбасина-Чернова.

[5] *...невесту Владимира Соловьева*—имеется в виду его двоюродная сестра, *Романова* (в замужестве—Селевина) Екатерина Владимировна (1855—1928). В 1938 г. в «Современных записках» (№ 66) А. М. Ремизов напечатал очерк под названием «Философская натура. Владимир Соловьев—жених», в котором на основании выдержек из писем Соловьева к Е. В. Романовой рассказал о жениховстве Соловьева.

[6] Стихотворение «Попытка ревности» (1924) было опубликовано 17 декабря 1925 г. М. Л. Слоним считал, что это стихотворение обращено к нему. (См. комментарий 7 к письму 8 к О. Е. Колбасиной-Черновой в т. 6.) Возможно, он и был автором стихотворного ответа на «Попытку ревности», о котором пишет Цветаева. Подтверждения этому не обнаружено. В «Последних новостях» ответное стихотворение не появлялось.

[7] В «Последних новостях» (25 декабря) была опубликована проза «Из дневника» («Грабеж», «Расстрел царя», «Покушение на Ленина», «Чесотка», «Fräulein», «Ночевка в коммуне», «Воин Христов»); в «Днях» (25 декабря) напечатано—«О любви. (Из дневника 1917 г.)». (См. т. 4.)

[8] На конкурс было послано стихотворение «Старинное благоговенье» (1920), однако жюри в составе З. Гиппиус, Г. Адамовича и К. Мочульского отдало предпочтение довольно слабому стихотворению «О любви», автором которого оказался Д. Резников.

По поводу конкурса и решения жюри Г. Адамович позже писал: «Помню, что в полном тройственном согласии мы забраковали как совсем негодное, стихотворение Марины Цветаевой, присланное по условиям конкурса, без подписи. 〈...〉 Цветаева, однако, долго не могла прийти в себя от возмущения и даже писала письма в редакцию «Звена», требуя огласки происшествия... 〈...〉 Не оправдываю в данном случае ни себя, ни других членов жюри, но думаю, что при анонимном просмотре стихов повторения подобных историй неизбежны, и что ничего особенно позорного в нашей оплошности не было. К тому же и присланное Цветаевой стихотворение было действительно вяло и маловразумительно, при всей обычной

напускной напористости, с восклицательными знаками чуть ли не в каждой строке». (Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 157.)

[9] Отзыв о сборнике «Ковчег» (Прага, 1926) был написан Д. А. Шаховским и помещен за подписью «Ш» в № 1 журнала «Благонамеренный». В этом отзыве автор, в частности, дал высокую оценку цветаевской «Поэме Конца»: «Каким-то чудом (чудом рождения, вероятно!) похищено перо у сказочной Птицы русской народной песни, и пишутся, пером этим, «цивилизованные» — сюжетно и формально — стихотворения. Вместо того, чтобы поздравить «цивилизацию 〈...〉 некоторые критики разводят руками». (С. 160—161.) О содержании и авторах «Ковчега» см. письмо 11 к О. Е. Колбасиной-Черновой (т. 6), а также письма к В. Ф. Булгакову.

[10] В своем отзыве на «Ковчег» Ю. Айхенвальд писал: «...отметим наиболее интересные страницы сборника. К сожалению, для этого надо пройти мимо «Поэмы конца» Марины Цветаевой, — поэмы, которой, по крайней мере, пишущий эти строки просто не понял; думается, однако, это и всякий другой будет ее не столько читать, сколько разгадывать, и даже если он окажется счастливее и догадливее нас, то свое счастье он купит ценою больших умственных усилий» (Руль. 1925. 9 декабря).

7

[1] В письме к М. И. Цветаевой от 26 декабря 1925 г. Д. А. Шаховской высказал мысль о том, что контроль художника над своим творчеством «парадоксально дает ему новую широту и свободу более волшебную, чем рожденную из творческой безудержности», которая, по его мнению, была характерна для Цветаевой. Культивирование ею такой безудержности, «любование своим даром» он назвал «гутированием» (от фр. goûter — наслаждаться). (Биография юности. С. 405—406.)

[2] Отрывки из дневниковых записей 1917—1919 гг. «О благодарности» были опубликованы в журнале «Благонамеренный» (1926. № 1. Январь-февраль). См. также комментарий 7 к письму 6.

[3] В отрывке из дневника «О любви» есть диалог между Цветаевой и Антокольским о любви (см. т. 4). По этому поводу Шаховской писал в цитировавшемся выше письме: «Но «Разговор с Антокольским» — романтизм, бессодержательность которого я не ощущаю, нет, я просто вдыхаю (полостью рта, легкими)». (Там же. С. 406.)

[4] Эту мысль Цветаева развивает в главе «Для кого я пишу» своего эссе «Поэт о критике», напечатанном в № 2 журнала «Благонамеренный» (см. т. 5).

9

[1] Статья «Поэт о критике».

[2] Как видно из письма, Д. А. Шаховской приезжал в Париж и состоялось его личное знакомство с Цветаевой.

[3] Цветаева предпослала стихотворению «Старинное благоговенье» посвящение «Кн. Д. А. Шаховскому» (которое при публикации в № 2 журнала «Благонамеренный» было редактором снято), а также сделала примечание: «Стихи, представленные на конкурс «Звена» и не удостоенные помещения».

10

[1] К статье «Поэт о критике» был приложен «Цветник» — собрание противоречивых высказываний критика Г. Адамовича на литературные темы, в том числе о работах Цветаевой (см. т. 5).

[2] В письме к Цветаевой от 22 февраля 1926 г. Шаховской просил прислать статью к 24 февраля.

[3] О причинах, по которым Цветаева настаивала на корректуре, см. письмо 11.

11

[1] О поездке Цветаевой в Лондон см. письма к П. П. Сувчинскому в т. 6.

[2] Редакции журнала «Благонамеренный» не удалось уточнить авторство картины, и в тексте опубликованной статьи упомянут И. Е. Репин, у которого такой картины нет. См. об этом комментарии к статье «Поэт о критике» в т. 5.

[3] В «Поэте о критике» упоминается статья И. А. Бунина («Инония и Китеж»), в которой, по мнению Цветаевой, содержится хула на Блока и Есенина.

[4] Речь идет об отзыве Д. Г. Резникова на книгу Н. А. Асеева «Поэмы» (М.; Л., 1925), напечатанном в № 2 журнала «Благонамеренный».

[5] *Воеводин* Александр Александрович (1889–1944?) — писатель, соредактор пражских журналов «Студенческие годы» и «Своими путями». Погиб в концлагере. Заметка «Пражская группа артистов Московского Художественного Театра» А. А. Воеводина была напечатана им в № 10/11 журнала «Своими путями» за 1926 г. (Этот номер Цветаева послала Д. А. Шаховскому вместе с письмом.) Негодование Цветаевой вызвано было, скорее всего, неграмотным языком автора заметки.

[6] Руководителем журнала «Благонамеренный» был Григорий Соколов (однокашник Д. А. Шаховского по Лувенскому университету), который осуществлял его частичное финансирование и занимался организацией работы.

[7] Рукопись рассказа С. Я. Эфрона «Тыл» поступила в редакцию с опозданием; рассказ был опубликован в № 2 журнала «Благонамеренный».

[8] Рассказ «Шинель» остался, по-видимому, незавершенным, так как не был напечатан.

[9] Эпиграфы к статье «Поэт о критике».

12

[1] Конец главы 1 «Не может быть критиком...» статьи «Поэт о критике». Упоминаемые в письме исправления были внесены в текст статьи.

[2] Третье действие пьесы «Феникс» (1919) было выпу ено под названием «Конец Казановы» частным московским издательством «Созвездие» в 1922 г. с посвя ением дочери, о котором упоминает Цветаева. Автор «картинки» (на обложке) — художница О. С. Соловьева.

[3] Адрес Школы славяноведения при Лондонском университете, где преподавал Д. П. Святополк-Мирский.

13

[1] См. письмо 5 к П. П. Сувчинскому и комментарий к нему в т. 6 и статью «Мой ответ Осипу Мандельштаму» в т. 5.

[2] Описка Цветаевой. См. об этом подробнее: Струве Глеб. Об одной ошибке Марины Цветаевой. (Дневник читателя). — *Рус. мысль*. 1973. 6 декабря.

14

[1] О какой книге английского писателя Г. Честертона идет речь, неизвестно. Героя одного из его романов («Человек, который был Четвергом») Цветаева упомянет в статье «Эпос и лирика современной России» (см. т. 5).

[2] Речь идет о корректуре статьи «Поэт о критике».

15

[1] Редактор сооб ил о том, что нашлась затерявшаяся рукопись рассказа С. Эфрона. См. предыдущее письмо.

[2] *Вербицкая* Анастасия Алексеевна (1861–1928) — писательница, автор романов, рассчитанных на непритязательный вкус.

16

[1] См. комментарий 6 к письму 11.

17

[1] Цветаева ездила в Сен-Жиль-сюр-Ви снимать дом на лето.
[2] Статья «О консерватизме. Диалог» (Благонамеренный. 1926. № 2. С. 87—93).
[3] См. комментарии 1 и 2 к письму 11 к В. Ф. Булгакову.

18

[1] Святополк-Мирская (урожденная графиня Бобринская) Екатерина Алексеевна, княгиня (1864—1926), умерла в Париже 22 апреля.
[2] Второй номер журнала за март-апрель 1926 г., оказавшийся последним.
[3] См. письма к П. П. Сувчинскому (т. 6).

19

[1] Рецензия М. А. Осоргина «Дядя и тетя» на второй номер журнала «Благонамеренный», напечатана в «Последних новостях» (1926, 29 апреля). «Со значительной долей мыслей Марины Цветаевой (статья ее «Поэт о критике» написана очень талантливо) нельзя не согласиться»,—пишет критик, однако, говоря о «Цветнике», он не может согласиться с тем, что Цветаева «тратит время и чернила на мелкие и скучнейшие жалобы на Г. Адамовича».
[2] Следующая публикация Цветаевой в «Последних новостях» состоялась лишь спустя два года, 28 июня 1928 г. (стихотворение «Сын»).

20

[1] Цикл «Провода» (1923) посвящен Б. Пастернаку. (См. т. 2.) Цифра 12 в письме переправлена на 13 и к ней сделано следующее примечание Цветаевой: «При подсчете оказалось 13. Не даю, очевидно, из-за инстинктивного нежелания чертовой дюжины». (*НП*. С. 367).
[2] Заметка П. Струве «О пустоутробии и озорстве» была напечатана в рубрике «Заметки писателя» газеты «Возрождение» (1926, 6 мая). Статья содержала резкий отзыв и о статьях Адамовича, цитированных в «Цветнике», и о стихотворении «Старинное благоговенье». П. Б. Струве отмечал, что «при известной личной одаренности самих пишущих» и то и другое «предметно безнужно. Ни к чему. Безнужно, ибо беспредметно. Безнужно, ибо невнятно».

21

[1] Решив прекратить издание журнала «Благонамеренный», Д. А. Шаховской известил об этом со рудников своего журнала в начале июля 1926 г. Некоторым из них, в том числе и М. И. Цветаевой, он послал книгу своих стихов «Предметы» (Брюссель, 1926), в продажу не поступавшую. (Цикл «Стихотворения Омара Кайама» в сборнике имел посвящение Цве аевой.)
[2] Подробно комментируя это письмо в своей книге воспоминаний «Биография юности», архиепископ Иоанн Сан-Францисский пишет, в частн и: «Мыслящая образами, Марина вспоминает наше с ней посещение Сергиевского Подворья в Париже... Признаюсь, я сам не могу вспомнить этого посещения. Не будь этих строк Цветаевой, я был бы убежден, что его не было. «Ветер оттуда»,—говорит Цветаева об этом *последнем* ветре моем. Это отчасти верно, конечно, но не на Сергиевском Подворье начался этот ветер»... (С. 414).
[3] Текст последнего стихотворения книги «Предметы» «Надпись на могильном камне», о котором упоминает Цветаева, таков: «По камням, по счастью

и по звездам//Направлял он путь к морям далеким.// Кораблей предчувствуя движенье,//Говорил он о великом ветре.//И никто не мог ему поверить,//Что хотел он в жизни только Славы—//Отлететь на каменные звезды,//Полюбить блаженства первый камень». (Цит. по экземпляру сборника с авторской правкой. Частное собрание.)

[4] По-видимому, окончательный расчет с сотрудниками журнала должен был произвести руководитель журнала, тем более, что он финансировал издание.

[5] К этому времени были закончены поэмы «С моря» (май 1926) и «Попытка комнаты» (6 июня 1926).

⟨АНДРЕЮ СЕДЫХ⟩[1]

В Редакцию «Последних Новостей»

Милостивый Государь, г⟨осподи⟩н Редактор,

Не откажите в любезности поместить в Вашей газете нижеследующее.

В № 1704 «Последних Новостей» (четверг, 12 ноября) в отделе «Календарь писателя» значится, что я приехала в Париж на постоянное жительство, редактирую журнал «Щипцы» и что в № 1 этого журнала начнет печататься афористическая повесть Степуна «Утопленник»[2].

1) В Париж я приехала не жить, а гостить 2) мало того, что я журнала «Щипцы» не редактирую — такого журнала вовсе не существует 3) так же как афористической повести Степуна «Утопленник». Всю заметку, имеющую целью одурачить газету, читателя, Степуна и меня, прошу считать измышлением одного из местных остроумцев, которого бы просила подобных шуток не повторять[3].

Можно шутить с человеком, нельзя шутить его именем.

Марина Цветаева

Париж, 12 ноября 1925 г.

Седых Андрей (настоящее имя и фамилия — Яков Моисеевич Цвибак; 1902—1994) — писатель, журналист. См. о нем также комментарии к его заметке (интервью) «У Марины Цветаевой» (т. 4).

Впервые — Московские новости. 1994. № 8. 20—27 февраля. (Публикация Г. М. Бонгард-Левина.) Печатается по тексту первой публикации с исправлением неточностей по копии с оригинала, хранящегося в архиве А. Седых (США).

[1] Письмо, адресованное редакции «Последних новостей», фактически предназначалось Андрею Седых, литературному редактору газеты.

[2] Анонимное сообщение, о котором пишет Цветаева, поместил в газету А. М. Ремизов. Об этой мистификации Андрей Седых позже писал: «Ремизов всю жизнь любил мистифицировать, вечно что-нибудь придумывал. Иногда присылал мне для «Календаря писателя» материал о несуществующих поэтах и книгоиздательствах: а вдруг напечатают? Иногда печатали. Пришла однажды невинная по виду заметка: «Переехавшая на постоянное жительство в Париж поэтесса Марина Цветаева становится во главе ежемесячного журнала «Щипцы». Журнал будет посвящен, главным образом, печатанью стихов, но в первом номере появится новая повесть Ф. Степуна «Утопленник».

На следующий день — яростное письмо от Марины Цветаевой, — письмо это до сих пор хранится у меня: никакого журнала «Щипцы» она издавать не собирается, Степун повести «Утопленник» не написал, — все это зловредная шутка, игра с ее именем.

Пришлось ехать к Цветаевой с извинениями». (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 378—379.)

[3] 14 ноября 1925 г. в «Последних новостях» появилась «Поправка»: «Нас просят сообщить, что заметка о М. И. Цветаевой и Ф. А. Степуне, помещенная в четверговом «Дневнике писателя»—не соответствует действительности. М. И. Цветаева приехала в Париж только на короткий срок и к редактированию журнала «Щипцы» никакого отношения не имеет».

Е. М. КУПРИНОЙ

Париж, 21-го января 1926 г.

Многоуважаемая Елизавета Маврикиевна[1],

Сердечное спасибо за добрую волю к земным делам человека, которого Вы совсем не знаете, а именно—за неблагодарное дело продажи билетов на вечер стихов[2].

Я знаю, что ни до стихов, ни до поэтов никому нет дела,—даже не роскошь—скучное развлечение.

— Тем ценнее участие и сочувствие.—

Прилагаю приглашение на вечер Вам и супругу.

С сердечной благодарностью

Марина Цветаева

Куприна (урожденная Гейнрих) Елизавета Морицевна (1882—1942)—вторая жена писателя А. И. Куприна (1870—1938).

Впервые в кн.: Куприна К. А. Куприн—мой отец. М.: Россия, 1971. С. 161. Печатается по уточненному тексту второго издания (М.: Худож. лит., 1979. С. 163).

[1] Описка Цветаевой в отчестве адресата.

[2] О вечере Цветаевой, который состоялся 6 февраля 1926 г., см. комментарий 2 к письму 1 к Л. И. Шестову.

Л. И. ШЕСТОВУ

1

Париж, 25-го января 1926 г.

Дорогой Лев Исаакович,

Не вините ни в забывчивости, ни в небрежности,—вчера неожиданно приехал из Праги один из редакторов «Воли России», завтра уезжающий в Америку[1]. Необходимо было с ним повидаться.

Если не раздумали видеть, с удовольствием придем в другой раз. Почему не были 23-го (в субботу) у Ремизова? Мы все Вас ждали и до половины 12-го часа берегли для Вас бутылку шампанского.

Прилагаю приглашение на вечер[2].

С сердечным приветом от нас обоих.

Марина Цветаева

2

Париж, 8-го февр⟨аля⟩ 1926 г., понедельник.

Дорогой Лев Исаакович,

Когда — в котором часу завтра — быть у Вас? Забыла тогда спросить.

Вы дружите с Буниным?[1] Мне почему-то грустно. Может быть, от тайного и сильного сознания, что с ним, Буниным, ни Вам, который его знает десять лет(?), ни мне, которая его видела раз, никому — никогда — до последней правды *не додружить*. Человек в *сквозной* броне, для виду, — может быть худшая броня[2].

До свидания до завтра. Жду ответа. Спасибо, что пришли на вечер. Вам я больше радовалась, чем доброй половине зала.

Преданная Вам

Марина Цветаева

3

Париж, 23-го апреля 1926 г., пятница.

Дорогой Лев Исаакович,

Не пришла вчера, потому что завтра еду[1]. Мне очень грустно уезжать не простившись, — Вы моя самая большая человеческая ценность в Париже — даже если бы Вы не писали книг!

Но Вы бы не могли их не писать, Вы бы их все равно — думали.

Никогда не забуду Вашей (плотиновской) утренней звезды, затемняющей добродетель[2].

До свидания — осенью.

Из Вандеи напишу, и буду счастлива увидеть на конверте Ваш особенный, раздельный, безошибочный — нет! — непогрешимый почерк (графический оттиск Вашего гения).

Целую Вас и люблю.

МЦ.

4

⟨Париж, 9-го октября 1926⟩[1]

Дорогой Лев Исаакович,

Мы живем в чудном месте, — парк и лес. Хочу, пока листья, с Вами гулять. Назначьте день и час — заранее.

Маршрут: по метро до Javel и там пересесть на электр⟨ическую⟩ дорогу Pont Mirabeau — направление Versailles. Сойти: Meudon, *Val-Fleuri*, перейти железную дорогу и спросить Boulevard Verd.

Наш дом с башенкой, в саду (несколько корпусов) за серой решеткой. Только непременно предупредите.

Целую Вас и люблю.

МЦ.

Почт⟨овый⟩ адрес:
Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd.

5

Дорогой Лев Исаакович,

Вот две копии. Надеюсь — не опоздала. Второй день на новой квартире, переезд был трудный, целый день — целые дни! — возили вещи на детской коляске (сломанной).

Но у меня отдельная комната, где можно говорить, и отдельный стол, где можно писать, и отдельная плита, где можно готовить.

Лес близко — 5 минут. Летом будем гулять, есть озера.

Целую Вас и люблю. Добрый путь!

МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
2-го апреля 1927 г.

6

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
6-го июня 1927 г.

Дорогой Лев Исаакович,

Спасибо за приглашение, буду непременно, а может быть и С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩. Привезу мундштук, который в прошлый раз опять забыла (зажала!).

Пишу Вам на лекции Ильина «Евразийство как знак *времени*»[1] и вспоминаю строку Рильке[2]:

«Ueber der wunderlichen Stadt der Zeit»* —

(Правда, — Вавилон встает?)

и свои собственные:

Ибо *мимо* родилась
Времени! Вотще и всуе
Ратуешь. Калиф на час —
Время! — я тебя миную[3].

и еще кузьминское:

«Чтó мне до них!»[4] —

(в моем применении — времен)

Простите за карандаш, но — лектор наверное думает, что я записываю — неудобно просить чернил.

До свидания!

МЦ.

Да! А Вы не можете меня звать просто — Марина?

7

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
28-го июня 1927 г., вторник.

Дорогой Лев Исаакович,

1) В субботу, 2-го мы с Вами обедаем у Путермана[1], — хотите поедем вместе? Буду у Вас в 7 ч., не позже, вместе отправимся. Отвечайте только, если *не* можете.

* «О странном городе времени» *(нем.).*

2) Внезапно вспомнила, что Свят⟨ополк⟩-Мирский переводит мою Поэму Горы для какого-то франц⟨узского⟩ журнала, — не для Commerce[2] ли? Если *да*, С⟨ув⟩чинский, в Вашем разговоре с ним, неизбежно на это сошлется, — так имейте в виду: Поэма Горы всего-навсего 200 строк, при половине гонорара Мирскому мне останется в *лучшем* случае — франков 300, 350 фр⟨анков⟩. По сравнению с возможностями прозы это мало и скорее походит на испорченную возможность.

Должна Вас предупредить, дорогой Лев Исаакович, что С⟨ув⟩чинский моей прозы тоже не любит, хотя не так воинственно, как Св⟨ятополк⟩-Мирский. Когда Вы начнете о прозе, он сразу заговорит о стихах, прибегнет *к отводу*.

Было бы хорошо, если бы Вы заговорили о реальной вещи, а именно о прозе памяти Рильке, которую знаете, о вещи читанной и одобренной Вами, *уже принятой Nouvelle Revue Française*[3], но которую бы, в виду гонорара, желательно поместить в Commerce.

Нужно С⟨ув⟩чинского зарядить — либо именем Рильке, либо любимостью его французами, либо самой вещью, либо вопросом гонорара, — не знаю *что́* для такого эстета действительнее.

Мне кажется, успех будет не из легких. Да! еще одно: он вещи не знает, будет и этим отговариваться.

Главная линия в разговоре: стихи не кормят, кормит проза, а проза у меня есть, — и она все равно появится, весь вопрос *где*.

Простите за скучное и тщательное, совсем не мое, письмо, — совсем не письмо!

Итак: 1) в четверг вижу С⟨ув⟩чинского и сообщаю о Вашем желании повидаться с ним перед отъездом.

2) В субботу в 7 ч., немножко раньше, заезжаю за Вами и вместе едем к Путерману, которого зовут Иосиф Ефимович, — на случай Вашего утвердительного ответа ему.

Мне же отвечайте только, если поедете не из дому.

Еще раз простите и спасибо за доброту и тяготу. Сердечный привет от С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ и меня.

МЦ.

P. S. С⟨ув⟩чинский и М⟨ир⟩ский до того не выносят моей прозы (особенно М⟨ир⟩ский)[4], что, даже не читав им, отдала прозу о Р⟨ильке⟩ в Волю России.

8

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc,
9-го июля 1927 г.

Дорогой и милый Лев Исаакович,

Разве Вы не знаете, что для меня дважды нет дождя 1) п. ч. *есть,* т. е. как всё в природе — люблю 2) даже если бы не любила, Вас — люблю и ни с каким ливнем бы не посчиталась.

Не приехала потому, что 5 ч. сряду сторожила, т. е. содержала под домашним арестом ядовитую воровку и шантажистку, ошельмовавшую всю русскую колонию и пуще всех — меня. При встрече расскажу, но думаю, что до меня прочтете в газетах.

Рвалась к Вам каждую минуту, а шантажистка—ко мне, хватала за ноги и за руки, умоляя отпустить. Не отпустила и не жалею.

История ее двухдневного пребывания у меня—роман, за который дорого дали бы Последние Новости.

Ошельмованы: Земгор[1] (Руднев!) д⟨окто⟩ра: Пасманик[2], Зернов[3], Вальтер[4], церковь Дарю[5],—кламарцы, шавильцы, медонцы[6],—всех не упомню и не перечислю. *Гениальная* актриса.

Спасибо за память о моих литер⟨атурных⟩ делах, но Св⟨ято-полк⟩-Мирский отвиливает: он *отлично* переводит,—перевел очень большую и трудную вещь Пастернака[7] для того же Commerce. Скоро напишу по-человечески, а пока—хорошего отдыха, хорошей погоды, бездумной головы и полного забвения всего парижского! (NB! *я*—Медон!)

Целую Вас, привет Вашим.

МЦ.

9

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
31-го июля 1927 г.

Дорогой Лев Исаакович,

Спасибо за весточку. Дела с Мирским и Commerce не двинулись. Произошла путаница: в след⟨ующем⟩ № Верст идет *не моя проза* о Рильке (напечатана в «Воле России» и до сих пор—десятое письмо пишу!—не оплачена), а поэма к нему же[1]. Прозы Мирский и не видел. Кроме того, он лицемер: Вам говорит, что не умеет переводить, а переводит труднейшую прозу Пастернака[2]. Просто—он мою прозу, как я Вам уже говорила, ненавидит, и всячески будет отвиливать. («Худшая проза, которую когда-либо читал»,—определение в каком-то англ⟨ий-ском⟩ журнале.)[3]

Сейчас он в городе, меня не окликает.—Бог с ним.

— Как у Вас погода? Надеюсь, что не медонская: ясные ночи, плаксивые дни, полная ненадежность и бестолочь, по три дождя в день. Было бы солнце, была бы втрое счастливее.

Ряд евразийских (тайных) отъездов в Россию, недавно провожали одного чудесного юношу,—и жаль и радостно.

Что еще? Меня недавно обокрали: чудный старинный браслет (курганный), другой браслет—недавний подарок Саломеи[4]—белье и ряд вещей. Вор—очаровательное женское существо, ошельмовавшее всю русскую колонию. При встрече расскажу,—случай стóящий, для меня до сих пор неразгаданный.

Вчера были мои именины, получила: фартук (от Али), ряд письменных принадлежностей от Сережи, от одной дамы рубашку (все украдено!), от П. П. С⟨увчин⟩ского мундштук и от В. А. С⟨увчин⟩ской—роговые очки, в которых и пишу.

Простите за вздор, радость часто глупит (это я о подарках!), пишите, целую. Сердечный привет Вашим.

МЦ.

Шестов (настоящая фамилия Шварцман) Лев Исаакович (1866—1938)—философ, писатель. С 1920 г. жил в Париже.

М. И. Цветаеву и Л. И. Шестова познакомила в 1914 г. Евгения Герцык. Знакомство состоялось во время встречи в ее квартире—Кречетниковский переулок, Москва. (*А. Цветаева*. С. 545.)

Письма М. Цветаевой к Л. И. Шестову относятся к периоду их сотрудничества в журнале евразийского движения «Версты» (см. письма к П. П. Сувчинскому и комментарии к ним) и свидетельствуют об исключительно теплых взаимоотношениях. Сохранилось свидетельство участия Л. И. Шестова в оказании М. Цветаевой материальной помощи. Так, Софья Ильинична Либер, член Парижского общества «Быстрая помощь», хотела передать деньги Цветаевой. «Сама она,—пишет Шестов в одном из писем 1927 г.,—не решилась ей предложить денежную помощь и просила меня передать Марине Ивановне 1000 фр⟨анков⟩. Я, конечно, взялся и, конечно же, когда я приехал к М⟨арине⟩ И⟨вановне⟩, оказалось, что деньги нужны до зарезу. Я думаю, что теперь уже С⟨офье⟩ И⟨льи ичне⟩ не трудно будет и лично с М⟨ариной⟩ И⟨вановной⟩ разговаривать. На днях обе они будут у меня и лично обо всем столкуются. С⟨офья⟩ И⟨льинична⟩ такая милая и деликатная женщина. М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩, с другой стороны, так тронута ее заботливостью, что, вернее всего, они сразу подружатся. Я очень рад за М⟨арину⟩ И⟨вановну⟩, что нашелся человек, который за нее готов похлопотать и о ней подумать. А то—все ополчились против неё». (Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. В 2 т. Т. 1. Париж: La Presse Libre, 1983. С. 346.) В 1928 г. Цветаева подарила Шестову свой сборник стихов «После России» (Париж, 1928) с надписью: «Льву Исааковичу Шестову с любовью и благодарностью. Марина Цветаева. Медон, 31-го мая 1928 г.». (Частное собрание.)

Впервые—*Вестник РХД*, 1979, № 129. Печатаются по оригиналам, находящимся в архиве составителя.

1

[1] Речь идет о М. Л. Слониме, который направлялся в США для чтения лекций и сбора средств в пользу политзаключенных в России.

[2] Вечер М. Цветаевой, который состоялся 6 февраля 1926 г. в Союзе молодых поэтов и писателей. Первый парижский вечер поэта имел огромный успех. См., например, отзывы в газете «Руль» (1926, 12 февраля), еженедельнике «Звено», (1926, 14 февраля), «Последних новостях» (1926, 21 марта).

О вечере сохранились свидетельства двух его очевидцев. Первое—С. Я. Эфрона (письмо В. Ф. Булгакову от 9 февраля 1926 г.):

«...Это был не успех, а триумф. Марина прочла около сорока стихов. Стихи прекрасно доходили до слушателей и понимались гораздо лучше, чем Марина редакторами («Современные записки», «Последние новости», «Дни» и пр.). После этого вечера число Марининых недоброжелателей здесь возросло чрезвычайно. Поэты и поэтики, прозаики из маститых и не-маститых негодуют». (*Соч. 88*. Т. 2. С. 620.)

Второе—В. Б. Сосинского (письмо своей невесте—будущей жене—Ариадне Викторовне Черновой):

«1926, 7 февраля

Все до сегодняшнего утра живут вчерашним вечером. Как радостно на Rouvet! Огромная прекрасная победа Марины Ивановны. Привожу себя в порядок, чтобы суметь рассказать... К 9 часам весь зал был полон—публика же продолжала наплывать. Около кассы—столпотворение. Отчаявшийся, потерявший всякую надежду—кассир Дода ⟨Д. Г. Резников⟩,—растерянные, разбиваемые публикой контролеры—застрявшие между стульев—навеки!—распорядители. Картина грандиозная! Марина Ивановна не может пройти к своей кафедре. Мертвый, недвижный комок людей с дрожащими в руках стульями над головами затер ее и Алю. Марине Ивановне целуют руки, но пропустить не в силах. Вова Познер,

балансируя стулом, рискуя своим талантом, жизнью, сгибается к руке М. И. Чей-то стул — из рук — пируэтом — падает вниз — на голову одной, застывшей в своем величии даме. Кто-то кому-то массирует мозоли, кто-то кому-то сел на колени. В результате — великая правда Божья: все, купившие пятифранковые билеты, сидят: все Цетлины, Познеры — толкутся в проходах.

Марина Ивановна всходит на высокую кафедру. Наше черное платье с замечательной бабочкой сбоку, которую вышила Оля. Голова М. И., волосы, черное платье, строгое, острое лицо — говорят стихи заодно с готическими окнами — с капеллой. Читала М. И. прекрасно, как никогда. Каждый стих находил свой конец в громких ладонях публики (!). Публика оказалась со слухом, почти все знали стихи М. И. — сверх ожидания воспринимала почти правильно. Движение проявлялось в тех местах, где сочетания слов были ясны для всех, иногда даже в тех местах, где звучал интересный ритм, воспринимавшийся вне смысла. М. И. читала вначале стихи о Белой Армии. Во втором отделении — новые стихи. Все искали глазами Алю, она сидела на ступеньке — у рояля — весь вечер. Рядом с ней — почти на полу — Шестов; на стуле: Алексей Михайлович 〈Ремизов〉 шепотом Шестову: «Вон тот жук черный, кудлатый — на Оле Черновой недавно женился».

Весь вечер — апология М. И. Большой, крупный успех. Отчетливо проступило: после Блока — одна у нас — здесь — Цветаева. Сотни людей ушли обратно, не пробившись в залу, — кассу закрыли в 9 ½ часов, — а публика продолжала валом валить. Милюков с женой не могли достать места, Руднев, Маклаков — стояли в проходе. Кусиков с тремя дамами не добился билетов. (Упоминаю о Кусикове, ибо он специалист в этой области.) Сергей Яковлевич, бросив все, бегал по дворику, куря папиросу за папиросой.

Да, Адя, видел своими глазами — у многих литераторов вместо зависти — восторг. Как хорошо! Если бы навсегда можно было заменить зависть — восторгом.

На Rouvet — радость... длится до сегодняшнего дня... Солнце — в «звончатом огне», нежданный гость — завершает вчерашний день. Я завершаю его — письмом к Тебе...»

(*Воспоминания о Цветаевой.* С. 376 — 377).

2

[1] Л. И. Шестов и И. А. Бунин были связаны помимо дружеских отношений родством и дружбой их жен (Анны Елеазаровны Березовской и Веры Николаевны Буниной).

[2] См. также письмо 9 к В. Ф. Булгакову.

3

[1] Цветаева готовилась к отъезду с детьми на океан, в деревню Сен-Жиль (департамент Вандея).

[2] Речь идет о статье Л. И. Шестова «О добродетелях и звездах», посвященной греческому философу Плотину (ок. 204/205 — 269/270) и опубликованной в газете «Дни» (Париж, 1926. 7 марта). В этом же номере помещено стихотворение М. И. Цветаевой «Час души». См. т. 2.

4

[1] Письмо Цветаевой является припиской к письму С. Я. Эфрона:

«Дорогой Лев Исаакович,

Повторяем свою просьбу — написать несколько стр〈аниц〉 о В. Розанове. Редакционное предисловие к «Апокалипсису» напишет Сувчинский, Ваша же статья будет напечатана не при материалах, а сама по себе.

Просьба срочная, ибо № уже в наборе. Размер статьи — чем сжатее, тем для нас лучше. Мы вынуждены чрезвычайно экономить место. Точнее: три — четыре — пять стр⟨аниц⟩.

Привет. *С. Эфрон*

Если укажете час приезда — встретим».

6

[1] Доклад В. Н. Ильина «Евразийство, как знамение времени» состоялся в Евразийском клубе (36, Rue de Richelieu).

[2] Из первой книги «Часослова».

[3] Из стихотворения М. Цветаевой «Хвала Времени», опубликованного в газете «Дни» (1926, 2 мая). См. т. 2.

[4] Из стихотворения М. А. Кузмина «От тоски хожу я на базары: что мне до них!..» («Венок весен», 1908).

7

[1] И. Е. Путерман содействовал Цветаевой в напечатании сборника «После России». См. комментарий 1 к письму 25 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] Ежеквартальное издание (Париж). Выходило в 1924—1932 гг. Редактор — поэт Поль Валери (1871—1945).

[3] Проза «Твоя смерть», посвященная памяти Рильке, была напечатана в журнале «Воля России» (1927, № 5/6); ее публикация в ежемесячном журнале «Nouvelle Revue Française» не обнаружена.

[4] См. комментарий 3 к письму 9.

8

[1] Земско-Городской Комитет помощи российским гражданам за границей. В. В. Руднев был членом Исполкома Земгора.

[2] *Пасманик* Даниил Самойлович (1869—1936) — литератор, принимал участие в журнале «На чужой стороне» (Париж).

[3] *Зернов* Михаил Степанович (1857—1938) — врач и общественный деятель. С 1926 г. жил в Париже.

[4] По-видимому, *Вальтер* Сергей Владимирович, зубной врач. Неизвестно, жил ли в Париже в это время другой врач — Вальтер Владимир Григорьевич (1860—1929), который умер в Ницце.

[5] Александро-Невский кафедральный собор в Париже на улице Дарю, 12. Заложен 3 марта 1859 г., освящен 30 августа 1861 г. в день перенесения святых мощей Александра Невского. Был главной церковью Парижа. «Среди молящихся в нем можно было увидеть высокие силуэты великих князей, вождей Белых Армий, героев великой и гражданской войны, бывших министров, дипломатов, членов Думы. ⟨...⟩ Писатели, художники и артисты, наряду с другими эмигрантами, образовали живописную, оживленную толпу, заполнявшую не только обширный храм и церковный двор, но даже и всю прилегающую улицу Дарю. Все, кто хотел встретить знакомых, окунуться в русскую атмосферу, стремились попасть туда». (За рубежом. Белград-Париж-Оксфорд. Хроника семьи Зерновых. Париж: YMCA-PRESS, 1973. С. 127.)

[6] Так на русский лад называли друг друга эмигранты по названию пригородов Парижа, в которых они проживали (Кламар, Шавиль, Медон).

[7] Д. П. Святополк-Мирский намеревался перевести «Детство Люверс» Б. П. Пастернака. Однако перевод не был закончен.

9

[1] Речь идет о «Новогоднем» (Версты, № 3).

[2] См. комментарий 7 к предыдущему письму.

[3] Д. П. Святополк-Мирский писал о прозе Цветаевой, что это «самая претенциозная, неряшливая, истеричная и во всех отношениях самая худшая проза, какой когда-либо писали по-русски» (D. S. Mirsky. Contemporary Russian Literature, 1881—1925. Лондон, 1926. С. 263).

[4] С. Н. Андроникова-Гальперн.

М. В. ВИШНЯКУ

Многоуважаемый
Марк Вениаминович,

Посылаю Вам по просьбе Федора Августовича[1] статью «Проза поэта»[2]. В случае могущих быть несогласий помечайте, пожалуйста, карандашом на полях. Если таких пометок окажется много — дружественно разойдемся. Если пустяки — тем лучше.

Рукопись мне, так или иначе, верните — в случае принятия для переписки по старой орфографии[3].

Очень просила бы не задержать с ответом, — судьбу рукописи мне нужно выяснить еще до отъезда[4] (крайний срок — 22-го). Если можно, верните экспрессом.

Сердечный привет

Марина Цветаева

8, Rue Rouvet
(19me)
Париж, 15-го апр⟨еля⟩ 1926 г.

Авторская корректура обязательна.

Вишняк Марк Вениаминович (1883—1977) — эсер, секретарь Учредительного собрания. С 1919 г. жил в Париже, с 1940 г. — в США. Бессменный соредактор «Современных записок».

Впервые — *Рус. мысль.* 1992. 16 октября (спец. приложение; публикация Е. Б. Коркиной). Печатается по тексту первой публикации.

[1] Ф. А. Степун, член редколлегии журнала «Современные записки».

[2] Речь идет, по-видимому, о рукописи, в полубеловом варианте носящей заглавие «Мой ответ Осипу Мандельштаму» (см. т. 5).

[3] Свою рукопись, первоначально предназначенную для «Верст», издававшихся по новой орфографии (см. письма к П. П. Сувчинскому в т. 6). В «Современных записках» была принята старая орфография.

[4] На лето в Сен-Жиль-Сюр-Ви.

Р.-М. РИЛЬКЕ

1

St. Gilles-sur-Vie
9-го мая 1926 г.

Райнер Мария Рильке![1]

Смею ли я так назвать Вас? Ведь вы — воплощенная поэзия, должны знать, что уже само Ваше имя — стихотворение. Райнер Мария — это звучит по-церковному — по-детски — по-рыцарски. Ваше имя не рифмуется с современностью, — оно — из прошлого или будущего — *издалека*. Ваше имя хотело, чтоб Вы его выбрали. (Мы сами выбираем наши имена, случившееся — всегда лишь следствие.)

Ваше крещение было прологом к Вам всему, и священник, крестивший Вас, поистину не ведал, что творил.

Вы не самый мой любимый поэт («*самый* любимый» — степень). Вы — явление природы, которое не может быть моим и которое не любишь, а ощущаешь всем существом, или (еще не все!) Вы — воплощенная пятая стихия: сама поэзия, или (еще не все) Вы — то, из чего рождается поэзия и что больше ее самой — Вас.

Речь идет не о человеке-Рильке (человек — то, на что мы осуждены!), — а о духе-Рильке, который еще больше поэта и который, собственно, и называется для меня Рильке — Рильке из послезавтра.

Вы должны взглянуть на себя моими глазами: охватить себя их охватом, когда я смотрю на Вас, охватить себя — во всю даль и ширь.

Что после Вас остается делать поэту? Можно преодолеть мастера (например, Гёте), но преодолеть Вас — означает (означало бы) преодолеть поэзию. Поэт — тот, кто преодолевает (должен преодолеть) жизнь.

Вы — неодолимая задача для будущих поэтов. Поэт, что придет после Вас, должен быть *Вами*, т. е. Вы должны еще раз родиться.

Вы возвращаете словам их *изначальный* смысл, вещам же — их изначальные слова (ценности)*. Если, например, Вы говорите «великолепно», Вы говорите о *«великой лепоте»***, о значении слова при его возникновении. (Теперь же «великолепно» — всего лишь стершийся восклицательный знак.)

По-русски я все это сказала бы Вам яснее, но не хочу утруждать Вас чтением по-русски, буду лучше утруждать себя писанием по-немецки[2].

Первое в Вашем письме, что *бросило* меня на вершину радости (не — вознесло, не — привело), было слово «май», которое Вы пишете через «у», возвращая ему тем самым старинное благородство. «Май» через «i» — в этом что-то от первого мая, не праздника рабочих, который (возможно) когда-нибудь еще будет прекрасен, — а от безобидного буржуазного мая обрученных и (не слишком сильно) влюбленных.

---

* По-немецки: Worte — Werte.

** По-немецки: großartig — große Art.

Не колько кратких (самых необходимых) биографических сведений: из русской революции (не революционной России, революция — это страна со своими собственными — и вечными — законами!) уехала я — через Берлин — в Прагу, взяв Ваши книги с собой. В Праге я впервые читала «Ранние стихотворения»[3]. И я полюбила Прагу — с первого дня — потому что Вы там учились.

В Праге я жила с 1922 по 1925, три года, а в ноябре 1925 уехала в Париж. Вы еще были там?[4]

На случай, если Вы там были:

Почему я к Вам не пришла? Потому что люблю Вас — больше всего на свете. Совсем просто. И — потому, что Вы меня не знаете. От с раждущей гордости, трепета перед случайностью (или судьбой, как хотите). А может быть, — от страха, что придется встретить Ваш холодный взгляд — на пороге Вашей комна ы. (Ведь Вы не могли взглянуть на меня иначе! А если бы и могли — это был бы взгляд, предназначенный для постороннего — ведь Вы не знали меня! — то есть: *все равно* холодный.)

И еще: Вы всегда будете воспринимать меня как русскую, я же Вас — как чисто-человеческое (божественное) явление. В этом сложность нашей слишком своеобразной нации: все что в нас — наше Я, европейцы считают «русским».

(То же самое происходит у нас с китайцами, японцами, неграми, — очень *далекими* или очень *дикими.*)

Райнер Мария, ничто не потеряно: в следующем (1927) году приедет Борис[5] и мы навестим Вас, где бы Вы не находились. Бориса я знаю очень мало, но люблю его, как любят лишь никогда не виденных (давно ушедших или тех, кто еще впереди: идущих *за нами**), никогда не виденных или никогда не бывших. Он не так молод — 33 года, по-моему, но похож на мальчика. Он нисколько не в своего отца (лучшее, что может сделать сын). Я верю лишь в материнских сыновей. Вы тоже — материнский сын. *Мужчина* по материнской линии — потому так богат (двойное наследство).

Он — первый поэт России. Об этом знаю я, и еще несколько человек, остальным придется ждать его смерти.

Я жду Ваших книг, как грозы, которая — хочу или нет — разразится. Совсем как операция сердца (не метафора! каждое стихотворение (твое) врезается в сердце и режет его *по-своему* — хочу или нет). Не хотеть! Ничего!

Знаешь ли, почему я говорю тебе Ты и люблю тебя и — и — и — Потому что ты — *сила.* Самое редкое.

Ты можешь не отвечать мне, я знаю, что такое время и знаю, что такое тихотворение. Знаю также, что такое *письмо.* Вот.

В кантоне Во, в Лозанне, я была десятилетней девочкой (1903)[6] и многое помню из того времени. Помню взрослую негритянку в пан-

---

* По-немецки: noch kommende — *nach*-kommende.

сионе, которая должна была учиться французскому. Она ничему не училась и ела фиалки. Это—самое яркое воспоминание. Голубые губы—у негров они *не красные*—и голубые фиалки. Голубое Женевское озеро—уже потом.

Чего я от тебя хочу, Райнер? Ничего. Всего. Чтобы ты позволил мне каждый миг моей жизни подымать на тебя взгляд—как на гору, которая меня охраняет (словно каменный ангел-хранитель!).

Пока я тебя не знала, я могла и так, теперь, когда я знаю тебя, — мне нужно позволение.

Ибо *душа* моя хорошо воспитана.

Но писать тебе я буду—хочешь ты этого или нет. О *твоей* России (цикл «Цари»[7] и прочее). О многом.

Твои русские буквы. *Умиление.* Я, которая как индеец (или индус?) никогда не плачу, я чуть было не— — —

Я читала твое письмо на берегу океана, океан читал со мной, мы вместе читали. Тебя не смущает, что он читал тоже? Других не будет, я слишком ревнива (к *тебе*—ревностна).

Вот мои книги[8] — можешь не читать — положи их на свой письменный стол и поверь мне на слово—до меня их не было. (На свете—не на столе!)

---

10 мая 1926

Знаете, как сегодня (10-го) я получила Ваши книги[9]. Дети еще спали (7 утра), я внезапно вскочила и побежала к двери. И в *тот же* миг—рука моя уже была на дверной ручке—постучал почтальон—прямо мне в руку.

Мне оставалось лишь завершить движенье и, открыв дверь все той же, еще хранившей стук рукой,—принять Ваши книги.

Я их еще не раскрывала, иначе это письмо не уйдет сегодня—а оно должно лететь.

Когда дочь моя (Ариадна) была еще совсем маленькая—два-три года—она часто спрашивала меня перед сном: «А ты будешь читать Рейнеке?»[10]

В Рейнеке превратил ее быстрый детский слух — Райнера Мария Рильке. Дети не чувствуют пауз.

Я хочу написать тебе о Вандее, моей героической французской родине. (В каждой стране и каждом столетии есть хоть одна родина — не так ли?) Я здесь ради *имени*. Когда человек, как я, не имеет ни денег, ни времени, он выбирает самое необходимое: насущное.

Швейцария не впускает русских. Но горы должны расступиться (или расколоться!) – чтобы мы с Борисом приехали к тебе! Я верю в горы. (Измененная мною строка – но в сущности, прежняя – ибо горы *рифмуются* с ночами – ты ведь узнаешь ее?)[11]

Марина Цветаева

Ваше письмо к Борису уйдет сегодня же – заказным и – отданное на волю всех богов[12]. Россия для меня все еще – какой-то потусторонний мир.

2

St. Gilles-sur-Vie
12-го мая 1926 г.

Тот свет (не церковно, скорее географически) ты знаешь учше, чем этот, ты знаешь его топографически, со всеми горами, островами и замками.

Топография души – вот, что ты такое. И твоей книгой (ах, это была не книга – это стало книгой!) о бедности, паломничестве и смерти ты сделал для Бога больше, чем все философы и проповедники вместе.

Священник – преграда между мной и Богом (богами)[1]. Ты же – друг, *углубляющий* и усугубляющий радость (радость ли?) великого часа между двумя (вечными двумя!), тот, без кого уже не чувствуешь другого и кого *единственного* в конце концов только и любишь.

Бог. Ты один сказал Богу нечто новое. Ты высказал отношения Иоанна и Иисуса (невысказанные обоими). Но – разница – ты любимец отца, не сына, ты – Бога-отца (у которого никого не было!) Иоанн. Ты (избранничество – выбор!) выбрал отца, потому что он был более *одинок* и – немыслим для любви!

Не Давид, нет. Давид – вся застенчивость своей силы. Ты же – вся отвага и дерзость твоей силы.

Мир был еще слишком юн. *Все* должно было произойти – чтобы прише ты.

Ты посмел *так* любить (высказать!) нечеловеческого (*все*божественного) Бога-отца, как Иоа никогда не смел любить все-человеческого сына! Иоанн любил Иисуса (вечно прячась от своей любви на его груди), прикосновением, взглядом, поступками. Слово – героика любви, всегда желающей быть немой (чисто деятельной).

Хорошо ли ты понимаешь мой плохой немецкий? По-французски я пишу свободно, потому я не хочу писать тебе по-французски. От меня к тебе ничто не должно течь. Лететь – да! А раз нет, – лучше запинаться и спотыкаться.

Знаешь, что творится со мной, когда я читаю твои стихи? На первый мимолетный взгляд (молниеносный, звучит лучше, будь я немцем, я передала бы: молния ведь быстрее взгляда! А молниеносный взг яд быстрее просто молнии. Две быстроты в одной. Не правда ли?) Итак, на первый взгляд (раз я – не немец), мне все понятно – затем – ночь: пустота – затем: Боже, как ясно! – и как только я что-то схвачу (не аллегорически, а почти рукой) – все стирается вновь: лишь печатные строчки. Молния за молнией (молния – ночь – молния) – вот что со мной творится, когда я читаю тебя. Так должно быть с тобою, когда ты пишешь – себя.

«Рильке легко понять» — с гордостью говорят посвященные: антропософы и другие мистические сектанты (я, собственно, не против, лучше, чем социализм, но...). «Легко понять». По частям, в раздробленном виде: Рильке-романтик, Рильке-мистик, Рильке-мифотворец и т. д. и т. п. Но попытайтесь охватить всего Рильке. Здесь бессильно все ваше ясновиденье. Для чуда не нужно ясновиденья. Оно налицо. Любой крестьянин — свидетель: глазами видел. Чудо: неприкосновенно, непостижимо.

Вторую ночь вчитываюсь в твоего «Орфея». (Твой «Орфей» — страна, потому: *в)*. И, кстати, только что получила из Парижа русскую, чисто литературную газету (нашу единственную за границей) со следующими строками:

«Из этого («Поэт о критике» — заметки, проза) мы узнаем, что госпожа Ц. до сих пор безутешна из-за смерти Орфея и тому подобные нелепости...»[2].

Один критик сказал о Блоке: «Четыре года, отделяющие нас от его смерти, примирили нас с нею, почти приучили нас к ней»[3].

Я парировала: «Если достаточно четырех лет, чтобы примириться со смертью такого поэта как Блок, то как обстоит дело с Пушкиным (†1836)*. И как с Орфеем (†)? Смерть любого поэта, пусть самая естественная, противоестественна, т. е. *убийство*, поэтому нескончаема, непрерывна, вечно — ежемгновенно — длящаяся. Пушкин, Блок и — чтобы назвать всех разом — ОРФЕЙ — никогда не может умереть, поскольку он умирает именно теперь (вечно!). В каждом любящем заново, и в каждом любящем — вечно». Поэтому — никакого примирения, пока мы сами не станем «мертвыми»[4]. (Приблизительно, по-русски было лучше.)

Это, конечно, не имеет отношения к «литературе» (belles lettres**), поэтому меня высмеяли. Будь это стихи (поэт *(глупец!)*, который осмеливается писать прозой!), будь это стихи, они бы промолчали, а может, и — вздохнули. Не древняя ли притча об Орфее и зверях, к которым принадлежали и — овцы?

Ты понимаешь, я неуязвима, ибо я не госпожа Ц., и т. д. и т. п., как они всё же считают. Но мне грустно: вечно-правдивая и вновь повторяющаяся история о поэте и толпе, — как бы хотелось, все-таки избавиться от этого!

Твой «Орфей». Первая строчка:

И дерево себя перерастало...[5]

Вот она, *великая лепота* (великолепие). *И как я это знаю!* Дерево выше самого себя, дерево перерастает себя, — потому такое высокое. Из тех, о которых Бог — к счастью — не заботится (сами о себе заботятся!) и которые растут прямо в небо, в семидесятое (у нас, русских, их — *семь!*)[6]. (Быть на седьмом небе от радости. Видеть седьмой сон. Неделя — по-древнерусски — седьмица. Семеро одного не ждут. Семь Симеонов (сказка). 7 — русское число! О, еще много: Семь бед — один ответ, много.)[7]

Песня — это бытие[8] (кто не поет, еще не есть, еще будет!).

---

* Так в тексте. — *Сост.*

** Художественная литература *(фр.)*.

Но тяжелы и моря и горы...[9]

(словно ты утешаешь ребенка, хочешь придать ему бодрости... и — почти улыбаясь его неразумию:

...Но эти веянья... но эти дали...

Эта строчка — *чистая интонация* (интенция), и, значит, чистая ангельская речь. (Интонация: интенция, ставшая звуком. Воплощенная интенция.)

...Нам незачем искать
других имен. Когда раздастся пенье,
раз навсегда мы будем знать — Орфей[10].

(именно это — Орфея поющего и умирающего в каждом поэте — я имела в виду на предыдущей странице).

Откуда он? Из нашего ли мира?[11]

И уже чувствуешь подступающее (близкое) Нет. О, Райнер, я не хочу выбирать (выбирать значит рыться и быть привередливой)*, я не могу выбирать, я беру первые случайные строки, которые еще хранит мой слух. Ты пишешь мне в уши, тебя читаешь ухом.

Эта гордость из земли[12]

(конь, выросший из земли). Райнер! Следом посылаю книгу «Ремесло», там найдешь ты св⟨ятого⟩ Георгия[13], который почти конь, и коня, который почти всадник, я не разделяю их и не называю. Твой всадник! Ибо всадник не тот, кто сидит на лошади, всадник — оба вместе, новый образ, нечто не бывшее раньше, не всадник и конь: всадник-конь и конь-всадник: ВСАДНИК.

Твоя карандашная запись (так ли это называется? нет, лучше помета!) — легкое ласковое слово: к собаке[14]. Милый, это переносит меня в мое детство, в мои одиннадцать лет, то есть в Шварцвальд, в саму его глубь. И воспитательница (ее звали фройляйн Бринк[15], и она была омерзительна) говорит: «Этой дьявольской девчонке Марине можно все простить, когда она произносит: *«собака!»* (Собака — от восторга и нежности и нетерпения — завывая — с тремя а-а-а. То были не породистые собаки, — уличные!**)

Райнер, величайшее счастье, блаженство прижаться своим лбом к собачьему, глаза в глаза, а собака, удивленная, оторопевшая и польщенная (не каждый же день случается!), начинает ворчать. И тогда зажимаешь ей обеими руками пасть — ведь может и укусить, от одного умиления! — и целуешь. Много раз подряд.

Есть ли у тебя там, где ты сейчас, собака? А где ты сейчас? Вальмон — так звали героя жестокой, холодной и умной книги: Лакло[16] «Liaisons dangeureuses»***, которая у нас в России — не могу понять

---

* По-немецки — игра слов: wählen ist wuhlen und wüst sein.

** По-немецки: Rassehunde — Gassenhunde.

*** «Опасные связи» *(фр.)*.

почему, нравственнейшая книга! — была запрещена наравне с мемуарами Казановы (которого страстно люблю!). Я написала в Прагу, мне должны прислать мои две драматические поэмы (все же не драмы, по-моему): «Приключение» (Генриетта, помнишь? *самое прекрасное* из его приключений, которое вовсе не приключение, — единственное, которое не приключение) и «Феникс» — конец Казановы[17]. Герцог, 75 лет, одинокий, бедный, старомодный, осмеянный. Его последняя любовь. 75 лет — 13 лет. Это ты должен прочесть, это легко понять (я имею в виду язык). И — не удивляйся — это написано моей *германской,* не французской душой.

Касаемся друг друга. Чем? Крылами...[18]

Райнер, Райнер, ты сказал мне это, не зная меня, как слепой (зрячий!) — наугад. (Лучшие стрелки́ — слепые!)

Завтра — Вознесение Христово. В о з н е с е н и е. Как хорошо! Небо при этом выглядит совсем как мой океан — с волнами. И Христос — возносится.

Только что пришло твое письмо. Моему пора отправляться.

Марина

3

St. Gilles-sur-Vie
Вознесение Христово, 13-го мая 1926

...перед ним
не кичиться тебе проникновенностью чувства...[1]

Поэтому: чисто-человечески и очень скромно: Рильке-человек. Написав, запнулась. Люблю поэта, не человека. (Теперь ты, прочитав, запнулся.) Это звучит эстетски, т. е. бездушно, неодухотворенно (эстеты — те, у кого нет души, а только пять (часто меньше) острых чувств). Смею ли я выбирать? Когда я люблю, я не могу и не хочу выбирать (пошлое и ограниченное право!). Ты — уже абсолют. Пока же я не полюблю (не *узна́ю*) тебя, я не смею выбирать, ибо не имею к тебе никакого отношения (не знаю твоего товара!).

Нет, Райнер, я не коллекционер, и человека Рильке, который еще больше поэта (как ни поверни — итог один: больше!), — ибо он несет поэта (рыцарь и конь: ВСАДНИК!), я люблю неотделимо от поэта.

Написав: ильке-человек, я имела в виду того, кто живет, издает свои книги, кого любят, кто уже многим принадлежит и, наверное, устал от любви многих. — Я имела в виду лишь множество человеческих связей! Написав: ильке-человек, я имела в виду *то*, где для меня нет места. Поэтому вся фраза о человеке и поэте — чистый отказ, отречение, чтоб ты не подумал, будто я хочу вторгнуться в твою жизнь, в твое время, в твой день (день трудов и общений), который раз навсегда расписан и распределен. Отказ — чтобы затем не стало больно: первое имя, первое число, с которыми сталкиваешься и которые отталкивают тебя. (Берегись — отказа!*)[2]

---

* По-немецки: Vorsicht — Verzicht!

Милый, я очень послушна. Если ты мне скажешь: не пиши, это меня волнует, я нужен себе для самого себя, — я все пойму и стерплю.

Пишу тебе в дюнах, в тонкой траве дюн. Мой сын (год и три месяца, Георгий — в честь нашей белой армии. А Борис считает себя социалистом! Неужели ты тоже?) — итак мой сын сел на меня верхом (почти на голову!) и отнимает у меня карандаш (пишу прямо в тетради). Он так красив, что все старые женщины (какие наряды! жаль, что тебя здесь нет!) восклицают в один голос: «Mais c'est un petit Roi de Rome!»*[3]. *Бонапартистская* Вандея — не странно ли? О короле они уже забыли, но слово «император» еще можно услышать. Наши хозяева (рыбак и его жена, сказочная пара, вместе им — 150 лет!) еще хорошо помнят последнюю империю.

Дети во множественном числе? Милый, не могла сдержать улыбки. *Дети* — понятие растяжимое (двое или семь?). Двое, милый, двенадцатилетняя девочка и годовалый сын[4]. Два маленьких великана из детской Валгаллы[5]. Дети великолепные, редкостные. Высокая ли Ариадна? О, даже выше меня (я не маленькая) и вдвое толще (я ничего не вешу). Вот моя фотография — из паспорта — я светлей и моложе. Потом пришлю лучшую и сделанную совсем недавно, в Париже. Фотографировал меня Шумов, который снимал и работы твоего великого друга[6]. — Он мне много рассказывал о нем. — Я не решилась спросить, нет ли у него твоей фотографии. — Заказать ее для себя не посмела бы. (Ты уже понял, что я прошу тебя — напрямик и совсем без всякой робости — о твоей фотографии.)

...Лазурь и робость детских лет...[7]

Это я еще помню. Кто ты, Райнер? Германец? Австриец? (Ведь прежде разницы не было? Я не слишком образована — обрывочно.) Где ты родился? Как попал в Прагу? Откуда — «Цари»? Ведь это чудо: ты — Россия — я.

— Сколько вопросов!

Твоя земная участь волнует меня *еще* глубже, чем иные твои пути. Потому что я знаю, как это тяжко — все.

Давно ли ты болен? Как живешь в Мюзо? Красота! Высоко и достойно и серьезно. Есть ли у тебя семья? Дети! (Думаю, нет.) Долго ли еще пробудешь в санатории? Есть ли у тебя там друзья?

Бульвар де Granси, 3 (кажется, недалеко от Уши́) — там ты найдешь меня[8]. У меня короткие волосы (как сейчас, в жизни никогда не носила длинных), и я похожа на мальчика, с четками на шее.

Сегодня ночью читала твои Дуинезские элегии. Днем мне не удается ни читать, ни писать, я занята хозяйством до поздней ночи, ведь у меня всего две руки. Мой муж — всю молодость был добровольцем, ему скоро

---

* Ведь это маленький Римский король *(фр.)*.

31 (мне будет 31 в сентябре)[9], очень болезненный, а кроме того мужчина не может делать женскую работу, это ужасно выглядит (на женский взгляд) — сейчас он еще в Париже, скоро приедет. В юнкерском училище его в шутку называли «астральный юнкер». Он красив: страдальческой красотой. Дочь похожа на него, но счастливая, а сын скорей на меня, оба — светлые, светлоглазые, моя раскраска.

Что тебе сказать о твоей книге? Высшая степень. Моя постель стала облаком.

Милый, я уже *все* знаю — от меня к тебе — но для многого еще слишком рано. Еще в тебе что-то должно привыкнуть ко мне.

Марина.

4

St. Gilles-sur-Vie
3-го июня 1926 г.

Многое, почти все, остается в тетради. Тебе — лишь слова из моего письма к Борису Пастернаку:

«Когда я неоднократно тебя спрашивала, что мы будем с тобою делать в жизни, ты однажды ответил: «Мы поедем к Рильке». А я тебе скажу, что Рильке перегружен, что ему ничего, никого не нужно. От него веет холодом имущего, в имущество которого я уже включена. Мне ему нечего дать, все взято. Я ему не нужна и ты не нужен. Сила, всегда влекущая, — отвлекает. Нечто в нем (как это зовется, ты знаешь) не желает отвлекаться. Не имеет права.

Эта встреча для меня — удар в сердце (сердце не только бьется, но и получает удары, когда устремляется ввысь!), тем более, что он совершенно прав, что я (ты) в свои лучшие часы сами такие же»[1].

Фраза из твоего письма: «...если вдруг я перестану сообщать тебе, что со мной происходит, ты все равно должна писать *мне* всякий раз, когда...»[2]

Прочла и сразу: эта фраза — просьба о покое. Покой наступил. (Теперь ты немного успокоился?)

Знаешь ли ты, что все это значит: покой, беспокойство, просьба, исполнение и т. д. Слушай же — мне кажется, что я знаю точно.

До жизни человек — *всё* и *всегда*, живя жизнь, он — *кое-что* и *теперь*. (Есть, имеет — безразлично!)

Моя любовь к тебе раздробилась на дни и письма, часы и строки. Отсюда — беспокойство. (Потому ты и просил о покое!) Письмо сегодня, письмо завтра. Ты живешь, я хочу тебя видеть. Перевод из Всегда в Теперь. Отсюда — терзание, счет дней, обесцененность каждого часа, час — лишь ступень — к письму. *Быть* в другом или *иметь* другого (или хотеть иметь, вообще — *хотеть*, едино!) Я это заметила и смолкла.

Теперь это прошло. С желаниями я справляюсь быстро. Чего я от тебя хотела? Ничего. Скорей уж — возле тебя. Быть может, просто — к тебе. Без письма уже стало — без тебя. Дальше — пуще. Без письма —

без тебя, с письмом — без тебя, с тобой — без тебя. *В* тебя! Не *быть*. — Умереть!

Такова я. Такова любовь — во времени. Неблагодарная, сама себя уничтожающая. Любви я не люблю и не чту.

В великой низости любви —

у меня есть такая строчка[3]. (La grande bassesse de l'amour или — еще лучше — la bassesse suprême de l'amour*.)

Итак, Райнер, это прошло. Я не хочу к тебе. Не хочу хотеть.

Может быть — когда-нибудь — с Борисом (издалека, без единой строки от меня, он все «почуял»! Слух поэта!) — но когда — как... Не будем спешить!

И — чтобы ты не счел меня низкой — не из-за терзания я молчала — из-за уродливости этого терзания!

Теперь — прошло. Теперь я пишу тебе.

Марина.

5

St. Gilles-sur-Vie,
14-го июня 1926 г.

Слушай, Райнер, ты должен знать это с самого начала. Я — плохая. Борис — хороший. И потому что плохая, я молчала — лишь несколько фраз про твое российство, мое германство и т. д. И вдруг жалоба: «Почему ты меня отстраняешь? Ведь я люблю его не меньше твоего»[1].

Что я почувствовала? Раскаянье? Нет. *Никогда*. Ни в чем. Ничего не почувствовала, но стала действовать. Переписала два твоих первых письма и послала ему. Что я могла еще? О, я плохая, Райнер, не хочу сообщника, даже если бы это был сам Бог.

Я — многие, понимаешь? Быть может, неисчислимо многие! (Ненасытное множество!) И один ничего не должен знать о другом, это мешает. Когда я с сыном, тот (та?), нет — то, что пишет тебе и любит тебя, не должно быть рядом. Когда я с тобой — т. д. Обособленность и отстраненность. Я даже в себе (не только — вблизи себя) не желаю иметь сообщника. Поэтому в жизни я — лжива (то есть замкнута, и лжива — когда вынуждают говорить), хотя в другой жизни я слыву правдивой — такая и есть. Не могу делиться.

А пришлось (это было за два-три дня до твоего письма). Нет, Райнер, я не лжива, я слишком правдива. Если бы я умела бросаться простыми, дозволенными словами: переписка, дружба — все было бы хорошо! Но я-то знаю, что ты не переписка и не дружба. В жизни людей я хочу быть тем, что не причиняет боли, потому и лгу — всем, кроме себя самой.

Всю жизнь в ложном положении. «Ибо где я согнут, — я солган»[2]. *Солгана*, Райнер, не лжива!

Когда я обнимаю незнакомца, обвив его шею руками, это естественно, когда я рассказываю об этом, это неестественно (для меня самой!).

---

* Великая (высшая) низость любви *(фр.)*.

А когда я пишу об этом стихи, это опять-таки естественно. Значит, поступок и стихи меня оправдывают. То, что между, обвиняет меня. Ложь — то, что между, — не я. Когда я говорю правду (руки вокруг шеи) — это ложь. Когда я об этом молчу, это правда.

Внутреннее право на сохранение тайны. Это никого не касается, даже шеи, вокруг которой обвились мои руки. *Мое* дело. Не забудь еще, что я замужем, у меня дети и т. д.

Отказаться? Ах, не так уж все это серьезно, чтоб того стоило. Отказываюсь я слишком легко. И наоборот, совершая жест, я радуюсь, что еще могу его совершить. Так редко чего-то хотят мои руки.

Глубоко погрузить в себя и через много дней или лет — однажды — внезапно — возвратить фонтаном, перестрадав, просветлев: глубь, ставшая высью. Но не рассказывать: тому писала, этого целовала.

«Радуйся же, скоро всему конец!» — говорит моя душа моим губам. И обнять дерево или человека для меня одно и то же. *Быть.*

Это одна сторона. Теперь — другая. Борис *подарил* тебя мне. И, едва получив, хочу быть единственным *владельцем*. Довольно бесчестно. И довольно мучительно — для него. Потому я и послала письма.

Твои милые фотографии. Знаешь, как ты выглядишь на той, что больше? Словно ты поджидал кого-то — и вдруг тебя окликнули. А другая, поменьше, — прощанье. Отъезжающий, который еще раз, должно быть наспех — лошади уже ждут — оглядывает свой сад, как исписанный лист, прежде чем расстаться. Не отрываясь — освобождаясь. Тот, кто бережно выпускает из рук — целый пейзаж. (Райнер, возьми меня с собой!)

У тебя прозрачные глаза, лазурно-прозрачные — как у Ариадны, а морщинка (вертикальная!) меж бровей — у тебя от меня. Она была у меня уже в детстве — я всегда хмурила брови, раздумывая или злясь.

(Райнер, я люблю тебя и хочу к тебе.)

Твоя Элегия[3], Райнер, всю жизнь я раздаривала себя в стихах — всем. В том числе и поэтам. Но я всегда давала слишком много, я заглушала возможный ответ, отпугивала его. Весь отзвук был уже предвосхищен мной. Вот почему поэты никогда не писали мне стихов — никаких (плохие и есть никакие, еще хуже, чем никакие!) — и я всегда посмеивалась: они предоставляют это тому, кто будет через сто лет.

И вот, твои стихи, Райнер, стихи Рильке, поэта, стихи — поэзии. И моя, Райнер, — немота. Все наоборот. Все правильно.

О, я люблю тебя, иначе я не могу этого назвать — первое попавшееся и все же самое *первое* и самое *лучшее* слово.

Райнер, вчера вечером я вышла из дома, чтобы снять белье, ибо надвигался дождь. И приняла в свои объятья весь ветер, — нет! весь Север. И это был ты. (Завтра это будет Юг!) Я не взяла его домой, он

остался на пороге. Он не вошел в дом, но едва я заснула, он умчал меня с собой на море.

Подаем только знаки друг другу[4] —

И о любящих, о их включенности и исключенности («Из сердцевины Вечного...»).

И долгий неслышимый путь под луной.

И все ж это называется только так: я люблю тебя.

Марина.

Любимый! Я хочу подарить тебе слово, может быть, ты его не знаешь.

«Боль — истинное слово, боль — доброе слово, боль — милосердное слово».

(Св⟨ятого⟩ Кунигунда, XIII век)[5].

Фотографии у меня еще нет, как только получу, пришлю, пришлю тебе. Напиши мне о Мюзо — ушли ли каменщики? И пришло ли солнце? У нас — ни одного солнечного часа. Я хотела бы послать тебе все солнце, прибить его к небу, которое над тобой.

Да, Райнер! Если бы написала о тебе что-нибудь, это называлось бы: *Поверх* горы.

Первая собака, которую ты погладишь, прочитав это письмо, *буду я*. Обрати внимание на ее взгляд.

6

St. Gilles-sur-Vie
6-го июля 1926 г.

Дорогой Райнер,

у Гёте где-то сказано, что на чужом языке нельзя создать ничего значительного, — я же всегда считала, что это неверно. (Гёте никогда не ошибается в целом, он прав в итоговом смысле, поэтому сейчас я несправедлива к нему.)

Поэзия — уже перевод, с родного языка на чужой — будь то французский или немецкий — неважно. Для поэта нет родного языка. Писать стихи и значит перелагать. Поэтому я не понимаю, когда говорят о французских, русских или прочих поэтах. Поэт может писать по-французски, но не быть французским поэтом. Смешно.

Я не русский поэт и всегда недоумеваю, когда меня им считают и называют. Для того и становишься поэтом (если им вообще *можно* стать, если им не *являешься* отродясь!), чтобы не быть французом, русским и т. д., чтобы быть — всем. Иными словами: ты — поэт, ибо не француз. Национальность — это от- и заключенность. Орфей взрывает национальность или настолько широко раздвигает ее пределы, что все (и бывшие, и сущие) заключаются в нее. И хороший немец — там! И — хороший русский!

Но в каждом языке есть нечто лишь ему свойственное, что и есть *сам* язык. Поэтому по-французски ты звучишь иначе, чем по-немецки, — от-

того и стал писать по-французски! Немецкий глубже французского, полнее, растяжимее, *темнее*. Французский: часы без отзвука, немецкий — более отзвук, чем часы (бой). Немецкий продолжает создаваться читателем — вновь и вновь, бесконечно. Французский — уже создан. Немецкий — *возникает*, фрацузский — *существует*. Язык неблагодарный для поэтов — потому ты и стал писать на нем. Почти невозможный язык.

Немецкий — бесконечное обещание (*тоже* — дар!), но французский — дар окончательный. Платен[1] пишет по-французски. Ты («Verger») пишешь по-немецки, то есть — себя, поэта. Ибо немецкий ближе всех к родному. Ближе русского, по-моему. Еще ближе.

Райнер, узнаю тебя в каждой строчке, но звучишь ты короче, каждая строка — усеченный Рильке, почти как конспект. Каждое слово. Каждый слог.

Grand-Maître des absences*[2]

это ты прекрасно сделал. Grossmeister** звучало бы не так! И — partance (entre ton trop d'arrivée et ton trop de partance***[3] — это идет издалека — потому и заходит так далеко!) из стихов Марии Стюарт:

Combien j'ai douce souvenance
De ce beau pays de France...*****[4]

Знаешь ли ты эти ее строки:

Car mon pis et mon mieux
Sont les plus déserts lieux?******[5]

(Райнер, что великолепно прозвучало бы по-французски, так это «Песнь о корнете»![6])

Стихотворение Verger*******[7] я переписала для Бориса.

Soyons plus vite
Que le rapide départ********[8] —

это рифмуется с моим:

Т о т п о е з д, н а к о т о р ы й в с е —
О п а з д ы в а ю т...

(О поэте)[9].

А «pourquoi tant appuyer»*********[10] — со словами мадемуазель Леспинас: «Glissez, mortels, n'appuyez pas!»**********[11]

* Великий мастер отсутствий *(фр.)*.

** Гроссмейстер (великий мастер) *(нем.)*.

*** Отплытие (между непомерностью твоего прибытия и твоего отплытия) *(фр.)*.

**** Сколь сладостно вспоминать мне
Об этой прекрасной Франции *(фр.)*.

***** Ибо худшее и лучшее во мне —
Места, что всего пустынней *(фр.)*.

****** Фруктовый сад *(фр.)*.

******* Будем быстрей,
Чем поспешный отъезд *(фр.)*.

******** Надо ли так опираться *(фр.)*.

********* Скользите, смертные, не опирайтесь! *(фр.)*

Знаешь, что нового в этой книге? Твоя улыбка. («Les Anges sont-ils devenus discrets»[12] — «Mais l'excellente place — est *un peu trop* en face»...)*[13]

Ах, Райнер, первую страницу этого письма я могла бы совсем опустить. Сегодня ты:

...Et pourtant quel fier moment
lorsqu'un instant le vent se déclare
pour tel paus: consent à la France**[14]

Будь я французом и пиши я о твоей книге, я поставила бы эпиграфом: «consent à la France»***.

А теперь — от тебя ко мне:

Parfois elle paraît attendrie
Qu'on l'écoute si bien, —
alors elle montre sa vie
et ne dit plus rien****[15]

(Ты, природа!)

Но ты *еще* и поэт, Райнер, а от поэтов ждут *de l'inédit******. Поэтому скорее — большое письмо, для меня одной, иначе я притворюсь глупей, чем на самом деле, «обижусь», «буду обманута в лучших чувствах» и т. д., но ведь ты напишешь мне (для своего успокоения! и потому что ты *добрый!)*.

Можно мне поцеловать тебя? Ведь это не более, чем обнять, а обнимать, не целуя, — почти невозможно!

Марина

На обороте твоего конверта:

Отправитель: Muzot sur Sierre (Valais), Suisse******.

Мюзо — автор стихов твоей книги. Поэтому он посылает ее, не упоминая } о тебе[16] / тебя.

7

St. Gilles-sur-Vie
2-го августа 1926 г.

Райнер, твое письмо[1] я получила в день своих именин — 17/30 июля, у меня ведь тоже есть святая, хотя я ощущаю себя первенцем своего имени, как тебя — первенцем твоего. Святой, которого звали Райнер, звался, верно, иначе. *Ты* — Райнер.

---

* Разве ангелы стали скромные! — Но лучшее место — не напротив, чуть дальше... *(фр.)*.

** Однако какой возвышенный миг,
когда вдруг поднимается ветер
за эту страну: он заодно с Францией *(фр.)*.

*** Заодно с Францией *(фр.)*.

**** Порой она кажется растроганной
тем, что ее так внимательно слушают, —
тогда она показывает свою жизнь
и больше не говорит ничего *(фр.)*.

***** Неизданного *(фр.)*.

****** Мюзо на Сьерр (Валэ), Швейцария *(фр.)*.

Итак, в день моих именин я получила лучший подарок — твое письмо. Как всегда, совсем неожиданно. Я никогда к тебе не привыкну (как к себе самой!), и к этому изумлению тоже, и к собственным мыслям о тебе. Ты — то, что приснится мне этой ночью, чему *я* этой ночью буду сниться. (Видеть сон или во сне быть увиденной?) Незнакомкою в чужом сне. Я никогда не жду, я всегда узнаю́ тебя.

Если мы кому-нибудь приснимся вместе — значит, мы встретимся.

Райнер, я хочу к тебе, ради себя, той новой, которая может возникнуть лишь с тобой, в тебе. И еще, Райнер («Райнер» — лейтмотив письма) — не сердись, это ж *я*, я хочу спать с тобою — засыпать и спать. Чудное народное слово, как глубоко, как верно, как недвусмысленно, как точно то, что оно говорит. Просто — спать. И ничего больше. Нет, еще: зарыться головой в твое левое плечо, а руку — на твое правое — и ничего больше. Нет еще: даже в глубочайшем сне знать, что это ты. И еще: слушать, как звучит твое сердце. И — его целовать.

Иногда я думаю: я должна воспользоваться той случайностью, что я пока еще (все же!) живое тело. Скоро у меня не будет рук. И еще — это звучит как исповедь (что такое исповедь? хвалиться своими пороками! Кто мог бы говорить о своих муках без упоения, то есть счастья?!) — итак, пусть это не звучит как исповедь: телам со мной скучно. Они что-то подозревают и мне (моему) не доверяют, хотя я делаю всё, как все. Слишком, пожалуй... незаинтересованно, слишком... благосклонно. И — слишком доверчиво! Доверчивы — чужие (дикари), не ведающие никаких законов и обычаев. Но местные доверять не могут. К любви все это не относится, любовь слышит и чувствует только себя, она привязана к месту и часу, *этого* я подделать не могу. И — великое сострадание, неведомо откуда, безмерная доброта и — ложь.

Я чувствую себя все старше. Слишком серьезна — детская игра, я — недостаточно серьезна.

Рот я всегда ощущала как мир: небесный свод, пещера, ущелье, бездна. Я всегда переводила тело в душу (развоплощала его!), а «физическую» любовь — чтоб ее полюбить — возвеличила так, что вдруг от нее ничего не осталось. Погружаясь в нее, *ее* опустошила. Проникая в нее, *ее* вытеснила. Ничего от нее не осталось, кроме меня самой: души (так я зовусь, оттого — изумление: именины!).

Любовь ненавидит поэта. Она не желает, чтоб ее возвеличивали (дескать, сама величава!), она считает себя абсолютом, единственным абсолютом. Нам она не доверяет. В глубине своей она знает, что не величава (потому-то так властна!*), она знает, что величие — это душа, а где начинается душа, кончается плоть. Чистейшая ревность, Райнер. Та же, что у души к плоти. И я всегда ревновала к плоти: *как* воспета! История Паоло и Франчески — маленький эпизод. Бедный Данте! — Кто еще помнит о Данте и Беатриче? Я ревную к человеческой комедии[2]. Душу никогда не будут любить так, как плоть, в лучшем случае — будут восхвалять. Тысячами душ всегда любима плоть. Кто хоть раз обрек себя на вечную муку во имя одной *души*? Да если б кто и захотел — невозможно: идти на вечную муку из любви к душе — уже значит

* По-немецки: herrlich — herrisch.

быть ангелом. Нас обманно лишили целого ада! (...trop pure—provoque un vent de dédain*)[3].

Почему я говорю тебе все это? Наверное, из страха, что ты увидишь во мне обыкновенную чувственную страсть (страсть—рабство плоти**). «Я люблю тебя и хочу спать с тобою»—так кратко дружбе говорить не дано. Но я говорю это иным голосом, почти во сне, глубоко во сне***. Я звук иной, чем страсть. Если бы ты взял меня к себе, ты взял бы les plus déserts lieux****. Всё то, что *никогда* не спит, желало бы выспаться в твоих объятьях. До самой души (глубины)***** был бы тот поцелуй. (Не пожар: бездна.)

Je ne plaide pas ma cause, je plaide la cause du plus absolu des baisers******.

Ты все время в разъездах, ты не живешь нигде и встречаешься с русскими, которые—не я. Слушай и запомни: в твоей стране, Райнер, я одна представляю Россию.

Кто ж ты все-таки, Райнер? Не немец, хотя—целая Германия! Не чех, хотя родился в Чехии (NB! в стране, которой еще не было,—это подходит!), не австриец, потому что Австрия *была*, а ты—*будешь!* Ну не чудесно ли? У *тебя*—нет родины! Le grand poète tschéco-slovaque*******—так писали парижские журналы. Значит, Райнер, в конце концов, ты—словак? Смеюсь!

Райнер, вечереет, я люблю тебя. Воет поезд. Поезда это волки, а волки—Россия. Не поезд—вся Россия воет по тебе, Райнер. Райнер, не сердись на меня или сердись сколько хочешь—этой ночью я буду спать с тобой. В темноте—разрыв; оттого что звезды, я убеждаюсь: окно. (Об окне я думаю, когда думаю о тебе и себе,—не о постели.) Глаза мои широко раскрыты, ибо снаружи еще черней, чем внутри. Постель—корабль, мы отправляемся в путешествие.

...mais un jour on le vit plus.
Le petit navire sans voiles,
Lassé des océans maudits,
Voguant au pays des étoiles—
Avait gagné le paradis********
(детская песенка из Лозанны)[4].

Можешь не отвечать мне—целуй еще.

М.

---

* Чрезмерная чистота вызывает ветер презрения *(фр.)*.
** По-немецки: Leidenschaft—Leibeigenschaft.
*** По-немецки: fast im Schlaf—fest im Schlaf.
**** Места, что всего пустынней *(фр.)*.
***** По-немецки: bis in die Seele (Kehle) hinein.
****** Я защищаю не себя, а самый совершенный из поцелуев *(фр.)*.
******* Великий чехословацкий поэт *(фр.)*.
******** ...И вот он исчез вдали,
Кораблик без парусов,
В просторах, где звездный край,
Устав от морских штормов,
Однажды приплыл он в рай *(фр.)*.

О праве и правоте[5]. «Природа тоже неестественна» (Гёте), видимо, это ты и имел в виду![6] (Природа: право.)
Les déserts lieux* я получила в подарок от Бориса и дарю их тебе[7].

8

St. Gilles-sur-Vie
14-го августа 1926 г.

Дорогой друг,

получил ли ты мое последнее письмо? Спрашиваю, потому что бросила его в отходящий поезд. Почтовый ящик выглядел весьма зловеще: пыль в три пальца и огромный тюремный замок. Я это заметила уже бросив письмо, рука слишком поторопилась — письмо, наверное, там и останется — до Второго пришествия.

Примерно дней десять назад. Содержание? Письмо и *есть* — содержание, стало быть, его *не имеет*, и все же, не вдаваясь в подробности: нечто о том, чтобы спать вместе, тебе и мне (et le lit — table évanouie**[1]). Постель, чтобы } угадывать вещи, / видеть чудеса   стол — чтобы } их делать / их воплощать   Постель: спина; стол: локоть. Человек сам *есть* постель и стол и, значит, *иметь* их не должен.

(То письмо звучало совсем иначе, и поезд, который его... несет и хоронит — свистел и выл иначе, чем пассажирский. Если я его услышу, я сразу пойму, там ли еще мое письмо.)

Дорогой Райнер, Борис мне больше не пишет[2]. В последнем письме он писал: все во мне, кроме воли, называется Ты и принадлежит Тебе. Волей он называет свою жену и сына, которые сейчас за границей[3]. Когда я узнала об этой его второй загранице, я написала: два письма из-за границы — хватит! Двух заграниц не бывает. Есть то, что в границах, и то, что за границей. *Я* — за границей! *Есмь* и не делюсь.

Пусть жена ему пишет, а он — ей. Спать с ней и писать мне — да, писать ей и писать мне, два конверта, два адреса (одна Франция!) — почерком породненные, словно сестры... Ему братом — да, ей сестрой — нет.

Такова я, Райнер, любое сношение с человеком — остров, и всегда затонувший — целиком, без остатка***.

В другом человеке мне принадлежит лоб и немного груди. От сердца отступаюсь легко, от груди — не отступлюсь. Мне нужен звучащий свод. Сердце звучит глухо.

Райнер, напиши мне открытку, всего два слова: письмо, что было в поезде, получил или — не получил. Тогда я напишу тебе большое письмо.

Райнер, этой зимой мы должны встретиться. Где-нибудь во французской Савойе, совсем близко к Швейцарии, там, где ты *никогда* еще не был (найдется ль такое *никогда?* Сомневаюсь). В маленьком городке, Райнер. Захочешь — надолго. Захочешь — недолго. Пишу тебе об этом просто, потому что знаю, что ты не только очень полюбишь меня, но и будешь мне очень *рад*. (В радости — ты *тоже* нуждаешься.)

---

* Пустынные места *(фр.)*.
** И постель — обеспамятевший стол *(фр.)*. Из сборника «Vergers».
*** По-немецки: mit Haupt — und Haut — und Haar.

Или осенью, Райнер. Или весной. Скажи: да, чтоб с этого дня была и у меня радость — я могла бы куда-то всматриваться (оглядываться?).

Уже очень поздно и я устала, поэтому обнимаю тебя.

Марина

Прошлое еще впереди...[4]

9

St. Gilles-sur-Vie
22-го августа 1926 г.

Райнер, отвечай только «да» на все, что я хочу — поверь, ничего страшного не будет. Когда я говорю тебе, Райнер, что я — твоя Россия, я говорю тебе лишь (еще раз), что люблю тебя. Любовь живет исключениями, обособлениями, отстранениями. Она живет в словах и умирает в поступках. Стремиться быть твоей Россией в действительности — для этого я слишком умна! Оборот речи. Оборот любви*.

Райнер, я называюсь иначе: я — все, что ты *есть*, все твое *бытие* (*быть* означает: тобой живут. Etre vécu. Chose vécue**. Страдательный залог).

Веришь ли, что я верю в Савойю? Верю, как и ты, словно в царство небесное. Когда-нибудь... (Как? Когда?) Что я видела в жизни? Вся моя молодость (с 1917-го года) — черная работа. Москва? Прага? Париж? Сен-Жиль? Везде — одно. Плита, метла, деньги (их отсутствие). Вечная нехватка времени. Ни одна женщина из твоих подруг и знакомых не живет так, не могла бы так жить. Не мести, не чистить — вот мое царство небесное. Слишком скромно? Да. Ибо слишком скверно мое царство земное. Райнер, я написала по-немецки: чистить — чистилище*** (прекрасное слово), чистить здесь, чистилище там, чистить, пока не сметут в чистилище и т. д. Так я пишу, Райнер, — от слова к вещи, слово создавая за словом. Так, думаю, пишешь и ты.

Итак, любимый, не бойся и всегда только «да» на каждое мое } дай / мой — так утешают нищих, невинно и без последствий. Чаще всего моя протянутая рука падает в пустоту, а подаянье — в песок. Чего я от тебя хочу? Того же, чего от всей поэзии и от каждой стихотворной строчки: истины } любого / данного мгновения. Выше этого истины нет. Никогда не деревенея — всегда обращаясь в золу. Хочу лишь слова — оно для меня — уже вещь. Поступков? Последствий?

Я знаю тебя, Райнер, как себя самое. Чем дальше от меня — тем глубже *в* меня. Я живу не в себе самой — вне самой себя. Я не живу на своих устах, и тот, кто меня целует, минует *меня*.

Савойя. (Размышленье): Поезд. Билет. Гостиница. (Слава Богу, визы не надо!) И... легкая брезгливость. Нечто уготованное, завоеванное... вымоленное. *Ты* должен упасть с неба.

Райнер, вполне серьезно: если ты в самом деле, глазами, хочешь меня видеть, *ты* должен действовать, т. е. — «Через две недели я буду там-то и там-то. Приедешь?» Это должно исходить от тебя. Как и число.

* По-немецки: Redensart — Liebesart.
** Быть тем, чем живут. Вещь, которой живут *(фр.)*.
*** По-немецки: fegen — Fegfeuer.

И город. Взгляни на карту. Не лучше ли, если это будет большой город? Подумай. Маленькие города иногда обманчивы. Да, еще одно: денег у меня нет совсем, гроши, что я зарабатываю, тут же улетучиваются (из-за моей «новизны» меня печатают только в «новейших» журналах; а их — в эмиграции — всего два). Хватит ли у тебя денег для нас обоих? Райнер, я пишу и невольно улыбаюсь: вот так гость!

Итак, любимый, если когда-нибудь ты вправду захочешь, напиши мне (заранее, ведь мне нужно найти кого-то, кто побудет с детьми) — и тогда я приеду. В Сен-Жиле я пробуду до 1—15 октября, затем — Париж, где всё сначала: ни денег, ни квартиры, ничего. В Прагу я не вернусь, чехи сердятся на меня за то, что я так много и горячо писала о Германии[1] и так упорно молчала о Чехии. А ведь три с половиной года я жила на чешскую «субсидию» (900 крон ежемесячно). Итак, между 1 и 15 октября — Париж. Ранее ноября нам не увидеться. Кстати — можно ведь и где-нибудь на Юге? (Франции, разумеется.) Где, как и когда ты хочешь (начиная с ноября). Теперь это в твоих руках. Можешь, если хочешь... разъять их. Я все равно буду любить тебя — ни больше, ни меньше.

Я радуюсь тебе *так*, словно ты — целая и *всецело* новая страна.

О Борисе. Нет, права была я. Его ответ — ответ освобожденного Атласа[2]. (Ведь он держал на себе небо с небожителями! И, избавившись от своей ноши, он, думаю, еще и вздохнул!) Теперь он свободен от меня. Он слишком добр, слишком жалостлив, слишком терпелив. Удар *должна* была нанести я. (Рвать, т. е. убивать никто не хочет!) Он знал уже о двух заграницах. Я только высказала, назвала, расколдовала. Теперь все хорошо, государства разделены: я — в потаеннейшей глубине, за пределами всех границ — вне досягания.

Nest — по-русски — г н е з д о (в единственном числе — рифм не имеет)[3]. Множественное число: г н е з д а (с мягким е, ё, почти о — в произношении), рифма: з в е з д ы.

Как долго ты пробудешь в Рагаце и как себя чувствуешь? Что ты написал в последнее время?

Да, огромная просьба. Подари мне греческую (по-немецки) мифологию — без философии: простую и подробную: мифы. В детстве, кажется, у меня была книга *Штолля*. Скоро выйдет мой Тезей (1-я часть: Тезей и Ариадна, драматическая поэма). Сейчас начинаю Федру (все задумано как трилогия: Ариадна — Федра — Елена), и мне нужна мифология. Лейтмотив — гнев Афродиты. — Как жаль, что ты не можешь меня читать! Я перед тобою — глухонемая (собственно, не глухая — немая!).

Подари мне мифы Штолля, только с надписью, чтоб я *никогда* не расставалась с ними[4]. Подаришь?

Обнимаю Тебя.

М.

Сен-Галь[5] — Сен-Жиль...

10

Bellevue (S. et O.)
près Paris
31, Boulevard Verd
7-го ноября 1926 г.

Дорогой Райнер!

Здесь я живу.

Ты меня еще любишь?

Марина.

11

Год кончается твоей смертью? Конец? Начало! Ты самому себе — самый новый год. (Любимый, я знаю. Ты меня читаешь раньше, чем я пишу) — Райнер, вот я плачу. Ты льешься у меня из глаз!

Милый, раз ты умер, — значит, нет никакой смерти (или никакой жизни!). Что еще? Маленький городок в Савойе — когда? где? Райнер, а как же гнездо для сна? Ты ведь теперь знаешь по-русски и знаешь, что Nest — *гнездо* и многое другое.

Не хочу перечитывать твоих писем, а то я захочу к тебе — захочу туда, — а я не смею хотеть, — ты ведь знаешь, что связано с этим «хотеть».

Райнер, я неизменно чувствую тебя за правым плечом[1].

Думал ли ты когда-нибудь обо мне? — Да! да! да! —

Завтра Новый год, Райнер — 1927. 7 — Твое любимое число. Значит, ты родился в 1876 году?[2] (газета)? — 51 год?

Какая я несчастная.

Но не сметь грустить! Сегодня в полночь я чокнусь с Тобой. (Ты ведь знаешь мой удар: совсем тихий!)

Любимый, сделай так, чтобы я часто видела Тебя во сне — нет, неверно: живи в моем сне. Теперь ты вправе желать и делать.

В здешнюю встречу мы с тобой никогда не верили — как и в здешнюю жизнь, не так ли? Ты меня опередил — (и вышло лучше!), и, чтобы меня хорошо принять, заказала — не комнату, не дом — целый пейзаж. Я целую тебя в губы? В виски? В лоб? Милый, конечно, в губы, по-настоящему, как живого.

Любимый, люби меня сильнее и иначе, чем все. Не сердись на меня — тебе надо привыкнуть ко мне, к такой. Что еще?

Нет, ты еще не высоко и не далеко, ты совсем рядом, твой лоб на моем плече. Ты никогда не будешь далеко: никогда недосягаемо высоко.

Ты — мой милый взрослый мальчик.

Райнер, пиши мне! (Довольно-таки глупая просьба?)

С Новым годом и прекрасным небесным пейзажем!

Марина.

Бельвю, 31-го декабря 1926. 10 час⟨ов⟩ вечера.

Райнер. Ты еще на земле, не прошло еще суток[3].

Рильке Райнер Мария (1875—1926)—австрийский поэт. В ответе на анкету, посланную в Москву по просьбе Б. Пастернака в апреле 1926 г., Цветаева называет Рильке в ряду своих любимых писателей-современников. Поэтому можно было понять ее восторг, когда в мае того же 26-го года она совершенно неожиданно получила письмо Рильке, предлагавшего знакомство, и две книжки его стихов—«Дуинезские элегии» и «Сонеты к Орфею» с теплыми дарственными надписями. Из письма она узнала, что автором сюрприза был Борис Пастернак. Это он «подарил» ей Рильке, чтобы смягчить ее эмигрантское существование.

Переписка между Цветаевой и Рильке продлилась чуть более полугода— 29 декабря 1926 г. Рильке, пораженного смертельной болезнью, не стало. На смерть «германского Орфея», как Цветаева называла Рильке, она откликнулась большим стихотворением(поэмой)-реквиемом «Новогоднее», очерком «Твоя смерть», перевела часть переписки Рильке с молодым поэтом Францем Каппусом.

Цветаева была против обнародования ее переписки с Рильке при своей жизни. (См. ее эссе «Несколько писем Райнер* Мария Рильке» в т. 5). По истечении в 1977 г. ее пятидесятилетнего запрета на публикацию К. М. Азадовским, Еленой и Евгением Пастернаками была подготовлена книга—«Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года», снабженная обширными комментариями, в том числе о взаимоотношениях между тремя поэтами.

Впервые небольшая часть переписки—*ВЛ*. 1978. № 4. Затем значительная часть книги была опубликована в журнале «Дружба народов» (1987, № 6—9). Полностью в России указанная книга вышла в 1990 г. в издательстве «Книга». Письма печатаются в переводе К. М. Азадовского по этому изданию с частичным использованием комментариев составителей книги.

1

[1] Цветаева отвечает на первое письмо Рильке от 3 мая, посланное из Швейцарии.

[2] Все письма Цветаевой Рильке были написаны по-немецки.

[3] Второе издание книги «Мне на праздник» (первое издание—1899), переработанной в 1908—1909 гг.

[4] Цветаева приехала в Париж из Чехословакии 1 ноября 1925 г., когда Рильке там уже не было—он уехал в августе.

[5] Б. Л. Пастернак.

[6] Марина и Анастасия Цветаевы учились в частном пансионе сестер Лаказ в Лозанне с весны 1903 по лето 1904 гг. (Подробнее см.: *А. Цветаева*. С. 130—153.)

[7] Стихотворный цикл из «Книги образов» (1902), связанный с путешествиями Рильке по России.

[8] Свои книги «Стихи к Блоку» (1922) и «Психея» (1923) с дарственными надписями Цветаева послала позднее. См.: *Небесная арка*. С. 247—248.

[9] См. вступительную статью к комментариям. Рильке писал в своем первом письме: «Две книги (последнее, что я опубликовал), которые отправятся вслед за этим письмом, предназначены для Вас, Ваша собственность». На «Дуинезских элегиях» (1923) Рильке сделал надпись: «*Марине Ивановне Цветаевой*. Касаемся друг друга. Чем? Крылами.//Издалека ведем свое родство.//Поэт *один*. И тот, кто *нес* его,//встречается с *несущим* временами. *Райнер Мария Рильке*. (Валь Мон, Глион, Кантон Во, Швейцария, в мае 1926)». На «Сонетах к Орфею» (1923)—«Поэтессе Марине Ивановне Цветаевой. *Райнер Мария Рильке* (3 мая 1926)». (*Письма 1926 года*. С. 83—85).

[10] Ср. с названием сатирической поэмы Гёте «Рейнеке-Лис» (1793).

[11] Стихотворение Рильке «О тьма, что родиной мне стала» (книга «Часослов»), заканчивающееся словами «Я верю в ночи».

[12] Рильке вложил в конверт также записку Б. Пастернаку.

* Так у М. И. Цветаевой.—*Сост*.

2

[1] На эту тему см. также у Цветаевой в ее письме 41 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] Цветаева имеет в виду отзыв Г. Адамовича на ее «Цветник» (см. т. 5). Критик писал: «Она дает наставления в хлебопечении, рассуждает о свойствах сельтерской воды, сообщает новость, что Бенедиктов был не прозаик, а поэт, заявляет, что до сих пор не может примириться со смертью Орфея, — не перечтешь всех ее чудачеств». (Звено. 1926. № 170. 2 мая.)

[3] Г. Адамович, в частности, писал о А. Блоке: «Четыре года, прошедшие со дня смерти Блока, — 7 августа 1921 года, — успели уже приучить нас к этой потере, почти примирить с ней. Но они не отодвинули Блока в историю...» (Звено. 1925. № 132. 10 августа).

[4] Цветаева неточно цитирует отрывок из своего «Цветника» (см. т. 5).

[5] Начало первого сонета I части. Эта же строка (у Рильке: «Da steig ein Baum. O reine Übersteigung!..») в переводе Т. Сильман: «О дерево растет! О нарастанье!..» (Рильке Р. М. Лирика. М.; Л.: Худож. лит., 1965. С. 166) и Г. И. Ратгауза: «О, дерево! Восстань до поднебесья!..» (Рильке Р. М. Новые стихотворения. М.: Наука, 1977. С. 300). Ср. также отрывок из стихотворени Рильке «К музыке» (1918): «Ты — отчужденность, ты — выросшее за наши пределы// пространство сердца. Заветное наше,// нас переросшее, из нас исторгшееся,// святое прощанье...» (Рильке Р. М. Лирика. С. 224. Пер. Т. Сильман — «Gedichte». М.: Прогресс, 1981. С. 481).

[6] В письме от 10 мая к Цветаевой Рильке назвал семь «своим благословенным числом». (*Письма 1926 года.* С. 90.)

[7] Ср.: Семь пятниц на неделе. Не велик городок, да семь воевод. У семи нянек дитя без глазу. Семи пядей во лбу. Семеро ворот, а все в огород. За семь верст киселя хлебать. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Семь верст до небес и все лесом. И т. д. Ср. также стихотворения М. Цветаевой: «Семеро, семеро...», «Семь мечей пронзали сердце...», «Семь холмов — как семь колоколов!...» и др.

[8] Слова из III сонета I части. Ср. перевод А. Карельского: «Петь — значит быть». (Рильке Р. М. Новые стихотворения. С. 301).

[9] Эта и последующая цитата из IV сонета I части.

[10] Из V сонета I части. Ср. перевод Г. И. Ратгауза: «...И не надо знать// иных имен. Восславим постоянство.// Певца зовут Орфеем...» (Там же. С. 302).

[11] Начальные слова из VI сонета I части.

[12] Слова из XI сонета I части.

[13] См. цикл «Георгий» в т. 2.

[14] В экземпляре «Сонетов к Орфею», посланном Цветаевой, около XVI сонета (I часть) рукою Рильке помечено: an einen Hund (к собаке). (*Письма 1926 года.* С. 241.)

[15] Об учебе Цветаевой в 1904—1905 гг. в пансионе Бринк во Фрейбурге см.: *А. Цветаева.* С. 175—196.

[16] *Лакло* Пьер Шодерло де (1741—1803) — французский писатель.

[17] Пьесы, написанные в 1919 г. в Москве (см. т. 3).

[18] См. комментарий 9 к письму 1.

3

[1] Слова из девятой Дуинезской элегии. Ср. перевод В. Микушевича: «...Ты не можешь//Грандиозными чувствами хвастать пред ним...» (Рильке Р. М. Ворпеведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1971. С. 351.)

[2] Ср. стихотворение М. Цветаевой «Прокрасться...» (1923) в т. 2.

[3] *...маленький Римский король* — сын Наполеона, герцог Рейхштадтский. См. также стихотворения М. Цветаевой «В Шенбрунне», «Герцог Рейхштадтский» в т. 1.

[4] Дочери Цветаевой Ариадне шел в то время 14-й год.

[5] *Валгалла* (Вальхалла) — небесное жилище для избранных, главным образом, павших в битве воинов (сканд. миф.).

[6] *Шумов* Петр Иванович (1872—1936) — известный парижский фотограф, снимал также скульптуры Огюста Родена (1840—1917), у которого Рильке в 1905—1906 гг. был секретарем и которому поэт посвятил вторую часть «Новых стихотворений». («Моему великому другу Огюсту Родену».)

Один из фотопортретов Цветаевой работы Шумова (их было не менее четырех) был опубликован в журнале «Версты» (1926, № 1) вместе с шумовскими фотографиями Б. Пастернака, А. Ремизова, Л. Шестова.

[7] Из стихотворения Рильке «Автопортрет 1906 года» («Новые стихотворения»). Ср. перевод В. Летучего: «В глазах испуг и синь, как у детей» (Рильке Р. М. Новые стихотворения. С. 472).

[8] Адрес пансиона Лаказ. См. комментарий 6 к письму 1. *Уши* — предместье Лозанны. См. также стихотворение М. Цветаевой «В Ouchy» (т. 1).

[9] Цветаевой должно было исполниться 34 года, а мужу — 33.

4

[1] См. письмо 11 к Б. Пастернаку (т. 6).

[2] Из письма Рильке от 17 мая 1926 г. Фраза Рильке заканчивалась: «...когда тебе захочется «лететь». (*Письма 1926 года.* С. 101.)

[3] Заключительная строка стихотворения М. Цветаевой «Та ж молодость и те же дыры...» (1920). См. т. 1.

5

[1] Цветаева говорит здесь о письме к ней Б. Пастернака от 23 мая 1926 г. (см. *Письма 1926 года.* С. 110, 112, а также т. 6).

[2] Строка из стихотворения Рильке «Я слишком одинок на свете» (книга «Часослов»). Цветаева часто цитировала ее в своем переводе.

[3] Вместе с этим письмом Рильке прислал обращенное к Цветаевой стихотворение «Элегия». (См. письмо 98 к А. А. Тесковой в т. 6.)

[4] Здесь и далее цитируется «Элегия».

[5] *Кунигунда* — дочь люксембургского графа Зигфрида, супруга императора Генриха II. Опороченная в глазах супруга, она доказала свою невиновность судом Божьим. Была причислена к лику святых. Умерла в монастыре в 1040 г. Цветаева ошиблась в датировке событий (XI, а не XIII в.).

6

[1] *Платен* Август фон (1796—1835) — немецкий поэт, стремившийся придать своим произведениям «классическую» форму, отчего многие из них становились «холодными» и, как казалось Цветаевой, не вполне соответствовали духу немецкого языка. Цветаева с юных лет хорошо знала и ценила творчество Платена. (*Письма 1926 года.* С. 249.)

[2] Из стихотворения «Nul ne sait, combien ce qu'il refuse...», включенного в изданный во Франции сборник Рильке «Сады» («Vergers»). Этот сборник Рильке послал Цветаевой 31 июля 1926 г. На форзаце книги — стихотворная надпись Марине Цветаевой по-французски. Текст надписи см. в письме 8 к Н. Вундерли-Фолькарт. См. также письмо 17 к Б. Пастернаку в т. 6.

[3] Из стихотворения Рильке «Eau qui se presse, qui court...».

[4] Первые две строчки из приписываемого королеве Марии Стюарт (1542—1587) романса «Прощай, милая Франция». (*Письма 1926 года*. С. 250.) Им навеяно стихотворение М. Цветаевой «Douce France» (1939). См. т. 2.

[5] Из стихотворения М. Стюарт, написанного ею на смерть мужа, французского короля Франциска II. (Там же. С. 245.) В своем письме к Цветаевой от 28 июля 1926 г. Рильке, повторив эти строки, сделал приписку: «Твой подарок, я переписал это в свою записную книжку». (Там же. С. 191.)

[6] Произведение Рильке на немецком языке «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке» (1906).

[7] Цикл из семи стихотворений Рильке в составе сборника «Сады». Правильно: «Vergers».

[8] Из стихотворения Рильке «Puisque tout passe, faisons» (сб. «Сады»).

[9] Из стихотворения М. Цветаевой «Поэт—издалека заводит речь...» цикла «Поэты» (1923). См. т. 2.

[10] Измененная цитата из стихотворения Рильке «Vers quel soleil gravitent» («Сады»).

[11] *Леспинас*—см. комментарий 4 к письму 36 к А. А. Тесковой в т. 6. Цитируемые Цветаевой слова принадлежат, однако, не Жюли де Леспинас, а французскому поэту и драматургу Пьеру Шарлю Руа (1683—1764). (*Письма 1926 года*. С. 250.)

[12] Первая строка стихотворения Рильке без названия («Сады»).

[13] Из стихотворного цикла Рильке «Printemps» («Сады»).

[14] Из стихотворения Рильке «Le drapeau» («Сады»).

[15] Из стихотворения Рильке «Au ciel, plein d'attention...» («Сады»).

[16] На конверте Рильке не указал своего имени.

7

[1] Письмо от 28 июля 1926 г.

[2] Аллюзия на противопоставление «Божественной комедии» Данте «Человеческой комедии» Бальзака.

[3] Измененная цитата из стихотворения Рильке «Combien le pape au fond de son faste» («Сады»).

[4] Из французской детской песенки «Кораблик».

[5] Рильке в своем письме, в частности, писал: «Ты всегда права, Марина (не редкий ли случай для женщины?)—права в самом обычном, самом безмятежном смысле. Это правообладание бесцельно и, должно быть, безначально. Но ты права своей чистой непритязательностью и полнотой целого, откуда ты черпаешь, и в этом—твое беспрерывное право на бесконечность». (*Письма 1926 года*. С. 189—190.)

[6] В статье Гёте «Природа» (1782): «И самое неестественное—тоже природа».

[7] См. письмо 6 и комментарий 5 к нему... *в подарок от Бориса*—23 мая 1926 г. Пастернак прислал Цветаевой свою статью «Несколько положений» (альманах «Современник». М. 1922. № 1), где были процитированы эти строки.

8

[1] Из стихотворения Рильке «Combien a-t-on fait aux fleurs» («Сады»).

[2] В письмах от 30 и 31 июля 1926 г. Пастернак просил Цветаеву, ввиду сложных психологических переживаний, касавшихся его жены и сына, приостановить их переписку.

[3] Евгения Владимировна *Пастернак* (урожденная Лурье; 1899—1965) с сыном Евгением (р. 1923) находилась в Германии в июле-августе 1926 г. Ее поездка в Париж, о которой Пастернак писал Цветаевой, не состоялась.

[4] *Прошлое еще впереди*... (Vergangenheit steht noch bevor...)—цитата из стихотворения Рильке «Ich bin derselbe noch, der Kniete...» («Часослов»). В переводе А. Биска: «Прошедшее еще придет...»

9

[1] В декабре 1925 г. в берлинской газете «Дни» были опубликованы выдержки из дневника Цветаевой 1919 г. «О Германии».

[2] См. предыдущее письмо. *Атлас* (Атлант) — в наказание за борьбу против Юпитера должен был поддерживать небо на своих плечах (миф.).

[3] В последнем письме Рильке сетовал на то, что не смог вспомнить, как по-русски будет слово «гнездо».

[4] Рильке не успел прислать Цветаевой книгу Штолля «Мифы классической древности». Это сделала секретарь Рильке, Е. А. Черносвитова, уже после его смерти. См. также письмо 11 к П. П. Сувчинскому (т. 6).

[5] Местечко Рагац, откуда было послано письмо Рильке, находилось в швейцарском кантоне Сен-Галь.

11

Это «посмертное письмо» к Рильке, написанное, как и все предыдущие, по-немецки, Цветаева вложила в конверт письма Б. Пастернаку от 1 января 1927 г. Оригинал его не сохранился. (*Письма 1926 года.* С. 203—204.)

[1] По христианским верованиям, за правым плечом человека находится его ангел-хранитель.

[2] Рильке родился 4 декабря 1875 г. в Праге.

[3] К 31 декабря, моменту, когда проходил вечер, со дня смерти Рильке прошло уже более двух суток. Похоронен Рильке 2 января 1927 г.

В. Б. СОСИНСКОМУ

1

St. Gilles, 11-го мая 1926 г.

Здравствуйте, милый Володя!

Пишу Вам перед сном, т. е. в половине десятого, — таковы вандейские нравы и холода. Перед сном читайте: перед отходом ко сну, под три одеяла, в соседство Алиного тепла (кровать четырехместная, спим вместе).

Море рассматриваю как даром пропадающее место для ходьбы. С ним мне нечего делать. Море может любить только матрос или рыбак. Остальное — человеческая лень, любящая собственную лёжку на песке. В песок играть — стара, лежать — молода.

Но в общем — хорошо. Здесь чудесные камешки. И у нас чудесные хозяева — из сказки. Их собственный крохотный садик, вот-вот имеющий расцвести розами.

Свиреп ли на меня Здравствуй До-ода?[1] Или уже забыл — за чтó?

Сердечный привет Вам и ему. Буду рада, если напишете.

МЦ.

Р⟨еми⟩зов с несколько двусмысленной дружественностью (ему не передавайте!!!) прислал мне статейку А. Яблоновского[2].

— На-ка, почитай-ка...

2

St. Gilles, 26-го мая 1926 г., среда.

Дорогой Володя,

Второй месяц нашего пребывания здесь. Хотите самое удивительное приобретение? Я любима, обожаема хозяевами, им и ею, т. е. полутораста летами. Лестно? (Мой идеальный «старик».) Они и их любовь и есть самое главное событие этого месяца, меня в этом месяце. В их лице меня любит вся старая Вандея, — больше! — весь старый мир, к которому я — чем-то — корнями принадлежу (может быть простой воспитанностью сердца, которой — утверждаю — в новом нет, и, пока не сделается старым, не будет). Это скрашивает жизнь, стирает ее углы, — о да, водит и гладит пó сердцу. Но не только воспитанность: весь уклад. Здесь я, впервые после детства (Шварцвальд)[1], очарована бытом. Одно еще поняла: НЕНАВИЖУ город, люблю в нем только природу, там, где город сходит на нет. Здесь, пока, всё — природа. Живут приливом и отливом. По нему ставят часы!

Не пропускаю ни одного рынка (четыре в неделю), чтобы не пропустить еще какого-нибудь словца, еще жеста, еще одной разновидности чепца.

Словом, — роман с бытом, который даже не нужно преображать: уже преображен: поэма.

Мой быт очарователен менее: я не жена рыбака, я не ложусь в 1/2 9-го (сейчас 1/2 9-го и хозяева уже спят), я не пойду на рынок продавать клубнику — сама съем, или так отдам, и, главное, я все еще пишу стихи, точнее: постоянно рвусь их писать, а это мешает и готовить, и мести и просто стоять на крыльце, без дела. — И все эти письма.

Очень загорела, хожу в Адином берлинском синем платье, которое Аля извлекла из пасти крокодила[2], — оно мне по колено, но море мне тоже по колено — вне дурного каламбура — по крайней мере сухой выхожу из воды (опять каламбур!). Я просто хочу сказать, что платье ровно в уровень прилива. Передайте Аде мою благодарность.

Еще не купаемся. Здесь все-таки не Юг, и жара другая, у моря никогда не жарко, жарко на суше — не степь, не огороды, не луга, не пашни — именно суша, ни деревца. Люблю эту землю, потому что сама ее выбрала, а выбрала, должно быть, потому что знала, что полюблю. Просто — ИМЯ, все предопределяющее.

Спасибо за письмо. Милый Володя, Вы очень хорошо ко мне подошли, просто — у меня никогда не было времени и у Вас не было. Чувство требует времени, не мысль. Мысль — вывод. Чувство всегда начинает с начала, оно прежде всего — работа. (И забота!) Есть лучший мир, где все наши умыслы зачтутся, а поступки — отпадут. Тогда Вы, и Адя, и О⟨льга⟩ Е⟨лисеевна⟩, и Наташа увидите, что я лучше, чем вы все видели, чем мне здесь дано было быть. Там у меня будет время быть собой: чувствовать. И излучать.

Тетрадь прожорлива, особенно, когда ее не кормишь. Там не будет тетрадей.

Мур еще не ходит, но коляску свою возит и, когда ведешь на поводе (*в* поводу, по-моему, только лошадей!), тянет не хуже доброго дога. Порядочно своеволен, плачусь спичками, которые он постоянно выхватывает и рассеивает. Когда ходит (на поясе), неотторжим от дверных задвижек, шкафных защелок, вообще всего, что торчит и вертится. Песок ест, но тотчас же выплевывает. Больше всего любит крик осла. К морю вполне равнодушен, не смотрит. Алю зовет Ама, причем первое А тянет с минуту, застывая с открытым ртом.

Аля в восторге от Олиных красок, читает Ваши журналы и выпрашивает у меня какого-то Циркового Орфели́на* (!!!)[3]. Поражает всех своим ростом и весом. Моется только раз в день перед сном, очень на́спех. Утром — ПЕРЕСТАЛА.

Гоните, выпроваживайте, снаряжайте и провожайте Сережу. К чертям С⟨ув⟩чинского! Хорошо ему, пяти или сколько-пудовому! Серьезно, Володя, очень прошу! С⟨ув⟩чинский в Бельгии может просидеть две недели. С⟨ережа⟩ должен быть здесь не позже субботы, иначе — пригрозите! — буду слать две телеграммы в день и в лоск проживусь. У С⟨ережи⟩ уже не совесть, а мания.

Поцелуйте Адю, если меня еще не забыла. Я ее очень люблю, как редко кого. Поправилась ли она? Загорела ли? Очень хочу осенью в Hyères[4] — на настоящий юг, к Средиземному морю моего детства. В Париже не хочу жить ни за что[5].

Сердечный привет. Буду рада, если напишете. Огромное спасибо за бумагу и конверты.

МЦ.

P. S. Передайте С⟨ереже⟩ — сегодня забыла написать — что здесь свежий ТОНН (рыба) — 5 фр⟨анков⟩ кило. Сегодня ели Съели целое кило. И Мур ел.

Если Наташа тоже в Париже, сердечный привет.
⟨*Приписка на полях:*⟩
Очень рада, что будете писать о Поэме горы[6].

3

St-Gilles, 14-го июля 1926 г.

Дорогой Володя,

Просьба: доставьте это письмо через Гржебина *В. А. Шингареву*[2]. Только чтобы непременно дошло. Очень важное.

В. А. Шингарев живет, по крайней мере, жил, у Гржебина. Если уехал, попросите Гржебина, чтобы переслал. Если Гржебин не знает адреса,

---

* От orphelin — сирота *(фр.)*.

пошлите — лучше заказным — на имя Милюкова[3] в «Посл⟨едние⟩ Нов⟨ости⟩»:

— — Милюкову

для Владимира Андреевича Шингарева. (Тире перед Милюковым — имя-отчество, а не ругательство.)

Сердечный привет от нас всех.

МЦ.

Если не трудно, известите открыточкой о судьбе письма.

4

St-Gilles, 16-го сент⟨ября⟩ 1926 г.

Дорогой Володя,

Большая и сердечная просьба.

Возьмите у Лапина[1] ключ или ключи от нашего сундука (нового, — коричневато-розоватого, один такой), предварительно справившись, *где стоит* (м. б. в подвале, м. б. у Вас в квартире), осторожно выньте содержимое, не слишком разбрасывая нафталин, и достаньте мне толстый коричневый переплетенный — несколько растрепанный — НЕМЕЦКИЙ ТОМ: ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ, сразу узнаете, один такой. Название не то Griechische Mythologie*, не то Sagen des Klassischen Altertums**, неважно, — такая книга в сундуке одна, очень веская, с картинками. Примета: мое имя — Прага — пометка: книга на всю жизнь. Достаньте и вышлите мне ее imprimé recommandé***. Нужна до зарезу. Кончила и сдала I ч⟨асть⟩ «Тезея», сроку у нас здесь еще около месяца, хочу начать II ч⟨асть⟩, нет материалов.

До разрытия сундука, посмотрите в квартире, нет ли где-нибудь связки наших книг или какой-нибудь корзины с ними. Помнится, уложила (как сокровище) именно в сундук, но память податлива, у меня тождественна воображению, поэтому раньше посмотрите в книгах. *Помнится* (поверь мне после предыдущего заявления!), С⟨ережа⟩ говорил мне, что все книги собрал и связал. Больше верю в сундук.

Пишу об этом же С⟨ереже⟩, но боюсь, что уже уехал в Прагу или, перед отъездом, не успеет.

Если можно, вещи уложите в той же послед⟨овательности⟩, потяжелей внизу, полегче — сверху. Можно даже, сняв верхний слой, просто нащупать том, очень большой, квадратноватый, в переплете, один такой.

Деньги на пересылку прилагаю.

Сердечный привет Вам и Вашему брату[2]. Возвращаемся в середине октября.

МЦ.

---

* Греческая мифология *(нем.)*.

** Мифы классической древности *(нем.)*.

*** Заказным отправлением для книг *(фр.)*.

Да! Если книг в кв⟨артире⟩ нет, м. б. они тоже в подвале?

18-го — Алин день рождения (5/18-го), поздравьте, хотя с опозданием, будет рада.

⟨Приписка на полях:⟩

Автор мифологии, помнится, ШВАБ (Schwab)[3].

5

St. Gilles, 20-го сент⟨ября⟩ 1926 г.

Дорогой Володя,

Спасибо за (прискорбное) оповещение[1] и за милое поздравление Али. Посылаю Вам — наугад — ключ, ни к одной нашей здешней вещи не подходит, м. б. и есть *тот*. (У меня таких два.)

Если подойдет — все прежние просьбы и пояснения в силе, у меня здесь еще 3 недели сроку, сто́ит и на одну неделю.

Не подойдет — сберегите.

Что Ч⟨ер⟩новы? Когда возвращаются? Где селятся?[2]

Как Ваши дела (служебные)? Пишете ли, и что?

У нас чудесно, райский сентябрь, но хозяева адовы, возненавидели нас, получив всю плату наперед единовременно, и сулят нам отъезд с мировым судьей и жандармами — неизвестно за что.

Живем мы на земле для того, чтобы не захотеть жить на ней еще раз.

Сердечный привет Вам и брату. Видетесь ли с Сережей? Как Вам нравится но́мер с С⟨ув⟩чинским?[3]

Жив ли Дода, где, и что делает?

Везу три новых поэмы: С моря, Попытка комнаты, Лестница.

До свидания в половине Октября!

МЦ.

St. Gilles-sur-Vie (Vendée).
Av⟨enue⟩ de la Plage
Ker-Edouard

6

St-Gilles, 27-го сент⟨ября⟩ 1926 г.

Дорогой Володя,

Простите за всю эту тревогу. Если бы знала, что Вы так каторжно работаете, ни за что не затевала бы. Два слова о ключе и мифологии: если же мифологии на Rue Rouvet нет — она в Праге, больше быть ей негде. Второго ключа не досылаю, потому что 2-го, в субботу, с Божьей помощью, выезжаю сама — я и дети.

Итак, скоро увидимся. Рада буду повидать и угостить Вас в нашем новом (лесном) жилище[1]. Устроим новоселье, на котором будем пить здоровье других планет. То, что человек, хотящий писать свое, должен 13 часов в день выбрасывать написанное другими, — и для чего? чтобы *есть*, а есть? чтобы жить, то есть 13 часов в день швыряться газетным барахлом — навсегда отвращает меня от нашей.

Негодование — вот что во мне растет с каждым годом — днем — часом. Негодование. Презрение. Ком *обиды*, растущий с детства. Несправедливо. Неразумно. Не по-божески. Есть у Блока эта интонация в строчке:

Разве *так* суждено меж людьми?[2]

Не это (13 часов в день) нам обещали, когда мы рождались. Кто-то не сдержал слова.

Радуюсь — из С〈ен-〉 иля! Последние недели нестерпимо. Нас возненавидели хозяева, и, по их живописаниям, все: мальчишки, девчонки, «барышни», старухи, — только лавочники любят: кормим. Отъезд хозяйка сулит с кварт〈ирными〉 агентами, жандармами и мировым (сдача «инвентаря», полученного весьма несовершенным и требуемого с нас безупречным). Боюсь, придется покупать шкафы и кровати: там лак сошел, тут фанера... Был бы С〈ережа〉 — все бы сошло, но женщина одна — еще две сотни лет пройдут, прежде чем власть имущие перестанут злоупотреблять этим единоличием. (Подсознательно: я ударю, ты сдачи пе дашь, итак...)

Очень подружилась здесь с детьми Андреевыми: Верой и Валентином, особенно — Верой[3]. Добрая, красивая, естественная великанша-девочка, великанёнок, простодушная амазонка. Такой полной природы, такого существования вне умственного, *при уме,* я никогда не встречала и не встречу. От Психеи — ничего, *Ева до Адама* — чудесная.

Не знаю, никогда не знаю, что чувствует другой, но от нее на меня — мне казалось — шли большие теплые волны дружественности, неизвестно почему и за что. Жара, песок, волна, Вера — так и останется.

Вера ПОЛНОЕ ОБРАТНОЕ Вадиму и такое же полное, хотя в другую сторону — Савве. (Его не полюбила.)

В Вадиме ничего от природы: одна голова, в Вере ничего от головы: одно (блаженное) дыхание.

Странно, что у мозгового сплошь — Л. Андреева — такие дети (Валентин и Вера). Любовь к природе отца и сына (Вадим) — страх перед собственным мозгом, бегство его. Бессознательное свето-, водо- и т. д. *лечение.* Этим детям лечиться не от чего. Любопытная семья.

Уже уложила огромный сундук с книгами и камнями (тихая скорость). Вчера было последнее купанье. А нынче — *по*купанье ведра, мисок, тарелок, чашек, полоскательниц, ложек, всего — битого и якобы битого. Остается после нас целый склад дерева: бочек, досок, палок, коры, принесенных с моря. Есть даже одно (огромное) сабо. Все это, чтобы не оставлять хозяевам, дарим одной 28-летней — веселейшей! — матери ПЯТИ детей. Муж (англичанин, посему ненавидимый) зарабатывает 14 фр〈анков〉 в день.

Планета, планета.

Итак, до скорой встречи, милый Володя. Пожелайте нам мысленно удачной дороги, а главное — благополучного выхода из калитки нашего Ker-Edouard'а[4]. Доде сердечный привет.

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Везем полсундука Алиных (Ваших!) кинем⟨атографи⟩ческих журналов. Тихой скоростью.

Молодéц, что достали и осилили Урлевана!* [5] (тáк у нас зовется). Везем с собой роман второй сестры, которым зачитывались наши бабушки и матери: Jane Eyre (Джен Эйр). Книга когда-то гремевшая. Прочтете – сравните. Герои почти те же. Есть еще третий роман (третьей). Достанем и его!

Узнаете бумагу? Пишу Вашим пером. Клеем я все полгода спасалась.

7

Медон, 12-го bis июля 1927 г., среда[1]

Милый Володя,

Окончательно ли Вы решили снимать Мура?[2] Если да, будем ждать Вас или Адю в воскресенье с утра (Мур ложится в 12 ч., хорошо бы снять его *не позже* одиннадцати). Имейте в виду, что Мур в тот день не пойдет гулять, ожидая Вашего или Алиного приезда, кроме того будет ждать вокзала, вагона, «птички» и пр⟨очих⟩ радостей, так что – по возможности – не разочаруйте.

Обещаю Вам за Ваши заботы и хлопоты в течение двух недель переписать Вам от руки какую-нибудь свою вещь – не меньше 200 строк. Вы кажется рукописи любите и храните. Обещаю Вам еще, что обещание исполню[3].

Как Вы думаете – если Мура снять голым, во весь рост? По-моему, хорошо. И еще – одно лицо. Хорошо бы еще и с Алей. (Видите, вхожу во вкус!)

Ответьте, пожалуйста, насчет воскресенья. Нужно ли считаться с погодой?

Итак, жду. Привет всему женскому населению усадьбы, какие вы счастливые: сад![4]

МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc

⟨*Приписка на полях:*⟩

– Поездов утром много, но *лучше* быть у нас около 9–9 1/2 ч., – долгие сборы!

Не забудьте упомянуть и час.

8

⟨*Между 18-м и 22-м июля 1927 г.*⟩[1]

Милый Володя,

Итак, ждем Вас – Мур, Аля и я, – в воскресенье, 24-го, *к* 2 ч., лучше не позже. Мур уже будет готов, сразу пойдем на вокзал, к⟨отор⟩ый от нас (говорю об электрич⟨еском⟩) четыре минуты.

До свидания и спасибо!

МЦ.

---

* От Hurlevent – завывающий ветер *(фр.)*.

Тогда же сговоримся о чтении О⟨льге⟩ Е⟨лисеевне⟩, Вам, Аде — и Наташе и Оле, если хотят, моей новой вещи — Поэмы Воздуха[2]. Лучше даже, если заранее сговоримся *на два* подходящих вечера на след⟨ующей⟩ неделе, чтобы я сразу могла назначить.

P. S. Могу только после 8 ч.

9

Meudon (S. et O.), 2 Avenue Jeanne d'Arc
31-го июля 1927 г.

Милый Володя,

Спасибо за фотографии. Показываю их всем в постепенности удачи, от привидения, вернее астрального (стоячего) тела Мура до Мура с Алей. Давайте, пока, так: *трех лучших по три* (Мура с Алей, Мура со сложенными руками и расставленными ногами и Мура-головку), остальные — просто для меня — по две, астральное тело — чтобы не обижать! — *одно*. Увидев после ретуши, какая из трех лучших — лучшая, будем печатать для раздачи. NB! Я думаю, что если головку проработать: выяснить глаза, слегка очертить овал, получится прелестный снимок — «по поводу». Таким мне Мур буде помниться — через 20 лет. Сквозь память. — Да! Нельзя ли немножко украсить, т. е. восстановить, Алю, слишком похожую на Александра III (снимок с Муром). Немножко просветлить лицо, — впрочем, Вам видней. Эта Мурина карточка тоже очень мила, вообще все три удачные — очень милы, и Вы вполне «заслужили» — беру в кавычки, ибо заслужили бы, *доброй волей*, и в том случае, если бы от А до Z — сплошной астрал — итак, вполне «заслужили» «награду». Получите ее неожиданно, предоставьте выбор мне, не прогадаете.

До свидания, сердечный привет всем благорасположенным и еще раз — еще много-много раз! — спасибо.

МЦ.

Ади и Али — тоже две!

10

Meudon (S. et O.)
2 Avenue Jeanne d'Arc
14-го авг⟨уста⟩ 1927 г.

Дорогой Володя,

Я все еще не поблагодарила Вас за Мурину фотографию, очень хорошую. Если остальные будут такие же — чудно. (Особенно интересно, как выйдет большая головка.)

О чтении: у нас в ближайшие дни нельзя, п. ч. негде: в моей комнате живет Сережин приятель, вот уже 10 дней тщетно ищущий работы, а у С⟨ережи⟩ постоянно народ. Дети же спят. Будем ждать приятельского отъезда, тогда — милости просим.

Сердечный привет Вам и Вашим. О «мзде»[1] не забыла.

МЦ.

⟨Приписка на полях:⟩

Напишите, сколько я Вам, пока, должна? На днях надеюсь получить немножко денег. Слоним не отвечает на 6-ое письмо.

11

Meudon (S. et O.), 2 A⟨venue⟩ Jeanne d'Arc
ВТОРНИК ⟨почтовый штемпель: 6 сентября 1927 г.⟩

Милый Володя,

Мур болен. Диагноз между корью и краснухой, — во всяком случае сильный жар и сыпь[1]. Не вы снится раньше конца недели. Поэтому так сильно задержала «гонорар», о котором думаю и помню.

В воскресенье самое позднее у меня будет верная оказия в Москву, не могли бы Вы к тому времени приготовить двух Муров с Алей и 2 больших головки (у Али хорошо бы чуть-чуть — сбоку — сузить нос, — думаю, очертя ноздрю. *NB*! «Очертя голову»).

Буду ждать Вас в воскресенье вечерком, можно к 7 ч., чтобы еще застали Мура, к⟨оторы⟩й, надеюсь, забыл Ваш балахон и ящик пыток. (Придется брить, хорошо, что сняли!)

Приходите лучше один, помногу к нему нельзя, особенно пока жар. Будет лучше — позову и О⟨льгу⟩ Е⟨лисеевну⟩ и Адю. Целую их и жму руку Вам.

М.

P. S. Весть о Савве сногсшибательна и в порядке вещей[2]. Он и рает ненаписанного героя своего отца. (*NB*! Масштаб).

— Итак, жду Вас.

В воскресенье же — «гонорар».

12

15-го сент⟨ября⟩ 1928 г.

Дорогой Володя, обращаюсь к Вашей протекции: сделайте все возможное и невозможное: чтобы вытянуть у «Воли России» в лице — да в любом! — гонорар за моего Красного бычка, 96 ст ок — 100 франков (для круглости цифры)[1]. Сделать это нужно срочно, ибо 25-го мы *должны* уехать, а нынче 15-ое.

Если Сухомлин[2] в городе, лучше обращайтесь к нему, мы с ним расстались друзьями, — *новыми* друзьями, я ему Бычка читала, *бычок вроде как его крестник*, так и скажите. КРЕСТНИКУ (РОГАТОМУ!) НА ЗУБОК.

А 100 фр⟨анков⟩ деньги маленькие, не для нас, а для редакции, ерунда — 100 фр⟨анков⟩.

Красного бычка выслала давно, месяц или полтора назад.

Отъезд предстоит мрачный. Мы ведь жили с А⟨ндрее⟩выми, дикими существами, очень трудно, спустя, установить количество лома. Уехали они, ничего не возместив, а писать А⟨нне⟩ И⟨льиничне⟩ сейчас, до проверки с хозяйкой вещей, — невозможно. *⟨Зачеркнуто⟩* (На обороте оказалось начало какого-то письма, простите.)

Поэтому со всех сторон тяну — пытаюсь — авансы и остатки. С⟨ув⟩чинский, напр⟨имер⟩, сломал стул, нужно покупать новый, а это, здесь, — *100* фр⟨анков⟩. Вот тебе и Красный бычок!

Ни о чем не пишу, потому что скоро увидимся. Очень радуюсь встрече со всеми вами.

Грустную новость об уходе Н⟨атальи⟩ М⟨атвеевны⟩[3] Вы наверное уже знаете. Жальче всех – ее.

Милый Володя, умоляю Вас – добудьте мне эти 100 фр⟨анков⟩, даже если Бычок пойдет не скоро. Пусть они *Вам* их дадут, а Вы отправьте, а то наобещают и забудут. Скажите, что крайне и срочно нужно.

Сердечный привет Вам и всем.

МЦ.

Pontaillac
(Charente Infér⟨ienre⟩)
Villa Jacqueline

13

Meudon, 24-го ноября 1928 г.

Дорогой Володя! Не думайте, что я забыла, что я должна Вам 100 франков – такой долг священен – но по сей день надеялась на 100 фр⟨анков⟩ из «Воли России» за «Бычка», а «Бычка» и в ноябрьском нет – в чем дело?[1] Рукопись сдала – помнится – в июне, – 6 месяцев лёжки – не слишком ли?[2]

Не могли бы Вы узнать у одного из редакторов – в чем дело, хотят ли, нет ли, если хотят – когда (NB! пока не расхотела я!)

Беспокоюсь в данном случае о *Вашем* гонораре, т. е. своем долге. Буду очень признательна, если черкнете словечко. – Простите за задержку, сейчас нигде кроме Посл⟨едних⟩ Нов⟨остей⟩ не печатаюсь, а это – грош: по 20 – 25 фр⟨анков⟩ в неделю.

МЦ.

14

С Новым Годом, дорогой Володя!

Большая просьба: достаньте мне в «Воле России» моего *«Героя труда»* (о Брюсове), в каких №№ не знаю, но знаю, что в *1924 г.* – в двух нумерах[1].

Еще: *«Твоя смерть»* (о Рильке) – кажется в феврале – м. б. в марте – *1927 г.* (в одной книге)[2].

Мне эти вещи нужны для вечера – 17-го, в Тургеневском о⟨бщест⟩ве, м. б. придете?[3]

Просят читать прозу, – у меня ничего на руках нет. Если Вам некогда просматривать каталог – дайте Гронскому[4]. Ему же сообщите ответ и, по возможности, дайте книги, мне они нужны срочно, устроители торопят для объявлений.

Всего лучшего, простите за беспокойство.

МЦ.

3-го янв⟨аря⟩ 1929 г.

– Как мой Бычок? Корректуры не было. С⟨ережа⟩ говорил про какую-то ЦИКОЛОДКУ – конечно: Щ![5]

15

Медон, 20-го авг⟨уста⟩ 1929 г.

Милый Володя!

Что сие означает?? Ведь Гончаровой еще *2 печатных листа*, а в последнем № «В⟨оли⟩ Р⟨оссии⟩» никакого «продолжение следует»[1]. Куды ж Вы (вы) с ними теперь денетесь?? Или — трюк, чтобы не раздразнивать честного эсеровского читателя? Как бы то ни было — остаток рукописи получите на днях. *Я* бы советовала целиком в след⟨ующую⟩ книжку, чтобы не размазывать на 4 № (уже в двух!), но мое дело — написать...

Слонима уже известила, дивлюсь на него: отлично знал, что около 5-ти листов. Напечатано же меньше трех.

Почему мне не дают корректуры? Последнего № еще не просматривала, но в предыдущем зверские опечатки. *Очень* прошу корректуры хотя бы конца.

Да! Не знаете ли Вы адр⟨еса⟩ Резини?[2] Если знаете, напишите на записочке, устно С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ забудет.

Мур болен, а то бы пришли с ним в Кламар.

До свидания! Привет Вашим.

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Рукопись сдам на самых днях.

16

Милый Володя! Умоляю о корректуре (*всего* данного, досылаю листки) — чтобы хоть кончить прилично.

Не задержу.

Много поправок, да и печать кое-где слаба, — *очень* прошу Вас!

У меня, напр⟨имер⟩, ПАРУС*К*ОВ, а напечатают ПАРУСОВ и т. д. и чем далее — тем хуже.

Не задержу.

Привет вашим.

МЦ.

17-го сент⟨ября⟩ 1929 г.

⟨*Приписка на полях:*⟩

У меня в конце более чем где-либо игра *на знаках*, а игра — вещь серьезная.

Кор — рек — ту́ — у́ — у́ру́!

17

29-го марта 1930 г.

Милый Володя, как видите — устраиваю вечер и, увы, очень скоро, т. е. очень спешу с билетами[1]. Сделайте их, по дружбе, в возможно скорый срок и по образцу — прелестных! — прошлогодних[2]. М. б. в виду большего текста придется увеличить формат, — Вам виднее. Не удивляйтесь, что помечен Вадим, еще не успела запросить, но уверена, что не откажет, нынче пишу ему. Сообщите мне, пож⟨алуйста⟩, адр⟨ес⟩

Поплавского, — еще тоже не оповещен, но тоже уверена. Мне нужно наработать на Сережино лечение[3].

Очень благодарна буду за возможно скорое выполнение билетной просьбы, — дней так мало, а выбора нет — мой главный козырь Тэффи уезжает в начале мая.

Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

P. S. Если не трудно отошлите прилагаемое письмо Поплавскому, — не знаю адреса.

Милый Володя! Мне *до зарезу* нужно 3 экз⟨емпляра⟩ № Воли России с «Твоя смерть» (проза о Рильке) — по-моему февраль или март *1927 г.* Для франц⟨узского⟩ и немецк⟨ого⟩ перевода. Непременно *три.* За один готова заплатить.

18

Милый Володя!

А Вы сможете быть у меня на вечере распорядителем? А то у меня только одно лицо мужского рода, — маловато. Об этом же прошу и Варшавского[1]: надпишите пожалуйста закрыточку, не знаю адреса.

Думаю (между нами) что вечер будет постылдноватый: одновременно бал в пользу Приречья[2] и еще что-то.

— А у меня на вечере новый номер, к⟨оторо⟩го не угадать! Сама удивлена выше слов. —

Насчет распорядительства ответьте. (Хотя — может быть — и рассаживать будет некого! Разве что — участников!)

Написали ли заметочку?[3]

Сердечный привет всем.

МЦ.

Медон, 23-го апр⟨еля⟩ 1930 г.

19

Дорогой Володя!

Большая просьба: отпечатайте мне несколько (если возможно —)[1] оттисков Маяковского, очень нужно, — в первую голову для Пастернака и близких. Есть возможность переслать.

Вторая большая: очень внимательно проверьте, это не простые стихи, и достаточно меня будут ругать по существу, чтобы я еще отвечала за опечатки.

Выписываю отдельно[2].

(Оцените: вместо:

Будь, младенец — Володимир!
Будь, младенцем Володимир!)

Да! Чудо! С Фохта[3] деньги взыскала, но ка-ак! При встрече изображу в лицах.

Сердечный привет Вам и вашим. *МЦ.*

Пятница ⟨24-го или 31-го октября 1930 г.⟩[4]

20

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
15-го июня 1938 г., среда

Дорогой Володя,

Обращаюсь к Вам со странной — и срочной — просьбой. Я сейчас (впрочем, уж целую зиму!) ставлю памятник на Монпарнасском кладбище родителям и брату С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩[1]. Теперь нужна надпись — и в последнюю минуту оказалось, что лицо, купившее место, подписалось на французский лад Effront, и это Effront — во всех последующих бумагах пошло и утвердилось — и теперь директор кладбища *не* разрешает — на плите — Efron, а требует прежней: по мне безобразной, ибо все члены семьи: с тех пор как я в нее вступила, подписывались — и продолжают — Efron.

Тогда я подумала — о русской надписи. Администрация кладбища согласна, но просит нарисованного текста, так как рабочий — француз.

Для русского бы я нарисовать буквы сумела, но для француза — не решаюсь. Хотела было вырезать из Посл⟨едних⟩ Новостей — по букве — но там шрифты (и величина букв) разные и часто — «fantaisie»*. Кроме того, *не знаю* — и *нет* времени поехать удостоверить (у меня скоро переезд[2] — и уже кошмар) — все ли буквы текста одной величины, или есть — заглавные, напр⟨имер⟩

Яков — или *ЯКОВ*.

— м. б. *Вы́* знаете? На Монпарнасе русских могил — немного, кроме того я — с моей ориентировкой — я, залезши, просто никогда оттуда не вылезу, сама — похоронюсь: самопохоронюсь.

Но просьба еще не в том, а: нарисовать мне от руки прилагаемый текст и послать мне его, а я пошлю — им. И — гора будет с плеч.

Только — постарайтесь узнать у знакомых (должна знать Людмила Николаевна Замятина[3], но не знаю ее адреса) — *все* ли буквы одной величины? Это — важно. У меня никакой зрительной памяти — одни сомнения. Впрочем, Вы м. б. — сами знаете, и *все* знают — кроме меня??

Вот текст. (Буква — 4 фр⟨анка⟩ 50, поэтому — без отчеств).

Только умоляю — если можно — *поскорее* и предварительно выяснив соотношение букв.

Здесь покоятся
Яков Эфрон
Елизавета Эфрон-Дурново
и сын их
Константин

⟨*Приписки на полях:*⟩

NB! Володя! Непременно по старой орфографии, ибо 1) умерли они в 1910 г., 2) памятник ставлю — я.

Простите за такое мрачное поручение, но это были *чудные* люди (все трое!) и этого скромного памятника (с 1910 г.!) заслужили. Сердечный привет Вам и Вашим. Будьте все здоровы и благополучны!

МЦ.

---

* Здесь: причудливые *(фр.)*.

Сосинский Владимир Брониславович (по паспорту — Бронислав Брониславович Сосинский-Семихат; 1900—1987) — писатель, литературный критик.

М. И. Цветаева познакомилась с В. Б. Сосинским на квартире О. Е. Колбасиной-Черновой, где она остановилась сразу же после приезда в Париж в начале ноября 1925 г. Двадцатипятилетний Сосинский считался женихом Ариадны — младшей дочери хозяйки, любимицы М. И. Цветаевой и был частым гостем на улице Руве, 8. В его лице Цветаева нашла преданного друга, не только восторгавшегося ее стихами, но и всегда готового помочь. Не случайно поэтому обилие просьб в письмах М. И. Цветаевой к В. Б. Сосинскому — она знала, что могла на него рассчитывать в трудную минуту. Сосинский помогал устроить первый творческий вечер Цветаевой в Париже, пересылал через своих знакомых ее письма и книги Б. Пастернаку, выполнял множество других ее поручений. Это Сосинский вызвал на дуэль одного из недоброжелательных критиков, публично оскорбивших Цветаеву, и добился от оказавшегося недуэлеспособным писаки извинений. (Сосинский В. История одного кольца, или Несостоявшаяся дуэль. — *Рус. мысль.* 1990. 23 ноября.) В. Б. Сосинский оставил воспоминания о Цветаевой и ее семье, которую он близко знал многие годы. (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 369—377; Сосинский В. «А был ли другой Сергей Яковлевич?» — *ВЛ.* 1991. № 6. С. 197—207.)

Письма 3, 4, 6—18 и 20 впервые (с неточностями) — *НП,* письма 1, 2, 5 и 19 впервые — *Вестник РХД*, 1974, № 114 с таким предуведомлением В. Б. Сосинского (правда, опровергнутого редакцией): «Когда воры выкрадывали в моем архиве эти письма для продажи за границу, они впопыхах выронили несколько из них — поэтому они не попали в вышедшие в Париже в 1972 г. «Неизданные письма». Но сейчас — раз уж большинство из них предано гласности — лучше прис динить к ним и эти оброненные, тем более, что одно из них — наиболее интересное из адресованных ко мне ⟨...⟩. Кроме того, вношу в напечатанный текст исправления — их немного, дополняю примечания гг. Струве».

Письма печатаются по хранящимся в архиве составителя копиям с оригиналов с использованием комментариев В. Б. Сосинского. (Оригиналы находятся в РГАЛИ.)

1

[1] Шутливое прозвище Д. Г. Резникова. См. письма к нему.

[2] А. А. Яблоновский, самолюбие которого было задето статьей Цветаевой «Поэт о критике», написал в ответ злой фельетон «В халате» (Возрождение. 1926. № 337. 5 мая).

2

[1] С конца лета 1904 г. по лето 1905 г. сестры Цветаевы учились в католическом пансионе сестер Бринк во Фрейбурге. (См. *А. Цветаева.* С. 154—181.)

[2] Крокодилом прозывали уборщицу квартиры на улице Руве.

[3] Рекламная брошюрка о фильме «Цирковой сирота». В. Сосинский регулярно посылал для Ариадны Эфрон новые журналы о кинофильмах. В письме от 18 июля 1926 г. она благодарит его за это: «Спасибо Вам большое за еженедельные журналы, подумайте, за все время, как мы здесь, не было ни одного кинематографического представления!» (Архив составителя).

[4] *Йер* — курортный городок на средиземноморском побережье Франции. Там в то лето отдыхали О. Е. Колбасина-Чернова с дочерьми Ариадной и Натальей.

[5] Цветаева решала вопрос о выборе места жительства во Франции. К тому же не исключалась возможность вынужденного возвращения в Чехословакию из-за опасности потерять писательскую стипендию. В уже упомянутом письме А. Эфрон с огорчением писала: «Мы скоро вероятно поедем в Чехию, из-за маминого иждивения. Мне жалко уезжать!»

[6] Эта статья В. Б. Сосинским так и не была написана, несмотря на его намерения. «Я слышал только раз «Поэму Горы». Признаюсь, глупый — ухватил немного — ударили только те места, которые уже слишком ударяют. И вот только вчера — по корректуре — прочел сам. Прочел раз, два. ⟨...⟩ Это лучшее, что у М⟨арины⟩ И⟨вановны⟩ — нет больше, — после «Двенадцати» — ни у кого подобного не было! Как я рад, что это, наконец, открылось мне. Я хочу написать об этой поэме ⟨...⟩ С Алей я поделился начерно, с Тобой и М⟨ариной⟩ И⟨вановной⟩ — начисто...» — писал Сосинский Ариадне Черновой в мае 1926 г. (Архив составителя).

3

[1] В это время В. Б. Сосинский работал вместе с Гржебиным в издательском отделе торгпредства СССР в Париже.

[2] *Шингарев* Владимир Андреевич (ок. 1895 — после 1935) — сын А. И. Шингарева (1869 — 1918), члена Государственной Думы, министра финансов Временного правительства. Активно участвовал в студенческом движении в Праге. В Париже с 1925 г.

[3] П. Н. Милюков — редактор газеты «Последние новости».

4

[1] Лев Семенович *Лапин* (1875 — 1942), живший с женой Розой Абрамовной и дочерью Ниной этажом ниже (квартира О. Е. Черновой находилась на четвертом этаже). Лапин, инженер по профессии, также работал в советском торгпредстве. О поисках книги см. комментарий 1 к следующему письму.

[2] *Сосинский* Евгений Брониславович (1895 — 1958). Писал стихи под псевдонимом «Евг. Комаров». Учился живописи у Фернана Леже (1881 — 1955). По основной профессии — водитель такси.

[3] См. письма 18 к А. А. Тесковой и 11 к П. П. Сувчинскому и комментарии к ним (т. 6).

5

[1] Сосинский сообщил в Сен-Жиль, что взятые у соседей ключи к сундуку не подходят. А накануне, 19 сентября, Сосинский писал по этому поводу Ариадне Черновой: «М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩ просила меня выслать греческую мифологию, которая находится в сундуке. Ключи, говорила она, находятся у Лапина. И вот ужас: Лапин говорит, что никаких ключей М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩ не оставляла ему: хотела оставить, но забыла».

Спустя несколько дней тому же адресату: «...принялся за поиски книги... М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩ все перепутала. С ключом! Теперь, когда ключ на руках — нет книги. Наверное, она у нее. Неужели затерялась? Так радовался помочь ей — и дважды ничего не получилось»... (Архив составителя.)

[2] О. Е. Колбасина-Чернова намеревалась переменить квартиру.

[3] Речь идет о причитавшихся Эфронам деньгах, которые Сувчинский должен был передать до своего отъезда из Парижа.

6

[1] Цветаева сняла флигель пополам с семьей А. З. Туржанской в парижском предместье Бельвю. При доме был небольшой сад. См. также письмо 21 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] Из стихотворения А. Блока «Унижение» (1911).

[3] Дети писателя Л. Андреева: от первого брака — Вадим; от второй жены (А. И. Андреевой) — Савва, Валентин и Вера. См. письма 74 к А. А. Тесковой в т. 6 и А. И. Андреевой и комментарии к ним.

[4] Название дома в Сен-Жиле, который снимала на лето семья Цветаевой.
[5] «Les Hauts de Hurlevent» — французский перевод названия единственного романа английской поэтессы Эмилии Бронте (1818—1848) «Wuthering Heights» (1847, в русском переводе — «Грозовой перевал»). Роман «Джен Эйр» (1847) написала вторая сестра Бронте, Шарлотта (1816—1855); перу третьей сестры, Анны (1820—1849), принадлежат два романа «Агнес Грей» (1847) и «Арендатор Вайлдфелл-Голл» (1848).

7

[1] Приставка bis может означать, что письмо писалось заполночь, то есть уже в *среду*, 13 июля.
[2] Сосинский одно время работал в ателье П. И. Шумова. См. также комментарий 6 к письму 3 к Рильке.
[3] 11 сентября 1927 г. Цветаева прислала Сосинскому переписанную от руки поэму «С моря» с надписью «Дорогому Володе Сосинскому — попытка благодарности за действенность и неутомимость в дружбе — и еще за Мура. *Марина Цветаева.* Переписано одним махом». К письму Цветаева приложила серебряное кольцо с изображением герба Вандеи и двух королевских лилий.
[4] В этот период Черновы снимали квартиру в другом парижском предместье, по соседству с Медоном, Кламаре.

8

[1] Письмо датируется по содержанию.
[2] «Поэма Воздуха» написана в дни первого беспосадочного перелета из США во Францию американского летчика Ч. Линдберга 20—21 мая 1927 г. (См. т. 3.)

10

[1] См. комментарий 3 к письму 7.

11

[1] Оказалось, что Мур заболел скарлатиной. 18 сентября заболела, заразившись от него, и М. И. Цветаева, 19-го слегла Аля.
[2] Весть касалась одного бурного романа Саввы Андреева.

12

[1] С 1926 г. В. Б. Сосинский работал секретарем редакции и корректором журнала «Воля России». Поэма «Красный бычок» была напечатана в № 12 журнала за декабрь 1928 г.
[2] *Сухомлин* Василий Васильевич (1885—1963) — журналист, переводчик, соредактор «Воли России». С 1907 по 1954 г. жил за границей.
[3] Н. М. Андреева, вдова брата Л. Н. Андреева, Всеволода. В связи с изменившимся денежным положением А. И. Андреевой вынуждена была покинуть семью, в которой жила после смерти мужа, воспитывая детей Леонида Николаевича и занимаясь хозяйством.

13

[1] См. комментарий 1 к письму 12.
[2] Судя по письму 12, рукопись «Красного бычка» была послана в редакцию в начале августа 1928 г.

14

[1] «Герой труда» был опубликован в № 9/10 и 11 журнала за 1925 г. (см. т. 4).
[2] Эссе «Твоя смерть» напечатано в № 5/6 за 1927 г. (см. т. 5).
[3] На вечере в Тургеневском обществе (77, rue Pigalle), состоявшемся 17 января 1929 г., М. Цветаева читала «Героя труда».
[4] Н. П. Гронский. См. письма к нему.
[5] Цветаева всегда проявляла особое внимание к своим корректурам, поскольку их качество из-за низкого уровня профессионализма в редакциях (нередко там были просто случайные люди) оставляло желать лучшего. Кроме того, появлению большого количества опечаток способствовала и усложненность ее стиля. См. также письма 15 и 16.

15

[1] Очерк «Наталья Гончарова» печатался в № 5/6, 7 и 8/9 «Воли России» за 1929 г. См. т. 4.
[2] *Рейзини (Резини)* Николай (настоящие имя и фамилия Наум Георгиевич Рейзин; 1902—1979?)—журналист, переводчик. Пользовался известностью в литературных кругах Парижа начала 1930-х годов способностью пародировать поэтов-современнников. Во время второй мировой войны переехал в США, где разбогател, занимаясь торговлей оружием.

17

[1] Речь идет о «Вечере Романтики», состоявшемся 26 апреля 1930 г. (См. письмо 52 к А. А. Тесковой и комментарий к нему в т. 6.) Первоначально вечер, по-видимому, планнровалось провести 10 апреля и посвятить всецело творчеству М. Цветаевой (об этом сообщила газета «Возрождение» 10 апреля).
[2] В. Б. Сосинский одно время работал в парижской типографии, где печатался журнал «Воля России».
[3] С. Я. Эфрон лечился в это время в санатории в Верхней Савойе. Его лечение оплачивалось французским Красным Крестом лишь частично. См. также письмо 53 к А. А. Тесковой в т. 6.

18

[1] *Варшавский* Владимир Сергеевич (1906—1977)—прозаик, публицист. После октябрьских событий в эмиграции. Окончил юридический факультет Пражского университета. В 1926 г. перебрался в Париж. Сведений об участии Варшавского в вечере 26 апреля в хронике событий не обнаружено.
[2] По мнению В. Б. Сосинского, здесь речь идет о каком-нибудь из многочисленных парижских землячеств. Возможно, имеется в виду концерт-бал «сибиряков и дальневосточников», который состоялся 26 апреля 1930 г. в Salle «Jean Goujon» по адресу: 8, rue Jean Goujon, 8 arr. (Последние новости. 1930. 25 мая).
[3] Вероятно, имеется в виду заметка В. Сосинского в соавторстве с М. Слонимом о деятельности литературного объединения «Кочевье» (в котором участвовала и Цветаева) для информационного выпуска этого объединения (увидел свет в 1931 г.).

19

[1] «М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩ забыла здесь проставить цифру». *(Примеч В. Б. Сосинского.)*
[2] «Отдельного листочка с опечатками в стихах «Маяковскому» (Воля России. 1930. № 11—12) нет: по-видимому, тогда же я отдал его в типографию». *(Примеч. В. Б. Сосинского.)*

[3] *Фохт* Всеволод Борисович (1895—1941)—поэт, журналист. Соредактор парижского журнала «Новый Дом» (1926—1927 гг.). О полученных деньгах см. письмо 45 к Н. П. Гронскому и комментарий 2 к нему.

[4] Датируется по содержанию с учетом письма 45 к Н. П. Гронскому.

20

[1] На Монпарнасском кладбище были похоронены Я. К. Эфрон (отец С. Я. Эфрона; 1854—1909), Е. П. Эфрон-Дурново (мать: 1855—1910) и К. Я. Эфрон (младший брат; 1895—1910). В связи с окончанием срока кладбищенской концессии могила была уничтожена в начале 80-х годов.

[2] Цветаева вскоре должна была покинуть квартиру в Ванве. См. письмо 66 к А. Берг, а также комментарий 3 к письму 108 к А. А. Тесковой (т. 6).

[3] Е. Замятин умер в марте 1937 г. и похоронен под Парижем. Должно быть, жена писателя хлопотала в это время об установке надгробия и была знакома с соответствующей процедурой.

Д. Г. РЕЗНИКОВУ

1

St. Gilles sur Vie,
25-го мая 1926 г.

Милый Дода,

Я не так самонадеянна, и, если бы Вы даже сказали всё (место), первая протянула бы:—ли? (все—ли?) Нет, столько не надо, когда все—это беда. Подумайте, Ваше место—занято, Вы без местопребывания. Вы вытеснены, Вас нет—что́ Вам, что мне от Вас остается? (Что мне—знаю: ответственность!)

Любить другую и дружить со мной,—это я сама выбрала (La part du *lion*.)* Любовь—la part du tigre**.

Очень рада была бы, если бы Вы летом приехали. (Кстати, где будете?) У нас целая бочка вина—поила бы Вас—вино молодое, не тяжéле дружбы со мной. Сардинки в сетях, а не в коробках. Позже будет виноград. Чем еще Вас завлечь? Читала бы Вам стихи.

Что пишу? Две вещи сразу[1]. Вторую почти кончила, впечатление: чего-то драгоценного—но осколки. (Дода, это чудно! Вы пишете «Поэма Молчанья», а я прочла «М*ы*чанья»[2]. Помните, как он мычит? Мычал, п. ч.—увы—уже в прошлом: написала одно письмо и, пиша, чувствовала: из последних жил!) Нет, Дода, не он герой! (Вы не верите в поэмы без героев? Впрочем, сама не верю... Впрочем, сама виновата...)

Рада, что хорошо встретились с моей поэмой Горы. (Герой поэмы[3], утверждаю, *гора*.) Кстати знаете ли Вы, что мой герой Поэмы Конца женится, наверное уже женился. Подарила невесте свадебное платье (сама передала его ей тогда с рук нá руки,—не платье!—героя), достала

* Львиная доля *(фр.)*.
** Тигриная доля *(фр.)*.

ему carte d'identité* или вроде,—без иронии, нежно, издалека́.—«Любите ее?»—«Нет, я Вас люблю».—«Но на мне нельзя жениться».—«Нельзя».—«А жениться непременно нужно».—«Да, пустая комната... И я так легко опускаюсь».—«Тянетесь к ней?»—«Нет! Наоборот: даже отталкиваюсь».—«Вы с ума сошли!»

Ужинали вместе в трактирчике «Les deux freres»**. Напускная решительность скоро слетела. Неожиданно (для себя) взял за руку, потянул к губам. Я: «не здесь!» Он: «где—тогда? Ведь я женюсь». Я: «Там, где рук не будет». Потом бродили по нашему каналу, я завела его на горбатый мост, стояли, плечо в плечо—Вода текла—медленнее чем жизнь.

Дода, ведь это сто́ит любви? И почему это «дружба», а не любовь? Потому что женится? Дружба, я просто больше люблю это слово. Оттого—«дружу».

Здесь два мира: море и суша, именно суша: ни деревца. Море я и не пытаюсь любить, чтобы любить море, чтобы быть вправе его любить, нужно быть или рыбаком или моряком. Поэт—здесь—несостоятельность.

Море, эту отдаленность чувствуя, подлизывается ко мне всеми своими волнами.

До свидания, Дода. Пишите мне хотя бы изредка.—Жаль, что не Вы о «Поэме Горы»[4]. Но друзей рознить—не должно. В четверг будем встречать С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩, которого вы все что-то уж слишком долго провожаете. (Один праздничный обед уже пропал, пришлось, с болью сердца, съесть.)

Наши места—места Жиля де Ретца[5].

МЦ.

2

В случае с В., на который не сразу ответила[1].

Я не верю, что, зная меня, можно любить другую. Если любит, значит не знает, значит не знала (не могла бы любить).

Короче: человек *могущий* любить меня, не может любить другую. И—еще более—обратно. Исключительность ведь не только в исключении других, но и в исключенности из других. Меня в других нет.

Можно любить до меня, и после меня, нельзя любить одновременно меня и, ни даже дружить, еще менее—дружить. Этого никогда не было. Доказательство моей правоты—меня МАЛО любили.

Тем, что Х не перестает любить свою жену, он мне явно доказывает, что я бы не могла его любить. Предвосхищение достоверности.

Трагическая любовь (я люблю, он нет)—либо незнание меня, либо незнание *мое*. (Знал бы—любил бы, знала бы—не любила бы.) То есть недоразумение. Недоразумение тоже может быть трагичным.

---

* См. перевод на с. 13.

** «Два брата» *(фр.)*.

Другой ее вид (он любит, я нет) также не для меня. Ибо если он *любит* (не возле, не около, меня в упор, именно меня, здесь обману нет) — я конечно его люблю — кто бы он ни был, каков бы он ни был, то есть: и кто и каков уже определяются этой любовью. Любовь ко мне есть любовь к целому ряду явлений и сама по себе — *явление*.

Всех не любящих меня (ВСЕГО в одном) я сижу и миную. А если не миную (губы, руки) то все-таки сужу и, уверяю Вас! — не себя (за слабость) какая слабость? Еще одна проба силы — сил.

Вас вчера не было, а я была. Жаль. Хотя бы потому не прекращайте, что почти единственная возможность видеться. Дома у меня по-настоящему нет, есть, но *меня* в нем нет.

— Как хорошо Вы тогда сказали про С⟨лони⟩ма: кукушка. Где кукушка — там и сказка, там и песня, и я в своей долгой дружбе — права. С негодяем дружить нельзя, с кукушкой — можно. Любить даже.

А из сплетен о Вас — волшебное плетево: не у проститутки, а у сороки-воровки (пух, мех, золото, гнездо), — на содержании у сороки-воровки...

Хотите, 30-го, в предпоследний день старого года? Приезжайте к 6 ч. (можно и к 5 1/2 ч.), пораньше поужинаем, поедем в Ваш монпарнасский[2] *(Узнайте программу!)* Деньги есть, не заботьтесь.

30-е, по-моему, четверг. Во всяком случае — 30-го. Проводим, начерно, год. Не запаздывайте!

До свиданья. Тот ветер еще дует.

МЦ.

27-го декабря 1926 г., понедельник.

Резников Даниил Георгиевич (1904—1970) — журналист, литературный критик, поэт. Муж Н. В. Черновой (см. письма к Черновым в т. 6).

Впервые — *Вестник РХД*, 1983, № 138 (публикация В. Лосской). Печатаются по тексту первой публикации с исправлением датировки первого письма (по содержанию).

1

[1] Поэма «С моря» и «Попытка комнаты» (см. т. 3).

[2] Намек на игру в семье Цветаевой с Черновыми, главным героем которой была дочь Цветаевой Аля, в шутку считавшаяся теленочком, говорившая и писавшая письма на языке «тэле». Сергей Яковлевич тоже «мычал по-телячьи». (См. также комментарии к письмам к А. В. Черновой в т. 6.)

[3] К. Б. Родзевич. См. письма к нему, а также письмо 8 к А. В. Черновой (т. 6).

[4] Речь идет, по-видимому, о несостоявшемся отзыве Д. Г. Резникова на поэму. Он уже к тому времени опубликовал свою рецензию на «Поэму Конца» (Дни. 1926. 24 января).

[5] *Жиль де Ретц* — маршал Франции в XV в., за свою жестокость и преступления прозванный «Синей бородой». Его образом в то время была увлечена Аля Эфрон.

2

[1] Какой случай с В. имеется в виду, неизвестно. Судя по последующему тексту и письмам 27 и 28 к О. Е. Колбасиной-Черновой (т. 6), речь, возможно, идет о Вадиме Андрееве.

[2] Имеется в виду кинематограф.

С. Н. АНДРОНИКОВОЙ-ГАЛЬПЕРН

1

St. Gilles, 15-го июля 1926 г., четверг

Дорогая Саломея,

Вчера на берегу я писала Вам мысленное письмо, стройное, складное, как всё, непрерванное пером. Вот отрывки:

Умиляюсь и удивляюсь Вашему нетерпению[1]. Мне, с моей установкой на Царство Небесное (там — потом когда-нибудь —) оно дико и мило. Торопить венец (здесь) — торопить конец. (Чтó любовь — чтó елка!) Я, когда люблю человека, беру его с собой всюду, не расстаюсь с ним в себе, *усваиваю*, постепенно превращаю его в воздух, которым дышу и в котором дышу, — в всюду и в нигде. Я совсем не умею вместе, ни разу не удавалось. Умела бы — если бы можно было нигде не жить, все время ехать, просто — не жить. Мне, Саломея, мешают люди, № домов, часы, показывающие 10 или 12 (иногда они сходят с ума — тогда хорошо), мне мешает собственная дикая ограниченность, с которой сталкиваюсь — нет, нáново знакомлюсь — когда начинаю (пытаться) жить. Когда я без человека, он во мне целей — и цельней. Жизненные и житейские подробности, вся жизненная дробь (жить — дробить) мне в любви непереносна, мне стыдно за нее, точно я позвала человека в неубранную комнату, которую он считает моей. Знаете, где и как хорошо? В новых местах, на молу, на мосту, ближе к *нигде*, в часы, граничащие с никоторым. (Есть такие.)

Я не выношу любовного напряжения, у меня — чудовищного, этого чистейшего превращения в собственное ухо, наставленное на другого: хорошо ли ему со мной? Со мной уже перестает звучать и значить, одно — *ли ему*?

Бывают взрывы и срывы. Тогда я очень несчастна, не знаю чего могу, всякого «вместе» мало: умереть! Поймите меня: вся моя жизнь — отрицание ее, собственная из нее изъятость. Я в ней отсутствую. Любить — усиленно присутствовать, до крайности воплощаться здесь. Каково мне, с этим неверием, с этим презрением к здесь? Поэтому одно желание: довести войну до позорного конца — и возможно скорее. Сплошной Брестский мир.

(Имейте в виду, что все это я говорю сейчас, никого не любя, давно никого не любив, не ждав, в полном холоде *силы* и *воли*. Знаю и другую песенку, *ВСЮ* другую!)

Почему я не в Лондоне?[2] Вам было бы *много* легче, а мне с Вами по-новому хорошо. Мы бы ходили с Вами по каким-нибудь нищим местам — моим любимым: чем хуже, тем лучше, стояли бы на мостах... (Места — мосты —) И почему не Вы на днях здесь будете, а М⟨ир⟩ский. Приезжайте ко мне из Парижа! Ведь это недолго! Приезжайте хотя бы на день, на долгую ночную прогулку — у океана, которого не любите ни Вы, ни я — или можно на дюнах, если не боитесь колючек. Привлечь, кроме себя, мне Вас здесь нечем.

О Вас. Думаю — не срывайтесь с места. *Достойнее*. Только с *очень* большим человеком можно быть самим собой, целым собой, всем собой. Не забывайте, что другому нужно меньше, потому что он *слаб*. Люди боятся разбега: не устоять. Самое большое (мое) горе в любви — не мочь дать столько, сколько хочу. Не обороняется только сила. Слабость отлично вооружена и, заставляя силу *умеряться*, быть *не* собой, блестяще побеждает.

А еще, Саломея, — и может быть самое грустное:

«Es ist mir schon einmal geschehn!»
— oft geschehn!*

Из Чехии пока ни звука. Сегодня, 15-го, день получки. За меня хлопочет целый ряд людей[3]. Написала и эсерам[4] (выходит, что не люди!) Словом, сделала все, что могла. Если бы Вы знали, какие литераторы в Праге получают и будут получать стипендию! Мне пишут, чехи обиделись, что я прославляла Германию[5], а не Чехию. Теперь уж никогда не «прославлю» Чехию — из неловкости. Неловко воспевать того, кто тебя содержит. Легче — того, кто тебя обокрал.

Пустилась как в плаванье в большую поэму[6]. Неожиданность островов и подводных течений. Есть и рифы. Но есть и маяки. (Все это не метафора, а точная передача.) Кроме поэмы — жизнь дня, с главным событием — купаньем, почти насильственным, потому что от разыгрывающегося воображения сразу задыхаюсь. О будущем ничего не знаю, три возможности: либо чехи ничего больше не дадут — никогда, тогда в Чехию не поеду, и куда поеду — не знаю, либо чехи велят сразу возвращаться — тогда сразу поеду, либо согласятся содержать заочно до Октября — поеду в Октябре. О заочном бессрочном мечтать нечего. *Как надоели деньги!* Кто у меня из предков так разорялся, чтобы мне та́к считать?!

Версты вышли, по-моему — чудесная книга[7]. У нас очень жарко, все жалуются, а я радуюсь. Целую Вас. Вам уже не три недели, а две.

МЦ.

---

* «Это уже случилось со мной!» — часто случалось! *(нем.)*

⟨*Приписки на полях:*⟩
Читайте стихи.

— Все же промчится скорей песней обманутый день...
(Овидий)[8].

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ успокоился: получил повестку из префект⟨уры⟩; по ней пошли, и пока все благополучно[9].

2

St. Gilles, 12-го августа 1926 г.

Дорогая Саломея!

Где Вы и что Вы?

У нас съезд: был Св⟨ятополк⟩-М⟨ирский⟩, сейчас С⟨ув⟩чинские и еще две дамы, одна, променявшая на С⟨ен-⟩Жиль — Ниццу, другая, бросившая ради нас (песок включая) четверых детей. Все это с трудом спевается. Часов в сутках все столько же, а каждому нужен свой.

Я последний раз на океане, всю душу вымотала, лёжачи, ежедневное обязательное поглупение на четыре часа. С⟨ув⟩чинский сочувствует, хотя здесь всего третий день.

Получила Jeune homme*[1], спасибо, хорошая книга, книга равная доброму делу. Многим бы следовало ее прочесть. Разоблачение обольщения.

Кончила последнюю поэму за это лето (Лестницу). Сейчас дорабатываю большую драматическую вещь — Тезея — написанного два года назад, хочу сдать в Совр⟨еменные⟩ Записки, чтобы не совсем разгрызться. Сдала в Волю России конец цикла Деревья (начало в последнем №)[2]. С грустью вижу, что у меня пропадает очередная книга стихов (так уже пропали две до Ремесла). Все стихи с 1922 г. по сей, т. е. все стихи, написанные заграницей. Многие из них печатались по журналам, но это не то. Книга — этап.

С радостью услышу о Вас, думаю, что Вы уже уехали. Когда будете в Париже? Я — не знаю. С Чехией пока ничего не выяснено. Последнее письмо печальное: Вас чехи считают отрезанным ломтем. Достоверно отрезанным, раз сами отхватили!

До свидания, пишите, целую Вас.

МЦ.

Когда С⟨ув⟩чинская зашла в фотографию за карточками, барышня, радостно:

— Ah je sais ce que vous voulez dire: *avec le Charlot!***

(NB! М⟨ир⟩ский никогда не видал Чаплина![3])

---

* Молодой человек *(фр.)*.

** А я знаю, что вы хотите сказать: вместе с *Шарло! (фр.) Charlot* — Чарли (Чаплин) или бродяга наподобие его героев.

3

Дорогая Саломея,

Недавно приехала и очень хочу Вас повидать. В город (неустройство — или устройство — кухня — Мур и т. д.) мне выбраться трудно, потому жду Вас к себе.

Наш адр⟨ес⟩:

Bellevue

31, Boulevard Verd (большой дом, даже несколько, в саду. Железная решетка. Башенка).

Маршрут: Монпарнасский вокз⟨ал⟩, станция *Bellevue.* До нас три минуты (Вашего) хода. Естественного — пять.

К нам лучше к 6-ти, когда время (вспомните Мандельштама и Мирского!) частью отшумело[1].

До свидания. Целую Вас. Сердечный привет от С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩.

МЦ.

Bellevue, 7-го Октября 1926 г.

4

Дорогая Саломея,

Большая просьба о декабрьском иждивении. (Получала дважды: сразу за сентябрь и октябрь и, отдельно, за ноябрь.) Приходят наложным платежом наши вещи из Чехии — вагон с неведомым! — каждый день могут придти, а платить нечем.

Если можно, перешлите по почте или еще как-нибудь, ближайшие мои вечера заняты людьми, приехавшими из Чехии, и Мирским[1] (приезжает завтра). Кроме того, горячка с Верстами, временами отзывающаяся и на мне.

До свидания! Не отождествляйте меня с моим иждивением, иначе Вам станет нудно. Целую Вас

МЦ.

Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd
18-го декабря 1926 г.

⟨*Приписка на полях:*⟩

М. б. как-нибудь встретимся совместно с Д⟨митрием⟩ П⟨етровичем⟩?[1]

Тогда черкните, в понед⟨ельник⟩ я занята.

5

Дорогая Саломея!

Мольба об иждивении. В этом месяце — туго, потому что не напечатала ни одной строки. Если можно, вышлите: под угрозой газа и электричества.

Тщетно ждала Вашего письма и приезда — помните, хотели? Часто хотела писать сама — причина неприезда та же: нежелание, чтобы Вас *не* было дома, нежелание, чтобы Вы были дома — с другими. Давайте сговоримся. Что скажете о следующем вторнике (15-го)? Хотите — Вы ко мне? Впрочем, как захочется, у Вас свободнее, но у меня увидели бы Мура, которому 1-го исполнилось 2 года («ДЖА́» «ГУО́Да»).

Целую Вас и люблю.

МЦ.

Bellevue (S. et O.)
31, B⟨oulevar⟩d Verd
8-го февр⟨аля⟩ 1927 г.

6

Дорогая Саломея,

Спасибо за извещение, которым очень огорчена — и за сестру (умершей)[1] и лично. (Я сейчас в большой волне сочувствия — такому.)

Поедем, когда можно будет, надеюсь, не оповестивши Вас, не сдадут. Пока другие квартиры не смотрю[2].

Да! О вечере. Как Вы думаете — сможет ли вечер у Н. И. Бутковской[3] (студия) дать 2 тысячи? Если да — давайте устроим там. Большой наемный зал, помимо платы, сожрет 1/4 дохода, т. е. в лучшем случае останутся те же 2 тысячи + все неудовольствия.

Не могли ли бы Вы, дорогая Саломея, позвонить Н. И. Бутковской? Вечер, думаю, хорошо бы в конце марта.

С Союзом молодых, по сведениям, выйти не может, — они в руках у враждебной (СТАРШЕЙ) группы[4].

Если найдете нужным, — т. е. не заведомо-безнадежным — еще и от себя напишу Н. И. Бутковской лично, — но лучше после Вашего телефона.

Да! чтобы покончить с делами: милая Саломея, напомните А⟨лександру⟩ Я⟨ковлевичу⟩[5], чтобы непременно узнал фамилию и, по возможности, адрес той Поляковой[6], что замужем за французом и живет, если не ошибаюсь, в Boulogne (м. б. Champs Elysées? — во всяком случае не на Vilette!)

Две новости: одна о Мирском (смешная), другая — о другом, обе устные.

Черкните словечко. Целую Вас.

МЦ.

Bellevue, каж⟨ется⟩ 25-го наверн⟨ое⟩ февраля, пятница.
⟨1927⟩

7

Bellevue (S. et O.)
31, B⟨oulevar⟩d Verd

Дорогая Саломея,

Вчера внезапно заболела Аля: горло до задохновения, сильный жар, кашель, всю ночь не спала, — сегодня лучше, но бронхит настоящий,

до воскресенья продержу ее в постели. Присутствия, естественно, вдвое (ЦЕЛЫЙ Мур!)

Итак, хотите в воскресенье? Если заняты — в понедельник (тогда — отзовитесь). Приеду вечером, как всегда, — м. б. пойдем на какой-нибудь хороший фильм?

Пожалуюсь на Св⟨ятополк-⟩М⟨ир⟩ского.

Да! с Viroflé* (я?) м. б. — к лучшему: 1) Теснота 2) Даль 3) Перспектива осеннего переезда и перетáска.

Нам предлагают кв⟨артиру⟩ около Медонского электр⟨ического⟩ вокзала — 3 комнаты, ванна, крохотная кухня, свое центр⟨альное⟩ отопление — 330 фр⟨анков⟩ в месяц. Без сада, но около парка. Если сумеем — возьмем.

Мебель какой-то магазин дает в рассрочку, если на 1000 фр⟨анков⟩ — 300 сразу — и по 60 фр⟨анков⟩ в месяц. По-моему, более или менее, т. е. в случае вечера («хошь самого худенького») — доступно.

В прошлом году вечер был затеей — и удался, в нынешнем — зарез — и — посмотрим.

Жаль, что Б⟨утко⟩вская не отвечает. (М. б. моя «евразийская» слава?)[1]

Да, Саломея дорогая, спасибо за адр⟨ес⟩ Поляковой, но — увы — Раиса, Зинаида или Ксения? Нельзя ли это — каким-нибудь чудом?

Кончила свой ответ на смерть Рильке (проза)[2].

Но все остальные новости — устно. Итак, молчание будет означать воскресенье. Понедельник будет ждать ответа.

МЦ.

2-го марта 1927 г., среда.

8

Дорогая Саломея,

Будем у Вас с С⟨ергеем⟩ Я⟨ковлевичем⟩ во вторник (вечером) — если разрешите. Договоримся о вечере. М. б. принесу с собой прозу о Рильке. Хотелось бы, чтобы послушал и Б⟨орис⟩ Ф⟨едорович⟩[1], у меня мечта ⟨*зачеркнуто одно слово*⟩ *или* перевестись на франц⟨узский⟩ для какого-нибудь журнала — о мечте пока не сообщайте, посмотрю как понравится.

До свидания!

МЦ.

Belleveu, 6-го марта 1927 г., воскресение.

P. S. Квартира снята[2].

9

Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd
22-го марта 1927 г.

Дорогая Саломея,

Забыла вчера две важных вещи:

1) Надо мной висит зуб, то есть необходимость вставить. Помните, Вы говорили о зубном враче, могущем начать без залога и ждать

* Правильно: Viroflay (название пригорода Парижа).

несколько времени. Если все это так — вот моя просьба: позвоните ему и попросите назначить возможно скорее, и, по назначении, сообщите мне вместе с адресом и какими-нибудь топографическими данными. Поеду, видно, одна, С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ болен надолго.

Да! и предупредите его, пожалуйста, что уплачу после вечера, в середине апреля. Чтобы мне уже придти на *готовое* (NB! его огорчение).

Второе.

Помните, Вы говорили, что у Вас есть шкаф и, кажется, столик. Если это мне не помни́лось, можно ли их будет взять, то есть когда, в какие часы кто-нибудь дома и бывает ли дом безлюден? Дело в том, что, кажется, из за́города ездят такие messagers*, за поручениями, сравнительно доступные. Нужно знать, когда можно ему назначить.

Милая Саломея, хотите разгадку — полу-трагедии, Вашей и моей? Вас всегда будут любить слабые, по естественному закону тяготения сильных — к слабым и слабых — к сильным. Последнее notre cas**, в нас ищут и будут искать *опоры*. Сила — к силе — редчайшее чудо, на него рассчитывать нельзя.

Слабость, то есть: ЧУТЬЕ, многообразие, созерцательность и — невозможность действия. Слабость как условность, конечно, слабость — как, может быть, сила в других мирах, но в этом, любимом Вами и нелюбимом мною, конечно — слабость: неумение (нехотение?) жить. В нас любят ЖИЗНЬ. Даже во мне.

А полу-трагедия — потому что любовь — мно-ого! — полжизни, о, гораздо, неизмеримо меньше.

Целую Вас и очень люблю.

МЦ.

⟨Приписка на полях:⟩

Поздравляю Вас с падением Шанхая. С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ говорит, что это хорошо, п. ч. наши войска...[1]

10

Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd
26-го марта 1927 г., суббота.

Милая Саломея,

Хотите и можете ли — в понедельник? (Совместное нашествие Св⟨ятополк-⟩М⟨ирского⟩, С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ и меня.)

Во вторник С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ занят, в среду занята я, *четверг — канун переезда*, пятница — переезд и первый день.

Остаются *понедельник* и суббота.

Если в понедельник, две просьбы: 1) известите Мирского, что это моя единственная возможность скоро повидаться с ним, ибо дома переезд и разгром. 2) известите Путермана[1], чтобы был у меня определенно

---

* Гонцы *(фр.)*.

** Наш случай *(фр.)*.

во вторник—звала его либо в понедельник, либо во вторник—почитать стихи.

Если же в субботу—не извещайте никого ни о чем, только меня, тогда Мирскому сама напишу.

Большое (содрогающееся!) спасибо за зубного врача и—радостное—за неодушевленные предметы. Дарю Вам в ответ Слонима, которого приведу или направлю к Вам—как и когда пожелаете—начиная с через-будущей недели.

Итак, жду ответа. Если в понедельник, НЕ ЗАБУДЬТЕ известить Путермана, а то—приедет—меня нет. С этого начинать нельзя.

Целую Вас.

МЦ.

Рассказу про впечатление от Вас—Шестова, его точными словами.

11

Медон, 2-го апреля 1927 г.

Дорогая Саломея,

Очарованное спасибо за софу, я как раз в ту минуту торговала у хозяйки одр, пролежанный четырьмя русскими шоферами—de meilleures familles*—жившими en meublé. («Ils sont frés gentils, les Russes, mais ils cassent tout».)** И вот—к восторгу моему и *ужасу* хозяйки (СТРАСТЬ ЖАДНОСТИ)—то серое, мягкое, непролежанное, непродавленное.

Но—un scrupule***—(по-русски непереводимо)—С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ опасается, что увез самовольно, почему, не знаю, есть какие-то поводы. (М. б. я лежу *на краже*? Тем слаще спать!)

От переезда еще не очнулась и долго не очнусь. Электричества пока нет, бродим с лампой. Кажется, все хорошо—или будет хорошо.

Плохо, что уехала с долгами, молочнице и ⟨*слово залито чернилами*⟩. Поэтому очень буду просить Вас, дорогая Саломея, дать мне уже сейчас из апрельского иждивения, ⟨сколько⟩ сможете. Нужно, например, платить вперед за электричество, иначе не зажгут. И многое в таком же роде. Могу заехать в понедельник вечером, *если нельзя*—известите.

Мой новый адр⟨ес⟩:
2, Avenue Jeanne d'Arc
Meudon

Целую Вас и еще благодарю.

МЦ.

Шкаф пошел Муру, большой стол Сереже, на маленьком обедаем, на краденой софе лежу.

Да! ЧУДНЫЙ номер с И—новыми![1]

---

* Из лучших семей *(фр.)*.

** В меблированных квартирах («Они очень милы, эти русские, но они все ломают») *(фр.)*.

*** Испытывая угрызения совести *(фр.)*.

12

Медон, 2-й день Пасхи 1927 г.[1]

Дорогая Саломея,

Буду просить Вас о II ч⟨асти⟩ (пишу как о книге!) иждивения. Вы удивитесь, куда ушли деньги с вечера? На квартирный залог — только сейчас довнесенный — зубного врача — и жизнь, к которой еще присоединилась Пасха: обязательность радостей.

Буду у Вас скоро, просила П⟨утер⟩мана сговориться с Вами, когда мне придти. Занесу ему к Вам первую часть рукописи[2]. Не сердитесь, что не запросив Вас, сговариваюсь с П⟨утер⟩маном о встрече у Вас, звала его к себе — занят — а дорог в Париже кроме как к Вам я не знаю. (Встреча с ним у Вас — идет от него, это я для пущей ясности.)

Итак, надеюсь видеть Вас еще на этой неделе. Четверг, о к⟨отор⟩ом писала П⟨утер⟩ману, что занят — освободила. Занято, пока, только следующее воскресенье. Если уже сговорились с П⟨утер⟩маном, не отвечайте, он известит.

Целую Вас и кончаю тем, с чего начать должно бы:

Христос Воскресе!

МЦ.

13

Дорогая Саломея,

Совсем кончила книгу[1]. Давайте повидаемся! Когда? Занята только во вторник (нынче четверг). В воскресенье или понедельник? Ответьте.

Целую Вас.

МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
12-го мая 1927 г.

14

⟨Июнь 1927⟩[1]

Дорогая Саломея,

Почему не были на евразийском обеде? Было чудно. Ждали Вас чуть ли не целый час.

Очень хочу Вас повидать, напишите когда. Целую Вас.

МЦ.

Четверг.
Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc

Кончила новую вещь — Поэму Воздуха[2] — которая никому не нравится — et pour cause* (NB! воздуха!)

* Тому есть причины *(фр.)*.

15

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
8-го авг⟨уста⟩ 1927 г.

Дорогая Саломея,

Помогите мне достать визу для моей сестры Аси (Анастасии Ивановны Трухачевой) едущей сюда на 7 дней, на обратном пути, в Россию — из Сорренто, куда ее, по доброте сердца, выписал Горький, с которым она знакома только по письмам[1]. Ася — член моск⟨овского⟩ Союза Писателей и помощник библиотекаря Музея Изящн⟨ых⟩ Искусств в Москве (нашего отца). Причастности к политике никакой. № паспорта $\frac{129412}{26094}$

Мы не виделись с 1922 г. В Сорренто ехать я не могу.

Целую Вас.

МЦ.

P. S. Если можно — не рассказывайте про Горького — не надо — просто: нужна виза.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Ася отпущена на месяц, едет обратно в начале сентября.

16

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
⟨Август 1927⟩[1]

Дорогая Саломея,

Буду у Вас в среду, в 4 ч. Можно будет тогда же получить иждивение? Слоним — шестое письмо! — не отвечает и не платит, прихода ниоткуда, я совсем обнищала. Расскажу Вам забавное о —

«Нам каждый гость дарован Богом»...[2]

Спасибо за мысли о визе и шляпе.

Целую Вас.

МЦ.

От Аси последнее письмо из Венеции, сейчас, очевидно, уже в Сорренто.

17

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
30-го августа 1927 г.

Дорогая Саломея,

Я свинья, целое стадо, м. б. и евангельское. Но — 1) корректура книги 2) судорожная переписка с Асей 3) приготовления к ее приезду 4) приготовления к нашему отъезду — и все очередное, т. е. стирка, варка, жарка, прогулки и — жара, новорожденная, правда, но богатырская.

Ася приезжает 2-го на несколько дней, с тем, чтобы обратно вернуться в Сорренто, и оттуда уже — в Москву, виза есть, получила телеграмму.

Пишу благодарность Парэну[1]. — Как жаль, что Вы Асю не увидите. И как жаль, что она Вас — *не*. Чуть было сама не попала в Сорренто, — Горький предлагал Асе — но тогда бы Ася не увидела ни С⟨ережи⟩, ни Али, ни Мура, к⟨отоpo⟩го не видела никогда. А в Сорренто мирты, Горький в Асином письме прислал листочек, упавший прямо в миртовое деревце Федры, — ЧЕСТНОЕ СЛОВО! в открытую тетрадь[2]. Редкий случай, когда *лист* падает *нá дерево.* Целую Вас, сердечный привет А⟨лександру⟩ Я⟨ковлевичу⟩. По приезде Аси напишу еще.

М.

⟨Приписка на полях:⟩

Книга, кажется, выходит хорошая[3]. Вам многое понравится.

18

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
15-го сент⟨ября⟩ 1927 г.

Дорогая Саломея, так коротко писала и пишу Вам оттого, что болен Мур. Краснуха, первые дни был сильный жар, сейчас меньше, но держится, кроме того, сильный кашель и частая рвота. Лечит русская докторша, очень хорошая, немецкой школы. Поездка, кажется, провалилась. Позже 20-го ехать бессмысленно, а к 20-му Мур вряд ли встанет.

Ася у меня уже две недели, на днях едет[1]. Много рассказывает о России, морально хуже, чем было в ⟨19⟩22 г. Сама не изменилась, — впрочем Вы ее не видели и такие отзывы мало говорят.

Горюю о новых местах — уклонившихся. Вера С⟨ув⟩чинская зовет изо всех сил, уехала 4-го. Там (St. Palais) сейчас Прокофьев[2], тоже зовет. Конверт, предусмотрительно заклеенный, вскрыт, деньги тихо и верно текут. Текут и окна — сверху вниз, в комнатах холодней, чем на улице, а на улице ноябрь. Деревья серые.

Дружески завидую Вам от всей души. Немножко обойдусь — расскажу Вам забавную и ПОСРАМИТЕЛЬНУЮ вещь о Св⟨ятополк-⟩ М⟨ир⟩ском. Достоверную. Позорную.

Кончаю письмо благодарной просьбой об иждивении — если можно. Сколачиваем на терм (1-го).

Пишите, — когда вспомянусь!

МЦ.

⟨Приписки на полях:⟩

Сердечный привет А⟨лександру⟩ Я⟨ковлевичу⟩ — и Ирине[3], если меня помнит. Але 5/18-го — 14 лет[4]. Скоро я буду бабушкой!!!

Cassis* — это который пьют?

19

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
10-го Окт⟨ября⟩ 1927 г.

Дорогая Саломея, Мур и Аля уже отболели, я, приблизительно, тоже, но дезинфекции еще не было, п. ч. раньше 6-ти недель бессмысленно,

* Черносмородинная наливка *(фр.)*.

а срок им будет в конце месяца. Если не боитесь зараз, приезжайте, — у меня все бывают, и пока (тьфу, тьфу) ни с кем ничего. Не знаю степени Вашей подверженности таким явлениям. Давайте так: если у Вас ично, была — приезжайте. Дома переоденетесь и вымоете руки (NB! одно платье будет прокаженным). Если нет — не являйтесь ни за что, *придется обриться* (брилась уже 4 раза, хочу еще два: новая страсть) или *облезть*.

Письмо Ваше пришло в день моего рождения, вчера 26-го сент⟨ября⟩[1] / 9-го окт⟨ября⟩, приятное совпадение.

Саломея! У меня есть 6 книг одного совр⟨еменного⟩ франц⟨узского⟩ поэта — и *КАКИЕ!* С картинками![2]

Словом, очень хочу Вас видеть и надеюсь одинаково на Ваше безумие и благоразумие. Но, если соберетесь, *предупредите*, — я уже выхожу (разношу).

Спасибо за иждивение и обещание досылки.

⟨*Приписки на полях:*⟩

ВЫДУМАЙТЕ МНЕ ГОЛОВНОЙ УБОР, ХОЖУ В ДЕТСКОЙ ФЕСКЕ.

Целую Вас (le baiser du lépreux*) и жду письма.

МЦ.

Есть *1905 год* Пастернака — ЧУДНЫЙ![3]

20

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
28-го Октября 1927 г.

Дорогая Саломея,

Ни йоты, ни тени, и дезинфекция и чистка, все в порядке, жажду Вас видеть, спасибо за иждивение, целую, жду письма.

МЦ.

21

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
27-го дек⟨абря⟩ 1927 г., вторник.

Дорогая Саломея,

Заминка: чек ошибочно помечен ⟨19⟩25 г. Прилагаю с просьбой оставить у прис уги другой, на два года старше (⟨19⟩27 г.) За ним завтра (в среду) зайдут. Предупредите прислугу, что зайдет господин, к⟨ото⟩рый спросит «une lettre pour M. Efron**». У меня огорчение: у Али и Мура не то ангина, не то грипп, во всяком случае жар и кашель (у Али и горло). Оба в посте и. Никуда не выхожу. Чек, как тот, что возвращаю, пожалуйста, на имя С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩.

* Поцелуй прокаженного *(фр.)*.

** Письмо для М. Эфрон *(фр.)*.

До свидания. Очень рада буду повидаться, через неделю, надеюсь, дети обойдутся, тогда спишемся, захвачу Федру, которая Вам понравится больше Поэмы Воздуха.

Да! Если все-таки что-нибудь найдется Ирининого для Али, приму с радостью, что бы ни было. Все нужно.

Целую Вас и поздравляю с ⟨19⟩28-ым.

МЦ.

22

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
9-го января 1928 г.

Дорогая Саломея,

Всячески сочувствую: то же и хуже, — кроме харка, сморка и хорка (у меня) еще короста, честное слово! т. е. вся голова в нарывах, выстрижена в 10-ти местах, несколько дней ходила перебинтованная как солдат, в самочувствии Иова[1], — и резали, и мазали, — все новые и новые, теперь лечусь дрожжами и кажется вылечиваюсь.

Во вторник боевая лекция Алексеева, первое открытое выступление Евразийцев[2], афишу прилагаю, а в среду доклад Слонима о молодых писателях за рубежом[3] (где он их видел??), пойду исключительно в целях Вашей книги и его посрамления. Давайте так: Вера С⟨увчин⟩ская Вам позвонит и Вы с ней сговоритесь, а она меня известит. Алексеев, к сожалению, уезжает на днях.

До свида я, желаю здоровья, сердечный привет А⟨лександру⟩ Я⟨ковлевичу⟩. Целую Вас.

МЦ.

23

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
5-го февраля 1928 г.

Дорогая Саломея, две больших просьбы. Ради Бога — иждивение или хоть часть, в этом месяце С⟨ережа⟩ не играл[1], а я ни строки не напечатала, нечем жить, и каждый день может нагрянуть газ. Опускаю и молочников и булочников. Положение поганое, меня хоть в Сов⟨етской⟩ России и наградили богемским миросозерцанием, но я в отношении задолженности (зависимости) трагически-буржуазна. — Выручайте! — Второе: ПУ — ТЕР — МАН. Чтó?! Где?! КАК?! В из⟨дательст⟩ве домашнего адреса не дают, как узнать? Со всех сторон расспросы о книге — чтó отвечать? Вообще, что мне с ним делать? Посоветуйте. Уже дважды просили на отзыв. От *факта* книги (какова бы ни была!) многое зависит, могла бы съездить напр⟨имер⟩ почитать в Чехию, мне об этом писали. И — пустые руки. Расскажите ему об этом, если позвонит. Ради Бога, простите за лишние заботы. Цел ю Вас.

МЦ.

⟨*Приписки на полях:*⟩
Пишу хорошую вещь[2].
Саломея! Достаньте и прочтите упоительную книгу сов⟨етского⟩ писателя Вячеслава ШИШКОВА *«Бисерная рожа»*. (Рассказы)[3].

24

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
11-го февраля 1928 г.

Дорогая Саломея, огромное спасибо за двойное спасение. Конечно нам нужно повидаться до Вашего отъезда (завидую!). В ответ на предложение П⟨утер⟩мана встретиться у Вас в один из трех последних дней недели (оцените долготу периода!) я назначила ему воскресенье,—он должен был запросить Вас и оповестить меня. Но приезд А⟨лександра⟩ Я⟨ковлевича⟩ меняет дело. Давайте так,—со следующей среды когда хотите.

Вчера целый день рассылала челобитные в сопровождении подписных бланков[1],—вплоть до России! Посмотрим.

Хожу в Вашем в серо-синем осином свитере, Аля не влезла. Но обе юбочки ей как раз.

До свидания, еще раз от всего сердца спасибо за мужски-молниеносную помощь (NB! старинных времен-мужски!) Буду ждать Вашего оклика, а—паче чаяния уедете раньше среды—добрый путь. Сердечный привет А⟨лександру⟩ Я⟨ковлевичу⟩.

МЦ.

25

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
25-го февраля 1928 г.

Дорогая Саломея, сгораю от самой черной зависти, но у нас тоже весна,—обскакавшая себя на месяц! Погода трогательна донельзя, уже не сидится, а идти некуда, потому что парк знаю наизусть, а в лесу хулиганы.

Виделась с П⟨утер⟩маном, дела неплохи, есть надежда на выход книги в марте. Огромное спасибо за чудо десяти билетов, мною пока продано три. Остальные (адресаты) молчат. Есть надежда еще на подписчиков в России.

Да! В Печати и Рев⟨олюции⟩ огромная статья об «эмигрантских писателях», больше всего о Бунине и обо мне[1]. № у меня есть, приедете покажу. Кое в чем упреки—мне—правильны, но не так направлены. Я бы упрекнула себя лучше. (Говорю о малоумии,—Вы ведь читали отчет?)[2]

Дорогая Саломея, огромная просьба, я бы очень хотела устроить Алю в студию Шухаева[3], но он берет 200 фр⟨анков⟩ в месяц, а мне и 100 невозможно. Нельзя ли было бы бесплатно, тем более, что она, по обстоятельствам нашей жизни, могла бы ездить только через день, в послеобеденные часы. (У Шухаева от 9 ч. до 4 ч.)

Она очень способна, с осени учится во франц⟨узской⟩ школе рисования, но — безнадежной, как большинство таких школ. Вы настолько знаете меня, что не заподозрите ни в материнском преувеличении данных, ни в материнской же излишней требовательности к школе. Просто — Аля очень способна, а школа «pour dames et demoiselles»*, ерунда, жалко *моего* времени, которое на это уходит (с 12 ч. до 6 ч., в эти дни, пасу Мура и ничего своего не делаю).

Подумайте. И если что-нибудь возможно — сделайте. Я знаю двух учеников этой Студии, оба они меньше одарены чем Аля. Но — платежеспособны. И мне обидно. Как лучше — написать ему (Вам) или отложить до Вашего приезда? Вам виднее.

Пишу русскую вещь, начатую еще в России. Хорошая вещь. Замечаю, что весь русский словарь *во мне*, что источник его — я, т. е. изнутри бьет.

Целую Вас, поправляйтесь, бегство у таких как Вы — победа.

МЦ.

26

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
14-го марта 1928 г.

Дорогая Саломея!

Где Вы и что Вы? (Où suis-je? Que vois-je?**) Если Вы целы и невредимы, зримы и видимы, назначьте мне какой-нибудь день (вечер) в начале следующей недели (начиная с понедельника), захвачу Федру, если захочется почитаем, можно ведь не всё.

Сейчас читаю Пруста, с первой книги, (Swann)[1], читаю легко, как себя и все думаю: у него *всё* есть, чего у него нет⁈

Итак, жду оклика, а пока целую Вас.

МЦ.

P. S. Хорошо бы *по поводу* Федры вытянуть моего дорогого издателя и совместно — бархатными лапами — на него напасть[2].

27

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
10-го мая 1928 г.

Дорогая Саломея,

Почему мы с Вами так долго не видимся? Теряюсь в догадках.

Может быть Вы обиделись на мое внезапное исчезновение из поля Вашего зрения на Евразийцах? Дело было не во мне, С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ внезапно меня увел, — ему нужно было исчезнуть незаметно и безвозвратно. Я не успела опомниться, как уже оказалась на улице.

---

* «Для дам и барышень» *(фр.)*.

** «Где я? Что я вижу?» *(фр.)*

Можно попросить Вас об очередном иждивении? Когда увидимся? Хочу прочесть Вам Красного бычка.

(замогильным, нет — заупокойным голосом:) — Что Путерман??

Целую Вас.

МЦ.

28

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
27-го мая 1928 г.

Дорогая Саломея,

Разлетелась к Вам и ...Madame est partie*. Почему не окликнули? Праздный вопрос и еще более праздный укор.

Милая Саломея, быка за рога, посылаю Вам 10 билетов на мой вечер 17-го июня с докладом обо мне[1] (достаточно странно?) — угадайте кого? — похитителя Фернандэза[2]: Слонима. Слоним будет читать, а я буду молчат , потом я буду читать, а Слоним молчать (ему труднее, чем мне!)

Постарайтесь распространить в Лондоне, докажите пострадавшим, что они, в конце концов, в выигрыше: билет есть, а идти не только не надо: НЕВОЗМОЖНО.

За билет берите скол ко заблагорассудится, — т. е. не меньше чем дадут. Этот вечер — вся моя надежда на лето. Опишите положение, т. е. *ОСВЕЖИТЕ* скарлатину (из-за которой мы в прошлом году прогадали море), — кроме того у Мура уже 7 мес⟨яцев⟩ бронхит, не сдвигающийся с места несмотря на жару, мне необходимо его увезти. С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ недавно был у Алексинского[3]: резать-не резать, но всяческие недуги, режим, а главное — отдых. В Медоне его быть не может.

Настоящее письмо напишу Вам на днях, бумага не терпит иных сожительств.

Целую Вас, буду рада, если напишете.

МЦ.

29

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
7-го июня 1928 г.

Дорогая Саломея, очень обрадовалась Вашему письму, я по Вас соскучилась. Обескураживает отсутствие прямого адреса (Ваша прислуга мне давала, но что-то странное, вроде: Лондон — Саломея!) не верю в достоверность Мирского, на которого пишу, — когда у меня с человеком кончается, кончается человек, следовательно и дом, где он живет, а уж во всяком случае номер, — нет! только номер остается, как в царстве будущего (О или О bis!)

С вечером у меня очен плохо: никто не берет. Цветник отказов, храню. Одни (Т. Л. Сухотина[1], жена Эренбурга[2], значит: одн*е*!) не ви-

---

* Мадам ушла *(фр.)*.

даются с русской эмиграцией (чем французы-туземцы хуже? — для вечера! а налетчики-американцы??) другие издержали весь свой запас дружественной действенности на недавний вечер Ремизова[3], — вообще вечеров, Саломея! — вот 13-го вечер Рощина (писателя, читали? я нет) и с какой программой: Рощина-Инсарова, Кошиц, Дон-Аминадо, еще кто-то[4] — не то что НАШ тощий Слоним!

Г⟨оспо⟩жа Фундаминская (Амалия? какая жуть!)[5] по всем отзывам могущая взять 20 — и по — 100! (ни секунды не верила!) взяла, *на всякий случай*, 4 по 25. Единственно неунывающие — Прокофьевы, у них, должно быть, какое-нибудь *слово*.

А С⟨ув⟩чинский, знающий всех музыкантов и не давший мне ни одного!

Друг тот кто делает — согласны? Все иное я называю слизанием сливок (кошки).

И кончится все, согласно прошлогодней поговорке Мура — его первой фразе — «Народу масса, денег мало», — видите, не всегда рифмуют МАССА и КАССА.

— Рада, что рады книжке[6]. Я ее еще не читала, наверное никогда и не прочту в страхе заведомых опечаток.

Милая Саломея, мне билеты важнее чем подписки, с книги я все равно никогда ничего не получу, горестно уверена.

С П⟨утер⟩маном мы встретились средне: я ему сказала, что Поволоцкий[7] жулик, а оказался его друг. Сначала мы оба злились и надписывали, нет! он взрезал (страницы, как животы) я же: № 1, № 2, № 3 — Марина Цветаева Марина Цветаева Марина Цветаева[8] — до полного одурения — потом отходили и пили чай. Все это на фоне огромной безмолвной Али, весьма напоминавшей полежаевских «молодцо̀в»[9]. П⟨уте⟩рман даже, не без робости: «А дочка у Вас атлетического сложения», на что я̀: «Да и я ничего». (Тут-то он и дал чаю.)

До свидания, милая Саломея, обрываю из-за билетных дел — опять к кому-то идти, кого-то улещать.

Мне очень жалко, что П⟨утер⟩ман Вам послал книжку без надписи, но тогда, у него, я бы двух слов не выжала. Хотите — пусть эта пойдет А⟨лександру⟩ Я⟨ковлевичу⟩, а я Вам дам другую?

МЦ.

Спасибо Мирскому за чек. Пусть, когда поедет (он ведь собирается в Париж?) захватит книгу, я ему надпишу[10]. Деньги пока не высылайте, буду тратить «мирские», а Ваши пойдут на терм (1-го июля).

30

Дорогая Саломея?

Вопросительный знак (случайный) относится к: почему не были на вечере?

Сидели потом всей компанией: Мирский, Сувчинский, еще разные, и вспоминали Вас. Мирский был ЧУДНЫЙ.

Милая Саломея, если возможно, пришлите иждивение, а то придется грабить тощую вечеровую кассу. Мне не повезло: вчера и единств⟨енный⟩ спектакль Антония[1], и половина моей публики ушла туда.

Целую Вас, когда увидимся? Пока занята только в среду.

МЦ.

18-го июня 1928 г.

31

29-го июня 1928 г.

Дорогая Саломея,

Спасибо за иждивение и не считайте меня невежей, после вечера столько дел, еще больше, чем до. Мечемся по всей карте в поисках 2 pièces et cuisine* на фоне моря, — занятье гиблое, вечер дал гроши, а ради отъезда все и делалось.

Надеюсь уехать в конце следующей недели (С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ на днях едет вперед, искать), непременно забегу проститься — на счастье. Предстоят все предотъездные хлопоты, голова кругом идет. Напишите словечко, в какие часы Вас легче застать — принципиально. Лучше не вечером, вечера уходят на переписку и правку Федры, к⟨отор⟩ую должна сдать на самых днях в надежде на недоданные 300 фр⟨анков⟩ (ТОРГУЮТСЯ, НЕГОДЯИ! Здесь 1 фр⟨анк⟩ строка, в России РУБЛЬ!)

Целую Вас и жду весточки.

МЦ.

32

11-го июля 1928 г.

Дорогая Саломея! Второй день как приехали[1]. Чудная природа: для меня — рощи, для остальных море (вода грязная и холодная, купаюсь с содроганием), чудная погода, но дача — сезон — 2 тыс⟨ячи⟩, по соседству такие же — 3 1/2 и 4, нам еще «повезло». (По-моему, такая прелесть как лето и такая радость как дом (все с ним связанное) должны быть даром, а?)

Поэтому, если можно, пришлите иждивение, не хочется сразу открывать счет в лавке, нас не знают. Слава Богу, и квартира и обратный проезд оплачены, нужно только на жизнь.

Простите за такое короткое и скучное письмо, обживусь — напишу как следует. Пишите об Ирине и о себе. Целую Вас.

МЦ.

33

Pontaillac, près Royan
Charente Infér⟨ieur⟩
Villa Jacqueline
20-го августа 1928 г.

Дорогая Саломея, все ждала от Вас весточки, — где Вы и что́ Вы, а, главное, что с Ириной? Я Вам писала последняя.

У нас начался разъезд, — 8-го уехал С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩, вчера С⟨ув⟩чинский и Алексеев, днем раньше — Карсавины[1]. Но не-евразийцев здесь еще гибель, у русских по летам таинственная тяга друг к другу.

* 2 комнат и кухни *(фр.)*.

Милая Саломея, мне очень тяжело напоминать Вам, особенно сейчас, когда у Вас такая забота,—откладывала со дня нá день и занимала у знакомых—нельзя ли было бы получить август⟨овское⟩ иждивение? 28-го уезжает В. А. С⟨ув⟩чинская (при встрече много об этой странной паре расскажу) я ей кругом должна, хотелось бы отдать, и, вообще, не на что жить,—здесь очень дорого, в Париже держишься дешевкой, т. е. разностью качества и цен тех же предметов (можно за 1 фр⟨анк⟩, можно за 10 фр⟨анков⟩),—здесь всё за 10 фр⟨анков⟩. Карсавины, сняв на 3 мес⟨яца⟩, просуществовали месяц.

Если бы не дороговизна, здесь очень хорошо. Чудесные окрестности,—огромный сосновый приокеанский лес, на десятки верст, деревеньки со старыми церквами, кроты (*не* люблю!) Сам Понтайяк—суша, жив только пляжем. Пробуду здесь с детьми до конца сентября, радуюсь тишине.

Очень жду от Вас вестей, заходил ли к Вам С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩, м. б. в первые дни не успел,—за его отсутствие скопилось множество дел по из⟨дательст⟩ву,—евразийский верблюд. (Кажется, будет редактировать евраз⟨ийскую⟩ газету[2], но м. б. это секрет.)

Целую Вас нежно, простите за просьбу, пишите.

МЦ.

Посылаю заказным, чтобы во всяком случае переслали.

34

Понтайяк, 1-го сентября 1928 г.

Дорогая Саломея! Слава Богу, что тиф, а не что-нибудь другое,—дико звучит, но т á к. Но какое у Вас ужасное лето. И как все вокруг беспомощны сделать его иным.

Пишу Вам так редко не из равнодушия, а—стыда; точнее—несоответствия того, чем живу я, и того, чем живете Вы,—все равно, что больному о чудной погоде, Вы же сейчас хуже, чем больной. Надеюсь, что последнее все-таки относится к прошлому, что Ирине с каждым днем лучше, следовательно и Вам.

Когда Вам опять будет дело до всего и всех, напишите, расскажу Вам много развлекательного. (Кто жаднее больного на новости, когда дело пошло на поправку? Удесятеренная жизнь. Так будет и с Вами!)

А пока—сердечное спасибо за быстрый отклик с иждивением, мне даже стыдно благодарить. Мы остаемся здесь до конца сентября, очень рада буду, если, отойдя, напишете.

Целую Вас нежно. Привет А⟨лександру⟩ Я⟨ковлевичу⟩, если с Вами.

МЦ.

Pontaillac, Charente Infér⟨ieur⟩
Villa Jacqueline.

35

Pontaillac, Charente Infér⟨ieur⟩
Villa Jacqueline.
17-го сентября 1928 г.

Дорогая Саломея, можно Вас попросить об иждивении? 25-го мы уезжаем, и предстоят платежи.

Наш отъезд — последний, и нас никто не провожает. Провожали и проводили всех.

В Руаян* я больше никогда не вернусь, когда возвращаются — вещи двоятся. Кроме того, Руаян для меня кусок жизни, а не город. Отсюда — невозвратность.

Хорошее лето, без событий, одна природа. Я бы долго могла так жить, если бы не, с половины лета, угроза отъезда. А отъезд для меня — помимо лирики — сломанные или испорченные за лето вещи, страх очной с ними — хозяйка, счеты, подсчеты, увязка, отправка, — БОЮСЬ И НИ О ЧЕМ другом НЕ ДУМАЮ, вот уже две недели.

Я страшный трус, Саломея.

Напишите мне словечко о своей жизни, давно не писали. Встала ли Ирина? Скоро увидимся, мне здесь всего 8 дней.

Пишу во втором ночи, целый день снимала и печатала, только что — проявляла, много хороших снимков, покажу.

Целую Вас

МЦ.

36

Понтайяк, 23-го сент⟨ября⟩ 1928 г., воскресенье.

Дорогая Саломея, выезжаем 26-го, в среду, вечером с огромным трудом достали плацкарт, откладывать невозможно. (Поезда идут перегруженные.) Очень прошу Вас перевести мне деньги телеграфом, чтобы получить 25-го — хотя бы вечером. На имеющиеся у меня 100 фр⟨анков⟩ никак не выехать, одна доставка багажа в Ройян* — 30 фр⟨анков⟩ (осел), и еще починка мебели, и возмещение битой посуды, — а главное счет в лавке (последние 10 дней живем в кредит).

Очень прошу Вас и прислать и простить.

Целую Вас.

МЦ.

37

Дорогая Саломея, сердечное спасибо, пишу в самую уборку и укладку. Отъезд послезавтра, никакой лирики, сплошные тарелки и кастрюльки.

Целую Вас, до скорого свиданья, простите за бомбардировку. Бомбардировал — страх.

МЦ.

25-го сент⟨ября⟩ 1928 г.

38

Медон, 9-го Октября 1928 г.

Дорогая Саломея, пишу Вам в постели, после второй прививки пропидонта (?) от которого — честное слово! — чуть было не отправилась на тот свет: сердце совсем пропало, обморок за обмороком, к счастью (или к несчастью) доктор оказался под рукой и вспрыснул камфору. Это

* Правильно: Руайян. См. здесь и далее.

было третьего дня, сейчас я уже обошлась, хотя очень болит нога (отравленная) и жар. Говорят, что все это в порядке вещей.

Теперь я немножко знаю, как умирают, т. е. перестают быть, т. е. первую часть смерти,—если есть вторая (быть начинают). После 3-ей прививки м. б. узнаю и вторую.

А в общем буду у Вас дней через 10, очень по Вас соскучилась.

Целую Вас.

МЦ.

39

Дорогая Саломея, все еще никак не могу попасть к Вам, после вспрыскиванья хромаю и с трудом дохожу до ближней лавки. Если не трудно, пришлите мне иждивение, очень нужно.

Дошла ли до Вас моя весточка из кровати?

Напишите мне о себе. Слышала от В. А. С‹ув›чинской (уехала в Лондон) что Ирине лучше, радуюсь за Вас.

Целую Вас и скоро надеюсь увидеть.

МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
16-го Октября 1928 г.

40

Дорогая Саломея! Я, неблагодарная свинья, до сих пор не поблагодарила Вас за иждивение. Мне даже стыдно показаться Вам на глаза. Не будь это, я бы давно была у Вас. Позовите меня, пожалуйста. Свободна со среды, когда хотите. Перешлите, пожалуйста, прилагаемый листок Путерману—если еще жив. Прочтите, пожалуйста. Безнадежное предприятие?

Целую Вас и жду приглашения. Принесу с собой летние снимки, есть веселые.

МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Av‹enue› Jeanne d'Arc
28-го Окт‹ября› 1928 г., воскресенье.

41

Дорогая Саломея, очень, очень, очень нужно иждивение, пришлите что́ можете и позовите меня в гости.

Целую Вас.

МЦ.

Медон, 19-го ноября 1928 г.

42

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
17-го декабря 1928 г.

Дорогая Саломея! Можно Вас попросить об иждивении? Очень нужно.

Все собиралась узнать о Вашем здоровье и делах, — в последний раз я Вас видела лежащей.

Сейчас в Париже Мирский, — не хотите ли встретиться втроем? Я бы приехала. Вторник и среда у меня заняты, остальное пока свободно.

Жду весточки и целую Вас.

МЦ.

43

Дорогая Саломея! Огромное спасибо за иждивение. Сейчас у меня в доме лазарет: Мур лежит, С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ лежит — грипп. Мы с Алей ухаживаем. Вчера видела Мирского, — он никуда не едет, очень добрый и веселый.

Очень хочу Вас повидать, с Мирским или нет — равно. Захвачу новые стихи.

Целую Вас.

М.

22-го дек⟨абря⟩ 1928 г.

44

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
11-го янв⟨аря⟩ 1929 г.

С Новым Годом, дорогая Саломея. Почему мы с Вами не видимся? Где Вы и что с Вами?

МЦ.

45

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
⟨21-го⟩ янв⟨аря⟩ 1929 г., понед⟨ельник⟩[1].

Дорогая Саломея,

У нас тоже беды, — только что закончился Муркин грипп (с бронхитом месяц), как у С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ резкий припадок печени, с ослаблением сердца. Пролежал неделю, сейчас бродит как тень.

Множество евраз⟨ийских⟩ неприятностей, о которых Вы наверное уже знаете[2] (между прочим, Алексеев — *подлец*, м. б. Вы тоже уже знали?)

Целую Вас и очень хочу повидаться, — только не торопитесь, зовите, когда удобно. Спасибо за иждивение. До свидания.

МЦ.

46

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
19-го февраля 1929 г.

Дорогая Саломея! Можно Вас попросить об иждивении? Мороз пожрал все наши ресурсы, внезапно замерзли все вагоны с дешевым

углем, пришлось топить англ⟨ийским⟩ коксом, т. е. в двýдорога. Хожу в огромных черных чешских башмаках и — с добрую овчину толщиною — черных и чешских также — чулках, всем и себе на удивление. С ногами своими незнакома, так и держусь. (А другие знакомятся — и с любопытством!)

— Закончила перевод писем Рильке, написала вступление[1], прочтете в февр⟨альском⟩ № «Воли России». Пишу дальше Гончарову[2], получается целая книга.

Когда повидаемся? Вы меня совсем разлюбили. А все-таки целую Вас.

МЦ.

47

Дорогая Саломея,

Мое письмо, очевидно, пропало, я Вас просила об иждивении, — *очень* нужно, задолжали кругом. Я уж думала, что А⟨лександр⟩ Я⟨ковлевич⟩ уехал в Англию, но вчера от М⟨ирского⟩ звонили, оказывается — здесь.

Совестно за напоминание, но совсем негде взять.

Целую Вас.

МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
26-го февр⟨аля⟩ 1929 г.

48

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
12-го мая 1929 г.

Христос Воскресе, дорогая Саломея!

25-го мой вечер, посылаю Вам 10 билетов с горячей просьбой по возможности распространить[1]. На вечере буду читать отрывки из Перекопа — большой поэмы, которую сейчас пишу. Когда увидимся?

Целую Вас.

49

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
28-го мая 1929 г.

Дорогая Саломея! Сначала деловое: деньги С⟨ергею⟩ Я⟨ковлевичу⟩ за Евразию переданы и с благодарностью получены. Федоров Вам высылается[1].

Теперь основное: вчера в гостях у Манциарли[2] (восемь туземцев, — один метэк[3]: я, а м. б. и не восемь, а восемнадцать) — разговор о снобизме, попытка определить. Я вспомнила ⟨статьи⟩* и Тэффи —

* В копии неразборчиво. — *Сост.*

о снобизме и подумала, что одно из свойств сноба — короткое дыхание, просто — отсутствие легких, вместо них — полумесяц, причем сверху, а низа вообще нет: глухо. Без длительности звука. Будь Вы снобом, Вы бы давно устали участвовать и сочувствовать (участие и сочувствие — в глубину, а весь сноб на верхах: отсюда его вечный восторг: астматиков).

И — помимо рассуждений — я бесконечно тронута длительностью Вашего ⟨сочувствия?⟩: persévérance* — по-русски нет.

— Скучно с французами! А м. б. — с литературными французами![4] Да еще с парижскими! Будь я французом, я бы ставку поставила на бретонского мужика. — Разговоры о Бальзаке, о Прусте, Флобере. Все знают, все понимают и ничего не могут (последний смогший — и изнемогший — Пруст). Видела американскую дочь, в красном, молчала. Мать — ку-уда![5]

— Вечер, по-моему, прошел отлично[6]. Пока, с уплатой зала и объявлений, чистых почти ⟨*неразб*⟩ тысячи. Я очень довольна, столько не ждала, и есть еще с десяток 25-фр⟨анко⟩вых надежд.

Думаю ехать в окрестности ⟨Парижа?⟩, но до этого хочу сводить С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ к врачу, не знаю, что с ним, — м. б. предпишет Vichy, тогда будем жить в какой-нибудь деревне около, если таковые имеются. Как только выяснится — напишу.

Получила самое трогательное письмо от Св⟨ятополк⟩-М⟨ирского⟩. Скажите ему, что, во имя его, Врангеля[7] все-таки не читала (а хороший!!!)

Целую Вас нежно. Сердечный привет А⟨лександру⟩ Я⟨ковлевичу⟩. Пишите.

МЦ.

50

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
11-го июня 1929 г.

Дорогая Саломея! Не люблю закрыток, но сейчас под рукой нет ни бумаги, ни конвертов, а хочется написать с утра.

Приехал Мирский. Приехал Карсавин. Последний на днях справляет серебряную свадьбу. Газета стала выходить раз в две недели[1], и С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ чуть-чуть поправился. Мы еще никуда не едем, — есть предложение из-под Гренобля. Пустой дом в лесу за 100 фр⟨анков⟩ в месяц, в получасе от всякого жилья, глубокó-одинокий, очевидно прóклятый какой-то, ибо даже хозяин не живет. Мрачно и — невозможно: есть погреба и амбары, но нет стульев, не говоря уже о кроватях. Покупать негде, а я без папирос бешусь. А лечим пока что — на вечеровые деньги — с Алей... зубы. Холод и дожди тоже не располагают к отдыху.

Была на Дягилеве, в Блудном сыне несколько умных жестов[2], напоминающих стихи (мне — мои же): превращение плаща в парус[3] и этим — бражников в гребцов.

* Упорство, постоянство *(фр.)*.

— Куда из Лондона? Сообщите мне, пожалуйста, адрес Ани Калин[4], хочется ей написать. Целую нежно. Иждивению, как всегда, буду рада. Привет А⟨лександру⟩ Я⟨ковлевичу⟩.

МЦ.

⟨Приписка на полях:⟩

4 книги Федорова с неделю тому назад высланы по парижскому адр⟨есу⟩ — получили ли?[5]

51

Meudon (S. et O.)
29-го июня 1929 г., суббота.

Дорогая Саломея, спасибо и простите; деньги я конечно получила, но не знала, куда Вам писать, ибо Вы ехали в Голландию, страну для меня баснословную, в которой я совершенно не мыслю знакомого человека.

Очень рада, что Вы опять в досягаемости: в Париже.

На этой неделе я занята в понед⟨ельник⟩ и четверг, остальное пока свободно.

Очень хочу Вас повидать и жду весточки. Целую Вас.

МЦ.

52

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
15-го июля 1929 г.

Дорогая Саломея! Мне приходится опять просить Вас об иждивении («точно это было вчера»...) Деньги с вечера у меня есть, но конверт с некоторых пор заклеен (au bon moment!)* ибо надежда на поездку в горы еще не оставлена[1]. (Место дешевое, но дома пусты, без ничего, — вот и колеблюсь.)

Дошло ли до Вас мое последнее письмецо, уже на парижский адр⟨ес⟩ и почему молчите?

Очень хотелось бы повидаться, но сомневаюсь, что Вы в городе.

Целую Вас.

МЦ.

Саломея! Если Вы в городе, не могли бы Вы — если найдете это нужным — встретить меня с Вырубовым?[2] Я сейчас собираю материал для одной большой вещи[3] — мне нужно все знать о Государыне А⟨лександре⟩ Ф⟨едоровне⟩ — м. б. он может указать мне иностранные источники, к⟨отор⟩ых я не знаю, м. б. живо что-нибудь из устных рассказов Вырубовой[4]. М. б. я ошибаюсь и он *совсем* далек? Но тогда — общественные настроения тех дней (коронация, Ходынка, японская война) — он ведь уже был взрослым? (я росла за границей и японскую войну помню из немецкой школы: не то.) — Подумайте. — А если его в городе нет, м. б. дадите мне его адр⟨ес⟩?

Простите за хлопоты.

Кто еще может знать? (О *молодой* Государыне).

---

* До хорошего момента! *(фр.)*

53

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
20-го авг⟨уста⟩ 1929 г.

Дорогая Саломея! Я никуда не уехала; но удалось Алю отправить в Бретань на несколько недель, в чудное место с настоящим морем и жителями. (Это мне почему-то напомнило поэтессу Марью Шкапскую[1], которая приехав в Берлин, все стонала — «Нужно ходить как мать-природа» и не выходила от Вертхейма[2]. Эту же М. Шкапскую один мой знакомый, не зная ни кто ни что, принял за акушерку[3].) С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ ездил в Бельгию по евраз⟨ийским⟩ делам и в очаровании от страны. Был на Ватерлоо[4]. Сейчас он болен (очередная печень), болен и Мур — что-то в легком, лежит в компрессах и горчичниках, простудился неизвестно как. Докторша нашла у него послескарлатинный шумок в сердце, кроме того советует вырезать аденоиды. Я вся в этих заботах, с Алиного отъезда (2 недели) просто не раскрыла тетради, которую уже *заплел паук.* До Мcustom болезни непрерывно с ним гуляла, а в лесу да еще с ним — какое писанье!

Прочла весь имеющийся материал о Царице, заполучила и одну неизданную, очень интересную запись — офицера, лежавшего у нее в лазарете[5]. Прочла — довольно скучную — книгу Белецкого о Распутине с очень любопытным приложением записи о нем Илиодора, еще в 1912 г. («Гриша», — м. б. знаете? Распутин, так сказать, mise à nu*)[6].

Прочла и «Im Westen nichts neues»**, любопытная параллель с «Бравым солдатом Швейком» — (Хашека) — к⟨оторо⟩го, конечно, знаете? В обеих книгах явный пересол, вредящий доверию и — впечатлению. Не удивляйтесь, что *я* это говорю: люблю пересол в чувствах, никогда — в фактах. (Каждое чувство — само по себе — *пересол,* однозначащее.) Не всякий офицер негодяй и не всякий священник безбожник, — это — Хашеку. Не всех убивают, да еще *по два раза,* — это — Ремарку. (Rehmark? тогда — немец. А — Remark? — читала по-французски.)[7]

Да, чтобы не забыть: деньги за Федорова в из⟨дательст⟩ве с благодарностью получены.

(А старая Кускова взбесилась и пишет, что у евразийцев принято убивать предков. Прочтите ответ в ближайшей (субботней) «Эмигрантике», принадлежит перу С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩[8].)

⟨...⟩ С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ пролежал три дня, вчера потащился в Кламар и еле дошел — так ослаб от боли и диеты. Великомученик Евразийства. Сувчинский где-то на́ море (или в горах), В⟨ера⟩ А⟨лександровна⟩ служит, никого не видаю, п. ч. все разъехались, кроме того — Али нет, и привязана к дому — или Медону, что то же. Лето у нас прошло, все улицы в желтых струйках, люблю осень.

До свидания! Горы люблю больше всего: всей *нелюбовью* к морю (лежачему) и целиком понимаю Ваше восхищение (NB! — от земли!)

Целую Вас. Привет А⟨лександру⟩ Я⟨ковлевичу⟩. Пишите.

МЦ.

---

* Здесь: в обнаженном виде *(фр.).*

** «На Западном фронте без перемен» *(нем.).*

54

Дорогая Саломея! Где Вы и что́ Вы? Писала Вам в Швейцарию, но безответно. Пишу Вам в торжественный для меня день — Алиного шестнадцатилетия. Ее шестнадцать лет + не-совсем-восемнадцать тогдашних моих — считайте![1]

Аля только что вернулась из Бретани, а я никуда не уезжала.

Целую Вас и жду весточки.

МЦ.

5/18-го сент⟨ября⟩ 1929 г. Медон.

55

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
19-го сент⟨ября⟩ 1929 г.

Дорогая Саломея! Наши письма скрестились. Очень рада повидаться, позовите меня с С⟨ергеем⟩ Я⟨ковлевичем⟩ — есть грустные новости[1] — лучше вечерком. Аля вернулась из Бретани, и теперь мне свободнее. Спасибо за посылку иждивения.

Целую Вас и жду.

МЦ.

56

Брюссель, 21-го Октября 1929 г.

Дорогая Саломея! Я собака, — до сих пор Вас не поблагодарила. Брюсселем очарована[1]: не автомобили, а ползуны, ждут пока решусь и не решаются — пока не решусь. Была на Ватерлоо, — ныне поле репы. Вечер прошел средне, даже в убыток, но много милых знакомых, и о поездке не жалею. Колония здесь совсем другая, глубоко-провинциальная, с человеческим примитивом, что́ так люблю. Скоро увидимся. Целую Вас.

МЦ.

57

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
7-го ноября 1929 г.

Дорогая Саломея!

Приехала, благополучно прогорев на брюссельском вечере, т. е. оплатив из него, кроме расходов по залу и пр., один конец дороги. Могло быть хуже.

Очень хочу Вас повидать, есть слухи, что Вы в Лондоне, но я верю только Вашему почерку.

До свидания! Отзовитесь.

Целую Вас.

МЦ.

58

Дорогая Саломея! Простите, что так долго не подавала голосу и даже не поблагодарила Вас за последнее иждивение, — Вы м. б. слышали уже от Д‹митрия› П‹етровича› о болезни С‹ергея› Я‹ковлевича›? Хотелось что-то выяснить, началось хождение по врачам, — всякий свое (диагноз и рецепты), но все одно: немедленно уезжать. Место найдено: пансион в Савойе, 1600 метр‹ов› высоты — не доезжая до Chamonix. Кажется на днях едет.

Давайте повидаемся на следующей неделе, напишите мне.

Пока целую Вас и еще раз прошу простить.

МЦ.

Медон, 11-го дек‹абря› 1929 г.

— !!! Фернандэз[1] у меня, с собственноручным письмом Слонима, к‹оторо›го кстати сейчас режут (аппендицит).

59

Медон, 20-го янв‹аря› 1930 г.

С — все еще *Новым* Годом, дорогая Саломея!

Очень хочу повидаться, но не знаю, в Париже ли Вы. Напишите мне словечко. От С‹ ергея› Я‹ковлевича› хорошие вести: за 3 недели прибавил 4 кило, по-моему хорошо.

Итак жду Ваших новостей и вестей.

МЦ.

60

Дорогая Саломея! Я все занята красно-крéстными хлопотами для стипендии С‹ергея› Я‹ковлевича› — чудно поправляется, а скоро уезжать, нужно продлить, Красный Крест дает, но с условием перевести его в настоящую (т. е. ужасную) 30-франковую франц‹узскую› санаторию, — отвоевываю деньги на ту, где он сейчас, не знаю чтó выйдет, уж очень старорежимны, циркулярны — и все, что отсюда следует — люди. Концы дальние, возвращаюсь в запущенный дом, Але некогда — учится — и т. д.

Очень попрошу Вас, если можно, выслать иждивение, — новая беда: Але 16 л‹ет› 5 мес‹яцев›[1], т. е. 17 мес‹яцев› штрафу за неимеющуюся carte d'identité*, — боюсь приступить, а комиссар новый и свирепый — прежнего, милого за взятки убрали.

Очень хочу повидаться. Да! не придете ли 25-го во вторник на франко-русское собеседование о Прусте: Вышеславцев и не знаю кто[2] — 5, Rue Las-Cases — Musée Social, нач‹ало› в 9 ч. Зайцев[3] напр‹имер›, — о Прусте: интересно!

До свидания, привет, как Вы́ живы?

МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Av‹enue› Jeanne d'Arc
20-го февр‹аля› 1930 г.

---

* См. перевод на с. 13.

61

3-го марта ⟨1930⟩[1]*, понед⟨ельник⟩*

Дорогая Саломея! ⟨...⟩ не могли бы ли Вы на следующей неделе в любой вечер кроме четверга позвать меня с Дю-Боссом[2], мне это до зарезу нужно из-за Мо́лодца, которого сейчас перевожу — стихами, на песенный лад, для Гончаровских иллюстраций, уже конченных[3]. С Дю-Боссом я раз виделась у Шестова, и он меня помнит, — часто спрашивает обо мне у Извольской. Позвать к себе не решаюсь — очень уж беспорядочно, да и Мур не даст поговорить.

Говорю не о текущей, а о следующей неделе. Днем не могу из-за Алиных занятий.

Целую Вас, еще раз спасибо.

62

Медон, 19-го марта 1930 г.

Дорогая Саломея! Спасибо за предложение того поэта[1], но хочу сначала на́чисто сделать хотя бы треть. Стихосложение усвоила в процессе работы, помог конечно слух. Вещь идет хорошо, могла бы сейчас написать теорию стихотворного перевода, сводящуюся к транспозиции, перемене тональности при сохранении основы. Не только другими словами, но другими образами. Словом, вещь на другом языке нужно писать за́ново. Что и делаю. Что взять на себя может только автор.

Видели ли Числа?[2] Даю во II № стих Нереида, можете прочесть его у Д⟨митрия⟩ П⟨етровича⟩, как-то посылала. М. б. не возьмут из-за строк[3]:

Черноморских чубов:
«Братцы, голые топай!»
Голым в хлябь и в любовь —
Как бойцы Перекопа —

В бой. Матросских сосков
Рябь... — «Товарищ, живи!»...
В пулю — шлем, в бурю — кров, —
Вечный третий в любви.

(Это припев. Началось с купального костюма: третьего в любви с морем. Оцените, Саломея, *тему:* море, купанье. Хороша — купальщица! Скоро, очевидно, буду петь пароход и авион.)

Что́ еще Вам рассказать? Время измеряю продвижением «Мо́лодца». Много дома из-за Алиных лекций и музеев. Единственный отвод души — кинематограф, смотрела чудный фильм с Вернером Крауссом в роли Наполеона на Св⟨ятой⟩ Елене[4]. Неприятна только первая секунда: неузнавание (слишком хорошо знаем *то* лицо, сто лет назад!), потом свыкаемся, принимаем.

Сувчинских видаю редко: он, как «la cigale oyant chanté»*[5] — поет и вроде как голодает, кормится у матери В⟨еры⟩ А⟨лександровны⟩,

* Цикада, пропев *(фр.).*

денег ни копейки. В⟨ера⟩ А⟨лександровна⟩ где-то чему-то учится. Все евразийцы служат, из⟨дательст⟩во пусто.

От С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ более или менее хорошие вести. Удалось устроить ему стипендию Кр⟨асного⟩ Креста (около 3-х мес⟨яцев⟩ ходила! с наилучшими протекциями) — 30 фр⟨анков⟩ в день, а плата в пансион 45 — 50, нужно выколачивать остальные, надвигается гроза вечера, — с кем еще не знаю, все имена в Америке.

Очень благодарна была бы Вам, милая Саломея, за иждивение, 1-го у меня терм, мой первый без С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩, к⟨отор⟩ый всегда откуда-то как-то добывал.

Пишите о себе, каковы дальнейшие планы. Как съездил А⟨лександр⟩ Я⟨ковлевич⟩ в Америку и не соблазняет ли Вас?

Целую Вас и жду весточки. Еще раз спасибо за поэта.

МЦ.

Слышу, что Путерман опять оженился, — что́ это с ним??

63

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
6-го апреля 1930 г.

Дорогая Саломея!

Но Вы уже поняли, в чем дело: вот они — 10 счетом[1] — но на этот раз по 50-ти, потому что всякой твари по паре, а есть и единственные.

Вечер *мой*, все это мои бескорыстные участники, но продавать можете как Вам удобнее.

Милая Саломея, я Вас еще не поблагодарила за прошлое иждивение, очень замоталась с вечером.

Хочу повидаться и рассказать Вам про Тэффи.

Целую Вас.

МЦ.

64

Милая Саломея!

Если можно — назначьте мне вечерок поскорее. Пока все свободны кроме среды. А то после вечера ряд свиданий, и я боюсь, что опять вся неделя разойдется. Пока не связываюсь ни с кем.

М. б. дадите телеграмму? Просто день, я буду знать, что от Вас.

Аля учится, я свободна только вечером.

Целую Вас.

МЦ.

Медон, 2-го мая 1930 г., пятница.

65

St. Pierre-de-Rumilly (H⟨au⟩te Savoie)
Château d'Arcine
19-го июня 1930 г.

Дорогая Саломея! Я конечно не в Château* — я в дивной Alpenhütte**, о которой Гёте пишет в Фаусте — настоящая изба с громадным чердаком, каменной кухней и одной комнатой с жилплощадью во всю нашу медонскую квартиру[1].

Рядом ручей, с неба потоки дождя, водой хоть залейся: по две грозы в день.

Мы последний жилой пункт, выше непродерная щетина елей, за ними — отвес скалы. Почты нет и быть не может. От станции 1 1/2 в⟨ерсты⟩, от Сережи — 3 в⟨ерсты⟩, деревня возле станции, горстка домов с большой церковью. Я страшно довольна и хочу, как Мур говорит: «сначала жить здесь, а потом — умереть!» (Новооткрытое и уточненное «vivre et mourir»!)***

С⟨ереже⟩ лучше, сильно загорел, немного потолстел, ходит, работает на огороде, но все еще кашляет. Видимся с ним каждый день, Мур дорогу знает.

Мур в полном блаженстве: во дворе молотилка, телега, тут же сеновал, колода от бывш⟨его⟩ колодца и т. д.

Аля еще в Париже, держит экзамены[2].

Жду весточки о Вас, здоровье, лете, планах, хорошем, плохом.

Целую Вас, простите, что не написала раньше — обживалась.

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ очень кланяется.

МЦ.

66

St. Pierre-de-Rumilly (H⟨au⟩te Savoie)
Château d'Arcine
27-го июня 1930 г.

— это адр⟨ес⟩ С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩, но своего у меня нет, пришлось бы отдельно нанимать почтальона.

Дорогая Саломея!

Наши письма встретились.

Сердечное спасибо за память и за иждивение.

Огорчена Вашим Лондоном — он Вам никогда не впрок. И Париж не впрок, Вам бы нужно жить в С⟨ен-⟩Лоране, непосредственно под скалой.

Завтра жду Алю, которая только что отлично сдала экз⟨амен⟩ в Ecole du Louvre****, я рада: умеет хотеть.

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ поправляется (тьфу, тьфу), худ, но уже не страшен, и кашель лучше. В замке бываю часто — чудесные хозяева — и остальные пансионеры милые. Замок — баснословный. Но мне лучше в избе. Свойственнее.

* Замок *(фр.)*
** Альпийская хижина *(нем.)*.
*** «Жить и умереть!» *(фр.)*
**** Школа при Лувре *(фр.)*.

Мур здесь совершенно (тьфу, тьфу!) счастлив, в замке барствует, а у меня — дикарствует. Весь день во дворе, в сене, с собакой, палками, досками, строит, роет.

Но — ежедневные дожди и грозы, как-то было *три сразу*. Нет солнца — сразу осень, и даже поздняя. Но кажется та́к везде. Стынет — земля!

Целую Вас, куда и когда едете, не забывайте.

МЦ.

⟨Приписка на полях:⟩

Сюда в августе собирается Д⟨митрий⟩ П⟨етрович⟩. Не соберетесь ли и Вы? В замке — чудно. Больных (серьезных) нет.

67

Дорогая Саломея! Не писала Вам так долго потому, что болен Мур: свалился в ручей и застудил себе низ живота: расстройство, недержание мочи и, вдобавок, из-за прописанных горячих ванн и ужасной погоды — простуда. То лежит, то ходит, но что-то не поправляется. Болеет уже около месяца. Погода ужасающая, злостный ноябрь, мы все простужены. Льет почти непрерывно, весь день в болоте. Вообще условия и для здорового тяжелы, не то что с больным ребенком: в деревне ничего нет, за всем — вплоть до хлеба — бегать в соседний городок La-Roche (12 килом⟨етров⟩ — aller-et-retour*) кроме того у нас на довольстве Е. А. Извольская, нужно хорошо кормить, т. е. целый день готовить. Из двух примусов один совсем угас, другой непрерывно разряжается нефтяными фонтанами.

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ помогает, но трудно — за 6 кил⟨ометров⟩.

Так и живем.

Спасибо за иждивение (июньское), к⟨отор⟩ое смогла получить только вчера, т. е. около месяца спустя: чек отослали в Париж, а там он куда-то канул, ждала денег 3 недели, вчера наконец дождалась. Если можно, милая Саломея, июльское иждивение пришлите просто переводом, на Сережино имя, ему от города ближе. *По адресу в конце письма.* — Мгновенно куплю нам с Алей грубые башмаки, по пуду весу каждый, это пока — вся мечта. Нигде еще не была, ни в Aix'е, ни в Chamonix, ни в Annecy, хотя все рядом, нельзя из-за Мура.

Простите, милая Саломея, за мрачное письмо, надеюсь Ваше будет веселее. Целую Вас.

МЦ.

St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie)
Château d'Arcine
26-го июля 1930 г.

68

St. Pierre-de-Rumilly
(Haute Savoie)
Château d'Arcine
15-го авг⟨уста⟩ 1930 г.

Дорогая Саломея! Вы верно не получили моего последнего письма — вероятно с парижской квартиры непересланного.

* Туда и обратно *(фр.)*.

В нем я писала о болезни Мура (свалился в ручей и застудил себе низ живота: все последствия) и просила Вас июльское иждивение выслать не чеком, а деньгами, п. ч. с июньским чеком местный банк устроил проволочку в 3 недели — отослал в Париж, тут 14-е июля[1] — задержка и т. д.

И вот — еще ответа нет, хотя писала я Вам около 3-х недель назад.

Простите за напоминание, но очень давно сижу без денег, а у С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ тоже ничего нет, т. е. минус-имущество, п. ч. Мирский давно перестал доплачивать за санаторию. Платила я — остатками вечера, теперь все иссякло.

Последнее иждивение, полученное, было июньское.

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ поправляется, но дико томится в пансионе.

О себе рассказывать нечего: лето неудачное.

Целую Вас крепко, простите за скуку, напишите о себе: здоровье и лете.

МЦ.

69

⟨Конец августа 1930⟩[1]

Дорогая Саломея! Огромное спасибо.

Пишу поздно ночью, а завтра утром рано надо в соседний городок на рынок — 12 кил⟨ометров⟩ aller et retour*, причем retour с пудами: картошки, овощей, хлеба, здесь кроме молока и сыра ничего нет.

Кончила — минус последние пять страниц, жду франц⟨узского⟩ текста русской литургии — Мóлодца, написала ряд стихов к Маяковскому[2]. Прочла Mireille[3] Мистраля и читаю Коринну[4].

Погода (тьфу, тьфу не сглазить!) последние две недели — блаженная. Мур (еще более тьфу, тьфу!) поправился — и от падения в ручей и от ржавого гвоздя, который пытался согнуть ногой и который, проткнув толстую подошву сандалии, прошел ему в ногу.

Читать учиться не хочет ни за что, стихи ненавидит. — «⟨Мама!⟩ Почему Вы сделались ... ну — писательницей (NB! слóва не слыхал, изобрел) — а не шофером или чем-нибудь таким?»

Аля пишет и вяжет — множество заказов, чудная вязка.

Я шью Муру пижамные штаны, в которые свободно влезаю сама. Думаю домой между 1-м и 15-м Октября. А Вы — когда и куда?

Целую Вас, надеюсь, что Ваш «зноб» прошел. Еще раз, большое спасибо.

МЦ.

Да! Главное. Был Д⟨митрий⟩ П⟨етрович⟩ — на два дня — подымался в наш С⟨ен-⟩Лоран, мычал, молчал. Хмур, неисповедим. Разговорить невозможно. Должно быть — плóхи дела. О С⟨увчин⟩ских ни слова. Ворчал, что Вы уехали, не дав адреса. Отсюда — в Гренобль к сестре[5]. Дальнейших планов никаких.

---

* См. перевод на с. 130.

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ не толстеет, но чувствует себя хорошо, д⟨окто⟩р находит, что ему лучше (легкие), но до полного выздоровления еще далеко. Написал две вещи (проза) – очень хорошие.

Вот, пока, и все новости.

Напишите, Саломея, как Вы восприняли конец Маяковского? В связи ли, по-Вашему, с той барышней, которой увлекался в последний приезд? Правда ли, что она вышла замуж?[6]

И – помимо: какое чувство у Вас от этой смерти, Вы его наверное знали.

Посылаю заказным, думая, что так вернее пересылать. Куда-то заложила письмо с адресом.

70

St. Pierre-de-Rumilly (H⟨au⟩te Savoie)
Château d'Arcine – мне
20-го сент⟨ября⟩ 1930 г.

Дорогая Саломея! Опять надоедаю Вам просьбой об иждивении (сентябрьском). (Перечла и подумала: а не похоже ли мое «надоедаю» на – помните? – письмо Ремизова к А⟨лександру⟩ Я⟨ковлевичу⟩ – «Зная Ваше доброе сердце»...?!)

Дорогая Саломея, зная Ваше доброе сердце, еще просьба, даже две: 9-го окт⟨ября⟩ (26-го сент⟨ября⟩ по-старому) мой день рожденья – 36 лет – (недавно Але исполнилось 17), подарите мне по этому почтенному, чтобы не написать: печальному, случаю две пары шерстяных чулок, обыкновенных, прочных, pour la marche*, хорошо бы *до* 9-го, ибо замерзаю. На 38 – 39 номер ноги. Это – первая просьба. Вторая же: если у Ирины есть какая-нибудь обувь, ей ненужная, ради Бога – отложите для Али. Горы съели все, т. е. и сандалии и башмаки, а наши дела таковы, что купить невозможно. Аля носит и 38 и 39 и, по желанию, 40-вой, преимущественно же 39-тый. Так что, если что-нибудь освободится и *еще держится* – не отдавайте никому. На ressemellage** мы способны.

– Кончила Мóлодца, – последняя чистка. Теперь нужно думать – куда пристроить. Написала встречу Маяковского с Есениным – (стихи)[1].

Да! Забавная историня: письмо от Оцупа – редактора «Чисел»[2] – с просьбой о пяти стихотворных автографах для пяти тысячефранковых экз⟨емпляров⟩ III книги. Я: «Автографы либо даю, либо продаю, а продаю 100 фр⟨анков⟩ штука». Ответ: «Числа бедны, большинство сотрудников*** работают бесплатно, не говоря уже о редакторах**** – словом, *давай* даром.

---

* Для ходьбы *(фр.)*.

** Новую подошву *(фр.)*.

*** Я: «Бунин, напр⟨имер⟩ (!), Ремизов, напр⟨имер⟩ (!!!)...» *(примеч. М. Цветаевой)*.

**** А Оцуп – из тщеславия *(примеч. М. Цветаевой)*.

Я: — *На продажу* не дарю, — впрочем — вот вам «Хвала богатым» — хотите пять раз?!

(...И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят...)

Убью на переписку целое утро (40 строк по пяти раз, — итого 200) — хоть бы по франку за строку дали!

Но и покушают же «богатые» (Цейтлин, напр⟨имер⟩, Амарù[3]: mari de Marie: à Marie*. Пущу с собственноручной пометкой.

ХВАЛА БОГАТЫМ

(предоставленная автором для нумерованного экз⟨емпляра⟩. Чисел — безвозмездно. *Мне* — нравится! Но м. б. — откажутся. Тогда пропали мои 200 строк и рабочее утро. Где наше ни пропадало! Лист будет вклейкой. Кому не понравится — пусть выдерет.

Стипендия С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ кончилась, хлопочем до 1-го ноября, но надежды мало. Говорила о нем с д⟨окто⟩ром «Pour le moment je le trouve mieux, mais l'avenir c'est toujours l'inconnu!»** — Знаю.

За все лето было три летних недели. Раз ездила в очаровательный Annecy[4], здесь дешевое автокарное сообщение, но для меня это то же, что пароход в Англию. Был у нас Мирский — давно уже — два дня — дико-мрачен, и мычливей чем когда-либо.

О С⟨ув⟩чинских не знаю ничего.

Обнимаю Вас, пишите о себе и не вините меня в рéмизовстве.

⟨*Приписка на полях:*⟩

О Хвале богатым пока молчите: сюрприз!

МЦ.

71

Дорогая Саломея!

Огромное спасибо. Возопила к Вам по телеграфу из-за необходимости внезапного отъезда С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ — кр⟨асно-⟩крестовая стипендия кончилась, а каждый лишний день — 45 фр⟨анков⟩.

Мы наверное тоже скоро вернемся — не позже 10-го, очень уж здесь холодно по ночам, утром и вечером (NB! А когда — *не*).

Приеду и почитаю Вам Мóлодца и попрошу совета, что мне с ним делать дальше — разные планы.

Целую Вас и горячо благодарю.

МЦ.

St. Pierre-de-Rumilly (H⟨au⟩te Savoie)
Château d'Arcine
27-го сент⟨ября⟩ 1930 г.

---

* Муж от Мари: к Мари (игра слов; *фр.*).

** В настоящий момент я нахожу, что ему лучше не знать свое будущее! *(фр.)*

72

Медон, 3-го марта 1931 г.

Дорогая Саломея! Высылаю Вам Новую газету[1] — увы, без своей статьи, и очевидно без своего сотрудничества впредь. Как поэта мне предпочли — Ладинского, как «статистов» (от «статьи») — всех. Статья была самая невинная — О новой русской детской книге[2]. Ни разу слова «советская», и равняла я современную по *своему* детству, т. е. противуставляла эпоху эпохе. Политики — никакой. Нино — имела неосторожность упомянуть и «нашу» (эмигрантскую) детскую литературу, привести несколько перлов, вроде:

В стране, где жарко греет солнце,
В лесу дремучем жил дикарь.
Однажды около оконца
Нашел он чашку, феи дар.

Дикарь не оценил подарка:
Неблагодарен был, жесток.
И часто чашке было жарко:
Вливал в нее он кипяток.

А черный мальчик дикаря
Всегда свиреп, сердит и зол —
Он, ЛОЖКУ БЕДНУЮ МОРЯ,
Всегда бросал ее на ПО́Л (NB! ударение)
и т. д.

— Попутные замечания. — Противуставление русской реальности, верней реализма — этой «фантастике» (ахинее!), лже-фантастики тамбовских «эльфов» — почвенной фантастике народной сказки. И т. д.

И — пост-скриптум: «А с новой орфографией, по к⟨отор⟩ой напечатаны все эти прекрасные дошкольные книги, советую примириться, ибо: не человек для буквы, а буква для человека, особенно если этот человек — ребенок».

И — пространное послание Слонима: и в России-де есть плохие детские книжки (агитка) — раз, он-де Слоним очень любит фей — два. А — невымолвленное *три* (оно же и раз и два!) — мы зависим от эмиграции и ее ругать нельзя. Скажи бы та́к — обиды бы не было, — да и сейчас нет! — много чести — но есть сознание обычного везения и — презрение к очередным «Числам».

А стихов — мало, что даже не попросили, а на вопрос: будут ли в газете стихи? — Нет. — Раскрываю: Ладинский.

Словом, мой очередной деловой провал. Вырабатывать (NB! будь я не я или, по крайней мере, хоть лошадь не моя!) могла бы ежегазетно франков полтораста, т. е. 300 фр⟨анков⟩ в месяц.

Перекоп лежит, непринятый ни Числами, ни Волей России, ни Современными (NB! Руднев — мне: «у нас поэзия, так сказать, на задворках»). Мо́лодец (франц⟨узский⟩) лежит, — свели меня с Паррэном[3] (м. б. знаете такого? советофил, Nouv⟨elle⟩ Revue Franç⟨aise⟩[4] — женат на моей

школьной товарке Чалпановой[5],—читала-читала, в итоге оказывается: стихов не любит (NB! ТОЛЬКО СТАТЬИ!) и никакого отношения к ним не имеет (только к статьям!). Так и ушла, загубив день.—Встреча была где-то в 19-ом arrond⟨issement⟩*, на канале.

Вещь, к⟨отор⟩ую сейчас пишу—все остальные перележит.

А дела на редкость мрачные. Всё сразу: чехи, все эти годы присылавшие ежемесячно 300 фр⟨анков⟩, пока что дали только за январь и *когда* дадут и дадут ли—неизвестно. Д⟨митрий⟩ П⟨етрович⟩ уже давно написал, что помогать больше не может,—не наверное, но почти, или по-другому как-то, в общем: готовьтесь к неполучке. Вере С⟨увчин⟩ской (МЕЖДУ НАМИ!) он потом писал другое, т. е. что *только боится, что не сможет.* А терм 1-го апреля и не предвидится *ничего.* Мирские деньги были—квартирные. Просто—негде взять. С газетой, как видите, сорвалось, сватала Перекоп Рудневу—сорвалось, Мóлодца—Паррэну и другим—сорвалось.

Поэтому, *умоляю* Вас, дорогая Саломея, *не называя меня*—воздействуйте на Д⟨митрия⟩ П⟨етровича⟩. Без этих денег мы пропали. Если бы он категорически отказался, но этого *нет*: «боюсь, что не смогу»—пусть не побоится и сможет. (NB! этого не сообщайте, вообще *меня* не называйте, просто скажите, что я—или мы (NB! он больше С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ любит!) в отчаянном положении, что я сама просить его не решаюсь,—словом, Вам будет виднее—кáк!).

Этот несчастный терм (1-го апреля)—моя навязчивая мысль.

— Единственная радость (не считая русского чтения Мура, Алиных рисовальных удач и моих стихотворений)—за все это время—долгие месяцы—вечер Игоря Северянина[6]. Он больше чем: остался поэтом, он—стал им. На эстраде стояло двадцатилетие. Стар до обмирания сердца: морщин как у *трехсотлетнего,* но—занесет голову—все ушло—соловей! *Не* поет! *Тот* словарь ушел.

При встрече расскажу все как было, пока же: первый мой ПОЭТ, т. е. первое сознание ПОЭТА за 9 лет (как я из России).

Обнимаю Вас, дорогая Саломея, умоляю с Мирским.

Бровь моя так и осталась с лысиной, т. е. я—полуторабровой.

МЦ.

ГОВОРЯ С Д⟨МИТРИЕМ⟩ П⟨ЕТРОВИЧЕМ⟩ НЕ УПОМИНАЙТЕ НИ О КАКОЙ ВЕРЕ.

P. S. А вдруг Вы уже вернулись и с Д⟨митрием⟩ П⟨етровичем⟩ говорить не сможете? Дни летят, Ваше письмо—только что посмотрела—от 20-го, и Вы пишете, что Вы уже две недели в Лондоне. Посылаю на Colisée в надежде, что перешлют.

Как ужасно, что я Вас только сейчас благодарю за иждивение!

---

* Район Парижа, округ *(фр.).*

73

Дорогая Саломея!

Сердечное спасибо за иждивение.

Очень рада, что пришелся Мур, Вы ему тоже пришлись.

(Выходя: — понравилась? Он: *грубым голосом*: «Вообще — милая». А вообще женщин без исключения — не переносит.)

Перекоп сдаю (на авось)[1] в воскресенье. На очереди «Gars»[2], (Muselli[3]).

Хотите повидаемся на следующей неделе? М. б. соберемся с С⟨ергеем⟩ Я⟨ковлевичем⟩, он очень хотел бы Вас повидать.

Целую Вас.

МЦ.

17-го марта 1931 г.

Машиной играет весь дом.

74

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
26-го марта 1931 г.

Дорогая Саломея! Большая, большая просьба: не подарили ли Вы бы мне 80 фр⟨анков⟩ на башмаки, мои совсем отслужили: одни отказались чинить, а другие, к⟨отор⟩ые ношу три года, так разносились, что спадают с ног, так что ходить не в чем. А в Самаритэне как раз продаются Semelle Uskide*, такие же, какие я проносила 3 года, не чиня подошвы. 80 фр⟨анков⟩. Но их безнадежно — нет.

Вы бы этим подарком меня спасли.

— Очень хорошо у Вас было в прошлый раз — м. б. впадение в детство с Аней Калин? Кстати, дома она была Нюта, у нас, из протеста, Аня[1].

До свидания, надеюсь скорого. Мур твердо ждет приглашения. Свободен все дни кроме четверга (Закон Божий!)

МЦ.

75

Сердечное спасибо, дорогая Саломея!

Башмаки куплены — чудные — будут служить сто лет.

Обнимаю Вас!

ТВЕРДООБУТАЯ

МЦ.

Что Ваша Голландия? Ваш голландец (летучий) уже здесь. Скрывается. (NB! Кажется — только от меня!)

Медон, 31-го марта 1931 г.

* Обувь фирмы «Ускид» *(фр.)*.

76

Запоздалое Христос Воскресе, дорогая Саломея! Где Вы и что Вы? Были ли в Голландии? Видела Мирского, но не преувеличивая (здесь: не преуменьшая) ровно три минуты, на вокзале, на проводах Извольской[1], в толпе снимающих, снимающихся, плачущих и напутствующих.

Напишите два словечка и, если можно, пришлите иждивение.

Целую Вас.

МЦ.

21-го апреля 1931 г.
Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc

77

Медон, 23-го апреля / 6-го мая 1931 г.

Сердечное спасибо, дорогая Саломея, за иждивение и простите за позднюю благодарность.

Нынче Мурины имянины (Георгиев день) и ознаменованы они следующим речением: — Мама! как по-французски Бердяев? — Так и будет — Бердяев, если хочешь — Berdiaèff. — А-а... А почему я на одной книге прочел: *BOURDEL*?

Кстати, когда я ему передала, что сейчас у Вас уехала прислуга и т. д. — «А зачем мне прислуга?» — «Ты же собирался у Саломеи завтракать!» — «А Саломея сама не умеет готовить?» — «Нет». — «Пусть научится!»

П. П. С⟨ув⟩чинский tout craché*.

Обнимаю Вас.

МЦ.

78

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
10-го мая 1931 г.

Дорогая Саломея!

Хорош вечер[1]: 1) без брови (к 30-му от остающегося миллиметра не будет и следа) 2) без платья (то что есть — до колен) и без участников. Боясь душевных осложнений (просить, благодарить, жалеть, что просила и благодарила) — решила одна. 1-ое отд⟨еление⟩ — стихи, второе — проза (новая, для Вас ОСОБЕННО — интересная, честное слово!) третье — опять стихи.

Посылаю Вам 10 билетов с безмолвной просьбой. А если Путерману послать штук пять — продаст (хоть один??) Если думаете, что да (хоть

---

* Абсолютно похожий *(фр.)*.

1/2!), сообщите мне, милая Саломея (NB! здо́рово я написала Ваше имя!*) его адрес.

Когда повидаемся? Что у Вас нового? Как здововье? Напишите словечко!

МЦ.

79

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
18-го мая 1931 г.

Дорогая Саломея! Можно в спешном порядке попросить Вас об иждивении: шьется — с грехом пополам — платье (из бывшего, далеких дней молодости, к счастью длинного — платья вдовы посла Извольского[1]. Красного (платья, а не посла!) и нужно на днях за него платить.

Дикая жалость, что Вас на вечере не будет, ибо — Христом Богом, умоляю: до 30-го *никому ни слова* — читать буду:

История одного посвящения[2]

— то есть:

«Уезжала моя приятельница в дальний путь, замуж за́ море» — разбор и пожжение бумаг — то же по инерции у меня дома — и, — налету уже жгущей руки — что это такое?

Печатное — большое — кем-то вырезанное

и:

Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим

II

Г⟨ород⟩ Александров Владимирской губ⟨ернии⟩. Лето. Шестнадцатый год. Народ идет на войну. Я пишу стихи к Блоку и впервые читаю Ахматову. У меня в гостях Осип Мандельштам. — Эпизоды — (прогулка по кладбищу, страх быка (теленка), М⟨андельшта⟩м и нянька, М⟨андельшта⟩м и монашка и т. д.) — Отъезд. — Из Крыма стихи:

Не веря воскресенья чуду...

III

Читаю газетную вырезку с описанием как, где и кому написаны эти стихи. Оказывается — очень хорошенькой, немножко вульгарной женщине-врачу — еврейке — на содержании у армянского купца. В Крыму (вместо Коктебеля, места совсем особого, *единственного*, дан Крым Ялты и Алупки). Местное население показывает М⟨андельшта⟩му свиное ухо. (NB! В Кр у! На добрую четверть состоящем из евреев!)

И *та́к далее.*

И вот, строка за строкой — отповедь.

Заключительные строки:

— Не так много мне в жизни посвящали хороших стихов и, главное, не так часто вдохновение поэта — поэтом, чтобы мне это вдохновение уступать так даром зря (небывшей) подруге (небывшего) армянина.

---

* Буква «а» в слове «Саломея» похожа на «ое». — *Сост.*

Эту собственность — отстаиваю.

Автора фельетона[3] — угадываете. Нужно думать — будет в зале. *Поделом.*

Да, еще такая фраза:

– Если хочешь писать быль, знай ее. Если хочешь писать поэму — жди сто лет либо не называй имен.

Вот потому-то и жалею, что Вас, милая Саломея, не будет, ибо в 2-ой части дан *живой* М⟨андельшта⟩м и — добрó дан, великодушно дан, если хотите — с *материнским* юмором.

Очень, очень прошу — до вечера ни слова, пусть будет сюрприз.

Обнимаю Вас и люблю.

МЦ.

Пишите о жизни, здоровье, летних планах. Когда думаете в Париж?

Никто ничего не отнял, —
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую Вас через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю, наш дар — неравен,
Мой голос впервые — тих.
Что Вáм, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, —
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих лет.

12-го февраля 1916 г.

Из Москвы в Петербург
О. Мандельштаму — *МЦ.*
(NB! Я не знала, что он — *возвращается*)

80

Медон, 31-го мая 1931 г., Троицын день

Дорогая Саломея,

Все в порядке и большое спасибо и большое простите — не писала из-за вечера, который — слава Богу — уже за плечами.

До последней минуты переписывала рукопись «История одного посвящения», где, не называя Вас (ибо не знаю как бы Вы отнеслись, если

ничего не возражаете, *в печати* назову — вещь пойдет в Воле России[1], где не называя Вас, защищала и Ваше (посвящение) от могущих быть посягательств и присвоений.

Вечер прошел с полным успехом, зала почти полная. Слушали отлично, смеялись где нужно, и — насколько легче (душевно!) читать прозу. 2-ое отд⟨еление⟩ были стихи — мои к М⟨андельшта⟩му[2], где — между нами — подбросила ему немало подкидышей — благо время прошло! (1916 г. — 1931 г.!) (Он мне, де, только три, а ему вот сколько!) А совсем закончила его стихами ко мне: «В разноголосице девического хора», — моими любимыми.

Денежный успех меньше, пока чистых 700 фр⟨анков⟩, м. б. еще подойдут, — часть зала была даровая, бóльшая часть 5-франковая, «дорогих» немного. Но на кварт⟨ирный⟩ налог (575 фр⟨анков⟩) уже есть — и то слава Богу. Хотя жаль.

С иждивением, милая Саломея, то, что Вы мне писали — грустно, но чтó ответить, кроме (как в любви) — Спасибо за бывшее. Дайте мне кстати адрес Ани Калин (в гимназии она была Аня и Калин), хочу ее поблагодарить.

Да! Георгия Иванова (автора лже-воспоминаний — «Китайские тени» — уже вышли отдельной книгой)[3] на вечере не было, ибо — en loyal ennemi* приглашения не послала, но Г. Адамович (близнец) был и — кажется — доволен[4]. С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩, сидевший рядом с ним, слышал его ремарку: «Нападение *номер два*». (По-моему — хорошо.)

Обнимаю Вас и люблю. Пишите. Когда «домой»? (Беру в кавычки ибо у Вас как у Персефоны[5] дома нет.)

МЦ.

⟨*Приписки на полях:*⟩

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ Вас очень приветствует и тоже по Вам соскучился. А Мур упорно и терпеливо ждет приглашения. Автомобиль *жив*.

Да! Читала я в красном дó полу платье вдовы Извольского и очевидно ждавшем меня в сундуке *50* лет. Говорят — очень красивом. Красном — во всяком случае. По-моему, я цветом была — флаг, а станом — древком от флага.

Когда читала о М⟨андельшта⟩ме, по залу непрерывный шепот: «Он! Он! Он — живой! Как похоже!» и т. д.

81

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
11-го июня 1931 г.

Дорогая Саломея,

Вы наверное уже приехали. Открытки — чудные, каждая — драгоценность, — не знаю почему: единственный вид живописи мне глубокó-близкий. Аля в очаровании и благодарит вместе со мной.

* Верному врагу *(фр.)*.

Да! Хотите, когда приеду, захвачу ту прозу (Мандельштам-Иванов) и почитаю? А то — долго не будет напечатана.

До встречи, надеюсь скорой

МЦ.

82

Дорогая Саломея! Спасибо за весточку и за приятную весть (билеты). Читать Мандельштама лучше вечером и без Мура. Если позовете на чтение Путермана — думаю — доставите ему удовольствие — ввиду сюжета. Muselli[1] наконец написала — целый опросный лист — но ответа нет, может быть давно уже у себя на родине (родинах: двух, — в Нормандии и Корсике, или так: на одной родине и в одном отечестве).

Есть всякие новости, одна из них — предстоящий визит к Бассиано[2] (Commerce) и связанная с ним большая просьба: у меня два платья: одно черное, до колен — моего первого вечера (1926 г.) другое красное, до земли — моего последнего вечера (1931 г.) ни одно не возможно. Может быть у Вас есть какое-нибудь Вам не нужное, милая Саломея, Вы ведь выше меня, так что Ваши *по*-коленные мне *под*-коленные. — Какое ни на есть у меня, кроме этих двух, только фуфайки или из toile basque* (зебра или забор!).

Новости расскажу устно, жду оклика, обнимаю Вас, прошу прощения (попрошайничество) и благодарю (билеты).

МЦ.

Медон, 21-го июня 1931 г.

83

Медон, 20-го июля 1931 г.

Дорогая Саломея,

Только что отказ от Commerce, куда я через знакомую Д⟨митрия⟩ П⟨етровича⟩ пыталась устроить своего франц⟨узского⟩ (и злочастного!) Мо́лодца. (Кстати, г⟨оспо⟩жа Бассиано пишет с большими синтаксическими ошибками, очевидно итальянский муж слинял)[1].

Ну что ж, по-ахматовски:

Одной надеждой меньше стало —
Одною песней больше будет![2]

Пока что собираю С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ на́ море (Ile de Batz, Бретань) на две недели — в долг (который надеялась вернуть из Commerce. А вместо франц⟨узских⟩ сотен — один итальянский синтаксис!)

Остаюсь без ничего и очень прошу Вас, милая Саломея, если можно прислать июльское иждивение.

Кстати 22-го новый месяц — и новые надежды!

Пишу хорошие стихи.

Обнимаю Вас

МЦ.

---

* Льняная ткань с характерной для юга Франции расцветкой или вышивкой *(фр.)*.

Мур: – «Мама, какая у Вас голова круглая! Как раз для футбола! Вот я ее отвинчу и буду в нее играть ногами».

– Мама, если бы я был Бог, я бы всегда делал хорошую погоду. Значит, я умнее, чем теперешний Бог.

84

Дорогая Саломея,

Сердечное спасибо.

О провале Мóлодца я Вам писала? Вот он «goût pas trop sûr de la (u des!) Princesse (–cesses!)»* – тó, о чем меня предупреждала приятельница Д⟨митрия⟩ П⟨етровича⟩ – прелестная старо-молодая англо-француженка, сдающая русское «bachot»**.

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ слава Богу уехал, сейчас в Ardèch'e около Валанса[1] в деревне, ловит раков. Пробудем сколько денег хватит, часть пребывания нам подарили.

Что с Вáшим летом?

Обнимаю

МЦ.

Медон, 29-го июля 1931 г.

85

Дорогая Саломея!

Где Вы и что Вы? Можно Вас попросить об иждивении?

В жизни Д⟨митрия⟩ П⟨етровича⟩ есть новость, которую Вы наверное уже знаете – давно готовилась: семейного порядка[1].

Пасу Мура по холодным пастбищам Медона и когда могу пишу.

Целую Вас, напишите о себе.

МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
21-го авг⟨уста⟩ 1931 г.

86

Медон, 7-го сен⟨тября⟩ 1931 г.

Дорогая Саломея!

Сердечное (и как всегда – запоздалое) спасибо[1].

А Вы знаете чтó написано на могиле Рильке?

---

* Не очень хороший вкус княжны (княжен!) *(фр.)*.

** Экзамен на степень бакалавра *(фр.)*.

Rose! o reinster Widerspruch! Lust
Niemandes Schlaf zu sein unter so viel Lidern!*

Rose! o pure contradiction! Joie }
Volupté }
De n'être le sommeil de personne sous tant de paupières![2]

Правда похоже на персидское: и роза, и краткость, и смысл.

Пишу хорошие стихи, свидимся почитаю.

Из интересных встреч — приезжий художник из России, мой тамошний четырехвстречный друг (óн считал, я — нет), кстати товарищ по школе живописи Маяковского и Пастернака, много рассказывал[3].

Мои внешние дела *ужасны*: 1-го терм — 1200 фр⟨анков⟩, и у меня ничего, ибо с Мóлодцем (франц⟨узским⟩) в Commerc'e сорвалось, а очередной № Воли России с моей прозой о Мандельштаме (3 листа — 750 фр⟨анков⟩ просто *не* выходит, и возможно что не выйдет вовсе[4]. С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ тщетно ищет места. — Не в Россию же мне ехать?! где меня раз (на радостях!) и — два! — упекут. *Я* там *не* уцелею, ибо негодование — моя страсть (а есть на что!)

Саломея милая, у Вас нет последнего № N⟨ouvelle⟩ R⟨evue⟩ F⟨rançaise⟩ с исповедью Мирского?[5] Если да — пришлите, мне он необходим хотя бы на час.

Вера[6] разошлась с П⟨етром⟩ П⟨етровичем⟩ и сейчас где-то на Юге, у сестры Д⟨митрия⟩ П⟨етровича⟩, куда уехал и он. У меня по поводу всего этого — *свои* мысли, невеселые.

Аля в Бретани, лето у меня каторжноватое, весь день либо черная работа, либо гулянье с Муром по дождю под непрерывный аккомпанемент его рассуждений об автомобиле(-бúлях) — марках, скоростях и пр. Обскакал свой шестилетний возраст (в ненавистном мне направлении) на 10 лет, надеюсь, что к 16-ти — пройдет (выговорится! ибо не молчит ни секунды — и все об одном!)

Целую Вас, иждивение получила, спасибо за все.

М.

87

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
10-го сентября 1931 г.

Дорогая Саломея,

Наши письма — как часто — разминулись (встретились).

А сейчас пишу Вам вот по какому делу: приехал из Берлина — работать в Париже — известный в России художник Синезубов[1] (ряд картин в Третьяковке и в петербургском Музее бывш⟨ем⟩ Алекс⟨андра⟩ III),

---

* Роза, о чистое противоречие! Радость
Сном забыться ничьим под сенью множества век! (*нем.*) (*пер. К. М. Азадовского*).

преподаватель Вхутемаса (московск⟨ое⟩ Училище Жив⟨описи⟩ и Ваяния) — вообще guelgu'un*. *Я* его *хорошо* знаю с России.

И вот, французы приписали ему в паспорте «sans possibilité de renouvellement»** визу, к⟨отор⟩ая истекает 20-го Октября. *Он в отчаянии*, ему сейчас 38 лет — и с 18-ти рвался в Париж. Я его хорошо знаю, он никакой не большевик, просто художник, и — страстный художник.

Из разговоров выяснилось, что ему принадлежит последний портрет Татьяны Федоровны Скрябиной[2], сестры Шлецера[3], портрет которой он тогда же в Москве (1921 г.) подарил Марии Александровне Шлецер, матери Татьяны и Бориса Федоровичей, она должна это помнить, но Б⟨орис⟩ Ф⟨едорович⟩ может этого не знать. (Т⟨атьяну⟩ Ф⟨едоровну⟩ писал уже умершей.) Не помог ли бы ему Б⟨орис⟩ Ф⟨едорович⟩ с визой? И — может ли? Если ли у него связи с французами? Наверное же?

Его мать тогда предлагала Синезубову за портрет деньги и любую вещь на выбор, — он конечно ничего не взял.

Он — *абсолютно*-благороден, я за него ручаюсь во *всех* отношениях. Ему *необходимо* помочь.

Так вот: не сообщите ли Вы мне адрес Б⟨ориса⟩ Ф⟨едоровича⟩ и не поддержите ли моей просьбы? Вас он ценит и любит, а Вы мне верите.

Столько бед вокруг, милая Саломея, что забываешь о своих.

Целую Вас.

МЦ.

88

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
16-го сентября 1931 г.

Дорогая Саломея,

Прежде всего — в ответ на Ваше «и совсем не чувствую себя счастливой» —

На свете счастья нет, но есть покой и воля[1]

— воля, которую я, кстати, всегда понимала как волю волевую, а не как волю-*свободу*, как, нужно думать, понимал сам Пушкин — и которой тоже нет.

Во-вторых: милая Саломея, ну и зверски же Вы молоды и зверски же счастливы, чтобы этот *порядок* вещей: совсем не чувствовать себя счастливым — чувствовать *непорядком* вещей!

Очень Вас люблю и — что́, если не гораздо больше, то (у меня) гораздо реже: Вы мне бесконечно-нравитесь. (Лестно — на шестом году знакомства?)

Но — в чем дело с не-совсем-счастьем или совсем-не-счастливостью?

От души хочу Вас видеть — и давно, но — дела у нас сейчас (и давно!) такие, что нет ни на что, живем заемами (займами?) в 5 и 10 фр⟨анков⟩, в городе я не бываю никогда, предоставляя прогонные С⟨ергею⟩ Я⟨ковлевичу⟩, которому нужнее — ибо ищет работы и должен видеть людей.

---

* Важная персона *(разг., фр.)*.
** «Без возможности возобновления» *(фр.)*.

Это не намек на иждивение, дорогая Саломея, наоборот: хочу просить Вас *не* давать мне его до 1-го, а 1-го выдать сразу за сентябрь и за будущий Октябрь, чтобы было основание к терму[2] (1-го – 1200 фр⟨анков⟩) к⟨оторого⟩ мы иначе никогда не выплатим.

Надеялась на Commerce (франц⟨узский⟩ Мо́лодец) и на Волю России (История одного посвящения) – Commerce не взял, а В⟨оля⟩ России встала – и сдвинется ли? Дело в том, что печатай я то, что пишу – мы приблизительно могли бы жить. Но меня не печатают нигде – что же мне делать?!

Нынче утром послала на Ваш адр⟨ес⟩ письмо Мочульскому[3] с вот какой просьбой: он друг переводчика Шюзвиля[4], а Шюзвиль участник некоего из⟨дательст⟩ва Bossard и кроме того знал меня 14-летней гимназисткой в Москве (я тогда писала французские стихи, а Шюзвиль – кажется – русские), словом Шюзвиль *всячески* ко мне расположен, но к сожалению «трусоват был Ваня (*Jean* Chuzeville!) бедный»[5], боится «новых» стихов, – так вот мне нужно, чтобы Мочульский замолвил слово за моего Мо́лодца, напирал не на его левизну, а народность (эпичность). Я сейчас обращаюсь за помощью ко всем, есть даже целый план моего спасения (NB! я как тот утопающий, который с берега смотрел как *его же* спасают – честное слово! полное раздвоение личности) – С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ Вам этот план сообщит, ему вообще очень хочется и нужно с Вами повидаться – сообщите *когда.*

А с Д⟨митрием⟩ П⟨авловичем⟩ угадали – *кажется* женится и (пока что) на Вере, во всяком случае С⟨увчин⟩ские разошлись и В⟨ера⟩ у сестры Д⟨митрия⟩ П⟨авловича⟩ где-то на юге.

Пишу хорошие стихи.

До свидания, дорогая Саломея, жду ответа: согласны ли с иждивением и – когда можно будет С⟨ергею⟩ Я⟨ковлевичу⟩ Вас повидать.

В пятницу у меня будет Синезубов, передам ему все относительно Vogel'я[6] и паспорта, огромное спасибо. Вы его спасаете.

Целую Вас.

МЦ.

89

Дорогая Саломея,

Завтра (1-го) у нас терм, но у нас отсрочка на еще несколько дней. Если можете прислать иждивение – ния (сентябрь и октябрь) до 5-го, буду Вам бесконечно-благодарна. Очередная консьержка ушла и получает сама хозяйка, а с ней лишний раз встречаться – омерзение.

Вернулась из Бретани Аля с множеством зарисовок, гораздо лучше тех, что Вы видели на стене. Заставляет лизать все свои вещи (вплоть до чемодана), чтобы (мне) почувствовать, какое море соленое.

Дела наши хуже нельзя.

Да! я тогда по-настоящему и не поблагодарила Вас за те сто фр⟨анков⟩, только с жадностью их забрала. – Спасибо огромное.

До свидания, целую Вас.

МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
30-го сент⟨ября⟩ 1931 г.

Нынче иду с Синезубовым к Вожелю.

90

Медон, 8-го Октября 1931 г., сегодня имянины С‹ергея› Я‹ковлевича›, а он в постели, в гриппе.

Дорогая Саломея,

Огромное спасибо за иждивение, — терм с Божьей и Вашей помощью с плеч сбыли.

Но тревожит чужая тревога, а именно дела Синезубова. Мы были с ним у Вожеля[1], который нас очень хорошо принял, паспорт рассматривал с тщательностью пограничника, ничего не забыл, обо всем спросил и, главное, все записал. Расстались мы на том, что он известит Вас.

Но нынче уже 8-ое, а синезубовская виза кончается 20-го, бедный малый в безумной тревоге и тоске, а главное — и м. б. вина моя — что он еще не подавал никакого прошения о продлении визы. Моя просьба к Вам, милая Саломея, сводится к следующему: узнайте у Вожеля (он, естественно, мог забыть) *есть ли надежда на продление визы* — раз, и *нужно ли, и кому, и как подавать прошение* — два. Я в этих делах абсолютно-неопытна, а Синезубов уж подавно *(подавлен)*.

И еще одна просьба, милая Саломея (NB! сказка про рыбака и рыбку, — но рыбак *плохо просил*) на этот раз для Али: не смогли бы Вы достать у Вожеля «Les Tricots» — Octobre 1931 — supplement au Jardin des Modes'*, — у него их наверное много, купить — 15 фр‹анков› (чудный альбом и сто́ит) — а Але необходимо, так как она все время вяжет и часто на заказ, в следующий раз приеду в ее фуфайке.

До свидания, милая Саломея, а то, боюсь, еще что-нибудь попрошу

МЦ.

— Ту статью все еще пишу[2] и обращаю ее к «воображаемому собеседнику» — Вам.

91

Медон, 23-го Октября 1931 г.

Дорогая Саломея!

On Vous prie par des paroles, Vous réponder par des actes**: только что письмо от Синезубова, — Вы представляете себе *какое*![1] Его Вы, в случае чего, предъявите на страшном суде.

А вторым (первым в порядке дней) act'ом, т. е. «Les Tricots», по-своему осчастливлена Аля и — рикошетом — я, потому что у меня будет чудная фуфайка[2].

Словом (тьфу, тьфу!) все к лучшему. Бесконечно-рады, С‹ергей› Я‹ковлевич› и я, за Синезубова, это сейчас абсолютно-счастливый человек. Ему, кроме работы в Париже, *ничего* не нужно. Кстати, это выкормыш того странного монаха[3], который у Вас что-то унес. Монах сейчас священник в Марселе и обучает маленьких детей (как уносить — подальше).

---

* «Вязание» — Октябрь 1931 — приложение к журналу «Сад моды» *(фр.)*.

** Вас просят словами, Вы отвечаете поступками *(фр.)*.

Статья моя (NB! целая книга) об искусстве кончена, если разрешите посвящаю ее Вам: знаю, что во всех пунктах спорная, а в целом неотразимая (как все очень живое, как я сама).

Обнимаю Вас и бесконечно благодарю

МЦ.

92

Медон, 17-го ноября 1931 г.

Дорогая Саломея!

Во-первых — огромное спасибо за Синезубова: счастливее человека нет.

Во-вторых — статью *Искусство при свете совести* я мысленно посвятила Вам с первой секунды нашего последнего разговора — до всяких Синезубовых.

В-третьих — статью, а не поэму, потому что высоких поэм у меня, кажется, нет — (вообще, кажется, нет!) — а статья определенно на высокий лад, без обольщений (неисполненных, никогда, искусством обещаний).

В-четвертых — очень хочу повидаться (нумерация по срочности выяснения: не хочу думать, что Вы думаете, что я что-нибудь способна сделать в благодарность за поступок (С⟨инезубо⟩ва), а не за сущность (*Вас самоё*, безотносительно меня и С⟨инезубо⟩ва).

В-пятых: С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ фабрикует картон для домов: тепло-хладо-звуко-непроницаемый. (Этот картон — почему-то — из стекла.) Изобретение не его. Он — только *руки*.

В-шестых и кажется в последних — скромная просьба об иждивении (слово, привезенное мною из Чехии и понятное только русским студентам и профессорам — и ВАМ! ⟨)⟩

Нет — и, в-седьмых, нашлось! — как только кончу переписку статьи, дам ее Вам на прочтение, взяв слово, что дочитаете до конца.

Целую Вас, С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ сердечно приветствует.

МЦ.

Мур Вас помнит и изредка делает попытки проникнуть к Вам в гости.

93

Медон, ⟨конец ноября — начало декабря 1931⟩[1]*, суббота*

Дорогая Саломея!

Это письмо Вы должны были получить вчера, т. е. не это, а потерянное: потеряла в доме и найду через год.

Повторю вкратце:

Не писала Вам сначала, п. ч. со дня на день ждала иждивения, а потом, чтобы не звучало как напоминание, но все время о Вас думала, вернее думала, что Вы считаете меня свиньей.

Очень хочу повидаться, давайте на через-следующей неделе, когда хотите, на этой я должна допереписать свою статью (м. б. возьмут

сербы (!)[2] — очень большая и статья и работа, а времени мало: вчера заболел Мур (желудочное, с рвотой и жаром: три дня ели одну чечевицу «lentilles russes»*, вот и засорился). Нынче жар уже меньше (вчера вечером было под сорок), заняли немножко денег и купили слабительного.

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ служит, но службу выселили с квартиры (с huissier!**) С⟨ережа⟩ спасал динамомашину и материалы. Потому временно не платят, но потом кажется опять будут (200 фр⟨анков⟩ в неделю, больше у нас нет ничего, а сейчас просто ничего).

Итак жду Вашего зова от понедельника *той* недели, когда хотите.

Целую Вас и очень люблю

МЦ.

94

Медон, 29-го декабря 1931 г.

Дорогая Саломея,

Обращаюсь к Вам с очередной просьбой, а именно: не могли бы Вы поспособствовать Алиному устроению в какой-нибудь модный журнал (figurines)***. Она *очень* талантлива как раз в фигуре, линии и т. д. и не сомневаюсь, что была бы принята — если была бы двинута. Вся надежда сейчас на *ее* заработки: мои Вы знаете (NB! вечер дал всего 200 фр⟨анков⟩, а 1-го терм — 1300 фр⟨анков⟩, а С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ своим картоном вырабатывает всего 200 фр⟨анков⟩ в неделю да и то с задержками и перерывами в работе. Сейчас например две недели перерыву, т. е. две недели не будет *ничего*. Положение отчаянное, вот я и подумала, что м. б. Вы что-нибудь сможете сделать для Али.

Ее рисунки ничуть не хуже хороших профессиональных, а — была бы *надежда* на устройство — после месяца «figurines» в школе она бы многих просто забила. Не материнское самомнение, а мнение знающих.

Подумайте об этом, милая Саломея, тогда она с 1-го января записалась бы на курс figurines и к 1-му февраля могла бы уже подать *мастерские* вещи.

Другого исхода не вижу. Если бы Вы захотели, она могла бы Вам привезти показать имеющееся.

Простите за зверский эгоизм письма, но мы по-настоящему тонем.

Целую Вас.

МЦ.

95

Медон, 22-го февраля 1932 г.
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc

Милая Саломея,

(Помните: Шаломея — от: шалая)

Вы меня совсем забыли, никогда не зовете в гости и я даже немножко обижена (что без меня так *окончательно*-хорошо обходятся).

---

* Русская чечевица *(фр.)*.
** С привратником *(фр.)*.
*** Силуэт, рисунок *(фр.)*.

Хотя знаю, что Вы служите, а может быть и хвораете.
Поэтому не зовите меня скоро, но когда-нибудь все-таки позовите.

Дела наши гиблые, гиблейшие... 1-го апреля переезд — мы уже отказались, ибо вытянуть не можем — пока неизвестно куда. Жалею лес, которым утешалась.

Обнимаю Вас и жду весточки, спасибо за Алю, что́ вы думаете о ее хронических лошадях?

Сердечный привет от всех, Мура включая, Вы единственное женское существо, про которое он говорит: ничего себе (высшая хвала!).

МЦ.

⟨Наверху — рисунок лошади; внизу — приписка:⟩

Дорогая Саломея Николаевна, нет ли у Вас книги «La belle saison» Martin du Gard'a?*[1] На эту книгу объявлен конкурс иллюстраций, у нас ее нет, купить, конечно, не на что; и вот ищу по знакомым. Целую крепко. Аля.

96

Meudon (S. et O.) 2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
11-го марта 1932 г.

Дорогая Саломея, завтра еду в Брюссель читать уже знакомый Вам доклад «Поэт и время»[1] в Клубе Русских Евреев (приглашение). Поэтому в понедельник быть у Вас не смогу — возможно, что задержусь на несколько дней в попытке устроить французский вечер.

Положение наше отчаянное: с квартиры съезжаем 1-го, не платили 2 месяца, итого 900 фр⟨анков⟩, сняли другую в Кламаре[2], дешевле нашей на тысячу, исходив предварительно все окрестности. 1-го должны внести тысячу фр⟨анков⟩ за триместр (нашли без залога). Из Бельгии привезу немного, — знаю от уже ездивших по тому же приглашению, немного подработает и С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩, но все это конечно не составит и половины. Без уплаты здесь — не выпустят, а без уплаты там — не впустят. А еще переезд.

Воплю о помощи на все стороны, воплю и к Вам: милая Саломея, выручите еще раз, соберите что́ можете — иначе нам совсем погибать.

По возвращении из Брюсселя спишусь с Вами, когда встретиться. Желаю здоровья и приличного самочувствия — у меня от всех этих лестниц, этажей, débarras'**ков с окном и *без*, достоверных жеранов*** и призрачных hussiers**** — несколько безумное.

Обнимаю Вас

МЦ.

---

* «Прекрасный сезон» Мартена дю Гара *(фр.)*.
** Чулан, чуланчик *(фр.)*.
*** От gérant — управляющий домом *(фр.)*.
**** Привратников *(фр.)*.

97

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
18-го марта 1932 г.

Дорогая Саломея,

Обращаюсь к Вам со следующей отчаянной просьбой: я только что из Бельгии, из поездки ничего не вышло: 250 бельг⟨ийских⟩ франк⟨ов⟩ вместо 500 франц⟨узских⟩, на которые рассчитывала *и вправе была рассчитывать.*

Подробности моих злоключений — устно.

Пока же: 1-го, т. е. через 12 дней, мы *должны* выехать и въехать, ибо подписала новому хозяину обязательство, как и он — нам.

Плата с триместрами, т. е. при въезде нужно внести ровно тысячу.

Здесь мы не платили два месяца, итого 866 фр⟨анков⟩, словом (переезд включая) необходимы две полных тысячи. Тысячу надеюсь сколотить из предполагаемого на днях заработка С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩, авансов в Воле России[1] и одном сербском журнале[2] и ряде частных заёмов по 50 или возле-франков. Но второй тысячи нет и быть не может, наши возможности исчерпаны досуха. Д⟨митрий⟩ П⟨етрович⟩ прислал 2 фунта, которые уйдут на жизнь, — до 1-го. В доме голод и холод.

Дорогая Саломея, сделайте чудо, иначе мы *по-настоящему* погибли. Вещей без уплаты здесь естественно не выпустят, вообще — тупик.

Целую Вас и воплю о помощи.

МЦ.

Самое ужасное, что у нас всего 12 дней.

98

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet

Дорогая Саломея!

Сердечная просьба: 26-го мой доклад — Искусство при свете Совести[1] (помните разговор осенью? то самое). Посылаю Вам 10 билетов с просьбой по возможности распространить — чем дороже, тем лучше, но не меньше 10 фр⟨анков⟩ билет. Мы в самой черной нищете, живем вчетвером на Алины еженедельные 40 фр⟨анков⟩ (figurines), то есть — гибнем. В Париж ходим пешком и т. д.

Оттого не писала и не бывала.

Обнимаю Вас и люблю

МЦ.

16-го мая 1932 г.

99

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
12-го августа 1932 г.

Дорогая Саломея, видела Вас нынче во сне с такой любовью и такой тоской, с таким безумием любви и тоски, что первая мысль, проснувшись: где же я была все эти годы, раз так могла ее любить (раз,

очевидно, та́к любила), и первое дело, проснувшись — сказать Вам это: и последний сон ночи (снилось под утро) и первую мысль утра́.

С Вами было много других. Вы были больны, но на ногах и очень красивы (до растравы, до умилительности), освещение — сумеречное, всё слегка пригашено, чтобы моей тоске (ибо любовь — тоска) одной гореть.

Я все спрашивала, *когда* я к Вам приду — без всех этих — мне хотелось рухнуть в Вас, как с горы в пропасть, а что́ там делается с душою — не знаю, но знаю, что *она* того хочет, ибо тело = самосохранение. — Это была прогулка, даже променада — некий обряд — Вы были окружены (мы были разъединены) какими-то подругами (почти греческий хор) — наперсницами, лиц которых не помню, да и не видела, это был Ваш фон, хор, — но который мне мешал. Но с Вами, совсем близко, у ног, была еще собака — та серая, которая умерла. Еще помню, что Вы превышали всех на́ голову, что подруги, охранявшие и скрывавшие — скрыть не могли. (У меня чувство, что я видела во сне Вашу душу. Вы были в белом, просторном, ниспадавшем, струящемся, в платье, непрерывно создаваемом Вашим телом: телом Вашей души.) Воспоминание о Вас в этом сне, как о водоросли в воде: *ее* движения. Вы были тихо качаемы каким-то морем, которое меня с Вами рознило. — Событий никаких, знаю одно, что я Вас любила до такого исступления (безмолвного), хотела к Вам до такого самозабвения, что сейчас совсем опустошена (переполнена).

Куда со всем этим? К Вам, ибо *никогда* не поверю, что во сне ошибаются, что сон ошибается, что я во сне могу ошибиться. (Везде — кроме.) Порукой — моя предшествующая сну запись: — Мой любимый вид общения — сон. Сон — это я на полной свободе (неизбежности), тот воздух, который мне необходим, чтобы дышать. *Моя* погода, *мое* освещение, *мой* час суток, *мое* время года, *моя* широта и долгота. Только в нем я — я. Остальное — случайность[1].

Милая Саломея, если бы я сейчас была у Вас — с Вами — но договаривать бесполезно: Вы меня во сне та́к не видели, поэтому Вы, *эта*, меня *ту* (еще ту!) навряд ли поймете. А та — понимала, и если сразу не отвечала, когда и где, если что-то еще длила и отдаляла, — то с такой всепроникающей нежностью, что я не отдала бы ее ни за одно *когда* и *где*.

Милая Саломея, нужно же чтобы семь лет спустя знакомства, Вам, рациональнейшему из существ — я, рациональнейшее из существ...

Если бы я сейчас была с Вами, я наверное — ни рацио, ни семилетие знакомства, ни явная нелепость сна при свете дня — rien n'y tient!* — достоверно — знаю себя! — врылась бы в Вас, зарылась бы в Вас, закрылась бы Вами от всего: дня, века, света, от Ваших глаз и от собственных, не менее беспощадных. — Сознание (иногда): неузнавание, незнание, забвение.

Саломея, спасибо, я после нынешней ночи на це́лую тоску: це́лую себя — богаче, больше, *дальше*.

---

* Ничего своего! *(фр.)*

Дико будет читать это письмо? Мне еще не дико его писать. Мне было так естественно его — жить.

Саломея, у меня озноб вдоль хребта, вникните: наперсницы, греческий хор, обряд ложноклассической променады, мое ночное видение Вас — точное видение Вас О. М⟨андельшта⟩ма[2]. Значит, прежде всего *поэт во мне* Вас такой сновидел, значит — правда, значит, Вы та и есть, значит, та — Вы и есть. Не могут же ошибиться двое: один во сне, другой наяву. (*Двух* поэтов, как вообще ПОЭТОВ (множественного) нет, есть *один:* он всё тот же.)

Нынче ночью Вы были точным лицом моей тоски, так давно уже не заимствовавшей лиц: ни мужских, ни женских. И — озарение: ах, вот почему тогда, семь лет назад, Д. П. С⟨вятополк⟩-М⟨ирский⟩ не хотел нас знакомить. Но — откуда он взял (знал) меня — ту, не ночующую даже в моих стихах, только в снах, которых ведь он — не знал, меня в которых — ведь — не знал: меня — сновидящую? А как он был прозорлив в своей ревности (за семь лет вперед!) и как дико неправ — ибо та́к, та́к, та́к любить, как я Вас любила в своем нынешнем сне (так — *невозможно*!) — я никогда не могла бы — что́, его! — никого, ни одного его, ни на каком яву. Только женщину (свое). Только во сне (на свободе).

Ибо лицо моей тоски — женское.

Милая Саломея, это письмо глубоко-беспоследственно. Что с этим делать в жизни? И если бы я даже знала что́ — то: что с этим сделает жизнь! (И вот уже строки:) Сознанье? Дознанье

— и дальше:

Дознанье сознанья

— и еще:

До — знанье (наперед — знанье) обратное дознанью (post fact'ному, т. е. посмертному), игра не слов, а смыслов — и вовсе не игра.

Мне сегодня дали прочесть в газете статью Адамовича о стихах[3], где он говорит, что я (М⟨арина⟩ Ц⟨ветаева⟩) хотя и хорошо пишу, но — *ничей путь*. Саломея! он совершенно прав, только это для меня не упрек, а высшая хвала, т. е. правда обо мне, о правде поэтов сказавшей: *«Правда поэтов — тропа, зарастающая по следам»*[4]. Так и моя (сонная, данная правда о Вас, правда меня к Вам когда-нибудь зарастет, но я нарочно не иду, стою посереди своего сна как посереди леса, спиной ощущая, что та́ — Вы (ТЫ — Вы!) еще там (здесь).

Саломея, Вы сухи, Вы сплошная сушь (кактус), и *моя* сушь по сравнению с Вашей — подводная яма. Я никогда, ни разу за все семь лет не видела Вас что-нибудь до самозабвения любящей, но раз я Вас, именно Вас, без всякого внешнего повода, о Вас не думая и даже — *забыв* — Вас такой видела, *та́* Вы *есть*, другая Вы — есть. Иначе вся я, с моими стихами и снами, *ничего* не сто́ю, вся — мимо.

Кончаю в грозу, под такие же удары грома, как внутри, под встречные удары сердца и грома, под такие же молнии, как молния моего прозрения — Вас: себя к Вам. Ибо — оцените такт моего сердца, хотя и громового. — Вы меня во сне вовсе не так любили (так любить двоим — нельзя, места нет!).

— Саломея, электричество погасло, чтобы одни молнии! пишу в грозовой темноте — итак: Вы́ меня в моем сне вовсе и не любили, Вы просто ходили зачарованная моей любовью, Вы *ходили*, чтобы я на Вас *смотрела*, Вы просто красовались, но не тем кобылицыным красованием красавиц, а красотою любимого и невозможного существа.

Милая Саломея, письмо не кончается, оно единственное, первое и последнее от меня (во всем охвате вещи) к Вам (во всем охвате — Вашем, который знаете только Вы). И даже когда кончится — как нынешний сон и, сейчас, гроза, — внутри не кончится — долго. Я всё буду ходить и говорить Вам — всё то же бесполезное, беспоследственное, беспомощное, божественное слово.

Милая Саломея, лучше не отвечайте. Что́ на это можно ответить? Ведь это не вопрос — и не просьба — просто лоскут *неба любви*. Даю Вам его — в ответ на всё, целое, которое в том (уже — *том*!) сне дали мне — Вы.

Знаю еще одно, что при следующей встрече — через день или через год — или: через год и день (срок для найденной вещи и запретный срок всех сказок!) — на́ людях, одна, где и когда бы я с Вами ни встретилась, я буду (внутри себя) глядеть на Вас *иначе*, чем все эти семь лет глядела, может быть вовсе потуплю глаза — от невозможности *скрыть* — от безнадежности *сказать*.

Марина

P. S. — *14-го авг⟨уста⟩ 1932 г.*

Но все-таки (сознаю свое малодушие) хочу знать, Саломея, о Вас: где Вы и что́ и как Ваше здоровье и чему Вы радуетесь и радуетесь ли.

Ведь не могу же я сразу (два дня прошло) утратить Вас — всю. Видите — обычная сделка с жизнью.

Еще одно: помните, Вы как-то целый вечер воевали с каким-то платочком (нашейным), вся прелесть которого якобы долженствовавшая состоять в его непринужденности. — Не могу носить неприкаянных вещей! — та́к Вы, кажется, сказали и, наконец с отвращением — его сняли. Вспомнила это, вспоминая ту́ — Вашего ночного шествия (вдоль моей души!) — одежду, явно — не Вашу, ибо явно — наброшенную. И Вы, Саломея, в моем сне были на свободе, на той, которую в жизни не только не ищете — *не выносите*.

Ах и под самый конец — листка и сна — поняла: это были просто *Елисейские Поля*, не эти — те, и только потому я все семь лет подряд ничего не видела, что не вслушалась *в смысл слова*.

⟨Приписка на полях:⟩

(NB! Причем — Théodore Deck?!)[5]

100

Дорогая Саломея,

Простите, что начинаю с просьбы. 13-го, в четверг (Maison de la Mutualité) мой вечер — вернее вечер моей памяти о М. Волошине[1]. А 15-го — терм. Посылаю Вам 10 билетов с горячей просьбой по возможности распространить.

Дела мои очень плохи.

Обнимаю Вас

МЦ.

Clamart
101, Rue Condorcet
6-го окт⟨ября⟩ 1932 г.

101

Clamart, 14-го Октября 1932 г.

Дорогая Саломея,

Как я счастлива, что Вы наконец вернулись. У меня такое странное чувство к Вам — несказáнное в жизни — может быть когда-нибудь в стихах — такое щемящее чувство... что я счастлива, что я не на десять лет моложе: когда я еще пыталась такие чувства — все же — как-то — осуществить. (Сколько было бы лишней муки!)

— Ладно. —

Вечер прошел очень хорошо, увлеченно и увлекательно. Читала, Саломея, 2 ч⟨аса⟩ 45 м⟨инут⟩ с крохотным перерывом — дух перевести! — до самого закрытия зала: два раза отчаявшийся швейцар присылал записки, что *потушит свет.* Кончили в полночь. Зал — весь читательский: *ни одного писателя (св⟨олочи⟩*, нет, *ст⟨арики⟩*, именно дохлые ст⟨арики⟩, я не из-за себя ругаюсь, из-за Макса). Но можно сказать, что мой скромный зал вчера был сплошной и один очаг любви.

(Отрывки Вам с удовольствием почитаю при встрече, все — *щемяще*-веселые!)

Обнимаю Вас и совсем не знаю, как опять влезу в благонадежное русло нашего с вами приятельства.

Марина

⟨Приписки на полях:⟩

Самое сердечное спасибо за билеты и за то, что не говорите кáк было трудно вручить.

Саломея! А у нас с вами общий приятель[1]: кавказец, с лица родной дедушка Мура. Угадайте!

102

⟨Декабрь 1932⟩[1]

Дорогая Саломея!

Как грустно, что мы только билетно общаемся! Все ждала Вашего обещанного зова, сколько раз выходила из Вашего метро — и все не в ту

сторону. Зайти на авось — не решалась, но каждый раз думала — не без горечи.

А теперь опять это билетное дело. Нужда зверская (собранное берегу для будущего терма и переезда) — а тут еще праздники, и все идут за ча́ями. Вечер, пока, наш единственный ресурс.

Милая Саломея, сделайте что́ можете.

Буду читать стихи 20 лет назад[2]. Придете?

Обнимаю Вас.

МЦ.

103

Дорогая Саломея,

Только два слова (на мне сейчас четыре одновременных рукописи)

1) никакой обиды

2) спасибо

После переезда, этой пятой горы, сообщусь по существу.

Целую.

МЦ.

5-го янв⟨аря⟩ 1933 г.

Адр⟨ес⟩ после 10-го

тот же *Clamart (Seine)*

10, Rue Lazare Carnot

⟨*Приписка на полях:*⟩

Рукописи:

1) Эпос и лирика современной России[1]

2) Neuf lettres de femme[2]

3) Живое о живом (переписка, правка)[3]

4) Перевод статьи Бердяева[4]

о чем еще не знаю

104

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

3-го апреля 1933 г.

Дорогая Саломея!

Мне очень совестно, что беспокою Вас билетными делами — тем более, что Вы совсем ко мне оравнодушели. (Я продолжаю, временами, видеть Вас во сне[1], — это тоже осененность, и больше чем наша *вещь в нас.* ⟨)⟩

Вечер м. б. будет интересный[2], я сейчас ни в чем не уверена.

Цена билета 10 фр⟨анков⟩. Скоро терм. Часть Извольского фонда[3] волей-неволей проедена, приходится дорабатывать.

Сделайте что́ можете!

Обнимаю Вас и от души желаю хорошей Пасхи.

МЦ.

105

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
16-го апр⟨еля⟩ 1933 г., Пасха

Христос Воскресе, дорогая Саломея!

Все совсем просто — как во сне, и я поняла это *сразу* как во сне — без фактов, которые меня всегда только сбивают.

Вы ушли в новую жизнь, вышагнули (как из лодки) из старой — (м. б. с берега в воду — это неважно, *из* чего-то — *во* что-то) и естественно не хотите ничего из старой: а я из старой, вернее — мое явление к Вам на пороге — из старой, со старого порога. Это проще простого, и я это глубо́ко понимаю — и, больше, — Вам глубоко сочувствую: *я сама бы та́к*. И только так и можно.

И никакие человеческие «предположения» меня не собьют.

Обнимаю Вас.

МЦ.

106

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
15-го мая 1933 г.

Дорогая Саломея,

Простите за напоминание, но если у Вас продались какие-нибудь билеты на мой вечер[1], было бы чудно, если бы Вы мне сейчас прислали на мое нынешнее полное обмеление.

Как-то встретила Мочульского, он тоже Вас не видел — уже год.

Обнимаю Вас и думаю всегда с нежностью.

МЦ.

Вера Сувчинская выходит замуж за молодого (очень молодого) англичанина[2] и едет в Россию. Жених уже там и уже познакомился с Мирским, который на днях отбыл в Туркмению[3].

107

⟨Лето 1933⟩[1]

Дорогая Саломея,

Сердечное спасибо, хотя — увы, увы — эти деньги мне придется сдавать Извольской, которая как дракон на страже моих термовых интересов. (Какое жуткое слово *terme*, какое римско-роковое, — каменное, какое дважды-римское — Рима Цезарей и Рима Пап, — какое *дантовское* слово, если бы я была французским поэтом, я бы написала о нем стихи.)

А Вы знаете, Саломея, что мы должны переехать в Булонь, потому что Мур с осени поступает в русскую гимназию: вернее, *мы с Муром* (я *тоже* все забыла). Прохожу с ним сейчас дни творения, не менее, а более недоступные разуму, чем Апокалипсис.

— Ну, Мур, какое же небо сотворил Бог в первый день? Небо...
Мур, перебивая: — Знаю. Сам скажу. *Святое пространство.*

— Что же такое твердь?
— Вместилище для... освещения.

Дорогая Саломея, могла бы писать Вам без конца.
Обнимаю Вас. Спасибо.

МЦ.

108

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
23-го сент‹ября› 1933 г.

Дорогая Саломея,

Разрешите мне совершенно чистосердечный вопрос: можем ли мы рассчитывать на *Ваш* сбор к октябрьскому терму? Дело в том, что с Е. А. И‹звольской›, неизвестно почему и как, создались такие сложные отношения, что выяснить ничего невозможно, сам вопрос уже невозможен. Не удивляйтесь: там, где психика вмешивается в деловое — обоим плохо.

Умоляю, милая Саломея, никогда ни звуком не обмолвиться ей об этом письме, она человек страстей, и плохо придется уже не «делам» и не психике, а просто мне. Но не объяснить этого моего Вам запроса было невозможно.

Мур на днях поступает в школу, пока что во французскую, здесь же, п. ч. на переезд и устройство в Булони (русская гимназия) не оказалось денег. Я пишу прозу, к‹отор›ую Вы, м. б., иногда в Посл‹едних› Нов‹остях› читаете[1]. Стихов моих они решительно не хотят, даже младенческих[2]. Аля кончила свою школу живописи и теперь будет искать работы по иллюстрации. О С‹ергее› Я‹ковлевиче› Вы наверное знаете[3].

Вот и все пока. А что — у Вас, с Вами?

Жду ответа и сердечно обнимаю

МЦ.

109

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
26-го сент‹ября› 1933 г.

Милая Саломея,

Итак, начистоту: Е‹лене› А‹лександровне›[1] все это — просто — *надоело.* Если она узнает, что у Вас что-нибудь имеется, она на Ваших лаврах опочит и преподнесет мне Ваше — как свой собственный сбор. Нужно, чтобы Вы, если она Вас запросит, ответили ей неопределенно, а деньги

послали ей не раньше 10-го, чтобы дать ей время, обеспокоившись, самой что-нибудь сделать.

И очень попросила бы *как-нибудь обмолвиться* в сопроводительном письме или при встрече, что Вы меня известили. *Важно, чтобы она знала, что я знаю, что столько-то — Ваше.* А то в прошлый раз была очень неприятная неопределенность, я многое *знала*, чего не могла *сказать*. Она с БОЛЬШИМИ СТРАННОСТЯМИ. Умоляю меня не выдавать. А сообщение мне Вы можете объяснить моим беспокойством (СУЩЕМ!) о терме и Муриной школьной плате. Но все это не раньше 10-го. Пока же — отмалчивайтесь. Пусть сама постарается. Простите за эти гадости.

Целую и благодарю

МЦ.

110

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
12-го Окт⟨ября⟩ 1933 г.

Дорогая Саломея,

Огромное спасибо — и все, как нужно. Кстати, Е. А. И⟨звольская⟩, которая сама всю эту «мне-помощь» затеяла, сейчас от нее решительно отказывается, полагаясь на мое «устройство» в Посл⟨едних⟩ Нов⟨остях⟩ (раз в полтора месяца статья в 200 фр⟨анков⟩)[1] и вообще на Бога. Бог с ней, но свинство большое, тем более, что не откровенное, а лицемерное.

2) С⟨ережа⟩ здесь, пàспорта до сих пор нет, чем я глубоко-счастлива, ибо письма от отбывших (сама провожала и махала!) красноречивые: один все время просит переводов на Торг-Фин (?), а другая, жена инженера, настоящего, поехавшего на готовое место при заводе, очень подробно описывает как ежевечерне, вместо обеда, пьют у подруги чай — с сахаром и хлебом. (Петербург)[2].

Значит С⟨ереже⟩ остается только чай — без сахара и без хлеба — и даже не — чай.

Кроме того, я решительно не еду, значит — расставаться, а это (как ни грыземся!) после 20 л⟨ет⟩ совместности — тяжело.

А не еду я, п. ч. уже раз *уехала*. (Саломея, видели фильм «Je suis un èvade»*, где каторжанин добровольно возвращается на каторгу, — так вóт!)[3]

3) Веру Сувчинскую видаю постоянно, но неподробно. Живет в городе, в Кламар приезжает на побывку, дружит с неизменно-еврейскими подругами, очень уродливыми, которые возле нее кормятся (и «душевно» и физически), возле ее мужских побед — ютятся («и мне перепадет!»), а побед — много, и хвастается она ими, как школьница. Свобода от Сувчинского ей ударила во все тело: ноги, в беседе, подымает, как руки, вся в непрерывном состоянии гимнастики. Больше я о ней не знаю. Впрочем есть жених — в Англии[4].

---

* «Я — беглец» *(фр.)*.

4) Я. Весь день aller-et-retour*, с Муром в школу и из школы. В перерыве зубрежка с ним (или *его*) уроков. Франц⟨узская⟩ школа — прямой идиотизм, т. е. смертный грех. *Все* — наизусть: даже Священную Историю. Самое ужасное, что невольно учу и я, все вперемежку: таблицу умножения (к⟨отор⟩ая у них *навыворот*), грамматику, географию, Галлов[5], Адама и Еву, сплошные отрывки без связи и смысла. Это — *чистый бред*. Наши гимназии перед этим — *рай*. ВСЁ НАИЗУСТЬ.

Писать почти не успеваю, ибо весь день раздроблен — так же как мозги.

Кончаю большую семейную хронику дома Иловайских, *резюме* которой (система одна со школой!) пойдет в Совр⟨еменных⟩ Записках, т. е. один обглоданный костяк[6].

Вот моя жизнь, которая мне НЕ нравится!

Аля пытается устроить свои иллюстрации, дай Бог, чтобы удалось, дела очень плохие.

Мне нравится Ваше «неудержимо-старею», в этом больше разлету, чем в теннисовой ракетке, к которой ныне сведена молодость. Точно *Вы* «старость» оседлали, а не она Вас. Милая Саломея, разве Вы можете состариться?! И если бы Вы знали, как мне с «молодежью» скучно! И — глупо.

Обнимаю Вас, спасибо, — и, по системе Куэ[7]: — «Все хорошо, все хорошо, все хорошо».

МЦ.

111

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
6-го апреля 1934 г., Страстная пятница.

Христос Воскресе, дорогая Саломея!

(Как всегда — *опережаю* события и — как часто — начинаю со скобки.)

А Вы знаете, что у меня лежит (по крайней мере — лежало) к Вам неотправленное письмо, довольно давнишнее, сразу после моего Белого, сгоряча успеха[1] — и горечи, что Вас не было, т. е. сознания, что я утратила для Вас свой последний смысл.

Но так как основа моей *личной* природы — претерпевание, даже письма не отправила.

А сейчас пишу Вам, чтобы сердечно поблагодарить за коревую помощь, о которой мне только что сообщила Е. А. И⟨звольская⟩ — и окликнуть на Пасху — и немножко сообщить о себе.

Начнем с Мура, т. е. с радостного:

Учится блистательно (а ведь — французский самоучка! Никто слова не учил!) — умен — доброты (т. е. чувствительности: болевой) — средней,

---

* См. перевод на с. 130.

активист, философ, — я́ en beau et en gai*, я — без катастрофы. (Но, конечно, будет *своя*!) Очень одарен, но ничего от Wunderkind'а, никакого уродства, просто — высокая норма.

Сейчас коротко острижен и более чем когда-либо похож на Наполеона. Пастернак, которому я посылала карточку, так и пишет: — Твой Наполеонид[2].

С Алей — менее удачно: полная эмансипация, т. е. служба (у Гавронского-сына[3], между нами — задешево и на целый день, и, главное, после шести полных лет школы *рисования*!) — служба, ее изводящая: худоба, худосочие, малокровие, зевота, вялость, недосыпание, недоедание и, теперь, корь. Не-моя порода — ни в чем, сопротивление (пассивное) — во всем. *Очень* от нее терплю. Все это — между нами: слишком много будет злорадства. Главное же огорчение — ее здоровье: упорство в его явном, на глазах, разрушении. И — ничего не могу: должна *глядеть*. Много зла, конечно, сделали общие знакомые, годами ведшие подкоп. Но это, кажется — всегда. Вообще, все — всегда.

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ разрывается между *своей* страной — и семьей: я *твердо не* еду, а разорвать двадцатилетнюю совместность, даже с «новыми идеями» — трудно. Вот и рвется. Здоровье — среднее, т. е. все та же давняя болезнь печени. Но — скрипит.

А я очень постарела, милая Саломея, почти вся голова седая, вроде Веры Муромцевой[4], на которую, кстати, я лицом похожа, — и морда зеленая: в цвет глаз, никакого отличия, — и вообще — тьфу в зеркало, — но этим я совершенно не огорчаюсь, я и двадцати лет, с золотыми волосами и чудным румянцем — мало нравилась, а когда (волосами и румянцем: атрибутами) нравилась — обижалась, и даже оскорблялась и, даже, ругалась.

Просто — смотрю и вижу (и даже мало смотрю!)

Главная мечта — уехать куда-нибудь летом: четыре лета никуда не уезжали, Мур и я, а он — *так* заслужил. («Мама, почему мы ездили на́ море, когда я был ГРУДНОЙ ДУРАК?!»)

Со страстью читает огромные тома Франц⟨узской⟩ Революции Тьера[5] и сам, на собственные деньги (десять кровных франков) купил себе у старьевщика не менее огромного Мишлэ[6]. Так и живет, между Мишлэ и Ми́кэй[7].

Е. А. И⟨звольская⟩ пишет, что Ваша дочь выходит замуж[8]. Как все это молниеносно! Помните, ее розовые и голубые *толстые* доколенные платья, к⟨отор⟩ые потом носила Аля?

(Милая Саломея, не найдется ли для Али пальто или вообще чего-нибудь? Всякое даяние благо. Она теперь так худа, что влезет в Ваше, а ростом — с Вас, словом *живой С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩*. Если да́, она

---

* Из хороших и веселых *(фр.)*.

сама бы заехала, п. ч. скоро возвращается на службу и у нее там обеденный перерыв. Хорошо бы, напр⟨имер⟩, юбку. У нее — нет.)

Обнимаю Вас, милая Саломея, спасибо за память и помощь.

МЦ.

Мы опять куда-то переезжаем: куда?? (До 1-го июля — здесь.)

112

Дорогая Саломея!

Итак, будем у Вас, — Мур и я — в пятницу к 12 ч. 30 — 1 ч. А Аля, если разрешите, зайдет к Вам в другой раз, — мне гораздо приятнее повидаться с Вами наедине, вернее: приятность здесь ни при чем, а просто, когда два говорят (а говорить будем *мы*, п. ч. *мы*, Вы как и я, *не*-говорить не можем!) — итак, когда двое говорят, а третий слушает — нелепость. А Мур — не третий, п. ч. не только не слушает, но — не слышит: читает книжку или ест.

Итак, до послезавтра. Наконец.

Обнимаю Вас, люблю и радуюсь.

МЦ.

Среда, каж⟨ется⟩ 18-го апреля 1934 г.

Мур Вас помнит и тоже очень радуется.

113

Дорогая Саломея!

Огромное спасибо за терм и *смущенная* просьба: попытаться пристроить мне 5 билетов на мой вечер 1-го. Вещь (проза) называется:

Мать и Музыка[1].

Мне этот вечер необходим до зарезу, ибо вот уже четвертый месяц не зарабатываю ничем, а начались холода.

Мы переехали в *двухсотлетний* дом, чудный, но от природы, а м. б. старости — холодный. Пишу, дрожа, как Челюскинцы и их собаки[2].

Обнимаю Вас (ледяными руками) и горячо благодарю за все бывшее и... еще быть имеющее.

МЦ.

33, Rue Jean Baptiste Potin
Vanves (Seine)
18-го Окт⟨ября⟩ 1934 г.

Андроникова-Гальперн Саломея Николаевна* (Ивановна) (1888 — 1982) — «петербургская красавица», близкая знакомая многих известных русских поэтов и художников. В 1919 г. покинула Россию, жила в Париже, в начале 1937 г. переехала в Лондон.

* С. Андроникова сама взяла себе отчество «Николаевна».

Цветаева познакомилась с С. Н. Андрониковой-Гальперн в начале 1926 г. в Париже. «Эмигрантская моя жизнь освещена Цветаевой, встречами с нею,— рассказывала Саломея Николаевна.— Я сразу полюбила ее. Надо сказать, ее мало кто любил. Она как-то раздражала людей, даже доброжелательных. ⟨...⟩ Цветаева была умна, очень умна, бесконечно. ⟨...⟩ Говорила очень хорошо, живо, масса юмора, много смеялась. Умела отчеканить фразу. Не понимаю, как она могла не нравиться людям. ⟨...⟩

Никогда я не видела такой бедности, в какую попала Цветаева. Я же поступила работать к Вожелю в модный журнал, прилично зарабатывала, получала тысячу франков в месяц и могла давать Марине двести франков»* (Васильева Л. Альбион и тайна времени. М.: Современник, 1983. С. 222—223). К ним Андроникова-Гальперн прибавляла деньги, которые ей давали знакомые. Выплата «иждивения» продолжалась семь лет и прекратилась в 1934 г. Последняя встреча Цветаевой с Андрониковой-Гальперн состоялась в 1939 г., в конце мая, накануне отъезда Цветаевой в Россию. «Саломея Николаевна жила тогда уже в Англии и, приехав в очередной раз в Париж, попрощалась с Цветаевой. Они встретились в маленьком кафе на Сен-Жерменском бульваре, куда Марина Ивановна пришла с Муром». (Часть речи. Нью-Йорк. 1981/1982. № 2/3. С. 39.)

Сохранилось сто двадцать пять писем Цветаевой к С. Н. Андрониковой-Гальперн (оригиналы их находятся в РГАЛИ). Из них впервые были опубликованы: 70 и 79—Часть речи. Нью-Йорк. 1981/1982. № 2/3 (публикация В. Полухиной); 99—День поэзии. М.: Сов. писатель, 1980 (публикация Л. Васильевой); 1, 2, 9, 25, 49, 53, 61, 62, 65, 72, 73, 80, 86—88, 110—112 (часть из них с купюрами)—*Вестник РХД*, 1983, 138 (публикация Г. П. Струве). Двадцать писем впервые увидели свет в переводе на итальянский, выполненном С. Витале. (См.: Cvetaeva M. Desetri Luoghi. Lettere 1925—1941. Milano. Adelphi edizioni, 1989.)

В настоящем издании письма публикуются по хранящимся в архиве составителя копиям (часть из них—с оригиналов) ста тринадцати писем**.

1

[1] По-видимому, речь идет о предстоящем бракосочетании Андрониковой с А. Я. Гальперном, которое должно было вскоре состояться в Лондоне. (Для Андрониковой это был второй брак.) О А. Я. Гальперне см. комментарий 5 к письму 6.

[2] В Лондоне Цветаева была лишь один раз, с 10 по 25 марта 1926 г. (См. письма к П. П. Сувчинскому в т. 6.)

[3] Речь идет об иждивении, которое Цветаева получала из Чехословакии. (См. письма к В. Ф. Булгакову.)

[4] То есть редакторам журнала «Воля России» (см. письмо 19 к А. А. Тесковой в т. 6).

[5] Имеется в виду дневниковая проза Цветаевой «О Германии» (т. 4).

[6] Поэма «Лестница», завершенная 21 июля 1926 г. (т. 3).

[7] Первый номер «Верст» вышел в конце июня 1926 г. См. письма к П. П. Сувчинскому (т. 6).

[8] С большой степенью вероятности можно предположить, что приводимая цитата из Овидия в памяти Цветаевой восходит к сборнику С. Парнок «Стихотворения» (1916), где эта строка стоит эпиграфом к четвертому разделу сборника, а также завершает собой стихотворение «Если узнаешь, что ты другом упрямым

* В письме к Г. П. Струве от 27 сентября 1965 г. Андроникова-Гальперн называет другие цифры: заработок 1500 и 500—Цветаевой. (*Вестник РХД*, 1983, № 138. С. 165.) Эти суммы, по-видимому, относятся к 1933—1934 гг.

** Фрагмент еще одного письма приведен в комментариях к письму 56. Полным его текстом мы не располагаем.

отринут...» (*Звезда*. С. 34). Эта цитата из вступительного очерка Овидия к «Посланиям» (Овидий. Баллады-послания. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых. 1913. С. XIV (Пер. Ф. Ф. Зелинского).

[9] Речь идет о получении С. Я. Эфроном французской визы.

2

[1] *Jeune homme* — о какой книге идет речь, не установлено.

[2] Цикл из восьми стихотворений «Деревья» был напечатан в № 5 (1—3) и № 8/9 (4—8) «Воли России» за 1926 г. См. т. 2.

[3] *Чаплин* Чарлз Спенсер (1889—1977) — американский актер, кинорежиссер. Создал образ «маленького человека».

3

[1] Цветаева обыгрывает название повести О. Мандельштама «Шум времени». *...вспомните Мандельштама и Мирского* — см. письмо 5 к П. П. Сувчинскому и комментарии к нему (т. 6).

4

[1] Д. П. Святополк-Мирский.

6

[1] О ком идет речь, установить не удалось. Нам известно лишь, что в январе 1927 г. умерла маленькая дочь у сестры Д. П. Святополк-Мирского, Софьи Петровны.

[2] Цветаева намеревалась переехать на другую квартиру. Переезд на новую квартиру в Медоне состоялся через месяц.

[3] Вечер Цветаевой в студии Н. И. Бутковской состоялся в апреле. См. письмо 3 к В. А. Сувчинской и комментарий к нему.

[4] Союз молодых поэтов и писателей, организованный в Париже в начале 1925 г., регулярно проводил с тех пор свои вечера в помещении на rue Denfert Rochereau, 79. Именно здесь год назад, 6 февраля 1926 г., с триумфом прошел первый парижский вечер Цветаевой. Однако к концу 1926 г. многие русские писатели и поэты отвернулись от Цветаевой после публикации ее статьи «Поэт о критике» (см., например, письма 13 к Б. Л. Пастернаку (т. 6) и 12 к В. Ф. Булгакову и комментарии к ним) и участия в «держащем курс на СССР» евразийском журнале «Версты» (см. письма 22 и 25 к А. А. Тесковой в т. 6).

(СТАРШАЯ) группа — то есть писатели старшего поколения: И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, В. Ф. Ходасевич и др. «С самого начала Союз встретил дружественное отношение и поддержку со стороны „старшего поколения“ литераторов» — писал позже поэт и критик Юрий Константинович Терапиано (1892—1980), в то время Председатель Союза. (В его кн.: Литературная жизнь русского Парижа за полвека. 1924—1974. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 169.)

[5] Гальперн Александр Яковлевич (1879—1956) — известный адвокат, специалист по международному праву, работал для британского посольства в Петербурге, вел судебные дела многих английских и американских фирм, имевших свои отделения в России. После революции эмигрировал, обосновался в Лондоне, занимался адвокатской практикой. В 1926 г. получил высшее в Великобритании звание адвоката — барристер.

[6] Речь идет о Зинаиде Лазаревне Поляковой, дочери известного московского банкира. С семьей Поляковых была знакома М. А. Мейн, мать Цветаевой.

7

[1] См. комментарии 3 и 4 к предыдущему письму.

[2] Очерк «Твоя смерть» был закончен 27 февраля 1927 г. (См. т. 5.)

8

[1] *Шлецер* Борис Федорович (1881—1969)—музыкальный и литературный критик, переводчик. С 1921 г. в Париже. Сотрудничал в «Современных записках», с 1924 г. стал работать хроникером во французской прессе, в том числе в журнале «Nouvelle revue française». Цветаева надеялась устроить через него в журнал переводы на французский своих прозаических произведений.

[2] См. письма 6 и 11.

9

[1] 21—22 марта 1927 г. шанхайские рабочие, в очередной раз восставшие против властей (два предыдущих восстания были подавлены), захватили город, чем оказали помощь Национально-революционной армии коммунистического Китая.

10

[1] См. комментарий 1 к письму 25 к А. А. Тесковой (т. 6).

11

[1] По-видимому, речь идет о каком-либо художественном журнале с участием художников Н. Исцеленнова и его жены М. Лагорно. См. комментарий 6 к письму 5 к О. Е. Колбасиной-Черновой (т. 6).

12

[1] 25 апреля 1927 г.

[2] Речь идет о рукописи сборника стихов «После России».

13

[1] См. комментарий 2 к предыдущему письму.

14

[1] Датируется по содержанию.

[2] Поэма была закончена 24 июня 1927 г.

15

[1] В мае 1927 г. Горький пригласил к себе в Сорренто (Италия) А. И. Цветаеву, помог ей получить паспорт и деньги. Музей, где она работала, предоставил ей двухмесячный отпуск и поручил привезти проспекты и каталоги музеев Италии. (Подробнее см.: *А. Цветаева.* С. 644—700.)

16

[1] Датируется по содержанию и с учетом письма 10 к В. Б. Сосинскому.

[2] Слова старинной застольной песни. Ср. в указанном письме к В. Б. Сосинскому: «...в моей комнате живет Сережин приятель...» и т. д.

17

[1] См. комментарий 4 к письму 56 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] То есть в тетрадь с рукописью драмы «Федра». «Миртовый куст», «миртовый сук», «мирт» — слова, встречающиеся на протяжении всей пьесы.

[3] «После России».

18

[1] «Запах железнодорожной гари, крик поездов. Дорожная лихорадка. Узкое лицо Сережи, его поднятая над головой шляпа, свет его огромных добрых глаз. Улыбка. Высокий его силуэт. Рядом, ниже, — Р⟨одзевич⟩. Он в последнюю минуту поспел к поезду, привез мне от Марины — письмо! ⟨...⟩ «Милая Ася... — Строчки прыгают... — когда вы ушли, я долго стояла у окна. Все ждала, что еще увижу Тебя, на повороте, — вы *должны* были там — мелькнуть. Но вы, верно, пошли *другой* дорогой!... Бродила по дому, проливая скудные старческие слезы... *Твоя М. Ц.*» Знакомый характерный завиток нашего «Ц» — и пустой низ листка». (*А. Цветаева.* С. 700.)

[2] Прокофьев С. С. — см. комментарий к дневниковой записи от 27 января 1941 г. в т. 4.

[3] Дочь С. Н. Андрониковой-Гальперн от первого брака, Ирина Павловна Андреева.

[4] А. Эфрон 18 сентября исполнилось 15 лет.

19

[1] Правильно — 8 октября. Согласно правилам, к датам прошлого века прибавляется 12 дней. Разница в 1 день у Цветаевой образовалась, скорее всего, из-за того, что к датам церковных праздников (она родилась в день Иоанна Богослова), отмечавшихся в начале века по старому стилю, при переходе на новый стиль прибавлялось 13 дней.

[2] Речь идет, вероятнее всего, о Поле Элюаре (1895—1952). К 1927 г. у него вышли семь поэтических сборников. Некоторые из них были украшены иллюстрациями таких мастеров, как примыкавший в то время к кубистам французский художник Андре Лот (1885—1961) и немецкий художник-сюрреалист Макс Эрнст (1895—1952). Известно, что еще в 1917 г. Элюар послал Цветаевой один из первых экземпляров своего сборника «Долг и тревога» (1917) с дарственной надписью. (Элюар П. Стихи. М.: Наука, 1971. С. 372.)

[3] Первое отдельное издание поэмы Б. Пастернака «1905 год» (М.; Л.: ГИЗ, 1927).

22

[1] То есть покрытого струпьями, как библейского пророка Иова, веру которого Бог испытывал страданиями.

[2] Доклад проф. Н. Н. Алексеева (о нем см. комментарий 5 к письму 35 к А. А. Тесковой в т. 6) «Идеократия и евразийский отбор» состоялся на заседании парижской группы евразийцев 10 января 1928 г. (Salle de la Société de Géographie, 184, boulevard Saint-Germain).

[3] 11 января на литературно-общественном собрании, устраиваемом редакцией журнала «Воля России», Марк Слоним прочел доклад «Молодые русские писатели за рубежом» (Taverne Dumesnil, 73, boulevard Montparnasse).

23

[1] С. Я. Эфрон подрабатывал на киностудии в качестве статиста.

[2] Имеется в виду поэма «Егорушка», начатая еще в России. (См. т. 3.) См. также письмо 25.

[3] *Шишков* Вячеслав Яковлевич (1873—1945)—русский советский писатель. Сборник его рассказов «Бисерная рожа» вышел в 1927 г. в издательстве «Земля и фабрика» (Библиотека сатиры и юмора).

24

[1] Об условиях подписки на сборник М. Цветаевой «После России» см. письма 4 к Л. О. Пастернаку и 31 к А. А. Тесковой (т. 6).

25

[1] Имеется в виду статья русского советского литературоведа Дмитрия Александровича Горбова (1894—1967) «10 лет литературы за рубежом» (Печать и революция. 1927. № 8. С. 9—35). Наряду с признанием у Цветаевой богатства поэтических форм и ритмов, выразительности, силы художественных средств (все на примере «Поэмы Горы» и «Крысолова») критик усмотрел в ее творчестве отсутствие «корней», «мелочность тем», «непонимание революции». Горбов определил Цветаеву как «художника малой мысли».

[2] На статью Д. А. Горбова язвительно откликнулся в своей «Литературной летописи» Гулливер (В. Ф. Ходасевич): «Он (Д. А. Горбов.—*Ред.*)—правоверный коммунист (из недавних), а потому его выводы и оценки известны заранее, ибо декретированы сверху 〈...〉 Есть, однако, два писателя, для которых не все еще потеряно. Это Ремизов и Цветаева, «поэт большого творческого темперамента», но «малой мысли». (Возрождение. 1928. 9 февраля.)

[3] См. письмо 3 к А. И. Цветаевой и комментарий 7 к нему (т. 6).

26

[1] Роман Пруста «По направлению к Свану», открывающий его цикл романов «В поисках утраченного времени». См. также письмо 60 и комментарий 2 к нему.

[2] «Федра» была сдана в «Современные записки» и опубликована под названием «Тезей. Трилогия. Часть вторая» в № 36, 37 за 1928 г. (См. также т. 3.)

28

[1] На вечере 17 июня 1928 г. (38, boulevard Raspail) Цветаева читала свои последние произведения. Со вступительным словом о творчестве Цветаевой выступил Марк Слоним. О подготовке вечера см. также письма 3 и 5 к В. Н. Буниной и письмо 3 к А. И. Цветаевой (т. 6).

[2] *Фернандес* Рамон (1894—1944)—французский поэт и прозаик мексиканского происхождения. Опубликовал в «Верстах» (1927, № 2) «Заметки о современной французской литературе» *(пер. с фр. Д. П. Святополк-Мирского).*

[3] *Алексинский И. П.,* хирург.

29

[1] См. письма к ней.

[2] Эренбург Любовь Михайловна.

[3] Речь идет о вечере А. М. Ремизова в Русском клубе 25 апреля 1928 г. См. письмо 5 к Н. П. Гронскому и комментарии 1 и 2 к нему.

[4] Вечер Рощина 13 июня также состоялся в Русском клубе. *Рощин Н.* (настоящие фамилия и имя: Николай Яковлевич Федоров; 1896—1956)—писатель, в эмиграции был близок к И. А. Бунину. В 1946 г. вернулся в Россию. *Рощина-Инсарова* (настоящая фамилия Пашенная) Екатерина Николаевна (1883—1970)—артистка, до революции играла в Малом театре. *Кошиц* Нина Павловна (1888—1965)—оперная певица, пела в Мариинском театре. Однако, как следует из программы вечера, ни Кошиц, ни Дон-Аминадо участия в нем не принимали. Были заявлены Саша Черный, балерина Ольга Преображенская (1871—1962), композитор Н. Н. Черепнин и др. (La via culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920—1930). Paris, 1971. С. 193.)

[5] Правильно: *Фондаминская* (урожденная Гавронская) Амалия Осиповна (ум. в 1935)—жена соредактора «Современных записок» И. И. Бунакова (Фондаминского).

[6] Речь идет о только что вышедшей книге М. Цветаевой «После России».

[7] *Поволоцкий Я. Е.* (1882—1945)—издатель, владелец небольшого издательства и книжного склада (13, rue Bonaparte).

[8] Сто экземпляров тиража «После России», отпечатанные на улучшенной бумаге, по условиям издания книги, были подписаны автором.

[9] Возможно, сравнение связано со стихотворением А. И. Полежаева (1804—1838) «Тюрьма», герой которого («мо́лодец») погружен в «грусть нестерпимую».

[10] После своего вечера Цветаева подписала Д. П. Святополк-Мирскому экземпляр книги «После России» (см. предыдущее письмо): «Дорогому другу Димитрию Петровичу Святополк-Мирскому, на память о то́м Вилетте, то́м Лондоне, то́й Вандее—Марина Цветаева. Медон, 17-го июня 1928 г.» (*Труды симпозиума в Лозанне*. С. 201).

30

[1] Речь идет о спектакле «Чудо Святого Антония» Московского театра имени Вахтангова, который находился в те дни в Париже на гастролях.

32

[1] На место летнего отдыха: Понтайяк (около Руайяна, департамент Жиронда), на берегу Бискайского залива.

33

[1] *Карсавины:* Карсавин Л. П.—см. письмо к П. П. Сувчинскому и Л. П. Карсавину; Карсавина (урожденная Кузнецова) Лидия Николаевна (1881—1961)—преподавательница, жена Л. П. Карсавина; их дочери—Ирина, Марианна, Сусанна.

[2] Речь идет об участии С. Я. Эфрона в редколлегии будущего еженедельника «Евразия». Первый номер вышел 24 ноября 1928 г. (Всего за 1928—1929 гг.—35 номеров.)

45

[1] Датируется по содержанию.

[2] В начале 1929 г. в евразийском движении произошел раскол, получивший название «кламарского». Одним из его проявлений стала выпущенная в Париже

Н. Н. Алексеевым, В. Н. Ильиным и П. Н. Савицким брошюра «О газете «Евразия» (газета «Евразия» не есть евразийский орган)». По их мнению, передовые статьи газеты защищали марксизм, а некоторые положения учения их авторы использовали в построении своих идеологических конструкций. По мнению Алексеева, в «антиевразийской» газете «Евразия» коммунизм был отождествлен с «общим делом» (его статья «О газете «Евразия», указанная брошюра, с. 18). Брошюра была разослана всем абонентам «Евразии».

Девять сотрудников «Евразии» во главе с П. Н. Савицким заявили о своем выходе из газеты (Последние новости. 1929. 20 января). «Облик отколовшейся фракции — бледен. Пока — это отбор по отрицательному признаку: только своим разрывом с газетой «Евразия» отколовшиеся и связаны». (К. Е‹лита›-В‹ильчковский›. «Эмигрантика». — Оповещение Союза младороссов. Париж. 1929. № 5—6. С. 69—70.) Подробнее см.: Шевеленко И. Д. К истории евразийского раскола 1929 года//Themes and Variations. In Honor of Lazar Fleishman (Темы и вариации. Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана). Stanford, 1994. P. 376—416.

46

[1] Вступление «Несколько писем Райнер Мария Рильке» и подборка «Из писем Райнер Мария Рильке» (шесть писем). См. т. 5.

[2] Очерк «Наталья Гончарова» (т. 4).

48

[1] См. следующее письмо, а также комментарий к письму 45 к А. А. Тесковой (т. 6).

49

[1] Можно предположить, что речь идет или о *Федорове* Александре Митрофановиче (1868—1949) — поэте, прозаике (с 1920 г. в эмиграции) или *Федорове* Василии Георгиевиче (1895—?) — поэте, беллетристе (жил в Праге); его повесть «Финтифлюшки» была напечатана в четырех номерах (№ 3—6) «Воли России» за 1928 г. (см. следующее письмо и письмо 53).

[2] *Манциарли* Ирма Владимировна, де — теософ, журналист, редактор. Участвовала в издании журнала «Числа».

[3] *Метэк* (метек) — чужеземец, человек без прав (греч.).

[4] См. комментарий 2 к письму 60.

[5] О ком пишет Цветаева, установить не удалось.

[6] См. предыдущее письмо, а также комментарий к письму 45 к А. А. Тесковой (т. 6).

[7] По-видимому, речь идет о «Записках» П. Н. Врангеля, опубликованных в берлинском сборнике «Белое дело», 1928, № 5, 6.

50

[1] Имеется в виду газета «Евразия», выходившая ранее раз в неделю.

[2] Балет «Блудный сын», одна из последних постановок С. П. Дягилева. Музыка С. С. Прокофьева, либретто Бориса Кохно (1904—1990), декорации и костюмы французского художника Жоржа Руо (1871—1958).

«Прекрасная декорация... На темном фоне очертания города, море, несколько парусов. Упрощение до последней степени, а глубина красок вызывает впечатление сочной роскоши. Благородная скупость средств... Музыка Прокофьева очень динамична, психологически могуча, не будучи «танцевальна», она тем не менее ложится под пластическое толкование», — писал о «Блудном сыне» С. М. Волконский в статье «Открытие Дягилевских балетов» (Последние новости. 1929. 25 мая). Премьера «Блудного сына» состоялась 21 мая в театре Сары Бернар (Place Châthelet). Второй (и последний) раз балет был показан 23 мая.

[3] См., например, стихотворения М. Цветаевой «Я берег покидал туманный Альбиона...», «По холмам — круглым и смуглым...» и др.

[4] *Калин* Анна Самойловна (1896—1984) — гимназическая подруга сестер Цветаевых, дочь меховщика, жившего в Москве, затем в Германии. С приходом Гитлера к власти семья Калин эмигрировала в Англию. В Лондоне А. С. Калин работала на радио Би-Би-Си. Была дружна с С. Н. Андрониковой-Гальперн до самых ее последних дней. Марина Цветаева в своем «Вечернем альбоме» посвятила Анне Калин акростих «Акварель». (См. т. 1.)

[5] См. комментарий 1 к предыдущему письму.

52

[1] Поездка в горы не состоялась. См. следующее письмо.

[2] Имеется в виду *Вырубов* Василий Васильевич (1879—1963) — земский деятель, председатель Особого комитета по объединению общественных организаций во время гражданской войны. В Париже принимал участие в деятельности Общества охранения культурных ценностей. Современники отмечали его увлекательные рассказы о прошлом. (Наше наследие. 1993. № 28. С. 107.) С. Н. Андроникова-Гальперн была хорошо с ним знакома. Сын В. В. Вырубова, Николай, какое-то время жил в доме Саломеи Николаевны (там же. С. 107—108).

[3] Речь идет о «Поэме о Царской Семье» (см. т. 3).

[4] Вырубова А. А. См. комментарий к «Поэме о Царской Семье» (т. 3).

53

[1] *Шкапская* (урожденная Андреевская) Мария Михайловна (1891—1952) — поэтесса, впоследствии стала писать очерки.

[2] *Вертхейм* — правильно: *Вертхеймер* Макс (1880—1943) — немецкий психолог.

[3] «Темы стихов Марии Шкапской в основном ограничены кругом переживаний жены-любовницы-матери. Любовь, зачатие, беременность, аборт, смерть ребенка, ревность — «женская Голгофа»...» — писал о поэзии Шкапской критик Борис Филиппов (*Вестник РХД*, 1971, № 100. С. 274).

[4] Место под Брюсселем, где в 1815 г. была разгромлена армия Наполеона.

[5] Речь идет о рукописи И. В. Степанова «Лазарет Ея Величества», которую Цветаева очень ценила и безуспешно пыталась устроить в печать. (Коркина Е. Поэма о Царской Семье. — В сб.: Марина Цветаева. Статьи и тексты. Wien, 1992. С. 189.)

[6] В книге С. П. Белецкого (1873—1918) «Григорий Распутин» (Из записок) (Пг., «Былое», 1923) в качестве приложения приведена запись иеромонаха Илиодора (Сергея Труфанова) «Гриша». Эта запись 1912 г. является первоначальным наброском известного очерка Илиодора «Святой черт», опубликованного в журнале «Голос минувшего» (Спб. 1917. № 3). (Там же.)

[7] *Ремарк* Эрих Мария (1898—1970) — немецкий писатель. Его роман «На Западном фронте без перемен» вышел в 1929 г. и сразу же был переведен на французский и русский языки.

[8] *Кускова* (во втором браке — Прокопович) Екатерина Дмитриевна (1869—1958) — общественно-политический деятель, публицист. В 1922 г. выслана из СССР. В своей статье «Коварные вопросы» (Последние новости. 1929. 20 августа), говоря о «евразийских бреднях об особой культуре востока Европы», Кускова описала случай на Камчатке, где трое эскимосов обратились за разрешением к председателю ревкома убить свою тетку-старуху, «которая уже не могла нести никакой работы». При этом было подчеркнуто, что «содержание просьбы — евразийское». В рубрике «Эмигрантика» в газете «Евразия» (1929. № 35. 7 сентября) С. Я. Эфрон (анонимно) в заметке «Простой ответ на «коварный вопрос» возразил Кусковой: «Кускова решила приписать евразийству столь кровожадные намерения...» и т. д.

54

[1] Але в этот день исполнилось 17 лет; в 1912 г. М. Цветаевой было 20 лет.

55

[1] По-видимому, Цветаева имеет в виду возобновление у мужа старого легочного процесса.

56

[1] 10-го октября 1929 г. Цветаева писала тому же адресату:

«Дорогая Саломея! 16-го я уезжаю в Брюссель, где у меня вечер. 〈...〉 Из Брюсселя напишу Вам, еду на неделю.

〈...〉 Целую Вас.

МЦ.

Видела Слонима и *беседовала* с ним о Фернандэзе* (Рамоне?)».

О брюссельском вечере Цветаевой 20 октября 1929 г. см. письмо 49 к А. А. Тесковой (т. 6).

58

[1] См. комментарий 2 к письму 28.

60

[1] См. комментарий к письму 54.

[2] В 1929 г. группой русских литераторов (инициатор — В. Фохт) и их французскими коллегами была организована Франко-русская студия, в рамках которой проводились публичные собрания (собеседования), посвященные русской и французской литературе и их взаимосвязям. Каждое собрание открывалось двумя содокл ами, с русской и французской стороны, затем присутствующим предоставлялось слово для обсуждения. Стенограммы собраний публиковались в журнале «Двухнедельные тетради» («Cahiers de la quinzaine»). На первом собрании (30 апреля 1929 г.) были представлены писатели, согласившиеся участвовать в собеседованиях. О русских писателях, в том числе Цветаевой, рассказал В. Фохт. В течение 1929—1930 гг. Франко-русской студией было проведено более 10 встреч («Достоевский в представлении наших современников», «Творчество и влияние Андре Жида», «Лев Толстой», «Роман после 1918 года», «О взаимном влиянии французской и русской литератур» и др.).

Собрание, посвященное Марселю Прусту, состоялось 25 февраля 1930 г. (зал «Musée Social», 5 rue Las-Cases). Со вступительным словом о М. Прусте и его творчестве с «французской» точки зрения выступил Роберт Оннерт. «Русскую» точку зрения представлял религиозный философ Борис Петрович Вышеславцев (1877—1954). Докладчик отметил «близость Пруста к русской эстетически настроенной интеллигенции довоенного времени», но вместе с тем, сравнивая его с Толстым и Достоевским, определил Пруста, как писателя некоей «средней сферы», не испытавшего удара революции, никогда не доходящего в своем анализе до глубины «я», до «сокровенного сердца человека», не стоящего перед пределами небытия или вечности, но остающегося в своем анализе на психологической поверхности и устремленного только к прошлому, а не к будущему — писателя, регистрирующего жизнь, благодаря своей исключительной и чисто эмоциональной памяти, как документальный и импрессионистический фильм». «Пруст остается нечувствительным к объективной трагедии человечества», — как бы подвел итог своему выступлению Б. П. Вышеславцев. (Россия и Славянство. Париж. 1930. 22 марта. С. 6.)

---

* См. комментарий 2 к письму 28.

В прениях по докладу Цветаева выступила с резкими возражениями:

«Я бы хотела ответить моему соотечественнику Господину Вышеславцеву.

Когда он говорит о том, что он называет «маленький мирок» Пруста, Г⟨осподин⟩ Вышеславцев забывает, что не бывает «маленьких мирков», бывают только маленькие глазки.

Что касается отсутствия больших проблем — искусство заключается не в том, чтобы ставить их, а в том, чтобы уметь давать на них большие ответы. Весь Пруст и есть ответ — откровение.

По поводу цитаты «дар видеть поверхность вещей», я бы сказала: «скорбь вещей».

Сравнивая Пруста с поколением довоенных русских, Г⟨осподин⟩ Вышеславцев забывает о том, что пить чай, спать днем, а ночью гулять — все это с искусством не имеет ничего общего. Иначе все мы были бы Прустами.

Большое достижение Пруста заключается в том, что он обрел жизнь свою в писании, тогда как поколение довоенных русских растратило ее в разговорах.

Кроме того, меня лично удручает банальность примеров, приведенных Господином Вышеславцевым. Каждый из нас, хоть раз в жизни, наслаждался запахом хороших духов или красотой осеннего вечера. По отношению к Прусту он мог бы и даже должен был выбрать что-нибудь получше». (Cahiers de la quinzaine, XX-éme série, 5, Paris, 1930, 25 février. С. 50—51. Пер. с фр. В. Лосской.)

В обмене мнениями приняли участие Бенжамен Кремье, Ренэ Лалу, Марсель Пеги, Н. Д. Городецкая, Жан Максанс, Ю. Л. Сазонова.

[3] Имеется в виду Б. К. Зайцев (в числе приглашенных на собрание был также его однофамилец — Зайцев Константин Иосифович (в монашестве — архимандрит Константин; 1887—1975), литературный критик, богослов).

61

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Дю Босс* (Du Bos) Шарль (1882—1939) — французский писатель, автор многочисленных критических статей и этюдов. Высоко ценил русскую литературу, написал эссе о Толстом и о Чехове. «Дю Босс был очень оригинальный человек, не похожий на среднефранцузский тип. Он не был человеком нашего времени, он был человеком романтического века. У него был романтический культ дружбы... В нем была большая чистота и благородство, настоящий духовный аристократизм... Это был фанатик великой культуры и ее творцов» — писал о нем Бердяев. (Bulletin de l'Association Nicolas Berdiaev. Paris. 1975. № 4. С. 16, 18.)

[3] О переводе Цветаевой своего «Мóлодца» на французский см. письма 70—72, а также письмо 52 к А. А. Тесковой (т. 6) и письма к Р. Н. Ломоносовой.

62

[1] Речь идет об А. Броуне. См. письмо 7 к Р. Н. Ломоносовой и комментарий 2 к нему.

[2] Первый сборник *«Числа»*, который вышел в Париже под ред. И. В. де Манциарли и Н. А. Оцупа. (Всего за период 1930—1934 гг. появилось десять номеров сборника.)

[3] Под названием «Нереида» было напечатано в сдвоенном номере № 2/3 «Чисел» стихотворение Цветаевой «Наяда». (См. т. 2.)

[4] *Краусс* Вернер (1884—1959) — немецкий актер театра и кино. Речь идет о фильме немецкого режиссера Лупу Пика (1886—1931) «Наполеон на Святой Елене» (1929).

[5] Из басни французского писателя Жана Лафонтена (1621—1695) «La cigale» («Цикада»).

63

[1] Билеты на вечер 26 апреля 1930 г. («Вечер Романтики»). См. о нем комментарий 1 к письму 52 к А. А. Тесковой (т. 6).

65

[1] Ср. с картиной «Лесная пещера» из первой части «Фауста».
[2] См. следующее письмо и комментарий 2 к письму 55 к А. А. Тесковой (т. 6).

68

[1] *14-е июля* — штурм восставшим народом крепости Бастилия (Париж) 14 июля 1789 г. явился началом Великой французской революции, этот день отмечается с 1880 г. как национальный праздник Франции (нерабочий день).

69

[1] Датируется по содержанию.
[2] Цикл стихов «Маяковскому», написанный на кончину поэта, был опубликован в «Воле России» (1930, № 11/12). См. т. 2.
[3] *Mireille* — поэма Ф. Мистраля «Мирей», написанная на материалах фольклорных сказаний (1859). О Ф. Мистрале см. также письмо 111 к А. А. Тесковой (т. 6).
[4] Роман Жермены де Сталь «Коринна, или Италия». См. также письмо 9 к Е. Я. Эфрон (т. 6).
[5] Речь идет о старшей сестре Д. П. Святополк-Мирского — Софье Петровне (по мужу — Похитоновой; 1887 — ок. 1978). После войны вернулась в Россию.
[6] Речь идет о Татьяне Алексеевне Яковлевой (1906 — 1991), с которой Маяковский познакомился в октябре 1928 г. во время своего пребывания в Париже. (Подробнее см.: «...Здесь нет людей его масштаба...» Письма Т. Яковлевой в Россию. — *ЛО*. 1993. № 6. С. 46 — 54.)

23 декабря 1929 г. в Париже состоялось венчание Т. А. Яковлевой и виконта Бертрана дю Плесси, коммерческого атташе французского посольства в Варшаве. Б. дю Плесси погиб в 1941 г. на фронте.

70

[1] Стихотворение «Советским вельможей...», входящее в цикл «Маяковскому». См. комментарий 2 к предыдущему письму.
[2] *Оцуп* Николай Авдеевич (1894 — 1958) — поэт, критик. В эмиграции с 1922 г. Основал журнал «Числа» (см. комментарий 2 к письму 62).
[3] *Цейтлин* — правильно: Цетлин (псевдоним — Амари). См. письма к М. С. Цетлиной и комментарии к ним в т. 6.
[4] Город в Альпах, горный курорт.

72

[1] «Новая газета: Двухнедельник литературы и культуры». Париж, 1 марта — 1 мая 1931 г., № 1 — 5. Редактор — М. Л. Слоним.
[2] О статье «О новой русской детской книге» (т. 5) см. письмо 56 к А. А. Тесковой (в т. 6) и письмо 14 к Р. Н. Ломоносовой. *Ладинский* Антонин Петрович (1896 — 1961) — поэт и прозаик, реэмигрант (с 1955 г.). В «Новой газете» (№ 1) было опубликовано его стихотворение «Среди кузин и теток...» (1931), а также рецензия В. Варшавского на первую книгу его стихов «Черное и голубое» (1930).
[3] См. письмо 56 к А. А. Тесковой и комментарий 4 к нему (т. 6).
[4] См. там же.
[5] *Челпанова* (у Цветаевой описка) Наталья Георгиевна, жена Б. Парэна, художница-иллюстратор.
[6] См. письмо к И. Северянину и комментарии к нему.

73

[1] По-видимому, речь идет о возможности напечатать «Перекоп» в газете «Россия и Славянство» (см. письмо 58 к А. А. Тесковой в т. 6 и письмо 15 к Р. Н. Ломоносовой). Однако публикация поэмы не состоялась.

[2] О публикации отрывка из французского «Мо́лодца» («Le Gars») см. комментарий к письму 45 к Н. П. Гронскому.

[3] Возможно, имя издателя.

74

[1] См. комментарий 4 к письму 50.

76

[1] Е. А. Извольская уезжала в Японию, к жениху. Вскоре вернулась во Францию. См. также очерк «История одного посвящения» (т. 4).

78

[1] О вечере М. Цветаевой 30 мая 1931 г. (зал «Эвритмия», 6-bis, rue Campagne-Première) см. письма 79 и 80.

79

[1] *Извольский* Александр Петрович (1856—1919)—дипломат, посол России во Франции (1910—1917). Его вдова, Маргарита Карловна (урожденная баронесса Толль; ум. в 1942 г. в Америке). Родители Е. А. Извольской.

[2] Очерк «История одного посвящения» и комментарии к нему см. в т. 4.

[3] Георгий Иванов. См. письмо 80.

80

[1] «История одного посвящения» при жизни Цветаевой опубликована не была. «Воля России» прекратила свое существование в начале 1932 г. О несостоявшейся публикации очерка см. также у М. Л. Слонима (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 335—336).

[2] «Никто ничего не отнял!..», «Собирая любимых в путь...», «Ты запрокидываешь голову...», «Откуда такая нежность?..» и др. (т. 1).

[3] Часть беллетризованных мемуарных очерков, написанных Г. В. Ивановым в 1920-е годы, составила книгу «Петербургские зимы», которая вышла в 1928 г. (Париж, изд-во «Родник»). Глава в книге, посвященная Мандельштаму, гораздо в меньшей степени беллетризована, чем поздний очерк «Китайские тени» (Последние новости. 1930. 22 февраля), вызвавший резкую критику Цветаевой.

[4] Однако в своем отзыве о вечере М. Цветаевой Адамович не удержался, чтобы не упрекнуть ее в «мелочности», излишнем «полемическом задоре» (Иллюстрированная Россия. Париж. 1931. № 26. С. 13).

[5] *Персефона*, богиня царства мертвых, дочь богини Деметры, часть года могла жить на земле, а остальное время вынуждена была находиться в подземном царстве (греч. миф.).

82

[1] См. комментарий 3 к письму 73.

[2] См. письмо 21 к Р. Н. Ломоносовой и комментарий 5 к нему.

83

[1] См. комментарий 2 к предыдущему письму.

[2] Из стихотворения А. Ахматовой «Я улыбаться перестала...» (1915).

84

[1] Город на реке Роне, к югу от Лиона.

85

[1] В ответном письме от 2 сентября 1931 г. С. Н. Андроникова-Гальперн, только что вернувшаяся из Швейцарии, писала: «Что значит фраза о Мирском? Женился? На Вере 〈Сувчинской〉?» (Мир Пастернака. М.: Сов. художник, 1989. С. 167). См. также письма 86 и 88.

86

[1] В уже упомянутом письме, написанном на двух открытках (на одной — фотография церкви в местечке Рарон в Швейцарии, где похоронен Рильке, на другой — фотография его могилы), С. Н. Андроникова-Гальперн сообщала: «О Вас же думала в поездке, как видите: была на могиле Рильке и посылаю Вам снимок церкви, у кот〈орой〉 он похоронен, могилу и цветы с могилы, кот〈орые〉 сорвала для Вас». (Там же. С. 167.)

[2] Перевод надписи на французский принадлежит, по-видимому, самой М. Цветаевой.

[3] См. следующее письмо.

[4] См. комментарий 1 к письму 80.

[5] Речь, вероятно, идет о статье Д. П. Святополк-Мирского «Histoire d'une emancipation» («История одной эмансипации»), опубликованной в № 37 «Nouvelle Revue Française» (Париж. 1931. С. 384—397). В статье автор предлагал для более глубокого проникновения в суть произведения, будь то театр, кино или поэзия, использовать учение марксизма.

[6] В. А. Сувчинская. См. также письмо 88.

87

[1] *Синезубов* Николай Владимирович (1891—1948) — художник, график, заметная фигура в художественной жизни России конца 1910—1920-х годов. Входил в группу художников «Маковец» (1921—1926). (Подробнее см.: Берман Б. Николай Синезубов. — Творчество. 1981. № 11. С. 17—19).

[2] О Т. Ф. Скрябиной см. стихотворение «Бессонница! Друг мой...» и комментарий к нему (т. 1).

[3] См. комментарий 1 к письму 8.

88

[1] Из стихотворения А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834).

[2] *Терм* — ежеквартальная квартирная плата.

[3] *Мочульский* Константин Васильевич (1892—1948) — литературовед, автор монографий о Блоке, Белом, Брюсове, Достоевском.

[4] См. письмо к Ж. Шюзевилю и комментарии к нему.

[5] Начальная строка стихотворения А. С. Пушкина «Вурдалак» («Песни западных славян», 1834).

[6] Вожель. См. письмо 90 и комментарий 1 к нему.

90

[1] *Вожель (Vogel)* Люсьен — редактор журнала «Vu» («Vu et Lu»), в котором сотрудничала С. Н. Андроникова-Гальперн, по всей вероятности, имел связи с посольством.

[2] «Искусство при свете совести» (см. т. 5, а также письма 91 и 92).

91

[1] Хлопоты по продлению визы Н. В. Синезубову увенчались успехом. См. предыдущие письма.

[2] См. предыдущее письмо.

[3] Речь идет о А. А. Чаброве (Подгаецком). О нем см. комментарий к поэме «Переулочки» (т. 3).

93

[1] Датируется по содержанию.

[2] *...сербы* — белградский журнал «Руски архив». Часть статьи «Искусство при свете совести» была опубликована в № 16/17 журнала за 1932 г. (под названием «Поэт и Время»), другая часть (под своим названием) — в № 18/19 за тот же год. См. также т. 5.

95

[1] *Мартен дю Гар Роже* (1881 — 1958) — французский писатель, автор известной хроники «Семья Тибо».

96

[1] С этим докладом Цветаева уже выступила 21 января 1932 г. в Париже. См. письмо 64 к А. А. Тесковой и комментарий 6 к нему (т. 6).

[2] См. также письмо 65 к А. А. Тесковой (т. 6).

97

[1] В «Воле России» готовилась публикация статьи «Поэт и время». Была напечатана в № 1/3 за 1932 г. На этом выпуске существование журнала прекратилось.

[2] См. комментарий 2 к письму 93.

98

[1] Доклад Цветаевой «Искусство при свете совести» состоялся 26 мая 1932 г. в Доме Мютюалите (24, rue Saint-Victor). Содержание доклада: «Искусство есть та же природа. — Бесцельность, внеправственность и безответственность искусства. — Пушкинский гимн Чуме. — Поход Толстого на искусство. — Гоголь, жгущий Мертвые Души. — Поэт — орудие стихий. — Какова правда поэтов. — Состояние творчества есть состояние наваждения. — Кого, за что и кому судить. — Заключение». (См. «Искусство при свете совести», т. 5.) В качестве оппонентов были приглашены: Г. Адамович, Вадим Андреев, К. Бальмонт, кн. С. Волконский,

Е. Зноско-Боровский, Н. Оцуп, М. Слоним, В. Сосинский, Г. Федотов, А. Эйснер. (Последние новости. 1932. 22 мая.)

99

[1] На тему «Сон в жизни и творчестве М. Цветаевой» см. статью Е. О. Айзенштейн в сб.: Цветаева М. Статьи и тексты. Wien, 1992. (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 32.) С. 121—134.

[2] Ср. стихотворение О. Мандельштама «Соломинка» (1916), обращенное к С. Н. Андрониковой-Гальперн. (Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. С. 110—111.)

[3] В своей статье «Стихи» Адамович писал: «Авторы... больше не знают и не понимают, как надо писать. Но как писать не надо—это они знают, чувствуют и понимают отлично... ⟨...⟩ Случается, им указывают, с упреком и укором: «вот Марина Цветаева, например, вот поэт Божьею милостью: Сила, страсть, напор, новизна!» Они глядят на Марину Цветаеву, но остаются при прежнем своем недоумении: нет, так нельзя писать, это-то уж ни в каком случае не путь... Поклонники Цветаевой, конечно, немедленно спрашивают, с заранее торжествующей запальчивостью: скажите, а как же «надо»?—«Не знаем. Но, наверно, не так: это не выход. Лучше молчание». (Последние новости. 1932. 11 августа.)

[4] Цитата из главы «Правда поэтов» статьи «Искусство при свете совести» (т. 5).

[5] Письмо написано на бланках, имеющих в верхнем правом углу надпись: «3. VILLA THEODORE DECK. XV». *Villa Theodore Deck*—маленькая улица в 15-м районе Парижа.

100

[1] О вечере, посвященном М. Волошину, см. следующее письмо и письмо 66 к А. А. Тесковой и комментарий 3 к нему (т. 6).

101

[1] Лицо неустановленное.

102

[1] Датируется по содержанию.

[2] Вечер Цветаевой «Детские и юношеские стихи» состоялся 29 декабря 1932 г. в Доме Мютюалите (24, rue Saint-Victor). Его краткое содержание: Мои детские стихи о детях.—Мои детские революционные стихи.—Гимназические стихи.—Юношеские стихи. (Последние новости. 1932. 29 декабря.)

103

[1] Опубликовано в журнале «Новый град» (Париж. 1933. № 6, 7). См. т. 5.

[2] Имеется в виду переведенная Цветаевой на французский язык собственная вещь «Флорентийские ночи» («Девять писем, с десятым невозвращенным и одиннадцатым полученным и Послесловием»). При жизни поэта опубликована не была. (См. т. 5, а также письмо 67 к А. А. Тесковой в т. 6.)

[3] Опубликовано в журнале «Современные записки» (1933, № 52, 53). См. т. 4.

[4] Был ли осуществлен Цветаевой перевод какой-либо статьи Н. А. Бердяева, неизвестно.

104

[1] См. письмо 99.

[2] Доклад Цветаевой «Эпос и лирика современной России» состоялся 20 апреля 1933 г. в Доме Мютюалите.

[3] В 1933 г. по инициативе Е. А. Извольской был организован Комитет помощи Марине Цветаевой. В него вошли Е. А. Извольская, С. Н. Андроникова-Гальперн, М. Н. Лебедева, известные писатели Н. А. Бердяев, М. А. Осоргин, М. А. Алданов, французская писательница Натали Клиффорд-Барни. Комитет составил обращение с призывом помочь Цветаевой. Деньги, по-видимому, собирала Е. А. Извольская. (Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. Fontenay-aux-Roses. Синтаксис. 1988. С. 416.)

106

[1] См. письмо 104.

[2] Трейл Роберт — шотландец, славист, одно время работал в Москве. Был коммунистом, в июле 1937 г. погиб, сражаясь в Испании.

[3] Д. П. Святополк-Мирский в сентябре 1932 г. вернулся в СССР. В мае 1933 г. совершил поездку в Ташкент и Сталинабад с целью сбора материалов для «Истории фабрик и заводов».

107

[1] Датируется по содержанию.

108

[1] В течение 1933 г. в газете «Последние новости» были опубликованы «Башня в плюще» (16 июля), «Музей Александра III» (1 сентября), «Лавровый венок» (17 сентября), «Жених» (15 октября). См. т. 5.

[2] В 1933 г. стихи Цветаевой печатались в газете лишь один раз (29 июня): «Нет, легче жизнь отдать, чем час...» и «На бренность бедную мою...» (1920 г.).

[3] По-видимому, речь идет о решении С. Я. Эфрона вернуться в СССР. См. также письма 110, 111.

109

[1] Е. А. Извольская. Речь идет об организации ею материальной помощи Цветаевой.

110

[1] См. комментарий 1 к письму 108.

[2] Речь идет, вероятнее всего, об инженере Романченко Николае Тимофеевиче и его жене Марии Ивановне. Уехали из Парижа в 1933 г.

[3] *...уехала.* — Имеется в виду отъезд Цветаевой за границу к мужу в мае 1922 г. *«Je suis un èvade».* — Речь идет о фильме американского режиссера Мервина Ле Роя (1900—1987). Фильм был снят в 1932 г.

[4] См. комментарий 2 к письму 106.

[5] То есть, историю древнего Рима. *Галлы* — римское название кельтов, населявших территорию Европы между Пиренеями и Альпами, вошедшую в III в. до н. э. в Римскую империю.

[6] См. письма к В. Н. Буниной.

[7] *Куэ* Эмиль (1857—1926)—французский фармацевт и психотерапевт. В частной психотерапевтической клинике в Нанси лечил больных методом, основанным на самовнушении.

111

[1] О вечере Цветаевой, посвященном Андрею Белому, см. письмо 73 к А. А. Тесковой и комментарий 1 к нему (т. 6).

[2] Летом 1926 г. И. Г. Эренбург привез в Москву фотографии, на одной из которых был изображен Мур. Пастернак в письме от 3 февраля 1926 г. называет его Наполеонидом. (*Переписка Пастернака.* С. 398.)

[3] Возможно, речь идет о докторе Якове Борисовиче, сыне владельца частной фирмы Б. О. Гавронского.

[4] В. Н. Бунина, урожденная Муромцева. См. письма к ней.

[5] *Тьер* Адольф (1797—1877)—французский государственный деятель, историк. Президент Франции (1871—1873). Автор «Истории французской революции».

[6] *Мишлэ*—Мишле Жюль (1798—1874)—французский историк, служил смотрителем королевских архивов. Автор многочисленных книг по истории Франции, в том числе французской революции.

[7] *Микэй* (Mickey)—еженедельный детский журнал, выходивший в Париже.

[8] В 1934 г. Ирина Андреева (см. комментарий 3 к письму 18) вышла замуж за Андрея Борисовича Нольде, сына барона Б. Э. Нольде (последний работал вместе с А. Я. Гальперном). Позже их брак распался. Однако А. Б. Нольде сохранил с С. Н. Андрониковой-Гальперн добрые отношения до самой ее смерти. (Струве Глеб. Еще о кончине С. Н. Андрониковой-Гальперн.—*Рус. мысль.* 1982. 19 августа.)

113

[1] Чтение Цветаевой своей автобиографической прозы состоялось 1 ноября 1934 г. Вот что писал обозреватель «Последних новостей» об этом вечере: «М. Цветаева прочла на своем вечере, состоявшемся в зале Географического общества, два новых рассказа, точнее—два новых отрывка из вечной повести о самой себе. Как обычно, у этой замечательной, но парадоксальной писательницы, прочитанные отрывки представляют смесь подлинной лирики и тончайших психологических штрихов с расхолаживающими рассуждениями. Тема обоих отрывков—мать. В первом, более пространном, озаглавленном «Мать и музыка», особенно много рассудочных отклонений, чаще всего обусловленных фонетическими ассоциациями. ⟨...⟩

Поскольку прочитанный рассказ имеет автобиографический характер, он дает, пожалуй, ключ к творческим особенностям Цветаевой. Ущербленная с детства музыкой, она пытается применять в литературе законы музыкальной гармонии. В творчестве Цветаевой сочетаются столь несочетаемые: розановские и бальмонтовские начала. С одной стороны, попытка обнаружить душу до последнего предела, поиски самых подлинных слов. А, с другой, увлечение часто звуковыми ассоциациями, музыкой слов.

Почти совсем свободен от резонерских отклонений и от фонетических узоров второй прочитанный писательницей отрывок «Сказка матери». Эта очаровательная «Сказка» принадлежит к числу самых ярких произведений Цветаевой.

Марина Цветаева—превосходная чтица. Ее чтение имело большой успех у наполнившей зал публики» (1934, 3 ноября).

[2] См. стихотворение «Челюскинцы», написанное 3 октября 1934 г. (т. 2).

В. А. СУВЧИНСКОЙ

1

St. Gilles-sur-Vie, 6-го сентября 1926 г.

Добрый вечер, дорогая Вера Александровна!

Пишу Вам после ужина, в тот час, когда Вы с Петром Петровичем приходили, посему — обычное приветствие. (Только сейчас поняла, что Вы, непривычная к моей руке, еще ни одной буквы не поняли, и первую — р, например, или Ѣ поймете только в конце.)

Сначала о Муре, верней о Мурах — Вашем и моем. Ваш чудесен, лучше, т. е. четче, нельзя. Вышла даже дырка на штанишках. Лучшее Му́рино или как говорит С⟨ережа⟩ — мури́ное-изображение. Нежное спасибо Вам: океанский, вернее саха́рский Мур увековечен[1].

Теперь о моем: мой, в данный час, неудачней вашего. Вот уже две недели на диете, желудок не налаживается, похудел. Чу́дный живот спал, становится, к моему огорчению (о Муре говорю), просто хорошо-глядящим ребенком. Мне этого мало. Говорит: Лель (Лелик)[2], Аля и дядя, совсем отчетливо. Громко и многоречиво ругается (в маленьком садике) на прохожих. В 5 ч. (после моря) перестал спать, два дня сряду дико баловался, пришлось прекратить. Мой «писательский» час еще урезался. Либо мо́ю посуду — Аля с Муром, либо Аля — посуду, я с Муром.

С⟨ережа⟩ и Аля (животы) наладились, С⟨ережа⟩ очень похудел. В данный час терзается угрозой хозяйки потянуть нас к мировому за стирку (фактически: ополаскиванье двух детских штанов) в комнате... Когда я ей кротко возразила, что ополоснуть не есть стирать, она послала меня: «dans le derriére du chien voir si j'y suis»*, на что получила созерцательное: «Vous y êtes surement»**. Грозится жандармами и выселением... Целые дни шепчется с разными дамами и куаффами, носится по городу, шепча и клевеща. Ваша хозяйка, очевидно, будет лжесвидетельницей.

Боюсь себя на суде: 1) юмора 2) откровенности и — чтобы не насчитывать — общего ПОДЪЕМА... далеко́ заводящего!

Как пример: Лелика, спокойно сидевшего с Алей на присту́пеньке за книжкой, выгнала из сада с воплями: «Assez d'étrangers dans mon jardin!»***, на что Аля потом, целый день пела (напев «Il était une bergère») — «Il était une Madame — ron, ron, ron, ron, petit patapon — il était une Madame — qui gardait son jardin comme un chien, qui gardait son jardin comme un chien»****.

---

* В собачью задницу (и т. д. — непереводимое ругательство) (*фр.*).

** Вы уже наверняка там (*фр.*).

*** С меня хватит иностранцев в моем саду! (*фр.*)

**** «Жила-была пастушка». — «Жила-была мадам (припев) — Жила-была мадам, которая охраняла свой сад, как собака» (*фр.*).

Погода разная. Еще купаемся. Андреевские дети на суше великаны, в воде тритоны[3]. Я в жизни не видела такого купанья. Вода для них воздух, — проще воздуха. Выйдя на́ берег, перешвыриваются — как фокусники шарами — целыми глыбами. Все трое черные, все трое огромные (крохотный — куда меньше Али — 14-летний младший внезапно, в 4 месяца, вырос с Сережу), все трое ловкие. Таких здесь нет, да и нигде нет.

5-го (вчера) был день Алиного тринадцатилетия (праздновали по-новому, по-настоящему 5/18-го), жалела — да все жалели — что вас обоих нет: были чудные пироги: капустный и яблочный, непомерная дыня и глинтвейн. Аля получила ко дню рождения: зубную щетку и пасту (ее личное желание), красную вязаную куртку — очаровательную, — тетради для рисованья, синие ленты в косы и две книги сказок: Гримма (увы, по-франц⟨узски⟩!) и — полные — Перро, с пресловутыми moralites*. Лелик поднес ей огромный букет (шел озабоченный и сияющий, как жених) и — оцените! — склянку кюрасо, которого Аля не стала пить, потому что «крепко и жжется». Была у нас и бедная (т. е. мне ее жалко) родственница А⟨нны⟩ И⟨льиничны⟩[4] — немножко отойти от своих великанят — пасет их целые сутки.

Сейчас иду к А⟨лександре⟩ З⟨ахаровне⟩[5] — уезжает послезавтра в Париж. И С⟨ережа⟩ наверное скоро. С ужасом думаю о предстоящем мне единоличном сожительстве с бесовкой (хозяйкой) — и о всех мебелях, которые придется покупать. Не весь ли дом перестраивать? Скажет — отсыри́ли (Муркиными штанами) стену. Может быть окажусь в тюрьме. На этом прис орбном предположении кончаю.

Целую Вас, дорогая Вера Александровна, сердечный привет П⟨етру⟩ П⟨етровичу⟩. Переписку Тезея кончила.

МЦ.

Это письмо написано, как Вы любите: не опоминаясь.

Напомните П⟨етру⟩ П⟨етровичу⟩ *Вена* Stoll, Griechische Mythologie *он знает*[6] (из области розовых фартуков: Vortuch).

2

Дорогая Вера Александровна.

Недавно приехала[1] и очень рада буду Вас повидать. Лучше — в 6 ч. вечера, когда дневные заботы, частью, сброшены.

Из Кламара доезжаете до Bellevue. 31. Boulevard Verd. От вокзала три минуты ходу.

Увидите и услышите (крик ослика и т. д.) Мура.

Итак, жду.

МЦ.

Bellevue, 7-го окт⟨ября⟩ 1926 г.

— Дом большой, с башенкой, в саду. Старая железная решетка, в ней калитка[2].

* Моральными сентенциями *(фр.)*.

3

Медон, 14-го ап⟨реля⟩ 1927 г.

Дорогая Вера Александровна,

Спасибо от всего сердца Вам и Петру Петровичу за помощь и участие, и еще — Петру Петровичу отдельно — за безупречное поведение во время дивертисмента.

Хозяйка Студии (Бутковская)[1] неизвестно почему была в холодной ярости, кажется п. ч. шипели на шуршавших бумагой.

Я так рада, что вечер кончился!

Поцелуйте от меня Вашу маму, ее присутствие меня сердечно тронуло, очень хочу ее повидать, она мне чем-то напоминает мою мать, я не ошибаюсь.

Приходите как-нибудь завтракать с нами (в 12 ч. не взыщите, если попадете на что-нибудь скучное — потом пойдем с Муром в лес, полазим.

Целую Вас. М. б. условитесь с С⟨ергеем⟩ Я⟨ковлевичем⟩ о дне? Тогда попадете на не скучное (относительно⟨)⟩.

Да! Я у Вас забыла своего КУРИЛУ (роговой, двуцветный) то есть мундштук, С⟨ергею⟩ Я⟨ковлевичу⟩ лучше не передавайте — потеряет — привезите сами.

4

Понтайяк, уже 1-го сентября 1928 г., 2 ч. ночи

Вы конечно не ждете этого письма, как не ждала его я. (Мысль: нужно ли дальше? Все уже сказано! Факт письма присутствующему, то́, что не смеешь сказать, а что не смеешь сказать? Ясно.)

Для пущей же ясности: мне жалко, что Вы уезжаете. Потому что я Вас люблю. Полюбила за эти дни. Полюбила на все дни. За гордость. За горечь. За му⟨д⟩рость. За огромную доброту. За не знающий ее — ум. За то, что Вы — вне пола. (Помните, мы шли, и я Вам сказала: «зачем на духу́? Как ду́ху!») За душевное целомудрие, о котором упоминать — уже не целомудрие. За то, что Вы так очевидно и явно растете — большая. За любовь к котам. За любовь к детям. Когда у Вас будет ребенок, я буду счастлива.

Мне очень больно расставаться с Вами. Кончаю в слезах. Письмо разорвите.

М.

Сувчинская (урожденная Гучкова, во втором браке — Трейл) Вера Александровна (1906—1987) — дочь А. И. Гучкова (см. письмо к нему). Унаследовала от отца кипучую энергию и тягу к авантюрам. Деятельно участвовала в эмигрантской общественной жизни. Какое-то время В. А. Сувчинская разделяла евразийские убеждения мужа. С начала тридцатых годов, после развода с Сувчинским, ее взгляды становятся все более просоветскими и прокоммунистическими. В 1936—1937 гг. вместе с С. Я. Эфроном и К. Б. Родзевичем занималась отправкой в Испанию добровольцев, в основном русских эмигрантов, возможно, участвовала и в другой «нелегальщине» под контролем НКВД (см. о ней в этой связи: Alain Brossat. «Agents de Moscou». Paris, Gallimard, 1988. С. 216—231; Peter Huber. «Der Mord an Ignaz Reiss 1937 bei Lausanne...» — Revue suisse d'histoire.

Basel, vol. 40, 1990. С. 396—397). В тридцатые годы В. А. Сувчинская была дружна с Ариадной Эфрон.

Первые три письма впервые опубликованы: Revue des Études slaves. Paris, 1992, LXIV/2 (публикация Ю. Клюкина, В. Козового и Л. Мнухина), письмо 4 — *Звезда*, 1992 (публикация И. Д. Шевеленко). Письма печатаются по текстам первых публикаций.

1

[1] Речь идет, по-видимому, о фотографиях Мура, сделанных В. А. Сувчинской во время ее пребывания в Сен-Жиле в июле.

[2] Олег Туржанский.

[3] См. письмо 11 к П. П. Сувчинскому и комментарий 3 к нему (т. 6).

[4] См. там же (т. 6).

[5] А. З. Туржанская.

[6] См. письмо 11 к П. П. Сувчинскому и комментарий 6 к нему (т. 6).

2

[1] Цветаева покинула Сен-Жиль 2 октября и поселилась в пригороде Парижа — Бельвю.

[2] См. также письмо 21 к А. А. Тесковой (т. 6).

3

[1] *Бутковская* Наталья Ильинична (1878—1948) — режиссер и актриса. В 1920-х годах в Париже принимала активное участие в дивертисментах для детей и взрослых. Поставила в театре Colisée несколько спектаклей на французском языке.

Е. А. ЧЕРНОСВИТОВОЙ

〈Около 15 января 1927 г.〉[1]

Дорогой друг, отвечаю Вам под непосредственным ударом Вашего письма[2].

О смерти Рильке я узнала 31-го, под Новый год, от случайного знакомого[3], и как-то ушами услышала, как-то ушами, т. е. *мимо* ушей. Осознание пришло позже, если можно назвать осознанием явления — действенное и вызывающее непризнание его. Ваше письмо застает меня в полном (и трудном) разгаре моего письма — к нему[4], невозможного, потому что нужно сказать всё. Этим письмом с 31 декабря — *живу*, для него бросила «Федру» (II часть «Тезея», задуманного как трилогия — но из суеверия — — —). Это письмо, похоже, никогда не кончу, потому что когда «новости» изнутри... Еще останавливает меня его открытость (письма). Открытое письмо от меня — ему. (Вы знали его и, может быть, узнаете меня.) Письмо, которое будут читать *все*, кроме него! Впрочем, может быть, отчасти сам его пишет — подсказывает. Хотите одну правду о стихах? Всякая строчка — сотрудничество с «высшими силами», и поэт —

много, если секретарь! — Думали ли Вы, кстати, о прекрасности этого слова: секретарь (secret*)?

Роль Рильке изменилась только в том, что, пока жил, сам сотрудничал с —, а теперь — «высшая сила».

— Не увидьте во всем этом *русской мистики*! Речь-то ведь о *земных* делах. И самое *небесное* из вдохновений — ничто, если не претворено в *земное* дело.

Очень важно для меня: откуда у Вас мой адрес? Из Bellevue ему писала всего раз — открытку, адреса не было, на Muzot[5]. На последнее мое письмо (из Вандеи) он не ответил, оно было на Ragaz, не знаете, дошло ли оно? Еще: упоминал ли он когда-нибудь мое имя, и если да, то как, по какому поводу? Еще не так давно я писала Борису Пастернаку в Москву: «Потеряла Рильке на каком-то повороте альпийской дороги...»[6]

Теперь — *важнейшее*: Вы пробыли с ним два месяца, а умер он всего две недели назад. Возьмите на себя огромное и героическое дело: восстановите эти два месяца с первой секунды знакомства, с первого впечатления, внешности, голоса и т. д. Возьмите тетрадь и заносите — сначала без системы, каждое слово, черту, пустяк. Когда будете записывать последовательно, — все это встанет на свое место. Ведь это еще почти дневник — с опозданием на два месяца. Начните *тотчас же*. Нет времени днем — по ночам. Не поддавайтесь священному, божественному чувству ревности, *отрешенность* (от *я, мне, мое*) — еще божественнее. Вспомните книгу Эккермана, единственную из всех дающую нам живого Гёте[7].

Боюсь, что, получив мифологию[8], буду плакать. Пока — ни одной слезы: *времени* нет, *места* нет (всегда на людях), а может быть, по чести, охоты нет: *неохота* — есть. Плакать — признать. Пока не плачу — не умер.

Я никогда его не видела, и для меня эта потеря — в духе (есть ли такие?!). Для Вас потеря бывшего, для меня — небывшего. Потеря Савойи с ним — куда никогда не поеду, — провалившейся 31 декабря со всеми Альпами — сквозь землю... На некоторые места карты не хочу смотреть — как вообще ни на что.

Ко всему этому присоедините, что не принадлежу ни к одной церкви...

Черносвитова Евгения Александровна (1903—1974) — переводчица, преподавательница иностранных языков; в 1926 г. — секретарь Рильке.

В сентябре 1926 г. Черносвитова была рекомендована Рильке в качестве секретаря. «Несколько недель тому назад, — сообщала Черносвитова в письме к Л. О. Пастернаку 15 ноября 1926 г., — узнала я через кн⟨ягиню⟩ Горчакову, что Райнер М. Рильке ищет секретаря, и именно русскую! И так судьба направила меня к нему, — добрая, милостивая, великая судьба!» (*Письма 1926 года.* С. 201.)

Впервые — Новый мир (1969. № 4. С. 199), где опубликовано по тексту, восст новленному А. Эфрон по черновой тетради М. Цветаевой. Печатается по тексту первой публикации.

---

* Тайный *(фр.)*.

[1] Датировано Ариадной Эфрон.

[2] Видимо, Черносвитова сообщила Цветаевой об отправке ей книги мифов (см. ниже) и послала ей фотографию Рильке (см. письмо 3 к Н. Вундерли-Фолькарт).

[3] См. комментарий к поэме «Новогоднее» (т. 3), а также письмо 16 к Б. Л. Пастернаку и комментарий к нему (т. 6).

[4] Имеется в виду поэма «Новогоднее».

[5] Открытка Цветаевой от 7 ноября 1926 г. была отправлена по адресу: Château de Muzot s/Sierre (Valais) *Suisse.*

[6] Письмо Цветаевой, где были бы приведены эти слова, не обнаружено.

[7] См. комментарии к статье «Кедр. Апология» (т. 5).

[8] См. письма 11 к П. П. Сувчинскому и 19 к Б. Л. Пастернаку (в т. 6), письма 9 к Р.-М. Рильке и 1 к Н. Вундерли-Фолькарт. «Мифология» была получена Цветаевой от Черносвитовой в середине января 1927 г. — «через две недели после его смерти» (см. упомянутое письмо к Н. Вундерли-Фолькарт).

П. П. СУВЧИНСКОМУ и Л. П. КАРСАВИНУ

Bellevue, 9-го марта 1927 г.

Многоуважаемые Петр Петрович и Лев Платонович,

Только что прочла Ответ Вишняку[1], подписанный вами обоими, и тут же, под ударом, не дождавшись Сережиного возвращения, пишу вам.

«Среди ближайших сотрудников в редакции Верст есть евреи...» Тут кончается ваше письмо и начинается мое.

Когда редактора — счетом три и имена их: Сувчинский, Святополк-Мирский и Эфрон, ссылка на редакторов-евреев естественно относится к последнему. Итак:

Сергей Яковлевич Эфрон

— довожу до вашего сведения —

Сергей Яковлевич Эфрон родился в Москве[2], в собственном доме Дурново. Гагаринский пер⟨еулок⟩ (приход Власия).

Отец — Яков Константинович Эфрон, православный, в молодости народоволец[3].

Мать — Елисавета Петровна Дурново[4].

Дед — Петр Аполлонович Дурново, в молодости гвардейский офицер, изображенный с Государем Николаем I, Наследником Цесаревичем и еще дв мя офицерами (один из них — Ланской)[5] на именной гравюре, целой и поныне. В старости — церковный староста церкви Власия.

Мой муж — его единственный внук[6].

Детство: русская няня, дворянский дом, обрядность[7].

Отрочество: московская гимназия, русская среда.

Юность: женитьба на мне, университет, военная служба, Октябрь, Добровольчество.

Ныне — евразийство[8].

Если сына русской матери и православных родителей, *рожденного* в православии, звать *евреем* — 1) то чего же стóят и русская мать и православие? — 2) то как же мы назовем сына еврейских родителей, рожденного в еврействе — *тоже* евреем?

Ходасевич, говорящий об одном из редакторов, носящем фамилию Эфрон, был... точнее.

Делая С‹ергея› Я‹ковлевича› евреем, вы оба должны сделать Сувчинского[9] — поляком, Ходасевича — поляком[10], Блока — немцем (Магдебург)[11], Бальмонта — шотландцем[12], и т. д.

Вы последовали здесь *букве*, буквам, слагающим фамилию Эфрон — и последовали чисто-полемически, т. е. НЕЧИСТО — ибо *смеюсь* при мысли, что вы всерьез — хотя бы на одну минуту — могли счесть С‹ергея› Я‹ковлевича› за еврея.

Вы — полемические побуждения в сторону — оказались щепетильнее московской полиции, на обязанности которой лежала проверка русского происхождения всякого юноши, поступавшего в военное училище, — и таковое происхождение — иначе и быть не могло — за С‹ергеем› Я‹ковлевичем›, — признавшей.

Делая С‹ергея› Я‹ковлевича› евреем вы 1) вычеркиваете *мать* 2) вычеркиваете *рожденность в православии* 3) *язык, культуру, среду* 4) *самосознание человека* и 5) ВСЕГО ЧЕЛОВЕКА.

Кровь, пролившаяся за Россию, в данном случае была *русская* кровь и пролита была за *свое*.

Делая С‹ергея› Я‹ковлевича› евреем, вы делаете его ответственным за народ, к которому он *внешне* — частично, *внутренно* же — совсем непричастен, во всяком случае — куда меньше, чем я!

Наднациональное ни при чем, с какой-то точки зрения Heine и Пастернак не евреи, но не с какой-то, а с самой национальной точки зрения и чувствования — вы неправы

и *не вправе*.

Говорите в своих статьях о помесях, о прикровях, и т. д., ссылаться на еврейство «одного из редакторов» я воспрещаю[13].

Марина Цветаева

P. S. Евреев я люблю больше русских и может быть очень счастлива была бы быть замужем за евреем, но — что делать — не пришлось.

Сувчинский П. П. — см. письма к нему в т. 6.

Карсавин Лев Платонович (1882—1952) — русский историк, философ, богослов. В 1922 г. по настоянию Ленина был вместе с другими «буржуазными учеными» отстранен от академической работы, а затем арестован и в числе большой группы представителей интеллигенции выслан из РСФСР.

Хотя одно время Карсавин много печатался в разных евразийских изданиях, однако от предложения Сувчинского участвовать в «Верстах», журнале, не вполне евразийском, сперва хотел отказаться. Все же во втором номере «Верст» появилась его статья «Без догмата», а в третьем — его работа, связанная тематически с публикуемым письмом Цветаевой и его контекстом: «Россия и Евреи» (там же — ответ на нее А. З. Штейнберга и его же статья «Достоевский и еврейство», опубликованная по просьбе Карсавина). Он, в частности, пишет: «Конечно,

необходимо покончить с глупою сказкою (или с новым «кровавым наветом» — все меняет свои формы, даже клевета), будто евреи выдумали и осуществили русскую революцию. Надо быть очень необразованным исторически человеком и слишком презирать русский народ, чтобы думать, будто евреи могли разрушить русское государство. ‹...› Но денационализированные евреи участвовали в русской революции и участвовали в ней в силу самой природы их. Они стали отходить от нее (в лице оппозиции в обоих ее флангах) лишь теперь, вместе с переходом ее к национальной фазе» (Версты. 1927. № 2. С. 72). Автор различает безрелигиозную «периферию» и «ядро еврейского народа», которое, собственно, и есть народ, призванный стать «равноправным членом евразийской федерации». Впрочем, с точки зрения эсхатологической, философ не верит в культурно-самостоятельное будущее этого народа (см. также воспоминания о Карсавине: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Париж. Синтаксис. 1991. С. 193—217).

Причиною первоначального неприятия Карсавиным задуманного журнала было его отношение к предполагавшимся главным сотрудникам, в том числе и к Цветаевой. 10 марта 1926 г. он писал из Берлина Сувчинскому: «У меня, к несчастью, плохо происходит в сознании различение между человеком и писателем. Цветаеву совсем себе не представляю, но Марина Ефрон мне совсем не нравится. Цветаева это что-то распущенное, но еще дебелое мещанское; герань не герань, а какой-то цветочек с фуксином; Ефрон же вовсе плох» (архив П. П. Сувчинского). Резко отзывается он и о Ремизове, в связи с его переложениями русских народных сказок («претенциозная бездарь»), и о Шестове (повторяется чья-то острота: «Пять дураков слушают Шестова»).

Во Франции, когда С. Я. Эфрон стал играть заметную роль в евразийском «кламарском кружке», Цветаева и Карсавин нередко встречались. Их отношения, по ряду свидетельств, отличались взаимной корректностью; по другим свидетельствам, Цветаева Карсавина побаивалась. Кроме того, она, по-видимому, ценила его расположение к мужу. Семьи Карсавина и Цветаевой отдыхали по соседству в Понтайяке летом 1928 г. Именно через Карсавина, а затем, после его отъезда, через его семью, на четыре года задержавшуюся во Франции, А. А. Тескова пересылала из Праги Цветаевой денежную помощь (посредник, кажется, добавлял к этому кое-что от себя). Уезжая в Литву, Карсавин подарил Цветаевой огромный стол, о чем она вспоминала впоследствии добрым словом.

Впервые — Revue des Etudes slaves, Paris, 1992, LXIV/2 (публикация Ю. Клюкина, В. Козового и Л. Мнухина). Печатается по тексту первой публикации с использованием комментариев.

[1] М. В. Вишняк (См. письмо к нему). Ответ Сувчинского и Карсавина Вишняку нами не обнаружен. Тем не менее можно предположить, что он является попыткой продолжить полемику по поводу «яркой и язвительной» (по выражению Вишняка) рецензии В. Ходасевича на № 1 «Верст» (Современные записки, 1926. № 29. С. 433—441). В ней критик, среди прочего, высказал предположение, что один из редакторов «Верст», Сувчинский, в своей статье «Два Ренессанса» делает прогноз, что «тяга к национальному делу» выльется у «мировой социалистической революции в славный еврейский погром»*. (М. В. Вишняк. Современные Записки. Воспоминания редактора. Indiana University Publications, 1957. С. 143.) Цитату о еврейских погромах Ходасевич сопроводил сноской: «Что не очень любезно в журнале, где один из редакторов — С. Я. Эфрон, а в числе сотрудников — Пастернак, Бабель, Л. И. Шестов и Артур Лурье».

---

* Ходасевич не мог не обратить внимание на такие выражения в статье «Два Ренессанса», как «нет ничего более внутренно не русского, ‹...› чем все Думы Таврического Дворца», «во весь бунтарский 19 век, который так дорого обошелся русской интеллигенции, оно (русское еврейство. — *Ред.*) вовсе не выходило на сцену и тем сохранило свои революционные силы», «инородческое засилие, которое в нашу пору так всех удивило» и т. д.

18 декабря 1926 г. редакция «Верст» направила в редакцию «Современных записок» письмо: «Милостивые Государи! В № 29 «Современных Записок» напечатана статья г. Ходасевича о «Верстах». Из общего тона этой статьи, а равно из ряда отдельных фраз и выражений ⟨...⟩ может создаться навязчивое подозрение, будто «Версты» не являются органом в общественно-политическом отношении независимым. Самым решительным образом протестуем против подобного рода недопустимых подозрений. Позволяем себе выразить удивление по поводу того, что редакция «Современных Записок» дает место подобным выступлениям ⟨...⟩. Сюда же мы относим и ничем не обоснованное желание г. Ходасевича усмотреть в статье «Два Ренессанса», помещенной в том же № 1 «Верст», погромный антисемитизм ⟨...⟩».

На что незамедлительно последовал ответ редакции «Современных записок», в котором утверждалось, что она «никаких обвинений специфического, указываемого в письме, характера не поддерживала и не поддерживает». Оба письма были опубликованы в очередном, 30-м, номере «Современных записок» (с. 599— 600), вышедшем в начале 1927 г. По воспоминаниям Вишняка, на этом конфликт между «Современными записками» и «Верстами» кончился (М. В. Вишняк. Указ. соч. С. 145). «Ответ Вишняку», подписанный Сувчинским и Карсавиным, был, по всей вероятности, попыткой продолжить полемику.

[2] *С. Я. Эфрон* родился 29 сентября 1893 г., крещен был 31 октября (по старому стилю) 1893 г. в Московской Воскресенской, что в Барашах, церкви.

[3] *Я. К. Эфрон* (1854—1909). В выписке из копии метрической книги, свидетельствующей о рождении и крещении С. Я. Эфрона, в графе сведений о родителях значится: «Московской губернии, Подольской 2-й гильдии купец Яков Константинович Эфрон, реформаторского исповедания, и законная жена Елисавета Петровна, православного исповедания». (Частный архив, Москва.) Я. К. Эфрон и Е. П. Дурново состояли членами народовольческой организации «Земля и Воля», в 1879 г. примкнули к группе «Черный передел». Об их революционной деятельности см., например: *А. Эфрон.* С. 43—44, 46—47 (глава «Ее муж. Его семья»).

[4] *Е. П. Дурново* (1855—1910). Ее участие в народовольчестве нашло отражение в воспоминаниях Н. Морозова (Повести моей жизни. Т. 2. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. С. 233—245; глава «Лиза Дурново»), а также в очерке И. Жук-Жуковского «Елизавета Петровна Дурново-Эфрон», опубликованном в журнале «Каторга и ссылка») М., 1929. № 12 (61). С. 145—163).

[5] Возможно, *Ланской* Павел Сергеевич (ум. в 1853 г. в чине генерал-лейтенанта).

[6] Следует читать: «его единственный ныне живущий внук». У Сергея Яковлевича было четыре брата: Петр (1881—1914), Глеб (1891—1898), Константин (1895—1910) и Алексей (умер в младенческом возрасте).

[7] Об атмосфере, царившей в эфроновском доме, женитьбе С. Эфрона и др. см.: *А. Эфрон.* С. 46—47, 50—51.

[8] Евразийское движение возникло с выходом в Софии в 1921 г. сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», содержавшего статьи теоретиков П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого и Г. В. Флоровского. Как писала З. Шаховская в своей статье «О «соблазне» Евразийства» (*Рус. мысль.* 1983. 24 марта. С. 12), «среди основоположников движения найдем мы профессоров В. Н. Ильина, Г. Вернадского, Б. Вышеславцева, Announced Сеземана, Л. Карсавина, Р. Якобсона, Н. Алексеева. Они, как и многие другие евразийцы, лингвисты, ориенталисты, философы, богословы, историки, этнографы, экономисты, геополитики, занимали лучшие кафедры в Берлине, Лондоне, Праге и других европейских городах». Научная и идеологическая система евразийства отличалась глубокой сложностью и рассматривала Россию как некий «Континент-Океан» со своими совершенно своеобразными географическим положением и культурным миром. В результате неоднородности и внутренней

противоречивости движения, оно за короткий период вылилось в различные течения, довольно различавшиеся между собой, порой полярные прежде всего в оценках происходящего в России».

С. Я. Эфрон примкнул к евразийскому движению еще в Чехословакии. В 1926—1929 гг. он стал в Париже более заметной фигурой в движении (в 1928 г. вошел в редакционную коллегию газеты «Евразия»), что объяснялось не только его сближением с Сувчинским и Карсавиным или самоотверженной издательской работой. В эти годы социально-политическая проблематика и партийно-организационный активизм окончательно возобладали в евразийстве, отодвигая на задний план то, что, собственно, и составляло его исходную теоретическую базу. Свойственная движению изначально антиреставраторская позиция переходит теперь в попытки дифференциации «западнического» коммунизма и большевизма «русской стихии», тогда как в левонастроенной парижской («кламарской») группе, где активен был С. Эфрон, она все более явно окрашивается в просоветские тона. Именно этой потерей самостоятельности и независимости (на фоне чекистских провокаций, слухов о прямой вербовке и фактов, ее подтверждающих) объясняется отход от движения в 1928 г. Н. С. Трубецкого и П. Н. Савицкого, через год—П. П. Сувчинского и вскоре последовавшая самоликвидация журнала. Однако С. Я. Эфрон уже в 1926 г. был к такой потере вполне готов. В начале июля, после выхода первого номера «Верст», он излагал Сувчинскому свою программу новой издательской деятельности на иностранных языках: «Не пресловутая наша пропаганда евразийства, а пропаганда евразийцами советского дела».

[9] П. П. Сувчинский был поляк по отцу, граф Шелига-Сувчинский.

[10] Дед Ходасевича по отцу был польским дворянином.

[11] Прадед Блока по отцу был уроженцем мекленбургских земель (северная Германия).

[12] Предание о шотландском происхождении бытовало в семье Бальмонта.

[13] Сувчинский, в сущности, должен был полностью согласиться с содержанием (если не с тоном) цветаевского письма. Об этом свидетельствует письмо к нему от 17 марта 1927 г. Д. П. Святополк-Мирского, который отозвался на «инцидент» с Ц таевой: «Марина полна неожиданностей, но я считаю, что Вы поступили нетактично и защищать Вас перед ней не буду. Нашу батавскую слезку надо беречь, она разлетается от одного укола. Напомню Вам, что по поводу статьи Ходасевича Вы, в письме ко мне, в числе преступлений его сочли „указание на еврейское происхождение Эфрона“» (S m i t h G. S. The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922—31. Birmingham, 1995. P. 81).

С. В. ПОЗНЕРУ

1

Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd
25-го марта 1927 г.

Милый Соломон Владимирович,

Вновь обращаюсь к Вам с большой просьбой поддержать мое ходатайство о выдаче мне пособия с вечера.

Если будут говорить, что я устраиваю вечер[1]—знайте, что это вечер *на ТЕРМ*, в маленькой студии всего на 100 человек.

Так уж сладилось, что я всегда Вас—все о том же—прошу!

До свидания, сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

2

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
23-го декабря 1927 г.

Милый Соломон Владимирович,

Не была на писательском собрании[1] потому, что хожу бритая (после скарлатины) и по возможности не показываюсь. Та же бритая голова, не говоря уже о моей нелюдимости, полная обеспеченность моей всяческой непригодности в делах вечера.

Будьте другом, скажите кому, куда и когда подавать прошение, боюсь, что меня забудут. (Говорю о деньгах с будущего вечера писателей.)[2]

Заранее благодарная Вам.

МЦветаева.

P. S. Еще просьба! Помните, Вы в прошлом году говорили мне, что есть возможность получать от русских американцев (Вы конечно знаете о чем говорю) ежемесячное пособие[3]. Я тогда сообщила г⟨оспо⟩же Ельяшевич[4] свой адрес, но этим дело и кончилось.

Как его двинуть? Кого и как просить? Я очень нуждаюсь.

3

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
26-го янв⟨аря⟩ 1929 г.

Милый Соломон Владимирович,

Разрешаю себе напомнить Вам, что я от писательского вечера[1] получила только 200 фр⟨анков⟩ и очень рассчитываю еще на 100, если по примеру прошлых годов мне присуждено 300 фр⟨анков⟩.

Может быть Вы мне дошлете их просто в письме?

Всего хорошего, сердечный привет.

МЦветаева.

Познер Соломон Владимирович (1880—1946)—журналист. В 1921 г. выехал со своей семьей за границу и в том же году поселился в Париже. Сотрудничал в «Последних новостях» и еженедельнике «Еврейская трибуна». В 1920-е годы был генеральным секретарем Комитета помощи русским писателям и ученым. С этим обстоятельством связаны письма Цветаевой к нему.

Публикуются впервые по оригиналам, хранящимся в архиве С. В. Познера в Париже.

1

[1] Речь идет о предполагаемом вечере М. Цветаевой в первой половине апреля 1927 г. в студии Н. И. Бутковской. См. также письма 6 и 12 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и письмо 3 к В. А. Сувчинской.

2

[1] Годичное общее собрание членов Комитета помощи русским писателям и ученым состоялось 24 ноября 1927 г. в помещении парижского Земгора (33, Rue de Prony).

[2] Речь идет о готовящемся благотворительном новогоднем писательском вечере 13 января 1928 г., который устраивался в пользу Комитета в отеле «Лютеция». Предполагалась постановка спектакля «Неожиданный конь, или Чудовищная Мамка» с участием А. И. Куприна, Б. К. Зайцева, А. Яблоновского.

[3] Организованный в Вашингтоне Фонд помощи литераторам и ученым (председатель — С. М. Животовский) помогал некоторым писателям, жившим во Франции (по ходатайству парижского Комитета).

[4] *Ельяшевич* Фаина Осиповна — член Комитета.

3

[1] См. предыдущее письмо и комментарий 2 к нему.

АННЕ ДЕ НОАЙ

⟨*Май 1927*⟩

Сударыня!

Я не читала Вашей книги Честь Страдать, и, не прочитав ее, вот что я о ней думаю. Это Ваша последняя книга и, будучи последней, она наиближайшая к следующей, значит — Ваша почти самая великая. Это Вы *последнего* полночного удара: Вы из уже-завтра.

Честь Страдать. Если бы Вы написали «Счастье Страдать», М. Мартен дю Гар был бы доволен (почему бы не «Удовлетворение Страдать»?), вот одно из прелестных противоречий, в отсутствии которых он Вас упрекает[1]. Но Вы никогда не написали бы «Счастье Страдать». Анна де Ноай первых своих книг могла бы написать «Страсть Страдать»[2]. Или чуть позже — Гордость Страдать. Но послевоенная Анна де Ноай могла сопоставить Страдание только с Честью.

(Счастье и Страдание. Как будто счастье соответствует страданию. Счастье соответствует только самому себе: удовлетворять Счастье-удовлетворение, вот что он хочет вместо Честь Страдать. Счастье удовлетворить... М. Мартен дю Гара!)

Честь Страдать. Холод. Каска Паллады[3] на раненом лбу. Двойной холод лба и каски. (Ноай в каске, никогда не в маске. Вы-то знаете причину рифмы...) Сказав послевоенная Ноай, я не думала наперво о великой войне, а о величайшей из войн: о великой войне жизни, Бога в нас с человеком в нас, где Бог победитель. Но и великая война тут тоже при чем: металлический отсвет.

Вашу книгу, сударыня, никогда не полюбят. Пришел час Вам сказать: «Они не поймут тебя, Жан-Жак»[4], так же, как они никогда тебя не поняли (любить — не значит понимать, любить — это молиться, а молиться — это

не понимать), — потому что им никогда не быть тобой (мной) — (я говорю о великом я, разнообразном и едином я Жан-Жака, Ноай, о всяком величии — через это *ты* я сумею найти и Вы!) — поскольку один из лучших молодых людей» (это он и есть — «Семья Тибо»?[5] Печально) — этот Мартен дю Гар сумел найти в Ваших первых книгах одни советы (Вы — и советы!) если не прямо для жизни, то по крайней мере для удовольствий. Дурак (простите мне это слово), кто поверил, что Вы поэт — на слово, прочел поэта! — дословно, не переводя Вас на Ваш язык, где всякая вещь лишь имя, лишь страсть, в своей двойной красоте. «Возможно, и в этом моя ограниченность, я сужу о «Чести Страдать» из того возраста (как стар их молодой детский взгляд), когда стихи госпожи де Ноай давали молодости...» Мартен — ты остался сосуном, а госпожа де Ноай выросла. (Вы-то были вскормлены на груди самой Этны! Этна: мать-кормилица. Этна — могила Эмпедокла[6].) Мартен, ты мне напоминаешь маленькую детскую хрестоматию, в которой автор мило сетует на то, что Вы не склонились (склонились — почему бы не на все четыре лапы!) над детством, сожалеющим о том поэте, которого оно в Вас не имело.

Сударыня, Вы будете смеяться!

> Мои книги я пишу для вас, молодых людей.
> И оставлю в них...[7]

Ну что же, Честь Страдания — это ускользающее яблоко, остаются только зубы. Боби хнычет над яблоком, которое он совсем по-глупому, совсем по-бебешески принял за съедобное яблоко, тогда как оно Жизни и смерти.

Жизнь и смерть. Эти — для Вас имена, для него — слова — встречаются и в его статье (какая жалость, этот большой грязный журнал с его портретами людишек, бесконечный (журнал) с бесконечными (людишками), какое надругательство над Вашей единственностью, над Вашим именем пустынным и вершинным, всегда одиноким, потому что единственным. Какая общая яма славы.

Жизнь и смерть. «Вот она уже не любит ни жизнь ни смерть, так как открыла небытие». Молодой человек, раз перед небытием стоит определение, то оно уже что-то. Раз она его открыла, то оно *есть*. И как ему не быть, раз она есть. (Ах, какую прекрасную статью, нет — все сказать о Небытии и госпоже де Ноай.) Если бы я могла Вам сказать на Вашем языке: раз оно есть (небытие), значит это еще жизнь (и смерть). Любовь к небытию. Ощущать себя больше не чувствующей. Себя ощущать больше себя не чувствующей. Вот врожденное, изначальное противоречие, которое Вы (Мартен) с глупым сожалением больше не находите в строфах поэта. Если бы Вы сказали: «и вот, она больше *ничего не* любит...» Вы были бы правы по ходу фразы, но Ваша фраза солгала бы. Вы предпочли — и в этом некоторое благородство — сочинить плохую фразу и сказать правду. Ибо она открыла его, Небытие, подобно тому как Франсиско Писарро открыл Мексику![8]

Разум. — Небольшой перерыв. — Это первое слово, бросившееся мне в глаза, схватившее меня за глаза, после Вашего имени, и, не читая, с ухом (физически) на макушке: «Ах, вот в чем дело! Теперь ее упрекают

в разуме, как раньше упрекали (восхищаясь) в страсти. А страсть к разуму, разве это не существует? (к разуму, формуле, к Абсолюту наконец!)[9].

Милостивая государыня, это история наших первых книг. Роман читателя с нашей первой книгой — о! это старая история. Это история — новейшая — величайшего из великих — Райнер Мария Рильке, который, перед уходом, оставил нам лучшую свою книгу — Druineser Elegien[10], — тихо оплакиваемую всеми «благородными душами» (слова несчастного Мартена), как слишком отчужденную, слишком безо́бразную (а потому и невоображаемую), *слишком,* всегда это *слишком,* которое они не призна́ют никогда и которому они (благо-родные-мертво-рожденные) всегда предпочтут «Buch der Bilder»[11], поверив на слово — Билдер, что это просто книга в картинках — Билдербух, — как упоминаемый грустный молодой человек поверил, что яблоко-Жизнь — яблоко для десерта.

О! Они всегда хотят, чтобы их убаюкивали, развлекали, — пугали чуть и много утешали.

Роман читателя с нашей первой книгой. Знаете ли Вы, что мать Р⟨айнера⟩ М⟨ария⟩ Р⟨ильке⟩ жива, в Вене, никогда не простила ему его следующих книг, начиная со второй — так как она была настолько лучше! Знаете ли Вы, что Р⟨айнер⟩ М⟨ария⟩ Р⟨ильке⟩, имея мать (70 лет), бабушку (90 лет), дочку (30 лет), внучку (5 лет) умер один, что никто из них не пришел его проводить[12]. (Если Вы его любите, я могу Вам прислать его неизданное завещание, умоляя Вас — свято — никому его не давать.)

И тем не менее, со всей их любовью, им не удастся отвратить нас от нашей первой книги. Она имела свое основание (необходимость) быть. Это был точный слепок нашего дыхания (крика — рыдания — вздоха) того времени. Но *наша* первая книга никогда не была их (нашей) книгой. Для них она была обещанием делать, как сделано, для нас обещанием Бога нам, из-нас нам (сделать лучше?) нет, ах, у нас есть прекрасное русское слово ни лучше ни хуже — *пуще,* — оно не переводимо — crescendo — больше в смысле силы.

Сила, вот в чем он Вас упрекает, этот бесчисленный молодой человек, *сила* никогда не чары, никогда не маска, Сила — лик и каска.

Ваша книга, которую я прочту, сударыня, и которую я люблю, не потому что я верю в Вас, но потому что я Вас знаю, Вас не вчерашнюю и не сегодняшнюю, а Вас всегда *грядущую,* — не заставляет ни мечтать, ни плакать, ни любить, ни даже думать — поскольку она и есть, продумала, поскольку она есть *дума* (формула). Она ничего не заставляет делать. Формула силы.

Марина Цветаева

...Мы были готовы прочесть итог ее переживаний «богини»... Упрек того, кто, надеясь найти *богиню,* нашел только *божественность.*

Ноай Анна Элизабет, графиня Матьё де (1876 — 1933) — французская писательница и поэтесса. В 1916 г. Цветаева перевела один из первых ее романов «Новое упование» (см. т. 5). Письмо переведено с французского Н. А. Струве.

В 1927 г. Анна де Ноай выпустила свой новый сборник стихов «L'honneurde souffrir» («Честь страдать»). Письмо Цветаевой к Анне де Ноай было вызвано статьей французского журналиста и издателя *Мориса Мартена дю Гара* (1896—1970), откликнувшегося на книгу большой статьей в редактируемом им еженедельнике «Les Nouvelles Littéraires» (1927, 7 мая).

Впервые — *Вестник РХД*, 1992, № 165. С. 182—185 (публикация и пер. с фр. Н. А. Струве). Печатается по тексту первой публикации (с использованием комментариев).

[1] Морис Мартен дю Гар в статье писал: «Госпожа де Ноай сознательно лишила себя того противоречия, которое почти всегда обеспечивает величие человека или произведения: противоречия, столкновения между двумя священными инстинктами, между жизнью и смертью, в чем она, на разных регистрах и с разными оттенками, была так часто ни с кем не сравнима».

[2] Ср., например, название первого сборника стихов Анны де Ноай «Безграничное сердце» («Le coeur innombrable», 1901).

[3] *Паллада* (Афина Паллада) — богиня войны и победы, дочь Зевса, родившаяся в шлеме и панцире (греч. миф.).

[4] *Руссо Жан-Жак* (1712—1778) — французский писатель, философ. Ему принадлежат слова: «Я хочу показать своим собратьям человека в его истинной природе — и этим человеком буду я». Об этом Руссо писал также в своей автобиографической книге «Исповедь»: «Да, прав был этот человек, гордо и смело говоря: каков бы я ни был, но я был одним из лучших людей в мире!»

[5] Роман-хроника французского писателя Роже Мартена дю Гара, двоюродного брата Мориса Мартена дю Гара.

[6] По преданию, греческий философ Эмпедокл (490—435 до н.э.) добровольно совершил прыжок в кратер Этны. (В действительности умер в Пелопоннесе.)

[7] Цитата из стихотворения Анны де Ноай «Offrande» («Дар», 1907 г.), из которого Цветаева заимствует образ яблока и зубов. («Les éblouissements». Paris. 1930. С. 117). Стихотворение печаталось также под названием «Voix dans l'ombre» («Голос во мраке»). Русский перевод стихотворения см. в кн.: Новые поэты Франции. В переводах Ив. Тхоржевского. Париж: Родник, 1930. С. 139—140 («Остался след в надломе песни звонком,//От больно врезавшихся снов://Как в яблоке, надкушенном ребенком,//Следы зубов». И т. д.)

[8] *Писарро Франсиско* (1470—1541), испанский конкистадор, завоеватель Панамы и Перу. Мексика была открыта раньше (в 1519—1521 гг.), ее завоевал Эрнан Кортес.

[9] В предпоследнем абзаце статьи М. Мартен дю Гар писал: «Если я теперь свидетельствую... против злоупотребления разумом в «Честь Страдать», то это не из-за разума, а потому что разуму нечего делать в стихах, особенно когда он стремится преобладать и не приносит ничего особенно, ни ясного ни питающего, для души. В стихах не объясняются».

[10] Описка Цветаевой. Правильно: Duineser Elegien (Дуинезские элегии). См. комментарии к письмам к Рильке.

[11] *«Das Buch der Bilder»* («Книга образов») — книга Рильке (1902).

[12] *Мать* — Рильке (урожденная Энтц) Софи (1851—1931); *бабушка* (по материнской линии) — Энтц (урожденная Кунцельбергер) Каролина (1828—1927); *дочь* — Рильке Рут (см. письмо к ней); *внучка* — Зибер-Рильке Кристина (Кристиана) (1923—1947). Возраст во всех случаях Цветаевой указан неточно.

А. М. ГОРЬКОМУ

1

⟨Начало августа 1927 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Обнимаю Вас и благодарю за Асю[1]. Мы с ней мало видели добра в жизни, потому что нас всю жизнь считают сильными и — ⟨...⟩ счастливыми. Очевидно, такие и есть.

Если Ася будет Вас раздражать — не сердитесь, стерпите ⟨...⟩ Она — предельно добра.

Посылаю Вам книги[2] — что есть, может быть, достану для Вас цельного «Крысолова»[3]. Писать мне о них не нужно, так что примите это просто, как знак дружбы, просто — от сердца к сердцу.

...Кстати, одно из первых моих детских, младенческих воспоминаний — слово «Мальва»[4] — то ли наша, осенняя, на клумбе в Тарусе, то ли Ваша, из уст матери, тогда совсем молодой. Еще одно: мать однажды, возвращаясь с концерта Гофмана[5], привела домой собаку, увязавшуюся за ней, — желтую — и вопреки отцу и прислуге поселила ее у нас в доме. Назвала Челкаш[6]. Через три дня собака ушла. Мы плакали, я — пуще всех. Вот Горький моего младенчества — еще до букв, из которых слагались Вы — моего детства. О позднейшем, вплоть до пражского у Ходасевича[7], — расскажу потом. При встрече? — Спасибо за пожелание ее.

И еще раз — спасибо за Асю.

Марина Цветаева[8].

2

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
8-го октября 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Пишу Вам на этот раз заказным[1]. (Руки вымойте, письмо сожгите)[2]. В том, пропавшем, рассказывала Вам о Вас моего младенчества: *слове* Мальва и собаке Челкаш. И еще благодарила Вас за миртовую веточку, упавшую из Асиного письма ко мне в раскрытую тетрадь на строки:

...в кустах
Миртовых — уст на устах![3]

Лист, вернувшийся в дерево, мирт, вернувшийся в мирт. (Строки из пишущейся Федры. Как Вы помните, она повесилась на том самом миртовом деревце, под которым всегда сидела, думая об Ипполите.)

И еще благодарила за Асю за всю Вашу доброту, покрывшую всю людскую обиду.

Ася должна была передать Вам Царь-Девицу[4], других книг у меня не было, но скоро выходит моя книга стихов «После России», т. е. все лирические стихи, написанные здесь. Вышлю.

Вы просите о Гёльдерлине? *Гений*, просмотренный не только веком, но Гёте[5]. *Гений* дважды: в нашем и в древнем смысле, то есть: такие чаще над поэтами бдят, чем сами пишут. Величайший лирик Германии, больше Новалиса[6]. Родился в 1770 г., готовился, сколько помню, сначала в священники – не смог[7] – после различных передряг поступил гувернером в дом банкира Гонтара, влюбился в мать воспитанников[8] (Diotima[9], вечный образ его стихов) – не вышло и выйти не могло, ибо *здесь* не выходит, – расстался – писал – плутал – и в итоге 30-ти с чем-то лет от роду впал в помешательство, сначала буйное, потом тихое, длившееся до самой его смерти в 1842 г.[10]. Сорок своих последних безумных лет прожил один, в избушке лесника, под его присмотром. Целыми днями играл на немом клавесине. Писал. Много пропало, кое-что уцелело. В общем собрании стихов эти стихи идут под названием «Aus der Zeit der Umnachtung»*. (Umnachtung: окруженность ночью: оноченность: помраченность). Так немцы, у больших, называют безумца. Вот строка из его последнего стихотворения:

Was hier wir sind wird dort ein Gott ergänzen**[11] –

лейтмотив всей его жизни. Забыла упомянуть Вам о роковом значении в его жизни Шиллера, не понявшего ни рода дарования, – чисто эллинского (толкал к своему типу баллады) – ни, главное, существа, бесконечно нежного и уязвимого[12]. Письмо к Шиллеру, на которое последний не ответил, так и осталось вечной раной.

Как поэт, говорю о материале слова, совершенно бесплотный, даже *бедный*. Обычная рифма, редкие и бедные образы – и какой поток из ничего. Чистый дух и – мощный дух. Кроме стихов, за жизнь – проза, *чудесная*. Hiperion[13], письма юноши, мечтающего о возрождении той Греции – и срывающегося. Апофеоз юноши, героики и дружбы.

О Гёте и Гёльдерлине. Гёте – мраморный бог, тот – тень с Елисейских полей.

Не знаю, полюбите ли. Не поэзия – душа поэзии. Повторяю, меньше поэт, чем гений.

«Открыт» лет двадцать назад. При жизни печатался кое-где по журналам, никто не знал и не читал.

Умер один, на руках своего сторожа.

До свидания. Любопытно, дойдет ли это письмо. Страшная страна. В том письме я просила Вас не отвечать: письмо то же дело, а дело – то же время, но письмо пропало, и просьба не судьба.

Словом, если не ответите, ничуть не огорчусь, а если ответите – обрадуюсь очень.

Еще раз спасибо за Асю.

Марина Цветаева.

Руки вымойте, письмо сожгите (против этого октября).

Горький Максим (настоящие имя и фамилия Алексей Максимович Пешков; 1868 – 1936) – русский советский писатель и общественный деятель.

* «Когда помрачен рассудок» *(нем.)*.

** «Что здесь неполно, там восполнят боги...» *(пер. с нем. С. С. Аверинцева)*.

С Горьким Цветаева лично знакома не была, но относилась к нему с уважением и симпатией. 24 ноября 1933 г. она писала Тесковой по поводу присуждения Бунину Нобелевской премии: «Я не протестую, я только не согласна, ибо несравненно больше Бунина: и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее — Горький. Горький — эпоха...» (см. т. 6).

Горькому же поэзия Цветаевой была глубоко чужда. В письме к Б. Л. Пастернаку от 19 октября 1927 г. он резко отозвался о ее стихах: «С в⟨ашей⟩ высокой оценкой дарования Марины Цв⟨етаевой⟩ мне трудно согласиться. Талант ее мне кажется крикливым, даже — истерическим, словом она владеет плохо... Она слабо знает русский язык и обращается с ним бесчеловечно, всячески искажая его...» и т. д. (В кн.: М. Горький и советские писат ли. Неизданная переписка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 301 — 302).

Впервые — Новый мир. 1969. № 4. С. 200 — 201, где напечатаны по тексту рукописной тетради (публикация А. Эфрон). Письмо 1 печатается по тексту первой публикации, письмо 2 — по копии, сверенной с хранящимся в архиве А. М. Горького в ИМЛИ оригиналом.

1

[1] А. И. Цветаева по приглашению Горького гостила у него в Сорренто. См. письма 15 и 17 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и комментарии к ним.

[2] По-видимому, это были сборники Цветаевой «Стихи к Блоку» (1922) и «Разлука» (1922). (См.: Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1981. С. 167.)

[3] То есть все номера журнала «Воли России», в котором печаталась поэма «Крысолов» (см. т. 3).

[4] *Мальва* — род трав. «Мальва» — рассказ М. Горького (1897).

[5] *Гофман* Иосиф (Юзеф) (1876 — 1957) — польский пианист и композитор. Прославился как исполнитель произведений Ф. Шопена. В 1895 — 1905 гг. неоднократно выступал в России.

[6] Прозвище героя одноименного рассказа М. Горького (1895).

[7] В ноябре 1923 г. Ходасевич приехал из Берлина в Прагу. «Спустя несколько времени туда приехал и Горький, поселившийся в отеле «Беранек», где жил и я...» (Ходасевич В. Некрополь. Париж: YMCA-PRESS, 1976. С. 235).

«Марина рассказывала, что тогда, в Праге, Ходасевич не просто предлагал познакомить ее с Горьким, которого очень любил, но — рвался сделать это, благо до Горького, остановившегося в той же гостинице, было буквально рукой подать. Марина, однако, отказалась...» (*А. Эфрон.* С. 206).

[8] Письмо Цветаевой до адресата не дошло.

2

[1] См. комментарий 8 к предыдущему письму.

[2] В сентябре 1927 г. сначала дети Цветаевой, а затем она сама заболели скарлатиной.

[3] Слова из 2-й картины трагедии М. Цветаевой «Федра», над которой она работала в то время (см. т. 3). См. также письмо 17 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[4] В библиотеке М. Горького хранится экземпляр «Царь-Девицы» (Пб., Берлин, 1922) М. Цветаевой с ее дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу с благодарностью за Асю. Марина Цветаева. Медон, сентябрь 1927 г.». Видимо, одновременно с «Царь-Девицей» Цветаева послала М. Горькому вырезку из журнала «Версты» (1927, № 2) с трагедией «Тезей»: «Дорогому Алексею Максимовичу — первую часть замысла. М. Ц. Медон, сентябрь 1927 г.» (Также хранится в библиотеке М. Горького в Москве).

[5] В ответе на анкету в 1926 г. Цветаева писала: «Последовательность любимых книг... Позже и поныне: *Гейне — Гёте — Гёльдерлин...*» (См. т. 4).

В черновом варианте письма далее следовал текст, впоследствии опущенный Цветаевой: «Случай чудесного воскресения через с лишним век. Были бы деньги — сразу послала бы Вам изумительную книгу Stephan'a Zweig'a «Der Kampf mit dem Dämon»*, с тремя биографиями, одна из них — Гёльдерлина — лучшее, что о нем написано. Выпишите и подумайте, что от меня. А вот, на память, один из моих любимейших стихов его:

O Begeisterung! so finden
Wir in Dir ein selig Grab...**

[6] *Новалис* (настоящие имя и фамилия Фридрих фон Харденберг; 1772—1801) — немецкий писатель, поэт, философ.

[7] В 1792 г. Гёльдерлин решает отказаться от намеченной богословской карьеры с целью посвятить себя литературе.

[8] *Гонтар* (урожденная Боркенштейн) Сюзетта (1769—1802), мать четверых детей.

[9] Это имя восходит к святой и мудрой женщине, которой Сократ был обязан всеми своими знаниями о природе дружбы.

[10] Описка М. Цветаевой. Гёльдерлин умер в 1843 г.

[11] Неточная цитата из позднего (но не последнего) четверостишия «Die Linien des Lebens sind verschieden...» («Различны линии бегущей жизни...»), написанного поэтом в состоянии безумия. (Правильно: «Was hier wir sind, kann dort ein Gott ergänzen...»)

[12] «...для Гёльдерлина в серии личных поражений одним из тяжелейших было разочарование в Шиллере, который, как известно, не принял не только путей и методов Французской революции, но самую ее суть». (Беляева Н. Т. Сотворение «Гипериона». — В кн.: Гёльдерлин Ф. Гиперион. М.: Наука, 1988. С. 565.)

[13] «*Hiperion*» — роман Гёльдерлина, назван по имени юноши, главного героя. Цитату из романа Цветаева взяла в качестве эпиграфа к своей «Поэме Горы» (см. т. 3).

А. С. БАЛАГИНУ

Медон, 25-го сентября 1927

Здравствуй, дорогой Ал‹ександр› Самойлович.

Пишу Вам на скарлатинном одре, со свежевыбритой головой, — остальные подробности болезни узнаете от Аси, хочу говорить о Вас: никогда не забуду тихого стука в дверь, — так стучат поколения воспитанности! — высокую фигуру в дверях, и особенно одной елочки, данной Вам где-то за что-то и поделенной Вами поровну: пол-елочки себе, пол — мне. Куда до этой елочки святому Мартину с его плащом![1]

Помню и Туркестан[2] и Тунчи[3], ее детские рисунки — не то планетную систему, не то небо в ангелах, и сваху, непременно хотевшую Вас женить на невесте, которая Вам не нравилась, и Ваши стихи и наши беседы.

---

* Стефан Цвейг. «Борьба с безумием» *(нем.)*.

** «О, вдохновение! Мы находим в тебе вечное блаженство» *(нем.)*.

Но обещания своего Вы не исполнили: не приехали! Ведь на том прощались? Зато совершенно неожиданно для меня со мной породнились: Мария Ивановна[4] мне конечно сестра, очень ее люблю, поцелуйте ее за меня. Ася везет карточку Мура, в жизни он много лучше: добрее, здесь он очень напуган фотографом. Об Але не говорю: очень красивая девочка (с меня ростом и дважды с меня весом), а на карточке — один нос да и то не ее. Аля Вас помнит и к концу припишет. О себе скажу, что живется мне *в общем* хорошо, хотя не легко — времени на стихи все меньше и меньше. Кончаю. Сердечно обнимаю Вас и М⟨арию⟩ И⟨вановну⟩, будьте оба здоровы и молоды и не забывайте искренне любящую Вас

МЦ.

Балагин (псевдоним, настоящая фамилия Гершанович) Александр Самойлович (1894—1937) — поэт, драматург. Второй муж М. И. Кузнецовой (см. письмо к ней в т. 6).

Впервые — *НП.* С. 379—380. Печатается по тексту первой публикации.

[1] Ср. с описанием в очерке «Герой труда» (глава «Вечер поэтесс») «...жеста Св. Мартина, царственно с высоты коня роняющего нищему половину (о ирония!) плаща. (Самый бездарный, самый мизерный, самый позорный из всех жестов даяния!) (См. т. 4.)

[2] Цветаева имеет в виду, по-видимому, рассказы А. С. Балагина о своей родине. Он родился и вырос в Ташкенте.

[3] *Тунчи* — Татьяна Викторовна Соловьева, первая жена А. С. Балагина. Художница. Умерла в 1921 г.

[4] М. И. Кузнецова.

Н. П. ГРОНСКОМУ

1

Медон, 4-го февраля 1928 г., суббота.

Милый Николай Павлович,

Чтение Федры[1] будет *в четверг,* в Кламаре, у знакомых[2]. Приходите в 7 ч., поужинаем вместе и отправимся в Кламар пешком. Дорогой расскажу Вам ктó и чтó.

Лучше не запаздывайте, может быть будет дождь и придется ехать поездом, а поезда редки.

До свидания.

МЦ.

2

⟨Конец марта — начало апреля 1928⟩[1]

Милый Николай Павлович,

Только что получила Волю России с «Попыткой комнаты»[2]. Будьте очень милы, если вернете мне ее завтра, посылаю Вам ее по горячему следу слова «Эйфель»[3]. Вещь маленькая, прочесть успеете. Завтра на прогулке побеседуем.

До завтра!

МЦ.

3

⟨1-го апреля 1928 г.⟩[1]

Милый Нико ай Пав ович,

Очень жаль, что меня не застали. Хоте а сговориться с Вами насчет Версаля и даты[2]. М. б. у нас временно будет одна старушка[3], тогда я буду более свободна, и мы сможем с Вами походить пешком, — предмет моей вечной тоски. Я чудный ходок.

Еще: очень хочу, чтобы Вы меня научили снимать: С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ сейчас занят до поздней ночи, совести не хватает к нему с аппаратом, да еще в 1 ч. ночи! а Мур растет. И пластинки заряжены.

Приходите как только сможете. Часы: до 2 1/2 ч. или же после 5 ч. Вечерами я иногда отсутствую. Побеседовали бы о прозе Пастернака и сговорились бы о поездке и снимании.

Итак, жду.

МЦ.

Медон, 2-го апреля 1928 г., понедельник.

— Завтра я ухожу в 5 ч., если успеете зайдите утром, т. е. до 2 1/2 ч. Или уже в среду.

P. S. Как-нибудь расскажу Вам и о Вас. Когда (и если) будет старушка. Такой рассказ требует спокойного часа. Лучше всего на воле, на равных правах с деревьями.

Та́к — а может быть и что́ — Вам скажу, Вам никто не скажет. Родные не умеют, чужие не смеют. Но не напоминайте: само, в свой час.

⟨Приписка на полях:⟩

Я не была ни в Fontainebleau, ни в Мальмэзоне[4] — нигде. Очень хочу.

4

⟨19-го апреля 1928⟩[1]

Дорогой Николай Павлович,

Жду Вас не в субботу, а в воскресенье (Волконский), к 4 ч., с тем, чтобы мы, посидев или погу яв с Сергеем Михай овичем и проводив его на вокзал, *остаток вечера провели вместе*. Словом, субботний вечер переносится на воскресный. (В субботу у меня народ: приезжие — проезжие — из Праги, отменить нельзя.) Захватите тетрадь и готовность говорить и слушать.

Всего доброго.

МЦ.

Медон, четверг.

5

Медон, 23-го апреля 1928 г., понедельник.

Дорогой друг, оставьте на всякий случай *среду — вечер* свободным, может быть и, кажется, наверное — достану 3 билета — Вам, А е и мне — на вечер Ремизова[1], *большого* писате я и *изумительного* чтеца[2]. (Не были на прош ом?)

Хочу, или – что лучше: *жизнь* хочет! чтобы Вы после Волконского[3] услышали Ремизова, его полный полюс.

Такие сопоставления полезны, как некое испытание душевной вместимости (подтверждение безмерности последней). Если душа – круг (а так оно и есть), в ней все точки, а в Ремизове Вам дана обратная Волконскому. Так, в искаженном зеркале непонимания, понятию «волхонщина» можно противуставить «ремизовщина». В Ремизове Вам дана *органика* (рожденность, суть) обратная органике Волконского[4]. Точки В⟨олконского⟩ и Р⟨емизова⟩ чужды, дело третьего, Вас, круга – в себе – породнить. Ничего полезнее растяжения душевных жил, – только так душа и растет!

Итак, жду Вас не позже половины восьмого, в среду. Поедем вместе, так как билет, может быть, будет общий. Да! очень важное!

Никогда не буду отрывать Вас от Ваших занятий и обязанностей, но – в данный раз: Ремизов сто́ит лекции, какая бы ни была. Его во второй раз не будет[5].

МЦ.

6

Милый Николай Павлович,

До последней минуты думала, что поеду, но никак не возможно, – у меня на виске была ранка, я заклеила пластырем – загрязнение – зараза поползла дальше. Сижу с компрессом. Если не боитесь видеть меня в таком виде, заходите завтра, когда хотите сказать о театре с С⟨ергеем⟩ М⟨ихайловичем⟩ и рассказать о докладе[1].

Всего лучшего, передайте пожалуйста письмо С⟨ергею⟩ М⟨ихайловичу⟩.

МЦ.

Медон, 10-го мая 1928 г.

— завидую Вам! а Вы – хвали́те за меня!

Принесите мне что-нибудь почитать.

7

⟨1-го июля 1928⟩[1]

Милый Н⟨иколай⟩ П⟨авлович⟩. Спасибо за мешок – отлично. Я, кажется, еду 10-го. Очень благодарна была бы Вам, если бы зашли ко мне завтра или во вторник, сразу после завтрака. Словом до 3-х буду дома. (В среду – нет.)

Всего лучшего.

МЦ.

Воскресенье

8

⟨2-го июля 1928 г.⟩[1]

Итак, жду Вас завтра (вторник) в 9 ч. веч⟨ера⟩.

Спросонья Вы очень тихи (голосом) и злы.

9

⟨3-го июля 1928⟩[1]

Милый Николай Павлович,

Не сердитесь, не имела никакой возможности предупредить Вас, — неожиданно два срочных дела именно в 4 ч. и в 6 ч. А до этого — четыре или пять других, и все предотъездные, неотложные. Если свободны, зайдите ко мне в 2 ч. дня в четверг. Billet de famille* в Ройян уже заказан, будет в среду, в среду же выезжает С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩. Будем чинить детскую коляску, — умеете?

Да! *Одобряю* или *ободряю*, смотря по тому, выдержали ли или провалились[2]. (Оцените количество *ли*)

Итак, до четверга.

Вторник.

МЦ.

10

Pontaillac, près Royan
Charente Infèr.
Villa Jacqueline.
26-го июля 1928 г.

Милый друг, вот что случилось. Только что отослала конец Федры по адресу 9 bis, rue Vineuse Paris, XVI Rèd. de «Sowremennïe Zapisky», — а это адрес «Дней», а «Дни» издохли и наверное в них нет ни души[1]. Позвоните, пож⟨алуйста⟩, в «Дни», если ничего не добьетесь — пойдите сами и извлеките мою рукопись с тем, чтобы передать ее в книжный магаз⟨ин⟩ «La Sourcé», где настоящая редакция Совр⟨еменных⟩ Зап⟨исок⟩[2] — А если в «Днях» никого нет? Сомневаюсь, так как Керенский жив, жив и Сухомлин[3], и наверное на имя газеты продолжает приходить корреспонденция.

Посылаю сопроводительное письмо в «Дни» с просьбой сдать Вам на руки рукопись (на обертке адрес отправителя).

С этим нужно спешить. Начните *с телефона*, чтобы зря не мотаться и не метаться.

Вот наш пляж. Сегодня на солнце 60 жары, у С⟨ережи⟩ вроде солнечного удара, 38,5 сильная головная боль. То же у В. А. С⟨ув⟩чинской. Жара по всей Франции, кончились лимоны, с орех — 2 фр⟨анка⟩, и то последние. Тупо едим мороженое, от к⟨оторо⟩го еще жарче.

* Семейный билет *(фр.)*.

Я от жары не страдаю, хожу без шляпы, в выгорающих добела сеточках. Ни одного дуновения, море вялое, еле дышит.

Приехал проф⟨ессор⟩ Алексеев[4], неутомимый ходок. Приехал в горном костюме вроде Тартарена, комичен и мил[5], восторженно рассказывает мне о Савойе (Haute*), где жил прошлое лето. Уже живу мечтой о будущем: Савойе. Морем объелась и опилась.

Кончаю просьбой о срочном высвобождении Федры, я и так запоздала, боюсь затеряется совсем, а рукописи мне не восстановить, многое выправлялось на месте.

Как медонская жара? Здесь все-таки — пекло.

МЦ.

11

Понтайяк, 23-го авг⟨уста⟩ 1928 г., среда.

Милый Николай Павлович, гонорар получила, поблагодарите отца[1]. Посылаю Вам открытку из-за названия — «Богоматерь — Конца — Земли»[2]. И — правильно — везде, где начало моря — конец земли и земле! — Рай для меня недоступен, ибо туда можно только на пароходе, а я укачиваюсь от одного вида. Стихи для П⟨оследних⟩ Нов⟨остей⟩ вышлю завтра[3]. Уезжают последние русские (знакомые), погода чудная, как Ваши отъездные дела?

— У этой церкви хорошо расти — и жить — и лежать. Возле такой похоронен Рильке. Читаете ли его книгу?[4]

МЦ.

12

Понтайяк, 5-го сентября 1928 г., среда

Милый друг, пишу Вам со смешанным чувством расстроганности и недоумения. Что за надпись на Алиной книге и что она должна означать?[1]

Во-первых — у всякого человека есть ангел. Ариадна — не Октябрина, и празднуется 18-го сентября. Это формально. Второе: у Ариадны еще особая святая, по чьему имени и названа, — та́ Ариадна, с двух островов: Крита и Наксоса. (Говори я с другим, я бы настаивала только на христианской великомученице, но я говорю с Вами.) В-третьих: раскройте мою Психею, где нужно, и прочтите:

Ангел! ничего — всё — знающий,
Плоть — былинкою довольная,
Ты отца напоминаешь мне, —
Тоже ангела и воина[2].

Здесь установлена Алина — более, чем ангело-имущесть, а это — раз навсегда. Кто ангелом был, тот им и пребыл.

В-четвертых: Вы человеку дарите книгу на день рождения. Время ли (день рождения!) и место ли (первая страница *такой* книги!) считаться

---

* Верхней *(фр.)*.

обидами?! — Вы поступили — но удерживаю слово, не хочу его закреплять на бумаге *и* — тем — в Вас. (О, не бойтесь, не бранное, простое определение жеста, иного нет.)

— Странная вещь: если бы везде, вместо Ариадна стояло: Марина, я бы истолковала совершенно иначе. *Ты* — родоначальница своего имени, — никаких Марин до тебя и — сотни, в честь твою, после. Та́к бы я прочла. Но Вы меня предупредили: надпись не из примирительных. Скажите мне, дружочек, в чистоте сердца, что Вы хотели сказать? С надписью в таком (моем) толковании во всяком случае не передам. Обида — в день рождения! За кого Вы меня принимаете? Помимо материнского чувства к Але, во мне здесь говорит простая справедливость. Я бы и Вам не передала, если бы надписала — она. Через мои руки не должно идти ничего двусмысленного. А если настаиваете — перешлю Вам обратно, посылайте сами, — дело Ваше и ее.

Очень жду Вашего толкования, ибо задета заживо.

Апулеем умилена. Знала эту сказку с детства, она была у меня в немецкой мифологии[3], как всё в Революцию — утраченной. Не перечитывала давно. В памяти моей слилась с «Аленьким цветочком»[4]. Нынче ночью же прочту и буду спать с ней — в ладони.

Р⟨ильке⟩ еще не трогала: посмотрела и отложила. Р⟨ильке⟩ — всегда прямая речь («а вчера — косвенная?») Р⟨ильке⟩ *для меня* — всегда прямая речь. В этой книге его живой голос. Скульптура? Все равно. Для меня Родэн — его недостроенный дом, мы с Муром, мы с Вами на тех холмах, — вся весна 1928 г. И — больше всего — посвящение Р⟨ильке⟩ Родэну одной его книги: «A mon grand ami Rodin»*[5].

Дружочек, как мне жалко, что мое чувство благодарности к Вам — двоится. Как бы я хотела — писать Вам, как вчера! Но никакая любовь не может погасить во мне *костра* справедливости, в иные времена кончившегося бы — *иным* костром!

Мне очень больно делать Вам больно, больней — сейчас, чем Вам — тоже сейчас (в минуту прочтения). Но я бы себя презирала.

М.

13

Понтайяк, 7-го сент⟨ября⟩ 1928 г.

Ко́люшка родной! Простите мне вчерашнее письмо, но — «за птенца дралась наседка» (еще Слоним обиделся за амазонку, не поняв, что в том-то и вся соль!) — не могу несправедливости. У меня не по́-милу хорош, а по-хорошему — мил, особенно с тобой.

Только что твое письмо о перемещении матери[1]. А ты где теперь будешь? Чуяло мое сердце, что на *том* верху я буду только раз! (бывший).

— Ты сберег мать от большого ужаса, но — может быть — и от большого счастья. Думал ли ты о последнем часе — в ней — женщины? *Любить,* это иногда и — целовать. Не только «совпадать душою». Из-за сродства душ не уходят из дому, к душам не ревнуют, душа — дружба.

* «Моему великому другу Родену» *(фр.)*.

Но – ты дал ей чистую рану (того она, конечно, вознесет превыше облаков, и ТАМ – с ним будет!) – сейчас в ней огромная пустота несбывшегося, – заполнит работой.

Я рада за нее – и мне больно за нее. А боль всегда слышней радости.

– Когда ты когда-нибудь захочешь уйти из дому, тебя твой сын так же удержит, как ты – сейчас – мать. La justice des choses*.

О, Кóлюшка, такой уход гораздо сложнее, чем даже *ты* можешь понять. Может быть ей с первого разу было плохо с твоим отцом *(не самозабвенно – плохо)* и она осталась, как 90 или 100 остаются – оставались – как будет оставаться 1 на 100 – из стыда, из презрения к телу, *из высоты души.*

И вот – молодость кончается. Ей зá-сорок, – еще 5 лет... И другой. И мечта *души* – воплотиться, наконец! Жажда *той* себя, не мира идей, хаоса рук, губ. Жажда себя, тайной. Себя, последней. Себя, небывалой. Себя – сущей ли? – «Другой»? Средство к самому себе, наш *слепой* двигатель. Посылаю тебе две книжки, ничего не скажу, скажи – ты. Дошел ли рыцарь?[2] (Заказным, пропасть не может.) Сейчас ухожу в Ройян, обрываю письмо, вечером буду писать еще, люблю и обнимаю тебя, спасибо за все.

М.

Чудесная печать.

До чего мне ее жаль!

Как себя. – Дай ей *когда-нибудь* мою Поэму конца. *Все* поймет! (Напишет – изнутри – заново.)

14

21-го сентября 1928 г.

...Ваш почерк – чудовищен, будь я Волконским, я бы сказала Вам, что такой почерк – непочтение к адресату; нет, просто бы *сказала,* без «Вам», Вам бы он этого не сказал – потому же, почему не говорю – я. Если *мой* неразборчив, то – существом своим, замыслом каждой буквы, а не неряшеством. У меня нет недописанных букв... Сосредоточьте руку. Пожалейте букв – этих единиц слова. Каждая – «я».

...У Вас единица начертания не буква, а слово, одно сплошное слово. Но не обижайтесь: Вы так обскакали свой возраст – миновав разум – *мудрость,* самолюбие – *гордость* и т. д., что мне досадно видеть в Вас – просто школьническое.

О стихах: Вы еще питаетесь внешним миром (дань полу: мужчины вообще внешнее женщин), тогда как пища поэта: 1) мир внутренний, 2) мир внешний, сквозь внутренний пропущенный. Вы еще не окупаете в себя зримость, даете ее как есть. Оттого Ваши стихи поверхностны. *Ваши стихи моложе Вас.* Дорасти до самого себя и перерасти – вот ход поэта.

Вы сейчас отстаете (Вы многое знаете, чего еще не умеете сказать – оттого, что *недостаточно* знаете) – вровень будете лет через семь,

* Порядок вещей *(фр.).*

а дальше — перерастание, во всей его неизбывности, ибо — чем больше растет поэт, тем больше человек, чем больше растет человек...

Это я о насущном, внутреннем.

О внешнем: Вы еще не умеете работать, в Вас еще нет рабочей жилы, из которой — струна! Слова в Ваших стихах большей частью заместимы, значит — не те. Фразы — реже. Ваша стихотворная единица пока фраза, а не слово. (№: моя — слог.) Вам многое хочется, кое-что нужно и ничего еще не необходимо сказать...

И чтобы закончить о речах и стихах: Вы еще немножко слишком *громки*[1].

15

Медон, 5-го октября 1928 г., пятница

Дорогой Николай Павлович, я уже успела по Вас соскучиться. Лежу второй день, жар был и спыл, но нога (прививка) деревянная, а когда *не* деревянная, то болит. Двигаться не могу, разве что на одной. Лежу в чудной розовой ночной рубашке — новой — подарке Али, жаль, что Вы меня в ней не увидите, — и не только в ней, вообще — лежащей, т. е. самой доброй и кроткой. Завтра вторая прививка, м. б. будет еще третья, во всяком случае встану не раньше вторника. Рука еще болит — видите, как пишу? Вчера у меня был в гостях Товстолес[1], просидел на сундуке до сумерок, говорили о Балтике (оттуда) и черной магии. Оказывается, мы оба под знаком Сатурна[2], все приметы совпадают. Очень радовался не-евразийской теме беседы (евразиец). А почему Вы тогда сказали: «После того как я от Вас тогда ушел, мне уже было все равно — на людях или одному»... Вам было так хорошо? Или так плохо? Или так — *как*? Ответьте.

Вообще напишите мне — как здоровье, что делаете, что читаете, скучаете ли обо мне. Какая дикая жалость — *такое* совпадение! (болезней). Вы бы сидели у меня целый день — или 1/2 — или 1/4 — сколько смогли бы и захотели. Нынче с утра налетела А. И. Андреева и забрала у меня Н⟨овый⟩ М⟨ир⟩ на два дня. Справляемся с Алей, вернее — справляется одна, я лежу и ничего ускорить не могу. Если придет Ваша мама, передам Вам, через нее «подарочек». До свидания, родной, Вы мне снились, спрашивала Вас о том же (вопрос по середине письма). Пишите про здоровье, как я была бы счастлива, если бы Вы сейчас вошли. — Сидите дома. —

М.

16

Я — здесь, а с других хватит и закрыток[1].

МЦ.

5-го окт⟨ября⟩ 1928 г.

17

⟨Ноябрь 1928 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович,

Будьте завтра у меня в 6 ч., пойдем в Кламар за женой Родзевича[2] и Владиком[3], а оттуда все вместе на Маяковского.

Непременно.

Завтра, во вторник, в 6 ч. у меня. Жду. Это его п леднее чтение.

МЦ.

18

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
1-го января 1929 г., вторник

С Новым Годом, милый Николай Павлович!

Давайте к Гриневич[1] в воскресенье,—все остальные вечера у меня разобраны. Заходите за мной в 8 ч., к 9-ти час⟨ам⟩ будем у них.

Как Ваше здоровье? Аля сказала, что Вы кашляете и хрипите. Я тоже.

Всего лучшего, поздравьте от меня ваших, особенно—маму.

МЦ.

Если не трудно, напишите г⟨оспо⟩жам Гриневич, что в воскресенье.

19

⟨Начало января 1929 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович!

Если можете, зайдите ко мне к 2 ч., не можете—как писала, в воскресенье в 8 ч.

Жду Вас до 2 ч.

МЦ.

20

⟨5-го января 1929 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович,

Будьте у меня в 7 ч., после 7-ми поездов много, а В⟨ера⟩ С⟨тепановна⟩ просила, что приехать пораньше, иначе она очень устает.

Итак жду

МЦ.

Суббота

21

Н. П. Гронскому—прошу ответа—

⟨25-го января 1929 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович,

Можете ли Вы завтра утром проехать со мной в чешское консульство, *срочно* необходимо, боюсь, что и так опоздала[2].

А вторая просьба: узнать, где это консульство (*кажется,* что Av⟨enue⟩ Kléber, но только кажется, и № не знаю)[3]. Именно консульство (Consulat tchèque), а не посольство. Ответьте, пож⟨алуйста,⟩ через Алю.

— Перевожу сейчас письма Р⟨ильке⟩[4].

— Да! Не поедете ли со мной в пятницу на Miss Cavel (Convention «Magique»)[5]. Подумайте!

МЦ.

Пятница — завтра. К⟨инематогра⟩ф дешевый и чудный.

22

⟨Февраль 1929 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович, С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ очень Вас просит обменять ему книги в библиотеке, вместо 4 книг взять 3 (там знают), взять последние №№ сов⟨етских⟩ журн⟨алов⟩ — Красн⟨ая⟩ Новь, Кр⟨асная⟩ Звезда, Печать и Рев⟨олюция⟩[2]. Мне, пожалуйста, обменяйте Лескова на Лескова же (*не* Соборяне[3]) или — Мельн⟨икова-⟩Печерского[4]. Я вечером (к 9 час⟨ам⟩) часто дома — м. б. сегодня зайдете? Завтра меня не будет. — Когда Волконский?[5] Всего лучшего

МЦ.

23

⟨Около 30-го апреля 1929 г.⟩[1]

Николай Павлович! Приходите завтра утром ни свет ни заря по делу выступления Волконского[2]. Ведь у меня читает Св⟨ятополк-⟩Мирский и Волконского нужно *предупредить* (не знаю их взаимоотношений), а объявление (платное) в П⟨оследние⟩ Нов⟨ости⟩ должно быть сдано завтра до 12 ч.[3] — кого же объявлять?? Словом, будьте у меня *не позже 9 ч.* (девяти). А то — неизвестно что.

Благодарная днесь и впредь

МЦ.

24

⟨Май 1929 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович,

Заходите как только сможете — дело спешное, с вечером — я дома до 2 ч. и после 5 ч., но если можете в течение утра.

Готова ваша карточка с Сергеем Михайловичем.

Итак, жду.

МЦ.

25

⟨Около 24-го мая 1929 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович,

Будьте у нас в 7 ч., мы вместе поедем к С⟨ергею⟩ М⟨ихайловичу⟩, с которым я еще должна посоветоваться о его чтении, а Вы направитесь в зал, — мы с С⟨ергеем⟩ М⟨ихайловичем⟩ проедем вместе.

Не запаздывайте!

МЦ.

Стало быть Вы отвозите меня к С⟨ергею⟩ М⟨ихайловичу⟩.

26

Сердечное спасибо, милый Николай Павлович, и глубочайшие извинения за *гвозди.* — Что ж: не судьба; верней: судьба. Утешаюсь холодной погодой, человека *сжимающей,* обратно жаре, выгоняющей его из кожи и из квартиры (что, впрочем, то же!) — Пишите о своей жизни: ландшафтах, прогулках, знакомствах[1]. Пришлите снимки, если есть. — Дальше конечно не ищите: явно-бесполезно. М. б. отправлю Алю на две недели на море (в Бретань) гостить к знакомым, а сама осенью на столько же в Прагу — давняя мечта.

Еще раз, спасибо от всего сердца — и за это, и за все. Вы удивительный человек.

МЦ.

Числа не знаю, *конец июня 1929 г.*

27

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
7-го июля 1929 г.

Милый Николай Павлович! Очень возможно, что мы с Вами скоро свидимся. В С⟨ен-⟩Мишеле[1] (немножко *над*) есть дом — очень дешевый — с двумя кроватями и столами. Дело в стульях и в тюфяках, первые можно осуществить ящиками, вторые — соломой (NB! б л о х и!!!) Часть скарба придется везти отсюда (посочувствуйте!) остальное купить в С⟨ен-⟩Мишеле на базаре (NB! и тащить на себе в гору — 20 мин⟨ут⟩ или больше). Жду окончательного ответа от русского полковника-рабочего[2], который там живет уже третий год. С⟨ен-⟩Мишель — густо-лесной, римская дорога и развалины. Жители старые и в старом.

Узнайте на всякий случай сколько туда (и обратно) дорога от Вас, м. б. я попросила бы Вас побывать там до нашего приезда и встретить. И немножко устроить (ящики, напр⟨имер⟩, ибо таскать придется мне одной: Аля — с Муром, а полковник на заводе) — испытать плиту, м. б. купить кое-что из хозяйственного. Напишите 1) цену ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩ 2) возможно ли это *в идее,* т. е. пожертвовали ли бы Вы 2-3 днями блаженства в Аллемоне на муку в ⟨Сен-⟩Мишеле. М. б. и не придется. М. б. дорога настолько дорогá — я ведь не представляю себе расстояний, — *мой* путеводитель Вы увезли. На мой запрос ответьте скорее.

Второе — важное. Какова — нормально — (на не-норму нормы нет!) погода в августе и в сентябре? Стоит ли вообще ехать? Меньше чем на два месяца не имеет смысла, а выедем мы к концу июля, — не раньше 20-го, т. е. в расчете на август и сентябрь. Спросите у своего хозяина — есть ли смысл, т. е. не попадем ли мы *в стужу.* Но Вы ведь тоже будете до конца сентября?

— Есть (будут) ли грибы? Черника? С⟨ен-⟩Мишель — сплошь-лесной, преувеличенная Чехия. Расспросите о С⟨ен-⟩Мишеле Вашего M. Manin[3], м. б. он был или знает.

Итак 1) что Вы думаете о предварительной поездке туда (не забудьте цену проезда, деньги вышлю как только решу — *если* решу) 2) норма раннеосенней погоды.

У нас позднеосенняя: ветер, тучи, ни дня без дождя, полная ненадежность. Жары — и в помине нет.

— Служит ли Вам моя палочка? Очень хотелось бы с Вами полазить.

До свидания — может быть скорого.

МЦ.

P. S. Наш дом среди десятка таких же, — *не* тот страшный одинокий за 60 фр⟨анков⟩.

Пришлите мне какие-нибудь виды Аллемона, обожаю горы.

Сердечный привет от всего семейства.

Вы — Isere, а мы — Savoie!

28

⟨12-го июля 1929 г.⟩[1]

Дорогой Николай Павлович! Спасибо.

Дела таковы: мне предлагают дом — дешевый — в горах. Предлагает человек бессемейный — военный — рабочий, м. б. не знающий всех трудностей, связанных с семьей и оседлостью. Свободен он раз в неделю, времени на подробности у него нет. Ехать вслепую — боюсь.

Чтó за дом? *Возможный* или нет? Кто соседи (группа в 10—12 домов над С⟨ен-⟩Мишелем) и что у них *наверняка* можно достать? (Молоко, яйца, зелень.) Есть кафе, — есть ли в нем табак и спички?

На каком точно расстоянии от С⟨ен-⟩Мишеля? Сколько ходу? Полковник писал о 2 кроватях и столах (одну «пару» дает он, другую хозяин). *Реальность* ли? Можно ли в С⟨ен-⟩Мишеле купить ящики — вместо стульев и полок? Ведь нельзя же жить на полу, — я все-таки надеюсь заниматься.

Приеду я по всей вероятности одна с детьми, — *все* будет на мне. — Как с водой? (есть ли колодец?) Боюсь *заехать*.

По-моему, самое лучшее было бы *сев на поезд* (проще! погулять мы с Вами успеем) доехать до С⟨ен-⟩Мишеля, познакомиться с полковником и сообща все обдумать — он *очень* милый человек. Вместе осмотреть дом и взвесить. М. б. — если *такая гора* (устройство!) — заслонит все горы и — просто — *не стоит*. А м. б. только издалекá так страшно. У полковника нет времени и у него другой строй жизни, он не может войти в мое положение. Вы — можете, ибо живете семьей и знаете, что это значит. *Решите за меня* и отпишите.

Действует ли плита? (на случай порчи примуса) Чем топят? Очень важно расстояние от С⟨ен-⟩Мишеля: придется неустанно таскать тяжести — продовольствие, керосин — учтите. Сильно ли в гору и сколько ходу?

Кто соседи? Где живет хозяин? (Большая ли семья и нет ли *ведьм* — о, не киевских![2] — *бытовых*.)

Мое письмо возьмите с собой.

— Каков С⟨ен-⟩Мишель? Аптека? Лавки? (Красота — потом. На *тóм* — свете!)

Будь я Вами, я бы списалась с полковником, *когда* он свободен, и проехала бы прямо к нему. После осмотра — отписала бы мне, в освещении собственного впечатления (NB! живой Волконский). Я бы решил*а*

и тогда мы оба принялись бы действовать: я выслала бы Вам деньги на самонужнейшее обзаведение и Вы бы нас, в означенный день, встретили.

Все это очень трудно, но может выйти и чудно, — Вы бы к нам наезжали, гуляли бы вместе, и т. д. Странно: прошлым летом Вы́ ко мне (сорвалось!) теперь я — к Вам — и м. б. *не* сорвется.

Ад⟨рес⟩ полковника:
M. Georger Ga anidzé
Usine de la Saussay
St. Michel-de-Maurienne (Savoie)
Георгий Романович Гаганидзе[3].
Посылаю Вам его письмо — вчитайтесь[4].

Напишите ему, что Вы по моему поручению и т. д. хотели бы осмотреть дом. Пусть он Вам назначит день и сообщит свой домашний адрес.

Пока всего лучшего, спасибо, буду ждать вестей.

МЦ.

P. S. Если он свободен только в воскресенье — в это (нынче пятница), Вы уже не поспеете, а ждать следующего — долго. Вы могли бы с ним повидаться вечером *после его службы*, переночевать у него (если возможно), и утром отправиться самостоятельно — de la part de M⟨onsieur⟩ Gaganidze pour une famille russe* и т. д. Так лучше, а то я к 1-му августу и не соберусь. Напишите об этом Гаганидзе, т. е. можно ли у него переночевать, и приведите доводы. Я ему о Вашем возможном посещении пишу нынче же[5].

— М. б. у него за это время что-нибудь другое наладилось, более удобное, — тоже не исключается.

МЦ.

Очень хочу в горы.

29

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
24-го июля 1929 г.

Дорогой Николай Павлович!

Не сердитесь, — все вышло помимо меня. Вы ведь знаете, что я от себя не завишу.

Первое: ответ полковника, что тот дом в 80 фр⟨анков⟩ — ушел (NB! оказалось — и кровати можно достать, и столы и даже шкаф, — чего же не говорил раньше??). Второе: дела С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ не дающие ему возможности выехать — что-то случилось, случается[1] — что, рассказать не могу, словом — деньги с вечера целиком должны уйти на жизнь. Об отъезде и думать нечего.

Простите за все беспокойство, — вопросы, расспросы, поручения. Мое единственное оправдание — полная уверенность, что поеду. Рухнуло сразу.

Алю надеюсь на 2 недели отправить в Бретань, к знакомым. О себе пока не думаю, знаю только, что дико устала от Медона и хозяйства,

---

* От имени г-на Гаганидзе для одной русской семьи *(фр.)*.

хозяйства и Медона и что ни хозяйство, ни Медон, ни усталость не пройдут. Радуюсь за Вас, что Вы там, и горюю за себя, что Вас здесь нет — вспоминаю прошлогодние прогулки. У меня нет спутника, не гуляла уже — да с нашего последнего раза. Никого не вижу, не знаю почему. Должно быть — еще скучнее, чем с собой. Да и многие разъехались: письма из Швейцарии, с Пиреней, из Голландии. А мои — все из Медона. К В⟨ере⟩ С⟨тепановне⟩[2] не тянет, — она все о «втором Христе» (Кришнамурти)[3], с С⟨ергеем⟩ М⟨ихайловичем⟩[4] изредка переписываемся, он тоже никуда не уехал, но у него нет хозяйства. Гончарова на Средиземном море. (А я в Медоне.)

Ваш папа рассказывал чудеса об аллемонских грибах. Соберите и насушите — и подарите, я вскоре совсем обнищаю (не шучу!) а это — чудный ресурс. Мне когда-то из каких-то лесов прислал мешочек Шингарев[5], — полгода ели. У нас грибов еще нет, — недавно ходили целое утро — всем семейством — ни поганки! Ваш хозяин наверное знает как сушат грибы. (А может он gentilhomme* и даже не знает как они растут? Тогда его домоправительницу — если не померла.) Шингарев сушил на солнце, разбросав на листе бумаги, это лучше, чем связками. Можно и в духовке, которой в вашем замке наверное нет. О грибах — мечтаю.

18-го/31-го июля 1929 г. — А вчера были мои имянины (17-го). Были: Карсавины — всем семейством[6], — Ивонна[7], Радзевичи[8], Владик[9] и В. А. С⟨увчин⟩ская. Подарки: от Али — серебряный пояс, кошелек (копытом) и грам⟨мофонные⟩ иголки, от С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ 2 тома Пруста «La Prisonniere»**, от Ивонны почтовую бумагу (не терплю коробок — только блокноты!), от Радзевичей тетрадь и чернила, от Карсавиных: фартук, папиросы и дыню, от Владика дыню, от В⟨еры⟩ А⟨лександровны⟩ цветок и вино. Было чудное угощение, очень жалела, что Вас не было, сидели поздно. Мур побил Сусю[10] (младшую Карсавину) ружьем. Вчера он в первый раз в жизни был у парикмахера и обнаружил совершенно отвесный затылок. — «Ça Vous'etonne? Moi non, — il y ena, il y en a des têtes!»*** — философический возглас парикмахера.

Да! нынче открытка от С⟨ергея⟩ М⟨ихайловича⟩. Горюет, что не видит ни Вас ни меня. Написал Вам письмо по старому адресу. Завтра еду к нему и дам Ваш новый, — напишу и приколю на стенку.

Прочла совершенно изумительные мемуары Витте — 2 огромных тома[11]. Советую. Обвинительный приговор рукой верноподданного. Гениальный деятель.

— Из новостей: бракосочетание Максима Ковалевского[12] с Ириной Кедровой[13] и бракосочетание Сосинского с Адей Черновой[14] (не близнецом! «близнец» — остался — лась!)[15]. Но это уже давно. На свадьбе Ади был убит — сбит с велосипеда автомобилем — один из гостей, Шарнопольский[16], варивший пунш. Хороший юноша, большой друг Гончаровой и, немножко, мой (видела его во второй раз). Последний с кем говорил — со мной. Ужасная смерть. Расскажу при встрече. (Погиб на тихой уличке Pierre Louvrier.)

---

* Дворянин *(фр.)*.
** «Пленница» *(фр.)*.
*** «Это Вас удивляет? Меня нет, — есть много, много голов» *(фр.)*.

— Когда возвращаетесь и успеем ли мы с Вами, до зимы, погулять? Навряд ли. Я по Вас соскучилась. Пишите.

МЦ.

〈*Приписки на полях:*〉

Пишите о природе и погоде. У нас опять холода, но я уже не обращаю внимания.

У меня был дикий скандал с лже-евразийцем Ильиным[17] — у Бердяева — у которого (знакома 16 лет!) была в первый раз[18]. Присутствовала Вера Степановна. Скандал из-за царской семьи, 〈про〉 которую он, Ильин, обвиняя евразийцев в большевизме, говорил как большевик 1918 г. — Теперь таких нет. ХАМ. При встрече расскажу.

P. S. Когда Ваш день рождения? Что-то в этих числах[19]. У меня для Вас есть подарок.

30

Н. П. Гронскому — прошу ответа —

〈*Ноябрь 1929 г.*〉[1]

Милый Николай Павлович, большая просьба, у нас беда с водой: ванна заткнута, а горячий кран в умывальнике не закрывается, черт знает что.

С〈ергей〉 Я〈ковлевич〉 болен четвертый день, не встает и починить не может, кроме того, нет отвертки.

Не зашли бы Вы с инструментами (если есть) сразу после завтрака (завтракать не зову, ибо обнищали), после к〈оторо〉го мне нужно в город — м. б. поедем вместе? Если можно — ответьте через Алю. Всего лучшего, простите за беспокойство.

МЦ.

31

Милый Николай Павлович! Не удивляйтесь моему молчанию — очень болен С〈ергей〉 Я〈ковлевич〉. На почве крайнего истощения — возобновление старого легочного процесса. Страшный упадок сил, — так называемая *под*-температура: 35,8 — 37, т. е. то же повышение в сутки на один градус. Все эти дни — исследование крови, рентген, снимки и т. д. *Основная* болезнь еще не найдена, — она-то и точит. Все врачи в один голос: воздух и покой, — то чего нет в Медоне: воздух — сплошной пар, а покой — Вы сами знаете. Вся надежда на людей (друзей). Еще большое горе (особенно для С〈ергея〉 Я〈ковлевича〉, близко знавшего) — умерла Н. И. Алексинская[1], — сгорела в 4 месяца (туберкулез легких).

Бесполезно спрашивать, как Вы́, раз все равно не можете ответить. Надеюсь, что все хорошо, ибо плохого не слышу. Будет ли у Вас *полная дезинфекция*? Иначе не представляю себе встреч. Зараза годами живет в стенах, — очень уж страшна болезнь. Надеюсь на дезинфекцию из-за Вашей племянницы, — где-то она? Не в одном же доме, или Вы́ — вне?

До свидания, не будьте в обиде — всякий день хотела писать Вам, но все отрывало — поправляйтесь, дезинфицируйтесь и пишите. (NB! Ни у кого из нас (тьфу! тьфу!) не было — чего, Вы сами знаете, Муру сделано

две прививки, Аля — будет, мне не советуют из-за сердца, С⟨ергею⟩ Я⟨ковлевичу⟩ и подавно, — следовательно, будьте осторожны!)

Вскоре напи у еще. Привет вашим — если с Вами.

МЦ.

1-го дек⟨абря⟩ 1929 г.

⟨Приписка на полях:⟩

Как странно, помните Вы мне за неск⟨олько⟩ дней рассказывали про еврея-врача, не побоявшегося? А болезнь уже в Вас *сидела*.

32

⟨1929 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович!

Очень жаль и чувствую себя очень виноватой, хотя на пятницу не сговаривались, а вчера в субботу была дома ровно в 5 ч., т. е. 2 или 3 мин⟨уты⟩ спустя Вашего ухода, — даже немножко пошла вслед.

Но у Вас ноги длинныя.

Нынче сдаю (на просмотр) первые главы[2], а завтра та́к или иначе извещу Вас, скорей всего зайдем с Муром утром. А м. б. и сегодня возле 3 ч. Когда Вы вообще дома?

МЦ.

33

⟨1929 г.⟩[1]

Дорогой Николай Павлович,

Если будете нынче в городе, не могли бы завезти Гончаровой[2] следующую записку, — крайне нужно. (Либо 13, Visconti либо 16, Lacques Callot, — вернее *первое.*) В крайнем случае воткните в дверь мастерской, а в лучшем (случае) привезите мне ответ. М. б. с моего вокзала поедете? Тогда зайдите, — столкуемся о Яннингсе[3].

До свидания!

МЦ.

Вторник.

— Хорошо бы, если зашли. М. б. к 12 ч.? Тогда у нас позавтракаете.

34

⟨1929 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович, застаю пустынный дом, такой же как улицы, которыми шла. Жду Вас завтра к 12 1/2 ч. (завтра рынок и, боюсь, что к 12 ч. не управлюсь). Но не позже.

Спокойной ночи!

35

⟨20-го марта 1930 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович! Если свободны, приходите завтра вечером, пойдем в наш к⟨инематогра⟩ф (хоро ий фильм) и расскажу Вам

новости про свой вечер[2]. *Завтра — пятница.* Жду Вас до 8 1/2 ч., но лучше будьте к 8 1/4 ч.

МЦ.

Четверг.

Не можете — заходите в субботу, не позже 3-х ч. Кстати передам Вам библиотечную книгу.

36

⟨1-го или 8-го апреля 1930 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович,

Письмо от Тэффи, ждет меня завтра в среду *к 11 ч.*, чтобы составить заметку для Возрождения[2]. До завтра мне *необходимо* знать, *в каких книжн⟨ых⟩ магаз⟨инах⟩* продаются билеты. Нынче я дома от 5 ч. весь вечер, завтра еду поездом 10 ч. 50 мин⟨ут⟩. Ради Бога — известите, а то зря поеду.

У Вас в доме никого, только белье кипит в одиночестве.

МЦ.

37

⟨9-го июня 1930 г.⟩[1]

Милый Н⟨иколай⟩ П⟨авлович,⟩

Нынче забыла у Вас ручку — тростниковую, маленькую, рядом с чернильницей.

Ради Бога тотчас же спрячьте и занесите мне ее в пятницу. Поезд в 10 ч. 50 мин⟨ут⟩[2]. Будьте не позже 10 ч. 30 м⟨инут⟩ *у нас.*

До свидания! Спасибо.

МЦ.

Понедельник.

38

⟨23-го июня 1930 г.⟩[1]

Милый Н⟨иколай⟩ П⟨авлович⟩. Большая просьба. 28-го июня, т. е. на днях, в нашей квартире будет трубочист, необходимо, чтобы кто-нибудь был в ней с 8 ч. утра. Если можно — переночуйте, чтобы пе опоздать. Печка у нас в ужасном виде, прочистить необходимо, а звать отдельно осенью будет дорого, да и не дозовешься. Ключ у Али[2], т. е. у прислуги Жанны — 18 bis, Rue Denfert-Rochereau, кв⟨артира⟩ Лебедевых. Можете взять в любое время. Потом оставьте у себя до отъезда, кому передать — извещу.

У нас все грозы, но теперь по ночам, а дни чудные.

Палочку пришлю недели через 2, возьмите в Медоне, адрес сообщу. Выберу покрепче. Как Ваши экз⟨амены⟩?[3] Напишите словечко.

Привет и спасибо заранее за трубочиста: 28-го июня 8 ч. утра.

Если увидите С⟨ергея⟩ М⟨ихайловича⟩[4] — горячий от меня привет.

МЦ.

Числа не знаю, знаю что нынче — понедельник.
〈*Приписка на обороте:*〉
Это — ближайший от меня городок, быв〈шая〉 столица Савойи[5].

39

С〈ен-〉Лоран, 10-го июля 1930 г.

Милый Н〈иколай〉 П〈авлович〉! Посылаю Вам пока 100 фр〈анков〉 — на задаток. (Если книга ушла, верните так же, простым заказным)[1]. Узнайте, кстати, последнюю цену и сообщите где-нибудь сбоку письма, мелко, просто цифру — пойму. И через неделю дошлю остаток. Перед покупкой проверьте хорошенько книгу, нет ли вырванных листов или гравюр. Поаккуратней заверните.

А это — La Roche-sur-Foren, чудесный городок, куда ездим на рынок, вернее — ходим[2]. А сегодня за нами увязалась собака (моя, благоприобретенная: chién-berger-quatre-yeux)* и пришлось — так как обратно из-за груза ехали поездом платить за нее 5 фр〈анков〉 50 коп〈еек〉[3], т. е. вчетверо дороже, чем за человека.

Вчера ходили с хозяйкой (пришла из города за земляникой) и набрали — ходили мы́ с Тасей[4] — каждая по литру. 2 часа сбору. Места самые змеиные, ноги и руки изодраны в кровь, но ни одного змеиного хвоста не видали.

Мимо этого замку ходим каждый раз, — не знаю какого века, жил кардинал. (Мур, зараженный древностью: — «Мама! Когда Томми родился?» Томми — лошадь хозяев Сережиного замка, возящая и отвозящая «les hôtes»**, к тому же пашущая.)

Здесь три замка: Сережин, рядом — другой — Comte de Chambos и кардинальский. Все — разные. Замки и избы, домов меньше всего, медонского образца совсем нет, — как будто не строят. Нашему дому ровно 100 лет, еще застал Гёте.

Пишите — как дела с Ир〈иной〉 К〈арсавиной〉 (бывает ли в доме, самая лучшая — мать, потом Марьяша, она *очень* добрая и гораздо умнее сестры)[5]. Кланяйтесь им всем от нас и узнайте *их письменный адрес*, знаю дом только с виду.

Итак, с нетерпением жду насчет Ундины[6]. Простите за вечные хлопоты. Что — «О Германии»?[7] Надо торопиться. Фотогр〈афии〉 получились *отлично*, вышлю через неделю — заказаны.

МЦ.

40

С〈ен-〉Лоран, 18-го июля 1930 г.

Милый Н〈иколай〉 П〈авлович〉. В саду ручей, впрочем не сад, а лес, и не лес, а тайга: непродёрная. Над щетиной елей отвес скалы. Все прогулки — вниз, мы последний жилой пункт. Почты нет, пишите на:

* Собака — пастух — четыре — глаза *(фр.)*.
** «Гостей» *(фр.)*.

St Pierre-de Rumilly Château d'Arcine (H⟨au⟩te Savoie) мне. Завтра у Вас экз⟨амен⟩, ни пуха, ни пера! Третья гроза за 2 дня. Электричество потухло, пишу при уютной керосиновой лампе. Мур спит. Немножко обживусь — напишу подробнее. Спасибо за проводы и неизменную преданность.

МЦ.

⟨*На полях печатными буквами:*⟩

МУР — ЧИТАЕТ И ПИШЕТ!!!

41

St. Pierre-de Rumilly (H⟨au⟩te Savoie)
Château d'Arcine
26-го июля 1930 г.

Дорогой Н⟨иколай⟩ П⟨авлович⟩. Спасибо за все. Простите, что не писала раньше, болен Мур — вот уже почти месяц. Свалился в ручей и, хотя тотчас же был извлечен и высушен, застудил себе весь bas-ventre*, — вроде воспаления пузыря. Д⟨окто⟩р сначала подумал, что — нервное, прописал бром, бром не помог, тогда прописал ежедневные (даже 2 раза в день) горячие ванны, приволокли за 12 кил⟨ометров⟩ цинковую бадью — и с третьей ванны — простуда. Лежит в постели уже неделю, на строгой диете, очень похудел. Я никуда не выхожу и нигде еще не была, ни в Annecy ни в Aix'n ни в Chamonix (куда мне совсем не хочется, хочется в Annecy — из-за Руссо, к⟨оторо⟩го я только что кончила)[1].

Болезнь Мура затяжная — когда-то вылезет? Условия для {лечения / лежания} невозможные: холод, льет, топить нечем. Погода ужасающая, злостный ноябрь. Дела полны руки, у нас на пансионе Извольская, нужно хорошо кормить, в деревне ничего, кроме молока, хлеба и сыра — нет, бегаем в La-Roche — 12 кил⟨ометров⟩ aller-et-retour**, времени на писание (даже писем) совсем нет. Один примус вообще угас, другой ежеминутно заливается нефтяными фонтанами. Целый день отмываю копоть с кастрюль, — с рук уже не стоит.

Все простужены. Вот тебе и горы! С⟨ергею⟩ Я⟨ковлевичу⟩ нечем доплачивать за пансион (Кр⟨асный⟩ Крест дает 500 фр⟨анков⟩, нужно еще 500 фр⟨анков⟩, 2 раза доплачивала я, но иссякла).

Вот наши невеселые дела.

Эта дорога рядом с Château d'Arcine, внизу шумит зелено-черный Борн, высота страшная. Напишите о себе, своем лете, всем. Занимаетесь ли? Куда и когда едете? Как погода? Как здоровье Ваше и Нины Николаевны?[2] Поцелуйте ее за меня.

МЦ.

Еще раз спасибо за Германию[3]. Деньги нашла: пошли Муру на ванну (Ундина!)[4]

⟨*Приписка на полях:*⟩.

Не видала в Савойе еще *ни одной коровы*[5]. Откуда молоко?

* Низ живота *(фр.)*.
** См. перевод на с. 130.

42

St. Pierre-de Rumilly (H⟨au⟩te Savoie)
Château d'Arcine
—мне—
5-го авг⟨уста⟩ 1930 г.

Дорогой Николай Павлович! Сердечное спасибо за чудный подарок,—держа в руке, долго гадала: что? И оказалось—самое нужное и приятное.

Идея: почему бы Вам не проехать в С⟨ен-⟩Лоран? Ночевали бы на сеновале, где часто ночует С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩, засидевшись до срока закрытия замка. Сеновал чудный, свод как у храма. Из Гренобля в С⟨ен-⟩Лоран совсем недалеко, С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ дважды ездил к Афонасову[1]. Могли бы, при Вашей любви к ходьбе, полдороги сделать в вагоне, остальное пешком.—Серьезно.—Буду Вам очень, очень рада, проедем вместе в Annecy, на дивное озеро. Повидаете снежные горы (Chamonix, Mer de Glace). Все это *осуществимо,* и—странно, что Вам самому не пришло в голову. Погостили бы недельку. С голоду бы не умерли, еда простая, но много, и готовлю я, как Вы знаете, на целую артель («на мало—не стоит труда!»).

Словом—жду. Помните, в Понтайяке не удалось, пусть удастся сейчас. Пойдем компанией в ночевку на Môle (высшая гора поблизости, 2 тыс⟨ячи⟩ 500, С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ с Алей были, там цветы с кулак, и любимая Вами «область скал». Вверх—5 ч., вниз—7 ч.).

Никаких отговорок, мы сейчас соседи, вообразите, что Вы в Bellevue, а я в Медоне. Не сможете на неделю—на три дня. Отвечайте тотчас же: во-первых *да*, во-вторых—*когда.* Мы с Вами столько лазили по холмам, что не грех разок и нá гору.

До свидания (скорого). Предупредите заранее, п. ч. может статься, что получу днем позже—из-за осложнения с почтой. Узнайте час прихода поезда, встретим.

Итак __________

МЦ.

⟨Приписка на полях:⟩

Угощу Вас чудным малиновым вареньем: еще горячее! Собирали Аля и Наталья Николаевна[2].

Никаких доводов не принимаю.

43

Здравствуйте, Милый Николай Павлович!

Буду рада повидаться. Не забудьте ключ.

Лучше всего к 3 ч., когда выходим на прогулку с Муром.

До скорого свидания!

МЦ.

14-го окт⟨ября⟩ 1930 г.

44

Медон, 18-го окт⟨ября⟩ 1930 г.

Милый Н⟨иколай⟩ П⟨авлович!⟩

(Так Царица писала Саблину)[1]

Вот листок для France et Monde*[2]. Если думаете зайти ко мне в понедельник, заходите *не позже 6-ти,* ибо уезжаю.

Если же *не* можете — во вторник утром.

Сердечный привет.

МЦ.

45

⟨20-го октября 1930 г.⟩[1]

Милый Н⟨иколай⟩ П⟨авлович⟩,

Только что письмо от Фохта[2], где он пишет, что денег в Редакции нет, что он сам мне передаст деньги и т. д., — словом обычная морока.

Но Вы все-таки поезжайте. 1) м. б. и сказки, т. е. все-таки заплатят (мое положение *ужасно*) 2) если скажут, что платежами заведует Фохт, Вы им вручите прилагаемое письмо, к⟨отор⟩ое Вас уполномачиваю прочесть[3].

Спасибо заранее. Если сможете — зайдите рассказать *до шести,* не сможете — завтра утром.

М. б. они Вам сразу передадут несколько номеров журнала для меня, *попросите.*

МЦ.

Понедельник

46

⟨Конец октября 1930 г.⟩[1]

Милый Н⟨иколай⟩ П⟨авлович⟩,

Сейчас получила вторичную повестку на кв⟨артирный⟩ налог — 450 фр⟨анков⟩ — saisie en huit jours**, т. е. 7 нас будут описывать.

Нужно во что бы то ни стало выдрать фохтовские деньги, т. е. —

Заходите за мной завтра, чтобы вместе отправиться в Humanites Contemp⟨orain⟩*** (France et Monde) и попытаться наконец получить. Возьму с собой повестку.

Приходите так, чтобы вернее застать кого-нибудь в редакции.

Итак жду.

МЦ.

47

⟨Январь-февраль 1931 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович!

Большая просьба: у меня есть надежда издать Перекоп отдельной книжкой[2], но для этого необходимо переписать его на машинке. — 1000 строк. —

* «Франция и мир» *(фр.)*.
** Наложение ареста на имущество в восемь дней *(фр.)*.
*** Современные гуманитарные науки *(фр.)*.

Отдельного беловика, с которого бы можно было переписывать, у меня нет, пришлось бы с голосу, т. е. мне — диктовать. Думаю, если бы по 100 строк (коротеньких) в день — справились бы дней в десять. Вы же знаете мою строку — короткую.

Ответьте пожалуйста — можете ли? Обращалась в контору, но безумные цены.

Если *да*, нужно было бы приступить сразу.

Всего лучшего.

МЦ.

Утром я почти всегда свободна, но об этом сговорились бы потом.

Если да, сообщите свои более или менее свободные часы: утро? apres-midi?* вечер? Я очень связана отъездами в город С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩, но выкроить бы можно было.

У Вас ли книги, бывшие у Странге[3]: 2 тома Дюма и Гёста Берлинг?[4] Я его совсем не вижу, боюсь книги пропадут.

48

⟨Февраль 1931 г.⟩[1]

Милый Н⟨иколай⟩ П⟨авлович⟩,

Перекоп более или менее готов. Когда Вы можете ко мне придти печатать? Мое самое удобное время 5 ч.

Если дома — ответьте.

Привет

МЦ.

Вторник

Нет ли у Вас хоть немножко свободных денег?

Мы погибаем. Все ресурсы разом прекратились, а Новая газета статьи не взяла[2].

49

⟨Февраль 1931 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович!

Приходите нынче на блины к 12 1/2 ч., после попечатаем. Машинку накормим тоже.

Если случайно *не* можете (на блины), приду к 2 ч. — я.

Но лучше смогите.

До свидания. *Не* запаздывайте и не забудьте машинку.

МЦ.

Воскресенье.

50

⟨Февраль-март 1931 г.⟩[1]

Дорогой Николай Павлович,

Принесите мне нынче все уже напечатанное, мне нужно спешно исправить и представить. Просьба: пока никому о моих планах и надеждах насчет устройства Перекопа.

---

* После полдня *(фр.)*.

Итак, жду Вас к 4 ч. 1/2, нам нужно сделать нынче возможно больше. Сердечный привет.

Вы меня *очень* выручаете.

Нынче же уговоримся насчет поездки к В⟨ере⟩ С⟨тепановне⟩[2].

МЦ.

Понедельник.

51

⟨Весна 1931 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович, увы, увы, пролетает и вторая башмаковая сотня: мне крайне нужны деньги, дайте Але те 28 фр⟨анков⟩, а если еще спите, занесите мне их сразу после завтрака (до 2 1/2 ч.) — потом уйдем.

Итак жду.

МЦ.

Кстати, расскажите про Ивонну[2].

52

⟨Конец декабря 1932 — начало января 1933 г.⟩[1]

Милый Николай Павлович,

Если Вам не трудно, пришлите мне пожалуйста точный адр⟨ес⟩ русской гимназии и адр⟨ес⟩ того преподавателя (фамилию, имя и отчество) к⟨отор⟩ый, по Вашим рассказам, хорошо относился к моим стихам.

Мой адр⟨ес⟩ до 15-го
Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet[2]

Всего лучшего и спасибо заранее

МЦ.

Не странно ли, что попала к Вам как раз в день (а м. б. и час) Вашего приезда.

Заходили с Муром.

53

⟨Без даты⟩

Дружочек!

Сейчас ко мне заходил Ваш папа и, не застав С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩, сказал, что зайдет к 9-ти ч., с поезда.

Поэтому — приходите раньше, часам к 6 1/2, вместе поужинаем и, если не будет дождя, пойдем ходить, или еще что-нибудь придумаем.

Мне не хочется, чтобы Ваш папа думал, что Вы все время у нас — *потому — что этого нет.*

А м. б. — Аля, Вы и я — втроем в кинематограф? (наш). Говорю на случай дождя.

Словом, увидим.

М. б. уже к 6-ти придете? Не настаиваю, п. ч. боюсь отрывать Вас. Но на 6 1/2 настаиваю.

До свидания!

МЦ.

54

⟨Без даты⟩

Милый Николай Павлович!

Предложение: хотите нынче вечером в Кламар, на хороший фильм (Fiévre*, американский)[1]. Приходите как условлено в 7 ч., поужинаем и отправимся.

Расскажу о своих вечеровых делах. Только не запаздывайте.

До скорого свидания!

МЦ.

Воскресенье

55

Воскресенье. ⟨Без даты.⟩

Cher ami,

Venez me tenir compagnie avec Mour**.

Все уходят, я сижу с ним целый день. Приходите сразу после завтрака, если будет дождь посидим дома, солнце — Вы проводите нас с ним в Кламар. У меня есть для Вас приятная находка, душевного порядка.

Варенье *не* несите, ибо завтрашний день *не* упраздняется.

Жду.

МЦ.

Если солнце — не позже 2 1/2 ч. Лучше к 2 ч.

56

⟨Без даты⟩

Милый Николай Павлович!

Подождите меня, пожалуйста, я в Кламаре, скоро вернусь. Ключ под дверью.

МЦ.

57

⟨Без даты⟩

Милый Н⟨иколай⟩ П⟨авлович⟩,

Простите, что не дождалась, — пришлось неожиданно ехать в город. Жду Вас сегодня вечером, после 8 ч. Посидим — побеседуем.

МЦ.

---

* «Лихорадка» *(фр.)*.

** Дорогой друг, составьте мне с Муром компанию *(фр.)*.

58

⟨Без даты⟩

Милый Николай Павлович! Я приехала и очень рада буду повидаться. Если П⟨авла⟩ П⟨авловича⟩' сейчас нет дома, попросите его захватить письмо завтра и, если не трудно, занесите. А то оно давно лежит.

Жду Вас либо нынче вечерком, либо завтра.

МЦ.

59

⟨Без даты⟩

В субботу идем. Выясните, может ли Павел Павлович. Остальное как условлено.

МЦ.

Среда

60

⟨Без даты⟩

Милый Николай Павлович!

Вы мне *очень* и *срочно* нужны. Я дома от 12 ч. до 2 1/2 ч. и вечером от 5 ч. до 7 ч.

Дело важное.

Привет.

Вторник

МЦ.

Если не спите и дома — скажите Але, когда будете.

61

⟨Без даты⟩

Милый Николай Павлович.

Приходите ко мне, если можете, завтра часа в два — пойдем за ящиками (4 уже есть) — если есть, захватите пилку для полок.

Итак, жду до 2 1/2 ч.

МЦ.

Гронский Николай Павлович (1909 — 1934) — поэт. О Гронском см. стихотворный цикл «Надгробие» (т. 2), эссе «Поэт-альпинист» (т. 5) и комментарии к ним. Более подробно см.: Саакянц А. Оползающая глыба. Марина Цветаева и Николай Гронский (1928 — 1930). — Мир России. М., 1993. № 1. С. 160 — 170; Морковин В. «Крылатая и безрукая» (М. Цветаева и Н. П. Гронский). — *Труды симпозиума в Лозанне.* С. 221 — 236.

Сохранилась переписка Цветаевой с Гронским за 1928 — 1933 гг.: 102 письма и записки Цветаевой (из них 99 — в РГАЛИ) и 41 письмо — Гронского (там же). После смерти Гронского его родители вернули Цветаевой ее письма, и она намеревалась издать эту переписку.

В корреспонденции Цветаевой много писем и записок — открытых и «закрыток», в том числе не датированных. (В Париже Гронский жил рядом с Цветаевой,

и она часто не посылала их по почте, а передавала через кого-нибудь.) Значительную часть писем и записок удалось датировать по содержанию или другим сведениям. Девять записок, даты которых установить, даже весьма условно, не удалось, приведены в конце подборки.

Впервые: письмо 1 — *Рус. мысль*. 1991. 7 июня (публикация А. А. Саакянц); 3, 10, 13, 15, 22, 27, 28, 30, 38, 39, 41, 42 — Мир России. 1993. № 1; 5 — альманах «Поэзия». М., 1983, № 37. С. 141 (публикация Е. Б. Коркиной); 12, 13 (фрагмент), 32, 47—50 — *Рус. мысль*. 1991. 14 июня (публикация А. А. Саакянц); 14 — Новый мир. 1969. № 4. С. 202—203 (публикация А. Эфрон); 17 — *ВЛ*. 1987. № 12. С. 268 (публикация М. Соловьевой); 29 — *Рус. мысль*. 1992. 16 октября. Спец. приложение (публикация Е. Б. Коркиной). Эти письма печатаются по текстам первой публикации. Остальные — по копиям, хранящимся в архиве А. А. Саакянц.

1

[1] Речь идет о трагедии «Федра», работу над которой Цветаева закончила в декабре 1927 г. См. письмо 29 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] В Кламаре жили К. Б. Родзевич и М. С. Булгакова, его жена. (См. письма к нему в т. 6.) Возможно, речь идет о них (см. письмо 17). Не исключено, что это могли быть и Карсавины. В своих воспоминаниях Ирина Карсавина писала: «... по нашему возвращению в Кламар, а Эфронов в Медон (после летнего пребывания в Понтайяке. — *Сост.*), Марина Ивановна с Муром стали часто заходить к нам. 〈...〉 Обычно, они приходили после обеда, часа в 4; в неделю раза два обязательно, а то и три. Марина Ивановна оставляла Мура мне и Марианне, а сама шла к маме читать ей свои новые стихи...» (*Вестник РХД*, 1992, № 165, С. 192).

2

[1] Датируется по содержанию.

[2] Журнал «Воля России» (1928, № 3) с «Попыткой комнаты» появился в свет в последних числах марта. См. также письмо 34 к А. А. Тесковой (т. 6).

[3] *«Эйфель»* — имеется в виду знаменитая парижская Эйфелева башня, названная по имени ее автора Эйфеля Александра Гюстава (1832—1923), французского инженера. В тексте поэмы «Попытка комнаты»: «Где-то башня, зовется Эйфель» (см. т. 3).

3

[1] Датируется по содержанию («в 1 ч. ночи»), почтовому штемпелю (02.04.1928) и приписке на следующий день. Это письмо, а также анализ последующих датированных Цветаевой писем, у которых сохранились конверты с почтовыми штемпелями, показывают, что, как правило, день погашения марки штемпелем является следующим за датой написания письма. (Иными словами, Цветаева писала письма вечером, отправляла их на следующий день.) Поэтому, в дальнейшем, письма, где отсутствует авторская дата и имеется лишь дата штемпеля, датируются по изложенному выше принципу без дополнительных оговорок.

[2] О состоявшейся вскоре прогулке с Гронским в Версаль Цветаева писала А. А. Тесковой (см. письмо 34 к ней в т. 6).

[3] По-видимому, речь идет о Н. М. Андреевой. См. то же письмо к А. А. Тесковой и комментарий 1 к нему.

[4] *Fontainebleau* (Фонтенбло), *Мальмезон* — живописные, связанные с историей Франции места под Парижем.

4

[1] Датируется по почтовому штемпелю (20.04.1928).

5

[1] Вечер чтения А. М. Ремизова состоялся 25 апреля 1928 г. в Русском клубе (70, Rue de l'Assomption). В первом отделении писатель читал свои рассказы из книги «Посолонь» и легенды, во втором — отрывки из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

[2] «Все, кому посчастливилось слышать чтение А. М. Ремизова с эстрады, никогда его не забудут. У А. М. был довольно низкий, приятный голос. ‹...› Его искусство чтения было несравненно: очень выразительное, без внешних эффектов, подчеркиваний и усилений — он скорее прибегал к понижениям и паузам. Чтение Ремизова производило огромное впечатление и заставляло присутствующих слушать, затаив дыхание. Даже те, кому искусство Ремизова было непонятно и скорее враждебно, слушали с восхищением». (Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 79.)

[3] 23 февраля и 8 марта 1928 г. С. М. Волконский выступал с лекциями в Тургеневском обществе (77, Rue Pigalle): «О поэзии Пушкина. По России вслед за его музой» (23 февраля) и «Русский язык. Засорение и мистика» (8 марта).

[4] Ремизов писал свои особые сказки языком, стилизованным под фольклорно-религиозные древние речения, однако препарировал язык на свой лад. Цветаева противопоставляет стиль Ремизова литературной речи С. М. Волконского: «старомодно-изысканной, державинско-пушкинской».

[5] Обычно А. М. Ремизов выступал по 2—3 раза в год.

6

[1] Цветаева из-за болезни не смогла пойти на доклад С. М. Волконского «И. С. Тургенев», который состоялся 10 мая (77, Rue Pigalle).

7

[1] Датируется по содержанию данного письма, письма 9 и письма 31 к С. Н. Андрониковой-Гальперн. Речь идет об отъезде Цветаевой на лето в Понтайяк (Руайян). Судя по содержанию последнего из указанных писем, 29 июня Цветаева еще не знала точной даты отъезда, а 3 июля она пишет, что билет уже заказан. Между этими датами воскресенье приходится на 1 июля.

8

[1] Датируется условно по содержанию данной записки и писем (записок) 7 и 9.

9

[1] Датируется по содержанию с учетом писем 7 и 8.

[2] Н. П. Гронский учился на первом курсе юридического факультета и сдавал годовые экзамены. Впоследствии, получив звание бакалавра, он перешел на факультет литературы и языка Парижского университета, который окончил в 1932 г.

10

[1] Газета «Дни», выходившая с 1922 г. под редакцией А. Ф. Керенского (сначала в Берлине, затем в Париже), с 1 июля 1928 г. из-за финансовых трудностей перестала существовать как ежедневная газета. С сентября 1928 г. (по 1933 г.) «Дни» стали еженедельником.

[2] См. комментарий 2 к письму 12 к В. В. Рудневу.

[3] *Сухомлин* Василий Васильевич. См. о нем комментарий 2 к письму 12 В. Б. Сосинскому. Возможно, Цветаева уже обращалась раньше к нему со своими просьбами. В 1928 г. она надписала В. В. Сухомлину свой сборник «После России»: «Василию Васильевичу Сухомлину – неосуществившемуся другу. Марина Цветаева. Медон, 30-го июня 1928 г.» (Частное собрание).

[4] Алексеев Н. Н. См. комментарий 5 к письму 35 к А. А. Тесковой (т. 6).

[5] *Тартарен* – герой трилогии (в том числе романа «Тартарен в Альпах») французского писателя Альфонса Доде (1840 – 1897). ... *комичен и мил* – ср. характеристику, данную Алексееву Цветаевой в письме 45 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

11

[1] *Гронский* Павел Павлович (1883 – 1937) – специалист по праву, профессор Петербургского университета, видный деятель партии кадетов. С декабря 1919 г. в эмиграции. Работал в редакции «Последних новостей». ... *гонорар получила* – речь идет, скорее всего, об оплате публикаций восьми стихотворений Цветаевой в шести летних номерах «Последних новостей» (28 июня, 3 июля, 12 июля, 22 июля, 26 июля, 5 августа). Стихи – 1916 – 1920 гг.

[2] Текст письма написан на открытке с изображением местной церкви, подписанной: La Basilique Notre-Dame-de-la-Fin-des-Terres (Богоматерь-Конца-Земли) (*фр.*).

[3] До конца года «Последние новости» опубликовали еще двенадцать стихотворений Цветаевой (1917 – 1920 гг.).

[4] Возможно, речь идет о книге Рильке о Родене. (См. следующее письмо и комментарий 1 к нему.)

12

[1] «Цветаева и Гронский «обменялись» *лирическими* дарами. Цветаева подарила Гронскому только что полученное от А. Тесковой гравюрное изображение своего любимого рыцаря Брунсвика – с надписью: «Пражский рыцарь. Н. Г. – М. Ц. Понтайяк, 1-го сентября 1928 г.». Гронский, в свою очередь, подарил ей книгу Рильке о Родене, надписав: «Письмо от Рильке ⟨sic!⟩, которое он посылает через меня». (О книге Рильке см. также комментарий 2 к письму 8 к Н. Вундерли-Фолькарт. – *Сост.*) Но здесь произошла небольшая размолвка: одновременно Аля получила от Гронского в подарок книгу. Его надпись («Але с днем ангела, хотя у нее ангела и нет». – *Сост.*), в которой намекалось на то, что у Али нет «ангела», задела Марину Ивановну». (*Рус. мысль.* 1991, 14 июня.)

[2] Из стихотворения «Але» («В шитой серебром рубашечке...») (1919), вошедшего в цикл «Стихи к дочери» в сборнике «Психея» (1923). См. т. 1.

[3] *Апулей* (ок. 124 н. э. – ?) – древнеримский писатель, автор романа «Метаморфозы» («Золотой осел»). *Знала... сказку с детства* – вероятнее всего, речь идет о знаменитой «Сказке об Амуре и Психее», входившей в «Метаморфозы» Апулея. На русский язык была переложена С. Т. Аксаковым (известны также другие переводы).

[4] Сказка С. Т. Аксакова.

[5] См. комментарий 6 к письму 3 к Рильке.

8 Зак. 162

13

[1] На эти дни пришлись драматические события в семье Н. Гронского: его мать решила оставить отца и уйти к другому человеку. Гронский не мог примириться с разрушением семьи.

[2] См. комментарий 1 к предыдущему письму.

14

[1] О том же самом Цветаева писала Гронскому в августе 1928 г.: «... Будет из Вас или нет — поэт?

О стихах скажу: в Вас пока нет рабочей *жилы*. Вы неряшливы, довольствуетесь первым попавшимся, Вам просто — лень. Но — у Вас есть отдельные строки, которые ДАЮТСЯ (т. е. не даются никаким *трудом*).

Для того, чтобы Вам стать поэтом, Вам нужны две вещи: ВОЛЯ и ОПЫТ, Вам еще не из чего писать.

Не бросайте стихов, записывайте внезапные строки, в засуху — разверстые хляби». (Новый мир. 1969. № 4. С. 202.)

15

[1] *Товстолес.* — По-видимому, имеется в виду Товстолес Григорий Николаевич, черниговский дворянин, один из первых евразийцев, позже масон (Кривошеева Е. К истории евразийства, 1922—1924 гг. — Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). Вып. V. М., Студия ТРИТЭ — «Российский архив», 1994. С. 501).

[2] *Сатурн* — астрологи приписывали этой планете зловещее влияние. Цветаева родилась под знаком «Весы».

16

[1] Открытая записка на куске картона, посланная, видимо, вслед отправленному письму.

17

[1] Датируется условно по содержанию.

Известно, что Цветаева была на выступлении Маяковского в кафе «Вольтер» (place de l'Odéon) 7 ноября 1928 г. (См. ее опубликованное в «Евразии» открытое письмо в комментариях к письму Маяковскому.) Однако если предположить, что в записке идет речь именно об этом выступлении, то придется смириться с некоторыми неувязками, возможно, описками Цветаевой. Во-первых, 7 ноября 1928 г. — среда, а Цветаева пишет о вторнике. Во-вторых, выступление Маяковского Цветаева называет последним, хотя Маяковский находился в Париже еще месяц, до 3 декабря. Вполне вероятно, что это чтение, нигде не зафиксированное, состоялось в конце ноября. (*30 ноября* 1928 г. Цветаева писала А. А. Тесковой, что «недавно слышала в Париже» Маяковского.)

Не исключена и возможность того, что записка могла быть написана 11 марта 1929 г. Маяковский, приехав в Париж 22 февраля 1929 г., 12 марта, *во вторник*, выступил в полпредстве в Париже с чтением отрывков из поэмы «Хорошо». Это выступление Маяковского могло быть *последним* в Париже в данный его приезд. (Во всяком случае так зафиксировано в хронике. См.: Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. М.: Сов. писатель, 1985. С. 458—459.)

[2] М. С. Булгакова. См. комментарий 2 к письму 30 к А. А. Тесковой (т. 6).

[3] В. Д. Иванов. См. комментарий 5 к письму 35 к А. А. Тесковой (т. 6).

18

[1] *Гриневич* (урожденная Романовская) Вера Степановна — дочь коменданта Судакской крепости, была в дружеских отношениях с М. А. Волошиным, С. Я. Парнок, А. К. Герцык и др.

19

[1] Датируется условно по содержанию с учетом предыдущего письма.

20

[1] Датируется условно по содержанию с учетом письма 18.

21

[1] Датируется по содержанию.

[2] Цветаева была обеспокоена задержкой чешского иждивения. (См. письмо 40 к А. А. Тесковой, т. 6.)

[3] Чешское консульство находилось по адресу: 11 bis, avenue Kléber.

[4] Письма Рильке Цветаева перевела в январе 1929 г. и сдала в февральский номер «Воли России». (См. письма 41 и 42 к А. А. Тесковой в т. 6; сами переводы «Из писем Райнер Мария Рильке» — т. 5.)

[5] *Miss Cavel* — речь идет о фильме английского режиссера и актера Герберта Уилкокса (1892 — 1977) «Dawn» («На заре», 1928), рассказывающего о трагической судьбе его героини Эдит Кавель. Фильм демонстрировался в Париже с 25 января в кинотеатрах «Cine Magic-Palace» и «Barbès Palace», а не в кинотеатре «Magique» (204 — 206, rue de la Convention), как пишет Цветаева. В «Magique» шел фильм «Мученичество Жанны д'Арк».

22

[1] Датируется по содержанию.

[2] С. Я. Эфрон готовил обзор советских журналов для «Евразии». Был опубликован («По советским журналам. Национальные литературы») 2 марта 1929 г. *Красная новь* — литературно-художественный и научно-публицистический ежемесячный журнал, Москва — Ленинград (1921 — 1942). *Красная звезда* — под таким названием выходила ежедневная газета, а не журнал. Возможно, Цветаева имела в виду ленинградский журнал «Звезда». *Печать и революция* — ежемесячный журнал критики и библиографии, Москва (1921 — 1930).

[3] *Соборяне* — роман Н. С. Лескова, одно из любимых произведений Цветаевой.

[4] *Мельников-Печерский* — Мельников (псевдоним Андрей Печерский) Павел Иванович (1818 — 1883) — русский писатель. Автор исторических работ и известной дилогии «В лесах» и «На горах».

[5] Речь, по-видимому, идет об одном из выступлений С. М. Волконского. В феврале 1929 г., в связи со столетием со дня смерти А. С. Грибоедова, С. М. Волконский дважды (14 и 23) выступал с чтением его произведений. Кроме того, 7 февраля он читал доклад о декабристах.

23

[1] Датируется по содержанию.

[2] Речь идет о предполагаемом участии С. М. Волконского в вечере Цветаевой 25 мая в salle Vaneau (34, Rue Vaneau). (См. ниже.)

[3] К моменту публикации первого объявления в «Последних новостях» (2 мая) вопрос об участии Д. П. Святополк-Мирского и С. М. Волконского, видимо, еще не был решен, так как в напечатанном анонсе была указана лишь Цветаева.

В последующих публикациях объявлений в газете (21, 23 и 24 мая) программа вечера была уточнена: С. М. Волконский. Рассказ «Репетиция и представление» — М. Цветаева. Стихи и поэма «Перекоп». См. также комментарий 1 к письму 45 к А. А. Тесковой (т. 6). Что касается участия в этом вечере Святополк-Мирского, то в письме С. Эфрону от 19 мая 1926 года он писал: «На вечере М. И. выступать считаю большой честью, но боюсь, что 〈...〉 мое участие многих оттолкнет». По со ту Сувчинского Святополк-Мирский от участия в вечере отказался (Smith G. S. The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922—31. Birmingham, 1995. P. 217).

24

[1] Датируется условно по содержанию с учетом писем 23 и 25.

25

[1] Датируется по содержанию и по дате вечера с участием С. М. Волконского (см. выше).

26

[1] Летом 1929 г. Гронский уехал в Аллемон, в горы. О своем пребывании там Гронский рассказывал Цветаевой в своих ответных письмах. См. статью «Поэт-альпинист» в т. 5.

27

[1] Речь идет о возможности снять на лето дом в Савойе в местечке St. Michel-de-Maurienne.

[2] См. следующее письмо.

[3] Хозяин дома в Аллемоне, где остановился Гронский.

28

[1] Датируется по почтовому штемпелю (13.07.1929).

[2] ... не *киевских* — здесь: ведьм из народных поверий (наверное, по ассоциации с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя), в отличие от злых женских существ в обычной жизни.

[3] *Гаганидзе* Г. Р. — «полковник-рабочий», знакомый С. Я. Эфрона.

[4] Приводим текст письма Г. Р. Гаганидзе Цветаевой, посланного ею Н. П. Гронскому*.

30-го июня 1929 г.

Глубокоуважаемая
Марина Ивановна!

Вот только теперь, я собрался Вам ответить на те вопросы, которые Вы поставили мне. Конечно Вы вправе и сердиться и быть недовольной, таким, с моей стороны невниманием, затянуть так ответ, на такие казалось пустяки, как кровати и пр., так и мне казалось, но уверяю Вас что вот эти самые кровати и оказались камнем преткновенья. Оказывается здесь достать кровати в наем нигде нельзя. Я обошел все магазины наши и опросил всех кого можно и должно. Хотел подыскать в самом С〈ен〉-Мишеле меблированную квартиру и такой

---

* Сохранены орфография и пунктуация автора письма.

в данное время нет, все пустые. Теперь несколько слов в общем на все другие вопросы хозяйственные. Все жители окрестностей, разбросанные по горам, спускаются в С⟨ен⟩-Мишель за покупками, т. е. главным образом за хлебом, если где и есть торговля, обыкновенно где кафе, то вероятно мелочь можно доставать в виде папирос (что вас так пугало). И вот принимая во внимание все Ваши желания, т. е. работать и вести хозяйство, которое не отнимало бы много времени, я Вам ручаюсь что это не так страшно, я же думаю что Вы могли бы в два дня потратить 1 час, чтобы купить необходимое и затем спокойно сидеть и работать и вообще не думать уже за это время о мелочах. Возвращаюсь теперь опять к домикам. Тот, который я Вам предлагал за 60 фр⟨анков⟩, я отставляю, хотя он и дешев, и как говорится, под самым носом у города, но очень действительно изолированный и неблагоустроенный, пустой. А вот другой немного выше, более бы подходил, ибо здесь уже группа домов (10—12), два кафе, одним словом, там Вы не будете одна среди леса. Хозяин даже сказал, что он 1 кровать даст и стол за плату, в нем 3 комнаты, 2 на верху и одна внизу—80 фр⟨анков⟩ в месяц. Одну еще кровать, вероятно могу достать я, и таким образом можно как-нибудь все это и наладить. Одна здешняя семья согласна дать стол. Перевезти все можно нанять здесь автомобиль или повозку. При таких условиях, Вам нужно было бы брать с собой: необходимую посуду для готовки и еды, постельное белье, если возможно один два тюфяка. В городе есть у нас отель, недорогой, поэтому если бы Вы приехали и остановились в нем на несколько дней, могли бы лично осмотреться и выбрать и место и то что Вам лично понравится. Может и в самом городе за это время что-либо откроется подходящее, я все время слежу. Если Вы решаетесь на дом, то прошу за несколько дней (2—3) пришлите письмо, чтобы снять и так сказать приготовить, если прямо в гост ицу, то телеграмму о дне приезда, я Вас встречу. Простите что пишу плохо и несвязно т. к. спешу послать его скорее. Привет Сергею Яковлевичу.

Искренне расположенный и уважающий Вас Геор⟨гий⟩ (Романович) Гаганидзе.

[5] Через неделю Цветаева телеграммой отказалась от своей просьбы: Remettez départ lettre suit. Marina. (Отправленное письмо отменяется. Марина). (20.07.1929 г.— по почтовому штемпелю.) См. следующее письмо.

29

[1] Вероятно, Цветаева имеет в виду продолжение и углубление раскола в евразийском движении. См. также комментарий 2 к письму 45 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[2] В. С. Гриневич.

[3] *Кришнамурти*, Кришна—бог в индуистской религии. Сходство некоторых моментов в мифе о Кришне и в преданиях о жизни Христа давали основания многим исследователям видеть в Кришне видоизмененный образ Христа. В. С. Гриневич, по-видимому, увлекалась индуистской мифологией.

[4] С. М. Волконский.

[5] *Шингарев* Владимир Андреевич—см. комментарий 2 к письму 3 к В. Б. Сосинскому.

[6] *Карсавины*—см. комментарий 1 к письму 33 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[7] *Ивонна* Д'Ориоль—знакомая Цветаевой, француженка русского происхождения. Близкая знакомая Т. Л. Толстой.

[8] Родзевич К. Б. и Булгакова М. С.

[9] Владислав Дмитриевич Иванов.

[10] Сусанна Карсавина.

[11] *Витте* Сергей Юльевич (1849—1915)—русский государственный деятель. Инициатор различных экономических реформ. Автор «Воспоминаний» («Царст-

вование Николая II». В 2 т. Берлин: Слово, 1922), являющихся фундаментальным трудом по русской истории конца XIX—начала XX в.

[12] *Ковалевский* Максим Евграфович—регент, церковный композитор.

[13] *Ковалевская* (урожденная Кедрова) Ирина Николаевна (1903—1989)—из музыкальной семьи Кедровых, актриса, исполнительница старинных французских песен и танцев.

[14] См. письма к А. В. Черновой (т. 6).

[15] *...«близнец»—остался—лась!*—Имеется в виду одна из старших сестер А. В. Черновой—Наталья,—вскоре вышедшая замуж за Д. Г. Резникова. О сестрах Черновых см. письма к ним в т. 6.

[16] *Шарнопольский*—правильно: Шарнипольский Соломон Петрович (1901—1929)—художник и поэт. В посмертном издании, подготовленном к печати его друзьями, вышел маленький сборник «Стихотворения» (Париж, 1930). По поводу сборника поэта, не успевшего выразить себя, Н. О⟨цуп⟩ писал: «... О стихах посмертной его книги нелегко говорить. Да, конечно, способности у Шарнипольского были. Но то, что он оставил, еще не вышло из стадии первых опытов, где ничего еще для автора не прояснилось». (Числа. Париж. 1930/1931. № 4. С. 267.)

[17] *Ильин* Владимир Николаевич. См. о нем комментарий 2 к письму 1 к П. П. Сувчинскому (т. 6). В. Н. Ильин был один из авторов брошюры-выпада против газеты «Евразия». (См. комментарий 2 к письму 45 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.)

[18] Н. А. Бердяев жил в пригороде Парижа, Кламаре (83, rue du Moulin-de-Pierre).

[19] День рождения Н. П. Гронского—24 июля.

30

[1] Датируется условно по содержанию с учетом письма 31.

31

[1] См. комментарий 3 к письму 24 к В. Н. Буниной.

32

[1] Датируется условно по содержанию.

[2] Закончив весной 1929 г. поэму «Перекоп», Цветаева пыталась в течение нескольких месяцев пристроить ее в один из журналов («Воля России», «Числа», «Современные Записки»). Возможно, в письме речь именно о главах «Перекопа».

33

[1] Датируется условно по содержанию.

[2] Н. С. Гончарова. См. письмо к ней.

[3] *Яннингс* Эмиль (1884—1950)—немецкий актер театра и кино. Вероятнее всего, речь в письме идет о посещении одного из последних фильмов с его участием, а именно американского фильма «Патриот», психологической драмы из времен Павла I (режиссер Эрнст Любич; 1892—1947), где Яннингс сыграл роль российского императора.

34

[1] Датируется условно по содержанию с учетом предыдущего письма.

35

[1] Датируется на основании даты почтового штемпеля (21.03.1930) и содержания («четверг»).

[2] См. следующее письмо.

36

[1] Датируется по содержанию («завтра в среду», «заметку для „Возрождения“») и с учетом содержания писем, перечисленных ниже.

[2] Речь идет об анонсе вечера Романтики 26 апреля 1930 г. (см. следующие письма и комментарии к ним: письмо 52 к А. А. Тесковой в т. 6, 17 к В. Б. Сосинскому, 63 к С. Н. Андрониковой-Гальперн). Объявление о вечере с участием Н. А. Тэффи появилось в „Возрождении“ 12 апреля 1930 г. (Последний анонс — в день вечера — 26 апреля.)

37

[1] Датируется на основании даты почтового штемпеля (10.06.1930) и содержания («понедельник»).

[2] Цветаева с сыном уезжали на лето в Савойю (Сен-Лоран).

38

[1] Датируется на основании даты почтового штемпеля (23.06.1930) и содержания («понедельник»).

[2] О чем А. Эфрон сообщила Гронскому запиской:

Милый Николай Павлович,

Ключ от нашей квартиры находится у M⟨ada⟩me Neyen (нашей бывшей консьержки) 119 rue des Ruisseaux.

Как Ваши экзамены? Мои, слава Богу, сданы — mention bien*.

Аля.

Paris 26 juin 1930

[3] См. комментарий 2 к письму 9.

[4] С. М. Волконский.

[5] Текст письма написан на открытке с видом Bonneville l'Eglise. Приписка сделана внизу под картинкой.

39

[1] Речь идет о покупке Гронским, по просьбе Цветаевой, книги «Ундина», одной из самых любимых Цветаевой книг детства. (См., например, ответ на анкету 1926 г. в т. 4.)

[2] Текст письма написан на двух видовых открытках: 1) La Roche-sur-Foron, La Tour des Capicins; 2) La Roche-sur-Foron, Château de l'Echelle.

[3] Описка Цветаевой. Имелись в виду сантимы.

[4] *Тася* — Туржанская (урожденная Стражеско) Наталья Николаевна; 1905—1994 — знакомая М. Цветаевой и С. Эфрона, дочь А. З. Туржанской.

[5] Подробнее см.: Клементьев А., Клементьева С. Марина Ивановна Цветаева и семья Карсавиных. — *Вестник РХД*, 1992, № 165. С. 187—195.

[6] См. комментарий 1.

[7] *«О Германии»* — дневниковая проза Цветаевой (см. т. 4). Возможно, Гронский перепечатывал ее, но для каких целей, неизвестно.

41

[1] С Annecy связан эпизод в биографии французского писателя Жан-Жака Руссо. Несправедливо наказанный в мастерской гравировщика, которому он был отдан в учение, Руссо бежал от него и прибыл без всяких средств в Annecy. Здесь юношу приютила одна госпожа, сделавшаяся, несмотря на разницу лет, его любовницей.

[2] Н. Н. Гронская, мать Н. П. Гронского.

[3] См. комментарий 7 к письму 39.

[4] См. письмо 39 и комментарий 1 к нему.

* Отзыв положительный *(фр.)*.

[5] Текст письма написан на двух видовых открытках: 1) En Savoie. — Sur la Montagne. Les Vaches an Pâturage*, 2) Corges des Evaux et les Rochers de Foreles. Приписка сделана на первой открытке.

42

[1] *Афонасов* — правильно Афанасов Николай Ванифатьевич (1903 – 1941) — бывший десятник водоканала в г. Калуге. В эмиграции занимался разведовательной деятельностью. В 1936 г. в Париже стал известен как советский агент и был отправлен в СССР. Осужден одновременно с С. Я. Эфроном за участие в контрреволюционной деятельности и расстрелян 27 июля 1941 г. (Столица. 1992. № 39. С. 62).

[2] Н. Н. Туржанская.

44

[1] *Саблин* Николай Павлович (1880 – 1937) — старший офицер гвардейского экипажа, флигель-адъютант, один из близких к Николаю II людей. После отречения Николая от престола Саблин покинул окружение царской семьи.

[2] См. следующее письмо и комментарий 1 к нему.

45

[1] Письмо датируется по содержанию и с учетом предыдущего письма. В обоих письмах речь идет о попытках Цветаевой получить деньги в журнале «France et Monde» за публикацию главы «Fiançailles» (из французского «Мóлодца»). *«France et Monde»* — парижский журнал экономики и социальной жизни (1921 – 1932). См. также письмо 8 к Р. Н. Ломоносовой.

[2] В. Б. Фохт сотрудничал на почве создания Франко-Русской студии с французскими журналами, в том числе с «France et Monde» (Струве Г. Русская литература в изгнании. Paris: YMCA-PRESS, 1984. С. 195). Именно через Фохта Цветаева деньги в конце концов получила, о чем сообщает в конце октября В. Б. Сосинскому (письмо 19). Что касается письма от 15 ноября 1930 г. к Р. Н. Ломоносовой (письмо 8), где Цветаева скрывает факт выплаты журналом этих денег, то, очевидно, поступает так в стремлении подчеркнуть свое бедственное положение.

[3] К письму Цветаева приложила доверенность:

«Je prie la Rédaction de «France et Monde» de bien vouloir remettre à M⟨onsieur⟩ Nicolas Gronsky le honoraire pour mon poème «Fiançailles» («France et Monde», I trimestre 1930)

Marina Zvétaïeva

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
le 18 octobre 1930»

Перевод

«Я прошу редакцию «Франция и мир» любезно передать г⟨осподину⟩ Николаю Гронскому гонорар за мою поэму «Помолвка» («Франция и мир», I квартал 1930). Марина Цветаева. Медон (С. и У.), ул. Жанны д'Арк, 2, 18 октября 1930 г.» *(фр.).*

46

[1] Датируется по содержанию и с учетом письма 45 и письма 19 к В. Б. Сосинскому.

* 1. В Савойе. — На горах. Коровы на пастбище *(фр.)*; 2. Указаны названия населенных мест.

47

[1] Датируется, как и три следующих 48—50, по содержанию и с учетом письма от 25 февраля 1931 г. к А. А. Тесковой (письмо 56, т. 6). Во всех этих письмах речь идет о перепечатывании Н. П. Гронским на машинке поэмы «Перекоп» (в упомянутом письме к А. А. Тесковой—«Перекоп» мне один знакомый перепечатывает на машинке...»).

[2] Точными сведениями о возможности издания «Перекопа» отдельной книжкой не располагаем. В марте 1931 г. Цветаева писала А. А. Тесковой (письмо 58, т. 6) и С. Н. Андрониковой-Гальперн о возможности публикации поэмы в газете «Россия и Славянство» (письмо 73).

[3] *Странге*—вероятно, имеется в виду *Штранге* Михаил Михайлович—в то время студент историко-филологического факультета Сорбонны, знакомый С. Я. Эфрона. Семейству Штранге принадлежал Замок д'Арсин, где был открыт русский пансион. Цветаева приезжала сюда дважды (лето 1930 и 1936 гг.), С. Я. Эфрон—гораздо чаще. В те годы открыто говорили, что замок д'Арсин является центром советской разведки. В 1947 г. М. М. Штранге вернулся в СССР. См. также письма к А. Штейгеру и комментарии к ним.

[4] *Гёста Берлинг*—роман С. Лагерлёф «Сага о Йесте Берлинге» (1891), одно из самых любимых произведений Цветаевой (*А. Цветаева*. С. 308).

48

[1] См. комментарий 1 к письму 47.

[2] Речь идет о статье «О новой русской детской книге». См. письмо 56 к А. А. Тесковой и комментарий 6 к нему (т. 6).

49

[1] См. комментарий 1 к письму 47.

50

[1] См. комментарий 1 к письму 47.

[2] В. С. Гриневич.

51

[1] Датируется условно по содержанию и с учетом письма 74 к С. Н. Андрониковой-Гальперн, в котором также речь идет о покупке башмаков.

[2] Ивонна д'Ориоль—см. комментарий 7 к письму 29.

52

[1] Датируется по содержанию.

[2] После 10 января 1933 г. Цветаева собиралась переехать на другую квартиру в Кламаре (10, Rue Lazare Carnot). См. письмо 103 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

54

[1] Неточность Цветаевой. Известный фильм «Fièvre» был снят в 1921 г. французским режиссером Луи Деллюком (1890—1924).

58

[1] Отец Н. П. Гронского.

В. Н. БУНИНОЙ

1

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
20-го марта 1928 г.

Дорогая Вера Николаевна,

Вы незаслуженно-добры ко мне. Это не фраза. Сейчас обосную. Если бы Вы любили мои стихи — или любили бы меня — но ни тех ни другой Вы не знаете (может быть и знали бы — не любили бы!) — поэтому Ваш жест совершенно чист, с моей же стороны — ничем незаслужен. И, честное слово, в данную минуту, когда пишу, он совершенно за*тм*евает (прочтите производя от *света*, наоборот) мне все то, что реально несет. Вроде как: когда есть такие хорошие люди — черт с деньгами!

Когда мне говорят: «хочу, но не знаю выйдет ли» или «хотел, но ничего не вышло», я слышу только «хочу» и «хотел», — «ничего» никогда не доходит. — «Спасибо за хочу».

— Ну вот. А засим, со стыдом, как от всего денежного, которое ненавижу и которое мне платит тем же (кто кого перененавидит: я ли деньги, деньги ли меня??) — вот прошение. И наперед, выйдет или не выйдет, — спасибо за хочу.

МЦ.

— Да! Скоро выйдет моя книга «После России», все стихи написанные за границей, я Вам ее пришлю[1], не давайте мужу, пусть это будет вне литературы, *не* книга стихов, Ваше со мной. Очень хочу, чтобы Вы ее как-то — приняли, — а если ничего не выйдет, Вы мне тоже скажите: — Спасибо за хочу!

2

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
21-го апреля 1928 г.

Дорогая Вера Николаевна,

Не будет ли с моей стороны нескромным запросить Вас, вышло ли что-нибудь из моей *писательской* получки[1] — от *журналистов* через С. В. Познера я уже получила[2].

Может быть еще и собрания не было?

Простите, ради Бога, за хлопоты.

Сердечный привет и благодарность.

М. Цветаева.

3

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
4-го мая 1928 г.

Дорогая Вера (можно?)

Дела с билетами хуже нельзя[1]. Все отказываются. Из тех по Вашим адресам продано пока два — по 25 фр⟨анков⟩. Вечерами объелись и опились. Последний вечер — ремизовский[2] — окончательно подкосил. Отказы складываю в один конверт, — не деньги, так опыт (бесполезный, ибо знала наперед). Познер, напр⟨имер⟩, не ручается ни за один и трогательно просит забрать — «может быть еще как-нибудь пристроите». Таких писем у меня ужс 7. Зал будет полный (входные по 5 фр⟨анков⟩, дороже нельзя из-за налога), а касса пустая. Я в полном огорчении. У Мура (сына) кашель уже 8-ой месяц, как начал после скарлатины так и не кончил. Его необходимо увезти, ибо наследственность с обеих сторон дурная (у мужа 16-ти лет был процесс, возобновившийся в Галлиполи, а с моей стороны — умерла от легочного туберкулеза мать). Я слишком умна, чтобы ненавидеть буржуазию — она ПРАВА, потому что я в ней — ЧУЖОЙ, куда *чужее* самого архи-коммуниста. (NB! Обратное буржуа — поэт, а не коммунист, ибо поэт — ПРИРОДА, а не миросозерцание. Поэт: КОНТР-БУРЖУА!

Итак, все правы и всё в порядке, кроме Муркиных бронх, — и это единственное, по существу, до чего мне, кроме стихов, дело.

— Читаю сейчас вересаевскую летопись «Пушкин в жизни» — знаете? (Сплошь свидетельства современников или их близких потомков, одно например такое:)[3]

«Плохие кони у Пушкина были, вовсе плохие! Один был вороной, а другой гнедко — гнедой... Козьяком звали... по мужику, у которого его жеребеночком взяли. (Козьяк, а то Козляк, — тоже болотный гриб такой). Этот самый Козьяк совсем дрянной конь был, а только долго жил. А вороной, тот скоро подох».

Михайловский старик-крестьянин
по записи И. Л. Щеглова.
Новое о Пушкине. С. П. Б. 1902, стр. 202.

Спасибо за Надю[4]. О ней, *бывшей,* речь еще впереди. А знаете полностью тот стих Рильке?

Vergangenheit steht noch bevor.
Und in der Zukunft liegen Leichen...*[5]

Не хотелось — Leichen (начертания).
Целую Вас, пишите.

МЦ.

---

* Прошедшее еще впереди,
И в будущем лежат трупы... *(нем.).*

4

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
5-го мая 1928 г.

Дорогая Вера Николаевна,

Я все еще под ударом Вашего письма[1]. Дом в Трехпрудном — общая колыбель — глазам не поверила! Первое, что увидела: малиновый бархат, на нем альбом, в альбоме — личико. Голые руки, открытые плечи. Первое, что услышала: «Вера Муромцева» (Раечка Оболенская, Настя Нарышкина, Лидия Эверс[2], никогда не виденные, — лица легенды!) Я росла за границей, Вы бывали в доме без меня, я Вас в нем не помню, но Ваше имя помню. Вы в нем жили как звук.

«Вера Муромцева» — мое раннее детство (Валерия меня старше на 12 лет)[3], «Вера Муромцева», приезды Валерии из института — прерываю! — раз Вы меня видели. Я была в гостях у Валерии (4 года) в приемный день, Валерия меня таскала по всему институту, — все меня целовали и смеялись, что я такая серьезная — помню перегородку, над которой меня подняли. За ней был лазарет, а в лазарете — скарлатина. Поэтому до сего дня «скарлатина» для меня ощущение себя в воздухе, на многих вытянутых руках. (Меня подняли всем классом.)

Валерия нас с Асей (сестрой) любила только в детстве, когда мы выросли — возненавидела нас за сходство с матерью, особенно меня. Впервые после моей свадьбы (⟨19⟩12 г.) мы увиделись с ней в 1921 г. — случайно — в кафе, где я читала стихи.

Есть у нас еще родство, о нем в другой раз, — семейная легенда, которую Вы может быть знаете.

— *Но** — как Вы могли, когда я была у Вас, меня не окликнуть? Ведь «Трехпрудный» — пароль, я бы Вас сразу полюбила, поверх всех евразийств и монархизмов, и старых и новых поэзий, — всей этой вздорной внешней розни. — Уже люблю. —

Целую Вас.

МЦ.

Если Вам любопытна дальнейшая судьба «Лёры» — расскажу Вам, что́ знаю.

⟨*Приписка на полях:*⟩

«Вера Муромцева». «Жена Бунина». Понимаете, что это два разных человека, друг с другом незнакомых. (Говорю о своем восприятии, *до* Вашего письма.)

— Пишу «Вере Муромцевой», *ДОМОЙ*.

5

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
23-го мая 1928 г.

Дорогая Вера Николаевна,

Ваше письмо совершенно изумительно. Вы мне пишете о Наде Иловайской, любовью к которой — нет, просто КОТОРОЙ — я болела — дайте вспомнить! — год, полтора. Это было мое наваждение. Началось это с ее смерти — я тогда была в Германии, в закрытом учебном заведе-

* Буква «н» подчеркнута М. Цветаевой три раза.

нии, мне было 10 лет. «Умерла Надя Иловайская» (письмо отца). Последнюю Надю я помнила в Нерви — розу на гробах! — (все вокруг умирали, она *цвела*) — Надю на Карнавале, Надю на bataille de fleurs*[1]. Я ей нравилась, она всегда меня защищала от матери, которой я тогда — et pour cause!** — не нравилась. Но дружны мы не были — не из-за разницы возраста — это вздор! — а из-за моей робости перед ее красотой, с которой я тогда в стихах не могла справиться (пишу с 6-ти лет, в Нерви мне было 8 л⟨ет⟩[2] — проще: дружны мы не были, потому что я ее любила. И вот — неполных 2 года спустя — смерть. Тут я дала себе волю — полную — два года напролет пролюбила, *про-видела* во сне — и сны помню! — и как тогда не умерла (не сорвалась вслед) — не знаю.

Об этом — о, странность! — я Вам говорю ПЕРВОЙ. Помню голос и похолодание спинного хребта, которым — с которым я спрашивала отца на каком-нибудь Ausflug*** в Шварцвальде (лето 1904 г.) — «А... Надя Иловайская... когда умирала... очень мучилась?» Эту любовь я протаила в себе до — да до нынешнего часа! и пронесла ее сквозь весь 1905 г. Она затмила мне смерть матери (июль 1906 г. — от того же).

«Надя Иловайская» для меня — вся я 10 лет: БЕЗДНА. С тех пор я — что́? научилась писать и разучилась любить. (И первое не совсем, и второе не совсем, — даст Бог на том свете — первому разучусь совсем, второму научусь за́ново!)

— В первый раз «Трехпрудный», во второй раз «Надя Иловайская» — Вы шагаете в меня гигантскими шагами — шагом — души.

А поэтессу, о которой Вы говорите, я знаю, имею даже одно письмо от нее[3] (1925 г., тогда только что приехала в Париж) — по письму и по встрече с ней (одной) не полюбила, может быть из Ваших рук — полюблю, но это будете *Вы*. Предпочитаю из Ваших — Вас же. Как и Вас (говорю о книге, которая до сих пор не вышла)[4] прошу любить или не любить — но без ПОСРЕДНИКА. Почему Вы думаете, что поэтесса лучше поймет? И может быть мне *Ваше* непонимание (ОРГАНИЧЕСКОЕ) дороже. И ведь можно — совсем без стихов! Стихи, может быть, — pis aller****, — а?

Еще одно: не бойтесь моего *жара* к Вам, переносите его со спокойствием природы — стихов — музыки, знающих род этого жара и его истоки. Вы на меня действуете МАГИЧЕСКИ, «Трехпрудный», «Н⟨адя⟩ И⟨ловайская⟩» — слова заклятья. При чем тут Вы? И при чем тут я?

Этих времен никто не знает, не помнит, Вы мне возвращаете меня тех лет — незапамятных, допотопных, дальше чем ассири⟨яне?⟩ и вавилоняне. Я *там* никогда не бываю, живу свой день, в холоде, в заботе, в жесткости — и вдруг «Sesam, thue dich auf!»*****[5] (моя «контр-революция» распространяется и на немецкое правописание: *Th*or, *Th*at****** и т. д. Ненавижу ущерб).

---

* Битва цветов *(фр.)*.
** И не без основания *(фр.)*.
*** Экскурсия *(нем.)*.
**** Крайнее средство *(фр.)*.
***** «Сезам, отворись!» *(нем.)*
****** В современном языке: *Tor* — ворота, *Tat* — дело, поступок.

Как же горé, раскрывшейся (проследите сказку с точки зрения горы, а не героя. Совпадение желаний — мало! — необходимость) — как же горе, раскрывшейся, не благодарить, не обнять, не замкнуться на нем? Подумайте об *одиночестве* Сезама!

О другом. Скоро мой вечер[6], хочу заработать на летний отъезд. Куда ехать на Средиземное море? Пансион не нужен (нас четверо), нужно самое скромное, распроубогое — но — жилище — minimum 2 комн⟨аты⟩ с кухней, моя максимальная платежеспособность — 350 фр⟨анков⟩ в месяц. (Хочу на 3 месяца.) В город не хочу ни за что, хочу дыры. Может быть Вы́ знаете? Что-нибудь около 1000 фр⟨анков⟩ за три месяца, немножко больше. *Дико* соскучилась по югу, на котором не была — да уже 11 лет! Мой последний юг — октябрь 1917 г., Крым.

Мур (сын) *всю* зиму напролет прокашлял, Сережа (муж) еле таскает ноги (болезнь печени, а главное — истощение), я вся в нарывах (малокровие), всё это святая правда. Была бы Вам очень благодарна, дорогая Вера Николаевна, за совет. Еще: кто бы мне из Ваших знакомых здесь в Париже помог с билетами (25 фр⟨анков⟩), на эти билеты вся надежда, остальные входные по 5 фр⟨анков⟩ (больше нельзя из-за налога). Вечер 17-го июня, меньше месяца.

А летом Вы бы ко мне приехали в гости, ведь Grasse не так далеко от — предположим Hyères[7] (все говорят об Hyères и его окружении, но ни одной достоверности). Познакомились бы со всеми нами. Аля (14 лет) выше меня ростом, огромная, но девочка будет красивая. Мур уже сейчас красив, но по-своему. Громадный породистый — не то амур, не то кот. А когда серьезен — ангел. Все: «он у Вас с какого-то старинного мастера»... один даже определил месторождение: «с Севера Италии, из Ломбардии».

В следующем письме пришлю его карточку, сегодняшнее бы перетяжелило.

Да! никаких 300 фр⟨анков⟩ от журналистов, естественно (отнесите последнее не к своей доброй воле, а к моему злосчастию!) не получила. А как были — есть — будут нужны!

Целую Вас нежно. Зовите меня Мариной.

МЦ.

6

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
10-го апреля 1930 г.

Дорогая Вера Николаевна,

Чувствую и сознаю, что минута неподходящая, но — этот вечер[1] вся моя надежда: у меня очень болен муж (туберкулез легких — три очага + болезнь печени, к⟨отор⟩ая очень осложняет лечение из-за диеты). Кр⟨асный⟩ Крест второй месяц дает по 30 фр⟨анков⟩ в день, а санатория стóит 50 фр⟨анков⟩, мне нужно 600 фр⟨анков⟩ в месяц доплачивать, кроме того стипендия со дня нá день может кончиться, гарантии никакой, а болезнь — с гарантией — с нею не кончится.

Билеты продаю по 50 фр⟨анков⟩ и по 25 фр⟨анков⟩. Просьба, если за 50 фр⟨анков⟩ дело не выйдет, отчеркните правый угол конверта красным карандашом, это значит, что билет 25 фр⟨анко⟩вый. (А то 50-франковые захотят сидеть в первых рядах, — чтобы не было путаницы). Один билет, для образца, отчеркиваю.

Мне очень совестно всегда просить Вас, но мне сейчас труднее чем когда-либо: дочь учится, я одна с мальчиком, хозяйством, вечером, писаньем, заботами о муже, т. е. одна со своими двумя руками.

Вот.

ердечное пожелание удачи Вам — ва́м — в ва́шем вечере.

М. Цветаева

7

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
23-го апреля 1930 г.

Христос Воскресе, дорогая Вера Николаевна! И одновременно — Воистину, потому что милое письмо Ваше не могла воспринять иначе как: Христос Воскресе! —

ердечное спасибо, Вы очень добры, и все это очень растравительно. Трагическая часть вечера — в сочувствии, а не в равнодушии: последнее в бытовом порядке вещей, и во мне *ничего* не вызывает. Такая же присылка как Ваша — ВСЁ.

Ну вот.

Целую Вас.

МЦ.

... Будет скоро тот мир погублен!
Погляди на него тайком —
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом...[1]

(16-ти лет, в 1910 г.[2] — не знала, что сожгут![3])

Да! Если устали (а устали наверное!) — на мой вечер не приходите, тем более, что я буду читать последней и немного. Когда-нибудь (— да!) увидимся по-человечески — посидим, поговорим, а это ведь лучше «вечеров»? —

8

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
6-го августа 1933 г.

Дорогая Вера Николаевна,

— Если Вы меня еще помните. —

Я сейчас погружена в наш трехпрудный дом (мир) и обращаюсь к Вам, как к единственной свидетельнице (жутко звучит, а?), — как к единственной-*здесь*-свидетельнице[1]. Но *до* вопросов хочу сказать Вам, что вещь, которую Вы м. б. на днях прочтете, мысленно посвящена Вам, письменно не решилась, п. ч. *не знаю*, та́к ли Вы всё это видите, как я — глазами моего раннего детства. У меня с собой ни одной записи: одна память.

Ряд вопросов:

1) Вашего отца[2] или его брата Сергея[3] любила Варвара Димитриевна Иловайская? (Хотелось бы, чтобы Вашего). «В⟨арвара⟩ Д⟨митриевна⟩ любила Муромцева, но отец не позволил» — такова твердая легенда нашего трехпрудного дома[4]. Почему не позволил? Либерализм Муромцевых и консерватизм Иловайского?

Если Вы *что-нибудь* об этой любви знаете — дайте мне *всё*, что знаете. Если не хотите гласности, могу не называть имен, как не назвала Вашего. Тогда дайте приметы того из братьев, которого она любила (он ведь ее, наверное, тоже?). Приблизительный возраст обоих, его внешность, место и длительность знакомства, встречались ли потом, кáк встречались... (*Не бойтесь меня:* мною движет — любовь).

2) Чтó Вы знаете о дружбе Иловайских с Муромцевыми? Откуда повелась (и как могла — при такой разнице — *всего?!*) Знаю только, что Цветаевы — в их иловайской части — с Муромцевыми чем-то связаны. Чем? Помню, что мой отец постоянно встречался с ними (вами?) у Анны Александровны Адлер[5], крестной моего брата Андрея. Там я, по-мóему, девочкой встречала Вашу двоюродную сестру[6] (блондинку?), всю какую-то острую.

3) Всё, что знаете об Иловайских. Во-первых — год *его* рождения. (По-моему — 1825 г., п. ч., со слов брата Андрея, умер в 1919 г., 94 лет)[7]. На ком был женат первым браком Д⟨митрий⟩ И⟨ванович⟩, т. е. кто мать Варвары Димитриевны. Имена и возраст ее умерших братьев (двое! Помню детские лица в иловайском ьбоме, а м. б. — одно лицо в двух видах, к⟨отор⟩ое я принимала за два). От чего умерли?[8]

4) Знаете ли Вы что-нибудь о прабабке румынке «Мамáке»? Ее еще несколько дней застала в доме *наша* мать. Умерла она в *моей* комнате. Чья она прабабка? М. б. мать первой жены Д⟨митрия⟩ И⟨вановича⟩? Но почему румынка? Это — *твердо* знаю.

5) Помните ли Вы В⟨арвару⟩ Д⟨митриевну⟩? Если Вы сверстница Валерии — это вполне возможно. *Какая* была? (хотя бы самое Ваше детское впечатление). *Всё*, что о ней и о доме Иловайских помните, вплоть до пустяков.

Я у Иловайских в доме была только раз, с отцом, уже после смерти моей матери, но *их* дух жил — в нашем.

6) Видели ли Вы когда-нибудь *мою* мать? (Марию Александровну Мейн). Какая она была? Если даже не нравилась (я ведь тоже не нравлюсь!) — почему, чем? Были ли Вы когда-нибудь в нашем доме при *моей* матери (мы уехали осенью 1902 г., а умерла она летом 1906 г.) Если *да* — каков был дом при ней? *Дух* дома. М. б. и нашего с Асей деда, Александра Даниловича Мейн, помните? Если да — каков был? (Он умер, когда мне было 7 лет, я его отлично помню, как, впрочем, всё и всех — с двух лет, но ведь это воспоминания *íзнизу*!) Если видели хоть раз — *каков* остался в памяти? М. б. и нас с Асей, м енькими, помните? (Валерия меня очень любила, а мать — больше — Асю.) Я ведь помню «Вера Муромцева», и в альбоме Вас помню. Вы с Валерией вместе учились в институте? Или я путаю?

7) О моем отце — всё, что можете и помните. Вы ведь были его любимой слушательницей? Чтó (в точности) Вы у него слушали? Каков он был с учащейся молодежью? Каков — дома, со всеми вами? Я ведь

всего этого не застала, знаю его уже после *двух* потерь, п. ч. большой кусок детства росла *без* него.

8) Возвращаюсь к Иловайским. *Всё*, что знаете о смерти Нади и Сережи. Я их отлично помню, и в Трехпрудном («живые картины») и у нас в Тарусе (Сережа рыл в горе лестницу и я, семи лет, немножко была в него влюблена) — и в Nervi. Моя мать их *очень* любила (и любила, и любовалась!) и всегда выручала и покрывала (*Надю*: Сережа был очень тихий, и всегда при матери). Помню один Надин роман — с тоже молодым, красивым и больным — я тогда носила письма и ни разу не попалась! И «bataille de fleurs»* помню, когда в Надю бросали цветами, а в А⟨лександру⟩ А⟨лександровну⟩[9] какой-то дрянью в бумажках (*не* конфетти, а чем-то веским, — песком кажется!). После Nervi — в Спасское? А умерли — в 1904 г. или в 1905 г.? Кто раньше? (Кажется, Сережа?) Знали ли, что умирают? Отец рассказывал, что Надя была необычайно-красива перед смертью — и после. Отношение Д⟨митрия⟩ И⟨вановича⟩. Отношение А⟨лександры⟩ А⟨лександровны⟩. (С⟨ережа⟩ любимец был?)

9) Судьбу Оли. За кого вышла?[10] (знала, но забыла). Жива ли еще? Есть ли дети? Счастливый ли оказался брак?

10) Жива ли А⟨лександра⟩ А⟨лександровна⟩, а если нет, *когда* умерла? У кого из родителей был в молодости туберкулез? (Иловайская «овсянка».) В 1918 г. или в 1919 г. умер Иловайский?

Все даты, которые помните.

Когда будете отвечать, дорогая В⟨ера⟩ Н⟨иколаевна⟩, положите мое письмо перед собой: *упомнить* мои вопросы невозможно, я и то списала их себе в тетрадь. Помните, что *каждый* вопрос мне важнее всех остальных, и ответьте, по возможности, на все. Можете совершенно сокращенно, в виде конспекта, пробелы заполню любовью, мне важны факты, я хочу воскресить весь тот мир — чтобы все они не даром жили — и чтобы я́ не даром жила!

Знаю, что это — целая работа (говорю о Вашем ответе), целый спуск в шахту или на дно морское — и еще глубже — но ведь и вы этому миру причастны, и Вы его любили... Взываю к Вам как к единственной свидетельнице!

Получив мое письмо, отзовитесь сразу открыткой, *а письма буду ждать*. Его нельзя писать сразу. Но, когда начнете, увидите, что совсем не так невозможно его написать, как казалось, пока не начинали...

Теперь — слушайте:

(Открытка с видом Музея Александра III, сверху снятого, во всем окружении зеленых дворов и домов. Прекрасная.)[11]

Дорогая Марина! Пишу Тебе, чтобы сообщить печальную весть: 8-го апреля в 11 ч. 50 мин⟨ут⟩ вечера умер (от маминой болезни) брат Андрей, почти 43 лет. Был в сознании, умер недолго мучаясь, легче мамы. Жена его**[12] и я три года слали его к врачу, он же не шел, а когда

* См. перевод на с. 237.

** Женился Андрей лет девять назад, на польке, с двухлетней девочкой, которой сейчас 11 л⟨ет⟩. Собственной его дочке только два *(примеч. М. Цветаевой)*.

пошел — было поздно. Питание имел до конца исключительное, жена делала *всё*, что могла. Лежал он 2 месяца 3 недели. Я говорила с ним за три дня, сидела у него долго, наедине, днем. Вдруг сказал: — А болезнь не умеют описывать... (писатели). — И смерть не умеют. Я не стала убеждать, что смерти не будет — ложь ведь. Я сказала, почему я думаю, что не умеют, о своем отсутствии страха перед смертью, а потом стала говорить о кумысе, о лете, о санатории. Он то думал, что будет жить, то нет. Девочке 2 года 2 мес‹яца›[13]. Большая, очень милая. Когда уходила, целуя его, видела, как он нежно, светло, по-новому смотрит, глаза широкие — и полу-улыбка.

А 8-го днем ему стало хуже и он сказал жене: — Женечка, я умираю. А я как раз вдруг позвонила из загорода, с работы. — «Ему хуже». Я поехала. И он уже был неузнаваем, полусидел, задыхался, часто и мелко дышал, полузакрытые глаза. Увидев меня: — Зачем все пришли? Ничего такого особенного со мной нет. — Но когда я отошла к столу — тихонько позвал. Я подошла. Он стал правой рукой делать ловящие, гладящие движения — ко мне. Я гладила и держала его руку. Жалею, что не поцеловала ее, но не хотелось жеста, ему (весь — сдержанность). После лекарства стал засыпать. (За лекарством ходила я в аптеку, когда он: «Дайте лекарства», а их не признавал, обычно.) В мое отсутствие пришла Валерия (не видела последние 3 месяца). Он ей сказал: — Ведь я еще могу жить, мог бы — у меня еще целое легкое. Удушье? Пройдет? Но от него можно задохнуться — ночью. — Ну, что́ ты! (Валерия). — Проснешься.

Мы ушли, когда он стал дремать. Уходя, я поцеловала его, спросила, не хочет ли он поесть — ответ тот же, что́ мамин — нет, головой. Передала привет от сына*, ушла. Придя позвонила о горячих бутылках и узнала, что скончался. Поехала туда, помогла одевать, причесать, и всю ночь была над ним, и жена. Утром прилегла на час тут же. Похоронили в папиной могиле (папа считается мировым ученым I категории А). Папин гроб цел. Начинается весна на кладбище. Он рядом с мамой — она так его любила. Его девочка (Инна) це́лую неделю всё: — А где папа, мама? Где папа? Нет папы — папа ушел? — Он в день смерти простился с женой и обеими девочками: дочкой и падчерицей (11 л‹ет›)[14], которую очень любил. Тебя вспоминал за несколько дней.

(Всё письмо невероятно-мелким почерком, ибо уместилось на открытке. Последнее: Тебя вспоминал... разобрала только сейчас, переписывая, даже не разобрала, потому что *разобрать* — невозможно, а сразу прочла.)

Теперь Вы может быть поймете, дорогая Вера Николаевна, почему мне *нужно* воскресить весь тот мир — *с его истоков.*

До свидания, буду ждать с чувством похожим на тоску.

Марина Цветаева

Умоляю этого письма (ни Асиного ни моего) не показывать никому. Не надо. — Только Вам. —

---

* У Аси, вышедшей замуж 16-ти л‹ет›, сын Андрей, 20-ти лет, инженер. Работает на Урале. Хороший сын и юноша *(примеч. М. Цветаевой).*

⟨При иска на отдельном листе:⟩

Письмо написано давно, только сейчас узнала Ваш адрес от А. Ф. Даманской[15], которую видала вчера и которая шлет Вам сердечный привет.

МЦ.

12-го авг⟨уста⟩ 1933 г.

9

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
19-го авг⟨уста⟩ 1933 г.

Дорогая Вера Николаевна,

Самое сердечное и горячее (сердечное и есть горячее! Детская песенка, под которую я росла:

«Kein Feuer keine Kohle
Kann brennen so heiss...»)*

— итак, самое *сердечное* спасибо за *такой* отклик.

Первое, что я почувствовала, прочтя Ваше письмо: СОЮЗ. Именно этим *словом*. Второе: что что бы ни было *между* нами, *вокруг* нас—это всегда будет на поверхности, всегда слой—льда, под которым живая вода, золы—под которой живой огонь. Это не «поэзия», а самый точный отчет. Третье: что *бывшее* сильней сущего, а наиболее из бывшего бывшее: *детство* сильней всего. Корни. Тот «ковш душевной глуби» («О детство! Ковш душевной глуби»[1]—Б. Пастернак), который беру и возьму эпиграфом ко всему тому старопименовскому—тарусскому—трехпрудному, что еще изнутри корней выведу на свет.

Долг. Редкий случай *радостного* долга. Долг перед домом (лоном). Знаю, что эти же чувства движут и Вами.

Слушайте. Ведь все это кончилось и кончилось навсегда. Домов тех—нет. Деревьев (наши трехпрудные тополя, особенно один, гигант, собственноручно посаженный отцом в день рождения первого и единственного сына)—деревьев—нет. *Нас тех*—нет. Все сгорело до тла, затонуло до дна. Что́ есть—есть внутри: Вас, меня, Аси, еще нескольких. Не смейтесь, но мы ведь, *правда*—последние могикане. И презрительным коммунистическим «ПЕРЕЖИТКОМ» я *горжусь*. Я счастлива, что я пережиток, ибо всё это—переживет и меня (и их!).

Поймите меня в моей одинокой позиции (одни меня считают «большевичкой», другие «монархисткой», третьи—и тем и другим, и все—мимо)—мир идет вперед и *должен* идти: я же *не хочу, не НРАВИТСЯ*, я вправе не быть своим собственным современником, ибо, если Гумилев:

— Я *вежлив* с жизнью современною...[2]

— то я́ с ней *невежлива*, не пускаю ее дальше порога, просто с лестницы спускаю. (NB! О лестницах. Обожаю лестницу: идею и вещь, обожаю постепенность превозможения—но самодвижущуюся «современную» презираю, издеваюсь над ней, бью ее и логикой и ногою, когда прохожу. А в автомобиле меня *укачивает*, честное слово. Вся моя физика не современна: в подъемнике не спущусь за деньги, а подымусь только

* «Ни пламя, ни уголь не могут жечь так горячо...» *(нем.)*.

если не будет простой лестницы — и уж до зарезу нужно. На все седьмые этажи хожу пешком и даже «бежком». Больше, чем «не хочу» — НЕ МОГУ.) А если у меня «свободная речь» — на Руси речь всегда была свободная, особенно у народа, а если у меня «поэтическое своеволие» — на это я и поэт. Всё, что во мне «нового» — было всегда, будет всегда. — Это всё очень простые вещи, но они и здесь и там *одинаково* не понимаются. — Домой, в Трехпрудный (страна, где понималось — всё). Жажду Вашего ответного листа на мой опросный. «России и Славянства» еще не получила[3], жду и сражена Вашим великодушием — давать другому свое как материал — сама бы так поступила, но так пишущие не поступают. Очевидно, мы с Вами «непишущие».

Глубоко огорчена смертью Вашего отца: Вашим горем и еще одним уходом. (Мы с Вами должны очень, очень торопиться! дело — срочное.) Та́к у меня здесь совсем недавно умер мой польский дядя Бернацкий, которого я в первый раз и в последний видела на своем первом парижском вечере, а он всё о *нашей* с ним Польше знал. К счастью, еще жива его сестра и она кое-что знает — и есть портреты. (О встрече с *собой, живой* — на портрете моей польской прабабки Гр⟨афини⟩ Ледуховской — когда-нибудь расскажу. Сходство — до жути!)

Словом, я с головой погружена в весь тот мир. Помните (чудесный) роман Рабиндраната ⟨Тагора⟩ «Дом и Мир»?[4] У меня *Дом* — Мир!

Дорогая Вера Николаевна, пишите и Вы, давайте в две — в четыре руки — как когда-то играли! (М. б. и сейчас играют, но я в отлучке от рояля вот уже 11 лет, даже видом не вижу.)

— Спасибо за память об Андрее, за то, что так *живо* вспомнили — и напомнили. Я ведь его подростком не знала, 1902 — 1906 г. мы с Асей жили за границей. И вдруг из Ваших слов — увидела именно в дверях передней — и это так естественно: всегда ведь либо в гимназию, либо из гимназии... Вы спрашиваете, кто муж Аси? Ася вышла замуж 16-ти л⟨ет⟩ за Бориса Трухачева, сына воронежского помещика, 18-ти л⟨ет⟩. Расстались через два года, даже меньше, а в 1918 г. он погиб в Добровольческой Армии[5]. Второй ее муж и сын от второго мужа оба умерли в 1917 г.[6], стало быть она с двадцати лет одна, со старшим сыном Андрюшей, ныне инженером, а ей еще порядочно до сорока (до — СРО́КА!).

А про Валерию Вы знаете? Она после долгой и очень смутной жизни (мы все трудные) — душевно-смутной! — наконец 30-ти лет вышла замуж (м. б. теперь и обвенчалась) за огромного детину-медведя, вроде богатыря, невероятно-заросшего: дремучего! по фамилии Шевлягин[7], кажется из крестьян. С ним она была уже в 1912 г. — с ним до сих пор. У нее было много детей, все умирали малолетними. Не знаю, выжил ли хоть один. У нас с нею были странные отношения: она не выносила моего сходства с матерью (главное, го́лоса и интонаций). Но мы, вообще, все — волки. Человек она необычайно трудный, прежде всего — для себя. М. б. *теперь* мы бы с нею и сговорились. Она меня *очень* любила в детстве. Не переписываемся никогда. М. б. — теперь напишу, тогда передам от Вас привет.

А жутко — влюбленный Иловайский! (то, о чем Вы пишете). Вроде влюбленного памятника. Сколько *жути* в том мире!

До свидания. Жду. И письма и встречи — когда-нибудь. Вы зимою будете в Париже? Тогда — мне — целый вечер, а если можно и два. Без свидетелей. Да? Обнимаю.

МЦ.

⟨Приписки на полях:⟩

Рада, что Вам понравился Волошин[8]. У меня много такого. *Ваш* отзыв из всех отзывов — для меня самый радостный.

Сердечный привет от мужа, он тоже Вас помнит — тогда.

10

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
21-го авг⟨уста⟩ 1933 г.

Дорогая Вера Николаевна,

Рукопись «Дедушка Иловайский» ушла в 11 ч. утра в далекие страны[1], а в 11 1/2 ч. — Ваше письмо, которому я столько же обрадовалась, сколько ужаснулась — особенно сгоряча. Дело в том, что *у меня* Д⟨митрий⟩ И⟨ванович⟩ встает в 6 ч. утра (слава Богу, что не в 5 ч. — как казалось... и хотелось!), а у Вас, т. е. на самом деле — в 10 ч. Еще: *у меня* он ест в день одно яйцо и три черносливины (рассказ Андрея, у них жившего и потом часто гостившего), а оказывается — болезнь почек, значит и одного-то своего (моего!) яйца не ел. Что бы мне — овсянку!!! Но яйцо помнила твердо, равно как раннее вставание. Третье: *у меня* А⟨лександра⟩ А⟨лександровна⟩ выходит хуже Д⟨митрия⟩ И⟨вановича⟩ (который у меня, должно быть, выходит настолько если не «хорошим» — так сильным, что Милюков не захотел) — выходит и суше и жестче и, вообще, отталкивающе, тогда как дед — загадочен. Но это уже дело оценки: бывали «тираны» и похуже Иловайского, и именно у этих тиранов бывали либо ангелоподобные (Св⟨ятая⟩ Елизавета[2], чудо с розами), либо неукротимо-жизнерадостные жены. У меня А⟨лександра⟩ А⟨лександровна⟩ выходит немножко... монстром. (*Не* словесно, а некое, вокруг слов, веяние: ничего не сказала — и все.)

Как Вы думаете — обидится, вознегодует, начнет ли опровергать в печати — Оля? Вставание в 6 ч., когда в 10 ч., мое «яйцо» и *леденящую* (хуже у меня нет) мать. И еще одно: важное, у меня, по семейной традиции, было впечатление и даже уверенность, что Оля сбежала с *евреем.* А м. б. Кезельман — не еврей? М. б. — полукровка? А м. б. — немец, а еврей — Исаев[3], и я спутала? Плохо мое дело, п. ч. рукописи не вернуть, и так уже отправка стоила около 10 фр⟨анков⟩ (писала от руки и пришлось отправить письмом).

Остальное всё совпадает. В Наде я всегда чувствовала «тайный жар», за это ее так и любила. Сережу же у нас в доме свободомыслящие Валериины студенты звали маменькиным сынком и белоподкладочником, не прощая ему двух — таких чудных вещей: привязанности к матери — и красоты. (С⟨ережа⟩ и Н⟨адя⟩, как и Оля, у меня только упомянуты, я же все время должна была считать строки и даже буквы!)

Думаю, для очистки совести, сделать следующее: если вещь в «дальних странах» (NB! *не* в России!) напечатают, то в следующем очерке, «Конец историка Иловайского», я принесу повинную, т. е. уничтожу

и 6 ч. утра, и яйцо, и, если нужно, *еврея*. Если будете писать мне, милая (выходит — давно-родная!) Вера Николаевна, не забудьте подтвердить или разрушить еврейство Кезельмана или Исаева, это важнее часов и яиц, и Оля серьезно может обидеться, а я не хочу.

Из Ваших записей не вижу: жива ли или умерла А⟨лександра⟩ А⟨лександровна⟩? Если умерла — когда? И сколько ей могло быть лет? А молодец — не боялась, не сдавалась, судилась. И крепкая же у нее была хватка — (Так и вижу эти корзины и сундуки с муарами и гипюрами, такие же ежевесенне проветривались и нафталинились на трехпрудном тополином дворе — «иловайские» сундуки покойной В⟨арвары⟩ Д⟨митриевны⟩, Лёрино «приданое». У меня об этом есть. Сколько у нее было кораллов!). Страшно жалею, что до П⟨оследних⟩ Нов⟨остей⟩ не отправила «Дедушку Иловайского» Вам. Обожаю легенду, *ненавижу* неточность. Мне эти яйца и ранние вставания и еврейские мужья теперь спать не дадут, вернее: все время будут сниться.

Туда, куда нынче отослала, никогда не посылала, поэтому — сразу опровержение — неловко. Точно сама не знаю, что́ писала. Но еще хуже будет, если Оля вздумает опровергать. Когда я писала, я *не знала*, что она в Белграде, а то бы вообще «еврея» не упоминала. (Хотя будучи дочерью Иловайского — *конечно* — к ее чести!)

А если в старике что-то трогательное, хотя бы этот *ужас* внуку с еврейской кровью. Нечеловечно, бесчеловечно даже, но — на некую высокую ноту. Вообще, всякий абсолют внушает трепет, — не страха, а... но по-немецки лучше: «heilige Scheu»*. *Судить* такого — бесполезно. Вот эту-то неподсудность: восхищение всему вопреки — и учуял Милюков[4].

Сейчас переписываю очередную, м. б. тоже гадательную, вещь для Посл⟨едних⟩ Нов⟨остей⟩ — Музей Александра III[5]. «Звонили колокола по скончавшемуся Императору Александру III, и в это же время умирала одна московская старушка и под звон колоколов сказала: „Хочу, чтобы оставшееся после меня состояние пошло на богоугодное заведение имени почившего Государя“» — боюсь, что Милюков дальше этих колоколов не пойдет. Но ведь все это — чистейшая, точнейшая правда, и колокола, и старушка, и покойный Император Александр III, — постоянный изустный и даже *наизустный*! рассказ отца.

— Посмотрим. —

Спасибо за всё. Тороплюсь отправить.

Обнимаю. В Вас я чувствую *союзника*.

МЦ.

P. S. Оля у меня венчается во Владивостоке, а оказывается — в Томске?! Если сразу ответите и про *еврея* и про *Томск* (наверное ли?), все-таки отправлю письмо вдогон, ибо я́ бы, на месте Оли, *рассвирепела*.

---

* «Священный трепет» *(нем.)*.

11

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
24-го августа 1933 г.

Дорогая Вера! Пишу Вам под непосредственным ударом Ваших писаний, не видя ни пера, ни бумаги, видя — *то*. Ваша вещь[1] — совсем готовая, явленная, из нее нечего «делать», она уже *есть* — дело. И никогда не решусь смотреть на нее, как на «материал», либо то, что я пишу — тоже материал. И то и другое — записи, живое, *ЖИВЬЕ*, т. е. *по мне* тысячу раз ценнее художественного произведения, где все переиначено, пригнано, неузнаваемо, искалечено. (Поймите меня правильно: я сейчас говорю об «использовании» (гнусное слово — и дело!) живого Вашего Иловайского напр⟨имер⟩ — для романа, где он будет героем: с другим именем — и своей внешностью, с домом не у Старого Пимена[2], а у Флора и Лавра[3], и т. д. Так делали Гонкуры, *дневник* которых я люблю, как свой, вернее чувствую — *своим* (т. е. ЖИВЫМ!), а романы которых, сплошь построенные на видоизмененной правде, забываю тут же после прочтения и даже до прочтения — шучу, конечно! — не забываю, а хуже: на каждом шагу изобличаю авторов в краже — у себя же, т. е. у живой жизни и у живого опыта. Преображать (поэт) — одно, «использовывать» — другое. — Какая длинная скобка!)

...Какова *цель* (Ваших писаний и моих — о людях). ВОСКРЕСИТЬ. Увидеть самой и дать увидеть другим. Я *вижу* дом у Старого Пимена, в котором, кстати, была только раз, в одной комнате, в одном из ее углов, самом темном, из которого созерцала стопы Кремля[4] до половины окна, глядевшего в сад, в котором я бы так хотела быть... (Комната — внизу, м. б. Надина? Освещение, от гущины листьев — зеленое, подводное: свет Китежа-града...)

Не *знай* бы я Иловайского, я бы его — у Вас — узнала. (А как чудно: *рог!* Явно — Роландов, раз не охотников. Об этом роге, сейчас вспоминаю, слышала от Андрея)[5]. Словом, я совершенно пленена и заворожена и совсем, бескорыстно, счастлива Вашими писаниями. И хорошо, что они пришли (1/2 часа!) после отправки моих. Пусть каждый — *свое* и *по-своему*, а в общем — сумма цифр, т. е. правда. У Вас, напр⟨имер⟩, Иловайский, читая, носит две пары очков, стало быть достоверно-слабое зрение, у меня он никогда не знает, ктó Ася, ктó я, и не по слабости зрения (о которой я не знала, ибо в очках его не видала никогда), а потому что ему вообще нет дела до *неисторических* лиц. («И какое ему дело, сколько лет стоящей перед ним Марине, раз она не Мнишек, а самому восемьдесят с лишком... зим»...). Я, конечно, многое, ВСЁ, по природе своей, иносказую, но думаю — и это жизнь. *Фактов* я не трогаю никогда, я их только — толкую. Так я писала все свои большие вещи.

Милая Вера, Вы мне в эту пору самый родной человек из всех, и это вполне естественно: мы с вами на дне *того же* Китежа! Кто же захочет жить на дне *чужого* Китежа? (NB! Только я, с наслаждением, на дне любого, на любом дне, самом провалённом, — лишь бы не «жизнь», или то, что они сейчас так зовут... Так я весь 1921 г. жила на дне волконского Китежа, переписав ему ВОТ ТАК, ОТ РУКИ, больше тысячи страниц его воспоминаний (т. е. моя переписка дала 1000 печатн⟨ых⟩ страниц,

а м. б. 1200, стало быть, от руки, вдвое. «Лавры», «Странствия», «Родина» — все три его тома)[6].

Мои живут другим, во времени и с временем. Никто не хочет сна — наяву (да еще чужого сна!). С⟨ережа⟩ сейчас этот мир действенно отталкивает, ибо его еще любит, от него еще страдает, дочь (скоро 20 лет) слушает почтительно и художественно-отзывчиво, но — это не *ее* жизнь, не *ее* век, и конечно (такой *страстный* отрыв от жизни) — не ее душевный строй, она очень «гармонична», т. е. ничего не предпочитает, все совмещает: и утреннюю газету, и мой отчаянный прыжок в сон, как-то все равнозначуще — не я, не мое. Сын (8 л⟨ет⟩ весь живет не текущим днем, а завтрашним, набегающим, — планами, обещаниями, будущими радостями — *т. е. я в обратном направлении* — и меня слушает... даже с превосходством. («Бедная мама, какая Вы странная: Вы как будто ОЧЕНЬ старая!») Остальные восхищаются «художественностью», до которой мне нет никакого дела, которая есть только средство, и средство очевидно не достигающее цели, раз говорят не о *что́*, а о *ка́к*. Кроме того, — события, войны, Гитлеры, Эрио, Бальбо, Росси[7] и как их еще зовут — вот что людей хватает по-настоящему за́живо: ГАЗЕТА, которая меня от скуки валит за́мертво.

Вы не знаете, до какой степени (NB! разве это имеет степени?) я одинока. Естественное и благословенное состояние, но не на людях, в тройном кольце быта.

Веяние этой одинокости идет и от Вас, но у Вас, по крайней мере надеюсь, есть фактический покой, т. е. никто Вас не дергает, не отрывает, не опровергает, Вы — и тетрадь. У меня же — между тетрадью и мною...

Очень хороша Ваша вещь о «дяде Сереже»[8]. Он дан *живой*. И на всем, от всего — дуновение *неназванной* Англии.

Ваши обе вещи я, положив в отдельный маленький портфель, вчера с собой возила, просто не желая расставаться, с собой в Ste-Geneviève-des Bois, в Русский Дом[9], к своей польской женской родне: трем старушкам: двум двоюродным сестрам моей матери (60 л⟨ет⟩) и их матери (83 г⟨ода⟩). Двух из них я видела в первый раз. Была встречена возгласом 83-летней: «Наконец-то мы с вами познакомились!» Узнала об отце прадеда: Александре Бернацком, жившем *118 лет* (род. в *16*96 г., умер в *18*14 г.), застав четыре года XVII в., весь XVIII в. и *14* лет XIX в., т. е. всего Наполеона! Прадед — Лука Бернацкий — жил 94 года. Зато все женщины (все Марии, я — первая Марина) умирали молодые: прабабка гр⟨афиня⟩ Ледуховская (я — *ее двойник*), породив семеро детей, умерла до 30-ти лет, моя бабушка — Мария Лукинична Бернацкая — 22 лет, моя мать, Мария Александровна Цветаева — 34 л⟨ет⟩. Многое и другое узнала, напр⟨имер⟩ что брат моей прабабки был кардиналом и даже один из двух кандидатов в папы. В Риме его гробница, та старушка (мне рассказывавшая) видела.

А про деда Мейна узнала, что он не только не был еврей (как сейчас, желая меня «дискредитировать», пустили слухи в эмиграции), а самый настоящий русский немец, к тому же редактор московской газеты — кажется «Голос»[10].

Приняли меня мои польские бабушки с самым настоящим сердечным жаром, самая старая подарила мне фотографию трех сестер, с грустными лицами, в пышных платьях, из которых самая красивая и самая печальная — мать моей матери, умершая 22 лет (Мария Лукинична Бернацкая).

Узнала, что семья (с самого того 118-летнего Александра) была страшно-бедная, что «паныч» (прадед Лука), идя учиться в соседнее село к дьячку, снимал сапоги и надевал их только у входа в деревню, а умер «при всех орденах» и с пенсией, «по орденам», в 6.000 руб⟨лей⟩.

И еще многое.

Водили меня мои бабушки по чудному парку, показывали груши в колпаках, спаржу «на семена» (похожа на иву!), *85-летнего* военноначальника Московского Округа Мразовского (целый день бродит и *ничего* не помнит) и — вдалеке — островок с крестами, «места нашего будущего упокоения»[11]. Древний муж одной из бабушек, отстав и тем старушек обеспокоив, принес мне на ладони ежевики.

Все они моим приездом были счастливы, очевидно почуяв во мне свою *бернацкую*, а не мейневскую («немцеву») кровь.

Кстати, в полной невинности, говорят «жиды», а когда я *мягко* сказала, что в моем муже есть еврейская кровь — та старая бабушка: «А жиды — разные бывают». Тут и я не стала спорить.

«Русский дом» (страстно хочу о нем написать, но *нельзя*) старый, даже древний замок, в чудном парке, дальше луга, поля... И такое огромное небо, которого я не видела уже три года (три лета никуда не уезжала). Русское небо и даже — курское. На горизонте — ряд серебристых тополей...

Та́к я *Вашего* дедушку Иловайского и Вашего дядю Сережу возила в гости к *моему* Александру Бернацкому 118-ти лет...

— Вот. —

Обнимаю

МЦ.

P. S. Боюсь, что Олин «еврей» уже печатается...[12] Дай Бог, чтобы не прочла!

⟨*Приписки на полях:*⟩

Между прочим, Ваш Иловайский тоже встает *рано* (от руки: НЕ)

— Va, ce n'est pas toujours la légende qui ment!

Un rêve est moins trompeur parfois qu'un document...*

Ваши рукописи сохраню свято, но дайте им еще погостить! У них отдельный дом (замшевый).

Герб Бернацких[13] — мальтийская звезда с урезанным клином (— счастья!) Я *всегда*, не зная, мальтийскую звезду *до тоски* любила.

А Вы когда-нибудь привыкнете к моему почерку? Некоторые его не разбирают — совсем.

Милая Вера, а интересна Вам будет моя *французская* проза? Есть «Neuf lettres avec une dixième retenue et une onzième reçue»**[14]. Прислать?

---

* — Полно, не всегда легенда лжет!
Иногда мечта менее обманчива, чем документ... *(фр.)*.

** «Девять писем с десятым невозвращенным и одиннадцатым полученным» *(фр.)*.

12

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
26-го августа 1933 г.

Дорогая Вера,

Большая просьба: у кого и где бы можно было узнать *точную дату* открытия Музея Александра III — во вторник, так мне сказали в редакции, появится мой «Музей Александра III»[1], *семейная* хроника его возникновения *до открытия* — и теперь мне нужно писать конец. *Я*, как дочь, не вправе не знать, а я НЕ ЗНАЮ, только помню чудную погоду, лето и слово (и чувство) *май*: майские торжества... (а м. б. ассоциация с ро*ма*новскими или, что́ несравненно хуже — с «первомайскими»??). Знаю еще, что до Музея, по-моему за́ день, открылся памятник Александру III — я присутствовала.

Были ли *Вы* на открытии Музея и, если *да*, что́ помните (я больше всего помню взгляд Царя, — к своему ужасу перезабыла все статуи, бедный папа!)? А если нет — не знаете ли Вы кого-нибудь здесь из постарше, кто был и к кому бы я могла обратиться? Я уже думала о с‹ен-›женевьевском «Русском доме», но, кажется, те старики совсем уже все забыли, а те, что *не* забыли — злостные, и ничего не захотят рассказать, — просто выгонят.

Я все помню эмоционально, и почти ничего не помню достоверного: ни числа, ни часа, ни залы, в к‹отор›ой был молебен (С‹ережа› говорит — в большой зале, а я помню — в греческом дворике, и на этом у меня построен весь разговор отца с Царем, вернее Царя — с отцом, разговор, который помню слово в слово). Словом, помню *как во сне*. А есть же, наверное, помнящие *наяву*! ГДЕ их ВЗЯТЬ?!

(Это *жизнь* мне мстит — за мои глаза, ничего не видящие, ничего не хотящие видеть, видящие — свое).

Напишу нынче в Тургеневскую Библиотеку, м. б. есть какая-нибудь книжка или хотя бы статья — о Музее, или о московских торжествах. Вырубова пишет «была чудная погода, все московские колокола звонили»[2], — это я знаю, и НЕ ХОЧУ так писать. Мне, чтобы написать хотя бы очень мало, нужен огромный материал, *весь* о данной (какой угодно!) вещи, сознание — всезнания, а там можно — хоть десять строк! Мне стыдно.

Помню отлично всё — дома: отца в старом халате, его смущение нашему подарку (*с датой* — где она?!), помню его, после открытия, у главного входа, в золотом мундире, спокойного — как капитан, благополучно приведший корабль в гавань, все душевное помню, фактического — ничего, какой ужас — ни одной статуи! М. б. *Вы*, милая Вера, помните хотя бы две, три... (Знаю, что у лестницы стоял Давид[3], ну а потом? Неужели так и писать «белые статуи», «боги и богини», без ни одного имени? Или ВРАТЬ — как Георгий Иванов?![4]

(Простите за безумный эгоизм письма, я уже та́к поверила в наше союзничество, что пишу как себе, не думая о том, что у Вас *своя* жизнь, *свои* заботы и т. д.)

Самое горячее спасибо за яйцо — шесть утра — еврея. Да! Узнала, что Иловайский родился в 1832 г. и *ОЧЕНЬ* была огорчена, ибо Андрей в 1918 г., когда деда арестовали, меня *уверял*, что ему 93 года.

Дорогая Вера, если будете писать: *когда* умер Д⟨митрий⟩ И⟨ванович⟩? Мне *помнится* — в 1919 г., но м. б. (тайная надежда) — позже, т. е. до 90 л⟨ет⟩ все-таки — дожил? Оля наверное знает. И КОГДА была убита (какой ужас!) А⟨лександра⟩ А⟨лександровна⟩? В каком году?[5]

Какой страшный конец!

ДОМ ТОЧНО ТОЛЬКО ЭТОГО И ЖДАЛ.

Не бойтесь, ни Надю ни Олю не дам и не давала *затворницами*. Есть хуже затвора, по себе знаю, когда училась в «либеральных» интернатах: «Можешь дойти до писчебумажного магазина „Надежда“ но *не дальше*». Я эти полу-, четверть-свободы! — ненавидела! Дозволенные удовольствия, даже — соизволенные. «Поднадзорное танцевание»...

Насчет Д⟨митрия⟩ И⟨вановича⟩ — возвращаюсь к Вашему письму — Вы правы: насквозь-органичен. А в ней — А⟨лександре⟩ А⟨лександровне⟩ — жила подавленная, *задавленная* молодость, все неизжитое, войной пошедшее на жизнь дочерей. (*Подсознательно:* «Я не жила — и *вы* не живите!» Заедала *их* век, а самой казалось, что *оне* задают *ее* (несбывшийся). Все это в глубоких недрах женского бытия (НЕБЫТИЯ).

Существо не единолично, но глубоко-трагическое. (Трагедия всех женских КОРНЕЙ.)

Итак, récapitulons*:

1) Чтó можете — о Музее (дату, статуй)

2) Даты / Годы смерти Д⟨митрия⟩ И⟨вановича⟩ и А⟨лександры⟩ А⟨лександровны⟩

3) Как *он* умирал — если знаете.

Милая Вера, отпишу — и тогда буду Вам писать по-человечески. Есть чтó. Но сейчас беда и из-за внешнего: 1-го Окт⟨ября⟩ мы должны переехать в Булонь, где гимназия сына, а просто не с чего начать. Вот я и тщусь.

Обнимаю Вас. Вашего Иловайского вчера читала вслух, люди были глубоко взволнованы.

МЦ.

⟨*Приписки на полях:*⟩

P. S. Сейчас выяснила, что Музей был открыт не в 1913 г., как я думала, а в 1912 г., совместно с торжествами памяти 1812 г. Видите — могу ошибиться нá год! Отец еще больше году жил, и его травили в печати за «казармы» и слишком тонкие колонки. Он умирая о них говорил. Бесконечное спасибо Вам за помошь.

---

* Вкратце *(фр.)*.

13

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
28-го авг⟨уста⟩ 1933 г.

Дорогая Вера,

Сообщаю Вам с огорчением и не без юмора, что моего Дедушку Иловайского опять выгнали — на этот раз из «Сегодня», тех «дальних стран»[1], которые я, боясь сглазу — и не Вашего, а своего, и не сглазу, а *словом: сказу* — не называла. Но, как видите, не помогло, и Дедушка опять вернулся — в сопровождении очень резкого, почти что дерзкого письма, подписанного Мильрудом (?)[2].

Вывод: мой Дедушка не простой, а *на внука*,

2) никогда не надо поступать та́к, как никогда не поступал. Вера! Я печатаюсь с 17 лет и неделю назад *в первый раз* сама предложила сотрудничество, — и вот:

...«Так как мы завалены злободневным материалом, мы должны отказаться от предлагаемого Вами». Подпись.

— Знаете мое первое движение? Открытку:

— БЫЛА БЫ ЧЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНА.

Подпись.

Второе:

СЕГОДНЯ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ *ВЧЕРА*, НЕ ИМЕЕТ *ЗАВТРА*.

Третье — ничего, Schwamm* и даже Schlamm drüber**, третье — коварный замысел наградить кроткого (если бы Вы знали, как сопротивлялся Волошину!) Руднева[3] очередным «Живое о живом» — не очень-то живом (а, правда, Д⟨митрий⟩ И⟨ванович⟩ — немножко «La Maison des hommes vivants»***[4] — если читали) — словом, убедить его в необходимости для С⟨овременных⟩ З⟨аписок⟩ никому не нужной рукописи. Боюсь только, что слух уже дошел.

Теперь это уже у меня вопрос «чести» (польской), азарта... и даже здравого смысла: может ли быть, чтобы *в эмиграции* не нашлось места для *Иловайского?* Куда же с ним?? Неужели — в С.С.С.Р.? Ведь *третьего места:* ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО — нет, третье — Царство Небесное!

Но — нет худа без добра, и я счастлива, что не огорчила Олю опрометчивым «евреем». Все свои неточности я, благодаря Вам и с благодарностью Вам, исправлю: вместо яйца будет овсянка, «еврея» — еврейская при́кровь (люблю это слово!), а деда, взамен рано-встающего, дам бессонным (еще страшней!)

И земля-то спит,
И вода-то спит,
И по селам спят,
По дерёвням спят,
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою кожу суши́т,
Мою шёрстку прядет,
Моё мясо вари́т!...[5]

---

* Губка, гриб (*нем.*).
** Оставим это (*нем.*).
*** «Дом живых людей» (*фр.*).

(А — правда — между Пименом (Трехпрудным) и *избой*: любой — никакой разницы? Те же страхи, сглазы, наговоры, наветы, увозы...)

Получила ответ от Кн⟨язя⟩ С. М. Волконского: даже Бенуа[6] не знает даты открытия Музея. Твердо, должно быть, знал только мой отец[7].

Надеюсь, что отчаюсь в точных датах и фактах и буду писать, как помню. Во мне вечно и страстно борются поэт и историк. Знаю это по своей огромной (неконченной) вещи о Царской Семье[8], где историк поэта — загнал.

Почему Вы не в Париже (себя — *там* — не вижу: не хватает воображения на билет даже III класса: честное слово!) — нам бы сейчас нужно было быть вместе.

И вот, тяжелое раздумье: говорить Рудневу, что нас с Иловайским уже выгнали из двух мест, или, наоборот, распускать хвост?

1-го сентября 1933 г. — Письмо залежалось: мне вдруг показалось, что все это нужно *мне*, а не Вам, но получив Ваше вчерашнее письмо, опять поверила в «общее дело» (*cause* commune* — л чше, п. ч. в «cause» — защита, а что мы делаем, как не защищаем: *бывшее* от *сущего* и, боюсь — *будущего*). Будущего боюсь не своего, а «ихнего», того, когда меня же не будет, — бескорыстно боюсь. Если бы Вы знали, как я его *знаю:* в детстве (лет 13-ти) меня однажды водили в идеальное детское общежитие «Сэтлемент», где всё делали сами и всё делали вместе. И вот, на вопрос: — Как понравилось? — я, *руководительнице*, с свойственным мне тогда лаконизмом: — Удавиться. Будущее — *в лучшем случае* (NB! удавленническом!) — «Сэтлемент».

Кончаю II ч⟨асть⟩ Музея (а I Милюков д⟨олжно⟩ б⟨ыть⟩ тоже похерил[9], Демидов[10] обещал во вторник, а нынче пятница, — Бог с ними всеми!) — музейно-семейную. Если не поместят — пришлю. Остается III ч⟨асть⟩ — Открытие[11], и смерть отца (неразрывно связаны). Отец у меня во II ч⟨асти⟩ получился *живой*: слышу его голос, наверное и Вы услышите.

Да! Было у меня на днях разочарование: должна была ехать с С. М. Волконским к своим бабушкам-полячкам, п. ч. оказывается — он одну из них: 84-летнюю! девятилетним мальчиком венчал — с родным братом моей бабушки. (Эта старушка жена брата моей бабушки.) И вот, в последнюю минуту С⟨ергей⟩ М⟨ихайлович⟩ не смог: вызвали на свежевыпеченный абиссинский фильм. А я так этой встрече радовалась: 75-летнего с 84-летней, которую венчал! Старушка отлично помнит его мальчиком, а также и его деда-декабриста, «патриарха» с белой бородой и черным чубуком[12]. — Поехала одна, угрызаясь, что еду чудной местностью (серебристые тополя, ивы, река, деревня), а дети в нашем заплеванном, сардиночном, в битом бутылочным стекле — лесу. Но узнав что моя

---

* *Дело* общее *(фр.)*.

бабушка *12 лет* вместе с сестрами 14-ти и 16-ти во время польского восстания в Варшаве прятала повстанческое оружие (прадед был на русской службе и обожал Николая I), узнав себя — в них, их в себе — утешилась и в С⟨ергее⟩ М⟨ихайловиче⟩ и во всем другом. Об этом, Вера, только Вам. Это моя тайна (— с теми!).

Дату Музея еще не узнала и пока пишу без. Но до «Открытия» еще далёко и непременно воспользуюсь Вашими советами. (Ненавижу слово «пользоваться»: *гнусное.*)

Обнимаю Вас и люблю.

М.

14

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
12-го сент⟨ября⟩ 1933 г.

Дорогая Вера,

Вот ответ Руднева на Иловайского. Все подчеркнутые места — его*.

Дорогая М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩,

Письмо Ваше получил вчера утром, а рукописи еще нет. А м. б. и к лучшему — написать Вам (**NB! он от меня усвоил мои тире!**)** в порядке *предварительном*, до ознакомления с рукописью, о тех сомнениях, какие у меня есть a priori, по поводу *темы.*

Не сомневаюсь, что рукопись — интересна и талантлива, как всё, что Вы пишете. И о Музее читал с большим интересом в «Посл⟨едних⟩ Нов⟨остях⟩».

Всё это так, — и всё же чувствую или предчувствую одно «но». Не в имени Иловайского, поверьте, в смысле его «одиозности», а в смысле его значительности. Мы когда-то собирались поместить статью бывшей Е. Ю. Кузьминой-Караваевой (а ныне матери Марии...)[1] о Победоносцеве[2]: казалось бы, чего уж одиознее, — но фигура в истории русской культуры. А Иловайский? Думаю, что весь несомненный интерес Вашей статьи будет вероятно в описании старого московского интеллигенческого быта. **NB! Вера, разве Иловайский — «интеллигент»? Мой отец — «интеллигент»? Интеллигент, по-моему, прежде всего, а иногда и после всего — студент.**

А сзади, в зареве легенд,
Идеалист-интеллигент
Печатал и писал плакаты
Про радость своего заката...

(Б. Пастернак, 1905 год)

...Аксаков[3] — «интеллигент»? Какое нечувствование ЭПОХИ и духовного ТИПА!!)

(Дальше Руднев:)

...Хорошо, — но мы — жадные (**посчитайте тире! МЕНЯ обскакал!**), и от Вас ждем Вашего *лучшего.* На мой *личный* вкус — таковыми могли бы быть Ваши чисто-*литературные* воспоминания и характеристики.

---

* Фраза приписана на полях.

** Полужирным шрифтом выделен вставной комментарий М. Цветаевой.

(NB! А он не — просто дурак? Хотя старик, но к сожалению дурак. Пусть писатели пишут о писателях, философы о философах, политики о политиках, священники о священниках, помойщики о помойщиках и т. д. — ведь он вот что предлагает!) Но это — о том, чего у Вас нет в руках, а Вы спрашиваете о том, что имеется. Получу, прочту — скажу свое личное впечатление. Переберетесь ли Вы, наконец, в Булонь? **(Он этого дико боится, п. ч. в Булони всего один дом, и в нем óн живет!)** У меня такое чувство: мы с Вами можем переписываться, но не сумеем разговаривать.

Всего доброго, и не сердитесь за предварительный скептицизм.

Преданный Вам
(— в чем выражается?!)

В. Руднев

P. S. А нет ли у Вас стихов 1) новых и 2) понятных для простого смертного. Чувствую, что это задание противоречиво для Вас.

— Вот, Вера, нашего «дедушку» еще раз прогнали. Всё это письмо — не опасение, а *предрешение*, только Р⟨уднев⟩, прослышав о Милюкове, не хочет быть смешным и упор сделал на другом (*неисторичности* лица).

Почему Степун *годами* мог повествовать о своих женах, невестах, свояченицах и т. д.[4], а я — о единственном своем (!) дедушке Иловайском — не могу?? В единственном № С⟨овременных⟩ З⟨аписок⟩? Думаю, что для редактора важнее всего: *как* вещь написана, т. е. *кто* ее написал, а не о ком. И думать, что мои воспоминания о знаменитом, скажем, литераторе ценнее моих же воспоминаний о сэттере «Мальчике» напр⟨имер⟩ — глубоко ошибаться. Важна только степень увлеченности моей предметом, в которой *вся* тайна и сила (тайна силы). С холоду я ничего не могу. Да Вы, милая Вера, это и так, и из себя — знаете!

Чувство, что литература в руках малограмотных людей. Ведь это письмо какого-то подмастерья! Впрочем, не в первый раз! Если бы Вы знали, чтó это было с Максом!![5]

Пишу сейчас открытие Музея, картина встает (именно со дна подымается!) китежская: старики — статуи — белые видения Великих Княжен... Боюсь, что из-за *глаз Государя* весь «фельетон» провалится, но без глаз — *слепым* — не дам.

О будь они прокляты, Милюковы, Рудневы, Вишняки, бывшие, сущие и будущие, с их ПОДЛОЙ: политической меркой (недомеркой?).

Скоро напишу о совсем другом: перепишу Вам отрывки из недавнего письма Аси[6]. А сейчас кончаю, хочу опустить еще нынче.

Обнимаю Вас. Только к Вам иду за сочувствием (СО — ЧУВСТВИЕМ: не жалостью, а mieux!*).

* Лучше *(фр.)*.

15

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
29-го сентября 1933 г.

Дорогая Вера,

Почему замолчали? Я по Вас соскучилась. Я Вам писала последняя, — это не значит, что я считаюсь письмами, я только восстанавливаю факты.

Знаете ли Вы, что мой Иловайский «потенциально»* (русского слова, кажется, нет) принят в Современные Записки?

Нынче я, после долгого перерыва, опять за него принялась, и вот, естественно, вернулась к Вам.

Многое вскрывается в процессе писания. Эту вещь приходится писать *вглубь*, — как раскопки.

Напишу обо всем, если например, т. е. если буду знать, что всё это Вам еще нужно.

Обнимаю Вас.

МЦ.

〈*Приписки на полях:*〉

Здоровы ли Вы? А м. б. — уехали? Не собираетесь ли в Париж? Я бы ОЧЕНЬ хотела!

С «Посл〈едними〉 Нов〈остями〉» очередные неприятности, впрочем «шитые и крытые».

16

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
5-го октября 1933 г.

Дорогая Вера,

Написала Вам большое письмо, но к сожалению себе в тетрадку — было мало времени, а сказать хотелось именно сейчас и именно *то*, записала сокращенно, т. е. для Вас бы абсолютно нечитаемо, а сейчас опять нет времени переписывать, но — не пропадет и Вы его все-таки получите и «современности» (будь она треклята!) не утратит.

Пока же:

Сын поступил в школу, значит и я поступила. Целый день, по идиотскому методу франц〈узской〉 школы, отвожу и привожу, а в перерыве учу с ним *наизусть*, от чего оба тупеем, ибо оба не дураки, Священную Историю и географию, их пресловутые «résumé», т. е. объединенные скелеты. (Мур: «Так коротко рассказывать,. как Бог создал мир, по-моему, непочтительно: выходит — не только не 'six jours'**, а 'six secondes'***. Французы, мама, даже когда верят — НАСТОЯЩИЕ безбожники!» — 8 лет.)

С тоской и благодарностью вспоминаю *наши* гимназии со «своими словами» («Расскажите своими словами»). И, вообще, человечные —

* Предположительно? *(примеч. М. Цветаевой).*
** Шесть дней *(фр.).*
*** Шесть секунд *(фр.).*

для человека. У нас могли быть плохие учителя, у нас не было плохих методов.

Растят кретинов, т. е. «общее место» — всего: родины, религии, науки, литературы. Всё — готовое: глотай. Или — плюй.

«Открытие» мое замолчали[1]. Я теперь о другом рассаднике «общего места» — Посл⟨едних⟩ Нов⟨остях⟩. Ни *да*, ни *нет*. И, другое открытие, даже озарение: *все* Посл⟨едние⟩ Нов⟨ости⟩ — та игра, помните? «Черного и белого не покупайте, да и нет не говорите»... Должно быть, у них нечистая совесть, раз не вынесли (совершенно невинных!) глаз Царя.

Иловайского кончаю совсем. Сейчас пишу допрос (который знаю *дословно* — от следовательницы, не знавшей, что я «внучка»: рассказывала в моем присутствии, не называя Иловайского, и когда я спросила: «А это, случайно, не Иловайский был?», она: «Откуда вы знаете?»).

Какова вещь, литературно — не знаю, да об этом *сейчас*, т. е. в первый раз пиша, и не думаю, думать буду, когда начну делать, т. е. править. Сейчас пишу как на курьерских (тоже анахронизм!) — сама обмирая — и больше всего от *жути* картины.

Вещь, милая Вера, примут или не примут, посвящаю Вам: возвращаю — Вам.

Эпиграф:

— И все они умерли, умерли, умерли[2]...

а там, где о Сереже и о Наде:

— Как хороши, как свежи были розы...

Так «общее место» Тургенева — зáново заживет.

Вы спрашиваете об Асе. Вкратце: человек она замечательный и несчастно-счастливый. «Несчастно» — другие, «счастливый» — сама. Мы очень похожи, но я скорее брат, чем сестра: моя мать ведь хотела мальчика и с первой минуты моего (меня) осознания назвала меня Александр, я *была* Александр, — так вот всю жизнь и расплачиваюсь. Ася — *я* — минус Александр. А назвала она в честь *той* Аси[3] («Вы в лунный столб въехали, Вы его разбили!»).

Бегу за своим Георгием (Муром).

Обнимаю Вас и скоро напишу еще.

МЦ.

17

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
24-го Октября 1933 г.

Дорогая Вера, Ваше письмо застало меня на словах, *фактически* легло на слова: «...гнёл глубокими нишами окон, точно пригнанными по мерке привидений...»[1] (NB! Дом. Ряд перечислений: чем гнёл, ибо у меня *дом* гнетет, и родители сами — *гнетóмые*.) И первым моим движением

было — рукопись влево, писчий листок перед собою, но нет времени, нет времени, нет времени! — и пересилил, как всегда, долг, т. е. в *данном* случае — рукопись (а пять минут спустя *долгом* будет — ставить суп, а рукопись — роскошью. Нет неизменных ценностей, кроме направляющего *сознания* долга. Долг, Вера, у меня от матери, всю жизнь прожившей как *решила*: как *не*-хотела. Не от отца, кроме *должного* ничего не *желавшего*). И, возвращаясь к рукописи: впрочем, «Старый Пимен» — тоже Вам письмо, то же Вам письмо, только куда открытейшее и сокровеннейшее, чем те, в конвертах. (А *то* письмо, неотосланное, лежит и ждет своего часа. Я ничего не забываю, но — ничего не тороплю.)

Милая Вера, я по Вас соскучилась, не остро — *это* острие у меня за с двух лет-само475ранения — пообтупилось, а может быть — я́ отупела, и, чтобы чувствовать, нужно время, у меня его нет — кроме того, всё это, пока, только голос, даже не голос, — мысленный голос — вот если бы Вы здесь *были* и потом бы Вас *не было* — о, тогда другая песенка, и может быть волчья: волчьего зарезу: *тоски*, пока же: когда долго нет Ваших писем я, как все люди, скучаю (м. б. немножко больше, чем все люди!).

Милая Вера, *не надо* благодарить за посвящение, которое прежде всего возвращение — вещи по принадлежности. Но если Вы этому возврату рады — я счастлива. Но, милая Вера, так как я себе, чувству меры в себе, всё-таки не доверяю, — ибо у меня *иная* мера (единственное, чему в себе доверяю — *без*мерность, то *до* напечатания (проставления посвящения) непременно постараюсь, чтобы Вы прочли, а то вдруг Оля на *Ва́с* вознегодует, или, упаси Боже, Вы́ — на меня? Была когда-то такая книга Альтенберга[2] «Wie ich es sehe»* — так *всё* у меня «wie ich es sehe». Когда я стараюсь «как другие» — я просто не вижу — ничего.

Еще вопросы: 1) ... «с головкой античной статуи», может быть «ВОЗРОЖДЕНСКОЙ» статуи, что́ Вам ближе и что́ больше Вы́? Даю Вас с Надей глядящими на вынос Сережи. Чтобы *увидели* другие, должна, *очень точно*, увидеть *я*. Ва́м — виднее!

2) В каком месяце или хотя бы в какое время года была убита А⟨лександра⟩ А⟨лександровна⟩? У меня — поздней оченью (последние листья), и все на этом домысле построено. Но как обидно гадать, когда можно знать!

3) Помнится мне, что Надя — в феврале. А Сережа? На месяц? полтора? два? раньше.

(А может быть просто — с возрожденской головкой? Живее. Или важна именно *статуя*? Как бы я хотела Ваш тогдашний портрет! Зачем — портрет: Вас — тогдашнюю!)

Но вчера Вы для меня неожиданно, незабвенно воскресли. Дворянское собрание, короткие (после тифа?) до плеч волосы, красное платье с шепчущим шлейфом успеха. Вера, по описанию («нет, не широкие, скорее длинные, и не голубые, — светлые, серовато-еще что-то...») у Вас, не сердитесь, КОЗЬИ глаза. Вы когда-нибудь видели *козьи* глаза?

---

* «Как я это вижу» *(нем.)*.

Не ланьи (карие, влажные, и т. д.) а именно козьи, у самой простой козы: светлые, длинные, даже изогнутые (mit einem kecken Schwung*, как бывает смелый росчерк), холодные и в тысячу раз более гадательные, притягательные, чем пресловутые русалочьи, в которых, как у рыбы, только испуг и вода.

Рядом с Вами шла, можно сказать, шествовала — тоже, тогда, красавица, нынешняя Кн⟨ягиня⟩ Ширинская, а тогда даже еще не Савинкова, у которой до сих пор глаза совершенно невероятной красоты[3]. Мы с ней часто видимся, они вместе с моей дочерью набивают зайцев и медведéй («Зайхоз»), зашивают брюхи, пришивают ухи и хвосты (у зайцев и медведéй катастрофически маленькие, т. е. очень трудные: не за что ухватиться) и зарабатывают на каждом таком типе** по 40 сант⟨имов⟩, т. е., *дай Бог* — 2 фр⟨анка⟩ в час, чаще — полтора. Она мне говорила о своих угрызениях совести, что до сих пор не ответила на Ваше чудное письмо, а я утешала, что Вы сами подолгу не отвечаете, и по той же причине — исчерпывающего ответа.

Нравитесь Вы себе в красном платье, с козьими глазами? (NB! в рукописи этого не будет!) Непременно откликнитесь, козьи или нет, но до этого непременно подробно рассмотрите козу (именно козу, ибо у козла, может быть, и даже наверное — другие!).

Вера, а Елпатьевский (С. Я.)[4] — мой троюродный дядя: двоюродный брат моего отца — через поле — в тех же Талицах. Мы жили у него на даче в Ялте, зимой 1905 — 1906 г.[5], под нами — какие-то «эсдеки», с грудным ребенком, над нами Горькие, и весь сад по ночам звенел шпорами околоточных. Мне бы *очень* хотелось прочесть Ваше про Елпатьевского — нет ли у Вас машинного оттиска? Давайте обмениваться «отверженцами». Музей мой окончательно закрыт, даже зарыт, с подобающим надгробным словом Милюкова («пристрастие к некоторым членам Царской Фамилии», — в том-то и дело, что она для него «Фамилия», для меня — *семья*). Если кто-нибудь по дружбе отпечатает (всего 7 рукописных страниц) — пришлю. А Вы мне — Елпатьевского (а м. б. П⟨оследние⟩ Н⟨овости⟩ почуяли, что Елпатьевский — *мой* троюродный дядя? смеюсь, конечно! Кстати, у Милюкова с Новостями одни инициалы).

А «Дедушка» настолько принят, что уже проеден, увы не нами, а «gérante»*** в виде 1/4 терма[4].

Теперь, просьба. Когда, дней через десять, сдам, и начнется бесконечная торговля с Рудневым: сократить, убрать и т. д. — Вера, вступитесь и Вы: моя мечта, чтобы вещь напечатали целиком, а м. б. вместо положительных — отпущенных на нее С⟨овременными⟩ З⟨аписками⟩ — *65*.000 знаков окажется *90*.000. Видел Руднев только I, анекдотическую, часть «Дедушка Иловайский», увиденный глазами ребенка. II ч⟨асть⟩ — Дом у Старого Пимена — есть часть осмыслительная, м. б. менее «развлекательная», но более углубительная: судьба дóма, рóда, — Рок. Уже не картинки, а картины, и некоторые — очень жуткие. Пусть платят

* С дерзким взмахом *(нем.)*.
** *От фр.* type — образец.
*** Здесь: домовладелица *(фр.)*.

за 65 тысяч знаков, пусть печатают — хоть петитом (я бы предпочла курсивом, настолько все это — изнутри!), *мне все равно*, лишь бы — всё, всю. Пусть разбивают на 2 №, как Макса, *бывшее* — не торопится. Итак, когда начнутся распри, я к Вам возоплю, — м. б. надáвите на Фундаминского[6] (к‹оторо›го пишу от *фун*дамент). А то с Максом было ужасно, и все Максино детство, всю Максину *чудную* мать мне выкинули — и совершенно зря. Они всё боятся, что «их читателю» — «скучно». (Когда стихи — «непонятно»). А тот же читатель отлично все понимает — и принимает у меня на вечерах.

Кончаю. Только еще одно. Никакого «каприза», т. е. прихоти, к‹отор›ую я презираю. Все мои «стаканы» — органические, сорожденные со мною стаканы *защиты*, и *никогда — себя*: мира высшего (wie ich es sehe) — от мира низшего, в данном Саримом[7] случае — гения, старости, бывшей славы — от *дряни*.

А деспотизм — да, только — просвещенный, по прямой линии от деда А. Д. Мейна, который разбил жизнь моей матери и которого моя мать до его и своего последнего вздоха — боготворила[8].

А поляки — особ статья, но статья *очень* сильная.

Обнимаю Вас. А отвечать — не спешите. *Сущее* тоже не торопится.

МЦ.

18

Clamart (Seine)

10-го ноября 1933 г., канун Armistice*[1] (— а у нас, Вера, война *никогда* не кончилась).

Дорогая Вера,

Это письмо должно быть коротко — Вам их много придется читать[2]. И ответа на него не нужно — Вам их много придется писать.

Хочу только, чтобы *увидели*: Кламар, в котором Вы может быть никогда не были, но всё равно, — любая улица — любой ноябрьский день с дождем — я, которую Вы наверное в лицо не помните — с Муром, которого Вы никогда не видели (4 ч. дня, разбег школьников) — и: — Мама, почему Вы плачете? Или это — дождь? — Дождь, Мур, дождь!

И не знаю — дождь иль слёзы
На лице горят моем!

Вера, это были слезы больше чем женского сочувствия: *fraternité*** *на женский лад* — восхищения — сострадания (я ведь знаю, как в жизни *всё иначе*) — глубочайшего удовлетворения — упокоения — и чего-то бесконечно-бóльшего и *совсем* несказанного.

Мур шел и показывал мне свой орден «pour le mérite»***, я думала о Вашем, и вдруг поняла, что тот каменный медальон, неоткрывающийся, без ничего, кроме самого себя, который я с Вашего первого письма хотела послать Вам, *как Ваш*, и не посылала только из-за цепочки, мечты о цепочке, так и не сбывшейся — что тот «медальон» вовсе и не медальон, а именно *орден*, и никакой цепочки не нужно. (Нужна, конечно, потому что в быту орденов не носят, но послать можно — и без.)

* Перемирие *(фр.)*.
** Братство *(фр.)*.
*** «За заслуги» *(фр.)*.

Теперь — ждите. Не завтра (Armistice) и не в воскресенье, а в самом начале недели. Голубой — а больше не скажу.

Вашу карточку показывала Е⟨вгении⟩ И⟨вановне⟩[3]. Сказала, что были *еще* лучше. А больше никому.

Обнимаю Вас.

М.

Рукопись нынче сдала.

19

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
20-го ноября 1933 г.

Милая Вера,

Ваше письмо такое, каким я его ждала, — я Вас знаю изнутри себя: *той* жизни, *того* строя чувств. Вы мне напомнили Блока, когда он узнал, что у него родился сын (оказавшийся потом сыном Петра Семеновича Когана, но это неважно: *он верил*)[1]. Вот его слова, которые я собственными глазами читала: — «Узнав, не обрадовался, а глубоко́ — задумался...»[2]

А что Вы лучше одна, чем когда Вы с другими — Вера, как я Вас в этом узнаю, *и* в этом узнаю! У меня была такая запись: «Когда я одна — я *не* одна, когда не-одна — *одна*», т. е. как самая брошенная собака, не вообще-брошенная (тут-то ей и хорошо!), а к волкам брошенная. А м. б. я́ — волк, а они собаки, скорей даже та́к, но дело не в названии, а в розни.

А Вы, Вера, не волк, Вы — кроткий *овец* (мне кто-то рассказывал, что Вы все время читаете Жития Святых, — м. б. врут? А если *не* врут — хорошо: гора, утро, чистота линий, души, глаз, — и вечная книга...) Все *лучшие* люди, которых я знала: Блок, Рильке, Борис Пастернак, моя сестра Ася — были кроткие. *Сложно*-кроткие. Как когда-то Волконский сказал о музыке (и пространстве, кажется)

ПОБЕДА ПУТЕМ ОТКАЗА[3]

А природное, *рожденное* овечье состояние я — мало ценю. (Начав с *коз*, перешла к овцам!)

Итак, скоро увидимся? Радуюсь.

Хотела бы, Вера, долгий вечер наедине — как в письме. Но Вас люди съедят. Знайте, что на дорогах *жизни* я *всегда* уступаю дорогу.

Честолюбия? Не «мало», а никакого. Пустое место, нет, — *все* места заполнены иным. *Всё* льстит моему сердцу, ничто — моему самолюбию. Да, по-моему, честолюбия и нет: есть *властолюбие* (Наполеон), а, еще выше, le divin orgueil* (*мое* слово — и *мое* чувство), т. е. окончательное уединение, упокоение.

И вот, замечаю, что ненавижу всё, что -любие: самолюбие, честолюбие, властолюбие, сластолюбие, человеколюбие — всякое по-иному,

---

* Божественная гордость *(фр.)*.

но все—равнó. Люблю любовь, Вера, а не *любие.* (Даже боголюбия не выношу: сразу религиозно-философские собрания, где *всё*, что угодно, кроме Бога и любви.)

Об Иловайском пока получила следующий гадательный отзыв Руднева: «Боюсь, что Вы *вновь* (???) отступаете от той реалистической манеры (???), которой написан Волошин». Но покровительствующая мне Евгения Ивановна уже заронила словечко у Г⟨оспо⟩жи Фондаминской[4] (мы незнакомы) и, кажется, (*между нами)* Дедушку проведут целиком. Я над ним *дико* старалась и потеряла на нем (1 1/2 месяца *поправок*) около пятисот фр⟨анков⟩ на трех фельетонах в Последних Новостях.

Кое-что, думая о Вас и об Оле, смягчила. Напр⟨имер⟩, сначала было (А⟨лександра⟩ А⟨лександровна⟩)—«Она, сильно говоря, конечно была отравительницей колодца их молодости»,—стало: *огорчительницей* (курсивом).

Ну, вот.

Теперь во весь опор пишу Лесного Царя, двух Лесных Царей—Гёте и Жуковского[5]. Совершенно разные вещи и каждая—в отца.

И в тот же весь опор сейчас мчусь за Муром в школу. Он Вам понравится, хотя целиком дитя своего века, который нам *не* нравится.

Орден[6] отослан в субботу, думала, что Вы уже в Париже и что—разминетесь, но кто-то сказал, что Вы задержались.

Обнимаю Вас и Glück auf!* И—Muth zum Glück!** Во всяком случае—Muth! (Рифма—gut***).

МЦ.

⟨Приписка на полях:⟩

Из ляписа-лазури (ордена) в древности делали краску ультрамарин.

20

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
27-го ноября 1933 г.

Дорогая Вера,

Вы в сто, в тысячу, в тысячу тысяч раз (в дальше я считать не умею) лучше, чем на карточке—вчера это было совершенно очаровательное видение: спиной к сцене, на ее большом фоне, во весь душевный рост, в рост своей большой судьбы[1]. И хорошо, что рядом с Вами посадили священника, *нечто неслиянное*, это было как символ, люди, делая, часто не понимают, чтó они делают—и только тогда они делают хорошо. «Les Russes sont souvent romantiques»****—как сказал этот старый профессор[2]. Перечеркиваю souvent и заканчиваю Жуковским: «А Романтизм,

---

* Желаю счастья! *(нем.)*
** Мужества к счастью! *(нем.)*
*** Хорошо *(нем.)*.
**** «Русские часто бывают романтнкамн» *(фр.)*.

это – душа». Так во́т, вчера, совершенное видение души, в ее чистейшем виде. Если Вы когда-нибудь читали или когда-нибудь прочтете Hoffmansthal'a[3] «Der Abenteurer und die Sängerin»* – Вы себя, вчерашнюю, моими глазами – увидите.

И хорошо, что Вы «ничего не чувствовали». *Сейчас*, т. е. именно когда *надо*, по заказу, – чувствуют только дураки, которым необходимо глазами видеть, ушами слышать и, главное, руками трогать. Высшая *раса* – *вся* – либо vorfühlend либо nachfühlend**. Я не знаю ни одного, который сумел бы быть глупо-счастливым, просто-счастливым, сразу – счастливым. На этом неумении *(неможении)* основана вся лирика.

Кроме всего, у Вас совершенно чудное личико, умилительное, совсем молодое, на меня глядело лицо той Надиной[4] подруги – из тех окон.

Вера, не делайте невозможного, чтобы меня увидеть. Знайте, что я Вас и так люблю.

Но если выдастся час, окажется в руках лоскут свободы – либо дайте мне *pneu****, либо позвоните Евгении Ивановне *Michelet 08-49* с просьбой тотчас же известить меня. Но имейте в виду, что я на путях внешней жизни, в частности в коридорах и нумерах никогда не посещаемых гостиниц – путаюсь, с челядью же – дика: дайте *точные* указания.

Если же ничего не удастся – до следующего раза: до когда-нибудь где-нибудь.

Обнимаю Вас и от души поздравляю с вчерашним днем.

МЦ.

– А жаль, что И⟨ван⟩ А⟨лексеевич⟩ вчера не прочел стихи – все ждали. Но также видели, ка́к устал.

⟨*Приписка на полях:*⟩

P. S. Только что получила из Посл⟨едних⟩ Нов⟨остей⟩ обратно рукопись «Два Лесных Царя» (гётевский и жуковский – сопоставление текстов и выводы: всё *очень* членораздельно) – с таким письмом: – «Ваше интересное филологическое исследование совершенно не газетно, т. е. оно – для нескольких избранных читателей, а для газеты – это невозможная роскошь».

Но Лесного Царя учили – *все*! Даже – *двух*. Но Лесному Царю уже полтораста лет, а волнует как в первый день. Но всё пройдет, все пройдут, а Лесной Царь – останется![5]

Мои дела – отчаянные. Я *не умею* писать, как нравится Милюкову. И Рудневу. Они мне сами НЕ нравятся!

21

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
16-го января 1934 г.

Умница Вы моя! Больше чем умница, – человек с прозорливым сердцем: Ваш последний возглас о Белом попал – *как нож острием попадает в стол и чудом держится* – в мою строку:

---

* Гофмансталь. «Авантюрист и певица» *(нем.)*.
** Предчувствующая либо сочувствующая *(нем.)*.
*** Письмо по пневматической почте *(фр.)*.

— Такая, как он без моих слов увидел ее: высокая, с высокой, даже вознесенной шеей, над которой точеные выступы подбородка и рта, о которых — гениальной формулой, раз-навсегда Hoffmansthal:

Sie hielt den Becher in der Hand.
Ihr Kinn und Mund glich seinem Rand...[*1]

Это — о девушке, любившей Белого, когда я была маленькой и о которой (о любви которой) он узнал только 14 лет спустя, от меня[2]...

Я сейчас пишу о Белом, ça me hante[**]. Так как я всегда всё (душевно) обскакиваю, я уже слышу, как будут говорить, а м. б. и писать, что я превращаюсь в какую-нибудь плакальщицу[3].

⟨Сбоку, рядом со вторым абзацем, написано:⟩

Писала и видела — Вас.

22

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
5-го февраля 1934 г.

Дорогая Вера,

Разрываюсь между ежеутренним желанием писать Вам и таким же ежеутренним — писать о Белом, а время одно, и его катастрофически-мало: проводив Мура в 8 1/2 ч. — у меня *моего* времени только 2 часа — на уборку, топку, варку *и* писанье. Вы понимаете *как* всё это делается (по молниеносности и плохости!). Потом — провести его подышать, потом завтрак, потом посуда, потом опять в школу, и опять из школы, и поить его чаем, и т. д., а вечером — голова не та, слова не те.

Вера, был совершенно изумительный доклад Ходасевича о Белом: ЛУЧШЕ НЕЛЬЗЯ[1]. Опасно-живое (еще сорокового дня не было!), ответственное в каждом слоге — и справился: что надо — сказал, всё, что надо — сказал, а надо было сказать — именно всё, самое личное — в первую голову. И сказал — всё: где можно — словами, где *неможно.* (NB! так наши польские бабушки говорили, польское слово, а по-моему и в России, в старину) — интонациями, голосовым курсивом, всем, вплоть до паузы.

Дал и Блока, и Любовь Димитриевну, и Брюсова, и Нину Петровскую[2], и *не назвав* — Асю[3]: его горчайшую обиду (*я* — присутствовала[4], и мне тоже придется об этом писать: как?? Как явить, не оскорбив его тени? Ведь случай, по оскорбительности, даже в жизни поэтов — неслыханный). Дал и Белого — Революцию, Белого — С.С.С.Р., и дал это в эмигрантском зале, сам будучи эмигрантом, дал, вопреки какому-то самому себе. Дал — правду. Как было.

И пьяного Белого дал, и танцующего. Лишнее доказательство, что *большому* человеку — всё позволено, ибо это всё в его руках неизменно будет большим. А тут был еще и *любящий.*

Вся ходасевичева острота в распоряжении на этот раз — *любви.*

* Она держала бокал в руке. Ее подбородок и рот были вровень с его краями *(нем.).*

** Это меня преследует *(фр.).*

Не знаю, м. б. когда появится в Возрождении[5] (не важно, в чем: на бумаге), многое пропадет: вся гениальная интонация часть, всё намеренное словесное умолчание, ибо что́ многоточие — перед паузой, во́время оборванной фразой, окончание которой слышим — все.

Зато *в лицо* досталось антропософам и, кажется, за дело, ибо если Штейнер в Белом действительно не увидел исключительного по духовности *человека* (-ли?) — существо, то он не только не ясновидящий, а слепец, ибо плененного духа в Белом видела даже его берлинская Frau Wirthin.

Словом, Вера, было замечательно. *Мне* можно верить, п. ч. я Ходасевича никогда не любила (знала цену — всегда) и пришла именно, чтобы не было сказано о Белом *злого*, т. е. — лжи. А ушла — счастливая, залитая благодарностью и радостью.

Вышло во «Встречах» (№ 2) мое «Открытие Музея», послала бы, но у меня уже унесли. Достаньте, Вера, чтобы увидеть, что́ Посл⟨едние⟩ Нов⟨ости⟩ считают монархизмом.

И Пимен вышел — видели? Мне второе посвящение больше нравится: оно — формула, ибо в корнях — всё. Корни — нерушимость[6].

Непременно и подробно напишите, как понравилось или *не*-понравилось. А Вы себе — понравились? Я над этими двумя строками *очень* работала, хотелось дать Ваш внешний образ раз-навсегда. А *мой* Сережа — понравился? (Гость.) А *моя* Надя (посмертная)? Ведь моя к Вам, Вера, любовь — наследственная, и *сложно*-наследственная.

— Мама! До чего *Вера Муромцева* на Вас похожа: вылитая Вы! *Ваш* нос, *Ваш* рот, и глаза светлые, а главное, когда улыбается, лицо совершенно серьезное, точно не она улыбается.

Вот первые слова Мура, когда мы от Вас вышли. Я «Веру Муромцеву» и не поправляла, это и Вас делает моложе, и его приобщает, вообще — стирает возраст: само недоразумение возраста.

Сидим в кинем⟨атографе⟩ и смотрим празднества в честь рождения японского наследника. (Четыре дочери и наконец сын, как у нас[7].) «Cette dunastie de 2.600 ans a enfin la joie»* и т. д. Народ, восторги, микадо на коне. И Мур: — Он не такой уж старый... — Я: — Совсем не старый.

На другой день в П⟨оследних⟩ Нов⟨остях⟩ юбилей «бабушки»[8] — 90 л⟨ет⟩. И Мур: — Что ж тут такого, что 90 лет и еще разговаривает! Вот микадо *две тысячи шестьсот лет* — и на коне ездит! И сын только вчера родился... (NB! Он знает, что у *очень* старых маленьких детей не бывает.)

Жду *большого* письма. Обнимаю.

МЦ.

---

* «У династии, которой 2600 лет, наконец-то радость» *(фр.)*.

23

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
26-го февраля 1934 г.

Дорогая Вера,

Сегодня, придя домой с рынка, остановясь посреди кухни между неразгружёнными еще кошелками и угрожающим посудным чаном, я подумала: — А вдруг мне есть письмо? (от Вас). И тут же: — Настолько наверное *нет*, что не стоит спрашивать. И тут же погрузилась — и в кошёлки, и в чаны, и чугуны.

И час спустя, С⟨ережа⟩ — М⟨арина⟩, Вам есть письмо. Принятое. И я: — От Веры? Давайте.

И — оцените, Вера! — только вымыв руки, взяла. Об *этом* я пишу, пиша о невытравимой печати хорошей семьи на Белом.

Белого кончила и переписала до половины[1]. 15-го читаю в Salle Géographie[2], предварительно попросив у слушателей — терпения: чтения на полных два часа. Но раз уж так было с Максом: и просила — и стерпели. Приглашу *и Руднева.* Знаю его наизусть: сначала соблазнится, а потом — ужаснется. И полгода будем переписываться, и *раз* — увидимся, и это, м. б., будет — последний раз. (Спасли Пимена только мои неожиданные — от обиды и негодования — градом! — слезы[3]. Р⟨удне⟩в испугался — и уступил. *Между нами!)*

Белый — удался́. Еще *живее* Макса, ибо без оценок. Просто — живой *он*, в движении и в речи. Почти сплошь его монолог. Если Руднев *не* прельстится и надежды напечатать не будет — пришлю тетрадь, по к⟨отор⟩ой 15-го буду читать, потому что непременно хочу, чтобы Вы прочли. Он — настолько *он*, что не удивилась бы (и не испугалась бы!), вскинув глаза и увидев его посреди комнаты. Верю в посмертную благодарность и знаю, что он мне зла — никогда не сделает. Только сейчас горячо жалею, что тогда, в 1922 г. в Берлине, *сама* не сделала к нему ни шагу, только — соответствовала. Вы это поймете из рукописи. У меня сейчас чувство, что я могла бы этого человека (??) — спасти. Это Вы тоже увидите из рукописи.

Из всех слушателей радуюсь Ходасевичу. Я ему *всё* прощаю за *его* Белого. (Вы не читали в Возрождении? Я напечатанным — не видела, но в ушах и в душе — неизгладимый след.)[4]

Радио. (Я тоже говорю радио, а не T.S.F., к⟨отор⟩ое путаю с S.O.S. и в котором для меня, поэтому, — тревога.) Вера, и у нас радио, и вот как, и вот какое. В Кламаре у нас есть друзья Артемовы[5], он и она (он — кубанский казак, и лучший во Франции резчик по дереву. Его работу недавно (за *гроши*) купил Люксембургский Музей. Она — акварелистка). И вот, они на всё обменивают свои вещи: и на мясо, и на обувь, и на радио. *На́-два.* Т. е. получив новое, старое дали нам. И — какое! Длинное, как гроб, а вокруг, на неисчислимом количестве проводов, три тяжеленных ящика, один — стеклянный. И все это нужно ежедневно развинчивать, завинчивать, чистить наждаком, мазать *ланолином* (!) — и всё это ежесекундно портится, уклоняется, перерывается, отказывается

служить. *День* он у нас играл, т. е. мы слышали все похороны Короля Альберта[6], но это — всё, что мы слышали, ибо С⟨ережа⟩ заснул, забыл вынуть что-то из чего-то и ночью *он* разрядился и совсем издох: даже не хрипит. И занимает у нас целый огромный стол (оставленный уехавшими в Литву Карсавиными[7]), на к⟨отор⟩ом мы, в случае гостей, обедали. И гладили. И кроили. Забыла огромную *бороду*, свисающую со шкафа и в которой, кажется, всё дело и есть. К нам каждый день ходят любители — теесефисты[8] (NB! бастующие шоферы) и каждый утверждает, что дело в *этом*, и *это* никогда не совпадает, но на одном все сходятся: 1) что аппарат — автомобильный 2) самый первой конструкции (NB! велосипед Иловайского) 3) что он — 6-ти ламповый 4) что ни одна из 6-ти ламп не горит 4)* что можно его разобрать и, прикупив *на 300 фр⟨анков⟩* частей, построить новый 5) который будет слушать Россию 6) которую они каждый вечер будут ходить к нам слушать, а 7-ое — завтра, п. ч. завтра придет очередной шофер-теесефист.

Словом, ни стола, ни музыки, только тень Короля Альберта, с которым у меня всякое радио теперь уже связано — навсегда.

Хорош конец Короля Альберта? По-моему — чудесен. С 100-метрóвого отвеса — и один. Король — и один. Я за него просто счастлива. И *горда*. Так должен умереть *последний* король.

В *Vu*[9] за месяц до его гибели было предсказание на 1934 астрологический год:

«Je vois le peuple belge triste et soucieux: la Belgique se sent frappée à la tête...»**[10]

А когда подумаешь о его раздробленной *голове*.

То, что могло показаться иносказанием («глава государства»), оказалось самым точным вúдением (той головой, на которую — камень). Вера, умирать все равно — надо. Лучше — тáк.

Ведь до последней секунды вокруг него шумел лес! И чем проваливаться в собственный пищевод (Schlund: по-немецки Schlund и пищевод и ущелье) — ведь лучше в настоящее ущелье, ведь — более понятно, менее страшно??

Вы спрашиваете про Мура? Страстно увлекается грамматикой: по воскресеньям, для собственного удовольствия, читает Cours supérieur***, к⟨отор⟩ый похитил у С⟨ережи⟩ с полки и унес к себе, как добычу. — «Ма-ама! Ellipse! Inversion!**** Как интересно!!»

Недавно, за ужином, отклекаясь от тарелки с винегретом, в которую вовлекается так же, как в грамматику:

---

* Так в оригинале. — *Сост.*

** «Я вижу бельгийский народ в печали и озабоченным: Бельгия поражена в голову...» *(фр.)*.

*** Высший курс (грамматики) *(фр.)*.

**** Эллипс! Инверсия! *(лингв., фр.)*

«Вот я сегодня глядел на учительницу и думал: — Все-таки у нее есть какая-то репутация, ее знают в обществе, а мама — ведь хорошо пишет? — а ее никто не знает, потому что она пишет отвлеченные вещи, а сейчас не такое время, чтобы писать отвлеченные вещи. Так — что же Вам делать? Вы же не можете писать другие вещи? Нет, уж лучше пишите по-своему».

В той же грамматике (Cours supérieur) в отделе Adverbe* выкопал: Dictée et Récitation** — L'Homme tranquille***

Il se lève tranquillement,
Déjeune raisonnablement,
Dans le Luxembourg fréquemment
Promène son désoeuvrement,
Lit la gazette exactement,
Quand il a dîné largement
Chez son compère Clidamant
S'en va causer très longuement;
Revient souper légèrement,
Rentre dans son appartement,
Dit son Pater dévotement,
Se déshabille lentement,
Se met au lit tout doucement,
Et dort bien profondément****.

И, Мур:

— *Et quand il gagne de l'argent?******

— с чистосердечнейшим удивлением.

Милая Вера, берегите свое сердце, упокаивайте его музыкой. *Ужасное* чувство — его самостоятельная, неожиданная для вас — жизнь. Об этом еще сказал Фет:

Я в жизни обмирал — и чувство это *знаю*[11].

И я́ — знаю. И Рильке — знал. Сердце нужно беречь — просто из благодарности, за всю его службу и дружбу. Я *свое* люблю, как человека. Ведь *оно* за всё платится, *оно* вывозит. И умри я от него завтра — я все-таки скажу ему спасибо. *За всё.*

Я рада, что Вам лучше жить. Я рада, что Вы больше не в Париже[12], под угрозой всех этих, Вам совершенно ненужных дам. Пришлите мне

* Наречие *(фр.)*.
** Диктант и чтение наизусть *(фр.)*.
*** Тихий человек *(фр.)*.
**** Он встает спокойно,//Завтракает торопливо,//В Люксембургском парке часто//Прогуливается поздно,//Газету читает тщательно,//И после того, как ужинает обильно,//К своему товарищу Клидаману//Отправляется беседовать подолгу;//Возвращается, чтобы поужинать скромно,//Идет домой к себе в квартиру,//Говорит Отче наш набожно,//Раздевается медленно,//Ложится в постель спокойно,//И спит очень крепко *(фр.) (Учебный пример на наречие в переводе В. Лосской)*.
***** — А когда он зарабат вает деньги? *(фр.)*.

на прочтение Св⟨ятую⟩ Терезу[13], я о ней недавно думала, читая «L'affaire Pranzini»* (подлинное уголовное парижское дело в конце прошл⟨ого⟩ века).

Обнимаю Вас, Вера, не уставайте над письмами мне, я ведь *знаю*, что Вы меня любите.

М.

24

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
28-го апреля 1934 г.

Дорогая Вера,

— Наконец! —

Но знайте, что это — первые строки за много, много недель. После бéловского вечера (поразившего меня силой человеческого сочувствия) сразу, на другое же утро — за переписку рукописи, переписку, значит — правку, варианты и т. д., значит — чистовую работу, самую увлекательную, но и трудную. Руднев ежеминутно посылал письма: скорей, скорей! Вот я и скакала. Потом — корректура, потом переписка двух больших отрывков для Посл⟨едних⟩ Нов⟨остей⟩[1], тоже скорей, скорей, чтобы опередить выход Записок, но тут — стоп: рукопись уже добрых две недели как залегла у Милюкова, вроде как под гробовые своды. А тут же слухи, что он вернулся — инвалидом: не читает, не пишет и *не понимает.* (Последствия автомобильного потрясения.) Гм... Очень жаль, конечно, хотя я его лично терпеть не могу, всю его породу энглизированного бездушия: Англия без Байрона *и без* моря — всю его породу — за всю свою (Байрона и моря *без Англии*!) — но все же жаль, п. ч. старик, и когда-то потерял сына[2]. Жаль-то жаль, но зачем давать ему *в таком виде* — меня на суд?? Теряю на этом деле 600 фр⟨анков⟩ — два фельетона, не считая добрых двух дней времени на зряшную переписку.

После переписки, и даже во врéмя, грянули нарывы, целая нарывная напасть, вот уже второй месяц вся перевязанная, замазанная и заклеенная, а прививки делать нельзя, п. ч. три-четыре года назад чуть не умерла от второго «пропидона» (?) и Н. И. Алексинская[3] (прививала она) раз-навсегда остерегла меня от прививок, из-за моего *неучтимого* сердца.

Вот и терплю, и скриплю.

Но главное, Вера, дом. Войдите в положение: С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ человек *не* домашний, он *в доме* ничего не понимает, подметет середину комнаты и, загородясь от всего мира спиной, читает или пишет, а еще чаще — подставляя эту спину ливням, гоняет до изнеможения по Парижу.

Аля отсутствует с 8 1/2 ч. утра до 10 ч. вечера.

На мне весь дом: три переполненных хламом комнаты, кухня и две каморки. На мне — едéльная (Мурино слово) кухня, п. ч. придя — захотят есть. На мне весь Мур: прóводы и привóды, прогулки, штопка, мывка. И, главное, я никогда никуда не могу уйти, после такого ужасного рабочего дня — никогда никуда, либо сговариваться с С⟨ергеем⟩ Я⟨ковлевичем⟩ за неделю, что вот в субботу, напр⟨имер⟩, уйду. Так я *отродясь* не жила. И это безысходно. Мне нужен человек в дом, помощник

* «Дело Пранцини» *(фр.)*.

и заместитель, никакая уборщица делу не поможет, мне нужно, чтобы вечером, уходя, я знала, что Мур будет вымыт и уложен вовремя. Одного оставлять его невозможно: газ, грязь, неуют пустого жилья, — и ему только девять лет, а дети *все* — безумные, оттого они и не сходят с ума.

А человека в дом — это деньги, минимум полтораста в месяц, у меня их нет и не будет, п. ч. постоянных доходов — нет: вот расчитывала на П〈оследние〉 Нов〈ости〉, а Милюкову «не понравилось» (пятый, счетом, раз!).

Аля окончательно отлепилась от дома, с увлечением выполняет в *чужом* доме куда более трудную, чем в своем, берущую *все* время, *весь* день, тогда как дома у нее оставалось добрые 3/4 на себя. Причем работает отлично, а дома разводила гомерическое свинство, к〈отор〉ое, разбирая, обнаруживаю постепенно: *комья* вещей под всякими кроватями, в узлах, чистое с грязным, как у подпольных жителей, не буду описывать — тошнит.

Достаточно сказать Вам, что три дня сряду жгу в плите, порезая на куски, ее куртки, юбки, береты, равно как всякие принадлежности С〈ергея〉 Я〈ковлевича〉, вроде пражских, иждивенских еще, штанов и жилетов, заживо сожранных молью — нафталина они оба не признают, издеваются надо мной, все пихают в сундуки нечищенное и непереложенное, и, в итоге — залежи молиных червей, живые гнезда — и *сквозные* вещи, которые только и можно, что мгновенно сжечь. Вода кипит — надо стирать, а сушить негде: одно кухонное окно. В перерыве бегаю за Муром и вожу его гулять — и сама дышу, с содроганием думая об очередном «угле», из которого: одна нога примуса, одинокая эспадрилья (где пара?), комок Алиных вылезших волос, к〈отор〉ые хранит!!!, неописуемого вида ее «белье» и пять бумажных мешков с бутербродами, к〈отор〉ые ей давала с собой на 4 ч. — *зеленое* масло, *зеленое* мясо, *зеленый* хлеб (все это она потихоньку выкидывала, предпочитая, очевидно, «круассан» в кафе, — меня легко обмануть!). Понимаете, Вера, из всех углов, со всех полок, из-за всех шкафов, из-под всех столов — *такое.* Неизбывное.

И какое ужасное действие на Мура: я в вечной грязи, вечно со щеткой и с совком, в вечной спешке, в вечных узлах, и углах, и углях — *живая* помойка! И с соответствующими «чертями» — «А, черт! еще это! а ччче-ерт!», ибо смириться не могу, ибо все это — не во имя высшего, а во имя *низшего*: чужой грязи и лени.

Мур — Людовиков Святых и — Филиппов — я — из угла, из лужи — свое. Прискорбный дуэт, несмолкаемый.

Смириться? Но во имя чего? Меня все, все считают «поэтичной», «непрактичной», в быту — дурой, душевно же — тираном, а окружающих — жертвами, не видя, что я из чужой грязи не вылезаю, что *на коленях* (физически, в неизбывной луже стирки и посуды) служу — неизвестно чему!

Если одиночное заключение, монастырь — пусть будет устав, покой, если жизнь прачки или кухарки — давайте *реку* и *пожарного* (-ных!). И еще лучше — сам пожар!

И это я Богу скажу на Страшном Суду. Грехи?? Раскаяние? Ого-о-о!

А, впрочем, я очень тиха, мои «черти» только припев, а м. б. лейтмотив. Нестрашные черти, с облезшими хвостами, домашние, жалкие.

Страшно хочется писать. Стихи. И вообще. До тоски. Вчера — чудная встреча на почте с китайцем, ни слова не говорившим и не понимавшим по-франц⟨узски⟩, говорившим, Вера, *по-немецки*! в полной невинности[4].

И почтовая барышня (он продавал кошельки и бумажные цветы) — C'est curieux! Comme le chinois ressemble à l'anglais!* — Я: — Mais c'est *allemand* qu'il vous parle!**

И стала я при моем китайце толмачом. И вдруг — «Ты русский? Москва? Ленинград? Хорошо!» — Оказывается, недавно из России. Простились за руку, в полной любви. И Мур, присутствовавший:

— Мама! Насколько китайцы более русские, чем французы!

Милая Вера, как мне хотелось с этим китайцем уйти продавать кошельки или, еще лучше, взять его Муру в няни, а себе — в отвод души! Как бы он чудно стирал, и гладил, и готовил бы *гадости*, и гулял бы с Муром по кламарскому лесу, играл бы с ним в мяч!

Мои *самые любимые* — китайцы и негры. Самые ненавистные — японцы и француженки. Главная моя беда, что я не вышла замуж за негра, теперь у меня был бы кофейный, а м. б. — *зеленый* Мур! Когда негр нечаянно становится со мной рядом в метро, я чувствую себя осчастливленной и возвеличенной.

А мой *не*-зеленый Мур дивно учится, умнеет не по дням, а по часам, не дает себя сбивать с толку помойками. (— Плюньте, мама! Идите писать! Ну́, мо́ль, ну́, Алины мерзости... — при чем тут Вы??)

Выстирала его пальто, детское, верблюжье, развесила на окне. — «Смотри, Мур, вот твое детское, верблюжье. Видишь волосы?» — Мур с почтением: — Неужели верблюд??? (Озабоченно:) — Но где же его горб??

После ужасающей молино-нафталиновой сцены: — Вот ты видишь, Мур, что́ значит такой беспорядок. Ведь — испугаться можно!

— Га-дость! Еще chauve-souris*** вылетит!

Получила, милая Вера, Терезу[5]. Сберегу и верну. Но боюсь, что буду только завидовать. Любить *Бога* — завидная доля!

Бог согнулся от заботы —
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых
С лучезарными телами
Сотворил.
Есть — с огромными крылами,
А бывают и без крыл...

---

* Это любопытно! Как китайский похож на английский! *(фр.)*
** Но он говорит вам по-немецки! *(фр.)*
*** Летучая мышь *(фр.)*.

Оттого и плачу много,
Оттого –
Что взлюбила больше Бога
Милых ангелов Его.

(Москва, 1916 г.)[6]

А сейчас – и ангелов разлюбила!
Обнимаю. Пишите.

МЦ.

〈Приписка на полях:〉
Письмо написано залпом. Не взыщите! М. б. – ошибки. Бегу за Муром.

25

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
20-го Октября 1934 г.

Дорогая Вера,

Я кругом перед Вами виновата: до сих пор не вернула книги, до сих пор не отозвалась, а теперь еще обращаюсь с просьбой, и даже двумя.

Да послужит мне это самообвинение смягчающим обстоятельством, хотя нашлись бы и другие!

Когда я нынче открыла газету, нет, даже не так: вбежал Мур с криком: – Мама! Волконский умер! Я похолодела и ринулась и – слава Богу! – *не* мой: брат: протоиерей *Александр* Михайлович Волконский[1]. Тут же заметка о его католичестве – тут же по ассоциации – petite Sainte Thérèse* – и тут же *Вы* – и сознание: перст! (Вы еще ничего не понимаете, сейчас поймете.) А *до* газеты было *pneu* от кассира Посл〈едних〉 Нов〈остей〉 Могилевского[2], где он извещает меня, что обещанного им (на *свой* страх и риск) аванса дать не может, ибо оказалось, что Пав〈ел〉 Ник〈олаевич〉 моего «Китайца» еще не читал.

Теперь слушайте внимательно: этот «Китаец» мною был сдан в П〈оследние〉 Нов〈ости〉 *15-го июля*, и с тех пор (15-ое июля – 20-ое октября) моего не было напечатано Посл〈едними〉 Новостями – ни строки[3]. На все мои напоминания и запросы – успокоительный ответ *Демидова*[4]: – Вещь Павлом Ник〈олаевичем〉[5] читана и принята. На днях появится. – Дни шли, приближался терм, вещь не появлялась. (А ресурсов у меня, Вера, никаких.) Наконец я возопила к Могилевскому (кассиру), не выдаст ли он мне 300 фр〈анков〉 *до* напечатания, раз вещь по словам Демидова *принята* – просто к терму. Он – обещал. Прихожу 12-го – его нету: болен ангиной. Прихожу 14-го – то же самое. Т. е. все *напечатавшие* получили, а мне *Демидов* дать отказывается, ссылаясь на личную ответственность Могилевского: придет-де – выдаст. Хорошо. С величайшим трудом в *последнюю* минуту собираю эти 300 фр〈анков〉 по совершенно *нищим*, свято обещая отдать в первый же день прихода Могилевского в Новости – и уплачиваю терм. Вчера перв〈ый〉 день выздоровл〈ения〉 М〈огилев〉ского, посылаю Алю в П〈оследние〉 Нов〈ости〉 за деньгами – Могилевский ей *не* дает – а нынче, в 7 ч. утра следующее pneu:

* Святая Тереза маленькая *(фр.)*.

Многоуважаемая М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩

К сожалению, до сих пор не выяснено не только, когда пойдет Ваш рассказ, но и принят ли он, так как Павел Николаевич его еще не читал. Игорь Платонович обещал сегодня выяснить вопрос и я завтра же сообщу Вам о результатах. Если я получу уверенность, что он принят, я сейчас же выдам Вам аванс, но не в размере 300 фр⟨анков⟩, а увы! только 200 фр⟨анков⟩. Больше мне не разрешено.

(Подпись)

Три месяца вещь лежала в Новостях, и дважды и даже трижды Демидов врал мне, что вещь Милюковым принята. Зная, что такое для нищего — терм, выдать мне на него 300 фр⟨анков⟩ авансу — отказался. А теперь, *явно*, запретил Могилевскому дать мне триста, даже если принят. Что это, Вера, как не выпихиванье меня обеими руками — из эмиграции — в Сов⟨етскую⟩ Россию. На *какие* деньги мне жить? Совр⟨еменные⟩ Записки за 20 стр⟨аниц⟩ тексту стали платить 216 фр⟨анков⟩, да и то следующая книга выходит без меня, п. ч. Руднев летом потерял мой адр⟨ес⟩. У меня *ничего* нет. Единственное платящее место — П⟨оследние⟩ Нов⟨ости⟩, и я не могу добиться, чтобы меня печатали в них хоть раз в три месяца, на 300 фр⟨анков⟩ — к терму. А они печатают — всех. Ведь меня, Вера, сдавили так, что мне остается только выскочить — пробкой из бутылки с гниющей жидкостью (ибо это — *не* шампанское, а *пробка* — они! шампанское — я!). ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Пишу я — не хуже других, почему же именно меня заставляют ходить и кланяться за свои же труды и деньги: — Подайте, Христа ради! Хоть раз — *к терму...* — и *не* дают, как не дали в этот раз.

А в прошлый терм, Вера, был целый скандал: т. е. внезапно, посреди редакции, хлынувшие слезы и мой собственный голос, помимо меня говоривший (а я — слушала) — Если завтра вы, г⟨оспо⟩да, услышите, что я подала прошение в Сов⟨етскую⟩ Россию, знайте, — что это *вы*: ваша злая воля, *ваше* презрение и плевание!

Тогда М⟨огилев⟩ский, меня *пожалев* (он очень добр!), мне аванс — дал. А на этот раз — заболел, а после болезни ему Демидов — *запретил*, это ясно из конца его письма.

Что мне делать с Демидовым? Ибо он в П⟨оследних⟩ Нов⟨остях⟩ — *всё* (хотя у газеты с Милюковым и одни инициалы!). И он меня — *не* хочет.

А ресурсов — нет. И что мне делать — *с собой?*

Итак, Вера, подумайте: через кого бы воздействовать на Демидова? Кого он *боится?* Не вступился ли бы за меня Иван Алексеевич[6], разъяснив Демидову, что я все-таки *заслуживаю* одного термового фельетона (хорошо бы двух!). Что та́к делать — грех. Что нельзя, без объяснения причин, от чистейшей подлости, обрекать *настоящего* писателя — на *нищенство* и попрошайничество (да никто уже и не дает!). Либо, если И⟨вану⟩ А⟨лексеевичу⟩ так — неудобно, пусть бы запросил Демидова, почему меня *никогда* не печатают[7], — что у меня все же есть читатель, что я, наконец, *стою* чего-то...

А если И⟨ван⟩ А⟨лексеевич⟩ не захочет — через кого? Подумайте, Вера. Ибо у меня уже сердце кипит и боюсь, что кончится пощечиной полной правды — т. е. разрывом. Ибо у меня *много* накипело.

Вторая просьба: на погашение термовых долгов 1-го устраиваю «вечер»[8], т. е. просто стою и читаю вещь, к⟨отор⟩ая не пойдет, верней: уже не пошла в следующей книге С⟨овременных⟩ Зап⟨исок⟩, п. ч. Р⟨удне⟩в потерял мой адрес. — Мать и Музыка (мое музыкальное детство). И вот, просьба, милая Вера: посылаю Вам 10 билетов, разошлите их от себя своим парижским знакомым, которые Вас любят или с Вами считаются, пусть возьмут, а деньги пришлют мне по адр⟨есу⟩:

33, Rue Jean Baptiste Potin
Vanves (Seine)

Мое положение — отчаянное. За Мура в школу не плочено (75 фр⟨анков⟩ в месяц + страховка здоровья + учебники — т. е. не меньше 125 фр⟨анков⟩), угля — нет, а дом старый и страшно мерзнем, у Али совсем нет обуви, — и всё — та́к. (Аля, оказыв⟨ается⟩, служила летом у немецких Ротшильдов — банкиров *Bleichröder* и получила 150 фр⟨анков⟩ в месяц, уча и воспитывая троих детей и бабушку (бабушку — французскому! Ей *80 л⟨ет⟩*, и вся в заплатах). А когда Аля от них приехала и стала рассказывать, оказалось, что она служила у гамбургских миллионеров, если не миллиардеров. Самый крупный банкирский дом Германии. Была с ними в Нормандии.)

Ну, вот, Вера. — Невесело? —

Ради Бога, Вера, управу на *Демидова!* Взывать к его совести — бесполезно. Он — подл. Нужен — страх. И это еще потомок Петра — о, Господи! Меня в редакции очень любят: и Могилевский, и Гронский[9], и Ладинский[10], и Берберова[11], и Поляков[12] (и я его — очень!) и Алданов[13], но все они — ничто перед Демидовым, *Посл⟨едние⟩ Нов⟨ости⟩ — он.*

Ответьте мне поскорее, что́ Вы думаете.

Вы-то, Вера, не будете меня судить, когда узнаете, что я подала прошение? Но — *еще погожу. НЕ ХОЧЕТСЯ!*

Обнимаю вас.

МЦ.

Книга цела. Пришлю заказным после вечера.

Билеты посылаю нынче же imprimé*.

26

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
29-го Окт⟨ября⟩ 1934 г.

Дорогая Вера,

Короткое словцо благодарности: я вся в черновиках, похожих на чистовики, и в чистовиках — всё еще черновиках, и в письменных воплях о напечатании сообщения о моем вечере[1], и в Муриных — и для меня убийственных — арифметических système métriqu'овых задачах.

---

* Печатать (фр.).

Только стихов мне не удается писать!

Итак, сердечное спасибо за присланное: мне и в голову не приходило, что, отсутствуя, можно купить. Ваши деньги — первая ласточка, на них живем уже который день. (Правда, странно — жить на ласточку?!)

Обнимаю Вас и после вечера сейчас же напишу и, главное, пришлю книгу — и даже две, Вера.

— Вы знаете латынь? Я — нет.

МЦ.

Спасибо за заботу о пальто!

27

Vanves (Seine)
33, Rue Lazare Carnot[1]
2-го ноября 1934 г.

Дорогая Вера,

В первую голову — Вам. Самое мое сильное впечатление от вечера:

— Я так хотела продать билет одному господину, очень богатому, — у него, у нас — такие счета! («у нас» — у Гавронского, говорит его помощница Тамара Владимировна, бывшая Волконская)[2]. Но знаете, что́ он мне сказал: — «Цветаева ОЧЕНЬ вредит себе своими серебряными кольцами: *пусть сначала продаст...*»

Это, Вера, в ответ на предложение купить де-сяти-франковый билет на целый вечер моего чтения, авторского чтения двух неизданных вещей...

Как мне хочется, Вера, в *громкий* и молчаливый ответ ему написать вещь «Серебряные кольц*ы*»[3] (Блок) — о том, как моя кормилица, цыганка, вырвала их из ушей и втоптала в паркет — *за то, что не золотые*[4], и еще про солдата-большевика в Революцию, который мне помог на кровокипящей ненавистью к буржуям станции «Усмань» и которому я подарила кольцо с двуглавым орлом (он, любовно: — А-а-рёл... По крайней мере память будет)[5]... и еще:

О сто моих колец! Мне тянет жилы —
Раскаиваюсь в первый раз —
Что столько их я вкривь и вкось дарила, —
Тебя не дождалась...[6]

Дать весь серебряно-колечный, серебро-кольцовый аккомпанемент — или лейтмотив — моей жизни...

И еще возглас председателя моего домового комитета, бывшего княжеского повара, Курочкина: — Не иначе как платиновые. Не станет барыня — а у них на Ордынке дом собственный[7] — «серебряные носить, как простая баба деревенская...»

И возглас простой бабы деревенской на Смоленском рынке, на мою черную от невытравимой грязи, серебряную руку:

— Ишь, серебряные кольца нацепила, — видно, золотых-то — нет!

Вера, я всю жизнь прожила в серебре и в серебре умру. И какой чудесный, ко всему этому серебру, заключительный аккорд («Пускай продаст»...).

Вечер прошел очень хорошо[8]. Зал был маленький, но полный, и дружески-полный: пришли не на сенсацию (как тогда, после смерти Белого)[9],

а на меня — мои вечные «Getreue»*. Многих я знаю уже по вечерам, напр⟨имер⟩ странную женскую пару: русскую *мулатку* и ее белокурую подругу. И старики какие-то, которые *всегда* приходят и *всегда* спят: русские старики, *входные*, — не по долгу совести клиента Гавронского, пришедшего потому что *заплатил*. И старушка из Русск⟨ого⟩ Дома в Свя⟨той⟩ Женевьеве, — поверх кофты — юбка, а поверх юбки — еще кофта — и так до бесконечности... И всякие даровые, приходящие явно — пешком... О, как я бы хотела читать ДАРОМ и всем подарить по серебряному кольцу. Но я, Вера, теми «кольцами» — «пускай продаст» меньше уязвлена, чем удовлетворена: формула буржуазного (боюсь *еврейски*-буржуазного) хамства.

Читала я, Вера, Мать и Музыка — *свою* мать и *свою* музыку (и *ее* музыку!) и — пустячок, к⟨отор⟩ый очень понравился, п. ч. веселый (*серьезно*-веселый, не-совсем-вéсело-веселый) — «Сказка матери» малолетним Асе и мне. Надеюсь, что из-за успеха (явного) возьмут в Посл⟨едние⟩ Новости[10].

Чистый доход, Вера, (Вас — включая) 500 фр⟨анков⟩, уже уплатив за залу. 290 уже вчера заплатила за Мурину школу: Октябрь и Ноябрь — и учебники (89 фр⟨анков⟩ 50! за девятилетнего мальчика, и всё это он учит *наизусть*: идиотизм!) — и *обязательную* страховку. Словом, гора с плеч до 1-го декабря. И уже заказала уголь — на 50 фр⟨анков⟩ и сейчас Аля поехала в Hôtel de Ville** — по горячему следу уже убегающих денег! — за ведрами и совками и щитками — и черт (именно он, черный!) еще знающий за чем: ВСЕМ ПЕЧНЫМ. Печи, слава Богу, есть.

Холод у нас лютый, все спим — под всем. А серебряные кольцы я все-таки не продам (кстати, за них бы мне дали франков десять — не шутка, конечно: *пара* — да и то... А танцор Икар[11] обещал мне *медное* кольцо — с чертом!).

Вера, сколько во мне неизрасходованного негодования и как жалею, что оно со мной уйдет в гроб.

Но и любви тоже: благодарности — восхищения — коленопреклонения — но с *занесенной* — головой!

А я сейчас пишу *черта*[12], мое с ним детство, — и им греюсь, т. е. по-настоящему не замечаю, что два часа писала при открытом окне, — только пальцы замечают — и кончик носа...

Вера, спасибо за всё! Да, Аля, к⟨отор⟩ая сидела в кассе, рассказывала про господина (седого), давшего 50 фр⟨анков⟩. Наверное — Ваш.

Кончаю, п. ч. сейчас придут угольщики и надо разыскать замок для сарая и, самое трудное, к нему — ключ.

Обнимаю Вас.

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Вера, Вы меня за моего Черта — не проклянете? Он — чу-у-удный (вою — как он, п. ч. он, у меня — пес).

---

* От getreu *(нем.)* — верный.
** Название парижского квартала.

28

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
3-го ноября 1934 г.

Дорогая Вера,

Только что потеряла на улице письмо к Вам — только что написанное[1]: большое, о вечере, — на такой же бумаге, с маркой и обратным адресом. *Немец* — до-гитлеровский — бы опустил (гитлеровский бы выкинул из-за иностранной фамилии) — но так как здесь французы и русские...

Словом, если не получите — а, если получите, то одновременно с этим — известите; напишу зáново. Выронила из рук.

Пока же, вкратце: вечер сошел благополучно, заработала — по выплате зала — 500 фр⟨анков⟩ (Ваши включая) — был седой господин, к⟨ото-р⟩ый дал 50 фр⟨анков⟩, наверное — Ваш. Уже заплатила за 2 месяца Муриного учения, страховку и учебники — 300 фр⟨анков⟩ и заказала уголь. — Вот. —

Но самое интересное — в *том* письме. (Помните Gustav Freytag[2]. «Die verlorene Handschrift»?*)

Непременно известите.

Обнимаю Вас.

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Письмо потеряно в 11 ч. дня, на полном свету, на широкой, вроде Поварской, улице — и вдобавок конверт — лиловый. Значит, если не дойдет — французы — жулики: такая новая красивая красная марка в десять *су*! А русский не опустит, п. ч. пять лет проносит его в кармане.

29

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
22-го ноября 1934 г.

Дорогая Вера,

Если все мои письма — между нами, то это — совсем между нами, потому что это — мое фиаско, а я не хочу, чтобы меня жалели. Судить будут — все равно.

Отношения мои с Алей, как Вы уже знаете, последние годы верно и прочно портились. Ее линия была — бессловесное действие. Всё наперекор и все молча. (Были и слова, и страшно-дерзкие, но тогда тихим был — тон. Но — мелкие слова, ни одного решительного.)

Отец ее во всем поддерживал, всегда была права — она, и виновата — я, даже когда она, наступив в кошелку с кошачьим песком и, естественно, рассыпав, две недели подряд — так и не подмела, топча этот песок ежеминутно, ибо был у выходной двери. Песок — песчинка, *всё* было тáк.

Летом она была нá море, у нем⟨ецких⟩ евреев, и, вернувшись, дней десять вела себя прилично — по инерции. А потом впала в настоящую себя: лень, дерзость, отлынивание от всех работ и непрерывное беганье по знакомым: убеганье от чего бы то ни было серьезного: от собственного

* Густав Фрейтаг. «Потерянная рукопись» *(нем.)*.

рисованья (были заказы мод), как от стирки собственной рубашки. Когда она, после лета, вернулась, я предложила ей год или два свободы, не-службы, чтобы окончить свою школу живописи (училась три года и неожиданно ушла служить к Гавронскому, где дослужилась до постоянных обмороков от малокровия и скелетистой худобы: наследственность у нее отцовская), итак, предложила ей кончить школу (где была лучшей ученицей и училась бесплатно) и получить аттестат. — Да, да, отлично, непременно позвоню... (Варианты: пойду, напишу...) Прошло 7 недель, — не пошла, не позвонила, не написала. Каждый вечер уходила — то в гости, то в кинемат⟨ограф⟩, то — гадать, то на какой-то диспут, все равно куда, лишь бы — и возвращалась в час. Утром не встает, днем ходит сонная и злая, непрерывно дерзя. Наконец, я: — Аля, либо школа, либо место, ибо та́к — нельзя: работаем все, работают — все, а та́к — бессовестно.

Третьего дня возвращается после свидания с какими-то новыми людьми, ей что-то обещавшими. Проходит в свою комнату, садится писать письмо. Я — ей: — Ну́, как? Есть надежда на заработок? Она, из другой комнаты: — Да, нужны будут картинки, и, иногда, статейки. 500 фр⟨анков⟩ в месяц. Но для этого мне придется снять комнату в городе.

Я, *проглотив*, но, по инерции (деловой и материнской) продолжая: — Но на 500 фр⟨анков⟩ ты не проживешь. Комната в П⟨ариже⟩ — не меньше 200 фр⟨анков⟩, остается 300 — на всё: еду, езду, стирку, обувь, — и т. д. Зачем же тебе комната, раз работа как раз на дому? Ведь — только отвозить. — Нет, у меня будет занят весь день, и, вообще, дома всегда есть работа (NB! если бы Вы видели запущенность нашего! т. е. степень моей нетребовательности), а это меня будет... отвлекать.

Вера, ни слова, ни мысли *обо мне*, ни оборота. «Снять комнату». Точка.

Она никогда не жила одна, — в прошлом году служила, но жила дома, летом была в *семье*. Она отлично понимает, что это не переезд в комнату, а уход из дому — *навсегда:* из «комнат» — не возвращаются. И хоть бы слово: — Я хочу попробовать самостоятельную жизнь. Или: — Как вы мне советуете, брать мне это место? (Места, по-моему, никакого, но даже если бы...) Но — ничего. Стена заведомого решения.

Вера, она любила меня лет до четырнадцати — до ужаса. *Я боялась* этой любви, ВИДЯ, что умру — умрет. Она жила только мною. И *после этого:* всего ее раннего детства и моей такой же молодости, всего совместного ужаса Сов⟨етской⟩ России, всей чудной Чехии вместе, всего Муриного детства: медонского сновиденного парка, блаженных лет (лето) на море, да всего нашего бедного медонско-кламарского леса, после всей совместной нищеты в ее — прелести (грошовых подарков, жалких и чудных елок, удачных рынков и т. д.) — без оборота.

Очень повредила мне (справедливей было бы сказать: *ей*) Ширинская[1], неуловимо и непрерывно восстанавливавшая ее против моего «тиранства»[2], наводнявшая уши и душу сплетнями и пересудами, знакомившая с кем-попало, втягивавшая в «партию» Ширинского[3] — ей Аля была нужна как украшение, а м. б. немножко и как моя дочь — *льстившая ей* из всех сил, *всё* одобрявшая (система!) и так мечтавшая ее выкрасить в рыжий цвет. С Ш⟨ирин⟩ской я, почуяв, даже просто *увидев* на Але,

разззнакомилась с полгода назад, несмотря на все ее попытки удержать. (Ей *все* нужны!) Но Аля продолжала бывать и пропадать. Еще — служба у Гавронского и дружба с полоумной его ассистенткой, бывшей (по мужу) Волконской, глупой и истерической институткой, влюбившейся в Алю институтской любовью, — с ревностью, слезами, телеграммами, совместными гаданьями, и т. д. (Ей 36 лет, Але — только что — 21.) А еще — ПАРИЖ: улица, берет на бок, комплименты в метро, роковые женщины в фильмах, Lu et Vu*[4] с прославлением всего советского, т. е. «свободного»...

Вера, поймите меня: если бы *роман, любовь*, но — никакой любви, ей просто хочется весело проводить время: новых знакомств, кинематографов, кафе, — Париж на свободе. *Не сомневаюсь* (этой заботы у меня нет), что она отлично устроится: она *всем* — без исключения — нравится, очень одарена во *всех* отношениях: живопись, писание, рукоделие, *всё* умеет — и скоро, конечно, будет зарабатывать и тысячу. Но здоровье свое — загубит, а может быть — и душу.

Теперь — судите.

Я в ее жизнь больше *не* вмешиваюсь. Раз — без оборота, то и я без оборота. (Не только внешне, но внутри.) Ведь обычными лекарствами необычный случай — не лечат. Наш с ней случай был необычный и м. б. даже — единственный. (У меня есть ее тетради.)

Да и мое материнство к ней — необычайный случай. И, всё-таки, я сама. Не берите эту необычайность как похвалу, о чуде ведь и народ говорит: Я — чудо; ни добро, ни худо.

Ведь если мне скажут: — та́к — все, и та́к — всегда, это мне ничего не объяснит, ибо два семилетия (это — серьезнее, чем «пятилетки») было не как все и не как всегда. Случай — из ряду вон, а кончается как все. В *этом* — тайна. И — «как все» — дурное большинство, ибо есть хорошее, и в хорошем — так не поступают. Какая жесткость! Сменить комнату, все сводить к перевозу вещей. *Я*, Вера, всю жизнь слыла жесткой, а не ушла же я от *них* — всю жизнь, хотя, иногда, КАК хотелось! Другой жизни, себя, свободы, себя во весь рост, себя на воле, просто — блаженного утра́ без всяких обязательств. 1924 г., нет, вру — 1923 г.! Безумная любовь, самая сильная за всю жизнь[5], — зовет, рвусь, но, *конечно*, остаюсь: ибо — С‹ережа› — и Аля, *они*, семья, — как без меня?! — «Не могу быть счастливой на чужих костях»[6] — это было мое последнее слово. Вера, я не жалею. Это была — *я*. Я иначе — просто не могла. (Того любила — безумно.) Я 14 лет, читая Анну Каренину, заведомо знала, что никогда не брошу «Сережу». Любить Вронского[7] и остаться с «Сережей». Ибо не-любить — нельзя, и я это *тоже* знала, особенно о себе. Но семья в моей жизни была такая заведомость, что просто и на весы никогда не ложилась. А взять Алю и жить с другим — в этом, для меня, было такое *безобразие*, что я бы руки не подала тому, кто бы мне это предложил.

Я это Вам рассказываю к тому, чтобы Вы видели, как эта Аля мне дорого далась (Аля и С‹ережа›). Я всю жизнь рвалась от них — и даже не к другим, а к себе, в себя, в свое трехпрудное девическое одиночество —

---

* Чтиво и зрелище *(фр.)*.

такое короткое! И, все-таки,—чтобы *мочь* любить, кого хочу! Может быть даже—всех. (Из этого бы все равно ничего не вышло, но я говорю— *мочь*, внутри себя—мочь.) Но мне был дан в колыбель ужасный дар— совести: неможéние чужого страдания.

Может быть (дура я была!) они без меня были бы *счастливы:* куда счастливее чем со мной! Сейчас это говорю—наверное. Но кто бы меня—*тогда* убедил?! Я так была уверена (они же уверили!) в своей *незаменимости:* что без меня—умрут.

А теперь я для них, особенно для С⟨ережи⟩, ибо Аля уже стряхнула—ноша, Божье наказание. Жизнь ведь совсем врозь. Мур? Отвечу уже поставленным знаком вопроса. *Ничего* не знаю. Все они хотят *жить:* действовать, *общаться*, «строить жизнь»—хотя бы собственную (точно это—кубики! точно тáк—строится! Жизнь должна возникнуть изнутри—fatalement*—т. е. быть деревом, а не домом. И как я в этом—и в этом—одинока!).

Вера, мне тоже было 20 лет, мне даже было 16 лет, когда я впервые и *одна* была в Париже. Я не привезла ни одной шляпы, но привезла: *настоящий* автограф Наполеона (в Революцию—украли знакомые) и *настоящий* севрский бюст Римского Короля. И *пуд* книг—вместо пуда платья. И страшную тоску внутри, что какая-то учительница в Alliance Française[8] меня *мало* любила. Вот мой Париж—на полной свободе. У меня не было «подружек». Когда девушки, пихаясь локтями, хихикали—я вставала и уходила.

Вера, такой эпизод (только что). С⟨ережа⟩ и Аля запираются от меня в кухне и пригашенными голосами—беседуют (устраивают ее судьбу). Слышу: ...«и тогда, м. б., наладятся твои отношения с матерью». Я:—*Не* наладятся.—Аля:—А «мать» слушает. Я:—Ты так смеешь обо мне говорить? Беря мать в кавычки?—Что Вы тут лингвистику разводите: конечно мать, а не отец. (Нужно было слышать это «мать»—издевательски, торжествующе.) Я—С⟨ереже⟩:—Ну, теперь слышали? Что же Вы чувствуете, когда такое слышите? С⟨ережа⟩—*Ни—че—го.*

(Думаю, что в нем бессознательная ненависть ко мне, как к помехе—его новой жизни в ее окончательной форме[9]. Хотя я давно говорю:—Хоть завтра. *Я*—не держу.)

Да, он при Але говорит, что я—живая А. А. Иловайская, что оттого-то я так хорошо ее и написала.

Нет, не живая Иловайская, а живая—моя мать. Чем *обнять* (как все женщины!) на *оскорбление*—я—руки по швам, а то и за спину: чтобы не убить. А оскорбляют меня, Вера, в доме ежедневно и -часно.—Истеричка. Примите валерьянки. Вам нужно больше спать, а то Вы не в себе (NB! когда я до 1 ч. еженощно жду Алю—из гостей, и потом, конечно, не сразу засыпаю, не раньше 2 ч., а встаю в 7 ч., из-за Муриной школы. Ходасевич мне даже подарил ушные затычки, но как-то боюсь: жутко,—так и лежат, розовые на черном подносе, рядом с кроватью.) Аля вышла в С⟨ережин⟩ых сестер, к⟨отор⟩ые меня ненавидели и загубили мою

---

* Предначертано *(фр.)*.

вторую дочь, Ирину (не было трех лет)[10], т. е. не взяв к себе на месяц, пока я устроюсь, обрекли ее на голодную смерть в приюте. — А как любили детей! († 2-го февраля, в Сретение, 1920 г., пробыв в приюте около двух месяцев.) А сестры служили на ж⟨елезной⟩ д⟨ороге⟩, и были отлично устроены и у них было всё, но оне думали, что С⟨ережа⟩ убит в Армии.

— Чудный день, Вера — птицы и солнце. Вечером еду с Муром в дом, где будет какая-то дама, к⟨отор⟩ая м. б. устроит мою французскую рукопись[11]. Были бы деньги — оставила бы их с С⟨ережей⟩ здесь, пусть я уйду, — и уехала бы куда-нибудь с Муром. Но та́к — нужно ждать событий и выплакивать последние слезы и силы. У меня за эти дни впервые подалось сердце, — уж такое, если не: твердокаменное, так — вернопреданное! Не могу ходить быстро даже на ровном месте. А всю жизнь — летала. И вспоминаю отца, как он впервые и противоестественно — медленно шел рядом со мной по нашему Трехпрудному, все сбиваясь на быстроту. Это был наш последний с ним выход — к Мюрилизу, покупать мне плед. (Плед — жив.) Он умер дней десять спустя. А теперь и Андрея нет. И Трехпрудного нет (дома). Иногда мне кажется, что и меня — нет. Но я *достоверно* — зажилась.

МЦ.

30

65[1], Rue J. B. Potin
Vanves (Seine)
7-го января 1935 г.

С Новым Годом, дорогая Вера! Желаю Вам в нем — нового: какой-нибудь новой радости. Я его встречала одна — при встрече расскажу — немножко по своему трехпрудному сну. Когда увидимся? Слыхала про «бал прессы» — будут ли что-нибудь давать? Хорошо бы...

Целую Вас. Мур еще раз — и еще много-много раз! — благодарит за перо.

Жду весточки.

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩
«Бал прессы»: «кадриль литературы»[2]. (Помните?)

31

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
10-го января 1935 г.

С Новым Годом, дорогая Вера!

Я все ждала радостной вести о Вашем приезде, потом усумнилась в Вашем желании меня видеть из-за моего неответа, и вдруг, вчера узнаю от Даманской, что в редакции (П⟨оследних⟩ Н⟨овостей⟩) говорят, что Вы вообще не приедете, п. ч. пять этажей, и что И⟨ван⟩ А⟨леексеевич⟩ не то уехал, не то на днях уезжает в Grasse. Конечно, это — слух, но мне приятно, что нет доказательства Вашей на меня обиды. Знайте, дорогая Вера, что я вообще в жизни делаю обратное своим желаниям, живу, так сказать, в обратном от себя направлении, — в *жизни*, не в писании. — Ну, вот. —

Живу сейчас под страхом терма — я НЕ богема и признаю все внешние надо мной права — на к⟨отор⟩ы (терм) у меня пока только 200 фр⟨анков⟩ от Руднева, который по сравнению с Демидовым оказался моим добрым гением. На Демидова, кстати, жалуются *все* — кроме Алданова, которого *все* жалуют. Даманская спросила в редакции, почему не идет мой рассказ[1]. — И не пойдет, он слишком длинен, а она отказывается сократить. (Поляков, очень ко мне расположенный, но совершенно бессильный.) — Сколько строк? — 384. — Но у меня (говорит Даманская) — постоянно бывает 360, а у других — еще больше. В *чем* дело? — Молчание. Тогда она стала просить Алданова вступиться, но Алданов только развел руками[2].

Но с этим рассказом (qui n'en est pas un* — Сказка матери: говорят мать и две девочки — наперебой) — странная вещь. Ко мне пришел Струве[3] и заявил, что они треб*уют* доведения его до 300 строк — и подал мне мысль обратиться к И⟨вану⟩ А⟨лексеевичу⟩ с просьбой урезонить Демидова. Я тут же написала письмо и приложила рукопись, с просьбой хотя бы глазами удостовериться, что сократить немыслимо, ибо всё — от слова к слову, или — как играют в мяч. Струве все это забрал и обещал доставить И⟨вану⟩ А⟨лексеевичу⟩ в собственные руки. Прошел месяц, — ответа от И⟨вана⟩ А⟨лексеевича⟩ нет (да я и не очень надеялась), но вот что удивительно — и от Струве нет, на два моих письма, достоверно — полученных. М. б. он просто рукопись — потерял?

— Второй эпизод. — Погиб Н. П. Гронский[4], оказавшийся (поэма Белла-Донна) настоящим, первокачественным и первородным поэтом. Я знала его почти мальчиком (1928 г.), потом мы разошлись. Я написала о его поэме статью на 2 фельетона, к⟨отор⟩ую мне его отец («П⟨оследние⟩ Нов⟨ости⟩») посоветовал разбить на две отдельные вещи под разными названиями. Я, из любви к ушедшему и сочувствия к оставшимся (родители его обожали, и каждое слово о нем в печати для них — радость), согласилась, т. е. подписала вещь посредине[5]. (Чудовищно!) И — молчание. А ведь это — отец, и этот отец — друг Демидова, Демидов его вел за гробом.

Дома мне очень тяжело, даже (другому бы!) нестерпимо — у меня нет Вашего дара окончательного отрешения, я все еще ввязываюсь. Все чужое. Единственное, что уцелело — сознание доброкачественности С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ и жалость, с к⟨отор⟩ой, когда-то, все и началось. Об Але в др гой раз, а м. б. лучше не надо, ибо это — живой яд. А бедного Мура рвут пополам, и единственное спасение — школа. Ибо наш дом слишком похож на сумасшедший. Все — деньги: были бы — разъехались бы, во всяком случае поселила бы отдельно Алю, ибо яд и ад — от нее.

Но у меня над столом карточки Рильке и З. Унсет, гляжу на них и чувствую, что я — их[6].

Простите за эгоизм письма, будьте таким же эгоистом, чтобы мне не было стыдно.

Обнимаю Вас и бегу за Муром в школу.

МЦ.

---

* Который не является таковым *(фр.)*.

32

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
6-го февраля 1935 г.

Дорогая Вера,

Знаете ли Вы, что я *ничего* не получила с писательского вечера?

Было — так: я послала Алю с вежливым письмом к Зеелеру[1] — 1-го февраля, решив, что достаточно ждать — и вот их беседа.

Он: — Привет принимаю, а суммы никакой не дам. Аля: — Почему? — П. ч. мне сказали, что Ваша мать уже получила с бриджа для молодых писателей. Мы же получили всего 89 прошений и 50 удовлетворили. Аля: — Моя мать ни о каком бридже не слышала. Он: — Да? Если это та́к — пусть подтвердит письменно — проверять не буду — и тогда постараюсь ей что-нибудь наскрести.

Вера! Я — взорвалась. Во-первых — на Алю, — вот уж не моя кровь! Стоять такой овцой, — ни слова негодования, ни звука в защиту — а как умеет дерзить! *(мне)*. Во-вторых — на Зеелера[1]. Кто-то сказал, и этот, не проверив, сразу исключил меня из числа получающих. И «наскрести», — точно я нищенка, последняя из последних.

Вот мое письмо к нему:

1-го февр⟨аля⟩ 1935 г.

Милостивый государь, Г⟨осподи⟩н Зеелер,

Новогодний вечер писателей устраивается для неимущих писателей. Я — писатель: 25 лет печатной давности, и я — неимущий: пожалуйте ко мне по адр⟨есу⟩ на заголовке и удостоверьтесь.

Поэтому я на пособие в абсолютном праве.

Вам «кто-то сказал», что я, в качестве «молодого писателя» (25 лет давности!) «получила» с какого-то «бриджа», и Вы, не дав себе труда проверить, не запросив меня, исключили меня из числа получающих с писательского новогоднего вечера и удовлетворили все прошения — в числе нескольких десятков — кроме моего. Когда же Вы узнали, что я ни о каком бридже и не слышала, Вы предложили мне подтвердить это письменно и обещали тогда «наскрести» — что́ сможете.

Предупреждаю Вас, что никаких «оскребков» не приму, ибо не подачки прошу, а законно мне полагающегося. Если вечер устраивают, то в первую голову для таких *вопиюще*-неимущих *несомненно*-писателей, как Бальмонт, Ремизов и я.

Когда я, на вопрос: — Хорошо, по крайней мере, получили с писательского вечера? — отвечаю: — *Ничего*, — люди сначала не верят, а потом негодуют — те самые, что шли на этот вечер с целью помочь. Моя неполучка компрометирует всё учреждение.

Сообщите, пожалуйста, мое письмо в Ревизионную Комиссию Союза Писателей и знайте, что я от своего права не отступлюсь и буду добиваться его всеми средствами общественной гласности.

Марина Цветаева

Послано 1-го, нынче 6-ое, ответа нет и наверное не будет. Нарочно сообщаю Вам точный текст письма, ибо наверное до Вас дойдут слухи, что я написала «ужасное» и т. д. письмо — чтобы Вы знали меру этих ужасов.

Я не знаю — *кто* распределяет. Если у Вас среди них есть знакомые — Вера, вступитесь — потому что я в нищенстве и в бешенстве и, если не дадут, непременно заявлю об этом с эстрады в свое следующее выступление «Последняя любовь Блока» — через месяц[2]. Я уже теперь

хотела (2-го февр⟨аля⟩, совместное выступление с Ходасевичем)[3], но я только что отправила письмо, а кроме того — не хотелось вмешивать Ходасевича, т. е. устраивать скандал на *общем* вечере.

— Народу было — зрительно — много: полный зал, но зал — маленький: «Sociétés Savantes», человек 80. Заработали мы с Ходасевичем ровно по 100 фр⟨анков⟩, так что я не смогла даже оплатить *двух* мес⟨яцев⟩ Муриного учения (160 фр⟨анков⟩) — как мечтала. 100 фр⟨анков⟩, два фр⟨анка⟩ мелочью и метрóвый билет — на возврат.

Вера! Другое. Мне очень спешно нужен возможно точный адр⟨ес⟩ Оли Иловайской (не знаю ее нынешней фамилии) для ОЧЕНЬ важного для *нее* дела, пока — тайного[4]. Если Вы мне в следующем письме дадите *слово*, что никому не скажете, расскажу — всё. Повторяю, очень важное и радостное *для нее.*

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ едет в город, хочу отправить с ним, обрываю и обнимаю.

Жду 1) впечатления от «писательского вечера» и по возможности содействия 2) Олиного адр⟨ a⟩ 3) *Слова.*

МЦ.

Не забудьте Олину фамилию.

33

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
11-го февраля 1935 г.

Дорогая Вера,

Во-первых и в срочных: с Зеелером — улажено, т. е. очень обиделся и выдал мне 150 фр⟨анков⟩. *Больше* было дано только слепому Плещееву[1], слепому Амфитеатрову[2] и Миронову[3] — на похороны.

Оказалось, что Зеелера кто-то (кого он так, по благородству, и не нáзвал, но мне *кажется* — Ю. Мандельштам[4]) уверил, что я получила не то 300, не то 500 с какого-то бриджа, и он, тественно, усумнился — давать ли мне еще. Но — чтó для меня самое важное — оказывается — он и «дамы» (Цейтлин[5], Ельяшевич[6] и еще другие мои bête-noir'***ы)*[7] — совершенно разное: я-то ведь вознегодовала на *их* недачу (с какого права?!), *их* хотела посрамить, а оне в это дело и не влезали. Во всем виноват какой-то досужий сплетник и, даже, *врец.*

— В конце концов мы с Зеелером даже подружились: он *тоже* похож на медведя и даже — *дя́.* (КАМЧАТСКИМ МЕДВЕДЁМ НА ЛЬДИНЕ[8]...)

Значит, всё спокойно. Спасибо за готовность помочь.

Второе: я сейчас внешне закрепощена и душевно раскрепощена: ушла — Аля, и с нею относительная (последние два года — насильственная!) помощь, но зато и вся нестерпимость постоянного сопротивления и из-

* Пугалы *(фр.).*

девательства. После нее я — вот уже 10 дней — все еще выношу полные углы и узлы тайной грязи, всё, *годами* скрытое от моих доверчивых и близоруких глаз. Были места в кухне, не подметенные ни разу. *Пуды* паутины (надела очки!) — и всё такое. Это было — жесточайшее и сокровенно-откровеннейшее наплевание на дом. Сор просто заметался (месяцами!) под кровать, тряпки *гнили*, и т. д. — Ох! —

Ушла «на волю», играть в какой-то «студии», живет попеременно то у одних, то у других, — кому повяжет, кому подметет (это для меня возмутительней всего, после *такого* дома!) — всех очарует... Ибо совершенно кругла, — ни угла.

А я, Вера, нынче в первый раз *смогла* подойти к столу в 6 ч., когда начала это письмо — и уже гроза близкого ужина. *С утра* протрясла 3 печи, носила уголь, мела, выносила и приносила помойку, ставила и снимала (с печей) чайники, чтобы не жечь газа, 8 концов за Муром (total — 2 heures*), готовила, мыла посуду, мыла пол в кухне, опять подкладывала и протрясала... Всё в золе, руки — угольщиковы, неотмываемые.

Но — нет Алиного сопротивления и осуждения, нет ее цинической лени, нет ее заломленных набекрень беретов и современных сентенций и тенденций, нет *чужого*, чтобы не сказать больше.

Нет современной парижской улицы — *в доме.*

Ушла внезапно. Утром я попросила сходить Муру за лекарством — был день моего чтения о Блоке и я еще ни разу не перечла рукописи — она сопротивлялась: — Да, да... И через 10 мин⟨ут⟩ опять: — Да, да... Вижу — сидит штопает чулки, потом читает газету, просто — *не идет.* — «Да, да... Вот когда то-то и то-то сделаю — пойду...»

Дальше — больше. Когда я ей сказала, что так измываться надо мной в день моего выступления — позор, — «Вы и так уж опозорены». — Что? — «Дальше некуда. Вы только послушайте, что о Вас говорят».

Но было — *куда*, ибо 10 раз предупредив, чтобы прекратила — иначе дам пощечину — на 11 раз: на фразу: «Вашу лживость все знают» — дала. — «Не в порядке взрослой дочери, а в порядке всякого, кто бы мне это сказал — вплоть до Президента Республики». (В чем — клянусь.)

Тогда С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩, взбешенный (НА МЕНЯ) сказал ей, чтобы она ни минуты больше не оставалась, и дал ей денег на расходы.

Несколько раз приходила за вещами. Книг не взяла — ни одной. — Дышу. — Этот уход — навсегда. Жить с ней уже не буду *никогда.* Терпела до крайности. Но, Вера, я не бальмонтова Елена[9], которой дочь[10] буквально (а м. б. и физически!) плюет нá голову. Я, в конце концов — трезва: *ЗА ЧТО?*

Моя дочь — первый человек, который меня ПРЕЗИРАЛ. И, наверное — последний. Разве что — *ее* дети.

Родство для меня — *ничто*. Т. е. *внутри* — ничто. Терпя *годы,* я внутри не стерпела и не простила — ничего. Это нас возвращает к «дедушке» Иловайскому.

— Вера! Через меня Оле будет большое наследство. Да, да, через меня, через «Дом у Старого Пимена».

---

* В итоге — 2 часа *(фр.).*

Было — та́к. Летом я получила письмо от одного парижского адвоката, мне незнакомого, просившего о свидании. Пошла с моим вечным компаньоном и даже аккомпанементом — Муром.

— У меня для Вас радостная весть. Я знаю, что Вы очень нуждаетесь. Вы — наследница порядочного состояния.

— Я?? Но у меня же никого нет, — из тех, — все же умерли. — Вы же внучка Д. И. Иловайского? — Нет. — Но как же? (Объясняю.) — Значит, я плохо читал... Вот — жалость! Дело в том, что у Д⟨митрия⟩ И⟨вановича⟩ здесь остались бумаги, и на них заявила права одна дама в Ницце... (рассказ о *явной* авантюристке)... но я из Вашей вещи знал, что есть — внучка, только я понял, что — Вы...

— Не только внучка, но дочь — Оля Иловайская, в Сербии, и еще правнучка — Инна, дочь его внука Андрея. Но и внучка есть — Валерия. Три женских поколения: Ольга — дочь, Валерия — внучка, и Инна — правнучка. А я — ни при чем.

И опять refrain «какая жалость»...

Человек оказался сердечный, расстались друзьями, — все горевал, что *Муру* ничего не попадет (Мур его очаровал солидностью и басовитостью.)

Написала Асе — узнать адр⟨ес⟩ Валерии и польских дедушки и бабушки этой самой «Инны» — Андрей был женат на польке[11]. Ответа не получила.

А на чтении о Блоке — опять о́н. — В чем же дело? Где же наследницы? А то — дама не унимается.

Нынче же сообщу ему адрес Оли. Не удивитесь, что тогда же не известила ее: мне важно было *сперва* снестись с теми, в России, хотя бы из-за трудности этого, — я знала, что Олю-то легко найти, мне хотелось — всех сразу. *Еще* напишу Асе — иносказательно, конечно.

Но Оля, во всяком случае, получит — и, как дочь — бо́льшую часть. А авантюристка — ничего. (П. ч. мы обе — *не* внучки!)

Вот — мой секрет.

А тайна — от сглазу, просто — от глазу, не надо — до поры. Вот, когда — получит, или сама — объявит...

Но все-таки, Вера, здо́рово — через «Старого Пимена». Сослужил — святой.

И мне́ простите почерк. (Ваш — чудный! Не прощать, а — благодарить: ЛИЧНОСТЬ.)

Рада, что понравилось «Мать и Музыка». А сама мать — понравилась? Я ей обязана — *всем.*

Пишете ли? Пишите, Вера! Времени *никогда* нет, а писать — нужно, ведь только тогда из него и выходишь, ведь только *та́к* оно и *остается!*

Сердечно желаю И⟨вану⟩ А⟨лексеевичу⟩ быстрого выздоровления, — какая обида! Обнимаю Вас и люблю. Спасибо за все.

МЦ.

А Вы́ — *никогда* не приедете?

34

Дорогая Вера.

Хотите — в среду, т. е. послезавтра, 1-го мая, — только не к завтраку, а к обеду? Могли бы быть у Вас начиная с шести. А то, в четверг мы едем с Муром в другой загород, с утра, а до воскресенья — далёко.

Если среда (6 ч., 6 1/2 ч.) подходит — *не* отвечайте.

Целую Вас, сердечный привет Вашим.

МЦ.

Люблю не четверги и воскресенья, а среды и субботы: кануны (свободы, которой нет).

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
29-го апреля 〈1935〉, понедельник, 2-ой день Пасхи.

35

Дорогая Вера,

— Отлично. —
Будем в субботу к 6 ч.
Целую.

МЦ.

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
30-го апреля 1935 г., вторник

36

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
7-го мая 1935 г.

Дорогая Вера,

Я слышу — что-то дают писателям с Пушкинского вечера[1], или — будут давать — (а писатели, как шакалы, бродят вокруг и нюхают...)

Я нынче написала Зеелеру и ему же подала прошение, но, м. б. — *вернее* — еще кого-нибудь попросить?

Мне до зарезу нужны деньги — платить за Мура в школу (2 месяца, итого 160 фр〈анков〉 + неизбежные «fournitures»*, — в общем 200 фр〈анков〉).

— Почему он не в коммунальной? — П. ч. мой отец на свой счет посылал студентов за границу, и за стольких гимназистов платил и, умирая, оставил из своих кровных денег 20.000 руб〈лей〉 на школу в его родном селе Талицах Шуйского уезда — и я *вправе* учить Мура в *хорошей* (хотя бы тем, что в классе не 40 человек, а 15!) школе. Т. е. — вправе за него платить из своего кармана, а, когда пуст — просить.

Только всего этого, милая Вера, «дамам» не говорите, просто напомните, чтобы меня, при дележе, не забыли, и *внушите*, чтобы дали возможно больше.

---

* «Поставки» *(фр.)*.

В очередных «С‹овременных› З‹аписках›» будут только мои стихи[2], а это — франков сорок, да и то — когда??

Простите за просьбу, целую, спасибо за Мура, который в восторге от того мальчика, говорит: — умный и хорошо дерется.

МЦ.

Черкните, есть ли надежда на получку, чтобы мне знать, можно ли мне обнадежить директора.

Расскажу, при встрече, очень смешную вещь про Мура в школе.

— Когда увидимся?

37

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
2-го июня 1935 г., воскресенье

Дорогая Вера,

Я не так просто смотрю на Вас — и на себя, чтобы подумать, что Вы меня просто — забыли. Не увидься мы с Вами *ни разу* за все Ваше пребывание — я бы этого *не* подумала.

О Вас говорят, что Вы — равнодушная. И этого не думаю.

Вы — отрешенная. От всего, что — Вы́ («я»). Все для Вас важней и срочней собственной души и ее самых *насущных* требований. А так как я — все-таки — отношусь к Вашей собственной душе, то *и* мною Вы легко поступитесь — для первого встречного, Вам ненужного — гостя или дела. Если бы я Вам была менее родная — простите за гиперболизм, но он уясняет: если бы я для Вас была менее — Вы́, Вы бы со мной больше считались — в жизни дней, — и совсем уже гипербола: — и считали бы себя в бо́льшем праве на ту радость, которой — все-таки — являюсь для Вас я.

Вера, хотите совсем грубо? — Ведь от меня — *дому* — никакого проку, а живете Вы — для дома. Я — не общая радость, а Ваша. А какое Вам дело до себя самой?? Вы меня «забываете» в порядке — себя.

И, конечно, Вера, никогда бы не променяла этой тайной полноты власти на явное предпочтение и процветание. Я — тайну — люблю отродясь, храню — отродясь.

Корни нашей с вами — странной — дружбы — в глубокой земле времен.

— Знаю еще, что могла бы любить Вас в тысячу раз больше, чем люблю, но — слава Богу! — я *сразу остановилась*, с первого, нет — *до* первого шагу не дала себе *ходу*, не отъехав — решила: приехала.

Вы — может быть — мой первый разумный поступок за жизнь.

А пошло бы по-др гому (та же я и та же Вы), т. е. разреши я себе хотя бы *укол* — тоски:

— Боже, какая это была бы му́ка! (для меня: *не* для Вас). Я бы жила от встречи до встречи, от письма до письма: встречи бы — откладывались, письма — не приходили, или приходили — не те (всегда — не *те*, ибо *те* пишешь только ты сам!).

— Вера! я Бога благодарю за то, что люблю Вас в тысячу раз меньше, чем — *знаю* — могла бы.

Теперь — *дела́*.

Вера, скажите: тьфу, тьфу не сглазить! (Трижды — в левую сторону.) Едем с Муром в Фавьер. Мансардное помещение — 600 фр‹анков› все лето. Внесла уже половину. Можно стирать и готовить. Есть

часть сада, а в общем — 4 мин⟨уты⟩ от моря. У Людмилы Сергеевны Врангель[1], оказывается — рожденной Елпатьевской, т. е. моей троюродной сестры, ибо мой отец с С. Я. Елпатьевским — двоюродные братья: жили через поле.

Знаете ли Вы ее — и какая? Мне очень понравилась ее мать[2], и — на свое удивление — я ей, кажется, *тоже*, ибо она во вторую встречу меня первая поцеловала, почуяв во мне *современницу*, как все старики и старухи свыше 70-ти лет.

Теперь все дело — в train de vacances* (28-го июня) 1) *достать* билеты 2) оплатить. 430 фр⟨анков⟩ — 2 билета — в оба конца. Билетных денег у меня *нет*. Просила у Руднева аванс — не дал ни копейки. Хочу устроить к 15-му — 20-му вечер, без предварительной продажи[3]. Буду читать своего «ЧЕРТА», которого *конечно* не возьмут Совр⟨еменные⟩ Записки[4]. Эпиграф: «Связался черт с младенцем». (*До*-семилетнее.)

Бальмонт — сидит. Не сумасшествие, а начало белой горячки[5]. В Epinay, в санатории Д⟨окто⟩ра Азербейджана[6], со скидкой. Чудный парк, гуляет до 2 ч. ночи. Влюбился в юную surveillante** и предложил ей совместно броситься в Сену. «Отказалась. Тогда я предложил ей ее *сбросить*, а потом — спасти, ибо — не правда ли, дорогая? — я легко проплываю два километра? Отказалась тоже — и весь день пряталась — везде искал — чуть *с ума не сошел*. Дорогая! *Я безумно люблю* (следует имя) — *как никогда еще не любил*. Пришли мне 12 пузырьков духов — échantillons*** — фиалку, сирень, лаванду, гвоздику, а главное — розу и еще гелиотроп, что́ найдешь — для *всех* surveillantes, чтобы не завидовали. Я Жанне подарил *весь* свой одеколон и *всю* свою мазь для рук — у нее ручки — в трещинах! А ручка *еще* меньше, чем у (имярек, — женское). Дорогая! Пришли мне побольше папирос, — сумасшедшие выкурили весь мой запас»...

Кончается письмо диалогом:

— Bonsoir, mon premier, mon dernier, mon unique amour!

— Bonsoir, mon chéri!****

Отрывок — почти дословный, с разницей — словаря: Бальмонт, напр⟨имер⟩, не напишет «запас». Читала на улице, из рук Елены[7]. Елену, пока, к нему не пускают, она убивается. Во вторник переезжает в Epinay.

Вера! Бальмонт *безумно* счастлив. *Двенадцать* девушек, которым всем вместе только 240 лет, т. е. столько же, сколько Бальмонту в его обычном окружении. Елены, тети Нюши и какой-то полу-датчанки-полу-швейцарки-полу-писательницы. Мечтает по выздоровлении остаться там садовником.

Наследство Оли? Была у юрисконсульта, по вызову. Долго убеждала его, что я *НЕ* внучка. Нарисовала нашу цветаевско-мейновско-иловайскую семейную хронику. Тогда он ПЕРЕСТАЛ ПОНИМАТЬ. — Как же Вы пришли?! — (Я):? — Т. е., неужели Вы только из дружеских чувств обеспокоили себя ответом на мой запрос и приездом, да еще с мальчиком?

Начал убеждать меня попросить что-нибудь у Оли — в случае...

Я: — «Сеньор! Я бедна, но душой не торгую...»

---

* Отправление на каникулы *(фр.)*.

** Смотрительница *(фр.)*.

*** Образцы *(фр.)*.

**** — Добрый вечер, моя первая, моя последняя, моя единственная любовь! — Добрый вечер, мой дорогой! *(фр.)*

А знаете, Вера, в чем загвоздка? Оказывается — было *два* Димитрия Ивановича Иловайских, да: *два.* Один — наш, настоящий пайщик, а другой — еще какой-то, *не* пайщик, но вдова не-пайщика представила *расписку,* а председатель Страхового о⟨бщест⟩ва Д⟨митрий⟩ И⟨ванович⟩ отлично помнит, что пайщиком был именно наш Д⟨митрий⟩ И⟨ванович⟩, но расписки у него *нет.* А та расписка — Бог ее знает...

Дала юрисконсульту адр⟨ес⟩ Оли. Оля — боевая, авось взыграет в ней материнская кровь — и отстоит. *Напишите ей всё это.* Акции Страхового О⟨бщест⟩ва, пайщиком к⟨оторо⟩го был Д⟨митрий⟩ И⟨ванович⟩, 200.000 франков. Но упомяните, в случае удачи, и сонаследниц: Валерию и Андреину дочь — трехлетнюю Инну. Знает ли Оля об Андреиной смерти (вербная суббота, апрель 1932 г.[8], запущенный туберкулез: *не* лечился).

Письма Goethe к Frau Charlotte von Stein[9]...

«Charlotte von Stein starb nach Vollendung ihres 85-ten Lebensjahres am 6. Januar 1827. Sie hatte noch angeordnet, dass ihr Sarg nicht an Goethes Haus vorübergetragen werden sollte, weil ihn der Anblick angreifen könnte. Aber die städtischen Begräbnisordner richteten sich nicht nach diesem Wunsch, da so eine vornehme Tote nur auf dem Hauptwege zum Friedhof geleitet werden dürfte.

Goethe liess sich bei der Bestattung durch seinen Sohn vertreten»*.

Это Вы — знали?

У меня есть хорошая книга про Гёте — по-французски[10]. (Выдержки из записей о нем современников.) *Хотите — пришлю? Не забудьте ответить.*

Письма Goethe к Frau von Stein я читала 17 лет, равно как переписку с матерью[11], — какая чудная! Напоминает мне Пра[12].

Бедная Frau von Stein, слишком *поздно* — сдавшаяся. Как ужасно он с ней — после всего — *шутит.* («А кто моя деточка? А кто — мой цветочек? М. б. ты угадываешь?» и т. д. — после всего того чистого ада — и жáра!)

Ну вот, Вера, полночь. Устала — не от письма, а от целого дня работы по дому, и не от работы, а от толчеи: своей собственной. (Стала было перечислять содеянное, но самой стало скучно). Устала от несвоего дела, на которое уходит — жизнь.

В Фавьере тоже будет очень трудно: жара (мансарда), примус, далекий рынок, стирка без приспособлений и, кажется, даже без воды. Писать навряд ли придется, во всяком случае *не* прозу — требующую *времени.*

* Письма Гёте к госпоже Шарлотте фон Штайн...

«Шарлотта фон Штайн умерла по достижении 85 года жизни 6 января 1827 г. Перед смертью она заве ала, чтобы ее гроб не проносили мимо дома Гёте, потому что при виде этого он мог бы разволноваться. Но городские распорядители полагали, что столь знатную покойницу должно проводить на кладбище только по главной улице.

Гёте попросил своего сына присутствовать на похоронах вместо него» *(нем.).*

С Посл⟨едними⟩ Нов⟨остями⟩ у меня – конец. Они *четыре* месяца продержали ту мою статью «Поэт-альпинист», к⟨отор⟩ую Вы потом слышали в разросшемся виде[13]. (Была – ровно 300 строк.) Тогда я, с резким письмом Демидову, взяла обратно и больше ничего не даю, зная, что *не* возьмут. *Они меня выжили.* Кстати, Гронские, и отец и мать, *оба* остались недовольны моим докладом. «Не сумела дать Николая»... Вопрос – какого?

Но все же – обидно. Я многое упростила – для отца. Он – *совсем болен,* разом рухнул, в санатории. Называется «острая неврастения». Просто – тоска, конец всему.

Вера, помните, Вы мне подарили книжку?[14] Перепишу в нее нашу переписку с Гронским: его́ письмо, мое́, – и т. д. – до последнего. Я писала с моря, он – из Медона, 7 л⟨ет⟩ назад, лето 1928 г.

⟨*Далее на полях и между строк:*⟩

В следующий раз напишу про Мура. Очень обрадовался привету и сам приветствует. Вас он зовет «Вера».

Напишите впечатление от семейства Врангелей. Они Вас знают. Какой – он?[15]

Пишите и не забудьте: прислать ли Гёте? Книга – сто́ящая.

– Вы ко мне приедете летом? (Конечно – нет!)

Сердечный привет Вашим, Вас – целую.

МЦ.

38

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
11-го июня 1935 г., вторник

Дорогая Вера,

Хотя очень мало времени до 20-го[1], – но может быть попытаетесь? Посылаю пять. (С Вами хорошо, что можно говорить без прилагательных (лгательных!) и даже, иногда – без существительных!)

Итак – пять.

– А у Мура третий день смутное нытье живота, и резкая боль при согбении и распрямлении – боюсь аппендицита – тогда, прощай наше лето! Завтра веду к врачу. А нынче до 12 ч. ночи – буду писать собственноручные билеты и такие же, к ним, просьбы – ну-у-дные! Все-таки – противоестественно – вечно клянчить. Проще – деньги в банке, тем более отцом и дедом – *делом!* – заработанные. (Мой дед А. Д. Мейн был редактором московской газеты «Голос» – *чей,* интересно??)[2]

До свидания, милая Вера, мне совсем не стыдно Вас просить. П. ч. Вам *все равно* – как и мне.

Пишите!

МЦ.

39

Дорогая Вера! Вы уже видите: Фавьер[1]. Живем 9-тый день, – Мур и я, я и Мур, Мур, море и я, Мур, примус и я, Мур, муравьи и я (здесь – засилье!). Дом – дико беспорядочный, сад в ужасном виде – настоящее «дворянское гнездо» (хотя здесь – баронское[2]. А вдруг – я напишу

повесть — Баронское гнездо??). Писать, еще, невозможно, почему — в письме. Вообще, ждите письма (целой жалобной книги на фавьерскую эмиграцию). С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ пе́реслал мне Цейтл⟨инские⟩ 50 фр⟨анков⟩ (собств⟨енно⟩ — Ваши!).

⟨*Приписка на полях:*⟩

Огромное спасибо — Вам, не ей! *МЦ.*

Favière, par Bormes (Var)
Villa Wrangel
8-го июля 1935 г.

40

La Favière, par Bormes (Var)
Villa Wrangel
28-го августа 1935 г.

Дорогая Вера,

Я знаю, что мое поведение совершенно дико, но знаю также, что я совершенно взята в оборот фавьерского дня. Во-первых — у меня нет твердого места для писания, во-вторых — при нетвердости места — отсутствие твердого стола: их — два: один — кухонный, загроможденный и *весь* разъезжающийся от малейшего соприкосновения, к тому же — в безоконной комнате, живущей соседним окном, другой — на к⟨отор⟩ом сейчас пишу — плетеный, соломенный, стоящий только когда изо всех сил снизу подпираешь коленом, т. е. — весь какой-то судорожный. С этим столом я в начале лета таскалась в сад — пока Мур днем спал — от 2 ч. до 4 ч. — но это была такая канитель: то блокнот забудешь, то папиросы, то марки у Мура остались, кроме того — в двух шагах кверху — тропинка, по к⟨оторо⟩му ⟨которой⟩ весь Фавьер на пляж или с пляжа — и *всё* слышно, все отрывки, и я сама — видна, а я никогда не умела писать на́ людях, — словом, я совершенно прекратила писать письма, — только Сереже — коротенькие листочки.

Конечно, будь я *в быту* нрава *боевого* — я бы добилась стола, и мне даже предлагали ходить на соседнюю дачу, — но это — *душевно*-сложно: похоже на службу — и все те же *сборы:* не забыть: блокнота, марок, портсигара, зажигалки (не забыть налить бензин), — тетради на всякий случай (вдруг захочется перечесть написанное утром) — и т. д. Нет, стол должен быть — место незыблемое, чтобы со всем и от всего — к столу, вечно и верно — ждущему. (Так Макс возвращался в Коктебель.)

Мой день: утром — примус и писанье *своего* — до 11 ч., с 11 ч. — 1 ч. купанье, т. е. пляж, около 2 ч. обед, от 2 ч. — до 4 ч. — Мурин сон в комнате с окном и моя беспризорность (бесстоловость), 4 ч. — чай, 5 ч. — 7 ч. — прогулка или пляж, около 8 ч. — ужин, а там — тьма и ночь, т. е. опять Мурин сон, а я в кухне — при открытой двери освещенная, верней — *светящая* — как маяк, при закрытой — закупоренная как бутылка, и опять нет стола, а доска годная разве только для кораблекрушения[1].

Словом, у меня третий месяц нет своего угла, и поэтому я очень мало сделала за это лето, хотя как будто было много свободного времени. (Вот сейчас пишу Вам вместо стихов, т. е. утром, и к тетради за весь день уже не прикоснусь: не смогу. Т. е. буду таскать ее на пляж, и буду сидеть с ней на коленях на своей скворешенной лестнице, но в лучшем слу-

чае — несколько строк. Повторяю: без стола — не могу, не говоря уже о *карандаше:* символе бренности и случайности.)

А все входы и выходы! Один Мур чего сто́ит: — Мама, скоро купаться? — Мама, огромный паук: наверное тарантул! — Мама, мяч раз-дулся! (т. е. выдохся). — Мама, я кончил «Dimanche Illustré»!* и лейтмотив всех каникул: — Ма-ама! Что́-о мне де-е-е-лать?!

Но лето (помимо писанья, а оно главное: после Мура — главное, второ-главное) — было чудное. Говорю — было, п. ч. оно явно кончилось. Остатки. Улыбки. И если бы я могла быть как все — или хотя бы — жить как все — я этим летом была бы счастлива. Но *все* — отдыхали — от работы: службы, очевидно нелюбимой, мой же отдых и есть моя работа. Когда я *не* пишу — я просто несчастна, и никакие моря не помогут.

Теперь — о другом. За последние годы я очень мало писала стихов. Тем, что у меня их не брали — меня заставили писать прозу. Пока была жива «Воля России»[2], я спокойно могла писать большую поэму, зная — что возьмут. (Брали — *всё*, и за это им по гроб жизни — и если есть — дальше — благодарна.) Но когда В⟨оля⟩ Р⟨оссии⟩ кончилась — остался только Руднев, а он сразу сказал: — Больших поэм мы не печатаем. Нам нужно на 12-ти страницах — 15 поэтов.

Куда же мне было деваться с моими большими вещами? Так пропал мой Перекоп — месяцев семь работы и 12 лет любви — так никогда не была (и навряд ли будет) кончена поэма о Царской Семье. Так пропал мой французский Мо́лодец — La Gars[3] — и по той же причине: *поэмы не нужны́.* А мне нужно было — зарабатывать: *и внешне* оправдывать свое существование. И началась — проза. *Очень* мной любимая, я не жалуюсь. Но все-таки — несколько насильственная: обреченность на прозаическое слово.

Приходили, конечно, стихотворные строки, но — как во сне. Иногда — и чаще — так же и уходили. Ведь стихи сами себя не пишут. А все мое малое свободное время (школьные проводы Мура, хозяйство, топка, вечная бытовая неналаженность, ненадёжность) — уходило на прозу, ибо проза *физически* требует больше времени — как больше бумаги — у нее иная *физика.*

Отрывки заносились в тетрадь. Когда 8 строк, когда 4, а когда и две. Временами стихи — прорывались, либо я попадала — в поток. Тогда были — циклы, но опять-таки — ничего не дописывалось: сплошные пробелы: то этой строки нет, то целого четверостишия, т. е. в конце концов — черновик.

Наконец — я испугалась. А что́ если я — умру? Что же от этих лет — останется? (Зачем я — жила??) И — другой испуг: а что́ если я — разучилась? Т. е. уже не в состоянии написать *цельной* вещи: *дописать.* А что́ если я до конца своих дней обречена на — отрывки?

И вот, этим летом стала — дописывать. Просто: взяла тетрадь и — с первой страницы. Кое-что сделала: кончила. Т. е. есть ряд стихов, которые — *есть.* Но за эти годы — заметила — повысилась и моя требовательность: и слуховая и смысловая: Вера! я *день* (*у* стола, *без* стола, в море, за мытьем посуды — или головы — и т. д.) ищу *эпитета,* т. е. ОДНОГО слова: *день* — и иногда *не* нахожу — и — боюсь, но это, Вера,

* «Воскресный иллюстрированный журнал» *(фр.).*

между нами — что я кончу как Шуман, который вдруг стал слышать (день и ночь) *в голове*, под черепом — трубы en ut bemol — и даже написал симфонию en ut bemol — чтобы отделаться — но потом ему стали являться ангелы (слуховые) — и он забыл, что у него жена — Клара, и шестеро детей, вообще — *всё — забыл*, и стал играть на рояле — вещи явно-младенческие, если бы не были — сумасшедшие. И бросился в Рейн (к сожалению — вытащили). И умер как большая отслужившая вещь[4].

Есть, Вера, переутомление *мозга*. И я — кандидат. (Если бы *видели* мои черновики, Вы бы не заподозрили меня в мнительности. Я только очень сознательна и знаю свое уязвимое место.)

Поэтому — мне надо торопиться. Пока еще *я́* — владею своим мозгом, а не о́н — мной, не *то́* — им. Читая конец Шумана, я *всё* — узнавала. Только у него громче и грознее — п. ч. — *музыка:* достоверный звук.

Но — пожалуйста — никому ничего.

Во всяком случае, *пока* — я справляюсь.

— Ну́ вот. Я ничего не написала о людях, но *в конце концов* я никого сильно не полюбила за это лето, а только это — важно.

Мур (тьфу, тьфу!) совсем поправился. Говорят — очень красив. Мне важно, что — *живой* Наполеон: раскраска, сложение, выражение, не говоря уже о *чертах*. Только — светловолосый. — Еще бы написать Святую Елену[5]: дань любви — за жизнь.

Обнимаю Вас. Простите и пишите.

МЦ.

41

Дорогая Вера,

Тоже ежедневно о Вас думала.

И убеждена была, что виноватая — я.

А так как, оказывается, виноваты мы обе, то виноватого — нет, вины — нет. Есть — жизнь: быт.

Буду у Вас завтра, в пятницу, одна, на минутку — с билетами — в четвертом часу (дай Бог только найти улицу!).

А пока целую и благодарю и радуюсь встрече.

МЦ.

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
дом — старый, номер — новый
5-го декабря 1935 г., четверг

42

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
26-го Октября 1936 г.

Дорогая Вера,

Мне О. Б. Ходасевич[1] передала Ваш привет — значит я все-таки для Вас еще существую (сегодня), а то наша с вами дружба постепенно и неуловимо начала для меня перемещаться в родные туманы прошлого, где мы обе так охотно и свободно *живем*. Вы ведь тоже ничего не удерживаете, *всё* отпускаете. — Сколько я так отпустила и упустила! —

Но давайте попробуем еще — посуществовать друг для друга — *нынче*.
Целую Вас и жду весточки.

МЦ.

43

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
3-го ноября 1936 г., вторник.

Дорогая Вера,

Совершенно потрясена происшествием с И⟨ваном⟩ А⟨лексеевичем⟩ в Германии[1]. Вот тебе и:

...Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном — Лорелей![2]

(Москва, 1914 г., я)

Прочтя в П⟨оследних⟩ Н⟨овостях⟩[3], я раскрыла рот как рыба, я буквально захлебнулась негодованием, и так и живу эти дни с разинутым ртом, и еще удивляюсь, что нету — пены.

Милая Вера, перешлите пожалуйста это письмо Вере Зайцевой[4], это *чужое дело*, за которое я взялась, срочное, а Аля сказала, что у них, кажется, новый адрес.

Целую Вас и жду весточки.

МЦ.

И⟨ван⟩ А⟨лексеевич⟩ очень хорошо написал, по-олимпийски, совершенно сторонне и созерцательно, и непричастно —

Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело[5],

Не пишу ему лично, п. ч. ему наверное надоели расспросы и сочувствия. Но пусть он эту мою sensibilite* не примет — как это обычно со мной бывает — за *бес*чувственность!

Будьте посредником.

Целую еще раз.

44

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
2-го января 1937 г., суббота

С Новым Годом, дорогая Вера!

Мы очень давно с Вами не виделись, и я слегка обижена, ибо зов, всегда, исходит — от Вас, — и уже давно не исходит.

Милая Вера, мне необходимо устроить свой вечер — прозу: чтение о Пушкине, называется «Мой Пушкин» (с ударением на *мой*). Я его как раз кончаю.

---

* Чувствительность *(фр.)*.

Я совсем обнищала: Совр⟨еменные⟩ Записки (НЕГОДНЫЕ) нé дали мне на Рождество даже 100 фр⟨анков⟩ аванса — под моего Пушкина[1], под предлогом, что им нужно достать 5 тысяч (чего проще: 5.*100!*).

Словом, вечер мне *необходим*.

Хочу повидаться с Вами, чтобы посоветоваться, *когда*, мне бы хотелось — поскорей, но не знаю (столько было вечеров) — осуществимо ли уже в январе.

Словом — зовите, и я приеду.

Обнимаю Вас. Вам и Вашим мои самые сердечные поздравления и пожелания.

МЦ.

P. S. Можно Вас попросить передать или переслать Б. К. Зайцеву мое прошение о *чем-нибудь* с новогодн⟨его⟩ писательского вечера?[2]

У меня занят, пока, только четверговый вечер — первого дня Русского Рождества (7-го).

45

Дорогая Вера,

Увы! Вашу открытку получила слишком поздно, а именно около 7 ч., когда уже «все ушли».

Насчет зала еще ничего не предприняла, ищу человека, к⟨отор⟩ый бы этим занялся, п. ч. — по опыту знаю — у меня такие дела совсем не выходят.

Спасибо за пальто. Сердечный привет. Очень жаль, что так вышло.

МЦ.

5-го февраля 1937 г.

Деньги от Зеелера получила — 150 фр⟨анков⟩. Видела в тот день очень много старых и странных писателей[1].

46

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
8-го февраля 1937 г., понедельник

Дорогая Вера,

Нам с Вами и нам с pneu — решительно не везет. Ваше воскресное, в к⟨отор⟩ом Вы меня зовете в 4 ч. в воскресенье же, я получила только нынче, т. е. в понедельник утром.

Огромное Вам спасибо, но 1) совершенно не хочу Вас эксплуатировать в вещах, к⟨отор⟩ые могут сделать другие 2) уже условилась со Струве[1], с к⟨отор⟩ым отправлюсь во вторник на Tokio[2] (торговаться будет — он).

Сняв зал, тотчас же Вас извещу и оповещу в газетах. Нынче в однодневной газете должны появиться мои Démons[3].

Целую вас и от всей души благодарю.

МЦ.

47

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
10-го февраля 1937 г., среда

Дорогая Вера,

Сняла Salle Tokio на 2-ое марта[1], вторник — за 125 фр⟨анков⟩, дала 25 фр⟨анков⟩ задатку. Огромное спасибо за сбавку и все хлопоты, — я на *все* письма тотчас же Вам ответила, не понимаю — как Вы могли не получить, а на последнее Вам Аля позвонила.

Билеты доставлю на самых днях, скорей всего — завтра, будут от руки. В четверг Струве даст первую заметку о вечере[2].

До свидания, целую Вас и еще раз горячо благодарю.

МЦ.

48

Дорогая Вера,

Не удивитесь, если в следующий четверг увидите в газетах другой зал, — я от Tokio отказалась. И вот почему: со всех сторон слышу, что моя (демократическая) публика туда не пойдет, что привыкли меня слышать в *бедных* залах — и т. д. — и т. д. — и я сама чувствую, что это отчасти правда, что *я́* и *хороший зал* — не вяжемся — (я — и хорошая жизнь...).

Не сердитесь. Ну́ — победней будет вечер, но моя странная совесть будет спокойна.

Как только сниму (не позже завтра, субботы) извещу Вас и пришлю билеты.

Купите Nouvelles Litteraires от 6-го февр⟨аля⟩ *и увидьте*, что сделали с Пушкиным[1].

Целую Вас.

МЦ.

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
12-го февраля 1937 г., пятница

49

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
⟨19-го февраля⟩[1] *1937 г., пятница*

Дорогая Вера,

Всё знаю и не виновата *ни в чем:* без меня меня женили (на заведомо-имеющем быть пустым зале Ласказ)[1]. Дальше: мои билеты ничтожества — осознаю это с грустью. *Я две недели* просила Алю купить мне какой-то специальной бумаги — и плотной и тонкой — для собственноручных билетов, она все дни и весь день в Париже и *все* писчебумажные места знает — и ничего. Наконец я попросила знакомого, имеющего отношение к типографии. Цена — *35 фр⟨анков⟩*! Тогда попросила отпечатать на машинке на *плотной* бумаге, принес — *это.* (11 фр⟨анков⟩.)

Ну, будь что́ будет. Вечеру этому совсем не радуюсь, ибо ненавижу *нелепость*, а получается — сплошная.

Целую Вас и благодарю за неутомимость: я бы на Вашем месте — завела руки за спину. (И, кажется — на своем.)

МЦ.

P. S. Посылаю 15 — на полное авось.

(У меня их — *двести!!!*)

50

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
11-го февраля ⟨марта⟩ 1937 г., четверг[1]

Дорогая Вера,

Может быть Вы уже знаете, вчера, с 9-го на 10-ое[2], ночью, умер Замятин — от грудной жабы.

А нынче, в четверг, мы должны были с ним встретиться у друзей, и он сказал: — Если буду здоров...

Ужасно жаль, но утешает мысль, что конец своей жизни он провел в душевном мире и на свободе.

Мы с ним редко встречались, но всегда хорошо, он тоже, как и я, был: *ни* нашим *ни* вашим.

Вера милая, огромное спасибо за вечер, за досланные 20 фр⟨анков⟩, за неустанность Вашей дружбы.

Есть люди, из моих друзей, которые не продали ни одного билета, и по-моему это — *не* друзья. Я не от жадности говорю, а от глубочайшего непонимания *такого* толкования дружбы, меня такое внешнее равнодушие *внутренно* рознит, п. ч. я дружбы без дела — *не* понимаю.

Но, в общем, вечер прошел отлично, чистых, пока, около 700 фр⟨анков⟩ и еще за несколько билетов набежит. Я уже уплатила за два Муриных школьных месяца, и с большой гордостью кормлю своих на вечеровые деньги, и домашними средствами начала обшивать себя и Мура.

Еще раз — огромное спасибо!

О вечере отличный отзыв в Сегодня[3], и будет отзыв в Иллюстрированной России[4], а Посл⟨едние⟩ Нов⟨ости⟩ — отказались, и Бог с ними!

Получаю множество восторженных, но и странных писем, в одном из них есть ссылка на Ивана Алексеевича — непременно покажу при встрече. Но Вы скоро едете? Если не слишком устанете — позовите.

(Никто не понял, почему Мой Пушкин, все, даже самые сочувствующие, поняли как присвоение, а я хотела только: у всякого — свой, *это — мой.* Т. е. в полной скромности. Как Klärchen у Гёте говорит в Эгмонте[5] — про Эгмонта: — Mein Egmont... А Руднев понял — как манию величия и прямо пишет...)

Обнимаю Вас. Сердечный привет Вашим.

М.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Аля едет на самых днях[6], но уже целиком себя изъяла, ни взгляда назад... А я в детстве *плакавшая,* что Старый Год кончается — и наступает *Новый...* «Мне жалко старого *Года...*»

Бунина (урожденная Муромцева) Вера Николаевна (1881—1961)—писательница, мемуаристка. Жена И. А. Бунина.

Переписка М. И. Цветаевой с В. Н. Буниной началась во Франции весной 1928 г. и продолжалась без малого десять лет. «Она мне написала, я отозвалась—и пошло, и продолжается, и никогда не кончится—ибо тут нечему кончаться: всё—вечное...»—писала позднее Цветаева о Вере Николаевне (см. письмо 88 к А. А. Тесковой в т. 6). Благодатной почвой для возникновения переписки и перерастания ее в настоящую дружбу явились общие воспоминания о доме известного историка Дмитрия* Ивановича Иловайского (1832—1920). На его дочери первым браком был женат отец Цветаевой. Внучка Иловайского, Валерия Цветаева (Лера), и Вера Николаевна были подругами. В письмах упоминается и единокровный брат М. И. Цветаевой Андрей. Теме прошлого, поискам и обнаружению общих «корней» уделено значительное место в письмах Цветаевой. Эти страницы являются ценным дополнением к воспоминаниям Цветаевой «Дом у Старого Пимена». Предваряет их посвящение: «Вере Муромцевой, одних со мной корней». (См. т. 5.)

Впервые (кроме писем 43 и 47)—*НП*, при этом письма 24, 29, 31 и 33 были напечатаны с купюрами; письмо 43—*Вестник РХД*, 1973, № 108—110 (публикация М. Грин); письмо 47—Цветаева М. Статьи и тексты. Wien, 1992 (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 32) (публикация Е. И. Лубянниковой). Все письма печатаются по текстам их первой публикации (письма 1—42, 44—46 и 48—50 с уточнениями и полностью по копиям с оригиналов, хранящихся в архиве Гуверовского института. Копии любезно предоставлены проф. С. Карлинским).

1

[1] См. комментарий 4 к письму 5.

2

[1] Цветаева, по всей вероятности, просила В. Н. Бунину о содействии ей в получении денежного пособия от Союза русских писателей (литераторов) и журналистов.

[2] Речь идет о пособии, полученном Цветаевой от Комитета помощи русским писателям и ученым (см. письмо 4 в Комитет помощи в т. 6 и комментарии к письмам к С. В. Познеру).

3

[1] О готовящемся вечере Цветаевой см. письмо 28 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и комментарий 1 к нему.

[2] См. письмо 5 к Н. П. Гронскому и комментарии 1 и 2 к нему.

[3] Вересаев В. Пушкин в жизни: в 4 вып.—М.: Недра, 1927—1928. Цветаева неточно цитирует запись из вып. 2. С. 34.

[4] Н. Иловайская. См. о ней в последующих письмах и очерке «Дом у Старого Пимена» (т. 5).

[5] Из стихотворения Рильке «Ich bin derselbe noch, der kniete...» («Я все тот же, на коленях...») из книги «Часослов».

4

[1] Очевидно, Цветаева отвечает на письмо В. Н. Буниной, из которого узнала, что та—урожденная Муромцева и что через Иловайских была связана с цветаевским домом.

---

* Цветаева неизменно писала: Димитрий.

[2] По-видимому, подруги В. Н. Буниной и В. И. Цветаевой.
[3] Валерия старше М. Цветаевой на 9 лет.

5

[1] Традиционный народный праздник «Битва цветов» в итальянском городке Нерви описала в своих воспоминаниях В. И. Цветаева (см. в кн.: Цветаева М. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1984. С. 453).

[2] В Нерви Цветаева была в 1902—1903 гг., т. е. в десятилетнем возрасте. (См. *А. Цветаева.* С. 93—129).

[3] Вероятнее всего, речь идет о Галине Николаевне Кузнецовой (1900—1976), которая с 1927 г. жила у Буниных в Грассе (*НП.* С. 513).

[4] Имеется в виду «После России». К моменту написания письма книга уже вышла. Например, А. В. Бахраху экземпляр «После России» Цветаева отправила еще 7 мая 1928 г. (См. письмо 20 к нему в т. 6). Возможно, у Цветаевой не было под рукой лишних экземпляров. Спустя неделю Цветаева надписывает В. Н. Буниной книгу «После России»: «Vergangenheit steht noch bevor...* Дорогой Вере Буниной, Марина Цветаева, Медон, 30-го мая 1928 г.» (*НП.* С. 513).

[5] Выражение из арабской сказки «Али-Баба и сорок разбойников», означающее волшебные слова, с помощью которых открываются двери в пещеру с сокровищами.

[6] См. комментарий 1 к письму 3.

[7] *Grasse* (Грасс), *Hyères* (Йер)—города на юге Франции. Цветаева с семьей лето провела в Понтайяке, на берегу Атлантического океана (запад Франции).

6

[1] «Вечер Романтики» 26 апреля 1930 г. См. письма 52 к А. А. Тесковой (т. 6), 17 к В. Б. Сосинскому, 63 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

7

[1] Из ихотворения М. Цветаевой «Ты, чьи сны еще непробудны...» (см. т. 1).
[2] В 1910 г. Цветаевой было 18 лет. Стихотворение было написано в 1913 г.
[3] Дом Цветаевых в Трехпрудном переулке после революции был снесен на дрова. (См. письмо 89 к А. А. Тесковой в т. 6.)

8

[1] Цветаева к этому времени начала писать воспоминания «Дом у Старого Пимена». Общая для нее и В. Н. Буниной тема из их прошлого нашла отражение в их возобновившейся после некоторого перерыва интенсивной переписке. Возможно, перед этим, в начале 1933 г., Цветаева и Бунина уже обменялись письмами после перерыва. Иначе, в связи с началом данного письма Цветаевой, трудно объяснить тот факт, что в письме от 23 января 1933 г. В. Н. Бунина сообщает своей подруге Т. И. Алексинской: «У меня новая дружба в письмах с Мариной Цветаевой,—все бывает на свете». (Возрождение. 1963. № 133. С. 86).

[2] *Муромцев* Николай Андреевич (1852—1933).

[3] *Муромцев* Сергей Андреевич (1850—1910)—юрист, профессор Московского университета, общественный и государственный деятель, председатель 1-й Государственной Думы.

[4] В очерке М. Цветаевой «Дом у Старого Пимена» этот вопрос не нашел отражения.

---

* См. письмо 3.

[5] *Адлер А. А.* — член комитета Музея прикладных знаний, известная в Москве благотворительница. Ее имя («большая филантропка») упоминается в одном из писем И. В. Цветаева за 1899 г. (См. в кн.: История создания музея в переписке профессора И. В. Цветаева с архитектором Р. И. Клейном и других документах. (1896—1912). В 2 т. Т. 1. М.: Сов. художник, 1977. С. 90.)

[6] *Муромцева* (Шарвин-Муромцева, в замужестве Родионова) Ольга Сергеевна — врач.

[7] Даты жизни Д. И. Иловайского: 1832—1920.

[8] Здесь и далее см. очерк «Дом у Старого Пимена» (т. 5).

[9] А. А. Коврайская (по мужу — Иловайская). См. письма к ней (т. 6) и очерк «Дом у Старого Пимена» (т. 5).

[10] О. Д. Иловайская (1883—1958) первым браком была замужем за Кезельманом (см. письмо 10), знакомым В. Н. Буниной еще по гимназии. Во втором браке — Матвеева. Жила в Сербии, Германии. В. Н. Бунина поддерживала с ней отношения до самой смерти, помогала ей.

[11] Цветаева цитирует написанное на открытке письмо своей сестры Анастасии.

[12] *Цветаева* (урожденная Пшицкая, по другим сведениям — Пчицкая) Евгения Михайловна; 1895—1987 — агроном, библиограф.

[13] *Цветаева* Инна Андреевна (1931—1985) — агроном, кандидат биологических наук.

[14] *Падчерица* Андрея Цветаева — Лилеева Ирина Александровна (1921—1983) — дочь Е. М. Цветаевой от первого брака. Специалист по французской литературе.

[15] *Даманская* Августа Филипповна (1885—1959) — русская писательница и переводчица, сотрудница «Последних новостей».

9

[1] Начальная строка стихотворения Б. Пастернака «Клеветникам» (1917).

[2] Начальная строка стихотворения без названия Н. Гумилева (1913).

[3] В парижской газете «Россия и Славянство» были опубликованы воспоминания В. Н. Буниной «У Старого Пимена» (1931, 14 февраля).

[4] Роман (1915—1916) индийского писателя Р. Тагора (1861—1941).

[5] См. письмо к Б. С. Трухачеву в т. 6.

[6] Минц М. А. и Алеша.

[7] *Шевлягин* Сергей Иасонович (1882—1965) — преподаватель латыни.

[8] Воспоминания М. Цветаевой о М. Волошине «Живое о живом», опубликованные в № 52, 53 за 1933 г. «Современных записок» (см. т. 4).

10

[1] Цветаева послала свою рукопись воспоминаний о Д. И. Иловайском в Латвию, в ежедневную газету «Сегодня», выходившую в Риге под редакцией известного журналиста Максима Ипполитовича Ганфмана (1872—1934) (*НП*. С. 514). См. письмо 13.

[2] *Святая Елизавета* — мать Иоанна Предтечи, двоюродная тетка девы Марии, первая узнала в ней Матерь Божию (библ.).

[3] *Исаев* — лицеист из Петербурга, знакомый В. Н. и И. А. Буниных (1909). (О нем см. в кн.: Муромцева — Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. С. 444, 445.)

[4] *Милюков* Павел Николаевич (1859—1943) — политический деятель, историк, публицист. Редактор «Последних новостей».

[5] Очерк «Музей Александра III» был опубликован в «Последних новостях» 1 сентября 1933 г. (См. т. 5).

11

[1] Цветаева получила, наконец, воспоминания В. Н. Буниной о семье Иловайских. См. письмо 9 и комментарий 3 к нему.

[2] Церковь Преподобного Пимена в районе М. Дмитровки (ныне ул. Чехова). Разрушена в 1932 г.

[3] Церковь Флора и Лавра была расположена на Мясницкой улице. Разрушена в 1933 г.

[4] *«Кремль»* — газетно-журнальное издание, выходившее в Москве в 1897—1916 гг. Его издателем и редактором был Д. И. Иловайский.

[5] В доме Д. И. Иловайского на одной из дверей висел охотничий рог, которым хозяин сзывал гостей на трапезу. *Роландов рог* — Роланд (ум. 778) — рыцарь Карла Великого, по преданию, погибая в неравной схватке с врагами, затрубил в рог; Карл его услышал и отомстил врагам. В 1921 г. Цветаевой было написано стихотворение «Роландов рог» (см. т. 2).

[6] С. М. Волконский. Мои воспоминания: В 2 т. Берлин: Медный всадник, 1923. См. также статью «Кедр» (т. 5).

[7] *Эрио* — правильно: Эррио Эдуар (1872—1957) — лидер французской партии радикалов. *Бальбо* Чезаре (1789—1853) — итальянский политик, писатель. Был лидером национальной партии. *Росси* Пеллегрино (1787—1848) — во времена февральской революции во Франции министр внутренних дел, полиции и финансов. Отличался крайней реакционностью, был убит революционерами.

[8] Воспоминания В. Н. Буниной о ее дяде, С. А. Муромцеве (см. комментарий 3 к письму 8) были напечатаны в «Последних новостях».

[9] Дом для престарелых под Парижем.

[10] Газета под названием «Голос» выходила в Санкт-Петербурге. А. Д. Мейн был ее московским обозревателем. Заведовал также неофициальной частью «Московских губернских новостей».

[11] В Sainte-Geneviève-de-Bois находится главное кладбище русской эмиграции.

Мразовский. — Правильно: Мрозовский Иосиф Иванович (ок. 1848—1934).

[12] Воспоминания Цветаевой о Д. И. Иловайском в «Последних новостях» напечатаны не были. (Опубликованы в 1934 г. в «Современных записках», № 54.)

[13] *Бернацкие* — старинный дворянский род шляхетского происхождения, был внесен в одну из частей книги княжеских родов Смоленской губернии.

[14] См. т. 5.

12

[1] См. комментарий 5 к письму 10.

[2] А. А. *Вырубова,* автор воспоминаний «Страницы моей жизни» (Берлин: Изд-во О. Дьяковой, б. г.) и дневников «Фрейлина ее величества» (Рига: Ориент, 1928).

[3] По-видимому, имеется в виду копия скульптуры «Давид» (1501—1504) работы Микеланджело Буонарроти (1475—1564).

[4] О мемуарах Г. В. Иванова см. очерк «История одного посвящения» (т. 4) и письмо 80 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[5] См. «Дом у Старого Пимена» (т. 4), а также в заметке А. И. Цветаевой «Плоды и корни» (Звезда. 1979. № 4. С. 188).

13

[1] См. письмо 10 и комментарий 1 к нему.

[2] *Мильруд* Михаил Семенович (1883—1941?) — журналист. Соредактор и издатель газеты «Сегодня».

[3] См. письма к В. В. Рудневу.

[4] Роман французского писателя Клода Фаррера. (См. комментарий к очерку «Дом у Старого Пимена» в т. 5.)

[5] Присказка из русской народной сказки «Медведь — липовая нога».

[6] *Бенуа* Александр Николаевич (1870—1960)—русский художник, историк искусства. С 1926 г. жил во Франции.

[7] Музей изящных искусств им. Александра III был открыт 31 мая 1912 г.

[8] «Поэма о Царской Семье» (см. т. 3).

[9] См. комментарий 4 к письму 10.

[10] *Демидов* И. П.—см. письмо к нему.

[11] «Открытие музея» было напечатано в парижском журнале «Встречи», 1934, № 2 (См. т. 5).

[12] *Волконский* Сергей Григорьевич (1788—1865)—декабрист, участник Отечественной войны 1812 г.

14

[1] *Кузьмина-Караваева* (урожденная Пиленко, по второму мужу Скобцова, в монашестве—Мать Мария) Елизавета Юрьевна (1891—1945)—поэтесса, автор нескольких эссе. С 1919 г. в эмиграции, в 1932 г. постриглась в монахини.

[2] *Победоносцев* Константин Петрович (1827—1907)—русский государственный деятель, юрист, обер-прокурор Синода в 1880—1905 гг.

[3] Писатель С. Т. Аксаков.

[4] Вероятно, Цветаева имеет в виду автобиографические «Мысли о России» Ф. А. Степуна, публиковавшиеся в «Современных записках» с перерывами с 1923 по 1928 гг. (9 номеров).

[5] То есть с очерком «Живое о живом».

[6] Следы письма А. И. Цветаевой в бумагах В. Н. Буниной не обнаружены. (*НП*. С. 516). Возможно, что отрывки из него Цветаева переписала в тетрадку вместе с неотправленным письмом к В. Н. Буниной (см. письмо 16).

16

[1] То есть очерк «Открытие музея». См. комментарий 11 к письму 13.

[2] Свое намерение сделать эти слова из стихотворения И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...» эпиграфом к «Дому у Старого Пимена» Цветаева не осуществила.

[3] То есть героини повести И. С. Тургенева «Ася».

17

[1] Цитата из очерка «Дом у Старого Пимена».

[2] *Альтенберг* Петер (настоящее имя Рихард Энглендер; 1859—1919)—австрийский писатель. *«Как я это вижу»*—его первая книга (1896).

[3] *Ширинская-Шихматова* (урожденная Зильберберг, в первом браке—Сомова, во втором—Савинкова; ум. в 1940 г.) Евгения Ивановна. См. также письмо 29.

[4] *Елпатьевский* Сергей Яковлевич (1854—1933)—писатель-народник.

[5] О пребывании Цветаевых в Ялте см.: *А. Цветаева.* С. 185—210.

[6] Правильно: *Фондаминский* (псевдоним Бунаков) Илья Исидорович (1880—1942)—один из редакторов «Современных записок». Больше других редакторов благоволил к Цветаевой.

[7] Имеется в виду Сара Бернар. *...все мои «стаканы»*—«...мой стакан—через всю террасу—в дерзкую актрису, осмелившуюся обозвать Сару Бернар старой кривлякой...» («Живое о живом»). См. также стихотворение «Даме с камелиями» и комментарий к нему в т. 1.

[8] См. «Мой Пушкин» в т. 5 («Когда мой дед, А. Д. Мейн, поставил ее...» и т. д.).

18

[1] 11 ноября 1918 г. состоялась капитуляция Герм ии, что практически означало окончание первой мировой войны.

[2] Письмо Цветаевой — отклик на присуждение И. А. Бунину Нобелевской премии. См. также письмо 69 к А. А. Тесковой (т. 6).

[3] Е. И. Ширинская-Шихматова.

19

[1] См. письма 11 и 14 к Р. Б. Гулю и комментарии к ним (т. 6).

[2] Цитата из воспоминаний о Блоке З. Н. Гиппиус «Мой лунный друг».

[3] Ср. стихотворение М. Цветаевой «Прокрасться», 1923 (т. 2).

[4] *Фондаминская* (урожденная Гавронская) Амалия Осиповна (ум. в 1935 г.) — жена И. И. Фондаминского.

[5] См. следующее письмо.

[6] См. предыдущее письмо.

20

[1] Письмо написано под впечатлением чествования И. А. Бунина русскими организациями по случаю присуждения ему Нобелевской премии, которое состоялось в Париже 26 ноября 1933 г.

[2] *...старый профессор* — французский славист Эмиль Оман (1859 — 1942), активный участник франко-русских литературных встреч в Париже в конце 1920-х — начале 1930-х гг. На чествовании И. А. Бунина выступил с приветственной речью.

[3] *Гофманcталь* Гуго фон (1874 — 1929) — австрийский писатель.

[4] *Надя Иловайская* — «...с ...Надей я была закадычной подругой в гимназии», — писала В. Н. Бунина («Жизнь Бунина. Беседы с памятью». М.: Сов. писатель, 1989. С. 269).

[5] Статья М. Цветаевой «Два „Лесных Царя“» была опубликована в журнале «Числа» (Париж. 1934. № 10). См. т. 5.

21

[1] Из стихотворения Гофмансталя «Sie und er» («Она и он»).

[2] См. очерк «Пленный дух» (эпизод с Бишеткой) в т. 4.

[3] Здесь письмо обрывается. По-видимому, его окончание потеряно.

22

[1] Доклад В. Ф. Ходасевича, посвященный памяти скончавшегося 8 января 1934 г. Андрея Белого, состоялся 3 февраля 1934 г. Стихи А. Белого прочли Н. Берберова и В. Смоленский. (Salle des Sociétés Savantes, 8, rue Danton).

[2] *Петровская* Нина Ивановна (1884 — 1928) — писательница, переводчица. См. о ней: «Жизнь и смерть Нины Петровской». Публ. Э. Гарэтто. — *Минувшее*, 1989, № 8.

[3] *Ася* — Тургенева Анна Алексеевна (1890 — 1966), жена Андрея Белого.

[4] Состояние Белого после окончательного разрыва с Асей Тургеневой М. Цветаева наблюдала летом 1922 г. в Берлине во время своих встреч с ним. Об этом Цветаева написала в очерке «Пленный дух» (см. т. 4).

[5] Очерки В. Ф. Ходасевича о Белом появились в парижской газете «Возрождение» 28 июня и 5 июля 1934 г., а также 27 мая 1938 г.

[6] Речь идет о публикации очерка «Дом у Старого Пимена» (см. выше) и посвящении его В. Н. Буниной.

[7] То есть у последней императорской четы в России.
[8] Речь идет о юбилее Брешко-Брешковской Екатерины Константиновны (1844—1934), которую называли «бабушкой русской революции».

23

[1] Имеется в виду очерк «Пленный дух» (см. т. 4).
[2] См. письмо 73 к А. А. Тесковой и комментарий 1 к нему (т. 6).
[3] О трудностях, возникших при публикациях прозы Цветаевой в «Современных записках», см. ее письма к В. В. Рудневу.
[4] См. предыдущее письмо и комментарий 1 к нему.
[5] *Артемов* Георгий Калистратович (1892—1965)—художник, скульптор. Его жена, *Артемова* (урожденная Никанорова) Лидия Андреевна (1895—1938)—художница.

Под имснем Георгия Гордеева и Лизы Тураевой чета Артемовых выведена в романе Вениамина Александровича Каверина (1902—1989) «Перед зеркалом» (М.: Сов. писатель, 1972). Там же, под именем Ларисы Нестроевой введена в роман и Марина Цветаева. Роман построен на письмах героини, Лизы Тураевой, к ее другу, сначала студенту, а потом ученому-математику, Карновскому. Знакомство Цветаевой с Артемовой, судя по этим письмам, произошло в 1927 г. Встречи их были довольно частыми, хотя настоящей дружбы между ними так и не возникло. В декабре 1929 г. Тураева (Артемова) писала:

«Я часто вижусь в последнее время с Нестроевой, и, хотя между нами (я в этом давно убедилась) не может быть женской дружбы, которой мне так не хватает, наши встречи неизменно волнуют меня. Она—человек сложный, и не моего ума дело разбираться в этой сложности, или, вернее сказать, содержательности. Я только чувствую в ней завидную способность становиться вровень со своей поэзией, причем это происходит естественно, само собой.

И еще одно: подчас мне кажется, что в ней соединилось много людей—то ссорящихся между собой, то сохраняющих напряженное согласие. Такова же, по-моему, и ее поэзия.

Мне она сказала, что все, что я пишу,—Россия, будь то корсиканский пейзаж или интерьер моей мастерской. Все—через свет снега или через Волгу, в том понимании, о котором я тебе когда-то писала. И говорим мы главным образом о России, которую она каким-то чудом увезла в своей бродячей котомке. У нее все невольно устремлено туда, а все, что в ней звенит,—оттуда. Звон этот можно принять за колокольный, потому что слышится он откуда-то сверху. И она заражает этой высотой, внушает ее самой своей личностью, быть может, невольно.

Но мы много говорим и об искусстве, а на днях даже чуть не поссорились. Я сказала, что она счастливее меня, потому что для нее сама русская речь—поэзия, а я—если пятно цвета уподобить слову—невольно говорю на всеобщем языке. Она возразила, что набор слов—еще не поэзия, так же как живопись—не случайное соединение пятен. И что в нашей нищете и бесправии лучше не равняться «счастьем»... (С. 296—297).

В 1931 г. отношения между ними были прерваны:

«Мы поссорились, должно быть навсегда, потому что она не из тех, кто возвращается, а я не из тех, кто просит вернуться. Дело началось со спора, в сущности, отвлеченного. Ей не понравился интерьер, который я пишу, и она сказала мне об этом, может быть, слишком резко. Потом мы вернулись к нашему разговору о «первоначальности» искусства, и я первая сорвалась, когда она сказала, что недаром сказано: «В начале было слово», и что в сравнении с поэзией «все зрительное—второстепенное». Я стала доказывать обратное, то есть «первоначальность» живописи, и не нашлась, когда она возразила, что на необитаемом острове художник—только Робинзон, а поэт—бог. Мы обе сильно волновались, но я сдерживалась, а она с каждой минутой становилась все холоднее и резче. Она преклоняется перед Гончаровой, я знала это и уже нарочно сказала, что как раз

у Гончаровой-то и нет той первозданности, того «начала начал», которое свойственно подлинным большим мастерам. Она посмотрела на меня точно оттолкнула, — мне холодно стало от этого взгляда, — и заметила уже почти небрежно, что между Гончаровой и мной уже та разница, что я только подхожу к искусству, а она им одержима, захвачена. Для нее иного выхода нет, а для меня — есть. И тут она беспощадно сказала о моей пирографии, о зонтиках, точно кнутом стеганула по больному месту. Я расплакалась, она тоже — и вскоре ушла, лишь наружно помирившись.

Меня потрясло ее презрение...» (С. 307—308).

[6] Бельгийский Король Альберт I (1875—1934) стал жертвой несчастного случая, занимаясь альпинизмом в Арденнах.

[7] Л. П. Карсавин (см. о нем письмо к П. П. Сувчинскому и Л. П. Карсавину) переехал в Литву в 1928 г., был профессором всеобщей истории Каунасского университета. После присоединения Литвы к СССР служил недолго директором Исторического музея в Вильнюсе. В 1949 г. арестован, умер в лагере. Его жена, Карсавина Л. Н. (см. о ней комментарий 1 к письму 33 к С. Н. Андрониковой-Гальперн) переехала в Литву к мужу в 1933 г.

[8] Здесь: игроки в гольф; от франц. *tee* — метка для мяча (в гольфе).

[9] Популярный двухнедельный парижский журнал (1928—1938). Выходил также под названием «Vu et Lu» («Зрелище и чтиво»).

[10] Цветаева пересказывает фрагмент раздела «Menace pour un roi» («Угроза для королей») астрологического прогноза журнала на 1934 г. (Vu. 1933. 27 декабря. С. 3).

[11] Первая строка стихотворения А. А. Фета «Смерти» (1884).

[12] После поездок, связанных с вручением И. А. Бунину Нобелевской премии и двухнедельного пребывания в Париже, Бунины в феврале 1934 г. уехали в Грасс.

[13] Судя по письму 25, речь идет о Святой Терезе маленькой: Тереза Лизьеская (Мари Франсуаза Тереза Мартен; 1873—1897; канонизирована в 1925 г.), французская монахиня-кармелитка. Автор автобиографической книги «Vie de Ste Thérèse de l'Enfant Yésus ecrite par elle-même». (Не путать со Святой Терезой (1515—1582) — основательницей ордена кармелитских монахинь.)

24

[1] В «Последних новостях» (13 мая 1934 г.) был опубликован фрагмент очерка о Белом: «Из рукописи «Пленный дух» (Моя встреча с Андреем Белым (Цоссен)».

[2] *...Последствия автомобильного потрясения...* — 17 января 1934 г. такси, в котором ехал П. Н. Милюков с женой, столкнулось с другим автомобилем. П. Н. Милюков получил травму головы и по совету врачей уехал на несколько недель на юг Франции. *...потерял сына* — сын П. Н. Милюкова, Сергей, был убит на фронте в 1915 г.

[3] *Алексинская* Надежда Ивановна (1892—1929) — врач.

[4] Этот эпизод Цветаева описала в рассказе «Китаец» (см. т. 5).

[5] См. предыдущее письмо и комментарий 13 к нему.

[6] Стихотворение М. Цветаевой из сборника «Версты 1». (М., 1922).

25

[1] *Волконский* Александр Михайлович, князь (1866—1934) — брат С. М. Волконского, русский католик. Умер 18 октября в Риме, а 20 октября в «Последних новостях» появился некролог, где, в частности, был упомянут церковно-исторический труд «Католицизм и священное предание Востока», которому А. М. Волконский посвятил свои последние годы.

[2] *Могилевский* Владимир Андреевич (1880—?) — заведующий конторой «Последних новостей».

[3] Цветаева неточна. 3 августа 1934 г. «Последние новости» опубликовали ее рассказ «Страховка жизни» (см. т. 5). Рассказ «Китаец» в газете был напечатан 24 октября 1934 г.

[4] Демидов Игорь Платонович — см. письмо к нему.

[5] П. Н. Милюков.

[6] И. А. Бунин.

[7] Кроме упомянутых выше произведений М. Цветаевой, напечатанных в «Последних новостях» за 1934 г., было еще пять ее публикаций в 1933 г. (Bibliographie des œuvres de Marina Tsvétaeva. Paris — Москва, 1993. С. 511).

[8] О вечере 1 ноября 1934 г. см. комментарий 1 к письму 113 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[9] *Гронский* Павел Павлович — сотрудник «Последних новостей». См. письма к Н. П. Гронскому.

[10] *Ладинский А. П.* служил в редакции «Последних новостей». См. также комментарий 2 к письму 72 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[11] *Берберова* Нина Николаевна (1901 — 1993) — писательница, литературный критик, поэтесса. В эмиграции с 1922 г. В ее мемуарной книге «Курсив мой» несколько страниц посвящены Цветаевой (см., например, изд. 2-е. Нью-Йорк, 1983).

[12] *Поляков* А. А. — член редакции «Последних новостей». См. также письма к нему.

[13] *Алданов* (настоящая фамилия Ландау) Марк Александрович (1886 — 1957) — писатель, автор исторических романов. С 1919 г. в эмиграции. Был близок к «Последним новостям». Цветаевой его творчество было чуждым. В 1927 г., в письме к Н. П. Гронскому, Цветаева писала об одном из романов М. А. Алданова («Чертов мост». Берлин, 1925): «До чего мелко! Величие событий и малость — не героев, а автора. Червячок-гробокоп. Сплошная сплетня, ничего не остается. *Сплетник — резонер* — вот в энциклопедическом словаре будущего — аттестация Алданова.

Такие книги в конце концов разврат, чтение ради чтения. Поделом ему — орден *5-й* степени от сербского Александра!» (Новый мир. 1969. № 4. С. 203).

26

[1] При письме сохранился билет на вечер Цветаевой:

Salle de Géographie, 184, Bd. Saint-Germain, 184

MARINA ZVETAIEVA

SOIRÉE LITTÉRAIRE

Le 1er November 1934 à 8h. 30

27

[1] В адресе Цветаева по инерции написала название своей прежней улицы. Должно быть: Rue Jean-Baptiste Potin.

[2] *Гавронский* Яков Борисович, доктор, эсер, был близок к редакции «Современных записок». *Тамара Владимировна* — лицо не установленное.

[3] Слова из стихотворения А. Блока «Седое утро».

[4] Слова из очерка «Мой Пушкин» (см. т. 5).

[5] Эпизод из дневниковой прозы «Вольный проезд». Цветаева приводит его по памяти (см. т. 4).

[6] Из стихотворения М. Цветаевой «Тебе — через сто лет» (1919). См. т. 1.

[7] По-видимому, намек на купленный в 1912 г. Цветаевой с мужем дом в Казачьем переулке, расположенном между Большой Ордынкой и Большой Полянкой (см. письмо 1 к В. Я. Эфрон и комментарий к нему в т. 6).

[8] См. комментарий 1 к письму 26.

[9] Цветаева имеет в виду свой предыдущий вечер 15 марта 1934 г. (См. письмо 23).

[10] Действительно, «Сказка матери» была опубликована в «Последних новостях» 17 февраля 1935 г.

[11] *...танцор Икар* — Икар (настоящая фамилия Барабанов) Николай Федорович (1880—1975) — танцор, артист петербургского театра «Кривое зеркало». В 1925 г. выступал в парижском театре «Русская сказка». В программе «Вечера Романтики» 26 апреля 1930 г., где участвовала и М. Цветаева, было предусмотрено выступление Икара с показом «Мыслей и сенсаций госпожи Курдюковой» (по поэме Ивана Петровича Мятлева (1796—1844) «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей — дан л'этранже») в «подлинных костюмах эпохи» (La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique 1920—1930. Étable par M. Beyssac. Paris. 1971. С. 276).

[12] Автобио рафический очерк «Черт». Опубликован в № 59 «Современных записок» за 1935 г. См. т. 5.

28

[1] Очевидно, предыдущее письмо, которое благополучно дошло до адресата.

[2] *Фрейтаг* Густав (1816—1895) — немецкий писатель, драматург, представитель старой реалистической школы. Его роман «Die verlorene Handschrift» вышел в 1864 г. и до конца века выдержал 30 изданий.

29

[1] См. комментарий 3 к письму 17.

[2] Ср. воспоминания писателя Яновского Василия Семеновича (1906—1989):

«Я встречался с Мариной Ивановной частным образом у Ширинских; там я познакомился с ее ⟨...⟩ семьей. Жили они близко, в Медоне. Цветаева выступала также на наших литературных вечерах в «Пореволюционном клубе» ⟨...⟩

Дочь Аля милая, запуганная барышня, тогда лет 18, была добра, скромна и по-своему прелестна. То есть — полная противоположность матери. А Марина Ивановна ее держала воистину в черном теле ⟨...⟩ в быту обижала, эксплуатировала дочь, это было заметно и для постороннего наблюдателя» («Поля Елисейские». Нью-Йорк. Серебряный век. 1983. С. 241).

[3] *Ширинский-Шихматов* Юрий Алексеевич — бывший правовед и кавалергард. В эмиграции организовал «Пореволюционный клуб», издавал журнал «Утверждения», главный орган «Объединения пореволюционных течений». Выступал на разных собраниях в Париже от имени эмигрантской «молодежи». Погиб в концлагере.

[4] Правильно: Vu et Lu. См. комментарий 9 к письму 23.

[5] Имеется в виду роман с К. Б. Родзевичем. (См. «Поэму Горы» и «Поэму Конца» в т. 3 и письма к нему в т. 6.)

[6] Ср. в письме 16 к А. В. Бахраху: «Счастье на чужих костях — этого я не могу» (т. 6).

[7] *Вронский* — герой романа Л. Толстого «Анна Каренина», возлюбленный героини.

[8] Курсы французской литературы. См. письмо 1 к Эллису и комментарий 3 к нему в т. 6.

[9] То есть возвращению в Советский Союз.

[10] См. письма к В. К. Звягинцевой и А. С. Ерофееву и комментарии к ним в т. 6.

[11] По-видимому, речь идет о «Письме к амазонке» (см. т. 5). «Перечитала и переписала в ноябре 193 еще чуть более поседевшая. МЦ.» (М. Цветаева. «Письмо к амазонке». — *Звезда*. 1990. № 2. С. 190).

30

[1] На улице, где жила Цветаева, была изменена нумерация домов. Некоторое время Цветаева продолжала писать прежний номер (33).

[2] Литературный «праздник» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы».

31

[1] «Сказка матери». См. комментарий 10 к письму 27.

[2] Алданов был постоянным консультантом и сотрудником «Последних новостей» (публиковался более чем в 300-х номерах газеты).

[3] *Струве* Михаил Александрович (1890—1948)—поэт, литературный критик, племянник П. Б. Струве. После революции эмигрировал. Сотрудничал в «Последних новостях» и других периодических изданиях. Одно время работал в типографии «Последних новостей».

[4] См. «Поэт-альпинист» (т. 5) и письма к Н. П. Гронскому, а также письма 1935 г. к Ю. П. Иваску.

[5] См. комментарии к статье «Поэт-альпинист» (т. 5).

[6] См. также письмо 77 к А. А. Тесковой (т. 6).

32

[1] *Зеелер* Владимир Феофилович. См. письма к нему.

[2] Выступление Цветаевой «Последняя любовь Блока» не состоялось.

[3] 2 февраля 1935 г. на вечере памяти А. А. Блока, устроенном литературной группой «Перекресток», Цветаева прочитала доклад «Моя встреча с Блоком», а Ходасевич выступил с докладом «Блок и его мать».

[4] См. следующее письмо.

33

[1] *Плещеев* Александр Алексеевич (1858—1944)—журналист, театральный критик, сотрудник парижских русских газет. Сын известного поэта А. Н. Плещеева (1825—1893).

[2] *Амфитеатров* Александр Валентинович (1862—1938)—русский писатель, журналист, критик. В 1921 г. эмигрировал. Постоянно сотрудничал в газетах «Возрождение» (Париж), «За Свободу» (Варшава), «Сегодня» (Рига).

[3] *Миронов* Мирон Петрович (1893—1934)—редактор и издатель парижского еженедельного журнала «Иллюстрированная Россия» (с 1924 г.). *...на похороны*—М. П. Миронов умер 25 января 1934 г.

[4] *Мандельштам* Юрий Владимирович (1908—1943)—поэт, критик. Признавая талант Цветаевой, отмечал в ее поэзии истеричность, «кликушество» (Журнал содружества. Выборг. 1936. № 2. С. 8, 9). Погиб в концлагере.

[5] *Цейтлин*—Цетлин Мария Самойловна. См. письма к ней и комментарии к письму 4 в Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (т. 6).

[6] См. комментарий 4 к письму 2 к С. В. Познеру.

[7] Цветаева была предубеждена против парижских «литературных дам», причастных к делу помощи писателям.

[8] Измененная цитата из стихотворения М. Цветаевой «Тоска по родине! Давно...» (1934). В стихотворении: «Камчатским медведём без льдины...» См. т. 2.

[9] *Елена*—Цветковская Елена Константиновна (1880—1943)—третья жена К. Д. Бальмонта.

[10] Мирра Бальмонт.

[11] См. комментарий 12 к письму 8.

36

[1] Речь идет о «Пушкинском концерте», устроенном Союзом русских писателей и журналистов 5 мая 1935 г. (252, Rue du Faubourg St-Honoré). Были исполнены сцены из опер «Мазепа», «Борис Годунов», «Пиковая дама» и др.

[2] В № 58 «Современных записок», вышедшем в июне, были напечатаны стихи под названием «Памяти Н. П. Гронского» (позднее вошли в цикл «Надгробие»; см. т. 2).

37

[1] *Л. С. Врангель*—см. комментарий 2 к письму 84 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] *...ее мать*—Елпатьевская (урожденная Соколовская) Людмила Ивановна (1857—1937).

[3] Вечер Цветаевой с чтением «Черта» состоялся 20 июня 1935 г. (184, Boulevard Saint-Germain).

[4] См. комментарий 12 к письму 27.

[5] К. Д. Бальмонт, в последние годы жизни страдавший психическим заболеванием, был помещен в санаторий недалеко от Парижа.

[6] *Д-р Азербейджан*—возможно, описка Цветаевой. В НП (С. 525) Г. П. Струве высказал предположение, что речь могла идти о докторе Агаджаняне Гачике Сергеевиче (1893—1970), враче, общественном деятеле. Однако еще в 1920-е годы Г. С. Агаджанян перебрался в США. (Новое русское слово. 1970. 31 мая.) По-видимому, речь идет о Агаджаняне Карпе Сергеевиче (1876—1955), невропатологе, видном деятеле Общества русских врачей имени Мечникова во Франции. (Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 143, 307.)

[7] Е. К. Цветковская.

[8] Описка Цветаевой. А. И. Цветаев умер в 1933 г.

[9] *Штейн* Шарлотта фон (урожденная Шард; 1742—1827)—возлюбленная Гёте. См. Briefe an Frau von Stein. Hrsg. von A. Schöll (Frankfurt am Main, Rütten und Loening, 1885. Изд. доп. и перераб.).

[10] Имеется в виду книга Carré J. M. «Vie de Goethe» (Paris, Nouv. Revue Franç., 1927). Построена на высказываниях современников Гёте.

[11] Мать Гёте (урожденная Текстор) Катарина-Элизабет (1731—1808).

[12] Волошина Елена Оттобальдовна.

[13] Речь идет о вечере Цветаевой 11 апреля 1935 г., посвященном Н. П. Гронскому. См. комментарий 2 к письму 83 к А. А. Тесковой (т. 6).

[14] Имеется в виду книга для записей (тетрадь).

[15] *Врангель Н. А.*—см. комментарий 5 к письму 84 к А. А. Тесковой (т. 6).

38

[1] См. комментарий 3 к предыдущему письму.

[2] См. комментарий 10 к письму 11.

39

[1] Письмо написано на открытке с видом пляжа около Фавьера.

[2] Подробно о Фавьере и его русских обитателях см. главу «Ла-Фавьер» в кн.: Врангель Л. Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон, 1964.

40

[1] Рядом с этим абзацем в письме небольшой чертеж, иллюстрирующий расположение двух комнат, и надпись: «окно», «выемка: Двери нет», «дверь с воли, т. е. с внешней лестницы».

[2] Журнал «Воля России» прекратил свое существование в 1932 г.

[3] *Перекоп, Поэма о Царской Семье*—см. т. 3. *Le Gars*—см. письмо 52 к А. А. Тесковой (т. 6), письма 70—72 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и письма к Р. Н. Ломоносовой.

[4] *Шуман* Роберт (1810—1856)—немецкий композитор. В последние годы жизни страдал психическими расстройствами и слуховыми галлюцинациями. Его жена, *Шуман* (урожденная Вик) Клара (1819—1896)—немецкая пианистка, композитор, педагог.

[5] То есть о последних годах жизни Наполеона на о. св. Елены.

42

[1] *Ходасевич* Ольга Борисовна — см. письмо к В. Ф. и О. Б. Ходасевичам.

43

[1] В октябре 1936 г. И. А. Бунин ездил в Прагу с выступлениями. По дороге, в немецком городе Ландау, он подвергся унизительному таможенному досмотру.

[2] Заключительная строфа стихотворения М. Цветаевой «Германии» («Ты миру отдана на травлю...»). См. т. 1.

[3] Материал о злоключениях И. А. Бунина в Германии был напечатан в «Последних новостях» 1 ноября 1936 г.

[4] *Зайцева* Вера Алексеевна — см. письмо к Б. К. и В. А. Зайцевым.

[5] Цветаева ошибочно приписывает строки И. А. Бунину. Это цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Она сидела на полу...».

44

[1] «Мой Пушкин» был опубликован в № 64 «Современных записок», вышедшем осенью 1937 г.

[2] Цветаева часто обращалась к Б. К. Зайцеву с подобными просьбами. См. письма к нему. Что касается «новогоднего писательского вечера» (традиционно — 13 января), то Цветаева сомневалась, пойдет ли она на него. «Я на писательском балу — или по-пушкинскому: *бале* — навряд ли буду, мне не с кем идти и боюсь тоски присутственных мест», — писала она 5 января 1937 г. В. Н. Буниной (Русский альманах. Париж, 1981. Вклейка 1. Воспроизведена 1-я страница письма. Собр. Р. Герра). Однако, как следует из письма 45, Цветаева, по-видимому, на вечере присутствовала. См. также письмо к Б. К. и В. А. Зайцевым.

45

[1] См. комментарий 2 к предыдущему письму.

46

[1] *Струве* — см. комментарий 3 к письму 31.

[2] *Токио* — зал Русского музыкального общества за границей (26, avenue de Tokyo, ныне — Русская консерватория им. С. Рахманинова, 26, avenue de New York), в котором предполагалось провести пушкинский вечер Цветаевой 2 марта.

[3] Перевод пушкинских «Бесов» на французский, сделанный Цветаевой, был опубликован в однодневной газете «Пушкин» (издание Комитета по устройству Дня Русской культуры во Франции).

47

[1] Через два дня Цветаева отказалась от этого зала (см. следующее письмо).

[2] Первое объявление о вечере в «Последних новостях», как и ожидалось, появилось в ближайший четверг, 11 февраля.

48

[1] «Nouvelles littéraires» — парижская еженедельная газета. В номере от 6 февраля была широко представлена тема пушкинского юбилея. Реплика Цветаевой, по-видимому, относится к качеству стихотворных переводов, выполненных Робером Бразильяком и Наталией Гуттнер. (*НП*. С. 526—527.)

49

[1] Датируется по содержанию письма, в котором Цветаева пишет о переносе своего вечера из зала «Токио» в зал «Musée social» на улице Ласказ, 5. Объявление с указанием нового места вечера было напечатано в «Последних новостях» 18 февраля. В программе вечера — проза «Мой Пушкин», «Стихи к Пушкину» и французские переводы лирики.

50

[1] Описка Цветаевой. Из содержания письма следует, что оно написано 11 марта, а не 11 февраля.

[2] Дата смерти Е. И. Замятина — 10 марта 1937 г.

[3] А. Ф. Даманская, автор заметки «Сын памятника Пушкина. На вечере Марины Цветаевой о великом поэте», писала:

〈...〉 Вчера Марина Цветаева читала перед густо наполненным залом о Пушкине. Казалось бы, что еще можно нового добавить о Пушкине после всего, что сказано о нем? И, удастся ли, думалось друзьям талантливой поэтессы, захватить внимание слушателей в эти дни, когда только что отшумел длинный ряд пушкинских празднеств. Но за какую бы тему ни бралась Марина Цветаева, о чем, о ком бы она ни рассказывала, — человек, вещь, пейзаж, книга, в ее творческой лаборатории получают новое, как будто неожиданное освещение, и воспринимающееся, как самое верное, и незаменимое уже никаким иным. 〈 ..〉 Пушкин хрестоматий, потом Пушкин благоговейно хранимых под подушкою книг, и, наконец, — но через какой долгий срок, и длинный путь приобщения «свой» Пушкин — «мой Пушкин», — перед которым, преклоняясь, едва ли не талантливейший из современных русских поэтов, слагает великолепный нетленный венок: переведенные Мариной Цветаевой на французский язык стихи, переведенные бесподобно, и с такой тождественностью подлиннику, с такой чуткой передачей ритма, дыхания, аромата пушкинского стиха, что каждое стихотворение покрывалось восторженным и благодатным шепотом и словами благодарности...

Та часть чтения, в которой Цветаева рассказывала, как завороженная впервые прочитанной поэмой «Цыгане» — она спешит в людскую приобщить к своей радости няньку, ее гостя, горничную, и как о детский восторг разбивается скепсис ее слушателей — особо пленила слушателей свежестью и нежной теплотой юмора.

«Мой Пушкин» М. Цветаевой появится скоро в печати, но чтобы оценить всю значительность, всю прелесть этого произведения, — надо слышать его в чтении автора, и тогда лишь вполне уясняется и само название, тогда лишь вполне оправдана законность этого присвоения поэта поэтом: «Мой Пушкин»... (Сегодня. Рига. 1937. 6 марта).

[4] Отзыв в «Иллюстрированной России» появился 13 марта 1937 г. Свои восторженные впечатления от пушкинского вечера Цветаевой описал Александр Александрович Гефтер (1885—1956), писатель и журналист.

[5] Драма «Эгмонт» Гёте.

[6] А. С. Эфрон в марте 1937 г. уехала из Франции в Россию.

Р. Н. ЛОМОНОСОВОЙ

1

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
20-го апреля 1928 г.

Милая Раиса Николаевна,

Экспресс пришел без меня, я на три дня уезжала зáгород, за чужой зáгород, потому что Медон, в котором я живу, тоже загород. Только потому не отозвалась тотчас же.

Сердечное спасибо за Бориса Леонидовича и за себя.

Способ пересылки, как видите, очень хорош, но мне очень совестно утруждать Вас.

Два года назад, даже меньше, я была в Лондоне, у меня там был вечер стихов, могли бы встретиться. Но может быть — Вáс там не было?[1] (Стихи с предварительным докладом Кн⟨язя⟩ Святополка-Мирского, из которого я поняла только собственное имя, да и то в английской звуковой транскрипции!)

Еще раз сердечное спасибо.

Марина Цветаева

— Да, Пастернак мой большой друг и в жизни и в работе. И — что самое лучшее — никогда не знаешь, ктó в нем больше: поэт или человек? *Оба больше!*

Редчайший случай с людьми творчества, хотя, по-моему, — *законный*. Таков был и Гёте — и Пушкин — и, из наших дней, Блок. А Ломоносова забываю, Вашего однофамильца, а может быть — предка?[2]

2

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
29-го мая 1928 г.

Дорогая Раиса Владимировна[1],

Простите великодушно: замоталась с вечером, имеющим быть 17-го июня. Нужно ловить людей, устраивать и развозить билеты, всего этого я не умею, а без вечера мне не уехать[2].

Париж раскаленный, 49° на солнце, 34° в тени. Люблю жару, но речную и морскую. Сущность камня — холод, в пышущем камне нарушена его природа.

Непосредственно после Вашего письма написала Борису[3] — все письмо было о Вас, как жалко, что получил его он, а не Вы!

А перед Вами я осталась невежей. Знаю. Пишу между двумя поездами, т. е. билетными поездками. Моя сущность — ⟨одиночество*⟩ сам по себе. Во мне, предлагающей билеты, нарушена моя природа.

---

* В рукописи зачеркнуто.

Простите за несвязность речи и безобразный почерк. Все хотелось написать Вам по-настоящему — хотя бы про поэтов и соловьев. Не вышло. Вышло — невежа.

Не сердитесь! Сама сержусь.

Сердечный привет и благодарность

М. Цветаева

P. S. Мой поезд конечно ушел.

3

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
12-го сентября 1929 г.

Дорогая Г⟨оспо⟩жа Ломоносова (а отчество Ваше позорно забыла, — в говоре оно слито, а та́к, в отвлечении, отпадает — по крайней мере у меня. *Имя* — помню.) Как жаль, что Вы не попали в Париж и какой стыд, что только сейчас, полгода по несвершении, от меня это слышите[1].

Дело не в «собирании» написать, а в *лютости* жизни. Встаю в 7 ч., ложусь в 2 ч., а то и в 3 ч. — что́ в промежутке? — быт: стирка, готовка, прогулка с мальчиком (обожаю мальчика, обожаю гулять, но писать гуляя не могу), посуда, посуда, посуда, штопка, штопка, штопка, — а еще кройка нового, а я так бездарна! Часто за весь день — ни *получасу* на себя (писанье), ибо не забудьте людей: гостей — или в тебе нуждающихся.

Нас четверо в семье: муж, за которого я вышла замуж, когда ему было 18 лет, а мне не было 17-ти[2], — Сергей Яковлевич Эфрон, бывший доброволец (с Октябрьской Москвы до Галлиполи — *всё*, сплошь в строю, кроме лазаретов (три раненья) — потом пражский студент, ученик Кондакова (о котором Вы наверное слышали — иконопись, археология, архаика, — 80-летнее *светило)*[3] — ныне один из самых деятельных — не хочу сказать вождей, не потому что не вождь, а потому что вождь — не то, просто — отбросив «один из» — *с е р д ц е* Евразийства[4]. Газета «Евразия», единственная в эмиграции (да и в России) — его замысел, его детище, его г⟨е⟩*орб, его радость[5]. Чем-то, многим чем, а главное: совестью, ответственностью, глубокой серьезностью сущности, похож на Бориса, но — мужественнее. Борис, как бы сказать, женское явление той же сути. Это о муже. Затем дочь — Аля (Ариадна), дитя моего детства, скоро 16 лет[6], чудная *девочка,* не Wunder-Kind, а wunderbares Kind**, проделавшая со мной всю Советскую (1917 г.—1922 г.) эпопею. У меня есть ее 5-летние (собственноручные) записи, рисунки и стихи того времени (6-летние стихи в моей книжке «Психея», — «Стихи дочери», которые многие считают за мои, хотя совсем не похожи)[7]. Сейчас выше меня, красивая, тип скорее германский — из Kinder-Walhalla[8]***. — Два дара: слово и карандаш (пока не кисть), училась этой зимой (в первый раз в жизни) у Натальи Гончаровой[9], т. е. та ей давала *быть.* — И похожа на меня и не-похожа. Похожа страстью к слову, *жизнью* в нем (о, не влияние! *рождение),* непохожа — гармоничностью, даже идилличностью всего существа (о, не от возраста! помню *свои*

* В рукописи зачеркнуто.

** Не чудо-ребенок, а чудесный ребенок *(нем.).*

*** Детская Вальхалла *(нем.).*

шестнадц .ь). Наконец — Мур (Георгий) — «маленький великан», «Муссолини», «философ», «Зигфрид», «le petit phénomène», «Napoléon à Ste Hélène», «mon doux Jésus de petit Roi de Rome»*[10] — все это отзывы встречных и поперечных — русских и французов — а по мне просто *Мур*, которому таким и быть должно. 4 1/2 года, рост 8-летнего, вес 33 кило (я — 52), вещи покупаю на 12-летнего (NB! француза) — серьезность в беседе, необычайная живость в движениях, любовь 1) к зверям (*все* добрые, если накормить) 2) к машинам (увы, увы! *ненавижу*) 3) к домашним. Родился 1-го февраля 1925 г., в полдень, в воскресенье. Sonntagskind**. Я еще в Москве, в 1920 г. о нем писала:

Все женщины тебе целуют руки
И забывают сыновей.
Весь — как струна! Славянской скуки
Ни тени — в красоте твоей![11]

Буйно и крупно-кудряв, белокур, синеглаз. Этого-то Мура я и прогуливаю — с февраля 1925 г. по нынешний день. *Он* не должен страдать от того, что я пишу стихи, — пусть лучше стихи страдают! (как оно и есть).

О себе не успела. Вкратце. Написала большую поэму Перекоп, которую никто не хочет по тем же причинам, по которым Вас красные считают белой, а белые — красной. Так и лежит. А я пишу другую, имя которой пока не сообщаю[12]. Эпиграф к Перекопу: Dunkle Zypressen! — Die Welt ist gar zu lustig. — Es wird doch alles vergessen***[13].

⟨*Приписки на полях:*⟩

Сообщите отчество, которое я раз 10 сряду протвержу вместе с именем, тогда сольется.

Как Ваш сын?[14] О Борисе ничего не знаю давно. Читала его «Повесть» в Совр⟨еменном⟩ Мире[15]. — Чудно. —

Написала зимой большую работу о Н. Гончаровой (живописание). Идет в «Воле России»[16].

У меня есть большой друг в Нью-Йорке: Людмила Евгеньевна Чирикова[17], дочь писателя — не в этом дело — и художница — не в этом дело, — только как приметы. Красивая, умная, обаятельная, добрая, мужественная и — по-моему — зря замужем. Начало девическое и мужественное. Узнайте у кого-нибудь ее адрес и при случае познакомьтесь. Вы ее полюбите. Ей тоже очень трудно жить, хотя внешне хорошо устроена. Любовь к ребенку и к ремеслу: двойное *благословение* Адама и Евы. — Целую Вас. Не сердитесь? Не сердитесь. Вы меня *тоже* любили.

МЦ.

4

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
27-го сентября 1929 г.

Дорогая Г⟨оспо⟩жа Ломоносова! Это письмо Вы получите раньше первого, отправленного недели две назад.

---

* «Маленький феномен», «Наполеон на Св. Елене», «Мой нежный Иисус маленький римский король» *(фр.)*.

** Воскресное дитя *(нем.)*.

*** «Темные кипарисы! — Мир слишком весел. — Все будет забыто» *(нем.)*.

Направляю к Вам Елизавету Алексеевну Хенкину[1], моего большого друга, которая ныне покидает Медон на Нью-Йорк. Она Вам обо мне расскажет, — знает моего мужа, детей, жизнь, меня. — Живая связь. Уверена, что эта встреча к общей радости.

Обнимаю Вас

Марина Цветаева

5

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
1-го февраля 1930 г.

Дорогая Раиса Николаевна! Вы живете в стране, которой я всегда боялась: два страха: по горизонтали — отстояния от всех других, водной горизонтали, и по вертикали — ее этажей. Письмо будет идти вечно через океан и — вторая вечность — на сто-сороковой — или сороковой — этаж. Письмо *не* дойдет, или — дойдет уже состарившимся. Не моим.

Отсюда — всё, то есть: мое безобразное молчание на Ваше чудное, громкое как голос, письмо, и подарок. Есть у меня друг в Харбине[1]. Думаю о нем всегда, не пишу никогда. Чувство, что из такой, верней на такой дали всё само-собой слышно, видно, ведомо — как на том свете — что писать потомý невозможно, что — не нужно. На такие дали — только стихи. Или сны.

Вы не так видите, ибо там живете и *там* для Вас «здесь», но если бы Вы хоть *час* провели со мной, на воле, наедине, то Вы бы меня сразу поняли, ибо из таких чувствований, страхов, поступков — вся я. К тому же — я в Америке никогда не буду, знаю это, — не говоря уж о визах («визы» — вздор!) — чем устойчивее, благоустроеннее, благонадежнее пароходы — тем они мне страшней. Моя уверенность, т. е. уверенность моего страха (ВОДЫ), вызвала бы крушение — или кáк это нá море называется. Из-за одного неверующего (обратно Содому!) весь корабль погибнет[2].

Континентальнее человека не знаю. Реку люблю: тот же континент. На море — самом простом, почти семейном («plage de famille»*, как в путеводителях) — томлюсь, не знаю, чтó делать. Уже два раза во Франции ездила по летам нá море, и каждый раз, к вечеру первого же дня: не то! нет — то, то самое, т. е. первое детское море Генуи после: «Прощай, свободная стихия!» Пушкина[3]: *разочарование*. После первого раза — привычное. Сколько раз пыталась полюбить! Как любовь.

Все мои обожают: Мур за песок, Аля за свободу (от хозяйства и, может быть, — немножко от меня), Сережа (муж, так же странно звучит как звучало бы о Борисе, чужое слово, но называю, чтобы не вышло путаницы) за всю свою раннюю юность: Крым, Кавказ и — другой Крым, 1919 г. — 20 г. Я одна, как белый волк, — хотя бурый от загара — не знаю чтó делать на этом, с этим, в этом (песке, песком, песке). Лежать *не* могу, купаться — замерзаю. Люблю плоскую воду и гористую землю, *не* обратно.

На ездящих в Америку — на столько-то, т. е. определенный, или назначенный срок — и из нее *возвращающихся* смотрю как на чудесные чудовища, существа с Марса или далее.

---

* Семейный пляж *(фр.)*.

Недавно (для Америки недавно — с полгода назад) туда уехала моя большая приятельница, Елизавета Алексеевна Хенкина, жена певца, — м. б. слышали? С хорошим большим мальчиком[4]. (Приснилось или нет, что Вы мне о ней писали? Будто она писала — Вам!)[5] Есть у меня в Америке еще одна приятельница, дочка писателя Чирикова, Людмила (в замужестве Шнитникова), художница, красивая, даровитая, очаровательная. В Нью-Йорке. (Для меня, как для всех необразованных людей, Америка — если не ковбои — так Нью-Йорк.)

Как грустно Вы пишете о сыне: «Совсем большой. Скоро женится — уйдет». Моему нынче — как раз 5 лет. Думаю об этом с его, а м. б. с *до* — его рожденья. Его жену *конечно* буду ненавидеть. Потому что *она не я. (Не* обратно.)

Мне уже сейчас грустно, что ему пять лет, а не четыре. Мур, удивленно: «Мама! Да ведь я такой же! Я же не изменился!» — «В том-то и... *Всё* будешь такой же, и вдруг — 20 лет. Прощай, Мур!» — «Мама! Я никогда не женюсь, потому что жена — глупость. Вы же знаете, что я женюсь на тракторе». (NB! Утешил!)

На Ваш подарок он получил — на Рождество: башмаки, штаны, бархатную куртку, Ноев ковчег (на колесах, со зверями), все постельное белье, и — ныне — чудный «дом на колесах» — «roulotte», где живут — раньше — цыгане, теперь — семьи рабочих. Приставная лесенка, ставни с сердцами, кухня с плитой, — все по образцу настоящего. Мур напихал туда пока своих зверей.

Аля на Рождество (тот же источник) получила шубу, башмаки и запись на Cours du Louvre: Histoire de l'Art i Histoire de la Peinture*. Учится она у Гончаровой, — ее в Америке хорошо знают, много заказов. Москвичка как я. Я о ней в прошлом году написала целую книгу, много месяцев шедшую в эсеровском журнале «Воля России». Хотела статью, получилась книга: Наталья Гончарова — жизнь и творчество. — М. б. будет переведена на англ⟨ийский⟩ яз⟨ык⟩[6]. (Оцените идиотизм, мне кажется — потому что Вы в Америке — что по-русски не дойдет. Мое отличие от остальных идиотов, что я свой — сознаю.)

Сейчас пишу большую поэму о Царской Семье (конец). Написаны: Последнее Царское — Речная дорога до Тобольска — Тобольск воевод (Ермака, татар, Тобольск *до* Тобольска, когда еще звался Искер или: Сибирь, отсюда — страна Сибирь). Предстоит: Семья в Тобольске, дорога в Екатеринбург, Екатеринбург — дорога на Рудник Четырех братьев (та́м жгли). Громадная работа: гора. Радуюсь.

Не нужна никому. Здесь не дойдет из-за «левизны» («формы», — кавычки из-за гнусности слов), там — туда просто не дойдет, физически, как все, и больше — меньше — чем все мои книги. «Для потомства?» Нет. Для очистки совести. И еще от сознания силы: любви и, если хотите, — дара. Из любящих только я смогу. Потому и должна.

Муж болен: туберкулез легких, когда-то в ранней юности болел и вылечился. Сейчас в Савойе. Друзья сложились и устроили на два

* Курсы при Лувре: История искусства и живописи *(фр.)*.

месяца в санаторию. Дальше — не знаю. Начал прибавлять. (1 м⟨етр⟩ 87 сант⟨иметров⟩ росту и 65 кило весу: вес костей! И тяжелая болезнь печени, тоже с юности, мешающая питанию, т. е. восстановлению легких. Зако дованный круг.)

Я уже месяц одна с детьми. Уборка, готовка, стирка, штопка, прогулка с Муром, и — «как? уже два часа?» (ночи). Как и сейчас. Пишу по утрам, пока кипят супы и картошки. А по ночам — письма. Но я все-таки *очень* виновата перед Вами. Борис пишет часто, рвется на Запад (по мне — на волю!). А у нас украли Кутепова[7]. По мне — убили.

Сейчас лягу и буду читать Ludwig'a «Wilhelm der Zweite»*[8].

Дорогая! А вот вещь, похожая на чудо — и на головоломку: любовь к тебе второго, сообщенная третьему, третьим — четвертому и четвертым тебе (Вам).

Учтите, что четвертый первого (и обратно), третий первого (и обратно), второй первого (и обратно) — но это еще не всё! третий второго (и обр⟨атно⟩) *никогда не видел.*

Теперь подставлю имена: первый — Вы, второй — Борис, третий — Кн⟨язь⟩ Святополк-Мирский, четвертый — я.

Слушайте:

...«А вот случай. У нас приятельница, Р. Н. Ломоносова, живущая когда в Англии, когда в Америке. В 26-том году в Германию ездила моя жена[9], и для нее эта дружба, завязавшаяся раньше путем переписки, нашла воплощение в живой и все оправдавшей встрече. Я же ее никогда, как и Вас, в глаза не видал. Пять лет тому назад ей обо мне написал К. И. Чуковский[10], речь шла о переводе Уайльдовских Epistola in carcere et vinculis[11], с авторизацией, которую ей легко было достать для меня. Все делалось без моего ведома, К⟨орней⟩ И⟨ванович⟩ знал, что я бедствую и т⟨аким⟩ обр⟨азом⟩ устраивал мой заработок. Но фр⟨анцузский⟩ и англ⟨ийский⟩ яз⟨ыки⟩ я знаю неполно и нетвердо, до войны говорил на первом и понимал второй, и все это забылось. Сюрпризом, к⟨отор⟩ый мне готовил К⟨орней⟩ И⟨ванович⟩, я не мог воспользоваться. Но вряд ли он знает, какой бесценный, какой неоценимый подарок он мне сделал. Я приобрел друга тем более чудесного, то есть невероятного, что Р⟨аиса⟩ Н⟨иколаевна⟩ человек не «от литературы»», и только в самое последнее время я мог убедиться, что мои поделки что-то говорят ей (она мне писала про «Повесть»). По всему я бы должен был быть далек ей. Она живет миром недоступным мне (я бы должен был родиться вновь, и совсем совсем другим, чтобы в нем только найтись, если не очутиться); она иначе представляет себе мой обиход и мою обстановку. Ее занимает движенье европ⟨ейских⟩ вещей, т. е. по ее счастливой непосредственности прямо говорит ей о движущихся под этим глубинах. Я не менее ее люблю Запад, но мне надо было бы уйти от явности, от злобы дня в историю, от заведомости в неизвестность, чтобы свидеться с глубиной, с которой она (т. е. Вы. *М. Ц.*) сталкивается походя, уже на поверхности. Она — жена большого инженера и профессора, Ю. В. Ломоносова. Они никогда подолгу не заживаются на одном месте — журналы, путешествия, переезды, общественность — все это она, видно, осиливает, смеясь. — И вот, меня волнует один ее почерк, и это можно сказать Вам, а не ей, потому что это совсем не то, что может получиться в прямом к ней отнсосеньи.

---

* Людвиг «Вильгельм Второй» *(нем.).*

Иногда сюда приезжают просто путешествующие англичане и американцы, ездят, как съездили бы в Индию, или Грецию, или в Тунис. Было два случая, когда это были знакомые Р⟨аисы⟩ Н⟨иколаевны⟩ с рекомендацией от нее. Так, осенью, мы были в гостинице у некой Ms. M. Kelsey (?*М. Ц.*), седой, порывистой, горячо во все вникающей, — милой — дамы[12]. В исходе долгой беседы она спросила, не имеется ли чего в переводе из того, что она записала под мою диктовку (я назвал ей с десяток имен прозаических и трех или четырех поэтов) и нет ли статей по-англ⟨ийски⟩ или по-фр⟨анцузски⟩. И тут жена назвала Вашу статью в Mercury». (NB! Тут следует чистопастернаковское, в самом прямом смысле *отступление,* как перед врагом — перед хвалой ему Мирского[13]. Так же, впрочем, Борис отступает пе д всяким (завершенным) делом своих рук.) «Оно (т. е. отступление. *М. Ц.)* послужило поводом к рассказу о Ломоносовой, а не может быть той дряни, которая этим обстоятельством не была бы обелена. Я уже познакомил М⟨арину⟩ И⟨вановну⟩ с нею. Теперь знакомы и Вы».

Это отрывок из письма Бориса Святополку-Мирскому (проф⟨ессору⟩ русской лит⟨ературы) в Лондоне, *единственному* в эмигр⟨ации⟩ критику, *ненавидимому* эмиграцией, англичане любят и чтят), переславшему письмо на прочтение мне. Источник этого письма, *заряд* его — Вы, нужно, чтобы творение вернулось к творцу, или еще лучше — река вспять, как Темза в часы отлива. У меня здесь явно сознание завершенного круга, все сошлось — как в песне, как в сказке.

Увидят ли когда-нибудь иначе как синим или лиловым или черным чернилом на бумаге — четвертый первого, второй третьего, третий первого, первый второго? [14]

МЦ.

Об *этом* дохождении письма Борис не должен знать. Это его смутило бы. Не я переслала, само *вернулось.*

⟨Приписки на полях:⟩

Спасибо за карточку свою и сына. Какой большой сын! Какая большая даль! Какая маленькая Вы! Как девочка в стране гигантов.

Придет весна — солнце — опять буду снимать, тогда пришлю всех нас. А тот затылок (кудрявый) — моего сына, а не дочери, она совсем гладкая, как мы все, — и Мур вьется за всех.

— «Мама, как по-франц⟨узски⟩ генерал?» — «Général».

— «Потому что у него — жена?»

Обнимаю и бесконечно — благодарю, и тронута, и смущена.

МЦ.

6

Meudon (S. et O.) France
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
3-го апреля 1930 г.

Дорогая Раиса Николаевна! Как благодарить??

Поставьте себя на мое место и оцените его — или мою — без⟨в⟩ысходность. Всю безысходность моей благодарности. Мне часто говорят, еще чаще — говорили, что у меня вместо сердца — еще раз ум, — что отнюдь не мешало — критикам например — обвинять мои стихи в бессмысленности[1].

Ответ мой был один: когда у меня болит, и я знаю что́ болит и отчего болит — болит не меньше, м. б. больше, потому что нет надежды, потому что болезнь, при всей видимости случайности, хроническая. Так с чувствами. Хотите слово самого большого поэта — не хочется сказать современности, не мое мерило — просто самого большого поэта, который когда-либо был и будет — Рильке (Rainer Maria Rilke).

— Er war Dichter und hasste das Ungefähre*[2] — (можно еще и Ungefährliche**: от Gefahr, т. е. безответственное) — так и я в своих лабиринтах.

Простите за такое долгое лирическое отступление, но иначе Вам меня не понять.

Мне бесконечно жалко, что у меня нет на руках своих вещей — иных уже не достанешь — насколько легче было бы беседовать через океан. Ведь всякое письмо — черновик, не доведенный до беловика, отсылая — страдаю. А времени проработать письмо — нет. Всякое письмо сопровождается угрызением моей словесной совести (совести пишущего, а м. б. и самого *слова* во мне). Эта своеобразная и трагическая этика была дана мне — если не взамен, то в ущерб другой. Трагическая потому что ей ни в сем мире ни в том — что награды! *ответа* — нет. Так например я могла бы быть первым поэтом своего времени, знаю это, ибо у меня есть *всё*, все данные, но — *своего* времени я не люблю, не признаю его своим.

...Ибо мимо родилась
Времени. Вотще и всуе
Ратуешь! Калиф на час:
Время! Я тебя миную[3].

Еще — меньше, но метче: могла бы просто быть богатым и признанным поэтом — либо там, либо здесь, даже не кривя душой, просто зарядившись другим: чужим. Попутным, не-насущным своим. (Чужого нет!) И — настолько не могу, настолько отродясь *ne daigne****, что никогда, ни одной минуты серьезно не задумалась: а что если бы?, — так заведомо решен во мне этот вопрос, так никогда не был, не мог быть — вопросом.

И вот — пишу Перекоп (к⟨оторо⟩го никто не берет и не возьмет п. ч. для монархистов непонятен словесно, а для эсеров неприемлем внутренно) — и Конец Семьи (Семи — т. е. Царской Семьи, семеро было)[4], а завтра еще подыму на себя какую-нибудь гору.

Но одно: если существует Страшный Суд Слова — я на нем буду оправдана[5].

«Богатым и признанным» — нет, лучше бедным и призванным. Достойнее. Спокойнее. Вещи за себя мстят: я никогда не любила внешнего, это у меня от матери и от отца. Презрение к вещам. — Странная игра случая. Мать умирала в 1905 г., мы с сестрой были маленькие дети, но из молодых да ранних, особенно я, старшая, — и вот страх: а вдруг, когда вырастут, «пойдут в партию» и всё отдадут на разрушение страны. Деньги кладутся с условием: неприкосновенны до 40-летия наследниц.

* Он был поэтом и терпеть не мог приблизительностей *(нем.)*.
** Безопасное *(сущ.) (нем.)*.
*** См. перевод на с. 19.

Начинается другая революция (*наша*) мне 22 года[6], — порядочно до сорока? Коммунисты (знакомые) мне предлагали: дайте расписки, мы вам деньги достанем, и «до сорока лет». Особые условия. Невозможно. Так пропали у меня 100 тысяч, к⟨отор⟩ых я никогда не только в глаза не видала, но и не ощутила своими (сорок лет!), не считая еще 100 тысяч или больше — наследство бабушки, к⟨отор⟩ая умерла в революцию[7], не считая двух домов — одного в Москве, другого бабушкиного, в хлыстовском гнезде Тарусе Калужской губ⟨ернии⟩ — не имение, старый дом в екатерининском саду: *чистая* лирика, не считая потом всего золота, всех камней, всех драгоценностей и мехов, к⟨отор⟩ые я сдавала для продажи на руки знакомым — казалось, друзьям — и которые — и те и другие — пропадали безвозвратно. Le hasard c'est moi*[8].

И кормила меня, выручала меня, в конце концов, только моя работа, единственное чтó я в жизни, кроме детей и нескольких человеческих душ — любила.

Так было, так будет.

От Бориса давно ничего. Он пишет припадками. Как бы я его хотела за границу! Продышаться. Тоже «игра судьбы» *ему* расплачиваться за Россию, когда он весь *под знаком готической стрелы*. Тоже неравный брак. Ему платить по счетам современности, когда:

Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?[9]

Если у меня совесть слова, то у него совесть — сроков.

А чек поехал обратно на три недели. Так мне сказали, п. ч. нет compte courant** (courant — куда? Как реки в море?) Была в страшном банке на страшном ездовом узле Concorde[10]. (Хорошо «Согласие», — всё врозь!)

Англичанин, прямо глядя в глаза: — «Qui etes-Vous, Madame»***. Я, *подумав:* «Une refugiée russe, Monsieur»****. Вот и поехал чек, опять через море.

Скоро Пасха, приедет на три дня муж из санатории, скоро мой вечер[11], м. б. потом удастся уехать в горы. Рядом с château*****, где санатория, крохотный домик, к⟨отор⟩ый С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ облюбовывает для нас. С двумя козами.

Целую Вас. Простите за бессловность моей благодарности

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Недавно видела Вашу Пасадену[12] в кинематографе. — Красавица. — Пишите про природу и про погоду.

---

* Риск — это я *(фр.)*.
** Текущий счет *(фр.)*.
*** «Кто Вы, мадам» *(фр.)*.
**** «Русская беженка, месье» *(фр.)*.
***** Замок *(фр.)*.

11 Зак. 162

7

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
12-го октября 1930 г.

Дорогая Раиса Николаевна,

Счастлива была получить от Вас словечко, но какой ужас с мотоциклом, *самым ненавистным мне из современных способов передвижения.* Каждый раз когда вижу и слышу содрогаюсь от омерзения, *личная* ненависть — точно по мне едет.

Но, подумав о том что́ могло бы случиться, приходится говорить: — счастливо, что только нога![1]

Страшная вещь — взрослый сын, нужно что-то заранее в себе осилить, замкнуть, в какой-то час — ставку на другое. Иначе жизни нет.

Только что все вернулись из Савойи, где жили — С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ в санатории, мы остальные в деревне, над деревней, в избе — целое лето, хотя дождливое, но чудное, без людей, с ручьем.

Стипендия мужа кончилась, вернулись. Д⟨октор⟩ сказал: «Pour le moment je le trouve mieux, mais l'avenir c'est toujours l'Inconnu!»* — Знаю. —

Тяжелый год. Газета Евразия, к⟨отор⟩ую он редактировал, кончилась, на завод он, по болезни, не может, да и не взяли бы, по образованию — филолог. Вся надежда на устройство моего Мо́лодца, к⟨отор⟩ый переведен — неким поэтом Броуном[2]. (Alec Brown, из молодых, у него есть книги) на английский яз⟨ык⟩ и мною на французский. Работала полгода, *новая* вещь, изнутри франц⟨узского⟩ языка.

Оба перевода должны пойти с иллюстрациями Натальи Гончаровой, о которой Вы наверное слышали. Иллюстраций много, — и отдельные, и заставки[3]. Большая книга большого формата.

Но кто за это дело возьмется — неизвестно. Гончарова умеет только рисовать, как я — только писать.

Перевод стихами, изнутри французского народного и старинного яз⟨ыка⟩, каким нынче никто не пишет, — да и тогда не писали, ибо многое — чисто-мое. Если встретимся — почитаю отрывочки. Как жаль, что всего на один день! (да еще неизвестно) — а то вместе пошли бы к Гончаровой, в ее чудесную мастерскую, посмотрели бы ее работы. Она замечательный человек и художник. Я в прошлом году живописала ее жизнь, целая книга получилась, — шло в Воле России, в 6-ти нумерах[4]. Истоки и итоги творчества.

О Борисе. Жив и здоров, летом получил отказ заграницу — писал мне прямо из секретариата, на бланке. Сильный удар: страстно хотел. Восемь безвыездных лет.

Не отпускать *Пастернака* — идиотизм и неблагодарность. Без объяснений. Просто: отказано.

С лета писем не было — месяца три. Недавно писала ему.

Да! написала этим летом ряд стихов к Маяковскому (смерть), которые прочту Вам при встрече, а если минуете Париж (чего *очень* не хочу) — пришлю. Там есть встреча (тамошняя) с Есениным. Разговор[5].

---

* «Пока что я нахожу, что ему лучше, но будущее всегда неизвестно!» *(фр.)*

Спешу. Плохо пишу, простите, в доме приездный развал — только что ввалились, день ушел на поиски ключей, у меня дар — замыкать безвозвратно, как символисты некогда писали: la clef dans un puits!*

Мур (сын) совсем великан, тесно ему в Медоне, на все натыкается и от неизрасходованной силы — как я — свирепеет. В Савойе блаженствовал. Про Монблан сказал: — «Хорошая гора. Только — маленькая».

А в С⟨анта-⟩Маргерите я была девочкой, один из самых счастливых дней моей жизни[6], при встрече расскажу. Пусть она будет! Обнимаю Вас

М. Цветаева.

P. S. Имейте в виду — к нам в Медон pneu (городск⟨ая⟩ воздушн⟨ая⟩ почта) не ходят, — мы уже banlieue**. Лучше всего известите телеграммой.

8

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
15-го ноября 1930 г.

Дорогая Раиса Николаевна! Ваша помощь — чудо: мы совсем погибали. Налоги: octroi*** и квартирный, газ, электричество, долг в лавку, плата за Сережино (школа кинематографич⟨еской⟩ техники) и Алино (Arts et Publicité)**** учение, — все это вырастало в гору и под этой горой была — я.

Теперь — свобода, ощущение небывалой легкости, все как по взмаху дирижерской палочки — или моцартовской (Zauberflöte)*****. Самые вопиющие долговые гло́тки — заткнуты.

Чем — когда — Вам воздам??

— Так странно все сошлось: перед письмом Г⟨оспо⟩жи Крыловой[1], просившей заехать — письмо от Бориса, первое после нескольких месяцев молчания. О моем французском Мо́лодце (Gars), выписки из к⟨оторо⟩го я в конце лета посылала ему в письме. Всцью восхищен и — Боже, какая тоска по отъезду в каждой строке, из каждой строки.

...«Как еще сказать тебе о действии твоих столбцов и всей этой новости? Прими во внимание, что тут у нас свирепейшая проза, и я стараюсь, и мне не до преувеличений. Так вот, утрачивая чувство концов и начал в этом бесплотно-капканном времени...» и дальше: «Пишу и чувствую, что издалека ты, в особенности же мужчины (инициалы мужа и Св⟨ятополка⟩-Мирск⟨ого⟩ должны меня за этот замогильный тон презирать. Что же делать? Сейчас из-под Москвы от Б⟨ориса⟩ Н⟨иколаевича⟩ Б⟨угаева⟩ (Андр⟨ея⟩ Белого[2]) получено письмо как из Сахары в Сахару».

И еще:

— О себе не пишу не случайно. (NB! все письмо, кроме приведенных строк, о моем Мо́лодце.) Это — не тема, пока лучше не надо.

---

* Ключ в колодце *(фр.)*.
** Пригород *(фр.)*.
*** Городские налоги *(фр.)*.
**** Искусство и реклама *(фр.)*.
***** Волшебной флейты *(нем.)*.

Борис, Борис. За что ему, западнику всем строем (—лиры!) так расплачиваться за Россию: *приемную* страну.

Моя сестра из Москвы пишет: «П⟨астернак⟩ов видаю редко. Женя грустная и трудная»[3].

О себе. Летом к нам в Савойю приезжала переводчица Извольская, чудный человек, редкостный[4]. Я ее мало знала. Близко сошлись.

Это первый, нет—единственный человек, который помог мне в осуществлении, верней—в *овеществлении* Мо́лодца: подарила мне православную службу на франц⟨узском⟩ яз⟨ыке⟩,—ОТЫСКАЛА!—и, теперь, переписывает на машинке всю вещь—длинную—105 страниц. Если что выйдет—только благодаря ей. Забыла я Вам сказать, что она работает—без преувеличения—16 часов в сутки, иногда и 18. И вот, отрывая от *сна*—помогает мне двигать мою вещь.

С моим английским «Мо́лодцем» произошла странная вещь, а именно: ве ь переведена, а переводчик (Алек Броун, живет в Сербии)—скрылся, просто—канул—кстати с четырьмя иллюстрациями Н. Гончаровой, которые, в бытность свою в Париже, месяцев восемь ⟨а то и девять?⟩ назад, захватил с собой на показ лондонским издателям. С тех пор—ничего ни Гончаровой ни мне. (Брал *на неделю,* хотел взять все, слава Богу, Гончарова в последнюю минуту дала только четыре.)

Недавно писала Мирскому с просьбой воздействовать на странного переводчика. Писала и непосредственно последнему. Пока ответа нет. Мирский, присутствовавший при встрече, говорил, что перевод—чудесный.

Огромное спасибо за адрес издателя, как только Броун оживет—сооб у ему.

— Посылаю Вам первую главу своего франц⟨узского⟩ Мо́лодца, чтобы Вы приблизительно могли судить об общем тоне вещи. Кстати, журнал до сих пор—т. е. почти год прошел—не заплатил мне за нее ни копейки. А всего-то—200 фр⟨анков⟩![5]

Дорогая Раиса Николаевна, один вопрос, может быть нескромный: не по поручению ли Б⟨ориса⟩ Л⟨еонидовича⟩ то, что Вы мне послали с Г⟨оспо⟩жой Крыловой? Мне это необходимо знать, чтобы каким-нибудь образом выяснить одно темное место в его письме—и как-то отозваться[6]. Кстати, жалуется, бедный, что за последнее время, с тоски, все пишет за границу, отлично сознавая подозрительность такого поведения.—Чем не времена Николая I, когда не иначе выпускали за границу за 500 р⟨ублей⟩ серебром (паспорт)—чтобы меньше ездили, и все письма читали? Читали ли Вы, кстати, очень любопытную книгу—Мемуары Панаевой (гражданской жены Некрасова) в советском издании Academia. Там о цензуре—как будто вырезка из нас[7].

С большим горем слушала от Г⟨оспо⟩жи Крыловой подробности о несчастном случае с Вашим сыном. Но, не скрою, в связи с предстоящей (не дай Бог!) войной, о которой говорят все, шевельнулась мысль:

«а ведь, в случае чего — *не* возьмут!» Изнутри собственной материнской сущности.

Г⟨оспо⟩жа Крыло а говорила мне о трудности Вашего выбора: либо с мужем в Америку, либо с сыном в Лондоне. Как это ужасно. В таких случаях помогает только одно: СЛУХ. (Wer ist dein nächster? — Der Dich am notwendigsten braucht* — толкование ближнего на протестантском уроке Закона Божьего в моем детстве[8]. Видите — не забыла, хотя с этого уже больше двадцати лет прошло.) *Я* в жизни всегда выбирала *та́к*.

Еще раз спасибо за все. Напишите как понравились «Fiançailles»[9]. Я тогда совсем еще не знала франц⟨узского⟩ стихосложения, выяснилось в порядке работы, со второй главки уже правильные стихи. А это — как хотите — ритмическая проза или неправильные стихи.

Обнимаю Вас и жду весточки о всем.

МЦ.

Г⟨оспо⟩жа Крылова показывала мне чудные виды Кембриджа. Пошлите такую стопочку Б⟨орису⟩ Л⟨еонидовичу⟩ — он будет счастлив: Англия его детская любовь.

9

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
29-го ноября 1930 г.

Дорогая Раиса Николаевна! Пишу Вам в 6 ч. утра, в темноте, то есть при свете, — сейчас везу Мура в город, в детскую клинику, на показ врачу — жесточайший бронхит, который у него, по примеру прошлых лет, затягивается обычно до весны. Коварный неопределенный здешний климат.

Вернувшись напишу Вам по-настоящему. Пока же: самое горячее — и смущенное — спасибо за присланное[1]. Это меня *растравляет*, именно от Вас я бы не хотела ничего, именно потому, что Вы *так* относитесь.

Сейчас иду будить — и одевать — и кормить — и увозить Мура. Для него поездка на метро — счастье. Нынче же постараюсь найти какую-нибудь его похожую карточку из Савойи. Обнимаю Вас. До письма!

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Как страшно по утрам воют фабричные трубы!

10

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
4-го дек⟨абря⟩ 1930 г.

Дорогая Раиса Николаевна!

У нас первые морозные дни, совпавшие с первыми рождественскими витринами. Нынче я целый день провела в Париже, в погоне — угадайте

---

* Кто твой ближний? — Кому ты нужнее всего *(нем.)*.

за чем? — частью центрального отопления, а именно ручки для протрясания пепла, без которой надо ежечасно печь выгребать руками, что я уже и делаю целый месяц. Ручка эта, оказывается, называется *ключом* (хотя ничего не открывает), а ключа этого нигде нету. Вот я и пропутешествовала из одного «Grand magasin» в другой, с тем же припевом.

Но дело не в этом — пóходя увидела предрождественский Париж, а главное, в перерыве между 12 ч. и 2 ч., когда все завтракают, побродила по знаменитым «quais»* с их книжными ларями. Продавцы обдували и обметали особенно ценные книги, или просто дули себе на руки от мороза. Чего только в этих ларях нет: и какая-то ржавчина, бывшая оружием, и сомнительные миниатюры, и несомненно-поддельные подписи великих людей, и несомненно-достоверный хлам, которому имени (и применения) нету! За 2 ч., которые я там прогуляла, дожидаясь открытия печных лавок, никто ничего не купил. Эти продавцы, неизбежно — философы.

Были чудные гравюры: какие-то девушки с овечками, и Дианы с ланями, и старый Париж — и старый Лондон. Унесла их всех мысленно с собой, даже не их, а их время — когда они были последним словом новизны и даже моды. (Тогда они были хуже.)

А последнее слово парижской моды: гвозди, по которым надо переходить перекрестки. С 1-го января — за неповиновение — штраф. Шофёры ругаются, пешеходы ругаются, полицейские ругаются. Вспоминаю спокойные лондонские обычаи, — в Лондоне я совсем не боялась машин. Память у меня о Лондоне — была раз в жизни, 5 лет назад — самая волшебная: король, туман, студенты с факелами, река идущая вспять, мохнатые собаки в Hyde Park'e...[1]

Жизнь идет. Мои учатся, только Мур дома, в обычной простуде. Сдала стихи к Маяковскому, когда выйдут (в декабрьском № Воли России) вышлю. О Числах помню. Они у меня даром выпросили 5 автографов для вклейки в 1 тысячефр⟨анковые⟩ (!!!) нумера, посмотрим, дадут ли даром две книги[2]. Пошла на хитрость, играя на их славолюбии: дескать для отправки, с оказией, в Сов⟨етскую⟩ Россию. А пойдут в Оксфорд![3]

Сейчас надо бежать в аптеку за лекарством Муру, через четверть часа закрывается.

Пойдите, если не были, на *потрясающий* фильм по роману Ремарка: «На Западном фронте без перемен». Американский. Гениальный[4]. Знаю, что в Лондоне уже давно идет.

Обнимаю Вас, спасибо за все, скоро вышлю русского Мóлодца. Пишите о себе и здоровье Чуба[5].

МЦ.

P. S. Забыла добавить, что ключ от печки все-таки нашла. Теперь буду беречь «пуще ока».

Мой Броун молчит упорно: думаю, что потерял иллюстрации Гончаровой.

---

* Набережным *(фр.)*.

11

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
8-го декабря 1930 г.

Дорогая Раиса Николаевна! Представьте себе: мой Броун — нашелся! И, представьте себе: один его издатель прогорел, а другой обокраден своим компаньоном, после чего уединился в деревню — со всеми рукописями и иллюстрациями. Там его навестил Броун — который сейчас в Норфольке — и, посочувствовав, извлек у него свой перевод и гончаровские картинки. Броун утешает, что через годик-другой...

И — мысль: нет ли у Юрия Владимировича знакомого издательства в Америке? Американцы, когда платят, чудесно платят (NB! не всегда платят, особенно если это русские американцы).

Не может быть, чтобы *все* американские из⟨дательст⟩ва прогорели?!

В книге сто с чем-то страниц текста (стихотворного) и 16 отдельных иллюстраций, не считая заставок и концовок. Мирский (знаток) броуновским переводом *очень* доволен, говорит: замечательно.

Нынче *своего* Мóлодца (французского) несу к пастернаковскому другу, писателю Шарлю Вильдраку, пьеса которого на днях пойдет в Comédie Française[1].

Как будто — все козыри: Гончарова сейчас (декорации к «Petite Catherine»[2] ГРЕМИТ, Вильдрак (предстоящая постановка в Comédie) ГРЕМИТ, — на таких двух выездных конях — ужели мне не выехать?? Меня французы не знают, но это ничего.

У нас опять дивная погода: весна. Солнце, сквозь окна, жжет. Как иногда хочется, бросив всё (рукопись Мóлодца, штопку чулок, варку бараньей головы (сегодня, например!) — СТРАШНОЙ — С ЗУБА-АМИ! — С ГЛАЗА-АМИ!!!) бросив всё с утра поехать в Версаль, который от нас — рядом.

Жизнь, это то место, гдѐ ничего нельзя[3].

Читаю сейчас жизнь Кромвеля. Человека этого ненавижу[4].

Просыпается Мур от дневного сна. Бегу будить.

Целую

МЦ.

Пишите про сына. Как, должно быть, нестерпимо ему так долго лежать!

— Что Вы думаете про *американского* Мóлодца?

12

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
10-го февраля 1931 г., вторник

Дорогая Раиса Николаевна! Большая прореха — пробел — пробоина моей жизни — отсутствие женской дружбы: женского друга. И если бы мне сейчас дали на выбор мужскую или женскую, я бы в первом (крепчайшем) сне ответила бы: женскую.

Вот какой-то мой первый ответ на Ваши подснежники (точно Вы мне их подарили, да и подарили: я тот кто за тысячи верст (и *только*

на таком отстоянии) и за сотни лет ду́ши — присваиваю). Но на этот раз, после по крайней мере — десятилетней — засухи, я бы хотела дружить воочию, заживо, проще: чтобы Вы вдруг в комнату — вошли, или, что́ еще лучше, чтобы я из комнаты — вдруг — навстречу к Вам — вышла. Могу сказать, что жизнь свою я прожила как в Царствии Небесном[1] — или по памяти — без всяких доказательств, что это — на земле, что земным теплом, живым теплом — таким коротким! — не воспользовалась.

Меня мало любили, ко мне шли с иным — за иным — с детства и по сей день. Мать мною восхищалась, *любила* она мою младшую сестру. (Людям *в голову* не приходило, что можно (нужно) меня любить!) Очевидно все это законно, во всяком случае это — мое, я, моя судьба. Это — о всей жизни. О данном же часе, т. е. последнем пятилетии в Париже: не по мне город и не по мне среда. Город — смены и мены: всего на всё, среда — остатки и останки — хотя бы Российской Державы!

Еще точнее: женщины: либо убитые (жены убитых, матери убитых) или просто убитые *бытом,* либо перекраивающиеся на французский — парижский лад. «Домашние» и «светские», я ни то ни другое. Нет КРУГА для ДРУГА — да еще при моей замкнутой жизни.

...Вот почему меня как-то в сердце ударили Ваши подснежники.

С французским Мо́лодцем пока ничего не вышло. Читают, восхищаются, — издать? невозможно: крах. Не умею я устраивать своих дел: крах — верю на слово и сраженная выразительностью звука (*крах!* точно шкаф треснул) — умолкаю. Рукопись с удовольствием пришлю: отпечатана на машинке, чистая, — но м. б. Вы не о моем (французском) переводе говорите, а о броуновском (англ‹ийском›)? От Броуна вчера письмо, он сейчас в Англии — и *своего* (английского) Мо́лодца не устроил. Св‹ятополк-›Мирский по-моему ничего не хочет предпринять, когда-то он безумно любил мои стихи, теперь остыл совершенно — как и к само́й мне: не ссорились, просто — прошло.

Итак, дорогая Раиса Николаевна, буду ждать Вашего ответа: о каком — французск‹ом› или англ‹ийском› — моем или броуновском Мо́лодце — речь? Если об английском напишу Броуну с просьбой прислать Вам. (Иллюстрации — *одни.*)

Радуюсь за Вас, что Ю‹рий› В‹ладимирович› не уехал, что вы все вместе, что сыну лучше. У моего мужа тоже болезнь печени — с 18 лет: полжизни — изводящая вещь.

В другом письме, расскажу Вам о детях и о всех своих делах. Нежно целую Вас, будьте все здоровы.

МЦ.

Посылаю стихи к Маяковскому из последнего № «Воли России».

‹*Приписка на полях:*›

Завтра должна познакомиться с Пильняком[2], я его писания средне люблю, — а Вы?

13

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
13-го февр⟨аля⟩ 1931 г.

Дорогая Раиса Николаевна! События бросают тень вперед — не знаю кем, может быть уже Гомером — сказано[1].

Итак: вечер у борисиного друга, франц⟨узского⟩ поэта Вильдрака. Пригласил «на Пильняка», который только что из Москвы[2]. Знакомимся, подсаживается.

Я: — А Борис? Здоровье?

П. — Совершенно здоров.

Я: — Ну, слава Богу!

П. — Он сейчас у меня живет, на Ямской.

Я: — С квартиры выселили?

П: — Нет, с женой разошелся, с Женей.

Я: — А мальчик?[3]

П: — Мальчик с ней.

Я: — А где это — Ямская? Тверскую-Ямскую я знаю.

(Пять минут топографии, речь переходит на заграницу.)

Я: — Почему Борису отказали?

П: — П. ч. он обращается именно туда, где *только* отказывают. Последние месяцы он очень хлопотал о выезде за границу Евгении (отчество забыла) и Женечки, но тут началась Зинаида Николаевна[4], и Женя наотрез отказалась ехать.

— С Борисом у нас вот уже (1923 г. — 1931 г.) — восемь лет тайный уговор: дожить друг до друга. Но Катастрофа встречи все оттягивалась, как гроза, которая где-то за горами. Изредка — перекаты грома, и опять ничего — живешь.

Поймите меня правильно: я, зная себя, наверное от своих к Борису бы не ушла, но если бы ушла — то только к нему. Вот *мое* отношение. Наша реальная встреча была бы прежде всего большим горем (я, моя семья — он, его семья, моя *жалость,* его *совесть*). Теперь ее вовсе не будет. Борис не с Женей, которую он встретил до меня, Борис без Жени и не со мной, *с другой, которая не я* — не *мой* Борис, просто — лучший русский поэт. Сразу отвожу руки.

Знаю, что будь я в Москве — или будь он за границей — что встреться он хоть раз — никакой З⟨инаиды⟩ Н⟨иколаевны⟩ бы не было и быть не могло бы, по громадному закону *родства по всему фронту:* СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ. Но — я здесь, а он там, и всё письма, и вместо рук — рукописи. Вот оно, то «Царствие Небесное» в котором я прожила жизнь. (То письмо Вам, как я это сейчас вижу, всё о Борисе: события которого я тогда не знала, но которое *было.)*[5]

Потерять — не имев.

О Жене будете думать Вы, которая ее знали. Знаю только, что они были очень несчастны друг с другом. «Женя печальная и трудная», так мне писала о ней сестра, с которой у нас одни глаза. Просто — не вынесла. «Разошлись». Может быть ушла — она. В данную минуту она на все той же Волхонке с сыном. Борис на пустой квартире у Пильняка. («Ямская»). Кончил Спекторского (поэма) и ОХРАННУЮ ГРАМОТУ (проза)[6]. — Дай ему Бог. — Главное, чтобы жил.

Живу. Последняя ставка на человека. Но остается работа и дети и пушкинское: «На свете счастья нет, но есть покой и *воля*»[7], которую Пушкин употребил как: «свобода», я же: воля к чему-нибудь: к той же работе. Словом, советское «Герой ТРУДА»[8]. У меня это в крови: и отец и мать были такими же. Долг—труд—ответственность—ничего для себя—и всё это *врожденное,* за тридевять земель от всяких революционных догматов, ибо—монархисты оба (отец был вхож к Царю).

Не знаю, напишу ли я Борису. Слишком велика над ним власть моего слова: голоса. «ТОЛЬКО ЖИВИТЕ!»—как мне когда-то сказал один еврей[9].

Еще пять лет назад у меня бы душа разорвалась, но пять лет—это столько дней, и каждый из них учил—все тому же, доказывал—все то же. Так и получилось Царствие Небесное—между сковородкой и тетрадкой.

О Д. П. С⟨вятополк-⟩М⟨ирском⟩ (правда, похоже на учреждение?)—«Дружить со мной нельзя, любить меня не можно»[10]—вот и окончилось намеренным равнодушием и насильственным забвением. Он меня в себе запер на семь замков—в свои наезды в Париж видит всех кроме меня, меня—случайно и всегда на людях. Когда-то любил (хочется взять в кавычки).

Я ему первая показала, т. е. довела до его сознания, что Темза в часы (отлива или прилива?) течет вспять, что это у меня не поэтический оборот:

РОКОТ ЦЫГАНСКИХ ТЕЛЕГ,
ВСПЯТЬ УБЕГАЮЩИХ РЕК—
РОКОТ...[11]

(Кстати с этих стихов Борис меня и полюбил. Стихи еще 16 года, но прочел он их уже после моего, боюсь навечного, отъезда за границу, в 1922 г. Помню первое письмо—и свое первое—)[12].

Три недели бродили с ним по Лондону, он всё хотел в музей, а я—на рынок, на мост, *под* мост. Выходило—учила его жизни. И заставила его разориться на три чудных голубых (одна бежевая) рубашки, которые он мне, по дикой скаредности *на себя,* до сих пор не простил—нои не износил. Бориса он тогда так же исступленно любил, как меня, но Борис—мужчина, и за тридевять земель—и это не прошло.

А разошлись мы с ним из-за обожаемой им и ненавидимой мной мертворожденной прозы Мандельштама—«ШУМ ВРЕМЕНИ», где живы только предметы, где что ни живой—то вещь[13].

Так и кончилось.

Нынче же пишу Алеку Броуну. Вот его адрес:
Fressingfield
nr Diss
Norfolk
Alec Brown[14]

Если—потом когда-нибудь—нужны будут иллюстрации Гончаровой вышлем их *Вам.* А есть ли у Вас мой Мо́лодец? Посылаю на авось, м. б. еще что-нибудь найдется, у меня почти нет своих книг[15].

Пишу под огромный снег, недолетающий и тающий.
СИЛА ЖИЗНИ. Будем учиться у подснежников.
Обнимаю Вас

МЦ.

Перешлите, пожалуйста, милая Раиса Николаевна, прилагаемую записку Броуну — в своем письме.

14

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
6-го марта 1931 г.

Дорогая Раиса Николаевна! Столько Вам нужно рассказать и сказать, но начну с самого тяжелого: мы совершенно погибаем.

Люди, которые нам помогали пять лет подряд, неожиданно перестали: м. б. — устали, м. б. действительно не могут[1]. С чешской стипендией (350 фр⟨анков⟩ в мес^яц^) то же: с января (нынче март) ничего. Мы должны кругом: и в лавку, и угольщику, и всем знакомым, живем в грозе газа и электричества и, *главное,* терма. Отпавшие деньги шли на квартиру. Они — отпали, их *нет,* платить нечем. Срок 1-го апреля, потом еще пять дней отсрочки. Денег нет ни на что, едим тó что отпускают в долг в лавке, в город ездить нé на что, едет либо С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ либо Аля, завтра не поедет никто, эти деньги на марку — последние.

Пыталась с Перекопом. Три попытки — три отказа. («Числа», «Воля России», «Современные Записки». Последние, устами редактора Руднева — последнего городского головы Москвы: «У нас поэзия, так сказать, на задворках. Вы нам что-нибудь лирическое дайте, коротенькое, строк на 16» (т. е. франков на 16)). С франц⟨узским⟩ Мóлодцем — ничего. Читала — порознь — четырем поэтам. Восхищение — поздравления — и никто пальцем не двинул[2]. Свели меня (на блинах) с одним из редакторов Nouvelle Revue Française?[3] к⟨отор⟩ый женат на моей школьной товарке Чалпановой[4]. Тип французского коммуниста, советофил. Слушал — слушал — и: «В стихах я ничего не смыслю, я заведую отделом статей по такому-то вопросу. Но — при случае скажу. — Приносите, только будьте готовы к отказу. Кроме того, денег у нас всё равно нет».

Весь последний месяц билась с этими двумя вещами. Безнадежно. То — «издательский кризис», то — «вещь нова» (это — о франц⟨узском⟩ Мóлодце). Перекоп же просто никому не нужен. И не скрывают.

Дальше. Начинается у нас Новая литер⟨атурная⟩ газета. Приглашают. Чтó угодно — только непременно в 1 №[5]. Пишу статью о новой русской детской литер⟨атуре⟩. Сравниваю с дошкольными книжками *моего* детства — и с местным производством. Всё на цитатах. О реализме и фантастике. О фантастике почвенной (народной) и фантастике-ахинее: *тамбовских* эльфах. 200 строк — 100 фр⟨анков⟩. Радуюсь. И — отказ. И в России-де есть плохие детские книжки (агитка). Кроме того он, редактор, очень любил *фей.*

Провалились и эти сто.

Словом — БЬЮСЬ. Бьется и С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ со своей кинемат⟨ографической⟩ школой, бьется и Аля со своим рисованьем (на конкурсе иллюстраций — вторая, — «поздравляли») и вязаньем —

50 фр⟨анков⟩ ручной дамский свитер с рисунком. Весь дом работает — и ничего. Писала ли я Вам, что у меня от общего истощения (была в клинике у хорошего проф⟨ессора⟩) вылезло полброви, прописал мышьяк и массаж, — вот уже месяц как была: не растет, так и хожу с полутора.

Ждать неоткуда. Через три недели терм. Удушены долгами, утром в лавку — мýка. Курю, как в Сов⟨етской⟩ России, в допайковые годы (паёк мне дали одной из первых, потому что у меня от голоду умер ребенок[6]) курю окурковый табак — полная коробка окурков, хранила про черный день и дождалась. С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ *безумно* кашляет, сил нет слушать, иду в аптеку. — Есть ли у вас какой-нибудь недорогой сироп? Франков за пять? — Нет, таких вообще нет, — самый дешевый 8 фр⟨анков⟩ 50 с⟨антимов⟩, вернете бутылку — 50 с⟨антимов⟩ обратно. — Тогда дайте мне на 1 фр⟨анк⟩ горчичной муки.

Иду, плачу — не от унижения, а от кашля, который буду слышать всю ночь. И от сознания *неправедности* жизни.

Так живу. Ныне на последние деньги марку и хлеб. Фунт. Уже съели. (Я и в России не умела беречь — когда фунт.)

И вот просьба. Ведь через 6—8 мес⟨яцев⟩ С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ *наверное* будет зарабатывать (кинооператор). Но — чтобы как-нибудь дотянуть — м. б. Вы бы рассказали о моем положении нескольким человекам, чтобы каждый что-нибудь ежемесячно давал (так мне помогали те, которые отпали). Именно ежемесячно, чтобы знать. Вроде стипендии. Нам четверым на жизнь нужно тысячу франков, — если бы четыре человека по 250 фр⟨анков⟩!

Просила еще в одном месте — тоже женщину — большого друга поэта Рильке, о котором я столько писала, но не знаю, пока молчит[7]. Чувство, что все места (в сердцах и в жизни) — уже заняты. На столбцах — наверное.

Встретилась еще раз с Пильняком. Был очень добр ко мне: попросила 10 фр⟨анков⟩ — дал сто. Уплатила за прежний уголь (48 фр⟨анков⟩ и этим получила возможность очередного кредита. На оставшиеся 50 фр⟨анков⟩ жили и ездили 4 дня.

А *не* ездить — С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ и Аля учатся — нельзя, а каждая поездка (поезд и метро) около 5 фр⟨анков⟩.

Б. Пильняк рассказывал о Борисе: счастлив один, пишет, живет в его, Пильняка, квартире — особнячок на окраине Москвы — про ту женщину знает мало (NB! я *не* спрашивала), видел ее раз с Борисом, Борис отвел его, Пильняка, в сторону и сказал: «Обещай, что не будешь подымать на нее глаз». — «Я-то не буду, да она *сама подымает!*» (Это Пильняк — мне). Бедный Борис, боюсь — очередная Елена (Сестра моя Жизнь)[8].

Читала чудные стихи Бориса «СМЕРТЬ ПОЭТА»[9] — о Маяковском, совсем простые, в гостях, не успела переписать, если достану перепишу и пришлю Вам.

В другом письме напишу Вам о замечательном вечере Игоря Северянина, который (т. е. билет на который) мне подарили.
Впервые за 9 лет эмиграции видела — поэта[10].
Обнимаю Вас

МЦ.

Дошел ли русский Мо́лодец?[11]
〈*Приписка Р. Н. Ломоносовой:*〉
Это письмо верните мне, пожалуйста. Р. Л.[12]

15

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
11-го марта 1931 г.

Дорогая Раиса Николаевна, вчера вечером одно письмо, нынче утром другое. Всё получила, спасибо от всего сердца за себя и за своих. Вчера — двойная радость: Ваше письмо и поздно вечером возвращение С〈ергея〉 Я〈ковлевича〉 с кинематогр〈афического〉 экзамена — выдержал. Готовился он исступленно, а оказалось — легче легкого. По окончании этой школы (Pathé) ему открыты все пути, ибо к счастью связи — есть. Кроме того, он сейчас за рубежом лучший знаток советского кинематографа, у нас *вся* литература, — присылают друзья из России. А журнальный — статейный — навык у него есть: в Праге он затеял журнал «Своими путями»[1] (который, кстати, *первый* в эмиграции стал перепечатывать советскую литературу, после него — *все*. А сначала — как ругали! «Куплен большевиками» и т. д.), в Париже редактировал «ВЕРСТЫ»[2] и затем газету Евразию, в которой постоянно писал[3]. Пришлю Вам № «Новой Газеты» с его статьей, выйдет 15-го[4], — увидите и, если понравится, м. б. дорогая Раиса Николаевна, поможете ему как-нибудь проникнуть в английскую прессу. Тема (Сов〈етский〉 Кинемат〈ограф〉) *нова:* из русских никто не решается, а иностранцы не могут быть так полно осведомлены из-за незнания языка и малочисленности переводов. Повторяю, у С〈ергея〉 Я〈ковлевича〉 на руках *весь* материал, он месяцами ничего другого не читает. Другая статья его принята в сербский журнал[5] (но увы вознаграждение нищенское). Может писать: о теории кинематографии вообще, о теории монтажа, различных течениях в Сов〈етской〉 Кинематографии, — о ВСЕМ ЧТО КАСАЕТСЯ СОВЕТСКОГО и, вообще, кинематографа.

Но связей в иностранной прессе (кроме Сербии) у нас пока нет.

В эту его деятельность (писательскую) я тверже верю, чем в кинооператорство: он отродясь больной человек, сын немолодых и безумно-измученных родителей (когда-нибудь расскажу трагедию их семьи)[6], в 16 лет был туберкулез, (в 17 л〈ет〉 встреча со мной, могу сказать — его *спасшая),* — болезнь печени — война — добровольчество — второй взрыв туберкулеза (Галлиполи) — Чехия, нищета, студенчество, наконец Париж и исступленная (он *исступленный* работник!) работа по Евразийству и редакторству — в прошлом году новый взрыв туберкулеза. В постоянную непрерывную его работу в к〈инематогра〉фе верить трудно — работа трудная, в физически-трудных условиях. Подрабатывать ею — *может.*

Главное же русло, по которому я его направляю — конечно писательское. Он может стать одним из лучших теоретиков. И идеи, и интерес, и навык. В Чехии он много писал чисто-литер⟨атурных⟩ вещей, некоторые были напечатаны. Хорошие вещи[7]. Будь он в России — непременно был бы писателем. Прозаику (и человеку *его* склада, сильно общественного и идейного) нужен *круг* и *почва*: то́, чего здесь нет и не может быть.

Я — другое, меня всю жизнь укоряют в *безыдейности,* а советская критика даже в беспочвенности. Первый укор принимаю: ибо у меня взамен МИРОВОЗЗРЕНИЯ — МИРООЩУЩЕНИЕ (NB! очень твердое). Беспочвенность? Если иметь в виду *землю,* почву, родину — на это отвечают мои книги. Если же *класс,* и, если хотите, даже пол — *да,* не принадлежу ни к какому классу, ни к какой партии, ни к какой литер⟨атурной⟩ группе НИКОГДА. Помню даже афишу такую на заборах Москвы 1920 г. ВЕЧЕР ВСЕХ ПОЭТОВ. АКМЕИСТЫ — ТАКИЕ-ТО, НЕО-АКМЕИСТЫ — ТАКИЕ-ТО, ИМАЖИНИСТЫ — ТАКИЕ-ТО, ИСТЫ-ИСТЫ-ИСТЫ — и, в самом конце, *под пустотой:*

— и —

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

(вроде как — голая!)

Так было так будет. Что я люблю? Жизнь. Всё. Всё — везде, м. б. всё то же одно — везде.

Из-за приветствия Маяковского на страницах Евразии (два года назад) меня прогоняют из Последн⟨их⟩ Новостей (Милюков: «Она приветствовала представителя власти»[8], NB! М⟨аяков⟩ский даже не был коммунист, его *не пускали* в пролетарские поэты!), из-за поэмы Перекоп (добровольчество), к⟨отор⟩ую, продержав 2 года в ящике и — вынужденная необходимостью — я может быть, если примут, помещу в правом (где *ничего* в стихах не смыслят) еженедельнике «Россия и Славянство», за поэму Перекоп меня может быть прогонят из единств⟨енного⟩ журнала, где сотрудничаю вот уже 9 лет, с России, — из «Воли России» (левые эсеры). Но Перекоп-то они *не* взяли! (Bête noire* Добровольчество!) и Совр⟨еменные⟩ Записки, и Числа не взяли, — куда же мне с ним деваться?! Работала 7 месяцев, держала в столе 2 года, жить не на что, *вещь люблю* и хочу, чтобы она появилась.

Из-за *моего* интервью (т. е. приехала сотрудница и расспрашивала, я — отвечала, пошлю) в Возрождении (правые)[9], С⟨ергею⟩ Я⟨ковлевичу⟩ отказали в сотрудничестве в одном более или менее *левом* издании. Это было третьего дня. Раз я его жена — и т. д. Словом, дела семейные!

Простите за такую подробную отпись, если скучно читать — представьте себе, что это — через 100 лет — мемуары. (Я и на собственные беды так смотрю!)

О Мо́лодце. Простая русская сказка: как девушка полюбила мо́лодца, а мо́лодец оказался упырем — и загубил всю семью — и ее самоё. А потом — едет барин, видит цветок — и т. д.

Остов сказки — народный, я очень мало что изменила.

---

* Пугало *(фр.).*

А гости (м. б. они вам показались большевиками?) простые бесы, которые приехали, чтобы нагадить. Пользуясь слабостью барина, вынуждают его везти ее («барыню» — Марусю!) в церковь, а в церкви — *он*, Мóлодец! который до последней секунды остерегает ее: Не гляди! НЕ ХОЧЕТ ГУБИТЬ.

Короче: РОК, где нет виновных.

Если увидимся, покажу Вам эту сказку в подлиннике, она у меня со мной[10].

О Борисе. Борис — влюбляется. (Всю жизнь!) И влюбляется — по-мужски. По-пушкински. В Женю он никогда влюблен не был. Был влюблен — в Елену (катастрофа)[11] — и в многих других (только — полегче!) нынче — в ту, *эту*. Катастрофа неминуема, ибо девушка *глазастая*. И Борис *уже* боится: *уже* проиграл.

(Знаете ли Вы *мою* «Попытку Ревности»?[12] И есть ли у Вас моя книга «После России»? Если нет — пришлю.)

Пора кормить своих, обрываю. Благодарю бесконечно, страшно смущена, тронута, растравлена. Ради Бога — не шлите больше ничего, а то я буду окончательно уничтожена.

Обнимаю

МЦ.

16

Дорогая Раиса Николаевна!

Простите, что не поблагодарила сразу — все дни уходили на спешную правку и переписку поэмы Перекоп, о которой и будет всё следующее письмо — на днях. (То есть: печатать или нет?)

Большое письмо от Бориса, — и о нем напишу. В общих чертах — всё равно. Радоваться за него — рано. Я написала ему большое письмо, которое так и не отослала.

Еще раз — от души спасибо. Живу в смуте — из-за дилеммы (поэмы) Перекоп.

До скорого большого письма. Обнимаю Вас

МЦ.

Meudon (S. et O.) 2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc, 22-го м⟨арта 1931 г.⟩

17

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
31-го марта 1931 г.

Дорогая Раиса Николаевна! Попытка настоящего письма, хотя с головой, разбитой суетою бытового дня. Не взыщите, у меня как у немцев — лучшая голова — утренняя.

Во-первых — Ваша болезнь. Сердце — лютая вещь и — надежная вещь. Лютая — при малейшем перебое — земля из-под ног: состояние землетрясения, с той разницей, что оно — внутри. Надежная ибо держит больше чем обещает и может больше чем может. Я сердце (орган) люблю как можно любить человека: с восхищением и с благодарностью. Сердце — герой.

А Сиротинин[1] врал, т. е. не учел *чудесности* органа. Здесь врач знает меньше чем поэт.

У меня, например, сердце — шалое. Мо у — галопом — полверсты в гору и *не могу* — полное обмирание, до дурноты — при первом повороте автомобиля. На местной, очень веселой карусели, с отделяющимся постепенно сиденьем, чуть не умерла. *Не могу* лифта (*всегда* пешком). Воображение? Нет. Не воображают же другие! И не воображаю же в поезде. *Не могу* — дурнота — когда другой с высоты, о себе уже не говорю: через ж⟨елезно-⟩д⟨орожный⟩ мост, где в прогалы видны рельсы, прохожу сжав зубы. Могу всё, что пешком, и на земле, нога на земле. И не *я* мо у или не могу, а — сердце.

От *мысли* о Вашей автомобильной поездке через всю Европу — физически — обмираю.

Нет, лучше где-нибудь нá море или в горах, в тишине. Со своими, без чужих. С какой-нибудь *одной* книгой на все лето. Такая у меня была прошлым летом — знаете ли? — Sigrid Undset — три части: Der Kranz — Die Frau — Das Kreuz*[2]. Всего около 2000 стр⟨аниц⟩ и — ни одной лишней строки. Норвежский эпос — и женский эпос. Вся страна и вся судьба. Кажется за нее именно получила нобелевскую премию. Наверное переведена на английский, я читала по-немецки, тáк всё лето и прожила — в Норвегии.

— Кто с Вами целые дни — раз лежите? Чуб работает, Ю⟨рий⟩ В⟨ладимирович⟩ наверное тоже занят. Есть ли у Вас в Лондоне близкие друзья? Тоскливо — когда сердце!

А вот вещь которая Вас обрадует и с которой может быть и следовало начать: вчера чек на 25 долл⟨аров⟩ от Вашего Тихвинского. Правда — удивительно? Факт отдачи удивителен, независимо от человека. Просит прислать две расписки, одну Вам, одну ему. Вашу — прилагаю[3]. С несказанной благодарностью. Теперь сразу смогу внести за Алину школу, и еще останется. Терм, благодаря Вам, будет завтра выплачен целиком. А теперь и с Алиной школой устроено! Не примите за сухость, но просто: *слов нет.*

Аля получила первый приз на конкурсе иллюстрации. Теперь сама гравирует свою вещь (в первый раз). Если удастся, пришлю Вам оттиск. Результат конкурса — бесплатное обучение гравюре (в этой школе за каждый курс отдельно).

Написала нынче Борису. Вспоминала, как и *я* хотела уйти (6 лет назад)[4]. Выбор был между *язвой* (если уйду от С⟨ергея⟩) и раной (если уйду от другого). Выбрала чистое: рану. Я *своим* счастьем жить не могу, никогда с ним не считалась, просто на него глубокó, отродясь *неспособна.* Прошу Б⟨ориса⟩ только об одном — жить.

А Вас, дорогая и милая и близкая и далекая, незнакомородная Раиса Николаевна — выздоравливать, то есть: *верить в сердце.*

О своем злосчастном Перекопе в другой раз. И об очередном *большом* огорчении — одном отъезде[5].

Обнимаю и бесконечно благодарю. Всё получила.

М.

⟨*Приписки на полях:*⟩

У нас после жаркой весны — ледяные ветра, но с дивной синевой, точно на океане.

Скоро пришлю Вам карточку Мура, нынче снимали. И напишу Вам о нем.

---

* Вся вещь, по-немецки: Kristin, Laurinstochter *(примеч. М. Цветаевой).*

18

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
12-го апреля, первый день Пасхи 〈1931〉

Христос Воскресе, дорогая Раиса Николаевна!

Какой ужас с сыном![1] Если *я* до сих пор не могу опомниться – каково Вам? Слава Богу, что не дали беде ходу, вмешались и пресекли сразу. В таких случаях обыкновенно ждут утра, а когда утро приходит оказывается, что именно утра не нужно было ждать. (Почему *беда* так любит ночь?)

Дай Вам Бог – нынче Пасха, лучший день в году и *все* добрые пожелания должны сбыться! – Дай Вам Бог скорее и вернее успокоиться, для Вас дело не в Вас, мать лично неуязвима, – только через сына – дай Бог Вашему скорой и верной поправки. М. б. лучше, что так разом прорвало, а то бы с медленным процессом внутри, тянулось бы и тянулось, теперь чувство, что внутри – чисто.

(Виноват ли в происшедшем врач, оперировавший в первый раз? Его ли недосмотр, или развилось самостоятельно?)

Часто-часто среди дня укол в сердце – мысль о Вас и Вашем сыне.

Напишите скорей, хотя бы два слова, о дальнейшем ходе болезни – если найдете минутку.

Вчера Мур впервые был с нами у заутрени – 6 лет, пора – впервые видел такую позднюю ночь, стояли на воле, церковка была переполнена, не было ветра, свечи горели ровно, – в руках и в траве, – прихожане устроили иллюминацию в стаканах из-под горчицы, очень красиво – сияющие узоры в траве.

Нынче блаженный день, весь его провели в лесу, уйдя от могущих быть визитеров.

Жду весточки, обнимаю, люблю, болею. Дай Бог!

МЦ.

Письмо залежалось, были проводы двух друзей, – Кн〈язя〉 С. Волконского на Ривьеру (болен, в Париже жить запрещено) и Е. Извольской – в Японию[2].

Но все-таки посылаю, чтобы не думали, что о Вас не думала.

19

Дорогая Раиса Николаевна,

Не пишу потому что боюсь тревожить, а вместе с тем так хочется знать о Вас и о сыне.

Нынче очередной взнос от Тихвинского, просит выслать Вам расписку, прилагаю[1].

Напишите хоть словечко!

Обнимаю Вас.

МЦ.

Много есть о чем рассказать, но не решаюсь занимать собой.

Вот когда Чуб поправится!

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
10-го мая 1931 г.

20

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
17-го июня 1931 г.

Дорогая Раиса Николаевна! Давно не писала Вам, и Вы давно не писали. Будем надеяться: pas de nouvelles — bonnes nouvelles*.

Причина моего неписания: мой ежегодний вечер[1] со всем предшествующим и последующим: сначала просьбами о размещении билетов, (потом?) благодарностями за размещенные. Вечер — душевно — был необычайно-удачным: решила провести его одна, без других участников, так сказать — всухую, и вышло лучше чем когда-либо. (Раньше у меня играли, пели, даже танцевали, и публика, которую я же хотела развлечь, всегда укоряла.)

Читала прозу — История одного посвящения, которая пойдет в Воле России[2] и которую пришлю Вам — второе отделение стихи. Была в первый раз за все свои вечера (пять или шесть) не в черном, так как моя приятельница Извольская уезжая подарила мне распоротое девическое платье своей матери (— жены посла, рожденной баронессы Толль[3], — для современников «Nini» — «le sourire de l'ambassade»** —) платье *50* лет (если не 55) пролежавшее в сундуке — чудного шелка и цвета: *чисто*-красного. Так как цвет сам по себе был восхитителен, я решила не ⟨красить⟩*** портить ради одного вечера, отдав в краску, и шить как есть. Оказалось, что я в нем «красавица», что цвет выбран (!) необ чайно удачно и т. д. — Это мое первое собственное (т. е. шитое на меня) платье за шесть лет.

Вечер дал мало, хотя народу было полный зал, но всё дешевые билеты, ибо любящие — не имеют, имеющие — не любят. Кроме того многие разорились. Так что уехать на лето не придется. Но обеспечена уплата квартирного налога. Кроме того, лето пока не жаркое, и мы все-таки за́ городом. Хуже с квартирой. Полоумная хозяйка затеяла переделку: вроде Метаморфоз Овидия: из кухни — ванную, из ванной — кухню, и повышает за это годовую плату за 1200 фр⟨анков⟩. Мы даем 500, если не согласится придется съезжать, т. е. все лето (съезжать надо 1-го октября) искать.

Ненавижу квартирные переезды, выбивающие из рабочей колеи на недели по крайней мере.

Была два раза на Колониальной выставке[4], лучшее — негры, из стран — Конго, т. е. их жилища и искусство. Портит выставку множество ресторанов и граммофонов с отнюдь не колониальной музыкой, а самыми обыкновенными тенорами и баритонами.

Но, если в синий день, в полдень (когда все завтракают, т. е. отсутствуют) да еще среди чудных гигантских благожелательных негров — можно почувствовать себя действительно за тридевять земель и морей.

---

* Отсутствие новостей — хорошие новости *(фр.)*.
** Улыбка посольства *(фр.)*.
*** В рукописи зачеркнуто.

Пишите, дорогая Раиса Николаевна, о сыне; — надеюсь выздоровлении — о лете, планах и достоверностях.

От Бориса давно ничего, да и я не пишу. Может быть что-нибудь знаете от Жени?[5]

Дорогая Раиса Николаевна, большая просьба: выходит отдельным изданием моя поэма «Крысолов», по подписке. Не найдется ли среди Ваших знакомых несколько подписчиков? Подписные бланки посылаю отдельно, а вот, пока, один на показ[6].

Обнимаю Вас и жду весточки.

МЦ.

21

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
29-го авг⟨уста⟩ 1931 г.

Дорогая Раиса Николаевна,

Давно-давно Вам не писала — и Вы мне. Всё мое лето прошло в отъездах и сборах: С⟨ергея⟩ Я⟨ковлевича⟩ в Савойю и Али в Бретань[1]. Оба по приглашению и — казалось бы — просто, но нужно было доставать удешевленные проезды — и деньги на эти проезды, проезды не приходили и деньги проедались. Наконец уехал (и уже вернулся, — приглашали на две недели) С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ и теперь уехала Аля.

Кроме сборов и проводов — ремонт квартиры, т. е. насильственная переделка ванной в кухню и кухни в ванную (плод лихорадочной фантазии хозяйки), от которой мы ничего не выиграли, кроме 1) месяца безванния (старую унесли, а новую не поставили) 2) недельной уборки после ремонта (по всей квартире известка толщиной в три пальца) 3) надбавки 100 фр⟨анков⟩ в месяц, т. е. 300 фр⟨анков⟩ в терм, т. е. 1200 фр⟨анков⟩ в год. — А переехать в другую квартиру не смогли, ибо нужно было бы сразу ⟨внести⟩* выложить эту тысячу, даже больше: сам переезд и залог значат около полутора. Пришлось согласиться на ремонт.

Третье занятие этого лета: собственноручное шитье Муру штанов, — не смеюсь, честное слово, что три пары отняли у меня около месяца, причем шила каждую свободную минуту, и в лесу и дома, и ни одной строки не написала.

Ему шесть лет, на вид и вес — десять русских и 14 французских, готового ничего найти нельзя, ибо всё на один очень узкий манекен. Портнихи отказываются, наконец нашла одну, заплатила за 2 пары 30 фр⟨анков⟩ и всё пришлось распороть, ибо с первого разу треснули по шву, хотя мерили (и для этого ездили в Париж и теряли по полдня, не говоря уже о франках) четыре раза. Эти-то штаны и перекраивала и перешивала целый месяц. Мое главное горе: полнейшее отсутствие КОНСТРУКТИВИЗМА, из-за него-то (т. е. отсутствия его) и крою («конструирую») собственноручно Муру штаны. Причем Мур вовсе

---

* В рукописи зачеркнуто.

не какой-нибудь феномен — просто большой и толстый мальчик, вполне пропорциональный и даже хорошо-сложенный. Портних пугает непривычность размеров.

Так прошло лето, ибо — прошло. С мая по нынешнее 29-ое августа 2 недели хорошей погоды, остальное — ливни, грозы, холода, туманы, вторая парижская зима. Летних платьев совсем не носили. Но лес — всё лес, люблю его всяким, и зелень — всё зелень, хотя и под дождем. Теперь начались грибы, это большое подспорье, помимо той несравненной радости: найти белый гриб! Берем (NB! так мужики говорят: брать — грибы, ягоды) берем и ежевику. Насколько лес *добрее* моря, в котором только жесткие и колючие крабы!

Была минутка когда я чуть-чуть не уехала к морю: да к какому: Средиземному! (не была с детства) да куда: в Монте-Карло! Уезжала одна знакомая дама, приехала с нами проститься в Медон, сидим с ней на пне, Мур роет песок. — «Подумайте, М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩, до чего я одинока! Вот сейчас — еду в Монте-Карло совершенно одна. Две комнаты с тремя кроватями, кухня, — зачем мне всё это? так и будет стоять пустым. Ведь *двоих* могла бы пригласить, — ни одного не нашлось! Ведь *даром,* — только проезд! Приглашаю Г⟨оспо⟩жу такую-то — не может, Г⟨оспо⟩жу еще такую-то — с радостью бы, да уже приглашена в другое место, — так и еду одна, на шесть недель».

Молчу с сжатым горлом, на губах *почти* срывающееся: — «А мы? Я и Мур, Мур и я, которые *никуда* не едем и *всюду* бы поехали — и тотчас! Я бы на всех готовила и Вам было бы дешевле чем в ресторане. Мур бы с утра до ночи был бы в саду или у моря, в природе он *идеален,* Вы бы его не слышали» — и т. д.

Но она *не* предлагает, и я молчу. Так и уехала. Провожала ее на Лионский — морской — вожделенный! вокзал и теперь получаю письма: «Одна — не с кем молвить — и красота не радует» и т. д.

Странные — люди?

...Так я всю жизнь пропускала «свое счастье». Мне еще цыганка в Москве, в грозу, помню ее руку в серебре, вцепившуюся в мою — тогда восемнадцатилетнюю — говорила:

— Линий мало: мало *талану* —

(Талан, по-народному, везение, удача, «счастье».)

Я потом ее эти слова взяла в стихи: вот мой единственный ТАЛАН![2]

Наши дела чернее черного. 600 фр⟨анков⟩ неуплаченных налогов и через месяц терм: 1300 фр⟨анков⟩ из которых у нас нет ни одного.

Д. П. С⟨вятополк-⟩Мирский (критик и большой друг) все эти годы помогавший на квартиру (2/3 терма) — сразу перестал. Одна любительница моих стихов, грузинская княжна, ныне жена богатого коммерсанта, собиравшая для меня ежемесячно около 600 фр⟨анков⟩ — тоже больше не может, т. е. и этого не может, ибо дающие отказались, дает теперь триста[3]. И вот все что у нас есть. Продала — еще российские — два кольца, оба с бирюзой, старинные, одно за сто, другое за полтораста, на них жили около двух недель (на еду 15 фр⟨анков⟩, но кроме еды нужно ездить в город!).

С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ тщетно обивает пороги всех кинематографических предприятий — КРИЗИС — и французы-профессионалы сидят без

дела. А на завод он не может, да и не возьмут, ибо только-только хватает сил на «нормальный день», устает от всего. Сейчас он совсем извелся от неизвестности, не спит ночей и т. д.

Была надежда на устройство франц⟨узского⟩ «Мóлодца» в Commerce, самый богатый и снобистический (NB! ненавижу) парижский журнал[4], ведают им меценаты Бассиано (он итальянский князь, она американка)[5] — и вот, письмо: «Целиком напечатать не можем из-за объема (100 страниц), а дробить — жалко». (М. б. — им, мне — нет, но не могу же я их уговаривать!)

Так и лежит мой франц⟨узский⟩ Мóлодец.

Русская большая рукопись «История одного посвящения», долженствовавшая мне принести 750 фр⟨анков⟩ (2/3 терма) тоже лежит, ибо № (Воли России) не выходит и неизвестно выйдет ли.

Но стихи все-таки писала и пишу. Ряд стихов к Пушкину[6] и, теперь: Оду пешему ходу[7]

Очень жду письма, хотя бы короткого, про Вас, здоровье сына, лето, самочувствие, планы на зиму, — так давно не видела Вашего почерка!

Обнимаю Вас сердечно

МЦ.

22

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
29-го декабря 1931 г.

С Новым Годом, дорогая Раиса Николаевна!

Как давно от Вас нет вестей![1] Как здоровье сына, справился ли он наконец с своей упорной болезнью? Это ведь — главное в Вашей жизни, об остальном даже не хочется спрашивать.

Если откликнетесь (я даже не знаю в точности гдé Вы, пишу по инерции в Кембридж) — охотно расскажу Вам о себе, пока же сердечно желаю Вам и Вашим всего, всего лучшего в наступающем 1932 году.

Целую Вас.

МЦ.

Прилагаемая иконка — от Али[2].

Ломоносова (урожденная Розен) Раиса Николаевна (1888—1973) — литератор, меценатка. Жена известного русского инженера-железнодорожника, профессора Юрия Владимировича Ломоносова (1876—1952).

Цветаеву с Раисой Николаевной Ломоносовой заочно познакомил Борис Пастернак. В письме от 5 апреля 1928 г. он писал Ломоносовой: «Все искал способов не затруднять Вас моей просьбой, с которой сейчас и начну, так как других путей не нашел. Ради Бога, исполните ее, если это вообще возможно, во всей *точности*. Сообщите мне, пожалуйста, кому бы из Ваших здешних родных или друзей я мог передать сто рублей, и только в таком случае переведите такую же сумму Марине Ивановне Цветаевой по адр⟨есу⟩: M. Tsvétaïeva-Efron, 2 Avenue Jeanne d'Arc, Meudon (S.-et-O.) France. Она самый большой и передовой

из живых наших поэтов, состоянье ее в эмиграции — фатальная и пока непоправимая случайность, она очень нуждается и из гордости это скрывает, и я ничего не писал еще ей о Вас, как и Вам пишу о ней впервые». (*Минувшее,* 1989, № 8. С. 209.)

Ломоносова, очевидно, сразу откликнулась на просьбу Пастернака, ибо уже 20 апреля Цветаева благодарит ее за присланные деньги. Заочное знакомство длилось в общей сложности более трех с половиной лет и отразилось в двадцати двух письмах Цветаевой, сохранившихся в архиве Р. Н. Ломоносовой.

Впервые — *Минувшее,* 1989, № 8 (публикация Ричарда Дэвиса с подробными комментариями). Письма печатаются по текстам первой публикации с частичным использованием комментариев (с любезного разрешения Р. Дэвиса).

1

[1] Во время поездки Цветаевой в Лондон в марте 1926 г. Р. Н. Ломоносова находилась в Берлине. О поездке Цветаевой см. письма к П. П. Сувчинскому (т. 6).

[2] Старинный дворянский род, к которому принадлежал муж Р. Н. Ломоносовой, не имел родственных связей с М. В. Ломоносовым (1711 — 1765).

2

[1] О путанице с отчеством Р. Н. Ломоносовой см. следующее письмо.

[2] О вечере Цветаевой 17 июня 1928 г. и приготовлениях к нему см. письмо 28 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и комментарий 1 к нему, а также письма 3 и 5 к В. Н. Буниной.

[3] Б. Л. Пастернак.

3

[1] Часть зимы 1929 г. Р. Н. Ломоносова провела в Италии, и по пути в США она собиралась остановиться в Париже.

[2] Когда Цветаева вышла замуж за С. Я. Эфрона (27 января 1912 г.), ей шел двадцатый год, а ему девятнадцатый.

[3] Н. П. Кондаков. См. письмо 19 к О. Е. Колбасиной-Черновой и комментарий к нему (т. 6).

[4] См. комментарий 8 к письму к П. П. Сувчинскому и Л. П. Карсавину.

[5] См. комментарий 2 к письму 33 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[6] 18 сентября 1929 г. А. С. Эфрон исполнилось 17 лет.

[7] Последняя часть книги Цветаевой «Психея: Романтика» (Берлин, 1923), «Психея: Стихи моей дочери» — состоит из 20 стихотворений, помеченных «Москва. Весна 1920 г., 7 лет».

[8] *Вальхалла* — см. комментарий 5 к письму 3 к Рильке.

[9] См. очерк «Наталья Гончарова» (т. 4) и письмо к ней.

[10] *Муссолини* Бенито (1883 — 1945) — фашистский диктатор Италии. Ср. его широко известное высказывание о себе: «...Я еще ни разу не встречал человека, который бы был умнее меня!» *Зигфрид* (Сигурд) — герой немецких сказаний, эпоса. Его подвиги воспеты в песнях «Старшей Эдды», «Младшей Эдды», «Песне о Нибелунгах» и др. *...маленький римский король* — герцог Рейхштадтский, сын Наполеона. Ему Цветаева посвятила несколько стихотворений (см. т. 1).

[11] Из стихотворения «Сын» («Так, левою рукой упершись в талью...», 1920). См. т. 1.

[12] Имеется в виду «Поэма о Царской Семье» (см. т. 3). См. далее письмо 5, а также письма 52 и 53 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и комментарии к ним.

[13] Часто цитируемое Цветаевой трехстишие из стихотворения Теодора Шторма (см. т. 6 письмо 4 к Б. Л. Пастернаку, письма 28 и 35 к А. А. Тесковой, письмо к Л. О. и Р. И. Пастернакам).

[14] Ломоносов Юрий Юрьевич (1908—1954)—увлекался мотоциклом и нередко попадал в аварии.

[15] «Повесть» Б. Пастернака была опубликована в «Новом мире», 1929, № 7 (а не в петербургском «Современном мире», как пишет Цветаева).

[16] Очерк «Наталья Гончарова» был опубликован в «Воле России» (№ 5/6—8/9).

[17] См. письма к Л. Е. Чириковой в т. 6.

4

[1] *Хенкина* (урожденная Нелидова) Елизавета Алексеевна (1881—1963)—актриса, теософка. Зимой 1929—1930 гг. ее муж, артист Хенкин Виктор Яковлевич (1881—1944) гастролировал в США, и его семья переселилась на несколько месяцев из Парижа в Нью-Йорк.

5

[1] *...друг в Харбине*—вероятнее всего, Несмелов Арсений (настоящие имя и фамилия Арсений Иванович Митропольский; 1889—1945)—поэт. Находился под влиянием Цветаевой, с которой, по ряду свидетельств, состоял в длительной переписке. Слова Цветаевой А. Несмелов взял эпиграфом к своему стихотворению «За 8000 верст» (Воля России. 1927. № 11/12. С. 32—35).

[2] *Содом* и *Гоморра*—два города на берегу Мертвого моря, жители которых погрязли в распутстве, за что были испепелены огнем, посланным с небес (в е т х о з а в.).

[3] Из стихотворения А. С. П шкина «К морю» (1824).

[4] Сын Е. А. Хенкиной, Кирилл Викторович *Хенкин* (р. 1916)—литератор.

[5] К письму 4 было приложено письмо Е. А. Хенкиной к Р. Н. Ломоносовой (*Минувшее*, 1989, № 8. С. 218).

[6] «Наталья Гончарова» на английский язык переведена не была.

[7] *Кутепов* Александр Павлович (1882—1930)—генерал, с 1928 г. председатель «Русского общевоинского Союза» (РОВС). 26 января 1930 г. был похищен в Париже большевистскими агентами.

[8] *Людвиг* Эмиль (1881—1948)—немецкий писатель. «Wilhelm der Zweiter» (Berlin, E. Rowohlt, 1926)—книга о немецком императоре Вильгельме II (1859—1941).

[9] *Пастернак* (урожденная Лурье) Евгения Владимировна (1899—1965)—первая жена Б. Л. Пастернака, художница.

[10] *Чуковский* Корней Иванович (настоящее имя и фамилия Николай Васильевич Корнейчуков; 1882—1969)—писатель, литературовед, переводчик. 7 июля 1925 г. («пять лет тому назад») он писал Р. Н. Ломоносовой:

«Есть в Москве поэт Пастернак. По-моему—лучший из современных поэтов. К нашему общему стыду—он нуждается. Все мы обязаны помочь Пастернаку, ибо русская литература держится и всегда держалась только Пастернаками. Он пишет мне горькие письма. Ему нужна работа. Он отличный переводчик. Не пришлете ли Вы ему какую-нибудь книгу для перевода—стихи или прозу, он зн⟨ает⟩ немецкий и англ⟨ийский⟩». (*Минувшее*, 1989, № 8. С. 208).

[11] Под названием «Epistola: in carcere et vinculis» вышли в немецком переводе Макса Мейерфельда (Berlin, S. Fischer, 1925) посмертно опубликованные произведения английского писателя Оскара Уайльда (1854—1900) «De Profundis» («Глубины» (1905) и «The suppressed portion of «De Profundis» («Запрещенная часть «Глубин» (1913). Уже существовал перевод «De Profundis» в издании «Сочинения Оскара Уайльда» (М.: Гриф, 1905).

[12] *Kelsey*—Келси Мэри (1877—1948)—квакер, американская общественная деятельница, председатель Общества культурного сближения с Советской Россией (Филадельфия).

[13] В статье «The present state of Russian letters» Д. П. Святополк-Мирский дал очень высо ую оценку творчеству Пастернака и Цветаевой («The London Mercury». 1927. № 93. С. 275—286).

[14] Цветаева так и не встретилась с Р. Н. Ломоносовой. В письме к Пастернаку от 18 марта 1930 г. Р. Н. Ломоносова пишет: «Недавно получила длинное письмо от М. И. Ц⟨ветаевой⟩. Какой она интересный и хороший человек. А встречи боюсь ⟨...⟩. Вдруг окажутся две М⟨арины⟩ И⟨вановны⟩ ⟨...⟩ И за себя боюсь наибольше, скучная, некрасивая». Пастернак и Святополк-Мирский встречались после возвращения последнего в СССР в 1932 г. Пастернак остановился у Р. Н. и Ю. В. Ломоносовых в Лондоне в 1935 г. по пути из Парижа в Ленинград после Международного конгресса писателей в защиту культуры.

6

[1] См., например, высказывание о П. Б. Струве (комментарий 14 к письму к Ю. Ю. Струве в т. 6).

[2] Цитата из «Записок Мальте Лауридса Бригге» Рильке, где пишется о смерти Алексиса Феликса Арвера (1806—1850). «Он мирно, спокойно отходил, и сиделке, вероятно, показалось, что он зашел дальше, чем то было на деле. Очень громко она распорядилась насчет того, где то-то и то-то найти. ⟨...⟩ она выговорила «колидор», полагая, что так произносить и следует. И тут Арвер прервал умирание. Ему показалось необходимым сперва ее поправить. Совершенно очнувшись, он ей объяснил, что следует произносить «коридор». И затем он умер. Он был поэт и терпеть не мог приблизительностей». (Пер. с нем. Е. Суриц. Цит. по изд.: Рильке Р. М. «Записки Мальте Лауридса Бригге». М.: Известия, 1988. С. 123—124).

[3] Последняя строфа стихотворения М. Цветаевой «Хвала Времени» (1923). См. т. 2.

[4] *...семеро было*—вместе с Николаем II и его супругой Александрой Федоровной были убиты царевич Алексей и четыре Великих княжны (Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия).

[5] Ср. заключительные слова эссе («Ис усство при свете совести»: «Но если есть Страшный суд сло́ва—на нем я чиста», т. 5).

[6] Во время Февральской революции Цветаевой шел 25-й год.

[7] Имеется в виду Сусанна Давыдовна Мейн (Тьо).

[8] Переиначенное Цветаевой известное выражение Людовика IV: «Государство—это я».

[9] Из стихотворения Б. Пастернака «Про эти стихи» (1917).

[10] Название площади и станции метро в Париже.

[11] Вечер 26 апреля 1930 г. О нем см. письмо 52 к А. А. Тесковой и комментарий 1 к нему (т. 6).

[12] *Пасадена*—город в Калифорнии, где в 1929—1930 гг. находилась Р. Н. Ломоносова.

7

[1] См. комментарий 14 к письму 3.

[2] *Броун* Алек (Alec Brown) (1900—1962)—английский писатель, поэт, переводчик, специалист по Сербии. Был дружен с Д. П. Святополк-Мирским. Перевод «Мо́лодца» издан не был.

[3] Иллюстрации и наброски Н. С. Гончаровой к французскому «Мо́лодцу» хранятся в Государственном Русс ом музее в Санкт-Петербурге (31 рисунок). Подробнее см.: Басиер Е. В. О работе Наталии Гончаровой над поэмой «Мо́лодец».—*Поэт и время*. С. 183—188.

[4] Очерк был опубликован в трех номерах, см. комментарий 16 к письму 3, в том числе в двух сдвоенных.

[5] См. комментарий 1 к письму 70 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[6] О поездке в Санта-Маргериту во время пребывания в Нерви см.: *А. Цветаева.* С. 117—118.

8

[1] *Крылова* (урожденная Драницына) Елизавета Дмитриевна (1865—1945)— первая жена академика Алексея Николаевичав Крылова (1863—1945), коллеги Ю. В. Ломоносова по Российской железнодорожной миссии за границей.

[2] А. Белый снимал дачу в Кучино по Нижегородской (Горьковской) железной дороге.

[3] О все ухудшавшихся отношениях Пастернака с первой женой, Евгенией Владимировной, см.: Пастернак Б. Переписка с Ольгой Фрейденберг. (Нью-Йорк; Лондон, Harc urt Brace Jovanovich, 1981. С. 134.)

[4] *Извольская* Елена Александровна—автор многочисленных работ на религиозные темы, переводчица. См. также письма 55 и 64 к А. А. Тесковой в т. 6.

[5] Речь идет о публикации первой главы из французского «Мóлодца» «Fiançailles»*. См. письмо 45 к Н. П. Гронскому и комментарий 1 к нему.

[6] В письме к Пастернаку от 18 ноября 1930 г. Р. Н. Ломоносова сообщала: «...то, что Вы просите, сделала десять дней тому назад от нас. Через недели три опять смогу послать пятьдесят—сто долларов» (*Минувшее,* 1989, № 8. С. 238).

[7] *Панаева* (урожденная Головачёва) Авдотья Яковлевна (1820—1893)—писательница. Речь идет о ее книге: Воспоминания. 1824—1870. Под ред. К. Чуковского. 2-е изд. Л.: Academia, 1928. См. с. 158 о «плате за заграничный паспорт в 500 руб., с целью ограничить число уезжающих русских, стремившихся пожить в Европе»; с. 242, 244, 347—349—о цензуре.

[8] См. о том же в заключительной части очерка «Твоя смерть» (т. 5).

[9] См. комментарий 5.

9

[1] См. комментарий 6 к предыдущему письму.

10

[1] См. письмо 3 к В. Ф. Ходасевичу.

[2] См. письмо 70 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[3] Цветаева путает Оксфорд с Кембриджем.

[4] Фильм американской студии «Универсал» (1930). Режисер—Майлстоун Льюис (1895—1980).

[5] Семейное прозвище сына Р. Н. Ломоносовой, Юрия.

11

[1] Шарль *Вильдрак*—см. письмо к нему. Познакомился с Б. Л. Пастернаком осенью 1929 г., когда приехал на празднование 30-летия Московского Художественного Театра. Премьера комедии Ш. Вильдрака «La brouille» («Ссора») состоялась в театре «Comédie Française» 1 декабря 1930 г.

[2] «La petite Catherine» («Маленькая Катерина»)—пьеса французского драматурга Альфреда Савуара (настоящая фамилия—Познанский; 1883—1934). Декорации для постановки в театре «A toine» М. Ф. Ларионова, костюмы—Н. С. Гончаровой.

[3] Ср. строки из «Поэмы Конца» (12 глава): «Жизнь—это место, где жить нельзя» (т. 3).

---

* «Помолвка» *(фр.).*

[4] *Кромвель* Оливер (1599—1658)—деятель английской буржуазной революции XVII в. Возможно, Цветаева читала одну из широко известных в то время книг о Кромвеле на французском языке «История Кромвеля по воспоминаниям его времени и парламентским отчетам», т. 1—2 (Париж, 1819) историка Абеля Франсуа Вильмена (1790—1870). Р. Дэвис предполагает, что Цветаева заинтересовалась ролью Кромвеля в английской революции и в казни короля Карла I в связи с работой над «Поэмой о Царской Семье».

12

[1] Ср: «Всякий поэт по существу эмигрант, даже в России. Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы» (*Поэт и время*, т. 5).
[2] См. следующее письмо.

13

[1] Это цитата из баллады «Lochiel's Warning» английского поэта Томаса Кэмбелла (1777—1844). Цветаева, возможно, знала балладу в переводе на французский Каролины Павловой («Les Preludes», Париж, 1839).
[2] *Пильняк* (настоящая фамилия Вогау) Борис Андреевич (1894—1938)—русский писатель. Направлялся в США по приглашению и остановился в Париже.
[3] *Пастернак* Евгений Борисович (р. 1923)—литературовед.
[4] *Еремеева* Зинаида Николаевна (1897—1966)—жена пианиста Генриха Густавовича Нейгауза (1888—1964), стала второй женой Пастернака в 1934 г.
[5] См. письмо 12.
[6] Роман в стихах Б. Пастернака «*Спекторский*» вышел отдельным изданием в 1931 г. (М., ГИХЛ). М. Цветаева была одним из прототипов героини—Марии Ильиной. Повесть «*Охранная грамота*» выпущена в том же году (Изд-во писателей в Ленинграде), посвящена Рильке.
[7] Из стихотворения А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834).
[8] Ср. название очерка М. Цветаевой о Брюсове (т. 4).
[9] Ср. стихотворение М. Цветаевой «Только живите!—Я уронила руки...» (1917) (т. 1) и рассказ, приведенный в записях «О любви» (т. 4).
[10] Первая строка из стихотворения М. Цветаевой без названия цикла «Комедьянт» (1918). См. т. 1.
[11] Из стихотворения М. Цветаевой «Милые спутники, делившие с нами ночлег!..» (1917). См. т. 1.
[12] См. письмо Б. Пастернака М. Цветаевой от 14 июня 1922 г. (*Переписка Пастернака*. С. 299) и ответ Цветаевой в т. 6 (письмо 1).
[13] См. письмо 5 к П. П. Сувчинскому и комментарий 1 к нему (т. 6), а также статью «Мой ответ Осипу Мандельштаму» (т. 5).
[14] Вклеена вырезка из письма Броуна с его адресом. Имя вписано рукой Цветаевой.
[15] В собрании Р. Н. Ломоносовой хранится экземпляр «Мóлодца» с дарственной надписью:

«Дорогой Раисе Николаевне Ломоносовой на долгую дружбу—и скорую встречу. МЦ.

Медон, 17-го февраля 1931 г.

P. S. А слова посвящения—слова прощания морского царя с Садком (*былина*)—единственные, которые из всей вещи привел (должно быть дальше не пошел!) и на которые обрушился местный критик Адамович, как на образец дешевой и слащавой лже-народности. (БЫЛИНА!)

Эта книжка одна из моих любимых—моих». (*Минувшее*, 1989, № 8. С. 250.)

14

[1] См. письмо 21, а также письма к С. Н. Андрониковой-Гальперн.
[2] См. письмо 56 к А. А. Тесковой и комментарий 3 к нему (т. 6).
[3] Брис Парэн — см. комментарий 4 к письму 56 к А. А. Тесковой (т. 6).
[4] *Челпанова* — см. комментарий 5 к письму 72 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.
[5] См. письмо 56 к А. А. Тесковой (т. 6) и письмо 72 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и комментарии к ним.
[6] Младшая дочь Ирина. См. письмо 3 к В. К. Звягинцевой и А. С. Ерофееву и комментарий 1 к нему в т. 6.
[7] Речь идет о Н. Вундерли-Фолькарт. См. письма 6 и 7 к ней.
[8] *...очередная Елена (Сестра моя Жизнь)* — многие из стихотворений Б. Пастернака в книге «Сестра — моя жизнь» навеяны его любовью к Елене Александровне Виноград (по мужу — Дороднова; 1896—1987). Роман был недолгим. Подробнее см.: Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. Материалы для биографии. М.: Сов. писатель, 1990. С. 297—316.
[9] Опубликовано в журнале «Новый мир» (1931. № 1. С. 117).
[10] См. письмо к Игорю Северянину и письмо 72 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.
[11] См. предыдущее письмо.
[12] Р. Н. Ломоносова, очевидно, показывала письмо знакомым, уговаривая их помочь Цветаевой материально.

15

[1] См. комментарий 10 к письму 3 к О. Е. Колбасиной-Черновой (т. 6).
[2] См. письма к П. П. Сувчинскому (т. 6).
[3] В «Евразии» С. Я. Эфрон напечатал: «Очерки русского подполья» (1928, 29 декабря; 1929, 12 января); «От Комитета Парижской Группы евразийцев» (1929, 26 января); «Кадеты и революция» (1929, 9 марта); отзывы о советских журналах и др.
[4] В «Новой Газете» (1931. № 4, 15 апреля) была опубликована статья С. Я. Эфрона «Долой вымысел: о вымысле и монтаже». В № 5 (1 мая) — «Заметки о кино».
[5] «Руска кинематографска индустриjа» — «Руски архив» (1931. № 13).
[6] См.: *А. Эфрон.* С. 43—44, 46—47, 50—52.
[7] Например: «Октябрь 1917 года» (На чужой стороне. Берлин; Прага. 1925. № 11); «Видовая» (Своими путями. Прага. 1926. № 12/13); «Тиф» (Ковчег. Прага. 1926. № 1); «Тыл» (Благонамеренный. Брюссель. 1926. № 2).
[8] См. письмо к В. В. Маяковскому.
[9] Н. Городецкая. «В гостях у М. И. Цветаевой» (см. т. 4).
[10] Русская народная сказка «Упырь». См. также комментарии к «Мóлодцу» (т. 3).
[11] См. комментарий 8 к предыдущему письму.
[12] Стихотворение 1924 г. (см. т. 2).

17

[1] *Сиротинин* Василий Николаевич (1856—1934) — профессор Военно-медицинской академии. Эмигрировал, принимал участие в работе Русского госпиталя в Париже.
[2] См. письма 64 и 75 к А. А. Тесковой (т. 6).
[3] К письму приложена расписка: «25 долларов от Г⟨осподи⟩на Тихвинского получила. Марина Цветаева. Meudon (S. et O.) Jeanne d'Arc, 31-го марта 1931 г».

Леонид Михайлович *Тихвинский* был сыном расстрелянного за участие в «Таганцевском заговоре» Михаила Михайловича Тихвинского (1868—1921), профессора химии, коллеги Ю. В. Ломоносова по Киевскому политехническому

институту. Л. М. Тихвинский должен был деньги Ломоносовым, и, надо полагать, что, отправляя перевод Цветаевой, он гасил часть своего долга.

[4] Цветаева, возможно, имеет в виду свой роман (1923–1924 гг.) с Константином Болеславовичем Родзевичем. См. письма к нему в т. 6.

[5] См. комментарий 2 к письму 18.

18

[1] Речь идет об осложнениях, связанных с лечением Ю. Ю. Ломоносова (см. письмо 7). Некоторое время существовала даже угроза ампутации ноги.

[2] «Во время нашего пребывания в Медоне мне пришлось принять важное решение: уехать надолго из Франции. Решение это было для меня очень трудным. Марина превратила мой отъезд в настоящую драму. Это не значит, что она особенно горевала обо мне. Нет, в ее глазах, в моей жизни кончались «будни», наступило время тревог, неуверенности, полета в неизвестность 〈...〉 Разлука действительно сделалась трагедией. Помню Марину на вокзале, когда я села в вагон. Она стояла на перроне, бледная, безмолвная, неподвижная, как статуя» (Извольская Е. Поэт обреченности. Воздушные пути. Нью-Йорк. 1963. III. С. 160). В Японии Е. А. Извольская пробыла недолго, выйдя замуж, она вскоре вернулась во Францию.

19

[1] «25 долларов от Г〈осподи〉на Тихвинского получила. М. Цветаева. Медон, 10-го мая 1931 г.»

20

[1] О вечере 30 мая 1931 г. см. письма 79 и 80 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и комментарии к ним.

[2] См. комментарий 1 к письму 80 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[3] См. комментарий 1 к письму 79 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[4] Международная колониальная выставка в Париже, май–октябрь 1931 г.

[5] Е. В. Пастернак лечилась в это время в Германии.

[6] Отдельным изданием «Крысолов» не вышел.

21

[1] А. С. Эфрон гостила у В. И. и М. Н. Лебедевых.

[2] Строки «Линий мало,//Мало талану» из стихотворения М. Цветаевой «В очи взглянула...» (1917). См. т. 1.

[3] С. Н. Андроникова-Гальперн. См. письма к ней.

[4] См. комментарий 2 к письму 7 к Л. И. Шестову, а также письма 82 и 83 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[5] *Бассиано* (урожденная Чапин) Маргарет (Маргрит Гаэтани) де, княгиня (1880–1963). О ней и ее «воскресеньях», устраиваемых для сотрудников «Commerce» на версальской вилле, см.: Iswolsky Helen. Light before dusk: a Russian catholic on France. 1923–1941. New York, Toronto, Longmans, Green and Co., 1942. P. 43–45. См. также письмо 82 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[6] Цикл «Стихи к Пушкину», написанный летом 1931 г., был напечатан лишь в 1937 г. (Современные записки. № 63, 64). См. т. 2.

[7] Стихотворение «Ода пешему ходу» при жизни Цветаевой не публиковалось. См. т. 2.

22

[1] В письме от 20 ноября 1933 г. к Б. Л. Пастернаку Р. Н. Ломоносова комментирует прекращение переписки с Цветаевой: «〈...〉 приходили отчаянные

письма от М. И. Ц⟨ветаевой⟩ с просьбами о денежной помощи, а мы сами были в долгу у всех друзей. Каждая Чубина операция, больничные счета увеличивали долги... и наша переписка с М⟨ариной⟩ И⟨вановной⟩ прервалась. Она приняла невозможное за нежелание». (*Минувшее,* 1989, № 8. С. 273.)

[2] К письму приложена открытка с Рождественской картинкой работы А. С. Эфрон: «Meudon 29 дек⟨абря⟩ 1931 г. Милая Раиса Николаевна, поздравляю Вас и Ваших с Рождеством и Новым Годом, желаю всего, всего лучшего, а главное — здоровья сына! Очень хотим все с вами увидеться — увидеть воочию! Целую Вас. Ариадна Эфрон». (Там же.)

Т. Л. ТОЛСТОЙ

1

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
27-го мая 1928 г.

Дорогая Татьяна Львовна!

Мне очень стыдно, что мое первое письмо к Вам — просьба, а именно: не помогли бы Вы мне распространить билеты на мой вечер стихов — 17-го июня[1]. Цена билета minimum 25 фр⟨анков⟩, больше — лучше. Посылаю 5. Шестой — приложение Вам и дочке[2].

Очень хочу побывать у Вас, боюсь помешать. Кроме того, хотелось бы видеть Вас не на людях, а более или менее одну. Возможно ли это? Если да — черкните словечко, приеду, очень хочу.

Целую Вас. Еще раз — простите за просьбу.

МЦветаева.

2

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
18-го июня 1928 г.

Дорогая Татьяна Львовна,

Приношу Вам сердечную благодарность за проданный билет и милую приписку. Как-нибудь буду у Ивонны[1] и зайду поблагодарить Вас лично.

А книжку[2] послала Вам не для чтения, а просто как знак внимания и симпатии, — на стихи нужно *время,* знаю, что у Вас его нет.

Целую Вас, привет дочери.

МЦветаева.

Толстая (по мужу Сухотина) Татьяна Львовна (1864—1950) — мемуаристка, художница, общественная деятельница. Дочь Л. Н. Толстого. С 1925 г. за границей. Участвовала в работе благотворительного Толстовского фонда (организован в 1939 г.).

Впервые — в кн.: Неизвестный Толстой в архивах России и США. Рукописи. Письма. Воспоминания. Наблюдения. Версии. М.: АО-Техна-2, 1994. С. 415. (Публикация Н. А. Калининой.)

1

[1] О вечере 17 июня 1928 г. см. комментарий 1 к письму 28 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и письма 3 и 5 к В. Н. Буниной.
[2] Альбертини (урожденная Сухотина) Татьяна Михайловна (р. 1905).

2

[1] Ивонна — см. комментарий 7 к письму 29 к Н. П. Гронскому.
[2] Вероятнее всего, Цветаева послала Т. Л. Толстой сборник своих стихов «После России», только что вышедший из печати.

В. В. МАЯКОВСКОМУ

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
3-го декабря 1928 г.

Дорогой Маяковский!

Знаете чем кончилось мое приветствование Вас в «Евразии»?[1] Изъятием меня из «Последних новостей», единственной газеты, где меня печатали — да и то стихи 10 — 12 лет назад! (NB! *Последние* новости!)

«Если бы она приветствовала только поэта-Маяковского, но она в лице его приветствует новую Россию...»

Вот Вам Милюков — вот Вам я — вот Вам Вы.

Оцените взрывчатую силу Вашего имени и сообщите означенный эпизод Пастернаку и кому еще найдете нужным. Можете и огласить.

До свидания! Люблю Вас.

Марина Цветаева.

Маяковский Владимир Владимирович (1893 — 1930) — русский советский поэт. Цветаева очень высоко ценила творчество Маяковского, считала его первым русским поэтом масс. Посвятила ему стихотворение в 1921 г. и стихотворный реквием после его кончины в 1930 г. (см. т. 2), часто упоминала в письмах и статьях (см., например, статью «Эпос и лирика современной России. Владимир Маяковский и Борис Пастернак»). Всю жизнь Цветаева хранила по отношению к Маяковскому «высокую верность собрата». Об этом свидетельствует и запись, сделанная в черновике одного из ее писем 30-х годов: «Мне весь Маяковский роднее всех воспевателей старого мира. Завод или площадь Маяковского роднее феодального замка или белых колонн поэтического Бунина. И эмиграция, не приняв меня в свое лоно, права. Она, как слабое издыхающее животное, почуяла во мне врага. Ибо если сила всегда прощает слабости, то слабость силе никогда, ибо это для нее вопрос жизни или смерти». (Цит. по: Саакянц А. Владимир Маяковский и Марина Цветаева. — В мире Маяковского. Сб. статей. Кн. 2. М.: Сов. писатель, 1984. С. 193 — 194.) Маяковский, напротив, относился к Цветаевой недоброжелательно, резко отзывался о ее творчестве в своих выступлениях. Подробно об отношениях поэтов см. упомянутую выше статью А. Саакянц.

Впервые — в кн.: Катанян В. Маяковский. Литературная хроника. Изд. 3-е, доп. М.: ГИХЛ, 1956. С. 367. Печатается по копии с оригинала, воспроизведенной в кн.: «Маяковский делает выставку». М.: Книга, 1973. С. 31.

[1] В это время Маяковский находился в Париже, и Цветаева опубликовала на страницах парижской газеты «Евразия» за 24 ноября 1928 г. следующее привстствие:

«Маяковскому

28-го апреля накануне моего отъезда из России, рано утром, на совершенно пустом Кузнецком я встретила Маяковского.

— Ну-с, Маяковский, что же передать от Вас Европе?

— Что правда — здесь.

7 ноября 1928 г., поздним вечером, выйдя из Café Voltaire, я на вопрос:

— Что же скажете о России после чтения Маяковского?

Не задумываясь ответила:

— Что сила — там».

Негативная реакция на это приветствие Цветаевой последовала не только со стороны «Последних новостей». Против публикации выступил один из лидеров евразийского движения Н. Н. Алексеев, входивший в редакцию «Евразии». Подробно об этом и роли, которую сыграла публикация приветствия Маяковскому в расколе евразийцев, см.: Шевеленко И. Д. К истории евразийского раскола 1929 года//Themes and Variations. In Honor of Lazar Fleishman (Темы и вариации. Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана). Stanford, 1994. P. 376—416.

Н. С. ГОНЧАРОВОЙ

〈Начало января 1929 г.〉[1]

С Новым Годом, дорогая Наталья Сергеевна! Хочу, чтоб он прошел под знаком дружбы с Вами. О, не бойтесь! — это Вам — ни Вашему делу, ни Вашему времени — ничем не грозит. На первое место ставлю чужой труд, на второе — свой, на третье — труд совместный, который и есть *дружба*.

— Столько надо Вам сказать. —

Писать о Вас начала, боюсь, будет не статья, а целая книжка... только — кто напечатает?..

Просьба: когда я у Вас попрошу — дайте мне час: с глазу нá глаз. Хочу, среди другого, попытку эмоциональной духовной биографии; много о Вас знаю, но есть вещи, которые знаете только Вы, они и нужны. Из породы той песенки о «не вернется опять», *такие* факты.

Написаны пока: улица, лестница, мастерская[2]. Еще ни Вас, ни картин. Вы в глубинах мастерской, до которых еще не дошла. Пока за Вас говорят вещи. А я говорю Вам — любопытная вещь будет.

А вот два стиха о Наталье Гончаровой — той, 17-го года[3], встреча готовилась издалека.

А вот еще платок, которые носят паломники, настоящий, оттуда, по-моему — Вам в масть.

Люблю Вас и целую Вас.

МЦ.

Гончарова Наталья Сергеевна (1881—1962) — живописец, график, театральный художник. О знакомстве Цветаевой с Гончаровой и их взаимоотношениях см. подробно очерк «Наталья Гончарова» и комментарии к нему в т. 4.

Печатается впервые по копии с текста в рукописной тетради (РГАЛИ).

[1] Датируется по содержанию. См. также письмо 39 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] То есть первые главы «Уличка» и «Мастерская» очерка «Наталья Гончарова». Описание лестницы вошло в главу «Уличка» (см. т. 4).

[3] Имеются в виду стихи «Счастие или грусть...» и «Психея» («Пунш и полночь. Пунш — и Пушкин...»), обращенные к той Гончаровой, Наталии Николаевне, жене Пушкина. Стихи написаны не в 1917 г., а первое — в 1916, второе — в 1920 (см. т. 1).

В. С. ПОЗНЕРУ

1

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
12-го мая 1929 г.

Милый Владимир Соломонович,

На этот раз с просьбой о билетах—к Вам (всегда просила Вашего папу).

25-го мой вечер, вступительное слово о русской поэзии читаете Вы[1] (читаете?) потом я—et tout ce qui s'en suit*, в частности—отрывки из Перекопа, большой поэмы.

Цена билета 25 фр‹анков›, посылаю 5.

Всего лучшего, позвоните по тел‹ефону› Clamart 411 и вызовите Сергея Яковлевича Эфрона и сговоритесь с ним, нам необходимо повидаться.

МЦветаева.

2

Милый Владимир Соломонович,

Есть слух, что Вы на днях уезжаете из города. Известите меня тотчас же, читаете ли Вы на моем вечере или нет, и можно ли *наверняка* на Вас рассчитывать. До вечера 10 дней, а от Вас до сих пор ни слова. Мне нужно знать.

Жду Вашего ответа. Всего лучшего.

МЦветаева.

Meudon (S. et O.)
2, Av‹enue› Jeanne d'Arc
14-го мая 1929 г.

Познер Владимир Соломонович (1905—1992)—поэт, журналист, историк литературы. Сын С. В. Познера. В конце 1920-х годов стал писать по-французски и в основном прозу (опубликовал книгу «Panorama de la littérature russe contemporaine», Paris, 1929). С начала 1930-х—член Французской компартии.

Письмо 1 публикуется впервые, по копии с оригинала, хранящегося в РГАЛИ; письмо 2—впервые: Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. Спб.: «Пушкинский фонд». 1994. № 1. С. 300—301. (Публикация В. Е. Кельнера и В. Познер.) Предоставлены для публикации Валери Познер.

1

[1] О вечере 25 мая 1929 г. см. комментарий 1 к письму 45 к А. А. Тесковой (т. 6) и письмо 49 к С. Н. Андрониковой-Гальперн. В. С. Познер на вечере не выступал и, скорее всего, даже не присутствовал (см. следующее письмо). Идея пригласить В. Познера, возможно, родилась у Цветаевой после обсуждения его книги (см. выше), которое состоялось в объединении «Кочевье» 4 апреля 1929 г. Цветаева, участвовавшая в этом обсуждении, выступила против нападок Г. Газданова на книгу В. Познера (Воля России. 1929. № 4. С. 123). В письме к В. Познеру (мы располагаем лишь его фрагментом) она писала:

* Все, чтобы продолжить его *(фр.)*.

«Пересказ Газданова: «Познер Цветаеву сводит исключительно к технике и вменяет ей в вину книгу, к⟨отор⟩ую она выпустила в VI кл⟨ассе⟩ гимназии, а писала в IV».

Я подумала: «Меня не убудет».

Нападали они на Вас несправедливо (есть умные нападки, за которые — только спасибо) — не с того боку, хотя я и не знаю книги. Вас очень защищали Св⟨ятополк-⟩Мирский и Путерман. — Когда-нибудь, когда мне будет всё — всё равно, и я всем, я сама нападу на себя, разберу все свои вещи, укажу и докажу все свои промахи, сделки, немощи, которые — *все* — знаю только я одна. Дорог укор — *в упор*. (По копии из архива С. В. Познера.) В упомянутой книге В. С. Познера стихам М. Цветаевой посвящены с. 299 — 302.

А. И. ГУЧКОВУ

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
28-го мая 1929 г.

Сердечное спасибо, дорогой Александр Иванович!

Посылая Вам билеты, я вовсе не надеялась на устройство всех, и присланное Вами — подарок. Очень я жалею, что не были на вечере[1], меньше из-за Перекопа (восстановимого), чем из-за любопытного состава зала, соединившего на час все крайности эмиграции. (Дольше часу это бы не продержалось!)

А Вы не забыли моих дроздовцев?[2] Думаю выехать около 15-го, кажется в окрестности Гренобля, откуда жду ответа[3]. — А каковы Ваши планы? В⟨ера⟩ А⟨лександровна⟩[4] получила новый купальный халат, и море предрешено.

Еще раз горячее спасибо за участие, — каждый проданный билет — толчок вдоль рельс! (Перевод вечеровых билетов на железнодорожные.)

Сердечный привет.

МЦветаева.

Гучков Александр Иванович (1862 — 1936) — общественный и политический деятель, лидер партии октябристов, председатель 3-й Государственной думы (1910 — 1911 гг.), военный министр Временного правительства. Участвовал в финансировании Добровольческой армии. С 1919 г. за границей. Отец В. А. Сувчинской.

Печатается впервые по копии с оригинала, хранящегося в Государственном архиве России.

[1] О вечере 25 мая 1929 г. см. комментарий 1 к письму 45 к А. А. Тесковой (т. 6) и письмо 49 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[2] *Дроздовцами* называли военнослужащих полка (позднее дивизии) Добровольческой армии по имени своего начальника, генерал-майора Михаила Георгиевича Дроздовского (1881 — 1919). «Лебединой песней Дроздовцев» были последние бои на Перекопе (Д у д е ц к и й Ф. Дроздовцы. — *Рус. мысль*. 1958. 22 ноября). Можно предположить, что один из «моих дроздовцев» — С. Я. Эфрон.

[3] Выезд Цветаевой на летний отдых в 1929 г. не состоялся. См. также письмо 50 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[4] В. А. Сувчинская.

Н. ВУНДЕРЛИ-ФОЛЬКАРТ

1

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
2-го апреля 1930 г.

Милостивая государыня,

ушедшее от нас письмо более не принадлежит нам, если даже тот, к кому оно ушло, тоже принадлежит к ушедшим.

Мои письма к Р⟨айнеру⟩ М⟨ария⟩ Р⟨ильке⟩ принадлежат ему — кого все слушали и кому ничего не принадлежало. Мои письма к Р⟨айнеру⟩ М⟨ария⟩ Р⟨ильке⟩ — это он *сам,* которого в жизни не было, который всегда свершается, который — будет.

Поэтому, милостивая государыня, отдайте мои письма *будущему,* положите их рядом с другими, которые будут, — пусть лежат они пять коротких десятилетий[1]. Если через пятьдесят лет кто-нибудь о них спросит и потянется к ним — Вы предоставите их *Вашим* потомкам.

Так лучше.

Письма Рильке, его книги с надписями и его — наверное, последнюю — Элегию[2] я завещаю веймарскому Дому Рильке[3] (почему не *Святилищу* — ведь любой дом был или станет благодаря ему святилищем?) с такой же просьбой: через 50 лет после моей смерти.

Милая милостивая государыня (Вы не можете не быть милой или быть немилостивой, раз Вы близко знали Р⟨ильке⟩ и по-прежнему близки к нему) — в 1927 году я напечатала в русских журналах новогоднее письмо (стихотворение) к Р⟨ильке⟩[4] и еще одно, как бы это сказать, — Р⟨ильке⟩ был моей последней Германией, как я — его последней Россией — словом — тоже письмо о его смерти между другими двумя: смертью старой девы и смертью мальчика (так уж случилось) — длинная фраза![5]

Что до стихов — я просто не знаю, *кто* мог бы их перевести; по-русски я считаюсь одним из двух «самых трудных» поэтов (другой — Борис Пастернак, сын художника Леонида Пастернака, дружившего когда-то с Рильке, и, по-моему, — и не только по-моему — величайший поэт русского будущего), но другие страницы (проза, как это принято называть)* вполне переводимы. Будь у меня лишь время! (*Лишь время.)*[6]

Милая и милостивая государыня, разрешите задать Вам один вопрос: что стало с переведенным Рильке «*Словом о полку Игореве*» (древнерусский памятник), о чем не раз идет речь в его письмах? Ведь это я загадала желание, чтобы он однажды перевел Слово, а спустя три года после его смерти узнаю, что перевод выполнен уже двадцать лет тому назад[7]. — Такой вот удар в сердце. —

---

* Заглавие — «Твоя смерть» *(примеч. М. Цветаевой).*

Вероятно, Вам будет приятно знать, что через две недели после его ухода я получила от него подарок: греческую мифологию по-немецки — 1875 года (год его рождения?) — для юношества. Он, собственно, доверил это своей русской помощнице, и книга *пришла*, когда он ушел[8].

Через несколько дней Вы получите французский — увы! плохой — перевод моего вступления к письмам Рильке, переложенным мной на русский. Слово «mystère» звучит по-французски иначе, чем наша русская «тайна» или Ваше немецкое «Geheimnis» (Geheimrath* и conseiller privé**). Да и сам французский холодней, светлей и раскатистей. Я исправила, где могла (то есть вычеркнула). К сожалению, вся интонация искажена: чересчур учтиво. Я пишу иначе[9].

Марина Цветаева

Ничего, ничего не знаю я о его смерти. Как ушел? Знал ли? Кто был возле него?[10] Какое слово было последним?

Только то, что в газетах[11].

И некого мне было спросить, ни одного имени я не знала — настолько я была с ним одна.

Милая милостивая государыня, если только это в Ваших силах, сообщите мне все, что знаете, — наверное, Вы знаете все, — а я даже не знаю, кто Вы.

Лишь одно: Вы близки к нему.

2

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
8-го июня 1930 г.

Милостивая государыня,

всего лишь несколько слов, чтобы Вы знали: я получила Ваше славное письмо.

В ближайшие дни я еду в Савойю — там должны мы были встретиться с Р⟨ильке⟩. Он спрашивал: «Когда?»[1] Я сказала: «В комнатах я сидеть не желаю, а на улице зимой холодно, так что...»[2] Тут он сразу же отозвался, и странно (весь *он*!) — писал о чем-то другом и внезапно, отрывисто:

Только не надо ждать весны![3]

Это было его последнее письмо. Я изумилась тогда: ему-то незачем так спешить, да и ради меня незачем. Что такое? — Это было *то самое*.

Вот.

Итак, в ближайшие дни уезжаю в Савойю. И, быть может, милая милостивая государыня, Вам однажды захочется навестить меня там. Это деревушка, близко от Шамони. Ведь *я* сама не могу к Вам приехать, как бы мне ни хотелось. Я — русская, визы мне не дадут, к тому же в Швейцарии все так дорого — душе моей лучше б странствовать в одиночку.

Как это было б чудесно! Вы обрадовались бы мне (*я* зову Вас, поэтому говорю о *Вашей* радости). Так Р⟨ильке⟩ тоже радовался мне,

* Тайный советник *(нем.)*.
** Тайный советник *(фр.)*.

я была наверное его последней радостью как женщина и чужестранка, и к тому же еще — волжский мир[4].

В Савойе я пробуду три месяца. У мужа больные легкие, с декабря месяца он в санатории, теперь он снял для нас крохотный летний домик неподалеку. Для нас, то есть для меня и детей: девочка шестнадцати лет и пятилетний мальчик. Мне самой — тридцать пять[5].

Может быть, Вам удастся совершить это небольшое путешествие, иначе мы *никогда* не встретимся. К сожалению, у нас лишь комнатка с кухней, но в Сен-Лоране[6] наверняка можно что-нибудь снять, а стол у нас будет общий.

Сен-Лоран называется это место, оно очень красивое.

Не говорите: нет, скажите: да или: пожалуй. Только не говорите: нет. За три месяца многое может измениться.

Вот мое вступление к письмам Рильке[7]. Я постаралась, как могла, его улучшить, но все равно звучит по-другому. Вся интонация не та. Совсем *не-я. Вяло.*

Приветствую Вас всем сердцем, полным надежды.

Марина Цветаева

Мой адрес:
Г-же Цветаевой-Эфрон
Замок д'Арсин
Сен-Пьер-Рюмийи
Верхняя Савойя

Это адрес моего мужа, своего я еще точно не знаю[8]. Он передаст мне Ваше письмо. Замок д'Арсин напоминает замок Райнера: такая же древность, такое же положение. И Сен-Лоран — совсем близко.

— *Далеко!* Бесконечно далеко!

Что делает мать Р⟨ильке⟩ на его могиле? Почему ее не было у его постели? Бедная старая женщина![9]

Хороша ли (*справедливая* ли) книга Лу Саломе? Есть ли в ней *Он*?[10]

3

St. Pierre de Rumilly
(Haute Savoie)
Château d'Arcine
5-го июля 1930 г.

Милостивая государыня!

Когда я впервые читала Ваше письмо, я не поняла почти ни одного слова — потому что была поглощена буквами, то есть читала глазами. Во второй раз (сегодня) все встало вдруг на *свое место.* Ваше письмо зазвучало, — сегодня я читала слухом, просто ведомая Вашим голосом. Сегодня *Вы* говорили со мной.

Правда ли все то, что меж нами, что происходит, приходит и — чуть было не сказала: проходит? Это *имеет место.* Стало быть, оправданно, правда (как правота ребенка).

Р⟨ильке⟩ однажды написал мне (его полное имя я пишу неохотно — слишком звучно, растянуто — нет, большое, безмолвное и отвесное Р⟨ильке⟩ как его скала Рарон, как его Рона, падающая со скалы, Р⟨ильке⟩ — имя человека и поэта вместе, Р⟨ильке⟩ просто *он*[1]), словом, Р⟨ильке⟩ написал мне однажды: ты не права, ты вправе[2] (в право-царствии, так скажу я). Иметь право — нечто случайное, частичное и собственническое (*иметь*!), нет! — быть в праве, в самой сердцевине — всегда. Вот — правда Р⟨ильке⟩ и — моя правда. Когда-то, милая милостивая государыня, — Москва, революция, голод — мне пришлось обучать французскому языку одну богатую и ленивую девочку 12-ти лет. Итак: être — avoir*.

Знаете, что открылось мне на первом же уроке? Я поняла сама, что *Etre vaux mieux qu'avoir***. И это было для меня несказанно большей (и дольшей!) радостью, чем пять фунтов картофеля, что дала мне за урок мать девочки, ибо: Etre vaux mieux qu'avoir, а мое открытие и было être.

Я ничего не хочу иметь (не имею детей, я *сама* — мои дети), лишь *быть* в вещах, *прозревать* их (не так, как Гёте, которого люблю, словно светлое неведомое чудо, вроде Богом сотворенного леопарда), не так, как Гёте (глубоким взором!), слышать вещи, как Р⟨ильке⟩ (глубоким слухом — трубой), в них вслушиваться, их слушаться, им принадлежать, *быть — вещами.*

(Р⟨ильке⟩ был сам Беттиной, поэтому так и не нашел ее.[3])

Милая милостивая государыня, Вы тоже нужны мне — нужны, чтобы *быть*. Мне не с кем говорить о Р⟨ильке⟩, то есть продолжать им жить. Многие знали его в Париже[4], — и все они, когда-либо его видевшие, его чтили, но никто из них не нуждается в Р⟨ильке⟩ так, как нуждаюсь я, никогда его не видевшая: не *слышавшая.*

Мне нужны Вы, милая и милостивая, а не я — Вам, я обращаюсь к Вам, а не Вы ко мне. Вся ответственность — *моя.*

Писать ему письма в тетради? На это у меня никогда не хватит времени, а, сверх того, безмолвная, бессловесная речь, не-речь, ему теперь (как и тогда, именно *потому,* что он был поэт) куда ближе. И в конце концов я хороню его, закапываю в себе так глубоко, что и сама уже не могу отрыть. Так получается.

Нечто, нет: все! еще пылает во мне — яркое пламя! — высоко вздымаясь — до его гроба. Его гроба, что высоко в небесах. На гробницу Наполеона смотрят вниз[5], на гробницу Рильке смотрят ввысь. Как и *всё* в этой жизни — *он* существует.

Знаете ли Вы историю { в / о } его завещании? Старуха встречает кого-то из замка Мюзот и просит, чтобы нынешний владелец не тревожил трех усопших: молодую женщину, что выбрала обоих (или никого), умерла молодой и спит меж теми двумя[6].

Это исходит, собственно (скажите, как правильно пишется это слово), от молодой русской, от переписчицы[7]. Знакомы ли Вы с ней? — она прислала мне его последний подарок[8], подарила его фотографию

* Быть — иметь *(фр.).*

** Лучше быть, чем иметь *(фр.).*

(Мюзот — на балконе)[9] и много рассказывала мне о нем. Он радовался ее здоровью и всегда держал ее за руку, как ребенок, он чувствовал в ней *опору*.

Она прочла ему вслух мое последнее письмо (открытка с видом Медонской террасы) из Медон-Валь-Флери[10]. Три с половиной года я жила в Праге, не подозревая, что это его родной город[11], и четыре года в его Медоне, не зная, что это был (и есть) *его* город — Медон его роденовой юности, — лишь этой весной узнала об этом из его писем[12].

...Это был лист печатного (на пишущей машине) текста, мне очень хотелось бы его иметь, возможно ли это? (Завещание.)

Дорогая госпожа Нанни, мне хотелось бы прочесть книгу Лу Саломе, но приобрести ее не могу — ибо *ничего* не имею и живу подаянием — не можете ли прислать мне эту книгу? И его юношеские пражские истории, которые я видела лишь на витрине[13]. Из его книг у меня есть только «Элегии», «Орфей» и «Сады» — это он подарил мне, все прочие остались в России — со *всем прочим* И еще письма, подаренные мне мужем на Пасху[14]. Вот и все.

Если Вы готовы на такую любезность — большей радости Вы не сможете мне доставить.

Обнимаю Вас и жду Вашего письма.

Марина

4

St. Pierre de Rumilly
(Haute Savoie)
Château d'Arcine
11-го августа 1930 г.

Милостивая государыня!

Все получила, ибо то, что я получила, воистину — *все*. А в октябре *Вы* получите его последнюю Элегию с моим повторяющимся чужеземным именем и *его* почтовым штемпелем: Медон-Валь-Флери[1].

А позднее — когда-нибудь — и копии его писем. Переписанное моей рукой не значит отданное для печати, попавшее в Ваши руки («в руки Лу...»)[2] не значит «обнародованное»: разбазаренное: преданное.

К *Вашему* Р⟨ильке⟩ добавится у Вас *мой*. (Подчеркиваю, ибо так говорю.)

Могла же Беттина — бескорыстная расточительница любви! — подарить письма Гёте, написанные его рукой, отдать их своему юному другу, который их (и Беттину, и письма) позднее предал: потерял[3].

Вы меня никогда не предадите.

Несколько Ваших слов доставили бы мне высокую радость.

Жму руку и спасибо за все.

Марина

5

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
17-го октября 1930 г.

Милостивая государыня!

Как странно получается иной раз: когда я писала Вам о русской секретарше, я должна была сразу взять другой лист, ибо не успела

опомниться, как на бумаге появились слова: *чересчур здоровая*. Теперь я Вам это все же скажу.

«Светловолосая девушка» (Черносвитова — украинское имя, означает: та, что носит *черную* рубашку) обращалась с последним Р⟨ильке⟩ примерно как с отпечатками его последних фотографий — ее собственностью: это мое, и я даю их когда хочу и сколько хочу, и кому хочу. Случайно оказавшись возле него (как могла она расстаться с ним за несколько дней до его ухода, полагаясь на его «nous nous reverrons»*, означавшее совсем другое!), она принимала и даровала эту случайность как судьбу.

Я встретилась с ней лишь раз и отпустила ее от себя — не тоскуя.

Сегодня, 17-го, я получила Ваше письмо и письма[1] — все переслали мне из Савойи.

Письмо Ваше пенится и плещется, и сверкает — Бодензее[2] — слово из моего детства, я жила тогда во Фрейбурге (Брейсгау), и у меня была подруга — Брунхильда — девочка из тех мест, похожая на русалку. Я так ее полюбила, что нам вовсе запретили встречаться. Как будто я была озером (а то и целым морем!), желающим ее умчать домой — со школьной скамьи или песчаной отмели.

(Знаете ли, что *Марина* и Афродита[3] — одно, я знала это всегда, теперь это знают ученые — Марина, морская[4]).

Милая госпожа Нанни, Вы так долго не писали, что я подумала: госпоже стало боязно, она не желает полноты чувства, она *переполнена*, и я не прерывала Вашего молчания и не написала бы, если бы не Ваш оклик.

Грядет холодная зима, уже холодно, хотя зимы еще нет — последние прекрасные дни, как в июне, которым совсем не радуешься, ибо: незаслуженная радость! — мужу пришлось покинуть санаторию, так как русский Красный Крест не мог больше платить, он по-прежнему болен (болезнь легких и — ⟨...⟩), работать не может, в эмиграции не найти «интеллигентной» работы, разве что шофером в такси или на заводе Рено, это ему не по силам, у него все время усталость, с самого утра, его не возьмут — уже по тому, как он выглядит, — ни на какую фабрику.

Изнурительная, удушающая нищета, распродаю вещи, что были мне подарены, вырученные 20 — 30 франков тут же улетучиваются. Дочь вяжет, но за *свитер с длинными рукавами* — две недели труда, не меньше, ибо есть еще множество других дел! — дают всего лишь 50 франков. Я умею только писать, только *хорошо* писать, иначе давно бы разбогатела. Целых шесть месяцев я работала, переводя на французский мою большую поэму «Мóлодец», теперь она готова, выйдет в свет с рисунками Натальи Гончаровой, великой русской художницы, но когда, где?[5] Придется ждать, чтобы не обесценить вещь.

---

* Мы еще увидимся *(фр.)*.

С русской эмиграцией лажу плохо, ибо — к ней не принадлежу. Собственно говоря, я вовсе не эмигрант, мне дали уехать потому, что моя дочь (трехлетняя девочка) умерла от голода и еще потому, что во мне, по словам одного коммуниста, «мелкобуржуазности меньше, чем в любом из нас». — «А Вы знали хоть одного мелкобуржуазного поэта?» — ответила я. «Мелкобуржуазных нет, *только* феодальных», — заявил коммунист — и выдал мне паспорт[6], — хотя прекрасно знал, что мой муж с самого первого дня был в Белой армии.

Я взяла с собой моего другого ребенка, восьмилетнего (сейчас ему семнадцать), и уехала.

Итак: с русской эмиграцией лажу плохо, живу лишь в моих тетрадях — и долгах — и если изредка раздается мой голос, то это всегда *правда,* без всякого расчета, как совсем недавно, когда наш великий советский поэт Владимир Маяковский (Вы, наверное, читали о его самоубийстве? *Прекрасная* смерть!) выступал здесь, в Париже, вернее, просто читал свои стихи. На другой день появилось мое открытое письмо к нему — ликующий зов![7] — Россия еще жива! А на другой день меня выкинули из всех эмигрантских газет (где изредка печатались мои стихи) — дескать, «советская, опасная»... не помню, что еще. Меня, которая в разгар революции, в 1919-м, *самом страшном* году, перед залом в 2000 человек вещала с эстрады о своей любви к последнему царю[8].

Я совсем одинока, и в жизни, и в работе — как во всех школах моего детства: за границей — «русская», в России — «иностранка» — со многими друзьями, которых никогда не видела и не увижу. Совсем одна — с моим *голосом.*

Милая госпожа в красном парке (моя мать, что умерла молодой, всегда писала *roth**, *Thor*** и *That****, хотя ее поколение уже низвергло владычество буквы «h»), милая госпожа в красном парке, великое Вам спасибо за Ваш великий подарок. В поздний час, когда все окна вокруг черны, лишь в одном — свет: в моем, я открываю книгу, и это снова я: *опальная,* как написано в старых немецких законах — вольная, словно душа.

Марина

О, мне очень хотелось бы получить копию завещания Р⟨ильке⟩, я лишь бегло прочитала его однажды, из рук Черносвитовой, она сказала, что не может предоставить мне копию, и была, пожалуй, права.

Сегодня (18-го) я уже читала книгу Р⟨ильке⟩. Дойдя до места, где он рассказывает о встрече с Эллен Кей[9], я невольно улыбнулась, почти — засмеялась. Р⟨ильке⟩ — и скупость, Р⟨ильке⟩ — и франки, Р⟨ильке⟩ — и автобус. И как он не желает этого понять (принять) — и пытается объяснить, почти — прояснить — и в конце концов все-таки понимает (принимает!).

---

* Красный *(нем.).*
** Ворота *(нем.).*
*** Деяние *(нем.).*

(Р⟨ильке⟩ – и «идеалы»!)[10]

Тяжко ему приходилось, среди множества друзей и подруг, что всегда стремились к нему, как он сам – к *самому себе*. Голос, *уставший* от благородства и – жалости.

Вел ли он когда-нибудь дневник?[11] Это была бы самая подлинная его книга: Р⟨ильке⟩ и он[12].

Обнимаю Вас.

Поклонитесь от меня самому старому Вашему дереву.

6

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
6-го марта 1931 г.

Милостивая государыня!

Бесконечно тяжело для меня писать Вам это письмо – *Вам – это* – но – я буквально иду ко дну, молча, как и случается с такими людьми. Когда тринадцатилетний Юлиан, великий маленький музыкант, сын Александра Скрябина, утонул в днепровском омуте[1], никто не слышал ни единого звука, хотя от других его отделял лишь поросший кустарником островок – величиною с мою ладонь, – и его учительница музыки, пианистка Надежда Голубовская[2], говорила мне позже, что Юлиан просто *не умел кричать* – она хорошо знала мальчика.

Так было бы и со мной, не имей я близких, что делают нас другими (ими!), – потому-то у Р⟨ильке⟩ и не было никаких «близких».

Очень просто: люди, помогавшие мне все 5 лет моей парижской жизни – *подававшие* мне, – устали и ничего не дают[3]. – «К сожалению, я больше не в состоянии...» и т. п. Что мне остается? – «Спасибо за то, что было» и – молчанье.

Мои, как говорится, – «проблемы». *Ничего* не имею, кроме моих рук и моих тетрадей. Вся моя работа последних трех лет («Перекоп» – большая поэма о войне русских с русскими; «Мо́лодец» – другое) – *лежит*. Сейчас не время для больших поэм. Дайте нам лучше что-нибудь «лирическое» и не длиннее, чем шестнадцать строк (то есть – 16 франков). А о французском «Мо́лодце» – лишь одна присказка: «*Слишком* ново, непривычно, вне всякой традиции, даже и не сюрреализм» (NB! от коего меня – Господи упаси!).

Никто не желает courir le risque*, ибо это большое произведение – 100 страниц и более, с иллюстрациями Гончаровой, и издавать его нужно *по большому счету*.

Признана и отвергнута.

Будь я одна на свете, я молча пошла бы ко дну – от сознания полной невиновности и исполненного долга. С самого раннего детства я делала больше, чем могла.

Что мне нужно, о чем я прошу Вас, милостивая государыня, пожалуйста: месячное вспомоществование, сколь бы малым оно ни было. То,

* Рисковать *(фр.)*.

что приходит, и на что, сколь бы малым оно ни было, можно рассчитывать — сколь бы недолго оно ни длилось.

Это особенно трудный год. Муж занимается кинематографией (кинооператор — как же это по-немецки? prises de vues*) — занимается всерьез и с явным успехом, хорошее место ему обеспечено, правда, не раньше чем через 6—8 месяцев[4]. Моя дочь — вторая в рисовальной школе (Arts et Publicité»**), и была бы первой, если бы не «étrangère»***. Но — прежде чем она начнет зарабатывать, она должна пройти курс в этой школе, да и *слишком обидно* было бы бросить. Странное семейство, где все *так*! работают и никто ничего не получает.

Простые люди в квартале любят нас и готовы месяцами ждать, пока мы заплатим, но *все-таки* это французы, у них *свои* заботы, и они не могут ждать бесконечно, тем более что с каждым прожитым днем наши долги увеличиваются (молоко, картофель, овощи, уголь). Газ тоже не ждет. И электричество не ждет. И «терм» (3-месячная плата за квартиру) не ждет, то есть всего лишь пять льготных дней. Что будет дальше, не знаю, продавать мне нечего — разве что книги, которые никому не нужны. На четверо человек — четыре простыни.

Милостивая государыня, если Вы можете что-нибудь сделать — сделайте что-нибудь!

Марина

7

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
9-го марта 1931 г.

Милостивая государыня!

Как, какими словами благодарить? Вы даете мне много больше, чем я просила, я просила немного, Вы даете все — целый терм! Да еще остается, чтобы заткнуть глотку самым кричащим долгам. (Чем молчаливее кредиторы, тем громче вопят долги.) Но всего хуже, когда кредитор *терпелив*, тут-то и чувствуешь себя настоящим должником. Не чувство долга: чувство вины! Если бы кто-то из них стал кричать на меня, я была бы счастлива. Французы никогда не кричат на других, для русского человека (бунтаря) это тяжело. Он сам начинает кричать.

Милостивая государыня, никто, даже из русских, — ибо никогда не было у нас такого поэта (были поэты, какие есть и будут у немцев), никто никогда не говорил о русских так, как Р⟨ильке⟩. Как поэт Р⟨ильке⟩ — то же, что русские как народ и Россия как страна: ВСЁ.

«Русский человек не революционер, ибо терпелив...» — в таком духе говорил Р⟨ильке⟩ в 1905 году о русских событиях. И далее: «Поэт — не мятежник».

---

* Киносъемка *(фр.)*.
** См. перевод на с. 323.
*** Иностранка *(фр.)*.

И все же: *мы:* русские и поэты — бунтари. В ином царстве. Против иных законов.

Нельзя сделать шаг *во имя* чего-то, не сделав его *против* чего-то.

И как раз оттого, что мы — великие бунтари, мы не должны иметь дела с политическими революциями, что всегда *мелки,* ибо вершатся лишь — ради хлеба насущного? *нет:* ради проклятых денег.

А теперь выслушайте, милостивая государыня, короткую историю одной *судьбы.* Когда в 1905 году (первая революция) моя умирающая в Крыму (в Ялте) мать диктовала свое завещание, мы, две ее дочери, Ася — девяти лет, и я — одиннадцати[1], находились в комнате, что-то писали или рисовали, и, не прислушиваясь, слышали. «Нет! — говорила она, — я не желаю, чтобы все было истрачено на этот кошмар (революцию). Старшая (я) станет революционеркой — уже *такая!* — и, достигнув совершеннолетия, все тотчас отдаст для партии. А младшая подражает старшей. Пусть лучше эти деньги лежат, и пока детям не исполнится сорок (до сорока люди молоды, знаю это — мне ведь 34!), они не должны попасть им в руки. А к сорока их роман с революцией кончится».

И вот — деньги, большие деньги, остались лежать. И мы — Ася и я — их даже не почувствовали. Собственно — ни разу их не имели. — Деньги (золото!) — призрачные. Почти что рейнское золото![2]

Мы тратили мало, были спартанцами, как наша мать (она по матери — высокородная польская дворянка), — лишь книги, на это у нас хватало. Мой первый Париж! 15 лет — одна — летние занятия[3]. Что привезла в Москву? Севрскую статуэтку: маленький римский король[4], подпись Наполеона (Premier Consul*) и все парижские набережные с книгами (NB! каждая стоила тогда не больше 100 франков!). Ни одного платья, я всегда *стыдилась* новой одежды.

Так и шло. Потом — детский брак[5]. С процентами все еще было предостаточно. Путешествия? За границей всегда только третьим классом. Другие ведь *путешествуют* третьим классом, так почему не я? Деревянные сиденья? Даже лучше, чем жаркий, красный, зловеще пыльный бархат.

В конце концов — конец пришел скоро — когда пришла революция, мы ничего не потеряли, очень мало. Остались без домов? Ну и слава Богу! Все время дворник (тот, кто убирает двор) со своими требованиями: забор покосился, нужно обновить асфальт перед домом, и все время бумаги — их надо подписывать, и т. д. И экономка — и много всякой разной прислуги — и мы одни, вместе взятые — муж, я и ребенок — не достигшие сорока лет, совсем неповинные в нашей огромной собственности.

Когда я завела разговор в банке (в начале 1917-го, еще можно было все получить), служащие сказали мне: нельзя. Особая оговорка: не выдавать до 40 лет.

Пропало все, насовсем. — Призрачные деньги!

Самое изумительное, что наша мать, как две капли воды похожая на нас, дочерей, оставила нам очень много стипендиатов, которым мы регулярно должны были помогать, среди них — трех революционеров: двух мужчин (евреев) и юную девушку, все — легочные больные, ее знакомые по санатории (Нерви, близ Генуи) — там, за время ее короткой болезни, она встретила и полюбила их.

---

* Первый Консул *(фр.).*

Они потеряли от переворота больше, чем мы, и наша последняя выплата была еще в апреле 1917-го.

Один из них вернулся в Москву в 1918 году и умер через два месяца в одиночестве, в реквизированной гостинице, в комнате *без окна*. Он предлагал мне деньги (подозреваю, что втайне мать все-таки его любила, он-то любил ее наверняка)[6] — я *не могла* взять, а он был уже слишком болен и слишком далек, чтобы вложить их мне в руку. (Он знал меня еще 8-летним ребенком — тогда, на Ривьере! Теперь мне было 22 года, а мать — давно умерла!)

Наш первый жест — самый искренний, чуткий — когда нам что-нибудь дают — всегда: Нет! — отдернув обе руки, отступив на три шага.

Когда моя мать заболела и мы уехали за границу, она все оставила дома — броши, кольца, серьги и т. д. — потому что их *не любила*. (Наследство и свадебные подарки.)

А когда четыре года спустя — после смерти матери — мы вернулись в Москву — ничего уже не было, одни футляры.

Я жду другого завещания, *его* завещания.

Будьте благополучны. Благодарю Вас. И обнимаю.

Марина

Любил ли Р⟨ильке⟩ евреев? Отличал ли от других? Еврейство ведь тоже стихия (огонь, вода, воздух, земля), как российство.

Я более стыжусь благодарить, чем просить. Не потому, что я *мало* чувствую, потому, что я *много* чувствую. Благодарение застревает у меня в горле, я готова расплакаться.

8

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
11-го августа 1931 г.

Милостивая государыня!

Сердечно благодарю за прелестный пучок лаванды, да будет жизнь Ваша столь же благоуханна, как сейчас моя комната.

Странно: накануне вечером мне опять случилось так долго (и напрямик) думать о Вас: где Вы, как Вам живется и помните ли Вы еще обо мне, а утром, словно аромат в воздухе, — Ваша посылка! Однажды я так же — запросто — послала Р⟨ильке⟩ ракушки и морскую гальку из Вандеи, ракушки — зов, а камушки — подпись (между ними — морская изморось!) и несколько дней спустя получила от него «Verger»[1] с таким посвящением:

Прими песок и ракушки со дна
французских вод моей (что так странна!)
души... Хочу, чтобы ты увидела, Марина,
пейзажи всех широт, где тянется она
от пляжей Côte d'Azur* в Россию, на равнины.

Р.

(Конец июня 1926)
Мюзот.

---

* Лазурный берег *(фр.)*.

Прочитав позже в *Вашей* р⟨ильковской⟩ книжке о Родене: «Le poète s'exprime par des mots, le sculpteur par des actes»*[2], я вспомнила, как мы с ним обменялись этими дарами. Сегодня *Вы* действуете как скульптор!

Тысячекратное Вам спасибо и — человеку все мало! — *все-таки* просьба: сказать мне однажды еще и словами, как Вам живется, каково Вам и Вашей душе, и удалось ли Вам еще раз навестить деревья-гиганты Вашего детства (на Боденском озере?), — многое и все.

Вышел ли следующий том писем Р⟨ильке⟩?[3] Наверное, нет — из-за кризиса. Жаль. Жива ли еще его мать?[4] Все это и многое другое мне хочется знать.

А пока — обнимаю Вас от всего сердца.

Марина Цветаева-Эфрон

P. S. Надеюсь, Вас порадует мое *ответное деяние* — эта древняя-древняя вещь из татарского Крыма, привезенная мной еще из России[5].

9

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
19-го августа 1931 г.

Милостивая государыня!

Это не письмо (письмо следом!), пишу Вам глубокой ночью — сегодня после трехнедельного отсутствия вернулся муж из своей санатории[1], а завтра, рано утром, дочь уезжает к друзьям в Бретань[2], — и вот целый день я распаковывала и упаковывала вещи, поэтому совсем глупа и тупа.

Сегодня пришел «Feuille de recherches»**, я уже ответила: письма почтальон оставляет консьержке, а та их потом раздает. Почтовый ящик отсутствует. Когда дома никого нет, почту подсовывают под дверь. Как раз недавно у нас появилась новая консьержка, а до нее долгое время не было никого, и prогriétaire*** (мой бедный немецкий! Пишу только Вам) сама раздавала письма. Иногда этим занималась «femme de ménage»**** и т. д., словом — беспорядок, я все собиралась попросить почтальона, чтобы он сам отдавал письма в дверях, но постоянно что-то мешало — так всегда и бывает — пока что-нибудь не стрясется.

Милая госпожа Нанни, сейчас глубокая ночь, я поднимаю голову и вижу все книги Р⟨ильке⟩ (Ваши книги Р⟨ильке⟩), что стоят над моим огромным столом (моя первая и последняя огромность) на нескольких полках. — И *все* становится таким легким, *все* письма получены, даже те, что не написаны (его).

Обнимаю Вас и скоро напишу Вам опять. Простите мне это не-письмо, не-то-письмо, не-я-письмо!

Марина

То, что Вас обрадовала татарская вышивка, радует и меня (взаимная радость). Тоска — по вещам? Никогда. Лишь по собственной душе — ведь до нее мне почти никогда не добраться.

Этой вещи, пожалуй, не меньше ста лет, *старое* дерево, хотя все еще и навеки — деревцо.

---

* Поэт выражает себя словами, скульптор — деяниями *(фр.)*.
** Розыскной лист *(фр.)*.
*** Хозяйка *(фр.)*.
**** Приходящая домашняя работница *(фр.)*.

10

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
29-го декабря 1931 г.

Милостивая государыня! Странные бывают совпадения. Сегодня после долгого молчания я взялась, наконец, за письмо, и оказалось, что *сегодня* — 29-ое декабря, день смерти Рильке. 1926—1931: пять лет! Если меня в моем глубочайшем сне спросят: когда это было? — Вчера! Только что! Никогда! Никогда не будет и никогда не может быть. Никогда и не было.

А теперь, милостивая государыня, небольшое происшествие — рильковское. Поскольку дома я не успеваю добраться до чтения (как и до писания и до себя самой), то я всегда читаю в маленькой электричке Медон — Париж, коей, вероятно, и в помине не было, когда в Медоне жил Рильке. Так и на этот раз. Я читала первый том его писем и так глубоко потерялась в нем, как можно потеряться и (найтись!) лишь в лесу, и когда вдруг поезд остановился, я не могла понять, где же выход. (Выхода в этот момент *не было.)* Поезд стоял, я бесшумно металась взад-вперед под испуганным взглядом всех остальных. Никто не проронил и звука, никто даже не шелохнулся, как будто *их* всех — всех *тех* — я погрузила в мой сон.

Наконец один — слегка улыбнувшись — открыл мне дверь.

Все это длилось ровно минуту: целых шестьдесят секунд: сколько ударов сердца?

Эту историю всего охотней я рассказала бы Райнеру. Но его «нет» (как не оказалось и двери, точь-в-точь как и двери), и я дарю ее Вам, милая госпожа Нанни, к *седьмой* (любимое число Рильке!) годовщине его отсутствия.

После Р⟨ильке⟩ я никого не полюблю — не захочу, не смогу. А ведь мы и не любили друг друга, да никогда и не полюбили бы. Об этой не-любви он и пишет в своей последней Элегии (для Марины).

Вот еще, прямо из моей записной книжки:

— Поскольку дома у меня нет времени — не бываю дома (ибо всегда в себе) — я читаю твои письма только в поезде или подземке (прекрасное слово!) — и как внутренне я защищаюсь, Райнер, от всего и всех — тобою, так внешне защищен и ты — твоя книга — моей (под моей) рукой — крылатой рукой плаща.

Милая госпожа, я ничего не знаю о Вас с той поры, как потерялось письмо. Где Вы (у меня лишь один из Ваших адресов), какой была или будет зима? Жива ли еще мать Рильке?[1] Знаете ли Вы что-нибудь о его дочери и внучке?[2] (*Его* кровь!)

Мои дела очень плохи, потому что очень плохи *наши* дела. Муж работает в частной конторе[3], с 9 утра до 10 и даже 12 ночи, и получает

за это 260 франков в неделю – он тратит их на питание и проезд. Вот все, что мы имеем, собственно, не имеем даже этого, потому что как раз теперь у него каникулы, значит, целых две недели – ничего. Единственный журнал, куда я писала (в эмиграции все партийно, я же не принадлежу ни к одной партии), мой единственный журнал истаял, став тоненькой тетрадью[4]. Дочь работает много и не зарабатывает ничего. Она – первая в своей школе («Arts et Publicité»), первая по трем специальностям: иллюстрация, литография, гравюра, и могла бы немало зарабатывать, если бы о ней кто-нибудь позаботился. Но никто о нас не заботится.

Маленький великан (Георгий, 6 лет) растет и становится большим.

(Зачеркнутые места – начало неудавшегося русского новогоднего письма[5].)

Милая госпожа Нанни, вспомните о его завещании. Сегодня, сегодня, сегодня ушел он.

Желаю Вам здоровья и спокойствия в Новом 1932-м году!

Сердечно обнимаю Вас.

Марина

11

Meudon-Val-Fleury (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
12-го января 1932 г.

Милостивая государыня и – дорогой друг! Рождественский *дар!*[1] Эту книгу я буду читать долго, читать медленно, как можно дольше и медленней. Читать? Жить ею[2]. Чудное начало с русскими стихами латинским шрифтом[3] (я перевела латинские буквы обратно в кириллицу, а *так* они звучат по-чешски, по-родному, ибо Прага – моя вторая родина, как для Р⟨ильке⟩ – первая). – Первая поездка в Россию. Первый Рильке. (1899-й – мне было тогда пять лет[4]).

Милая госпожа! Очень важный для меня (пожалуй, и сам по себе) вопрос. Я знаю, что все переводы Р⟨ильке⟩ на французский, кои появились доселе, сделаны Морисом Бетцом. Переводит ли Бетц и его письма[5], то есть получил ли он *права* на эту работу? Не могли бы Вы, милая госпожа Нанни, столь близкая ко всему, что касается Рильке (я не знаю – не знала – никого, кроме него самого, а *его больше нет*), выяснить в издательстве «Insel»[6] (или у наследников), даны ли уже кому-нибудь права на эту работу (французский перевод писем Рильке).

Если нет – я взялась бы за перевод всех трех томов и сделала бы это не хуже самого Р⟨ильке⟩. По-французски я говорю и пишу так же, как по-русски, и уже перевела *рифмованными стихами* мою большую поэму (Le Gars*) да и много еще. Р⟨ильке⟩ и его язык я настолько знаю изнутри, что у меня получится лучше, чем у кого-то другого. Чтобы переводить поэта (любого, не говоря уже о таком!) да еще переводить прозу поэта, которая – особого рода, нужно самому *быть* поэтом. Никто другой не может и не должен этого делать.

* Молодец (*фр.*)

Это была бы большая работа. Знаю. Чем больше—тем больше радости. Больше, чем большая работа,—вторая жизнь. Внутренняя жизнь—в-нем-жизнь, и все же—деятельная жизнь.

Итак, дорогая госпожа Нанни, если Вы готовы оказать мне милость—напишите обо мне и моем предложении в издательство «Insel» или наследникам: русская поэтесса Марина Цветаева, знающая французский как свой родной—умеет не только писать на нем, но и сочинять стихи—хотела бы перевести письма Рильке на французский язык и спрашивает, свободна ли еще эта работа.

Я могла бы уже сейчас перевести несколько писем—и показать их. (Кому?)

Таков мой громадный (выполнимый ли?) план. (Все места в жизни уже заняты,—с этим убеждением родилась—но: остается ведь еще целый мир наверху! Сперва горы, в конце (или в начале?)—небо.)

Во-вторых. Первым делом я хотела бы выбрать и перевести из писем Р⟨ильке⟩ все, что в них есть о России. R.-M. Rilke et la Russie* или: La Russie de R.-M. Rilke**—звучит лучше и—глубже. (*Его* Россия, как *его* смерть: все и только то, что не принадлежит никому, *принадлежало* ему. Его жена—нет, его ребенок—нет, его Россия—да.) Будет ли и у меня право на эту подборку (и французский перевод)?

«La Russie fut le grand évenement de son être et de son devenir»***,—так начиналось бы мое предисловие. Мой французский был бы в точности *его* немецким. Я писала бы *его* языком (он сам однажды написал мне с улыбкой о моих—и своих—частых скобках в письмах: «Ты так сильна и в *моем* языке, что, думая о тебе, каждый раз я вынужден писать *по-твоему*...» Намек на мои короткие фразы и длинные скобки)[7].

Это не должно стать книгой, то есть для книги еще слишком рано, ведь в последующих томах будет еще не раз помянуто о России (повеет и пахнет Россией!). Сперва это могло б появиться в каком-нибудь хорошем журнале. И *стать* книгой—той самой: русско-рильковской, которую ведь он хотел написать. И в конце концов написал. Ее нужно всего-навсего составить и—*вот она!*

Не: Рильке о России, не Рильке и Россия—*Россия* в Рильке, так я это ощущаю.

Россия Рильке, переведенная русским поэтом на его второй стихотворный язык—французский. Я думаю, он был бы (будет) рад.

Если Вы, дорогая госпожа Нанни, обратитесь в издательство «Insel» или к наследникам по поводу французского перевода, не могли бы Вы попутно спросить и о русском? Ибо мне хочется перевести Рильке и на русский язык,—все три тома, конечно, тяжело, да я и не знаю здесь, в эмиграции, ни одного издателя для такого огромного и серьезного дела (в новой России—тем более; Рильке понял бы и ее, она Рильке—нет). Я делала бы это потихоньку и—ожидала бы. Как делаю

* Р.-М. Рильке и Россия *(фр.)*.

** Россия Р.-М. Рильке *(фр.)*.

*** Россия была огромным событием его бытия—и его развития *(фр.)*.

и со многими собственными сочинениями. Не ради скорейшей публикации, что *нынче*, в данный момент невозможна (говорю о всем массиве писем — звучит как горный массив!). Но Россия Рильке могла бы уже теперь появиться по-русски. Как и французский перевод — в каком-нибудь журнале.

Многие русские не знают немецкого, а молодые и подавно.

Но — Рильке должен прийти к ним, прийти именно к ним. Так должно быть.

Я говорю только о праве перевода. Не печатать, только переводить. А если когда-нибудь дойдет до того, что работа будет готова (скажем, первый том писем полностью), все остальное смогут обсудить и решить между собой французский издатель и издательство «Insel». Я же хочу одного: быть уверенной, что — если я получу право на перевод — никто другой его не получит — никто, кроме меня. Иначе — что толку в моей работе! С кем-то другим я тоже не желаю работать, да и не смогла бы. Один писал письма — один и должен их переводить.

Если издательство «Insel» захочет узнать, кто я такая и на что гожусь, — достаточно ли будет письма от А. Жида?[8]

Обнимаю Вас и благодарю безмерно

Марина Цветаева

P. S. Жива ли еще мать Рильке? Знакомы ли Вы с ней? А что получилось из Клары Вестхоф — *скульпторши* Клары Вестхоф?[9] А из маленькой Рут? А из маленькой Кристианы, которой, думаю, минуло уже девять лет?

Нет ли у Вас фотографии могилы в Рароне?[10]

12

Clamart (Seine),
101, Rue Condorcet,
22-го ноября 1932 г.

Дорогая госпожа Нанни! Да, дела мои (наши) шли и идут очень плохо, муж болен, дети исхудали (дочь совсем истощена и бескровна: с весны и до поздней осени мы голодали, как в Москве) — и т. д. — я очень далека от всякого *круга* (имею в виду круг людей), значит, и от литературных кругов, что поглощены здесь политикой больше, чем литературой, то есть больше кричат и ненавидят, чем молчат (пишут) и любят, — все места заняты, я билась над *чужими* переводами, хочу сказать: если кто-то сделал плохо, мне приходилось переделывать, то есть все переписывать наново[1]: за неделю такой работы — примерно 100 франков, часто меньше. И т. д. — не хочу докучать Вам этими — в конечном итоге мелкими — заботами. Итак: ищу работу, нигде не могу ее найти и — тут начинается история.

Распахивается дверь, и моя приятельница (и покровительница) с сияющим лицом: — Есть *работа* и *радость!* — В ее протянутой руке книга: Карл Зибер — «Рене Рильке (Юность Райнера Мария Рильке)»[2].

Открываю: детские фотографии: очень мило! Первая — на втором году жизни — *вылитая* моя дочь, я знала это и раньше, однажды

я написала Р⟨ильке⟩: «У нее *твои* глаза»[3], — а здесь, в двухлетнем возрасте, — то же лицо.

Потом — читаю. И уже с самого начала: предисловие, нет, до того, еще раньше, едва я вникла в это «Рене» — он ведь никогда не был «Рене», хотя и был так назван, он всегда *был* Райнер — словом, мое первое чувство: *ложь!* ⟨...⟩

Дорогая госпожа Нанни, это ответ на Ваше милое письмо, которое мне переслали, — я давно уже (к сожалению!) покинула Медон-Валь-Флери[4]. (Его Медон, теперь там как раз реставрируют до Родена.)

Напишите мне *скоро* еще раз, мне так хотелось бы знать, что я не одинока в моем возмущении.

Завтра я должна буду отказаться от перевода — моя покровительница огорчится — да и другую работу (достаточно трудную) я опять-таки не получу так быстро, но: ничего не поделаешь. Я *не могу* и *не хочу такой* работы — Боже упаси такое мочь и хотеть!

Обнима Вас от всей души. Фотографии Рильке доставили мне огромную, глубоку и грустную радость.

Марина

13

Милая, милая госпожа Нанни,

три Ваших подарка неспешно путешествовали за мною следом[1], пока, наконец, вчера вечером не настигли меня все разом — словно три ангела, что идут за человеком и, как подобает анге ам, никуда не торопятся.

Я несказанно счастлива, даже более чем счастлива — насыщена счастьем, какое бывает то ько с Р⟨ильке⟩. (Счастьем — тоже не точно; быть может: *родиной?* Вы меня понимаете.)

Спасибо, спасибо, спасибо.

А теперь — открытку в несколько слов: как Вам живется, каким было лето, какова осень, какой будет зима. Так долго — два года, наверное, — я не слышала Вашего милого далекого голоса. (Чем дальше — тем звучней!)

Люблю и приветствую, и бесконечно благодарю Вас.

Марина

France, Clamart (Seine),
10, Rue Lazare Carnot,
7-го сентября 1933 г.

14

France, Clamart (Seine),
10, Rue Lazare Carnot,
23-го сентября 1933 г.

Милая, милая госпожа Нанни,

огромная, огромная просьба.

Не могли бы Вы послать в издательство «Insel» это мое благодарственное письмо к княгине Турн унд Таксис[1], вернувшееся ко мне

из Берлина и Цюриха. Может быть, в издательстве знают адрес княгини, ведь они печатают ее письма[2].

Боюсь делать это сама, ибо мне так не повезло с первого раза. Вот уже целую неделю письмо лежит в ящике моего письменного стола и тяготит меня, я не хочу его открывать, его уже коснулась судьба — эти два путешествия и возврат, и холодные печатные буквы: *адресат неизвестен.* Если княгиня его получит — пусть получит его в таком виде. Поэтому прошу Вас, милая госпожа Нанни (сейчас я написала Ваше имя с русским «Н» — Нанни: так зовут Вас, если писать по-русски!), милая госпожа Нанни, поместите, *вложите его, как оно есть,* в другой конверт! *и сами надпишите адрес.* Возможно, у Вас более легкая рука и княгиня его все же получит.

Будьте добры указать и обратный свой адрес, чтобы письмо не потерялось, если и издательство «Insel» не сможет отыскать следа княгини. (Я чувствую, как *ужасно* пишу по-немецки, но ведь за несколько лет я не написала ни одной немецкой строчки!)

Это — моя благодарность за ее высокую, подлинную книгу о Рильке[3] — насколько выше, проще и подлинней, чем книга Лу Саломе, не правда ли?[4]

И в заключение — счастья Вам и радости: с великим началом — новым человеком — новым ребенком![5] *Кто* он? Как его назвали? От имени *многое* зависит...

Настоящее письмо к Вам — следом.

С любовью и благодарностью

Марина

— Турн унд Таксис Гогенлоэ, верно?

Вундерли-Фолькарт Нанни (1878 — 1962) — близкая знакомая Рильке в последний период его жизни. Согласно завещанию Рильке, была его душеприказчицей и распоряжалась его литературным и эпистолярным наследием.

Поводом для возникновения переписки между Цветаевой и Вундерли-Фолькарт послужило письмо последней, в котором она обратилась к Цветаевой с вопросом, как поступить с ее письмами к Рильке, находящимися в архиве поэта.

Впервые — *Небесная арка.* С. 184 — 214, 220 — 224 (пер. с нем. и публикация с обширными комментариями К. М. Азадовского). Печатаются по текстам первой публикации с частичным использованием комментариев (с любезного разрешения К. М. Азадовского).

1

[1] О том же самом Цветаева писала в статье «Несколько писем Райнер Мария Рильке» (см. т. 5).

[2] См. письмо 98 к А. А. Тесковой (т. 6).

[3] С 1928 г. в Веймаре жили дочь поэта Рут Зибер-Рильке (см. письмо к ней) и ее муж Карл Зибер (см. письмо 12 к Н. Вундерли-Фолькарт и комментарий 2 к нему), занимавшиеся сбором материалов о поэте и изданием его писем.

[4] «Новогоднее» (см. т. 3).

[5] Имеется в виду очерк «Твоя смерть» (см. т. 5).

[6] *Лишь время.* — Ср. письмо 5 к Л. О. Пастернаку (в т. 6).

[7] Отрывок из «Слова о полку Игореве» в переводе Рильке был опубликован в 1930 г. в еженедельном приложении к немецкой пражской газете «Prager Presse» от 16 февраля 1930 г. Во вступительной статье чешского слависта А. С. Магра (подпись — Мгр) было сказано о завершении Рильке своего перевода еще в 1904 г. (*Небесная арка.* С. 335).

[8] См. письмо к Е. А. Черносвитовой и комментарии 2 и 8 к нему.

[9] Очерк Цветаевой «Несколько писем Райнер Мария Рильке» в переводе на французский был напечатан в журнале «Cahiers de l'Etoile» (1929. № 10. С. 564—573). Кто был переводчиком этой прозы на французский язык, не установлено.

[10] Возле умирающего Рильке находились врач Т. Хэммерли-Шиндлер (1883—1944), Н. Вундерли-Фолькарт и сестра-сиделка.

[11] О последних часах Рильке см. воспоминания Хэммерли-Шиндлера в «Небесной арке», с. 336.

2

[1] Такого «прямого» вопроса Рильке Цветаевой не задавал.

[2] В письмах Цветаевой к Рильке этих слов не содержится.

[3] У Рильке в письме к Цветаевой от 19 августа 1926 г. «...Не откладывай до зимы!» *(Письма 1926 года*. С. 196).

[4] В «Небесной арке» приводится надпись Цветаевой на французском переводе ее очерка о Рильке в «Cahiers de l'Etoile» (см. выше): «Может быть я однажды и переведу это на немецкий—но я слишком уж отдалилась от этого языка. Р⟨ильке⟩ был моим последним немецким. Моим любимым языком, моей любимой (*даже* во время войны) страной, как для него Россия (волжский мир). С тех пор, как он ушел, у меня нет ни друга, ни радости». Слова «волжский мир» Цветаева заимствовала у Рильке. (*Небесная арка*. С. 324, 334.)

[5] Ариадне Эфрон было в то время почти 18 лет, самой Цветаевой—37 лет.

[6] Название поселка в Верхней Савойе.

[7] Одновременно с письмом Цветаева отправила Н. Вундерли-Фолькарт номер «Cahiers de l'Etoile» с переводом своего очерка (см. выше). На титульном листе журнала была сделана надпись: «Госпоже Нанне Вундерли-Фолькарт—с любовью Марина Цветаева. Медон, 7 июня 1930 Франция». (Там же. С. 337—338.)

[8] См. письмо 53 к А. А. Тесковой (т. 6).

[9] См. письмо к Анне де Ноай и комментарий 12 к нему.

[10] Имеется в виду книга: Lou Andreas-Salomé. Rainer Maria Rilke. Leipzig, 1928. *Андреас-Саломе* Лу (урожденная Луиза фон Саломе; 1861—1937)—немецкая писательница. Вместе с Рильке в 1899 и 1900 гг. совершила путешествие в Россию. «Они оба (Рильке и Андреас-Саломе.—*Сост.)* выучились говорить по-русски и любят Россию и все русское больше немецкого...»—писала знавшая их Софья Николаевна Шиль (1863—1928), писательница и переводчица (Путь. М., 1913, № 12. С. 29—30).

3

[1] Игра звуков: «он» по-немецки: «ер».

[2] См. письмо Рильке к Цветаевой от 28 июля 1926 г. и комментарий к нему в кн. «Небесная арка». (С. 96, 282.)

[3] Об отношении Рильке к Беттине фон Арним см.: *Небесная арка*. С. 326—328.

[4] Рильке находился в Париже с 7 января по 18 августа 1925 г.

[5] Имеется в виду гробница Наполеона, расположенная в открытой крипте Дома Инвалидов в Париже.

[6] В своем завещании Рильке просил в случае его смерти в Швейцарии не хоронить его ни в Сьере, ни в Льеже, ссылаясь на заклинания одной неизвестной старухи: «дабы сызнова не тревожить блуждающую по ночам несчастную Изабель де Шеврон».

Речь идет об одной из легенд, согласно которой Изабель де Шеврон потеряла рассудок после того, как два жениха, добиваясь ее руки, убили друг друга на поединке. По ночам она тайком отправляется в деревню Льеж, где похоронены оба жениха. Однажды утром ее мертвой находят на кладбище. (Там же. С. 340—341.)

[7] Черносвитова Е. А. См. письмо к ней.
[8] Имеется в виду книга античных мифов. См. письмо к Е. А. Черносвитовой.
[9] Эта фотография висела у Цветаевой в комнате над письменным столом. См. письмо 77 к А. А. Тесковой (т. 6).
[10] Последнее письмо Цветаевой к Рильке (от 7 ноября 1926 г.) было отправлено не из Медона, а из Бельвю.
[11] Рильке родился в Праге, в 1882—1886 гг. учился в местной немецкой школе, в 1895—1896 гг. посещал занятия в Пражском университете Карла-Фердинанда.
[12] В Медоне Рильке жил с сентября 1905 по май 1906 г., исполняя секретарские обязанности у Родена.
[13] Речь идет о книге «Zwei Prager Geschichten von Rainer Maria Rilke». Stuttgart, 1899.
[14] Книга: Rainer Maria Rilke. Briefe aus den Jahren 1902 bis 1906. Leipzig, 1930.

4

[1] Ошибка Цветаевой: «Элегия для Марины» была написана в замке Мюзот и послана оттуда во Францию.
[2] *Лу*—Лу Андреас-Саломе. «Вложено в руки Лу»—слова посвящения Рильке на «Часослове».
[3] *...юному другу*—имеется в виду Натузиус Филипп (1815—1872)—поэт и публицист. Состоял с Беттиной фон Арним в переписке. Утверждение Цветаевой, что Беттина подарила Натузиусу автографы писем Гёте, которые он впоследствии «потерял», безосновательно. (*Небесная арка.* С. 342—343.)

5

[1] Имеется в виду только что изданный второй том писем Рильке «Briefe aus den Jahren 1906 bis 1907». См. также письмо 54 к А. А. Тесковой (т. 6).
[2] Семейству Фолькартов принадлежало имение Зеебург на Боденском озере, расположенном в предгорьях Альп.
[3] *Афродита*—богиня любви и красоты, возникшая из морской пены (греч. миф.). Ср. стихотворение М. Цветаевой «Кто создан из камня, кто создан из глины...» (1920). См. т. 1.
[4] «Марина» по-латыни означает «морская».
[5] О попытках Цветаевой издать своего французского «Мóлодца» см., например, письма к Р. Н. Ломоносовой.
[6] Возможно, имеется в виду Игнатий Семенович Якубович. См. письмо 3 к А. В. Бахраху (т. 6). Другими сведениями о И. С. Якубовиче составитель не располагает.
[7] См. письмо к В. В. Маяковскому и комментарий к нему.
[8] См. главу «Вечер поэтесс» в очерке «Герой труда» (т. 4).
[9] *Кей Эллен* (1849—1926)—шведская писательница, знакомая Рильке.
[10] В письме к жене 29 мая 1906 г., приведенном в полученном Цветаевой томе писем, Рильке рассказывает о своих встречах с Кей в Париже: «Эллен Кей чуть ли не обижается, когда ей где-либо предлагают заплатить, и с чрезвычайным недоверием относится к тому, кто берет ее деньги. Как игрок в кегли провожает взглядом свои шары, так она всем своим существом долго провожает каждый франк, ожидая, что он собьет сейчас всю девятку. Она скупа, я заметил, добрая Эллен Кей ⟨...⟩ С тех пор как она здесь, я сам, будучи рядом с ней, оказываюсь в невероятной нищете. Мы ждем с ней то одних, то других автобусов на самых разных углах, иногда едим с ней, словно украдкой, ⟨...⟩ и мне подчас сдается, будто она питается в основном тем, что подают ей в гостях. Такая скупость горька, хотя и оборачивается свободой, которой мы можем пользоваться. ⟨...⟩ Но она добра и честна, милая Эллен Кей, и убеждена в своей правоте, и так трогательно далека от любого опыта. ⟨...⟩ Да и о внутренней жизни с ней вряд ли

возможно говорить, ибо у нее остались какие-то странные праздничные идеалы...» (Цит. по: *Небесная арка.* С. 351).

[11] См. комментарий 1 к письму 11.

[12] По-немецки: R. und er.

6

[1] *Скрябин Юлиан* (1908—1919)—сын композитора А. Н. Скрябина, музыкально одаренный ребенок. Утонул в Днепре.

[2] *Голубовская* Надежда Иосифовна (1891—1975).

[3] См. письма 1931 г. к А. А. Тесковой (т. 6), С. Н. Андрониковой-Гальперн, Р. Н. Ломоносовой.

[4] См. письмо 21 к Р. Н. Ломоносовой.

7

[1] В 1906 г., когда М. А. Мейн умерла, Анастасии было 12, Марине—14 лет.

[2] *...рейнское золото*—«гадательное золото Рейна, в которое верят только поэты». (См. статью «Поэт о критике» в т. 5.)

[3] Цветаева ездила в Париж, когда ей было неполных семнадцать лет. См. письмо 1 к Эллису и комментарий 3 к нему (т. 6).

[4] Герцог Рейхштадтский.

[5] Свой брак с С. Я. Эфроном (27 января 1912 г.) Цветаева считала «ранним».

[6] Речь идет о революционере-эмигранте Владиславе Александровиче Кобылянском, жившим в Нерви в 1902—1903 гг. одновременно с Цветаевыми. «После февральской революции Кобылянский вернулся в Россию уже тяжело больной туберкулезом. Он был редактором газеты в Крыму, а потом заведующим австро-итальянским отделом Наркоминдела. Он тотчас же разыскал Марину в Москве ⟨...⟩ Встретились они как родные. ⟨...⟩ Он сказал Марине: «В тяжелые минуты жизни дух вашей матери всегда витал вокруг меня, поддерживая и утешая. ⟨...⟩ Он умер в 1919 году от туберкулеза...» (*А. Цветаева.* С. 127).

8

[1] Правильно: «Vergers». См. письмо 6 к Рильке и комментарий 2 к нему.

[2] Год назад Цветаева получила от Н. Вундерли-Фолькарт (см. начало письма 4) среди книг Рильке, по-видимому, и его книгу о Родене во французском переводе (Rainer Maria Rilke. «Auguste Rodin». Paris, 1928). Афоризм, неточно цитируемый Цветаевой, принадлежит итальянскому автору Помпонию Гаурику (ок. 1480—1530) и использован Рильке в качестве одного из эпиграфов к его книге «Огюст Роден» (У Гаурика: «У поэта—слова, у скульптора—деяния».—Из диалога «О скульптуре», 1504). См. *Небесная арка.* С. 358—359, а также письмо 12 к Н. П. Гронскому.

[3] См. комментарий 1 к письму 11.

[4] Софи Рильке умерла в 1931 г. См. комментарий 12 к письму к Анне де Ноай.

[5] См. конец следующего письма.

9

[1] С. Я. Эфрон провел летом 1931 г. три недели в замке д'Арсин в Верхней Савойе.

[2] Летом и осенью 1931 г. Ариадна Эфрон гостила у В. И. и М. Н. Лебедевых.

10

[1] См. комментарий 4 к письму 8.

[2] О Рут Зибер-Рильке см. письмо к ней. О Кристине Зибер-Рильке см. комментарий 12 к письму к Анне де Ноай.

[3] О временной работе С. Я. Эфрона в конторе по производству строительного картона см. письма 92 и 94 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[4] Речь идет о «Воле России».

[5] На второй странице письма был черновик письма к Р. Н. Ломоносовой, отправленного в тот же день: «С Новым Годом, дорогая Раиса Николаевна! Пишу Вам на последнем листке блокнота, успевшего за протекший год уже выцвести по краям. Давным-давно от Вас...» (*Небесная арка.* С. 360—361). Окончательный текст—см. письмо 22 к Р. Н. Ломоносовой.

11

[1] Цветаева получила от Н. Вундерли-Фолькарт только что вышедший очередной том Рильке: Rainer Maria Rilke. Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit 1899 bis 1902. Leipzig, 1931. (Письма и дневники периода 1899—1902 гг.) Книга явилась первым изданием дневников Рильке, которые он вел в отдельные периоды своей жизни.

[2] Ср. в письме 64 к А. А. Тесковой: «Читала я трилогию (С. Унсет. «Кристин, дочь Лавранса».—*Сост.)* два года с лишним назад, *жила ее».* (Т. 6.)

[3] Имеется в виду стихотворение Константина Михайловича Фофаиова (1862—1911) «Весна и ночь», переведенного Рильке на немецкий язык в 1902 г. В издании 1931 г. русский текст стихотворения был воспроизведен латинскими буквами (С. 27).

[4] Рильке впервые приехал в Россию весной 1899 г. Цветаевой шел тогда седьмой год.

[5] *М. Бетц,* французский писатель (1898—1946), переводил также и письма Рильке. См.: *Небесная арка.* С. 361.

[6] Издательство «Insel» в Лейпциге обладало издательскими правами на все произведения и письма Рильке.

[7] В «Небесной арке» к этому месту дается такой комментарий: Цветаева соединяет здесь слова Рильке из двух его писем к ней (от 10 и 17 мая). «Длинные скобки» и «короткие предложения»—цветаевская интерпретация слов Рильке из его письма от 10 мая: «...и, подобно тебе, спускаюсь из фразы на несколько ступенек вниз, в полуэтаж скобок, где так давят своды...» (С. 362—363).

[8] Об А. Жиде см. письмо к нему.

[9] Рильке (урожденная Вестхоф) Клара (1878—1954)—жена Рильке. Их недолгий брак распался в 1902 г. Клара Рильке занималась скульптурой, а также немного живописью.

[10] О могиле Рильке см. письмо 86 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и комментарий 1 к нему.

12

[1] По-видимому, получая на редактирование переводы, Цветаева из-за их низкого качества вынуждена была переводить тексты заново. См. также письмо 1 к Б. К. Зайцеву.

[2] Имеется в виду книга: Carl Sieber. «René Rilke. Die Jugend Rainer Maria Rilke. Leipzig, 1932». *Зибер* Карл (1897—1945)—юрист, муж Рут Рильке (с 1922 г.). Автор нескольких статей о поэте. *Рене*—имя, полученное Рильке при крещении.

[3] См. письмо 5 к Рильке.

[4] Цветаева переехала из Медона в Кламар весной 1932 г.

13

[1] В январе 1933 г. Цветаева вновь сменила свой адрес. Она переехала на другую кламарскую улицу—Lazare Carnot. Вероятно, Н. Вундерли-Фолькарт прислала Цветаевой новые издания Рильке.

14

[1] *Турн унд Таксис* Мария, княгиня (урожденная принцесса фон Гогенлоэ-Вальденбург; 1855—1934)—друг и покровительница Рильке. Имя Турн унд Таксис упоминает Цветаева в своем очерке «Башня в плюще» (см. в т. 5).

[2] В 1933 г. в журнале «Das Inselschiff» (№ 3) было напечатано одно письмо Рильке к М. Турн унд Таксис.

[3] Marie von Thurn und Taxis-Hohenlohe. «Erinnerungen an Rainer Maria Rilke». München—Berlin—Zürich (1932). («Воспоминания о Райнере Мария Рильке».)

[4] См. комментарий 10 к письму 2.

[5] По-видимому, речь идет о рождении внука Н. Вундерли-Фолькарт.

И. Г. ЦЕРЕТЕЛИ

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
〈Апрель 1930〉

Многоуважаемый Ираклий Георгиевич,

Посылаю Вам два билета на Вечер Романтики[1], — это собственно мой вечер, но я сочла милее для своих участников дать его под этим названием.

Цена билета 50 фр〈анков〉. Я бы с радостью пригласила Вас просто, но вечер — на лечение мужа, который очень болен (туберкулез), и моя единственная надежда. Честным трудом (т. е. стихами) не заработаешь никогда.

Билеты Вам шлю по совету М. Н. Лебедевой.

Простите за неприятное письмо, но мне достаточно неприятно его писать. Кроме того, вечер действительно интересный: от Кн〈язя〉 С. Волконского (*Санкт*-Петербург) до Поплавского (Монмартр), а посередке мы с Тэффи, к〈отор〉ая будет читать *не*-смешное.

Кроме того — трое петербуржцев — гумилевцев — Адамович, Г. Иванов, Оцуп (предреволюционная эстетика) и, наконец, Вадим Андреев, сын Леонида. Услышите целую эпоху.

До свидания, надеюсь 26-го (суббота на Пасхальной неделе).

Всего доброго. На вечере увидите ту Алю, детские писания которой Вам так нравились, — 16 лет, выше меня.

МЦветаева

Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959)—общественно-политический деятель, один из лидеров меньшевизма, в 1917 г. министр Временного правительства. В 1921 г. эмигрировал во Францию, где от политики отошел. В 1932 г. в возрасте 50 лет окончил Парижский университет.

Впервые — *Вестник РХД*, 1995, № 171. С. 173—174.

[1] О Вечере Романтики, состоявшемся 26 апреля 1930 г., и его участниках см. комментарий 1 к письму 52 к А. А. Тесковой (т. 6), а также письма 17, 18 к В. Б. Сосинскому.

ШАРЛЮ ВИЛЬДРАКУ

‹Медон, 1930 г.›[1]

Дорогой господин Вильдрак, я получила письмо Ваше, и книгу[2]. Не ответила Вам раньше лишь из нежелания превращать Ваш летний отдых в эпистолярный. Но поскольку Вы уже вернулись...

Вы спрашиваете меня, почему я *рифмую* свои стихи:

Я католик, я крещеный.
У меня есть пес ученый.
Очень я его люблю,
Хлебом я его кормлю!
(Жако, 6-ти лет, сын лавочницы из нашего дома)

Если бы указанный автор указанного четверостишия возгласил: «Я — христианин, обладатель собаки, которую кормлю хлебом», — этим бы он ничего не сказал ни себе, ни другим: этого бы просто *не было*; а вот — *есть*.

Вот почему, господин Вильдрак, я рифмую стихи.

Белые стихи, за редчайшими исключениями, кажутся мне черновиками, тем, что еще требует написания, — одним лишь намерением, не более.

Чтобы вещь *продлилась*, надо, чтобы она стала песней. Песня включает в себя и ей одной присущий, собственный — музыкальный аккомпанемент, а посему — завершена и совершенна и — никому ничем не обязана.

(Почему я рифмую! Словно мы рифмуем — «почему»! Спросите народ — почему он рифмует; ребенка — почему рифмует он; и обоих — что такое «рифмовать»!)

Вот попытка ответа на Ваш — легчайший! — упрек мне в том, что *звуковое* начало в моих стихах преобладает над *словом*, как таковым (подразумевается — над смыслом)! — Милый друг, всю свою жизнь я слышу этот упрек, просто — жду его. И Вы попали в точку, ничего обо мне не зная, с первого взгляда (по первому слуху)! Однако Вы оказались проницательнее других, сопоставив не только звук и смысл, но и — слово (третью державу!) Упрек же Ваш, вместо того чтобы огорчить или опечалить, заинтересовал меня, как повод к спору, из которого сама я могла бы немало извлечь для себя.

Я пишу, чтобы *добраться до сути,* выявить суть; вот основное, что могу сказать о своем ремесле. И тут нет места звуку вне слова, слову вне смысла; тут — триединство.

Поймите, дорогой господин Вильдрак, я защищаю не свой перевод «Мóлодца» — не самоё себя, а свое *дело: правое* дело.

Я Вам буду только благодарна, если Вы укажете мне те или иные темные — или просто неудачные — или невнятнозвучащие — места,

тем более что я – иностранка. Я могу плохо владеть рифмой – согласна; но Вам никогда не убедить меня в том, что рифма сама по себе – зло.

(Только не сердитесь! Если сержусь я – то в полном к Вам доверии.)

О Вашей книге. Знаете ли, она мне очень напоминает Рильке, Рильке в «Записках»[3].

Ваша книга – обнаженное сердце, не защищенное формой, книга – сказанная, *не* написанная, а поэтому скорее услышанная, чем прочтенная. Я ее перечитала три раза. И себя нашла в ней (вот Вам с у- чай поверить мне на слово!) – главное в «Быть Человеком»[4], главное в: «Коль встретишь ты того, кто золотом владеет», главное в: «Бесстрастно говорят – подай и принеси»[5], главное в этих «подай и принеси», весомых, как существительное; которые я выделила бы курсивом; которые я проч а – курсивом!

«Кушать *подано*» – та, подающая, та, принимающая, о «подаче» не думают; но Вы – я – мы – поэты, мы – обостренный слух, думаем за них: подано обеими *моими* руками – *ее* рукам, платиновым и *праздным*. Не так ли?

Харчевня, это весь Рильке. Рассказы о Боге[6], *Его* собственное во внутренней сущности вещей. Когда я произношу имя Рильке, я имею в виду братство. Подделываться под Рильке невозможно, можно родиться, можно *быть* Рильке[7]. В этой книге, наполненной любовью, Вы его брат, как человек, в этом Вы вместе – «братья-люди». Вы как его брат-дерево, его брат-волк.

И что меня особенно трогает – не знаю и не хочу даже знать, почему, – столь часто повторяемое Вами слово «милый», «милая», – не столько к людям относимое, такое скромное и такое не стихотворное!

...Voici le cavalier sans cheval!*[8]

Этой строкой опреде ен Ваш выбор в жизни, может быть даже – прежде жизни! Кто хочет, может завести себе коня; кто хочет – молитвенник, но, *не имея* их, – *быть* (всадником, монахом) – высшая гордыня или высочайший отказ.

Как мне знаком этот всадник без коня!..

...Не странно ли, что я, влюбленная в рифму более, чем кто-либо, обратилась именно к Вам, высокомерному ее неприятелю? Не проще ли было бы привести моего «Мóлодца» в гостеприимный стан друзей рифмы – если таковой существует?[9]

Прежде всего и во всем: мой инстинкт всегда ищет и создает преграды, т. е. я *инстинктивно* их создаю – в жизни, как и в стихах.

Итак, по-своему, я была права.

Дальше: нас с Вами связывают узы *родства*. Вы ведь любите Россию и Пастернака; и, главное, Рильке, который не поэт, а *сама поэзия*.

Пишу все это, чтобы сообщить Вам, что я с большим удовольствием приду в этот вторник к 4 ч. на 12, rue de Seine[10].

До свидания, дорогой господин Вильдрак. Вам решать, хотите ли Вы меня видеть. Если бы я не послала Вам рукопись, я бы испытывала

---

* ...Вот всадник без коня! *(фр.)*

по отношению к Вам ту же свободу, что и по отношению к Вашей книге: âme à âme* (восхищаетесь этими тремя *а*!), но — мне неловко, что я попросила Вас ее прочитать, и поэтому буду молчать, пока не заговорите Вы.

МЦ.

P. S. Присланный Вами милый стишок о тетушке, которая, подметая пол, нашла апельсин, полон смысла и солнца; солнечное воскресенье, вощеный паркет, *апельсиновый* апельсин... и сама тетушка в чепце, смахивающем на фригийский колпак[11]... но меня понесло, и Вы уже морщитесь!

P. S. Мой Жако незнаком с псалмами, ибо он — истинный язычник и сын язычников, к тому же ходит в коммунальную школу, а не к г⟨осподи⟩ну кюре.

Только рифма (необходимость срифмовать *ученую* собаку) превратила его в «крещеного». Как всегда, «в начале было слово», что до самой собаки, вернее — пса, то он действительно существует, с чего мне и следовало начать. Это — Зиг; ученый или нет, он шастает по помойкам.

Вильдрак (настоящая фамилия Мессаже) Шарль (1882—1971) — французский поэт, прозаик, драматург. Впервые выступил в 1901 г. с брошюрой «Свободный стих» («Le verlibrisme»).

Переписка Цветаевой с Вильдраком началась в 1930 г., когда она послала ему главы своего французского «Мóлодца» («Le Gars»).

«Из дружбы с Ш⟨арлем⟩ В⟨ильдраком⟩ ничего не вышло: дружбы не вышло. Переписывались по поводу моего «Gars» — ни в чем друг друга не убедили — и не разубедили — я поэт, он нет (*и* поэт: à ses heures**, а у меня — ни часу, чтоб *не*), несколько раз встретились в гостиной, с гостями — в столовой, с семьей — и потом кончилось: понемножку сошло на нет», — писала Цветаева в 1938 г., перенося письмо Вильдраку в тетрадь (цит. по копии из архива составителя).

Впервые — Новый мир. 1969. № 4. С. 203—205. (Пер. с фр. А. Эфрон.) Печатается по тексту первой публикации (с дополнительными вставками по рукописной копии, выполненной А. Эфрон и хранящейся в архиве составителя. Перевод вставок В. Лосской).

1 Письмо включает в себя фрагменты других писем Цветаевой к Вильдраку, написанных в то же время.

2 Судя по содержанию письма, Цветаева получила от Вильдрака его сборник стихов «Livre d'amour» (Книга любви, 1914).

В архиве Цветаевой хранится также книга для детей Вильдрака «Розовый остров», которую автор подарил сыну Цветаевой Георгию со следующей дарственной надписью: «Госпоже Марине Цветаевой, с надеждой на то, что эта история покажется ей достойной быть рассказанной ее маленькому «Мóлодцу» (пер. А. С. Эфрон).

3 Имеются в виду «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910) Рильке.

4 Стихотворение Вильдрака из его сборника «Книга любви».

5 Первые строчки стихотворений без названия из «Книги любви».

6 Имеется в виду сборник рассказов Рильке «Истории о господе Боге».

7 Переписывая письмо в тетрадь, Цветаева здесь сделала помету: «кто угодно не *может* родиться Рильке. 5 августа 1938 г. — переписывая».

8 Начальная строка стихотворения Ш. Вильдрака из цикла «Les Conquérants» («Завоеватели»).

---

* Душевность в ответ на душевность *(фр.)*.

** В определенное время *(фр.)*.

[9] Об одном из чтений Цветаевой перед публикой своего французского «Мо́лодца» см. письмо 56 к А. А. Тесковой и комментарий 3 к нему (т. 6).
[10] По-видимому, адрес Ш. Вильдрака.
[11] Головной убор древних фригийцев, послуживший моделью для шапок участников Великой французской революции.

Ю. П. ИВАСКУ

1

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
7-го ноября 1930 г.

Многоуважаемый Г⟨осподи⟩н Иваск,

Письмо и «Русский Магазин»[1] получила. Участвовать согласна. Условия (2 фр⟨анка⟩ строка) подходят. Прилагаю стихи.

Большая просьба: так как я сейчас крайне нуждаюсь (это говорят все — всегда — но есть разные степени этой крайности, говорю о крайней) сделайте все, что можете, чтобы немедленно выслать мне гонорар, этим Вы меня не только выручите, а — спасете.

О стихах. *Если можно* — пришлите корректуру, вышлю обратной почтой, если никак не возможно — правьте сами, очень прошу, сохраняя все мои знаки, особенно в последнем стихотворении, где *всё* на знаках.

А вот это ⟩ обозначает промежуток между строками. (Когда нет — в строчку). В двух первых стихотворениях — легко, ибо идут четверостишьями. Словом, мой текст очень ясен, всё дело в корректуре.

Итак, еще раз — горячая просьба о срочном гонораре и, по возможности, корректуре[2].

Всего лучшего

Марина Цветаева

⟨*Приписка на полях:*⟩
Журнал приветствую.

2

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
4-го апреля 1933 г.

Многоуважаемый Г⟨осподи⟩н Иваск,

Написать Вам исчерпывающее письмо в ответ на Ваше — было бы отказаться от всякого: знаю себя, — стала бы, как всегда, когда пишу — что бы ни писала — добиваться формулы, а время бы шло, а его у меня вообще нет — ни на что — и в конце концов — очень далеком конце очень далеких концов — получилась бы лирическая статья, вернее очередная моя лирическая проза, никому здесь не нужная, а до Вас бы — за стыдом такого запоздания — и физически бы не дошедшая.

Раскрываю Вашу статью[1] и записываю на полях все непосредственные отзвуки и реплики.

Вы говорите, я — прерываю.

— Та́к?

Стр. I — Блистательное определение писательского слога (и словаря) Шишковым[2]. Эти строки я ощущаю эпиграфом к своему языку.

Стр. II (низ) — Под влиянием В⟨ячеслава⟩ Иванова не была никогда — как вообще ни под чьим[3]. Начала с писания, а не с чтения поэтов.

Стр. III — М. б. Вам интересно будет узнать, что оба Георгия — кузминский и мой — возникли одновременно и ничего друг о друге не зная[4]. С Кузминым у меня *есть* перекличка, только он отродясь устал, а с меня хватит еще на 150 миллионов жизней. Федры Кузмина не читала никогда[5]. Источники моей Федры — вообще всей моей мифики — немецкий пересказ мифов для юношества Густава Шваба[6]. Верней (источники-то я сама, во мне) — материалы. Равно как материалы Царь-Девицы и Мо́лодца — соответствующие сказки у Афанасьева[7].

Стр. III (оборот) — Эренбург[8] мне не только не «ближе», но никогда, ни одной секунды не ощущала его поэтом. Эренбург — подпадение под всех, *бесхребтовость*. Кроме того: ЦИНИК НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЭТОМ.

Стр. III (оборот) — ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ. Психея[9] совершенно не важна для уяснения моего поэтического пути, ибо *единственная* из моих книг — не этап, а сборник, составленный по приметам *явной* романтики, даже романтической темы. Чуть ли не по руслу *физического* плаща. В том же 16 г. у меня были совершенно исступленные стихи (и размеры), от которых у меня *сейчас* волосы дыбом.

Стр. IV — Ничего не поняла из «Сложных метров», как никогда не понимала никакой теоретики, просто — не знаю, правы ли Вы или нет. Пишу исключительно по слуху. — Но вижу, что работу Вы проделали серьезную[10].

Стр. IX — стр. X. — Если Октябрь для Вас символ мятежа, больше — стихии — очень хорошо, что поместили меня внутрь (как внутрь — пожара!). Спасибо, что не причислили меня к «детям буржуазии» — футуристам. «Пользоваться» и «наслаждаться» чем бы то ни было — до жизни включительно — всегда было моим обратным полюсом.

Стр. XI (оборот) — *Очень* хорошо о Пастернаке (ЛЕГКО ВЗДОХНУТЬ). И ОЧЕНЬ ПЛОХО (не сердитесь!) обо мне: КОЛЬЕ, ХИТОН — да это же — маскарад! Кстати, ни «колье», ни «хитона» у меня в стихах (да и в прозе) *НЕ* найдете. Вы просто употребили НЕ ТЕ слова (не знаю поскольку Вы к ним чутки). «Колье» — да еще в русской транскрипции — символ *роскоши*, вещь, которой я — кроме как в природе, т. е. в контексте деревьев, ручьев и т. д. — *того* изобилия — ОТРОДЯСЬ брезгую. А *хитон* оставим Вячеславу[11]: прекрасному ложно-классику.

XIII (низ) — *ВЕСКОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ*. Ученику НЕ МАЛО Учителя. МАЛО ТОЛЬКО КОГДА ВЗАИМНО И НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ. Ученик не на земле. Ученик не на земле, а на горе. А гора не на земле, а на небе. (NB! Не только эта, — всякая гора. Верх земли, т. е. низ неба. Гора — в небе.) Ученик — отдача без отдачи, т. е. полнота отдачи[12].

Тезею не мало Ариадны, ему—мало земной любви, над которой он знает бо́льшее, которой он сам больше—раз может ее перешагнуть. Тезей не через спящую Ариадну шагает, а через земную—лежачую—любовь, *лежачего* себя.—Ваше наблюдение о МАЛОСТИ—верно, но—не те примеры, не тот упор. Еще—не женщина «соблазняется» лавролобым, а лавролобый—оспаривает и отстаивает ее у земного. Это—разное. И, если хотите, только лавролобый-то ей и *ведом*, только в нем-то она и уверена, все земные—призраки[13].

Стр. XIII (оборот). «Третий» Вами не так понято. Говорю здесь о ПОМЕХЕ САМОЙ ЖИЗНИ. Говорю о том, что *между*, а не о том, что *над*. *Над* есть желательный исход. Вакх, Лавролобый и Сонмы—есть исход и выход. В «Наяде» я о ПОМЕХЕ говорю, которая есть—*жизнь* и исчезнет вместе с нею. Я говорю о третьем с *маленькой* буквы, о предмете, о быте—хотя бы этот быт—был *мыс*: между оком и горизонтом[14].

Не надо «в принципе согласны». Найдите лучше.

Очень хорошо: как бы перерастает самоё себя. Только не «как бы», просто—перерастает.

XIV—Самовлюбленность—плохое слово, ибо сродни самодовольству. Лучше: влюбленность в самого себя.

Ваше определение ВРАЖДЫ *мне* абсолютно-чуждо. Вражда—прежде всего избыток сил. НИКОГДА НЕ НЕДОХВАТ. ВСЕГДА—РАСТРАТА. (Я недавно об этом много думала и писала.)

XIV—Чему же «предшествует» Одиночество?[15] Не есть ли оно—итог, последняя колыбель всех рек?

XIV (оборот)—Очень хорошо: страсть сама страдает. Вакхический рай—хорошо. Знаете ли Вы моего «Мо́лодца»?

> До—мой:
> В огнь синь[16].

О спартанском небе тоже хорошо. Вообще, эти Ваши исходы—хороши[17]. И хороша иерархия: Вакхический рай—Спартанский утес—Рильке. Стоило бы эти главы разработать внимательно.

XVI—Хорошо сопоставление *последнего рыцаря*—Блока и *единоличного бойца* (Вы этого не говорите, но это напрашивается)—меня.

Но конец стр〈аницы〉, голубчик, ужасен (*Не* сердитесь!)

«Ц〈ветае〉ва влюблена в великолепие форм старого мира, в мрамор и позолоту»—ГДЕ ВЫ ЭТО ВЫЧИТАЛИ?? Мрамор, если хотите, люблю (*СЛОВО* люблю достоверно)—но не больше булыжника старой Сухаревки, вообще люблю *камень*, твердое, но вовсе не как символ дворянской эпохи. Или даже римской. *Мрамор старше дворян!* Мрамор старше времен. Мрамор—либо само время, либо (где-нибудь на Урале)—та достоверная радость твердости, на которую наступаешь. Либо—*вечность*, либо—*природа*. И меньше всего—Николай I. Не делайте меня Мандельштамом: я *ПРОЩЕ* и *СТАРШЕ*, и этим—*МОЛОЖЕ*.

А уж «позолота»... Золота *физически* не переношу, даже у меня осень, вопреки зримости:

> Березовое *серебро*,
> Ручьи живые![18]

Хуже золота для меня—только платина.

Золото—*жир* буржуазии, платина—ее смертный налет. Я о золоте *много* и *враждебно* писала. Разве что—золото Рейна! (*Меня*, вообще, ищите—*там*.)

Амврозия, пудра, рококо—мой друг, какие *ЭРЗАТЦЫ*! (Sic!—*Сост.*) Какие третьичности! Даже звук слов ненавижу (кроме амврозии, к⟨отор⟩ая в каком-нибудь контексте еще может сойти, хотя и то—нет: *пища богов:* non-sens, довольно с нас *пищи людей*!).

Не верю в форму (и об этом *много* писала), никогда ее не встречала, кроме как в виде *разбитой скорлупы* или три дня́ лежащего покойника. Если мои стихи о том мире сильны, но только потому что я ни секунды не ощутила его «формой», всегда—живым, жизнью—будь то XVII* в. или 17 год (до=17 год!).

«Драгоценные вина» относятся к 1913 г.[19] Формула—наперед—всей моей писательской (и человеческой) судьбы. Я *всё* знала—отродясь.

NB! Я *никогда не была* в русле культуры. Ищите меня *дальше* и *раньше*.

XVI (оборот). Нет, голубчик, меня не «не-помнят», а просто—не знают. *Физически* не знают. Вкратце: с 1912 г. по 1920 г. я, пиша непрерывно, не выпустила, по литературному равнодушию, вернее по отсутствию во мне *литератора* (этой общественной функции поэта)—*ни одной книги.* Только несколько случайных стихов в петербургских «Северных Записках». Я жила, книги лежали. По крайней мере три *больших, очень* больших книги стихов—пропали, т. е. никогда не были напечатаны[20]. В 1922 г. уезжаю за границу, а мой читатель остается в России—куда мои стихи (1922 г.—1933 г.) *НЕ* доходят. В эмиграции меня сначала (сгоряча!) печатают, потом, опомнившись, изымают из обращения, почуяв не-свое: тамошнее! Содержание, будто, «наше», а голос—*ихний.* Затем «Версты» (сотрудничество у Евразийцев)[21] и окончательное изгнание меня отовсюду, кроме эсеровской Воли России. Ей я *многим* обязана, ибо не уставали печатать—месяца́ми!—самые непонятные для себя вещи: всего Крысолова (*6* месяцев!), Поэму Воздуха, *добровольческого* (эсеры, ненавидящие белых!) Красного бычка, и т. д. Но Воля России—ныне—кончена. Остаются Числа[22], *не* выносящие меня, Новый Град[23]—любящий, но печатающий только статьи и—будь они трекляты!—Соврем⟨енные⟩ Записки, где дело обстоит та̀к:—«У нас стихи, вообще, на задворках. Мы хотим, чтобы на 6 стр⟨аницах⟩—12 поэтов» (слова литер⟨атурного⟩ редактора Руднева—мне, *при свидетелях*). И такие послания:—«М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩, пришлите нам, пожалуйста, стихов, но только *подходящих* для нашего читателя, Вы уже знаете...»[24]. Бо́льшей частью я *не* знаю (знать не хочу!) и ничего не посылаю, ибо за 16 строк—16 фр⟨анков⟩, а больше не берут и не дают. Просто—не сто̀ит: марки на переписку дороже! (Нищеты, в которой я живу, Вы себе представить не можете, у меня же никаких средств к жизни, кроме писания. Муж *болен* и работать не может. Дочь вязкой шапочек зарабатывает *5 фр⟨анков⟩ в день,* на них вчетвером (у меня сын 8-ми лет, Георгий) и живем, т. е. просто медленно издыхаем с голоду. В России я так жила только с 1918 г. по 1920 г., потом мне большевики *сами* дали паёк. Первые годы в Париже мне помогали частные лица, потом надоело—да еще кризис, т. е. прекрасный предлог прекратить. Но—Бог с ними! Я же их тоже не любила.)

---

* В рукописи неразборчиво: можно прочесть как XVII, так и XVIII в.—*Сост.*

Итак, здесь я — без читателя, в России — без книг.

XVII — «Для эмиграции Цветаева слишком слаба...»[25] — ??? —

Думаю, что эмиграция, при всем ее самомнении, не ждала такого комплимента. Ведь даже Борис Зайцев не слаб для эмиграции! Кто для нее слаб? Нет такого! Все хороши, все как раз вровень — от Бунина до Кн⟨язя⟩ Касаткина-Ростовского[26], к⟨отор⟩ый вот уже второе десятилетие рифмует вагоны с погонами («Мы раньше носили погоны, — А теперь мы грузим вагоны» — и т. д.). Вы м. б. хотите сказать, что моя ненависть к большевикам для нее слаба? На это отвечу: *иная* ненависть, инородная. Эмигранты ненавидят, п. ч. отняли имения, *я* ненавижу за то, что Бориса Пастернака *могут* (так и было) не пустить в его любимый Марбург[27], — а меня — в мою рожденную Москву. А казни — голубчик — все палачи — братья: что̀ недавняя казнь русского[28], *с правильным* судом и слезами адвоката — что́ выстрел в спину Чеки — клянусь, что это одно и то же, как бы оно ни звалось: мерзость, которой я *нигде* не подчинюсь, как вообще никакому организованному насилию, во имя чего бы оно ни было и чьим именем бы ни оглавлялось.

— Я — с Утверждениями??[29] Уже звали и уже услышали в ответ: «Там где говорят: еврей, подразумевают: жид — мне собрату Генриха Гейне — *не место.* Больше скажу: то место меня — я на него еще и не встану — само не вместит: то место меня чует как пороховой склад — спичку!»

Что же касается младороссов — вот живая сценка. Доклад бывшего редактора и сотрудника В⟨оли⟩ России (еврея) М. Слонима: Гитлер и Сталин. *После* доклада, к началу прений — явление в дверях всех младороссов в полном составе. Стоят «скрестивши руки на груди». К концу прений продвигаюсь к выходу (живу за́ городом и связана поездом) — та́к что стою в самой гуще. Почтительный шепот: «Цветаева». Предлагают какую-то листовку, к⟨отор⟩ой не разворачиваю. С эстрады Слоним: —

«Что же касается Г⟨итлера⟩ и еврейства...» Один из младороссов (если не «столп» — так *столб*) — на весь зал: «Пон но! Сам из жидов!» Я, четко и раздельно: — «ХАМ-ЛО!» (Шепот: не понимают.) Я: — «ХАМ-ЛО!» и, разорвав листовку пополам, иду к выходу. Несколько угрожающих жестов. Я: — «Не поняли? Те, кто вместо еврей говорят жид и прерывают оратора, те — хамы. (Паузы и, созерцательно:) ХАМ-ЛО». Засим удаляюсь (С КАЖДЫМ говорю на ЕГО языке!)[30].

Если я всегда жила вне русла культуры, то, м. б. потому, что оно ПО МНЕ пролегло.

Нет, голубчик, ни с теми, ни с этими, ни с третьими, ни с сотыми, и не только с «политиками», а я и с писателями, — *не*, ни с кем, одна, всю жизнь, без книг, без читателей, без друзей, — без круга, без среды, без всякой защиты причастности, хуже, чем собака, а зато —

А зато — всё.

До свидания! О конце Вашей рукописи — очень значительном — допишу в следующий раз. Сейчас как будто устала — и бумага кончается (Пишу разведенными чернилами, почти водой, — оскорбительно!)

Если хотите, чтобы поскорей ответила, пришлите марку (кажется на почте продаются такие интернациональные знаки), — лучше попросить марку, чем совсем не ответить — правда?

— О многом, очень важном, м. б. самом важном, еще не сказала ни слова.

М. Цветаева

⟨*Приписки на полях:*⟩

Мне думается, Вы знаете 1/2 моего печатного материала, а он *весь* – 1/2 мною написанного, если не меньше.

Писать обо мне по *существу* – не отчаялся бы только немец.

Замечательные, исключительные стихи – Бенедиктова[31]. Спасибо.

«Иск⟨усство⟩ при свете Совести» по требованию редакции сокращено ровно наполовину. Читаю – и сама не понимаю (связи, к⟨отор⟩ая в оригинале – *была*)[32].

3

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
3-го апреля 1934 г.

Милый Юрий Иваск,

Короткая отпись, потому что завтра крайний срок сдачи моей рукописи о Белом в Совр⟨еменные⟩ Записки (апрельский номер), а переписываю я ВОТ ТАКИМ ПОЧЕРКОМ (всю жизнь!), а в рукописи около четырех печатных листов.

– Тронута постоянством Вашего внимания, и внутреннего и внешнего (хотя – внешнего – нет: ни внимания, ни, вообще, ничего) – говорю об ответной марке.

Теперь на́спех, по существу:

Может быть мой голос (*la portée* de ma voix*) соответствует эпохе, я – нет. Я ненавижу свой век и благословляю Бога (я знаю, что нельзя благословлять Бога, но та́к я говорила в детстве, и, чуть только не подумаю, и сейчас говорю) – что родилась еще в прошлом веке (26-го сентября 1892 г., ровно в полночь с субботы на воскресенье, в день Иоанна Богослова, у меня об этом есть стихи, кажется – в Психее:

Красною кистью
Рябина зажглась,
Падали листья,
Я – родилась...   (найдите!)[1].

И другие: о субботе и воскресении, нигде не напечатанные[2]. Кстати, отказались взять «Посл⟨едние⟩ Новости», которые вообще просили меня СТИХОВ НЕ ПРИСЫЛАТЬ. Итак, благословляю Бога за то, что еще застала ТО, конец ТОГО, конец царства человека, т. е. Бога, или хотя бы – божества: верха *над*.

Ненавижу свой век, потому что он век *организованных* масс, которые уже не есть стихия, как Днепр без Неясыти уже не есть Днепр[3]. Изнизу – организованных, не – упорядоченных, а именно «организованных», т. е. ограниченных и лишенных органичности, т. е. своего *последнего*.

Пишите обо мне что́ хотите, Вам видней, да я и не вправе оспаривать, т. е. лично вмешиваться: вставать как буйвол перед Вашим паровозом, но *знайте* одно: мне в современности и в будущем – места нет. *Всей* мне – ни одной *пяди* земной поверхности, этой МАЛОСТИ – МНЕ – во всем огромном мире – ни пяди. (Сейчас стою на своей последней,

* *На расстоянии* человеческого голоса (*фр.*).

незахваченной, только потому, что на ней *стою*: твердо стою: как памятник — собственным весом, как столпник на столпу.)

Есть (мне и всем подобным мне: ОНИ — ЕСТЬ) только щель: в глубь, из времени, щель ведущая в сталактитовые пещеры до-истории: в подземное царство Персефоны и Миноса — туда, где Орфей прощался: В А — И — Д[4]. Или в блаженное царство Frau Holle (NB! ТО ЖЕ!) (Holle-Hölle...)[5].

Ибо в *ваш* воздух машинный, авиационный, пока что экскурсионный, а завтра — сами знаете, в ваш воздух я *тоже* не хочу.

— Но кто Вы, чтобы говорить «меня», «мне», «я»?

— Никто. Одинокий дух. Которому нечем дышать (И Пастернаку — нечем. И Белому было нечем. *Мы* — есть. Но мы — последние).

Эпоха не только против меня (ко мне *лично* она, как всякая мною в жизни встреченная, хотя бы самая чуждая, сила — еще «добра») — не столько против меня, сколько *я* против нее, я ее действительно ненавижу, всё царство будущего, на нее наступаю — не только в смысле военном, но — ногой: пятой на главу змия.

— Вот. —

С сказанным мною считайтесь только *внутренно.*

‹Приписка на полях:›

Эпоха против меня не лично, а ПАССИВНО, я — против нее — АКТИВНО. Я ее ненавижу, она меня — не видит.

Вот карточка[6]. Она тоже *последняя*. Поэтому, *большая* просьба: верните мне ее. Если она Вам нравится (она очень похожа), дайте переснять, и не будет нескромностью, если я попрошу у Вас *несколько* оттисков? Только пусть не печатают *черно́*, эта перечернена́: я, вообще, светлая: светлые глаза и светлые волосы (сейчас уже целая седая прядь). У меня часто просят, а сниматься я не люблю, да и времени нет, — у меня *очень* тяжелая жизнь.

До свидания. Посылаю не перечитывая, могут быть ошибки в падежах.

Рада буду, если напишете.

Марина Цветаева

P. S. Голову дайте переснять в медальоне, без этого неоправданного квадрата платья, кончающегося, вдобавок, фотографической туманностью. Нужен — овал.

4

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
12-го мая 1934 г.

Конечно — старого[1], во мне нового ничего, кроме моей поэтической (dichterische) отзывчивости на новое звучание воздуха. За меня бы дорого дали, если бы я существом отзывалась, как *дорого* дали — за Маяковского и, дорого дав, и то не удержали!

Как я могла родиться — нового?! Я — дважды, как *факт* и как суть. Неужели Вы думаете, что я могу снизойти до перевода, прибавки

тринадцати дней[2] — и ради чего, чтобы оказаться рожденной по ненавистному мне, не-моему календарю, которого тогда и в помине не было, а в моем помине (помине обо мне) и не может быть и не смеет быть!

Да еще в сентябре — вместо октября!

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и поныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

(Москва, 1916 г.)[3]

Вот одни из моих самых любимых, самых *моих* стихов. Кстати, ведь могла: *славили*, могла: *вторили*, — нет, — *спорили*! Оспаривали мою душу, которую получили *все* и *никто*. (Все *боги* и ни одна *церковь*!)

Кстати, родилась я *ровно в полночь с субботы на воскресенье* (26-го на 27-е), у меня и об этом есть стихи:

Между воскресеньем и субботой
Я повисла, птица вербная,
На одно крыло — серебряная,
На другое — золотая...

Москва, 1920 г.[4]

Но я приобщила себя *субботе, кануну, концу*, — невольно, конечно, только сейчас, когда пишу, осознала, как и *спор* колоколов.

Конечно, Толстого не люблю, т. е. люблю его жизнь и смерть, его одинокую муку, его волчиное сердце, но почти — *сочувственно*, как grand camarade de malheur* — и еще сундук с Наташей Ростовой, и «поцелуйте куклу», и танец, и окно, но это уже — Mignon[5], а не Толстой.

(И неизмеримо больше Толстого люблю — Гёте.)

Достоевский мне в жизни как-то не понадобился, обошлась, но узнаю себя и в Белых Ночах (разве Вы не видите, что все Белые Ночи его *мечта*, что никакой Вареньки не было, т. е. *была* — и *прошла* (мимо), а он этим *мимо* — жил) и, главное, запомните, — в Катерине Ивановне[6] с шалью и голыми детьми, на французском диалекте. Это я — дома, и в быту, и с детьми, и в Сов⟨етской⟩ России и в эмиграции, я в той достоверной посудной и мыльной луже, которая есть моя жизнь с 1917 г. и из которой — сужу и грожу.

И — кажется последнее будет вернее всего — я в мире люблю не самое глубокое, а самое высокое, потому русского страдания мне дороже

---

* Большой друг по несчастью *(фр.)*.

гётевская радость, и русского метания — *то* уединение. Вообще, не ошибитесь, во мне мало русского (NB! сгоряча ошибаются все), да я и кровно — слишком — смесь: дед с материнской стороны (Александр Данилович Мейн — Meyn) — из остзейских немцев, с сербской прикровью, бабушка (урожд⟨енная⟩ Бернацкая) — чистая полька, со стороны матери у меня России вовсе нет, а со стороны отца — *вся.* Так и со *мною* вышло: то вовсе нет, то — вся. Я и духовно — полукровка.

Толстого и Достоевского люблю, как больших людей, но ни с одним бы не хотела жить, и ни в курган ни на остров их книг не возьму — не взяла же.

Из русских книг больше всего люблю Семейную Хронику и Соборян[7], — два явно-*добрых* дела. За *добрую силу.*

Время года? Осень, конечно, с просветами и просторами, со *сквозью,* с собственными большими шагами, всегда большими, а осенью — гигантскими. Я — рожденный ходок. Кстати, мне недавно вернули из Совр⟨еменных⟩ Записок мою «Оду пешему ходу», уже набранную[8], — в последнюю секунду усумнились в понятности «среднему читателю». Хотите — на память?

Стихи Милонова[9] восхитительны; уже от первой строки озноб (совдохновения).

Теперь — просьба. Вы можете меня сделать наверняка — счастливой. У меня есть страстная мечта, уже давно: а именно III том трилогии Sigrid Undset «Kristin Lawranstochter»*[10] — У меня есть I ч⟨асть⟩ и II ч⟨асть⟩ (Der Kranz, Die Frau**) но III ч⟨асти⟩ — Das Kreuz*** нет.

Sigrid Undset
Kristin Lawranstochter
Band III. Das Kreuz

Herausgegeben von J. Sandmeier.
Rütten und Loening Verlag Frankfurt am Main.

Но книга дорога и просьба нескромна, и, чтобы быть вполне нескромной — в переплете, ибо две другие у меня в переплете сером полотняном, с норвежским сине-красным орнаментом — душу отдать! Это, именно эта III ч⟨асть⟩, моя любимая книга в мире. И Вы бы мне ее надписали.

Только — не сделайте та́к, как сделал один здешний молодой поэт: с радостью обещал, каждый раз встречаясь говорил, что выписал — вот-вот придет, я ждала полгода («...ich bin leicht zu betrügen» — Goethe****) ⟨*далее на полях:*⟩ и наконец он признался, что никогда и не заказывал[11]. Правда — низость? (дважды).

Теперь — Вам — вопрос: что из моих вещей у Вас есть: книги и из периодической прессы. Пришлите точный перечень (отдельных стихов в журналах не помечайте, поэмы — *да*). Дело в том, что я к 1-му июля

---

* Сигрид Унсет. «Кристин, дочь Лавранса» *(нем.).*
** Венок. Женщина *(нем.).*
*** Крест *(нем.).*
**** «...меня легко обмануть» — Гёте *(нем.).*

переезжаю[12], и около 15-го июня буду перебирать все свое рукописное и печатное добро — залежи! Возможно, что многое найдется, чего вы не знаете. Просмотрите внимательно и отпишите *точно*, тогда в один прекрасный день получите веский пакет — с Вам неизвестной мной. Спасибо за карточки. Буду рыться — еще пришлю. Ученика[13] перепишу — обещаю — но прежде ⟨*слово неразб*⟩.

На статью Вашу у меня ряд отзывов — себе в тетрадь. Выберу час и перепишу. Напишите — *как* Вы меня видели во сне? Отвечу честно — я это была или нет.

5

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
⟨*25-го*⟩ *мая 1934 г.*[1]

Знаете, что мне первое пришло в голову, когда я ощутила в руках всю весомость «Das Kreuz»[2]... (Даже руки, не ждавшие, ждавшие обычной хла́мной невесомости «Последних Новостей», немножко сдали, пошли вниз, — так с моей матерью было на Урале[3], на заводе, когда директор, шутки ради, положил ей в руки плитку золота, тяжести которого она не могла учесть.)

— Этому человеку я бы оставил все мои рукописи. — Это была моя благодарность — невольная, крик всего моего существа, настоящий инстинкт самосохранения, — непогрешимый жест — сна.

И — не отказываюсь: у меня никого нет, кому бы я это доверила. Пастернак — мой несколько старший сверстник, и даже, если бы — на *такого* такую гору обвалить — убить. (Он после каждой моей строки ходит как убитый, — от силы потрясения, силы собственного отзыва, — он бы в первой уже странице (моих несчетных, огромных черновых тетрадей!) *зарылся*, был бы завален мной как шахтер — землей.)

Ася? (Сестра, в Москве, перебираю близких.) Ася любит меня безмерно, но — «земля наша богата, порядку в ней лишь нет»[4], кроме того, в одну великодушную минуту — могла бы *сжечь всё*, как всегда жгла всё свое. Кроме того, мы с ней тоже сверстницы (немножко моложе).

Аля? (Дочь.) У нее будет *своя* жизнь, да и рукописи мои, нужно думать, один уже вид моих синих огромных, беспощадных каких-то, тетрадей, ей *за жизнь* — успеет надоесть! Ведь, как родилась — *всегда* тетрадь, и я *всегда* над ней, *на* ней (добычу терзает и треплет над ним).

Мур? (Сын.) Ему сейчас девять лет и он активист — а не архивист. Плохой был бы подарок?

Итак, у меня *никого* нет, кроме Вас и — хотите-не хотите — придется. Объективные данные: Вы намного моложе меня (я родилась в 1892 г., в паспорте по ошибке написано 1894, т. е. я умоложена на два года, но я не «пользуюсь», — какие же *два* я бы из своей жизни вычеркнула?! — т. е. этого 26-го старого (прибавьте 13 дней[5] и в тот день непременно поздравьте, — меня давно никто не поздравляет, а, по-мо́ему, всё-таки есть — с чем! Когда мне (молчаливо и уединенно) исполнилось сорок, я мысленно надписала на своей могильной плите: — Quarante ans de

noblesse* —) — итак, этого 26-го старого сентября мне будет сорок два года, — а Вам? Итак (данные) 1) Вы намного моложе меня 2) Вы ЛЮБИТЕ стихи, т. е. без них жить не можете — и не хотите 3) Вы где-то далёко, одиноко, по собственному почину, без великого воспомоществования личной встречи (ведь и Мирский и Слоним писали *зная* меня, стали писать потому что знали) без всякой личной затронутости (какова бы она ни была) без всяких подстрочников — чисто — как если бы я умерла сто лет назад — «открыли» меня, стали рыть, как землю 4) Вы — всё-таки — немец? Т. е. какой-то *той* (и моей также! мой дед, Александр Данилович Мейн, был выходец из остзейских краев, о нем его знавшие говорили «важный немецкий барин») — мне родной — крови: волевой, превозмогающей, *идущей* ноши, Pflicht-Blut** — *верной* как ни одна. (Вы эстонец? А кто — эстонцы? Германцы? Скандинавы? Монголы? Я ничего не знаю, непременно ответьте. Смесь чего — с чем? Какова, в двух словах, история края и народа? Не сейчас, а — *тогда.* Есть ли эпос? Какой? Хочу знать своего душеприказчика.)

Откуда в Вас страсть к стихам? В Вас ведь двое: стихолюб и архивист. Ведь надо же *вырыть* те стихи к Державину[6]. Кто в роду — любил? У меня — достоверно — мать и дед (ее отец), стихотворная моя жила — оттуда, а чисто-филологическая — от отца, хотя мать тоже была предельно одарена — знала пять языков, не считая родного русского, а шестой (испанский) выучила уже незадолго до смерти (умерла молодая, как все женщины по ее польской материнской линии).

— Итак, принимаете?

«Бедных писаний моих Вавилонская башню...» 〈sic!〉 (Москва, 1916 г.)[7] — уже тогда знала, что «бедных» и что — Вавилонская — и что — *башня.*

J'étais repoussé du genre humain
Et j'étais assis à l'ombre d'un veau marin.
J'étais le jouet des lames de la mer
Et je me maudissais d'avoir guitté mon père
Et d'avoir repoussé tout le genre humain
Et de m'être assis à l'ombre du veau marin

Georges Efron

*Clamart, 22 avril 1934****

— Мой сын, мне сюрпризом, в записную книжку, — сразу на́чисто. (Девять лет.)

На этом кончаю, потому что должна идти за ним же в школу.

Жду ответа.

МЦ.

---

* Сорок лет обязывают *(фр.).*

** Долг крови *(нем.).*

*** Человеческий род меня отвергал// И я сидел в тени нерпы.// Я был игрой морского вала// И проклинал себя за то, что покинул отца,// За то, что отверг весь род человеческий// И за то, что скрылся в тени нерпы. Георгий Эфрон. Кламар, 22 апреля 1934 г. *(пер. с фр. В. Лосской).*

6

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
4-го июня 1934 г.

«...Но души не отдам». Первый ответ: — А другого мне не нужно, Второй: — Не надо было этого говорить, ибо со мной: сказано — сделано. Т. е. уже неотдали (в *одном* слове). Не отдать душу, это *не:* чего-то *не* сделать, а — сделать, — активное: невозвратное.

Третье, себе (впрочем, всё — себе). — Что значит?: Отдать. Не отдать. Разве *ты можешь* отдать — не отдать? Разве *ты* — отдаешь? Разве ты — хозяин, а она собака, ты — владелец, а она — вещь? Это *она* тебя отдает, *предает* Богу или человеку в руки, не ты — ее.

Четвертое: — *Этого* не поняв, *это* мне сказав, ничего во мне не понял — и *не* годится. Годится — физически, фактически, практически, т. е. годится его терпеливая кровь, весь его состав, но не *он*. Моя просьба (взять на себя гору) должна была быть *его* просьбой, и его предупреждение: ... но души не отдам (NB! только контракт) — *моим* остережением: — лучше не отдавай! — из чистейшего моего великодушия, ибо зла от такой отдачи, мне, мне души пока еще никто не ведал, только добро.

⟨Приписка между строками, вверх ногами:⟩

(Мое «лучше не отдавай» значит: будет больно, но что́ — *не* больно? И боль разве — зло??)

А *без* души, *вне* души — мне что-нибудь нужно?? А что я с ней буду делать, если отдашь? В банк положу, или перепродам, или, растопив, выпью жемчугом? (или аспирином?)

В те далекие времена, когда я еще была действующим лицом жизни, я всё могла стерпеть, кроме этого слова, этого чувства, да ни разу и не пришлось — и все признания, — остережения вверявшейся мне — звучали как раз обратно: — Не отдам тебе ни, — ни, — ни, — (подставляйте, одно за другим, *всё*), но *душу* — отдам.

Людям — как это теперь вижу — это было удобно, или они полагали, что им это удобно, я же, знающая цену слову, всю невозвратность и страшность его, знала, что получила — всё (мне могущее быть данным, т. е. *желание* отдать мне душу, в котором *никогда* не сомневалась. Так море не сомневается в рожденном желании реки: влиться и раствориться и не спрашивает у реки, *почему* не влилась, а напротив — соболезнует... (Да большинство и *не* доходит! Иссякает или, приняв другую реку, чуть побольше, за море...) Морю важно желание реки: большой воде — желание малой воды (малой количественно, а не качественно)*, ему не важно, влилась или нет, ему с нее не прибавится и не убавится... И всякая река, пожелавшая — уже *влилась!* Так в меня вливались человеческие души, и я их *все* несу, а тела (с делами) оставались — и остались — где-то.

Река, влившись в море, стала больше на целое море, на целого Бога, на целое всё.

Река стала морем.

Если *это* Вас страшит...

---

* Grosse Gewässer, Kleine Gewässer, а всё — одно *(примеч. М. Цветаевой)*.

(Когда-нибудь, в каких-нибудь «Последних Новостях» или dans un autre mauvais lieu* прочтете как я, лет трех, исступленно мечтала потеряться — и потерялась, — в Александровском пассаже[1], где-то между белым медведем и гипсовым крашеным негром над сухим фонтаном. Потому мне так *дико* непонятен Ваш страх. И всю жизнь я только этого хотела: потеряться**, раствориться — *в чем бы то ни было.* Когда прочтете «Поэму Конца», немножко лучше ее поймете.)

Автобиография и характеристика — нравятся. Тòчно и беспощадно. Очень — яснозряще. А «заливает лимфой» — совсем замечательно. Лимфа, ведь это наличность в крови — *Леты.* (Не лимфа нравится, а смелость признания и точности осязания (названия). Вы — *умны.*

Переоценила подарок? Этим словом Вы его обесцениваете. Нарочно? Нарочно или нечаянно, — всё равно и равнò жаль — за Вас. (Мы с Унсет не пострадаем. Мы — союз.)

Слово эгоизм («я эгоист», а еще хуже Ваше «я эгоисти*чен*») не люблю, потому что серьезно, на глубину взятое, оно требует слишком долгих разъяснений, т. е. уже не *слово*, не то слово, ибо на каждую вещь должно быть *свое* слово — и *одно*, взятое же элементарно — не заслуживает даже собственного звучания и моего ушного слы̀шанья. Просто — минуя. Но, чтобы Вы меня хорошо поняли, снизойду на этот раз до нескольких пояснительных слов: эгоизм, это сосредоточение не на том себе, сосредоточение на *не*-том: на своем желудке, напр⟨имер⟩, или на своей (физической) болячке, словом: «Selbst essen — macht fett***». — *Кому* интересно??

Духовного эгоизма — нет. Есть — эгоцентризм, а тут уже всё дело в *вместительности* ego и, посему, величины (емкости) *центра.* Большинство эгоцентриков — т. е. *все* лирические поэты и *все* философы — самые отрешенные и не-себялюбивые в мире люди, просто они в *свою* боль включили всю чужую, еще проще — *не* различают.

(Пишу Вам кстати с безумной болью в обеих ногах, я уже два месяца больна — истощение перекинулось в нары̀вную напасть, затронуты железы и жилы, и вот через день в бесплатную (1 фр⟨анк⟩!) лечебницу для безработных русских, — впрыскивания, нынче второе — т. е. погибает (временно деревенеет) вторая нога. Это после Оды пешему ходу![2] Да, друг, это и есть искус, со мной дружбы: я насквозь-человечна, т. е. сочувственна, и требую этого от другого (не для себя, а для него!), а если не нахожу — ухожу. Если у Вас от слова нарыв брезгливая гримаса, знайте заранее, что я — улыбаюсь: *улыбкой суда.*)

Вы спрашиваете: любимая еда. Разве это важно? *Ненавижу* каши, все, кроме черной, и даже в Москве 1920 г., в самый лютый голод *пшена — не ела.* А так, очень скромна и проста, ем всё, и даже мало отличаю, чем во времена нашей дружбы сердечно огорчала Мирского (страстного

---

* В другом дурном месте *(фр.).*

** С других достаточно: потереться! (*примеч. М. Цветаевой)*

*** Самому есть — становиться тучным *(нем).*

едока и ценителя, как, часто, очень одинокие люди) водившего меня по лучшим — тайно, знатовщи́ щки / чески } — лучшим — ресторанам Парижа и Лондона. — «Вы всё *говорите*! сокрушенно воскликнул однажды он, — и Вам всё равно, что̀ есть: Вам можно подложить *сена*!» — Но не пшена. —

Никогда не выброшу ни крохотнейшего огрызка хлеба, если же крошки, — в печь и сжечь. Корка — в помойке — ЧУДОВИЩНО, так же как опрокинутый вверх дном хлеб или воткнутый в хлеб — нож. Меня из-за этого в доме считают скупой (объедки), я же *знаю*, что это — другое. Непритязательность и от отца и от матери: не снисходивш*ей*, не снижавш*ейся* до *любимого блюда* (вообще — протестантски и спартански!) не подозревавш*его*, что может быть НЕ-любимое.

Как отношусь к пожиранию мяса? *Чудесно*, т. е. охотно «пожираю» — когда могу, когда не могу — обхожусь. (*Всё* мое отношение ко всему внешнему миру, т. е. ко всему, что со мной здесь может хорошего случиться, ко всему хорошему — в *не* — в этом одном слове «обхожусь», и даже теперь кажется уже вправе сказать: — обошлась.)

Ученик написан (тогда 62-летнему, ныне 75-летнему) Князю Сергею Михайловичу Волконскому (внуку декабриста, писателю), который этих стихов никогда не читал — я никогда *не посмела*, да он бы и не понял: есть люди, очень глубокие, и тонкие, и одаренные, но которым стихи (понимать) мешают. Он очень любит поэтов и постоянно их цитирует, но — по-другому (не цитирует по-другому, а любит). *Латинский* склад. Подружилась с ним в Москве 1921 г.[3] и полгода переписывала ему на̀чисто — из чистейшего восторга и благодарности его рукописи, — трех его больших книг[4] — ВОТ ТАКИМ ПОЧЕРКОМ, и *ни* строки своей не писала — не было времени — и вдруг прорвалась Учеником: Ремеслом[5].

〈*Приписка на полях, вверх ногами:*〉

(Достаньте Быт и Бытие Кн〈язя〉 С. Волконского, там есть большое, вводящее, посвящение мне[6]. Тогда поймете нашу дружбу — и Ученика — и всё. Книга доступна, м. б. даже есть в библиотеке.)

Из крупных вещей Вы не знаете моей Поэмы Конца (в пражском сборнике Ковчег, каж〈ется,〉 1924 г.[7]). Это, кажется, была моя последняя любовь[8], т. е. первая и последняя *такая* (вовсе не самая высокая) и м. б. даже вовсе-лежачая, может быть и сильная тем, что — лежачая, о, не думайте дурного, это целый мир, очень сильный, только — низкий, без всякого презрения, а топографически, линейно-низкий: — ДОЛЬНИЙ — тише воды, *ниже* травы — *блаженный* мир! в котором я *никогда* не жила, в который только погружалась, ибо он — самое низкое, что̀ есть, самый уровень низости — море, а м. б. — ниже уровня, минуя — уровень: *родная бездна сна*.

Ваши сны до жути правильны. Всегда (когда впервые — с родным) много-много говорю и гляжу мимо. Это (миновение) — мое основное свойство, моя отмета. Даже старый Князь Волконский мне, однажды: — О *Вас* не говорю, во-первых — Вы вне суда, во-вторых — Вы просто говорите *в профиль*. (До этого он говорил о необходимости всё время глядеть прямо в глаза собеседнику. Я иногда тоже гляжу — но тогда уж *совсем* не вижу, вижу — другое, выходит — гляжу — сквозь.)

Да, Кламар далёко, а Ревель — еще дальше.

Итак, снимаю с Вас...

> Бедных писаний моих Вавилонскую башню,
> Писем — своих и чужих — огнедышащий холмик...[9]

— всю гору, друг, все горы, вплоть до последнего тарусского холма...

Делаю это дружески и даже — матерински. (По-кавказски Вы кажется могли бы быть моим сыном? Да моей дочери этой осенью будет двадцать два года!)

Вне обиды, вне разочарования, — *привычно.*

До свидания — в письме. Ремесло, конечно, перелом, нет, не *перелом,* — новый речной загиб, а м. б. и РАЗГИБ творческой жилы. Переломов у меня в жизни — не было. Процесс древесный и речной: рост, кажется?

МЦ.

〈*Приписка поперек страницы:*〉

Во мне всё сосуществовало, сода̀но было, с самого начала: с самого моего двухлетия и рождения и до-рождения, с самого замысла матери, хотевшей, решившей сына Александра (оттого я и вышла поэт, а не поэтесса)[10]. Поэтому, Вы правы, хронология не подходит, но она всё же — дорожный посох.

Кроме того, напоминаю, Психея единственная из моих книг — СБОРНИК, т. е. составлена мной по примете чистого и даже женского лиризма (романтизма) — из *разных* времен и книг. Она — *не* этап, а итог[11]. В нее напр〈имер〉 не вошла вся моя тогдашняя — русская, *народная* стихия — а *как* бывшая!

Просто — Гржебин[12] в Москве 1921 г. заказал небольшую книжку. Я и составила Психею, выбрала ее из *огромного* неизд〈анного〉 материала 1916 г. — 1921 г. Выделила данную, эту, *такую* себя. (Из меня, вообще, можно было бы выделить по крайней мере *семь* поэтов, не говоря уже о прозаиках, рода̀х прозы, от сушайшей мысли до ярчайшего живописания. Потому-то я так и трудна — как *целое,* для охвата и осознания. А ключ прост. Просто поверить, просто понять, что — чудо.)

Принять.

〈*Приписка на полях слева:*〉

О статье в Нови напишу непременно, не напоминайте и не торопите: за мной ничто не пропадает[13].

〈*Приписка на полях сверху, вверх ногами:*〉

Хорошо, что мы в Вашем сне гуляли, т. е. ходили. Сижу я только, когда пишу, а с человеком это для меня нестерпимая тяжесть. Я всегда из дому — увожу.

7

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
26-го февраля 1935 г.

Милый Юрий Иваск,

Пишу вам на̀спех — это письмо совсем не *то* — но *те* письма так и остаются, и корреспондент не получает ничего — кроме обиды.

Пишу Вам среди рукописи — даже-*сей* — целых трех! — о Гронском[1], которые должна слить — сбить — в одну. Одна была для П⟨оследних⟩ Нов⟨остей⟩ (не взяли, т. е. заваляли — и я̀ взяла)[2], другая для сербского «Русского Архива»[3] (мы с Гронским — в архив! Si jeu-eunes* Он — éternellement, но я, кажется — тоже — éternellement**...), а третья — собственные мысли. Всё это буду читать 10-го, в Salle de Géographie — его и моим друзьям[4]. Это — моя единственная гласность. М. б. — потом — возьмет Сербский Архив — по-сербски. *По-русски мне о Гронском сказать не дали.*

Наспех — ответ:

*Vanves — banlieue**** — пригород, в 15 мин⟨утах⟩ ходу от последнего парижского метро. Развалина — 200 лет — каштан в окне — я.

Н⟨иколай⟩ П⟨авлович⟩ трагически *погиб* (случайность), но никаких «трагических» обстоятельств не было, — в полном цвете и силе. Обо всем этом — пишу, а Вы — не прочтете.

Вы первый сказали «сын Цветаевой». Первый — осознали. Спасибо. Георгий (материнская транскрипция)[5] — Мур — родился 1-го февраля 1925 г., в воскресенье, в полдень — в чешской избе — в метель — в синем пламени загоревшегося спирта.

В меня: квадратом плеч, крупной головой, упорством, *мыслью*, словесной, верней — филологической одаренностью и математическим ничтожеством (первый во всем, кроме) — и *более всего в меня — тем, что — в себя.*

Обрываю. Пишите.

МЦ.

8

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
8-го марта 1935 г., пятница

Читая Ваше последнее письмо, я с третьей строки вслух сказала: — Умник! (Мур: — Кто? Я? — Нет, он. — Кто? — Иваск. — Что̀-о-о?) — и еще раз: — Умник! — и еще, и еще. Ваше письмо читалось под вслуховой припев — «Нарцисс» Вы или нет (какая пошлость! 1) брать нарцисс — цветок — и миф — в кавычки, подразумевая им нечто недоброкачественное, развоплощать его — та̀к. Ва⟨ша⟩ пока, по мне, единственная погрешность — безвкусия ⟨, в⟩ котором всегда винили *меня* и которым я *совсем* ⟨не⟩ грешу — итак, самовлюблены Вы или нет, но — ⟨несколько⟩ перестроим фразу:

— Во всех Ваших писаниях — ко мне и, вообще, мне известных — если хотите — сознание своей силы, знание себе цены, радость своему уму, но самолюбования (влюбленности) во всей русско-интеллигентской земск⟨ой⟩ и врачебной осуждающей невылазной *бездарной* чеховщине

---

* Такие молодые *(фр.)*.
** Вечен, вечна *(фр.)*.
*** Пригород *(фр.)*.

этого слова — нет. Самолюбуются все молодые парижские (пражские, варшавские, а также и царёвококшайские)[1] поэты: бездари; самолюбуется, нап‹ример› — Поплавский[2] — предельный пошляк. Самолюбуются — когда *нечем*.

А не знать себе цены, зная цену всему остальному (особенно — высокому!), из всего ценного не знать цены именно себе — это какая-то местная слепость или корыстнейшее лицемерие. *Все* настоящие знали себе цену — с Пушкина начиная. (*До* Пушкина! Или, м. б. — кончая, ибо я первая после Пушкина, кто *так* радовался своей силе, так — открыто, так — бескорыстно, так — непереубедимо!). Цену своей силе. Свою силу (*Не* свою!).

«Я — последний из последних» есть предательство и чернейшая неблагодарность. (Не понимаю Серафима Саровского[3] и вообще ни одного смиренного святого. Понимаю А‹постола› Павла[4]. — Il faut obeir à Dieu plutôt qu'aux hommes*.) Если красавица невинно уверяет Вас, что она *не* красавица — она слепая. Или кокетка. Или дура. То же об уме. *Не* то же, ибо ум есть прежде всего зрячесть. Умный, не видящий своего ума только потому что это *он* — дурак. (Красавица же остается красавицей.)

Ум (дар) не есть личная принадлежность, не есть взятое на откуп, не есть *именнóе*. Есть вообще — дар: во мне и в сосне. И какая *мелочность* — не радоваться ему, п.ч. он у *тебя* под черепом! Какое себялюбие! Какое сведение *всего* к только-сему.

Нельзя не знать своей силы. Можно только не знать ее пределов. Нельзя их знать.

Внешняя скромность — только воспитанность. Именно потому, что я Рокфеллер[5], мне у тебя в гостях всё нравится. Но не подавай мне жареной подошвы, п. ч. я — тоже человек.

Вся наша жизнь — сплошное снисхождение (человека в нас, а может быть — божества) к малым сим. Но как иногда от сих *малых* — тошнит и как хочется — великих тех! Не глотать. Встать во весь рост — не боясь испугать: убить.

Итак, *нарцисс* — достоверный, звездообразный, б‹ывают› белые и желтые, — цветок, которым всегда зимой и летом, пахло в конце нашего пансионного коридора, возле огромной чугунной печки, гудевшей от моего бега — 1903-04 г., Лозанна, Ouchy (3, Boulevard de Grancy, 3 Pensionnat de M-elles Lacaze)[6].

2) Миф о юноше, отчаявшемся когда-либо встретить *еще* такую красоту и обреченном на эту невозможную неизбежность: любить — себя, которого *нельзя* любить[7].

Милый друг, я ведь сама, в оны дни, выла (о, не громко! в стихах и внутри) от того, что я — я, *я*, а не мой сосед. Как бы я себя любила — и человека и поэта, и всё innombrable и innomable**, чтò я есмь — если бы не была — я. Но *не* смогла (и Нарцисс не смог, хотя его дело было несравненно-проще) и всю жизнь напролет пролюбила — не тех, в моем мире (единственном мною ценимом) меньших, слабейших, *не*равных, *не*ровень. (Есть другой мир, где *я* слабейшая, последняя из последних,

---

* Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам *(фр.)*.

** Неисчислимо и невыразимо *(фр.)*.

но этот мир для меня сам — последний из последних: активизм, строительство — «жизни» и заводов, и т. д.). Из равных себе по силе я встретила только Рильке и Пастернака. Одного — письменно, за полгода до смерти, другого — незримо. О, не только по силе — поэтической! По силе *всей* + силе поэтической. (Словесно-творческой.) Ибо *вся* сила вне словесной *для меня* не может быть. Для меня (во мне и в моих требованиях) они — одна. *Немого* себя — и Р〈ильке〉 — и П〈астернака〉 — я *не* мыслю. А я на всех (кроме Наполеона, который *знал*: — Je désire que mes cendres reposent sur les bords de la Seine, au milieu de ce peuple français que j'ai *tant* aimé!* —)[8] на всех, кроме Наполеона, в каком-то смысле гляжу как на глухонемого, которому не дано осознать, кто он и потому — сказать. А *они* на меня (те *иные* великие: великие действия) — как на безрукого. Которому ничего не дано *сделать*.

Об этом — с иного краю — Вы говорите, говоря о *бескрылых* вождях и *крылатых* ведомых. (Я доострила Вашу фразу. А можно и: о *бескрылых* тиранах — и *крылатых* рабах. А можно и — *крылатых* когортах. Так, кажется, всего лучше. Но формула (наблюдение, начало сопоставления) — Ваша)[9].

О Н. П. Гронском. Вы правы, Гронский был *моей* породы. Откуда вы знаете о нашей дружбе и ее плацдарме (ибо дружба была — боевая) — медонском королевском лесе и, даже, лесах? Я была его первая любовь, а он — кажется — моя последняя. Это был мой *физический* спутник, пешеход, тоже гòрец, а не мòрец. Потом мы разошлись (c'est le cas de dire**, — мы, так много ходившие вместе, — *сошедшиеся* — как *спевшиеся*!) из-за вещи, которой никто не понимает (отец, мать — и даже я сама). Значит — *не* из-за нее. Значит, она — повод, и расхождение было заложено — м. б. именно в этом большом согласии нашего пешеходчества.

...Я читала его тетрадку, которая выйдет книгой, первой книгой (всех будет — три). И выйдет — в Ваших краях. Кажется, в нашем бывшем Юрьеве[10].

(Отец сидел и читал его письма ко мне, а я его тетрадку — тоже ко мне.) Там *одно* посвящение мне[11] (м. б. есть *маленькая* неточность, привожу из памяти)

Марине Цветаевой

Из глубины морей поднявшееся имя,
Возлюбленное мной, как церковь на дне моря,
С тобою быть хочу во сне, на дне хранимым
В бездонных недрах твоего простора.

Ушед в . . . . . . сон с собором черным

И ангелы морей мне будут вторить хором[12].

Когда же в день Суда, по слову Иоанна,
Совьется небо, превратившись в свиток,
Я буду повторять во сне: — Осанна!
Оставленный, и в день Суда — забытый.

(1928 г., 18 лет)

---

* Я желаю, чтобы мои останки покоились на берегах Сены, среди французского народа, который я так любил! *(фр.)*

** Если так можно сказать *(фр.)*.

Одно — мне — и все остальные — некоей «В.Д.»[13], но — очень странно — с *моими* приметами. (Эту «В.Д.» я видела — между горной фляжкой и еще чем-то горным — в его посмертной комнате. Веселая хорошенькая современная барышня, снятая лежа, — лицом к зрителю. Смеется.) Я тогда ходила в пелерине, самой простой, грубой, темно-синей, сестре-милосердинской, только без креста. Так не только *тогда,* так никто *никогда* не ходил, — значит и «В.Д.» И такие строки — или вроде — о крылатом безруком существе (плащ дает *крылья* и лишает *рук*!) — посвященные ей, которая, очевидно, ходила в модном поколенном пальто. (Пелерина была дли — ин — на — я.)

Ясно, явно, что он, написав *мне*, потом, с досады, с обиды, одним махом пера — ей, ибо буквы посвящения — другими чернилами, — post-fact'ными. (Вся книга — черными, все посвящения ей — лиловыми, видно, что надписал всё сразу, — решив.)

Уцелела *вся* наша переписка. «Письма того лета» — так бы я назвала. А то лето было — тысяча девятьсот двадцать восьмое. Я была нà море, он — в Медоне. Двадцать семь — *его* писем, и, кажется, столько же моих. (Своих, естественно, не считала)[14].

Я написала в Белла-Донне[15] короткий исчерпывающий отзыв (ПОСМЕРТНЫЙ ПОДАРОК), который до сих пор — три месяца! — валяется в Послед⟨них⟩ Новостях. О *их же* поэме, о сыне *их* сотрудника и даже больше — и *не* хотят: молча, как ничего (всего) *моего.* Статья разрублена мною, по подневольному требованию отца, — ПОПОЛАМ, просто под трехсотой печатной новостнóй строкой — подпись[16]. Остающаяся часть, по тайному сговору с П. П. Гронским, воровски должна была идти под другим названием (Корни поэзии) с ввинченной вводной фразой. Ибо *двойного* фельетона *мне не* дают, а вещей с продолжением — *не* печатают. Но и это не помогло. (Демидов, от которого всё зависит, П. П. Гронского вел за гробом, и он знает, *чтò* для отца каждое слово в печати — о его сыне, знает и мою дружбу с Н⟨иколаем⟩ П⟨авловичем⟩) — и именно *мне не* дают сказать о Белла-Донне. (Были уже статьи Адамовича[17] и Бема (в Мече)[18]. Надо мной здесь *люто* издеваются, играя на моей *гордыне*, моей *нужде* и моем *бесправии.* (Защиты — нет.) Мою последнюю вещь (Сказка матери) — *изуродовали:* сорок самовольных редакторских сокращений посреди фразы. Убирали эпитеты, придаточные предложения, иногда просто *два слова* (главных! то, ради чего — вся фраза. Ведь это — *детская* речь!).

Сказка матери — *не моя вещь.* Отказываюсь[19].

От меня, после 2-летнего невыносимого сосуществования, ушла дочь — головы не обернув — жить и быть *как все*[20]. Та самая Аля. Да.

От черной работы и моего гнета. У меня — само-вес, помимовольный. Не гнету я только таких как я. А она — обратная. Круглая, без ни одного угла. Мне обратная — *во всем.*

⟨*Приписка на полях слева:*⟩

Письмо не кончаю, а обрываю. Если быстро отзоветесь — напишу еще. Сколько подчеркнутых мест! Я *вся* — курсивом.

До свидания — в письме.

МЦ.

9

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
11-го Октября 1935 г.

Если письмо действительно затерялось — потеря невозвратная, ибо в нем был *негатив* Гронского у подножья Белла-Донны. Молчите об этом, ибо родители даже не знали, что он у меня остался, — да и остался случайно: я отдавала увеличивать (для них) ряд его карточек, все негативы вернула, а этот случайно застрял.

А заказным я не послала — вот почему: Ваша марка (как и сегодняшняя: возвращаю обе) оказалась недействительной, ибо просроченной (срок — *6 месяцев*) и мне бы сразу пришлось платить 3 фр⟨анка⟩, а я этого не могла. Вот и положилась — на почты: французскую и эстонскую. *Очень* печально, тем более, что снимок был отличный: юноша у горного (ледяного, снежного) озера, над ним — Белла-Донна. Лицо — веселое, горячее, обожженное снегом: тёмное.

В том письме я просила Вас отозваться *немедленно*, чтобы я не успела выйти из строя мыслей о Гронском. Была его краткая биография[1], с рядом показательных случаев. Родословная. *Физический* портрет. Письмо, если Вы его *любите*, для Вас — незаменимое — и невосстановимое, как тот негатив. Обратно *не* пришло — и конечно *не* придет.

У Гронского-отца (тоже писала) был удар, даже два, один на Пасху, другой летом, сейчас он в санатории и, в общем — конченный человек, во власти *первого* сильного волнения. Ему даже запрещена карточка сына. Книгой ведает мать — и книга выйдет.

Мать лепит его большую голову — по прежним своим работам — и карточкам. *Он,* но — собирательный, основной, и — жёстче, чем в жизни. Он — чёрт, не он — выражений. Да этого должно быть скульптура дать не может. Можно будет добыть — для Вас, если *очень* захотите. Но так как она — нищая, придется оплатить отливку. Не думаю, чтобы это превзошло средние возможности. Лепит она его в терракотовом пластилине: *живом* цвете и материале.

Да, если хотите книгу одним из первых — вышлите матери 12 фр⟨анков⟩ по адресу:

Mme Nina Gronsky
14, Cité Falguière
Paris, 15 me

Ряд его и ее друзей вносят сейчас, чтобы помочь оплатить типографию. А Вам корысть—получите *до* официального выхода. Экземпляров—всего—300.

Там есть посвящение и мне, которого он мне *никогда* не прочел.

А вот—случайно сохранившиеся записи, в ответ на предыдущее письмо (я его не очень помню, м. б. вспомните—Вы)—тогда—Гронский занял всё место—в дело не пошедшие.

Просто—списываю:

«Уразумевать» нечего, ибо вещь—чисто внешняя. Психея—не этап (физический), это—сборник, т. е. собранные стихи, написанные в *разное* время (от 1916 г. до 1920 г., а м. б. и позже), если хотите—избранные стихи, выбранные по примете романтики: *чистой* душевности. *Все* мои книги—хронологические этапы: что̀ в жизни—то в тетради, что̀ в тетради—то в книге. (В жизни, читай: в мне данного дня.) А Психея—*отбор*, поэтому *не* этап: не часть пути, а, если хотите, вечное сопутствие.

Психея частично входит в Версты I, в Версты II* (никогда не вышедшие), в Ремесло. Психеи—как *книги*—нет. Последовательность: Вечерний Альбом (1910 г.), Волшебный Фонарь (1912 г.), Юношеские стихи (неизданные: 1912—1916 г.), Версты I (изданные частично в советском сборни*чке* того же имени: моем сборничке),—1916 г.,—Версты II (неизданные: 1916 г.—1921 г.), Ремесло (1921 г.), После России (1921 г.—1925 г.; кажется)[2]. После 1925 г. не издано ничего. Ясно? *Это*—мои этапы: мои тетради. А Психея—из разных тетрадей, т. е. разных лет. Психею, как всё, что написала—*очень* люблю. Вот уже нѐ:

— Я вас не писал никогда![3]

Не люблю только привередливости, внюхивания, предпочтения одного *в ущерб* другому. Скажем, не люблю Психею в известных руках: самих рук не люблю!

По поводу чувства (NB! наивный вопрос: есть ли у меня чувства)—чувство у меня всегда было умное, т. е. зрячее, поэтому всю жизнь упрёки: Вы не чувствуете, Вы—рассуждаете.

Если чувство есть слепость—я *никогда* не чувствовала.

(Das Gefühl seiner Jugend ist schon übersinnliche** Jugend***.) Все мои Gefühle были—übersinnlich, потому-то они и были—Gefühle.

А Sinne****—их кажется, 5, нет—6 (Orientierungssinn*****). Единственно-о́строе (до болезненности)—СЛУХ. Зрение—никакое (*никогда* бы не взяли в солдаты), осязание—среднее (обоняние впрочем—исключительное, но оно так сразу становится душевным состоянием, что его никогда отдельно не ощущала)—пошла спрашивать Мура, какое пятое: деловито высунул язык, итак, вкус—самый непритязательный. И—*минус*—чувства места: *идиотизм на места́*: чувство контрнаправления.

---

* Внизу страницы (3) приписка: (ищите стр⟨аницу⟩ 4).

** Внизу страницы (4) приписка: (ищите стр⟨аницу⟩ 5).

*** Ощущение своей юности есть уже прожитая юность *(нем.)*.

**** Чувства *(нем.)*.

***** Способность ориентироваться *(нем.)*.

И основное — над всеми и под всеми — чувство КОНТР — чисто-физическое: наступательное — на пространство и человека, когда он в количестве. Отсюда — мое пешеходчество и полное одиночество: передо мной *всё* отступает.

...«Чувств» много в После России, почти сплошь. Если *это* не чувства, то у меня их — нет.

«По-русски *трудно* мыслить». — По-русски (по-всячески) ЧУДНО мыслить. Были бы косточки, а мясо вырастет.

О кубизме[4] *ничего* не знаю: мне пришлось бы не говорить, а слушать.

Стихи двух родов, — и не двух: больше. Есть чистая лирика, есть гражданские страсти (1917 г. — 1920 г. — Царская семья — Перекоп (заграница), есть ПЕСНЯ, — ЧЕГО — *НЕТ???*

Неудача в Мо̀лодце и Переулочках???[5] Здесь придется воззвать — к большинству голосов моего читательского меньшинства (+ мо̀й голос: большой, большинство *моих* голосов, ибо я — не забывайте — довоенная *Россия* по составу народонаселения!).

Переулочки (Вы этого не знали?) — история последнего обольщения (душою: в просторечии: высотою).

Если Вы не любите этих вещей — Вы просто чужды русской народной стихии. Народной стихии. Стихии.

(*С. Маковский*[6] (оцените эпоху: Аполлон, Золотое Руно, Весы[7], примат *Петербурга*) мне — обо мне, в 1924 г. — Это не всегда стихи, но это всегда — стихия!)

Русская стихия *во мне* обескровлена? обездушена?*

NB! *Стр⟨аница⟩* 7.

О Мо̀лодце только один отзыв: — *Живой* огонь![8] — Что́ это? Революция? Любовь? — так говорят *самые* неискушенные. Вы бы прочли отзыв Пастернака[9].

Мне Ва̀ш отзыв просто смешон, как если бы мне сказали: — Такая брюнетка, как Вы.

До того — не по адресу!

А «греческим» Вы обольщены из-за Вашего тяжкомыслия, -думия (у Вас Schwerblut** и, вообще, Geist der Schwere***, это *не* плохо — я только отмечаю...)[10].

Вам труднее понять непосредственное.

---

* Внизу страницы (6) приписка: (ищите стр⟨аницу⟩ 7).

** Тяжелая кровь *(нем.)*.

*** Тяжелый дух *(нем.)*.

«Народный элемент»? Я сама народ, и никакого народа кроме себя — не знала, даже русской няни у меня не было (были — немки, француженки, и часть детства — к отрочеству — прошла за границей) — и в русской *деревне* я не жила — никогда. В русской природе — да. И отец — владимирский: из старого (непрерывного и непрервавшегося) священнического рода: дремучего. Мы, по отцу с Бальмонтом — земляки[11].

Лучшая вещь Гронского — Белла-Донна. Вещь его 18 — 19 — 20-летия: когда дружил со мной. О его *книге** я бы написать *не* взялась[12]: *всё* было дано в Белла-Донне, и всё дальнейшее — постепенное *отбирание* этого *всего.* «Муза Горных Стран»[13] — просто скучна. После меня он впал в церковность, а от священников — какие стихи?? У Гронского *одна* вещь: Белла-Донна. (Впрочем, *Спинозы*[14] — я не знаю. Есть кажется еще одна *моя* (т. е. сильная — и в *мои* времена) — о летчике[15]. Отец мне читал отрывки. Но *увидите,* что Б⟨елла⟩-Д⟨онна⟩ окажется — лучшей.)

Слух — без ушей, взгляд — без очей[16].
(Н. Г.)

Жатвы — без рук, клятвы — без губ.
(МЦ. — те самые Переулочки)

и еще, в 1 ч⟨асти⟩ Тезея — Ариадне, — сейчас словами не помню, *но то же самое.*

Когда вещь *сильна,* она еще не переимчивость, а — преемственность.

В *слабой* вещи — о лесах севера[17] — у Г⟨рон⟩ского явное *подражание* Блоку (кажется 1932 г. — т. е. давно̀ — о — расставшись со мною).

*Гронского в Белла-Донне я чувствую своим духовным сыном***.

Он был *собой* — пока он был *мной.*

Поплавского не только последним певцом, но вообще поэтом — *не* считаю[18]. У него была *напевность,* ничуть не лучше чем у Д. Ратгауза[19]. Только Ратгауз брал у Фета, скажем, а Поплавский КРАЛ у *раннего* Блока и всегдашнего Пастернака.

ПЛАГИАТ.

Доказать — берусь.

Ну̀, вот. Устала. Возвращаю два купона. — Жаль негатива. — Повторяю: — *молчите.*

Простите, что перепутала страницы, но писала с зверской головной болью: отписывалась, зная, что если не сразу — то никогда.

МЦ.

Пример «дубасят...» (М⟨аяков⟩ский и Ц⟨ветае⟩ва «дубасят»)

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих вёрст![20]

---

* Внизу страницы (7) приписка: (ищите стр⟨аницу⟩ 8).

** Очередная приписка: (ищите стр⟨аницу⟩ 9).

Это, по-моему, называется — ПЕТЬ. И таких примеров — ТОМА.
Нет, голубчик, ни в какие Вы меня схем*ки* не загоните![21]
Вам придется либо признать простое чудо, либо — сознательно его искажать — и, третье либо:
— отказаться. —

В Ваших стихах хороши строки:

И в потомстве ты не тот
И в раю — не тот, не ты[22].

10

Vanve (Seine) 65, Rue J. B. Potin
23-го ноября 1936 г., понедельник

Милый Юрий Иваск,

Никакой статьи не получила — потому и задержала ответ, что каждый день я ее ждала, но очевидно она пропала в Совр⟨еменных⟩ Записках или просто по дороге — если простое imprimé* — так что не вините меня в небрежности. Очень жаль, что не прочту до печати (если появится!)[1] но м. б. — для Вас — лучше, тàк Вы будете вполне самостоятельны в своей оценке: всё равно *всей* меня *не* дадите, дадите *свою* меня — и пусть будет тàк.

Вчера у меня был молодой поэт А. Штейгер[2], очень больной, хотя вид — здоровый — впервые в Париже после 1 1/2 года санатории — я спросила, чтò он делает, когда лежит (лежит — всегда) — ответ: — Составляю антологию русской поэзии, от самых ее истоков — для себя. — Тогда я подумала о Вас (эта антология — просто тетрадь его любимых стихов), знающем столько чудных старых, и дала ему Ваш адрес, чтобы послал Вам свои книги[3] (он давно собирался, но никто из друзей (а по мне — «друзей») ему Вашего адр⟨еса⟩ — по небрежности или другому чему — не давал, а я сама предложила, и он страшно обрадовался, и Вы наверно на днях получите от него письмо и книги. *С ним стòит переписываться*, и, во всяком случае, ему нужно ответить, он очень доброкачественен, несмотря на любовь к Поплавскому и дружбу с Адамовичем. И — не забудьте — *трудно*-больной.

А нынче получила книжку Kamena[4] с переводом моего Прохожего. По-мòему — у меня — *проще*. Я бы нашла *двусловный* возглас (лейтмотив всей вещи) — Прохожий! Остановись. — Говорю, что нашла бы, п. ч. только и делаю, что ищу и нахожу, переводя на французский Пушкина[5] (стихами, конечно, и *правильными* стихами). М. б. некоторые мои переводы появятся, тогда пришлю Вам, — это сейчас моя главная работа.

Итак, статья не дошла и очевидно пойдет без моего просмотра. В добрый час! Во всяком случае Вы — первый (за 25 лет печатания

* Здесь: отправление (почтовое) *(фр.)*.

и добрых 30 серьезного непрерывного писания) который отнеслись ко мне всерьез. Сердечный привет и благодарность.

МЦ.

P. S. Пришлите мне, пожалуйста, виды Печор[6] — побольше, с природой. Я там никогда не была, но места — родные.

И нет ли там, у крестьян, старинных серебряных вещей, — я видела оттуда чудную огромную серебряную цепь, вроде как из серебряных ра́кушек — привезла поэтесса З. Шаховская — и на открытках с крестным ходом, у всех крестьянок — такие. И, кажется, у вас замечательный *янтарь.* Но искать нужно по домам, а не в антиквариате.

Узнайте и напишите мне цену (серебра и янтаря) — у меня за переводы могут быть деньги и хорошо было бы их превратить в такое, сказочное.

Переслать можно было бы с оказией.

Очень надеюсь на Вашу исполнительность — другого бы не просила.

11

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
18-го декабря 1936 г., пятница

Милый Юрий Павлович,

— В Вашем отчестве я утвердилась после вчерашнего знакомства с Вильде[1] — Вы его помните? Вы учились с ним во II или III к⟨лассе⟩ гимназии — и Вас тогда звали Теленок. Все к Вам собираются летом: Штейгер, Унбегауны[2] (он и она), Зуров[3], Вильде — все кроме меня, которая ничего не знаю ни о лете ни о своих будущих лѐтах.

Вы заинтересовались Штейгером — расскажу Вам о нем. *Это — обратное Гронскому* — м. б. я уже всё рассказала — и сказала. Я с ним дружила (письменно) всё лето, теперь встретилась, и мне с ним трудно потому что он ничего не любит и ни в чем не нуждается. Всё мое — лишнее. Но Вы всё-таки — попытайтесь, Вам — мужской дружбе — он м. б. и откроется (приоткроется). Живет он далеко за̀городом, в русском доме отдыха, адрес — если Вам нужно — 26, Avenue Chilpéric Noisy-le-Grand (Seine). Сейчас он приблизительно-здоров, т. е. залѐчен. А сестра его, Головина[4], совсем погибает от туберкулеза — недавно был в пользу ее большой вечер поэтов[5], но везти ее сейчас в Швейцарию нельзя — до того плоха. Оба они — существа *городские.*

— Ну̀, попытайтесь, м. б. и воскресите — не его (думаю, его тайна: Und wir sind von jenen Asren — Welche sterben wenn sie lieben*[6], я̀ его тайны не выдаю, она в каждой его напечатанной строке) — не его, а что̀-то — в нем, хотя бы интерес к самому себе. *Мне* это *не* удалось, и я с этим интересом к нему — одна осталась. Если когда-нибудь встретимся — расскажу.

---

* И мы из рода Азров — Тех, что гибнут, если любят *(нем.).*

В воскресенье, 20-го, его вечер[7], два стиха прочтет сам, остальное — Смоленский[8] и Одоевцева[9], самые непереносимые кривляки из всех здешних молодых поэтов. Еще — Адамович почитает: Ш⟨тейге⟩р — его выкормыш[10].

Вчера, у Унбегаунов (Вы о нем наверное слышали: блестящий молодой ученый — филолог — получил премию[11] — читает здесь и в Бельгии — русский немец вроде Даля*[12] — неустанный пешеход — мой большой друг) — много говорили о Вас, с моей помощью — целый вечер. Wilde рассказывал про теленка, Зуров про летнюю встречу с Вами и биографическое, я противуставляла Вас одного — всем молодым парижским (м. б. были и *обиды...)*, цитировала: — «Хочу в Испанию, хочу в Россию, хочу в Германию... — но мне хорошо и здесь» — (А Штейгер не хочет ни в Испанию, ни в Россию, ни в Германию, ни ко мне в Ванв, ни, главное, *к себе*).

Дать можно только богатому и помочь можно только сильному — вот опыт всей моей жизни — и этого лета.

Но не слушайте меня, Юрий Павлович, — попытайтесь. М. б. Ваши дары *(в меру)* — и придутся.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Спасибо за Германию. С нею — умру.

Бальмонт совсем выздоровел, провела с ним недавно три часа в восхищенной им беседе, но продолжает жить в сумасшедшем доме[13], п. ч. там — больше чем за полгода — задолжал. (Так продолжают брать в кредит с отчаянья...)

Бунин то в Риме, то в Лондоне.

Зайцев потолстел, поважнел и всей душой предан Генералу Франко[14] — так и ходит с поднятой рукою и даже — ручкой. («Merci, merci, merci...»)

О себе. Пишу Мой Пушкин (прозу) и жду у моря погоды с моими пушкинскими переводами, за устройство которых (с любовью) взялись Слоним и Вейдле, но о которых пока ни слуху ни духу[15].

Еще о себе: погибаю под золою трех дымящих печей qui me prennent le plus claire de mon temps** (пол-утра сжирают!) — под грудами штопки — сын растет и рвет, а у меня нет Frau Aja, которая бы посылала, как — помните? — «Da — die neuen Hemde*** für den lieben Aug⟨*u*⟩*st*! Mag er sie gesund und fröhlich verwachsen und zerreissen...****» и под грудами посуды — и под грудами стирки: нас четверо, а руки одни: мои.

Сначала 1917 г. — 1922 г. — зола России, потом: 1922 г. — 1937 г. — зола эмиграции, не иносказательная, а достоверная, я вся под нею — как Геркуланум[16] — так и жизнь прошла.

Не жалейте!

МЦ.

---

* К⟨отор⟩ый, кажется, был скандинавом? *(примеч. М. Цветаевой)*

** Которые отнимают мое лучшее время *(фр.)*.

*** В тексте Hem*bten (примеч. М. Цветаевой)*.

**** Здесь — новые рубашки для любимого Августа! Пусть он в здравии и весельи их износит и разорвет...» *(нем. архаич.)*.

⟨Приписка на полях:⟩

Что мне Вам подарить: вещь, а не книжки и фотографии. Летом будет оказия. Я *серьёзно* спрашиваю — подумайте. Вещь на каждый день и навсегда. У меня есть флорентийский портсигар — Вы курите?

12

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
25-го января 1937 г., понедельник

Милый Юрий Иваск,

Наконец-то получила Вашу статью и, сразу скажу — разочарована.

Нужно было дать либо единство, либо путь (лучше *оба*, ибо есть — оба, и вопиюще — есть!) Вы же всё, т. е. двойную работу 20-ти лет, свалили в одну кучу, по мере надобности данного утверждения выхватывая то или другое, разделенное двадцатью годами жизни — не подтверждая строкой 1936 г. строку 1916 г. или, наоборот, одну другой не противуставляя — а смешивая. *Тàк нельзя.*

Общее впечатление, что Вы думали, что в писании выяснится, и не выяснилось ничего.

О таком живом, как я и мое, нужно писать *живому*, Вы же всё свое (в этой статье безысходное) умствование, весь свой мертвый груз приписали мне. Всё это ведь любящему мои стихи в голову не придет (и не приходило), вообще мои стихи не от головы и не для головы, здесь глас народа — голос Божий, и я скорее согласна с первым встречным, стихи любящим и сразу взволнованным — чем с Вами.

Чтобы Ваша статья вышла удачной, Вам нужно было бы взять из меня то, что Вы любите и знаете — и *можете*: тò, что Вы называете архаикой, и в *этом* оставаться и работать, ибо тут и для головы — пища: и замысел, и действие, и ошибка характеров и *Ваш любимый язык.*

Но называть *декадентскими* стихами такой детской простоты высказывания, такую живую жизнь:

Не думай,...*

У вас на живую жизнь — дара нет. Вы и здесь ищете «la petite bête»**, а есть вещи — сплошные grandes bêtes***, *вне* литературных теорий и названий, *явления природы.* На это Вас не хватило. На всякого мудреца довольно простоты.

О моей русской стихии — смеюсь. Но, помимо смеха, цитировать нужно правильно, иначе — недобросовестно[1].

Речка — зыбь,
Речка — рябь,
Руки рыбоньки
Не лапь.

---

* Пробел в письме.
** «Маленького зверя» *(фр.).*
*** Большие звери *(фр.).*

Чтó это? ВЗДОР. И автор его — Вы́.

Речка — зыбь,
Речка — рябь.
Рукой рыбоньки
Не лапь.

(Ты — своей рукой — меня, рыбоньки. А не то:)

Не то на кривь
Не то нà бок
Раю-радужный
Кораблик —

т. е. *тронешь* — всё кончится.

Ясно?

Нужно уметь читать. Прежде чем писать, нужно уметь читать.

В Переулочках Вы просто *ничего* не поняли — Keine Ahnung*. Раскройте былины и найдете былину о Маринке, живущей в Игнатьевских переулочках и за пологом колдующей — обращающей добрых мóлодцев в туров. Задуря̀ющей. *У меня* — словами, болтовней, под шумок которой всё и делается: уж полог не полог — а парус, а вот и речка, а вот и рыбка, и т. д. И лейтмотив один: соблазн, сначала «яблочками», потом речною радугою, потом — огненной бездной, потом — седьмыми небесами... Она — *МОРÓКА* и играет самым страшным.

А *КОНЬ* (голос коня) — его богатырство, зовущее и ржущее, пытающееся разрушить чары, и — как всегда — тщетно, ибо одолела — она:

Турий след у ворот[2] —

т. е. еще один тур — и дур.

Эту вещь *из всех моих* (Мòлодца тогда еще не было) больше всего любили в России, ее понимали, т. е. от нее обмирали — все, каждый полуграмотный курсант.

Но этого Вам — *не* дано.

Но — я должна бы это знать раньше.

Ваше увлечение *Поплавским*, сплошным плагиатом и подделкой. Ваше всерьез принимание Адамовича, которого просто *нет* (*есть* только в Последних Новостях)[3].

Вы настоящего от подделки не отличаете, верней — *подделки* от настоящего, оттого и настоящего от подделки. У Вас нет чутья на жизнь, живое, рожденное. Нет чутья на самое простое. Вы всё ищете — как это сделано. А ларчик просто открывался — *рождением*.

---

* Никакого понятия *(нем.)*.

И еще—какое мелкое, почти комическое деление на «Москву» и «Петербург». Если это было топографически-естественно в 1916 г.[4],—то до чего смешно—теперь! когда и Москвы-то нет, и Петербурга-то нет, и вода—не вода, и земля—не земля.

Та̀к еще делят Адамович*и*, у к⟨отор⟩ых за душой, кроме Петербурга, никогда ничего и не было: *салонного* Петербурга, *без* Петра!

Да, я в 1916 г. первая та̀к сказала Москву. (И пока что последняя, кажется.) И этим счастлива и горда, ибо это была Москва—последнего часа и раза. *На прощанье.* «Там Иверское сердце—Червонное, горит»[5]. И будет гореть—вечно. Эти стихи были—пророческие. *Перечтите* их и не забудьте *даты.*

Но писала это не «москвичка», а бессмертный дух, который дышит *где хочет, рождаясь* в Москве или Петербурге—дышит *где хочет*[6].

Поэт ть бессмертный дух.

А «Москва», как темперамент—тоже *мелко, не та мера.* И, главное, сейчас, плачевно-провинциально: новинка с опозданием на̀ 20 лет: на целое поколение.

Этой статьей, в доброй ее половине, Вы попадаете в «сердце» Монпарнаса[7]—и соседство России не уберегло!

Жаль!

Со Штейгером я не общаюсь, всё, что в нем есть человеческого, уходит в его короткие стихи, на остальное не хватает: сразу—донышко блестит. Хватит, м. б., на чисто-литературную переписку—о москвичах и петербуржцах. Но на это я своего рабочего времени не отдаю. *Всё*, если нужна—*вся*, ничего, ли нужны *буквы: мне* мои буквы—самой нужны: я ведь так трудно живу.

И, сразу вспомнила: *зола*, и Ваше: из-под этой, из этой золы...

Насколько Вы одарённее (*и* душевно, *и* словесно) в письмах. (Я это же, этим летом, писала Штейгеру.) Так в чем же дело? Бумага—та, рука—та, Вы—тот...

М. б., оттого, что—«литература»? (Точно это—*есть*!)

Ну̀, не сердитесь. Выбора не было, и Вы̀ правды—заслуживаете. А если мне суждено этим письмом Вас потерять—то предпочитаю потерять Вас та̀к, чем сохранить—иначе. Ну̀, еще один—не вынес!

Всего доброго—от всей души.

МЦ.

Когда говоришь о громкости, нужно говорить и о тихости: у меня есть стихи *тишайшие*, каких нет ни у кого.

Меня вести можно *только* на контрасте, т. е. на всѐприсутствии: наличности *всего.* Либо брать—часть. Но не говорить, что эта часть—всё. Я—*много* поэтов, а ка̀к это во мне спелось—это уже моя *тайна.*

13

Paris, 15-me — Boulevard Pasteur — Hôtel Innova, Ch⟨ambre⟩ 36
27-го февраля 1939 г., понедельник

Милый друг — как странно (верней — *не*странно, ибо со мной так случается — каждый день — всю жизнь — и мой ответ — не удивление, а узнавание): вчера вечером я — в связи с Н. Н. Гронской — долго рассказывала о Вас Мирре Бальмонт — XVIII русский век — Печоры — линия Печоры — Париж — снега — те и эти... — и ее возглас был: — Да, это, должно быть — замечательный человек! — и прийдя домой — Ваше письмо, последнее слово которого: — Жаль, что тогда не застали Н. Н. Гронской[1].

А я уже не застала ее — никогда: написала дважды — ответа не было — я знаю, что письма дошли — дружба 12-ти лет — но я устала не понимать других — и перестала думать. Приняла — непонятное. А знаете разгадку? Оказывается, она за это время вышла замуж — за человека, к которому 12 лет назад ушла от мужа[2] — и сына — и теперь (муж умер) «священники» потребовали — венчания. И она — кажется — как раз венчалась в те дни, когда мы с вами стояли у темных окон — т. е. окончательно уходила от сына. И опять — мое вечное (как когда 14-ти лет в первый раз прочла Анну Каренину): — *Я* бы так — *не* поступила. — Но в каком человеческом случае я бы «так поступила», и когда (люди) поступали — как я? *Я ничего* не хотела в жизни — чего хотели и продолжают хотеть и будут продолжать хотеть люди — ни денег, ни любви (счастливой), ни славы, которую отпихивала обеими руками и от которой даже отбивалась ногами — как от насилия...

Сейчас я бываю в доме, где у ребенка — два отца, два налицо, тут же: вместе за одним столом и над одной колыбелью — и я опять ничего не понимаю: ни пришлого отца, ни домашнего, а особенно — матери, на месте которой — с лежачего места которой я бы — встала, и отцов — отправила, а ребенка — оставила. А она — одинаковым голосом — с постели — с двумя, и м. б. гадает: *чей*? а я бы знала: *ничей* — *мой*.

И, всё-таки, в быту — сам быт — *ее* считает «нормальной», а не меня.

Все мои непосредственные реакции — *обратные*. Преступника — выпустить, судью — осудить, палача — казнить, и у меня чувство, что все, все, за редчайшими исключениями, родились *мимо*.

...Прихожу в другой дом, где дети школьного возраста. 12 ч. дня — мать еще не встала, п. ч. ежедневно ложится — в 5 ч утра. И этого я не понимаю. Т. е. — ложилась и я («Где ночи те, когда я спать ложилась — В шестом часу утра?»[3]) — а иногда и совсем не ложилась: сразу «вставала»! — но когда ложилась — вставала в обычные семь, и только та̀к чувствовала себя вправе — на все «беззакония». И уже не могу дружить (с той лежачей), уже — трещина.

И, чтобы кончить об этом — у меня вечное чувство, что не я — выше среднего уровня человека, а они — ниже: что я и есть — средний человек.

Есть средняя собака, средняя лошадь, а я — средний человек, и моя необычайная «сила», про которую мне столько пели (на мне катаясь!) — самая — «обычайная», обычная, полагающаяся, Богом положенная, — что *где-то все* такие.

Когда однажды, в 1920 г., в Москве — был потоп и затопило три посольства — все бумаги поплыли! и вся Москва пошла босиком! —

С. М. Волконский предстал в обычный час—я, обомлев: —С⟨ергей⟩ М⟨ихайлович⟩! Вы? В такой потоп! —«О! Я очень люблю дождь. И ... мы ведь сговорились...»

—я узнала свое, себя, свой рост, свою меру человека—и всё же была зàлита благодарностью.

Но так как *такое* (не такие потопы, а такие приходы)—раз в жизни, а обратное—каждый день все дни, я так до конца и не решила: кто *из нас* урод? я? они?

Новый лист—и о Вас.

Вы все говорите о друге, и только мечта об этом друге могла Вас—поэта—все ваши парижские вечера уводить от меня (поэта). (Я назначил сегодня Иксу. Меня сейчас ждет Игрек.) (А вдруг??)— Не *поэтов* же Вы в них любили—и ждали?

А вот Вам—в отдаленный ответ—рассказ—мне одного странного человека—азартный игрок—гениальный актер (одной роли), потом—иезуит—потом кюре корсиканского горного гнезда... «Я повел его в кафе и заказал ему кофе и пирожных...» (Это было в Германии и в Германии был голод)—«и он, робко, но твердо: «Нет, пожалуйста, не надо пирожного! Мне не хотелось бы, чтобы мне еще что-нибудь было приятно с Вами—кроме Вас: Вас самого Вас одного».

Мальчику было 15 лет, был немец (мой друг был русский...[4]). Что с ним? И что—с тем? (Корсиканским кюре. Был, между прочим, ближайший друг Скрябина.)

Любуюсь, как благородство Вашей природы исправляет и направляет слабость Вашей породы. Ваш случай сложен и трагичен—тем, что он *духовен*, что свою беду Вы втащили (как мужик—Гóре)—на горбу—на гору—и там поселили и возвеличили[5]. Вам с Вашей бедой—трудно будет, и трудно—есть. Вы ищите—себе равного и, по возможности—себе главного, а не забудьте, что если это вообще—чудо, то в Вашем случае—из чудес—чудо, ибо Вам приходится выбирать не из всего *мира*, а из *касты*, где—знаю это по опыту—всё лучшее высшее вечное идет к *женщине*, и только «остатки сладки»—к мужчине. *Ваши* на мужскую дружбу—неспособны. *Душу* всех этих моих друзей всегда получала я, и если кто-нибудь меня на свете *любил* (как мне это подходило)—то это—*они*.

(Говорю о лучших—об отдельных не говорю вовсе, и если заговорю—то только с абсолютным презрением: как о каждом профессионале *живой* души: соблазнителе малых сих—к какому полу они бы ни относились.)

Вы хотите—целое, а будет Вам—половинка (и то!).

...Да, мы с Вами хорошо подружились, не теряя ни минутки, и мне страшно жалко, что я Вам ничего не подарила, это так ⟨на⟩ меня непохоже! но Вы так сопротивлялись—и так мало было времени—первая минутка *уже* была последняя!—а Ваш карандаш (ди-ивный!) всегда при мне и, надеюсь, будет мне служить до конца дней.

С Вами, помимо всего уютно, с Вами—как с собой, и от Вас как раз столько сердечного тепла, чтобы при встрече порадоваться, и, прощаясь—не жалеть, или—чуть-чуть пожалеть. Чтобы было совсем хорошо с человеком, нужно быть от него свободным.

Спасибо Вам за всё: совместный холод—которого я не замечала, совместное стояние у темных окон, совместное обогревание в первом—неважно! да и времени нет!—кафе—за подаренный карандаш, за обещанное полотенце[6] (NB мне важно *обещание*: желание другому—радости) за постоянное*.

Спасибо за книжку—дошла и прочла[7].

Мой адрес пока—прежний[8] и очень рада буду письмам. Морозы прошли, на днях будет весна, и я с наслаждением поездила бы с Вами по всем загородам—у меня нет спутника—на весь Париж—*никого*. Есть городок с дивным названием Mantes, я туда давно рвусь—там собор и сады—и больше ничего. Нет! еще *поезд*, который люблю—безумно.—Жаль.—

Сердечный привет от Мура: Вы ему очень понравились. Нынче говорю ему о двух мальчиках, с к⟨оторы⟩ми хочу его познакомить (он не хочет: собирают марки!)—Они мне показали всех своих медведей, и у них есть рулетка, и они мне сразу предложили с ними играть... Мур: «Еще бы! Кто Вам чего не предложит! Вы—как медведь! взять за губу—и повести».

Похоже?—Похоже.

МЦ.

Иваск Юрий Павлович (1907—1986)—поэт, критик, историк литературы. В 1920 г. семья Иваска переселилась из России в Эстонию. В 1932 г. Иваск окончил юридический факультет Тартуского университета. Во время войны попал в Германию, в 1949 г. переехал в США. Автор статей о творчестве Цветаевой, а также нескольких стихотворений, ей посвященных.

О своем знакомстве с Цветаевой Иваск вспоминал: «Весной 1933 г. я написал М. И. Цветаевой. Между нами завязалась переписка. Она жила тогда под Парижем, в Кламаре, и позднее в Ванве. А я жил в Эстонии, в Ревеле и потом в городке Печоры.

В моих письмах я постоянно запрашивал Марину Ивановну о ее поэтическом ремесле, а также и о ее жизни, вкусах. Иногда она отвечала мне «по пунктам». ⟨...⟩

В конце 1938 г. я провел около двух недель в Париже. Почти ежедневно встречался с Мариной Ивановной. Она жила тогда с сыном в жалком отеле. Муж пропал без вести; может быть, скрылся в Россию. Перед моим отъездом, она сказала мне, что собирается уехать в Москву, но печататься в России не предполагает: я еду туда по обстоятельствам семейным, а зарабатывать буду переводами...»

Впервые—письма 2—13 (в отрывках)—Русский литературный архив. Сб. под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956 (публикация Ю. П. Иваска); отрывок из письма 13 (не вошедший в публикацию 1956 г.)—*Вестник РХД*, 1979, № 128. С. 175—176 (публикация Ю. П. Иваска), другой отрывок из письма 13, начиная со слов «Новый лист...» и кончая словами «...половинка (и то!)»—Швейцер В. «Об одном недоопубликованном письме М. Цветаевой Ю. Иваску (в сб.: Столетие Цветаевой/Tsvetaeva Centenary Symposium. Berkeley, 1994). Все письма (за исключением опубликованного В. Швейцер отрывка, который воспроизводится по тексту публикации) печатаются полностью (включая неопубликованное ранее письмо 1) по копиям с оригиналов, хранящихся в отделе редких книг и рукописей библиотеки Гарвардского университета. Копии любезно предоставлены проф. Ж. Шероном.

---

* Несколько слов стерлись.

1

[1] Литературно-художественный журнал, выпускавшийся в Ревеле (1930—1932). Первый номер журнала вышел осенью 1930 г.

[2] Стихи Цветаевой в журнале напечатаны не были.

2

[1] Иваск прислал Цветаевой свою статью о ней, в сокращенном виде опубликованную в сборнике «Новь» (издание комитета «Дня русской культуры» в Таллинне, 1934, № 6. С. 61—66). Публикацию статьи автор предварил следующей репликой: «В этой статье лишь намечены главные мысли из моей книги о Цветаевой. За недостатком места принужден отказаться от полного развертывания моих утверждений на матерьяле цветаевского творчества, и опустить целый ряд тем, с Цветаевой связанных». Замысел Иваска написать книгу осуществлен не был.

[2] *Шишков* Александр Семенович (1754—1841)—писатель, адмирал. Возглавлял литературное общество «Беседа любителей русского слова», был поборником высокого гражданского стиля.

Цветаева имеет в виду приведенные Иваском две цитаты из «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1803) А. С. Шишкова: «Уметь высокий Славянский слог с просторечивым так искусно смешивать, чтобы высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого». «Уметь в высоком слоге помещать низкие слова и мысли ... не унижая ими слога и сохраняя всю важность оного».

[3] В. И. Иванову Цветаева посвятила в 1920 г. стихотворный цикл «Вячеславу Иванову» (см. т. 1).

[4] Стихотворение М. А. Кузмина «Св. Георгий (Кантата)» написано в 1917 г. (опубликовано в его сб. «Нездешние вечера». Пг., 1921); цветаевский цикл «Георгий», вошедший в сборник «Ремесло», создан позже, в июле 1921 г. См. т. 2, а также очерк «Нездешний вечер» (т. 4).

[5] Стихотворение М. А. Кузмина «Пламень Федры» (1921), вошедшее в его сборник «Параболы» (Пг.; Берлин, 1923).

[6] См. письмо 18 к А. А. Тесковой (т. 6).

[7] *...материалы Царь-Девицы и Мóлодца*—см. т. 3.

[8] См. письма к И. Г. Эренбургу в т. 6.

[9] Сборник стихов М. Цветаевой «Психея. Романтика» (Берлин, 1923). См. письма 6 и 9.

[10] В своей статье Иваск привел метрический разбор ряда ее стихотворений.

[11] *Вячеславу* Иванову.

[12] Речь идет о цикле стихов «Ученик», посвященном С. М. Волконскому (см. т. 2). *Учитель*—С. М. Волконский.

[13] Речь идет о трагедии М. Цветаевой «Ариадна» («Тезей»). См. т. 3.

[14] В стихотворении М. Цветаевой «Наяда», впервые появившемся в «Числах» (1930, № 2/3) под названием «Нереида», лейтмотивом повторяется строка: «Вечный третий в любви» (см. т. 2).

[15] Цветаева имеет в виду строку из стихотворения «Есть некий час...» цикла «Ученик»: «Ты—одиночества верховный час!» У Иваска в статье: «Цветаева в одиночестве. Но в этом своем одиночестве Цветаева разрабатывает, в сущности, очень современные темы».

[16] Финальные строки поэмы «Мóлодец».

[17] В статье Иваск пишет: «Стихии современности еще пребывают в младенческом состоянии. В поэзии Цветаевой они уже достигли зрелости. Стихия—стихия-страсть, мятущаяся в вещах и в человеке—главный герой цветаевской поэзии» и дает три образа стихии-страсти у Цветаевой: Вакхический рай—Спартанское небо—Бог. (См.: Новь. Таллинн. 1934. № 6. С. 64—66.)

[18] Цитата из стихотворения М. Цветаевой «Купальщицами, в легкий круг...» (1922) из цикла «Деревья». См. т. 2.

[19] Имеется в виду строфа из стихотворения «Моим стихам, написанным так рано...», опубликованная в «Числах» (1931, № 5), как ответ на анкету журнала. См. т. 4.

[20] См. ответ на анкету 1926 г. (т. 4).

[21] См. письма к П. П. Сувчинскому и комментарии к ним (т. 6).

[22] См. комментарий 2 к письму 62 к С. Н. Андрониковой-Гальпери.

[23] См. письма к Г. П. Федотову.

[24] См. письма к В. В. Рудневу.

[25] В напечатанной статье у Иваска обратное: «Цветаева слишком сильна для литературных сфер эмиграции — это не обвинение, лишь констатирование факта». На письме Цветаевой в этом месте Иваск пометил: «Я написал „сильна" — описка!!!»

[26] *Касаткин-Ростовский* Федор Николаевич, князь (1875—1940) — литератор, поэт. Сотрудничал в белградских изданиях.

[27] Речь идет о несостоявшейся поездке Пастернака за границу в 1930 г. Его хлопоты о поездке были безуспешными. Не помогло и обращение за помощью к Горькому: «...без Вашего заступничества разрешения на выезд мне не получить. Помогите мне, пожалуй а...» (Письмо от 31 мая, 1930 г.). Горький ответил отказом: «...Просьбу Вашу я не исполню и очень советую Вам не ходатайствовать о выезде за границу — подождите!..» (Известия Академии наук. Серия языка и литературы, 1986, № 3. С. 280—281). *Марбург* — в университете в Марбурге Пастернак в 1912 г. изучал философию.

[28] Смертный приговор был вынесен русскому эмигранту Павлу Горгулову, смертельно ранившему французского президента Поля Думера (1857—1932). В архиве Цветаевой сохранилась заложенная между страницами рабочей тетради газетная вырезка «Казнь Горгулова» (*Звезда*. С. 139).

[29] *Утверждения* — журнал объединения послереволюционных течений (Париж, 1931—1932). Вышло всего три номера.

[30] *Младороссы* — эмигрантская организация монархического толка, считавшая, что можно найти понимание у советской молодежи. Цветаева пишет о состоявшемся 10 марта 1933 г. в Париже диспуте на тему: «Гитлер и Сталин», который открывался докладом М. Слонима «Два диктатора».

[31] «Стихотворение Бенедиктова «Переход», на другие его стихи не похожее, меня восхищало, и я послал его Цветаевой» *(примеч. Ю. П. Иваска)*. *Бенедиктов* Владимир Григорьевич (1807—1873) — русский поэт.

[32] См. также письмо 11 к В. В. Рудневу.

3

[1] Стихотворение «Красною кистью»... (1916) было напечатано в цикле «Стихи о Москве» в сборнике «Версты. I» (1922), а не в «Психее». См. следующее письмо.

[2] Стихотворение «Между воскресеньем и субботой...» (16/29 декабря 1919), при жизни поэта опубликовано не было. См. следующее письмо.

[3] *Неясыть* — птица отряда сов. В славянских преданиях сказочная, ненасытная птица.

[4] *Персефона* — см. комментарий 4 к письму 80 к С. Н. Андрониковой-Гальперн. *Минос* — критский царь, в Аиде, царстве мертвых, участвовал в суде над умершими.

[5] *Frau Holle* — сказка братьев Гримм из собрания «Kinder- und Hausmärchen»* (1812—1814), в которой *Блаженное царство* фрау Холле находится на дне колодца. *Hölle* — ад *(нем.)*

[6] Цветаева посылает Иваску по его просьбе свою фотографию для сборника «Новь». Фотография (1924 г., Цветаева в клетчатом платье) была вклеена перед статьей Иваска в каждый экземпляр сборника (Новь. Таллинн. 1934. № 6. С. 61).

---

* «Детские и семейные сказки» *(нем.)*.

4

[1] Речь идет о календарном стиле.
[2] Согласно правилам календаря перевод даты XIX в. на новый стиль производится прибавлением к старой дате двенадцати дней.
[3] См. комментарий 1 к письму 3.
[4] См. комментарий 2 к письму 3.
[5] *Наташа Ростова* — героиня романа Л. Н. Толстого «Война и мир». *Mignon* — героиня романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795—1796).
[6] Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».
[7] *Семейная хроника* (1856) — автобиографическая книга С. Т. Аксакова. *Соборяне* (1872) — роман Н. С. Лескова. См. также ответы на анкету 1926 г. в т. 4.
[8] См. письмо 21 к Р. Н. Ломоносовой и комментарий 7 к нему.
[9] Цветаева имеет в виду посланное ей Иваском стихотворение поэта Михаила Васильевича *Милонова* (1792—1821) «На кончину Державина (элегия)», в котором Иваск выделил заключительную строку: «По отзывам лиры ценят времена». (Милонов М. В. Сочинения. Спб., 1849. С. 98—100.) (Русский литературный архив. С. 235.)
[10] О трилогии С. Унсет «Кристин, дочь Лавранса» см. письма 54 и 64 к А. А. Тесковой и комментарии к ним (т. 6).
[11] *...здешний молодой поэт* — А. С. Штейгер. См. письма к нему. О его обещании достать Цветаевой первый том (Der Kranz) — в письме 64 к А. А. Тесковой (т. 6). Вторую книгу (Die Frau) Цветаева получила в подарок от А. А. Тесковой (см. письмо 64 к ней).
[12] 31 июля 1934 г. Марина Ивановна с сыном уехала в деревню, находящуюся недалеко от Парижа. Осенью Цветаева сняла квартиру в Ванве.
[13] См. комментарий 12 к письму 2.

5

[1] Дата уточнена А. Сумеркиным.
[2] См. предыдущее письмо.
[3] Летом 1902 г. М. А. Мейн сопровождала И. В. Цветаева в поездке на Урал за мрамором для фасада здания будущего Музея изящных искусств.
[4] Цитата восходит к древним русским летописям. Со словами «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет; да поидите княжить и володеть нами» новгородские славяне обратились к варягам (Летопись по Ипатьевскому списку. Спб., 1871. С. 11). Цветаева приводит их в переложении А. К. Толстого (см. его сатирическое стихотворение «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», 1868).
[5] См. комментарий 2 к письму 4.
[6] См. комментарий 9 к письму 4.
[7] Неточная цитата из стихотворения М. Цветаевой «Буду жалеть, умирая, цыганские песни...» (1920). См. т. 1.

6

[1] Возможно, имеется в виду Петровский пассаж (Петровские торговые линии, расположенные между ул. Петровкой и Неглинной).
[2] *Ода пешему ходу* — см. т. 2. «Оду», посланную Иваску в одном из писем, Цветаева сопроводила припиской: «И сколь⟨ко⟩ таких стихов во мне еще спит, ненаписанных, не*записанных* — из-за *подлой жизни*! Мне *всегда* хочется писать».
[3] О начале знакомства М. И. Цветаевой с С. М. Волконским в марте 1919 г. см. ее дневниковые записи в т. 4.
[4] С. М. Волконский. «Мои воспоминания (1. Лавры. 2. Странствия. 3. Родина)». Берлин, «Медный всадник», 1923. См. также статью «Кедр. Апология» в т. 5.
[5] Циклом «Ученик» открывается сборник М. Цветаевой «Ремесло».

[6] См. комментарий 5 к письму 11 к Р. Б. Гулю (т. 6).
[7] *«Ковчег»*. Сборник Союза русских писателей в Чехословакии. Вып. 1. Прага, 1926. Появился в свет в конце 1925 г. См. также письма к В. Ф. Булгакову.
[8] Имеется в виду К. Б. Родзевич. См. «Поэму Горы» и «Поэму Конца» в т. 3, а также письма к К. Б. Родзевичу (т. 6).
[9] См. письмо 5 и комментарий 7 к нему.
[10] См. также начало очерка «Мать и музыка» (т. 5).
[11] См. комментарий 9 к письму 2.
[12] Гржебин З. И.—см. комментарий 11 к письму 1 к А. В. Бахраху (т. 6).
[13] См. письмо 2 и комментарий 1 к нему. Написала ли Цветаева о статье Иваска, неизвестно.

7

[1] См. письма к Н. П. Гронскому, а также стихотворный цикл «Надгробие» в т. 2.
[2] О несостоявшейся публикации статьи о Н. П. Гронском см. письмо 78 к А. А. Тесковой (т. 6) и письма 31 и 37 к В. Н. Буниной.
[3] См. в т. 5 статью о Н. П. Гронском «Поэт-альпинист» и о ее публикации в журнале «Русски архив».
[4] Вечер Цветаевой памяти Н. П. Гронского состоялся 11 апреля 1935 г. О нем см. письмо 83 к А. А. Тесковой и комментарий 2 к нему (т. 6).
[5] См. об этом также в письме 8 к Б. Л. Пастернаку (т. 6).

8

[1] *Царевококшайск*—уездный город в Казанской губернии. С 1919 г. переименован в Йошкар-Олу.
[2] См. комментарий 5 к письму 43 к А. А. Тесковой. Ср. в этом письме о Поплавском: «Даровитый поэт, но путаный (беспутный) человек».
[3] *Саровский* Серафим (1760—1833)—преподобный, монах Саровской пустыни. Прославился как подвижник. Причислен к лику святых (1903).
[4] *Павел*—один из апостолов в христианстве. Сначала гонитель христиан, а после Крещения—самый усердный проповедник учения Христа. Слова «Должно повиноваться больше Богу...», приписываемые Цветаевой Павлу, принадлежат Апостолу Петру и другим Апостолам. (Деяния святых Апостолов, 5, 29.)
[5] *Рокфеллер* Джон (1839—1937)—американский финансист, промышленник, миллионер, основатель финансовой группы Рокфеллеров.
[6] О пребывании сестер Цветаевых в Лозанне см.: *А. Цветаева*. С. 130—153. Там же приводятся воспоминания автора о Празднике *нарциссов* в Лозанне.
[7] Речь идет о *Нарциссе*, прекрасном юноше, который отверг любовь нимфы и за это был наказан Афродитой: влюбился в собственное отражение в воде и умер от неразделенной страсти. Превращен богами в цветок (греч. миф.).
[8] Эти слова Наполеона приводит в своих воспоминаниях граф Эмманюэль Ласказ (1766—1842), секретарь Наполеона, проведший с ним первый год его заточения на о. Св. Елены. (Вышедшие впервые в 1822 г. (Paris, Gautier) воспоминания Ласказа переиздавались неоднократно. В нашем случае цитата установлена по изданию: «Le mémorial de Saint-Hélène. Paris, 1985. Т. 4. С. 440.)
[9] К этим словам Цветаевой Иваск дает пояснение: «Я имел в виду современных вождей (тоталитарных государств) и обманываемую ими молодежь». См. по этому поводу стихотворения Иваска: «Ты скажешь—вождь преступно туп...» (из цикла «Младший брат»—Современные записки. 1936. № 60. С. 195—196) и «В мире Богом проклятых вождей...» (в его сб.: Северный берег. Варшава, 1938. С. 22).
[10] О единственной, вышедшей посмертно, книге Н. П. Гронского см. комментарий 2 к письму 81 к А. А. Тесковой (т. 6). *Юрьев*—прежнее название эстонского города Тарту.

[11] Н. П. Гронский посвятил в своем сборнике два стихотворения М. Цветаевой. См. комментарий 2 к письму 81 к А. А. Тесковой (т. 6).

[12] Полностью вторая строфа в книге выглядит так: «Так, веки затворив, века на дне песчаном,//Ушед в просторный сон с собором черным,//Я буду повторять во сне — «осанна!»//И ангелы морей мне будут вторить хором». (*Стихотворения и поэмы.* С. 16). Это же стихотворение, только полностью, Цветаева приводит и в письме 81 к А. А. Тесковой.

[13] О «некоей В. Д.» то же самое Цветаева писала и А. А. Тесковой (см. письмо 81 и комментарий 3 к нему в т. 6). В сборнике Н. П. Гронского имеются и другие посвящения: «В. Б.», «Маргарите Б.», «Алле Томской» и др.

[14] См. комментарии к письмам к Н. П. Гронскому.

[15] О поэме Н. П. Гронского «Белла-Донна» см. статью «Поэт-альпинист» в т. 5.

[16] Об этом же в письме 79 к А. А. Тесковой (т. 6).

[17] Г. В. Адамович написал предисловие к «Белла-Донне» в «Последних новостях» (1934, 9 декабря). См. письмо 78 к А. А. Тесковой (т. 6).

[18] Статью А. Бема о Н. П. Гронском см. «Меч», 1935, 10 февраля.

[19] См. письмо 80 к А. А. Тесковой (т. 6).

[20] См. письмо 29 к В. Н. Буниной и другие письма к ней 1934—1935 гг.

9

[1] Краткая биография Н. П. Гронского предваряет его сборник «Стихи и поэмы».

[2] В письме допущены ошибки. Библиографию книг Цветаевой см. в т. 4 (комментарии к ответу на анкету 1926 г.).

[3] Заключительная строка стихотворения А. Блока «Друзьям» (1908).

[4] *Кубизм* — модернистское течение в изобразительном искусстве первых десятилетий XX в. Развивалось главным образом во Франции. Имена художников-кубистов (П. Пикассо, Глез) Цветаева упоминает в очерке «Наталья Гончарова» (т. 4).

[5] *Переулочки* — поэма, как и «Мо́лодец», написанная на фольклорный сюжет (см. т. 3).

[6] О С. К. Маковском см. также письмо к Ю. Ю. Струве (т. 6).

[7] *Аполлон* — литературно-художественный журнал (Спб., 1909—1917). Редактор-издатель С. К. Маковский (1877—1962). *Золотое руно* — литературно-художественный журнал (М., 1906—1909). Редактор-издатель — Рябушинский Николай Павлович (1876—1951), миллионер, меценат. *Весы* — научно-литературный и критико-библиографический ежемесячник (М., 1904—1909). Редактор-издатель Поляков Сергей Александрович (1874—1942), владелец издательства «Скорпион». Руководил журналом В. Я. Брюсов.

[8] Имеется в виду рецензия Ариадны Черновой на «Мо́лодца». См. комментарий 6 к письму 29 к О. Е. Колбасиной-Черновой (т. 6). *...только один отзыв* — Цветаева ошибается. На «Мо́лодца» были также опубликованы рецензии: Ю. А⟨йхенвальда⟩ (Руль. Берлин. 1925. 10 июня), В. Ходасевича (Последние новости. 1925. 11 июня), Г. Адамовича (Звено. 1925. № 129. 20 июля), В. Кадашева (Амфитеатрова) (Студенческие годы. Прага. 1925. № 4), Д. П. Святополк-Мирского (Современные записки. 1926. № 27). Последняя рецензия высоко оценена Пастернаком (*Переписка Пастернака.* С. 344—345).

[9] Отзыв Пастернака о «Мо́лодце» не публиковался. Скорее всего, речь идет об отзыве в письме Пастернака Цветаевой. (См. письмо 11 к Б. Л. Пастернаку в т. 6.)

[10] Комментарий Ю. П. Иваска: «В письмах и утерянной статье я говорил о Цветаевой «греческой» (цикл «Ученик», трагедии «Тезей» и «Федра» и все вообще ее торжественные, патетические стихи) и о Цветаевой «русской», фольклорной («Царь-Девица», «Мо́лодец», «Переулочки»): первой я отдавал предпочтение перед второй». (Русский литературный архив. С. 236.)

[11] И. В. Цветаев и К. Д. Бальмонт родом из Шуйского уезда Владимирской губернии.

[12] Тем не менее после выхода книги Н. П. Гронского Цветаева написала небольшую рецензию, которая была опубликована в журнале «Современные записки» (1936, № 61). См. т. 5.

[13] У Гронского два стихотворения с названием «Муза горных стран» («В пустынях горных одиночеств...» и «Был синий вечер горных стран...»). О каком именно стихотворении идет речь, неизвестно.

[14] «Сцены из жизни Спинозы» (1933—1934)—короткая пьеса в стихах, также вошедшая в сборник «Стихи и поэмы».

[15] Речь идет о поэме Н. П. Гронского «Авиатор» (1929—1932).

[16] Цитата из «Белла-Донны» Н. П. Гронского.

[17] Речь идет о стихотворении Н. П. Гронского «Ангел Севера» («Леса стран Севера—священные седые...», 1933).

[18] См. комментарий 2 к письму 8.

[19] *Ратгауз* Даниил Максимович (1868—1937)—русский поэт. С 1922 г. в эмиграции. Свыше 100 его стихотворений положены на музыку.

[20] Начальная строфа стихотворения М. Цветаевой без названия (1916). См. т. 1.

[21] Тем не менее, в своей статье «Попытка наметить тему» (Меч. Варшава. 1936. 8 марта), где один из разделов посвящен Цветаевой («Новые спартанцы»), Иваск попробовал «загнать» поэта в «схемку»: «Цветаеву нельзя себе представить в роли красного или белого Маяковского, поэта-трибуна, но некоторая связь между эпохой и Цветаевой есть... Связь с эпохой—в пафосе ее напряженной конструктивно-точной поэзии... Цветаева строит большой корабль своей декламативной героической поэзии. Создает некоторую *динамическую систему...*» (курсив наш.—*Сост.).*

[22] Из стихотворения Ю. П. Иваска «Будет новый в жизни смотр...» (сб. «Северный берег». С. 17).

10

[1] Речь идет о статье Иваска о Цветаевой, расширенной по сравнению со статьей в «Нови» (см. письмо 2) и предназначенной для «Современных записок». См. письмо 12.

[2] См. письма к А. С. Штейгеру.

[3] У А. С. Штейгера к тому времени вышло три сборника («Этот день», 1928; «Эта жизнь», 1932; «Неблагодарность», 1936; все—в Париже).

[4] *Катепа*—польский литературный журнал, в ходивший в Люблине. В письме идет речь о № 2 (1936/1937), где опубликовано стихотворение М. Цветаевой «Идешь, на меня похожий...» в переводе на польский. В предыдущем номере журнала (1935/1936, № 1) были напечатаны в переводе три стихотворения М. Цветаевой («Со мной в ночи шептались тени...», «И была у Дон-Жуана—шпага...», «Имя твое—птица в руке...»).

[5] См. письма 4 и 5 к З. А. Шаховской и комментарии к ним.

[6] *Печоры*—город, где жил Иваск (в то время территория Эстонии). Известен своим Псково-Печорским монастырем.

11

[1] *Вильде* (псевдоним Борис Дикой) Борис Владимирович (1908—1942)—ученый-этнограф, одно время примыкал к русским поэтам в Эстонии. Участник движения Сопротивления во Франции. Казнен фашистами.

[2] *Унбегауны*—см. комментарий 2 к письму 87 к А. А. Тесковой (т. 6).

[3] *Зуров* Л. Ф.—см. письмо к нему.

[4] *Головина*—см. письмо 81 к А. А. Тесковой и комментарий 1 к нему (т. 6).

[5] В разделах хроники ежедневных парижских газет «Последние новости» и «Возрождение» сведений об этом вечере не обнаружено. По-видимому, речь идет о «домашнем» благотворительном вечере.

14 Зак. 162

[6] Неточно цитируемые стихи Гейне «Романсеро» (кн. 1, истории, «Азр»). Правильно: «Und mein Stamm sind jene Asra,//Welche sterben, wenn sie lieben» («Я из рода Азров—//Тех, что гибнут, если любят». Пер. В. В. Левика).

[7] Вечер А. С. Штейгера был намечен (и состоялся) 20 декабря (в помещении на rue Huyghens, 6). В вечере согласились принять участие: Г. Адамович (вступительное слово), И. Одоевцева и В. Смоленский (чтение стихов). (Последние новости. 1936. 17 декабря.)

[8] *Смоленский* Владимир Алексеевич (1901—1962)—поэт. С 1920 г. в эмиграции в Париже. По воспоминаниям современников, замечательно читал стихи. «Голос у Смоленского был прекрасный, читал он очень хорошо... Вечера чтения стихов, которые в течение ряда лет устраивал Смоленский, неизменно пользовались большим успехом и всегда собирали множество слушателей». (Терапиано Ю. Памяти Владимира Смоленского.—*Рус. мысль.* 1961. 25 ноября.)

[9] *Одоевцева* Ирина Владимировна (настоящие имя и фамилия Ираида Густавовна Иванова, урожденная Гейнике; 1901*—1990)—поэтесса, писательница. В эмиграции с 1922 г. В своей книге мемуаров «На берегах Сены» (Париж, 1983) посвятила несколько страниц воспоминаниям о Цветаевой (С. 125—139).

[10] З. А. Шаховская вспоминала: «Один из самых верных приверженцев Адамовича, Толя (Штейгер.—*Сост.*), при всякой встрече, не уставая расспрашивал его о персонажах декадентского Петрограда, ловил всякое его слово, забрасывал вопросами...» (В ее кн.: Отражения. Париж: YMCA-PRESS, 1975. С. 63).

[11] О работе Б. Унбегауна см. комментарий 2 к письму 87 к А. А. Тесковой (т. 6).

[12] Отец В. И. Даля, Иван Матвеевич, был выходцем из Дании, мать, Мария Христофоровна—немка.

[13] См. письмо 37 к В. Н. Буниной и комментарий 5 к нему.

[14] *Франко* Баамонде Франсиско (1892—1975)—глава испанского государства в 1939—1975 гг., диктатор Испании.

[15] См. письма к В. В. Вейдле.

[16] *Геркуланум*—город в Италии, частично разрушен и засыпан вулканическим пеплом при извержении Везувия (79 н. э.).

12

[1] Речь идет о цитатах из поэмы М. Цветаевой «Переулочки».

[2] Из поэмы «Переулочки».

[3] Г. В. Адамович вел отдел критики в газете.

[4] См. «Нездешний вечер», где описано, как в 1916 г. читали стихи «*весь* Петербург и *одна* Москва» в лице Цветаевой (т. 4).

[5] Из стихотворения Цветаевой «Москва!—Какой огромный...» (из цикла «Стихи о Москве», 1916). См. т. 1.

[6] *...Бессмертный дух, который дышит, где хочет...*—ср. евангельское: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (От Иоанна, 3, 8).

[7] Имеются в виду монпарнасские кафе, места постоянных встреч поэтов и писателей. Вблизи Монпарнаса (79, Rue Denfert-Rochereau) находилось помещение Союза молодых писателей и поэтов. «Блистательный Монпарнас»—встречи молодых писателей и поэтов на Монпарнасе ⟨...⟩ по традиции, в течение всех довоенных лет после всяких литературных собраний Союза участники их шли на Монпарнас—делиться впечатлениями и договаривать недоговоренное». (Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 171.) Живописно описала монпарнасские кафе поэтов в своих воспоминаниях З. А. Шаховская—см. в ее кн.: Отражения (Париж: YMCA-PRESS, 1975. С. 41—43).

---

* По другим сведениям—1895.

13

[1] Ю. П. Иваск об этом сделал запись: «*21 декабря* 〈1938〉. В 4 часа опять у Цветаевой. Пошли с ней к Гронской, матери погибшего Николая. Дома не застали». (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 430.)

[2] См. письмо 13 к Н. П. Гронскому.

[3] Измененная цитата из стихотворения А. Ахматовой «Судьба ли так моя переменилась...» (1916). У Ахматовой: «Где зимы те...» и т. д.

[4] Речь идет о А. А. Чаброве-Подгаецком. О нем см. комментарии к поэме «Переулочки» (т. 3).

[5] Имеется в виду русская народная сказка «Горе». (См. в кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1985. С. 341—344.)

[6] Иваск обещал послать Цветаевой расшитое полотенце из Печор.

[7] Комментируя эту фразу, Иваск пишет, что Цветаева благодарит его за роман Сигрид Унсет, однако он не указывает название книги. (*Вестник РХД*, 1979, № 128. С. 175.) Вероятнее всего, в этом как бы прощальном письме Цветаевой речь идет о третьей книге трилогии С. Унсет «Кристин, дочь Лавранса», полученной ею еще в мае 1934 г. (См. письма 4 и 5.) Точно так же Цветаева говорит «спасибо» А. А. Тесковой в 1939 г. в одном из последних писем к ней за другую часть (вторую) трилогии С. Унсет, полученную в подарок также несколько лет назад. (См. письма 64 и 119 к А. А. Тесковой в т. 6.)

[8] Paris, Boulevard Pasteur, Hôtel Innova, комната 36.

ЖАНУ ШЮЗЕВИЛЮ

Дорогой Жан Шюзвиль!

Вы еще помните обо мне? Вы были так молоды, мы оба были молоды. Это было в Москве. Было Рождество. Шел снег. Вы писали стихи. Я писала стихи. Мы читали их мадемуазель Hélène Guedwillo[1].

Вы любили Франсиса Жамма, я любила Эдмона Ростана[2]. Но мы хорошо понимали друг друга. Мадемуазель Guedwillo любила стихи и молодость.

Приехав в 1925 г. в Париж, я уже не возобновила связей ни с кем из моего детства. Прошлое всегда в прошлом, а это прошлое (война, революция) было абсолютно прошлым, никогда не существовавшим.

Но я все же никогда не могла услышать Ваше имя без того, чтобы в моем воображении не возникли Москва—снег—Рождество—очки—молодость—это видение тотчас вызывало улыбку, которая устанавливала между моим собеседником и мной большую дистанцию, чем та, что отделяет 1909 г. от 1930 г. Вас я впускала в свое детство, а мой собеседник оставался за его пределами.

Дорогой Жан Шюзвиль, когда мадам Г〈ородецк〉ая[3] передала мне Ваш сувенир[4],—не будем бояться громких слов, которыми все равно невозможно выразить наши ощущения,—я испытала чувство, похожее на воскрешение: не Ваше воскрешение, а именно мое, я воскресла такой, какой была в прошлом.

То, что не засвидетельствовано, никогда не существовало. Я — это то, что не засвидетельствовано.

Дорогой Жан Шюзвиль, в жизни я, как правило (сама того не желая), приносила сама себе больше вреда, чем добра. Особенно своими письмами. Я всегда хотела быть собой, собой целиком. Часто я зря преувеличивала.

Итак, может быть, я себе причиняю вред тем, что сейчас пишу Вам это письмо, вместо того, чтобы написать другое, приятное, «простое» и ненужное[5].

Дорогой Жан Шюзвиль, вот и Рождество. Приезжайте ко мне. Это в пригороде — Meudon — напишите, и я буду Вас ждать.

Маршрут такой: садитесь в маленький поезд на станции Invalides — или Pont de l'Alma — или Champs de Mars — или Mirabeu — выходите на станции Meudon — Val-Fleury — пройдете через мостик — поднимитесь по улице Louvois и, не сворачивая ни направо, ни налево, Вы окажетесь прямо перед моим домом — 2, Avenue Jeanne d'Arc, первый этаж слева, постучите.

Предпочтительно к 4 часам.

Вы увидите моих детей, Вы меня видели ребенком.

МЦ.

Рождество 1909 г. —
Рождество 1930 г.
Москва — Медон

*Шюзевиль** Жан (1886—19?) — французский поэт, критик, переводчик русских поэтов и писателей. Его перу принадлежат многочисленные критические обзоры русской литературы («Lettres russes») в парижском журнале «Mercure de France» за 1913—1914 гг. В одном из этих обзоров впервые во французской периодике появилось и имя Цветаевой (1913. № 106. 1 ноября. С. 203). В 1913 г. Шюзевиль составил первую антологию современной русской поэзии.

Знакомство Цветаевой с Шюзевилем состоялось в 1909 г. в Москве (см. письмо 88 к С. Н. Андрониковой-Гальперн). В конце 1930 г. Шюзевиль вновь напомнил о себе и Цветаева ответила письмом. Состоялась ли предполагаемая в письме встреча, неизвестно.

Впервые — *Рус. мысль.* 1991. 10 мая. Печатается по тексту первой публикации. (Пер. с фр. А. Цетлин-Доминик).

[1] *Гедвилло* Елена Адамовна — преподавательница французского языка в женской гимназии М. Г. Брюхоненко, где училась Цветаева.

[2] Ср. в очерке «Живое о живом»: «...утверждаю свою любовь к совсем не Франси Жамму и Клоделю, а — к Ростану, к Ростану, к Ростану». (См. т. 4.)

[3] *Городецкая* Н. Д. См. ее заметку «В гостях у М. И. Цветаевой» в т. 4.

[4] Вероятнее всего, речь идет о сборнике стихов А. де Виньи, изданном Шюзевилем: Alfred de Vigny. «Les Poèmes». Texte établi et presénté par jean Chuzevill (Paris, Editions Fernand Roches, 1929). Книга была подарена Цветаевой с дарственной надписью: «Мадам Марине Цветаевой, моему другу двадцатилетней давности» (пер. с фр.). (Архив составителя.)

---

* Согласно литературной практике того времени Цветаева писала *Шюзвилль.*

[5] В тетради, куда по обыкновению Цветаева переписала письмо, она сделала запись слов Шюзевиля, адресованных ей, возможно, в ответном письме: «Я так Вас боялся: Вы были настолько умны, настолько умны, Вы внушали мне страх. Вы так мало были похожи на ту мечту о девушке, которая есть у каждого юноши...» (пер. с фр. А. Цетлин-Доминик). И позднее, разбирая архив перед возвращением на родину, добавила в ту же тетрадь к словам Шезювиля еще одну запись: «Горько слушать — даже 21 год спустя! Даже (1938) 29 лет спустя! И когда будет — *не* горько? Мое последнее чувство от людей будет — горечь: незаслуженность обиды». (*Рус. мысль*. 1991. 10 мая.)

ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ

〈28-го февраля 1931 г.〉

Начну с того, что это сказано Вам в письме только потому, что не может быть сказано всем в статье. А не может — потому, что в эмиграции поэзия на задворках — раз, все места разобраны — два; там-то о стихах пишет Адамович, и никто более, там-то — другой «ович» и никто более, и так далее. Только двоим не оказалось места: правде и поэту.

От лица правды и поэзии приветствую Вас, дорогой.

От всего сердца своего и от всего сердца вчерашнего зала — благодарю Вас, дорогой.

Вы вышли. Подымаете лицо — молодое. Опускаете — печать лет. Но — поэту не суждено опущенного! — разве что никем не видимый наклон к тетради! — всё: и негодование, и восторг, и слушание дали — далей! — вздымает, заносит голову. В *моей* памяти — и в памяти вчерашнего зала — Вы останетесь молодым.

Ваш зал... Зал — с Вами вместе двадцатилетних... *Себя* пришли смотреть: *свою* молодость: себя — *тогда*, свою последнюю — как раз еще успели! — молодость, любовь...

В этом зале были те, которых я ни до, ни после *никогда* ни в одном литературном зале не видала и не увижу. *Все* пришли. Привидения пришли, притащились. Призраки явились — поглядеть на *себя*. Послушать — себя.

Вы — Вы же были только *той*, прорицательницей, Саулу показавшей Самуила...[1]

Это был итог[2]. *Двадцатилетия. (Какого!)* Ни у кого, может быть, так не билось сердце, как у меня, ибо другие (все!) слушали *свою* молодость, *свои* двадцать лет (тогда!) Двадцать лет назад! — Кроме меня. *Я* ставила ставку на силу поэта. Кто перетянет — он или время? И перетянул он: Вы.

Среди стольких призраков, сплошных привидений — Вы один были — жизнь: двадцать лет *спустя*.

Ваш словарь: справа и слева шепот: — не он!

Ваше чтение: справа и слева шепот: — *не* поэт![3]

Вы выросли, вы стали *простым*. Вы стали поэтом больших линий и больших вещей, Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто — *природу*, Вы, наконец, раз-нарядили ее...

И вот, конец первого отделения, в котором лучшие строки:

— И сосны, мачты будущего флота...[4]

— ведь это и о нас с Вами, о поэтах, — эти строки.

Сонеты. Я не критик и нынче — меньше, чем всегда. Прекрасен Ваш Лермонтов — из-под крыла, прекрасен Брюсов... Прекрасен Есенин, — «благоговейный хулиган» — может, забываю — прекрасна Ваша любовь: поэта — к поэту (ибо множественного числа — нет, *всегда* — единственное)...[5]

И *тò, тè*!.. «Соната Шопена»[6], «Нелли», «Карета куртизанки»[7] и другие, целая прорвавшаяся плотина... Ваша молодость.

И — последнее. Заброс головы, полузакрытые глаза, дуга усмешки, и — напев, тот самый, тот, ради которого... тот напев — нам — как кость — или как цветок... — Хотели? нàте! —

— в уже встающий — уже стоящий — разом вставший — зал.

Призраки песен — призракам зала.

Северянин Игорь (настоящие имя и фамилия Лотарев Игорь Васильевич; 1887—1941) — русский поэт. С 1918 г. жил в Эстонии.

В 1931 г. Северянин приехал в Париж, где дважды (12 и 27 февраля) выступил с чтением своих стихов. Подробнее см.: Лубянникова Е., Мнухин Л. «Моя двусмысленная слава...»: Игорь Северянин в Париже. — *ЛО*. 1988. № 4. С. 104—108. Цветаева присутствовала на втором вечере, который состоялся в зале Шопена (Pleyel, 252, rue du Faubourg-St.-Honoré). Это посещение и послужило поводом для написания письма.

Впервые — альманах «Поэзия». М., 1983, № 37. С. 142 (публикация Е. Б. Коркиной по рукописной тетради). Печатается по тексту этой публикации.

[1] Речь идет о волшебнице, которая явила по просьбе иудейского царя Саула умершего пророка Самуила (ветх. зав.).

[2] Программа вечера состояла их трех отделений: «Классические розы» (Новая лирика), «Медальоны» (12 характеристик), «Громкокипящий кубок» (Лирика довоенная).

[3] *Ваш словарь... не поэт!* — См. также письмо 72 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[4] Неточная цитата из стихотворения И. Северянина «Вода примиряющая» (1926). У Северянина: «Где сосны — ...» и т. д.

[5] Речь идет о сонетах, прочитанных на вечере и посвященных поэтам и писателям (из книги «Медальоны». Белград, 1934). Сонет-«медальон», посвященный в этой книге Цветаевой, носит иронически-враждебный характер.

[6] По-видимому, имеется в виду стихотворение И. Северянина «Это было у моря...» (1910).

[7] *«Нелли», «Каретка куртизанки»* — стихи И. Северянина (1911).

Б. К. и В. А. ЗАЙЦЕВЫМ

Meudon (S. et O.)
2, Av⟨enue⟩ Jeanne d'Arc
11-го января 1932 г.

Дорогие Борис Константинович и Вера Алексеевна.

Во-первых — с Новым Годом, во-вторых (а м. б. *это* во-первых) — с новым Наташиным счастьем (если только правда)[1] — а в-третьих, милый Борис Константинович, похлопочите, как всегда, о выдаче мне пособия с писательского вечера[2]. Наши дела *ужасные*.

Сердечный привет и всяческие пожелания от нас всех.

М. Цветаева

Прошение прилагаю.

Зайцев Борис Константинович (1881—1972) — один из крупнейших писателей русской эмиграции и его жена, Вера Алексеевна (урожденная Орешникова; 1877 или 1878—1965). Много помогали Цветаевой в 1920-е и 1930-е годы. С 1924 г. жили в Париже. Их дочь Наталия была подругой Ариадны Эфрон.

Впервые — *ЛО*. 1990. № 7. С. 105—106 (публикация Д. Малмстада). Печатается по тексту первой публикации.

[1] Дочь Зайцевых, Наталия Борисовна (р. 1912), сообщила, что стала невестой Андрея Владимировича Соллогуба, за которого вышла замуж 6 марта 1932 г. Бракосочетание состоялось в Св.-Александро-Невском храме в присутствии А. М. Ремизова, Н. А. Тэффи, В. Ф. Ходасевича, М. А. Алданова, К. Д. Бальмонта, Н. Н. Берберовой и др. (Возрождение. 1932. 8 марта).

[2] Имеется в виду новогодний бал, который ежегодно устраивался 13 января Союзом русских писателей и журналистов в пользу своих нуждающихся членов. См. также письма к С. В. Познеру, Б. К. Зайцеву и комментарий 2 к письму 44 к В. Н. Буниной.

Р. ЗИБЕР-РИЛЬКЕ

Meudon (S. et O.), France,
2; Avenue Jeanne d'Arc,
24-го января 1932 г. воскресенье

Дорогая госпожа Рут,

Ваша подпись, когда я прочла ее, была для меня ударом — ведь еще вчера вечером я заглядывала в Вашу колыбель, совершенно не зная, «что из нее (Вас) получится»[1]. И. вот — спустя столько лет — получилось. В каждом письме — стихе — время останавливается — навсегда, то есть становится чем-то вечным. (Если *этого* нет, значит, и написанного вовсе *нет* — или оно ничтожно.) Вечно начинается маленькая Рут.

Вот почему, дорогая госпожа, этот — почти что — ужас и это — более чем изумленье, когда я увидала Вашу подпись. Значит, время все-таки движется. Значит, есть какое-то иное время, которое только и делает, что движется.

— Точно так и с Р⟨ильке⟩. В своих ранних письмах молодой Р⟨ильке⟩ останавливается — неподвижно, как он стоял у окна, — навсегда.

И пока я пишу эти строки, мне становится ясно, что Р⟨ильке⟩, собственно, никуда не двигался (в смысле своего продвиженья, развития), он *всего лишь* рос, как наши русские столпники, что пятьдесят лет подряд неподвижно стояли на деревянном столпе и в конце концов перерастали небо.

(Я знаю, что Р⟨ильке⟩ любил *ходьбу*, но когда в ходьбе не замечаешь, не чувствуешь своих ног, ощущая собственный шаг лишь по бегущим (летящим) мимо небесам и землям, это опять-таки рост—неподвижность—устремленность.

Вам хотелось бы иметь письма?—Длинное, длинное тире.—Чтобы напечатать? Или только прочесть (получить)?

Когда четыре года назад я перевела на русский несколько его писем (кажется, из книги (или журнала) его памяти в издательстве «Insel») и еще одно женское письмо о нем («Неизвестная» (Inconnue*)—знаете ли Вы это письмо—из книжки Эдмона Жалу), я написала небольшое предисловие: почему я не публикую писем Р⟨ильке⟩ ко мне[2]. Кратко: раз я не сделала этого вчера, почему я должна это сделать сегодня? Произошло ли что-либо между вчера и сегодня, что дало бы мне внутреннее право (и могло бы пробудить желание) сделать это? Его смерть? Но во мне его смерть еще не исполнилась, ведь я каждую минуту хочу ему что-то сказать—и говорю—даже о погоде. Есть русское поверье, что душа после смерти тела пребывает в доме еще сорок дней. Я тоже в этом уверена—кроме *числа* дней. С моей матерью (умерла в 1905-м[3]) я *никогда* не разговариваю, она вся для меня обратилась в образ и вечность.

В своей внутренней жизни я не желаю связывать или стеснять себя такой случайностью (напастью), как смерть. Печатать? Зачем? Чтобы доставить радость другим? Тогда почему я не порадовала их (тех же самых!) вчера? Чтобы сохранить письма? Но для этого их не нужно печатать, достаточно их не трогать (пусть себе спят и творят во сне).

Я не хочу, чтобы его смерть свершилась.

Так писала я четыре года тому назад, так чувствую и поныне, с тем, видно, останусь до конца моих дней. Пока вещь *во* мне, она—*я*, стоит только ее назвать—она принадлежит всем. Ну а напечатать? То, что не имеет и не могло иметь своего завершенья, ибо не имело истинного начала (почему?—об этом как-нибудь позже), завершится тотчас, как будет напечатана первая (или последняя) строчка. Вот *все*, что написал мне Р⟨ильке⟩. Больше он мне ничего не пишет.

Таковы, дорогая госпожа Рут, причины моего «нет».

Но—раньше я говорила «нет» просто по своей воле, никем не принуждаемая, сама себя—испытуя, сама себе—отвечая, с собственной совестью наедине; теперь же я стою перед Вами, дорогая госпожа Рут! Вы, единственный его ребенок (который *не мог* быть сыном), единственная его кровь (как высоко он ценил это слово и вещество!),—Вы имеете полное право на *всего* ушедшего. Ваше право на него—его право на самого себя. *Вам* я верну его письма.

О копии Вы не должны беспокоиться, дорогая госпожа Рут: все, даже любое вычеркнутое слово, даже буква (если бы нашлись таковые) будут

* Незнакомка *(фр.)*.

в копии точно соответствовать оригиналу. Достаточно – как рука поэта – в вещах поэта.

Итак, временно – для чтения и восхищения, не для печати. А когда хронологически этим письмам подойдет черед (лето – осень 1926 года)[4], Вы обратитесь ко мне еще раз, да? Поживем – увидим, может, я все-таки соглашусь. Кроме меня никто не читал этих писем. Лишь Элегию я переписала для Бориса Пастернака, сына художника Леонида Пастернака (друга Р⟨ильке⟩) и – *величайшего поэта России.*

О Р⟨ильке⟩ я уже кое-что напечатала, *мое* к нему: по-русски: новогоднее письмо (к его первому новому году – *там*) – стихи – и лирическую прозу «Твоя смерть», собственно, тоже письмо о его смерти в ближайшем соседстве – справа и слева – двух других смертей: бедной маленькой француженки (учительницы) и русского мальчика Вани. (Обоих я любила и знала, маленькая француженка умерла незадолго до него, маленький мальчик Ваня – вскоре после него, *во мне* они оказались его соседями.)

Хотите ли иметь эти произведения (напечатаны в русских журналах)? Вдобавок ко многому, что появилось уже в память о нем и еще появится? Перевода, к сожалению, нет, но, будь у меня уверенность или хотя бы надежда, что это делается не для меня одной, я могла бы взять на себя и выполнить оба немецких перевода. Благодарность России за его великую любовь к ней, еще *и так* это мыслится.

О его письмах.

Первое, с чего я хотела б начать, если издательство «Insel» даст согласие на ту работу, – перевод на французский и русский языки *русской* выборки из томов его писем. Ведь Р⟨ильке⟩ всегда мечтал написать такую книгу, *да она уже и написана,* ее надо только составить. Всё, даже мелочи, каждая отдельная строчка должны войти в нее, скажем, строчка из первого тома: «Полночь, необычная полночь – сегодня в России начинается Новый Год»[5]. Уже в одной строчке – весь Р⟨ильке⟩, все его отношение к России, я не знаю, что Вы при этом чувствуете, высокочтимая госпожа Рут, я же чувствую дрожь и трепет – так завораживает! Мне можете Вы доверить выбор!

...И наконец – ведь в каждом томе наверное будет что-нибудь о России – получится эта книга (Россия Рильке), написанная им самим. *Его волжский мир. Точное* слово![6]

Это была бы работа, параллельная появленью новых томов его писем, и с выходом последнего тома вся книга была бы *готова.* – Согласны ли Вы, дорогая госпожа Рут, с французским (оно же будет и русским) заглавием книги: La Russie de R. M. Rilke. Это звучит (да и по сути) глубже, чем «R. M. Rilke et la Russie». Более *Он.* Более цельно. *Его* Россия, как *его* смерть. По-французски я умею писать и сочинять стихи так же, как на родном языке. Не беспокойтесь и будьте во мне уверены.

Россия оказалась неблагодарной к любившему ее великому поэту – не Россия, но эта наша эпоха. Моя работа стала бы началом бесконечной благодарности.

(Отнеситесь с терпеньем ко мне и моему письму — нам *не обойтись* без длиннот!)

Когда и если будете отвечать мне, не забудьте, пожалуйста, сообщить, что Вы думаете о возможности немецкого перевода моих уже упомянутых произведений о Р⟨ильке⟩ («Новогоднее» и «Твоя смерть»). Ибо ради себя одной я не стану этого делать: у меня едва остается в день два свободных часа для работы, и я пишу все время что-то свое (а Р⟨ильке⟩ ведь понимает по-русски![7]). Я взялась бы за перевод лишь при полной уверенности, что это делается для других.

С почтительным поклоном Вам и Вашей матери (ведь *ее* Вы подразумеваете, когда пишете «мы»?[8])

Марина Цветаева

P. S. Мне очень хотелось бы иметь фотографию маленькой Кристианы, о которой Р⟨ильке⟩ летом 1926 писал с такой гордостью: «И третий год ее жизни ужа *давно* позади»[9]. Моему сыну шел тогда второй год.

Письма, Элегию и посвящения на книгах (он подарил мне «Орфея», «Элегии»[10] и напоследок «Verger»[11]) Вы получите немного позже, но наверняка — в достовернейших копиях. И *еще* — позже все будет мной завещано Музею Рильке, нет — Святилищу Рильке, ибо *так* это должно называться: *Музей* Гёте и *Святилище* Рильке.

Зибер-Рильке Рут (1901—1972) — дочь Рильке. Вместе с мужем Карлом Зибером (см. комментарий 2 к письму 12 к Н. Вундерли-Фолькарт) в те годы занималась сбором писем Рильке, готовила их к печати. В связи с этим Рут Рильке обратилась к Цветаевой с просьбой прислать в Веймар письма поэта. Цветаева письма не послала, Рут свою просьбу не повторила. В итоге письма остались у Цветаевой. Подробнее о причинах несостоявшейся передачи писем Рильке его дочери см.: *Небесная арка.* С. 365—366.

Впервые — *Рус. мысль.* 1991. 28 июня. Литер. приложение № 12. С. 10—12 (публикация и пер. с нем. К. М. Азадовского). Печатается по тексту первой публикации (с уточнениями по тексту републикации в «Небесной арке») с частичным использованием комментариев.

[1] Цветаева читала книгу писем Рильке (см. комментарий 1 к письму 11 к Н. Вундерли-Фолькарт). В своих письмах конца 1901 — начала 1902 г. Рильке, сообщая своим знакомым о родившейся у него 12 декабря 1901 г. дочери, описывает ее в колыбели, размышляет о ее будущем.

[2] См. статью «Несколько писем Райнер Мария Рильке» и подборку переводов «Из писем Райнер Мария Рильке» в т. 5.

[3] М. А. Мейн умерла 5 июля 1906 г.

[4] Статья «Несколько писем Райнер Мария Рильке» была написана в 1929 г.

[5] Неточная цитата из письма Рильке к художнице Пауле Беккер (1876—1907) от 13 января 1901 г. (Rainer Maria Rilke. «Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit 1899 bis 1902». С. 94).

[6] См. комментарий 4 к письму 2 к Н. Вундерли-Фолькарт.

[7] Рильке изучал русский язык в 1899—1902 гг. В письме от 17 мая 1926 г. он писал Цветаевой: «...еще десять лет назад я почти без словаря читал Гончарова и все еще довольно свободно читаю русские письма...» (*Письма 1926 года.* С. 101).

[8] Мать Рут, Клара Рильке, жила в те годы под Бременом. Слово «мы» в письме Рут относилось к ее мужу Карлу Зиберу.

[9] Из письма Рильке к Цветаевой от 17 мая 1926 г.

[10] См. комментарий 9 к письму 1 к Рильке.

[11] См. письмо 8 к Н. Вундерли-Фолькарт и комментарий 1 к нему.

Г. П. ФЕДОТОВУ

1

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
16-го мая 1932 г.

Глубокоуважаемый Георгий Петрович,

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой: 26-го в четверг мой доклад — Искусство при свете Совести (основу которого Вы уже знаете через Эйснера)[1]. Не согласились ли бы выступить в качестве собеседника? Мне думается — тема интересная, и возразить: вернее отозваться — будет на чтó.

Очень благодарна буду Вам за скорый ответ.

М. Цветаева

Краткое содержание доклада на днях появится в Последних Новостях[2].

2

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
26-го (?) ноября 1932 г.
достоверно — понедельник[1]

Милый Георгий Петрович,

Оказывается — муж может достать мне только Новый Мир, а этого мало, чтобы дать пастернаков фон[2]. В Тургеневской Библиотеке я не записана[3]. Так что обращусь к Вам с просьбой: достать что можете. Чем больше достанете — тем живее будет вещь (о стихах можно писать только на примерах, т. е. возможно меньше говоря, возможно больше давая говорить).

Моя дочь часто бывает в городе, напишите когда и куда ей зайти, — а м. б. проще переслать, вернее пересылать по мере поступления — по почте? Книг задерживать не буду, тут же выпишу что нужно и верну — Вам.

Очень хотелось бы побольше материалу, но я здесь совершенно беспомощна, могу только написать.

Прилагаемые стихи передайте жене, ей может быть будет приятно узнать (вспомнить) и такого Макса, а может быть — и ту меня, которую она — наверное единственный человек в Париже, если не шире, и к моему глубокому удивлению — хочется сказать: еще застала[4]. («Мальчиком, бегущим резво — я предстала вам»[5] позовите меня в гости (как-нибудь вечером) и я вам обоим почитаю — и стихи той поры и теперешние.)

До свидания. Спасибо, что вспомнили.

Очень буду ждать книг.

МЦ.

Про съезд думаю и с ответом не задержу[6].

3

⟨14-го декабря 1932 г.⟩[1]

Милый Георгий Петрович,

Ответьте мне по возможности сразу: могу ли я вместо Пастернака написать Маяковского, либо сопоставить Маяковского и Пастернака: лирику и эпос наших дней?

Все равно ничего исчерпывающего об остальных не могу дать, их много, книг мало, ненавижу безответственность[2]. *Когда* в точности дать статью? (Последний срок) — Будут те же 8 страниц[3].

Жду ответа. Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

4

⟨16-го декабря 1932 г.⟩[1]

Милый Георгий Петрович,

Ваша книга наконец обнаружилась — запропала в дебрях при переезде — Маяковский, и Аля ее нынче же доставит в библиотеку, сказав, что Ваша. Если будет штраф, выплачу из гонорара, только скажите — сколько.

— *Хорошо* бы на Петре, т. е. на чудном Пастернаке, всячески выгодно, но есть, страницы за две, еще место, на к⟨отор⟩ом можно прервать[2].

Спасибо за все и простите за Маяковского, о нем не пекитесь, нынче же будет возвращен.

МЦ.

Четверг.

5

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
16-го декабря 1932 г.

Милый Георгий Петрович,

Еще вопрос, даже — запрос. С моим докладом на Съезде Православной Культуры[1] *не* безнадежно, и вот почему: у меня есть начатая вещь: Две Совести (совесть перед вещью и совесть перед Богом: — *хорошо* сделано! и *чтó* сделано?) которую мне нужно было бы Вам показать, вернее — из к⟨отор⟩ой почитать, ибо это, пока, непроходимый черновик[2]. Если бы Вы нашли, что это подходит (думаю — да), я бы, тотчас же после сдачи Вам статьи для Нового Града, принялась бы за нее и сделала бы что могла.

Но — важный вопрос — выступление бесплатно? Ведь мне бы пришлось работать полных две недели, т. е. в это время не делать ничего для заработка, а как ни плохо оплачиваются самые случайные переводы — они все-таки что-то дают.

Нельзя ли было бы выяснить этот вопрос заранее?

Если же Вы заранее знаете, что безнадежно — или неудобно — что все выступают даром и т. д. — то и выяснять не надо.

Во всяком случае мне бы надо Вам вещь — в черновом виде — показать, м. б. и не пригодится. Не совсем приятно также, что все эти ученые господа с радостью будут рвать меня на части, здесь отбиться я навряд ли смогу, — у них цитаты, а у меня только живые примеры, почти — бытовые примеры.

Хотите встретимся на будущей неделе? Не соберетесь ли *Вы* в Кламар (в любой день от 4 ч., но непременно предупредив заранее), тогда обо всем рассудим. Книжку Аля обменяла, мне абонемент очень послужит для статьи. Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

〈*Приписка на первом листе:*〉

М. б. удастся переехать до 15-го января, так как новая кв〈артира〉 пустая[3].

6

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
20-го декабря 1932 г.

Милый Георгий Петрович,

Не поможите ли Вы и Елена Николаевна мне в распространении билетов на мой вечер 29-го — Детских и юношеских стихов — ТЕРМОВЫЙ вечер, роковой, ибо кроме терма еще переезд![1]

Цена билета 10 фр〈анков〉, посылаю три, четвертый вам обоим, дружеский.

Сделайте, что можете! И еще — не знаете ли Вы случайно, что́ с «писательским балом»? Будет ли и есть ли надежды? Боюсь пропустить срок прошению, а неловко просить, не зная, будет ли «бал»[2]. Из-за полной нищеты нигде не бываю и никого не вижу. — Статья пишется и будет готова к 1-му.

Сердечный привет вам всем.

МЦ.

P. S. Вчера писала Рудневу с просьбой дать мне 100 фр〈анков〉 авансу за конец «Искусства при свете совести» в январской книге[3], — уже получила корректуру. Не могли бы Вы, милый Георгий Петрович, попросить о том же Фундаминского?[4] Идут праздники — *уже на ноги наступают* — а нам не то что нечего дать на чай, сами без чаю и без всего.

— Если можете! —

7

Clamart 101, Rue Condorcet
8-го января 1933 г.

Милый Георгий Петрович,

Вот, наконец, рукопись.

Обращаю все Ваше внимание на 16 стр〈аницу〉, где вписка не совсем, не целиком заметна: приоткройте лист, часть вписки слева и скрыта, у меня не было места, а вписка мне необходима. Приоткройте!

Работала над статьей *зверски*, не отрываясь, полных 3 недели, печатайте петитом, либо делите на два, но *не* сокращайте, иначе я впаду в отчаяние.

Руднев моих 3 стихов *(цикл)* Волошину не взял, говорит много – 117 строк, а одного я ему не дала. А сам просил кроме имеющегося «Дома» (38 строк) еще 2–3[1]. Я послала волошинский цикл (117 стр⟨а-ниц⟩, прося оставить «Дом», тогда выходит 80 с чем-то строк, т. е. как раз те 2–3 стихотворения, к⟨отор⟩ые Руднев просил *еще*. Бог его знает! *Ненавижу* торговлю, всегда готова отдать даром, но не могу же я дать им *место*, которого у них для Волошина и меня нет (ВНУТРИ нет!)

А главное – Волошина здесь многие помнят и любят, и многие бы ему порадовались.

Кроме всего у меня переезд и перевод бердяевской статьи, пишу среди полного разгрома[2].

Очень жду отзвука на статью. До 15-го адр⟨ес⟩ прежний, после 15-го

10, Rue Lazare Carnot Clamart

Название прошу без точек и с тире как у меня.

Сердечный привет Вам и Е. А.[3].

МЦ.

Название, *либо как у меня,* либо (оно мне больше нравится, но как хотите, м. б. журналу важнее *Эпос и Лирика*).

БОРИС ПАСТЕРНАК и ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ, т. е. *если без эпос и лирика, тогда Бориса на первом месте.*

На выбор.

Корректуру умоляю.

Простите прочерк.

8

14-го февраля 1933 г., вторник

Милый Георгий Петрович,

По-моему, Вы очень хорошо поделили – как раз на Петре[1]. Поделила бы совершенно так же, – естественное деление. Совершенно согласна, что никаких «продолжение следует», – такие оповещения только пугают читателя перспективами разверзающейся паскалевской бесконечности[2].

Просто заглавие, и

I

Корректуру исправлю нынче же и доставлю (нá дом) завтра.

Большая просьба о гонораре возможно скорее, дела хуже, чем плохи.

И еще другая просьба. На днях доставляю Рудневу все «Живое о живом» — о Максе. 90 машинных стр⟨аниц⟩ по 1800 знаков в странице, т. е. 162 тыс⟨ячи⟩ печ⟨атных⟩ знаков, т. е. поделить на нормальных 40 тыс⟨яч⟩ знаков — 4 печатных листа. Попробуйте убедить Руднева или Фундаминского, что они могут отлично разбить на два № и печатать без шпон, — а то опять это отчаяние сокращений[3]. Тем более, что я предлагала Рудневу написать отдельную статью о Максе, какую угодно короткую, хоть в пол-листа, но он не захотел, и просил именно эту. Сделайте что можете! Мне здесь не я важна, а Макс. Ведь больше у меня случая сказать о нем — не будет, а у меня он, правда, живой.

Большое спасибо за чудное обращение, так хорошо со мной, с времен Воли России, НИКТО не обращался.

Сердечный привет Вам и Вашим.

Корректуру — завтра.

МЦ.

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot

И — третья просьба: alle guten (или schlechten) Dinge sind drei*: об отдельных оттисках статьи, ибо есть надежда переправить и в Россию. Сосинский этим займется охотно, мы с ним приятели[4]. — Если можно!

9

⟨15-го февраля 1933 г.⟩[1]
Среда

Милый Георгий Петрович,

Из опечаток, верней поправок[2] — самая существенная — пропуск на 2-ой стр. Он у меня сделан тщательно, но к кому обратиться, чтобы не перепутали? Довольно с меня и моих «темнот» (NB! убеждена, что пишу яснее ясного!).

Еще: необходимо цитату из Рильке напечатать так:

...die wollten blühn
Wir wollen dunkel sein und uns bemühn**[3]

ибо первая строка — неполная, взята из середины. Я поставила стрелы.

ЗАЗЫВАЛ*Ы* (как менял*ы*)

7 стр⟨аница⟩ ВРАЗДРОБЬ (NB! слово существует!)

8 стр⟨аница⟩ сокращение, необходимое, а то жвачка.

Остальные опечатки — буквенные, кое-где добавила и упразднила запятые.

(Руднев напр⟨имер⟩ уверен, что перед *каждым* КАК нужна запятая, а это неверно. ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕЛОЕ. Здесь напр⟨имер⟩, никакой запятой не нужно. Об этом есть и в грамматике но Руднев — *между нами* — мне — от страха — *всюду* ставит!).

Еще раз спасибо за такое человечное редакторство. И — ОЧЕНЬ ХОРОШО кончается на Петре. Только хорошо бы, чтобы без опечатки (КОНВУЛЬС*КИЙ*) Сердечный привет.

МЦ.

* Буквально: все хорошее, как и плохое, приходит в количестве три *(нем.)*.
** Их цель была — цвести, а мы хотим трудиться незаметно *(нем.)*.

10

4-го марта 1933 г.
Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot

Милый Георгий Петрович,

Умоляю еще раз написать Фондаминскому о гонораре, нас уже приходили описывать — в первый раз в жизни[1].

Привет *МЦ.*

11

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
6-го марта 1933 г.

Милый Георгий Петрович,

Самое сердечное спасибо за аванс — как жаль, что меня вчера не застали, мы с вами так давно не виделись.

А вот строки из письма Руднева (*МЕЖДУ НАМИ*, а то рассвирепеет — прощай, Макс!).

...Теперь, в порядке не редактора, а читателя, осмелюсь Вам сказать, что удивляет и несколько даже досаду вызывает Ваше (простите) раболепное отношение к М⟨аксу⟩ В⟨олошину⟩. Он — прямо какое-то божество, богоподобное существо, во всех отношениях изумительное. Это — неверно или невероятно, всё равно. А важно то, что Ваша восторженность уже не заражает читателя, а наоборот, настораживает *против* М⟨акса⟩ В⟨олошина⟩.

О моих личных впечатлениях из совместной и тесной жизни с М⟨аксом⟩ В⟨олошиным⟩ в Одессе при случае расскажу[1].

Не сердитесь на меня? Но мне очень не хотелось бы для Вас оттенка некоего «ридикуля» в чрезмерной восторженности.

Преданный Вам, и т. д.

Милый Георгий Петрович, если бы писал *читатель* — мне было бы все равно, но читатель власть имущий есть *редактор*, и мне совершенно *НЕ* все равно.

Поэтому не отгрызнулась (а КАК могла бы! Простым разбором понятий раболепства и рудневского «ридикуля») — не отгрызнулась, а ответила мирно — «не будем спорить — как никогда не спорил Макс»... и т. д.

Мне важно, чтобы про Макса прочли все, а потом когда-нибудь, когда больше не буду зависеть от Руднева и Амари (á Marie)[2], включу это рудневское послание как послесловие.

Но, в утешение, *чудное* письмо от бывшей жены Макса (25 лет или больше назад!) — Маргариты Сабашниковой[3], художницы, — Вы м. б. ее знали, или ее брата — издателя?[4]

Когда увидимся, прочту.

Когда — увидимся?

До свидания, еще раз спасибо за выручку. *Руднев — между нами.* Но при случае воздействуйте в смысле принятия рукописи — она сейчас у него на руках, и он ее читает — от конца к началу и от начала к концу.

До свидания! Скоро в Кламаре будет чудно, — приедете гулять.

МЦ.

Е. А.[5] непременно покажите, — она ведь Макса знала и любила. Привет ей и дочери.

12

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
3-го апреля 1933 г., понедельник

Милый Георгий Петрович,

Все получила, — сердечное спасибо.

А Руднев от меня сегодня получит мое последнее решение: ПОРТЬ ВЕЩЬ САМ, Я — УСТРАНЯЮСЬ. (В письме говорю иначе, но не менее ясно.) *Согласия* моего на обездушенную и обезхвощенную вещь он не получит[1].

Очень жду Вашего ответа на то письмо, с докладом.

Еще раз спасибо. На Пасху — повидаемся? Вы же наверное будете у Н⟨иколая⟩ А⟨лександровича⟩[2] м. б. и ко мне зайдете? Только пораньше, чтобы гулять. Будете писать — упомяните и об этом. Всего лучшего!

МЦ.

P. S. Это не мой герб, а герб Сосинского: его конверт[3].

13

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
6-го апр⟨еля⟩ 1933 г., четверг

Дорогой Георгий Петрович,

Постарайтесь мне продать несколько билетов, а?[1] Такие отчаянные пасхальные и термовые дела. Цена билета 10 фр⟨анков⟩, посылаю пять. Знаю, что трудно — особенно из-за Ремизова[2] — но — попытайтесь?

Умоляю возможно скорее прислать мне *тему* Вашего выступления, необходимо, чтобы появилась в следующий четверг. Некоторые уже поступили, но нельзя же — без Вас![3]

ОЧЕНЬ прошу.

Только что РАДОСТНОЕ, НЕВИННОЕ СОГЛАСИЕ РУДНЕВА САМОСТОЯТЕЛЬНО ПОРТИТЬ МОЮ ВЕЩЬ (ВОЛОШИНА).

Милый Макс! Убеждена, что с своей горы[4] («БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА» — так будут звать татары) с живейшей и *своейшей* из улыбок смотрит на этот последний «анекдот».

— Ну́ вот.

Вся эта история с Рудневым и Волошиным называется: ПОБЕДА ПУТЕМ ОТКАЗА[5] (*моя* — конечно!)

А нет ли ХУДОЖЕСТВЕННОГО, ПИСАТЕЛЬСКОГО БОГА, МСТЯЩЕГО ЗА ТАКОЕ САМОУПРАВСТВО?

Умоляю — тему!

МЦ.

Федотов Георгий Петрович (1886—1951) — публицист, историк, автор книг по православному богословию, один из редакторов журнала «Новый град» (1931—1939).

Впервые — Новый журнал. 1961. № 63. С. 164—172. Публикуются по тексту републикации Дж. Малмстада — *ЛО*. 1990. № 7. С. 107—112.

1

[1] В предисловии к первой публикации писем Цветаевой жена адресата Елена Николаевна Федотова (урожденная Нечаева; ум. в 1966 г.) писала: «Г. П. Федотов был издавна большим поклонником поэзии Марины Цветаевой. Помню, с каким восторгом он читал ее «Поэму Горы». Но лично познакомился он с Цветаевой довольно поздно. Вероятно, посредником был наш общий приятель, пражский поэт Алексей Эйснер 〈...〉 Думаю, что рассказы Эйснера о чтении у нас «Крысолова» и о восторге Г. П. Федотова послужили поводом для первого письма Марины Ивановны с просьбой принять участие в прениях по ее докладу «Искусство в свете совести» (Новый журнал. 1961. № 63. С. 162).

Программу вечера 26 мая 1932 г. и состав его участников см. комментарий 1 к письму 98 к С. Н. Андрониковой-Гальперн. Об Эйснере — комментарий 4 к письму 43 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] «Последние новости» публиковали краткое содержание доклада 22 и 25 мая.

2

[1] Исходя из утверждения Цветаевой, письмо следует датировать 28 ноября 1932 г., так как на этот день в 1932 г. приходился понедельник.

[2] Здесь и в следующих письмах речь идет о статье «Эпос и лирика современной России (Владимир Маяковский и Борис Пастернак)», напечатанной в журнале «Новый град» (1932 г., № 6, 7). См. т. 5.

Как видно из письма, сначала Цветаева предполагала писать об одном Б. Пастернаке, затем изменила свои намерения и решила либо дать анализ творчества Маяковского, либо сопоставить двух поэтов (см. письмо 3). *...только Новый Мир* — в 1931—1932 гг. в журнале регулярно печатались стихи Б. Пастернака из его нового сборника «Второе рождение».

[3] Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева в Париже (9, rue du Val de Grâce), основана И. С. Тургеневым в 1875 г., среди многочисленных русских библиотек Парижа в годы эмиграции занимала первое место по общему количеству книг и их ценности.

[4] В Бахметьевском архиве Колумбийского университета в фонде Г. П. Федотова хранится беловой автограф стихотворения М. Цветаевой «Над вороны́м утесом» (из цикла «Ici-Haut»), датированный 28 октября 1932 г. (т. 2). Сведениями о факте знакомства Е. Н. Федотовой с Волошиным в России мы не располагаем.

[5] Первая строка стихотворения М. Цветаевой без названия (1913). См. т. 1.
[6] См. комментарий 1 к письму 5.

3

[1] Датировано на основании пометки Г. П. Федотова (*ЛО*. 1990. № 7. С. 108).
[2] Видимо, Г. П. Федотов сначала предложил Цветаевой написать статью о русских советских поэтах, однако она не сочла себя достаточно компетентной в этих вопросах.
[3] Окончательный объем статьи оказался значительно больше. (См. комментарий 2 к предыдущему письму и т. 5.)

4

[1] Датировано на основании пометки Г. П. Федотова (там же. С. 109). Однако, если верить приписке Цветаевой «четверг», письмо было написано 15 декабря (именно на этот день в 1932 г. пришелся четверг).
[2] Так как статья «Эпос и лирика современной России» печаталась в двух номерах журнала, то Цветаева предлагает провести деление ее на отрывке («О, как он велик был!..») из стихотворения Б. Пастернака «Петербург» (1915).

5

[1] Речь идет об очередном (III) съезде, который устраивался Лигой Православной культуры. Сведений, что Цветаева участвовала в подобных съездах, не обнаружено.
[2] Работа, по-видимому, осталась незавершенной. См. также статью Ю. П. Клюкина «Искусство при свете Совести» Марины Цветаевой»//Цветаева М. Искусство при свете Совести. М.: Дом Марины Цветаевой, 1993. С. 6—7.
[3] См. письмо 7.

6

[1] О вечере 29 декабря 1932 г. см. комментарий 2 к письму 102 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.
[2] См. комментарий 2 к письму к Б. К. и В. А. Зайцевым, а также письмо 1 к В. Ф. Зеелеру и письмо 1 к Б. К. Зайцеву.
[3] «Современные записки» с окончанием статьи Цветаевой (№ 51) вышли в последних числах февраля 1933 г.
[4] Фондаминский был соредактором журнала «Новый град». См. комментарий 6 к письму 17 к В. Н. Буниной.

7

[1] Стихотворение М. Цветаевой «Дом» («Из-под нахмуренных бровей...») напечатано в № 51 «Современных записок», три стихотворения памяти Волошина опубликованы в журнале «Встречи» (№ 4, 5 за 1934 г.).
[2] Какую именно статью Бердяева переводила Цветаева, установить не удалось.
[3] Описка Цветаевой. Должно быть Е. Н. (Федотова).

8

[1] См. комментарий 2 к письму 4.

[2] В своих трудах французский философ Блез Паскаль (1623—1662) развивал представление о трагичности и хрупкости человека, находящегося между двумя безднами—бесконечностью и ничтожеством.

[3] О публикации очерка «Живое о живом» см. письма к В. В. Рудневу.

[4] См. письма к В. Б. Сосинскому.

9

[1] Датируется на основе предыдущего письма («Корректуру... доставлю... завтра») и указания дней недели (вторник—среда).

[2] Все поправки относятся к статье «Эпос и лирика современной России».

[3] Неточная цитата из стихотворения Рильке «В зале» (1906).

10

[1] См. также письмо 67 к А. А. Тесковой (т. 6).

11

[1] В. В. Руднев и М. А. Волошин встречались в Одессе в начале 1919 г. Руднев, до момента своего отъезда за границу (5 апреля 1919 г.), находясь в Одессе, возглавлял Бюро земств и городов Союза городов. Волошин в это время приехал в Одессу из Крыма по приглашению своих друзей Цетлиных (см. о них письма к М. С. Цетлиной в т. 6). О пребывании Волошина в Одессе см.: Бунин И. Воспоминания (Париж: ЛЕВ, 1981. С. 189—195).

[2] *Амари*—М. О. Цетлин, постоянный рецензент «Современных записок», консультант отдела поэзии.

[3] *Сабашникова* Маргарита Васильевна (1882—1973)—художница и поэтесса, первая жена М. А. Волошина. В то время жила в Германии. О ее *чудном* письме см. комментарий 2 к письму 2 к В. В. Рудневу.

[4] *Сабашников* Михаил Васильевич (1871—1943)—издатель, меценат. Двоюродный дядя М. В. Сабашниковой (а не ее брат, как пишет Цветаева).

[5] См. комментарий 3 к письму 7.

12

[1] См. письмо 2 к В. В. Рудневу.

[2] Н. А. Бердяев жил недалеко от Цветаевой в Кламаре (83, Rue du Moulin-de-Pierre).

[3] На почтовой корреспонденции и в качестве владельческого знака В. Б. Сосинский применял печатку с гербом, на котором на фоне равностороннего креста были изображены перекрещенные сабля и гусиное перо.

13

[1] Речь идет о вечере Цветаевой 20 апреля 1933 г. См. комментарий 2 к письму 104 к С. Н. Андрониковой-Гальперн, а также письмо к Г. В. Адамовичу.

[2] 31 марта 1933 г. в зале «Lutetia» прошел вечер А. М. Ремизова, на котором писатель прочел свои ненапечатанные рассказы, повесть «Учитель музыки», а также произведения Лескова, Писемского, Гоголя. К вечеру была организована выставка иллюстрированных рукописных альбомов А. М. Ремизова (Последние новости. 1933. 2 апреля). О похожей ситуации см. письмо 3 к В. Н. Буниной («ремизовский ⟨вечер⟩... подкосил»).

[3] Г. П. Федотов был в числе участников, согласившихся выступить в прениях. Кроме него такое согласие дали Г. Адамович, В. Андреев, М. Слоним, В. Сосинский, А. Эйснер и др.

[4] Могила Волошина расположена в Коктебеле на вершине хребта Кучук-Янышар. Ср. строки стихотворения «Переименовать!» Приказ — ...»: «...у почтительных татар:// — Гора Большого Человека» (т. 2).

[5] См. также письмо 19 к В. Н. Буниной.

Г. П. и Е. Н. ФЕДОТОВЫМ

24-го мая 1933 г.

Милые Георгий Петрович и Елена Николаевна,

Не забыла, но в последнюю минуту, вчера, отказалась служить — приказала долго жить — резиновая подметка, т. е. просто отвалилась, а так как сапоги были единственные...

Очень, очень огорчена. Знайте, что *никогда* не обманываю и не подвожу, — за мной этого не водится — но есть вещи сильней наших решений, они называются невозможность и являются, даже предстают нам — как вчера — в виде отвалившейся подметки.

Всего доброго. Дела такие, что о ближайшем «выезде» мечтать не приходится. Получила очередное письмо от Руднева о Максе — целый архив!

МЦ.

Впервые — Новый журнал. 1961. № 63. С. 172. Печатается по тексту републикации Дж. Малмстада — *ЛО*. 1990. № 7. С. 112.

Н. А. ТЭФФИ

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
19-го ноября 1932 г.

Дорогая Надежда Александровна,

Весь вечер беседовала о Вас с дамой — имени которой я не знаю, она знает всех и двоюродная сестра Цейтлиных[1] (маленькая, черная, оживленная, худая, немолодая) — о Вас: о Вашем творчестве, нраве, подходе к событиям и к людям, а утром, очень рано, — как и должна приходить радость — Ваше письмо, которое читала еще спящими глазами.

А теперь о моем свинстве, даже — кабанстве: кабанстве очевидном, но не сущем, ибо провалилась я — Вы мне поверите — только потому что потеряла Ваш адрес, а с ним и чувство Вашей достоверности: только помнила мост и мимо моста — дом налево[2].

...И по ночам задумчиво искать
Ту улицу—которой нет на плане...[3]

Потеря чувства достоверности одно из моих сильнейших (и страшнейших* для меня) свойств. Вещь с какой-то минуты становится для меня недосягаемой, я перестаю верить, что она—есть, что она—есть—здесь (м. б. от слишком сильной веры в *там*, где все есть—все будет! и все будем!). И, зачарованная, теряю: человека, настоящее, будущее.

Конечно, могла бы написать на Возрождение[4], но писать туда, где человек не живет как-то—психологически—безнадежно, почти как в Сов⟨етскую⟩ Россию: чувство, что ты сам то письмо, что не найдешь: не дойдешь.

Так и осталось, т. е. я—свиньей перед Вами, с бесплодными—ибо до Вас не доходящими—вовсе не кабаньими, а обратными чувствами и мыслями к Вам и о Вас.

И как чудно, что сейчас окликнули, т. е. сняли с меня эту гору невозможности и кабанью кожу неблагодарности[5]. Как великодушно, что простили, а м. б. даже не заметили. (*Мой* девиз, в случаях (?) человеческой низости: Ne daigne!** Это иногда принимают за доброту.)

Хотите—встретимся? *Давайте*—встретимся! Позовите меня к себе, а после беседы—м. б. и Вы ко мне соберетесь. (После января у меня будет отдельная комната, вот уже год живу в кухне, в которой непрерывно стирают, моются и обедают четыре человека, а иногда и гости. Сюда—не зову.)[6]

...У Вас—иной круг (у меня—НИКАКОГО), но важно ведь не: круг, а: друг. Никогда не вывожу человека из его окружения (наоборот: всегда *вывожу*: как за́ руку!) но окружение его—какое бы ни было—всегда сужу—за то одиночество, в котором в нужную минуту: в безнадежную минуту!—оставляет того, *вокруг* которого. (Все растущий круг пустоты.)[7]

Обнимаю Вас и жду весточки. Я свободна только вечером от 9 ч.—Вам не слишком поздно? (Вторник, четверг и субботу могу уже к 8 ч.) И напишите, пожалуйста, свой точный адр⟨ес⟩ (метро и этаж дома).

МЦ.

Хотите, захвачу почитать из дневников? Никому не известных[8].

Тэффи (урожденная Лохвицкая, по мужу—Бучинская) Надежда Александровна (1872—1952)—русская писательница, автор юмористических рассказов и фельетонов. С 1920 г. в эмиграции.

Впервые—Новый мир. 1969. № 4. С. 205, опубликовано А. С. Эфрон по черновику в рукописной тетради. Оригинальный текст воспроизведен впервые Дж. Малмстадом—*ЛО*. 1990. № 7. С. 103. Печатается по тексту последней публикации.

[1] *...двоюродная сестра Цейтлиных* (правильно: Цетлиных)—А. О. Фондаминская. См. комментарий 4 к письму 19 к В. Н. Буниной.

[2] Тэффи жила по адресу: 22/24, Avenue de Versailles, рядом с двумя мостами: pont Mirabeau и pont de Grenelle.

[3] Неточная цитата из стихотворения А. Ахматовой «Из памяти твоей я выну этот день...» (1915). У Ахматовой: «И в городах задумчивых искать...» и т. д.

* В рукописи над словом вписано Цветаевой: fatal (фатальный—*фр.*).

** См. перевод на с. 19.

[4] Тэффи была постоянным сотрудником парижской газеты «Возрождение».

[5] В черновом варианте у Цветаевой была фраза: «Вы так помогли мне с вечером, а я вдруг исчезла» (Новый мир. 1969. № 4. С. 205). Возможно, речь шла о вечере 13 октября 1932 г., на котором Цветаева читала свои воспоминания о Волошине.

[6] В январе 1933 г. Цветаева переехала на другую квартиру (Clamart, 10, rue Lazare Carnot, «очень спокойную и просторную, в довоенном доме, на 4 этаже. У меня своя комната, где даже можно ходить» (см. письмо 67 к А. А. Тесковой в т. 6).

[7] В черновом варианте письма Цветаева продолжала:

«Я еще в России думала: 150 миллионов—*я* (т. е. один!) не в счет. Но если я (одна!) не в счет, и мой сосед (один!) не в счет, и этот встречный на улице дворник с метлой не в счет, и этот станционный телеграфист не в счет,—ведь никаких 150 миллионов не будет! 150 миллионов держатся то ли нами, то ли *мной, каждым мной*!»

[8] Возможно, речь идет о записях Цветаевой, оставшихся за пределами опубликованной в 1924—1927 гг. в различных периодических изданиях ее дневниковой прозы. (См. т. 4.)

Б. К. ЗАЙЦЕВУ

1

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
31-го января 1933 г.

Дорогой Борис Константинович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой,—не поможете ли Вы мне получить деньги с Писательского вечера?[1] Руднев передал мое прошение когда и куда следует,—недели три назад—но это было уже давно, и никакой присылки не последовало.

Дела мои ужасны, все притоки прекратились, перевожу, но больше даром, и часто—зря, т. е. на авось. Есть еще переводы анонимные, вернее перевожу—я, а подписывает другой. Получила за 60 стр⟨аниц⟩ (машинных) *Художественного* перевода[2]—150 фр⟨анков⟩. Словом, бьюсь и, временами, почти разбиваюсь.

Алины заработки (figurines) тоже прекратились, зарабатывает изредка фр⟨анков⟩ по 30, по 50 маленькими статьями (франц⟨узскими⟩) в кинематографических журналах, пишет отлично, но тоже нет связей. Рисование идет отлично (гравюра, литография, иллюстрация), даже блистательно, но кроме похвал—ничего.

Таковы наши безысходные дела. Группа уцелевших друзей собирает 250 фр⟨анков⟩ в месяц, но нас четыре человека—и сколько, этими деньгами, попреков[3].

Очень, очень прошу Вас, расскажите хотя бы часть из этого писателям, т. е. тем, кто ведает раздачей.

Сердечный привет, Люду[4] и Наташу[5] целую. Скажите Вере, что Муру завтра, 1-го, восемь лет.

МЦ.

2

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
11-го янв⟨аря⟩ 1934 г.

Милый Борис Константинович,

Я как всегда с моим прошением — в последний час. Можно попросить Вас направить его куда следует? Я совершен о потеряла связь с людьми и с событиями: вожу и отвожу Мура в школу[1], топлю, тороплюсь, переписываюсь с Руднев м. Да! Если видаете Веру Николаевну[2], во-первых — кланяйтесь ей от меня, во-вторых — передайте, что Стар й Пимен (*ей* посвященный) принят целиком — за исключением НЕСКОЛЬКИХ СЛОВ (о *юдаизме* Иловайского)[3].

Обнимаю всех вас. Спасибо.

МЦ.

Зайцев Б. К. — см. письмо к Б. К. и В. А. Зайцевым.

Впервые — письмо 1 (без обращения и с неточностями) в журнале «Огонек» (1985. № 14. С. 14); письмо 2 — *ЛО*. 1990. № 7. С. 106 (публикация Дж. Малмстада). Печатаются: первое письмо по копии из архива составителя, второе — по тексту первой публикации.

1

[1] См. письмо 1 к В. Ф. Зеелеру, а также письмо к Б. К. и В. А. Зайцевым и комментарий 2 к нему.

[2] См. комментарий 1 к письму 12 к Н. Вундерли-Фолькарт.

[3] См. комментарий 3 к письму 104 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[4] *Люда* — лицо неустановленное.

[5] Н. Б. Зайцева-Соллогуб (см. письмо к Б. К. и В. А. Зайцевым).

2

[1] Осенью 1933 г. сын Цветаевой был определен во французскую школу. См. также письмо 69 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] В. Н. Бунина.

[3] О двух выброшенных редакцией фразах из рукописи «Дом у Старого Пимена» см. комментарии к очерку в т. 5.

И. П. ДЕМИДОВУ

⟨1933⟩

Многоуважаемый Г⟨осподи⟩н Демидов,

(Мы с вами познакомились в поезде, когда уезжал Кн⟨язь⟩ С. М. Волконский.)[1]

Посылаю Вам стихи для Последних Новостей и очень хотела бы, чтобы их напечатали вместе[2]. Также буду просить о сохранении даты

написания, чтобы не удивлять читателя разностью моих нынешних стихов и этих, между которыми целое двадцатилетие.

Искренне уважающая Вас

Марина Цветаева

Эти стихи я выбрала как наиболее понятные для читателя. У меня их целая книга, неизданная.

Прошу во втором стихотворении сохранить эпиграф (Принцесса, на земле и т. д.)[3], т. е. не слить его с текстом.

Демидов Игорь Платонович (1873—1946)—журналист, в прошлом—член Государственной Думы, кадет. После революции эмигрировал во Францию. Член редакции «Последних новостей», фактически был редактором газеты.

Печатается впервые по машинописной копии из архива составителя. Еще одно короткое письмо к И. П. Демидову, датированное мартом 1935 г., Цветаева приводит в письме 82 к А. А. Тесковой. См. т. 6.

[1] Возможно, речь идет о проводах С. М. Волконского в 1931 г. на Ривьеру. См. письмо 18 к Р. Н. Ломоносовой.

[2] К письму были приложены стихи: 1) «Посвящаю эти строки...» (1913) и 2) «Смертный час Марии Башкирцевой» (1912) под общим заголовком «Из книги «Юношеские стихи». Второе стихотворение известно по первой строке: «Он приблизился, крылатый...», так как впоследствии Цветаева сняла его название. В газете стихи напечатаны не были.

[3] Эпиграф к стихотворению «Смертный час Марии Башкирцевой» (четверостишие «Принцесса, на земле не встретившая принца...») позднее также был снят Цветаевой. См. комментарии к стихотворению «Он приблизился, крылатый...» в т. 1.

В. Ф. ЗЕЕЛЕРУ

1

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
4-го февр⟨аля⟩ 1933 г.

Многоуважаемый Г⟨осподи⟩н Зеелер,

Очень прошу Вас выдать моей дочери Ариадне Сергеевне Эфрон сумму (160 фр⟨анков⟩? прилагаю письмо Б. К. Зайцева), назначенную мне Союзом с писательского вечера[1].

Заранее благодарная

М. Цветаева

2

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
10-го июня 1933 г.

Многоуважаемый Владимир Феофилактович[1],

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: выдать мне деньги с тургеневского вечера по возможности сейчас же[2]. О моем крайне-бедственном

положении знают Бальмонты, и Вам его в любую минуту подтвердят. Да и не только Бальмонты.

Вторая просьба в картах d'identité*, которые меня крайне тревожат, время идет, у нас был чиновник из Префектуры, а о свидетельствах Союза Писателей ни слуху ни духу, я совершенно не знаю, что мне делать, но одно знаю с совершенной ясностью, что никогда у меня не будет 200 фр⟨анков⟩, чтобы заплатить за себя и мужа, если свидетельства не поспеют вовремя[3]. Да даже и ста.

Если Вам трудно письменно, изъясните, пожалуйста, моей дочери на словах, В ЧЕМ ДЕЛО И ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОЛУЧИТЬ.

Писала Вам о том же четыре дня назад.

Уважающая Вас *М. Цветаева*

3

⟨*7-го мая 1935 г.*⟩[1]

Дорогой Владимир Феофилович!

Очень прошу уделить мне что-нибудь с Пушкинского вечера[2]. Прилагаю прошение. И конверт с адресом и маркой—не обижайтесь! Это я, зная Вашу занятость, для простоты и быстроты—с большой просьбой черкнуть ровно два слова: есть ли надежда на получку и *когда* за ней. Я ведь по телефону звонить не умею, а ехать на авось мне невозможно, я ведь целый день (8 концов!) провожаю сына в школу.

Сердечный привет!

М. Цветаева

Зеелер Владимир Феофилович (1874—1954)—журналист, многолетний генеральный секретарь Союза русских писателей и журналистов, секретарь комитета Дней русской культуры. Об отношениях Цветаевой с В. Ф. Зеелером см. ее письма 32 и 33 к В. Н. Буниной.

Впервые—письма 1 и 2—*ЛО*. 1990. № 7. С. 106 (публикация Дж. Малмстада); письмо 3—в кн.: Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. Fontenay-aux-Roses (Синтаксис, 1988. С. 417). Печатаются по текстам первой публикации. Еще одно письмо к В. Ф. Зеелеру от 1 февраля 1935 г. Цветаева целиком приводит в письме 32 к В. Н. Буниной.

1

[1] См. письмо 1 к Б. К. Зайцеву.

2

[1] Описка Цветаевой в отчестве адресата.

[2] Торжественное собрание, посвященное И. С. Тургеневу, состоялось 10 июня 1933 г. в Сорбонне. В. Ф. Зеелер был председателем оргкомитета. Вечер проводился в рамках Дня русской культуры.

[3] Каждый иностранец, живущий во Франции, обязан был иметь carte d'identité. Эти карты были трех видов: 1) в 100 франков, 2) в 20 франков, 3) бесплатная (выдавалась «участникам великой войны, состоявшим в рядах французских полков»). Без свидетельства от Союза писателей Цветаева с мужем могли получить только удостоверение первого вида, так как на удостоверение

* Удостоверение личности *(фр.)*.

за 20 франков имели право лишь «1) студенты или учащиеся учебных заведений не профессионального характера. ⟨...⟩ 2) журналисты и писатели, состоящие в союзах иностранной прессы журналистов, или в соответствующих синдикатах». Carte d'identité была действительна на два года. Русский альманах. Под ред. кн. В. А. Оболенского и Б. М. Сарача. Paris. 1930. С. 69.

3

[1] Письмо В. Ф. Зеелеру было отправлено вместе со следующим прошением:

В Союз Писателей и Журналистов
Марины Ивановны Цветаевой

Прошение

Покорнейше прошу Союз Писателей уделить мне, что можно, с Пушкинского вечера.

МЦветаева

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
7-го мая 1935 г.

(Швейцер В. С. 416).

[2] См. письмо 36 к В. Н. Буниной.

В. В. РУДНЕВУ

1

Clamart (Seine)
10, Lazare Carnot
2-го марта 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Только что получила оттиски[1], — самое сердечное спасибо! Страшно тронута, что Вы об этом подумали. Читали ли, кстати, отзыв Адамовича? По-моему — милостиво[2].

И большое спасибо за налоговые советы — Вы правы (и Ремизов прав!) — проще всего и дешевле всего — платить[3].

Конец Макса, надеюсь, получили[4]. С Вашей оценкой («раболепство»)[5] несогласна, это — чистейшая моя ему за себя и *за многих* и заслуженнейшая им — БЛАГОДАРНОСТЬ. Но спорить не будем — как никогда не спорил Макс.

Очень рада буду когда-нибудь повидаться с Вами лично, скоро весна, — Вы наверное любите лес? Мы близко, — приедете на целый день, погуляем и побеседуем — в *мире*.

Сердечный привет и еще раз спасибо

МЦ.

2

Милый Вадим Викторович,

Мое отношение к Максимилиану Волошину Вам известно из моей рукописи.

Мое отношение к изъятию из моей рукописи самого ценного: Макса в Революцию, *его* конца и *всего* конца, Вам известно из моего устранения от всякого соучастия[1].

Причины, заставившие меня моей рукописи не взять обратно, Вам не могут *не* быть известны.

И, наконец, моя оценка письма Маргариты Сабашниковой для Вас несомненна[2].

Чего же вы от меня хотите – и ждете??

А насчет «экстренных мер» – автор человек бесправный и ничего (внешне) не может, особенно в наши дни.

Прилагаю письмо М. В. Сабашниковой.

Всего доброго

Марина Цветаева

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
19-го мая 1933 г.

3

Дорогой Вадим Викторович,

Спасибо за деньги и за корректуру[1], но подлинника еще (11-ое июля) не получила. Пока сличаю *без.*

Если Вы не очень торопитесь с корректурой, я сама прошу Ходасевича[2], послав ему текст (*не* из корректуры, конечно!) По-моему – у него «le beau rôle»* – терпения и, даже, мученичества, но... Бог его знает!

(Если бы Вы знали как *цинически врет* Георгий Иванов в своих «воспоминаниях»[3], *все* искажая! И как все ему сходит с рук! Но раз он на меня нарвался – и ему досталось по заслугам.)

Ответьте, пожалуйста, *когда* крайний срок корректуры. Если тотчас – разоритесь на *pneu*, я тогда заменю «Ходасевича» просто «поэтом».

До свидания. Спасибо. Скоро будем соседи, тогда придете в гости.

МЦ.

Вы меня авансом страшно выручили!

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot 11-го июля 1933 г.

4

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
19-го июля 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Полное разрешение Ходасевича проставлять его имя: он мне вполне доверяет[1]. Письмо его храню как оправдательный документ.

Я не знаю, кто правил корректуру, – Вы или М. Вишняк, но там предложены (карандашом) некоторые замены (мужской род на женский,

---

* «Прекрасная роль» *(фр.).*

знаки), которые я, в случае несогласия, восстанавливаю в прежнем виде. (Речь о *пустяках*, упоминаю для очистки совести!) Мне очень жаль (Вам — нет, конечно!), что моя корректура идет к Вишняку, а не к Вам, мы с Вами хотя и ссоримся — но в конце концов миримся, а с Вишняком у меня никакой давности...[2]

Ходасевич отлично помнит Марию Паппер и, вдохновленный мною, сам хочет о ней писать воспоминания[3]. Видите, какой у этих одиночек (поэтов)[4] — esprit de corps* и *имя* дал — и сам вдохновился!

Написал мне, кстати, милейшее письмо, на которое я совершенно не рассчитывала — были какие-то косвенные ссоры из-за «Верст»[5], и т. д.

Все это потому, что нашего полку — убывает, что поколение — уходит, и меньше возрастнóе, чем духовное, что мы все-таки, с Ходасевичем, несмотря на его монархизм (??) и мой аполитизм: *гуманизм*: МАКСИЗМ в политике, а проще: полный отворот (от газет) спины — что мы все-таки, с Ходасевичем, по слову Ростана в передаче Щепкиной-Куперник: — Мы из одной семьи, Monsieur de Bergerac![6] Так же у меня со всеми моими «политическими» врагами — лишь бы они были поэты или — любили поэтов.

А в общем (Мария Паппер — Ходасевич — я) еще один акт Максиного миротворчества. Я его, кстати, нынче видела во сне всю ночь, в его парижской мастерской, где я никогда не была, и сама раскрывала окно и дверь от его астмы.

Рукопись получила. Корректуру Вишняку — самое позднее — завтра. Я сейчас, после всей прозы, дорвалась до стихов и с величайшим трудом отрываюсь[7].

Всего лучшего! Спасибо еще раз за деньги к терму.

А в Булонь нам нужно непременно — хоть под булоньские каштаны — ибо Мур с 1-го окт⟨ября⟩ начнет ходить в гимназию, к⟨отор⟩ая мне, кстати, *очень* понравилась. (Была на акте.)

Желаю Вам, милый Вадим Викторович, хорошего лета и полного отдыха от рукописей. Пускай Вишняк почитает!

МЦ.

5

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
9-го сент⟨ября⟩ 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Посылаю Вам своего «Дедушку Иловайского», которого не приняли в Последних Новостях, как *запретную* (запрещенную Милюковым) *тему*[1]. «Высоко-художественно, очень ценно, как материал, *но...*» — вот *точный* отзыв Милюкова. Если эта тема у Вас *не* запрещена, чтó Вы скажете об этой вещи для С⟨овременных⟩ З⟨аписок⟩? Это — только 1-ая ч⟨асть⟩, к ней приросла бы 2-ая, где бы я дала арест, допрос и конец старика (1918—1919 гг.) и очень страшный конец его жены — как в страшном сне.

* Корпоративный дух *(фр.)*.

Вообще, мне бы для маленькой, но исчерпывающей повести — и даже *были*, которую я бы хотела написать об этом страшном *доме*, нужно было бы 2 листа. Дала бы судьбы детей, жен, — комнаты, жившие в таких домах не менее сильно, чем *люди*, дала бы огромный сырой (смертный!) сад, многое бы дала, чего здесь и не затронула. (Для газеты писать — одно горе! Все время считаешь строки и каждый раз — неверно! Но очень приятны растроганные отзывы (даже Бунина!) о моем «Музее», напр⟨имер⟩[2]. Значит, этот мир кому-то нужен.)

Если бы *имя* Иловайского кого-нибудь из Редакции устрашило или оттолкнуло (не думаю: вы все *другого* поколения, а Милюков с ним, очевидно, повздорил *лично*! Кстати, Иловайскому бы сейчас было больше ста лет!) Итак, если дело в имени, готова назвать вещь «У Старого Пимена» — по названию московского тупика, в котором он жил.

Мне очень жаль было бы, если бы эта вещь пропала, я над ней очень старалась, и тема, по-моему, сто́ящая. Ведь раз вещь *кончилась*, неужели она не вправе была *быть*? Раз она *была*.

Не понимаю политического подхода Милюкова к явлению, данному явно в области жизненной, человеческой и даже мистической. (Ведь мой Иловайский — жуток! Эту жуть, в истории его жен и детей, в их смертях — усилю.)

Очень жду Вашего ответа. Если были бы маленькие, чисто-словесные, загвоздки (там есть одно место насчет «*либеральных* гимназий») — отметьте сразу, если дело в *словах* и этих слов немного — пошла бы на уступки. Но на *мой* взгляд — все приемлемо, если только не оттолкнет *имя*, которого ни изменить, ни заменить не могу.

Рукопись посылаю только на просмотр и очень прошу, милый Вадим Викторович, вернуть *заказным* — в то́м или ино́м случае.

Сердечный привет. Довольны ли своим летом? Я писательским — да, человеческим — нет: до тоски хочется новых мест, и не столько новых, как — просторных!

МЦ.

М. б. скоро будем соседями.

6

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
19-го сент⟨ября⟩ 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Очень рада, что мой Иловайский Вас не устрашил, т. е. м. б. и устрашил, но иначе. (Он, по-моему, *должен* устрашать, и мой, семейный, еще больше чем тот, общественный.) Вторая часть будет куда сильнее: антитеза с цветущими умирающими детьми, жизнь *вещей* в доме...[1] Особенно страшна смерть жены, когда-то — красавицы, — одной, с сундуками в полуподвальной комнате, где день и ночь горел свет... Ее зверски убили, надеясь на «миллионы» и унеся 64 руб⟨ля⟩ с копейками... *(1929 г.)* Словом, напишу хорошо, потому что *очень* увлечена. А когда-нибудь (не сейчас, сейчас я вся в семейном) с удовольствием дам в С⟨овременные⟩ З⟨аписки⟩ весь свой материал о Блоке[2] — много и интересно.

Итак, скоро примусь за Дедушку. Сейчас кончаю Музей и отца.
Всего лучшего.

МЦ.

7

Дорогой Вадим Викторович,

Самое глубокое и растроганное спасибо за помощь. Адр‹ес› Ремизовых[1] попытаюсь нынче же достать у Евгении Ивановны (быв‹шей› Савинковой)[2], она о ремизовских делах очень печется и, наверное, знает.

О рукописи[3]. В черновике она у меня очень большая и, конечно, вся не поместится.

Теперь, очень прошу Вас, милый Вадим Викторович, определите мне ее предельный размер в печатных буквах.

Моя мечта была бы — 2 полных печатных листа (лист — 40.000 букв?) на всё, с уже у Вас имеющимся, которое (1-ая ч‹асть›) очень прошу мне выслать возможно скорее — у меня там ряд неточностей.

Еще раз спасибо за подмогу.

Сердечный привет

МЦ.

8-го Окт‹ября› 1933 г.

‹Приписка на полях:›

P. S. Можно мне будет попросить *об отдельных оттисках Макса:* 2-го, а по возможности и 1-го? (если еще не разбит шрифт)[4].

8

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
12-го Окт‹ября› 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович,

Все получила: аванс, доплату, журнал, оттиски. Бесконечно-тронута. Обе расписки прилагаю.

Иловайского (цельного) вышлю не позже как через две недели, может быть — раньше. Как Вы думаете, не лучше ли назвать вещь (по названию 2-ой ч‹асти›) Дом у Старого Пимена, что́ отчасти избавляет ее от излишней «историчности» (ассоциации с учебником истории), Ваш журнал — от нареканий либеральных читателей и прибавляет ей человечности: вечности.

Мне такое название больше нравится: оно глубже, шире, внутреннее и больше соответствует *теме*: истории *дома*, не самого́ Иловайского.

Итак, еще раз спасибо. Убеждена, что 2-ая ч‹асть› Вам понравится, т. е. Вас взволнует. Мне ее, иными поздними часами, даже жутко писать.

Всего лучшего

МЦ.

9

Милый Вадим Викторович,

— Вот. —

Остается еще хвост, который не позже четверга.

Про Мура подробно — тогда же. Спасибо за добрый помысел.

Поздравляю с Буниным[1]. (С Верой Муромцевой мы — почти родня: через Иловайских.)

Исписала все чернила.

До свидания!

МЦ.

Хвост — 20 страниц.

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot
11-го ноября, Armistice* [2] (а у нас война — *никогда* не кончилась!..)

Вставку на 11 стр⟨анице⟩. (Цитата с глазом Митридата) пришлю с четверговым.

I Дедушку пришлось переписать — очень затаскался и выглядел не древностью, а ветошью.

На Пимена потеряла 3 фельетона в Посл⟨едних⟩ Нов⟨остях⟩, т. е. 600 фр⟨анков⟩, — но двух вещей зараз никогда писать не могла, — лучше ни одной (чего никогда не было!) Последние дни у нас перегорело все электричество, писала как Д⟨митрий⟩ И⟨ванович⟩ при свече, в дыму гаснущей печки. Но все это — но и *это* пройдет (Соломонов перстень)[3].

10

⟨Около 16-го ноября 1933 г.⟩[1]

Милый Вадим Викторович,

Наконец — конец.

Вписку про глаз — прилагаю.

Мой сын Мур учится в Ecole secondaire de Clamart**, в 9 кл⟨ассе⟩ за плату 75 руб⟨лей⟩ в месяц. Если нужно будет свидетельство от директора — пришлю. Платить мне *невмоготу*, а переехать в Булонь (русск⟨ая⟩ гимназия) не могла по той же причине. Надеюсь — будущей осенью. Вообще — надеюсь.(??)

Всего доброго

МЦ.

P. S. У меня есть две квитанции за его учение: Октябрь и Ноябрь.

11

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot
9-го декабря 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

(Обращаюсь одновременно ко всей Редакции)

Я слишком долго, страстно и подробно работала над Старым Пименом, чтобы идти на какие бы то ни было сокращения. Проза поэта — другая работа, чем проза прозаика, в ней единица усилия (*усердия*) — не фраза, а слово, и даже часто — слог. Это Вам подтвердят мои чернови-

---

* Перемирие *(фр.)*.
** Средняя школа в Кламаре *(фр.)*.

ки, и это Вам подтвердит каждый поэт. И каждый *серьезный* критик: Ходасевич, например, если Вы ему верите.

Не могу разбивать художественного и живого единства, как не могла бы, из *внешних* соображений, приписать, по окончании, ни одной лишней строки. Пусть лучше лежит до другого, более счастливого случая, либо идет — в посмертное, т. е. в наследство тому же Муру (он будет БОГАТ ВСЕЙ МОЕЙ НИЩЕТОЙ И СВОБОДЕН ВСЕЙ МОЕЙ НЕВОЛЕЙ) — итак, пусть идет в наследство моему *богатому* наследнику, как добрая половина написанного мною в эмиграции и эмиграции, в лице ее редакторов, *не* понадобившегося, хотя все время и плачется, что нет хорошей прозы и стихов.

За эти годы я объелась и опилась горечью. Печатаюсь я с *1910 г.* (моя первая книга имеется в Тургеневской библиотеке)[1], а ныне — 1933 г., и меня все еще *здесь* считают либо начинающим, либо любителем, — каким-то гастролером. Говорю *здесь*, ибо в России мои стихи имеются в хрестоматиях, как образцы краткой речи, — сама держала в руках и радовалась, ибо не только ничего для такого признания не сделала, а, кажется, *всё — против.*

Но и здесь мои дела не так безнадежны: за меня здесь — лучший читатель и *все* писатели, которые *все*: будь то Ходасевич, Бальмонт, Бунин или любой из молодых, единогласно подтвердят мое, за 23 года печатания (а *пишу* я — дольше) заработанное, право на существование без уреза.

Не в моих нравах говорить о своих правах и преимуществах, как не в моих нравах переводить их на монету — зная своей работы цену — цены никогда не набавляла, всегда брала что дают, — и если я нынче, впервые за всю жизнь, об этих своих правах и преимуществах заявляю, то только потому, что дело идет о *существе* моей работы и о дальнейших ее возможностях.

Вот мой ответ *по существу* и *раз-навсегда.*

Конечно — Вы меня предупреждали о 65.000 знаках, но перешла я их всего на 18.000, т. е. на 8 печатных страниц, т. е. всего только на 4 листка. Вам — прибавить 4 листка, мне — уродовать вещь. Сократив когда-то мое «Искусство при свете совести», Вы сделали его непонятным, ибо лишили его связи, превратили в отрывки. Выбросив детство Макса и юность его матери, Вы урезали образ поэта на всю его колыбель, и в первую голову — урезали читателя.

То же самое Вы, моею рукой, сделаете, выбросив середину Пимена, т. е. детей Иловайского, без которых — Иловайский он или нет — образ старика-ученого не целен, не полон. Вы не страницы урезываете, Вы урезываете образ. Чтоб на 8 стр⟨аницах⟩ сказать ВСЁ об этой сложной семейственности, сколько мне самой нужно было ОТЖАТЬ, а Вы и это отжатое хотите уничтожить?![2]

Ведь из моего «Пимена» мог бы выйти целый роман, *я́* даю — краткое лирическое Живописание: ПОЭМУ. Вещь *уже* сокращена, и силой большей, чем редакторская: силой внутренней необходимости, художественного чутья.

Если дело только в трате — выход есть: не оплачивайте мне этих 8 стр⟨аниц⟩, пусть идут на оплату типогр⟨афских⟩ расходов: денежному недохвату я всегда сочувствую: *это* для меня не урез, не это — урез.

Если же Вы находите, что вещь внутренно-длинна, неоправдано-растянута и эти 8 стр⟨аниц⟩ для читателя лишние — Старый Пимен остается при мне (я при нем), а Вам я пишу что-нибудь на те 300 фр⟨анков⟩ прошло-термового авансу, которым Вы меня когда-то выручили, за что сердечно-благодарна. Чему они в печатных знаках равняются?

Сердечный привет

Марина Цветаева

12

⟨Апрель 1934 г.⟩[1]

Милый Вадим Викторович,

Вчера, уже на полдороге от Daviel'a[2], мне вдруг показалось (м. б. воздействие надвигающейся грозы!) что в наборе пропущено:

(после последнего письма Белого, где он просит комнату и извещения в «Руле»: ОТБЫЛ В СОВ⟨ЕТСКУЮ⟩ РОССИЮ ПИСАТЕЛЬ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ).

ТАКОЕ-ТО НОЯБРЯ БЫЛО ТАКИМ-ТО НОЯБРЯ ЕГО ВОПЛЯ КО МНЕ. ТО ЕСТЬ УЕХАЛ ОН ИМЕННО В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ПИСАЛ КО МНЕ ТО ПИСЬМО В ПРАГУ, МОЖЕТ БЫТЬ, В ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ.

Умоляю проверить, и, если не поздно, вписать. (А м. б. только жара и авторские стихи!)

До свидания! Спасибо за перевязочный материал, — уже пошел в дело!

МЦ.

Вторник.

13

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot
2-го мая 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Большая просьба:

так как, очевидно, мои стихи «Ода пешему ходу» в С⟨овременных⟩ З⟨аписках⟩ не пойдут[1], верните мне их, пожалуйста, чтобы не пропала работа по переписке, — м. б. еще куда-нибудь пристрою, а нет — отправлю кому-нибудь из моих далеких корреспондентов (есть в Харбине, есть в Эстонии[2] которому это будет — радость. А у меня в П⟨оследних⟩ Нов⟨остях⟩ сидит враг[3], могущественный, к⟨отор⟩ый не пропускает моего отрывка из «Пленного Духа»[4], горячо прошенного у меня *рядом членов редакции*, и этим лишает меня 300 фр⟨анков⟩ — жизни.

Я даже подозреваю — кто́: по личному своему к нему отвращению — вернее: *от него* (отвращаться *от*).

Сердечный привет и *очень* жду «Оды», если еще не погибла в корзине.

МЦ.

14

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot
9-го мая 1934 г., среда

Дорогой Вадим Викторович,

Спасибо за заботу. Деньги очень нужны, хорошо бы — 300 фр⟨анков⟩ (режет Мурина школа!). До последней минуты я надеялась на Пос-л⟨едние⟩ Нов⟨ости⟩, но они моего Белого явно похоронили, хотя сами же просили и даже торопили[1] — (Сами — да не *те*!) Дело, думаю, в Милюкове, которому, как материалисту, все дýхи, а особенно «пленный», вроде Белого, *ничего* на земле не умеющие — должны претить, как мне — все обратное, т. е. *всéумение*.

Это гораздо глубже, чем вражда личная (да ее и нет!), это вражда — рас, двух особей, и *моя, конечно, побита — везде, всегда.*

И это мне еще наказание за отвращение к газете — ко всякой, всем![2] *Вид* ненавижу, *лист* ненавижу. Брезгую.

Такая роскошь — оплачивается.

Если увидите Демидова, запросите — в чем дело? Хотя уверена, что — *в том*.

Сердечный привет и еще раз спасибо.

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Будут мне оттиски Белого? Впрочем, Вы всегда даете, а как это меня выручает! Идут по всему свету, даже завидно.

15

Милый В⟨адим⟩ В⟨икторович⟩,

Не диффамация[1] Л⟨юбови⟩ Д⟨митриевны⟩[2], а прославление Блока (оплакивать чужого, как своего) — на этом буду строить свою «защиту», если понадобится.

Упомянула же — со слов Андрея Белого («от него я впервые узнала, что тот «Митька», к⟨оторо⟩го оплакивал Блок, не блоковский и не беловский, а ее» ...в этом роде, перечтите)[3] — и с утверждения в Берлине 1922 г. издателя *Алконоста*[4], при Эренбурге и еще ком-то (не помню, ах, да — А. Г. *Вишняк*) что у Блока *никогда не было детей*. Я, в полной невинности, думала, что это *давно известно*. (*Знали*, конечно, все, но не знаю — писали ли.)

Вам (С⟨овременным⟩ З⟨апискам⟩) мой Блок *не* подойдет, ибо там много о втором его мнимом сыне[5], в к⟨оторо⟩го я тáк поверила, что посвятила ему целый цикл стихов («Стихи к Блоку», Берлин, ⟨19⟩22 г.) и рассорилась из-за него с «Алконостом» — тогда же.

Безумно спешу, ибо последний срок сценарию. Посоветуюсь еще с Х⟨одасеви⟩чем, он знает *всё* вышедшее о Блоке и, м. б., выручит и документом.

До свидания до 18-го, 20-го (письмá)

МЦ.

5-го июля 1934 г.

– Не бойтесь! «Защищаясь» – и Вас выручу, т. е. все свалю на себя, мне все равно, у меня совесть *чиста*.

За гнев – МЕЛОК!

16

Vanves (Seine) 33, Rue Jean Baptiste Potin
24-го июля 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Наконец, вновь обрела дар письменной речи, и перо, и чернила. Пишу после ужасающего переезда и в еще очень несовершенном устройстве: совершенном расстройстве. Газа нет, света нет и когда будут – неизвестно, ибо денег – нет.

Но Бог с моими делами (Вы все равно помочь не можете!) и обратимся к нашему *делу*, а м. б. и *делам*.

Итак:

С Люб⟨овью⟩ Дим⟨итриевной⟩ история не страшна[1]. В моем тексте, по словам знатоков: *адвокатов* – ничего порочащего – нет: всё во славу Блока, а не в посрамление ее. Во-вторых же – это пересказ, что уже сильно ослабляет всякую могшую бы быть виновность. Явный пересказ слов Белого. В-третьих: ведь это – СЛУХ. Кто-то сказал Алданову. А м. б. – не сказал, не то сказал, не тот сказал. Как же мне на этот анонимат – отзываться, да еще – публично? Да что, в конце концов, я могла бы сказать? Отказаться от факта, от к⟨оторо⟩го не может отказаться сама Любовь Дим⟨итриевна⟩, я не могу – смешно – да и низко. А от порочащего умысла, – да у меня же его и нет!

И откуда бы она подала в суд?? Да если бы и подала, разбор дела был бы не раньше чем через два года. (Последнее мне говорило лицо *сведущее*, юрист.)

Итак, давайте успокоимся. Впрочем, если лицо, передавшее якобы обиду Л⟨юбови⟩ Д⟨митриевны⟩, назовется, охотно *ему* отвечу: когда услышу в точности – что́ я такого, якобы, сделала и что́ она, в точности, сказала.

Второе дело. Нужна ли вещь для С⟨овременных⟩ З⟨аписок⟩, и когда, и максимальный размер. О Блоке писать не могу. Вся *моя* встреча с ним по поводу его другого сына и кажется такого же не-его, как «Митька». А мать – весьма жива и очень когтиста, кроме того ежелетно ездит за границу – и эта уж – непременно засудит![2]

Предлагаю вещь из детства, то, о чем я Вам уже писала[3], она уже вчерне написана, но доканчивать я ее буду только, если будет *надежда* на помещение, иначе придется взяться за какой-нибудь солидный перевод – жить не на что.

Очень прошу Вас, милый Вадим Викторович, *поскорей* ответьте: нужна ли, размер, и сообщите новые *условия*, которых я так и не знаю.

Всего доброго, жду весточки

МЦ.

17

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
23-го сент⟨ября⟩ 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Узнала — по слухам — будто Вы запрашивали обо мне Сосинского: где я и чтó я — и чтó с рукописью.

Перед отъездом, т. е. в конце июля, я получила от Вас письмо, на *которое ответила*. Летом неопределенно ждала от Вас оклика, но так как Вы не окликали, я и не торопилась.

Рукопись есть. — «Мать и музыка» — но, кажется, велика: по моему расчету 62220 знаков. Хотела ее *для вечера*, но если Вы возьмете, дам Вáм. Другого у меня ничего нет.

Когда нужно сдать? Она почти переписана.

Жду ответа. Были с Муром на ферме возле Trappes* и только что вернулись.

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩
Когда выходит №? Мне важно — для вечера[1].

18

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
26-го сент⟨ября⟩ 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

— Ничего. —

Во-первых, я сама виновата, что еще раз Вас не окликнула — для верности.

Во-вторых, пойди вещь *сейчас*, у меня бы ничего не было для вечера, который мне нужен до зарезу.

Итак — до следующего номера!

А в Посл⟨едние⟩ Нов⟨ости⟩ я и не собиралась давать отрывков, *тогда* дала только потому что *они* просили, а просили из-за *Белого* (имени)[1]. В данной же вещи ничего именнóго и злободневного нет, — мое младенчество и молодость моей матери.

Сердечный привет

МЦ.

— А стихов Вам не н⟨ужн⟩о? Иль № уже отпечатан?

19

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
7-го Октября ⟨ноября⟩ 1934 г.[1]

Милый Вадим Викторович,

Очень жаль, что не были — вечер прошел очень хорошо, и было даже уютно — от взаимной дружественности.

---

* Люк, подъемное окно *(фр.)*.

А та вещь, которую Вы просите прислать на просмотр — пустячок, на 10 мин⟨ут⟩ чтения вслух — и никакого отношения к «Мать и Музыка» не имеет: просто диалог, верней *три*алог, а успех имела потому что — веселая[2].

Кроме того, она сразу была предназначена для Посл⟨едних⟩ Новостей — на небольшой фельетон.

«Мать и Музыка» вышлю на днях, кто-нибудь завезет на Rue Daviel. М. б. и стихи какие-нибудь присоединю, хотя мало верю, что вы (множеств⟨енное⟩ число!)[3] — поместите: из-за ЛЕГЕНДЫ, что мои стихи — темны.

Пока до свидания — в рукописи!

— Неужели эмиграция да т погибнуть своему *единственному* журналу?[4] Какой позор. На *всё* есть деньги (— у богатых, а они — *есть*!) — на картеж, на меха, на виллы, на рулетку, на издание идиотских романов — все это *есть* и *будет* — а журналу дают сдохнуть.

Это — *настоящий* позор исторический.

Во всяком случае, *у Вас* должно быть чувство полного удовлетворения: Вы, своими силами, делали все, что могли — до конца. Но ч*т*о́ «силы» перед — КАРМАНАМИ: ПОРТФЕЛЯМИ.

Какая все это — мерзость! И как хочется об этом сказать — открыто: в лица тем, у которых на лице вместо своей кожи — *КОЖАНАЯ*, (нет, *лучше* нашла!) — *СВИНАЯ*.

Итак — до свидания: может быть — последнего.

МЦ.

20

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
27-го ноября 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

А у меня случилось горе: гибель молодого Гронского[1], бывшего моим большим другом. Но вчера, схоронив, — в том самом медонском лесу (новое кладбище), где мы с ним так много ходили — п. ч. он был пешеход, как я — сразу села за рукопись[2], хотя так не хотелось, — ничего не хотелось!

Она совсем готова, только местами сокращаю — для ее же цельности. Надеюсь доставить ее Вам в четверг: Мурин свободный день, а то не с кем оставить, меня никогда нет дома, а в доме вечный угар — и соседи жутковатые.

Есть и стихи, м. б., подойдут[3].

Длина рукописи — приблизительно 52.200 печатн⟨ых⟩ знаков, но это уже в сокращенном виде.

До скорого свидания!

МЦ.

Жаль твердого знака, не люблю нецельности, но это уже вопрос моего максимализма, а конечно, прочтут и без твердого.

Вообще, жить — сдавать: одну за другой — все *твердыни.* (Я лично твердый знак люблю, как человека, действующее лицо своей жизни, так же, как Ѣ.)

21

Vanves (Seine) 33, J. B. Potin
13-го дек⟨абря⟩, четверг ⟨1934 г.⟩

Милый Вадим Викторович,

Корректуру — самое позднее — получите завтра, в пятницу. Не сердитесь, но два подсомненных для Вас места (о нотах и, позже, о «правой» и «левой») я отстаиваю, ибо и так уж рукопись сокращена до предела. Кроме того, *первого* еще никто не отмечал, а второе — вообще показательно для ребенка (невозможность представить себе вещь с другой стороны) — и кроме всего — ведь это такое маленькое!

(А какая грязная была рукопись! У — жас — ная! Отсылала ее с отвращением...)

А почему Вы против «УМОЛКШЕЙ птице». Ведь *две* формы: умолкший и умолкнувший, я беру короткую. Я там, выскребая Вашу поправку, до дыры проскребла и теперь не знаю, что делать. (Мне УМОЛКШЕЙ — милее ритмически.) Да, в подтверждение мне: несмолчность — несмолкаемость, тоже две формы, — немолчность — неумолкаемость. Это уж — корень такой?

Приложу отдельный листок особенно-опасных опечаток. А корректор Вы — чудный, после Вас почти ничего не остается делать.

Всего доброго!

МЦ.

Читали в Посл⟨едних⟩ Нов⟨остях⟩ поэму Гронского?[1] Погиб настоящий поэт.

22

⟨14-го декабря 1934 г.⟩[1]

Милый В⟨адим⟩ В⟨икторович⟩

(Страшно спешу.) Вчера не ответила на ряд вещей, п. ч. не знала, что в моем тексте — письмо.

О кавычках и тире. Кавычки у меня *только* в таких случаях:

«...это тебя не касается». Тогда я, обиженная...

если же

...это тебя не касается, сказала мать —

то *без* кавычек. Кавычки только, чтобы не сливалось, а во втором случае слиться не может. Это у меня проведено строжайшим образом, проверьте в любом месте.

Прилагаемые 2 листочка — наборщику, там все *основное* выписано, ему будет легче, а нам с Вами — спокойнее.

Если Аля Вас застанет, передайте ей, пожалуйста, бунинские деньги, за к⟨отор⟩ые — спасибо.

Да! А Муру книжку очень хотела бы какую-нибудь русскую — посерьезнее и потолще, не детскую, какого-нибудь классика. И был бы подарок на Рождество. Нет ли, случайно, Жуковского?

Но — всякое даяние — благо, и вообще — спасибо.

Желаю удачи с N. А что — если бы устроить вечер в пользу С⟨овременных⟩ З⟨аписок⟩ и притянуть Бунина? Я бы охотно и бескорыстно выступила (но не одна). *Подумайте*!

МЦ.

Пятница

23

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
31-го декабря 1934 г.

С Новым Годом, дорогой Вадим Викторович!

Дай Бог — Вам и журналу...

А пока, как новогодний Вам подарок — 4 артистически-урезанные, в самом конце, строки — переверстывать придется самую малость.

Новый Год встречаю одна, как большевики пишут: — «Цветаева все более и более дичает»[1].

Алю наверное увидите на вечере Красного креста.

Большая просьба: я давным-давно должна А. И. Андреевой деньги, и все не могу вернуть из-за тянущейся канители с «Посл⟨едними⟩ Новостями». Если можно, вышлите ей из моего гонорара *60* фр⟨анков⟩ по адр⟨есу⟩

Mme Anna Andréieff
24, Rue de la Tourelle
Boulogne (Seine)

— она в кровной нужде: стирает белье, и т. д., и я уже ей не могу на глаза показаться.

Сердечный привет и лучшие пожелания.

МЦ.

Выпуск отчеркнут красным: ровно 4 строки в конце последней стр⟨аницы⟩.

Руднев Вадим Викторович (1879—1940) — врач по образованию, избирался городским головой Москвы. После революции эмигрировал. Бессменный соредактор журнала «Современные записки», последние годы секретарь редакции, выполнявший всю техническую и административную работу. Многолетний член Исполнительного комитета парижского Земгора.

С В. В. Рудневым М. Цветаева близко знакома не была никогда. Преобладающий тон их переписки — деловой. В письмах прослеживается история публикации в «Современных записках» крупных прозаических вещей Цветаевой, таких, как «Живое о живом», «Дом у Старого Пимена», «Пленный дух», «Мать и музыка». Подробности о взаимоотношениях Цветаевой с редакцией журнала см.: Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. (Indiana University Publications. 1957. С. 146—148); Крейд В. Марина Цветаева и «Современные записки» (Новый журнал. 1990. № 178. С. 258—269).

Впервые — письма 1—11, 13, 14, 16, 18, 19, 21—23 — Новый журнал. 1978, № 133. С. 189—211 (публикация Г. Лимонт); письма 12 и 15 — *Звезда*. 1995. № 2. С. 87—89 (публикация Е. И. Лубянниковой и Л. А. Мнухина), письма 17 и 20 — Новый журнал. 1990. № 178. С. 268—269 (публикация В. Крейда). Письма печатаются по текстам первой публикации с исправлением неточностей по копиям с оригиналов.

1

[1] Скорее всего, речь идет об оттисках окончания статьи «Искусство при свете совести» и стихотворения «Дом» («Из-под нахмуренных бровей...»), опубликованных в только что вышедшем № 51 «Современных записок».

[2] В рецензии на очередной номер «Современных записок» (№ 51) Г. В. Адамович «милостиво» писал:

«Особняком, как всегда — Марина Цветаева. Кто ее стихи любит, тому придется по сердцу и «Дом».

Почти то же самое мне хотелось бы сказать и о цветаевской статье, в этом номере законченной, — «Искусство при свете совести»: — кто Цветаеву любит, тот с увлечением прочтет и эти ее размышления. Ни об искусстве, ни о совести, ни об искусстве при свете совести он решительно ничего не узнает. Но кое-какие сведения о самой Цветаевой, кое-какие данные для постижения ее щедрой и капризной натуры получит. Цветаева принадлежит к тем авторам, которые только о себе и могут писать. Пишет она, во всяком случае, интересно. Спасибо и на этом». (Последние новости. 1933. 2 марта.)

[3] О задолженности Цветаевой по уплате налогов см. письмо 67 к А. А. Тесковой (т. 6).

[4] Имеется в виду окончание очерка «Живое о живом». См. т. 4.

[5] См. письмо В. В. Руднева к Цветаевой, цитируемое в письме 11 к Г. П. Федотову.

2

[1] Речь идет о сокращениях очерка «Живое о живом», предпринятых редакцией журнала «Современные записки». См. также письмо 9.

[2] В начале 1933 г. Цветаева послала текст своих воспоминаний о Волошине М. В. Сабашниковой, его первой жене (см. о ней комментарий 3 к письму 11 к Г. П. Федотову), с указанием мест в очерке, выкинутых редакцией. В апреле 1933 г. от М. В. Сабашниковой пришло «чудное» (см. письмо 11 к Г. П. Федотову) ответное письмо (текстом его мы не располагаем). Тогда же и по тому же поводу Сабашникова писала другой своей корреспондентке — М. С. Цетлиной:

«〈...〉 Когда получилось известие о смерти Макса и мне стали посылать эти плоские и частью издевательские статьи о нем, мне хотелось найти Вас, и, зная, как Макс любил Вас обоих и как Вы с ним были дружны, просить Вас что-нибудь сделать, чтобы сохранить его образ, таким путем искаженный в эмиграции.

Неужели мало его мученичества в Советской России!

Между тем я получила от Марины Цветаевой ее прекрасные воспоминания о нем. Это миф о Максе, то есть правда о нем. Для многих эти воспоминания были большим удовлетворением. Макса больше знают и ценят в культурном мире, чем это можно думать. Один известный немецкий композитор, живший всегда в России, побывав теперь в Париже, где исполнялись его вещи, говорил мне, что в эмиграции подчас так же преследуется все духовное, как в Советской России. Я поверила ему, когда видела, *что* вычеркнула редакция «Современных записок» из воспоминаний. Это такое же безвкусие, как если бы в равеннских мозаиках замазали золотой фон. Все остальное без конца, который целиком вычеркнут, просто не имеет смысла, или имеет стиль анекдотов. Я слышала, что Вы имеете отношение к «Совр〈еменным〉 запискам» и хотела просить Вас заступиться за Макса, спасти его истинный образ.

Помните, каким верным другом он был всегда; он бы за каждого из нас заступился, и я думаю, что во имя этой дружбы Вы, верно, что-нибудь можете достичь в этом направлении. Эти последние страницы воспоминаний, как завет самого Макса — лучшее, что он дал нам. Это, действительно, «живое о живом»! И *нужное* душам, захлебывающимся в болоте». (Новый журнал. 1990. № 178. С. 259.)

3

[1] Корректура второй части очерка «Живое о живом» (Современные записки. 1933. № 53).

[2] Речь идет об эпизоде в «Живое о живом», связанном с В. Ф. Ходасевичем и поэтессой Марией Паппер. См. очерк в т. 4 и письмо 1 к В. Ф. Ходасевичу.

[3] См. письмо 80 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и комментарий 3 к нему.

4

[1] См. комментарий 2 к предыдущему письму.

[2] «...некоторые взгляды Цветаевой были очень далеки и чужды всем членам редакции, не исключая и Руднева ⟨...⟩ Что же касается совершенно «непонятных для себя вещей», как издевалась Цветаева над теми, кто «не уставали (их) печатать»,—действительно, скажу за себя, я всегда противился их напечатанию». (Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. С. 148.)

[3] Воспоминания В. Ф. Ходасевича о встрече с Марией Паппер были опубликованы в газете «Возрождение», 1935, 10 января. («Неудачники. Из воспоминаний»). Автор воспоминаний предварил их словами: «...пересказ Цветаевой вышел неточен—не по ее вине: я рассказывал Волошину, Волошин ей—да и то было, по крайней мере, лет пятнадцать тому назад».

[4] Ср. у В. Ф. Ходасевича: «Мы же с Цветаевой ⟨...⟩, выйдя из символизма, ни к кому и ни к чему не пристали, остались навек одинокими, «дикими» («Младенчество»—Возрождение. 1933. 12 октября).

[5] См. статью В. Ф. Ходасевича «О Верстах» (Современные записки. 1926. № 29), а также комментарии к письму к П. П. Сувчинскому и Л. П. Карсавину.

[6] Слова Роксаны из 4-го акта комедии Э. Ростана «Сирано де Бержерак» в переводе Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник (1874—1952).

[7] Речь идет о стихотворном цикле «Стол» (см. т. 2).

5

[1] О неприятии «Последними новостями» очерка об Иловайском см. письмо 10 к В. Н. Буниной.

[2] Вероятно, речь идет об откликах на публикацию очерка «Музей Александра III» (Последние новости. 1933. 1 сентября). В. В. Руднев писал Цветаевой: «...о Музее читал с большим интересом в «Посл⟨едних⟩ Нов⟨остях⟩» (См. письмо 14 к В. Н. Буниной).

6

[1] Подробнее о работе Цветаевой над «Домом у Старого Пимена» (1. «Дедушка Иловайский». 2. «Дом у Старого Пимена») см. письма к В. Н. Буниной.

[2] Замысел Цветаевой подготовить для журнала прозу о Блоке осуществлен не был. В 1934 г. она писала: «Когда буду когда-нибудь рассказывать о Блоке...» («Пленный дух»). См. также письмо 80 к А. А. Тесковой (т. 6) и письмо 33 к В. Н. Буниной.

7

[1] В 1933 г. Ремизов и его жена Серафима Павловна переехали на квартиру по адресу: 7, Rue Boileau, 16ᵉ. В ней писатель прожил до конца своих дней.

[2] Е. И. Ширинская-Шихматова. См. о ней комментарий 3 к письму 17 к В. Н. Буниной.

[3] «Дом у Старого Пимена».

[4] Имеются в виду оттиски двух частей «Живого о живом» (№ 52 и 53 «Современных записок»).

9

[1] Речь идет о получении И. А. Буниным Нобелевской премии. См. письмо 20 к В. Н. Буниной.

[2] 11 ноября во Франции празднуют день окончания первой мировой войны.

[3] По преданию на перстне царя Соломона было написано: «И это пройдет». См. об этом стихотворение М. Цветаевой «Минута» (т. 2).

10

[1] Датируется по содержанию данного и предыдущего письма (16 ноября — четверг).

11

[1] К началу 1930-х годов Тургеневская библиотека, кроме «Вечернего альбома», располагала еще несколькими книгами Цветаевой: «Версты 1» (1922), «Царь-Девица» (Берлин, 1922), «Психея» (1923), «Ремесло» (1923), «Мóлодец» (1924). (Тургеневская общественная библиотека. Каталог по беллетристике. Париж, 1924. С. 119; вып. II, 1929. С. 50.)

[2] В конце концов «Дом у Старого Пимена» был напечатан без сокращений. «Присылайте рукопись Вашего «Домика у старого Пимена»: согласно Вашему желанию, она будет напечатана полностью.

Мне не хочется сейчас говорить относительно содержащихся в Вашем письме упреков и обвинений по адресу редакции «С⟨овременных⟩ З⟨аписок⟩». Я не считаю их справедливыми. Но, во всяком случае, в будущем нам совершенно необходимо договориться так, чтобы исключить самую возможность повторения весьма тягостных и для Вас, и для нас положений», — писал В. В. Руднев Цветаевой в ответном письме (Новый журнал. 1990. № 178. С. 267).

12

[1] Датируется условно по содержанию. Журнал «Современные записки» (№ 55), где публиковался «Пленный дух», вышел в первой половине мая 1934 г. Текст, о котором Цветаева сообщает в письме, был в нем напечатан.

[2] Daviel — полный адрес редакции и конторы «Современных записок»: 6, Rue Daviel, Paris, 13ᵉ.

13

[1] См. комментарий 7 к письму 21 к Р. Н. Ломоносовой.

[2] *...далеких корреспондентов ...в Харбине ... в Эстонии* — соответственно А. Несмелов (см. письмо 5 к Р. Н. Ломоносовой и комментарий 1 к нему) и Ю. П. Иваск (см. письма к нему).

[3] П. Н. Милюков. См. следующее письмо.

[4] Отрывок из «Пленного духа» все-таки был опубликован в «Последних новостях». См. письмо 24 к В. Н. Буниной и комментарий 1 к нему.

14

[1] См. комментарий 4 к предыдущему письму.

[2] Свое отношение к газетам и их читателям Цветаева выразила в стихотворении «Читатели газет» (1935). См. т. 2.

15

[1] *Диффамация* — публикование порочащих кого-либо сведений (лат.).

[2] Блок (урожденная Менделеева) Любовь Дмитриевна (1881 — 1939) — драматическая актриса, жена А. А. Блока.

[3] Неточная цитата из «Пленного духа». В очерке: «Тут же я впервые узнала о сыне Любови Димитриевны, ее собственном, не блоковском, не беловском — Митьке...» и т. д. (См. в т. 4 вместе с комментарием). В связи с этой публикацией в редакции журнала, возможно, назревал скандал. Ср., например: в рецензии П. Трубникова [П. Пильского] на «Современные записки» (№ 55) рассказ Цветаевой о сыне Блока иронически назван «нежданной новостью» (Сегодня. Рига. 1934. 30 мая). См. следующее письмо.

[4] *Алъконост* — издательство «Алконост» (1918 — 1923). *Издатель* — Алянский Самуил Миронович (1891 — 1974), руководитель издательства, по сути дела и единственный его технический работник. Первая книга издательства «Алконост», вышедшая в июне 1918 г. (А. Блок. «Соловьиный сад»), имела гриф «Альконост». В последующих изданиях ошибка была исправлена.

[5] О «втором» сыне Блока см. письма 11 и 14 к Р. Б. Гулю и комментарии к ним (т. 6), а также письмо 19 к В. Н. Буниной.

16

[1] См. предыдущее письмо и комментарий 3 к нему.

[2] Речь идет о Надежде Александровне Нолле-Коган. См. комментарий 3 к письму 11 к Р. Б. Гулю (т. 6).

[3] См. очерк «Мать и музыка» (т. 5) и следующее письмо. *...о чем я Вам уже писала* — в предыдущих письмах Цветаевой о «вещи из детства» ничего не сообщалось.

17

[1] Чтение Цветаевой прозы «Мать и музыка» состоялось 1 ноября 1934 г. См. также письма 113 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и 27 к В. Н. Буниной.

18

[1] См. письмо 13 и комментарий 4 к нему.

19

[1] Датировка письма исправляется по содержанию. В нем речь идет о вечере, состоявшемся 1 ноября.

[2] *...та вещь* — «Сказка матери» (см. комментарий 10 к письму 27 к В. Н. Буниной). *...триалог* — действующие лица «Сказки матери»: мать, Марина, Ася.

[3] В период 1932 — 1938 гг. стихи Цветаевой публиковались в 12 (из 18) номерах «Современных записок».

[4] Помимо наметившегося в редакции раскола (см.: Вишняк М. В. «Современные записки») журнал испытывал все большие материальные затруднения.

20

[1] Н. П. Гронский. См. письма к нему.

[2] Речь идет о завершении подготовки к публикации очерка «Мать и музыка».

[3] Вместе с очерком «Мать и музыка» редакцией «Современных записок» в № 57 было принято к публикации стихотворение «Тоска по родине! Давно...» (см. т. 2).

21

[1] «Белла-Донна». См. письмо 78 к А. А. Тесковой (т. 6).

22

[1] Датируется по содержанию предыдущего письма.

23

[1] В статье «Да был ли мальчик?..», посвященной эмигрантской поэзии, советский журналист Г. Хохлов писал: «...Марина Цветаева – очень талантливый человек, гибнущий от злой патриотической косности и социального одичания». (Литературная газета. 1934. 12 марта.)

Г. В. АДАМОВИЧУ

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
31-го марта 1933 г.

Милый Георгий Викторович,

Большая просьба: 20-го у меня доклад – Эпос и лирика Сов⟨етской⟩ России[1] – т. е. то, что печаталось в Нов⟨ом⟩ Граде + окончание, как видите – приманка сомнительная. Не можете ли Вы придти мне на выручку, т. е. сказать о сов⟨етской⟩ поэзии, *чтó угодно, но заранее дав мне название*, – как бы ни было коротко то, что Вы собираетесь сказать, – чтобы мне можно было дать в газетах. На этот раз мне придется выезжать на содокладчиках, ибо вещь во-первых коротка, во-вторых частично уже напечатана, а другой у меня сейчас нету, п. ч. всю зиму писала по-французски[2].

Но – главное – будете ли Вы в Париже 20-го апреля?[3] – (Четверг пасхальной недели).

Не пугайтесь содоклада, п. ч. прошу еще нескольких, – дело не в длительности, а в разнообразии, – если я́ устала от себя на эстраде, то каково же публике!

Вечер, увы, термовый и даже с опозданием на 5 дней – но нельзя же читать о Маяковском как раз в первый день Пасхи!

Вы *чудесно* выступили на ⟨Бл⟩* Жиде[4] (почему я чуть было не написала о Блоке? М. б. в связи с Пасхой, – единственно о ком бы, и т. д.), т. е. сказали как раз тó, что сказала бы я. Иного мерила, увы, у нас нету!

---

* Зачеркнуто.

А каков Мережковский с chien и parfum??* [5] Слава Богу, что Вайан[6], по глупости, не понял. КАКОЙ ПОШЛЯК! БЕДНЫЙ ЖИД!

До свидания! Жду ответа. Если *да* — не забудьте сказать — о чем.

МЦ.

〈Приписка на полях:〉

Будете отвечать — дайте мне пожалуйста свой адрес: противно писать в пустоту: на газету.

Адамович Георгий Викторович (1892** — 1972) — поэт и литературный критик. Входил в созданный акмеистами «Цех поэтов». С 1923 г. в эмиграции, обосновался в Париже. Один из ведущих критиков русского зарубежья, руководил литературно-критическим отделом журнала «Звено», постоянно вел отдел критики в «Последних новостях». Г. В. Адамовичу принадлежат более 40 откликов на произведения Цветаевой, откликов самых различных, от хулы до хвалы, но ча е всего содержащих и то и другое. Его критические статьи о поэтах в периодике, вместе с подобными статьями еще нескольких критиков, послужили поводом для написания Цветаевой статьи «Поэт о критике» (см. т. 5).

Знакомство Цветаевой с Адамовичем состоялось в январе 1916 г. в доме Канегиссеров в Петербурге (см. комментарии к очерку «Нездешний вечер» в т. 4). В эмиграции их встречи с начала 1926 г. были частыми и более или менее регулярными. Происходили они, главным образом, на литературных вечерах Союза молодых поэтов, объединения «Кочевье», франко-русских собеседованиях, вечерах «Чисел» и др. и продолжались вплоть до 1938 г.

Впервые — *НП.* С. 388 — 389. Печатается по тексту первой публикации.

[1] О вечере 20 апреля 1933 г. см. комментарий 2 к письму 104 к С. Н. Андрониковой-Гальперн. «Эпос и лирика современной России» — см. т. 5 и письма к Г. П. Федотову.

[2] Речь идет о «Флорентийских ночах». См. также письмо 67 к А. А. Тесковой (т. 6) и письмо 103 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[3] Сведений об участии Адамовича в вечере Цветаевой обнаружить не удалось, скорее всего, его там не было.

[4] *Жид* Андре — см. письмо к нему. Вечер под названием «Андре Жид и СССР», организованный журналом «Числа», состоялся 28 марта 1933 г. в зале «Сосьэте Савант» (8, rue Danton). В № 9 «Чисел» был напечатан о нем краткий отчет (С. 199): «После вступительного слова Г. Адамовича, пытавшегося уяснить психологические причины эволюции Андре Жида, Д. С. Мережковский красноречиво охарактеризовал советский строй, как неслыханное рабство, уничтожающее и умерщвляющее не только тело, но и дух. После выступлений А. Даманской и Г. Федотова слово было дано Вайяну-Кутюрье, выступившему с крикливой апологией советского строя и коммунизма. Вайяну-Кутюрье чрезвычайно убедительно возразил М. Слоним, подчеркнувший, что он говорит от лица соц〈иал〉-революционеров и критикует утверждения Вайяна-Кутюрье не справа, а слева, и, перефразировав слова самого А. Жида, заявил, что «коммунизм есть плохо играемая пьеса».

Речь Слонима вызвала шумное одобрение большинства и не менее шумные протесты многочисленных коммунистов, присутствующих в зале.

После вторичного, демагогического выступления В.-Кутюрье Н. Оцуп закончил прения, вновь их переведя в область литературно-психологическую».

[5] См. выше отчет о вечере.

[6] *Вайан* — Вайян-Кутюрье Поль (1892 — 1937) — французский писатель, видный деятель коммунистического движения, главный редактор газеты «Юманите» (с 1926 г.).

---

* Собакой и духами *(фр.).*

** По некоторым источникам: 1894.

В. Ф. ХОДАСЕВИЧУ

1

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
12-го июля 1933 г.

Милый Владислав Фелицианович,

— Не удивляйтесь —

Только что получила от Руднева письмо с следующей опаской: — в моей вещи о Максе Волошине я даю его рассказ о поэтессе Марии Паппер и, между прочим, о ее Вас посещении[1]. Всего несколько строк: как поэтесса всё читает, а Вы всё слушаете. Вы даны *очень* милым и живым, *всё* сочувствие на Вашей стороне (верьте моему такту и esprit de corps*: *я* настоящих поэтов *никогда* не выдаю, и, если ругаю — бывает! — то знаю, кому: никогда не *низшим*). Словом, десятистрочная сценка, кончающаяся Вашим скачком: «простите, мне надо идти, ко мне сейчас придет приятель, и меня ждет издатель...» А через неделю — сидит поэт, пишет стихи — нечаянный взгляд в окно: а в окне — за окном — огромные мужские калоши, из калош шейка, на шейке головка... И тут обрывается.

Вы — явно dans le beau role**: серьезного и воспитанного человека, которому мешает *монстр*. Весь рассказ (как он и был) от имени Макса Волошина.

И вот Руднев, которого научил Вишняк, убежденный, что все поэты «немножко не того», опасается, как бы Совр⟨еменным⟩ Запискам от Вас — за *МОЙ* рассказ!!! — не нагорело. (NB! *Авторской* ответственности они (Записки) совершенно не признают.)

— Как быть? — пишет Руднев. Заменить Ходасевича — вымышленным именем? Вовсе выбросить сценку? Спрашивать разрешения у Ходасевича — что-то глупо...

А я нахожу — вовсе нет. И вот, спрашиваю. Если Вы меня знаете, Вы бояться *не* будете. Если забыли — напоминаю. Если же, и зная, несогласны — напишу вместо Вас просто: ПОЭТ, хотя, конечно, прелести и живости убудет.

Пишу Вам для окончательной очистки совести. Вы, конечно, можете мне ответить, что никакой Марии Паппер не помните, но она *наверное* у Вас была, ибо она — собирательное.

До свидания, ОЧЕНЬ прошу Вас отозваться сразу, ибо должна вернуть корректуру.

Всего доброго *М. Цветаева.*

«Я великого, нежданного,
Невозможного прошу.
И одной струей желанного
Вечный мрамор орошу»[2].
(Мария Паппер. — Парус. — 1911 г.)

— вот, чем она Вас зачитывала —

---

* Сословный дух *(фр.)*.
** В хорошей роли *(фр.)*.

2

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
19-го июля 1933 г.

Милый Владислав Фелицианович,

Помириться со мной *еще* легче, чем поссориться. Нашей ссоры совершенно не помню, да, по-моему, *нашей* и не было, ссорился кто-то — и даже что-то — возле нас, а оказались поссорившимися — и даже поссóренными — мы.

Вообще — вздор. Я за одного настоящего поэта, даже за половинку (или как ⟨в⟩ Чехии говорили: осьминку) его, если бы *это* целое делилось! — отдам сотню настоящих не-поэтов.

Итак —

Осенью будем соседями, потому что из-за гимназии сына переезжаем в Булонь.

Как давно я не училась в гимназии! Прыжки с кровати, зевки, звонки — даже жуть берет! И главное — на сколько лет! (Он поступает в первый приготовительный.) У меня было два неотъемлемых счастья: что я больше не в гимназии и что я больше не у большевиков — и вот, одно отнимается...

Итак — до октября! Тогда окликну.

Паппер (Марию) перечла с величайшей, вернее — мельчайшей тщательностью и ничего не обнаружила, кроме изумительности Вашего терпения: невытравимости Вашей воспитанности.

Спасибо!

МЦ.

3

15-го апреля 1934 г.

Когда я, несколько лет тому назад, впервые подъезжала к Лондону[1], он был весь во мне — полный и цельный: сразу утренний, ночной, дождевой, с факелами, с Темзой, одновременно втекающей в море и вытекающей из него, весь Лондон с Темзой aller et retour*, с лордом Байроном, Диккенсом и Оскар Уайльдом — сосуществующими, Лондон всех Карлов и Ричардов, от А до Z, весь Лондон, втиснутый в мое *представление о нем,* вневременное и всевременное.

Когда же я приехала в Лондон, я его не узнала. Было ясное утро — но где Лондон туманов? Нужно ждать до вечера; но где Лондон факелов? В Вестминстерском аббатстве я вижу только один бок — но где оно — целиком, со всех сторон сразу?

Мгновенности: места в автобусе, табачные лавки, монеты, опускаемые в отопление, случайности времяпрепровождения и собственного самочувствия, и — всюду лицо N., в моем Лондоне непредвиденного.

---

* Приливной и отливной *(фр.).*

15 зак 162

Город на моих глазах рассыпался день за днем, час за часом рассыпáлся на собственные камни, из которых был построен, я ничего не узнавала, всего было слишком много, и всё было четко и мелко — как близорукий, внезапно надевший очки и увидевший 3/4 *лишнего.*

Лондон на моих глазах рассыпáлся — в прах. И только когда его не стало видно, отъехав от него приблизительно на час, я вновь увидела его, он стал возникать с каждым отдаляющим от него оборотом колес — весь целиком, и полнее, и стройнее; а когда я догадалась закрыть глаза, я вновь увидела его — *мой*, целый, с Темзой aller et retour, с Гайд-Парком, соседствующим с Вестминстерским аббатством, с королевой Елизаветой[2] об руку с лордом Байроном, Лондон единовременный, единоместный, Лондон вне- и всевременный.

Конечно, это — налет. Останься я в нем, *живи* я в нем, *без* посещений Музеев и Аббатств, где-нибудь в *норе, не* глядя на него, но тáк, кругóм ощущая — он бы вошел сквозь мои поры, как я в него — сквозь его, каменные.

Есть три возможности познания.

Первое — *под вéками*, не глядя, всё внутри, — единственное полное и верное.

Второе — когда город рассыпается, не познание, а незнание, налет на чужую душу, *туризм.*

Третье — сживанье с вещью, терпение от нее, претерпевание, незанимание ею, но проникновение ею.

Так вóт — не удивляйтесь, милый В⟨ладислав⟩ Ф⟨елицианович⟩ — вот почему, когда Вы написали о встрече, беседе, я — задумалась.

Вовсе не претендуя на «целого и полного» Вас, на это исчерпывающее и одновременно неисчерпаемое творческое знание, я все же, наедине хотя бы со звуком тех Ваших интонаций в ушах или букв Вашего письма — больше, лучше, цельнее, полнее, вернее Вас знаю, чем — сидя и говоря с Вами в кафе, в которое Вы придете из своей жизни, а я — из своей, и — того хуже: каждый из своего *дня*, никогда ничего общего с жизнью не имеющего.

Если бы, как люди в старые времена, когда было еще время на дружбу, вернее — когда дружба считалась хлебом насущным, когда для нее *должно* было быть время, хотя бы четвертый час утра... итак, будем говорить просто ⟨*неразб*⟩ — если бы у этого кафе было будущее, завтрашний день, длительность, я бы сказала *да* (не Вам, это я не так скажу, а *внутри* себя!) — я бы просто перевела *то* общение на *это*, там — на здесь (хотя мне это *всегда* безумно трудно, я не привыкла к теснотам, а никогда *в жизни* такой не бывает свободы, полной и предельной, как внутри, — и не может быть)...

О да, у жизни, как она ни тесна, есть *своя* прелесть и *сила* — хотя бы звук живого голоса, ряд неуловимостей, которых не вообразишь.

Но тáк, туристически, налетом... Смотреть, который час (я же первая буду смотреть, только об этом и буду думать...).

Для этого надо быть человеком городским, общительным, бронированным, дисциплинированным, отчасти даже коммерческим, неуязвимым всем своим равнодушием — к душам, безразличием — к лицам.

Ничего этого во мне нет, а всё — обратное.

Этот (девятый уже!) мой Париж[3] я вообще ни с кем не вижусь, все мои реальные отношения с людьми роковым образом (и рок этот — я, т. е. все мое — от меня) — разрушаются, вернее — рассеиваются, как дни, а последние годы — *годы* — я вообще ни с кем не общаюсь — само случилось, — и знаю, почему: связанность домом, отдаленность Кламара, мое отсутствие привычки к женской «теплоте» — это все ищут, а вовсе не:

легкий огнь, над кудрями пляшущий,
Дуновение — вдохновения...[4]

А все-таки очень хочу с Вами повидаться, хотя бы, чтобы сообщить последние сомнения редакции «Современных записок» относительно моей прозы[5] — и вообще всякое другое... Не могли ли бы приехать ко мне — *Вы*, к 4-м часам. Ведь — просто! Есть № 89 трамвая, доходящий до Clamart-Fourche, а от Fourche — первая улица налево (1 минута).

И есть вокзал Монпарнас с самыми обыкновенными поездами. Вот — поезда, выписаны в точности, безошибочно. Ответьте, *когда* и какой поезд. Встретим Вас с сыном, посидим у меня и побеседуем спокойно. Иного способа свидеться — нет.

МЦ.

4

〈Май 1934 г.〉

Нет, *надо* писать стихи. Нельзя дать ни жизни, ни эмиграции, ни Вишнякам, ни «бриджам»[1], ни всем и так далеям — этого торжества: заставить поэта обойтись без стихов, сделать из поэта — прозаика, а из прозаика — покойника.

Вам (нам!) дано в руки что-то, чего мы не вправе ни выронить, ни переложить в другие руки (которых — нет).

Ведь: чем меньше пишешь, тем меньше хочется, между тобой и столом встает уже вся невозможность (как между тобой и любовью, из которой ты *вышел*).

Конечно, есть пресыщение.

Но есть и истощение — от отвычки.

Не отрешайтесь, не отрекайтесь, вспомните Ахматову:

А если я умру, то кто же
Мои стихи напишет Вам?[2] —

не Вам и даже не всем, а просто: *кто — мои* стихи...

Никто. Никогда. Это невозвратно. Вы обкрадываете *Лирику 〈неразб〉*, безглагольную, как всякое *до*, беспомощную, не сущую без нас, *поэтов*.

И именно потому, что нас мало, мы не вправе...

Это меня беспокоит *до тоски* — мысль о возможности такого рядом, почти *со мной*, ибо я давно перестала делить стихи на свои и чужие, поэтов — на «тебя» и «меня».

Я не знаю авторства 〈...〉

5

С праздниками, дорогой В⟨ладислав⟩ Ф⟨елицианович⟩!

И с очередной — срочной — просьбой (завершительные строки статьи о Гронском)[1]: *кто* из русских поэтов умер *до* 30 л⟨ет⟩?

Лермонтов, Веневитинов (??), Бенедиктов, Надсон[2], — ещё кто?

Можно и XVIII в., но там, по-моему, жили поздно.

А среди *нас?*

Наверное кого-нибудь основного забываю.

— Умоляю! Если можно — pneu, п. ч. *надеюсь* к сороковому дню (31-го).

Сердечный привет Вам и О⟨льге⟩ Б⟨орисовне⟩[3].

МЦ.

⟨26 декабря⟩ 1934 г.
Vanves (Seine), 33, Rue J. B. Potin

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939) — поэт, литературный критик, историк литературы. С 1922 г. в эмиграции. Постоянно вел отдел критики в газете «Возрождение». Публиковался во многих эмигрантских журналах и газетах.

Возникновение переписки между Цветаевой и Ходасевичем относится к периоду литературного и личного сближения двух ведущих поэтов русского зарубежья. Этому периоду предшествовало многолетнее взаимное непонимание и даже неприятие, сопровождавшееся отдельными выпадами друг против друга как в печати, так и в письмах (см., например, ее письмо 6 к А. В. Бахраху в т. 6). Однако в конце 1920-х — начале 1930-х тон рецензий Ходасевича на произведения Цветаевой меняется. В отзыве на сборник Цветаевой «После России» критик писал: «Есть богатство эмоциональное и словесное, расточаемое, быть может, беспутно, но несомненное... Сквозь все несогласия с ее поэтикой и сквозь все досады «люблю Цветаеву» (Возрождение. 1928. 19 июня). Ходасевичу Цветаева посвятила свой очерк «Пленный дух». (Подробнее историю отношений Цветаевой с Ходасевичем см. во вступительной статье С. Карлинского к его публикации их переписки. Новый журнал. 1967. № 89. С. 102—109.)

Впервые — письма 1, 2, 5 — Новый журнал. 1967. № 89. С. 109—114 (публикация С. Карлинского); письма 3 и 4 — Новый мир. 1969. № 4. С. 205—207, где они опубликованы А. Эфрон по тексту рукописной тетради. Печатаются по текстам первой публикации, причем письма 1, 2 и 5 сверены по копиям с оригиналов, любезно предоставленным С. Карлинским.

1

[1] См. письмо 4 к В. В. Рудневу и комментарий 3 к нему, а также «Живое о живом» (см. т. 4).

[2] Один из двух примеров «поэзии» Марии Паппер, из ее сборника «Парус», цитируемых Цветаевой в «Живое о живом» (см. т. 4).

3

[1] О поездке Цветаевой в Лондон см. также письма 4 и 5 к П. П. Сувчинскому (т. 6).

[2] *Елизавета* I Тюдор (1533—1603) — английская королева с 1558 г.

[3] Ранее Цветаева была в Париже, как минимум, дважды (1909 и 1912 гг.).

[4] Заключительные строки стихотворения М. Цветаевой «В черном небе слова начертаны...» (1918). См. т. 1.

[5] По-видимому, речь идет о «Пленном духе», находившемся в это время в печати в «Современных записках».

4

[1] *Бриджи* — брюки (*англ.*), которые обычно носят с высокими сапогами (например, при занятиях верховой ездой). Здесь, вероятно, означает пижонство, дилетантизм.
[2] Неточная цитата из стихотворения А. Ахматовой «Покорно мне воображенье...» (1913). У Ахматовой: «И если я умру...»

5

[1] См. письмо 78 к А. А. Тесковой (т. 6) и письмо 20 к В. В. Рудневу.
[2] *Веневитинов* Дмитрий Владимирович (1805—1827) — поэт. Умер от простуды. *Бенедиктов* — умер на 64-м году жизни. (См. комментарий 31 к письму 2 к Ю. П. Иваску). *Надсон* Семен Яковлевич (1862—1887) — поэт. Умер от туберкулеза.
[3] О. Б. Ходасевич. См. письмо к В. Ф. и О. Б. Ходасевичам.

В. Ф. и О. Б. ХОДАСЕВИЧАМ

Vanves (Seine), 65, Rue J. B. Potin
13-го марта 1937 г., суббота.

Дорогой Владислав Фелицианович и дорогая Ольга Борисовна,

Не дивитесь моему молчанию — Аля уезжает в понедельник[1], т. е. послезавтра, весь дом и весь день сведен с ума — завалы вещей — последние закупки и поручения, — неописуемо.

Как только уедет — я ваша.

Я, вообще, ваша — сейчас долго объяснять — но, чтобы было коротко: мои, это *те* и я — тех, которые *ни* нашим *ни* вашим. С горечью и благодарностью думала об этом вчера на свежей могиле Замятина[2], с этими (мысленными) словами бросила ему щепотку глины на гроб. — *Почему не были??* Из писателей была только я — да и то писательница. Еще другая писательница была Даманская[3]. Было ужасно, растравительно *бедно* — и людьми и цветами, — богато только глиной и ветрами — четырьмя встречными. Словом, расскажу при встрече, надеюсь скорой. Есть очень любопытный изустный рассказ — о Москве *сейчас*. Обнимаю и скоро окликну.

МЦ.

С Замятиным мы должны были встретиться третьего дня, в четверг, 11-го, у общих друзей. Сказал: — Если буду здоров.

Умер 10-го, в среду, в 7 ч. утра — *один*[4]. Т. е. в 7 ч. был обнаружен — мертвым.

У меня за него — *дикая обида.*

Ходасевич (урожденная Марголина) Ольга Борисовна (1890—1942)—последняя жена В. Ф. Ходасевича (с 1933 г.). Была арестована во время немецкой оккупации Парижа и погибла в концлагере.

Впервые—Новый журнал. 1967. № 89. С. 113—114 (публикация С. Карлинского). Печатается по тексту первой публикации, сверенному с копией оригинала, любезно предоставленной С. Карлинским.

[1] Речь идет об отъезде А. Эфрон в СССР.

[2] См. письмо 50 к В. Н. Буниной.

[3] Цветаева неточна. На похоронах Е. И. Замятина, состоявшихся на кладбище Тье под Парижем, кроме нее и Даманской из писателей были М. Л. Слоним (организовавший похороны), Р. Б. Гуль, Г. Газданов и др. (Новый журнал. 1967. № 89. С. 114).

[4] Цветаева ошибается. При больном Замятине неотлучно находилась его жена, Л. Н. Замятина. (См. комментарий 6 к письму 88 к А. А. Тесковой, т. 6.)

Ф. А. ГАРТМАНУ

1

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
2-го марта 1934 г.

Многоуважаемый Г⟨осподи⟩н Гартман,

(Простите, не знаю отчества)

С большой радостью и признательностью приеду к Вам в Courbevoie послушать *Вас—по моему поводу*[1], или себя, в Вашем восприятии, но сейчас болен мой сын, и, пока, неизвестно чем, и я в большой тревоге. Кроме того, я настолько им же, его учением (проводами, приводами, кормежкой, укладыванием)—всем детским жизненным укладом пришита к дому (у меня замены—нет), что никогда никуда не выбираюсь—с ним.

15-го, через четверг, мы, надеюсь, увидимся на моем чтении о Белом[2],—подойдите, пожалуйста, в перерыве, возобновим знакомство и сговоримся.

Кончаю большой просьбой распространить, по возможности, билеты между знакомыми. Цена билета 10 фр⟨анков⟩. Посылаю десять. (Десятый—Вам и жене, дружеский.) Этот вечер мой единственный ресурс, я почти не зарабатываю, и жить не на что. А теперь еще болезнь сына.

Сердечный привет Вам и Вашей жене—заранее радуюсь ее пению[3]. Если будете отвечать, сообщите, пожалуйста, свое отчество, а также имя-отчество Вашей жены.—Как хорошо, что Вы себя пишете Θ., а не Ф., этого уже не делает никто—кроме меня, а Совр⟨еменные⟩ Записки, сознательно, переправляют ми*θ* на ми*ф*.

До свидания!

М. Цветаева

2

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
8-го февраля ⟨марта⟩ 1937 г.[1], *понедельник*

Дорогой Фома Александрович,

Пока — всего два слова, ибо я на самых днях должна сдать рукопись — Мой Пушкин — около ста страниц (мелких) ВОТ ТАКИМ ПОЧЕРКОМ.

Сердечное спасибо за привет! Вечер прошел из ряду вон хорошо, *отлично*: мы с залом были — одно, и это одно было — Пушкин[2].

— Посылала я Вам уже или нет оттиск моих пушкинских переводов?[3] Или только рукописную (ма-аленькую!) няню?[4] Посылаю оттиск на авось, если уже есть — верните, пожалуйста.

От того общества (романсы Римского-Корсакова)[5] пока — ничего. Очень надеюсь. *Люблю* эту работу. (Всякую работу люблю, *всё* что можно сделать руками.)

До свидания. *Очень* огорчена болезнью Вашей жены, и Вашим самочувствием.

Как только освобожусь — напишу еще. У меня в жизни разные важные события. *Очень* хочу с Вами встретиться.

Еще раз — спасибо.

МЦ.

⟨*Приписки на полях:*⟩

Вы — милый, внимательный, на старинный лад — друг.

P. S. Эпиграф к Вашему местожительству:

Февраль — *кривые дороги*[6] (Народная примета, даже — календарная).

Второе P. S. Нашла гениальную вещь из еврейской (ма-аленькой!) жизни в Голландии, написанную двумя голландцами, из которых один (и главный) явно — голландка[7]. При встрече дам прочесть. *Лучше нельзя и нет.*

Третье P. S. А нос у Вас *(нас)* не еврейский, а древнегерманский.

Гартман Фома Александрович (1885—1956) — русский композитор. С 1921 г. жил за рубежом (с 1951 г. в Нью-Йорке). Профессор Русской консерватории в Париже.

В 1930-е годы Ф. А. Гартман обратился к творчеству Цветаевой, написав музыку на ряд ее стихотворений. На одно из них указывает сама Цветаева. Готовясь к возвращению на родину и приводя в порядок свои рукописи, она под стихотворением «Стихи растут, как звезды и как розы...» (1918) делает приписку: «На эти стихи написана музыка Ф. Гартманом — в Париже, приблизительно в 1935 г., и кажется издана (в 1938—1939 гг.)». Второе стихотворение Цветаевой, переложенное на музыку, — «В мое окошко дождь стучится...» (1919), из цикла «Стихи к Сонечке». Ноты романса хранятся в РГАЛИ. Романсы Ф. А. Гартмана на стихи М. И. Цветаевой были исполнены 11 декабря 1936 г. на второй выставке Русского музыкального общества за границей (Последние новости. 1938. 18 декабря).

Впервые — *Рус. мысль.* 1992. 16 октября, спец. приложение. С. II (публикация Е. Б. Коркиной). Печатаются по тексту первой публикации.

1

[1] Речь идет, вероятно, о домашнем исполнении вокальных произведений Ф. А. Гартмана на стихи М. Цветаевой.

[2] О вечере Цветаевой 15 марта 1934 г., посвященном А. Белому, см. письмо 73 к А. А. Тесковой и комментарий 1 к нему (т. 6).

[3] Ольга Аркадьевна Гартман, певица, часто выступала вместе с мужем на его концертах.

2

[1] Описка Цветаевой. Уточняется по содержанию.

[2] О вечере Цветаевой 2 марта 1937 г., посвященном Пушкину, см. письма 46, 49 и 50 к В. Н. Буниной и комментарии к ним.

[3] Вероятно, речь идет о переводах стихотворений А. С. Пушкина («К няне», «Песня Председателя из „Пира во время чумы“») на французский язык, опубликованных в журнале «La Vie Intellectuelle» (1937, № 2).

[4] То есть перевод стихотворения А. С. Пушкина «Няне».

[5] По-видимому, Цветаева пишет о предполагаемой работе над переводами текстов романсов композитора Николая Андреевича *Римского-Корсакова* (1844—1908) на французский язык. (*Рус. мысль.* 1992. 16 октября.)

[6] Место, где жил Ф. А. Гартман, — северное предместье Парижа — Courbevoie (courbe — кривой, voie — дорога; *фр.*).

[7] О какой книге пишет Цветаева, установить не удалось.

М. Л. КАНТОРУ

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot
23-го мая 〈1934,〉 среда

Милый Михаил Львович,

Умоляю о корректуре, верну в день получения, сама завезу куда надо[1].

Очень грязная рукопись, — правила до последней минуты, много вставок, перечерков, — непременно напутают. И очень важно расположение двух последних строк.

т. е. чтобы подпись посредине, а не сбоку, п. ч. она часть текста, сами увидите[2].

У — МО — ЛЯ — Ю! (корректуру). Если надо — приеду сама, куда скажете. В Clamart ходят *pneu.*

Сердечный привет.

МЦ.

Кантор Михаил Львович (1884—1970) — юрист по образованию, поэт. В 1927—1928 гг. редактировал парижский журнал «Звено»; в 1934 г. основал и вместе с Г. В. Адамовичем редактировал просуществовавший всего полгода журнал «Встречи» (Париж. № 1—6).

Впервые — *НП.* С. 392. Печатается по тексту первой публикации, сверенному с копией с оригинала, любезно предоставленной Ж. Шероном.

[1] Речь идет о корректуре очерка «Хлыстовки», публикуемого в № 6 журнала «Встречи».

[2] Цветаева беспокоится о написании двух последних строк очерка:

Здесь хотела бы лежать
МАРИНА ЦВЕТАЕВА.

А. А. ПОЛЯКОВУ

1

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
24-го окт⟨ября⟩ 1934 г.

Милый Александр Абрамович,

Посылаю Вам два редакционных билета на мое чтение 1-го, и очень рада буду, если *Вы* придете.— Рассказ из детской жизни[1].

Мы очень давно с Вами не видались и без Вас мне в Посл⟨едних⟩ Нов⟨остях⟩ — не везет: Демидову я *не пришлась.*

Я всем говорю: вот если Поляков мне скажет, что моя вещь не подходит — я поверю, и не обижусь, и принесу другую, п. ч. я ему верю, и как редактору, и как человеку... А когда...

Да! А раз я это всем говорю, то справедливо сказать и Вам.

До свидания — когда-нибудь!

М. Цветаева

2

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
29-го марта 1935 г., пятница

Дорогой Александр Абрамович,

Не в службу, а в дружбу.

Умоляю поместить п илагаемое оповещение о моем чтении памяти Н. П. Гронского *в это воскресение*, по возможности *на видном месте*[1]. Посылаю такое же оповещение и Струвэ[2], на случай, если бы Вы эти дни случайно отсутствовали.

П. П. Гронского не прошу, п. ч. он из деликатности (здесь — странной) поместит сына на последнем месте, а я хочу, чтобы многие прочли и пришли, потому что юноша этого — заслуживал, и потому что у меня нет возможности общаться с *русским* читателем иначе, как устно. (Статья эта пойдет и по-сербски, и по-чешски.)[3]

Буду *очень* рада, если придете.

Сердечный привет и, заранее, благодарность.

Марина Цветаева

Пока Демидов жив — я навряд ли буду у вас печататься, а такие люди иногда до-олго живут. Пока что, он меня — выжил.

Да! Предупреждаю, что буду беспокоить Вас этой же просьбой еще дважды, а м. б. и трижды (не считая этого воскресенья — в четверг, в то воскресенье и в день чтения: четверг), с небольшими вариантами.

Предупреждаю — чтобы не раздражались каждый раз заново.

Поляков Александр Абрамович (1879—1971) — журналист. В 1920 г. эмигрировал из России, жил в Париже (с 1922 г.), затем в Нью-Йорке (с 1942 г.). Член

редакции газеты «Последние новости» вплоть до ее закрытия. Благоволил к Цветаевой. «Меня в редакции очень любят ⟨...⟩ Поляков (и я его — очень!)...» — писала она 20 октября 1934 г. В. Н. Буниной (письмо 25).

Впервые — *ЛО*. 1990. № 7. С. 105 (публикация Дж. Малмстада). Печатаются по тексту первой публикации.

1

[1] О вечере автобиографической прозы Цветаевой 1 ноября 1934 г. см. комментарий 1 к письму 113 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

2

[1] О вечере Цветаевой памяти Н. П. Гронского 11 апреля 1935 г. см. комментарий 2 к письму 83 к А. А. Тесковой (т. 6). Объявление о вечере в воскресном номере «Последних новостей» было напечатано (31 марта).

[2] *Струвэ* — Струве М. А. См. о нем комментарий 3 к письму 31 к В. Н. Буниной.

[3] Статья «Поэт-альпинист» (см. в т. 5). В сербскохорватском переводе была опубликована в журнале «Руски архив» (Белград. 1935. № 32/33). Перевод статьи на чешский язык осуществлен не был.

А. Э. БЕРГ

1

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
29-го ноября 1934 г.

Милостивая государыня, не правда ли — у нас столько же душ сколько языков, на которых мы пишем? Вам пишет мое французское я[1].

Я Вам бесконечно признательна за Ваше письмо. Что такое признательность? Дать знать о своей радости, радоваться перед *ним*, перед *тем* (от кого происходит нам эта радость). Вот я радуюсь перед Вами — и в этом вся моя признательность. Я никогда не знала и не принимала другой.

Не могли бы ли Вы поменять субботу на воскресенье? Сын мой выходит из класса только в 4 ч., так что мы могли бы поспеть только на поезд в 5 ч. 30 и я боюсь, что нам останется мало времени для *обсуждения* (потому что таковое будет! ведь мы очень упрямы, моя рукопись[2] и я, — пожалуй *ослицы*, чем любое другое животное. Пегаз удвоенный и подкрепленный ослом... Увы, увы, я Вас предупреждаю заранее!)

Итак, жду Вашего ответа.

Если воскресенье не подходит, мы приедем в субботу с поездом в 5 ч. 30. Как это любезно и даже гениально с Вашей стороны, что вы хотите прийти на вокзал. У меня совершенно неправильное чувство ориентации (нет: чувство совершенно неправильной или исковерканной

ориентации, это не то же самое) и я никогда ничего не нахожу, я нахожу всегда обратное тому, что ищу, и моя забота всегда была и всегда будет дойти: не до душ людей, а до их двери.

Я не шучу, это очень серьезно: какое-то топографическое идиотство и рок.

Мой сын обожает передвижения и новые знакомства, Вы ему доставляете большую радость.

До свидания, и спасибо!

М. Цветаева

Есть ли поезд в 2 ч. 30 — в воскресенье? (Если воскресенье Вам подходит.) Тогда, мы им и приедем.

Простите мне безобразие конверта: не имею другого. Как и «красоту» бумаги.

2

33, Rue J. B. Potin, Vanves
17-го декабря 1934 г., понедельник

Вы чрезвычайно милы и добры, что не рассердились на мое длинное и полное молчание, *непонятное и такое непохожее на меня.*

Я потеряла молодого друга[1] — трагически — он любил меня первую, а я его — последним (тому шесть лет).

И вот все заново переживаю. Действенно, душой действия (не «человеком») разбираю, раскладываю, перечитываю его письма и мои — уцелевшую переписку, он хранил даже мою последнюю записку карандашом двухлетней давности, я в ней о чем-то запрашивала. (Мы с ним не общались целых четыре года.)

Это раскололо мне сердце, я ведь думала, что он меня совершенно забыл.

— Итак, простите.

Почти все свое свободное время (??) я провожу с его родителями, такими разными и которым, что я могу дать? Я не могу вернуть им их сына.

Вчера я была на кладбище с его матерью: деревья входят в него свободно, это вход в лес, в (*наш!*) Медонский лес.

Как оттуда уходить, оставлять его одного в холоде и в ночной тьме, — в глине?

Ему было 25 лет, когда он умер; 18 — когда он меня (я его) любил(а); 16 — когда я с ним познакомилась.

— И вот. —

Еще раз простите. Я много о Вас думала, и не знаю, на *глубине* самой себя (там, где уже нет «формы»), я все же была в Вас уверена.

Я ничего не сделала для своей рукописи — *своих* рукописей[2], но сегодня поеду в город и постараюсь найти кого-нибудь, чтобы их переписать (на машинке: ненавижу слово «перестукать», как звук, как вещь).

Я Вам скоро снова напишу.

Простите меня!

МЦ.

У меня хороший рождественский подарок для Ваших дочерей, я Вам его дам, когда мы снова увидимся, надеюсь скоро. Хотите ли, можете ли приехать в *четверг*, в *этот* четверг, к пяти? Жду ответа.

〈Приписка на полях:〉

Садитесь в *Кламарский* поезд на вокзале Montparnasse.

Монпарнас	Кламар
4.31	4.43
4.50	5.01
5.10	5.17

Скажите, каким поездом поедете. Я приду на вокзал. Это совсем близко, но найти нелегко, так как это *Vanves.*

Я Вас жду.

3

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
7-го января 1935 г. (с цифрой 5 я продолжаю ошибаться!)

Милостивая государыня,

Мы не смогли приехать, ибо должны были нанести традиционный визит, полу-русский, полу-французский, скажем франко-русский, с тем оттенком лицемерия, заключенным в этом политическом слове. Была там очень старая дама, несколько дам менее старых и довольно молодой господин — все из высшей знати; забыла маленького мальчика, который с первого взгляда различал госпожей от не-госпожей для целования руки (в девять лет!) — словом, все было абсолютно ложным, начиная от маленького *поцелуйщика* вплоть до бутербродов, сделанных для глаза. Мур на все смотрел глазами *судьи.*

Подумайте, как мы пожалели — вспомнили, он и я, о Вашем доме с настоящими детьми и *настоящей* симпатией! (Самая старая дама была особенно страшна своей усиленной любезностью!)

Я буду очень счастлива Вас снова увидеть в субботу, но Вы наверняка будете заняты ужином или «возле-ужина», а я уверена, что не помню маршрута, потому пришлите мне пожалуйста подробный план с названиями улиц и поворотов, чтобы я могла Вас найти одна. Но главное — название улиц, чтобы у меня была какая-то уверенность в руках.

С каким поездом ехать, чтобы быть у Вас вовремя?

Я привезу переписанную прозу.

Итак, до субботы, и спасибо. Жду плана.

МЦ.

Выйдя из вокзала, я должна спрашивать Vaucresson или Garches?

4

Пятница 〈около 10-го января 1935〉[1]

Спасибо и до завтра (субботы) на вокзале в указанный час.

Мур еще ничего не знает, так как за 24 часа вперед он будет бояться, что опоздает.

Я очень радуюсь, что Вас всех снова увижу.

МЦ.

5

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
13-го февраля 1935 г., среда

Милостивая государыня,

Хотите ли в воскресенье, 17-го февраля? (*Это* воскресенье?)

Я очень счастлива, что имела от Вас известия, я уже думала, что Вы нас забыли. Вы могли о нас подумать то же самое, я знаю, — раз я не давала никаких признаков жизни, но — видите, какое отсутствие логики! — я знала, что это не так, в то время как не могла быть столь же уверенной в Вас.

Словом — все хорошо.

Я также могу Вам сообщить кое-какие новости — в общем — хорошие.

Маленькое предложение. Я нахожусь в крайней нужде и хотела бы реализовать книгу — сочинение — которую получила вторично, и вот — как. У меня есть друг в Чехословакии — одна старая очаровательная чешская дама[1], которая мне присылает каждое Рождество в подарок книги. И вот она прислала мне снова ту же книгу, о которой я мечтала и которую получила в прошлом году — сочинение поэта (я говорю поэт, хотя он пишет прозой) Олава Дууна — *Die Juwikinger*[2] — история норвежской семьи в трех или даже четырех поколениях. Но тут важна не семья — а *море*, фьорд, труд, рок. Вещь самой первой силы. Написанная самими стихиями *через* людей. Дуун должен получить следующую нобелевскую премию[3].

По-немецки. Красивое издание. Два тома в переплете, совершенно новые, так как не раскрытые; я продаю оба за 50 фр⟨анков⟩, цена *одного* тома.

Я бы Вам их *подарила* от всего сердца, но я в такой полной нищете. Мур имеет только две пары чулок, которые я починяю (какое некрасивое слово!) каждый вечер, — только две рубашки, одну пару сапог (которые всегда сохнут перед часто негорящей печкой) — а вот и уголь кончается.

Может быть Вы купите эту книгу для Вашего мужа, — это будет *чудный подарок*. Если Вы сейчас не при деньгах, то я временно удовлетворюсь половиной суммы (25 фр⟨анков⟩) — что составит мне два мешка «булетов» (спрессированного угля). (*Море,* превращенное в *огонь!)*

До свидания, — до воскресенья. Я приеду с Муром и с моим товаром. Если он Вам не подходит — просто о нем не говорите.

Я Вас обнимаю, а Мур передает привет Вашим дочкам[4], которым он в конце концов простит их «женственность» — чтобы не произнести безобразное слово: пол.

МЦ.

Мы поедем с поездом в 2 ч. 30. Мы: Мур, все живые герои и *фантомы* *«Juwikinger»* — и я. Поезд будет перегружен.

---

* Три поколения фантомов! *Действующих.* Это *они* в нас действуют. Фантомы — это *кровь*: предки. (*Кровь — ток.* Течение крови в нас) *(примеч. М. Цветаевой).*

⟨Приписка на полях:⟩

Я привезу стихи — на этот раз, русские. Прибавьте и это к грузу поезда.

6

⟨15-го февраля 1935 г.⟩[1]
Пятница

Увы с воскресеньем — и может быть надолго. У Мура грипп с воспалением ушей (среднее ухо) и большой жар. Бог знает, сколько это продлится.

Я Вас целую и детей также и скоро дам о себе знать.

МЦ.

Вагон в воскресенье уедет свободный *от всех наших грузов*.

Мур заболел (рвота, сильный насморк) сразу после того, как я Вам отправила письмо, — *пять минут* после!

7

Понедельник, 18-го февраля 1935 г.

Милостивая государыня,

У меня теперь двое больных: Мур, и мой муж — самый больной из двух. Жар не хочет спадать, кашель сокрушительный, тот же грипп, но в более острой форме.

Если Вы не опасаетесь заразы (кто знает?), приходите в среду к 4 ч., я буду бесконечно рада Вас видеть.

Метро до Mairie d'Issy (конечная станция), подымайтесь по Av⟨enue⟩ *Ernest Renan* (на углу кафе, улица в гору), затем идите по Rue *Baudin*, которая Вас приведет к *Av⟨enue⟩ de Clamart*, затем Rue J. B. Potin (мой дом № 33 угловой). Спрашивайте от времени до времени каждую следующую улицу, если Вы начнете с J. B. Potin — никто ее не знает, ибо это *щель*.

Я Вас жду и обнимаю.

Спасибо за посылку — Ваши книги Вас ждут.

МЦ.

8

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
4-го марта 1935 г.

Милостивая государыня,

Я буду очень рада Вас снова повидать.

Я была глубоко, высоко удивлена, узнав, что я по отношению к Вам *даритель*, я, такая повязанная той маленькой жизнью, которую веду и буду вести вероятно до смерти. Вы меня никогда не видели *на свободе* — никогда — самое меня

...Und dort bin ich gelogen
Wo ich gebogen bin...*[1]

Но *дарителей* нет, есть только *берущие*. (Я тоже из и х числа.) И чувство неловкости, почти что унижения, испытываемое мною при

* Ибо где я согнут — я солган... *(пер. с нем. М. Цветаевой).*

чтении Ваших строк — я его (!) видела и слышала однажды — тому уже пятнадцать лет! — в глазах и в голосе старого князя Сергея Волконского, которому я сказала ту радость, что получаю от него: — «Я — чтобы давал? Я — такой мелкий и ничтожный...»

Но я тоже умела брать, и, быть может, беря — давала. Как Вы.

До свидания в среду и большое спасибо. Мур еще ничего не знает, иначе он снова *стал* бы пожирать свои ногти (он больше их не *пожирает* — только маленько закусывает!) — от нетерпения.

Обнимаю Вас.

МЦ.

Итак, в среду, поезд в 2 ч. 30.

Вопрос Вашего поселения меня живо интересует[2]. Или Вы будете его искать в другой стране, под другими небесами и деревьями? В Вашем письме как бы дуновение отъезда.

9

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
7-го апреля 1935 г., воскресенье

Милостивая государыня,

В этот четверг, 11 апреля, я читаю лекцию о поэзии Николая Гронского — и более обще, о судьбе поэта.

184, бульвар Сен-Жермен — Зал Географии
Четверг, 11 апреля, 8 ч. 1/2 вечера
— ПОЭТ-АЛЬПИНИСТ —

Если можете — приходите.

Я Вас обнимаю и буду очень рада Вас снова увидеть.

МЦ.

10

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
18-го апреля 1935 г., вербный четверг

Дорогая Ариадна,

— Простите, забыла отчество, но — хотите? пусть так и останется: без отчеств: у нас *хорошие* имена, а Ваше я настолько люблю, что 21 год назад назвала им свою дочь.

— А я ведь Вам совсем недавно писала — числа 8-го, 9-го, звала Вас на свое чтение «Поэт-альпинист» (11-го) — если не ошибаюсь даже вложила билет и *очень* была огорчена 1) не увидев Вас в зале, 2) так долго ничего не слыша. Я уже думала, что Вы, в горячке переезда, *навек* потеряли мой адрес, — и мы бы *никогда* не свиделись, ибо, очевидно, мое тó письмо до Вас уже не дошло, и второе бы не дошло, и Вы бы навряд ли догадались написать мне на Посл⟨едние⟩ Новости? (Кстати, не за-

будьте, на всякие случаи переездов и перемен — это мой (условно!) *вечный* адрес.)

Итак, очень счастлива, что опять сошлись.

Если хотите видеть и даже приютить нас с Муром на несколько дней (вдвойне соблазнена: дружбой и лесом: это — *мои* стихии! *Не*: море и любовь), итак, если хотите нас у себя — торопитесь. У Мура сейчас каникулы, кончая 29-тым апрелем, т. е. 2-ым днем русск⟨ой⟩ Пасхи, но дома мы должны быть уже в Страстной Четверг, чтобы Мур успел говеть. Нынче — четверг, 18-ое. Мы могли бы приехать к Вам начиная от воскресенья, скажем — на три дня, чтобы в среду утром — уехать. Отвечайте *скорее* и подробно опишите маршрут, всё, всё, начиная от парижск⟨ого⟩ вокзала и поездов, кончая остановкой и, если Вас бы не было на вокзале, маршрутом до дома.

Увести куда-нибудь на волю Мура на эти дни была моя большая и несбыточная мечта. Но, боюсь, очень дорогá дорога, видела в путеводителе, что 69 кил⟨ометров⟩, а мы только что, с большим трудом, уплатили терм и очень обнищали. Не забудьте — цену билетов!

Можем тоже выехать и в понедельник, но *лучше* в воскресенье, чтобы раньше вернуться — перед Пасхой много работы по дому, нужно натереть все полы, это уже дело чести. (С меня никто не требует, требую — я.)

Да! Сможет ли Мур спать днем? Это очень важно, т. е. будет ли у нас с ним отдельная непроходная комната? Простите за бесцеремонность вопроса, но для него дневной сон — очень важен, он очень малокровен, это мне говорят все доктора.

Будете отвечать — положите мое письмо перед собою.

Позже понедельника выехать не сможем, ибо в четверг, с утра — ему — говеть, мне тереть.

Целую и жду скорого ответа.

Любящая Вас и радующаяся Вам

Марина

Захвачу Поэта-альпиниста и м. б. еще что-нибудь. (И последняя наглость) будет ли у меня кофе «à volonté»???* Целый *мой* кофейник, чтобы никого не спрашивать. Могу привезти свой.

Я еще *ни разу* — за всю весну — не была в лесу! (Наш от нас 45 мин⟨ут⟩ не — хода, а *бега*.)

⟨*Приписка на полях:*⟩

А адрес, как эхо:
Vaumoise
(эхо): — Oise…
(И получились — стихи:
А адрес, как эхо:
— Vaumoise. (Эхо): Oise…

ТАК СТИХИ И ПИШУТСЯ.

М. б. так сделаем, если дорогá дорога, к Вам — *мы*, а от нас — *Вы́*? (Иначе *навсегда* останемся! Состаримся…)

---

* Вдоволь *(фр.)*.

11

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
22-го апреля 1935 г., понедельник

Дорогая Ариадна,

(Как хорошо, что вы мне не сообщили отчества, которого я, очевидно, так никогда и не узнаю, — разве что Гартманы[1] воскреснут, в чем — сомневаюсь.)

Итак — телеграммы нет, стало быть — все в порядке (в *Вашем* порядке, т. е. в порядке Вашей жизни).

Хотите — следующее (единственно — возможное): мы приезжаем 30-го, на третий день русской Пасхи, т. е. в первый Мурин учебный день, который он пропустит + еще два. Ибо *посреди* учения, уже начав, — пропустить три дня — он первый не захочет. А так выйдет — законное продление русских праздников.

А я даже рада, что так случилось: 1) люблю ждать (хорошего), 2) успею убрать дом, все перестирать, и т. д. 3) подарю Муру лишних три свободных дня, 4) исправится погода *(должна)*, 5) успею разыскать для Вас оттиск Тезея[2] и др. (у меня — *залежи*!), 6) будем у Вас есть *пасху*, да, непременно, — чего бы не было, если бы мы приехали сейчас, на Страстной (м. б. Вы католичка и пасху едите как раз сейчас и *всю* съедите?? (Стон: о-о-о!) Впрочем, католики пасхи не едят, едят — *русские*, а так как Вы — русская, то будете есть на *русскую* пасху. В пасхе так уверена, потому что сама ее буду делать на днях и уже по инерции — у Вас, т. е. я так буду переполнена ею (NB! *душевно*), что мы с вами *невольно* пойдем покупать творог. Вот — разве что творога нет в Vaumoise... Тогда привезу (и приеду совершенно мокрая, п. ч. он протечет). Нет, серьезно: если творогу у Вас нет, напишите — постараюсь привезти *сухого*, закажу заранее, только напишите — сколько. Но — так как aller guter Dinge sind *sieben* (а не *drei*)* должен быть еще седьмой пункт радости; ах — май, 1-ое мая! Итак 7) увидимся в апреле, а расстанемся в мае, что длительнее и богаче *только* апреля.

Теперь, кажется, всё.

Итак, жду ответа.

Во вторник, 30-го апреля, третий день русской Пасхи. Предполагаю — *поездом*. Если будете отвечать, напишите, если помните: *grande banlieue*** на кассе или что-нибудь другое? И № платформы. А если забыли — неважно, потычемся с Муром и обнаружим.

Итак: 1) подходит ли Вам 30-ое? 2) Касса и платформа. 3) Нужно ли везти творог и в каком количестве? 4) Сумеем ли мы с Вами, общими силами, сшить Муру рубашку с длинными рукавами, т. е. *списать* ее с уже имеющейся старой? Или Вы так же не умеете кроить, как я? (Умею только *рабски* шить...) М. б. Fraülein умеет?? Или — ее уже нет???

Будете отвечать — положите письмо перед собой.

МЦ.

---

* Всех хороших вещей *семь* (а не *три) (нем.)*.

** Большой пригород *(фр.)*.

!Э Зак !!!

Сладкое очень люблю, а Мур — еще больше. Вы — en veine de* кондитерства, а Мур — как раз en veine de потребления, но как раз ничего нет, так что он будет копить — жадность и привезет Вам целый *клад*.

Обнимаю. Сердечный привет детям.

⟨Приписка на полях:⟩

Я люблю поезд, п. ч. он *старый* и скоро совсем кончится. Из чистой преданности.

12

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
29-го апреля, понедельник, 2-ой день Пасхи

Милая Ариадна,

Ждали мы ждали с Муром какого-нибудь ответа и — ни слова, а завтра начинается его школа.

Может быть мое письмо пропало, где я предлагала приехать в понедельник, 29-го? (сегодня). Большое письмо.

А может быть — Ваш ответ, — тот или иной? (пропал.)

Очень странно, что ни звука.

— Так или иначе, — Христос Воскресе!

МЦ.

13

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
7-го мая 1935 г., вторник

Дорогая Ариадна!

Вы, конечно, уже слышали о безумии Бальмонта[1]. О нем (и норме) можно сказать как Ségur[2] о Наполеоне в России: Sa mesure était grande, mais il l'a dépassé quand-même**. *Он ненормален даже для поэта, даже для себя*. 17-го его вечер[3] (*где*, сейчас не знаю, узнаю — извещу) — будьте непременно, зову Вас не как на курьёз, а как на *конец поэта*. Ибо это — конец, ему на днях 70 лет[4]. Зал будет полный, необходима хоть горстка *своих*, предпочитающих безумие Бальмонта — разумию всех остальных.

Вечер будет непременно, он *всё* забыл, а об этом — помнит. (Верней, ничего не забыл, *всё* вспомнил — в этом-то и безумие!)

Обнаружились Гартманы. Были в Ницце, сейчас в Лондоне, адреса не дают, просят писать на Courbevoie, а я совершенно забыла: 1) Courbevoie ли? 2) если Courbevoie — № и улицу, 3) *ее* имя-отчество. Очень прошу, сейчас же сообщить все три пункта. Про возвращение не пишут и хочется поскорее отозваться.

---

* В настроении *(фр.)*.

** Его мера была велика, но он ее превзошел *(фр.)*.

Если собираетесь в Париж, очень прошу известить намного заранее, — я ведь абсолютно связана Муром: его школой и, вообще, им. *Лучше бы* — Вы бы все же доехали до Ванва, к вечеру я свободней (от 5 ч.). Пообедали бы у нас, а потом я бы Вас проводила. На Париж у меня мало надежды, а пропускать Муру сейчас нельзя ни дня, — он и так затянул каникулы из-за русской Пасхи и 6-го (23-го апр⟨еля⟩) праздновал Егорьев день — он ведь Георгий.

До свидания! Жду весточки. Целую.

МЦ.

Горячо сочувствую зубным бедам — и победам Вашей младшей.

Свирепая вещь — природа!

⟨*Приписка на полях:*⟩

Говорю о *mesure** бальмонтовской *нормы*, как Сегюр — о мере наполеоновского воображения.

Не теряю надежды на — когда-нибудь — поездку к Вам.

Но — когда??

14

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
23-го мая 1935 г., четверг

Дорогая Ариадна,

Буду рассказывать все по порядку.

Этим летом я твердо решила увезти Мура нá море, ибо вот уже в течение *семи* лет (а ему — десять!)

Никуда не уехали, сын и я, —
Обернулись прорехами все моря!
Совладельцам пятерки** рваной —
Океаны — не по карману!

Нищеты — вековечная сухомять!
Снова лето, как корку, всухую мять.
Обернулось нам море — мелью:
Наше лето — другие съели![1]
— и т. д.

Так вот я, на этот раз решила: *éду — и — будет.*

Стала раздумывать и узнала, что есть на Средиземном море, под Тулоном (рифма: Наполеон) местечко — несколько русских дач[2]: песчаный пляж, сосны и — простота. Дали адреса здешних владельцев[3], пошла и нашла (перипетии — опускаю: когда-нибудь — устно) мансардное помещение за 600 фр⟨анков⟩ *в лето*, с полной свободой, т. е. могу стирать и готовить. Тут же внесла накануне полученные 200 фр⟨анков⟩ за перевод «Поэта-альпиниста» на сербский[4]. Т. е. внесла — треть.

Теперь: 400 остающихся фр⟨анков⟩, так или иначе, добуду: хочу устроить вечер числа 15-го июня.

* Мера *(фр.).*
** А «пятерки» п. ч. *тогда* (1930 г.) еще были кредитки *(примеч. М. Цветаевой).*

Но на что́ у меня нету и навряд ли будет — на 2 билета aller-et-retour в train de vacances* т. е. 430 фр⟨анков⟩ за обоих в два конца. Вносить нужно — сразу, в окошечко, к⟨отор⟩ое открывается 21-го июня в 7 ч. утра (стоять надо с 5 ч. — очередь огромная). Поезд идет 28-го июня (ходят они 2 раза в месяц) будет *ад*, которого — не мыслю.

— И вот, я подумала о — когда-то Вашем — предложении: а что́ если несколько человек, к⟨отор⟩ые ко мне хорошо относятся и любят то, что я делаю, стали бы мне помогать, немножко, жить? Я тогда ответила: — А чем я заслужила?

Если бы Вы мне у них, дорогая Ариадна, могли раздобыть к 15-му деньги на билет — я была бы *счастлива*. Ибо подумайте: *все* дело — в дороге. В прошлом году — в безводной деревне Elancourt под St. Cyr'ом[5] — с запретным (маркизиным!) лесом и загороженным (бычьим!) полем, за голые стены без мебели (пришлось *всё* вести из Ванва) я платила *175 фр⟨анков⟩ в месяц*, т. е. на 25 фр⟨анков⟩ меньше, чем с меня просят — в этом раю!

А где взять? Ибо если я даже заработаю на вечере 300 фр⟨анков⟩ *(максимум!)*, то мне нужно за комнату внести еще 400 фр⟨анков⟩! И — *до* отъезда, и владельцы — совершенно правы: сдают дешево, но хотят — без канители. А то — въеду, а платить не буду! Кроме того, столько предварительных расходов! *Примус*, купальное себе и Муру, аптеку, кое-что из продуктов — там все *втридорога*, меня предупреждали. Обувь... Здесь — дешевка, а там каждый четвертак будет на счету. Но, опять-таки, все это, кроме купального, мне все равно необходимо — здесь, тот же примус (в прошлом году ездила с чужим) и та же обувь — только обидно на *здесь*, т. е. какую-нибудь дыру, п. ч. *хорошее* под Парижем — дорого, Вы сами знаете.

Но — самое главное — дорога, т. е. 430 фр⟨анков⟩ poids brut — и даже brutal**. *Этого* мне — *не* осилить***.

О *них* прошу.

Можете сказать, если и когда будете просить, что у меня сильное малокровие (это *правда*, есть свидетельство от Маршака[6]) — постоянные нарывы на этой почве — что я *замучена* черной работой, что мне *никто* не помогает, что у меня нет никакой стипендии (у *всех* писателей — есть!) — что это — не partie de plaisir****, а — необходимость. Знаю, что жизнь там будет — не легче здешней! Мансарда, т. е. *дикая* жара, хождение на рынок в соседний городок и ношение на себе всех закупок (есть поставщики на машинах, но это — намного дороже), хождение на далёкий колодец (есть цистерна, но только для питья, а мне надо — стирать на двоих и мыть посуду) — словом, даже труднее чем здесь, где *кран* и на каждом углу — Магги[7].

---

* Два билета в оба конца удешевленным в дни каникул поездом *(фр.)*.

** Валовой вес и даже воловий *(фр.)*.

*** С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ при всем желании не может поднять этого отъезда, он и так нас везет на себе: и жизнь, и терм, и Мурино учение (80 фр⟨анков⟩ в месяц). Он — не может. А должать мы не должны *(примеч. М. Цветаевой)*.

**** Для удовольствия *(фр.)*.

Но—*сосны* (мое до безумия любимое дерево! север и юг в одном)—море, имя которого я ношу,—и *Мур на воле*, голый, коричневый и соленый. Мур своим чудным учением—заслужил.

Вечер не состоялся: публика пришла, Бальмонт—не пришел. После нескольких месяцев *благородного* всегда *идейного*—буйства водворен, наконец, в лечебницу в Epinay[8]. Собирают на него 2 тысячи в месяц, м. б.—отчасти—из страха, что опять начнет среди ночи приходить из Кламара в Париж—в гости и говорить без конца... и все такие возвышенные вещи. Так или иначе—на безумного—нашлось, а пока был «разумен» ел манную кашу на воде, ибо в доме другого ничего не было, я—свидетель, ибо сколько раз приносила ему есть. Нужда была—черная.

К нему никого не пускают и говорят, что он после первых бешеных дней немножко успокоился. Этим летом ему будет (а м. б. уже исполнилось) *семьдесят* лет[9].

Кончаю. Пишу Вам с утра, в еще неубранном доме. *Идея*: м. б. Вы и у Гартманов попытаетесь что-нибудь извлечь? Я—сама не могу, но за другого—за Вас бы—смогла и сумела. Ведь эту сумму—430 фр⟨анков⟩—набрать не легко, а—Бог их знает—может и дадут 100 фр⟨анков⟩—раз однажды послали 50 фр⟨анков⟩ Бальмонтам на приезд в Courbevoie (а они *проели*, помните?). Они ко мне чудно относятся.

Нужно только живописать положение.

Словом, Вам видней. Ведь если Вы напишете: собираю по друзьям на поездку Ц⟨ветае⟩вой нá море—они *навряд* ли откажут. Только надо—скорей. И лучше: *на билеты*, это—конкретнее.

С волнением жду ответа.

Писала—с абсолютным доверием.

Обнимаю

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Простите за эгоизм письма. Ничего не спросила ни о Вас, ни о детях, ни о новом (?) жилище, к⟨оторо⟩го наверное уже не увижу.

Хорошо у Вас? А главное—Вам?

Пишите обо всем.

А как—зубки?

В нашей судьбе—что-то *похожее*.

«Звери в неволе».

15

Vanves (Seine)
33, Rue Jean Baptiste Potin
3-го июня 1935 г., понедельник

Дорогая Ариадна,

Спасибо за быстрый ответ и хлопоты. Пока что еще никто не отозвался, но—может быть—рано?

Провожу дни в обычных срочных делах и передотъездных задолгих мыслях. Главная забота — Вы улыбнетесь — огромная стиральная доска, одно из главных действующих — и вспомогательных! — лиц моей жизни: брать или не брать? Много таких «стиральных досок»...

Мой вечер — кажется — будет 20-го[1], буду читать либо Последнюю любовь Блока[2], либо детское: черт. Когда вырешится (число) — извещу.

Неужели так и не увидимся до отъезда.

«Мой поезд» (как гордо!) идет 28-го, в 5 ч. 20 м⟨инут⟩ дня, с Лионского (львиного) вокзала.

Привожу в порядок стихи за долгие годы. С тех пор как прекратился *мой* (эсеровский) журнал «Воля России» *всё* у меня бравший — заочно, по доверию и одну мою поэму печатавший (7 глав) — 7 месяцев[3], — я перестала писать большие поэмы, ибо стала — прозу, которую люблю, но — всё-таки не та́к — и не то́. А стихи есть хорошие, но ни одних — дописанных, а сколько — вовсе не записанных...

Хочу — летом, хотя жизнь будет очень трудна.

У Мура — нарывы (малокровие). Совершенно неожиданные, но непрерывные. Сейчас — огромный ячмень. Очень бледен — до зелени. Ему отъезд еще больше нужен, чем мне. Учится отлично. Но *убивает* меня страстью к газетам и к событиям, — такой не моей!

Алю почти не вижу, заходит раз в две недели на пять минут. Говорит, что много работает в школе. Не знаю. Но — *ее* жизнь. Осенью ей будет 22 года[4] — в ее возрасте ей, в моей жизни, было уже четыре года: четыре года моей ответственности. Но я была другая — вся.

— Ну́, вот...

Напишите, увидимся ли?

Целую Вас и, еще раз, спасибо за всё. Не можете ли Вы, в мою пользу, утянуть из своего хозяйства какую-нибудь среднего роста *алюминиевую кастрюлю* и нет ли у Вас лишнего *алюминиевого кофейника*? Я сейчас неспособна ни на франк, ибо — ведь еще примус! Купальные костюмы и халаты! Не найдется ли у Вас купального *халата*? Простите за вечные просьбы, но, мне почему-то — совсем не неудобно — просить *у Вас*. (Я вообще ничего ни у кого не прошу.)

Обнимаю.

МЦ.

Пишите о себе. Привет детям. Пишете ли и что́?

16

Vanves (Seine)
65, Rue Jean Baptiste Potin
21-го июня 1935 г.

Дорогая Ариадна,

Что же Вы замолчали?

А вот — мои «новости»: у Мура три дня слегка побаливал живот (впервые за всю жизнь!) — повела к русской докторше, та обнаружила аппендицит и посоветовала немедленно показать Алексинскому[1].

К концу второго дня безрезультатной езды, наконец, Алекс нского застали, тот велел сегодня же доставить в клинику Ville-Juif[2], чтобы завтра утром оперировать.

14-го утром его оперировали, нынче пошел седьмой день, пока всё благополучно. Вел и ведет себя мужественно, — лучше чем взрослый.

Все это, конечно, сильно расстроило наши материальные дела, ибо хоть с нас, с точки зрения клинической, взяли грош, но этот грош был насущно-отъездный — или квартирный, — насущный. (Алексинский за операцию *ничего* не взял.)

Но сейчас тверже чем когда-либо решила вести его нá море: все последнее время он выглядел очень плохо, был желт, как лимон, и все ложился, — прикладывался — сам не сознавая, что болен. (Дети *не* жалуются.) А сейчас, после операции (пять дней приблизительного не-едения) он конечно будет очень истощен.

Вчера был мой вечер: 200 фр⟨анков⟩.

Из Ваших, пока, никто не отозвался, и — думаю — уж не отзовется. (Удивляют меня — Гартманы, всегда такие сердечные. Но они так же «мои», как «Ваши».)

Ну, вот.

Тороплюсь, ибо каждый день езжу к Муру на три часа, итого, с дорогой — 6 ч. — Это на краю света.

До свидания!

Вы меня совсем забыли.

Целую Вас и детей, — все ли вы здоровы?

МЦ.

Непременно пишите о себе.

17

La Favière, par Bormes (Var)
Villa Wrangel
4-го июля 1935 г.

Дорогая Ариадна,

Пока — два слова. Ваше письмо долетело, верней — доползло, — спасибо. На 14-тый день после Муриной операции мы с Божьей и дружеской помощью тронулись, на train de vacances*, на Юг. Фавьер — несколько русских вилл и французских ферм, без улицы и почтового ящика. Огромный пляж, на котором мы с Муром, от 4 до 6 ч. — *одни*, не считая прибегающ х собак.

Виноградники подходят прямо к морю, уступая последнюю близость — соснам.

Растительность — сосны, всякого рода деревца и кусты, среди которых — мирт. На миртовом дереве повесилась Федра, у *меня* говорящая:

На хорошем деревце
Повеситься не жаль!

---

* Каникулярный поезд *(фр.)*.

Нет, не так, — та́к:

Федра: —Ввериться? Довериться?

Кормилица: — Лавр — орех — миндаль!

На хорошем деревце
Повеситься не жаль![1]

Жизнь здесь трудная, густо-хозяйственная, все нужно добывать — и весьма в поте лица.

Самое, для меня, тяжелое: нельзя ходить. Муру нельзя ходить, — значит и мне нельзя. А — *какие* горы!! И горный городок — Bormes — *феодальный:* мой — и всего только в 6 кил⟨ометрах⟩ *вс*ходу! Дразнит — пуще чем лисицу — виноград. *Ногой* подать!

Мур, конечно, не купается — полощется руками и ногами и ухитряется ходить на четвереньках, не моча бандажа. Он *очень* сознателен.

Спасибо Вам и Вашим дочкам за память. Мур *с удовольствием* писал им ответ. Это — первые девочки, к которым он *хорошо* относится.

— Жаль Вас на морковь и горошек! Как себя. Такая работа — сон, дурман, как *всё*, что не тетрадь, либо: не *в* тетрадь.

Целую Вас и сердечно рада буду, если еще напишете. От Г⟨артман⟩ов перед отъездом получила 70 фр⟨анков⟩, еще не успела поблагодарить. Courbevoie (Seine) — ? — Carle Hébert (37? *Не* помню, умоляю *сразу*, а то выхожу — невежей).

Дай Бог, чтобы и остальные последовали их примеру: перешлют. Еще раз спасибо за память.

МЦ.

18

La Favière, par Bormes (Var)
Villa Wrangel
2-го сентября 1935 г., вторник.

Дорогая Ариадна,

Я конечно сразу ответила Вам на письмо, но это уже не первый случай недохождения по адресу: я так же писала Буниной в Грасс[1] — давным-давно — и от *нее* ждала ответа, а получила запрос — почему молчу. Дело в том, что в начале лета не было почтового ящика и я оставляла свои письма то на одной, то на другой даче, то в лавке — на милость частного внимания — «когда пройдет почтальон». Очевидно — кто-то забыл, тем более, что клала их то на подоконник, то на кухонный стол, вообще — ненадёжно. Очень жаль, что не дошло, но сердечно рада, что не усумнились в моей дружественности.

Я, как видите, еще на Юге — приблизительно до 25-го, на Юге, который постепенно перестает быть югом (так же неуловимо и неуклонно, как друг — другом (на этот раз и *смысловая* — рифма!) — напр⟨имер⟩ ныне сосна в окне — явно северная, п. ч. сквозь нее — не синь, а серебро: прохладного равнодушного неба. Купаться уже не хочется: либо жарко

па воле — холодно внутри, либо обратно, но всегда — предвкушение, верней — угроза — озноба. Да я вообще землю (сухую, горную) несравненно предпочитаю морю: хождение (восхождение) — своему плохому плаванью, ибо я глубины — боюсь: трус, самый простой — физический.

Прогулки здесь чудные, но — скучно о чужих чудных прогулках? Нам и открытки чужие — скучны, если не особенно уж красноречивы. Но спутника — верного у меня за лето не нашлось: такого, с которым бы одинаково хорошо — идти, говорить, молчать. Были либо ходящие и неговорящие (говорящие — не то и не о том), либо говорящие — и неходящие — одна замечательная русская швейцарка[2], написавшая огромную книгу-труд — о русском при́чете (плачу по мертвым) — умница, красавица, но с больной ногой. И побыла́ недолго. Остальное — сменялось. Был у меня и молодой собеседник — моложе меня на десять лет — который приходил ко мне по вечерам на мою скворешенную лестницу — вечером гулять нельзя, п. ч. совершенно черно и все время оступаешься, а в комнате спит Мур — вот и сидели на лестнице, я повыше, он — пониже, беседовали — он очень любил стихи — но не та́к уж *очень*, ибо с приездом моей дочери (я не хотела, чтобы она летом сидела в Париже, да и случай был хороший — даром, на автомобиле) — сразу перестал бывать, т. е. стал бывать — с ней, сразу подменив меня, живую, меня — *меня*, — понятием «Votre maman»*[3]. Пишу Вам об этом совершенно просто, ибо я все еще — *на верху лестницы*, и снижаться не собираюсь, рада бы — да не выйдет. Положение — ясное: ей двадцать лет, мне — сорок, не *мне*, конечно, — мне — никаких лет, но — хотя бы моим седым волосам (хотя начались они в 24 года: первые) — и *факт*, что ей — двадцать. А у нее — кошачий инстинкт «отбить» — лапкой — незаметно. Там, где это *невозможно* — она и не бывает, т. е. заведомо неравный бой: всех средств — и их полного отсутствия: ибо — у меня ни молодости, ни красоты, ни — не только *воли* к бою (нра́влению), а мгновенное исчезновение с поля битвы: меня *не было*. Там где может быть другая (другая, чем голая душа: *я́*) — меня *не было*. Такова я была и в 20 лет. И меня *так же* променивали. Не думайте, что это — рана. Честное слово: даже не царапина. *Может быть* — крохотная заноза, которую лучше всего — йодом.

У меня *бесконечная* трезвость, до цинизма. Я *все* знаю вперед — и все знала — и на этот раз. (Какое *маленькое* «всё»!) Кончилось тем (он нынче уезжает) что вчера он совершенно официально обратился ко мне за разрешением пригласить Алю (Votre fille)** на прощальный обед в ресторан, на что последовал ответ: — «Il y a un an qu'elle est majeure. (— *Marina*, que dois-je faire dans la vie? Puis-je étre écrivain? Je ne puis demander cela qu'à Vous. Etre écrivain — comme *Vous* l'êtes...» и т. д. — Soyez grand. Soyez plus grand que nature. Quant à écrire — personne ne Vous le dira, même moi: *surtout* — moi***. — Таковы были *первые* разговоры.

---

* «Ваша мама» *(фр.)*.

** Ваша дочь *(фр.)*.

*** Вот уже год, как совершеннолетняя. — *Марина*, что мне делать в жизни? Могу ли я быть писателем? Только Вас я могу об этом спросить. Быть писателем таким, как *Вы*...

— Будьте большим, большим, чем есть. А что касается писания, никто Вам этого не скажет, даже я, *именно я* *(фр.)*.

И *«Marina»*, без разрешения — но и без наглости — под наплывом душевной тревоги — к *большой* птице — под крыло. Было еще и: — Comment ferai-je sans Vous? Я, *молча*: — comme tous)*.

Вот и вышло — comme tous.

Мур — чудный, как вы точно сказали — белый негр. Но белого — мало: он совсем коротко — острижен, вот только — глаза, совсем беспощадные на этой бронзе. *Страстный* купальщик — частые скандалы по этому поводу: закупывается. Научился отлично плавать и нырять. Пляж здесь (тьфу! тьфу!) слава Богу — мелкий. И ходок *отличный*. Единственный из здешних детей, ходящий с нами на далёкие прогулки — и *не* устающий. Это в меня — моё.

Душевно — томится без дела, скучает по школе, читает всякую рвань (лучшее из рвани, но — рвань: Benjamin, Mickey, Dim⟨anche⟩ Illustré)[4], но и Диккенса — «Лавку Древностей», — ему бы лучше всего в хорошую — швейцарскую или английскую — мальчишескую колонию: спорт, дисциплина, себе — подобные. *Я* ему — *ни к чему*, да я и слишком (словесно и душевно) — уязвима, требую *всё обратное — веку*, а он весь — свой век: весь свой век.

— Ну, вот. Это письмо опущу собственноручно в ближайшем городке Lavandou.

— Никаких вестей от Вашей belle-soeur** — нет. (Хорошо бы! Но *не* надеюсь.)

Принят в Совр⟨еменные⟩ Зап⟨иски⟩, в сокращенном виде, мой Черт (из детской жизни).

Писала — мало. Приводила в порядок стихи последних лет. Кое-чего — добилась.

Целую Вас и детей и жду письма.

МЦ.

19

Vanves (Seine)
33—65, rue J. B. Potin
12-го октября 1935 г.

NB! 33 — *бывший*, № 65 — новый, пишите *оба*, учитывая консерватизм французов.

Милая Ариадна,

Начну с *срочной* просьбы: добыть и вернуть мне обе рукописи: 1) le Gars (поэму) и 2) Neuf lettres (прозу), данные Вашему знакомому французу[1] (секретарю? какого-то журнала) на просмотр.

Мне обе вещи *срочно* нужны для (возможного) выступления в Швейцарии[2] и, тогда, — возможного их напечатания — там же.

Других экз⟨емпляров⟩ у меня *нет*, есть только черновики, а дело *спешное*, ибо мне, чтобы получить приглашение, нужно сначала послать материал.

---

* Как я буду без Вас? — Как все *(фр.)*.

** Свояченица, невестка *(фр.)*.

Я в отчаянии при мысли, что француз мог их потерять — ибо так уже однажды, в салоне Nathalie Clifford-Barney[3] — со мной (теми же вещами) — было. Ничего не сделала (*всё* обещав! у нее было свое издательство) и потеряла. (Я не ассоциирую Ва́с с Barney — сохрани Бог! Я *знаю* Вашу добрую волю ко мне, но ведь вещи — у чужого!)

Умоляю.

Если бы вещи были у меня на руках этим летом — швейцарское выступление было бы *наверное*, — я на Юге встретилась с русской швейцаркой, д⟨окто⟩ром словесности при базельском Университете, и от нее всё зависело, но *без вещей* она не смогла и не сможет — ничего.

— Умоляю! —

Приглашения делаются в течение Октября, чем раньше пошлю — тем лучше, собственно давно должна была бы послать, но всё надеялась, что обнаружу ещё оттиски у себя. Наконец, перерыв все свои архивы (работала пять дней!) удостоверила, что *все* раздала и *ничего* не имею. Те, французу — последние.

Из факта письма видите, что я в Ванве. Лето было чудное, но с вынужденным безделием (писательским). Теперь — навёрстываю.

У нас все простужены, холод и беспорядок.

Жду отклика и целую. Детям сердечный привет.

МЦ.

⟨Приписки на полях:⟩

На Юге были еще и Паррэны[4] (N⟨ouvelle⟩ R⟨evue⟩ F⟨rançaise⟩), и я отлично могла устроить свою прозу (Lettres)[5]. *РОКОВОЕ.* Когда немножко обойдусь, попытаемся устроить встречу.

Мура за «esprit trop mûr pour son âge»* перевели через класс. Сейчас он учит англ⟨ийский⟩ яз⟨ык⟩.

20

65 (ancien 33), rue J. B. Potin
Vanves (Seine)
18-го Октября 1935 г.

Дорогая Ариадна,

Убеждена, что операция удалась и что Бутя[1] на Ваших глазах начнет поправляться — начиная с первого пюре — так было с Муром.

Только одно: после операции — непременно — бандаж: *что бы Вам ни говорили.* Сейчас «мода» — не надевать бандажа, но мода может завтра пройти, а живот (Бутин) останется, и важно, чтобы остался в наилучшем виде. Алексинский — светило аппендицита и вообще виртуоз операции — бандажа *не* предписал, а Мур носил — недолго — ровно месяц после того как встал, и снял по предписанию врача, в Фавьере. Не забудьте, что у детей вообще резкие движения, а инстинкта самосохранения — как у животных — нет. И, вообще, неопрятно, ненадёжно — говорю о самом ощущении — ничем не защищённый живот, после такой встряски. (Мур упорно не хотел снимать бандажа и проносил

---

* Ум, слишком зрелый для его возраста *(фр.)*.

его несколько лишних дней — в банда*же-же*, к концу третьей недели, бегал.)

Нý — вот.

Бандаж заказывается заочно, *точно (не* стягивая и не прибавляя) сняв мерку, какую — Вам скажут в магазине, только не забудьте резинки (Муру не сделали, ибо был июль и никто не носил чулок), а то все время лезет вверх.

Рукопись от Juillard'a уже получила, — молодец! Не только не затерял, но выслал заказным. Теперь смогу заняться своей поездкой: пока что выслала им свою прозу о Рильке (1927 г. — Твоя смерть) — м. б. найдут переводчика: моя проза, говорят, трудна (NB! — *точна*) — я бы сама перевела, но сейчас, после 12-ти лет Франции — физически отвыкла от немецкого, хотя на глубину знаю его лучше французского, ибо он — роднее. (Только что заметила, что Жюльяра произвела от Juillet, а не от Julie*: надо *Jul*l*iard...)

Напишите, когда собираетесь домой и всё об операции и ходе выздоровления.

Целую Вас и девочек, *особенно* — пострадавшую. Мур тоже о них вспоминает с большой дружественностью. Учится он — перескочив — отлично.

МЦ.

21

Vanves (Seine)
65, rue J. B. Potin (старый дом, но новый №)
7-го янв⟨аря⟩ 1936 г.

С Новым Годом, дорогая Ариадна!

Давно жду весточки. Последнее от Вас — известие о Бутиной операции, я тотчас же ответила (в Бельгию) — и молчание.

Надеюсь, что Бутя совсем уже поправилась и никаких новых болезней в Вашем семействе — нет.

Очень жду ответа, а пока сердечно приветствую и желаю Вам в Новом Году — нового.

МЦ.

22

Vanves (Seine)
65, rue J. B. Potin
23-го янв⟨аря⟩ 1936 г., четверг

Дорогая Ариадна,

Значит, Вы живы и всё хорошо.

А я уже думала, что Вы навсегда остались в Бельгии, и Ваше молчание истолковывала циническим à quoi bon?** (раз все равно уже не встретимся).

---

* Жюль... Жюли — имена *(фр.).*
** Ради чего *(фр.).*

Нет, та́к лучше: Vaucresson и St. Lazare.

Итак, встречайте нас в воскресенье с означенным поездом. Сердечно радуюсь встрече.

Я как раз на днях написала Гартманам с запросом о Вас, а ответили — Вы. (Они мечтали нас с Вами совместно пригласить.)

Обнимаю Вас и девочек, Мур шлет мужской привет и тоже очень радуется встрече.

Итак, мы выезжаем с поездом 11 ч. 30 с С⟨ен-⟩Лазара и слезаем в Vaucresson'е.

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Какая у Вас легкомысленная вилла! Особенно в соседстве с *аббатом*. Что-то мопассановское[1].

23

Vanves (Seine)
65, rue J. B. Potin
15-го февр⟨аля⟩ 1936 г., суббота

Дорогая Ариадна,

Ужасно жаль, но в воскресенье у нас две вещи: в 4 ч. семейный визит и в 9 ч. концерт — о⟨бщест⟩ва, в к⟨отор⟩ом я сотрудничаю (переводы нем⟨ецких⟩ и русск⟨их⟩ песен на французский)[1]. Поэтому — дважды невозможно.

Другое предложение: нельзя ли было бы к Вам — с ночёвкой? (Можем с Муром на одной постели — неважно.) — Соблазнительно. — Уложив детей целый вечер бы с Вами пробеседовали, никуда не торопясь и ни на что не озираясь. Без помехи. Приехали бы, скажем, в субботу *(или среду)* часам к 6-ти и уехали бы на др⟨угой⟩ день в то же время. Отвечайте скорее и, если да, назовите поезд. *Можем в эту среду* (у Мура четверг свободный) *и в эту субботу*. А то ужасно неуютно именно вечером, когда хочется сидеть, уходить в какую-то тьму.

Но если места нет или вообще неудобно — предлагаю этот четверг (поездом 11 ч. из Парижа) или следующее воскресенье. (Не примите за навязчивость: я думаю о нас *обеих*: Вы бы мне почитали — что́ за это время написали, вообще бы побеседовали, — ведь вечером говорится и живется совсем иначе!)

Итак:

1) либо в эту среду или *если с ночёвкой* эту субботу в 6 ч. (сообщите поезд: час *отхода*)

2) либо в этот четверг или в след⟨ующее⟩ воскр⟨есенье⟩ поездом 11 ч. 30.

Жду ответа — возможно скорого.

Целую Вас и детей.

МЦ.

24

Vanves (Seine)
65, rue J. B. Potin
18-го февраля 1936 г.

Дорогая Ариадна,

Sauf contre-ordre* — выезжаем завтра (в среду) с Муром поездом *в 6 ч.* и вылезаем в Вокрессоне.

Мечтаю, чтобы belle-mère** задержала свою поправку — что́ ей сто́ит??***

Девочкам везу подарок — только не говорите, пусть будет сюрприз. Обнимаю Вас и радуюсь.

МЦ.

Если же контрраспоряжение — то в четверг, поездом 11 ч. 30.

25

Vanves (Seine)
65, rue J. B. Potin
6-го марта 1936 г., пятница

Дорогая Ариадна,

С радостью приедем к Вам (к вам!) в воскресенье, означенным поездом, — но с большой просьбой: возместить нам дорогу: *железную* — на 4 метро мы способны.

Иначе эта непосильная для меня трата может стать серьезным препятствием к нашему общению, — а жаль! Ведь не знаешь дальнейших судеб, и жизнь чаще разводит — чем сводит…

Но заранее предупредите девочек, что мы уедем *сразу* после обеда (вечернего), т. е. что в 7 1/2 ч. должны быть в вагоне: до нас очень далёко, и доберемся не раньше 9 1/2.

А то — будут м. б. огорчены, что «так коротко»… (Впрочем — всегда коротко, кроме случаев, когда — очень длинно…)

Итак, целую Вас и прошу простить за откровенное признание — в несостоятельности.

Привезу Вам замечательную книгу — скандинавскую: историю чьей-то прабабушки.

Итак — в воскресенье, в 11 ч. 30.
Детям — сердечный привет.

МЦ.

Мур еще ничего не знает, а то изведет — до воскресенья!
По арифметике (классной) он нынче получил — 0. Но почему-то убежден, что это «не считается».

---

* Если не будет контрраспоряжения *(фр.)*.
** Свекровь *(фр.)*.
*** Ca lui fait peu de peine et à *nous* — tant de plaisir! *(примеч. М. Цветаевой)*. (Ей так мало горя, а нам — столько радости) *(фр.)*.

Обратите внимание на марку и догадайтесь, что̀ это изображает.

Посылаю Вам младенческого Мура (3 года 1 мес‹яц›[1]).

26

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
9-го марта 1936 г., понедельник (в России была — весна!)

Дорогая Ариадна,

— Увы, увы! — Я у Вас вчера забыла свою преданную зажигалку — на круглом столике возле большого кресла — там где вечная желтая стеклянная заря.

Умоляю положить ее в маленькую коробочку, которую крепко напихать ватой — чтобы не болталась — и отправить échantillon sans valeur, *recommandé**.

Зажигалка — моя правая рука, и не только моя — всего дома.

Спасибо за чудный день. Ваша belle-soeur**[1] очаровательна: именно *belle* и *soeur****. (Красота + один ум дает страшную сушь, а сердце всё разряжает — и разоружает.)

Целую Вас обеих. Если О‹льга› Н‹иколаевна› решит идти 17-го на Керенского[2] (будет отвечать на *все* вопросы) — прошу тотчас же известить: достану билет. *Очень* ей советую, это — 20-летние *итоги* и *история*.

Только — сразу ответ: билеты нарасхват.

Пока же целую обеих.

МЦ.

Мур сердечно приветствует детей и взрослых: сейчас он у зеркала яростно начёсывается, мечтая довести голову до зеркальной поверхности: хорошо, что еще не догадался, что есть — arachide!****

27

Vanves (Seine)
12-го марта 1936 г., четверг

Дорогие,

— *Ein Einfall******. —

Хочу быть у вас в субботу 14-го — *одна* — (у Мура examens trimestriels******) — поездом, выходящим в *10 ч. утра*, чтобы уехать в 4 ч. 30. —

---

* Образец без цены, заказным *(фр.)*.
** См. перевод на с. 489.
*** Красивая и сестра *(фр.)*.
**** Растительное масло *(фр.)*.
***** Одна идея *(нем.)*.
****** Ежеквартальные экзамены *(фр.)*.

С рукописью «Лазарет Ея Величества»[1], которую бы мне хотелось прочесть вам обеим — это ведь последний день Ольги Николаевны? (Отъездный — не в счет.)

И мы бы *серьезно* сговорились о моей бельгийской поездке — назначили бы хотя бы приблизительный срок, сговорились бы о *визе*, чтобы это потом не помешало «исполнению желания» (как на картах).

Вообще — хорошо провели бы вместе полдня.

Меня это осенило как раз в ту минуту, когда садилась писать благодарность за зажигалку — и не только.

Только большая просьба: встретьте, если можете, я без Мура — запутаюсь, *ÓН* — мой Orientierungssinn*: глаза — и здравый смысл.

Да! у меня для О⟨льги⟩ Н⟨иколаевны⟩ — *приятная* весть: совершенно неожиданная — и даже немножко чудесная.

Но хочу — устно.

Есть и две *грустные*, но уже не личные.

Целую обеих.

— До субботы!

МЦ.

28

Vanves (Seine)
65, rue J. B. Potin
12-го апреля 1936 г., первый день Пасхи

Христос Воскресе, дорогая Ариадна!

Жду весточки.

Надеюсь, что переезд совершён[1] и завершён и вообще очень по Вас соскучилась.

Вчера получила милейшее — *сердечное* и *деловое* (а это — редкость!) письмо от О⟨льги⟩ Н⟨иколаевны⟩.

Думаю, что мой вечер в Брюсселе состоится в конце мая.

Ваши книги — целы и здоровы.

От души обнимаю Вас и детей. (Я наверное очень не понравилась Вашему мужу, — да оно и понятно: я тогда так неожиданно ворвалась.)

Пишу по старому адр⟨есу⟩, ибо нового не знаю.

Мур дружески жмет руку девочкам. Он их — любит.

МЦ.

29

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
30-го апреля 1936 г., среда

Дорогая Ариадна,

Страшно счастлива, что Вы нашлись. (Вы *всегда* теряетесь!)

На Бальмонте[1] встретила Гартмана, очень про Вас расспрашивал и говорил, что мечтает нас совместно пригласить, но больна — жена (ее — не было).

---

* Чувство ориентации *(нем.)*.

Нынче наконец подала прошение о бельг⟨ийской⟩ визе[2]. Было очень сложно, п. ч. во-первых—пропало (т. е. переехало) консульство, во-вторых—множество непредвиденных вопросов: полная анкета непредвиденностей!

Был и комический эпизод, к⟨отор⟩ый расскажу при встрече.

В Брюссель собираюсь (тьфу, тьфу!) 20-го мая—на десять дней. Больше всего мечтаю о его садах—и о лесе. И—*безумно*—о Брюгге, если удастся попасть. Еду с неизменным Муром, к⟨оторо⟩го дома не с кем оставить, ибо: мой дом—это я. (Ва́м ли—не знать???)

Очень надеюсь повидаться еще до отъезда. *Чем* больна Вера?[3] Грипп?

Бальмонтовский вечер прошел—лучше нельзя. Полный зал, и слушали всей душой.

Читали: Шмелёв[4], я[5],—ПЕРЕРЫВ—Б. Зайцев[6]—Поляков-Литовцев[7]—Тэффи[8]. Ремизова не было—болен. Сколько набрали—не знаю. По́вод: 50-летие литер⟨атурной⟩ деятельности, а по существу—на лечебницу. М. б. прочту свою вещь о нем в Брюсселе. Жена[9] сказала, что Бальмонт у меня ЖИВОЙ и что я сказала все то, что хотела бы и не решилась бы сказать—она.

Для меня это—высшее из признаний, ибо она на Бальмонта положила—жизнь.

Итак, буду ждать Вашего зова, пока же от души обнимаю Вас и детей. Привет Вашей маме и брату[10], когда увидите.

Мур тоже очень рад, что Вы (*вы все*) нашлись.

МЦ.

30

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
6-го мая 1936 г., среда.

Дорогая Ариадна,

Итак, жду Вас в пятницу, начиная от 4 ч.

Если Вы действительно отчаялись потребить весь салат самостоятельно—привезите, пожалуйста! мы за чтением о нем совсем забыли и я потом раскаивалась (où le remords ne va-t-il pas se nicher!)*.

Верну Вам Большого Meauln'a[1]—*замечательного.*

Обнимаю Вас и жду.

МЦ.

---

* В какую щель только не залезет угрызение *(фр.)*.

От станции Mairie d'Issy — мимо кафе, где стоят автомобили, всё вверх до небольшой площадки с небольшими деревцами. Перейдя ее, влево наискось — попадаете по правую руку на Rue Baudin, пройдя ее, идете вправо по Av⟨enue⟩ de Clamart и на *той* ее стороне, очень скоро, наш угловой дом (руина) — второй этаж — стучите.

⟨*Приписка на полях:*⟩

И сирени!!! —

31

⟨15-го мая 1936 г.⟩[1]

Дорогая Ариадна,

Увы — страшно жаль — но завтра 77-летний день[2] рождения моего дорогого Сергея Михайловича Волконского, который вот уже полтора месяца лежит в лечебнице с переломом бедра. Дай Бог — чтобы *когда-нибудь* встал![3]

Я должна ехать 20-го, а визы все еще нет. Написала вчера и нынче Ольге Николаевне с просьбой нажать *оттуда*, ибо с *моей* стороны — *всё* сделано.

Увидимся уже *после* моей Бельгии, ибо сейчас должна буду приводить в окончательный вид 1) рукописи 2) нас с Муром — хотя бы и приблизительно.

Целую и жалею. Муру даже не сказала о приглашении — чтобы не огорчать.

МЦ.

32

28-го мая 1936 г., четверг

Дорогая Ариадна, — с радостью. Множество впечатлений и рассказов, очень по Вас соскучилась и давно бы Вам написала, но в Брюсселе всё время была спешка[1], п. ч. одна неделя — на *всё*.

Итак — до воскресенья, *нашим* поездом.

Обнимаю Вас, привет детям.

МЦ.

33

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
1-го июня 1936 г., понедельник

Дорогая Ариадна,

Большая просьба: я у Вас вчера забыла свою рыжую тетрадь, из к⟨отор⟩ой читала (школьную, на первой стр⟨анице⟩ Lettre à l'Amazone, — на столике), а, как раз, вернувшись, застала письмо Шаховской, где просит поскорее выслать рукопись, чтобы показать *Journal des Poètes*[1]. Поэтому *очень* прошу Вас по возможности тотчас же выслать тетрадку (*recommandé*, ибо у меня есть только первый черновик и многое *найдено* — в процессе переписки). Буду Вам очень благодарна. (Фрейд

говорит, что забывающий вещь у другого забывает ее *для того*, чтобы не совсем уйти. В такой забывчивости – прежде всего – *доверие*.)[2]

Хотите к нам в субботу? Если можно – к 4 ч., чтобы побольше успеть прочесть и проштудировать Вашего[3], – возьмите любой отрывок: дело в *принципе*. Если не опоздаете, пойдем с тетрадью в ближний парк или на вал.

От О⟨льги⟩ Н⟨иколаевны⟩ нет ничего, Шаховская написала сразу, очень мечтает о моей франц⟨узской⟩ книжке, но торопит с рукописью, поэтому еще раз прошу Вас, дорогая Ариадна, – высылайте сразу, не ждя до субботы, п. ч. день-два должны уйти на окончательные поправки.

Целую Вас и жду в субботу, к 4 ч.

МЦ.

P. S. Пришлите мне, пожалуйста, адрес и точное начертание фамилии Люсьэна[4]: (de Neck? Denek? или – третье?) Хочу запросить его о судьбе моей другой рукописи, оставленной у него, – я как кукушка разбросавшая птенцов – и рассказать о Вас, о нашей совместной о нем дружественной беседе – ему приятно будет. Он – *тоже* птенец (как и мои рукописи!)

34

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
5-го июня 1936 г., пятница

Дорогая Ариадна,

Сердечно радуюсь завтрашней встрече, – только не передумайте.

Большая просьба: привезите нам завтра салату и вообще зелени – какой можете: мы все зелено*е́ды* и даже -жо́ры, словом: jegliches Grün ist willkommen*.

– Получила письмо от О⟨льги⟩ Н⟨иколаевны⟩ – и деловое, и, если хотите, личное (пишет о своей тоске) – и всё-таки прохладное. Эта женщина заперта (сама от себя) на семь, а м. б. семижды семь – замко́в. Уж если я́ не развязала ей уст... и чувств

и – неожиданное заключение:

...развяжет только тот, в к⟨оторо⟩го влюбится – *если* влюбится.

Маршрут: от terminus Mairie d'Issy – наверх мимо кафе со стоянкой автомобилей – и всё наверх до небольшой площадки с деревцами (*молодыми*), её перейти наискосок влево и первая улица направо: Baudin, пройти Baudin насквозь и оказаться на Av⟨enue⟩ de Clamart, по которой немножко пройти направо, и наша улица первая налево (NB! нужно перейти), с нашим же домом (руиной) на углу и на нем дощечкой с названием улицы.

---

* Всякая зелень будет принята с радостью *(нем.)*.

Возьмите листок и идите *по нему*, никого не спрашивая, ибо есть другая дорога — и она — *час*.

Захватите *любую* из рукописей, ведь дело в принципе[1]. *Всё дело у Вас* в заострении эпитета и избежании *общих*, напрашивающихся образов и оборотов. Но это можно показать только на примере. Кроме того — не думая об этом пишет большинство пишущих французов, это, увы, в самом языке, так что я «требую» с Вас — не как с француза.

Словом, очень радуюсь и жду. Скромно напоминаю про салат. Детям сердечный привет.

МЦ.

〈*Приписка на полях:*〉
Огромное спасибо за пересылку Amazone[2]. Спешно переписываю.

35

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
7-го июня 1936 г., воскресенье

Дорогая Ариадна,

У меня *все* дни этой недели заняты: то от 4 ч., то от 7 ч., т. е. не предвидится ни одного большого спокойного отреза времени — следующее воскресенье включая.

Итак, с понедельника, 15-го — *когда* хотите, только назначайте сразу, а то — не знаю, что́ сталось с моей жизнью — сплошные приглашения и *на*глашения, хочу, чтобы нам никто не помешал ни с рукописью ни вообще.

Написала письмецо Люсьену. Приятно писать незнакомому: все возможности.

О〈льге〉 Н〈иколаевне〉 (дательный падеж) тоже написала, — м. б. резко. Не зная, от чего тоска, *что́* болит — помочь не могу. И еще о неправедности служения одному *дому*. (При встрече — расскажу подробнее.)

Милая Ариадна, Вы совершенно правы: события не в нашей власти[1], и лучше всего — запастись *стоицизмом*. Это иногда — *вернее* керосина и муки. *Честное* слово.

Да чего бояться — нам, пережившим русскую революцию? Здесь *такого* быть *не* может: *всё* будет *легче*.

...Бестактность взрослых, и даже пожилых, не понимающих, что их *опасения* для детей — *ужасы*.

Обсрегайтс.

Целую Вас и жду весточки, а саму Вас — с понедельника, 15-го.
Любящая Вас

МЦ.

36

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
13-го июня 1936 г., суббота

Дорогая Ариадна,

Жду Вас, с большой радостью, *во вторник*, ибо понедельник у меня уже взяли — молодые муж и жена, оба пишущие[1], — так что нам с ва́ми не удалось бы как следует ни побеседовать, ни почитать *свое*.

Итак, во вторник, к 4 ч., — дай Бог хорошую погоду, тогда пойдем в соседний парк, где даже есть павл*ин* (один!)

— а то та́к посидим*. Приезжайте надолго, с обедом, постараюсь Вас хорошо угостить. Но ни за что уже *не* отменяйте. О четверге сговоримся устно.

Целую Вас и жду, захватите маршрут.

МЦ.

Прочту Вам свои переводы песни из Пира во время Чумы и Пророка[2] — для бельгийского сборника 1937 г.

P. S. А листок оказался начатым с другой стороны — простите![3]
Но нет времени переписывать, п. ч. сейчас Аля едет в город и опустит.

И еще буду жаловаться на Люсьена[4].
— Уже?
— *Да.*

Словом — жду всячески.

37

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
23-го июня 1936 г., вторник

Дорогая Ариадна,

У меня есть для Вас — для нас с вами — один план, не знаю — подойдет ли Вам.

Дело в том, что мне безумно — как редко что́ хотелось на свете — хочется того китайского кольца — лягуша́чьего — Вашего — бессмысленно и непреложно лежащего на лакированном столике. Я всё надеялась (это — *между нами*, я с Вами *совершенно* откровенна, — в этом вся ценность наших отношений, но ОТКРОВЕННОСТЬ требует СОКРОВЕННОСТИ) — итак, я всё надеялась, что О⟨льга⟩ Н⟨иколаевна⟩, под императивом моего восторга мне его в конце концов подарит — я́ бы — подарила — и всю жизнь дарила — вещи и книги, когда видела, что они человеку *нужнее, своее* — чем мне — но она ничего не почувствовала, т. е. — полной его законности и даже предначертанности на *моей* руке (у меня руки не красивые, да и кольцо не «красивое», а — *mieux* или *pire***, — да и не для красоты рук ношу, а ради красоты — *их* и для радости

* — Б Е С П А В Л И́ Н Н Ы Е... *(примеч. М. Цветаевой).*
** Лучшее или худшее *(фр.).*

своей) — но она ничего не почувствовала, п. ч. она — другая, и к вещам относится не «безумно», а — трезво —

итак, возвращаясь к лягушке (в деревне их зовут ЛЯГВÁ).

Если бы Вы́ мне каким-нибудь способом дóбыли тó кольцо (ибо Вы́ бы мне его — подарили — мы *одной* породы), я бы взамен дала Вам — теперь слушайте внимательно и видьте мысленно:

большое, в два ряда, ожерелье из темно-голубого, даже синего лаписа, состоящее из ряда овальных медальонов, соединенных лаписовыми бусами. Сейчас посчитала: медальонов — семь, в середине — самый большой (ложащийся под шейную ямку), потом — параллельно — и постепенно — меньшие

но оба, против рисунка, *немножко* меньше, ибо я *очерчивала.*	черточки указывают *настоящий* размер[1]

Вещь массивная, прохладная, старинная и — редкостной красоты: настолько редкостной, что я ее за десять лет Парижа надела (на один из своих вечеров) — один раз: ибо: —

овал требует *овала*, а у меня лицо скорей круглое, даже когда я очень худею

такая явная *синева* требует синих или хотя бы серых глаз, а у меня — зеленые, а иногда и желтые

такая близость к лицу (первый ряд почти подходит под горло, второй лежит на верху груди) *невольно* требует красоты, а ее у меня — нету

Но вещь, даже на мне, была настолько хороша, что — все сразу поняли мои стихи, потому что их не слушали, а только на меня — смотрели (на нее!)

И старый кн⟨язь⟩ С. Волконский — виды видывавший! все виды красоты —

— Это одна из самых прекрасных вещей, которые я видел за жизнь.

— C'est quelque chose* [2].

Вам эта вещь — предначертана. Она настолько же — Ваша, *Вы́* — как то кольцо — *мое* и *я́*. У Вас лицо — с портрета, и даже — портрета, и вещь — с портрета. Вы — абсолютно похожи.

И мы бы только поменялись — своим, вернее — вернули бы вещи на их настоящие места.

Продать мою красоту я бы никогда не смогла, лучше бы зарыла в землю — для будущих.

Подарить Але? Но Аля с вещами (да и не только с вещами!) обращается так небрежно, — я ей когда-то, в числе *многого* другого, подарила дивные крупные серебряные бусы — каждая бусина *другая* — на цепочке, порвала цепочку, половину бус постепенно растеряла, — *ничего.* Сначала я ей говорила: собери, нанижи. — Да, да. — И так продадакала *пять лет подряд*. Колец моих тоже не носит, — бессмысленно.

Я люблю дарить в *верные* руки.

---

* Это настоящая вещь *(фр.)*.

Но теперь – главное:

Как выцарапать кольцо (которое им *не* нужно, – вещь среди других).

Если бы Вы, *не упоминая о мене ни звуком*, просто бы сказали (написали) О〈льге〉 Н〈иколаевне〉, что я в то кольцо *влюбилась* и что Вам страшно хочется мне его подарить

– она бы – дала?

Или – выпросите у брата? Раз – его́. И предложите ему что-нибудь взамен – на выкуп. (Но *что́* он любит? и у него – *всё* есть.)

Как было бы чудно! У Вас – ожерелье, у меня – кольцо.

Ожерелье – сейчас держу в руке – холодное как лед, *по холоду узнают настоящесть камня.* (Символ!)

А я бы Ваше кольцо – *никогда* бы не снимала.

(Оно – *перстень*)

– Словом, думайте.

И отвечайте поскорее, ибо я в страсти нетерпения, а м. б. и в нетерпении (нетерпеже́!) – страсти.

Прочла Curé de campagne* [3]. Мрачная книга: *все* умирают или погибают. Не́ на чем отвести душу. И вся эта – кровь.

Я с самого начала почувствовала рак – а Вы?

Это verunglückte** бордо + кровохарканье, всё одного буро-винного-кровавого цвета. И низкое небо. И вода под ногами. Мрачнее не читала.

Бедные – все!

Надеюсь немножко отойти на Petits Enfants Bleus*** (как ожерелье, нет, то́ – синее!)

А я, должно быть, скоро уеду. У Мура 28-го школьное празднество, а накануне я, кажется, поеду смотреть комнату в какой-то лесной и речной местности – час от Парижа[4].

Кто знает – если устроюсь – м. б. ко мне соберетесь – на целый вольный синий беззаботный речной лесной блаженный бессрочный день?

Целую Вас и жду ответа.

МЦ.

〈Приписка на полях:〉

P. S. От Люсьена – ни звука, и звука *не* будет: все сроки прошли! *Отослано 3-го июня* (а ныне 23-ье). Хорошо бы выяснить – дошло ли? *Ради него* – хорошо[5].

(*Я* – *привыкла*).

---

* Сельский священник *(фр.)*

** Несчастное *(нем.)*.

*** Детские письма, посланные по пневматической почте *(фр.)*.

38

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
28-го июня 1936 г., воскресенье

Дорогая Ариадна! Кольцо я видела только одно: *с цветной* (мне показалось — зеленой) лягушкой, значит — *не* Ваше. Сплошного серебряного с лягушкой я *не* видела — ни на руках ни на столах — а вдруг его уже нет?? (Подарили, потеряли, и т. д.) У нас с кольцами в семье — роман: моя мать, шестнадцати лет от роду, проезжая на пароходе по месту гибели Людовика Баварского и явственно услышав подводную музыку (все завтракали в каюте, она была *одна* на палубе, и музыка была *для нее*) бросила ему, т. е. в воду, свое первое, обожаемым и обожающим отцом подаренное, кольцо[1].

Моя сестра Ася, тех же шестнадцати лет, в ответ на какое-то слово ее 18-летнего мужа (он погиб двадцати одного[2]), слово, разверзшее бездну непонимания глубже того озера, при мне сбросила с пальца — далеко́ в зеленую херсонскую степь — из окна курьерского поезда — *свое* первое кольцо — *его* подарок[3].

А я — *всю жизнь* — дарила[4], надевала на *все* руки, это был *мой* рожденный жест, при встрече расскажу — и *покажу* — и перечислю[5]. И *все* — теряли: кто дарил невесте, а один даже распилил на́ два (и не получилось ничего).

А мне, кажется, никто не дарил. Нет, одна женщина — Таня — муж которой меня любил[6] (и мне не подарил, подарила — она).

Возвращаясь к лягушке: если то́, с *не* — голубой, Ва́ше, — такое же: мужское, простое, тяжелое, *не* objet de luxe, a — de nécessité, и даже — de peine*, — еще страстнее хочу *его* — если оно только *живо*, ибо я его *не* видела, и — спрашивала Мура — на руке у Вашего Бориса[7] его нет — «только такое — желтое — обыкновенное — *женатое*» (Мур).

Чудно, что не надо будет тревожить О⟨льгу⟩ Н⟨иколаевну⟩ и испытывать ее, ко мне, чувства.

Но как Вы объясните брату?? А вдруг он меня — возненавидит? Гостила неделю — да еще кольца лишила! А вдруг — внезапно ожаднев (смеюсь) не отдаст? Станет носить, не снимая? Влюбится? Бросив жену и детей — уедет в Китай? Никогда не вернется? Станет мудрецом с вислыми усами? Китайским святым?

И всё буду виновата — я.

О четверге. В четверг *я неминуемо* должна быть в 9 ч. веч⟨ера⟩ на Convention у дружественной (он — *немец*) пары, я *свято* обещала и переменить нельзя, п. ч. это последняя встреча до разъездов. Значит, пришлось бы от Вас уехать никак не позже 6 ч., а м. б. и в 5 1/2 ч., ибо мне дома нужно еще накормить и уложить Мура, переодеться в гостевое, и т. д., — и вообще поспеть. Значит, милая Ариадна, предупредите детей, что мы не как всегда, до вечера, а я предупрежу Мура — чтобы не было огорчений.

Итак, с поездом 11 ч. 30 мин⟨ут⟩ — в четверг.

---

* Не предмет роскоши, а необходимости, и даже страдания *(фр.)*.

А Ваш лапис буду носить *по ночам*, из-за его красоты, и вообще приятно — чтобы никто не видел! Угревать его своими снами — и сном — так он будет совсем мой, ибо во сне я — на полной свободе: le moi du moi*.

Теперь до свидания. Пишу в 7 ч. утра — Мур еще спит — о других говорить нечего, ибо если Мур спит — весь дом спит.

Привезу Вам еще один перевод: «Для берегов отчизны дальной», у меня вообще мечта перевести *все* мои любимые стихотворгения Пушкина, — все *самые* любимые.

Обнимаю Вас и радуюсь встрече.

МЦ.

39

Vanves (Seine)
65, rue J. B. Potin
⟨29-го или 30-го июня 1936 г.⟩[1]

Дорогая Ариадна,

Судьба решительно против нашего последнего (на днях уезжаю) свидания, но будем — против судьбы, и всё же увидимся в четверг, только на ещё — короче, ибо мне *необходимо* быть в городе в *5 ч.* по отъездным делам, т. е. выехать от Вас не позже 4 ч.

А то — совсем не увидимся, п. ч. мне нужно убрать весь дом, уложиться — и т. д.

Но верю, что *Вы́* ко мне выберетесь — хотя билет и дорог (21 фр⟨анк⟩ aller et retour**, за Фонтенбло, на двух реках).

Итак — до четверга, хотя и нако́ротко.

Целую Вас, сердечный привет детям от нас обоих.

МЦ.

40

Moret-sur-Loing (S. et M.)
18, rue de la Tannerie, chez Mme V-ve Thierry
8-го июля 1936 г., среда

Дорогая Ариадна, вчера, в грозу и ливень въехали с Муром в Moret. Выгрузив вещи, зашли в кафе, а когда вышли — *все* улицы были превращены в глубокие и бурные потоки. Пока Мур изумлялся и негодовал, я быстро и молча разулась и пошла вперед — в воде выше щиколки, держась за край домов, ибо поток — уносил. (То же, конечно, пришлось сделать и Муру — но ка́к он потом ворчал! — «Все из окон на нас смеялись... Думают, что мы *всегда* ходим босиком»... и т. п. рассуждения горожанина.)

Квартира очень уютная и чистая, уличка тихая, за са́мой церковной стеной (спиной). Окрестности редкостной красоты: две реки — Loing и Сена — близкий лес (есть и сосна), холмы... Мы уже сделали две прогулки и уже нынче ели *свои* маслёнки.

* Я моего я *(фр.)*.
** См. перевод на с. 130.

Лавок — залиться: целая улица кооперативов и всяческих Familistér'ов[1]. Цены — не дороже Ванва. Словом, быт устрóен, т. е. — почти устранён.

— За этой церковью я живу[2], и у меня есть *своя* химера, и у Мура тоже: живем почти под ними. Церковь начата в *1166* г., т. е. 870 лет назад, т. е. без 30-ти — *900.* — Население приветливое, а вот слово Мура: — «Как странно: отчего это в старых городах — столько стариков? Наверное в Париже — их *давят*». (NB! — машины.) Это же слово, кроме реалистического толкования, я читала не то у Бодлера, не то у Верхарна[3], — во всяк⟨ом⟩ случае у кого-то Муром *не*читанного.

Пишите о себе. Приехал ли Н⟨иколай⟩ О⟨скарович⟩[4] — и на сколько? Кончились ли детские экз⟨амены⟩ — и каковы результаты? (Мне уже кажется, что мы с вами — сто лет не виделись.) А *мандат*???

Носится ли синее ожерелье и всё так же ли нравится? Отозвалась ли О⟨льга⟩ Н⟨иколаевна⟩ на кольцо — и есть ли надежда??!!

Словом, пишите все свои новости. И — *непременно* — *когда* (приблизительно) ко мне собираетесь? Лучше *не* в воскр⟨есенье⟩ (хотя и дешевле) в воскр⟨есенье⟩ у меня — именно из-за этого — *всегда* будет народ, и *ничего* не удается, не считая общеприездной толчеи на берегу.

Непременно напишите, когда приблизительно и сможете ли с ночевкой?

Погуляли бы по ночному городку — набережным — под химерами и с привидениями.

МЦ.

41

Moret-sur-Loing (S. et M.)
18, rue de la Tannerie, chez Mme V-ve Thierry
15-го июля 1936 г.

Дорогая Ариадна, получила нынче письмо от О⟨льги⟩ Н⟨иколаевны⟩ — уже сюда, очевидно адрес мой у нее от Вас, т. е. — Вы мое письмо получили. От О⟨льги⟩ Н⟨иколаевны⟩ узнала о *наконечном* возвращении Вашего мужа[1], — рада за Вас, авось Ваши бедствия кончились.

Оказывается, О⟨льга⟩ Н⟨иколаевна⟩ уже писала мне 12 дней тому назад — ничего не получила, хотя тогда была еще в Ванве. Не знаю, чтó в тóм письме, в этом — о кольце ни слова. М. б. не сочла нужным и даже возможным написать о нем *мне*, считая (как оно и есть) это вáшим делом? Очень хотела бы знать, нашлось ли оно у них, и написали ли они что-нибудь Вáм, — и *чтó*??? (Сплю и вижу его во сне, *честное слово*!)

Живем под дождем, — привыкли. Вчера было событие рынка (раз в неделю). Вчера же — событие 14-го июля. (Первое для меня, второе — для Мура.) В оба праздника (воскр⟨есенье⟩ и вчера) приезжали гости. Здесь чудные прогулки, но купанья нет, несмотря на *две* реки.

Отзовитесь — тогда напишу настоящее письмо.

Пока же целую — и желаю

МЦ.

42

31-го июля 1936 г.

Дорогая Ариадна,

Пишу в последнюю moret'скую минуту — обуянная страхом, что вдруг, не предупредив, приедете — а нас — нет!

Уезжаем из-за отчаянной сырости: двух рек, самого дома, небес и земли — а главное из-за подозрения, у Мура, ревматизма: болит то одна нога, то другая, иногда — до хромоты.

Из Ванва напишу о своей дальнейшей судьбе: возможно, что уеду в горы — было приглашение, но нужно еще проверить, а главное добыть деньги на билеты.

Если сразу напи ете, застанете меня еще в Ванве (уедем, *если* (тьфу! тьфу!) не раньше 4-го/5-го).

Пока целую вас и детей, простите, что не отозвалась раньше, но необходимость решения дальнейшей (или ближайшей) судьбы — мешала.

Пишу на узлах (littéralement)*. Горюю об этом чудном городке, где мне чудно жилось и работалось.

Жду скорой весточки, — как здоровье мужа, и где он — и что́ дальше, намечается с вами и, главное — с Вами? Работаете ли?

Сердечный привет родителям и брату. Как здоровье отца?[1]

МЦ.

⟨Приписка на полях:⟩

От О⟨льги⟩ Н⟨иколаевны⟩ получила большое приветливое письмо — давно уже.

65, rue J. B. Potin
Vanves (Seine)

43

St. Pierre-de-Rumilly, Haute Savoie
Château d'Arcine
28-го августа 1936 г., русское Успенье

Дорогая Ариадна! А я Вам последняя писала — из Ванва, сразу после Moret.

Как видите — я в Савойе — (мы с Муром) — в настоящем феодальном замке — XIII века, для меня, к сожалению, слишком сохранном, слишком приспособленном к человеческому образу жизни — есть и вода, и электричество, и — увы — мебель, хотя и не новая, но явно — не та́ — но я забралась на чердак, в никем не оценённую комнату — вроде пещеры, с крохотным оконцем, пробитым во всей толще стенки — и каменным полом en pierres de taille** — и здесь блаженствую, т. е. пишу все утра. А Мур в ней только спит — целый день гоняет (как у Вас с Верой) с на́ год младшим мальчиком и на́ пять младшей девочкой — под надзором одного 15-летнего полуюноши.

Погода — дивная — и заслу́женная.

Но спутников, увы, для пешего ходу — нет, все ездят на автомобиле — то в Chamonix, то в Annecy, а мне нужно — просто горы, без названия

* Буквально *(фр.)*.
** Из строительного камня *(фр.)*.

и — главное — без компании. Поэтому хожу одна — не особенно далёко, п. ч. не только теряю чувство направления, а как родилась — потеряла. Рву орехи — единственное, что́ здесь есть в изобилии, ибо фрукты погибли — все.

Пишу немножко своё. Перевожу Пушкина.

Очень жду от Вас весточки — о себе, о Вашей работе, о планах, о детях. Не поленитесь! Я здесь наверное еще пробуду дней десять.

Мур приветствует девочек — и Вас, конечно.

А я — обнимаю.

МЦ.

44

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
30-го сентября 1936 г.

Дорогая Ариадна,

Почему Вы ни разу не отозвались — голосу не подали за всё лето? Писала Вам дважды: из Moret и из Савойи. Неужели Вам было так плохо, что даже *мне* не захотелось написать??

В 20-тых числах мы с Муром вернулись из Савойи — и я все надеялась на весточку от Вас — но вместо Вашей получила наконец (4 месяца спустя!) от Люсьена, но — если бы Вы знали какую никакую: Chère Madame — и — pardonnez — и enchanté — в таком роде, а какие, по существу, всё слова *и вещи* — чудесные: и chère и ma dame (Dame!) и pardon и enchantement*, но не дано людям *осознавать* что́ говорят! Ни — чувствовать.

Итак, дорогая и *неверная* Ариадна, как видите — не сержусь, а верю, люблю и надеюсь (вчера как раз был этот тройной праздник)[1].

Если Вы нынче — 18-го русск⟨ого⟩ сентября — имянинница — поздравляю и желаю.

МЦ.

Мур завтра идет в школу, и мы вчера купили пуд тетрадей — еле дотащили.

Он очень приветствует Вас и девочек.

45

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
12-го апреля 1937 г.

Дорогая Ариадна,

Не знаю Вашего адреса и пишу на Ольгу Николаевну[1]. От нее знаю, что вы уже у себя, знаю и о болезни детей — помню как двухлетний Мур гнал от себя докторшу — Уходи, противная *краснуха*!

а она, не понимая, одобряла: — Вот молодец! Так и нужно гнать болезни!

Но жаль все-таки, что на первых порах Вашей новой жизни — такое осложнение.

---

* Дорогая госпожа... простите... очарован... дорогая... моя дама (Дама!)... прощение... очарование *(фр.)*.

О⟨льга⟩ Н⟨иколаевна⟩ пишет, что квартира небольшая, но хорошая, веселая (а у меня—небольшая и *не*хорошая! мечтаю переехать: извела третья печня́я—трехпе́чная зима—все утра́ простояла на коленях, выгребая и протрясая)—а я все вспоминаю Ваши сады, которые у меня все слились в один: огромный,—я очевидно их *сложила*, а м. б. и перемножила.

Как я помню одно наше с Вами гулянье, м. б. последнее, вечерело, Вы мне показывали молодые бобы, а потом дали мне розы, а дом уже был совсем темный. Слово Garches[2] для меня навсегда магическое, для Вас—нет и не может быть, п. ч. там шла Ваша *жизнь*, я же попадала в чей-то сон, немножко как Domaine sans nom* [3]—да там Вы мне его (Meaulnes) и дали... (Правда, Meaulnes, son grand *rêve***—немножко кусочек *нашей* жизни? С *нами* было. (*Я* (в книге) невыносимо только когда его нет. Когда оно есть—это *лучшее* слово и имя.)

Пишите, милая Ариадна, не смущаясь собственными долгими перерывами,—не будем считать и считаться.

У меня к Вам большая просьба, но скажу ее только после Вашего ответа.

До свидания! Когда в Париж? Непременно предупредите заранее. Хорошо бы вместе съездить на волю, на целый день. Сейчас начинаются чудные дни.

Пишите.

Обнимаю

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Пишете ли—книгу своего детства и юности? Что делаете весь день? Есть ли кто-нибудь при детях? А м. б. у Ваших краснухи не было? У меня было впечатление, что переболели все.

46

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
26-го Октября 1937 г.

Дорогая Ариадна,

Если я Вам не написала до сих пор—то потому что не могла. Но я о Вас сквозь всё и через всё—думала.

Знайте, что в Вашей страшной беде[1] я с Вами рядом.

Сейчас больше писать не могу потому что совершенно разбита событиями, которые тоже *беда*, а не *вина*[2]. Скажу Вам, как сказала на допросе[3].

— C'est le plus loyal, le plus noble et le plus humain des hommes.—Mais sa bonne foi a pu être abusée.—La mienne en lui—jamais***.

---

* Поместье без названия *(фр.)*.
** Прекрасный сон *(фр.)*.
*** Он самый честный, самый благородный, самый человечный человек. Его доверие могло быть обмануто. Мое к нему—никогда *(фр.)*.

Обнимаю Вас и — если это в последний раз — письменно и жизненно — знайте, что пока жива, буду думать о Вас с любовью и благодарностью.

Марина

47

Vanves, 2-го ноября 1937 г., вторник
65, rue J. B. Potin

Ариадна родная,

Лягушка конечно *Ваша*: неужели Вы думаете, что я могла ее иначе воспринять — и принять. Эта Ваша лягушка охраняла меня целое лето, со мной шла в море, со мной писала повесть о Сонечке, со мной *горела* (горели ланды, мы были в кольце огня), и всё это были — *Вы*.

Вижу пред собой Ваше строгое, открытое, смелое лицо, и говорю Вам: что бы Вы о моем муже ни слышали и ни читали дурного — не верьте, как не верит этому *ни один* (хотя бы самый «правый») из его — не только *знавших*, но — встречавших. Один такой мне недавно сказал: — Если бы С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ сейчас вошел ко мне в комнату — я бы не только обрадовался, а без малейшего сомнения сделал бы для него всё, что мог. (Это в ответ на анонимную статью в Возрождении.)[1]

Обо мне же: Вы же знаете, что я никаких дел не делала (это, между прочим, знают и в сюртэ, где нас с Муром продержали с утра до вечера)[2] — и не только по полнейшей неспособности, а из глубочайшего отвращения к политике, которую *всю* — за редчайшими исключениями — считаю *грязью*.

Дорогая Ариадна, пишите мне! (Вы ничем не рискуете: мы с Муром на полной свободе.) Пишите мне обо всем: и Вашем горе, и вашем будущем — близком и далёком, и о девочках, и о душе своей... Люблю Вас как сестру: *этого* слова я еще не сказала ни одной женщине.

Мой адрес тот же: та же руина, из которой пока никуда не двинусь — не могу да и не хочу: еще скажут — прячется или — сбежала. Предстоит тяжелая зима — ну, ничего.

Напрасно просили меня о вечном адресе, потому что его у Вас *не могло бы не быть* — неужели Вы думаете что я могу так кануть — без следу — сжигая за собой — всё? Я человек *вечной* благодарности.

Ах, Ариадна, какой это был *рай* — в тех Ваших садах! Я еще когда-нибудь их напишу.

Жду весточки и обнимаю Вас,
Ваша всегда

Марина

⟨Приписка на полях:⟩

Не думайте, что я не думаю о Вашем горе: у меня в сердце *постоянный нож*.

Ваша лягушка была — мои последние счастливые дни. Кстати, она из голубой от моря и огня превратилась в серебряную — т. е. стала совсем *Ваша* (О⟨льге⟩ Н⟨иколаевне⟩ этого конечно не говорите, да и не скажете!)

(Из тетрадки Юношеских стихов)[3]

С. Э.

Я с вызовом ношу его кольцо:
Да, в вечности — жена, не на бумаге!
Его чрезмерно-узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей...
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями раскинутых бровей —
Две бездны.

В его лице я Рыцарству верна:
— Всем вам, кто жил и умирал без страху! —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.

Коктебель, 3-го июня 1914 г. (ДО войны!)
Коктебель, 1914 г. — Ванв, 1937 г.

МЦ.

48

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
17-го ноября 1937 г., четверг

Ариадна!

Откуда Вы знаете, что я больше всех цветов на свете люблю деревья: цветущее дéревце?!

Когда мне было шестнадцать лет, я видела сон: меня безумно, с небесной страстью, полюбила маленькая девочка, которую звали Маруся. Я знала, что она должна умереть и я ее от смерти прятала — в себя, в свою любовь. Однажды (все тот же сон: не дольше трех минут!) я над ней сидела — была ночь — она спала, она спала, я ее сторожила — и вдруг — легкий стук — открываю — на пороге — *цветок в плаще*, огромный: цветущее деревце в плаще, в человеческий (нечеловеческий!) рост. Я — подалась и он — вошел.

Потом это видение отобразилось в моем Мóлодце[1], где сама Маруся становится дéревцем: барин влюбляется в деревце, не зная, что оно — женщина.

Вы ведь всего этого *не* знали, как не знали магии надо мной слова *азалия*[2], моей вечной мечты о деревце, которое будут звать *азалия* — как женщину, — только лучше.

Ариадна! Моя мать хотела сына Александра, родилась — я, но с душой (да и головой!) сына Александра, т. е. обреченная на мужскую — скажем честно — нелюбовь — и женскую любовь, ибо мужчины не умели меня любить — да может быть и я́ — их: я любила ангелов и демонов, которыми они не были — *и своих сыновей* — которыми они были! —

— Ариадна, никто не подарил мне цветущего деревца, которое зовут азалия.

...И еще — какой *мой* поступок: подарок в день *своего* рождения[3] (— Мама! Что Вы мне подарите в день своего рождения? из года в год — Мур).

— Ариадна, я третий день живу этим деревцем и над этим деревцем: оно рядом, у изголовья, вместе с Vie de Ste-Thérèse de l'Enfant Jésus écrite par elle — même*[4] — первой книгой которую я стала читать после моей катастрофы — странной книгой, страшной книгой, равнó притягивающей и отталкивающей. Вы знаете ее лицо? Лукаво-грустное личико двенадцатилетней девочки, с началом улыбки и даже — усмешки: над собой? над нами? («Je veux être Son joujou: Sa petite balle... Je veux qu'Il passe sur moi tous Ses caprices... Jésus a rejeté Sa petite balle...»)** *Это* — отталкивает, но последнее слово: — Je passerai tout mon ciel à secourir la terre*** — не только восхищает, но совозносит, с ней, на *тý* высоту. (Tout mon ciel — как: tout mon temps...)**** Эта маленькая девочка могла быть *поэтом*, и еще больше: grande amoureuse*****: это Марианна д'Альваредо полюбившая — вместо прохожего француза — Христа. *Я знаю эти ноты*. Ариадна, достаньте и прочтите: — La vie de Ste-Thérèse de l'Enfant Jésus, écrite par elle — même (Office Central de Lisieux — Calvados) — с безумно-безвкусной обложкой «du temps******» (1873 — 1897, но все то же лицо 12-летней девочки, вдвое младшее своей молодости.)

...Не думайте que je tombe en religion******* — я́ была бы не я — этого со мной никогда не будет — у меня с Богом *свой* счет, к нему — *свой* ход, который *мимо* и *через* — над моей головой (как сказал поэт Макс Волошин обо мне, 16-летней) двойной свет: последнего язычества и первого христианства — а может быть, как я сама сказала — двадцати лет:

Оттого и плачу много,
Оттого —
Что взлюбила больше Бога
Милых ангелов Его...[5]

— Ожидаю: Ариадна! мы должны еще встретиться на этой земле, в этой части света. Думайте. Помните что если Вы будете в Париже, мы открыто можем встречаться: я (тьфу, тьфу не сглазить!) на полной свободе, даже не (тьфу, тьфу!) à la disposition********, — хожу ко всем и ко мне все ходят. Бояться меня нечего, но м. б. — и говорить (по семейным соображениям) об этих встречах — если будут — не для чего, — зачем смущать? Окружающий Вас мир живет общественным мнением. Нý, Вам виднее будет, если это «будет» — будет.

Пишите.

---

* Житие св. Терезы от младенца Иисуса, написанное ей самой *(фр.)*.

** Я хочу быть Его игрушкой: Его маленьким мячиком... Хочу, чтобы на мне прошли все Его капризы... Иисус откинул свой маленький мячик *(фр.)*.

*** Я все свое небо употреблю на то, чтобы помогать земле *(фр.)*.

**** Все мое небо: как: все мое время *(фр.)*.

***** Великой любовницей *(фр.)*.

****** Того времени *(фр.)*.

******* Что я впадаю в благочестие *(фр.)*.

******** В распоряжении (подразумевается, полиции) *(фр.)*.

И работайте на встречу: я здесь, во всяком случае, до весны — но навряд ли дольше чем до весны. (Об этом — молчите.) Потом — не увидимся никогда.

Жду письма.

Мы с деревцем Вас обнимаем: я — руками, оно — ветвями, а гóловы у нас одинаково — двуцветные — с двойным светом...

М.

49

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
23-го декабря 1937 г., четверг

Дорогая Ариадна! Вы меня совершенно поражаете: Вы поступаете, как я — раньше, как я — *бы*, как я внутри себя (а иногда (и сейчас) и *вне* себя) — *всегда*. И э́то соответствие: я только утром послала Вам книгу Noël[1], уже села за письмо, но вдруг охватила безнадежность: *сказать — всё*, и я спокойно отложила листок — точно *уже* написала: вот он сейчас передо мной, с готовым конвертом. И вдруг — стук: — C'est bien là и т. д. — Oui. (Я от стука давно чудес не жду.) — Un colis pour Vous. — Vous devez Vous tromper, je n'attends rien. — Si, c'est pourtant bien pour Vous...*

Расписываюсь, отпускаю (уходит — радостный) и — первое чтó у меня в руке — ёлочка с фиалками, оба — живые! и первое, чтó у меня в сознании — или в сердце — (у меня это одно) — *Вы*. И — ТÁК — и — ЕСТЬ.

Нý, вот.

Обнимаю Вас, благодарю за каждую отдельность («Всесильный Бог деталей — Всесильный Бог любви»...)[2], *за всё*, за *всю Вас*: за то, что это — *есть*. И было в *моей* жизни.

После праздников — большое письмо. Мое, ненаписанное, начиналось, а м. б. кончалось — так: Завтра Сочельник, и я знаю, что Вам больно, как Вам больно, и хочу чтобы Вы знали, что я знаю.

Пишите про себя и про детей и про планы. И про жизнь дней. — Приедете? Обнимаю ещё и ещё.

М.

50

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
21-го января 1938 г., пятница

Дорогая Ариадна! У меня к Вам есть *большая* просьба — и абсолютно — конфиденциальная.

Мне может быть придется уехать жить в Чехию[1] (МОЛЧИТЕ, КАК КОЛОДЕЦ!), а там очень холодно и мне необходимо НЕПРОДЁРНОЕ пальто — на всю жизнь. Теперь имейте терпение прочесть меня внимательно до конца.

Каждое матерчатое (суконное, velours de laine**, даже английское!) пальто я протираю на боку кошёлками, к⟨отор⟩ые ношу (и буду носить) — всегда. Поэтому мне нужна *suédine*[2].

---

* Это тут? — Да. — Посылка для Вас. — Вы, наверно, ошибаетесь, я ничего не жду. — Как же, это именно для Вас *(фр.)*.

** Шерстяной бархат *(фр.)*.

В Париже из *suédine* делают только trois-quarts* и стóят они безумно — дорого: здесь это — *luxe*. (Кроме того, мне нужно *длинное*: 1 м⟨етр⟩ 20 — длины, а здесь таких *не* делают.) Материи этой (suédine qualité lourde, вроде замши) ни во Франции, ни в Бельгии в продаже *нет*, она вся откуплена фабрикантами готовых вещей. Это я — знаю.

Теперь — сама просьба.

Есть в Брюсселе: 105, Chaussée de Wavre небольшая с виду лавочка: *Au Bon Goût* (fabrique de vêtements en cuir**, вход с улицы) где можно такое пальто, как мне нужно, *заказать*. (Одна моя знакомая в прошлом году для себя такое заказала и в нем приехала и я его, глазами, видела.)

Но вот, главное: как мне сюда такое пальто доставить? Ваш брат навряд ли сможет (да наверное сейчас — и *не захочет*: его жена — с тех самых пор — ни звука! Да я всегда *знала* (сердцем знала!) что это — не настоящая любовь) — уверены ли Вы, что Вы до 1-го мая, скажем, а это уж — крайний срок! — сюда приедете? потому что *Вы* с собой его могли бы привезти — с легкостью, моя знакомая часто ездила и возила. Это — главный пункт.

(Терпите, дорогая Ариадна, сейчас начнутся *подробности*.)

1) Взять нужно *лучшее* качество, самое лучшее, а оно у них, поскольку я знаю, *одного* цвета: *коричнево-красного*, тот цвет и качество, из к⟨оторо⟩го они делают готовые blousons*** *suédine* (они 2 года назад стоили 65 бельг⟨ийских⟩ франков: все размеры! С эклером до середины, это я Вам — как примету *цвета* и *качества*).

2) Пальто должно быть complètement croisé**** и книзу *расширяющееся*, чтобы при ходьбе не раскрывалось — совершенно, т. е. с максимальным запáхом с обеих сторон. Застежка на пуговицах совсем сбоку. Пояс. Воротник — обыкновенный, т. е. отложной (*не* лежачий).

3) Размер заказывайте *46*, на «une dame forte»***** (это я-то!), так, чтобы Вам было *очень* просторно, особенно *проймы* и хорошую широкую спину (NB! у меня действительно на редкость широкая спина, т. е. плечи, и проймы мне нужны широкие: *мужские* — из-за совершенно прямых плеч. Мне всегда всё тесно под мышками. Mais le *46* fera l'affaire******, а если будет широко в талье — мне здесь убавят: важно, чтобы *не* сузили верха.

4) Такое огромное пальто мне нужно, чтобы положить под него *мех*, который у меня — есть.

Длина 1 м⟨етр⟩ 20, пояс, complètement croisé, книзу расширяется, и рукава, как сейчас носят, на плече bouffants (т. е. несколько заложенных складок). Прилагаю свой неумелый рисунок. Пуговиц — шесть: больших.

Вы его на себе *не мерьте*, а только — прикиньте, и если Вам будет *широкó*, мне будет — хорошо.

---

* Три четверти *(фр.)*.
** У Хорошего Вкуса (фабрика одежды из кожи) *(фр.)*.
*** Куртка *(фр.)*.
**** С запáхом *(фр.)*.
***** На солидную даму *(фр.)*.
****** Но 46 номер подойдет *(фр.)*.

17 Зак. 162

5) Какая цена? (Всё равно будет дешевле чем здесь, и деньги у меня будут, п. ч. на днях сдаю рукопись.)

6) Как Вам деньги переправить? Просто в конверте (на риск)? Переводом? (но — позволено ли? мне сейчас уж всё кажется — *не* позволенным? Я — понятия не имею). Послать — здесь — Вашим родным? В гостиницу — брату (якобы мой *долг* — Вам. Пусть не боится, напишу отправителя — Цветаеву, а это имя — *несомненное*).

С нетерпением буду ждать ответа. Если ответ будет *благоприятный*, Вы меня просто — спасете.

Но не забудьте: pour une dame forte, забудьте — *меня*, помните — «forte» (Я — тоже forte, но — по-другому).

Кончаю мою обожаемую Повесть о Сонечке, это моя лебединая песнь, тó-то никак не могу расстаться! Эта вещь, хотя я ее сама написала, *щемит мне сердце*. Эпиграф:

Elle était pâle — et pourtant rose,
Petite — avec de grands cheveux...* [3]

(Вся гениальность Hugo в этом *grands*, а не *longs***...) В этой вещи (весна 1919 г.) — вся моя молодость.

Живу очень уединенно: друзья — мать и дочь[4], другие друзья: брат и сестра[5], и еще один друг — Коля[6], преданный всему нашему дому. И больше на весь Париж, в к⟨отор⟩ом я прожила 12 лет с уже половиной — НИ-КО-ГО.

Вожусь (мáжусь, грязнюсь) с печами, *вся* (кроме души!) — в доме. Кормлю Мура и учителя (Мур этот год учится дóма). И еще — кота (чужого, ничьего, бродячего). Главная радость — чтение и кинематограф. Ариадна, когда опять сможете ходить, *гениальный* фильм — Grande Illusion*** [7].

Вечерами чиню и штопаю Мура, «заводим» T. S. F[8].

От Али частые открытки, много работы (рисует в журнале)[9], всё хорошо.

Я сказала: главная радость — книги, нет! — природа главное: природа, погода (какая бы ни была), наша улица, обсаженная деревьями, наши каштаны, бузина, огороды — в окне.

— Если видаетесь с З. А. Шаховской — горячий привет и благодарность за письмо. Передайте, что напишу ей *непременно*. (Но про мой возможный отъезд — ради Бога! — и ей ни слова: *НИ-КО-МУ*.)

А пальто мне нужно complètement croisé — п. ч. у меня отмороженные колени и для меня мороз — самый большой *страх*, какой я знаю.

Ну, кончаю, обнимаю, прошу прощения за заботу, но эта просьба — только мое доверие. Я ведь знаю, что Вы — человек, то есть *всему* и *подробно* сочувствуете — когда любите.

А что лю́бите меня — я знаю.

Марина

---

* Она была бледной — и все-таки розовой,
Малюткой — с пышными волосами *(фр.)*.

** Пышные, а не длинные.

*** Великая иллюзия *(фр.)*.

51

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
28-го января 1938 г., пятница

Дорогая Ариадна!

(Простите, я всё — с пальто!)

Я забыла карманы (вопль отчаяния: кар-маны забы-ыла!!) — большие, накладные глубокие — до дна души. П. ч. я по возможности никогда не ношу перчаток, а всегда — руки в карманы.

Второе: могут ли они сделать его на теплой, *прочной* подкладке, всё, дóнизу, — бывает такой густой плюш — под мех, как делают на мужских шоферских пальто (м. б. в Брюсселе *не* делают?)

И сколько они возьмут: за без-подкладки — и за с-подкладкой?

Очень жду ответа — еще на первое письмо, п. ч. деньги скоро будут и боюсь — уйдут постепенно на другое, а, в случае согласия, я бы сразу Вам послала, всю сумму.

Целую Вас и жду весточки. Это не письмо, только post-scriptum.

Всегда любящая Вас

М.

52

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
15-го февраля 1938 г.

Моя дорогая Ариадна!

Я только что прочла (перечла) жизнь Дункан[1], и знаете какое чувство от этой как будто бы переполненной *всем* жизни? Пустоты́. Тщеты́. Точно *ничего* не было.

Я всё ищу — в чем дело? (NB! Это письмо в ответ на Ваше, последнее, где Вы пишете, что мечетесь, что никого не можете вполне ни отбросить, ни принять.) У этой женщины было *всё:* гений, красота, ум (с знаком вопроса, ибо часто *безумно* безвкусна, но было что-то, что у женщины peut tenir lieu et tient lieu*, скажем — конгениальности со всем большим), были *все* страны, все природы и вся природа, *все* книги, встречи со всеми большими современниками — и вдруг я поняла чего у ней не было: ее никто не любил и она никого не любила, ни Гордона Крэга[2], ни своего Лоэнгрина[3], ни гениального пианиста[4], ни — ни — ни, — никого. В книге разительное отсутствие — жалости. Любила она — кáк пила и ела. Иногда (Станиславского)[5] — как читала. То насыщаясь, то поучаясь, никогда — любя *другого*, то есть жалея его и служа ему. Поэтому, еще и поэтому так ужасна смерть ее детей[6], которые были в ней — единственное живое: большое и больное. (И Есенина[7], конечно, не любила: это чистый роман американского любопытства + последней надежды стареющей женщины. Терпеть от человека еще не значит его жалеть.)

Я вышла из этой книги — опустошенная: столько имен и стран и событий всякого рода — и *нечего* сказать.

Кроме того, искусство ее *конечно* — единоличное, — единоличное *чудо*, а она хотела школы — чудес. Хотела — тысячи Айседор Дункан...

* Может быть и бывает *(фр.)*.

Значит, главного: чудесности своего явления — *не* поняла. И правы были — легкомысленные венцы, кричавшие ей: — Keine Schule! Keine Vorträge! Tanz uns die schöne blaue Donau! Tanz, Isadora, tanz!*

— *Жаль*, ибо книга настолько жива, что — сам ее живешь, и ничего не можешь исправить. С её фатом Раймондом[8] я однажды встретилась у одной американки[9]. Я сидела. Вдруг кто-то оперся локтем о мою шею, сгибая ее. Я резко дала головой и локоть слетел. Через минуту — вторично. Встаю — передо мной человек в «белой одежде», длинноволосый, и т. д. — отодвигаю стул: — «Monsieur, si Vous ne pouvez pas Vous tenir debout — voilà ma chaise. Mais je ne suis pas un dossier»**. А он *глупо* улыбнулся. И отошел. А я опять села. И этот Раймонд играл у нее Царя Эдипа и строил с ней в Греции дворец Агамемнона[10]. Деталь: я сидела за чайным столом, а он говорил с моим визави́ — через стол — и вот, чтобы было *удобнее*, оперся локтем о мою спину. (Особенно странно — для танцора школы Айседоры.)

— Простите, дорогая Ариадна, за такое *далёкое* начало письма: я этой книгой (жизнью) по-настоящему задета и расстроена.

Итак, к 1-му апреля в Париж? Как я счастлива. Но уже сейчас вижу: это будет грустное счастье: короткое и с необходимостью всё (сущее и могшее бы быть) втиснуть в какой-то короткий последний срок. А как хорошо было бы — если бы я жила в Бельгии, как когда-то жила в Чехии, мирной жизнью, которую я так обожаю... («А он, мятежный, ищет бури...»[11] — вот уж не про меня сказано, и еще: — Блажен, кто посетил сей мир — В его минуты роковые...[12] — вот уж *не* блажен!!!) — с немногими друзьями, из которых первый — Вы... Наша дружба не была бы (*всё* — сослагательное!) — бурной, без всякой катастрофы, просто — Ваш дом был бы моим, и мой — Вашим, и каждый из нас мог бы разбудить другого в любой час ночи — не боясь рассердить. Я, может быть, больше всего в жизни любила — монастырь, нет — Stift: Stiftsdame, Stiftsfräulein***, с условной свободой и условной (вольной) неволей. Этого устава я искала с четырнадцати лет, когда сама себя сдавала в интернаты, тут же в Москве, при наличности семьи и дома, говорю — в интернаты: каждый год — в другой... Устав для меня высший уют, а «свобода» — просто пустое место: пустыня. Я всю жизнь об этом уставе — старалась, и видите куда привело?

О себе. Живу в холоде или в дыму: на выбор. Когда мороз (как сейчас) предпочитаю — дым. Руки совсем обгорели: сгорел весь верхний слой кожи, п. ч. тяги нет, уголь непрерывно гаснет и приходится сверху пихать щепки, — таково устройство, верней — *рас*стройство. Но скоро весна и, будем надеяться, худшее — позади. Первую зиму — за всю

---

* Никакой школы! Никаких докладов! Танцуй нам красивый голубой Дунай! Танцуй, Айседора, танцуй! *(нем.)*.

** Если вы не можете стоять, вот вам мой стул, но я вам не опора *(фр.)*.

*** Церковные учреждения: дамы, девицы, заведующие Церковными учреждениями *(нем.)*.

жизнь, кажется — ничего не пишу, т. е. — ничего нового. Есть этому ряд причин, основная: à quoi bon?* Пробую жить как все, но — плохо удается, что-то грызет. Конечно — запишу, но пока нет мужества, да м. б. уж и времени — начинать: подымать которую гору?? Почти всё время уходит на быт, раньше всё-таки немножко легче было. Есть скромные радости: под нашими окнами разбивают сквер, весь путь от метро к нам осветили верхними фонарями, вообще — на улице лучше чем дома. Но — будет об этом и, в частности, обо мне.

Хочу знать о Вас. Чем болели дети? Как наладилась их жизнь? Как Верино ученье? Как развивается и растет Люля? Есть ли у Вас кто-нибудь для нее, или Вы одна? О какой книге Вы пишете, что — разрыв между вещью и автором? Очевидно, о переводимой, но — чтó это? С кем дружите или приятельствуете? Слушаете ли музыку? Что читаете — для души? (Если не читали Ma Vie** — Дункан — прочтите непременно. Очень хорошо начало: бедность, пустынное побережье, странноотсутствующая мать, первый Париж, т. е. вся дункановская virtualité...)***

Ариадна, в Брюсселе есть *мое* окно, над каким-то оврагом. Мы шли с О⟨льгой⟩ Н⟨иколаевной⟩ и вдруг воскликнула: — Смотрите, *мое* окно! Она даже испугалась. Была ночь, окно сияло над темными зарослями. Это было где-то наверху, мы потом долго спускались какими-то лестницами. Дом моего окна был очень старый, и во всей стене — одно окно, а деревья из оврага росли — огромные. Если когда-нибудь увидите — сразу узнáете. *Я* — его никогда не забуду.

Насчет пальто: здесь из *средней* suédine, на заказ — 250 фр⟨анков⟩. Очень благодарна буду, если узнаете сколько возьмут в той лавочке. Мне это важно было бы знать *поскорей*. Из того сорта, из к⟨оторо⟩го они делают куртку réclame: лучшего. Цвет, по-мóему (в этом лучшем сорте) один: коричнево-шоколадный, tirant sur le rouge**** (*не* оливковый!). Узнайте и напишите, очень очень благодарна буду. Evasé vers le bas, complètement croisé, longueur 120***** — помните? И *очень* большие emmanchures******. Только пока не заказывайте, а осведомитесь о цене и сразу мне напишите.

Ну, кончаю, иду в свою морозную кухню. Мур очень хорошо себя ведет, и главное, не унывает. Очень хорошо рисует. Ростом — куда выше меня и ходит в длинных штанах. Сердечно приветствует Вас и детей. А я от души обнимаю — жду весточки.

М.

---

* К чему? *(фр.)*
** Моя жизнь *(фр.)*.
*** Добропорядочность *(фр.)*.
**** Переходящий в красное *(фр.)*.
***** Расширяющееся книзу, с полным запахом, длиной в 120 *(фр.)*.
****** Проймы *(фр.)*

53

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
21-го февраля 1938 г., понедельник

Ариадна! Отвечаю по прямому проводу: какой Вы *смелый* и *настоящий* человек!

Меня Ваше письмо ожгло — и осветило — как горный кристалл: физическое видение горного хрусталя в граните, как я их видела в раннем детстве, в Альпах, *над* всем и даже над моим любимым вереском.

Теперь всё хорошо и у Вас будет — сын. (Не сердитесь на мою быстроту, но я —

Тот поезд, на который — *все*
Опаздывают...[1]

и на который Вы — *не* опоздали).

Любуюсь на Ваше мужество, потому что конечно берете на себя гору (NB! опять — кристалл!) — но и пуще горы берете (гóры — чтó!) — берете всё людское болото: осуждение всех тех кто для Вас пальцем не пошевелит, но которые тáк любят красоту безутешного женского горя, что сейчас чувствуют себя *обокраденными* (на целое вечное даровое зрелище!) — и всю женскую зависть берете, весь заспинный шепот...

Но — «чтó мне до них!» (Саади)[2] и — как я когда-то утешала одну бывшую любовь России: — Поэты — с Вами![3] (Это ведь то же, что: Господь — с тобою!)

Дорогая Ариадна, счастлива за Вас, не — как за себя (за себя — *никогда* не умела, как родилась — отказалась: единственной *этой* горы — *не* подняла!) а — как за другую себя, вторую себя, себя — в другом, — поэтому: будьте счастливы и — *будете* счастливы.

Счастлива и за девочек.

Счастлива и за будущего мальчика, который непременно — будет: помяните мое слово! И *которого* я (NB! старинный оборот: люблю их) — вопреки всем людским законам и обрядам, поверх всех голов — и тиар — и крестильных чанóв — уже сейчас объявляю себя крестной матерью, marraine de rêve*, но это — тоже царство! И которому я уже сейчас, когда мы увидимся — наверное в последний раз на *этой* земле, *этой* звезде — подарю свой крестильный подарок.

Обнимаю Вас от всей души.

Glück auf!**

М.

Ваша синяя лягушка на моей руке пляшет и рукоплещет руками и ногами.

54

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
7-го марта 1938 г., понедельник

Дорогая Ариадна!

Только два слова: сейчас очень пора узнать о пальто, п. ч. если Вы собираетесь сюда к 1-му — нужно время, чтобы его сделать.

* Крестная в мечте *(фр.)*.
** На счастье *(нем.)*.

Повторяю: хочу из *лучшего* качества, если есть — темно-коричневое, если нет (в лучшем качестве) — то коричнево-шоколадное, как их типичные куртки récla e, длина — 120 сант⟨иметров⟩, *complètement croisé*, а для этого — расширяющееся книзу, не прямое, с застежкой с *самого* боку, с большими карманами (накладными) и *широким* поясом с «бу́фными» (наверху) рукавами с *широкой проймой, чтобы Вам в нем было очень широко* теперь 1) цену без подкладки 2) цену на самой теплой и прочной подкладке: entièrement doublé* (и рукава). Как только получу ответ (и doublé и non doublé)**, тотчас же перевожу Вам деньги, а Вы — тотчас же заказываете.

Темно-коричневое (только *не* зеленоватое, *не* оливковое) мне бы милее, п. ч. менее маркое и менее заметное, но самое важное — *качество*: хочу — *лучшее*, т. е. самое плотное, п. ч. на долгие годы.

(Воротник прямой, достаточно широкий, чтобы можно было наложить мех.⟨)⟩

Так как оно будет complètem⟨ent⟩ croisé, то *revers**** получатся огромные и нужно их сделать двойными, как и полагается, чтобы можно было носить и в открытом виде, с шарфом. Запахиваться оно должно совсем, т. е. нижние пола́ *почти* до боковой косточки. И пояс — *очень* широкий, с большой пряжкой (скромной, прочной, лучше — кожаной, м. б. — подыщете?)

Вот и все пока.

Обнимаю Вас и очень жду ответа, ибо если немыслимо или слишком уж дорого — буду искать здесь в occasions****, но предпочла бы — конечно — новое.

Очень жду весточки.

МЦ.

P. S. Посмотрите еще, какой материал меньше мнется?

55

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
14-го марта 1938 г., понедельник

Дорогая Ариадна!

С деньгами вышла задержка: будут на самых днях, так что — если можете — дайте пока свои на задаток (без задатку навряд ли возьмутся делать), а я тотчас же по получении вышлю *всю* сумму, т. е. через несколько дней.

Посылаю выбранный образчик: материя и цвет — *чудные*, c'est le rêve*****.

Еще одна подробность: у меня очень широкая спина — и плечи — поэтому и проймы нужны большие: мужские, это не моя фантазия: плечи и спина у меня явные *46*, поэтому никогда ничего не могу купить

* Полностью с подкладкой *(фр.)*.
** С подкладкой или без *(фр.)*.
*** Отвороты *(фр.)*.
**** Подержанных вещах *(фр.)*.
***** Это мечта *(фр.)*.

готового. Нужно, чтобы в плечах, спине и пройме Вам было *слишком* широко. ⟨Посылаю (м. б. не нужны?) мои размеры на платье, пусть уж сами сообразят сколько нужно прибавить на толстое пальто, учитывая ватин и прочее⟩* (NB! Размеры — потеряла.)

Еще одна деталь: если пальто совсем прямое, оно внизу *всегда* расходится, т. е. полный запа́х не удается: нужно, чтобы оно книзу расширялось.

Хорошо бы получить от них, на всякий случай, сколько-нибудь материи — на берет, или м. б. придется что-нибудь вставить, думаю — на небольшой кусок на таможне не обратят внимания.

Пояс бы мне хотелось очень широкий, с большой пряжкой (скромной) и скромные пуговицы — м. б. Вы всё это сами выберете или хотя бы — посмотрите?

Помните, что застежка — с самого краю — такие пальто бывают (когда оно *раскрыто* — получаются огромные отвороты).

Значит, синее, по данному образчику. А если у Вас сейчас денег на задаток нет, ждите моего перевода, — авось успеем!

Обнимаю Вас и бесконечно радуюсь встрече. Вы — наверное будете к 1-му? Жду весточки.

МЦ.

⟨*Приписка на полях:*⟩

P. S. Талью и бока можно делать по Вашим: они у меня — нормальны: «ненормальны» спина и плечи — и проймы.

56

⟨9-го апреля 1938 г.⟩[1] *Суббота, 4 ч.*

Дорогая Ариадна! Страшно счастлива Вашим письмом[2]. Весь понедельник буду дома — ждать Вашего pneu: я непременно — хотя бы на вокзале — впрочем, Вы едете на автомобиле, так: у автомобиля хочу с Вами повидаться еще раз, только сообщите точный адрес {отъезда / стоянки} и час: я же должна передать подарок Вашему сыну[3], который тогда — потеряла (*не* забыла!) а нынче, роясь в недрах ларя — нашла.

Попросите брата приехать за Тьером[4] (огромное спасибо: чудно!) в четверг, *до* завтрака, т. е. до 1 ч. — с утра — а если не может — пусть известит *когда будет*, на авось *не* едет, меня часто не бывает дома. Я уже к нему хорошо отношусь и его отлично помню. Хорошенько объясните ему местонахождение J. B. Potin и вид дома — чтобы не испугался. Всё это — на случай, если *не* увидимся в понед⟨ельник⟩, но *хочу* увидеться. Обнимаю Вас и жду зова, сердечный привет от Мура.

МЦ.

65, Rue J. B. Potin Vanves (Seine)

* В письме зачеркнуто карандашом.

57

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
19-го апреля 1938 г., вторник

Дорогая Ариадна,

Это нс письмо — записочка.

Я не знаю, что́ мне делать с Тьером: Ваш брат за ним в четверг пе явился и ничего не ответил мне на письмо, отправленное мною давным-давно, еще до получения Вашего, в к⟨отор⟩ом я прошу его — если четверг не подходит — самого назначить мне день и час. И вот — с тех пор уже неделя — ни звука.

Писала я по адр⟨есу⟩: 91, Rue Erlanger, 16eme [1]

Вторично писать — не решаюсь: м. б. он раздумал, и с моей стороны выйдет навязчивость?

Но я бы всё-таки очень хотела знать, берет ли он, или не берет — п. ч. Тьер один из основных моих продажных «козырей».

Надеюсь, что Люсьен поправляется. А ⟨советовать⟩* высказываться насчет встреч или не-встреч, писем или молчания — во-первых, события меня *уже* опередили, во-вторых — меня слушать нельзя: я *всегда* — в этих вещах — намеренно и почти что злонамеренно — себе вредила — если такое можно назвать — вредом.

Испытывала другого (степень его приверженности) испытывала себя (степень своей *от*-верженности, т. е. отрешенности), громоздила горы и разливала моря между тем и мной — и в конце концов (очень быстро) — теряла.

Меня слушать — нельзя. *Можно* — когда дело *уже* потеряно.

Нет, Ариадна, не дай Вам Бог в *этом* быть похожей на меня! (А *наверное* — похожи, ибо нет сходства не по всем фронтам.)

Я в любви умела только одно: дико страдать — и петь. Даже не ждать — как Ахматова: «Только пела и ждала»[2]. Я одно вообще не умела — *жить*. А так как Вы налаживаете — *жизнь*... (Я всегда всякую жизнь — разлаживала, о, не чужую: только свою — с другим. А *любить* я умела — как *никто*, и *никто* об этом не узнал! И уже не узна́ет: я недаром не крашу волос...)

Ну, кончаю, обнимаю, жду весточки — и совета: как же мне быть с Тьером? И сообщите мне, пожалуйста, имя-отчество брата, я не совсем уверена в Вашем: Георгиевна? Вы, конечно, *не* рассердитесь, для меня Вы — имя.

Любящая Вас и сопутствующая Вам по всем путям

М.

Очень жду вестей про здоровье Веры.

---

* Слово зачеркнуто.

58

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
5-го мая 1938 г., среда

Дорогая Ариадна!

Простите, что не приветствовала Вас на Пасху, но я о Вас думала. Я страшно занята правкой своих оттисков — всё это лежало и ждало́ — и дождалось. И ых — по 8 экземпл⟨яров⟩, т. е. одну опечатку нужно исправлять *8* раз, а опечаток — груда: кишит! Живу в кухне, где единственный большой стол, с к⟨оторо⟩го изгнала всё кухонное, — живу между (Вашим!) продовольственным ящиком — и рукописным — и все время ими ошибаюсь и всё время о них ударяюсь.

Как только доправлю — последний, отберу по одному экз⟨емпляру⟩ в отдельный пакет — с надписью *Ариадна.* Верю, что Вы́ — сохраните.

Тьер всё еще лежит и от Льва Эмилиевича — ни звука. М. б. он потерял мой адрес? Или — раздумал? Тревожусь. А запросить — не решаюсь, тем более, что (не дай Бог!) он, может быть, серьезно — болен, а я тут — с Тьером!..

Словом, Тьер лежит — и ждет.

Продаю еще свой трехтомный (полный) словарь Даля и два тома (очень редких!) писем русских царей и цариц — всё это в отличном виде. Может быть запро́сите кого-нибудь из своего окружения?

Письма очень эффектны для библиотеки, в отличных переплетах (кожаный корешок, золотое тиснение). Собственно — 4 тома, но переплетены в два.

ПИСЬМА РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ И ДРУГИХ ОСОБ ЦАРСКОГО СЕМЕЙСТВА (изданы Комиссией печатания Государственных грамот при Московск⟨ом⟩ Главн⟨ом⟩ Архиве Иностранных дел)

Москва, 1861 г.

— много факсимиле. Начинаются письмами Петра к Екатерине[1], кончаются Анной Иоанновной[2].

Их мне когда-то подарила Е. А. Извольская, дочь посла. Мечтаю получить за них 100 фр⟨анков⟩ — сто́ят.

Мечтаю (совсем уже по-другому!) о Вашем приезде. — Когда? — Если на 2 дня: первый — вместе за́ город, второй — непременно — на какой-нибудь чудный фильм: есть — чудные.

Как здоровье Веры? Как здоровье Lucien? Пишите про себя и него, *верю,* что всё хорошо — и будет хорошо.

Простите за короткое письмецо: ждут очередных восемь оттисков с восьмижды восемью опечатками — на каждый[3].

Погода, кажется, исправляется, к Вашему приезду будет лето.

Жду весточки и обнимаю

МЦ.

P. S. Прилагаю бельгийскую марку, Вашу же, на к⟨отор⟩ую не попало штемпеля: подклейте бумажным клеем — и вновь наклейте — мне же!

59

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
21-го мая 1938 г., суббота

Дорогая Ариадна!

Отчего молчите? Надеюсь, все Ваши (Lucien включая) — здоровы? А если не пишете — из-за Тьера, который все лежит и лежит и о котором никто не спрашивает — Ариадна! не сто́ит ставить между нами — хотя бы *книги*! Книги должны сближать, а не рознить, и я знаю, что Вы *все* сделали, чтобы мне помочь, а дальше — не наша воля.

Я — всё то же, с той разницей, что часть вещей продала (конечно за гроши, но я ведь не коммерсант) — с чувством великого облегчения: выбыли моя громадная кровать, зеркальный шкаф и огромный дубовый стол, и еще другое предполагается. Я — ГОЛЕЮ.

Сейчас галопом переписываю стихи и поэмы за 16 лет, разбросанные по журналам и тетрадям, в отдельную книжку — и просто от стола не встаю.

Поэтому — кончаю, и обнимаю Вас, и прошу писать!

МЦ.

Очень надеюсь, что у Вас всё хорошо.
Сердечный привет Люсьену.

60

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
27-го мая 1938 г., пятница

Дорогая Ариадна,

Наконец-то! И письмо, и весть быстрого приезда. Только — *непременно* предупредите, *когда* у меня будете: все утра я занята рукописями, а после завтрака часто ухожу по неотложным делам, из коих неотложнейшее — зубной врач. Так что мне непременно нужно знать заранее. Второе — умоляю! — если не можете известить ещё из Брюсселя, дайте мне тотчас же по приезде, еще с вокзала — *pneu*, с *Вашими* предложениями, — только не телефон, с которым я *не умею* обращаться, к⟨о-тор⟩ый — если мне даже дают трубку в руку — для меня *ужасное* событие, не считая того, что наша почта (ванвская) от нас — далёко, и я каждый раз забываю дорогу — и плутаю — а Мур не всегда свободен (учительница). Телефон для меня — катастрофа, а pneu приходит тотчас же. Только не забудьте, для ответа, Ваш адрес, я его, конечно, забыла.

Ах! были бы деньги — проехали бы с Вами в Шартр! Ведь это — близко, и никогда не виданно…

Самое лучшее — если бы Вы могли выбрать день и час ещё из Брюсселя, тогда бы у меня было время пристроить Мура — всё так сложно —

но если бы (в случае хорошей погоды) — в Версаль (вместо Шартра!) — мы могли бы взять его с собой, он *не* слушает — или думает о своем.

Сло́вом, на Ваше усмотрение.

Только — умоляю — *не* телефон! *и очень прошу — не забудьте дать Ваш адрес*: у меня в памяти B⟨oulevar⟩d Exelmans[1], а номер — улетучился.

Обнимаю и жду

МЦ.

Свободна я *только* от 2 ч., но сейчас дни — длинные!

Можно, если на Версаль мало будет времени, просто в наш лес — 5—7 мин⟨ут⟩ на автобусе. Только будьте на не слишком высоких каблуках: лес — в гору.

А лес — чудесный! Только бы дождя не было...

Словом — жду.

61

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
15-го ⟨мая⟩ июня 1938 г., среда*
NB! если бы — мая!

Дорогая Ариадна! Это уже не жизнь — *только* рукописи. Рукописи, черновики, выписки из записных книжек с *1926* г., корректура оттисков, вся ежедневная работа за 16 лет, — всё это меня перерастает, «как будто тихие волны сомкнулись над её головой» (знаменитое место у Тургенева в Дворянском Гнезде: Лиза), не тихие волны, а волны — Тихого! Всё это — судорожно, в явном сознании, что не успею:

Руки роняют тетрадь,
Щупают тонкую шею...
Время крадется как тать —
Я дописать не успею.

(Андрей Шенье. Стихи 19*18* г., а ка́к сбылось — в 1938 г.)

Поймите, что я половину написанного не могу взять с собой, поэтому оставляемое (нужно думать — навсегда: покидаемое) должна оставить *в порядке*. Над этим и бьюсь — три месяца. А нужен — год. Уже с 6 ч. сижу, но нужен — покой, его у меня *нет*, вместо него — *страх*.

А всё было готово: и Тьер, и Письма Государей, и *все* оттиски моих вещей для Вас, и Вы бы м. б. еще Письма и оттиски — получили, но даты на pneu не было и *сегодня* могло быть — вчера, п. ч. pneu получила очень рано, и отправлено оно было из Courbevoie. Очевидно Вы вечером были у Гартманов, там написали, а они с утра опустили. Словом, я на авось (в утро получения pneu) повезла и 2 тома Писем, и пакет с оттисками, и целое утро их таскала по Парижу — были дела — но в конце концов, устав, отчаялась, уверенная, что Вы уехали накануне. Так и разминулись.

От брата — по поводу Тьера — ни слуху ни духу. Не скрою, что деньги за него бы меня *очень* выручили: я отдала бы и за *сто* фр⟨анков⟩,

* Слово зачеркнуто.

п. ч. иначе (везти нельзя) оставлю его у знакомых – на продажу, уже «посмертную», а из таких вещей никогда толк не выходит: журавль в небе!

Но навязываться Л⟨ьву⟩ Э⟨мильевичу⟩ *не* могу.

Милая Ариадна, навряд ли еще увидимся: 12-го как раз мой переезд – сейчас еще не знаю куда, т. е. разгар переездного кошмара, и у меня не будет – ни секунды. До последней – буду распродавать мебель и укладывать книги. Бьюсь и буду биться – совершенно одна.

Но писать Вам буду до последнего дня. («А потом началось молчание». Ц тирую себя, из конца своей Повести о Сонечке, к⟨отор⟩ый уже никогда не увидит света.)[1]

Ариадна, мне бесконечно Вас жаль – с Люсьеном. Как себя бы. И – без бы – как себя. Ибо это *моя* история – с жизнью, с её неуловимой паутиной препятствий и коварств. Не сестра, а *быт* Вам Люсьена не дает. Весь твердокаменный быт старой Фландрии – и новой Бельгии. Все эти «молодые девушки, которых он достоин», но к⟨отор⟩ые *его* недостойны, ибо это будет – любая, а он – единственный – *быт*, который слепая сестра принимает за любовь: свою – к брату. Быт, вообще, орудует – и держится – слепцами – и слепицами (а слепица – по-чешски – курица, с ударением на сле́).

Я бы Люсьена – у быта – не отстояла, ибо я и бытом и борьбою – брезгую, я́ бы *уже* отстранилась, как много, много раз отстранялась от того, что мне могло быть счастьем. Дай Бог, чтобы *не* отстранились – отстояли – Вы.

Обнимаю Вас, желаю покоя и здоровья. Жду весточки.

М.

62

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
20-го июня 1938 г., понедельник

Дорогая Ариадна!

Мур только что отправился к Вашим с двумя пакетами – всем, что я могла собрать из моего напечатанного – и Письмами русских Государей.

Но – самое главное – если Вы здесь до 17-го – *увидимся* ибо, неизбежно должна буду *где-то* – в новом месте – быть – раз 15-го квартира кончается. (Скорее всего – в каком-нибудь отельчике.)

И – еще самое главное – Ваши стихи.

Писать – *будете*, но – Вам нужно совсем отказаться от *умственных* слов, единственных в дело *не* идущих – слов *без* тела, не – органических, *только* понятие.

Tu n'es plus *actuel* * – *немыслимо, верьте!*

Tu n'es plus *aujourd'hui* – tu deviens souvenir** *apathique**** – не годится, ибо это только определение, официальное, – апатию нужно дать через живое, через пример, так же – *hors de mon influence***** – это

---

* Ты больше не актуален *(фр.)*.
** Ты больше не нынешний – ты стал воспоминанием *(фр.)*.
*** Апатичный *(фр.)*.
**** Вне моего влияния *(фр.)*.

слишком *холодно*, так же *intime** — *не* годится, это нужно давать через образ, через предмет, а не через определение, это *не тот* словарь.

Самое лучшее место из *всех* стихов:

Les lettres du Prince Charmant
En khaki, là — bas, sous les armes!**

это *полная* (художественная) реальность — и неожиданность, хочется улыбнуться — до чего хорошо!

Еще хорошо:

Je vivais dans un (beau) château —
Je meurs dans une forteresse***

— противопоставление двух вещей по той же линии. Но beau — слабо, ищите сильнее, острее, непривычнее уху. Ищите среди односложных: fier, — нехорошо, ибо и forteresse fière (еще — кáк!) gai — ничтожно, grand — общё, нужно впечатление радости, неплохо — *clair*, ибо forteresse**** — темна, но можно (убеждена!) найти и лучше. Но *clair* — неплохо: прочтите себе вслух.

Prose quotidienne — нехорошо, общее место, эти два слова сами — prose quotidienne, *lutte* quotidienne — уже лучше, хотя тоже *общё*, здесь дело в существительном — crève — неплохо, но не идет к общему тону стихов, (ça les fait exploser) — хотя, в связи с rêves — неплохо (но всё же *не* советую). Хорошо было бы — mort, *возле* этого и сказать, ибо здесь можно по двум дорогам: 1) либо вещь, к⟨отор⟩ая бывает каждый день (напр⟨имер⟩, lutte*guerre* 2) либо вещь, к⟨отор⟩ая бывает только раз — mort***** — и всё-таки каждый день.

Ну, вот — пишу безумно нáспех. Пришел налог, нужно собрать книги на продажу, готовить обед, править очередные оттиски — я минутами отчаиваюсь — ибо время уже *не* терпит

Пожелайте мне куражý!

Обнимаю

М.

Пишите Люсьену — но не отсылайте — бессмысленно. Вы когда-нибудь возьмете его стихами — напечатанными. Он себя в них узнáет. Такого возьмешь — только *песней*!

⟨Приписка на полях:⟩

P. S. Вам еще будут от меня подарки — прощальные.

Умилена — марками. Всесильный бог деталей — Всесильный бог любви...[1]

P. S. Бедный Мур притащился обратно с пакетами. В*ы* *2*1 пишете как 91, и он искал 91-го, а такого совсем нет. И всё привез обратно. Теперь — попробуем — 21-го!

---

* Интимный *(фр.)*.

** Письма суженого Князя
В форме хаки, там, где война...

*** Я жила в (красивом) замке —
А умираю в крепости *(фр.)*.

**** Гордый... крепость гордая... веселый... большой... светлый... крепость *(фр.)*.

***** *Ежедневная проза*... ежедневная проза, ежедневная *борьба*... ⟨собачья⟩ смерть... (это их взрывает)... сон... смерть... борьба-*война*... смерть *(фр.)*.

63

Vanves (Seine) 65, rue J. B. Potin
22-го июня 1938 г., среда

Дорогая Ариадна!

Не судьба: Мур вторично ездил с книгами и рукописями — на этот раз по номеру 21-му, который оказался — maison désaffectée depuis 30 ans* — с ржавой решеткой и полной глухонемостью. Мур долго стоял и стучал — мимо ехал почтальон-негр — он-то его и утешил: faut pas frapper: personne viendra: personne depuis 30 ans**.

А 91-го — как я Вам уже писала — вовсе не оказалось, ибо улица (Erlanger, — был у нас в России — в Крыму — в Ялте — дивный парк Эрлангера, а на даче мы жили) кончается на *61*-ом.

Слава Богу, что я еще не навязала Муру 2—3-х Тьеров, т. е. два-три пуда — он и так вернулся grognant et grondant*** — жара стоит удушающая.

Словом, пакеты лежат. Если сможете у меня быть еще 12-го — полу́чите. И увидите — самый конец моего дома. Обнимаю Вас и даже не спрашиваю — что́ с номерами — я к таким вещам привыкла: j'en ai vu d'autres, вернее — je n'en ai pas vu d'autres****: у меня целые города пропадали — не то, что номера́!

Буду рада получить от Вас весточку.

М.

64

Без адреса, потому что на днях будет новый: морской — но с числом: 11-го августа 1938 г., четверг[1].

Дорогая Ариадна,

Только что Ваше письмо и тотчас же отвечаю, — завтра уже не смогу: опять укладываться! — 15-го едем с Муром на океан — на 2—3 недели: в окрестности Cabourg'a (Calvados) — 2 1/2 ч. езды от Парижа.

Бессмысленно ждать «у́ моря погоды» — не у мо́ря, а у станции метро Mairie d'Issy. А комната у моря — дешевле, чем в Исси. (Господи, как чудно было бы, если бы Вы туда ко мне приехали!! Там скалы, и ночная рыбная ловля: они бы — ловили, а мы бы — со скалы — глядели. А вдруг — сбудется?!)

Весь этот месяц доправляла свои неизбывные корректуры — и с собой везу («остатки сладки» — го́рьки!). Посылаю Вам (в по́дарок) уцелевшую корректуру своей Поэмы Горы — са́мой моей *любовной* и одной из самых моих любимых и самых *моих* — моих вещей.

Это было — и гора и поэма — в 1923 г. — 1924 г., в Праге, а та гора была — один из пражских холмов. Мне до сих пор больно — читать. А видеть его — уже не больно, *давно* не больно. От *любви* уцелели только *стихи.*

Он — молодец и сейчас дерется в Республиканской Испании[2].

---

* 30 лет как уже брошенный дом *(фр.)*.
** Стучать не надо, никто не придет, никого уже нет 30 лет *(фр.)*.
*** Ворчащим и рычащим *(фр.)*.
**** Я видела и других — я других не видела *(фр.)*.

О другом: Лёше[3] написала сразу после Вашего отъезда — и ни звука — с моего же разрешения: «Если хотите дружить — будем, не хотите, *не* будем, сложно отвечать — *не* надо: со мной спокойно — и просторно».

Я совершенно на него не обижена и сохраню о нем лучшее воспоминание. Он — очаровательный, а это — в нашем бедном мире — много.

«petits et sales...»*

Она это будет повторять — всю жизнь[4]. И всю жизнь — будем надеяться — будет уходить из общей комнаты — в сон — с кем нравится — или одинокий. Мне очень нравится, что она выбрала себе в дружбу самую старшую: воспитательницу. Но кого она будет выбирать потом — когда *старших* не будет?! Ей останется только *величие*.

Чудная девочка. С уже — судьбой: уже — бедой.

О моих приятелях[5]: он — очень хорош: широк, добр и (польское происхождение) *весел*, но — без культуры и, что́ еще хуже — целиком под её владычеством: куриным (оцените созвучие! а это — та́к). До замужества она *что-то* любила (природу, немецкие книги, стихи, меня), выйдя замуж (первым браком) стала любить — *его*, а сейчас — любит только себя, то есть: *только-всего*. А он — любит *её* (которая — *ничто*, но — властное и самоутверждающееся ничто). Когда Наташа была маленькая[6], она часами рассказывала — всем и каждому — про её (она заикается) «какашки» (ка́-ка́-ка́-кашки!), и — изредка — про кашки (рисовая и манная). Безумно — обидчива — предупреждаю: любит визиты, туалеты, всё «светское» и — это уже мания — никто ей этих визитов в туалетах — не отдает, и она об этом — часами. Страшно мелка — во всем! С другой бы женой он стал бы — мог бы стать — настоящим человеком, ибо основное — *grandezza*** — есть, не хватает культуры, а это — наживное, а *эта* его утопит в болоте — индефризаблей***, сервизов, труа-ка́ров**** и «новинок» (читаст только «новинки» — *ее* слово). *Дикая* мещанка. А отец — замечательный[7]. А мать — святая[8]. Но так как она кусок моей молодости (познакомилась в 1922 г., в чудной чешской деревне) — кусок моей Поэмы Горы — и так как она когда-то очень трогательно и действенно меня — любила — я ее всё-таки немножко люблю, хотя *сейчас* любить — совершенно нечего: не́кого.

Она *очень* ревнива (хотя любит — *он*) et le couve*****. Ревность к *благополучию*, к⟨оторо⟩го у нее не было ни дома, ни с первым мужем.

Умоляю это письмо или уничтожить — или хорошенько спрятать. Была бы *катастрофа*.

Итак — ждите весточки, уже скорой. Как жаль, что от Вас до меня — такая даль! Что бы нашим океанам — сблизиться?!

---

* «Маленькие и грязные...» *(фр.)*.
** Значительность *(ит.)*.
*** Перманент (завивка).
**** Жакет.
***** И его оберегает *(фр.)*.

Но тá даль — от Вас до Люсьена — посерьезней: нет, от Люсьена — до Вас, ибо это даль между *слабостью* и *силой*. Ну, будем надеяться... Больно, конечно, знаю это по *своей* легкой боли — когда не отвечали...

Работайте — ходите — живите — а *время сделает своё.* (От меня до Petite Sainte Thérèse — рукой подать[9]. Приехали бы — пошли бы вместе.)

Целую и люблю.

М.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Ради Бога, уберегите письмо от глаз!!

Сроки мои еще совершенно не известны: не раньше 15-го сент⟨ября⟩, а м. б. и позже. Увидимся?

65

Dives-sur-Mer (Calvados) 8, rue du Nord
18-го августа 1938 г., четверг

Дорогая Ариадна! Правда — *дивное*[1] имя? Был у меня когда-то — ровно 20 лет назад! — такой стих (кончавший стихотворение):

...Над разбитым Игорем плачет Див[2]

(Див — неведомое существо из Песни о Полку Игореве, думаю — полу-птица, полу-душа...)

Наш Dives — полу-Guillaume-le-Conquérant* [3], полу-рабочий поселок, с одним домом во всю улицу и под разными нумерами (казенные квартиры для заводских рабочих).

У нас с Муром большая светлая комната — в ней и готовлю — но мыться в ней нельзя: ничего нет: нужно — в кухне, а в кухне — всё семейство: отец, мать и четверо детей. Я нынче попросила хозяина выйти, он вышел — и тотчас же вошел, а я мыла ноги, более или менее в рубашке, он — ничего, ну и я — ничего. Мне показалось: он — не того, а он оказался: Ni-ki-tà: тáк его позвала хозяйка — и оказался — русским, русским отцом четырех *нормандских* детей, ни звука не знающих по-русски: за глаза старшего мальчика: непомерные, карие, жаровые (зачем ему такие?!) — душу бы отдала.

Море — верста ходу. Пляж — как все: слишком много народу и веселья: *море* на свой берег — *не*похоже. Мур с упоением играет с рабочим народом (мало: летним, мужского пола) — и немножко отошел от своих газет. — Ехали через Lisieux, видели уж-жасный!! мавританский собор, думающий почтить память Св. Терезы, но и другое видели — монастырь, в глубине города, тот о котором она — сорок лет назад: — C'est le froid qui m'a tuée**.

Городок гористый, прелестный.

Думаю пробыть здесь три недели, так что — надеюсь! — еще увидимся. Но *этот* раз будет — *последний* раз (О Боже, Боже, Боже! *чтó* я делаю?!)[4]

---

* Вильгельм Завоеватель *(фр.)*.
** Меня убило равнодушие *(фр.)*.

Пишите. Это последний срок для родных голосов. *Потом* (как в моей Повести о Сонечке) *началось молчание.*

Получили ли мое предотъездное письмо, где я писала Вам о наших общих знакомых? Как Вам нравится (или *не* нравится) — девочка?[5] Между прочим, *механическая* страсть к стихам — как у матери.

— Ах, Люсьен, Люсьен! *Всё* понимающий и *ничего* не могущий. А не сделать ли ему переливание крови (Вашей)?

Обнимаю и жду весточки.

МЦ.

66

Dives-sur-Mer (Calvados)
8, Rue du Nord
3-го сентября 1938 г., суббота

Дорогая Ариадна!

Пишу Вам уже на Париж, ибо Вы написали: с 3-го по 10-е. Увы! неужели только по 10-е? Ибо я раньше 10-го не выеду, а м. б. даже позже. В Пар е меня ждет страшный неуют и в первый же день — необходимость выписаться и прописаться, ибо я сейчас не живу *нигде:* комнату в Исси — *конечно* — оставила (т. е. — бросила), в прежнюю ли гостиницу въеду[1] или «обоснуюсь» в Париже — еще не знаю, *ничего* не знаю о своем ближайшем будущем, знаю только, что такая жизнь — страшно не по мне и — думаю — ни по кому.

Остающуюся неделю употреблю на окончание разных работ, забранных. Боюсь, что в Париже у меня уже досуга не будет. Сделаю — что́ смогу.

Вторая часть Сонечки (моей последней большой работы здесь) — и еще ряд вещей будут для Вас оставлены у Маргариты Николаевны Лебедевой — 18 bis, Rue Denfert-Rochereau — на случай, если бы нам больше не пришлось увидеться. Постараюсь успеть переписать для Вас ту вещь, которую мы вместе с вами правили (мои «варианты») — в Булонском лесу — помните? Другая такая же вещь для Вас уже переписана. Вы сами поймете, что надо будет беречь их от всех глаз.

Я давно уже не живу — потому что такая жизнь — не жизнь, а бесконечная *оттяжка.* Приходится жить только нынешним днем — без права на завтра: без права на мечту о нем! А я всегда, с 7-ми лет, жила — «перспективой» (мое детское слово, к⟨отор⟩ое мне представлялось в виде *панорамы* — тоже вещи из моего детства).

А «панорамы» — никакой. И — ненавижу гостиницу, в такой жизни для меня что-то — позорное, — точно я другого не заслужила! Пусть изба (как *годы* было в Чехии!) — но не «chambres meublées»!*

— Ну — вот.

В море купались — раз: было грязно, *мягко* и холодно. Но были чудные прогулки по холмам и с *далёким* морем, с каждым шагом обретавшим всё свое величие. Были старые фермы и старые деревья —

---

* Меблированные комнаты *(фр.).*

и вечно-юная зелень с вечно-жующими коровами. И хо-зяйство — как везде и всегда. Видите: еще есть, а я уже говорю: *было*! Из Парижа напишу сразу — дам адрес, к⟨оторо⟩го еще нет.

Обнимаю Вас и *всегда* помню и люблю.

М.

⟨*Приписка на полях:*⟩

Если сразу ответите — Ваше письмо меня здесь еще застанет. Хочу знать про конец Вашего лета, про Люлин коклюш (я *знаю* этот ужас!!) — про Ваши ближайшие планы, про *Вашу* «панораму» — à défaut de la mienne...*

Мур еще вырос и делит свой 24-часовой досуг между Mickey и Humanité. В свободное от них время — велосипед. Но, несмотря на это «мне хорошо в его большой тени» (стих, кажется, Ахматовой)[2].

67

32, Bd Pasteur Innova-Hôtel, ch⟨ambre⟩ 36 Paris
17-го сентября 1938 г.

Дорогая Ариадна!

— Правда — ирония: Innova-Hôtel? *Две* иронии: *Innova* и *Hôtel* — мне, любящей *старые дома* и, кажется, больше ничего — ибо в них *все*: и видения, и привидения, и трава сквозь щели (пола) и луна сквозь щели (крыши)... — это письмо могло быть написано сто лет назад — 1*8*38! — оно и есть — сто лет назад — как наша дружба.

А Innova-Hôtel — ich schenk es *denen***.

Большая комната и, если Мур не врет, в окне — церковь St. Germain d'Auxerrois[1], а если даже врет — вообще церковь, старая, и уже в первое утро были похороны — сплошь розовые: три автомобиля розовых венков — и ни одного белого!

В комнате — кроме башни с часами — бютагаз, и умывальник с горячей водою, но места для хозяйства нет — и оно всё на полу — в полной откровенности и беззащитности: от чужих глаз — и наших ног: — Мур, не наступи в кофе! Мур, ты кажется наступил в картошку!

Но — полная свобода: никто не заходит и не убирает, а так как метлы нет — то всюду, постепенно — сначала мутончики, а потом — мутоны, — стада мутонов — и даже с курдюками! — а я — пастух...

Пятый этаж, лифта, слава Богу, нет (*безумно* его боюсь, а был бы — пришлось бы ездить, наживая себе не порок, а *разрыв* сердца — от страха!) — ну, живем, ничего не зная и *всего* ожидая... Говорят (неопределенно) — через две недели, месяц, но это — *разное*, а кроме того — сейчас историческая единица времени — *час* и даже десять минут...

Но так как я ничего сделать не могу — ни в своей истории, ни в общей — переписываю от руки — как древле монахи — свое самое ценное, никогда не напечатанное (три вещи)[2] — чтобы потом вручить — Вам — с просьбой не бросать — даже во время бомбардировки...

— Пишите о себе, о *Люле*, о *Лю*сьене (оцените тождество *начал* — разницу *концов*!) — о многоядной — это мне страшно нравится! — Вере... Скоро пришлю Вам Мурины летние карточки, есть хорошие. Жду

* За неимением своей *(фр.)*.
** Я дарю его им *(нем.)*.

письмеца. Сейчас едем с Муром в Zoo de Vincennes* — пока еще не ушли на «зимние квартиры»... Обнимаю.

М.

⟨Приписка на полях:⟩
Пишите мне Efron, *и* Efron — здесь Zvétaieff не знают.

68

32, Bd Pasteur
Innova-Hôtel, ch⟨ambre⟩
36 Paris, 15me
10-го ноября 1938 г.

Дорогая Ариадна!

Я сто лет Вам не писала, и Вы наверное думаете, что меня уже нет. Нет, я — есть, но *есть* только наполовину, в полном тумане своих и общих событий, дикоогорченная судьбой своей второй (а Муриной — настоящей) родины Чехии — и стольким другим!

О себе не знаю ничего, когда узна́ю — будете знать Вы́.

Живем, пока что, с Муром в гостинице, смотрим на башню с часами (символическими! но что́ — *не* символ??) читаю много хороших книг, прочла: Madame Curie — par Eve Curie[1] — написано лучше нельзя, но сама Eve — по некоторым пробившимся черточкам — *не*симпатична, прочла Le Juif Süss (Jud Süss — Вы наверное знаете?) Фейхтванглера[2], а сейчас читаю — в первый раз в жизни — полную Хижину дяди Тома[3], и скажу, что это — отличная книга — мужественная — и вполне современная. Все обиды — стары́ как мир.

Мур тоже висит в воздухе, т. е. не учится, но много читает и рисует и феноменально — растет: *всё* мало́, из всего вырос, и я целые дни всё выпускаю и надставляю.

Почти никого не видим, и к нам никто не ходит.

Пишите, дорогая Ариадна, о себе. Как дети? работа? Дружбы? Люсьен? Есть ли — *радость*?

Не собираетесь ли в Париж? Тогда — *будет* (у меня, во всяком случае!)

Кончили ли тот большой перевод?

Пишете ли стихи?

Если да — пришлите.

Это — только оклик. Жду отклика.

А вдруг — мы вправду еще увидимся? У меня не было чувства последнего раза.

Целую Вас и жду.

МЦ.

1-го и 2-го, на родственных и дружеских могилах[4], много думала о Вашей Буте — mit Wehmut** (русского слова — нет) — вспоминала ее немецкие стихи про качели — и все то чудное время — ах!

В ней жило что-то тайное и жаркое, она так крепко целовалась на прощание, точно отчаивалась — сказать. Она наверное была бы поэтом.

---

* Зоопарк в Винсенне *(фр.)*.
** С душевной болью *(нем.)*.

69

32, Bd Pasteur Innova-Hôtel, ch⟨ambre⟩—36 Paris, 15me
26-го ноября 1938 г.

Дорогая Ариадна,

Так—не надо[1] и так—всё равно не удастся: это не Ваше (не наше) назначение в жизни. Посмотрите на свое лицо—и прочтите. Мы с вами *обречены* на мужество. Вертитесь как хотите, что́-то в Вас *не* захочет: захочет—по-своему. Когда мне говорят о моем «великом мужестве»—отрешенности—бесстрашии—я внутренне—а иногда и внешне—смеюсь: ведь я на всё это—обречена: хочу—не хочу, и лучше—хотеть: согласиться. Quält Dich in tiefster Brust—Das harte Wort—Du musst—So macht Dich eins nur still—Das stolze Wort: ich will* (Детство—Freiburg im Breisgau** [2]—мною выбранный Spruch***). Это и есть «воля к самому себе», вернее—вся пресловутая «воля к самому себе» есть только—согласие на самого себя: которого ты не выбирал—и может быть и не выбрал бы. Я всю жизнь завидовала: когда-то—простым «jeunes filles»—с женихами, слезами, придаными и т. д., потом—простым jeunes femmes****—с простыми романами или даже *без* всяких—я всю жизнь завидовала—всем кто не я, сейчас (смешно, но это та́к)—особенно—Эльвире Попеско[3] (моей любимой актрисе—из всех: не стыжусь сказать, что бегаю за ней по всем кинематографам—окраин и *не* окраин) и—мы с ней одного возраста—сравните, пожалуйста: что́—общего? Ничего, кроме моей зависти—и понимания. Больше скажу—в любви—чего я над собой не делала—чтобы меня любили—как любу́ю—то есть: бессмысленно и безумно—и—было ли хоть раз?? *Нет*. Ни часу. J'avais beau oublier qui j'étais (ce que j'étais!)—l'autre ne l'oubliait—jamais*****.

Другой пример: я *год* не писала стихов: ни строки: совершенно спокойно, то есть: строки приходили—и уходили: *на*ходили—и уходили: я *не* записывала и стихов *не* было. (Вы же пишете и знаете, что незаписанных стихов—нет, не только не *за*писанных, но не *на*писанных: что это—работа, да еще—какая!) И вот—чешские события[4], и я месяц и даже полтора—уклоняюсь: затыкаю *те уши, не* хочу: опять писать и мучиться (ибо это—мучение!) хочу с утра стирать и штопать: *не* быть! как *не* была—весь год—и—

так как никто их не написал и не напишет—пришлось писать—мне. *Чехия* этого захотела, а не я: *она* меня выбрала: не я—ее. И *написав* почувствовала, что гора—с плеч, все ее отнятые горы—с *моих* плеч!—Не все: остается еще гора с первым в мире радием[5]—но у меня нет учебника, и никто не знает, как эту мою гору—зовут: одни говорят «Monts Métalliques» (Железные?), другие—отроги Riesengebirge

* Пусть тебя внутри терзает слово—трудное слово—ты должен—но сделает тебя спокойным лишь гордое слово: я хочу *(нем.)*.
** Фрейбург в Брейсгау *(нем.)*.
*** Пословица *(нем.)*.
**** Девушкам... молодым женщинам *(фр.)*.
***** Даже если я забывала, кем (чем) я была, другой этого не забывал никогда *(фр.)*.

(Крканош), для меня она — гора Кюри: Marie et Pierre Curie: *ихняя.* Написала в Чехию, чтобы узнать реальное имя — и вот — жду. (Что для меня Чехия — Вы отчасти знаете из моей Поэмы Горы: «Наравне с медвежьим рвом — И двенадцатью апостолами...» *Пражский* медвежий ров (с русскими медведями, привезенными легионерами из Сибири) — и *пражские* апостолы: чернокудрый Иоанн и рыжий Иуда — и еще десять — проплывающие вокруг башни — в полдень и в полночь... Но не только *это* — Чехия, а *сколько* — еще! Хотя бы — первый радий. И Гёте, приносящий с прогулки — камни[6]... И Голём[7]... И только двадцать лет свободы...[8])

Возвращаюсь к Вам: с Вами, Ариадна, было и будет так же и то же, и начнется с *нет: нет* — малодушию, *нет* — страху, *нет* — косности, *нет* — всему, что Вам не дано — даже на подержание, даже — вприглядку. А с этими *нет,* с первыми *нет* — неизбежно придет первое *да.* Ведь вся моя Чехия — началась с *нет,* и какое получилось — *да.* (Для пояснения: с *нет* — всему, что с ней сделали!) Я почувствовала — как ни смешно — нужна защита. Не даром же вся та Прага в ночь с 20-го на 21-е сентября была — один крик: — «Нас — бросили! Нам нé от кого ждать защиты!» И вот — старая басня:

Et s'il n'en reste qu'un — je serai celui-là*[9].

И вот, французский генерал[10], перешедший на чешскую службу, одинокий офицер, не сдавший оружия: шесть пуль — куда попало, седьмую — в себя, несколько писателей и композиторов, Madame Joliot-Curie (*вспомнила* материнский *радий*!) — несколько русских — бывших студентов чешского университета, *плачущих,* что — не удалось умереть за Чехию — и я. И это — *мы.* И только на *такое* мы — я согласна.

...Ариадна, я *тоже* хочу спать.

Und schlafen möcht ich, schlafen —
Bis meine Zeit herum!**[11],

но мне *не дано* спать, потому что этому сну нужно, чтобы кто-то его сказал. *Кáк* хочется спать Шамиссо — чтобы это сказать, а — не спал же: раз — сказал!

...Ариадна, с начавшимися дождями и всё отступающим и отступающим отъездом — точно *все* корабли ушли! *все* поезда ушли! — я с утра до вечера *одно* хочу: спать, *не* быть. *Но* — стóит мне войти в комнату, где люди (редко, но бывает), как я — с изумлением — вижу, что *все* спят — кроме меня — *все,* думающие, что живут — и миром правят. И уже слышу свой голос: — Нет. *Не* так. Неверно. Неправильно. Бессмысленно. Преступно. И — Господи! *до чего* — не сплю!

Точно я кому-то *слово* дала — не спать до *того* сна. Точно я не в*праве* — спать: физически спать, на постели. Когда я в *детстве* просыпалась — в *9 ч.* — мне было *стыдно,* и так — всю жизнь. И сейчас, проспав случайно 8 ч. (не бывает — никогда) я — темнее тучи: точно сделала — *гадость.* Исключение — сны. Когда я вижу сны, т. е. — когда я их

---

* И если останется только один — им буду я *(фр.).*

** И спать я хотела бы, спать —
До того, как придет мой час! *(нем.)*

помню — я — горжусь, как никогда не гордилась в день окончания двухтысячестрóчной вещи, — потому что сон — без *моего* участия, сам, данный, мне подáренный, чье-то *внимание*, доказательство, что чего-то — всё-таки — стóю...

...Чтобы закончить:

Всю жизнь хотел я быть как все,
Но мир — в своей красе —
Не слушал моего нытья
И быть хотел — как я[12].

(Борис Пастернак)

— т. е. непрерывно мне доказывал — и навязывал — мое высокое назначение, в котором я — *ни при чем*.

Пишу Вам всё это — потому что Вы такая же как я. Не говорите *нет*. *Да*.

Ваше нынешнее состояние — естественно. Вы остались с полными руками, когда хотели — чтобы и *рук не осталось*! — Бывает — Со *мной* было — всю жизнь. Разгадка в том, что — чтобы *принять* нужно неменьшую полноту — и силу — чем *дать*. Иди Вы к человеку с пустыми (просящими) руками — как все — как все женщины — Ваша пустота была бы принята. Только *боги* не боятся *даров*. Встретьте — бога.

Вы узнáете его по неизбывной пустоте его приемлющих рук: по неизбывности его голода — на дар: сердечный жар. Бог есть — пожирающий. Сыты — только люди. Ваш Люсьен (как все мои Люсьены — их много — это — порода!) Вас — нас — обманули мнимыми голодом и жаждой: Аидовым теням нужна была лишь *капля* живой крови: *мы* несли — *всю* свою!

Но нас с вами, Ариадна, узнают — по неизбывности *дара*, который кончается (ли?) — только с жизнью. Поэтому — Люсьены кончаются, мы — нет. Не ставьте себя с ним рядом: Вы — *не* он: Вы — его обратное. Поставьте его перед собой — как камень преткновения — о который Вы только — (еще лишний раз!) преткнулись — на пути своего дара — богам. Любите его, конечно, но как это конечно похоже на кончено, не потому что (и т. д. и — много так далее), а потому что Вы — Вы, а не Ваша улыбчивая соседка по квартире, к⟨отор⟩ая дала бы ему — как раз в меру — своей скудости и его немощи.

Простите за резкость! Меня такие привидения — замучили, и всё-таки я их предпочитаю всем «реальным и нормальным».

не окончено и не отослано[13]

МЦ.

70

Paris, 15me 32, Bd Pasteur, Hôtel Innova, ch⟨ambre⟩ 36
16-го января 1939 г.

С Новым Годом, дорогая Ариадна! Все поджидала от Вас весточки и начинаю серьезно тревожиться — почему молчите? Неужели — *тáк* плохо? Не забудьте, что скоро — весна, что день уже вырос на 20 минут, что скоро снимете — теплое и наденете — свежее (я всегда лечусь — такими

вещами: зализываюсь!) — что вдруг — неожиданно — Вы приедете в Париж и мы снова окажемся с вами в каком-нибудь саду, на какой-нибудь скамейке — только нас и ждавшей... А может быть даже поедем в какой-нибудь спящий городок — с чудным названием вроде Mantes[1] и с единственным событием: собором. А м. б. — просто в Версаль (где я не была — годы: не с кем! ни с кем не хочется) где встанем наверху большой лестницы, по которой спустимся к воде, на мое любимое (совсем не версальское!) бревно.

У меня нет ни одной настоящей дружбы — есть хорошие отношения — а Вы знаете как это вяло и мало.

Единственная *фабула* моей жизни (кроме книг) — кинематограф. Видели ли Вы — La femme du boulanger* [2] с Raimu и целой деревней — невинных сердцем? Для меня сама деревня — её стены и улички и ворота — была бы *фабулой*, и я всегда удивляюсь, когда люди ищут — другой. Но для *верности* скажем — та́к: сосну я любила (с такой же страстью как другие) человека, человека — avec le même détachement**, как другие — сосну. И сосна *всегда* была довольна, человек — никогда.

Жду непременно и скоро от Вас письма — а то чувство, что пишу в пустоту. Я писала Вам последняя — большое письмо со всем, что я знаю об этой роковой породе. Писала — как себе: то, что всю жизнь себе говорила.

Если не читали — прочтите Rosamond Lehmann[3] — Poussière (Dusty Answer)*** [4] — она о *нас* — и *них*. Очень прошу! (Poussière — из⟨дательст⟩во Feux Croisés).

До свидания! Обижусь, если не откликнитесь. Обнимаю Вас и детей.

МЦ.

71

*Paris, 15eme*
32, Bd Pasteur,
Hôtel Innova, ch⟨ambre⟩ 36
18-го марта 1939 г., суббота

Дорогая Ариадна,

Всё дошло — и большое письмо, и недавнее маленькое — и прелестные летящие Качели!

Бесконечно радуюсь Вашему приезду (тьфу, тьфу, не сглазить!) — если будет. Дай Бог, чтобы были хорошие дни — Вы у меня связаны с летом, даже весной: первой травой. Ариадна, непременно поедем в Версаль, в Трианон*ы*[1], в тот — заросший и бедноватый, где еще живы — дети[2]: маленький мальчик и большая девочка, точно эта бедность и непосещаемость и одновременная роскошь — всего разросшегося — их — сохранила. Это — сновиденное место, нам там хорошо будет...

О себе: всё то же: между небом и землей. Много читаю, пишу — мало (но никогда — *вяло*), вокруг — много бед — концы жизней — люди одного поколения уходят сразу — точно сговорившись.

И новый удар — моя Чехия![3] Когда в газете вижу — Прага — дрожу с ног до головы — точно тот *по мне* в нее вошел. Чехия для меня

---

* Жена булочника *(фр.)*.
** С той же отчужденностью *(фр.)*.
*** Пыль (Ответ из пыли) *(фр., англ.)*.

не только вопрос справедливости, но моя живая любовь, сейчас — живая рана. В ней — на её холмах — вдоль её ручьев — прошла моя лучшая молодость, я ей *бесконечно* благодарна. В жизни я привыкла — благодарить через край — за самое малое! — заливать благодарностью, на ней — *сгорать*, а здесь я *ничего* не могу, в первый раз — *ничего* не могу, *ничего* — за *всё* добро. «Там, где рябина — Краше Давида-Царя...»[4]

Когда приедете, я Вам покажу своего Рыцаря — добывшего Праге герб[5]: двухвостого льва. Я его получила — в последнюю минуту — последний снимок, к⟨отор⟩ый мне, обыскав всю Прагу, достали где-то на окраине. У меня в Праге давнишний друг — пожилая женщина, чешка, до 12-ти лет жившая в Москве, а потом жившая у лесника — деда — и с бабушкой вязавшая кружева при луне — жалели свеч... Переводчица В. Соловьева, Бердяева, лучших русских... Что с ней?? Она своей Чехисй — жила... И написать нельзя. Пошлю открытку — с картинкой — и: обнимаю.

А когда-то, в 1870 г., Чехия, тогда — Богемия, — *протестовала* против присоединения Эльзаса-Лотарингии! Одна, маленькая, съеденная Австрией — *заступилась* за Францию!..

— Ох! —

Милая Ариадна, счастлива, что скоро Вас увижу — у меня почти никого не осталось, всё — рассосалось, люди сначала (как упыри!) *жили* моим отъездом, а когда он затянулся — отпали.

Но до отъезда непременно напишите мне, чтобы я наверное знала и *твердо* радовалась.

Целую Вас и всегда люблю.

МЦ.

72

Paris, 15eme 32, Bd Pasteur
30-го мая 1939 г., вторник

Дорогая Ариадна! Наконец нашла Ваш адрес — получили ли Вы мою недавнюю открытку по старому с «prière de faire suivre»?* М. б. мы с Муром очень скоро уедем в деревню на всё лето[1], так что м. б. на этот раз не увидимся — большая просьба, к⟨отор⟩ой отнеситесь внимательно, и адрес *сразу* перепишите в надёжное место: Вас у М. Н. Лебедевой ждет от меня *пакет*, который Вам всячески поручаю (тетради и письма и м. б. рукописи). Тотчас же по приезде, а лучше еще из Брюсселя напишите Маргарите Николаевне Лебедевой, когда зайдете за моим пакетом, она дома к вечеру, так лучше — к 7 ч. веч⟨ера⟩, но *непременно* предупредив *заранее.*

Адрес ее: Mme Lebedeff
18 bis, rue Denfert-Rochereau
Paris, 5me

(ближайшее метро — Raspail — запомните!)

⟨*Приписка на полях:*⟩

Очень старый дом, вход в ворота и сразу лестница направо, бывший монастырь. Второй эт⟨аж⟩, дверь направо, звонок на шнурке, звоните

* С просьбой переслать *(фр.)*.

сильно. Она Вам всё передаст. Она очаровательный человек и мой большой и долголетний друг. *Не* потеряйте ее адреса, тотчас же перепишите, это для меня *крайне* важно. В пакете — все мои стихи к Чехии, Вы их еще не знаете, я их страшно (как чужие!) люблю.

Хорошо бы если бы Вы на мою открытку мне ответили — *молниеносно*, мне было бы спокойнее. Кончаю, обнимаю, как только что-нибудь буду знать — сообщу. А сама жду — Вашего отклика.

МЦ.

P. S. (Жалко оставлять пустое место.)* Стихи получила давно[2] — спасибо за них. Найду минутку — напишу подробно. Письмо — грустное: *не* надо! *всё* впереди, Вы любите *породу*, а не отдельного, а они еще есть. (NB! не «породу» как сэн-бернара или графа, а именно *эту* породу людей (нелюдей!)

Обнимаю Вас — жалко, если на этот раз не увидимся. Пишите скорее и *перепишите адрес*!

М.

73

7-го июня 1939 г.

Дорогая Ариадна! (*Уже* красным чернилом!)[1] *Маковку* нельзя, п. ч. она круглая, т. е. макýшку нельзя, возьмите — *верхушку*: она всегда острая. — У нас — еще хуже — пёкло, знаю это по другим, но сама ничего не чувствую: нынче не ела 24 часа и все дни сплю по 4 ч. — да и то не сон, недавно заснула *поперек* кровати и проснулась оттого, что на голову свалилась целая вешалка с платьем (решившим, что мне — пора вставать: *ее* укладывать!)

(Пишу вздор.)

Икону отнесла к Лебедевым, надпись неожиданная — вроде слов Сивиллы — до нее нужно читать: «Всё это так чудесно вышло...»[2], Ируся Л⟨ебеде⟩ва отнесет к Вашей маме сразу после экз⟨аменов⟩. (Я *тоже* держу экзамены, нет: один, но — какой!)

Адрес выучила наизусть и подам голос *как только смогу.*

Желаю Вам — *счастья:* того, чего никогда не желала себе. И оно — будет! Детям — здоровья и радовать маму. Обнимаю.

М.

Желаю Вам *сына*. И он — *будет*. (Это и будет — счастье!)

Спасибо за всё. За все *сады*! Это и есть — висячие сады Семирамиды! *Пишите стихи*!

Спасибо за Мура, Вы сразу его поняли.
P. S. Думайте обо мне каждый день — с 10-го по 15-ое.

Буду думать о Вас в каждой *зелени*, на каждой *воле*, и *всё* передам — тем полям! И на новый год буду думать... Когда *не* буду??

Не забуду.

М.

---

* Написано на обороте открытки.

74

12-го июня 1939 г., понедельник

Дорогая Ариадна,

Нынче едем — пишу рано утром — Мур еще спит — и я разбужена самым верным из будильников — сердцем. (А настоящий *уложила*: чтобы не забыть. NB! Зачем мне будильники?? Так, напр⟨имер⟩, у художницы Гончаровой пылесос, на моих глазах, оброс *пылью*, и она его, как толстого грязного спящего змея — обходила.) — Последнее парижское утро. Прочтите в моем Перекопе (*хорошо* бы его отпечатать на *хорошей* бумаге, та — прах! только никому не давать с рук и лучше не показывать) главку — Канун, как те, уходя, в последний раз оглядывают землянку...

«Осколки жития
Солдатского»...[1]

— Так и я. —

Пользуюсь (гнусный глагол!) ранним часом, чтобы побыть с Вами. Оставляю Вам у М. Н. Л⟨ебеде⟩вой (ее дочь Ируся обещала занести к Вашей маме) — мою икону, два старых Croix Lorraine (Et Jehanne, la bonne Lorraine qu'Anglais brûlèrent à Rouen ...)*[2] для Веры и Люли, и георгиевскую ленточку — привяжите к иконе, или заложите в Перекоп. Вам будет еще моя поэма *Крысолов*, но за ней зайдите к М. Н. Л⟨ебедевой⟩ в первый приезд, п. ч. ее еще там нет. Непременно зайдите к М. Н. Л⟨ебедевой⟩ — предупредив.

Всегда знайте адрес Л⟨ебеде⟩вых (они могут через год уехать в Америку) и всегда сообщайте им все, что будете обо мне знать — *им* я писать наверняка не смогу. Если буду Вам писать, буду называть ее (М⟨аргариту⟩ Н⟨иколаевну⟩) — *Маша*.

Едем без прóводов: как Мур говорит — «ni fleurs ni couronnes»**[3], — как собаки — как грустно (и грубо) говорю я́. Не позволили, но мои близкие друзья знают — и *внутренно* провожают.

Знаю, что и Вы незримо будете нынче стоять на пристани[4]. *Пока* о моем отъезде — никому. Пока сами не заговорят. Обнимаю Вас, за всё благодарю, желаю счастья.

М.

⟨*Приписка на полях:*⟩
Детей обнимаю.

Берг (урожденная Вольтерс) Ариадна Эмильевна (1899—1979) — дочь бельгийского инженера, приехавшего в Россию строить первые трамваи, по матери русская. Родилась и училась в России, после революции жила за границей: сначала во Франции, затем в Бельгии.

Знакомство Марины Цветаевой с Ариадной Берг состоялось в конце 1934 г., вскоре переросло в настоящую дружбу, продолжавшуюся вплоть до отъезда Цветаевой в Россию. (Подробнее см. вступительную статью Н. А. Струве в книге «Письма к Ариадне Берг». С. 5—7.)

Впервые — отдельной книгой «Письма к Ариадне Берг», подготовленной к печати и обстоятельно прокомментированной Н. А. Струве. Все письма печатаются по тексту первой публикации с частичным использованием комментариев (с любезного разрешения Н. А. Струве).

---

* Лотарингских крестика (Жанна, дева из Лотарингии,//Англичанами сожженная в Руане...) *(фр.)*.

** Ни цветов, ни венков *(фр.)*.

1

[1] Первые девять писем Цветаевой написаны по-французски. Перевод на русский Н. А. Струве.

[2] Речь идет о французском «Мóлодце». А. Берг намеревалась помочь Цветаевой в его издании.

2

[1] Речь идет о смерти Н. П. Гронского. См. письма к нему.

[2] Помимо перевода «Мóлодца» («Le Gars») у Цветаевой были готовы еще две французские вещи «Neuf lettres avec une dixième retenue et une onzième reçue» («Девять писем с десятым невозвращенным и одиннадцатым полученным» («Флорентийские ночи») и «Lettre à l'Amazone» («Письмо к Амазонке»). См. их в т. 5.

4

[1] Датировано Н. П. Струве (по связи с предыдущим письмом).

5

[1] Имеется в виду А. А. Тескова. См. письма к ней в т. 6.

[2] Об Улаве Дууне и его книге см. письмо 70 к А. А. Тесковой и комментарий 3 к нему (т. 6).

[3] У. Дуун нобелевскую премию, вопреки предсказанию Цветаевой, не получил.

[4] У Ариадны Берг было три дочери: Мария-Генриетта (Бутя) (1924—1937), Вера (р. 1926) и Елена (Люля) (р. 1933).

6

[1] Датируется по содержанию предыдущего письма.

8

[1] Несколько измененная Цветаевой цитата из первой части «Часослова» Рильке. Правильно: «Denn dort...». Цветаева приводит эту цитату также в письмах к О. Е. Колбасиной-Черновой (письма 11 и 18, т. 6) и Рильке (письмо 5).

[2] Ариадна Берг вскоре после знакомства с Цветаевой переехала в департамент Oise (в 70 километрах от Парижа).

11

[1] См. письма к Ф. А. Гартману.

[2] Оттиск трагедии «Тезей» («Ариадна») из журнала «Версты», 1927, № 2 (см. т. 3).

13

[1] См. письмо 37 к В. Н. Буниной и комментарий 5 к нему.

[2] *Segur*—Сегюр Поль Филипп (1780—1873)—граф, французский писатель, генерал, сопровождавший Наполеона в его походах. Его главное сочинение: «Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant 1812»* (1824).

[3] См. следующее письмо.

[4] 15 июня 1935 г. Бальмонту исполнилось 68 лет.

---

* «История Наполеона и Великой Армии в 1812 г.» *(фр.)*.

14

[1] Первые две строфы стихотворения, в окончате ьном варианте начинающегося с видоизмененной строки: «Никуда не уехали — ты да я — ...» (см. т. 2). В тетради под стихотворением помета: «Начато в 1932 г. — кончено летом 1935 г. в Фавьере — *у моря*. Было еще четверостишие с: «Людоеды в английских сукнах!» (*Стихотворения и поэмы*, 1990. С. 745).

[2] Имеется в виду Ла-Фавьер. См. письмо 84 к А. А. Тесковой (т. 6).

[3] Цветаева сняла помещение у баронессы Врангель. См. комментарий 2 к письму 84 к А. А. Тесковой (т. 6).

[4] См. комментарий 3 к письму 2 к А. А. Полякову.

[5] См. письмо 75 к А. А. Тесковой (т. 6).

[6] *Маршак* Аким Осипович (1895—1938) — врач, пользова ся в Париже большой популярностью. Один из активных деятелей Общества русских врачей во Франции.

[7] *Магги* (Maggi) — название сети продовольственных магазинов.

[8] См. письмо 37 к В. Н. Буниной и комментарий 5 к нему.

[9] См. комментарий 4 к письму 13.

15

[1] О вечере прозы Цветаевой 20 июня 1935 г. см. комментарий 3 к письму 37 к В. Н. Буниной.

[2] *«Последняя любовь Блока»* — Надежда Александровна Нолле-Коган. (См. цикл стихов Цветаевой «Подруга», ей посвященных, в т. 2.) Текст доклада, по-видимому, не сохранился.

[3] Речь идет о «Крысолове» (Воля России. 1925. № 4—8, 12; 1926. № 1).

[4] 18 сентября 1935 г. А. Эфрон исполнилось 23 года.

16

[1] *Алексинский* И. П. — см. комментарий 1 к письму 84 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] *Ville-Juif*: Цветаева ошибочно, но, вероятно, намеренно, этимологии ради — «город евреев», — пишет раздельно — в этом юго-восточном предместье Парижа находился русско-французский хирургический госпиталь на 30 мест, основанный графиней Е. В. Шуваловой и доктором Ф. Крессоном. (*Письма к Ариадне Берг*. С. 141.)

17

[1] Заключительные строки второй картины трагедии «Федра» (см. т. 3).

18

[1] Открытка, посланная В. Н. Буниной 8 июля 1935 г. (см. письмо 39).

[2] *...русская швейцарка* — Елизавета Эдуардовна Малер. См. о ней также письмо 86 к А. А. Тесковой и комментарий 3 к нему (т. 6).

[3] Возможно, речь идет о Б. Унбегауне. См. письмо 87 к А. А. Тесковой (т. 6).

[4] *Benjamin, Mickey* — детские журналы, в основном состоящие из картинок. *Dim⟨anche⟩ Illustré* — двухнедельный семейный иллюстрированный журнал.

19

[1] *...знакомый француз* — Julliard — впоследствии крупнейший издатель.

[2] Поездка и выступ ение в Швейцарии не состоялись.

[3] Nathalie Clifford-Barney — см. о ней комментарии к «Письму к Амазонке» (т. 5).

[4] *Паррэны*—(правильно: Парэны) см. о них комментарий 4 к письму 56 к А. А. Тесковой (т. 6) и комментарий 5 к письму 72 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

[5] Речь идет о прозе «Neuf lettres...» (см. комментарий 2 к письму 2).

20

[1] *Бутя*—старшая дочь А. Берг.

22

[1] «Цветаева отметила контраст между игривым названием виллы «La frétillone» (от глагола frétiller—извиваться) и названием переулка: sente de'Abbe Suger (тропка аббата Сюжер)—строителя в XII в. базилики St. Denis». (*Письма к Ариадне Берг*. С. 144.)

23

[1] С середины 1930-х годов Цветаева перевела на французский несколько революционных немецких и популярных советских песен («Полюшко-поле», «Марш» из кинофильма «Веселые ребята»). Переводы делались по заказу рабочих самодеятельных коллективов и районных ячеек коммунистической молодежи Франции по линии общества «Франция—СССР» (*А. Эфрон*. С. 275). *...концерт*—возможно, речь идет о благотворительном концерте, устроенном в пользу безработных русскими организациями 16 февраля 1936 г. в залах Aéro Club de France.

25

[1] На обороте фотокарточки надпись: «3-летний Мур с однолеткой—Иветкой. Полный генерал с женой из бедной семьи—и даже не красавицей. Медон, март 1928 г.».

26

[1] ...*belle-soeur*—свояченица, Вольтерс (урожденная Богданова) Ольга Николаевна (1904—1969)—подруга детства Ариадны Берг, жена Бориса Эмильевича Вольтерса (р. 1901).

[2] О выступлениях А. Ф. Керенского в Париже и посещении их Цветаевой см. письмо 91 к А. А. Тесковой и комментарий 1 к нему (т. 6).

27

[1] *«Лазарет Ея Величества»*—речь идет о рукописи Ивана Владимировича Степанова, умершего брюссельского друга Цветаевой, которую Марина Ивановна больше года безуспешно пыталась устроить в печать.

И. В. Степанов (ок. 1896—1933)—правовед, публицист, в конце 1920-х стоял во главе брюссельской группы евразийцев, один из основателей журнала «Утверждения» (см. комментарий 29 к письму 2 к Ю. П. Иваску); бывший капитан Лейб-Гвардии Семеновского полка. См. также о нем в письме 71 к А. А. Тесковой: «...одного друга, покончившего с собой в новогоднюю ночь в Брюсселе...» (Сведения Е. И. Лубянниковой. Цит. по: *Письма к Ариадне Берг*. С. 146).

28

[1] Ариадна Берг из департамента Oise вновь переехала ближе к Парижу, в западное предместье Garches (станция Vaucresson).

29

[1] *На Бальмонте...*—«В связи с длительностью болезни Бальмонта поэта и необходимостью для него полного отдыха и лечения в санатории Комитет по ознаменованию 50-летия литературной деятельности поэта устроил 21.4.36 в зале Социального музея вечер Писатели—поэту и учредил особый фонд Бальмонта; средства от благотворительного вечера поступили в этот фонд». (Возрождение. 21 апреля. 1936).

[2] Поездка в Бельгию состоялась в мае 1936 г. О ней см. письмо 93 к А. А. Тесковой (т. 6).

[3] Средняя дочь А. Берг.

[4] *Шмелев* Иван Сергеевич. Его выступление, посвященное Бальмонту, судя по библиографии его произведений, напечатано не было. См. также комментарий 4 к письму 29 к О. Е. Колбасиной-Черновой (т. 6).

[5] «Слово о Бальмонте» (см. т. 4).

[6] Речь Б. К. Зайцева была опубликована в «Современных записках» (1936. № 61. С. 185—190).

[7] *Поляков-Литовцев* Соломон Львович (1875—1945)—журналист, драматург. Было ли напечатано его выступление, неизвестно.

[8] Выступление Н. А. Тэффи—см. газета «Возрождение» (Париж. 1955. № 47).

[9] Е. А. Цветковская.

[10] *Мама*—Рудзинская Матильда, *брат*—Вольтерс Лев (Леша) Эмильевич (1903—1988).

30

[1] *Большой Meauln* (Молн)—роман «Le Grand Meaulnes» (1913) французского писателя Алена Фурнье (1886—1914).

31

[1] Датировано Н. П. Струве по содержанию.

[2] С. М. Волконский родился 16 мая 1860 г., ему должно было исполниться не 77, а 76 лет.

[3] Поправившись, С. М. Волконский уехал в США, где умер 25 октября 1937 г.

32

[1] О пребывании и выступлениях в Брюсселе см. письмо 93 к А. А. Тесковой (т. 6).

33

[1] См. письма к З. А. Шаховской.

[2] *Фрейд* Зигмунд (1856—1939)—австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа. В своих лекциях «Введение в психоанализ» дал толкование «ошибочных действий» (лекции 2—4). (См. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989.)

[3] Речь идет о французских стихах Ариадны Берг.

[4] *Люсьен де Нек*—фламандец, приятель О. Н. Вольтерс, после смерти мужа Ариадны Берг был в течение нескольких лет ее близким другом (ум. в 1970-х годах). (*Письма к Ариадне Берг*. С. 149.)

34

[1] См. комментарий 3 к предыдущему письму.

[2] Рукопись Цветаевой «Lettre à l'Amazone», забытую у Берг (см. предыдущее письмо).

35

[1] Во Франции сильно обострилось социальное и политическое положение, приведшее в июне 1936 г. к образованию министерства «народного фронта» под председательством Леона Блюма (1872—1950). (*Письма к Ариадне Берг.* С. 150.)

36

[1] Вероятнее всего, это: *Гингер* Александр Самсонович (1897—1965)—поэт. С 1921 (1922) года жил в Париже. Автор двух сборников (на то время), регулярно публиковался в эмигрантских журналах. Его жена—*Присманова* Анна Семеновна (1898—1960)—поэтесса, в Париже жила с середины 1920-х годов. В 1934 г. посвятила Цветаевой стихотворение «Карандаш». Одно из посещений Цветаевой четы Гингеров описала в своих мемуарах Ирина Одоевцева (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 433—436).

[2] О цветаевских переводах Пушкина на французский см. письма к З. А. Шаховской.

[3] На другой стороне листка три строки зачеркнуты: можно прочитать обращение к М. С. Степуржинской: «Дорогая Марья Сергеевна»—и несколько отдельных слов «...и она одна... и... вдобавок закрывается». (*Письма к Ариадне Берг.* С. 150.)

[4] О своих обидах на Люсьена де Нека Цветаева писала З. А. Шаховской (см. письмо 4 к ней).

37

[1] В письме Цветаева приводит рисунок: два овала, в одном вписаны слова «самый большой», в другом—«самый маленький».

[2] В этом месте письма изображено ожерелье. Дочь Ариадны Берг, Елена, помнит, как это ожерелье носила мать. В числе многих других вещей Ариадны Берг ожерелье пропало во время войны. (*Письма к Ариадне Берг.* С. 151.)

[3] *Сельский священник*—роман французского католического писателя Жоржа Бернаноса (1888—1949), вышедший в 1936 г.

[4] См. письмо 40.

[5] См. письмо к Люсьену де Неку. О его ответе см. письмо 44.

38

[1] Этот эпизод Цветаева описала в 1914 г. в письме к В. В. Розанову (см. письмо 2 к нему в т. 6).

[2] *...погиб двадцати одного*—Б. С. Трухачев, первый муж А. И. Цветаевой, умер в возрасте 27 лет от тифа. (См. письмо к нему в т. 6.)

[3] А. И. Цветаева описала два случая «расставания» со своими кольцами: «Мне принадлежал в этот день ⟨эпизод относится к концу 1914 г., когда А. И. Цветаева возвращалась из Варшавы в Москву⟩ довольно красивый жест: я выкинула за окно кольцо, которое я люблю, подарок С. Э⟨фрона⟩... просто из-за сознания красоты этого бесполезного жеста, чтобы его вспомнить, знать, что мое кольцо лежит на каком-то широком болотистом поле Царства Польского, где, может быть, никто никогда его не найдет» (Дым, дым и дым. М., 1916. С. 88).

В неопубликованной части воспоминаний (хранящейся в собрании составителя), А. И. Цветаева рассказывает, как несколько лет спустя, желая ответить на внимание одного близкого друга, сняла с пальца кольцо, обручальное, и бросила его со скалы вниз: «Бесцельный романтический жест... Тем, для кого он был сделан, незамеченный». Оба случая, вероятно, в сознании М. Цветаевой слились в один (комментарий Е. И. Лубянниковой).

[4] Ср. в стихотворении «Тебе—через сто лет» (1919): «О, сто моих колец! Мне тянет жилы,//Раскаиваюсь в первый раз,//Что столько я их вкривь и вкось

дарила...» и т. д., стихотворение П. Антокольскому («Дарю тебе железное кольцо...»; 1919) и др.

[5] *...перечислю* — «...дарила и Ю⟨рию⟩ З⟨авадскому⟩, и Павлику ⟨Антокольскому⟩, а ско́льким — до них!» («Повесть о Сонечке»); Зинаиде Шаховской — «Дошло ли кольцо и как пришлось?..» (письмо 2 к ней); Владимиру Сосинскому (см. письмо к нему), по просьбе В. Ф. Булгакова Русскому культурно-историческому музею в Чехии (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 351—352); Ольге Мочаловой — «...хотите взамен мое нефритовое кольцо...» (письмо 3 к ней) и др. См. также письмо 1 к А. Штейгеру («...я хотела Вам перстень...»).

[6] Речь идет о чете Плуцер-Сарна, с которой Цветаева дружила в Москве — Татьяна Исааковна (урожденная Левит, во втором замужестве Айзенберг; 1887—1972) и Никодиме Акимовиче (1883—1945). К Н. А. Плуцер-Сарна обращены многие из стихотворений второй половины 1910-х годов. (См. т. 1.) В «Повести о Сонечке» (см. т. 4) есть эпизод, в котором Цветаева принимает в дар еще один перстень, на этот раз от Володи Алексеева: «Володя! Это, кажется, первое кольцо, которое *мне* дарят, всегда — я...»

[7] См. комментарий 1 к письму 26.

39

[1] Датировано Н. А. Струве по содержанию. Письмо написано перед самым отъездом на лето в Морэ. Свидание должно было состояться 2-го июля.

40

[1] *Familistère* — сеть народных продовольственных лавок.

[2] Письмо написано на двух открытках. На первой изображена церковь «с видом на реку Луэн», на второй — «бургундские ворота и церковь». О пребывании Цветаевой в Морэ см. также письмо 94 к А. А. Тесковой (т. 6).

[3] Ср., например, в стихотворении Бодлера «Семь стариков» строку «будто мертвых *давили* его сапоги» (Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Наука, 1970. С. 148. Пер. В. Левика. Курс. сост.).

[4] *Берг* Николай Оскарович (1888—1937) — муж Ариадны Берг, юрист по образованию, работал журналистом при Лиге Наций. Скончался 10 января 1937 г. от инфаркта.

41

[1] Имеется в виду, вероятно, возвращение Н. О. Берга после очередной командировки.

42

[1] *Вольтерс* Эмилий Густавович.

44

[1] Святые мученицы Вера, Надежда, Любовь и мать их София празднуются 30 сентября. Мученица Ариадна празднуется на следующий день.

45

[1] Сразу после смерти мужа Ариадна Берг с дочерьми переехали в Брюссель к брату Борису и его жене.

[2] Название места, где А. Берг жила до переезда.

[3] Имеется в виду безымянный замок из романа «Большой Молн» (см. письмо 30).

18 Зак. 162

46

[1] 12 октября 1937 г. от заражения крови в тринадцатилетнем возрасте умерла старшая дочь Ариадны Берг, Мария-Генриетта (Бутя).

[2] Речь идет о разоблачении С. Я. Эфрона, участвовавшего в убийстве Игнатия Рейсса (1899–1937), резидента советской разведки, решившего порвать с СССР. Подробнее об этом деле см.: Хубер П., Кунци Д. Смерть в Лозанне (Новое время. М. 1991. № 21. С. 36–39).

[3] В связи с бегством Эфрона из Франции Цветаеву вызывали на допрос, причем дважды — 22 октября и 27 ноября 1937 г. На первом допросе вопросы к Цветаевой касались главным образом деятельности Эфрона в «Союзе возвращения на родину», на втором — просили опознать почерк Эфрона.

47

[1] 29 октября 1937 г. в газете «Возрожденне» была помещена большая анонимная статья о похищении генерала Е. К. Миллера, об обыске в «Союзе возвращения на родину» и о «евразийце Эфроне — агенте ГПУ».

[2] О Цветаевой в упомянутой статье в «Возрождении» было написано: «Семейные дела также, по-видимому, сыграли роль в эволюции Эфрона. Как известно, он женат на поэтессе Марине Цветаевой. Последняя происходила из московской профессорской семьи, была правых убеждений и даже собиралась написать поэму о царской семье. Ныне, по-видимому, ее убеждения изменились, так как она об откровенном большевизме своего мужа знала прекрасно».

[3] Переписанное рукой Цветаевой стихотворение было приложено к письму.

48

[1] См. «Мо́лодец» (т. 3).

[2] *Азалия* (азалея) — декоративный кустарник рода рододендрон.

[3] Имеется в виду день рождения Ариадны Берг (16 ноября).

[4] О книге, упоминаемой Цветаевой, см. письмо 23 к В. Н. Буниной и комментарий 13 к нему.

[5] Заключительная строфа стихотворения «Бог согнулся от заботы...» (1916). Цветаева привела его целиком в письме 24 к В. Н. Буниной в ответ на присылку книги св. Терезы. «Очевидно, в них Цветаева видела наиболее адекватное выражение своего отношения к Богу (любовь, никогда не утоленная к человеку — Божьему творению, а не к Богу)». (*Письма к Ариадне Берг*. С. 162). См. также: Струве Н. Трагическое неверие. — *Вестник РХД*, 1981, № 135. С. 164–170; Лосская В. Бог в поэзии Цветаевой. — Там же. С. 171–180.

49

[1] Н. А. Струве предполагает, что речь, возможно, идет о книге стихов французской католической поэтессы Марии Ноэль (настоящая фамилия Руже; 1883–1967). Это мог быть или сборник «Chansons' et les heures» (1922), или сборник «Le Rosaire des joies» (1930).

[2] Из стихотворения Б. Пастернака «Давай ронять слова».

50

[1] По-видимому, иносказание. Цветаева пишет об отъезде в СССР.

[2] Материал, называемый шведской замшей.

[3] Начало стихотворения В. Гюго без названия из сборника «Созерцания».

[4] М. Н. Лебедева и ее дочь, Ирина.

[5] Можно предположить, что речь идет об Алле Головиной, урожденной Штейгер (о дружбе Цветаевой с ней см. письмо 101 к А. А. Тесковой, т. 6) и ее брате, Анатолии.

[6] *Коля* — возможно, речь идет о Николае Савинкове. (См. о нем комментарий 1 к письму 22 к О. Е. Колбасиной-Черновой, т. 6).

[7] «Великая иллюзия», один из самых значительных фильмов французского режиссера Жана Ренуара (1894—1979), поставленный по сценарию Шарля Спаака (р. 1903). Герои фильма — французские офицеры, попавшие в плен к немцам во время первой мировой войны.

[8] ...*«заводим»* T. S. F. — то есть включаем радио.

[9] По приезде в СССР А. Эфрон устроилась в объединение «Жургаз», в редакцию журнала «Revue de Moscou».

52

[1] *Дункан* Айседора (1878—1927) — американская танцовщица, одна из основоположниц школы авангардного танца. Ее книга «Моя жизнь» была переведена на французский (1928) и русский (1930, пер. Я. Яковлева).

[2] *Крэг* Эдуард Гордон (1872—1966) — английский режиссер, художник, теоретик театра. Дункан считала его гением.

[3] *Лоэнгрин* — Парис Зингер, миллионер-промышленник. «Вошла моя горничная с визитной карточкой в руках, на которой я прочла очень известную фамилию. И внезапно в моем мозгу что-то запело: — Вот мой миллионер! Впустите его! — Он вошел, высокий и белокурый, с вьющимися волосами и бородой. Моей первой мыслью было: «Лоэнгрин» (Дункан А. Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин. М.: Политиздат, 1992. С. 143). *Лоэнгрин* — действующее лицо немецкой средневековой поэмы, использованной Рихардом Вагнером для своей одноименной оперы (1848). Лоэнгрин выступает в ней защитником униженной женщины.

[4] ...*гениального пианиста* — имеется в виду Вальтер Румпель.

[5] «Сколько я его (Станиславского. — *Сост.*) ни атаковала, я добилась лишь нескольких нежных поцелуев, а в остальном встретила твердое и упорное сопротивление, которого нельзя было преодолеть». (Там же. С. 108.)

[6] Дети А. Дункан, Дердри и Патрик, погибли в автомобильной катастрофе в Париже в 1913 г.

[7] С. А. Есенин и А. Дункан оформили свой брак 2 мая 1922 г., после чего сразу уехали за границу. Вернувшись в Россию, в 1923 г., разошлись.

[8] Раймонд Дункан (1874—1966), брат Айседоры, художник, танцор.

[9] По-видимому, речь идет о Н. Клиффорд-Барни. (*Письма к Ариадне Берг*. С. 165.)

[10] Раймонд и Айседора одно время были поглощены проектом построить в Афинах храм, «который подходил бы их характеру» (Дункан А. С. 79). Свой будущий дворец они назвали именем *Агамемнона*, предводителя греческого войска в Троянской войне (греч. миф.).

[11] Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус» (у автора — «просит бури»).

[12] Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1830).

53

[1] Цитата из стихотворения М. Цветаевой «Поэт — издалека заводит речь...» из цикла «Поэты» (1923). См. т. 2.

[2] *Саади* (между 1203 и 1210—1292) — персидский писатель и мыслитель.

[3] По-видимому, имеется в виду С. Н. Андроникова-Гальперн. К Саломее обращены стихотворения О. Мандельштама «Соломинка» (1916) и А. Ахматовой «Тень» (1940).

56

[1] Датируется Н. А. Струве по почтовому штемпелю.

[2] 8 апреля 1938 г. Ариадна Берг писала Цветаевой:

Марина дорогая,

Продала брату Вашего Thiers за 150 фр‹анков›! Когда хотите, он за ним присдет, страшно доволен. Прошу его любить и жаловать. Он мой друг, многим похож на меня.

Когда вышла от Вас, захотелось сразу вернуться, еще Вас слушать, еще Вам говорить, так много, сплошным потоком. С Вами, *только* с Вами в жизни, думаю вслух, чувствую, живу перед Вами все равно какими словами, потому что ничего не надо объяснять.

Хочется сказать Вам спасибо за то, что Вы — Вы, и что в моей жизни было это чудо — встреча с Вами. Мы увидимся еще, Марина, в это я твердо верю. В понедельник — может быть, напишу тогда pneu. Но это, может быть, только в то же утро. И все сделаю, чтобы *для Вас* (для всех других меня здесь *не* будет) приехать еще раз, так, чтобы два дня не расставаться. Но не будем загадывать вперед.

Что бы ни было, где бы Вы ни находились, что бы со мной ни случилось — счастье ли, горе ли, Вы во всем участвуете *активно.* И *если* будет у меня сын, конечно, он будет расти с мечтой о своей «marraine de rêve»*

Я Вас помнить буду всегда, как лучший Божий дар мне. Ваше ожерелье спало вокруг моей шеи. Ваши слова, Ваш мир, Ваш серебряный взгляд окружают меня высокой оградой от повседневности и обывательства.

Я Вас люблю, Марина, так, что, если Вам, когда бы ни было, стало жить тяжело, — вспомните это, и теплее, легче станет. Рассчитывайте на всю меня — всегда.

Ваша

Ариадна

(Письма к Ариадне Берг. С. 167 — 168).

[3] Цветаева пророчила Ариадне Берг сына и считала его как бы уже существующим. А. Берг вторично замуж не вышла, и детей больше не имела.

[4] Л. Э. Вольтерс согласился купить у Цветаевой трехтомную историю французской революции А. Тьера.

57

[1] Парижский адрес родителей А. Берг.

[2] Из стихотворения А. Ахматовой «Помолись о нищей и потерянной» (1912).

58

[1] *Екатерина* I Алексеевна (Марта Скавронская; 1684 — 1727) — российская императрица (с 1725 г.), вторая жена Петра I.

[2] *Анна Иоанновна* (1693 — 1740) — российская императрица (с 1730 г.), племянница Петра I.

[3] Речь идет о «Повести о Сонечке» (Русские записки. Париж; Шанхай. 1938. № 3).

60

[1] Бульвар, расположенный рядом с улицей, где жили родители А. Берг.

61

[1] Вторая часть «Повести о Сонечке» («Володя») при жизни опубликована не была (см. т. 4).

62

[1] См. комментарий 2 к письму 49.

---

* «Крестная мать мечты» *(фр.).*

64

[1] О месте жительства Цветаевой с 15 июля по 15 августа 1938 г. см. комментарий 3 к письму 108 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] Речь идет об адресате «Поэмы Горы» К. Б. Родзевиче (см. письма к нему, т. 6, а также «Поэму Горы» и «Поэму Конца» в т. 3). В 1936—1938 гг. К. Б. Родзевич сражался в рядах Интернациональных бригад в Испании.

Получив «Поэму Горы», А. Берг в ответном письме писала:

«Я не прочла,—я выпила Вашу поэму. Я ничего не нахожу сказать Вам про нее, как нельзя ничего сказать про то, что глубже всего врастает в душу—не „видишь отдельно“. Но Вы поймете, почему она так близка мне—уже давно, еще *до* того, что я сегодня читала ее впервые, почему она так—*моя*, когда прочтете мои короткие, неумелые стихи—может быть, вещие. И то, что на вашей горе *было*, на моей, может быть, если будет, умрет...» (*Письма к Ариадне Берг*. С. 173).

[3] *Леша*—Л. Э. Вольтерс (см. комментарий 10 к письму 29).

[4] Речь идет о младшей дочери Ариадны Берг, Елене, плохо переносившей свое пребывание в пансионе.

[5] *О моих приятелях...*—речь идет о чете Степуржинских.—Владимир Александрович Степуржинский (Сцепуржинский; 1895—1977)—парижский шофер. Мария Сергеевна, урожденная Булгакова, в первом браке Родзевич, о ней см. письмо 30 к А. А. Тесковой (т. 6).

[6] Родзевич Наталия Константиновна (р. 1932)—художница, искусствовед.

[7] *Отец*—о С. Н. Булгакове см. комментарий 9 к письму 4 к О. Е. Колбасиной-Черновой (т. 6).

[8] *Мать*—Булгакова (урожденная Токмакова) Елена Ивановна (1873—1945), автор исторического романа «Царевна София». Париж, 1930. (*Письма к Ариадне Берг*. С. 174.)

[9] От места, где Цветаева отдыхала с Муром, до Лизьё, где жила и умерла св. Тереза (маленькая), было не более 30 километров (Там же. С. 174).

65

[1] Имеется в виду город Див, расположенный в устье реки с тем же названием.

[2] Заключительная строка стихотворения М. Цветаевой «На заре—наимедленнейшая кровь...» (1922, а не 1918, как указано в письме). См. т. 2.

[3] *Вильгельм I Завоеватель* (ок. 1027—1087)—английский король, в 1066 г. свой поход на Англию начал из города Див.

[4] На ужасные мысли Цветаевой об отъезде в СССР Ариадна Берг откликнулась в письме от 22 августа:

«Марина, а что, если бы Вы *не* уехали? Я так глубоко чувствую *ненужность* Вашей жертвы. Но, конечно, *Вы* ее чувствуете еще глубже, а также, что она—роковая и, может быть, то, что *не* принести ее, будет еще большей жертвой. Христос с Вами, родная, Ваш путь—русский путь, слепо-созидательный, по которому пойдут, не зная, многие, из которых вырастет Россия, и по которому,—если бы могла только!—с Вами вместе и я бы пошла...» (Там же. С. 175).

[5] См. письмо 64 и комментарий 6 к нему.

66

[1] См. комментарий 3 к письму 108 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] Неточная цитата из стихотворения Б. Пастернака (а не Ахматовой!) «Памяти Рейснер» (1926). У Пастернака: «Им хорошо в твоей большой тени».

67

[1] Мур действительно ошибся. Эта старинная церковь расположена в центре Парижа, вблизи Лувра. Из окна гостиницы была видна церковь St. Jean Baptiste de la Salle (Иоанна Крестителя Сальского). (*Письма к Ариадне Берг*. С. 176—177.)

[2] Это могли быть: поэма «Перекоп», сборник «Лебединый стан», «Поэма о Царской Семье».

68

[1] О Еве Кюри и ее книге см. письмо 109 к А. А. Тесковой и комментарий 4 к нему (т. 6).

[2] *Фейхтванглер* — правильно: Фейхтвангер. О нем и его книге «Еврей Зюсс» см. письмо 111 к А. А. Тесковой и комментарий 4 к нему (т. 6).

[3] См. комментарий 3 к письму 111 к А. А. Тесковой.

[4] В эти дни всех святых в католических и протестантских странах принято посещать могилы близких. Сохранилась фотография надгробия на могиле родителей мужа Цветаевой: Эфрона Якова Константиновича (1854—1909) и Дурново Елизаветы Петровны (1855—1910), а также брата С. Я. Эфрона, Константина (1895—1910), с надписью Цветаевой: «2 novembre, Jour des Morts—1938. Cimetière Montparnasse»* (*Поэт и время*. С. 202).

69

[1] *Так — не надо*: в письме от 25-го ноября Ариадна Берг горько жаловалась на свое тяжелое моральное состояние: «...Не дай Вам Бог, Марина, узнать эту тяжелую болезнь всей воли, всех *двигателей*. Я влачусь, окутанная беспросветной печалью. Изверилась в себе. Нет ниоткуда опоры. И, хуже всего, уже на меня опереться нельзя. Реагирую по привычке, по старой дисциплине, внешне — чтобы не видели, не узнали. Но как от этого устаю... Если бы Вы были здесь, я, может быть, и ожила бы». (*Письма к Ариадне Берг*. С. 178.)

[2] О пребывании юной Цветаевой во Фрейбурге см.: *А. Цветаева*. С. 160—178.

[3] *Попеско* Эльвира (1894-?) — французская киноактриса румынского происхождения. С 1923 г. — в Париже.

[4] Речь идет об отторжении чехословацких пограничных областей в пользу Германии. См. письма 108—112 к А. А. Тесковой (т. 6).

[5] См. письма 112 и 113 к А. А. Тесковой.

[6] См. комментарий 4 к письму 112 к А. А. Тесковой.

[7] См. комментарий 1 к письму 115 к А. А. Тесковой.

[8] *...двадцать лет свободы...* — слова из стихотворения М. Цветаевой «Полон и просторен...» (1938) цикла «Стихи к Чехии». См. т. 2.

[9] Заключительная строка стихотворения В. Гюго «Ultima verba» (1852).

[10] См. письмо 108 к А. А. Тесковой и комментарий 2 к нему (т. 6).

[11] Двустишие А. Шамиссо. Те же строки Цветаева цитирует четырьмя годами раньше в письме к А. А. Тесковой (письмо 77).

[12] У Б. Пастернака в поэме «Высокая болезнь» (1923, 1928):

Всю жизнь я быть хотел как все,
Но век в своей красе
Сильнее моего нытья
И хочет быть, как я.

По поводу цитируемого Цветаевой варианта см. ее письмо 11 к Б. Л. Пастернаку (т. 6).

---

* «2 ноября, День Умерших — 1938. Монпарнасское кладбище» *(фр.)*.

[13] Приписка рукой Цветаевой красным карандашом. Сохранился конверт с надписью «мое — Ариадне Берг (неотосланное)». Однако позже, видимо при встрече, Цветаева передала письмо адресату. 20-го января 1939 г. А. Берг писала: «...Ваше большое письмо, писанное мне — «как себе» все время было со мной, как Вы сами. Я так хотела, так надеялась смочь приехать к Вам — только к Вам, никому другому не дав даже знать о том, что я в Париже. Вы знаете, Марина, что наши встречи, такие полные, значительные, нужные, принадлежат к тем редким событиям, для чего мне нужно было жить. Без них в моей жизни было бы что-то неисполненное, недоконченное, хромое». (*Письма к Ариадне Берг*. С. 181.)

70

[1] *Mantes-la-Jolie* — городок под Парижем с собором, построенным в то же время, что и Собор Парижской Богоматери. (*Письма к Ариадне Берг*. С. 181.)

[2] Фильм французского режиссера и писателя Марселя Паньоля (1895—1974). В главной роли снялся Жюль Мюрер *Ремю* (Raimu) (1883—1946), создавший сначала в театре, а затем и в кино образ французского провинциала.

[3] *Розамон Леман* — см. о ней комментарий 2 к письму 115 к А. А. Тесковой (т. 6).

[4] *Dusty Answer* — под таким названием роман вышел в 1927 г.; в переводе на французский — в 1938 г.

71

[1] *Трианоны* — Большой и Малый — королевские дворцы в Версальском парке. В саду Малого Трианона была построена деревня, предназначенная для идиллических забав королевского двора.

[2] *...где еще живы — дети* — имеется в виду Мария-Тереза-Шарлотта (1778—1851), дочь Людовика XVI, после казни родителей в 1793 г. «большая девочка» (с 1799 — герцогиня Ангулемская) была заключена в крепость, «маленький мальчик» — Людовик XVII (1785—1795), ее младший брат, был забит до смерти сапожником Симоном, в чей дом он попал на воспитание.

[3] 15 марта 1939 г. немецкие войска вошли в Прагу. См. также «Стихи к Чехии» (т. 2).

[4] Измененная цитата из стихотворения М. Цветаевой «В смертных изверясь...» (1922) (цикл «Деревья»). В стихотворении: «Ввысь, где рябина...». См. т. 2.

[5] О пражском рыцаре и получении Цветаевой его изображения см. письма 110—113 к А. А. Тесковой (т. 6).

72

[1] То есть в СССР.

[2] Стихи Ариадны Берг.

73

[1] Письмо Цветаевой написано на полях письма Ариадны Берг к ней от 5 июня 1939 г. В нем А. Берг писала: «Еще раз *до свиданья*. Напишите, если успеете, еще перед отъездом — хочется *от Вас* еще услышать. ⟨...⟩ Я игнорирую нашу разлуку. Ее нет. Нас и разлучить-то невозможно. Т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ Вы не можете брать ничего с собой, то пришлите мне это письмо обратно. ⟨...⟩ (Написано *черными* чернилами. Цит. по оригиналу из архива составителя.)

[2] Судьба упоминаемой в письме иконы и сопровождающего ее текста неизвестна. В том же письме (от 5 июня) А. Берг писала: «...икону, которой я придаю особое значение: она Ваша, и она — деревенская. А, как Вы знаете, я Россию люблю не городскую, не по воспоминаниям „хорошей жизни“, — а землю и народ, — неизменные...»

74

[1] Цитата из заключительной части «Выход» поэмы «Перекоп» (а не из главки «Канун»).

[2] Двустишие о Жанне д'Арк из «Большого завещания» Франсуа Вийона. (*Письма к Ариадне Берг.* С. 185.)

[3] *Ни цветов, ни венков* — принятая в траурных объявлениях формула, означающая просьбу не приносить цветов на похороны. (Там же. С. 186).

[4] Цветаева 13 июня 1939 г. пароходом из Гавра отплыла в Ленинград, куда прибыла 18 июня. Оттуда поездом — в Москву. См. также последнее письмо к А. А. Тесковой (т. 6).

Н. С. ТИХОНОВУ

La Favière, par
Bormes (var)
Villa Wrangel
6-го июля 1935 г., суббота

Милый Тихонов,

Мне страшно жаль, что не удалось с Вами проститься. У меня от нашей короткой встречи осталось чудное чувство. Я уже писала Борису[1]: Вы мне предстали идущим навстречу — как мост, и — как мост заставляющим идти в своем направлении. (Ибо другого — нет. На то и мост.)

Что Ва́м этот край — по́ сердцу и по силам — я верю и вижу. Вы сам — этот край. Факт своего края, а не свидетельство о нем. Вы сам — тот мост — из тех, что сейчас так много строят. Видите — начав с иносказательного моста, кончила — достоверным, и рада, как всему, — что — само́.

С Вами — свидимся.

От Б⟨ориса⟩ у меня смутное чувство[2]. Он для меня труден тем, что все, что для меня — право, для него — его, Борисин, порок, болезнь.

Как мне — тогда (Вас, впрочем, не было, — тогда и слёз не было бы) — на слезы: — Почему ты плачешь? — *Я* не плачу, это глаза плачут. — Если я сейчас не плачу, то потому, что решил всячески удерживаться от истерии и неврастении. (Я так удивилась — что тут же перестала плакать.) — Ты — полюбишь Колхозы!

...В ответ на слезы мне — «Колхозы»,
В ответ на чувства мне — «Челюскин»![3]

Словом, Борис в мужественной роли Базарова[4], а я — тех старичков — кладбищенских.

А плакала я потому, что Борис, лучший лирический поэт нашего времени, на моих глазах предавал Лирику, называя всего себя и все в себе — болезнью. (Пусть — «высокой»[5]. Но он и этого не сказал. Не сказал также, что эта болезнь ему дороже здоровья и, вообще — дороже, — реже и дороже радия. Это, ведь, мое единственное *убеждение*: убежденность.)

Ну — вот.

Рада буду, если напишете, но если не захочется или не сможется — тоже пойму.

МЦ.

А орфография[6] — в порядке приверженности к своему до-семилетию: после 7 л⟨ет⟩ *ничего* не полюбила.

Большинство эмиграции давно перешло на *е*. Это ей не помогло.

Тихонов Николай Семенович (1896–1979)—русский советский писатель. Начинал как многообещающий поэт (первые две книги стихов «Орда» и «Брага» вышли в 1922 г.). М. А. Осоргин назвал в 1924 г. Тихонова, Есенина и Цветаеву «лучшим трио» современной русской поэзии. (Последние новости. 1924. 23 октября.)

Знакомство Цветаевой с Тихоновым состоялось в 1935 г. в Париже на Международном конгрсссе писателей в защиту культуры. «Марина Цветаева тоже очень часто бывала на конгрессе, и мы с ней подружились. Ее муж был в то время секретарем Общества возвращения в Советскую Россию. И сама она была переполнена самыми добрыми чувствами» (Тихонов Н. Устная книга. *ВЛ*. 1980. № 8. С. 175).

Впервые—альманах «Поэзия», 1983, № 37. С. 144. (Публикация Е. Б. Коркиной). Печатается по тексту первой публикации. (Адрес отправителя вписан по копии с оригинала.)

[1] Б. Л. Пастернак.

[2] Цветаева делится с Тихоновым своими переживаниями по поводу разочарования встречи с Пастернаком. (См. письмо 23 к Б. Л. Пастернаку в т. 6.)

[3] *«Челюскин»*—советский пароход, осенью 1933 г. раздавленный льдами в Чукотском море. См. стихотворение М. Цветаевой «Челюскинцы» в т. 2.

[4] Герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1860–1861), пропагандирующий принципы общественной полезности и необходимость коренной ломки социальной жизни.

[5] *...болезнью... «высокой»*—Имеется в виду поэма Б. Пастернака «Высокая болезнь» (1923, 1928).

[6] *Орфография*—Цветаева всю жизнь, даже после реформы в орфографии, использовала старое написание слов: твердый знак (ъ) в конце слова после согласной и букву «ять» (Ѣ) вместо «е» в тех словах, где эта буква писалась ранее. Письмо к Тихонову также написано по старой орфографии.

ОКТАВУ ОБРИ

⟨1935 г.⟩

Месье, это письмо было начато давно—в марте, когда я в первый раз прочла Вашего «Наполеона на острове Святой Елены»[1]. Я купила его в маленькой книжной лавке, где Ваш «Наполеон» почти безраздельно царил на витрине, затмевая все прочие редкости. Сколько раз я собиралась...

Месье, Вы *за* или *против* Гаспара Хаузера?[2] *За* или *против* легенды о нем? (ибо и легенда, и Вассерман, воспевший его как поэт,—*за* него). Я спрашиваю потому, что люблю Вас—за исключительное благородство Вашего «Наполеона на Святой Елене»—и потому, что я Вам верю—и именно потому, что я Вас люблю и верю Вам, я не хочу читать Вашего «Гаспара Хаузера»[3], если Вы *против* него. И причина лежит даже глубже: любя Вас и любя Якоба Вассермана, я остаюсь самой собой; я люблю Вас обоих за то же самое ⟨и посредством того же самого⟩*, что есть *душа* (единственное слово на всех языках, которое не нуждается в пояснениях, в прилагательных) и посредством того же самого, что есть душа,—и я не хочу разрываться, не допускаю, чтобы два человска одной породы—*лирической* (единственной, которую я чту

* Угловые скобки, скорее всего, означают поиски Цветаевой в своем черновике письма вариантов слов и выражений.

и к которой имею честь, счастье и несчастье принадлежать—со всеми потрохами)—могли бы думать—нет, чувствовать по-разному применительно к одному и тому же, к явно одной и той же *идее.* Весь мир—Вы должны это знать, и Вы наверняка знаете,—разделен на два лагеря: *поэты* и *все остальные*, неважно, кто эти все: буржуа, коммерсанты, ученые, люди действия или даже *писатели.* Только на два лагеря: и Вы, Ваш «Наполеон на Святой Елене», герцог Рейхштадтский[4], Гаспар Хаузер, Вассерман и я, пишущая Вам эти строки, принадлежат к одному лагерю. Мы защищаем одну и ту же идею—самим фактом своего существования. Поэтому поймите: как больно мне было бы осознать, что в этом лагере *Великих Одиноких* налицо разлад. Что, любя герцога Рейхштадтского, можно не любить Гаспара Хаузера; что Вассерман любил своего героя, а Октав Обри способен был бы этим пренебречь. На определенном высоком уровне уже нет ни имен собственных, ни конкретных адресатов. И герцог Рейхштадтский, и Гаспар Хаузер—это один и тот же вечный королевский сын, наследник без наследства, и у каждого свой вечный Верный Слуга, как Вы, как Вассерман 〈Орфей, Р.-М. Рильке, все лирические поэты〉. Вы не обиделись на эти слова? 〈Ведь имена—верхний слой, шелуха〉. Вся история—игра с участием всего нескольких персонажей; они всегда одни и те же, и они больше, чем принципы,—они стихийные силы 〈стихии принципов〉. Герцог Рейхштадтский и Прокеш[5]—это же Давид и Ионафан[6]. И я нашла наконец слово: Вы пишете *миф.*

Когда я читала Вашего «Римского короля»[7] (ту часть, которая о герцоге Рейхштадтском), мне столько раз приходила в голову мысль: вот кто должен был бы написать историю Гаспара Хаузера—и можете себе представить мое потрясение 〈изумление, удивление〉, когда я узнала, что эта история, оказывается, уже написана, что Вы до этого «додумались» раньше, чем я! Итак, все говорит за то, что Вы должны быть на стороне этого странного Гаспара Хаузера (это и моя любовь—звучит глупо, но другого слова все равно нет).

Это как чудо: было желание без надежды на исполнение—и вдруг оно осуществляется, уже осуществилось! И какая была бы обида, какая насмешка, если бы и правда все сошлось—кроме Вашего отношения к герою.

Я читаю у Вас о герцоге Рейхштадтском и думаю…

— Я ведь историк, и поэтому…

— Да, Вы историк, Вы *и историк тоже*, но Вы гораздо больше, чем историк. Историки пишут историю, а вы пишете судьбы, души. Вы—настоящий поэт. Поэт во всем, вплоть до удивительной смелости языка 〈…〉 Вас увлекают, ведут за собой ритм, интонация—да Вы это и сами знаете.

Я многое могла бы Вам сказать по поводу «Наполеона». (Но первое письмо не должно быть чересчур длинным. Я не пишу Вам, я Вас окликаю, как окликали когда-то паромщика.) По поводу «Наполеона», которого я еще раз прочла и еще раз увидела: это одна из *трех* книг, которые я взяла с собой на море, чтобы *прожить* их за лето—как бы ни повернулась жизнь[8]—прожить именно их. 〈…〉

В Вашем случае хочется сказать: в документе иногда больше поэзии, чем в поэзии. Будучи точным в фактах, Вы безграничны во взглядах 〈выводах/мнениях〉, в *способности видеть.* И тем самым вырастаете до настоящего поэта. Ибо поэт, милый Октав Обри, это прежде всего

точность, безошибочность ви́дения[9]. Он никогда не искажает естество факта[10], он воссоздает его истинную природу. Шиллер, приписав Жанне влюбленность в Дюнуа[11], поступил не как поэт, а как автор авантюрного романа. Напротив, маленький Том из одной очаровательной английской книжки[12] поступил как истинный поэт, когда написал в своем школьном сочинении такую фразу: «Дул ветер; ива подметала ветками землю». И, написав ее, специально прошел двенадцать миль до первой ивы, чтобы убедиться, что ее ветки на ветру действительно достают до земли. Вот и Вы—такой маленький Том: недаром Вы поехали на Святую Елену—своими глазами увидеть то, что Вы знали и так от рождения. Все сходится, включая иву.

Вам, Октав Обри,—все права.

Мне очень понравился и Ж. Ленотр[13] (хотя он меня немало удивил и огорчил неблагородными высказываниями о Германии. Он писал это, правда, во время войны, но по мне это его не извиняет, а наоборот—обвиняет. Но не в этом дело). Итак, Ж. Ленотр мне понравился, но я знала, что он далеко не молод и вряд ли обрадуется какому-то новому голосу. А Вас, Октав Обри, я представляю себе еще молодым (и восприимчивым)—и думаю, что у Вас есть достаточно мужества для того, чтобы принять благодарность полной мерой и даже с избытком.

Я чувствую, что говорю Вам слишком много, но чрезмерность всегда определяла мой внутренний мир.

Обри Октав (1881—1946)—французский историк, славист, писатель. Автор огромного количества исторических трудов.

Впервые—*Труды симпозиума в Лозанне.* С. 401—403 (на фр. языке, публикация Жоржа Нива по черновику в рабочей тетради Цветаевой). Печатается по тексту первой публикации русского перевода (*Звезда.* С. 141—142. Пер. И. Шафаренко). Отправлено было письмо или нет, неизвестно.

[1] Aubry Octave «Sainte-Hélène». I—II. Paris. 1935.

[2] *Гаспар Хаузер* (Каспар Гаузер)—юноша, которого нашли ребенком в 1828 г. под Нюренбергом. При нем была записка с указанием года рождения и имени. Отличался крайней неразвитостью. В 1833 г. убит неизвестным злодеем. Ему посвящена книга немецкого писателя Якоба *Вассермана* (1873—1934) «Gaspar Hauser oder die Trägheit des Herzens, 1908 («Гаспар Хаузер, или леность сердца»).

[3] В 1928 г. Обри опубликовал книгу «L'orphelin de l'Europe, Gaspard Hauser» («Сирота Европы, Гаспар Хаузер»).

[4] Образ герцога Рейхштадтского, «Орленка», сына Наполеона, нашел отражение в ранних стихах М. Цветаевой: «В Париже», «Камерата», «В Шенбрунне», «Расставание», «Герцог Рейхштадтский», «Бонапартисты». См. т. 1.

[5] Слова Антона фон Прокеш-Остена из его книги о герцоге Рейхштадтском—«Mes relations avec le duc de Reichstadt» (Paris, 1878) Цветаева взяла эпиграфом к своему стихотворению «Камерата». См. т. 1.

[6] *Ионафан*—старший сын царя Саула и близкий друг *Давида* (б и б л.). Ионафан любил Давида, «как свою душу» (1 кн. Царств, 18, 3), дважды спасал его от смерти.

[7] Речь идет о книге Обри «Le roi de Rome» (1932).

[8] Ср. в письме 40 к В. Н. Буниной летом 1935 г.: «Еще бы написать Святую Елену: дань любви за жизнь».

[9] «Обожая легенду, *ненавижу* неточность»—писала М. Цветаева В. Н. Буниной (см. письмо 10).

[10] «*Фактов* я не трогаю никогда, я их только—толкую» (В. Н. Буниной, письмо 11).

[11] *Жанна* (д'Арк), ок. 1412–1431; *Дюнуа* Жан (граф, полководец Франции в войне против Англии; 1402–1468)–герои романа Шиллера «Орлеанская дева» (1801).

[12] О какой книге идет речь, установить не удалось.

[13] *Ленотр* Ж. (настоящее имя Луи Леон Теодор Госслен; 1855–1935)–французский писатель. Автор ряда книг на тему наполеоновской эпохи, в частности: «La Fille de Louis XVI» («Дочь Людовика XVI»), Paris, 1908; «Rois sans royaume» («Короли без королевства»), Paris, 1934, и др. Сохранился экземпляр первой из названных книг, принадлежавший Цветаевой с ее владельческой надписью. (*Каталог юбилейной выставки.* С. 201).

В. А. А.

〈*Середина 1930-х гг.*〉

〈...〉 Поэт: определенный духовный строй и определенный словесный дар[1].

Поэт: определенный духовный строй, осуществляющийся только в слове (певчем).

Поэт без стихов (т. е. только духовный строй)–не поэт. Стихи без поэта (т. е. голый словесный дар)–просто рифмованные строки.

Можно ли быть поэтом «в душе»? А музыкантом? А живописцем? А инженером? Что бы вы сказали об инженере, строящем «мост в душе»? О летчике–в душе–летающем? Если ты инженер–строй, либо ты не инженер, а мечта об инженере.

У поэта нет других путей к *постижению* жизни кроме слова, этим он отличается от не-поэта, у которого–все (кроме)... 〈*неразб*〉. *Называя–постигает.* А вот вам живая запись (внезапное озарение, в которое верю)–живая, ибо внезапная, ибо о вещи не думала–на полях же этой тетради:

Я ВЕЩЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОНИМАЮ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ СЛОВО (СОБСТВЕННОЕ).

Слово для поэта совершенно самостоятельная единица ценности. Не звук (иначе бы нас удовлетворяло и–а–о, и др.), а данный звук, соответствующий данному смыслу. Ища слова, поэт ищет смысла.

Поэт неизбежно терпит крах на всех других путях осуществления. Привычный, приученный (собой же) к абсолюту, он требует от жизни то, чего она дать не может, ибо она *то, из чего*, а не *то, что*. Впрочем, бывают поэты-двоеженцы: Гёте, напр〈имер〉, Тютчев, сумевшие совместить. Но они были не только поэтами, м. б. и больше, Гёте–неизмеримо больше.

Поэт не самое бóльшее, что есть, т. е.–самая высшая ступень на лестнице ремесла, и самая низшая от точки, где ремесла полагаются. Ибо молитва (святость) не ремесло, а стихи–все-таки ремесло. Artisant du chant–вот что, в конце концов, поэт. Мастер певчего слова.

Еще. Область поэта–душа. *Вся* душа. Над душой–дух, не нуждающийся в поэтах, если нуждающийся–в пророках. Пророчество в поэте как соприсутствие, не как сущность–как поэзия в пророке. «Какие большие поэты пророки», так говоря–пророка снижаете. «Какие большие пророки–поэты», так говоря–поэта возвеличиваете.

Слово «поэзия» вообще возвеличено и затуманено. Почему вы лучшее в человеке и в мире называете «поэзией» (иные—«музыкой»)? Бог в человеке—да. А ведь это несравненно больше и точнее. Бог в вашем эмбрионе, а не поэзия. Поэзией станет, когда вы его, в стихах, явите.

— Прозу люблю почти так же, как и стихи, и отнюдь не придаю ей оскорбительного общепринятого значения.

«Житейская проза»—не знаю. Проза—проработанная в слове жизнь. То есть, как всякое завершение, уже над-жизнь. Как ваш мост—над-река. (Мосты рушатся и книги проходят, но в данном отрезе—они—вечность; победа над хаосом—душ и рек.)

Прозу от поэзии отличает ритмическая стихия, иногда наличествующая и в прозе, но—иная. (Стихотворные и прозаические ритмы не согласны, а враждебны. Неслиянны). Прозу отношу более к сознанию, стихи к бессознанию (осознанному!) не даром все *первые стихи*—за́говоры.

Еще: проза поэта—отличная проза, стихи прозаика—дрянные стихи, ибо мог он их писать, он бы только их и писал. (Исключение—тот же Гёте, вообще—исключение). Проза Пушкина—проза поэта. Стихи Гоголя—стихи прозаика. У поэта, приступающего к прозе, та школа стихотворного абсолюта, которой нет у прозаика, приступающего к стихам. «В эту строку я должен вместить все». У прозаика строка не считана, во всяком случае—не слог.

Работа прозаика протекает, главным образом, в мысли, а не в слове, в замысле, а не в слове—мысль переводится в слово—у поэта мысль и слово рождаются одновременно, вся работа протекает в слове, нельзя задумать прозой и написать стихами, нельзя переложить в стихи, что, впрочем, делают посредственные стихотворцы. Одно писать стихами, другое—писать стихи. Вся Италия XVIII в. обменивалась сонетами, а поэты все-таки наперечет. Нужно, чтобы ты вещь не мог сказать нестихами. Тогда будут—стихи.

И еще: нет стихов без чар. (Не очарованы, а *чарованы*.)

Проза есть—и отличная, весь Толстой, например. Поймите правильно: чары беру не как прикрасу, а как основу, как одну из первозданных сил, силу природы. Нет чар—нет стихов, есть рифмованные строки. «И сквозь магический кристалл...»[2] (Пушкин). Пушкин, все это зная отлично, не даром кому-то сказал: «Если бы я мог (материальные причины), я бы никогда ничего не писал, кроме стихов». А—какой прозаик! Чары как исток прозаического дарования—Гоголь (полюс Толстого!). 〈...〉

В. А. А.—лицо неустановленное.

Впервые—Родные Перезвоны. Брюссель. 1952. № 1. С. 2—3 (опубликовано под названием, данным редакцией, «О поэзии и прозе»). Печатается по тексту первой публикации. В 1965 г. журнал повторил публикацию письма: «В нашем распоряжении находилось письмо покойной поэтессы Марины Цветаевой, опубликованное в № 1 «Родных Перезвонов» с разрешения тоже ныне покойного В. А. А. Письмо это, хотя имеет частный характер и не предназначалось для печати, представляет собою большой интерес в том отношении, что в нем Марина Цветаева высказывает свои взгляды на поэзию. С этими взглядами, выраженными конспективно, порой неясно, можно иногда быть несогласным,

но никак нельзя отрицать ни их оригинальности, ни их большой искренности» (Родные Перезвоны. 1965. № 153. С. 1).

[1] Письмо перекликается с рассуждениями Цветаевой о природе поэтического дара, изложенными ею в программных статьях «Поэт о критике», «Поэт и время», «Искусство при свете совести» и др. (см. т. 5), и существенно дополняет их.

[2] Неточная цитата из восьмой главы романа Пушкина «Евгений Онегин». У Пушкина: «Я сквозь магический кристалл...»

Л. Ф. ЗУРОВУ

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
12-го февраля 1936 г.

Милый Зуров,

Простите за задержку—невольную: Вы написали 55 вместо 65, и письмо добрело только вчера, 11-го.

Выступить согласна.

Надеюсь—завтра будет оповещение, где и чтó—я ведь ничего не знаю[1].

До свидания—в субботу[2].

Сердечный привет В⟨ере⟩ Н⟨иколаевне⟩, И⟨вану⟩ А⟨лексеевичу⟩[3] и Вам.

МЦветаева

Зуров Леонид Федорович (1902—1971)—прозаик, в предвоенные годы—председатель Союза молодых поэтов и писателей в Париже. Был личным секретарем И. А. Бунина.

Впервые—*Вестник РХД*, 1995, № 171. С. 179. Публикация Е. И. Лубянниковой и Л. А. Мнухина. Оригинал хранится в архиве А. И. Солженицына.

[1] Речь идет об участии Цветаевой в вечере поэтов 15 февраля 1936 г. См. письмо 90 к А. А. Тесковой и комментарий 3 к нему (т. 6) и письмо 25 к А. Штейгеру. Оповещения о вечере с указанием Цветаевой среди участников были напечатаны 11 и 15 февраля в газете «Последние новости» и 13 февраля в «Возрождении».

[2] День проведения вечера (15 февраля) приходился на воскресенье.

[3] В. Н. и И. А. Буниным.

З. А. ШАХОВСКОЙ

1

Vanves (Seine), 65, Rue J. B. Potin
18-го мая 1936 г., понедельник.

Милая Зинаида Шаховская, очень рада буду встрече в «Журналь де Поэт»[1]—поблагодарите Вивье[2],—но визы нынче, 18-го, у меня еще нет. Все же надеюсь не позже пятницы быть в Брюсселе[3] и выехав ранним

поездом к поэтам поспею. Виза может быть и завтра, тогда поеду в среду, 20-го.

Очень глупо — сидеть и ждать и знать, что ничего не попишешь, — закон, а он, если захочет, меня вдребезги.

До свиданья, сердечное спасибо за память.

МЦ.

2

Ванв, 28-го мая 1936 г.

Дорогая Зинаида Алексеевна,

Дошло ли кольцо и как пришлось?[1] Ждала с ним до последней минуты — хотелось с пальца на палец. Мои «Лэтр» через неделю — 10 дней попросите у О. Н. Вольтерс[2], а если их еще нет, попросите, чтобы она напомнила вернуть. (Они у господина, которого зовут Люсьен[3], дальше не знаю.) И потом *непременно* напишите впечатление.

Сердечный привет от нас с Муром.

МЦ.

3

5-го июня 1936 г., пятница.

Милая Зинаида Алексеевна, — а вот Вам другая пара[1], и, верьте мне на слово: они страшно похожи — по благородству и сиротству — на Бальмонта с Еленой[2]: на Елену с Бальмонтом («О, Елена! Елена! Елена! — Ты красивая пена морей»[3]. — 35 лет назад сказано, а *живо* в нем — и посейчас).

О рукописи, хотя она на машинке, — дайте ее прочесть, по собственному прочтению, кому нужно из «Журналь де Поэт». Мне очень хочется издать ее отдельной книжкой, но так как на книжку — мало, у меня есть еще другая однородная, физически ме́ньшая. Та́ и эта дали бы томик, вроде «Проз д'Анфан»[4]. Ту вышлю (а вот Вам еще другая пара)[5] Вам, когда Ваша редакция отчитает «Лэтр» и как-то выскажется... Словом, буду ждать Вашего ответа. И *личного* отзыва — независимо от возможностей издания о «Лэтр» как Вам «пришлось»? На 50-летнем юбилее Ходасевича видела весь Монпарнас, — и *милее, живее* всего — женщины: очевидно, по живучести в них души. Подарила Ходасевичу хорошую тетрадку «для последних стихов» — может быть — запишет, т. е. сызнова начнет писать, а то годы, — ничего[6], а — жаль.

Один из пишущих, узнав, что я из Брюсселя, сказал: «А Шаховская там в роли Рекамье?»[7] Я: — «Не заметила. Она просто очень любит литературу — и очень серьезно работает». Тогда тот — перестал.

До свидания! Жду весточки. Вашим поэтам — привет.

МЦ.

Привет Петру в овраге[8].

Можно Вас попросить передать при случае прилагаемую открытку Ольге Влад⟨имировне⟩ Орловой?[9] Спасибо заранее!

МЦ[10].

4

Ванв, 22-го июня 1936 г., понедельник, жара.

Милая Зинаида Алексеевна,

Оба перевода давно готовы, сейчас они на рассмотрении у Поля Буайе[1], — моя мечта, чтобы он дал мне *весь* Пир во время Чумы, — что значит «дал»? А то, чтобы потом — *взял*, ибо *переводить* себе в тетрадку — окончательный люкс... и глупость.

Переводы *хороши*[2], и таковыми останутся, если даже Поль Буайе *не* одобрит. Нет ли еще чего-нибудь — для того же сборника, или для «Журналь де Поэт», м. б. они захотят (по прочтении Песни и Пророка) чего-нибудь пушкинского — в моей транскрипции? Отзывайтесь скорее — тогда сразу вышлю — мне всегда в фактическом осуществлении сделанного нужен стимул. Кроме того, я *скоро* уезжаю — и оттуда (пока что неизвестно откуда, все ближайшие дни буду смотреть по окрестностям) труднее будет: деревня, почты нет, почтальон потеряет и т. д.

Запросите О⟨льгу⟩ Н⟨иколаевну⟩ о моей рукописи. Дело в том, что я тому господину, который так хорошо меня слушал, которому я потом «на перемене» рассказала моего «Мóлодца» и которому, в конце (очень быстрых) концов, дала свои «Лэтр», он — *не* пишущий, но *чудно* читающий, дело в том, что я этому господину (его зовут Люсьен, это приятель О⟨льги⟩ Н⟨иколаевны⟩ написала — и он мне (как столько господинов и так мало господ! в моей жизни) *не* ответил[3] — и я больше писать не могу. Почти всегда писала *первая* и *НИКОГДА* — вторично.

Хорошо бы эти «Лэтр» — выручить, ибо человек, который может не ответить на письмо, может и потерять рукопись, — кроме того, мне очень хочется, чтобы Вы и Ваше окружение их прочли. Я мечтаю, если они понравятся, набрать денег и напечатать их, с еще одной небольшой вещью как раз выйдет томик, в Вашем издательстве, а то все это *на мне лежит.*

Но той вещи не могу Вам послать раньше Вашего и общего отзыва на «Лэтр», ибо — если они не подойдут, то и она не подойдет: *вся я* не подошла. Бывает.

Спасибо за стихотворную открыточку: чувство — близко, и вид (по-иному) — тоже.

О⟨льга⟩ Н⟨иколаевна⟩ не пишет, но на ней бремя *дома.*

На мне тоже — и может быть пущее — ибо *все* — моими руками! Я — целые дни стираю и штопаю — но это во мне немецкая механика долга, а душа — свободна и ни о чем этом не знает: еще не пришила ни одной пуговицы!

Обнимаю Вас и жду отзыва.

МЦ.

Как только напишете, перепишу и вышлю обоих Пушкиных.

5

Moret sur Loing (S. et M.), 18, rue de la Tannerie, chez Mme Vve Thierry.
9-го июля 1936, четверг.

Милая Зинаида Алексеевна, как видите — я уже на воле, а именно: в чудном старинном городке под Фонтенбло. Быт устроен, т. е. по возможности устранен, а для души — непосредственно над головой — две химеры: Мурина и моя (поделили) — ибо живем непосредственно за церковной *спиной*[1]. Я сюда приехала, чтобы беспрепятственно работать, т. е переводить Пушкина — лучшие стихи, не взирая — переведены ли уже, или нет, ибо я *ни одного* перевода не знаю, да и знала бы — не слушала бы.

Хотите — чтобы я с *этим* осенью приехала в Бельгию, т. е. с вечером моих переводов + предисловие. Я *серьезно* запрашиваю. Давать заочно мои стихи мне бы не хотелось — и вот почему: у меня много вариантов, и Ваши поэты из «Журналь де Поэт» мне м. б. помогли бы утвердить *лучший* (беда, что один другого лучше: один — содержательно ближе, другой французски — или образно — лучше, вообще хорошо бы посоветоваться — *устно*, по горячему следу первого впечатления).

Пока сделаны: Когда могучая зима — Пророк — Для берегов отчизны дальной — К няне — и сейчас идет, именно волнами идет! Свободная стихия (К морю). Но я хочу — целый сборник: *все*, что есть лучшего[2]. Посмотрим, что успею за лето.

Как Вы думаете, есть ли надежда приехать с этим в Брюссель, т. е. с рядом стихов и *с словом о Пушкине*. Т. е. наработаю ли я на поездку (паспорт у меня есть).

Что будет с самой книжкой — не знаю: я могу дать бесплатно несколько стихов, я вообще бы с радостью работала бесплатно — если бы государство — или какой-нибудь меценат мне бы оплачивал мое *скромное* существование, но пока — это мой единственный источник существования, а напечатай я пушкинский сборник в Из⟨дательст⟩ве «Журналь де Поэт», не только ничего не дадут, а еще приплачивать нужно, — за много месяцев непрерывного труда... На обещанное в Ваш сборник — дам.

Дальше: всего Пира переводить *не* буду: там *лучшее* — обе песни[3], а остальное — для перевода мало увлекательно, ибо беспрепятственно. Я не люблю стиха без рифмы — и этого размера не люблю: скучаю.

Подумайте, пожалуйста, и ответьте — хотя бы предположительно.

Получили ли мою франц⟨узскую⟩ рукопись (NB! машинную). Вот ее бы другую маленькую в из⟨дательст⟩ве издать — хотела, так как *продать* мне ее (при моем характере) навряд ли удастся, — у меня у французов *нет имени*, а в кредит — ничего не хочу. Я бы хотела, чтобы издательство «Журналь де Поэт» ее до моего приезда прочло и как-нибудь отозвалось. Тогда бы привезла ту другую — *тоже письмо* (если бы Вы знали — кому и о чем!) — и получилась бы небольшая книжка, к⟨отор⟩ую бы и предложила из⟨дательст⟩ву — на *его* условиях (кажется 600 бельг⟨ийских⟩ фр⟨анков⟩ доплаты?)

Ответьте мне, пожалуйста, дорогая Зинаида Алексеевна, по обоим пунктам, если можно *не* открыткой, п. ч. в открытки я как-то не верю, слова на ветер.

Я здесь буду до середины сентября, но ответ хотела бы поскорей. Мне бы *очень* хотелось съездить в Бельгию, у Вас хороший дух, поскольку я могла почувствовать и что я безусловно увидела в факте издания «Проз д'Анфан». Так вот, та моя проза — той же породы, оттого у меня есть надежда. (Неужели тот Люсьен — ее потерял?? Запросите О⟨льгу⟩ Н⟨иколаевну⟩ — она мне ни слова больше не пишет. И Люсьен — тоже не ответил.)

Итак — до письма!

Сердечный привет и пожелания хорошего — всячески — ⟨*неразб*⟩.

Выросла ли собака и как на нее смотрят кондуктора? М. б. уже — снизу??

МЦ.

6

Ванв, 21-го сентября 1936 г.

Милая Зинаида Алексеевна,

Все это — недоразумение: спешно уезжая в Савойю, забыла закрепить в своей памяти — или, что лучше: на бумаге — Ваш адрес, который совершенно — канул.

На днях вернувшись — разыскала: 4, рю Вашингтон, и одновременно получила Вашу недоуменную открытку — и вот — пишу: спешу снять и тень в могущей — *не* могущей! — быть у меня на Вас обиде — за что?

Я, наоборот, сохранила о нашей встрече — Петре в саду, рытье в книжках, псе, лесе — самую хорошую память, ничем не омраченную. И Ваш черный идол[1] до сих пор мне благоприятствует.

Желаю Вам успеха с Вашим сборником и шлю самый сердечный из приветов.

МЦ.

Шаховская Зинаида Алексеевна (р. 1906) — писательница, поэтесса, журналистка. С 1920 г. в эмиграции. Автор трудов на русском, французском и английском языках. Активно сотрудничала в русских и французских периодических изданиях. В 1936 г. редактировала сборник «Hommage à Pouchkine» («Похвала Пушкину»).

О своих встречах с Цветаевой Шаховская писала:

«Двойственность моей литературной жизни, с перевесом на Францию, и подвижность моего существования вносили в мои встречи с русскими писателями элемент не постоянства, а случайности. И не так уж много раз встречалась я с Мариной Цветаевой. Думаю, впервые видела я ее в начале тридцатых годов. Она была не намного старше меня, всего на 15 лет, но казалась мне отдаленной во времени и вообще совсем особой, ни на кого не похожей. Скажу даже, ни один из самых знаменитых писателей, русских или иностранных, в личном обращении не вызывал во мне такого трепета, а иногда и священного ужаса... Как будто она жила совсем в другом плане, чем все, парила на каких-то высотах, ходила по каким-то вершинам, совершенно не замечая «плана земли», тяжести быта. ⟨...⟩ Поэтому и дружбы настоящей между нами не было, но было какое-то внутреннее доверие, которое ее заменяло». (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 425.)

Впервые — Новый журнал. 1967. № 87. С. 136—140 (публикация З. А. Шаховской). Печатается по тексту первой публикации.

1

[1] *«Журналь де Поэт»* («Le Journal de Poétes») — бельгийское издательство и периодический журнал, где сотрудничала Шаховская.

[2] *Вивье* Роберт (1894—1989) — бельгийский поэт и прозаик (писал на французском языке), профессор литературы Льежского университета.

[3] О поездке Цветаевой в Брюссель см. письмо 93 к А. А. Тесковой и комментарий 1 к нему (т. 6), а также письмо 32 к А. Берг.

2

[1] Серебряный перстень с кораллом, подаренный Цветаевой Зинаиде Шаховской. Впоследствии Шаховская передарила его В. Смоленскому. См. также письмо 38 к А. Берг и комментарий 5 к нему.

[2] Речь идет о французских рукописях Цветаевой (см. письмо 2 к А. Берг и комментарий 2 к нему и письмо 33 к ней же). *Вольтерс* Ольга Николаевна — см. комментарий 1 к письму 26 к А. Берг.

[3] *Люсьен* — см. комментарий 4 к письму 33 к А. Берг.

3

[1] Предыдущее письмо было написано на открытке, изображающей двух медведей в парижском зоопарке. Данное письмо на двух открытках: одна — с изображением двух львов, прижавшихся друг к другу; другая — с изображением двух белых медведей.

[2] *Елена* — Е. А. Цветковская.

[3] Заключительные строки стихотворения К. Бальмонта «К Елене» из сборника «Только любовь» (1903).

[4] *Проз д'Анфан* («Детская проза») — сборник издательства «Журналь де Поэт». *Та́ и эта* — «Письмо к Амазонке» и «Девять писем...» Ни одна из рукописей в итоге к Шаховской не попала (Новый журнал. 1967. № 87. С. 141).

[5] См. комментарий 1.

[6] Последняя прижизненная поэтическая книга В. Ф. Ходасевича «Собрание стихов» вышла в 1927 г. (Париж, «Возрождение»). После нее Ходасевич опубликовал лишь несколько стихотворений в периодических изданиях (преимущественно, в «Современных записках»).

[7] *Рекамье* (урожденная Бернард) Жанна (1780—1849) — жена богатого банкира в Париже, в ее салоне собирался весь цвет культуры того времени.

[8] В Брюсселе, в овраге Королевского парка, находится бюст Петра Великого. Русские писатели и поэты, приезжающие в Брюссель, по традиции посещали это место.

[9] *Орлова* О. В. (1882—1964) — русская художница, преподавательница музыки. После революции эмигрировала и жила в Брюсселе.

[10] Из публикации писем в «Новом журнале» неясно, к какой открытке относится данная приписка и где она была сделана. Помещаем ее в конце письма 3 условно.

4

[1] *Буайе* Жан Поль (1864—1949) — профессор, глава французских русистов. По-видимому, редактор одного из пушкинских сборников.

[2] См. следующее письмо.

[3] См. письмо к Люсьену де Неку и письмо 44 к А. Берг.

5

[1] О месте отдыха Цветаевой – подробнее см. письма 93 к А. А. Тесковой (т. 6) и 40 к А. Берг.

[2] Известно о цветаевских переводах следующих стихотворений Пушкина: песня Председателя из «Пира во время чумы», «Пророк», «Для берегов отчизны дальной...», «К морю», «Няне», «Бесы», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «Заклинание», «Приметы» («Я ехал к вам: живые сны...»), «Я вас любил: любовь еще, быть может...», «Свободы сеятель пустынный...», «Поэт» («Пока не требует поэта...»), «Приятелям», отрывок из «Клеветникам России», «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «Стансы», «Поэту», «Герой», «Что в имени тебе моем?..», «Анчар» (предположительно). По каким-то причинам переводы Цветаевой вовремя до Шаховской не дошли, и их публикация не состоялась. *Когда могучая зима...* – имеется в виду песня Председателя из «Пира во время чумы». У Пушкина: «Когда могущая Зима...»

Подробнее см.: Клюкин Ю. «Пушкин по-французски в переводе Марины Цветаевой. (К истории создания)». – В сб.: Цветаева М. Статьи и тексты. Wien. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 32. 1922. С. 63–84.

[3] Из «Пира во время чумы» кроме песни Председателя Цветаева намеревалась перевести еще песню Мэри.

6

[1] Идол из черного дерева, привезенный Шаховской из Африки (Новый журнал. С. 141).

〈ЛЮСЬЕНУ де НЕКУ〉[1]

〈3 июня 1936 г.〉[2]

«Милостивый Государь, я мыслю о Вас, но для письменных мыслей требуется время. И чем они стихийнее, тем больше его надо, ибо записать мысль – значит уловить ту первую, первичную, стихийную, мгновенную форму, в которой она появилась изначально. Как и вся работа жизни с нами (NB! Говорят: «работать над чем-то». Я работаю над рукописью. Но нельзя сказать: работа жизни над нами. Тогда надо *с* нами?) состоит в том, чтобы возвратить нам первую и единственно истинную форму нашего облика и ощущений. Совсем маленькие дети – совсем старые старики. Все, что между и что называют «жизнь», – только черновик, бумага с тьмой помарок, только затмение. Я не только мыслю о Вас, я действую. Так как Вы первый, кто увидел настоящее *во мне в моей французской транскрипции*[3], я посылаю Вам – Вам одному – несколько листков, продолжающих те письма, которые Вы имели глубину счесть глубокими. «Послесловие к Послесловию»[4]. Сначала я их писала для себя, потом для Вас. Вы будете их единственный читатель и даже автор, поскольку без Вас я бы их не написала. Это наименьшее, на что я способна. У моей благодарности всегда один и единственный жест: дать другому узнать меня еще глубже. Возможно, было бы тактичнее и даже более по-моему, не предупреждать Вас, но жизнь медленна, и есть вещи, которые должно если не делать, то по меньшей мере постичь вовремя. Спасибо за все.

P. S. Только что посмотрела в «Ларусс»[5] слово «Послесловие» (Postface) и вот, что я прочла: postface – существительное, женского рода

(от латинского post — после и fari — говорить); извещение, помещаемое в конце книги. NB! Странное извещение! Если это извещение, не находите ли Вы, что оно делается слишком поздно? Смотрю слово «извещение» (avertissement) и читаю: Сообщение, информация, род *предисловия*. Итак получается: *предисловие,* помещаемое в *конце* книги — нонсенс».

Люсьен де Нек — см. о нем письмо 33 к А. Берг и комментарий 4 к нему.

Настоящее письмо (вернее, его набросок), написанное Цветаевой по-французски, без конкретного обращения, на последних страницах рукописи первой редакции «Письма к Амазонке», было приведено С. Витале во вступительной статье к кн.: Marina Cvetaeva. Lettera all'Amazzone. Milan, Guanda, 1981. С. 17—18.

Печатается в переводе Ю. П. Клюкина, впервые опубликованном в его статье «Иноязычные произведения Марины Цветаевой» (Филологические науки. М. 1986. № 4. С. 70).

[1] Имя адресата указано С. Витале. (См. выше. С. 17). Принимаем его условно. См. также указанную статью Ю. П. Клюкина (с. 70), где отмечается тот факт, что первая редакция «Письма к Амазонке» была написана в 1932 г., а письмо Люсьену может быть датировано лишь 1936 г. (Возможно, когда Цветаева набрасывала черновик письма к Люсьену, или, наоборот, решила переписать себе его готовый текст, у нее под руками оказалась рукопись «Письма к Амазонке».)

[2] Датируется условно по содержанию письма 37 к А. Берг. («От Люсьена — ни звука 〈...〉 *Отослано 3-го июня ...»)*

[3] Ср. письмо 4 к З. А. Шаховской, где Цветаева называет Люсьена *«чудно* читающим».

[4] «*Послесловие к Послесловию»* — см. указанные работы Ю. П. Клюкина и С. Витале, где последняя выдвигает гипотезу, что этим «Послесловием» (к «Девяти письмам») могло быть «Письмо к Амазонке», а Ю. П. Клюкин дает анализ этой гипотезы. Мы же не исключаем вариант, при котором Цветаева, направляя рукописи Люсьену (см. письмо 37 к А. Берг), специально для него написала свое «Послесловие». Ср. в письме к нему: «... посылаю Вам — Вам одному — несколько листков, продолжающих те письма (т. е. «Девять писем». — *Сост.)* ... Вы будете их единственный читатель... без Вас я бы их не написала...»

[5] Серия научных и популярных энциклопедий и словарей, издаваемых во Франции.

А. С. ШТЕЙГЕРУ

1

Морет-сур-Лоинг, 29-го июля 1936 г.

Первое (и единственное) разочарование — как Вы могли называть меня по имени-отчеству — как все (нелюбимые и многоуважающие). Ведь мое имя *било* из каждой моей строчки, и если я, написав мысленно — зовите меня просто М〈ариной〉 — этого не написала письменно — то только из нежелания явности (грубости), как часто — не забудьте — буду умалчивать — *вопиющее.* Мне не захотелось своим словом становиться поперек своему имени на Ваших устах, не хотелось становиться между именем и устами, почти что entre la coupe et les lèvres*. Я *знала,* что Вы напишете — М〈арина〉.

* Между чашей и устами *(фр.).*

Вся Ваша исповедь[1] — жизнь Романтика. Даже его штампованная биография. Вся Ваша жизнь — история Вашей души, с единственным, в ней Geschehniss'ем*: Вашей душой. Это *она* создавала и направляла события. Вся Ваша жизнь — ее чистейшее авторство. И что можно в ответ на все это: *всего Вас*, с Тетей и с Fr⟨äu⟩l⟨ein⟩ Martha[2] — и с тем корабельным канатом, режущим жизнь и душу на́двое — и с нищенством — и с тем боевым прадедом — и с той нищкой голубой рубашкой — и с Вашей белой санаторской (у Вас на руке перстень — по белизне блеска — серебряный — чей? Что́ — на нем — за ним — в нем?) что можно, в ответ на Geschehniss ⟨—⟩ *Sie*, — как не обнять? *Всего* Вас *со всем* внутри имеющимся: с Вашим безмерным сердцем — и недостаточными легкими, ибо — предупреждаю: мне в (...«таком как Вы» — Вам будет холодно, ...«в *Вас*» — не поверите) — в НАС все дорого, вплоть до ущербов, и недостаточные легкие — не меньше избыточного сердца

— и если я сказала *мать* — то потому что это слово *самое* вмещающее и обнимающее, самое обширное и подробное, и — *ничего* не изымающее. Слово перед которым *все, все* другие слова — границы.

И хотите Вы или нет, я Вас уже взяла туда внутрь, куда беру все любимое, не успев рассмотреть, *видя* уже *внутри*. Вы — мой захват и улов, как сегодняшний остаток римского виадука с бьющей сквозь него зарею, который окунула внутрь вернее и вечнее, чем река Loing[3], в которую он *вечно* глядится.

Это мой захват — не иной. (В жизни, я может быть никогда не возьму Вашей руки, которая — вижу — будет от меня на пол-аршина расстояния, вполне достижима, так же достижима, как мундштук, который непрерывно беру в рот. Взять вещь — признать, что она *вне* тебя, и не «признать», а тем самым жестом — *изъять*: переместить в разряд внешних вещей. С этой руки-то все расставания и начинаются. Но, *зная*, что, может быть все-таки возьму — потому, что как же иначе *дать*? ... хотя бы — почувствовать.⟨)⟩

— Приеду к Вам показаться. Дитя, мне показываться — не надо. И наперед Вам говорю — каким бы Вы ни были, когда войдете в мою дверь, — я все равно Вас буду любить, потому что уже люблю, потому что — уже случилось такое чудо — и дело только в степени боли — и чем лучше Вы будете — тем хуже будет — мне.

Я — годы — по-мо́ему уже восемь лет — живу в абсолютном равнодушии, т. е. очень любя того и другого и третьего, делая для них всех все, что могу, потому что надо же, чтобы кто-нибудь делал, но без всякой личной радости — и боли: уезжают в Россию — провожаю, приходят в гости — угощаю.

Вы своим письмом пробили мою ледяную коросту, под которой сразу оказалась моя родная живая бездна — куда сразу и с головой провалились — Вы.

... «Об этом пишет André Gide (в том-то и том-то), но у меня это не вычитаете». Мы не только не вычитываем, мы — вчитываем, и нисколько не буду удивлена, если прочтя вдоль и поперек Faux-Monnayeurs и даже Journal de Faux-Monnayeurs[4] (не читала ни того, ни другого), никогда и нигде не обнаружу Вашего «об этом пишет André Gide»...

* Событием *(нем.)*.

Я так вдоль и поперек исчитала всего Lenau и никогда не нашла четырех моих любимых его строк[5].

— «Да знаете ли Вы, что́ такое — *я́*...?»

— Нет, но я знаю, кто такое — *Я*: хватит на обоих, т. е. на всю боль: Вашу от меня, мою от Вас, нас обоих — от нас — варьируйте как хотите, ибо комбинации неисчислимы — *хватит*.

...«*НО*, которого я боюсь больше всего на свете, и ненавижу — и всегда заранее на всех губах вижу — »

(— на моих, дружочек, Вы увидите только: — НА́.)

Насчет «приходит в пах»: — Вы меня не поняли. Это — *им* приходит в пах, нам — только в душу, и не приходит — было всегда. Знайте одно: когда душа *есть*, она — *всё*: не-души — нет, и никакого отдельного паха нет: это для докторов есть: «ранен в пах», мы — всегда в душу, как тот средневековый голый герцог, в ответ на удивление крестьянина — не холодно ли ему: — Ты же ходишь с открытым лицом, и тебе *не* холодно. Так я́ — *весь лицо*». Я в очень раннем детстве например никогда не могла понять: — «Мама, у меня тоска или меня тошнит?»... А теперь утверждаю, что всегда — тоска, что тошнит — нет.

— «Ведь требовал я невозможного, понимая, что требую невозможного...» Не забудьте, что мнящаяся нам невозможность вещи — первая примета ее естественности, само собой разумеемости — в мире ином. Ведь все мы *удивлены*, что нельзя ходить по́ морю: раз *море* есть — и *ноги* есть. И когда Христос идет по водам[6] — мы сразу узнаем — и успокаиваемся. Как сразу, во сне, *узнаём* упругость (держательскую способность) воздуха. И разве, сейчас, не естественно, — что я Вам пишу — что́ пишу? Разве не чудовищно было бы — *мне* (будучи *мной*) на Ваше письмо отозваться — иначе? Разве не *то* было бы — чудо (гнусное).

Все, что не чудесно — чудовищно, и если мы в этом чудовищном обречены жить — это не значит, что оно — закон, это значит только, что мы — вне *нашего* закона.

(Всё о том же, т. е. Вашей «невозможности»)... Мы играем — не с теми. (*Те — есть*). Мы от нетерпения (у души — свои сроки) опережаем настоящего партнера и клонимся к любому, внушая ему быть — любимым. Заметьте, кстати, какие мы не-с теми (с не-теми!) — жалкие: ни на что непохожие, нелепые, уроды какие-то... Когда Вы себе с другим перестаете нравиться (хотите «исправиться» — или развратиться) — уходите от него, потому что он Вам — яд.

Будьте только с тем, кто Ваше самоощущение повышает, подтверждает (— Значит: будь один? — Да, значит — будь один. — Нет, значит — будь со мною) — на выбор, ибо оба ответа — одновре́менны и — *предельно* мои.

— Пишу Вам в свой последний свободный день. Завтра — 30-го — укладка, послезавтра — отъезд: пока что в Ванв, а оттуда — возможно — в тот самый замок[7], где мы нынче были с Вами — в моем сне. У нас с Вами была своя собака, т. е. особая, отдельная от всех, и все дело было в ней. Я была озабочена Вашей светящейся белизной среди других загорелых лиц, Ваше лицо сверкало как серебро, и по этому сверканию (я и во сне близорука) я Вас узнавала. За́мок этот — в горах — и оттуда мне еще легче будет с Вами дружить. (Замок очень темный, весь в елях, — оттого Ваше лицо так и сверкало. —)

Спасибо за тетрадь о прадеде[8]. Орел был! Я бы за такого прадеда — дорого дала и много из него сделала. Напишите о нем: *его.* Ведь, честное слово — сто́ит всех синих рубашек мира![9] Напишите — поэму: ведь Вы *умеете* писать стихи. Дайте его в ряде видений. Кто *был* — должен быть *всегда*, а это — забота поэтов. Вспомните рильковского *Корнета*[10], только Р⟨ильке⟩ — в нем — почувствовал себя ребенком, а Вы в своем — почувствуйте себя *мужем.* (Это навряд ли Вам будет — в жизни — дано, на Вас неизгладимая *женская* печать: женских рук над Вашим младенчеством, та же печать, что на Р⟨ильке⟩ — он *никогда* не стал *мужем*, хотя умер пятидесяти лет. Но дал он — и Мазепу[11] и нашего Riese von Murо́m (Sass Ilya — der Riese von Murо́m)*[12] и Авессалома[13] — и мужа из мужей — Царя Давида[14], и ско́льких! ⟨)⟩ Дайте — *деда* и подарите его — *мне.*

Не пишите мне до верного адреса — не хочу пересылок. Т. е. пишите — и не отсылайте, извещу — скоро.

Дома (в Ванве) постараюсь напасть на след своих Юношеских стихов — только не затеряйте, вторых у меня нет — (стихи 1912 г. — 1916 г., не печатались) и всё сделаю, чтобы достать Вам Стихи к Блоку (*одна* книжечка должна где-то быть) — я хотела Вам перстень[15] (серебряный) — но у Вас есть, и двух — нельзя. (Мо́й перстень — который хотела — и который ношу на левой руке — *абсолютно Ваш: весь — Вы*, но, повторяю, не надо и нельзя — двух, у Вас тогда будет: «main baguée»**... и каждый из двух потеряет свой смысл. Поверьте, мне очень трудно от этого *видения* отказаться (своего перстня — на Вашей руке), но делаю это — для Вас. Когда Вы мне напишите, что́ на Ва́шем, я Вам напишу, что на моем-Вашем. Не забудьте!).

Карточку тоже пришлю: себя в 1916 г. и себя в 1936 г. (собственно, летом 19*35* г. — mais c'est tout comme***, а 1916 — 1936 — дата).

Ну! — вот.

МЦ

⟨*Приписка на полях:*⟩

Тетрадь сохраню и верну по первому слову. — Какая *скука* — рассказы в «Совр⟨еменных⟩ Зап⟨исках⟩» — Ремизова и Сирина[16]. Кому это нужно? Им — меньше всего, и именно поэтому — никому.

Прочтите: Письма оттуда[17] и непременно напишите, дошли ли. Лучшая вещь в книге.

---

* Илья Муромец (сидел Илья — муромский исполин) *(нем.)*.

** Рука в кольцах *(фр.)*.

*** Но это всё как... *(фр.)*.

2

Vanves (Seine), 65, rue J. B. Potin,
2-го августа 1936 г., воскресенье.

Дружочек! Пишу Вам из Ванва, где я до 7-го. Если очень поторопитесь — еще застанете. Но если Вам сейчас не хочется — или не может-ся — торопиться — ждите моего письма из того замка, куда я Вас с собой увожу 7-го, в 7 ч. утра — как 31-го — с собой — увезла из Moret-sur-Loing — как отныне буду увозить с собой — всюду (и, вещь маловероятная) — вплоть до того часа, когда повезу Вас — к Ва́м. Тогда познакомитесь: Sie — Ihrer mit *Sie* — meinem, Sie — Sie mit Sie — ich*, и может быть совпадут — совпадете — как совпадают наложенные друг на друга лица преступников и биографии поэтов. (Вот и объяснение тому *штампу*, который Вас может быть в том письме смутил. Я иногда думаю, что Вы — я, и не поясняю. Когда Вы будете *не я* — спрашивайте.) Но Вы, минутами, *я* — до странности: 1) игра в лодочку: *вечно* на ней проверяла себя и другого (отродясь!) — кого выброшу — выбро*сим* (и *всегда* — меня!) Но одного Вы еще не знаете: вопля одной молодой женщины XVIII в. — Je sauverais mon mari — et me noyerais avec mon amant!**

И ничего от нее не осталось, кроме этого вопля. Все осталось. Вся — осталась. Это ведь сто́ит — всех наших стихов?

Дальше: слово Уайльда, которого особенно (воинствующе, оскорбленно) люблю — сейчас из-за немодности, как когда-то сумела любить вопреки моде — еще более оскорбительной.

Только оно, в точности — та́к:

— Сначала дети родителей любят, потом дети родителей — судят, под конец они им прощают[1].

Начинаю держать обещания (карточки).

Про дружбу с Вами не говорю никому.

МЦ

3

St. Pierre-de-Rumilly
Haute Savoie
Château d'Arcine.
8-го августа 1936 г.

Вот, дружочек, поистине *сыновний* поступок: сложная операция — туберкулезная опухоль — на днях режут — может — зарежут...

Если это сознательно, т. е. — чтобы сделать мне больно, т. е. — чтобы я больше Вас любила — дружочек, мне все равно уже больно, и не забудьте, что я *всегда всё* обскакиваю.

...тот поезд, на который — *все*
Опаздывают:[1]

(и что́ важнее — *всё*).

---

* Вы — Ваш с *Вами* — моим, Вы — Вы с Вами — мной *(нем.)*.

** Я спасу своего мужа и утону вместе с моим возлюбленным *(фр.)*.

Но есть животная боль, тревога за жизнь, — тот ланцет, перед которым я бессильна, ибо не *я* режу, и не *меня* режут — и если Вы э́тот ланцет хотели в меня всадить...

Если же бессознательно — то опять-таки Вы моего отношения недооцениваете — для меня это не может быть простой (хотя бы очень волнующей) новостью.

Но — в последнем счете — может быть лучше, что написали. Ибо — не напиши, напиши после операции — моя первая мысль была бы: — *Резали,* а не *знала* — и прошел бы холод чужести. Лучше — живое мясо близости.

Как только сможете писать — напишите: что́ у Вас, в точности, с легкими — и в легких? Я туберкулез — знаю, это моя *родная* болезнь[2]. И что́ это была за опухоль? Где? Словом, всю историю болезни. И о само́й операции напишите. Чем усыпляли? И что́ Вы, последнее, ощутили? Подумали? И — как проснулись? С чем?

Всё, всё.

Это — тоже не письмо. Письмо — впереди, и — большое. Но не могу писать Вам, пока не знаю — что́ с Вами (беседовать с Вашей *душой,* пока не знаю — что́ с Вашим телом — которым Вы вольны пренебрегать, я — нет: потому, что оно — *не мое.)*

Между Вашей страной и моею — всего только 25 верст. Пришлите мне вид Вашего Heiligen Schwendi, а я — потом — свои. У меня есть для Вас две маленьких радости, верных, но это всё — потом.

Кончаю, потому что иначе начну беседовать с Вашей душою.

Жду вести, по возможности — скорой, если сами не можете — попросите написать своих — всего несколько слов: жив, здоров, благополучно.

Обнимаю Вас и непрерывно о Вас думаю.

МЦ

Спасибо за Р⟨ильке⟩. И я́ Вам о нем расскажу.

У меня чувство, что нам с вами надо прожить целую жизнь — назад и вперед.

(О *прожить* и *жизнь* напишу отдельно, я нынче с этим проснулась.)

4

St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie)
Château d'Arcine
12-го августа 1936 г., среда.

Первый ответ на вид Вашего письма: удар в сердце — и ком в горле и пока я письмо (аккуратно) вскрывала — ком рос, а когда дело дошло до вида букв — глаза уже были застланы, а когда я, приказав им — или себе — подождать — прочла и дочла — я уже ничего не видела — и все плыло́. И я сама плыву сейчас, вместе с глазами и буквами.

(Описываю, как с Марса — или даже — Сатурна — но это со мной — та́к *редко,* та́к *никогда.)*

Мой родной, ведь это тоже была — операция, вскрытие письма было вскрытие нутра, и я так же честна и точна в *своем* описании, как Вы — в своем — и я тоже больше сегодня ничего не напишу Вам, *кроме*

Любящая Вас

М.

5

St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie) Château d'Arcine.
13-го августа 1936 г., четверг.

Большое письмо, когда окрепнете: в нем много мыслей, и еще больше чувствований — много всего — вся я́ — а это (говорят) и здоровому — *много.* Будем ждать. Пока же — очередной Петербург[1], и привет, и заверение в непрерывности моей памяти — и умоляю не писать, если трудно — и умоляю написать, если *можно:* как t°, боль, сон, хочется ли есть, можно ли читать, всё, всё, — но *по слову* обо всем, чтобы не уставать, п. ч. я хочу во всем Вам быть радостью и силой, и никогда не сделаю Вам ни больно, ни вредно, и я готова целый месяц Вам не писать и даже о Вас не думать (оставить внутри) — если это нужно.

Мой мальчик родной, Вам сейчас надо *вылежать* — и отложить все мысли — на потом. Чувствуйте себя, пожалуйста, хотя бы на эти дни, в большом глубоком облаке (О Господи, насколько бы проще — подойти и взять за́ руку — вместо стольких слов!). (Я вчера целый день переписывала Вам из записной книжки то́ письмо.)

Если это Вас радует — и не утомляет — буду писать Вам понемножку каждый день. А большое письмо — когда *по чести* скажете: можно. А читать (книжки) Вам можно? У меня есть одна — чудная и очень легкая на вес.

Узнаете Петербург? М. б. на этом мосту — в детстве — стояли? Вчера, бродя по своему огромному замковому чердаку, вдруг вижу: какие-то снимки. Наклоняюсь; Тунское озеро[2] — и двое юношей. И подпись: фотография С. Штейгера. Это — Ваш отец?[3] Даже не знаю Вашего отчества.

Храни Вас Бог! Выздоравливайте, милый!

МЦ.

6

Château d'Arcine, St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie).
14-го августа 1936 г., пятница.

— Это моя самая любимая открытка — из всех присланных — п. ч. она самая *бедная.* Эти открытки, кстати, все краденые — их было очень много, и я скромно выкрала лучшие — Вы как раз тогда мне написали, что по зимам жили в П‹етербур›ге. Теперь мой улов кончен и буду посылать Вам здешние виды: замка и природы, но лучшего (внутреннего) замка, увы — нет. Я из всего него больше всего люблю кухню — решетчатую, сводчатую — и чердак: самое жаркое (день и ночь кипят котлы) и самое холодное: день и ночь шум деревьев и каких-то верхних потоков а, м. б. — шум времен. Я здесь живу совсем без людей — хотя их сорок человек — с одними Вами. Отсюда часто ездят в Женеву,

т. е. в Швейцарию, и это немножко растравительно, но я не завистлива и знаю, что в конечном счете блага распределены правильно: у меня такая сила мечты, с которой не сравнится ни один автомобиль. Мне только — просто — жалко, что я *сейчас* не могу быть с Вами, п. ч. Вам наверно *скучно* и *долго* лежать. Не прошу: пишите — п. ч. наверно сами напишете, когда сможете. Не утомляет ли Вас мелкость моего почерка: мне всегда так много нужно Вам сказать.

Храни Вас Бог!

МЦ

⟨Приписки на полях:⟩

Кончаю перевод пушкинских Бесов[1]. — Увлекательно. Замечаю, что пишу Вам как здоровому, — но это не эгоизм, а *ужас* перед физической болью, которой не могу помочь. Я о ней просто стараюсь *не думать,* п. ч. иначе — отчаяние.

Наверху над замком совсем одна в брошенной мельнице живет гадалка. Соблазнительно. Но — страшно. И немножко — как-то — недостойно. И наверное *не* пойду. Если она — *гадалка* — *она* ко мне должна придти.

Я Вам обещала спокойные письма и, видите — слово держу.

7

Château d'Arcine, St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie).
15-го августа 1936 г., суббота.

Милый друг, мне кажется — Вы не писали уже целую вечность, а на самом деле — только три дня. Но я сейчас немножко беспокоюсь, — беспокоилась бы и множко — если бы дала себе волю. Если бы я была уверена, что Вы не пишете для здоровья, а не от нездоровья... Теперь о другом (хотя о том же самом): м. б. Вам неловко — ведь это папа приносит Вам письма — ежедневно получать письмо тем же почерком и с тем же штемпелем: ежедневно всё то же письмо. Может создаться — у такого, как Вы, как мы — положение — etwas peinlich*. *Непременно* ответьте, ибо, м. б., лежать Вам придется еще долго, а я *обещала* писать Вам *каждый* день — и теперь боюсь остановиться, ибо — как сказал однажды Гёте одной девушке: Fahre fort mir zu schreiben und rechne mir die Bitte nicht zu hoch an — denn Gewohnheit ist ein gar zu liebes Ding**[1] — так, м. б., у Вас уже — Gewohnheit, и — что важнее всех обещаний другому — я сама себе обещала никогда — ни в чем — ничем не огорчать Вас и не смущать.

Словом, решайте сами и знайте, что я всегда все пойму.

Не спрашиваю о здоровье, п. ч. это было бы просить писать. Не спрашиваю, но — конечно — думаю. Помните, я Вам вчера писала о Женеве, а нынче с утра меня в Женеву — звали — на целый день — и даром. И я *не* поехала, п. ч. не знала, чтó с Вами, и никакой радости, даже щемящей — от одной страны, одной земли — бы *не* вышло. А вчера вечером, когда хозяйка горного кафе, произнесла слово:

---

* Некой неловкости *(нем.).*

** Продолжай мне писать и не считай мою просьбу слишком большой — ведь привычка — очень приятная вещь *(нем.).*

Берн: — «J'ai vu cela à Zürich, et dans la cave de Berne». Car elle est immense — la cave de Berne»* — я сразу обернула голову, точно меня позвали.

Я послала Вам отсюда: небольшое письмо (на которое Вы отозвались), 4 открытки — петербургские** — и книжечку. Одну из открыток (конную) и книжку — с оказией из Женевы. Большое письмо лежит и, от времени до времени, — прирастает, но читать его — как и писать — работа, а м. б. и тревога, поэтому — пускай вылеживается — как Вы.

Если неудобно, чтобы я писала ежедневно — напишите *непременно:* хотя бы два слова.

Вчера лазила на высокую, высокую гору, собирала орехи и цикламены. Ваши орехи я съела (Вам сейчас все равно нельзя), а Ваши цикламены стоят у меня в стакане.

МЦ

8

17-го августа, понедельник

Пишу из соседнего городка — бывшей столицы Савойи — Бонневилл'я.

От вас много дней ни слова, очень беспокоюсь о здоровье, если можете — известите.

Буду ждать и — пока — *не* пишу.

МЦ

Ничего о Вас не знаю с 11-го.

9

Из непрерывности внутреннего письма
(день за днем, дойдем и до 12-го)[1].

Еще в Moret, значит *до* Вашего Берна[1]:

— Почему Ваши письма настолько лучше Ваших стихов? Почему в письмах Вы богатый (сильный), а в стихах — бедный. Точно Вы нарочно изгоняете из своих стихов всего себя, все свое своеобразие — хотя бы своей *беды,* чтобы дать вообще-беду, общую беду: бедность. Почему Вы изгоняете все богатство своей беды и даете беду — бедную, вызывающую жалость, а не — зависть. (Не думайте, что меня обольщает на-меня-направленность Ваших писем — это во мне никогда ничего не предрешало — и — все стихи всё равно на меня направлены.) — Вам в стихах еще надо дорасти до себя-живого, который и старше и глубже и ярче и жарче того. Вы (живой) из близнецов: Кастора и Поллукса — то́т близнец, которому отец — Зевес[2].

Мой за́мок, 8-го августа 1936 г.

— Не удивляйтесь гигантскости моего шага к Вам: у меня *нет* другого.

---

* Я видела это в Цюрихе и в погребе Берна. Он очень большой, этот погреб Берна *(фр.).*

** До Вас дошли только две *(примеч. М. Цветаевой).*

Вы тоже человек одной ночи—одного взгляда—и целой жизни тоски—Sehnsucht—оборота нá. (Потом этих взглядов становится много, но каждый—нож.)

Вы тоже сразу хотите не-жить, чтобы не было ни потом, ни дальше. (Продолжения *не* будет.)

Сколько бы мы раз уже умирали, если бы боги нас слушались!

Ваша младенческая привязанность к Тёте[3], то есть: *чистая страсть тоски*—лейтмотив всей Вашей жизни. Другого *не* будет, ибо с душой ничего другого не бывает, ничего кроме нее самой, которая есть: чистая страсть тоски. Душа (когда она есть: ее нет—никогда) рождается готовая, не рождается—продолжается—со всем грузом бессознательной и бесполезной памяти. Бессознательной—так руки сразу узнают клавиши, плечи—волны.—Бесполезной—все ошибки зáново, как будто бы никогда не *рас*шибался—и это уже можно проследить в короткой нашей, в короткой *Вашей* жизни: от чего Вы в жизни излечились, чему—научились? Ни от чего. Ничему. И *вся я к Вам* этому—живой пример.

В который раз? И разве я не знаю, что все кончается, и разве я верю, что (это во мне к Вам) когда-нибудь кончится, когда-нибудь меня отпустит, что я от Вас—опустею: стану опять пустым—и холодным—и свободным домом: domaine'ом?*

Ведь стóило Вам только подать мне знак—так ивы на краю дороги подавали мне в летящее окно—знак—как я на этот ивовый знак—*вся* ринулась, ринулась, кинулась, зная *всё* и не веря—*ничему*.

В жизни с этим делать нечего, и Вы это знаете. Давайте вместе не-жить: действенно, воинствующе, победоносно.

Мой перстень был: сплошь ровный серебряный широкий с серединной лилией—по бокам по кресту—вокруг (всего пальца) розы. И он никогда уже не станет моим.

9-го августа 1936 г., понедельник.

Если бы можно было запустить руку в душу—как в море—Vous retireriez Votre main pleine de Vous**.

Не удивляйтесь. Если распределить всё это по годам нашего знакомства (с Вашего рождения или даже с того часа, когда Вы впервые подошли ко мне на одном из моих чтений)—вышло бы вполне *нормально*, а сейчас Вы всё это получаете *сразу*—только не пугайтесь и не подломитесь и не *усумнитесь*.

Сколько сказок бы я Вам рассказала, если бы мы были вместе! Сколько—Märchen meines Lebens!***

---

* Сфера, пространство *(фр.)*.

** Вы вынули бы свою руку, полную Вами *(фр.)*.

*** Сказок моей жизни *(нем.)*.

Над пылающим лицом:
Тем, с глазами пьющими,
Сколько песен шепотком
Спето, петель — спущено![4]

(Это о Царице с ее раненым: «*Мой* раненый» — помните?)[5].

Нам с Вами эти дни (с получения мною Вашего первого письма, а может быть — и с его написания) нужно было бы жить вместе, не расставаясь — с утра до вечера и с вечера до утра — ведь все равно, как эти пространства *между* — называются!

Никогда никто к Вам так всем существом не шел, как я сейчас. Так только море идет — всем собой. (Прилив.)

Ваше письмо (последнее) лежит у меня во Втором Фаусте: спит в нем, обнятое гётевским восьмидесятилетием — и всею игрою тех Нереид и Наяд[6]. Это Ва́ш дом. Вы в нем живете. Сколько у Вас сейчас домов, кроме бернского: *я*, моя тетрадь, мой за́мок, Второй Фауст. Какой Вы сейчас любимый и *сохранный* — если бы Вы знали!

Раз мы все равно не расстаемся (я говорю *мы*, п. ч. иначе нет *ничего*, т. е. обычное: *я* и ein Idól) раз мы всё равно не расстаемся — бессмысленно не быть вместе.

Но я бы хотела быть с Вами *совсем* без людей, совсем одна в огромной утробе — за́мка — и нам прислуживали бы *руки*, как в сказке Аленький Цветочек[7]. — Хочешь? — И я знаю, что к нам, привлеченные чистотой и жаром, пришли бы *все* прежние жители этого за́мка, все молодые женщины, и все юноши (я тебе скоро пришлю их портреты: я их для тебя украла) и все бабушки в чепцах и прадеды в халатах, и любили бы нас, и мы бы царили над ними и, в конце концов — незаметно — перешли бы к ним *в стены* и когда пришли бы *другие* — никого бы не нашли.

Я хочу с Вами *только* этого, только такого, никак не называющегося, не: сна наяву, сна — во сне, войти вместе с Вами в сон — и там жить. Потому, что Вы *тоже* пленный дух[8], как я, — не дух (духовность) а ein Geist: ein Gast*. Я это знаю, поняла по первому зову.

(Все еще 9-го, понедельник).

Нынче, открывая дверь в свою заведомо-пустую комнату, я на секунду задержалась на пороге с мысленным вопросом: — Можно? — И удивиться не успев (на свою рассеянность) поняла: она до того заселена Вами, что если *меня* в ней нет, то в ней, конечно — *Вы*.

Я не люблю детского общества: грубо, мальчишески и девчончески-профессионально, громко, и если я гуляю с детьми, то всегда

---

* Дух: гость *(нем.;* игра созвучий).

внутренно-насильственно — а нынче я и внутренно согласилась, из соображения: — Раз я иду — с другим, то естественно, чтобы и Мур шел с товарищем. И только потом установила, что я ни с кем не иду.

До Вашего письма я все время переводила Пушкина — целыми потоками — лучшие его стихи[9]. (Когда-нибудь пришлю — или прочту.) С тех пор — ни строчки. Сейчас я думаю о Вас: *думаю — Вас*. Это очень серьезное занятие (Бедный Р⟨ильке⟩! Мне одна любáя, любезная французская дама рассказывала: — Il nous lisait toujours ses écrits français, en nous demandant à mon mari et à moi (муж — корректный морской офицер-француз) — si c'était assez clair. Un jour il nous lit: — Cette femme a les mains sur les genoux. Elle ne bouge pas. Elle pense un enfant. — *À* un enfant? — Non, non, elle pense un enfant. C'était *lui* qu'elle pense et non pas *à* lui. — Mais c'est absolument impossible en français, cher Rilke, personne ne comprendrait, on prendrait ça pour une erreur d'impression. On peut probablement dire ça en allemand, mais en français (NB! Прерываю: si on peut dire en allemand, c'est qu'on peut le sentir en allemand, car: «sie denkt ein Kind» n'est pas plus dit en allemand qu'en français... Toute la différence est que le lecteur allemand croit le poète sur parole, l'honore et la suit dans chacune de ses particularités, tandis que le lecteur français — le juge.) Тогда, Р⟨ильке⟩, жалобно: — Alors, Vous dites — c'est absolument impossible? Incompréhensible? — Absolument. — Alors il ajouta — *à* —

Et moi je n'ajoute rien. Je *Vous* pense. Et un jour — nous en recauserons*.

10-го августа 1936 г., вторник.

Когда я нынче думала о комнате, в которой мы бы с вами жили, и мысленно примеряла — и отбрасывала — одну за другой — все знаемые и незнаемые, я вдруг поняла, что такой комнаты — нет, потому что это должна быть *не*-комната: отрицание ее: обратное ее, а именно: комната сна, растущая и сужающаяся, возникающая и пропадающая по необходимости внутреннего действия, с — когда-нáдо — дверью, когда *не*-надо — невозможностью ее. Комната сна (Вы видите сны?), та комната, которую мы сразу узнаём — и на которую *немножко* похожи, в памяти, наши детские.

---

* Он нам всегда читал свои французские сочинения и спрашивал нас, моего мужа и меня, достаточно ли это ясно. Однажды он нам прочитал: — Эта женщина сложила руки на коленях. Она не двигается. Она думает ребенка. — О ребенке? — Нет, нет, она думает ребенка. Она его думает, а не *о* нем. — Но это же абсолютно невозможно по-французски, дорогой Рильке, никто не поймет, примут это за бред фантазии. Вероятно, так можно сказать по-немецки, но по-французски... (NB! ...если можно сказать по-немецки, значит, можно почувствовать по-немецки, так как (*фр.*) «она думает ребенка» (*нем.*) — уже не по-немецки, а по-французски. Вся разница в том, что немецкий читатель верит поэту на слово, чтит его и следует за ним в каждом его повороте, в то время как французский читатель — судит его.) Тогда, Рильке, жалобно: — Итак, вы говорите — это абсолютно невозможно? — Абсолютно. — Тогда он добавил — *о* —

А я не добавляю ничего. Я *Вас* думаю. И однажды мы об этом поговорим *(фр.)*.

(Нынче я начала пушкинских Бесов, и Вы́ меня немножко отпустили.)

11-го августа, среда.

Вчера, к концу вечера, я заметила (здесь больше сорока человек народу), что я стала бесконечно-ласкова, и как-то ро́вно-радостна — и заметила это по ласковости остальных — и поняла, что это — Ва́ше, к Ва́м, т. е. от Вас — идущее. И у меня было чувство, что я растрачиваю *Ваши* деньги.

— О ступеньке (на карточке). Сначала: — Нет, ближе! Потом: — Правильно, потому что — и Вы конечно об этом *не* думали — самое дорогое и драгоценное: голова — сама и сразу — на коленях.

— *Где* эта лестница??

Я себя сейчас чувствую своим за́мком, в котором Вы живете. Пустынно, огромно, *сохранно* и обнимающе Вас со всех сторон — но таким просторным объятием![10] — и сколько в нем места, и Вы всюду можете ходить, и нет запретной комнаты — а надо всем огромный пустынный гулкий чердак с готическим корабельным сводом — над которым — еще свод — а на самом верху — колокола. Которые никогда не звонят. И они бы сами зазвонили.

12-го августа, среда —, после письма.

Вам письмо принес — отец, мне — сын, и оба не знали, что́ несут.

Когда я прочла: боль выносимая, т. е. глазами увидела слово: боль — у меня всё внутри — от горла до коленных чашек — физически задрожало, и я еще удивилась, как можно так неподвижно стоять — и та́к дрожать.

13-го августа 1936 г.

— Когда мы нынче — мы: три женщины, двое мужчин — сидели, в деревенском кафе, на воле, вокруг столика — у каждого была своя отсутствующая рана — у кого давняя, у кого свежая — и я, столько лет за такими столиками сидевшая *без*, прямая как ствол и неуязвимая — вдруг удивленно почувствовала, что и *я* — что и у *меня* (Ваша болезнь, Ваша судьба —).

Может, Вы оказали мне дурную услугу — позвав меня и этим лишив меня душевного равновесия. А может — это единственная услуга, которую еще можно оказать человеку?

14-го августа.

Когда Вы в печати когда-нибудь увидите моих французских Бесов Пушкина[11], Вы будете знать, Вы один будете знать, ка́к они переводились — за какие тридевять земель от пишущей руки — и души. Но, может — и сам Пушкин их так писал?

...Всё же промчится скорей — песней обманутый день.

(Овидий)[12]

Нынче, 17-го августа 1936 г., понедельник.

Я, м. б., несколько дней не смогу Вам писать. Во всяком случае, сразу известите о перемене адреса, чтобы я знала — *куда* думать.

Я *ничего* о Вас не знаю — с 12-го. Если бы Вы не были *после операции* — я бы этим не смущалась, а так — жестоко не знать.

Ну, будем надеяться, что причины — хотела сказать внутренние, но что́ — внутреннее операции? тогда скажем — душевные.

Как бы то ни было — пишете или не пишете, пишу или не пишу — я о Вас думаю.

Храни Вас Бог!

МЦ

〈*Приписка снизу:*〉
Нынче, 18-го августа 1936 г., вторник.

— Пришел мой огромный сын (11 л〈ет〉 — почти с меня) — своим огромным шагом и, лаконически: Вот Вам письмо от Штейгера. И я, деловито: — Ну и отлично. А сейчас — волей судеб — иду на свидание с собакой, которая меня любила больше, чем все люди вместе, и которую я не видала *шесть* лет. (Собаки помнят два года, гениальные — четыре. Любящие — X лет.) Его зовут Подсэм[13] (чешское: Поди сюда). Я Вам о нем напишу отдельное письмо, из к〈оторо〉го Вы меня больше узнаете, чем из всего доселе Вами читанного.

Это — *большое* — отсылаю не перечитывая. Оно Ваше, и я чужих писем *не* читаю.

Обнимаю Вас, моя *радость* (и *боль*).

М.

10

19-го августа 1936 г.

Что мне безумно хочется к Вам — Вы конечно знаете, но мне хочется к Вам на полную свободу — какой нет на свете: на свободу того света. Но даже примирившись с несвободой *этого:* если отсюда ездят в Женеву — то компанией, взяв сообща машину, к〈отор〉ая в вечер того же дня — отвозит. Едут без виз. Визы я получить не могу, п. ч. у меня нет с собой нансеновского паспорта[1] — остался в Ванве, в дебрях — так что и поручить нельзя. Итак, чтобы к Вам попасть, нужен был бы целый ряд (звено в звено) совпадений: во́время выехать (не от меня зависит: едем — «мы»), в Женеве сразу попасть на подходящий поезд, в Б〈ерне〉 оказаться в Ваши приемные часы (которых я не знаю), от Вас не опоздать на обратный поезд и, наконец, — застать машину. — Видите? — Еще одно: я совершенно не ориентируюсь (ни даже *в доме*), это у меня — *болезнь,* я сразу теряю направление, верней отродясь его не имела — никакого — ни на час, — это моя пожизненная беда и вместе с тем услада (равно как и близорукость) — я всегда *неизвестно где,* но в быту это — неодолимое препятствие. (Подробность: я ведь Вас, *конечно,* в палате не узнаю 1) п. ч. я близорука, а больница не театр, чтобы смотреть в лорнет, 2) п. ч. я Вас вообще не знаю: ли́ца помню только выучив наизусть. Что́ помню: чернота и белизна (та́ хвоя и то́ серебро), *во сне*

я бы Вас сразу узнала, но — в жизни... — И главное: без Мура я в Женеву поехать не могу, а у всех там — свои дела: родня, покупки, встречи... Везти его к Вам?? За — чем? (Тире передает недоуменность интонации, но слово одно, — а не два.)

Если бы Вы сейчас не́ были после операции — *Вы́* бы ко мне приехали, ибо у Вас паспорт, очевидно, есть, и Вы, кажется, швейцарский подданный? Деньги бы я достала, Вы были бы мой *гость* — и мы были бы *на воле*. Звать Вас сюда сразу после операции — безумие, но если, мой дорогой и родной, Вы хорошо поправитесь и не будет ни малейшего риску — я здесь до конца сентября, и деньги на дорогу Вам вышлю по первому слову. — Идет? — Словом, Вы сейчас вылеживаетесь, затем едете к себе auf die Alm* — и там пасетесь, гремя бубенцами моих писем. Поправившись, отпрашиваетесь на́ два дня — по неотложным делам — и приезжаете. И здесь мы с Вами — воочию и *воушию* — дружим, если хотите *перескочив* — знакомство.

Сразу же ответьте, возможно ли, т. е. выпускают ли из Schwendi — на́ 2 дня. Утомлять я Вас *не* буду, если не сможете подняться ко мне на́ гору, я Вас устрою в деревенской гостинице у самой станции и весь день буду у Вас сидеть, или — сколько захотите. Ни шагу не будет подъема. Еще лучше — что не сейчас: 1) я всегда любила откладывать радость — на потом, 2) Вы за этот месяц окрепнете, в письмах мы еще больше подружимся, и это будет венец нашего лета, для меня начавшегося Вашим первым письмом. — Хорошо ведь? — Непременно *сразу* ответьте. Если нужно будет, сообща выдумаем *неотложное* дело — можно и литературное, — чтобы отпустили. Узнайте — если не сложно — и цену дороги: от Вашего Schwendi до моей деревни — и обратно. Ближе к делу — узнаю Вам женевско-с⟨ен-⟩пьерские поезда, ибо в С⟨ен-⟩Пьере (деревенька) останавливаются не все. Я во всем осуществительном *очень точна:* во мне немецкая кровь[2]. Убеждена, что месяц спустя операции Вы поехать сможете: нынче 19-го авг⟨уста⟩ — не поздно будет и 19-го сентября (*лучше* — раньше, но — как сможете, я тогда задержусь до 25-го). Только — уговор лучше денег — Вы серьезно должны приняться за свою поправку: не делать глупостей, не переутомляться, не пить, ничем себе этот месяц не вредить, п. ч. дело уже будет в Вас, т. е. все зависит от степени *Вашего* желания («Я от Вас ни копейки не возьму» — этого я от Вас *не* услышу, ибо я от Вас миллион возьму, когда у Вас будет — два. Идет?).

Что́ еще очень важно: здесь я *дома,* т. е. сама-своя, т. е. больше всего на себя похожа — я новых мест и неопределенных положений *боюсь* — здесь мне с Вами (Вам со мной) будет — вольно. Здесь — природа, покой, — только коровы, которые тогда уже спустятся со своих высот, будут бубенцами греметь, верней: в колокола звонить.

Ответьте молниеносно, чтобы я знала, что уже могу радоваться. Нам с Вами будет чудно. А месяц — скоро пройдет.

На Ваше письмо — отвечу завтра.

Храни Вас Бог! *Я* храню — ка́к могу.

МЦ

---

* На альпийское пастбище *(нем.)*.

11

Château d'Arcine, 20-го августа 1936 г., четверг.

Это еще не ответ на Ваше письмо — эти дни я почти не бываю одна — я даже нынче не смогла отправить Вам — хотя бы открытки, ибо отправляю, как пишу — собственноручно: не только не доверю другому, а не могу стерпеть, чтобы прошло через чужие руки (почтальон — не в счет, ибо — *судьба:* независящий от нас ход событ й, так же *не* зависящий — как ход облаков или войск). Я каждое письмо (Ва́м) мысленно сопровождаю в ящик, как в колодец — куда камень летит сто лет. *Всё* не просто. Поэтому нынче Вы *без* привета. Но знайте наперед, что никогда я «просто» Вам не напишу (Я совсем не знаю, та́к ли Вам нужно и важно, как мне это кажется. Но мне ведь всё — «кажется». И с какой силой!)

На то́ письмо, мой родной, отвечу непременно и отдельно, ибо оно — существенное: такое же серьезное, как объявление войны — или мира, в нем что-то от поединка, это — условия игры — Вами мне ста́вимые. Вы совершенно правы, ибо играть вслепую — достаточно.

В следующем письме напишу Вам еще об одной своей дружбе — в связи с Вами.

А сама буду ждать ответа на зов сюда — или в Annecy — если хот те, хотя там будет сложней, п. ч. у меня там нет крова, и та́м я суток с Вами — провести не смогу. (Но там — дивное озеро и сновиденные дома, и всё, и мы сами — двести лет назад.)

Кончаю, — потому что пора. Впрочем, успею еще разъяснить Вам свое: скучаю по Вас. Никогда — *без* Вас. Ибо — скучать *по* хлебу — только о нем и думать. Скучать без хлеба — именно им пустовать. Я в жизни не скучала — без человека. Одно — переполненность, другое — пустота. Я никогда не буду пустовать — Вами. — *Надеюсь.* (Мне, кажется, я отродясь не пустовала ни секунды.)

— Ну́, вот. Теперь — по-настоящему пора.

МЦ

Скоро Вам будет маленькая радость.

12

Ответ на тот ультиматум

St. Pierre-de-Rumilly, H⟨au⟩te Savoie, Château d'Arcine.
21-го августа 1936 г., пятница.

Непроставленный эпиграф к Вашему письму: — На время не стоит труда... т. е. все оно сводится к вопросу — и даже запросу: не уйдет ли объемлющее Вас облако — дальше, обронив пассажира. Друг, у облаков свои законы — простой природы, и облака — пар, а если *не* пар, то только потому, что мы их надуваем — как 16-летний Лермонтов свой *парус*[1] — своим дыханием.

Мое отношение к Вам — дело не только непосредственного чувства, но и разума, и твердой памяти, и совести (погодите сердиться! я знаю,

что этого слова — не любят), я уже за Вас перед кем-то — отвечаю, и знала это с первого слова своего первого письма к Вам. Любите пока любится, дружите пока дру́жится — вздор, надо чтобы *не перестало* любиться. Мое отношение к Вам — помимо моей отнесенности к Вам: так волна несется — *решение*.

А то — выходит обычное лизание сливок, занятие кошачье, а не человечье. Потому я сразу и сказала слово *мать*. Которое *точно* значит — *навсегда*.

— Конечно, дружочек, полноты материнской отдачи у меня с Вами быть *не* может, ибо иначе я бы эти дни от Вас *физически* не отходила (как сейчас — клянусь, — не отхожу от Вас — мысленно). Этого счастья — payer de ma présence* (счастья, между прочим, для меня самого *трудного)* — я с Вами лишена. Даже того (блаженнейшего!) возгласа той восемнадцатилетней восемнадцатого века[2] — я с вами лишена, — потому что мне и me noyer** придется со своими — но закончу словом матери человека, которого я больше всех и *моѐе* всех, на свете, любила — еще молодой тогда матери ныне 76-летнего кн⟨язя⟩ Сергея Волконского (*ему* написан мой Ученик, если его помните: «Быть мальчиком твоим светлоголовым...»), на вопрос подростка и любимца-сына: (Сын ее, очень робко и почтительно — и должно быть *жгуче*, — ибо вопреки легенде и очевидности он всю жизнь, с малых лет, любил только женщин, с матери начиная и мною кончая, говорю: *любил, не* другое! — итак, сын очень сдержанно и жгуче ревновал ее к дружбе с Владимиром Соловьевым: — Ты его больше всех нас любишь: *больше меня*...⟨)⟩

— Больше всего я, конечно, люблю вас, мои дети, но *в просторах души моей*...[3]

Мой друг, я — совсем старинная женщина, и не себе — современница, а тем — сто лет — и так далее дальше — назад. Породив детей (говорю о сыне, об Але — когда-нибудь расскажу) — я *обязана* его, пока он во мне нуждается, предпочитать всему: стихам, Вам, себе, — всем просторам души моей. Фактически и физически — предпочитать. Этим я покупаю (всю жизнь покупала!) свою внутреннюю свободу — безмерную. *Только потому у меня такие стихи.* На *этой* свободе нам с Вами жить и быть. Наше царство с вами — *не* от мира сего. Конечно, будь я свободна, т. е. не нуждайся во мне мои, я бы просто не отошла от Вас эти дни Вашей жизни — . (Но я *совсем* не знаю, поскольку Вам это нужно: *живое* присутствие. Ибо, если не нужно Ва́м — *не* нужно и мне. (Потом Вы узна́ете, что *меня* — просто *нет*.)

Поняв все это, Вы теперь знаете, в *какой* области Вам может быть предпочтение — или — Ва́м — замена. Только в области живой жизни и родства, и проще сказать: моего *долга. Внутри же*, мой друг, на той свободе сна, вы мне сейчас — самый близкий, Вы просто у меня *больнее всего болите* (другой меры близости — *не* знаю). Это место во мне *Ваше* и *свято*.

...Я Вас не знаю. Если Вы из тех соловьев, которых баснями *не* кормят[4] — этого Вам будет мало (— письма и письма, а никогда ничего

---

* Плата за мое присутствие *(фр.)*.

** Мне утонуть *(фр.)*.

живого, а вечером опять один — и т. д.) — Вы просто в один прекрасный день запустите мне в голову всеми моими письмами и чувствами. (Это, в фейерверке, называется: le bouquet)*.

— Но я́-то — такой соловей, басенный, меня — хлебом не корми — только — баснями! я так всю жизнь прожила, и лучшие мои любови были таковы — так что *здесь* нам нужно сговориться, ибо *здесь* der Hund (могущего быть расхождения) begraben**: в моей невозможности реально быть с Вами: отдать Вам жизнь.

Конечно, живи Вы в Париже — Вы бы у меня бывали, и я у Вас, — но — боюсь — это была бы грустная радость, одна растрава. «Бывать» — вместо *быть.* «Бывать» — т. е. непременно уходить, как вошел — уходить. Никогда не: — Который час? его спросили *здесь.* А он ответил любопытным — ВЕЧНОСТЬ[5].

Я Вас не знаю, сужу по себе. Я отлично умею без *всего* — и насколько мне отлично — с немножким.

Такой непрерывности внутренней может быть не соответствует никакая непрерывность суточная, но заведомо-знать, что ее и тени быть не может — горько.

Вот в чем моя́ боль (от Вас): не мочь Вам быть всем тем, чем — могу и уже (внутри) — есмь. Потому что — как мало ни умей я жить — любить (*хранить*, служить) я — *умею* — до мельчайших подробностей заблаговременно пришитой пуговицы: отнять у другого и *тень* заботы! Непрерывно — руками — выручать. (Я бы никогда не могла любить богатого[6]: мне бы нечего было с ним делать. Нельзя же целый день писать или читать ему — стихи. Для меня любить — прежде всего делать дело. Руками делать.)

Видите — совсем просто, и может быть даже проще, чем Вы бы хотели. Вы — может быть — мучиться от меня хотели? Тогда — не удастся.

— «Тогда я не играю».

— Да будет Вам известно, что в каждой моей игре — ставкой всегда была — я: вплоть до бессмертия моей души. И проигрыш всегда был — мой: я себя другому всегда проигрывала, но так как *я* была бессмертная моя душа, то этого другому было — много — и часто ставка оставалась на столе — или смахивалась локтем под стол. Вот Вам ответ на игру. Можно только бояться серьезности моей игры. (Мне один умный еврей — в ответ на мои юношеские стихи: Легкомыслие (мне не было двадцати лет) очень серьезно сказал: Вы — легкомысленны? Вы — на фоне людского — и мужского и женского — легкомыслия — просто подводная яма по *глубине.* Вас — *бояться* надо.

И — боялись.〈)〉[7]

Вчера вечером в большой за́мковой зале были танцы: сначала — *ваши*, потом — *наши*, и чудно танцевала одна пара — венгерку: *люто. Вся* Венгрия вставала — с Марией Вечéрой[8]. А потом одна женщина пела — изумительные стихи Фета — помните?

* Букет *(фр.).*
** Зарыта собака *(нем.).*

Рояль был *весь* раскрыт — и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас — за песнею твоей[9].

Это Фет писал — *чужую* любовь: Наташу Кузминскую[10], *Наташу Войны и Мира,* от которой в ту ночь, которую она всю насквозь пропела, навсегда ушел человек, к⟨оторо⟩го она любила (брат Льва Толстого — Сергей). Это было в Ясной Поляне, и Фет был гость — и его никто не любил — и благодаря ему — та ночь осталась — *тот рояль по сю ночь раскрыт*[11]. Я бы все свои стихи отдала за строки:

— Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить — обнять — и плакать над тобой.

Больше о любви я *ничего* не знаю.

М.

*22-го августа 1936 г., суббота**

Мой дорогой деточка! Разве мы с вами — оба вместе взятые — не сто́им 50-ти швейцарских: 250-ти французских, да еще — *дутых!* — франков, да еще данных мне — ни за́ что ни про́ что — бельгийцами??? Ваш приезд у меня есть — и он собственно заработанный — двухчасовым стоя́нием и чтением — этим маем в Бельгии. Только я, за ненужностью, эти бельг⟨ийские⟩ франки оставила в Ванве и все дело в том, чтобы их *здесь* у кого-нибудь получить.

Теперь — всерьез: *моей* просьбы о Вашем приезде — *не* ждите. (*Мне хочется* — не *резон,* а пожалуй — и обратный резон.) Я — активист обратного направления: отказа. «Entbehren sollst du, selbst entbehren»**[12]. Но entbehren я — только за себя.

Для меня — довод — Вы́, Ва́ше желание (или необходимость). Тогда — желайте сильнее — и приезжайте. *Мне* нужно — если *Вам* нужно. (Потому что я *Вас* люблю, а не *себя.)* Итак: деньги *мои* и настолько несуществующие, что даже (с мая) не разменяны. У нас с Вами — cause commune***. Кроме того, Вы — *весь* — моя *тайна,* всё Ваше и к Вам у меня — *втайне,* это *наше* дело, мы — наше с Вами дело — поняли? Не считайтесь ни с чем, кроме своего здоровья и насущности своего желания. *Вам* — знать.

Не прогадайте! Не променяйте первенства на чечевицу бытовой (хотя бы самой похвальной) одумки. Нас с детства учили: деньги — грязь. *Не* промельчите — и себя, и меня, и всей чудесности нашей встречи. Разве это та́к уж часто бывает??

Итак: 1) Когда бы Вы могли приехать (надо предупредить, чтобы была комната), 2) Когда Вам нужны деньги? На возобновление паспорта вышлю по первому слову, к⟨отор⟩ое — просто — да. Остальное — по достаче.

Последний вопрос — уже не бытовой: почему Вам именно сейчас хочется (или нужно) меня видеть? Проверяете — кого и что́?

На все три вопроса ответьте возможно точней — и быстрей.

---

* Написано на обороте второго листа предыдущего письма. — *Сост.*

** «Нуждаться должен ты, нуждаться — сам» *(нем.).*

*** Общее дело *(фр.).*

До этого, пожалуй, писать не буду. *Потом* — сообщу все бытовые детали.

М.

И пишите мне, пожалуйста, настоящие письма, а не картонки![13] (Шучу). — Как новый госпиталь? Вы там один в палате? Расскажите подробно все докторское: как рана (или уже шрам?) — когда встаете — всё, всё. А в ноябре я Вас в Париж *не* пущу — худший месяц. В Париж ты ко мне приедешь весной.

〈*Приписка на полях:*〉

Вам здесь со мной будет чудно. Хотите — сад, хотите — моя берлога, Вы будете лежать, а я буду сидеть рядом — можете даже спать при мне: я люблю спящего человека. За два-три дня отдохнете, я Вам не дам уставать. — Жду решения.

13

St. Pierre-de-Rumilly, (Haute Savoie) Château d'Arcine
29-го августа 1936 г., суббота, третий час дня

(Списано из моей черновой тетради, куда записываю — всё)

Чтобы делать пометки на Фаусте (на этот раз — не гётевском, а народном: «Historia von Doktor Johann Fausten, dem weitbeschrieenen Zauberer und Schwarzkünstler, wie er sich dem Teufel auf eine gewisse Zeit verschrieben, was er hierzwischen für seltsame Abenteuer gesehen, selbst angerichtet und getrieben, bis er endlich seinen wohlverdienten Lohn empfangen — 1587. — »*

— оттачиваю карандаш и обогнув спящий послеобеденным сном замок — мимо спящих собак — по страшной жаре, от которой сосны трещат, точно их жарят — иду с книгой — куда глаза глядят, т. е. приблизительно знаю, что выйду на верхнюю скамейку по дороге в С〈ен-〉Лоран. И — внезапно понимаю, что иду к гадалке. Но для этого нужно отыскать те самые скалы, где, по слухам, она живет. Скал много: верхних — нижних — дальних — ближних — где? Сверху вижу группу камней — чтó-то не ту, и без всякого дома, и *нижнюю* и — зная, что надо подниматься — спускаюсь. Три больших камня, внизу — Борн (как на мосту написано: Le Borne (der Born, Oheim Kühleborn**[1] (Ундина). — Не то. — Обратно вверх по тропинке на крýто-восходящее шоссе. Над головой — если очень закинуть — холм с смутным гребнем скал. Карабкаюсь мимо одинокого дома, по явно-принадлежащему ему свеже-скошенному — бритому — откосу, упираюсь в каменную стену — невысокую, но неудобную — смутно слышу мужской голос: — «En voilà encore une qui...» (a *une**** — в голубом немодно-широком с воланами платье — и *с седою* головой! И лазит *как коза:* беспрепятственно) — итак, упираюсь

* «История доктора Иоганна Фауста, знаменитого чародея и чернокнижника, о том, как он на время отдался черту, каким необычайным приключениям между тем был свидетелем, или им способствовал, и какие натворил сам, пока наконец не получил заслуженную награду. — 1587. — » *(нем.).*

** Борн, дядя Кюлеборн *(нем.).*

*** «Ну вот, еще одна...» (а *одна) (фр.).*

в стену и не желая *пуще* изумлять — голос и его собеседника, т. е. откровенно по-козьему пересекать — отыскиваю в стене брешь, и так, по отдельным камням, перелезаю. Новый подъем, на этот раз уже отвес — уже лесной. Лезу и чувствую — *то*. Сердце гулко (ушами слышу) бьется: ух! ух! ух! — но — приятно, без задыхания, от чистого волнения. (Так, впрочем, бывает — и разрывается.) Перед самым верхом обнаруживаю все время сопутствовавшую мне лесную тропинку, но решаю — кончить как начала́ — по отвесу. Долезла. *Те* скалы. (Пот льет и сохнет. Слизала каплю — солёная как слеза. И кровь — соленая. Не может быть человеку — *весело.)*

Иду по вьющейся между скалами тропинке, местами — лестницы. Высота, даль, внизу Борн, никого и ничего. Тропинка огибает низ скалы — огибаю с ней и я, я ее просто *слушаюсь*, и до последней минуты ничего не видя (иду минут пять между скал и сосен) — упираюсь в дом. Старую ферму. (Hof.)* Мину́ю одну дверь — запертую (очевидно — хлев) — и другую — тоже запертую — и такую же третью (кажется, все разные постройки), а четвертая — открыта. Черно.

Круглолицая румяная очень старая старуха на черном (от старости) и чистом (от служения) столе гладит черную юбку. — Bonjour, Madame... On m'avait dit — pardonnez-moi si je me trompe... — c'est bien Vous — la tireuse de cartes? — C'est moi, c'est moi, entrez, Madame**. (В ее голосе — покой — *знающей*, в моем — непокой *хотящей* знать.) — Les autres m'avaient dit que Vous tiriez très bien les cartes... Et je suis venue comme les autres***.

Проходим в *комнату* (та была кухня) — садимся. На столе разложенная колода. — Je viens de commencer un très beau jeu de cartes. Ça *nous* portera chance****. — Сидим друг против друга, глядим друг на друга, посредине — колода. — Madame, avant de commencer à faire les cartes pour moi***** (чувствую моля́щесть своего голоса и стараюсь совладать: не испугать, ибо та́к просят — только о преступлении — если не о помиловании)... je voudrais Vous demander: est-ce que Vous pourriez aussi faire les cartes pour un absent?******

Ее лицо неуловимо и сразу — настораживается. — Mais ce ne sera pas pour rire? Je n'aurai pas d'ennuis? Ça ne sera pas pour me moquer? — Non, c'est très sérieux. C'est lui qui le veut, et il le veut très sérieusement. D'ailleurs — il ne se moque jamais*******.

---

* Двор *(нем.)*.

** Здравствуйте, мадам, мне сказали — извините меня, если я ошибаюсь... — ну, ладно... Вы гадалка? — Это я, это я, входите, мадам *(фр.)*.

*** Я слышала, что вы хорошо гадаете на картах. И вот я пришла, как другие ⟨приходили к вам⟩ *(фр.)*.

**** Я только что начала превосходную игру в карты... Это нам принесет удачу *(фр.)*.

***** Мадам, прежде чем начать гаданье для меня... *(фр.)*.

****** Я хотела бы вас спросить: не могли бы вы погадать на отсутствующего? *(фр.)*

******* Так это не на вас? А у меня не будет неприятностей? Это — не чтобы посмеяться надо мной? — Нет, это очень серьезно. Этого хочет он, и хочет очень серьезно. И вообще, он не насмехается никогда *(фр.)*.

(Рассказ, как ей за правду досталось — гадала девушке на любимого — и обнаружила, что любимый хочет не-жениться, а — та́к... и девушке — сказала, а девушка сказала — ему, — и отказала — а любимый озверел и пришел к гадалке et m'a démoli deux chaises — «Et ce soir on publie les bans»* (ее — с другим).

— Ceci, c'est pour Vous ou pour l'absent? (Я, желая принять на себя первое — не знаю — что́.) — Ceci, c'est pour moi**.

— C'est comme ça qu'on brasser***. (Перетасовывает трижды.) Ensuite. — Vous coupez****. — Повторяю в точности. (Карты — тяжелые и идут с трудом.) Снимаю и — на какое-то мое смутное неуловимое движение к ней: — Oh, non, non! Je n'ose plus y toucher!*****

(Моё гадание — опускаю)

Pour l'Absent

— Comment c'est — son petit nom? — Называю. — Повторяет. — Il y a beaucoup de jeux — car ce n'est pas le même jeu — c'est le grand cours des jours.

Le grand cours des jours

...Fatigué, voyagé, souffrant. Des parcours dans des hôpitaux. — Voilá la lettre des grandes surprises! — Il est guer, en ce moment. — Tout s'monde! Tout s'monde! — Il a *très* souffert, c'est un brave garçon, un très bon garçon. Il a eu beaucoup d'argent, ça lui reviendra un peu, il est très intelligent. — Voilà la lettre! — a le baisse un peu, la maladie, il est très nerveux. Il aime beaucoup une dame (недоуменно и решительно): — il Vous aime beaucoup, et Vous l'avez vu — il y a bien dix mois — ily a dix cartes — ou c'est y dix ans?

Il Vous est cher, il est parent avec Vous. Il avait beaucoup maigri, mais il a un peu repris. Le petit cher — l'as de coeur. Il a très bonne conduite, c'est *le bon garçon. Très.*

Il a été délaissé de tout le monde, Vous êtes venue vers lui — il était bien en danger — il est hors de danger. Pas de mort — il l'aurait désirée passé un moment. Non! non! non! Ce n'est pas la mort... Il lui reste encore de beaux jours à vivre.

C'est quelqu'un qui Vous *aime,* c'est un parent, c'est comme Votre *fils.* Ne me dites rien, ne me dites rien!

— Voilà la lettre! —

(Ce retard, cet homme, cet ami fidèle...)

Je l'ai à côtè de Vous. Mais c'est lui — le petit valet de coeur! Il y a des évenements nouveaux qui Vous mettent près de lui: Vous ne resterez pas dix ans sans vous revoir.

---

* И сломал мне два стула. — «А в тот же вечер было оглашение о свадьбе».

** Это для вас или для отсутствующего?.. Это — для меня *(фр.).*

*** Зависит от руки *(фр.).*

**** Затем. — Вы снимаете *(фр.).*

***** О, нет, нет! Я не смею больше коснуться их! *(фр.)*

Il y a un autre jeune homme; il est auprès de lui? Oh nom d'un gueux!*

...Il y a une autre dame qui a peiné pour lui, malade elle-même. ...grande surprise, grand bonheur...

...Il n'écrit pas, mais c'est parce qu'il est un peu insensé après sa maladie. On ne fait pas ce qu'on veut dans un hôpital. Très nerveux, un peu insensé. Je vois bien une lettre, mais ce n'est pas encore pour demain. C'est peut-être pas lui qui Vous écrira, c'est un infirmer.

(Большая пауза)

— Vous avez bien tout dit?—Il ne faut pas tout dire. Il y a des choses qu'on doit garder. Il ne faut dire que le trois par trois. Trois par trois. Je Vous en ai déjà trop dit.

— Alors, Vous aves bien fini?—Bien fini, et ne Vous mettez pas en peine: *il guérira.*—Alors, Vous ne direz plus rien?—Chère dame, je Vous en ai dit long.

— Alors, c'est moi qui Vous dirai: il est dans un hôpital, il vient d'être opéré, il ne m'écrit pas, je ne connais pas ses parents ... et je n'ose pas trop souvent lui écrire—et je ne sais rien sur lui—et c'est pourquoi je suis venue—Vous demander à Vous—qui savez.

Она, показывая на трефовую даму внизу, сочувственно:—Pauvre gas! Je le savais: *j'étais à côté.*

...Qu'est-ce que je Vous dois?—C'est toujours ce qu'on veut. Je suis toujours contente.

Кладу.—Oh, c'est trop, c'est bien trop! Vous allez être genée...

— Prenez. Vous m'avez fait beaucoup de bien.

— Il a beaucoup de jeux. C'est le premier. Et j'aurai beau ne pas Vous reconnaitre—quand Vous reviendrez—il en vient tant!—je Vous reconnaitrai à Votre jeu. Vous aurez beau avoir un grand manteau blanc, et avoir les cheveux arrangés par le coiffeur, et être maquillée—je Vous reconnaitrai à Vos cartes. a sera toujours le second jeu. J'aurai beau Vous oublier, comme j'ai oublié Vos cartes—les cartes me diront. Il y a le grand cours des jours. Il y a le cours des jours—qui vont et viennent. Il y a le Trois par trois. Et tant d'autres encore...

— Qui Vous a appris à faire les cartes? Vous avez ça dans la famille?

— Non, Madame. J'ai commencé à 17 ans. J'étais avec une dame qui savait faire les cartes. Mais elle les faisait pour elle. Un soir elle m'a envoyée en commission—où j'ai eu peur. Le matin en faisant les cartes elle m'avait dit:—Je vois quelqu'un courir—et c'est moi qui ai dû courir, car le soir elle m'a envoyée dans de mauvais lieux, et je lui ai dit que c'étaient des voyous qui étaient aprés moi—mais c'était bien *le contraire.* Si j'avais su tirer les cartes—je n'y serais pas allée...—Прощаемся.—Je reviendrai. Je reviendrai pour faire

* Вместо: nom de Dieu, запрещенного церковью (*примеч. М. Цветаевой*).

mon second jeu, *nos* seconds jeux.—Soyez heureuse, chère Dame, et tâchez de profiter un peu, et grand merci à Vous*.

〈*Приписка на полях:*〉

Записано у нее же, пока говорила, слово в слово—29 авг〈уста〉 1936 г., на скалах над С〈ен-〉Пьером, в субботу, в третьем часу дня.

МЦ

---

* На отсутствующего

— Как зовут-то его? 〈...〉

— Много есть гаданий—это другое—это на дальнюю дорогу.

На дальнюю дорогу.

...Усталость, дорога, болезнь. То и дело в больнице.—А вот письмо—радость нежданная!—Сейчас-то он здоров.—А людей-то, людей!—А перестрадал сколько, человек-то хороший и добрый очень. Денег у него было много, что-то ему вернется, он ведь умный очень.—Вот письмо!—Здесь похуже немного: болезнь и нервничает очень. Даму одну любит очень. 〈...〉

— Вас очень любит, и Вы его видели—10 месяцев назад—тут 10 карт—а может, 10 лет?

— Дорог он Вам, и с Вами в родстве. Он было сильно похудел, а потом чуточку поднабрал. Дорогуша—червовый туз. И ведет себя примерно, положительный. Очень. Все его покинули, а Вы пришли у нему,—он был в большой опасности—сейчас он вне опасности. И смерти нет—а был момент, хотел он смерти. Нет, нет, нет! Нет никакой смерти. Он еще проживет.

И *любит* он Вас, родня, как бы *сын* Вам. Только не говорите мне, ничего не говорите!

— А вот письмо!—

(Вот задержка, мужчина, верный друг...)

Его карта выпала рядом с Вашей. Это же он—червовый валет! Новые события Вас сведут: 10 лет не придется ждать, чтобы Вам снова увидеться.

Еще один молодой человек; при нем? Ох ты батюшки!

...Другая дама печалится о нем, тоже больная. ...нежданная радость, большое счастье...

...Он не пишет, потому что он после болезни в себя не пришел. В больнице—воля не своя. Нервничает очень, и не в себе. Я вижу хорошо письмо, но это еще не завтра. Может, даже не его письмо, а письмо санитара.

〈...〉

— Вы все сказали?—Не нужно всего говорить. Есть вещи, о которых нужно умолчать. На третий раз только можно говорить... Я и так Вам слишком много сказала.

— Значит, Вы кончили?—Совсем кончила, а Вы не расстраивайтесь: *он выздоровеет.*—Значит, вы ничего больше не скажете?—Милая дамочка, я Вам и так слишком много сказала.

— Тогда я Вам скажу: он в больнице, и его только что прооперировали, он мне не пишет, я не знаю его родственников... и я не осмеливаюсь слишком часто ему писать—и ничего не знаю о нем—поэтому пришла к Вам—спросить у Вас, потому что Вы—знаете. 〈...〉

Бедный парень! Я знала, я близко была.

...Сколько я Вам должна?—Сколько можете. Я всегда довольна.

(Продолжение сноски см. на с. 589)

14

St. Pierre-de-Rumilly — Haute Savoie — Château des Arcine.
31-го августа 1936 г. — тотчас же после получения Вашего письма, понедельник.

Дитя! Начнем с *дела.* Вы отлично сделали, что не приехали, Вы поступили как умный хороший зверь, который пошел отлеживаться в берлогу. (Если бы Вы тогда приехали — это был бы удар радости, которого я не мыслю. У меня всегда чувство — что я умру от радости — или от страха.)

Но оставим — неприезд, будем — о приезде.

Скованная Вашим молчанием, упорством его, всё бóльшим и бóльшим *ростом* его, на мне — *весом* его, скованная внешне как и внутренно, я ничего решительного не предприняла — и не могла предпринять. Я только запросила домой, *докуда* я здесь, и еще — и еще — одну свою приятельницу — сможет ли она временно одолжить требуемую сумму. Докуда — еще не знаю, деньги будут в любую минуту (Вашей в них надобности — любóй — помните). *Всё* дело сейчас 1) в степени Вашей поправки, 2) в сроке моего пребывания, ибо не от меня зависит[1].

— Голубчик, *знаю,* что пишу не о *том,* но ведь в *том* я (пока) бессильна — потому что не знаю *точного* состояния Ваших легких и, вообще, Вашей физики: сопротивляемости, *едо*способности и способности усвоительной, не знаю Вашего физического материала — будьте другом, напишите мне серьезно и подробно — а не капризно (напр⟨имер⟩ «резали что-то возле печени» — что это за ответ? Неужели Вам самому не интересно — что́, а если самому не́ — неужели Вы не понимаете, неужели Вы до сих пор не понимаете — *что́ для меня — Вы — весь,* со стихами, — как с кишками). Но — к делу: напишите мне *всё,* что Вы о физическом себе знаете — и больше, чем знаете — узнайте, чтобы узнала — я́. Тогда — можно говорить.

(Продолжение сноски)

⟨...⟩ — О, это слишком много, слишком много! Вы себе в убыток...

— Берите. Вы мне много добра сделали.

— Есть много гаданий. Это первое. Как бы я ни старалась Вас не узнать, когда Вы опять придете — ведь сколько народу ходит! я Вас узнаю по Вашим картам. Даже если Вы наденете роскошное манто, волосы уложите у парикмахера, накраситесь, я Вас все равно узнаю по Вашим картам. Тогда это будет второй расклад. Как бы ни старалась Вас забыть, как забуду Ваши карты? — карты мне все напомнят. Есть гадание на «Что есть», на «Что будет», есть «тройное». И еще сколько других.

— Кто Вас научил гадать. У Вас что, в семье гадали?

— Нет, Мадам. Я начала в 17 лет. Я тогда жила у одной дамы, которая умела гадать. Но она гадала на себя. Однажды вечером она меня послала по делам — там я и испугалась. Утром она разложила карты и мне сказала: — Я вижу, кто-то убегает — а убегать-то пришлось мне, потому что вечером она меня посылала в темное местечко, и я ей сказала, что за мной гнались хулиганы — но на самом деле *этого не было.* Если бы я умела гадать на картах, я бы туда не пошла. ⟨...⟩

— Я приду еще. Приду на второй расклад карт, на наш второй расклад. — Будьте счастливы, дорогая дама, и постарайтесь не упустить своего, и большое спасибо.

Пер. с фр. Е. С. Дружининой

Другое: предположим, что этот Ваш приезд ко мне к 15-му сентября — не удастся — либо потому, что Вы недостаточно окрепнете, либо потому что мне придется уехать раньше, — чтó Вы хотите, на выбор: чтобы *я* к Вам осенью в Schwendi приехала — и уже не на чáс (сейчас, при максимальной удаче, это был бы *час* — если это вообще мыслимо — в один день — из Арсина в Швенди — в один день — с невозможностью ночевки, ибо я *без* заграничн⟨ого⟩ паспорта и не *могу* получить визы) — уже не на час, а на несколько дней. У меня в Париже загр⟨аничный⟩ паспорт есть, и есть друзья, и они мне с визой помогут. Только — важная подробность — где я в Schwendi буду жить? *Можно* там жить? Это (помимо санатории) — деревня? Комнаты — сдаются? Цены — астрономические или человеческие? (Хотя вся Швейцария — астрономическая, только зажигалки — человеческие.) А если не в Schwendi — так где? Чтобы каждый день видаться. А можно — каждый день видаться?

Второе: хочешь — *ты* — приехать осенью в Париж — и вот для чего. У меня есть друг — женщина — русская — изумительный врач и человек[2] — и с изумительным врачебным даром (gènie). Когда — в 1929 г. — у близкого мне человека никто в легких не находил ничего — она первая прослышала и забила тревогу и добилась немедленного отъезда сюда же — откуда пишу[3]. Она абсолютно-подробна и, одновременно — le grand coup d'oeil*, т. е. никогда не рассматривает больного только в *данности* больного органа, а — неизменно в совокупности всего его физического и духовного явления — в соответствии всего со всем. Я ей не только верю абсолютно (чтó «я» — и чтó — «верю») я знаю — своим, и всех своих друзей, и знакомых и даже чужих людей за 14 лет опытом — что лучшего врача быть *не* может.

Хочешь — пойдем к ней? Она скажет всю правду — все твои возможности и невозможности — и перспективы — и запреты, — всего тебя физического даст как на ладони. Она очень любящая (и очень *меня* любит) и совсем особенная, с таким же *душевным* gènie, как врачебным. (Она — эмигрантка еще царского времени, 20 лет в Париже, непрерывная практика, работает у самых больших профессоров, у нее ход ко всем именны́м врачам (светилам), которые *всегда* — не было исключения — подтверждают ее диагноз.) И это мне родной человек, и к тебе отнесется, как к родному.

— Хочешь? Тогда *ты* приедешь ко мне, я тебя устрою в Ванве, возле, и буду с тобой все время, которое захочешь и сможешь. (А утром буду приходить здороваться.) Ты будешь мой *гость*. В город от нас — рукой подать: 7 мин⟨ут⟩ ходу до метро и столько же до автобуса.

Но — как ты ходишь? (Сколько вопросов — и насколько бы проще...) Т. е. — как ходил до операции? Сильно ли задыхаешься? (Я теперь рада, что тогда проводила твою сестру — точно — немножко — тебя.) Одолеваешь ли подъем, — и какой? И есть ли такой, который *не* одолеваешь? (Говорю не о горах, а в размерах холмистого города. Впрочем, у самого метро — стоянка автомобилей, а до нас — на машине — минута.) Еще подробнее: *сразу* ли ты чувствуешь — что в гóру? (Незаметный для глаза подъем.) Вообще — чтó у тебя с легкими? В точности. (Есть правое

* Широкого взгляда *(фр.)*.

и левое, есть верхушка и низ — и середина, наверное, так *что́* — с каждым и в каждом?!?)

Значит, решай — как тебе лучше. И реши — немножко заранее, хотя бы в виде плана. Я бы бесконечно хотела тебя ей показать. (Ее зовут Маргарита Николаевна, ее дом в Париже — единственный, куда я прихожу без зова — могу придти в любой час суток — и несуток — в любой час души.)

Тогда вместе с М⟨аргаритой⟩ Н⟨иколаевной⟩ *все* выясним: всего тебя — и будет легче — и тебе и мне.

Но о *себе* — сейчас — не хочу тебе писать, проглочу. Эти дни (твоего молчания) одни из моих самых тяжелых за жизнь. (Знай раз-навсегда, что я *ничего* не преувеличиваю: *всё* преуменьшаю.)

Сейчас *одно* важно: твое здоровье, — и мое к тебе — только, поскольку я могу тебе помочь: от помочь до развлечь.

Еще одно: не оставляй меня та́к — подолгу — без вестей, *ради Бога!* Ведь есть — открытки. Только *два* слова, чтобы мне *та́к* не мучиться — как эти дни. (Ка́к — ты не узнаешь никогда. Да и я́ не знала, что так — можно. Каждую минуту целого дня, и *всей моей силой* — а сколько их было — дней!)

Но *ты* это — забудь, ты мне ответь:

1) что́ показал снимок.

2) есть ли, в связи с этим, *надежда* на приезд в St. Pierre не позже 15-го (позднее — боюсь — будет мой отъезд).

3) что́ решаешь: мо́й Берн или тво́й Париж.

4) если Берн, т. е. Schwendi — ка́к там устроиться (цены).

Всего 4 вопроса и *умоляю* тебя ответить на них возможно скорее и точнее: можно вместить ровно в 8 строк. 5) Как ходишь? (Тогда — 10.)

Теперь жди — с завтрашнего дня — ряда приятных вещей, все дни подряд, ибо я тебе не писала только потому, что не *знала, нужно* ли тебе это, не слишком ли *много? трудно?* — вся я (хотя и пытающаяся уменьшить свой вес, как в детстве — физически — 17 верст в тарантасе, на чьих-то коленях — не давить, не весить, сплошь на мускулах сердечного страха).

Убеди меня, что я тебе — *нужна.* (Господи, в этом все дело!) раз-навсегда убеди, т. е. сделай, чтобы я раз-навсегда поверила, и тогда *все* будет *хорошо,* потому что я тогда могу сделать — чудо.

Итак, я́ жду — делового ответа, а ты́ жди — ряда *непременных* радостей.

(Знаешь сонет у Гёте, который называется:

Sie kann nicht enden*...

(гениально, что он с этого — *начинает!* И гениально, что это самая *законченная* форма — сонет).

---

* Она не может кончиться... *(нем.).*

О твоих стихах (только сейчас, после перерыва Гёте, заметила, что все время писала ты) напишу отдельно и внимательно.

Я все делаю (пишу, перевожу, читаю, хожу, говорю) *и* у меня ни одной мысли в голове нет, кроме тебя и твоего здоровья.

Ты думаешь — я не писала «случайно»? П. ч. чем-нибудь была «занята»? Мне это неписание тебе стоило бóльших усилий, чем все мои писания вместе взятые: *других* усилий: *другие* мускулы работали: *обратное*.

Ну, жду, обнимаю, люблю — но не даром я не люблю глаголов (страшная грубость!), но чтобы обходиться бéз — нужны *стихи* или *присутствие*. Будет и то и другое.

А завтра тебя ждет — верная радость.

М.

〈Приписка на полях:〉

Я больше не хочу писать Вам Monsieur* — какой вы Monsieur? — Вы гораздо больше Herr**, чем Monsieur — только вспомните производные: herrisch, herrlich, Herrlichkeit*** — и Heer**** по соседству (himmlische Heere*****).

15

Письмо о стихах[1]

Château d'Arcine, 1-го сентября 1936 г., среда.

— Чтó я об этих стихах думаю?

Первое и резкое: убрать кавычки — отличные стихи[2].

Зачем и откуда — с Вашим чудесным сердцем — кавычки на таких чудесных, чудодейственных вещах, как жалость, труд, страдание, любовь, подвиг?

Что такое кавычки? Знак своей непричастности — данному слову или соединению слов, как знак его условности в наших устах. Подчеркнутая чуждость их простому употреблению и толкованию. Знак своего превосходства — над той простотой. Кавычки — ирония. То же самое, что «так называемая жалость». Так называемая, а мною так не называемая, мною не тáк называемая, мною называемая — слабость (либо глупость).

Но, родной мой, вычеркнув из своего душевного обихода и словаря — слова (и понятия) — совесть, расплата, нищенство, больница, тюрьма, братство, любовь, труд — чтó тогда от мира и от сердца останется?

Вы скажете: — М〈арина〉 И〈вановна〉, Вы передернули, Вы подменили пошлые (ставшие пошлыми) словесные соединения — именами существительными, пошлыми быть *не* могущими.

Но, мой друг: чтó пошлого — в больничной палате? Это не пошло, а — точно. То же и о нищенской суме (я, кроме этой нищенской сумы, в России, с 1917 г. по 1922 г. ничего не видала, но ее зато — непрерывно). И расплата за день — не пошлость. М. б. немножко общё. Беря *эти* слова в кавычки, Вы в кавычки берете не словесные трафареты, ибо

* Господин *(фр.)*.
** Господин *(нем.)*.
*** Повелительный, превосходный, величие *(нем.)*.
**** Армия *(нем.)*.
***** Небесные войска *(нем.)*.

эти слова — не трафарет: слишком уж насущны, как слово «черный хлеб», как *сам* черный хлеб. Остаются другие: «равенстве, братстве, труде» (привожу из памяти) и «Мысли о ме́ньшем страдающем брате» — да, *эти* слова — трафарет, но зачем же Вы их берете? Зачем же Вы пользуетесь грошовым орудием чужого неумения — чтобы разбить *бессмертные* вещи?

Ведь *два* вывода: либо Вы, в этих стихах, сражаетесь с словесными трафаретами, а не вещами, тогда — сто́ит ли? Либо Вы наивно отождествляете бессмертные понятия с пошлыми наименованиями (из которых *поло ина не* пошла́, а — до ужаса ⟨не⟩выразительна). По́ чему́ Вы в этих стихах бьете? По громким фразам 60-тых годов? Но для *них* это не были *фразы,* они за них — умирали (вспомните последнее письмо Софии Перовской — матери — о «воротничках»[3], сто́ящее последнего: «Mon chér Papá»* Шарлотты Кордэ)[4]. По самим вещам (жалость, любовь, труд)? По себе — такому дураку, что в них — поверили и на них — оборвались?

Стихи эти *я* читаю — *наоборот:* без кавычек, и — честное слово — даже в «ме́ньшем брате» никакого трафарета не чувствую. Простая болевая *правда* их — уничтожает их некоторую о́бщесть, слова эти *здесь* (должно быть от Вашей внутренней правды) звучат за́ново, совершенно не смешно, — в полный и смертный серьез. (Как я хотела бы — чтобы они та́к были написаны, и до чего они та́к — внутри — написаны!)

Конечно (и в этом сочувствую Вам — как пишущий) куда тогда девать дребедень и ерунду (которым, кстати, Вы противопоставляете какую *не*-дребедень и *не*-ерунду?) Заметьте, что Вы здесь, в 8-ми строках израсходовали всё человеческое величие, что у Вас на противупоставление не остается ничего — кроме всей человеческой малости.

— Компромиссный совет: если Вы так уж держитесь за жестокие, неправедные определения *жертвы* — как ерунды и дребедени, всё же уберите кавычки, ибо помимо их оскорбительности и моей оскорбленности, в них, за Ва́с — нехорошо в стихах — столько кавычек, это уже — вроде статьи. Стихи должны писаться словами безусловными — а не условными. Сам прием — дешев — не сердитесь, то же самое, как какой-нибудь пурист из «Посл⟨едних⟩ Нов⟨остей⟩», за ленью, употребляет какой-нибудь советский ходкий, якобы ненавистный ему, а по существу — необходимый — оборот. Если Вы эти вещи (жалость, любовь, труд) — ненавидите, разбивайте их по существу. (Нищие.) Если Вы эти словесные трафареты ненавидите — не употребляйте их. Нельзя отказываться от вещи полным е́ю же — ртом. Отречение прежде всего — изъятие себя из *её,* её из *своего* оборота.

...Тут *двое* стихов, неслитых и неслиянных. Вторые — 5 строк, законченных и *замеч тельных.* Это совсем отдельные стихи, с теми незнакомые, связанные только одинаковостью размера. Прочтите сами, *забыв* начало:

> Бедность легко узнают по заплатке,
> Годы — по губ опустившейся складке,
> Горе?
> — Но здесь начинаются прятки.
> Эта любимая, взрослых, игра.
> — Всё, разумеется, в полном порядке.
> (У собеседников с плеч гора)[5].

Совсем, *совсем* хорошо

---

* «Мой дорогой папа» *(фр.).*

Только, не у собеседни*ков*, а у собеседни*ка*[6]. Непременно. 1) Та́к мне запомнилось, а мне *всегда** запоминается *по лучшему*. Так напр⟨имер⟩ у Бальмонта — Морское дно — последние слова поэмы: — Два слова сказала мне дева со дна — Мне вам передать их дано. — Я видела солнце, сказала она — Что *дальше* — не все ли равно. Та́к я, 14 лет, прочтя — запомнила. А у него оказалось: после[7]. Ведь насколько хуже — и по звуку (да — а — альше и после) и по ограниченности понятия «после» — временем (*дальше* — и время, и пространство: даль годов и верст, просто — *даль*). Кроме того, с первой строки до последней мы видим у Вас не ряд лиц, а одно лицо, лицо одного человека — бедного, стареющего — работу жизни над одним, данным человеческим лицом. И (последнее, фактическое) нас всегда спрашивает (Как поживаете?) *один* собеседник, а не двое и не трое. Проведите стихи на единстве — показуемого и вопрошающего, тогда каждый в них себя узнает, ибо в этом назначение и *победа* стихов, чтобы каждый себя в них узнал, а не *все*. (*Всех* — нет, т. е. *есть* — и тогда нет никого.)

Вот, мой родной, по полной чести и совести, что́ я думаю об этих Ваших стихах. Пришлите еще, если есть. И — *пишите* еще, *этого* дыхания Вам ничто не сузит. Пусть стихи будут Вашим безграничным вздохом.

И опять возвращаюсь к письмам и стихам. *Слейте*. Берите из себя письменного (не из писем, а из того, кто — или верней: *что́* их в Вас) пишет. Отождествите поэта с человеком. Не заставляйте поэта говорить ни жестче, ни презрительнее, ни горше, чем говорит человек (не когда с другими говорите, и м. б. даже — не когда со мною, а — с собою).

Ведь смотрите: Ваше письмо и Ваши стихи — на той же бумаге, тем же чернилом, тою же рукою, тем же присестом руки — и два разных существа. Человек (Вы́) — несправедливо и неправедно — беззаботностью друзей и близких, пропустивших начало болезни — обреченный, 26 лет (?)[8] — не-жить, отсутствовать, *смотреть* на горы — вместо того чтобы их *брать*, да еще — поэт, т. е. самая уязвимая, и в полном здоровье непрерывно ранимая природа — этот человек, почти мальчик, находит в себе мужество сказать: «...и умирают от чахотки под мостом, тогда как я сейчас в отличных условиях» — тогда как в священном праве был бы прямой удар Богу: — Почему столько идиотов, моих сверстников, растрачивают свой избыток сил: мускулов, — дыхания — сердца — крови — по футбольным и иным площадкам, топчут его — на этих площадках — ногами — *Твое* дыхание — ногами топчут! — тогда как я, существо разумное и одушевленное, а м. б. и *избранное* — просто не могу дышать. Кто взял мои легкие? За что́?

— Нет, *Вы́* думаете о несчастнейших себя: о подмостных, о вконец недвижных — во всем Вашем вопле (чистого отчаяния) ни звука — упрека и *справедливого* бы негодования — никакого равнения по счастливейшим. Ваш вопль — чист.

А поэт — Вы́ — больничную палату берете в кавычки. И Вы думаете я́ ему — верю??

О Вашей болезни («так может длиться годами, десятилетиями...») я Вам напишу отдельно, я об этом непрерывно думаю — *и тут нужно что-то решить раз-навсегда*.

---

* Подчеркнуто три раза.

Но так как я Вам *каждый* день обещала—*радость* (а письмо невольно вышло серьезное)—вот стихи, единственное достоинство которых—тождество с бывшим (и сущим во мне каждый день и час моей жизни).

До завтра!

М.

Снеговая тиара гор—
Только бренному лику—рамка.
Я сегодня плющу—пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Догоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан—
Как ребенка за подбородок[9].

МЦ

16-го—17-го августа 1936 г.
Савойя.

16

— Может быть только во времена Герцена и Огарева и их Наташ[1] с такой горечью из Швейцарии—в Швейцарию же—посылались приветы.

МЦ.

Женева, 3-го сентября 1936 г.[2]

17

Я сама хотела бы быть этой курткой[1]: греть, знать, когда и для чего—нужна.

МЦ.

3-го сентября 1936 г.
кажется—четверг.

С⟨ен⟩-Пьер—Женева

18

МОЯ ЖЕНЕВА 3-го сент⟨ября⟩ 1936 г.

Вчера, после женевской поездки, я окончательно убедилась в полнейшей безнадежности нашего личного свидания.—И вдруг мне вспомнилось странное по жестокости слово совсем молодого Государя—земцам, кажется:—Не смейте мечтать. (И—посмели.)[1] Итак, я после вчерашней поездки поняла, что не смею и мечтать. Теперь слушайте внимательно, ибо во мне, как Вы уже могли заметить, живет тот самый пастернаковский—Всесильный бог деталей[2]—и я бы себя определила как некоего «miniaturiste en grand» et même—en géant—et même en immense*.

Итак, накануне меня запросили:—Хотите завтра в Женеву?—И я сказала да, п. ч. у меня были для Вас вещи, и я не хотела отправлять

* «Миниатюриста в большом масштабе»—в гигантском масштабе—в безмерном масштабе *(фр.)*.

через чужие руки — чтобы другой писал квитанцию. И — одинаково главное, ибо я *не* эгоист — хотела показать Муру Женеву, т. е. дать ему возможность, в близком уже, классе его — хвастаться.

На другое утро — и целое утро — занималась упаковкой Ваших посылок и приведением нас с Муром в более или менее швейцарский вид. Жду машины с 10 ч. и — со страхом: башмаки еще не начищены, identité* еще не вынуто, Мур еще не мыт — и т. д. Но 10 ч. — 11 ч. — 12 ч. — машины нет. Вылезаю из своей пещеры — в сад, наведаться. Хозяйский сын (тот, что пишет о Радищеве, — мой умственный друг)[3] — М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩, Вы с Муром одни поедете в Женеву — ни мама ни Вера[4] не едут. — Тогда я *не* поеду — ибо я в Ж⟨еневе⟩ ничего не найду — ни даже озера — а если найду, то там и останусь и уже во всяком случае не найду машины. Что я буду делать одна, да еще с Муром, в чужом городе, без паспорта и будучи *мной??* Бегу оповещать Мура. Он — убит, но не показывает. Но как всегда в моей жизни — я-то приняла всерьез — да еще в какой, а — оказывается, так, слова, неопределенность. Иду к хозяйке и слегка уговариваю (знаю одно: *мне нужно отправить вещи!*). Она неопределенно отказывается и соглашается. А уже — час, уже обед (бесконечный), — уже два, автомобиля — нет. Словом, чтобы не изводить Вашего внимания и зрения зря — машина приехала в 4 ч. (вместо 10 ч.!) — ее заказывали по телефону через почту и произошла путаница — а выехали мы — со всеми сборами — в 4 1/2 ч. Дорога дивная, но я думаю о своих пакетах, уже совсем готовых и надписанных.

Мне — все — советуют развязать, но я — противлюсь, ибо завязанная вещь — уже Ваша, то же самое, что распечатывать свое же письмо. Границы — три: бензинная, французская и швейцарская. — Pas de marchandises? — Rien**. (Ибо я же — не продаю!) — Миновали. — Новая забота: я в Швейцарии не была с 1903 г. — и тогда посылок *не* посылала — сумею ли на чужой почте отправить? И — наберусь ли мужества остановить полный автомобиль людей — перед своей почтой? По дороге мне показывают Jardin Anglais[5], Rade***, *озеро,* но я ни на что не смотрю — велю смотреть Муру. Но и это — одолено. (В Швейцарии люди так же вежливо отвечают, как я — спрашиваю.) *Теперь я могу ехать назад.* Но — начинаются Uni-Prix****, пассажи, словом, тот самый хозяйственный и женский ад. Мур сразу просит stylo***** и еще ряд вещей, я непрерывно заставляю его множить нá пять, хозяйка замка (русская швейцарка — милейшая) выбирает воротнички для дочек, к⟨отор⟩ые в России (посылает в письмах), полковник-хозяин[6] хочет пива, Муру нá пять *не* множится — словом, добрый час стояния над вещами, погруженности — с мордой — в те детали, которые я ненавижу — в ответ на шоколадный избыток не покупаю ничего (Вам, наверное, после операции нельзя, а Муру купила хозяйка) — сидим в кафе, внутри жара безумная, пишу Вам открытку, чем пользуясь Мур заказывает себе невероятную кружку пива (Gargantua!)[7] — и опять Uni-Prix — и опять требования stylo,

* См. перевод на с. 13.
** — Ничего на продажу? — Ничего *(фр.).*
*** Английский сад, рейд *(фр.).*
**** Универсальные магазины *(фр.).*
***** Вечное перо *(фр.).*

(у него — два), а тут еще и автомобильчики за 40 и 75 швейц⟨арских⟩ санти⟨мов⟩ — занимаемся умножением — (хозяева все время тут же — только в продовольственном отделении: закупают для пансиона) — и когда с Муром наконец выходим — нет никого. Долго нет. Совсем нет. Умоляю Мура отыскать автомобиль. Пересмотрев штук 50 — отыскивает (я бы в жизни не узнала, для меня они все на одно лицо: нечеловеческое) — вовсе не на том месте, где было условлено. Вижу — Tabac, покупаю зажигалку, чудную, за 1 швейц⟨арский⟩ франк — но так как у меня уже моя есть и будет граница, кладу ее себе за пазуху — поглубже. Потом влезаю — в раскаленный автомобиль — и жду. Мур мотается возле, то возникает, то пропадает, боюсь машин, выхожу, гляжу, опять сажусь. 7 ч., 7 1/2 ч. Подходит от времени до времени возница: Et alors? Vous n'avez pas vu le colonel? — Non. — Et moi non plus*. Потом уводит Мура пить пиво. Все магазины закрылись. 8 ч. И — усугубите внимание — начинаю чувствовать, что жжет. Т. е. давно жжет, с первой минуты. В ямке между расхождением ребер. И — здорово жжет. *Она*. Зажигалка. Как на грех налитая бензином. Пытаюсь извлечь, но — как? Платье сверху узкое (застежка на спине) достать сверху — невозможно. Словом — примите на веру: чтобы извлечь зажигалку, нужно платье — снять. Кроме того, у меня чувство, что она вроде как приросла, пытаюсь рукой — сверху — двинуть: не двигается. Начинаю думать — обсуждать — может она или *не* может загореться, т. е. бензин — от моего жару — загореться. На это ведь есть — законы. Т. е. *точно* известно может или *не* может. Но я-то их *не* знаю и могу ждать *всего*. Пытаюсь себя утешить (а жжет — болит — нестерпимо!) что никогда о таком случае не слышала. Но м. б. потому, что никто наполненной зажигалки в продолжении 2 ч. в такой тесноте на теле не держит? А вдруг загорится — как раз, на границе? Со мной — бывает. (И платье сгорит, и автомобиль сгорит, и *граница* сгорит!) От времени до времени (а час да-авно девятый) справляюсь рукой сверху — не тлеет ли платье — и нюхаю — не пахнет ли горелым? Нет! но пахнет — бензином. Так точно меня в нем выкупали. А — спутников все нет, а Мур непрерывно пьет с шофером пиво, и потом оба подходят — и опять уходят; другая группа ждет нас в Аннемассе с 7 ч. — Сейчас девять. Заблудились? Но хозяйка — уроженка Женевы. Что случилось? — Ох, жжет!

В 9 ч 1/4 — является полковник: жене в Uni-Prix стало дурно — упала — отвез к врачу, ей сделали вспрыскиванье (сердце), нас искал на каком-то Molé (?) где якобы уговорились с шофером — и т. д. Едем — за ней — к врачу. Ей совсем плохо, полу-сводят, полу-вносят, и — в обратный путь. Граница. 1, 2, 3-ья. Rien à déclarer?** Мур протягивает автомобильчик за 40 сант⟨имов⟩ и 2 шоколадные бутылочки — обе за 20 — он серьезен, пограничники хохочут — хозяйка — слабой рукою — «raisins secs»***, а я — ничего, ибо то, что могла бы и должна бы — непоказуемо в данную минуту никакими человеческими способами. Да! еще одно: перед отъездом прошу шофера взять на себя мои папиросы (у меня уже есть — в портсигаре) и тут же думаю: не получу обратно,

* Ну, как? Вы не видели полковника? — Нет. — И я тоже *(фр.)*.
** Ничего не декларируете? *(фр.)*.
*** Изюм *(фр.)*.

он—забудет, а я не напомню, ибо папиросы—вещь мужская, а не женская, и нельзя у мужчин отбирать папиросы—хотя бы свои же. (*Своих женских* папирос—нет.) (NB! Пишу Вам—уже третью страницу—глупостей, но—нынче пятница, 4-ое—я на те мои вопросы еще ответа *не* получила, значит—не могу говорить о Вас: просто ничего не знаю: белó, а я надеюсь Вас немножко развлечь: отвлечь.) Кончены—границы. Возница—мне—пакет. И я, сраженная его памятью, в полном см щении благодарности—чтобы чем-то эту свою радость—компенсировать—возвратным движением—Gardez.—Merci alors*.

Курим оба: он гощает и я, конечно, не отказываюсь. В Аннемассе берем отчаявшихся спутников. Дорога—дивная. Прохлада. Весь жар дня, машин, шоколадок, покупок и пр. сосредоточился в одном месте: зажигалочном. Но раз—2 1/2 ч. жжет и не загорается—значит, уже *не* загорится. Событие восходящей луны. (А есть другое:

Was niemand sieht und sah: Monduntergang**—

Над черным краем горы—золотая проволока. (Не золотая—медная.) И вдруг—мы ли вынырнули, гора ли ушла—весь шар на небе: красном. Голос из кузова машины—Неправда ли, М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩, луна похожа на русскую красавицу? Я, любезно:—Да, очень. (Для меня луна—самоё одиночество. Все нечеловечество одиночества. Все одиночество нечеловечества. Я ее не как поэт чувствую, а как волк.)

Дорога кружит, мы курим, те внутри молчат и вдруг:—Ох! Кошка перед прожектором. Закрываю глаза. И когда уже проехали 3 кил⟨ометра⟩—соседи, философски: Vous auriez mieux voulu que ça soit nous?*** И еще через километр: D'ailleurs—il est pas tué, il a passé entre les roues. J'én ai tué deux cette année. ˜a aurait fait le troisième****.—Зубец—и даже зуб башни. Огромные тополя. *Наш* Bonneville. Словом, после нескольких отчаянных заворотов по узкой дорожке—ветки вот-вот оторвут голову—зáмок. Бегу наверх и—зажигалка целой одной своей поверхностью—*пристала.* Не без труда отдираю: живое мясо. Громадный ожог—и две зажигалки (я ее однажды—передвинула).

Теперь могу сказать по опыту (живого мяса): зажигалка, наполненная бензином и уплотненная за пазухой—1) не зажигается 2) но прожигает.

Вот Вам, дружочек, моя Женева—и навряд ли будет вторая.

— Не рассказала Вам о своих дорожных (под сурдинку зажигалочного жжения) мыслях—о том, как я согласилась бы всю дальнейшую жизнь быть так жгóмой (привыкла бы)—чтобы вместо шофера рядом со мной сидели—Вы. Но—трезвая мысль:—Но тогда он должен был бы уметь править, а если бы он мог править—я бы м. б. так не хотела сидеть рядом с ним.—Но, если не он—то все-таки кто бы правил?—А—никто. Автомобиль бы *стоял.* Потом я подумала, что Вам было бы холодно и я бы за Вас беспокоилась, п. ч. на себе у меня ничего теплого не было—чтобы отдать. (Кроме зажигалки *внутри.)* Потом

* Оставьте себе.—Тогда спасибо *(фр.).*

** Что никто не видит и не видел: заход луны *(нем.).*

*** Вы предпочли бы, чтобы это были мы? *(фр.)*

**** А впрочем, она не погибла, она проскочила между колесами. Я задавил двух в этом году. Это была бы третья *(фр.).*

я подумала, что ведь всегда можно обнять, чтобы согреть. Видение полюса. Все полярные экспедиции в одном видении: двоих в обнимку: старшего, согревающего младшего своим телом. (Когда пришли — младший оказался жив.) А мой спутник наверное думал о доме, и о завтрашней поездке, и о нас всех, внезапно заболевающих — и внезапно пропадающих — и внезапно дарящих папиросы. — Drôle de gens, les Russes, mais bien gentils quand-même...*

Что же нам остается, Russes или не Russes — как не быть bien gentils — друг с другом — *до* одиночества лунной планеты?

4-го сент⟨ября⟩ 1936 г. *М.*

19

Château, 5-го сентября 1936 г.[1]

Дружочек, вот наш замок. Справа с краю — Мур, а я еще правей — за краем карточки.

А вот тот плющ[2].

МЦ

20

St. Pierre-de-Rumilly — Haute Savoie —
Château d'Arcine, 7-го сентября 1936 г., понедельник

Родной! Нашла. Как по озарению, т. е. всем напряжением необходимости Вас выручить — во всем — всегда — следовательно — (прежде всего) — *сейчас*[1]:

В сущности, это — как старая повесть,
(«Шестидесятых годов дребедень»):
Каждую ночь просыпается совесть
И наступает расплата за день.

Мысли о младшем страдающем брате,
Мысли о нищего жалкой суме,
О позабытом в больничной палате,
О заключенном невинно в тюрьме,

И о почившем за дело Свободы,
Равенства, Братства, Любви и Труда.
Шестидесятые... годы.
(«Сентиментальная ерунда.»)

⟨Приписка на полях:⟩

NB! Скобками при кавычках Вы себя окончательно отмежевываете. Скобки + кавычки здесь дают чью-то пошлейшую скороговорку, *физически* дают.

* Странные люди эти русские, но, впрочем, такие милые... *(фр.)*.

Только — тáк. Но опускаю *все* доказательства, ибо если сам *вид* и *смысл* стихов пе убедит — все мои слова — бессильны. Но, вместо *всех* доводов — один (живой) голос:

я, обеспокоенная за Вас в этих стихах с первой минуты их прочтения (не за Вашу бессмертную душу, в которой *не* сомневаюсь, но за Ваше доброе имя) сразу дала прочесть Ваш листок (не говоря — кто) — своему здешнему пишущему другу[2].

— Чтó скажете? Не думайте, не думайте! Самое, самое первое!

— *Aigreur**, — досада, что во всё это — поверил, всему этому — служил, и в конце концов — оказался в дураках. Такой же дурак был — как ты. (Пауза.) Тяжелое впечатление.

И это, мой друг, *лучшее* толкование Ваших стихов: *Вы,* морально, *в лучшем случае.* И я, и этот Миша — абсолютные читатели (читатели умыслов!) — и это всё, что мы по прочтении стихов в их первой транскрипции, можем сказать в Ваше оправдание, т. е. помнить, что: «*— и* я, и если *дурость* — так *общая».*

Когда же, только что, сгоряча моей огромной радости, я в огороде достала Мишу и доставила его к себе на чердак — листок с *данной* транскрипцией в рýки — читайте! — он, просияв: — замечательно! Тó, что нужно. Тáк — это *для других* — сентиментальная ерунда и дребедень, а для *него* — святая святых. Под *этими* стихами — подпишусь.

Вот Вам — читатель. (*Я не сказала — ни слова.)* Да и не только — он. И ребенок не ошибется. (Проверю на Муре.)

Теперь, на Ваше усмотрение:

Шестидесятые ч и с т ы е годы
либо:
Шестидесятые в е ч н ы е годы[3].

Чистые — люблю и слово и вещь, и чудесное противопоставление сантиментальной ерунде клеймление — чистотой — всей той грязи (NB! не тóй, а — этой!)

Второе — в противувес шестидесятности: временности их — ВЕЧНЫЕ. ВЕЧНЫЕ, т. е. которые *никогда* не кончатся.

Выбирайте — что ближе и дороже, ибо — равноценны. Острее — *чистые,* глубже — *вечные.* Товарищеский совет: подчеркните (либо *чистые,* либо *вечные)* чтобы еще, *ещёе* ударить — и пометку: прошу подчеркнутое слово — в разрядку. Чтобы не набрали жирным шрифтом, к⟨отор⟩ый нечто вроде физического воздействия, тогда как в разрядку — воздействие нравственное: молчаливая остановка внимания.

Тогда физически вид будет таков:

Шестидесятые ч и с т ы е годы

— смотрите, как хорошо.

А — русские — они всё равно — русские, не-русских (таких) не было, и если русские — не выходит противовеса *ерунде.* Говорю Вам как себе, собственности на слова́ нет, и — равно как в вопросе нашей встречи —

* Горечь *(фр.).*

не будем считаться копейками, которые (копейки или слова) нам все равно не принадлежат (вот — зажигалка моя мне принадлежала — верней: я — ей — когда меня *прожигала)*, не будем этими малостями мешать возникновению *вещи* — встречи или стихотворения, — но *третьего*, которое больше нас.

Возвращаясь к первой транскрипции:

Ваша (да еще нарочитая) confusion* — словесных штампов — и простых обиходных выражений — и бессмертных понятий — больше, чем неудачная — невозможная. Вы хотите быть понятым вопреки себе, вопреки знакам, и смыслу слов, — à rebours**. Это можно только в любви, в дружбе — нельзя. Не можете же Вы рассчитывать на точь-в-точь такого же как Вы́ (чего и в любви не бывает), даже не на близнеца: *на двойника.* Лучший читатель — только абсолютный друг, а абсолютный читатель — только любящий, т. е. все равно — другой, непременно — другой: для того и другой — чтобы любить. (Себя не любят.)

Если *я* усумнилась, то что же будет — с любым, с первым встречным?

— Я не для него пишу. — Нет, *здесь — для него* и *о нем*, ибо кто же лежит в больнице, сидит в тюрьме и т. д., как не Ваш первый встречный читатель — и подзащитный? Но — *его* защищая и о *нем* вопия — делайте это та́к, чтобы он первый Вас понял, чтобы он, по крайней мере, Вас — *понял:* ведь это — *тоже* помощь! (Память.) (Как одна меня безумно любившая молодая женщина — смертельно-больная и совершенно-нищая — мне — из своих далёких: со своих высоких — Пиреней: — Марина! Я не могу вернуть Вам чешского иждивения, я не могу послать Вам ни франка, но я изо всех сил — из моих последних сил, Марина, — непрестанно, день и ночь о Вас *думаю.)*[4]

Что же Вы, со своим безымянным подзащитным, своими кавычками — делаете?

Простой умирающий (русский шофёр в госпитале — а сколько их — госпиталéй и шофёров!) Ваши стихи при́мет как последний плевок на́ голову (с бельведера Вашего поэтического величия). — Стоило жить!

Нет, друг, оставьте темно́ты — для любви. Для защиты — нужна прямая речь. Да — да, нет — нет, а что больше — есть от лукавого.

Вы приво́дите строки Г. Иванова: Хорошо, что нет Царя — Хорошо, что нет России[5]. — Если стихи (я их не помню) сводятся к тому, что хорошо, что нет *ничего* — они сразу — понятны, — первому встречному понятны, ибо имеют только один смысл: о т ч а я н и я.

Лучше всего человеку вовсе на свет не родиться
И никогда не видать зоркого солнца лучей.
Если ж роди́лся — скорее сокрыться под своды Аида
И под покровом лежать тяжко-огромной земли[6].

Эти стихи — какого-то древнейшего греческого поэта — *мы все* писали.

---

* Путаница *(фр.)*.
** Наоборот, навыворот *(фр.)*.

Нет, друг, защита, как нападение, должна быть *прямая*, это из *мужских* чувств, это не чувство — а *acte**. (И Ваши эти стихи — *acte)*, а acte не может иметь двух смыслов — иначе Вы сами не обрадуетесь — какие у Вас окажутся единомышленники, и иначе сама Cause и Chose** от Вас отвернется: своего защитника *не* узнает.

Тут умственные — словесные — и даже самые кровоточащие игры — неуместны. Направляя нож в себя, Вы сквозь себя — проскакиваете — и попадаете в То́, за что́... (готовы умереть). *Нельзя.*

Я с горечью подозреваю Вас в ницшеанстве? — Ого! —

Во-первых, ницшеанство — и Ницше.

Ницшеанство — как всякое «анство» — ЖИРЕНЬЕ НА КРОВИ́. — Заподозрить Вас в нем, т. е. в такой вопиющей дармовщине — и дешевке — унизить — *себя.*

Но был — *Ницше. (*NB! Я без Ницше — обошлась. Прочтя Заратустру[7] 15 лет, я одно узнала, другого — *не* узнала, ибо во мне его не было — и не стало никогда. Я, в жизни, *любила* Наполеона и Гёте, т. е. с *ними* жизнь прожила.)

Но помимо *нашей* необходимости в том или ином явлении, есть само явление, его необходимость — или чудесность — в природе. И Ницше — *есть.* И рода мы — одного!

Ja, ich weiss woher ich stamme!
Unersättlich wie die Flamme
Nähr ich und verzehr ich mich.
Glut wird alles, was ich fasse,
Kohle — alles was ich lasse.
Flamme bin ich sicherlich***[8].

(Гёте — Flammentod:

Wenn Du dieses Eins nicht hast:
Dieses: *stirb* und *werde* —
Bist Du nur ein trüber Gast
Auf der dunkeln Erde****[9].)

---

* Действие *(фр.).*

** Причина и вещь *(фр.).*

*** Знаю я — откуда родом!
Точно огнь ненасытимый,
Сам себе я корм и смерть.
Жар — всё то, что я хватаю,
Уголь — всё, что я бросаю,
Я воистину огонь!
(Пер. с нем. М. Цветаевой.)

**** Гёте — Огненная смерть:
И доколь ты не поймешь:
Смерть — для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На земле суровой.
(Пер. с нем. Н. Вильмонта.)

Итак 1) горевать о Вашем «ницшеанстве» (и писать — брезгливо!) я не могла, ибо — если бы я могла заподозрить Вас в ницшеанстве — *Вас* бы для меня — не́ было (было бы любой позвавший — и любой — отозвавшийся. Любой с любым).

2) я не о ницшеанстве (*нище*-анстве!) горевала, а сказала: — Тогда — будьте как Ницше, т. е. открыто и горько и беспощадно — жгите.

(Знаете, что последней подписью под его последним письмом безумца было:

*Dionyseus, der Gekreuzigte**[10]

— Так *видите,* что́ ему *Ницше* — сто́ил?!

Ницше — одно из предельных воплощений человеческого (нечеловеческого!) страдания. И если я сказала: — *тогда* будьте как он — это только значило: страдайте *с его чистотой.* Убивайте (прежде всего — себя) *бескавычечно.*

Но и любите — бескавычечно.

На сегодня — ни о чем другом.

М.

⟨*Приписки на полях:*⟩

Спасибо за собеседни*ка*[11]. Первая транскрипция — как сразу сказалось — часто — *лучшая.*

P. S. Нынче еще буду опрашивать — в *этой* транскрипции и *дословно* — как гадалку — сообщу.

21

Château d'Arcine, 8-го сентября 1936 г. — ровно месяц, как я здесь.

Родной! Вчера было письмо о стихах, а сегодня — о делах.

Но, чтобы кончить о стихах — вот Вам еще один отзыв — на этот раз — читательницы: — «Противно стало от всей нашей гадости — материализма, практицизма — вот и вспомнил — тех. Пусть сейчас все это называют сантиментализмом и глупостями — а для него это *единственное, что́* есть».

Словом, тот самый: bon-très bon — brave — très brave. *Très***[1] — который, очевидно, Вас *задел* (Обидно быть — «brave»***...) Но — к делу: — вот Вам уже два свидетельства, мое третье. Если убедила во второй транскрипции — счастлива. Если нет — спокойна. (Переправьте, пожалуйста, в моем списке: И о почив*шем* на: И о почив*ших* — нечаянно[2]. Неприятно, чтобы та́к осталось — хотя бы на час.)

---

* Дионисий распятый *(нем.).*

** Хороший — очень хороший — храбрый — очень храбрый. Очень *(фр.).*

*** «Молодцом» *(фр.).*

Дело же – следующее. Вчера, по прочтении Ваших стихов, она́ – Ваша читательница – сама предложила мне устроить ряд моих чтений по Швейцарии – этой осенью. Т. е. – я просто спросила, можно ли жить в Leysin[3] в-*не*пансионе, ибо я ни на какой пансион неспособна, она спросила: зачем? – я сказала: к автору этих стихов – повидаться – тогда она сразу и очень *подробно* предложила мне столовую для неимущих (я думаю – беспризорных, или, как их раньше называли – бродяг) – «и там 15 сант⟨имов⟩ суп. Это Вы можете?» Я, очень серьезно: – Могу. (И, точно, уже этот суп съела:) – Спасибо большое. – Словом, нечто *антиалкоголическое* – для chemineaux (и cheminelles* – мысленно добавила я, и, уже совсем обнаглев, вслух): – А на какие же я деньги поеду? (точно *она* мне предлагала эту поездку).

И – но тут начинается полный серьёз – вполне серьезное, реальное, достоверное, с именами и отчествами – даже фамилиями – предложение: организовать мою осеннюю – нужно думать – ноябрьскую поездку по Швейцарии: Женева – Лозанна – Цюрих (Берна – не было) – с рядом чтений. И тут же написала письмо одному из действующих лиц, которое я опускаю одновременно с этим. В письме (лицо – в Аннемассе)[4] просьба назначить нам обеим свидание на ближайших днях. Сло́вом (тьфу, тьфу, не сглазить!) дело – пошло́.

Но, дитя, взываю к Вашему серьёзу: моя Швейцария – дело *очень* трудное: мне, помимо всех чужих усилий – нужно огромное свое: – устроить Мура в надежные руки, каковых у меня в доме *нет:* отец его всегда занят, Аля – не в счет. Значит – отдать его той же М⟨аргарите⟩ Н⟨иколаевне⟩[5] – в Париж, но этим самым – изъять его из школы, к⟨отор⟩ая в Ванве, т. е. найти и оплатить учителя. *Вся* история с паспортом и визами, помноженная на *всю* мою роковую бытовую неумелость. Наконец, моя невозможность никакого пансиона – самого дешевого, не говоря уже о швейц⟨арских⟩ ценах, хотя бы шв⟨ейцарских⟩ 5 фр⟨анков⟩ в день. Т. е. Ваша необходимость отыскать мне «там» – *комнату.*

Но – *всё* это – *ничто* – при одном условии: Вашей уверенности в необходимости Вам моего приезда.

...Второе (бытовое) – если хотите меня видеть у себя в Швейцарии в ноябре – я должна начинать это *сейчас.* Т. е. должна быть твердо уверена, что Вы осенью в Париж *не* приедете, ибо если Вы́ – осенью, я́ к Вам в Швейцарию (если *все* будет *хорошо)* – весной, а то нелепо – всё сразу, а потом – никогда – ничего.

Думайте, решайте, но – решив – не перерешайте, ибо я́ перерешить – не смогу. Сборы – для таких вечеров – весьма громоздкие, *всё* на доброй воле нескольких *чужих* людей, а я да́ром ничьей силы не трачу, т. е. даже если Вы в это время (неожиданно) окажетесь в Париже – поеду.

А Leysin или Schwendi или ещё что – мне все равно: т. е. равно́*желанно* – лишь бы не оказался – Тироль – или Шварцвальд – куда мне ходу – нет.

Ну́ – думайте.

МЦ

* Бродяг (и бродяжек) *(фр.).*

22

Château d'Arcine, 10-го сентября 1936 г.

— Я как раз думала над Вашей болезнью, выясняла ее для себя, чтобы выяснить для Вас — но это не сразу, мне нужно ⟨ ⟩* понять — отложим ⟨и обратимся⟩ к срочному: Вашим стихам[1]. Первое и твердое ⟨правило⟩ никаких ⟨кавычек⟩ кроме ⟨ ⟩ слов) — разве Вы не видите, что ⟨невоз⟩можно *одними* знаками ⟨ ⟩ — разная — «сантиментальная ерунда» *не* ⟨ ⟩ место ⟨ ⟩ не словесно, а по содержанию, то ⟨ ⟩ «страдающего брата» Вы берете *только* словес ⟨ ⟩ *младшего брата* (⟨ ⟩: — начиная от Вениамина[2]) — и *брата* — и ⟨ ⟩ неудачна здесь только словесная ассоциация, и — мой друг — un petit effort** — о ⟨ ⟩ grand effort*** — *стерпите*, примите всерьез — и на себя, реабилитируйте — хотя бы ценой упрека Вас, поэта, в общем месте. (Стихи настолько *серьёзны*, что никому в голову не придет. Либо — какому-нибудь «ницшеанцу», тогда это — патент на благородство. Реабилитации *сущности* путем взятия слова в кавычки быть *не* может. Наоборот: *снимите кавычки*. Тогда эта строка будет звучать как детский и смертный серьез. И — поверяю на последнюю чистоту — еще одно: если все же боитесь, на себя — не берете, можете прибегнуть к другому типографическому знаку: разрядке. Глядите:

Мысли о младшем СТРАДАЮЩЕМ брате
или:
Мысли о МЛАДШЕМ СТРАДАЮЩЕМ брате[3]

— сразу остановка внимания, и обогащение смысла, и достоверность: Вы эти слова почему-то — подчеркиваете, т. е. произносите их не случайно: для Вас они (вопреки всему) *значат*. Так сразу снято подозрение в общем месте, и общее место — становится *болевым*, точным местом Вашей (нашей) боли. И такая чудная, в таком начертании, настойчивость: да, именно — младшем, и именно — страдающем, и именно — брате. Только еще не знаю: одно ли слово в разрядку, или оба, во всяком случае *не* брате.

Ведь разрядка есть указание — и даже приказание — ударения. Проверьте вслух. (*Я* клонюсь к выделению *страдания*, т. е. к первому начертанию строки. Не забудьте: тут глаз и слух.)

⟨*Приписки на полях:*⟩

О разрядке: это самая скромная остановка внимания, то же самое что указать глазами.

А — чаще без разрядки, проще, мужественнее. Я̌ бы — без: пусть думают — что́ хотят.

Второе: — никакого *то есть*, ради Бога! Вы просто — портите. 1) — мозговое, статейное, 2) неверно, ибо страдание и нищенская сума — *не* однозначущее: страдание *без* сумы и сума (mon cas****) — без страдания. Вы этим стихи *губите*.

* Угловые скобки означают не поддающиеся расшифровке места, залитые чернилами, или предположительную реконструкцию текста.

** Малое усилие *(фр.)*.

*** Большое усилие *(фр.)*.

**** Мой случай *(фр.)*.

Третье: *нельзя* «свободу, равенство и братство» — в кавычки, Любовь и Труд — вольно, это уж сплошной миниатюризм и микроскоп, и — простите — введение в большое человеческое — чего-то мелко-личного: автобиографического: для меня «свобода, равенство и братство» — ничто, зато́ вот — Труд и Любовь... Но кому, в этих стихах, до Ва́с (данного) дело, эти стихи не Вы́ пишете — и не о себе — а главное не *для себя*: только — *из** себя. Кроме того, все перечисленные вещи — большие, и *все* — тысячу тысяч раз повторены, это — родня, нельзя ро́знить семьи понятий, и — честное слово — *никто* Вас не поймет, а если поймет — то только через остановку внимания на Вашем личном (частном) случае — значит в полный ущерб стихам.

В мое бескорыстие Вы верите. У меня две корысти: сами стихи — Ваш *правильный* облик.

— Конечно, *вечные,* а не *чистые.* И *очень* рада, что мы с вами совпали. В ВЕЧНОСТИ шестидесятых годов — предельный вызов. Бо́льшего мы о них сказать не можем.

О других стихах.

Первое[4] — оставите как есть, в первой транскрипции. Т. е.: Но не каждый ведь скажет: — «Брось, — Не надейся» — слепцу, калеке. (Если: скажешь — Вы вместо другого подставляете себя — и не выходит противопоставления.)

Третье[5]:

...И даже сны... И даже (как старо!) —
Здесь вензель чертит и сейчас перо...
— я́ бы сделала:
...И даже сны... И даже (как старо!) —
Вот вензель чертит и сейчас перо...

— это непосредственнее, нечаяннее, невиннее, беспомощнее: — сам гляди, что же мне делать?! — В *вот* — данная *сия* минута. И — *сама* рука.

Последнее: (Мы произносим дружба, счастье, Бог...)[6]

1) О, если б человек вдруг научиться мог — в одну строку, иначе нарушается единство вздоха.

2) Есть *о*, есть *но*, и есть *а*. *О* — возглас, *но* — рассуждение, *а* — вопрос, запрос на авось (соответствующий французскому: et...) Я за *а* — чище, беспомощнее и отчаяннее. И — человечнее, *похожее* (А что́ если...)

С последней строкой — не знаю, что́ делать. Во-первых Вы из трех вещей берете меньшую и *всегда* составную, т. е. отродясь *пустую,* как данность и са́мость — несуществующую. (Бог — Бог, дружба — дружба, а — счастье? И начинается: — Покой. — Отсутствие желаний. — Исполнение желаний — и т. д. Самой вещи — нет.) — итак, берете самую малую и выделяя ее — даже помимо ее личной малости — умаляете обе, другие — и себя. (Только-то!) Во-вторых — взамен чего? Что́ это, в точности, значит? Человек перестал лгать, т. е. научился говорить правду, и сказал:

---

* Подчеркнуто два раза.

Бога — нет, дружбы — нет, счастья — нет, и взамен получил *счастье*. Какое? Единственно-возможное: *веру* — и еще лучше — достоверность: Бог — есть, дружба — есть, счастье — есть. Так где же у Вас об этом сказано, если Вы это хотели сказать. (Если же *не* это — то *не знаю что́*.)

Всё будет спасено, если Вы в одной последней строке сумеете дать *всю* эту получку. «Господи, воззвах к Тебе и услыши мя»... *Это*, а не другое. Иначе — какая-то сделка: я — правду, а Бог мне — счастье. Разве Вы не чувствуете, что это вещи — несоизмеримые? Что Вы и Бога-то здесь умаляете. (А себя — так совсем продешевляете!)

Куда лучше: То неужели Бог ему бы не помог
И *смерти* не нашлось, взамен, для нас — у Бога.

(Пробовала: *веры*, верно, но — слабо. *Чуда* лучше, но — слишком уж элементарно. Но и *вера* и *чудо* — тысячу раз лучше счастья. А *смерти* — лучше всего, ибо чистое отчаяние. *Вопль*. — Думайте, ибо это совершенно меняет *Ва́ш* смысл. *Смерть* (прекращение муки) — как высшая награда. Хорош, должно быть — мир был. Хорош и есть.)

Стихи эти очень элементарные, их может спасти только острота и сила последней строки, к⟨отор⟩ая (все они — рассуждение) может быть только *воплем*.

— Думайте.—

Но и о другом думайте — и решайте. На самых днях я должна буду сказать одному из устроителей писательских швейцарских поездок — *когда* хочу читать. Скажу — ноябрь — будет ноябрь — а *ноябрь* — по всей вероятности 1) и п. ч. подходящий для чтений месяц, и п. ч. еще будет действовать мой 1936 года паспорт. Загадывать на 1937 г. — *далёко*. Особенно — на весну.

Мой друг, поймите меня: мне Швейцария *не* нужна: вне Вас — *не* нужна.

Но — не хочу лишать Вас Вашего парижского ноября, ноябрьского Парижа: у Вас друзья — дела — Вам в санатории надоело — Вы уже сейчас рветесь — что́ будет через два месяца?

М. б. — та́к сделаем: сначала я́ свое отчитаю, а потом *вместе* поедем — в Париж? Лучше та́к, чем: сначала Ваш Париж, а потом — вместе в Швейцарию. По-разному — по-многому — лучше. Начнем с Вас: как бы мы ни встретились (в Швейцарии) — остается Париж, и Париж остается Парижем, т. е. либо радостью, либо необходимостью, либо развлечением — вне моего, в нем, присутствия. Учтите и свое сравнительно-здоровое, после долгой санатории, состояние. А из Парижа Вы поедете — растраченным — как зверь в берлогу, зализываться, обрастать мясом и мехом, а вдруг — Вам встреча со мной не даст *всего*, или хотя бы — *того*, что Вы ждали? — Физическая растрата, (возможная) душевная утрата, и перспектива санатории. Для меня же — если наша встреча не удастся — Швейцария потеряет всякий смысл, т. е. — свой единственный. Это будет — повинность. Очень тяжкая.

Но, опять-таки, — решайте, как хотите — Вы́. (Я знаю как трудно — хотеть.) Только — *твердо* и *сразу*. Если Вы уже твердо решили — к 1-му ноября, то *мой* план — не удастся, ибо *до* этого в Швейцарии побывать навряд ли успею. Но — на сколько, в таком случае, Вы едете

в Париж? П. ч. в декабре в Швейцарию мне — может оказаться — уже поздно. Тем более, что мне предстоит еще бельгийская поездка — и тоже осенняя. Так или иначе, я мысленно ноябрь оставляю на нас. Боюсь, что моя поездка придется на середину ноября, т. е. в самое для Вас неудобное время. Но все-таки что-то решить надо. Со дня на день (того господина зовут Фелькнер[7] — он женевец — м. б. Ваш отец его знает) жду письма из Аннемасса — и тогда дело пойдет вне моей воли. Не забудьте, что я́ назначать — не могу. Перерешать — тем более.

— М. б. Вы все это совсем иначе увидите? Может быть Вам грустно будет ехать одному в Швейцарию (не забудьте: мой план — ехать вдвоем в Париж *после* моей Швейцарии, т. е. после нашей черновой встречи) — с чувством то́й или ино́й утраты, и, во всяком случае, *без* перспективы, — Парижа. Есть люди, которым от всего больно, по-всякому — больнее.

Да, да, иным всё удар. И эти Ваши стихи — сплошное sous le coup*. А последнее слово третьего стихотворения мне напоминает слово какого-то маленького принца крови — в XVIII в. — своей воспитательнице: Je t'aimerai — même mort.

Не — jusqu'a ma mort — не: apràs ma mort — а: *mort***. И это — пяти лет. (Больше ему — никогда не стало.) И как она могла — потом — жить?

Récapitulons***: Вы откладываете свой отъезд дней на 10, ждете меня в Швейцарии, там мы на́черно встречаемся и вместе едем в Париж, в котором встречаемся уже на́бело. Теперь, если Фелькнер назначит мои чтения в конце ноября — придется сделать иначе, т. е. сначала Вы́ — в Париж, а потом видно будет, поедем или нет — вместе — в Ваш обратный путь. Самое трудное — если мне ехать к 15-му, та́к я разбиваю Ваш ноябрь. Думайте. А я Вас тотчас же извещу, как только договоримся с Фелькнером — если сразу договоримся, чего, кажется, быть не может: ведь читать мне придется в трех городах, и он — не один, а только один из.., и го́рода целых три.

Где Вы в Париже будете жить? С сестрой?[8] А где и ка́к — она? (живет). Хотите у меня? Я Вам уступлю свою комнату и буду о Вас заботиться, — я к заботе привычна — и знаю *меру*. Сыты тоже будете. — Думайте. Одна беда: поздно вечером автобусы ходят редко (подходят близко), а от метро к нам большой подъем. Кроме того, нет ни центр⟨ального⟩ отопления, ни ванны, дом старый — лет полтораста — и скорее холодный, а Вы — санаторией избалованы. Но — чудный воздух: улица — сплошные каштаны, и вообще — простор: форт, огороды, — ни одной трубы. Думайте — как Вам лучше, я совсем не знаю Ваших дел и предлагаю Вам *на всякий случай*. И совсем не обижусь — если найдете лучше. До свидания, родной — у меня голова разболелась от всех этих aller-et-retour'ов****.

МЦ

---

* Под ударом *(фр.)*.

** Я буду любить те я — даже мертвым. Не — до смерти, не: после смерти, а: *мертвым (фр.)*.

*** Итак *(фр.)*.

**** Отправлений-и-возвращений *(фр.)*.

⟨Приписка на полях:⟩

Самое сердечное спасибо за точный ответ — про легкие. Тронута Вашим вниманием и пониманием. Сегодняшнее письмо — о болезни. Оно — во мне уже давно пишется.

23

Château d'Arcine, 12-го сентября 1936 г., суббота (мой любимый день — и день моего рождения: с субботы на воскресенье: в полночь. Мать выбр⟨ала⟩ субботу, т. е. *назад⟨)⟩**

— О Вашей болезни. Мне хочется самой понять и об этом Вам сказать раз-навсегда. *Поверим,* что Ваша болезнь по существу неизлечима, что Вы уже никогда не будете здоровым человеком. Примем это — и попробуем найти лечение — неизлечимости, выход — из явного тупика. Я *всегда* работаю на примерах и вне примеров не понимаю ничего. Поэтому — оборотом головы — на Р⟨ильке⟩.

Это был отродясь больной: больной уже потому и тем, что мать хотела SOPHIE, а получила — René[1] (та́к его звали в детстве, Rainer'а он открыл et imposa**) что его до 5 л⟨ет⟩, а м. б. и позже, водили девочкой, этим подтачивая без того уже половинную мужественность поэта. (А потом сразу отдали в корпус. Сохранился один вопиющий отрывок, страшнее которого я ничего не знаю.)

В его письмах жене — женился рано — непрерывные таинственные упоминания о каком-то — недуге, хотя внешне был совершенно здоров. Нечто вроде «mon mal»***. (Знаю, знаю: — «Но у меня не *mon* mal, а вообще — mal, весьма даже достоверное», — *погодите.)* Ему всю жизнь не-моглось: ни жить, ни есть, ни спать, ни писать. Писанье было для него — мученье, терзанье. Он — от России до Египта — весь свет исколесил, ища места, где может писать (мне это совершенно чуждо, я бы скорей искала места, где *не* могу писать, но моя обязанность понять его — и Вас). И не только места искал, — и срока. — *Здесь,* может быть, и *сейчас,* может быть, я начну — *то...* Здоровому человеку — дико. Даже мне — дико. Мне — особенно-дико. Ибо, как я говорю о *столе:*

Твердивший, что каждой строчки
Сегодня — последний срок[2].

Но пусть — дико, пусть он — по-докторски — был здоров, — жил-то он внутри себя, в том внутри, где доктора́ *не* бывают.

Из себя он выделил ряд — себя, ряд — *я,* которых неопределенно назвал и пустил по свету, чтобы хотя бы они — жили. Об одном из них — mein Nachbar Ewald — из его юношеской книги «Geschichten vom lieben

* В кн.: Марина Цветаева. Письма Анатолию Штейгеру (Калининград. Московская обл.: Музей М. И. Цветаевой в Болшеве; Издательство «Луч-1», 1994) — далее идет текст: «Этим определив мою сущность — и *судьбу».* В копии с оригинала, находящейся в распоряжении составителя (возможно, некачественной), эти слова отсутствуют.

** И утвердил себя *(фр.).*

*** «Моя боль» *(фр.).*

Gott»* — хочу Вам сказать. Эвальд не мог ходить и всю жизнь сидел у окна, у которого иногда, проходя, останавливался Р⟨ильке⟩. И Р⟨ильке⟩ Эвальду — завидовал. Он никуда и ни за кем не должен был идти, к нему всё само приходило, всё отовсюду само притекало. Он не знал отказа выбора, даже простого выбора на карте не знал: куда именно, ибо каждое место исключает все остальные. К нему приходили все места. Он не знал человеческой измены, ибо к нему приходил только тот, кому *он* был нужен. Он был — единственное недвижное среди всего кружащегося, единственное пребывающее среди всего преходящего. Он был — дерево.

Резко-другое. У меня здесь есть друг — Миша[3]. Всё, что он хочет от жизни — он, здоровый, на редкость — сильный (пришлось!), Ваш сверстник, постоянно какой-нибудь одной, а иногда и несколькими сразу — любимый, всё, что он хочет от жизни — трех свободных утренних часов для писания, и ради этого отдаст всё, вплоть до своей молодости. Уже — без них — отдает. (Работает на огороде, шофёрствует, прислуживает, но *каждая* свободная минута — столу.) Он, в распоряжении которого весь Париж, со всеми его сборищами, зрелищами, ночами, встречами, остается нá зиму — здесь, со старыми, добрыми, мало понимающими его родителями, и старым цусимским адмиралом[4], и еще с одном стариком-садовником — чтобы писать. Он *сам* выбрал Ваш затвор — и выбрал его на всю жизнь, ибо он никогда не женится — не нужно — «я и ребенка бы не хотел иметь, п. ч. я его бы слишком любил. А это ведь мешает писать, — а, М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩?»

И, наконец, — я, но тó, что я имею Вам сказать о себе — *не пишется*, да с трудом и произносится — *когда-нибудь* (любимое наше с вами слово). Но, пока, в кредит, поверьте, что моя жизнь была и есть не легче Вашей, и *mon mal* — еще неизлечимей Вашего.

...Мой друг, чтó Вы называете жизнью? Сиденье по кафе с неравными: с бронированными, тогда как Вы — ободранный (без кожи). Ибо — на *сколько?* бессонных ночей — *одна* стóящая — чтобы ее *не*-спать? Хождение по литературным собраниям — и политическим собраниям — и выставкам — что-то основное, видно, забываю.

Вспомните le petit Marcel**, в последний 12-тый час опомнившегося и изъявшего себя из «жизни» и закупорившего себя в пробку — чтобы сделать дело своей жизни. В *агонии* жалевшего, что не может написать еще раз смерть Берготта[5], п. ч. теперь знает — как умирают.

— Да, но он до того — жил. Но Вы — *тоже* жили. У Вас *было* Ваше детство, и юность, и столько, наверное, *кроме* — жили и Вы. Лермонтов в Вашем возрасте умер, Вы ведь не скажете, что он — не жил?

Бог Вам дал великий покой затвора, сам расчистил Вашу дорогу от суеты, оставив только насущное: природу, одиночество, творчество, мысль.

Знаю, больно. И 27-летний Бетховен, не могший не знать своей избранности, в своем Heiligenstädt-Testament (начало глухоты) возопил: — «Schon in seinem 28. Lebensjahre verurteilt dem Leben zu entsagen — das

---

* Мой сосед Эвальд... «Истории о господе Боге» *(нем.)*.

** Маленького Марселя *(фр.)*.

ist hart. Für den Künstler — hörter, denn für irgend jemand...»* [6] Но — говорю очень издалека — не думайте, что люди Вас забывают, потому что Вас нет на глазах. Забыли бы — и на глазах, и на груди — потому что не умеют дружить, не умеют любить, п. ч. есть другие — новые — п. ч. нужна *смена* — п. ч. Вы сами любите — п. ч. Вы всегда больше любите — п. ч. Вы der Liebende**, а не — любимый — потому что Вы *поэт,* а она — нет. (Schubert — Heine — Hölderlin — Beethoven — *кто их любил??)* И Вы бы там — за стойками и столиками — без туберкулёза сгорали бы — и сгорели бы — в недостойном пожаре: на Lustfeuer*** их увеселений.

Не́ на что рассчитывать, кроме *чуда.* (Кстати — проверила — *чудо* в тех стихах совсем не плохо: несоизмеримо лучше и счастья и веры. Но — дальше:) А чудо так же — и даже легче может придти за Вами — в горы, чем — в город: просто — на повороте горной дороги. Та́к Вы его, по крайней мере, *разглядите.*

Конечно, горько — насильно быть спасенным. И кому, как не мне — это знать! Иногда — живого жизненного жара хочется больше чем воды — когда ее хочется. Найду об этом Вам до́ма стихи — и ради Вас — для Вас — за Вас их докончу. (Мне было столько же лет, как Вам.) *Я всё знаю,* и если до сих пор своей души не продала за этот живой жар, то только потому, что эта продажа, эта придача — никому не была нужна. Я со своей бессмертной душой — Бог знает что делала, и на такие — свои же — утешения — зубами скрежетала, но — где верх, где низ, где Бог, где Idol, где я́, где не́ я — я *всегда* знала. Думаю, что главная и тайная жажда Вашего существа — отродясь: *не быть.* Потому-то Вы так и противитесь «нежизни», так хватаетесь за «жизнь», что это — быстрый конец: Вам, Вашей душе, Вашей прирожденной, от всего, муки: *спать.*

Вы, — настоящий Романтик (определение — не мое): живете *последними* вещами, тогда как нужно (якобы) жить — предпоследними. А Вы — 60-той секундой 60-той минуты 12-го часа. Как Вам (ежедневно) жить с людьми? Та́к можно жить только со своей душой (внутри души) — или с себе равными. Подите — найдите их. Искать среди поэтов — но, поэты, увы, — *среда,* и настоящий поэт среди поэтов так же редок, как человек среди людей. Если иного хватает на стихи, то на жизнь — не хватает. Пишут люди из *последних* сил: из *последних* запасов — тратят. Проверьте на Ваших друзьях — поэтах. Георгий Иванов — Новалис? Поплавский — Clemens Brentano? Нет, *то* время прошло, *мы* были и *нас* — нет. (Пишу Вам сейчас тоже из последних сил, разрываясь от головной боли, но знаю, что потом, м. б., этих слов *не* найду, сейчас Вы сами себя во мне пишете, как стих.) Простите за правду — желаю, чтоб *не* сбылась.

Итак — терпите. Живите у себя auf der Höhe (как я: — in der Höhle)**** — прорывайтесь эпизодическими «счастьями», «жизнью», — пусть

---

* Гейлингштадтское завещание. «Уже в 28 лет быть обреченным отказаться от жизни — это жестоко. Для художника — еще более жестоко, чем для кого бы то ни было» *(нем.).*

** Любящий *(нем.).*

*** Огнестрасти *(нем.).*

**** На высоте... в пещере *(нем.).*

это будут *побывки*, plongeons* — наглатывайтесь, нахватывайтесь — и возвращайтесь — в себя.

Но есть еще одно: Вы же *с людьми*, да еще с больными — любите их. Не все ведь — счастливые и любимые. Это — тоже занятие. Вы скажете: им я́ не нужен, — ну, м. б. не Вы (весь) нужны — а Ваша рука, улыбка, привет, просто — взгляд. Это страшно держит на поверхности жизни. Больные — ведь *все* дети, *все* — невинные, и тут уж никакого греха денег и т. д. — нет, они — *все* неимущие. Помню, когда Мура оперировали — я полюбила *всю* его палату, и на третий день приходила уже ко всем, п. ч. мне было бы стыдно делить на своего и не-своих, п. ч. этого деления во мне — не было, п. ч. *меня* вообще не было, я ее оставляла за порогом, и часто — за порогом — не находила. И мое горе было, увозя Мура, что я *не могу* больше к ним ходить — на следующий день увозила его на Юг, в train de vacances**. Конечно, будучи больным, м. б. трудно их любить, п. ч. нет вины здоровья, тогда вспомните, что Бог Вам дал — душу жи́ву, тогда как им — только больные тела.

О роде Вашего поэтического дара — в другой раз. Пока же — скажу: у Вас *аскетический* дар. Служебный. Затворнический.

Бог Вам дал *дар* и — к нему — *затвор*.

— Мой друг, письмо из Аннемасса, только что. Вот — отрывок: «...Ваше сообщение душевно нас порадовало и ждем Вас с глубокоуважаемой М⟨ариной⟩ И⟨вановной⟩ у нас в наступающее воскресенье 13-го сентября — к часу — обязательно к обеду — простому деревенскому — но от всей души. ...Прилагаю маршрут: правда, он уступает по точности и по количеству стрелок и крестиков тому, к⟨отор⟩ым снабжал М⟨арину⟩ И⟨вановну⟩ Андрей Белый, поджидая ее в Цоссене... (Подробный внимательный старческий маршрут)[7].

...Сегодня же напишу моему старому другу 30-летней давности Вл⟨адимиру⟩ Вл⟨адимировичу⟩ Муравьеву-Апостолу, а завтра повидаю Федора Степановича Гонг-Оглуева[8] (NB! совершенный Гоголь). Словом, вопрос будет двинут.

Разумеется, перспективы для пушкинского Комитета весьма соблазнительные, несмотря на то, что в Феврале М⟨арину⟩ И⟨вановну⟩ уже законтрактовали»[9].

(NB! оцените деликатность и хитроумие моей приятельницы: я, не зная, что Вы в ноябре будете в П⟨ариже⟩ и стро́я на Вашем целозимнем Leysin'е, сразу сказала ей, что хорошо бы — еще в 19*36* г., чтобы мне не покупать нового загр⟨аничного⟩ паспорта — а она дело изложила — та́к, чем, конечно, повысила мою, для швейцарцев, сто́имость.)

— Словом, дружочек, завтра еду к тому господину на целый день — и совсем не знаю, что́ ему говорить — до того запуталась с нашими aller-et-retour'ами (голова болит *с тех пор*, т. е. второй день, и именно от *этого:* я совсем не умею жить). А не лучше ли действительно —

** Ныряния *(фр.)*.
*** Курортный поезд *(фр.)*.

в феврале, на пушкинское поминание, а Вы — в Париж — в *ноябре*. П. ч. тогда у нас будет перспектива — ещё-встречи, и промежуток уж не такой большой — 2, 2 1/2 месяца. *Как жаль*, что я так сразу в Ваш сплошной зимний Leysin *поверила*, но м. б. еще исправимо?

Словом, жду точного отчета. Постараюсь завтра окончательно не связываться. *Умоляю ответить мне что-нибудь разумное, здравосмы́сленное, совершенно со стороны — если умеете.* (Я — *не*.)

Устала — и давно уже нет папирос — сосу пустую соску мундштука, удивляясь, что ни — че — го. Я уже недели 2 как ничего не делаю, ибо когда я Вам письмá не пишу — я его думаю. Но это скоро кончится — п. ч. скоро — домой, а дома проснется — совесть — и здравый смысл: чтó я буду делать на пушкинских вечерах? *Весь* мой расчет (для Бельгии и Швейцарии) на прозу: Мой Пушкин. А ее и первой строки нет. Мне нужно будет временно из *нас* выключиться. Но это — потом. Пока я здесь — будет тáк.

Обнимаю Вас

МЦ

24

Château d'Arcine, 12-го сентября 1936 г., суббота (вчера — ошиблась)

...У меня так мало дней осталось — Ваших: почти ничего — и из этого ничего еще весь завтрашний день уйдет на того гоголевского — и даже державинского — старика. (А нынче жена написала — ответно — подтвердить приглашение.) До отъезда постараюсь успеть переписать Вам все из моей с⟨ен⟩-пьерской «хроники», не вошедшее в письма и Вам по праву принадлежащее. И, хотя Вы ничем не отозвались на стихи, переписать и отослать Вам другие.

Но боюсь — тáк, как всё это время, мне уже отсюда Вам нé будет писаться — п. ч. нынче наконец решила, и вслух объявила — дату, и уже всё считанное.

Вчера я поднялась на 1600 метров высоты, т. е. на 1100 от С⟨ен⟩-Пьера и оттуда еще раз прощалась с Вами. Вообще, эти дни будут — сплошная растрава. *Теперь* Вы м. б. понимаете мой — как будто бы гадательный и даже ошибочный — стих:

Терзание! Ни берегов, ни вех...
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
Что я в тебе утрачиваю — всех,
Когда-либо и где-либо *небывших*[1],

т. е. всех, когда-либо и где-либо *отсутствовавших* в моей жизни, и еще: всех, когда-либо и где-либо мне (и всей лирической поэзии) — *приснившихся*.

...Есть однородное в моем вчерашнем с Вами, с горы, прощании — по всем одиноким домам, и колокольням, и зубцам — где нас с вами *не было*.

Никогда нигде нам с вами уже не будет *тáк*... (и вот, честное слово, не знаю *слóва)* как: было бы? или: было? — здесь.

Но писать буду каждый последний день.

М.

25

Château d'Arcine, 14-го сентября 1936 г., понедельник.

Дружочек! В *феврале* — либо 11-го, либо 15-го, — с моим французским Пушкиным. Ноябрь — сам отпал, ибо для моего выступления в ноябре понадобилось бы 1) кому-то уступить мне место, 2) м. б. мне самой оплатить 1/2 дороги, ибо данный комитет — нищ, а есть другой какой-то, с крупнейшими швейцарскими писателями и филологами во главе, — и тот способен на *всю* дорогу[1]. Но тот — только в феврале. (Просто: первый — русский, второй — швейцарский.)

Чтó это был за день, за визит, за комната! Начав с последней: ни приметы обой, ни приметы стен: сплошь *лица:* от эмигрантской девицы в боярском кокошнике до родственного Суворова[2] (жена Фелькнера — потóмица Суворова), весь XIX в. в родственных и неродственных лицах и Widmungen* — на всех языках — четыре стены знаменитостей. А хозяин — не державинских, а Александра III-го времен[3], с лица — немецкий пастор — кудри, голубые глаза — в прошлом attaché financiér et commercial**, в настоящем — член всех существующих (и существовать перестающих) комитетов, а по призванию — оратор непрерывный. Что ни фраза — то комитет, и óн его активный член, и он приветствовал X, и подносил адреса Y, и отвечал на приветствие Z, и на всех на них возлагал венки. Из имен (м. б. Вам что-нибудь скажут) запомнила: Robert Traz и Chenevière (?) и Bernen Bouvier и Ziegler — больше не смогла: пока учила наизусть эти — проскочили все остальные[4].

Реально: за 5 дней уже 4 письма егó к лицам и 4 — ли́ц к нему, читал и показывал — отношение к моему приезду самое благоприятное, но пока речь только о Женеве, — а мне нужен Берн — как его добьюсь — не знаю — надеюсь — тогда до Вас близко — либо Вы сами спуститесь нá день в Берн — на целый весь наш день. Я к Вам в Швейцарию приеду на Пушкине (на — *Бесах)*[5].

Да! Оказывается он был в Варшаве слушателем моего дяди — историка — Д. В. Цветаева, и безумно умилился тому, что я его племянница — и стал вспоминать Варшаву — и как нас ненавидели поляки — и как ни один польский студент ни копейки не дал на похороны русского (NB! насильного) профессора Барсова[6] (?) и как мой дядя шел за гробом Барсова, а студенты обоим грозили кулаками — мой дядя после Варшавы был один из самых видных черносотенцев Москвы — Союз Русского Народа — очень добрый человек — иначе как *жид* не говорил. У него я, девочкой, встречала весь цвет черной сотни. Но — passions*** — а то я — в роли Фелькнера.

Предок Фелькнера 200 л⟨ет⟩ назад пришел из Саксонии в Россию с уставом Горного Института, который Анна Иоанновна и утвердила[7]. В честь его — минерал на Урале: фелькнерит («в витрине — если большевики не разбили». NB! — и витрины и минерала).

---

* Посвященный *(нем.).*

** Финансовый и торговый атташе *(фр.).*

*** Чувства, страсти *(фр.).*

...И бывший секретарь незабвенной Марии Гавриловны Савиной[8]. (—«Ваш секретарь? Это больше, чем статс-секретарь!») И сводил Художественный Театр с немцами. И устроил ввоз в Россию тела Чехова[9]. («Мы с Ольгой Леонардовной ехали в ландо и она *та́к была рада»...)*[10]

Я сжимала и разжимала руку на ручке кресла и старалась не глядеть на все, что на меня глядело (желтыми фотографическими глазами) с четырех стен его чиновно-артистического прошлого.

Несколько раз у меня был соблазн спросить о Вашем отце, которого он не может не знать (знает всю прошлую чиновную и аристократическую Россию + всю нынешнюю русскую и нерусскую Швейцарию) — но каждый раз удерживалась — из *сложных* чувств, одно из которых — словами: — я не хочу, чтобы среди этого потока равнодушных мне имен было произнесено *Ваше* имя — ради которого я этот поток имен и лиц — на себя и приняла, которым (непроизнесенным) его и *вызвала*.

Ибо знайте одно: *мне* Швейцария *не* нужна: мне нужна Ваша радость, нужна своя *нужность* — Вам, мне нужен *наш* день (по возможности — два, по невозможности — один). И только ради этого — все эти комитеты, комиссии и express'ы (NB! у меня уже есть свое *dossier:* глазами видела!) — и даже моего Пушкина, т. е. впервые настоящего Пушкина по-французски[11] — швейцарцы услышат из-за Вас.

Итак, нуждайтесь во мне и радуйтесь мне до *февраля*.

Иногда, когда уже совсем нестерпимо становилось — слушать и воображать (у меня роковой дар — тут же — глазами — видеть — все)... все эти безразличные вещи («Лига Наций», «председатель», «вице-председатель», Вильгельм, надевающий брошку Савиной — и вдруг — Савин*ков*, кн⟨язь⟩ Львов, ⟨19⟩19 г., зеленый стол, Париж — и вдруг Сэр X, а за ним Литвинов, и *только за ним* — какой-то поляк)[12] я вдруг мысленно ставила перед собой Ваше лицо — которое так мало знаю, в которое никогда не глядела — (но я знала: Ваше!) и *словами* говорила себе:

— Ничего. Только та́к достают — сокровище.

И мне самой смешно и радостно, что все это (до февраля *не меньше* 60-ти писем: людей друг к другу, их — мне, моих им) из-за человека, которого я не знаю, лица которого не помню и который мне, очевидно, дороже дорогого.

...Обстановка нищая, 2 комн⟨аты⟩ — 5 человек. Жалобная мебель. Жалобный (наш, ванвский — наизустный) обед. Сердечность.

...А поток — *покойников*. (Ф⟨елькне⟩ру минимум 70 лет). — «Когда я хоронил такого-то»...—...Мой 45-летний приятель, к⟨оторо⟩го я на днях хоронил... — «Когда мы с вами (обращ⟨аясь⟩ к моей спутнице) хоронили милейшего Григория Иваныча»... и т. д.

После обеда я читала свои переводы — Пророка — Чуму — К няне — Для берегов отчизны дальной — и, конечно, *победа* (я *знаю,* что во всем *мире* никто так не может) — но особенно поняли и отозвались, как всегда, женщины — даже 14-летняя швейцарочка, даже паралитичная 75-летняя тетушка, — *не* он, он с трудом слушал, на глазах разрываясь от накопившихся очередных покойников и комитетов, стерегших щель его рта — проскочить и затопить.

У него были *свои* няни, свои дальние отчизны, — и он сам был ПРОРОК и ЧУМА.

— Жара была до́бела, до́синя.

Чуть было не опоздали на поезд (они живут за Аннемассом, на пустыре), галопировали всем семейством по всему воскресному удивленному городу, и он, под галоп, успел рассказать мне свою встречу с Милюковым, а кстати и с Платоновым[13] — а поезд явно уходил, а до следующего — 5 часов (комиссий и мертвецов!) — но поезд *не* ушел, и мы из последнего дыхания в него сели, и минут пять сидели — дама и я (NB! нынче она совсем больна, а я — совершенно здорова) дыша широко, как рыбы и громко, как моржи.

Итак, мой родной, без нас решено — февраль. Жаль, что не будет совместного поезда (уносящего *третьего!)* я бы дорого дала (такие вещи *живут* сослагательными наклонениями!) за несколько часов поезда с Вами, но м. б. к лучшему, и м. б. эти часы когда-нибудь все-таки будут. Мне с Швейцарией — из-за Вас — необходимо связаться: необходимо, чтобы меня там *полюбили* — и полюбят.

Видите — вот и вышло письмо *навстречу:* сначала ноябрю, потом февралю.

Я отсюда уезжаю 17-го, в четверг — в 11 ч. 23 мин⟨уты⟩ утра.

С 15-го пишите мне уже на Vanves:

65, Rue J. B. Potin

Vanves (Seine)

без себя и адр⟨еса⟩ на обороте, я их знаю, и — как мне сейчас кажется — никогда уже не забуду.

Прилагаемый листочек[14] прошу прочесть *не* сразу, а — вечером — да? Перед сном.

МЦ

26

Château d'Arcine, 15-го сентября 1936 г. — вторник — чердак — под шум потока.

...Я вовсе не считаю Вас забытым, заброшенным и т. д. Я уверена, что Ваши родители, и сестра, и друзья — Вас — по-своему — как умеют — любят.

Но Вы хотите, чтобы все Вас любили не по-своему, а по-Вашему, не как умеют, — а как *не* умеют: Вы хотите, чтобы *все* Вас любили — как Вас люблю — я.

И если Ваша мать[1] *сейчас,* как я нынче в 5 ч. утра, не просыпается от *ожога:* с такими легкими навряд ли можно танцевать, это не значит, что она Вас мало любит, это значит, что sie denkt Sie* не так подробно, как я — м. б. и потому еще, что она Вас знает больным — 10 лет, а болезненным — и все 26, я же впервые и одновременно узнаю, что у меня где-то — сын — и что этот сын — больной, и не могу не потрястись этим всей своей привычкой ко всему исключительно-здоровому — и даже как бы несокрушимому — от меня исходящему.

То же самое, как если бы обо мне сказали, что у меня *больные* стихи.

Встречи с Вами я жду не как встречи с незнакомым, а как встречи с сыном — не только заведомо-родным, но мною рожденным, и которого у меня в детстве, в моем и его сне, отняли. Встречи с Вами я жду как Стефания Баденская[2] встречи с тем, кто для людей был и остался

* Она думает о Вас *(нем.).*

Гаспаром Гаузером, и то ько для некоторых (и для *всех* поэтов) — ее сыном: через сложное родство — почти что Наполеонидом.

— О чтении. Давно хочу. *Живете* в книгах? — Не о стихах говорю: Вы — поэт. Потребность? Вторая жизнь? Развлечение?

Способны на трудное (*и* физически-трудное).

Ибо раньше чем не узнаю Вашего отношения к книгам — не могу прислать Вам на прочтение — ни одной любимой, а сколько их у меня (Не даю — *никому*).

Wassermann'a — знаете? Fall Maurizius — Etzel Andergast — Kaspar Hauser?*[3] Немецкий — знаете?

Итак, отнеситесь так же серьезно, как к вопросу о ходьбе, на который так хорошо ответ и — пожалуйста, к вопросу себя — чтеца. Ибо до ноября — 1 1/2, 2 месяца, сможете прочесть ряд чудных немецких (да и французских) книг. — Или хотя бы одну. — Пруста знаете (всего)? Vigny — Journal d'un Poéte?**[4] — Ведь у Вас — пласты времени, Вы же не целый день пишете. (*Что* Вы́ целый день делаете?) — Не бойтесь: не завалю: толь о одну зараз. И с непременным условием (мое первое Вам, кажется) — никому из рук, так и говорите: прислана на самый короткий срок, отсылаю обратно. Ибо — и это мое единственное чувство собственности — книга не должна ходить по рукам, уж лучше — автор! Если Вы ничего не знаете о Kaspar Hauser'e *и мне верите*, пришлю Вам его тотчас же по возвращении в Ванв — с тем, чтобы Вы его мне либо прислали, либо привезли. Это мой любимый немецкий современник (недавно умер от разрыва сердца, а до него — вскоре после Р〈ильке〉 — большой австрийский поэт Hugo von Hoffmansthal — выстрелил в себя после смерти единственного сына. Я думаю — в нестерпимую боль выстрелил — чтобы кончилась).

Wassermann *очень* большой писатель, Ва́шей породы — страдальческой. И герой — Вашей породы, — *и конец обоих* — одна из самых больших человеческих, общественных и исторических *низостей*.

Тогда же, пос е почты:

— Ничего. Это похоже на мою жизнь. Постоянно-повторяющаяся случайность есть *судьба*. Но, по крайней мере, Вы этим освобождаете меня и от Цюриха и от Берна, а в Женеву — ненадолго, и в конце концов — почему швейцарцам не узнать настоящего Пушкина?

О Вашем Париже — жалею. Там — сгорите. Париж, после Праги, худший город по туберкулезу — в нем заболевают и здоровые — а больные в нем умирают — Вы это знаете.

Ницца для туберкулеза — после гор — вредна. Жара — вредна. Раньше, леча ею — убивали. Так убили и мою мать, но может быть она счастливее, что тогда — умерла.

Может быть Вы — внутри, — бо ьнее чем я думала и верила — хотела видеть и верить? Ибо ждать от *Адамовича откровения* в третьем часу утра — *кем* же и *чем* же нужно быть? До чего — *не быть!*

---

* Вассермана — знаете? Дело Маурициуса — Энтцель Андергаст — Каспар Хаузер *(нем.)*.

** Виньи — Дневник поэта *(фр.)*.

Если Вы — поэтический Монпарнас[5] — зачем я Вам? От видения Вас среди — да все равно среди кого — я — отвращаюсь. Но и это — ничего: чем меньше нужна Вам буду — я (а я *не* нужна — когда нужно *такое:* Монпарнас меня исключает) тем меньше нужны мне будете — Вы, у меня иначе не бывает и не может быть: даже с собственными детьми: так случилось с Алей — и невозвратно. Она без меня блистательно обошлась — и этим выбрала — и выбыла. И только жалость осталась (на всякий случай) — и помощь (во всяком) — и добрые пожелания.

Без меня — не значит без присутствия, значит — без присутствия меня — в себе. А *я* — это прежде всего уединение. Человек от себя бегущий — от *меня* бежит. Ко мне же идущий — к *себе* идет: за собой, как за кладом: *внутрь себя:* внутрь себя — земли, и себя — моря, и себя — крови, и себя — души.

Поскольку я умиляюсь и распинаюсь перед физической немощью — постольку пренебрегаю — духовной. «Нищие духом» не для меня. («А разве Вас не трогает, что человек говорит одно, а делает другое, что презирает даже дантовскую любовь к Беатриче, а сам влюбляется в первую встречную, — разве Вам от этого не *тепло?»* — мне — когда-то — в берлинском *кафе* — Эренбург. И я, холоднее звезды: — Н Е Т.)[6]

И Вам — нет. На все, что в Вас немощь — нет. Руку помощи — да, созерцать Вас в ничтожестве — нет[7]. Я этого просто не сумею: ноги сами вынесут — как всегда выносили из всех ложных — не моих — положений:

Und dort bin ich gelogen — wo ich gebogen bin*[8].

Я не идолопоклонник, я *только* визионер**[9].

МЦ.

Спасибо за Raron[10]. Спасибо за целое лето. Спасибо за правду.

Behüt Dich Gott! — es wär zu schön gewesen —
Behüt Dich Gott — es hat nicht sollen sein***[11].

〈*Приписка на полях:*〉

А рождение мое — 26-го русск〈ого〉 сентября (9-го Окт〈ября〉 по-новому)[12]
день Иоанна Богослова
— с субботы на воскресенье —
полночь

27

〈*Сентябрь 1936 года. Ванв*〉[1]

〈...〉Мне для дружбы, или, что то же, — службы — нужен здоровый корень. Дружба и снисхождение, *только* жаление — унижение. Я не Бог, чтобы снисходить. Мне самой нужен высший или по крайней мере равный. О каком равенстве говорю? Есть только одно — *равенство усилия.* Мне совершенно все равно, сколько Вы можете поднять, мне важно — сколько Вы можете напрячься. Усилие и есть хотение. И если в Вас этого хотения нет, нам нечего с Вами делать.

---

* См. перевод на с. 477.

** От vision — мечта, видение *(фр.).*

*** Храни тебя Бог, это было бы слишком прекрасно!
Храни тебя Бог, этому не суждено было быть *(нем.).*

(Пер. М. Цветаевой.)

Я всю жизнь нянчилась с *немощными*, с *не хотящими мочь*, и если меня от этого не убыло, то только потому, что меня, должно быть, вообще убыть не может; если меня от этого не убыло, *тем* от меня — не прибыло. С мертвым грузом нехотения мне делать нечего, ибо это *единственный*, которого мне не поднять.

Если бы Вы ехали в Париж — в Национальную библиотеку или поклониться Вандомской колонне[2] — я бы поняла; ехали бы туда самосжигаться на том, творческом, Вашем костре — я бы приветствовала. Если бы Вы ехали в Париж — за собственным одиночеством, как 23-летний Рильке, оставивший о Париже бессмертные слова: «Я всегда слышал, что это — город, где живут, по-моему — это город, где умирают»[3] — ехали в свое одиночество, я бы протянула Вам обе руки, которые тут же бы опустила: будь один!

Но Вы едете к Адамовичу и К°, к ничтожествам, в ничтожество, просто — в ничто, в *богему*, которая пустота бóльшая, чем ничто; сгорать ни за что — ни во чью славу, ни для чьего даже тепла — как Вы можете, Вы, поэт!

От богемы меня тошнит — любой, от Мюргера[4] до наших дней; назвать Вам разницу? Тогда, у тех, был надрыв с гитарой, теперь — с «напитками» и наркотиками, а это для меня — помойная яма, свалочное место, — и смерть Поплавского, *случайно* перенюхавшего героина (!!! NB! всё, что осталось от «героя») — для меня не трагедия, а пожатие плеч. *Не жаль*, убей меня Бог, — *не жаль*. И умри Вы завтра от того же — не жаль будет.

Да, недаром Вы — друг своих друзей, чего я совершенно не учла и не хотела учитывать, ибо свое отношение к Вам (к Вашему дару) — построила *на обратном*.

Бедное «дитя города»! Вы хотите за такое — жизнь отдавать? Да такое ее и не примет.

Этой зимой я их (вас!) слышала, — слушала целый вечер в Salle Trocadéro — «смотр поэтов»[5]. И самой выразительной строкой было:

И человек идет домой
С пустою головой...

Честное слово, этим человеком я себя почувствовала — после этого вечера.

Когда человек говорит: я — мертв, что же: попробуем воскресить! *(И воскрешала!)* Но когда человек говорит: я мертв и НЕ хочу воскреснуть, — милый друг, что же мне делать с трупом???

Мертвое тело с живой душой — одно, а вот живое тело с мертвой душой...

Я могу взять на себя судьбу — всю. Но не могу и не хочу брать на себя случайности(тей). *Лень* и *прихоть* — самые меня отвращающие вещи, слабость — третья 〈...〉

28

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
30-го сентября 1936 г., четверг.

— Между первым моим письмом и последним нет никакой разницы...[1]

— Да, но между Вашим первым письмом и последним была вся я к Вам — Вы скажете: два месяца! — но ведь это не людских два месяца, а моих, каждочасных, каждоминутных, со всем весом каждой минуты — и вообще не месяцы и не годы — а вся я. Вы же остались «мертвым» и — нехотящим воскреснуть. Это-то меня и убило. В другом письме, неотосланном, я писала Вам о мертвом грузе нехотения, который, один из *всех,* не могу поднять.

Я обещала никогда Вам не сделать больно, но разве может быть *больно* от того, что человек *не может* тебя видеть *в ничтожестве,* что он для тебя хочет — самого большого и трудного, что он в тебя верит — вопреки очевидности, что он требует с тебя — как с себя. Поверьте, что если бы я Вас только жалела — Вы бы правды от меня *не* услышали: чем бы дитя не тешилось, лишь бы...

Но я приняла Вас за *своё* дитя, которое лучше пусть — плачет, только не тешится. *Только не тешится.* В моем последнем письме была вся настойчивость моей веры в Вас, оно, единственное из всех, было не любимому, а — равному (и только потому — суровое) — и может быть *в нем* я Вас больше всего — любила. И *об этом* стих моих — тогда — 26-ти лет:

Бренные губы и бренные руки
Слепо разрушили вечность мою.
С вечной душою своею в разлуке —
Бренные губы и руки пою.

Рокот божественной Вечности — глуше.
Только порою, в предутренний час
С темного неба — таинственный глас:
— *Женщина! Вспомни бессмертную душу!*[2]

В этом письме я с Вас хотела — как с себя.

Поймите меня: я Вам предлагала всю полноту родства, во всей ответственности этого слова. И получаю в ответ, что Вы — мертвый, и что единственное, что́ Вам нужно — дурман. Это был — удар в грудь (в которой были — Вы) и, если я *не* упала — то только потому что никакой *человеческой* силе меня уже не свалить, что *этого* людям надо мной уже не дано, что я умру — сто́я.

Друг, я совершенно лишена самолюбия, но есть вещи, которые я *не могу* перенести, напр⟨имер⟩ — физически, на строке — себя и Адамовича вместе[3]. Мой первый ответ: там, где нужен Адамович — не нужна я́, упразднена я́, возможен Адамович — невозможна я, — не потому что мы поэты разной силы, я Встану и становлюсь рядом с самым *бедным,* а перед некрасовским: Внимая ужасам войны[4] — как встала на оба колена — так и осталась — но Адамович (и все ему подобные) — не бедный, и даже не нищий духом, а — *немощный* духом — и не хотящий мочь, и не верящий что можно мочь — и не хотящий в это поверить — это уже не не́мощь, а не́хоть, т. е. самое безнадежное и неизлечимое, ибо не с чего начать, — и в *таких* руках видеть *мое чудо* — и знать, что из этих рук (даже не держащих! уже заведомо — выронивших!) не вырвать — потому что другому в этих руках (*которых — нет)* — хорошо — бесполезное — и унизительное — и развращающее страдание. Тут только одно — отойти.

...Конечно, есть больше. Есть материнское — через всё и вопреки всему. Есть старая французская баллада — о сердце матери, которое сын несет любимой, и которое, по дороге, споткнувшись — роняет, и которое:

— Et voila que le coeur lui dit:
— T'es-tu fait mal, mon petit?*

Но — идете ли Вы на это, хотите ли Вы та́к быть любимым: *жаленным?* Ибо, если Вы *этого* хотите от меня, этого от меня — *хотите,* оно — будет, т. е. *я* в вашем отношении окончательно перестану *быть,* сразу сниму все требования (и первое из них — равенство), приму заранее и заведомо — всё: Бог с тобой — только живи...

Но не будучи в состоянии Вам дать — ничего, кроме материнского зализывания ран, звериного тепла души, — связанная по рукам и по ногам Вашим нежеланием другого себя, невмещением, невынесением другой (всей) меня — смогу ли я Вам быть радостью? — С зашитым — отказом — ртом.

Думайте.

Я Вас хотела (мечтала) большим, свободным, сильным, родным — та́к — чтобы на улице узнавали, шагающим в шаг.

Не можете — что же, буду стоять над Вами, клониться, когда холодно — греть, когда скучно и страшно — петь.

Я хотела — оба (*и* шагать, *и* греть), Вы хотите — одного, пусть будет та́к, пусть будет как *Вам* нужно, *всё,* что Вам нужно, *то,* что Вам нужно, та́к много — та́к мало — как Вам нужно. Во весь рост я живу в стихах, в людях — не дано, и меньше всего (как ни странно) дано в любимых — нам — быть и жить. Друзьям от нас не больно, мы можем им говорить *всю* правду, не страшась — живого мяса. Я хотела Вас не только сыном, не только любимым, а еще — другом: *равным.* Но пора понять, что для себя мы ничего не должны хотеть, даже нашей радости чужому росту, что и это — себялюбие («другому — как *себе*» — нет: другому — как *ему)* пора принять, что любовь — окончательное и единственное нам на земле данное *небытие:* не будь, иначе ты другого *заставляешь быть* — «не даешь ему жить» (небыть).

И — возвращаясь к Вашей боли: — мой друг, после Вашего письма о 3-м часе утра за 10-й чашкой кофе — у меня и мысли не могло быть, что что-нибудь — от меня Вам может сделать больно. Это письмо меня так *предельно* упраздняло. Я написала Вам — для очистки совести, воззвала — с последней и малой надеждой быть услышанной, сказала — потому что не могла не сказать. Вы мне в этом письме сказали, что Вы — после двух месяцев дружбы со мной и со всем будущим этой дружбы — *мертвый,* и я, как всегда, поверила, а мертвому больно быть *не* может, потому что ему уже *было* больно, та́к было — больно — что и стал мертвый. *Гарантия.* Думать о том, что *я* могу Вам сделать больно — после *такого* Вашего заявления — было бы самомнением, а если б Вы знали — как я от него далека!

---

* — А сердце ему сказало:
— Не ушибся ли ты, малыш? *(фр.)*

Мой друг — совершенно уже по-иному — без той радости — но может быть еще глубже и моее —

Я Вас из сердца не вырвала и не вырву никогда.

Вы — моя боль, это был мой первый ответ на *то* Ваше письмо, я сразу поняла: — *беда!* И с тех пор — почти непрерывная боль: сначала Вы сам, потом операция и страх за жизнь — потом известие об ухудшении — потом известие о *почти*-приезде в С⟨ен-⟩Пьер — потом разминовение с моей Швейцарией — потом конечный удар — последнее письмо: перспектива Вашего Монпарнаса и расписка в смерти... Потом — молчание на стихи, которого я не могла принять иначе, как оскорбления, в моем лице, *всех поэтов...* И, наконец, последняя боль — что *невольно, невинно* — только тем, что встала во весь рост — на секунду распрямила наклон своей нежности — и сказала во весь голос — на секунду вышла из того вполголоса нежности — Вам сделала *больно:* только тем, что на секунду была — *всей собой.*

Родной, неужели Вы думали, что это так просто: очаровалась — разочаровалась, померещилось — разглядела, неужели Вы *правда* поверили — в такую дешевку?

Конечно, не напиши Вы мне, я́ бы Вам не написала — никогда (я себя знаю) ибо в Вашем молчании было оскорблено бо́льшее меня, то — за что жизнь отдам, — в *моем лице* (*я* — последняя моя забота!) — все та́к оскорбленные *до* меня: от Франца Шуберта, чья любовь *не* понадобилась[5] — до le petit Marcel[6]... в этом молчании было оскорблено *всё* мною на земле любимое — *обычным* оскорблением — незаслуженного презрения. И такое прощение было бы предательством.

Но, если бы Вы мне даже *никогда не* написали, и этим лишили меня возможности когда-либо окликнуть Вас — у меня навсегда, всюду, даже с очередной горячей головой на груди, в этой груди осталась бы *трещина.*

Не надо — другой головы. Ибо — верьте мне — я человек такой сердцевинной, рожденной верности, такого *единства,* что — вовсе не уверенная, что это другому нужно или хотя бы — радостно — одна, для себя, из-за себя, сама с собой, сама перед собой, в силу своей природы *не* могу раздвоить своего существа иначе чем та река в моих стихах: чтобы остров создать — и обнять[7]. (Как я счастлива, что это точнейшее подобие мне дали — *Вы!* И как я Вам за него благодарна.)

Я ухожу от человека только когда воочию убедилась, что *я** (такая как я есть) ему не нужна — просто по бессмысленности положения. Но *до* этого — много еще воды утечет — и беды притечет!

Итак —

М.

29

Vanves (Seine)
30-го декабря 1936 г., среда

Я не хотела писать Вам сгоряча того оскорбления, хотела дать ему — себе — остыть, и тогда уже — из того, что останется... (Осталось — всё.)

---

* Подчеркнуто два раза.

Но нынче этому письму — последний срок[1], я не хочу переносить с собой этой язвы в Новый Год, но по старой памяти бережения Вас не хочу также начинать им Ва́шего нового, нет, получи́те его в последний день старого, в последний день *нашего с вами* года, а дальше уж — у каждого свой: год — и век.

Начну с того, что та́к оскорблена как Вами я никогда в жизни не была, а жизнь у меня длинная, и вся она — непрерывное оскорбление. (Не оскорбляли меня только поэты, ни один поэт — никогда — ни словом ни делом ни помышлением (Вы — первый), но с поэтами я *мало* жила, больше — с людьми.)

Но если Вы, самим фактом оскорбления меня, попадаете в закон моей судьбы, то содержанием его Вы из него выступаете.

Если бы между *тем* Вами непрерывных зовов к себе — и тем — «большого путешествия по Швейцарии» без оставления адреса была бы наша живая встреча — я бы, пожав плечами, поняла: Вы могли ждать меня не такою, Вас например могли испугать мои седые волосы[2] (говорят, в юности это очень страшно) — хотя, по мне, матери взрослого сына и не полагается молодости, — могло удивить, что я на 6 лет старше, чем на своем последнем вечере[3], могли не понравиться мои пролетарские руки, которых Вы на моих вечерах могли не разглядеть и никак уже не могли разглядеть в моих письмах — Вы просто могли меня (ту, в письмах) не узнать — бывает — — и я бы *вчуже*, по слухам (такого «бывания») — поняла.

Но между Вами, непрерывно звавшим меня к себе сейчас, именно — сейчас, сейчас, а не потом — и т. д. — и Вами «большого путешествия по Швейцарии» и «разрешите мне заехать к Вам Вас поблагодарить» — нашей встречи не было, нашей очной ставки не было, ничего не было, кроме все той же моей любви к Вам. Я Вам разнадобилась *до* встречи, до которой Вы *не* дотянули, и ко мне в Ванв Вы *пришли* чужой, а не от меня — чужим — вышли.

...17-го августа 1936 г.

...У меня силы Вашей мечты нет и я без всякой покорности думаю о том, что мы живем рядом, а видеть и слышать я Вас не могу. От Вас до Женевы час, от Женевы до Берна — два часа — и от этого трудно не ожесточиться...

...поклянитесь мне, что прежде чем меня прогнать, разлюбить, обречь на опалу, заменить — Вы действительно серьезно подумаете или хотя бы сосчитаете до ста — что́ бы я ни сделал, что́ бы ни случилось, что́ бы Вам ни показалось. Потому что я слишком устал и не хочу больше оставаться на улице. Если что-нибудь случится — Вы будете виноваты, а не я. Предупреждаю Вас об этом заранее.

...М. б. за 10 дней случится чудо и Вы приедете?

Если хотите и умеете до гроба Ваш

---

16 или 17-го декабря[4] 1936 г.

Я: — Вам *от людей* (NB! Вы знали — от каких) ничего не нужно?

Вы, с блаженной улыбкой: — Ни — че — го.

И дальше: — Разве Вы не можете допустить, что мне с вами — приятно?

Мой друг, *Вы́* может быть знаете, что́ между тем *до гроба* и этим *приятно*—произошло, *я—не* знаю.

Я только знаю одно: Вы, к концу этого лета, постепенно начали меня—молчаньями своими, неотвечаньями, оттяжками, отписками, изъявлениями благодарности—с души—сбывать, а тогда, 16-го или 17-го, прямым:—Мне ничего не нужно—окончательно сбросили.

Но оскорбление даже не в этой *ненужности:* она для меня только глубокое изумление (как я—да еще поэту—могу быть не нужна?)

Оскорбление в этой «приятности», которой Вы подменили—сыновность—которую тогда приняли, которую тогда—*вызвали,* и которой я ни словом, ни делом, ни помышлением не предала и остановить которой в себе—потом—уже не могла и наверное уже *никогда* не смогу.

И, апогей всего, слово не *для меня* сказанное, при мне сказанное, мною только, во всей своей неслыханности, услышанное:

— Меня в жизни никто никогда не любил.

После этого я вся, внутренно, встала и, если еще досиживала, то из чистого смущения за Вас.

(Когда я прочла: до гроба Ваш—я сказала: Я от него не уйду никогда, что бы ни было—не уйду никогда, я от него в Советскую Россию *не* уеду. Никуда. Никогда.)

Теперь в двух словах: Вам было плохо и Вам показалось, что Вас все забыли, Вы меня окликнули—словами последнего отчаяния и доверия—я отозвалась всей собой—Вы выздоровели и на меня наплевали—простите за грубое слово, *это та́к* называется.

Друг, я Вас любила как лирический поэт и как мать. И еще как *я*:* объяснить невозможно.

Даю Вам это черным по белому как вещественное доказательство, чтобы Вы в свой смертный час не могли бросить Богу:—Я пришел в твой мир и в нем меня никто не полюбил.

МЦ

От меня Вы еще получите те—все—стихи[5].

30

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
22-го января 1937 г., пятница

Милый Анатолий Сергеевич,

Если Вы ту зеленую куртку, что я Вам летом послала, не но́сите (у меня впечатление, что она не Вашего цвета)—то передайте ее, пожалуйста, для меня Елене Константиновне[1], с просьбой захватить ее, когда поедет, *к Лебедевым.*

Она мне очень нужна для уезжающего.

Если же но́сите—продолжайте носить на здоровье.

Всего лучшего!

МЦ

---

* Подчеркнуто два раза.

Пальто, о котором Елена Константиновна знает, лежит у Лебедевых и ждет ее.

Мой самый сердечный привет обоим Бальмонтам.

На Вашу долю выпало великое счастье: жить рядом с большим поэтом.

Штейгер Анатолий Сергеевич, барон (1907—1944)—поэт. Происходит из старинного швейцарского рода, одна из ветвей которого обосновалась в России в начале XIX в. В 1920 г. семья Штейгеров бежала из Одессы в Константинополь. Затем последовало пребывание в Чехословакии, где отец А. С. Штейгера работал при русской гимназии в Моравской Тшебове. В начале 1930-х годов Штейгеры перебрались в Швейцарию.

Летом 1936 г. Цветаева получила из Швейцарии небольшой сборник стихов под названием «Неблагодарность» (Париж. Числа. 1936). Автор—Анатолий Штейгер. Тяжело больной туберкулезом, он находился на излечении в швейцарском санатории Heiligen Schwendi. Цветаева сразу откликнулась. Завязалась переписка, с первых же писем перешедшая в эпистолярный роман. Подробнее см.: Иваск Ю. Предисловие.—В кн.: Штейгер А. 2×2=4. Стихи 1926—1939. Нью-Йорк: Russica Publishers, 1982. С. 11—16; Саакянц А. Сопроводительные примечания.—В кн.: Цветаева М. «Хотите ко мне в сыновья?» (Двадцать пять писем к Анатолию Штейгеру). М.: Дом Марины Цветаевой, 1994. С. 3—4, 26, 59—60, 68—69, 74—75; Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. (Fontenay-aux-Roses: Синтаксис, 1988. С. 423—425); Карлинский С. «Путешествую в Женеву...»—об одной неудавшейся поездке М. И. Цветаевой.—*Труды симпозиума в Лозанне.* С. 72—80; письмо Цветаевой от 16 сентября 1936 г. к А. А. Тесковой (т. 6, письмо 95).

Переписка со Штейгером—один из последних эпистолярных романов Марины Цветаевой.

Впервые—письма 1—7, 9—12, 14, 15—в журнале «Опыты» (Нью-Йорк. 1955. № 5; 1956. № 7; 1957. № 8) с купюрами (публикация К. С. Вильчковского), письма 16 и 17—*Труды симпозиума в Лозанне.* С. 74, 75 (в статье С. Карлинского), письмо 18—*Звезда,* 1992. С. 39—41 (публикация С. Карлинского и И. Кудровой), письма 13 (неполностью), 20—26, 28—30—Цветаева М. «Хотите ко мне в сыновья?» (публикация А. Саакянц), письмо 27 (с купюрами)—Новый мир. 1969. № 4. С. 209—210 (публикация А. Эфрон по рабочей тетради М. Цветаевой), письма 8, 13 (полностью), 19—Цветаева М. Письма Анатолию Штейгеру (Калининград. Московская обл.: Музей М. И. Цветаевой в Болшеве; Издательство «Луч-I», 1994, публикация С. Н. Клепининой, комментарии Р. Б. Вальбе). Все письма печатаются по текстам первых публикаций с исправлением неточностей и опечаток и восстановлением купюр по ксерокопиям рукописей, любезно предоставленных для настоящего собрания сочинений А. Ф. Кветковской (Поповской), и ксерокопии списка части писем, сделанного К. С. Вильчковским.

1

[1] В ответ на первое письмо Цветаевой (оно не сохранилось) Штейгер прислал ей письмо на шестнадцати страницах, где рассказал о себе и своей жизни. Эта исповедь Штейгера также не сохранилась.

[2] *Тетя*—близкий семье Штейгеров человек («Тетя не была нам никакой родственницей...»), полька по происхождению. *Fräulein Martha*—Марта Яковлевна Ульберг, гувернантка. Их портреты описаны А. С. Штейгером в его воспоминаниях (Новый Журнал. 1984. № 154. С. 109—138).

[3] Река, на берегу которой было расположено селение Moret.

[4] «Faux-Monnayeurs» («Фальшивомонетчики», 1925), «Journal de Faux-Monnayeurs» («Дневник фальшивомонетчиков», 1926)—опубликованные произведения А. Жида.

[5] Возможно, речь идет о строках Теодора Шторма, которые Цветаева считала принадлежащими Ленау (см. письмо 4 к Б. Л. Пастернаку в т. 6).

[6] По преданию, чтобы успокоить своих учеников, находящихся в лодке на середине моря, Иисус пошел к ним по воде, как по суше. (Евангелие от Матфея, 14, 22—27).

[7] Имеется в виду замок д'Арсин в Верхней Савойе. Цветаева выехала туда 7 августа 1936 г.

[8] Имеется в виду, несомненно, прапрадед А. С. Штейгера, *Штейгер* Николаус Фридрих фон (1729—1799)—последний шультгейс (староста) Берна и Бернской республики, обладал сильным и неукротимым духом, был известен не только в Швейцарии, но и европейским дворам. Один из современников назвал его «одной из лучших политич ких голов Европы». (Подробнее см.: Д а л ь т о н М. Vive ut vivas*. О швейцарских и русских Штейгерах.—Новый Журнал. 1984. № 156. С. 286—289.)

[9] Цветаева намекает на былые симпатии «младоросса» Штейгера к французским фашистам («Синие рубашки»). «Стыдно, смешно и тяжко//Помнить годами вздор://Синюю эту рубашку,//Синий ее узор...»—писал Штейгер в 1936 г. в одном из стихотворений цикла «Синяя рубашка». (Современные записки. 1936. № 61. С. 170.)

[10] Герой новеллы Рильке «Die Weise von Liebe und Tod des Cornets Christoph Rilke» («Песня о любви и смерти корнета Кристофа Рильке», 1906).

[11] *Мазепа* Иван Степанович (1644—1709)—гетман Украины, стремился к отделению Украины от России. У Рильке в «Книге образов»: «...Deinen wagrechten Nacken fühl ich, Mazeppa...» («Я чувствую твою удаль, Мазепа...»). Rilke Rainer Marie. Gesammelte Werke. Bd. 1—4. Lpz, Insel—Verlag, 1927. Bd. 2. Gedichte. Teil 2. Das Buch der Bilder. «Sturm». S. 59.

[12] Цветаева неточно цитирует строку из стихотворения, посвященного Илье Муромцу, из цикла «Цари» (1899—1906) из «Книги образов». У Рильке: «war Ilya—der Riese von Murom»**.

[13] *Авессалом*—третий сын царя Давида (б и б л.). Ему посвящено стихотворение Рильке «Отпадение Авессалома» (1908) из сборника «Новые стихотворения».

[14] Образ *царя Давида* нашел отражение в стихотворениях Рильке «Ависага», «Давид поет Саулу», «Плач о Ионафане» (1905—1906, сборник «Новые стихотворения»).

[15] См. также письмо 38 к А. Берг и комментарий 5 к нему.

[16] *Сирин* Владимир—псевдоним (до 1940 г.) Набокова Владимира Владимировича (1899—1977), русского писателя. С 1919 г. в эмиграции. В письме речь идет о его рассказе «Весна в Фиальте» и рассказе А. Ремизова «Болтун», которые были напечатаны в № 61 «Современных записок» за 1936 г.

[17] В том же номере «Современных записок» (С. 328—353) за подписью Х были опубликованы выдержки «Из писем старого друга. 1931—1935 гг.» под общим названием «Оттуда». В редакционном послесловии В. В. Руднев писал по поводу публикации: «Напечатанные здесь «Письма старого друга» представляют, на наш взгляд, исключительный интерес, как своеобразное свидетельство очень вдумчивого человека о живом образе современной России. Неожиданный свет, бросаемый его рассказом на какие-то сдвиги, происходящие за последнее время в Советской России в психологии интеллигенции, уцелевшей старой и нарождающейся новой, делают эти письма «оттуда» документом первостепенного значения». (Т а м ж е. С. 353.) Автор опубликованных анонимно писем—Евгения Казимировна Герцык (см. комментарий 12 к письму 33 к М. А. Волошину, т. 6). Ее имя, как автора писем, обнародовал в 1949 г. Н. А. Бердяев в своей книге «Самопознание» (Париж, YMCA-PRESS).

---

* Живи чтобы жить *(лат.)*.

** «Был Илья—муромский исполин» *(нем.)*.

2

[1] Неточная цитата из главы 5 романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891). У Уайльда в конце высказывания: «...иногда они их прощают» (Уайльд О. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Спб.: Изд-во Т-ва А. Ф. Маркса, 1912. С. 67. Пер. М. Ричардса).

3

[1] Из стихотворения М. Цветаевой «Поэт—издалека заводит речь...» (1923, цикл «Поэты»). См. т. 2.
[2] От туберкулеза умерла мать Цветаевой. Болел туберкулезом и С. Я. Эфрон.

5

[1] Письмо на сано на открытке с видом Петербурга, с изображением Прачечного моста через Фонтанку.
[2] Озеро в Швейцарии, в Бернском кантоне.
[3] Отец поэта, *Штейгер* Сергей Эдуардович (1868—1937)—земский деятель, был избран предводителем дворянства Каневского уезда, с 1913 г.—член Государственной Думы. Имел ли он отношение к снятой на Тунском озере фотографии, о которой пишет Цветаева, сказать трудно. В Берн С. Э. Штейгер с семьей приехал лишь в 1931 г.

6

[1] См. комментарий 2 к письму 5 к З. А. Шаховской.

7

[1] Цитата из письма Гёте Беттине Брентано от 28 июля 1808 г. из «Переписки Гёте с ребенком» (Bettina von Arnim. Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde. Jena, Diederichs, 1906). Цветаева приводит ее по памяти. У Гёте: «...reiche mir's nicht zu hoch an, das ich ımgeduldig wurde, Gewohnheit ist eine gar suses Ding».

9

[1] ...*До Вашего Берна*—то есть до отправки Штейгера из санатория в Берн для операции. «Непрерывное» письмо было отправлено 19 августа.
[2] *Кастор и Поллукс* (Полидевк)—близнецы, сыновья Зевса. По одному из преданий, бессмертный Полидевк поделился со своим смертным братом частью бессмертия, они оба попеременно в виде утренней и вечерней звезды в созвездии Близнецов являлись на небо (греч. миф.).
[3] «Единственный человек, которого я любил в жизни чистой, горячей, ненадуманной любовью—была эта Тетя»,—писал в своих воспоминаниях Штейгер (Новый Журнал. 1984. № 154. С. 116).
[4] Из «Поэмы о Царской Семье» М. Цветаевой.
[5] *«Мой раненый»*—см. комментарий 1 к письму 27 к А. Берг.
[6] *Второй Фауст*—то есть вторая часть «Фауста» Гёте. *Нереиды, наяды*—нимфы (греч. миф.).
[7] Сказка С. Т. Аксакова (1858).
[8] Ср. образ Андрея Белого в очерке «Пленный дух» (т. 4).
[9] См. письмо 5 к З. А. Шаховской и комментарий 2 к нему.
[10] Ср. стихотворение «Обнимаю тебя кругозором...» (1936). См. т. 2.
[11] «Бесы» А. С. Пушкина в переводе Цветаевой на французский («Les Demons») были опубликованы в однодневной газете «Пушкин. 1837—1937», выпущенной в 1937 г. Комитетом по устройству Дня русской культуры во Франции к столетней годовщине гибели поэта.

[12] См. письмо 1 к С. Н. Андрониковой-Гальперн и комментарий 8 к нему.

[13] Шесть лет назад Цветаева писала А. А. Тесковой: «Оставила в Савойе — в квартире запрещено — безумнолюбимую собаку, которую в память Чехии я окрестила: *Подсэм* (поди сюда?)» (Письмо 54 к А. А. Тесковой, т. 6).

10

[1] *...нансеновский паспорт* — временное удостоверение личности, введенное Лигой Наций (см. комментарий 12 к письму 25) по инициативе Ф. Нансена. Заменял паспорт для беженцев. *Нансен* Фритьоф (1861—1930) — норвежский исследователь Арктики. В 1920—1921 гг. верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных.

[2] Имеется в виду происхождение А. Д. Мейна, деда Цветаевой (см. письмо 11 к В. Н. Буниной).

12

[1] Стихотворение «Парус» М. Ю. Лермонтов написал, когда ему было 18 лет (1832).

[2] См. письмо 2.

[3] Об этом же Цветаева писала в статье «Кедр. Апология». См. т. 5, а также: Волконский С. Мои воспоминания. Родина. Берлин: «Медный всадник», [1923]. С. 76—77.

[4] По русской пословице: «Соловья баснями не кормят».

[5] Заключительные строки стихотворения О. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912), цитируемые Цветаевой по памяти.

[6] Ср. стихотворение М. Цветаевой «Хвала богатым» (1922). См. т. 2.

[7] Возможно, речь идет о М. С. Фельдштейне. В письме от 27 мая 1913 г. (Цветаевой шел 21-й год) она писала ему: «Со мной даже бороться нельзя: я внешне ничего не беру — и никто не знает, как много — внутри» (т. 6). Ср. также стихотворение М. Цветаевой «Мальчиком, бегущим резво...», которое она послала Фельдштейну 8 июня 1913 г. (см. т. 1).

[8] *Мария Вечера* — см. письмо 85 к А. А. Тесковой и комментарий к нему.

[9] Из стихотворения А. А. Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад; лежали...» (1847). Эту и следующую цитату Цветаева приводит по памяти.

[10] Описка Цветаевой. Имеется в виду Татьяна Андреевна Кузминская (1847—1925), сестра С. А. Толстой. Прототип Наташи Ростовой в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

[11] В ту ночь («эдемский вечер»), когда пела Т. А. Кузминская и рождалось стихотворение Фета, *Сергей Николаевич* Толстой (1826—1904) при этом не присутствовал. В его отношениях с Кузминской к тому времени уже произошел разрыв. (Кузминская Т. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М.: Правда, 1986; см. также: Фет А. Вечерние огни. М.: Наука, 1971. С. 664—665).

[12] Из первой части «Фауста» Гёте (сцена 4).

[13] А. Штейгер писал свои письма «на небольших картонах с выгравированным на них баронским гербом». (Иваск Ю. Предисловие. С. 16—17.)

13

[1] Как и в очерке «Мать и музыка», игра слов (см. т. 5). *Born* — поэтический ключ (нем.). *Oheim Kühleborn* — дядя холодный ключ (устн., нем.), персонаж повести Фридриха де ла Мотт Фуке «Ундина». В очерке речь идет о музыкальном ключе, здесь — ключ к выбору дороги.

14

[1] Имеется в виду нависшая над Цветаевой «туча отъезда» в СССР. См. письмо 92 к А. А. Тесковой (т. 6).

[2] Маргарита Николаевна Лебедева. См. комментарий 2 к письму 101 к А. А. Тесковой (т. 6).

[3] Речь идет о С. Я. Эфроне, который в конце декабря 1929 г., ввиду возобновившегося легочного процесса, вынужден был уехать в Савойю на лечение.

15

[1] Письмо посвящено разбору стихотворений А. Штейгера.

[2] Здесь и далее речь идет о стихотворении А. Штейгера «60-ые годы». Опубликовано в «Современных записках» (1936. № 62. С. 190). Его текст см. в письме 20. Позже, при подготовке своего последнего сборника «2×2=4. Стихи 1926—1939», А. Штейгер проставил к данному стихотворению посвящение «М. Цветаевой».

[3] *Перовская* Софья Львовна (1853—1881)—революционерка-народница. Организатор и участница покушений на Александра II. Была приговорена к смертной казни. ...*матери—о «воротничках»*—в своем последнем перед судом письме матери С. Л. Перовская писала 22 марта 1881 г.: «...просьба к тебе есть: дорогая мамуля, купи мне воротничков и рукавчиков с пуговками, потому что запонок не позволяют носить, и воротничок поуже, а то нужно для суда хоть несколько подправить свой костюм: тут он очень расстроился» (Цит. по: Сегал Е. Софья Перовская. М.: Мол. гвардия, 1962. С. 355—356).

[4] За день до суда *Шарлотта Корде* (1768—1793), заколовшая кинжалом вождя якобинцев Ж.-П. Марата, обратилась к своему отцу со словами: «Прощайте, дорогой отец, прошу Вас забыть меня или, вернее, порадоваться за свою судьбу. Причина ее прекрасна: Я мстила за многие невинные жертвы...» (Ламартин А. Жирондисты: историко-прагматическое исследование: В 4 т. Изд. 2-е. Спб.: Экспедиционно-коммерческое дело, 1911. С. 232—233).

[5] Стихотворение Штейгера «Бедность легко узнают по заплатке...», опубликованное в том же номере «Современных записок». С. 191.

[6] В публикации у Штейгера: «собеседника».

[7] Заключительные строки поэмы К. Д. Бальмонта «У морского дна» из сборника «Будем как солнце» (1903). Цветаева приводит их по памяти. У К. Д. Бальмонта: Два слова, что молвила дева со дна,—//Мне вам передать их дано://«Я видела солнце,—сказала она,—//Чтó после—не все ли равно!»

[8] Штейгеру шел тридцатый год.

[9] См. письмо 95 к А. А. Тесковой и комментарий 3 к нему (т. 6).

16

[1] *Герцен* Александр Иванович (1812—1870)—революционер, писатель, и *Огарев* Николай Платонович (1813—1877)—революционер, поэт, публицист; друзья, соратники, вместе вступили на революционный путь. Долгие годы жили в эмиграции, где и умерли. ...*их Наташ*—имеются в виду жена Герцена, Наталья Александровна (урожденная Захарьина; 1817—1852) и вторая жена Огарева, Наталья Алексеевна (урожденная Тучкова; 1829—1913).

[2] 3-го сентября Цветаевой представился случай съездить на машине со знакомыми на один день в Женеву. См. письмо 18.

17

[1] Из Женевы Цветаева отправила Штейгеру в подарок зеленую куртку. В посылку она вложила также свою книгу «Ремесло» с посвящением:

«Анатолию Штейгеру. МЦ. Женева, 3-го сентября 1936 г.

〈*На обороте титульного листа:*〉

У этой книги — своя история. Предназначалась она Даниилу Жуковскому*, старшему сыну поэта Аделаиды Герцык, одному из мальчиков «Писем Оттуда»** (которого я шестнадцати лет знала двухлетним, потом — не встречала) — взывавшего об этой книге, в письмах — годы. Один такой вопль до меня дошел. Переслать с оказией ее должен был Н. П. Гронский — и очевидно не смог, но и отдать не смог, так как книга эта оказалась, после его гибели, у него на полке, рядом с *его* Ремеслом.

Теперь она Ваша, и верю, что подержанность ее — в мечте одного — и в любящих руках другого (одного — далёкого, другого — погибшего) искупит ее некоторую внешнюю — неновость.

Анатолию Штейгеру — с любовью и болью

МЦ.

St. Pierre-de-Rumilly — Женева

3-го сентября 1936 г.»

(*Труды симпозиума в Лозанне.* С. 427—428.)

18

[1] Цветаева имела в виду нашумевшее заявление, сделанное 17 января 1895 г. вступившим на престол Николаем II депутатам дворянства, земства и городских управлений — не увлекаться «бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления». (Комментарий С. Карлинского. См.: *Труды симпозиума в Лозанне.* С. 77—80.)

[2] Из стихотворения Б. Л. Пастернака «Давай ронять слова...» (1917).

[3] *Штранге* Михаил Михайлович (1907—1968) — писатель, историк, исследователь русского общественного движения в XVIII в. Автор монографии «Демократическая интеллигенция в России в 18 веке» (1965). *Радищев* Александр Николаевич (1749—1802) — революционный мыслитель, писатель.

[4] ...*мама* — Штранге (урожденная Рам) Эмма Мельхиоровна, хозяйка замка. *Вера* — сестра М. М. Штранге.

[5] *Английский сад* — название одного из женевских причалов, от которого ходят пароходы по Женевскому озеру.

[6] Штранге Михаил Николаевич.

[7] *Gargantua* (Гаргантюа) — герой романа французского писателя Франсуа Рабле (1494—1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль», великан, обладал соответствующим аппетитом.

19

[1] Написано на обороте фотографии.

[2] Имеются в виду строки М. Цветаевой «Я сегодня плющу — пробор//Провела на граните замка...». (Из стихотворения, приложенного к письму 15.)

20

[1] Цветаева продолжает разбор стихотворения Штейгера «60-ые годы», начатый ею в письме 15 (см. письмо и комментарий 2 к нему).

[2] Штранге М. М.

* *Жуковский* Даниил Дмитриевич (1909 — арестован в 1936, пропал без вести) — математик, писал стихи, увлекался вопросами поэтики. Подробнее см.: Полякова С. В., Мейлах М. Б. Поэтика Д. Д. Жуковского. — Новое литературное обозрение. М. 1993. № 4. С. 25—45.

** См. письмо 1 и комментарий 17 к нему.

[3] В опубликованном Штейгером варианте — вечные. (Современные записки. 1936. № 62. С. 190).

[4] Речь идет о В. И. Зелинской. См. комментарий 2 к письму 2 к А. И. Цветаевой (т. 6).

[5] Начальные строки стихотворения без названия Г. В. Иванова (1930).

[6] Цитата из «Элегий» («Любовь и мудрость», LVII) древнегреческого поэта Феогнида из Мегары (2-я половина VI в. до н. э.). Цветаева приводит ее в переводе В. О. Нилендера (см. об этом: *А. Цветаева.* С. 317—318). Близок к цитируемому и перевод, выполненный В. В. Вересаевым: «Лучшая доля для смертных — на свет никогда не родиться//И никогда не видать яркого солнца лучей.//Если ж родился, — войти поскорее в ворота Аида//И глубоко под землей в темной могиле лежать». (Вересаев В. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Эллинские поэты. Пер. с др.-греч. М.: Недра, 1929. С. 244.)

В 1922 г. эти же строки были опубликованы в переводе А. Петровского: «Вовсе на свет не родиться — для смертного лучшая доля.//Солнца горячих лучей лучше совсем не видать//Если ж родился, — спеши к неизвестным воротам Аида,//Сладко в могиле лежать, черной укрывшись землей!» (Феогнид из Мег ры. Элегии. Спб.: Петрополис, 1922. С. 80).

[7] Книга Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883—1884).

[8] Неточно цитируемое стихотворение Ф. Ницше «Ecce Homo» из книги «Веселая наука». Цветаева приводит его также в конце «Повести о Сонечке» (т. 4). То же стихотворение в переводе К. Свасьяна: «Мне ль не знать, откуда сам я!//Ненасытный, словно пламя,//Сам собой охвачен весь.//Свет есть все, что я хватаю,//Уголь все, что отпускаю://Пламя — пламя я и есмь!» (Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 511).

[9] Из стихотворения Гёте «Блаженное томление» сборника «Западно-восточный диван». Цветаева приводит цитату по памяти. У Гёте строфа начинается: «Und so lang du das nicht hast...»

[10] Свою последнюю неоконченную книгу «Ecce Homo» (1888) Ф. Ницше заключил словами: *Дионис против Распятого.* Через считанные дни после написания этих слов сошедший с ума автор будет подписываться под почтовыми открытками, рассылаемыми им из Турина по всем направлениям попеременно то как «Дионис», то как «Распятый» (Там же. С. 809. Комментарий К. А. Свасьяна).

[11] См. письмо 15 и комментарий 6 к нему.

21

[1] Цветаева вспоминает слова гадалки. См. письмо 13.

[2] См. 9-ю строку в приведенном Цветаевой стихотворении в письме 20. В отличие от списка Цветаевой у Штейгера в опубликованном варианте эта строка имеет вид: «И о погибших за дело Свободы...»

[3] *Leysin* (Лезéн) — горноклиматический курорт в Швейцарии, близ Женевского озера.

[4] См. комментарий 7 к следующему письму.

[5] М. Н. Лебедева.

22

[1] Цветаева вновь возвращается к штейгеровскому стихотворению «60-ые годы».

[2] *Вениамин* — младший сын библейского патриарха Иакова от любимой его жены Рахили, скончавшейся при родах Вениамина. Поэтому Вениамин был прозван «сыном скорби». Единственный родной брат Иосифа.

[3] У Штейгера в публикации: «Мысли о младшем страдающем брате».

[4] Стихотворение Штейгера «Неужели навеки врозь?..» Опубликовано в журнале «Русские записки» (Париж; Шанхай. 1937. № 2. С. 122).

[5] Стихотворение Штейгера «Все об одном... На улице, в бюро...» с изменением одной строки, предложенным Цветаевой, опубликовано там же. (С. 123.)

[6] Стихотворение Штейгера, которое разбирает Цветаева, в его сборниках и публикациях не обнаружено. Отсутствует оно и в его итоговом сборнике «2×2=4».

[7] *Фелькнер* Владимир Михайлович (1870—1945)—финансово-коммерческий деятель. Служил чиновником по особым поручениям в Европе (1910—1920-е). Издавал в Швейцарии Вестник Российской торговой палаты (1917—1920). Один из руководителей Международного комитета по подготовке 100-летнего юбилея А. С. Пушкина в Женеве.

[8] *Сестра*—Головина А. С. См. письмо 81 к А. А. Тесковой и комментарий 1 к нему (т. 6).

23

[1] См. также письмо 12 к Н. Вундерли-Фолькарт.

[2] Из стихотворения М. Цветаевой «Тридцатая годовщина//Союза—верней любви...» из цикла «Стол» (см. т. 2).

[3] М. М. Штранге.

[4] Фантон де Верайон Петр Петрович *(В. Лосская.* С. 168).

[5] *..le petit Marcel*—Марсель Пруст. Прозван «маленьким Марселем» за свой рост и тщедушный вид. *...написать еще раз смерть Берготта*—в последнем романе М. Пруста «Обретенное время» из цикла романов «В поисках утраченного времени» описана смерть героя книги Берготта. В своем эссе «Трагическая жизнь Марселя Пруста» С. Цвейг писал о последних днях писателя: «...умирающий, он бросается навстречу неизбежной смерти с единственным оружием художника—со способностью наблюдать. Героически, до последнего часа, анализирует он свое состояние, и эти последние записи, внесенные им уже в корректуру, покажут смерть героя книги Берготта еще более выразительной, более правдивой, внесут в описание самые интимные детали, те последние, которые писатель знать не мог, которые известны лишь умирающему». (Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М.: Терра, 1993. С. 445.)

[6] *Гейлингенштадтское завещание*—имеется в виду письмо Бетховена от 6 октября 1802 г., написанное им в форме завещания в прусском городке Гейлингенштадте. Цветаева не совсем точно его цитирует. Правильно: «...schon in meinem 28 Jahre gezwungen Philosoph zu werden, es ist nicht leicht für den Künstler schwerer als irgend jemand...» («...уже в мои 28 лет быть вынужденным становиться философом—это не легко, для художника еще тяжелее, чем для кого бы то ни было...»). Бетховен Л. ван. Гейлингенштадтское завещание. Веймар, 1947. С. 4.

[7] См. очерк «Пленный дух» (т. 4).

[8] *Муравьев-Апостол* (Муравьев-Апостол-Карабьин) Владимир Владимирович (умер в Швейцарии в октябре 1937 г.)—бывший камергер Высочайшего Двора. Председатель Пушкинского комитета в Женеве. *Гонч-Оглуев* (правильно: Генч-Оглуев) Христиан (Федор) Степанович—казначей этого же комитета, входил, как и Фелькнер, в Совет Российского торгово-промышленного и финансового союза в Париже. Умер в Париже в июле 1937 г.

[9] Имеются в виду выступления Цветаевой на пушкинских вечерах.

24

[1] Из стихотворения М. Цветаевой «Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды...» из цикла «Провода» (1923). См. т. 2.

25

[1] Кроме образованного в Париже в феврале 1935 г. Пушкинского зарубежного комитета по подготовке и проведению 100-летнего юбилея со дня смерти поэта (председатель—В. А. Маклаков, товарищи председателя—И. А. Бунин,

П. Н. Милюков, М. М. Федоров), подобные комитеты были созданы еще в 36 странах.

[2] *Суворов* Александр Васильевич (1729–1800)–русский полководец, генералиссимус. Жена Фелькнера–Петкович Вера Андреевна–была его пра-пра-правнучкой.

[3] *Александр III* (1845–1894)–российский император с 1881 г.

[4] Цветаева называет имена членов Международного Пушкинского комитета в Женеве. *Traz Robert* (Траз Роберт де; 1884–1951)–швейцарский писатель, прозаик. *Chenevière* (Шеневьер Жак; 1886–1976)–швейцарский писатель-новелист (франкоязычный). *Bouvier Bernard* (Бувье Бернар)–писатель, профессор Женевского университета. *Ziegler* (Циглер Хенри; 1885–ок. 1970)–швейцарский писатель (франкоязычный).

[5] То есть за счет своих французских переводов Пушкина.

[6] Дмитрий Владимирович *Цветаев* (см. комментарий к очерку «Черт», т. 5) около двадцати лет преподавал историю в Варшавском университете. *Барсов* Николай Павлович (1839–1889)–историк, профессор Варшавского университета. На его похоронах 23 ноября 1889 г. Д. И. Цветаев выступал с прощальной речью. *Союз русского народа*–черносотенная организация (1905–1917). Распущен после февральской революции.

[7] *Предок Фелькнера*–о ком пишет Цветаева, неизвестно. Возможно, речь идет об одном из Фелькнеров: Николай Александрович (1817–1878)–горный инженер, член Горного совета; Иван Федорович (XVIII в.)–управляющий золотыми приисками; Федор Иванович (1802–1877)–горный инженер, член Горного совета. Однако никто из них не мог служить при Анне Иоанновне (1693–1740).

[8] *Савина* (урожденная Подраменцова) Мария Гавриловна (1854–1915)–актриса Александринского театра.

...бывший секретарь... сводил Художественный театр с немцами–В. М. Фелькнер, находясь в конце 1890-х годов в Берлине (он служил помощником российского финансового агента), помогал М. Г. Савиной и ее издателю Анатолию Евграфовичу Молчанову (1856–1921; третий муж М. Г. Савиной) берлинскими публикациями о гастролях савинской труппы для будущей книги. (См.: Русское сценическое искусство за границей. Артистическая поездка М. Г. Савиной в Берлин и Прагу. Спб., 1909.)

[9] А. П. Чехов умер в Германии, куда в начале июня 1904 г. уехал для лечения туберкулеза. Гроб с телом Чехова был перевезен в Москву. Захоронение состоялось на Новодевичьем монастырском кладбище.

[10] *Ольга Леонардовна* Книппер-Чехова (1868–1959)–актриса МХТ, жена А. П. Чехова.

[11] Пушкинские переводы Цветаевой воспринимались неоднозначно. В. Вейдле писал по этому поводу: «Для русского уха переводы эти прекрасны, но как только я перестроил свое на французский лад, я и сам заметил, что для французов они хорошо звучать не будут». (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 412.) См. также письмо 2 к В. В. Вейдле и комментарий 2 к нему.

[12] В воображении Цветаевой возникает картина, сложившаяся из разных лиц и событий.

Вильгельм, надевающий брошку Савиной...–Речь идет об эпизоде, имевшем место в 1899 г. во время гастролей Савиной в Берлине. После спектакля «Василиса Мелентьева» (по пьесе А. Н. Островского) присутствующий на нем германский император Вильгельм II (1859–1941) пригласил в свою ложу исполнительниц главных ролей, Савину и Стравинскую (играла царицу Анну). На следующий день в письме к И. А. Всеволожскому Савина писала о встрече с императором: «Удостоена высочайшей благодарности и подарка,–*браслет* (курсив наш.–*Сост.*), осыпанный рубинами с бриллиантовым орлом,–переданного собственноручно. Его величество был в русском мундире, окружен свитой. ...выразил

много лестного по моему адресу. ...подобную же *брошь* (курсив наш.— *Сост.)* получила актриса Стравинская». (Указ. выше издание. С. 84—85.) *Стравинская* Инна Александровна (1876—1970)—актриса.

Лига Наций—международная организация, учрежденная в 1919 г. и имевшая целью развитие сотрудничества между народами.

Львов Георгий Евгеньевич, князь (1861—1925)—земский деятель, один из руководителей Земгора. В 1917 г. (март-июль)—глава Временного правительства. В 1918 г. эмигрировал во Францию.

Литвинов (настоящие фамилия и имя Валлах Макс) Максим Максимов (1876—1951)—государственный партийный деятель. С 1918 г.— член коллегии Нарко идел.

[13] По-видимому, описка Цветаевой, и речь идет о Игоре *Платоновиче* Демидове (см. письмо к нему), ближайшем сотруднике П. Н. Милюкова в редакции «Последних новостей».

[14] Листочек не сохранился.

26

[1] Штейгер (урожденная Михайлова) Анна Петровна (1882—1967).

[2] *Стефания Баденская*—дочь герцога Клода Богарне (1756—1819), в 1806 г. вышла замуж за герцога Баденского. *...сложное родство*—жена Наполеона, Жозефина, первым браком была замужем за виконтом Александром Богарне (1760—1794), представителем старшего рода Богарне (Клод, муж Стефании, относился к младшей линии рода). *...ее сыном*—ходили слухи, что Хаузер был похищенным сыном Стефании Баденской.

[3] *Wasserman* (Вассерман)—см. письмо к О. Обри и комментарий 2 к нему. *(Der) Fall Maurizius* (1928) и *Etzel Andergast* (1931)—части трилогии Вассермана о жизни немецкой молодежи. *Kaspar Hauser*—см. письмо к О. Обри и комментарий 2 к нему.

[4] «Дневник по та» Альфреда де Виньи, опубликованный после смерти по та (1867).

[5] См. также письмо 95 к А. А. Тесковой.

[6] В ответном (единственном сохранившемся) письме от 18 сентября 1936 г. Штейгер писал Цветаевой: «Да, Вы можете быть, если захотите—«ледянее звезды». Я всегда этого боялся...» (Цветаева М. «Хотите ко мне в сыновья?» С. 67).

[7] В том же письме Штейгер писал: «Вы так сильны и богаты, что людей, которых Вы встречаете, Вы пересоздаете для себя по-своему, а когда их подлинное, настоящее, все же прорывается,—Вы поражаетесь ничтожеству тех, на ком только что лежал Ваш отблеск,—пото у что он больше на них не лежит». (Там же.)

[8] См. комментарий 1 к письму 8 к А. Берг.

[9] По поводу «визионерства» Цветаевой Штейгер писал ей: «Вы совершенно правы, конечно Вы «визионер». Но каково тем, кого Вы «увидите», насмотритесь и потом перестаете видеть». (Там же.)

[10] По-видимому, Цветаева благодарит Штейгера за фотографии могилы Рильке (на кладбище близ поселка). См. также письмо 95 к А. А. Тесковой (т. 6).

[11] См. комментарий 1 к письму 32 к А. А. Тесковой (т. 6).

[12] См. комментарий 1 к письму 19 к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

27

[1] Письмо отправлено не было. См. следующее письмо («В другом письме, неотправленном...»).

[2] Колонна, установленная на Вандомской площади в Париже (1806—1810) в честь побед Наполеона.

[3] Из «Записок Мальте Лауридса Бригге» Рильке.

[4] *Мюргер* — французский писатель Анри Мюржэ (1822—1861), прошедший школу первых литературных навыков в среде артистической богемы. Автор книг «Сцены из жизни богемы», «Сцены из жизни молодых людей» и др.

[5] ...*«смотр поэтов»* — вероятнее всего, речь идет о большом вечере поэтов, состоявшемся 15 февраля 1936 г. в Salle des Sociétés Savantes (а не в Salle Trocadero, как пишет Цветаева). Предполагалось, что в вечере примут участие более тридцати поэтов. См. также письмо 90 к А. А. Тесковой (т. 6).

28

[1] Слова Штейгера. В его письме к Цветаевой (см. выше): «Между моим этим письмом на 16 страницах* и моим последним письмом — нет никакой разницы. Ни в тоне, ни в содержании, ни в искренности — никакой.

Но зато какая разница в Ваших ответах на эти письма...» (Там же. С. 67).

[2] Стихотворение М. Цветаевой из цикла «Комедьянт» (1918). См. т. 1.

[3] В своем письме к Цветаевой Штейгер пытался защитить Адамовича: «...Адамович пишет ведь не только капризные критические статьи по газетам. Если Вы читали его комментарий в «Числах» и Совр⟨еменных⟩ Зап⟨исках⟩, «Рамона ортиса»** в «Числах», некоторые его стихи, то неужели Вы все же будете обвинять и Адамовича в ничтожестве... Но этот спор бесполезен...» (Там же. С. 68). Позднее, в письме к Ю. П. Иваску, Цветаева назовет Штейгера «выкормышем» Адамовича.

[4] ...*внимая ужасам войны...* — начальная строка стихотворения без названия Н. А. Некрасова (1855). Написано под впечатлением от Крымской войны.

[5] *Шуберт* Франц (1797—1828) — австрийский композитор. О неразделенной любви Шуберта к графине Каролине Эстергази (1805—1851) один из его современников писал: «Ей он оставался верен до конца своих дней. Каролина ценила Шуберта, ценила его гений, но не отвечала на его любовь...» (Гольдшмидт Г. Франц Шуберт. Жизненный путь. М.: Государственное музыкальное изд-во, 1960. С. 261).

[6] См. комментарий 5 к письму 23.

[7] ...*И рекой, разошедшейся на́ две — //Чтобы остров создать — и обнять* — из стихотворения М. Цветаевой «Обнимаю тебя кругозором...» из цикла «Стихи сироте», обращенного к Штейгеру (см. т. 2).

29

[1] По-видимому, после встречи Цветаевой со Штейгером в Париже 22 ноября 1936 г. (см. письмо 10 к Ю. П. Иваску), вестей от него не было.

[2] Ср. строки «Та́к вплелась в мои русые пряди — //Не одна серебристая прядь!» из стихотворения «Обнимаю тебя кругозором...» (см. выше).

[3] Наиболее вероятно, что речь идет о вечере лирики Цветаевой, который состоялся 5 лет назад, 17 декабря 1931 г. По-видимому, на этом вечере состоялось знакомство Цветаевой со Штейгером, ибо 27 января 1932 г. Цветаева впервые упоминает Штейгера в письме к А. А. Тесковой (письмо 64 и комментарий 8 к нему, т. 6).

[4] Описка: правильно — *ноября*.

[5] То есть цикл «Стихи сироте».

30

[1] Е. К. Цветковская, жена Бальмонта.

---

* То есть письмом-исповедью. См. письмо 1 и комментарий 1 к нему.

** Рассказ Г. Адамовича (Париж. Числа. 1931. № 5).

П. БАЛАКШИНУ

Vanves (Seine)
65, rue J. B. Potin
25-го окт⟨ября⟩ 1936 г., суббота

ПИСЬМО В ЗЕМЛЮ КОЛУМБА

— На такое письмо нельзя не отозваться: если бы я на такое письмо могла не отозваться, я бы не могла написать *Нездешнего Вечера* и, следовательно, такого письма — получить.

Если бы я могла Вам не ответить — Вы бы не могли мне написать.

Такой отзвук — дороже дорогого. Рука через океан — что больше?

Рада, сердечно рада и Вашей зависти, которая есть не зависть, а чистый восторг, чистейшее из чувств.

Еще одному рада, что Вы из *Нездешнего Вечера* отметили не Кузмина, не фигуры несхожих друзей (кто «Леня» — Вы наверное догадались: лицо *историческое* и даже *роковое*)[1]... а скромные, второстепенные, еле выведенные мною из уже вечного тумана фигуры моих дорогих редакторов, которые столько сделали добра писателям и особенно поэтам, и которых все забыли.

Вам спасибо — мы им позавидовали!

А теперь, после благодарности, просьба. Вы бы мне очень удружили, если бы — из Вашей колумбовой земли — на Вашем редакторском бланке (NB! сейчас объясню) написали бы несколько удовлетворенных слов о моей прозе — *Современным Запискам*. Каждый раз, когда посылаю свою прозу (да и стихи!) — мука настоящая. Здесь сократят, это уберут, это не относится к теме, то носит частный характер — там мне выбросили всю мать поэта Макса Волошина, выросшую на коленях пленного Шамиля, настоящую героиню романа, и, еще лучше, лесковской повести, — там, например, пытались выключить (и только письмо из заграницы — а именно: Штутгарта[2], подписанное рядом лиц, подействовало) весь конец (конец поэта и конец вещи) *моего Живого* о живом (о М. Волошине), от последних слов поэта: — Схороните меня на самом высоком месте — до этих похорон его на головокружительном утесе в скале. Так, например, не вз ли («читателям неинтересно») мою встречу с Блоком, с собственноручной записью моей тогда шестилетней дочери о Блоке, — так и лежит вещь[3], никому не понадобившись, а была она (да и есть) ничуть не хуже *Пленного Духа* или *Нездешнего Вечера,* а по теме (Блок) м. б. и покрупнее.

Дело в том (это совершенно между нами), что редакция С⟨овременных⟩ З⟨аписок⟩ состоит из общественных деятелей, о Максе Волошине, напр⟨имер⟩, Осипе Мандельштаме и т. д. от меня слышавших впервые, а Белого знающих по берлинским скандалам: исступленным его танцам, пьянству и т. д.

Ваш отзыв, как редактора, да еще из такого далека, *мне* будет большим подспорьем. Я очень одинока в своей работе, близких друзей, верней — у нее (моей работы) среди писателей нет: для старых (Бунин, Зайцев и т. д.) я слишком *нова* (и сложна), для молодых — думаете: стара? — не-ет! слишком *сильна* (и проста). «Молодые» в большинстве — эстеты и воспевают неодушевленные предметы, либо — самый одушевленный из них — *человека* превращают в неодушевленный предмет. Мне здесь (и здесь!) ни с кем не по дороге.

Мне, например, страшно хочется написать о Пушкине — Мой Пушкин — дошкольный, хрестоматический, тайком читанный, а дальше — юношеский — и т. д. — *мой* Пушкин — через всю жизнь — Вы же знаете, как я пишу — но поймите: буду работать по крайней мере месяц, поет — Я, работаю: всем существом, ни на что не глядя, а если и глядя — не видя — а могут не взять (как не взяли *моего* Блока), а у меня же столько невзятых рукописей. Просто — руки опускаются.

Если бы Вы, например, посоветовали С⟨овременным⟩ З⟨апискам⟩ — в виде пожелания (да еще на *бланке,* да еще на *машинке!*) — ...Хорошо бы если бы Ц⟨ветае⟩ва написала о Пушкине». На них такие вещи (со стороны — да еще из другой страны — не говоря уже о другом материале) производят неотразимое впечатление[4].

Благодарность. Просьба. И — должно же быть третье, и оно есть — подарок, а именно: в С⟨ан⟩-Франциско наверное будет мой большой друг Владимир Иванович Лебедев, бывший редактор пражской «Воли России». (Он только что приехал в Нью-Йорк, будет объезжать обе Америки с рядом лекций.) Я напишу ему о Вас, чтобы он Вас посетил, и он Вам обо мне расскажет, и — что лучше — сможет быть Вам очень полезен в Вашем журнале, как опытный, долголетний, просвещенный («Воля России» — единственное место в эмиграции, где меня не обижали!) редактор. Ныне он редактор сербского «Русского Архива» — русского ежемесячника на сербском языке в Белграде, где я тоже сотрудничаю.

И что еще проще — вот его адрес, напишите ему сами, пошлите журнал, пригласите побывать, когда будет в С⟨ан-⟩Франциско — и сошлитесь на меня. Дружу с ним с 1922 г., — моего приезда за границу. Человек он всячески редкостный.

И мне пришлите журнал: если не явно политический (я вне) с большой радостью буду участвовать, но до посылки Вам чего-нибудь хочу увидеть — и общий дух, и физические размеры. Напишите, если будете писать, и о гонораре (хорошее слово с *хорошим* корнем). Да и *свое* имя-отчество, пожалуйста.

Ну вот.

Вот и состоялось — рукопожатие через океан.

М. Цветаева

Балакшин Петр П. (1898—1990) — писатель, литературный критик. После революции эмигрировал. Редактор журнала «Земля Колумба» (Сан-Франциско, 1936—1937).

В начале октября 1936 г. Цветаева получила от Петра Балакшина письмо с восторженным отзывом о ее прозе: «Я только что прочел Вашу статью «Нездешний вечер» и вспомнил статью об Андрее Белом «Пленный дух» в другой книге «Современных Записок»... Как это ценно и важно, какой глубокий памятный след оставляют эти Ваши прекрасные, взволнованные вещи...» (Современник. Торонто. 1975. № 28—29. С. 62). На такое письмо Цветаева, по ее словам, «не могла не отозваться».

Впервые — Современник. Торонто. 1975. № 28—29. С. 63—65. Печатается по тексту первой публикации.

[1] Каннегисер Леонид. См. «Нездешний вечер» и комментарии к нему (т. 4).

[2] Письмо М. В. Сабашниковой. См. комментарий 2 к письму 2 к В. В. Рудневу.

[3] См. письма к В. В. Рудневу и комментарии к ним.

[4] Просьба Цветаевой относительно обращения в «Современные записки» была исполнена Балакшиным незамедлительно. Повлияло ли это письмо

на решение редакции журнала, неизвестно, но в № 64 «Современных записок» (1937) «Мой Пушкин» Цветаевой был опубликован. Хотя В. Руднев был «не уверен, что о Пушкине она смогла бы дать столь же блестящую статью, как о ряде своих современников» (Его письмо к Балакшину — Современник. С. 65).

В. В. ВЕЙДЛЕ

1

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
30-го ноября 1936 г., понедельник

Многоуважаемый Владимир Васильевич,

Ряд моих пушкинских стихов сейчас на руках у М. Л. Слонима, который обещал мне их, по возможности, устроить[1] (упоминал о Mesures)[2] — но это уже было давно, и я о дальнейшей судьбе их ничего не знаю.

Одновременно пишу и ему, выясняя — если взяты — то *какие*, и *куда*, и *наверное ли*. Тотчас же по получении ответа извещу Вас — надеюсь, еще *до* Вашего пятничного свидания с Mesures.

У меня переводов *много*, хватило бы на ряд мест.

Итак — ждите весточки.

Сердечное Вам спасибо за участие.

МЦ.

Если увидите В⟨ладислава⟩ Ф⟨елициановича⟩[3] — сердечный мой привет ему.

2

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
26-го мая 1937 г., четверг

Дорогой Владимир Васильевич,

Очень тронута неизменностью Вашего участья[1]. — *Ничего* не получила, — они наверное думают, что на гонорары существует давность и что она — прошла. Но написала я им еще до давности — с месяц назад — и тоже ничего.

Если Вам не трудно, возьмите у них за меня и известите — мне гораздо приятнее получить от Вас и у Вас, чем *не*-получить в редакции, в которую я совсем не знаю как ехать. (А м. б. и редакции уже нет? Т. е. журнал давно кончился и «directeurs»* поделили между собой письменный стол, табурет, машинку и остающиеся экземпляры?)

Жду весточки, сердечно Вас благодарю, приношу извинения за заботу и приветствую.

МЦ.

Вейдле (псевдоним Н. Дашков) Владимир Васильевич (1895 — 1979) — историк искусства и литературы, критик, поэт. В 1924 г. покинул Россию. Преподавал историю искусств в парижском Богословском институте. Автор нескольких статей, посвященных творчеству Цветаевой.

* Дирекция *(фр.)*.

Цветаеву с Вейдле познакомил Ходасевич в январе 1934 г. на Сергиевском Подворье, после панихиды по Андрею Белому. Подробнее об отношениях Цветаевой и Вейдле см. его воспоминания (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 410—412).

Впервые—*ЛО*. 1990. № 7. С. 104 (публикация Дж. Малмстада). Публикуется по тексту первой публикации.

1

[1] О попытках М. Л. Слонима напечатать переводы пушкинских стихов см. также письмо 100 к А. А. Тесковой (т. 6) и письмо 11 к Ю. П. Иваску.

Здесь уместно отметить, что к этому времени Слоним уже опубликовал один французский стихотворный текст Цветаевой. Речь идет об автопереводе стихотворения «La neige» («Снег»), который Цветаева предоставила для «Anthologie de la littérature soviétique» («Антология советской литературы»)—1918—1934. Paris, Gallimard, 1935,—по-видимому, по просьбе Слонима как соредактора сборника. Вот его оригинальный текст и подстрочный перевод (выполнен Ю. П. Клюкиным.—Филологические науки. 1986. № 4. С. 70—71):

Neige, neige,	Снег, снег,
Plus blanche que linge,	Белее белья,
Femme-lige	Верная служка
Du sort: blanche neige.	Судьбы: белый снег.
Sortilège!	Волшебство!
Que suis-je et où vais-je?	Кто я и куда иду?
Sortirai-je	Выйду ль
Vif de cette terre	Живым из этой земли
Neuve? Neige,	Новой? Снег,
Plus blanche que page	Белее страницы
Neuve. Neige,	Новой. Снег,
Plus blanche que rage	Белее ярости
Slave...	Славянской...
Rafale, rafale	Вьюга, вьюга
Aux mille pétales,	Тысячами лепестков,
Aux mille coupoles,	Тысячами куполов,
Rafale-la-Folle!	Вьюга-Безумство!
Toi une, toi foule,	Ты одна, ты толпа,
Toi mille, toi râle,	Ты тысяча, ты хрип,
Rafale-la Soûle,	Вьюга-Разгул,
Rafale-la-Pâle,	Вьюга-Мертвенность,
Débride, détèle,	Разнуздываешь, распрягаешь,
Désole, détale,	Разоряешь, убегаешь,
A grands coups de pelle,	Сокрушающими ударами заступа,
A grands coups de balle.	Сокрушающими ударами пуль.
Cavale de flame,	Огненная кобылица,
Fatale Mongole,	Роковой Монгол,
Rafale-la-Femme,	Вьюга-Женщина,
Rafale: raffole.	Вьюга: упоение.

(1923)

Русский оригинал стихотворения «Снег» пока не обнаружен.

[2] «*Mesures*»—французский литературный журнал (1935—1940).

[3] В. Ф. Ходасевич.

2

[1] *...Вашего участия* — Вейдле писал позже: «Услуга состояла в том, что по моей рекомендации журнал доминиканцев с улицы Латур-Мобур («La Vie Intellectuelle») напечатал несколько ею переведенных пушкинских стихотворений ⟨...⟩ Я хотел их устроить в Nouvelle Revue Française, но это мне не удалось. Дело в том, что Цветаева невольно подменила французскую метрику русской ⟨...⟩ Не сказал я об этом Цветаевой, да и о неудаче в N.R.F. не сообщил». (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 412.)

В журнале «La Vie Intellectuelle» были напечатаны два перевода Цветаевой: Песня Председателя из «Пира во время чумы» и «Няне» (Paris. 1937. Vol. XLVIII. № 2. С. 316–318).

Л. Б. САВИНКОВУ

12-го декабря 1936 г., суббота.

Милый Лёва,

Мне срочно нужен *точный* почтовый адрес Штейгера — в связи с его вечером[1].

Во-вторых: не знаете ли Вы, *где* он в данную минуту — в Париже или зáгородом.

В-третьих: если он зáгородом — не знаете ли Вы точный маршрут к нему: ехать до Château de Vincennes — а потом?

Очень прошу Вас сразу мне ответить, по возможности — pneu. Марки прилагаю.

Всего доброго. Спасибо заранее.

МЦветаева

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin

Наш № *65*, а не 33, а то может выйти путаница.

Савинков Лев Борисович (1912–1987) — поэт, журналист; сын Б. В. Савинкова от второго брака. Работал водителем грузовика. В 1936 г. в Париже выпустил единственный сборник стихов «Аванпост». Летом в 1928 г. в Понтайяке был в группе отдыхающих вместе с Цветаевой.

Впервые — Марина Цветаева. Письма к Анатолию Штейгеру (Калининград. Московская обл.: Музей М. И. Цветаевой в Болшеве; Издательство «Луч-1», 1994. С. 142). Печатается по тексту первой публикации.

[1] О вечере Штейгера см. письмо 11 к Ю. П. Иваску и комментарий 7 к нему.

АНДРЕ ЖИДУ

⟨Январь 1937⟩

Господин Андре Жид, пишет Вам русский поэт, переводы которого находятся у Вас в руках. Я работала над ними шесть месяцев — две тетради черновиков в 200 стр⟨аниц⟩ каждая — и у некоторых стихотворений по *14* вариантов. Время тут ни при чем — хотя все же

нет, чуть причем, быть может для читателя, но я Вам говорю, как собрат, ибо время это работа, которую в дело вкладываешь.

Чего я хотела больше всего, это возможно ближе следовать Пушкину, но не рабски, что неминуемо заставило бы меня остаться позади, за текстом и за поэтом. И каждый раз, как я желала поработить себя, стихи от этого теряли. Вот один пример, среди многих[1],

написанные стихи:

...Pour ton pays aux belles fables
Pour les lauriers de ta patrie
Tu délaissais ce sol fatal
Tu t'en allais m'ôtant la vie*,

4-я строфа:

Tu me disais: — Demain, mon ange,
Là-bas, au bout de l'horizon,
Sous l'oranger chargé d'oranges
Nos coeurs et lèvres se joindront**.

Дословный перевод: Tu me disais: A l'heure de notre rencontre — Sous un ciel étenellement bleu — A l'ombre des olives — les baisers de l'amour — Nous réunirons, mon amie, á nouveau***.

Итак, во французской прозе:

A l'ombre des olives nous unirons, mon amie, *nos* baisers á nouveau****.

Во-первых, по-русски, как и по-французски, соединяют уста в лобзаньи, а не *лобзанье, которое* есть соединение уст.

Значит Пушкин, стесненный стихосложением, позволяет себе здесь «поэтическую вольность», которуя я, переводчик, имею полное право не позволять себе, и даже не имею никакого права себе позволить.

Во-вторых, Пушкин говорит об оливковом дереве, что для северного человека означает Грецию и Италию. Но я, пишущая на французском языке, для французов, должна считаться с Францией, для которой оливковое дерево, это *Прованс* (и даже Мирей)[2]. Что же я хочу? Дать образ Юга дальнего, юга иностранного. Поэтому я скажу *апельсиновое дерево* и *апельсин.*

---

* Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой. *(А. С. Пушкин)*

(*Обратный перевод* с французского здесь и далее *В. Лосской*)
Ради отчизны с прекрасными сказками,
Ради своей родины,
Ты покидала край роковой,
Оставив меня безжизненным.

** Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим». *(А. С. Пушкин)*

*** Ты мне говорила: в час нашей встречи — Под небом вечно голубым — В тени олив — лобзанья любви — Нас вновь объединят.

**** В тени олив мы соединим, друг мой, наши лобзанья вновь.

Вариант:

Tu me disais: sur une rive
D'azur, au bout de l'horizon
Sous l'olivier chargé d'olives
Nos coeurs et lèvres se joindront*.

Но: оливковое дерево наводит на мысль об ином союзе, чем союз любви: о дружественном союзе, или о союзе Бога с человеком... вплоть до S. D. N.[3], а никак не о союзе любви (или любовном единении).

Второе: плод оливкового дерева мал и тверд, тогда как апельсин всегда неповторим и создает гораздо лучше видение ностальгии (по-русски *тоски*) любовной.

Вы понимаете меня?

И еще одна подробность: апельсиновое или лимонное дерево не существует по-русски в одном слове: это всегда *дерево* апельсина, *дерево* лимона.

Таким образом Пушкин не захотел дать южное дерево, или даже Юг в дереве и у него не оставалось выбора, поэтому он взял иностранное слово «оливковое дерево» и переделал его в русское слово «олива». Если бы апельсиновое дерево существовало, он несомненно выбрал бы его.

Итак:

Tu me disais: — Demain, cher ange,
Là-bas, au bout de l'horizon,
Sous l'oranger chargé d'oranges
Nos coeurs et lèvres se joindront**.

Ангел мой родной — этого нет в тексте, нет в этом тексте, но это речь целой эпохи, все, мужского или женского рода, все, пока они любили друг друга были: ангел мой родной, даже среди женщин, даже среди друзей; ангел мой родной! слова бесполые, слова души, наверняка произнесенные женщиной, которую Пушкин провожал, прощаясь с ней навсегда. И еще одна мелкая подробность, которая, быть может, заставит Вас улыбнуться.

Пушкин был некрасив. Он был скорее уродом. Маленького роста, смуглый, со светлыми глазами, негритянскими чертами лица — с обезьяньей живостью (так его и называли студенты, которые его обожали) — так вот, Андре Жид, я хотела, чтобы в последний раз, моими устами, этот негр-обезьяна был назван «ангел мой родной». Через сто лет — в последний раз — *ангел мой родной.*

Читая другие переводы, я вполне спокойна за ту вольность, которую я себе позволила.

---

* Ты мне говорила: на лазурном берегу,
На краю горизонта,
Под деревом, отягченным оливками,
Наши сердца и уста соединятся.

** Ты говорила мне: завтра, ангел мой родной,
Там на краю небосвода,
Под деревом, отягченным апельсинами,
Наши сердца и уста соединятся.

Вот еще один пример моей неволи
Прощанье с морем, строфа 6:

Que n'ai—je pu pour tes tempêtes
Quitter ce bord qui m'est prison!
De tout mon coeur te faire fête,
En proclamant de crête en crête
Ma poétique évasion*.

Дословный перевод: Je n'ai pas réussi à quitter à jamais—Cet ennuyeux, cet immobile rivage—Te féliciter de mes ravissements Et diriger par dessus tes crêtes—Ma poétique évasion**.

Переложение первое и *соблазнительное:*

1. Que n' i je pu d'un *bond d'athlète*
*Quitter ce bord qui m'est prison...****

Пушкин был атлетом, телом и душой, ходок, пловец и т. д. неутомимый (Слова одного из тех, кто позже положат его в гроб: это были мышцы *атлета,* а не *поэта.*)[4]

Он обожал *эфеба*[5]. Это было бы *биографической* чертой.

Во-вторых: *прыг* и *брег.* Соблазнительное видение полубога, наконец освободившегося, который покидает берег одним прыжком, единственный, и оказывается в середине моря и воли. (Вы меня понимаете, ибо видите это.)

Тот Пушкин, сдержанный всей тупостью судьбы, Царя, Севера, Холода

— освобождающийся *одним прыжком.*

И, в-третьих (и это во мне только третье:) звук, созвучье слов: *прыг* и *брег,* эта *почти-рифма.*

Так вот, Андре Жид, я *не* поддалась соблазну и, скромно, почти банально:

Que n'ai—je pu pour tes tempêtes
Quitter ce bord qui m'est prison!****

---

* К морю, строфа 6:
Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег! *(А. С. Пушкин).*

(Обратный перевод:)

Почему не удалось мне, ради твои бурь,
Покинуть берег этот, который мне—тюрьма,
От всего сердца праздновать тебя,
Воспевая от хребта к хребту
Мой поэтический побег.

** Мне не удалось покинуть навсегда—Этот скучный неподвижный берег—Чествовать тебя своими восторгами—И направить поверх твоих хребтов—Мой поэтический побег.

*** Что же не смог я *прыжком атлета*
Покинуть этот берег-тюрьму...

**** Что же не смог я ради твоих бурь
Покинуть этот для меня берег-тюрьму!

Ибо 1) атлет перекрывает все, всю строфу—мы ее кончили, а атлет еще продолжает свой прыжок, *мой* атлет перекрывает всего поэта в Пушкине, *моего* Пушкина—всего Пушкина, его, Пушкина, и я не имею на него права. Я *должна,* мне пришлось—в себе задавить.

Второе: это романтическое стихотворение, самое романтическое, которое *я знаю,* это—сам Романтизм: Море, Рабство, Наполеон, Байрон, Обожание, а Романтизм не содержит ни слова ни видения *атлета.* Романтизм, это главным образом и повсюду—буря. Итак—*откажемся.*

(Это было одним из самых для меня трудных (отказов) в моей жизни поэ а, говорю это и я в полном сознании, ибо мне пришлось отказываться за другого.)

Дорогой Жид, письмо стало длинным, и я бы никогда его не написала другому французскому поэту, кроме Вас.

Потому что Вы любите Россию, немного с нами знакомы, и потому что стихи мои уже в Ваших руках, хотя не я Вам их вручила,—и это чистая случайность (которую по-французски предпочитаю писать через Z: hazard).

Чтобы Вы могли сориентироваться на меня, как личность: десять лет назад я дружила с Верой, большой и веселой Верой, тогда только что вышедшей замуж и совершенно несчастной[6].

Я была и остаюсь большим другом Бориса Пастернака, посвятившего мне свою большую поэму *1905*[7].

Не маю, чтобы у нас были другие общие друзья.

Я не белая и не красная, не принадлежу ни к какой литературной группе, я живу и работаю одна и *для одиноких существ.*

Я—последний друг Райнера Мария Рильке, его последняя *радость,* его последняя Россия (избранная им родина)... и его последнее, самое последнее стихотворение

ELEGIE
für Marina[8]

которое я никогда не *обнародовала,* потому что ненавижу *всенародное* (Мир это бесчисленные *единицы.* Я—за *каждого* и против *всех*).

Если Вы знаете немецкий и если Вы—тот, которому я пишу в полном доверии, я Вам эту элегию пошлю, тогда Вы лучше будете меня знать.

(Официальные данные)

Не зная русского языка, Вы не можете мне доверять, что касается точности русского текста, я и не хочу, чтобы Вы мне доверяли, поэтому скажу Вам, что:

Поэт, биограф-пушкинист *Ходасевич* (которого все русские знают) и критик Вейдле *ручаются* за *точность* моих переводов.

До свиданья, Андре Жид, наведите справки обо мне, поэте, спросите у моих соотечественников, которые кстати меня не очень любят, но все уважают.

Мы получаем только то, чего хотим и чего стоим.

Кланяюсь Вам братски

Марина Цветаева

P. S. Я уже не молодая, начинала я очень молодой и вот уже 25 лет как я пишу, я не гоняюсь за автографами.

(К тому же Вы можете и не подписываться)

P. S. Переводы эти, предъявленные критиком Вейдле Господину Полану[9], редактору N⟨ouvelle⟩ R⟨evue⟩ F⟨rançaise⟩ ⟨...⟩ были им отвергнуты, по *той причине*, что они не позволяли дать себе отчет о гениальности поэта и являются, в целом, лишь набором общих мест.

Если бы он мне сам сказал, я бы ему ответила:

Господин Полан, то что Вы принимаете за общие места, является *общими идеями* и общими чувствами эпохи, всего 1830 г., всего света: Байрона, В. Гюго, Гейне, Пушкина, и т. д. и т. д.

Александр Пушкин, умерший сто лет назад, не мог писать как Поль Валери или Борис Пастернак.

Перечитайте-ка ваших поэтов 1830, а потом расскажите мне о них.

Если бы я Вам дала Пушкина 1930, Вы бы его приняли, но я бы его предала.

Жид Андре (1869–1951) – французский писатель. На антифашистском конгрессе писателей (1935) был избран в Президиум Ассоциации писателей.

Письменное обращение Цветаевой к Андре Жиду вызвано попыткой пристроить публикацию своих французских переводов Пушкина (см. также письма к З. А. Шаховской и В. В. Вейдле).

Французский оригинал письма впервые опубликован в сборнике материалов о Цветаевой «Песнь жизни» Е. Г. Эткиндом (Париж, 1995). Русский перевод письма, выполненный В. Лосской, публикуется впервые.

[1] В письме Цветаева приводит фрагменты своих переводов из стихотворений А. С. Пушкина «Для берегов отчизны дальной...» и «К морю». Первая строфа первого из указанных переводов представляет собой вариант перевода. В окончательной редакции у Цветаевой: «Pour ton pays aux belles fables//Tu reprenais la vaste mer.//Peine indicible, inenarrable,//J'ai tant pleure, j'ai tant souffert!»

[2] *Прованс* – область на юго-востоке Франции. *Мирей (*Mirèio) – поэма провансальского поэта Фредерика Мистраля (1830–1914), написанная на фольклорном материале и впервые показавшая возможность провансальского литературного языка.

[3] Soviet des Nationalités – Совет Национальностей.

[4] Имеется в виду свидетельство А. О. Россета, переносившего тело Пушкина в гроб: «...мне припоминалось, какого крепкого мускулистого был он сложения, как развивал он свои силы ходьбою». (Вересаев В. Пушкин в жизни. Вып. 4. М., 1927. С. 153.) См. также стихотворение М. Цветаевой «Преодоленье» из цикла «Стихи к Пушкину» (т. 2).

[5] *Эфебы* (греч.) – в Афинах и Спарте свободнорожденные юноши 18–20 лет, проходившие двухлетнюю военную службу.

[6] В. А. Сувчинская (см. письма к ней). По-видимому, была знакома с А. Жидом.

[7] Имеется в виду поэма Б. Пастернака «Лейтенант Шмидт» (а не поэма «Девятьсот пятый год»), которая первоначально была посвящена Цветаевой в акростихе, открывающем публикацию первых глав. (См.: *Переписка Пастернака.* С. 338.)

[8] См. письмо 98 к А. А. Тесковой (т. 6).

[9] *Полан* Жан (1884–1968) – французский писатель, редактор журналов «Le Nouvelle Revue Française» (где сотрудничал Вейдле) и «Mesures» (где публиковались переводы русских писателей).

С. М. ЛИФАРЮ

⟨Около 20 апреля 1937 г.⟩[1]

Многоуважаемый Сергей Михайлович,

Может быть Вы видели мою рукопись Стихов к Пушкину, принесенную мною по просьбе господина Сем⟨енченкова⟩ на выставку?[2] О дальнейшей судьбе ее я не знаю. Полагаю, что она есть на руках у Г⟨осподи⟩на С⟨еменченкова⟩ и очень прошу Вас, если она Вам нужна, взять ее себе — от меня на память. Большинство этих стихотворений никогда не печаталось[3], и они впервые все вместе переписаны.

Я часто вижу Вас на писательских вечерах и потому подумала, что мои стихи, особенно к Пушкину, могут быть Вам радостны.

Лифарь Сергей Михайлович (1905—1987) — танцовщик, хореограф, педагог. С 1923 г. жил во Франции. Один из организаторов и деятелей Пушкинского зарубежного комитета, образовавшегося в Париже в феврале 1935 г. для подготовки и проведения столетия со дня смерти поэта в 1937 г.; устроитель юбилейной выставки «Пушкин и его эпоха».

Впервые — Песнь жизни. Сборник материалов о Цветаевой. Париж, 1995 (публикация Е. Б. Коркиной по рукописной тетради Цветаевой). Печатается по тексту первой публикации.

[1] По записи в тетради письмо отправлено адресату 20 апреля 1937 г.

[2] Выставка «Пушкин и его эпоха» открылась 16 марта 1937 г. в фойе зала Плейель (Salle Pleyel). Цветаева посетила выставку, о чем свидетельствует оставленная ею запись в «золотой книге» Пушкинской выставки (Лифарь С. Моя зарубежная пушкиниана. Париж, 1966. С. 55).

Семенченков А. К. — активный участник выставки, большой знаток книг и гравюр.

[3] «Современные записки» с опубликованными «Стихами к Пушкину» М. Цветаевой вышли в конце апреля.

ДЕТЯМ

⟨Зима 1937/38 года. Ванв.⟩

Милые дети!

Я никогда о вас отдельно не думаю: я всегда думаю, что вы — люди или нелюди, — как мы. Но говорят: что вы *есть*, что вы — особая порода, еще поддающаяся воздействию.

Потому:

— Никогда не лейте зря воды, потому что в эту же секунду из-за отсутствия ее погибает в пустыне человек.

— Но оттого, что я *не* пролью этой воды, ведь он ее не получит!

— Не получит, но на свете станет одним бессмысленным преступлением меньше.

Потому же никогда не бросайте хлеба, а увидите на улице, под ногами, поднимите и положите на ближний забор, ибо есть не только пустыни, где умирают без воды, но и трущобы, где умирают без хлеба. Может быть, этот хлеб заметит голодный, и ему менее совестно будет его взять так, чем с земли.

Никогда не бойтесь смешного, и если видите человека в смешном положении: 1) постарайтесь его из него извлечь, если же невозможно — 2) прыгайте в него к человеку, как в воду, вдвоем глупое положение делится пополам: по половинке на каждого — или же на *худой* конец — не видьте смешного в смешном!

Никогда не говорите, что так *все* делают: все всегда плохо делают, раз так охотно на них ссылаются! (NB! ряд примеров, которые сейчас опускаю.) У «всех» есть второе имя — никто, и совсем нет лица — пробел. Ну а если вам скажут: «Так *никт*о не делает» (не одевается, не думает и т. д.) — отвечайте: «А я — *кто!*»

Не ссылайтесь на «немодно», а только на: «неблагородно».

Не слишком сердитесь на родителей, помните, что они были *вами* и вы будете *ими*.

Кроме того, для вас они — родители, для самих себя — *я́*. Не исчерпывайте их — их родительством.

Не осуждайте своих родителей на́ смерть раньше (своих) сорока лет. А тогда — рука не поднимется!

Увидя на дороге камень — уберите, представьте себе, что это *вы* бежите и расшибаете себе нос; из сочувствия (хотя бы себе — в другом!) уберите.

Не стесняйтесь уступить старшему место в трамвае. Стыдитесь — *не* уступить!

Не отличайте себя от других — в материальном. Другие — это тоже вы, тот же вы. (Все *одинаково* хотят есть, спать, сесть и т. д.)

Не торжествуйте победы над врагом. Достаточно — сознания. После победы — протяните руку.

Не отзывайтесь при других иронически о близком (хотя бы даже о любимом животном!); другие уйдут — свой останется.

Книгу листайте с верхнего угла страницы. Почему? Потому что читают не снизу вверх, а сверху вниз.

Это у вас должно быть в *руке* — как у меня.

Доедая суп, наклоняйте тарелку к себе, а не от себя к другому: чтобы в случае беды пролить суп не на скатерть и не на визави, а на собственные колени.

Когда вам будут говорить: «Это — романтизм», вы спросите: «Что такое романтизм?» — и увидите, что никто не знает; что люди берут в рот (и даже дерутся им! и даже плюются! и запускают вам в лоб!) — слово, смысла которого они не знают.

Когда же окончательно убедитесь, что *не* знают, сами отвечайте бессмертным словом Жуковского:

— «Романтизм — это душа».

Открытое письмо, предназначенное для детского журнала на русском языке.

Впервые — Новый мир. 1969. № 4. С. 210—211, по тексту рукописной тетради. Пуб икация А. С. Эфрон. Печатается по тексту первой публикации.

В. Л. АНДРЕЕВУ

1

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
4-го декабря 1937 г., суббота

Дорогой Вадим,

Сердечное спасибо за привет и приход. Страшно жаль, что не застала — много бы Вам рассказала — и страшного и смешного.

Если можете — достаньте где-нибудь *Le Procès* — Kafka[1] (недавно умершего изумительного чешского писателя) — это я — в те́ дни[2]. А книга эта была последняя, которую я читала *до*. Читала ее на Океане[3], — под блеск, и шум, и говор волн — но волны прошли, а процесс остался. И даже сбылся[4].

— Когда увидимся? Если к вам теперь действительно ходит метро — могли бы как-нибудь выбраться с Муром. Если Вы к нам — только сговорившись — была бы Вам сердечно рада.

Пока же — сердечный привет Вам и Вашим![5] И еще раз — спасибо.

МЦ.

Что С⟨ергей⟩ Я⟨ковлевич⟩ ни в какой уголовщине не замешан, Вы конечно *знаете*[6].

Прочтите Процесс!

2

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
9-го марта 1938 г., среда

Милый Вадим,

Я сейчас разбираю свои и Мурины книги, и у меня оказался целый ящик отдаваемых — детских и юношеских, старинных и современных, — и я подумала о Вас: может быть Вам нужны для Вашей дочки, а также для племянника?[1]

Если *да* — две просьбы: ответить *поскорее* и явиться за ними *поскорее,* чтобы отобрать, а часть и забрать. До Вашего ответа никому показывать не буду, поэтому очень, очень прошу Вас ответить *поскорее* и сразу назначить, когда сможете быть. *Мне* удобнее — утром, *до* завтрака (сможете позавтракать у нас) и хорошо бы — *не* в среду и воскресенье, п. ч. у меня — рынок, но — не знаю Вашего рода работы[2] — м. б. Вы свободны только в воскресенье? Тогда можно и в воскресенье, часам к 11-ти, чтобы я до этого успела на рынок.

До свидания, сердечный привет Вам и Вашим, жду ответа.

МЦ.

P. S. Приезжайте с серьезным вместилищем!

Ехать к нам до конечной станции Mairie d'Issy — идти по улице *явно*-идущей в гору: Auguste Gervais — идти все прямо, прямо до неболь-

шой, мало-заметной площади (площадке*) с еще менее-заметными деревцами в кадках и пышным названием Unter den Linden, т. е. Plase des Tilleuls — ее пересечь *справа налево* и тут же оказаться (по правую руку) на Rue Baudin — ее пройти всю — и оказаться на Av⟨enue⟩ de Clamart (с большими деревьями), по ней — вправо и первая ул⟨ица⟩ налево — J. B. Potin: наш дом — угловой: та руина, к⟨отор⟩ую Вы знаете[3].

Второй этаж, правая дверь.

От метро к нам не более 10 мин⟨ут⟩, если идти по этому маршруту, самому простому и — главное — никого не спрашивать, а то заведут.

Тогда же сговоримся, когда мне у Вас побывать — я давно собираюсь и очень рада буду повидать всех: прежних и новых.

3

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin
17-го мая 1938 г., вторник

Милый Вадим,

Простите, что тогда же не отозвалась на Ваше письмо, *сердечно* меня тронувшее. Но я была (и есмь) *завалена* рукописной и корректорской работой[1].

Посылаю вам вставки в Черта, две счетом[2]. Нужно — каждой по 8 экз⟨емпляров⟩, т. е. придется по два раза печатать, п. ч. оттисков сделать нельзя.

Очень прошу блюсти красную строку: всюду, где с новой строки, ставлю точку (красную).

Бумагу высылаю одновременно, взяла лучшую — чтобы немножко дольше длилась.

Когда кончите, завезите к Маргарите Николаевне[3] — заказным дорого, простым — страшно. М. б. напишете, когда будете?[4] Тогда и я приеду, и побеседуем.

Очень просила бы Вас, милый Вадим, отпечатать и *первый* листок: ЧЕРТ ВСТАВКА (ПРОПУСК) № 1 (и т. д.).

Это мне *очень* сократит работу.

Еще раз — огромное спасибо.

МЦ.

Андреев Вадим Леонидович (1902—1976) — поэт, прозаик, сын Л. Н. Андреева (от первого брака). С 1917 г. в эмиграции. Автор нескольких сборников, публиковался в журналах «Воля России», «Русские записки», «Числа» и др. Во время войны участвовал в движении Сопротивления. В 1946 г. принял советское гражданство.

«Когда мы встретились в первый раз в Париже, в 1925 г., — писал в своих воспоминаниях Вадим Андреев, — я не мог отделаться от двойственного чувства — той Цветаевой, которой я ожидал, — не оказалось: я думал, что она золотоволосая, воздушная, прозрачная — Психея — и вместо этого встретился с женщиной

* Так в рукописи. — *Сост.*

еще очень молодой ⟨...⟩, но поразившей меня своей неженственностью: большие, выразительные мужские руки, движения резкие и порывистые, голос жесткий и отчетливый. Все было в ней резко и неуютно. ⟨...⟩Понадобился не один месяц частых встреч ⟨...⟩, чтобы понять, что вся эта внешняя резкость не настоящее, а игра, маска, прикрывающая подлинного человека и прежде всего человека очень женственного, гордого до болезненности... (Здесь и далее воспоминания В. Л. Андреева цит. по авторизованной машинописи, хранящейся в Русском архиве в Лидсе.) О «заочном» интересе Цветаевой к Вадиму Андрееву (до их личного знакомства) см. письма 27 и 28 к О. Е. Колбасиной-Черновой (т. 6).

Печатаются впервые по копиям с оригиналов, хранящихся в Русском архиве в Лидсе. Публикация подготовлена совместно с проф. Р. Дэвисом, любезно предоставившим их для настоящего издания.

1

[1] *Кафка* Франц (1883—1924)—австрийский писатель. Родился и жил в Праге, окончил юридический факультет Пражского университета. Писал на немецком языке, который был для него родным. В 1917 г. заболел туберкулезом. Умер 3 июня 1924 г. в курортном городке Кирлинге под Веной. *Le Procès* («Процесс», 1915—1918)—незаконченный роман Ф. Кафки, впервые изданный в 1925 г. В нем рассказывается о Иозефе К.—прокурнсте крупного банка, против которого ведет следствие некий неофициальный, но всесильный суд. Поначалу герою кажется, что стоит сделать вид, будто ничего не случилось, и все само собой образуется. Но постепенно тихий омут процесса затягивает его. Когда же герой начинает сопротивляться, отказываясь принять несправедливый закон, его убивают.

[2] *...это я—в тѣ дни.*—Имеется в виду потрясение, которое пережила Цветаева в связи с участием С. Я. Эфрона в убийстве И. Рейсса.

[3] *...на Океане*—С 10 июля по 20 сентября 1937 г. Цветаева с Муром провели в местечке Lacanau-Ocean (департамент Gironde) на берегу океана. См. письмо 103 к А. А. Тесковой (т. 6).

[4] *...процесс—остался ... сбылся*—Цветаева, вероятно, проводит аналогию между ситуацией, в которую попадает герой романа, и событиями, связанными с мужем. Ср. у Кафки: «Кто-то, по-видимому, оклеветал Иозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест». (Ф. Кафка. Америка. Процесс. Из дневников. М.: Политиздат, 1991. С. 243.)

[5] *Вашим*—речь идет о жене В. Л. Андреева, Ольге Викторовне Черновой, и дочери—Ольге (р. 1930 г.), впоследствии художнице, журналисте (по мужу Карлайл).

[6] См. письма 46 и 47 к А. Берг и комментарии к ним. В своих воспоминаниях Вадим Андреев отметил: «После вынужденного отъезда ее мужа М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩ осталась в одиночестве: многие ее бывшие друзья начали усиленно заботиться о „чистоте своих риз“».

2

[1] *Племянник*—сын Д. Г. Резникова и Н. В. Черновой, Андрей (р. 1930 г.).

[2] Одно время Вадим Андреев работал наборщиком на линотипе в типографии (см. в связи с этим письмо 3). В 1939 г. нашел постоянную работу на каучуковом заводе.

[3] Вадим Андреев вспоминал спустя годы: «...я пришел к М⟨арине⟩ И⟨вановне⟩ (она жила за городом, на границе Кламара и Малакова (имеется в виду Ванв.—*Сост.*) в большом доме, с полуобветшалыми лестницами, выбитыми окнами, таинственными закоулками, в доме, который мог бы символизировать нищету рабочего пригорода...»

3

[1] Готовясь к отъезду в Советский Союз, Цветаева приводила в порядок свой архив.

[2] Речь идет о двух больших купюрах, сделанных редакцией «Современных записок» при публикации «Черта» (см. т. 5). Подробнее об этом см. послесловие Р. Кембалла к его публикации указанных купюр в сб.: Русский Альманах. Париж. 1981. С. 34—38.

[3] М. Н. Лебедева.

[4] Андреев просьбу Цветаевой выполнил (см. письмо 2 к В. В. Морковину).

В. В. МОРКОВИНУ

1

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
27-го мая 1938 г., пятница

Милый Вадим!

Обращаюсь к Вам с сердечной и срочной просьбой.

Я проглядела и повырезала всю лебедевскую Волю России за несколько лет (с 1927 г.) — к сожалению — неполную, в поисках своих вещей, и *не* оказалось:

1) моего Крысолова

2) моей Поэмы Лестницы.

Мне обе эти вещи нужны до зарезу.

Указания:

Крысолов печатался в 6-ти книгах, а м. б. даже — в 7-ми, по главе. *Думаю:* начиная с января 1925 г., *может быть* — с февраля[1], и так — шесть или семь книг подряд. За 1925 год отвечаю — всем существом. Мои вещи — моя автобиография.

Лестница писалась летом *1926 г.*, у меня есть первый черновик, там — все даты, и печаталась, нужно думать, осенью — зимой *1926 г.*, может быть — заскочила и в 1927 г.[2], не позже.

Умоляю разыскать и прислать — непременно заказным. Возмещу — хотите книгой? (Старинной, Вы их любите.)

Но — *скорее.* У меня спокойной жизни — самое большое — *месяц,* потом переезд на др⟨угую⟩ квартиру, т. е. долгий и сплошной кошмар.

Умоляю — скорее!

Если можно — несколько экз⟨емпляров⟩, нельзя — один (*очень* бы нужно — несколько!).

Только не присылайте книг — целиком, а аккуратно выньте, *не* отрезая лишних страниц, отрежу — я (говорю о соответствующих страницах, чтобы не было отдельных листков. *Не* режьте, а надрезав ниточки — вынимайте).

Бьюсь над своим 16-летним архивом, и даже — с ним.

Сердечный привет и заранее благодарность!

М. Цветаева

— Крысолов. — Поэма Лестницы.

2

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
15-го мая ⟨июня⟩ 1938 г., среда[1]

Дорогой Вадим!

Бесконечно Вам благодарна, а книжку (старинная) оставлю у Маргариты Николаевны[2], в ее окружении иногда бывают оказии в Прагу.

Из стольких людей, мне за этот год столько! — обещавших, Вы один — исполнили[3]: полностью. И я Вам этого *никогда* не забуду.

Подождите еще немножко: только что получила от другого Вадима (Андреева) вставки в своего Черта — машинные. Проверю и пошлю Вам, Вы — вложите и с Богом! (Там Рудневым (богобоязненным) была выпущена целая глава о священниках и отсечен весь Чертов хвост. Без него всякий хвостатый — жалок.)

Итак — подождите еще немного.

Еще раз — бесконечно Вас благодарю.

МЦ.

Оставлю для Вас еще чернильницу — из которой писала 12 лет[4]. Для *Вас* — не для Булгакова[5]. Все это получите — в свой срок. (Из нее писала и Лестницу.)

P. S. Передайте, пожалуйста, прилагаемый листок г⟨осподину⟩ Постникову[6].

Морковин Вадим Владимирович (1906—1973) — по специальности инженер, поэт, беллетрист. Участвовал в литературном объединении «Скит поэтов» (позже «Скит»), основанном в Праге в 1922 г. А. Л. Бемом. Цветаева и Морковин познакомились в Чехии, когда Морковин был еще юношей. Несколько раз встречались в Париже весной 1938 г., когда Морковин гостил у Лебедевых. Не исключено, что М. И. Цветаева присутствовала на докладе В. В. Морковина «О положении русской литературы в Чехословакии», который состоялся 9 апреля 1938 г. в кафе «Grillon» (Последние новости. 1938. 9 апреля).

Впервые — Československá rusistika. Прага. 1966. № 3. С. 168—169. Печатаются по тексту первой публикации с уточнением датировки второго письма.

1

[1] «Крысолов» начал печататься в апреле 1925 г. (см. т. 3).

[2] Под таким заглавием «Поэма лестницы» была напечатана в № 11 «Воли России» в 1926 г.

2

[1] *15 мая.* — Описка Цветаевой. Должно быть — *июня*. Это следует из сопоставления содержания обоих писем и письма 3 к В. Л. Андрееву. В первом письме Цветаева просит Морковина найти в Праге и прислать ей «Поэму лестницы» и «Крысолова» и обещает в благодарность за это старинную книгу. Судя по второму письму, Морковин частично (за исключением «Крысолова» — см.: Československá rusistika. С. 169) просьбу выполнил. Кроме того, в 1938 г. 15 мая приходилось на воскресенье, а не на *среду*, как указывает Цветаева (зато на среду пришлось 15 июня), и т. п.

[2] М. Н. Лебедева.

[3] Помимо поручений, связанных с поиском своих публикаций, Цветаева просила Морковина передать в Русский культурно-исторический музей, которым заведовал В. Ф. Булгаков, несколько клеенчатых тетрадей, серебряный перстень и свою пишущую ручку. Морковин эти поручения исполнил. (Там же. С. 168.)

[4] Ни обещанная старинная книга, ни чернильница до Морковина не дошли.
[5] См. выше комментарий 3.
[6] *Постников* Сергей Порфирьевич (1883—1965)—общественно-политический деятель, бывший член Учредительного собрания. Литературный критик, библиограф. Заведовал в Праге библиотекой Русского заграничного исторического архива.

ДОНУ АМИНАДО

Vanves, 31-го мая 1938 г.

Милый Дон Аминадо,

Мне совершенно необходимо Вам сказать, что Вы совершенно замечательный поэт. Я уже годы от этого высказывания удерживаюсь—á quoi bon?* —но в конце концов,—несправедливо и неразумно говорить это *всем,* кроме Вас,—который, единственный, к этому отнесется *вполне* серьезно и, что важнее,—не станет спорить. (Остальные же (дураки) Вам верят на слово—веселее.)

Да, совершенно замечательный поэт (инструмент) и куда больше—поэт, чем все те молодые и немолодые поэты, которые печатаются в толстых журналах. В одной Вашей шутке больше *лирической жилы,* чем во всем «на серьёзе».

Я на Вас непрерывно радуюсь и Вам непрерывно рукоплещу—как акробату, который в тысячу первый раз удачно протанцевал на проволоке. Сравнение не обидное. Акробат, ведь это из тех редких ремесел, где всё не на жизнь, а на смерть, и я сама такой акробат.

Но помимо акробатизма, т. е. непрерывной и неизменной *удачи,* у Вас просто—поэтическая сущность, сущность поэта, которой Вы пренебрегли, но и пренебрежа которой Вы—больший поэт, чем те, которые на нее (в себе) молятся. Ваши некоторые шутливые стихи— совсем на краю *настоящих,* ну—одну строку переменить: раз *не пошутите!*—но Вы этого не хотите, и, ей-Богу, в этом нехотении, небрежении, в этом расшвыривании дара на дрянь (дядей и дам)—больше grandezz'ы**, чем во всех их *хотениях, тщениях* и «служениях».

Вы—своим даром—роскошничаете[1].

Конечно, вопрос: могли бы Вы, если бы Вы захотели, этим настоящим поэтом стать? На деле—стать? (Забудем читателя, который глуп, и который и сейчас не видит, что Вы настоящий поэт, и который—заранее—заведомо—*уже от вида Вашего имени*—béatement et bêtement***—смеется—и смеяться *будет*—или читать не будет.)

Быт и шутка, Вас якобы губящие,—не спасают ли они Вас, обещая больше, чем Вы (в чистой лирикé) могли бы сдержать?

---

* К чему? *(фр.)*
** Величия *(ит.).*
*** Блаженно и глупо *(фр.).*

То есть на фоне—*не* газеты без темы дам и драм, которую Вы повсеместно и неизменно перерастаете и которая Вам посему бесконечно выгодна, потому что Вы ее бесконечно—выше—на фоне простого белого листа, вне трамплина (и *физического* соседства) пошлости, политики и преступлений—были бы Вы тем поэтом, которого я предчувствую и подчувствую в каждой Вашей бытовой газетной строке?

Думаю—да, и все таки этого—никогда не будет Говорю не о даре—его у Вас через край, говорю не о поэтической основе—она видна *всюду*—кажется, говорю о Вас человеке

И, кажется, знаю чтобы стать поэтом, стать тем поэтом который Вы *есть* у Вас не хватило любви—к высшим ценностям, ненависти—к низшим Случай Чехова, самого старшего—умного—и безнадежно го—из чеховских героев Самого—чеховского

Что между Вами—и поэтом? Вы человек Привычка к шутке и при вычка к чужой привычке (наклонная плоскость к газетному читателю)—и (наверное!) лень и величайшее (и добродушное) презрение ко всем и себе—а может быть, уж и чувство поздно (т е та же *лень* она матушка!)

Между Вами и поэтом—быт, Вы—в быту, не больше

Не самообольщаюсь писать всерьез Вы *не* будете но мне хочется чтобы Вы знали что был все эти годы (уже скоро—десятилетия!) чело век который на Вас радовался, а не смеялся, и вопреки всем Вашим стараниям—знал Вам цену

Рыбак—рыбака видит издалека

Марина Цветаева

— А дяди' А дамы' Любящие Вас потому что невинно убеждены, что это Вы «Марию Ивановну» и «Ивана Петровича» описываете А редактора' Не понимающие что Вы каждой своей строкой взрываете эмиграцию' Что Вы ее самый жестокий (ибо бескорыстный—и добродушный) судья

Вся Ваша поэзия—самосуд эмиграции над самой собой

Уверяю Вас, что (статьи Милюкова пройдут, а) это—останется Но мне то *ненавидящеи* политику ею—*брезгующеи* жалко что Вы пошли *ей* на потребу

— Привет'—

Дон Аминадо (настоящие имя и фамилия Шполянский Аминад Петрович 1888—1957)—русский писатель поэт-сатирик С 1920 г жил за границей Был постоянным стихотворным фельетонистом газеты «Последние новости»

Лично знакома с Доном Аминадо Цветаева не была хотя они и встречались до эмиграции в России на литературных вечерах (Дон Аминадо Поезд на третьем пути Нью Йорк Изд во имени Чехова 1954 С 136 199)

Впервые—Новый мир 1969 № 4 С 211—213 (по беловой рукописи) Пуб ликация А С Эфрон Печатается по тексту первой публикации

[1] Оценка Цветаевой поэзии Дона Аминадо была позднее горячо поддержана Г В Адамовичем В статье посвященной творчеству Дона Аминадо Адамович процитировав данное письмо Цветаевой далее писал «Далеко не все суждения Марины Цветаевой значительны или хотя бы только интересны Но чутье у нее было острое и в стихах она во всяком случае толк знает С ее оценками в этой области не считаться нельзя Браво' хочется сказать Марине Цветаевой рукопле ща ей как она сама рукоплещет Аминадо Умный она была человек когда хотела когда благоволила умной быть» (Новое русское слово Нью-Йорк 1951 13 мая)

Н. Н. ТУКАЛЕВСКОЙ

1

⟨Начало июня 1939 г.⟩[1]

Дорогая Надежда Николаевна!

Если Вы мне что-нибудь хотите в дорогу — умоляю *кофе:* везти можно много, а у меня — только начатый пакетик, а денег нет совсем. И если бы можно — одну денную рубашку, самую простую, № 44 (*не* больше, но и *не* меньше) на мне — *лохмотья.*

Целую Вас, вечером приду прощаться — начерно, т. е. в последний раз немножко посидеть.

Приду около 9 ч., м. б. в 9 1/2 ч., но приду непременно.

Спасибо за все!

МЦ.

2

⟨11-го июня 1939 г.⟩[1]

— Ау! —

Вчера *целый* день сидели, ожидая телеф⟨она⟩, и к вечеру оказалось, что не едем. Нынче будет то же — возможно — уедем, возможно — нет. Indéfr⟨isable⟩* *не* сделала, п. ч. могла уехать вчера в час — и не решилась сесть под люстру.

Если *не* уедем — Мур завтра утром зайдет. Если *не* зайдет — уехали. До последней минуты ничего не знаем и не можем отлучиться, ибо телефон — через короткие промежутки.

Посылаю пока 10 фр⟨анков⟩ для Тамары[2] (5 были даны раньше) — *если смогу* — оставлю для Вас на столе (Вашем), с посудой, остающиеся 10, не смогу — простите.

Целую.

Спасибо за все!

МЦ.
Воскресенье утром

3

11-го/12-го июня 1939 г.,
12 ч. ночи — воскресенье —

Дорогая Надежда Николаевна,

Когда мы с Муром в 11 ч. вернулись — ничего под дверью не было: мы оба — привычным жестом — посмотрели, а когда мы оба — минуту спустя — оглянулись — письмо лежало, и его за минуту — не было. И шага за дверью — не было.

Сердечное спасибо — и за то, что заметили — последний взгляд: на авось, без всякой надежды (моя слепость).

Вам пишу — последней. Мур спит, дом спит...

...Только одна баба не спит,
На моей коже сидит
(и т. д. — Медведь)[1]

а баба-то — я.

---

* Перманент *(фр.)*.

А медведи-то — там. И мно-ого! Но что я буду *одна* такая баба среди тех медведей — ручаюсь.

Кончаю. *Надо* спать, а то просплю все способы передвижения. *Будильник — уложен* (от страха забыть!). Я — сама себе будильник.

Спасибо, что так трогательно выручили. За *все* спасибо: за чудный Dives[2] — за ту церковь, к которой мы так вторично и не пришли, за наши кладбищенские прогулки — помните? — за самое чудное платье моей жизни — синее — за *все* Мурины штаны (а их было мно-ого: как тех будущих медведей) — за дом, который мне был — родной, за уверенность, что когда и с чем ни приду — обрадую: хотя бы доверием, за неустанность Вашей дружбы, за действенность ее (дружбы — нет: есть — любовь, или любви нет — есть дружба, во всяком случае есть *одно*, а не два, и это *одно — было*).

— Всего не перечислишь — за *все*.

Ну, вот.

Обнимаю от всего сердца, желаю здоровья, досуга, покоя, хорошего лета, хороших *лет,* — свободы!!!

Спасибо за кофе. Спасибо за рубашки. Спасибо за книжку — я Вами *кругом* одарена.

С Вами — уезжаю.

Все сделаю, чтобы Вы обо мне — знали.

Авось! — Даст Бог!

М.

И последняя просьба («Сколько просьб у любимой всегда...»)[3] — КРЫСОЛОВ[4]. Я его писала все раннее Мурино младенчество, в чешской избе, — какие мы тогда с Чехией были счастливые!! Собирали грибы...

Если удастся — окликну еще из Гавра...[5]

Тукалевская Надежда Николаевна — бывшая актриса театра Комиссаржевской и Музыкальной драмы. В эмиграции сначала жила в Чехии, затем в Париже, где работала в конторе газеты «Возрождение».

Впервые — *Вестник РХД*, 1981, № 135. С. 193—195 (публикация Г. Лимонт). Печатается по тексту первой публикации.

1

[1] Датируется по содержанию. Все три письма к Н. Н. Тукалевской написаны Цветаевой накануне отъезда в СССР.

2

[1] Датируется по содержанию (на «воскресенье» в 1939 г. пришлось 11 июня; это было последнее воскресенье Цветаевой за границей).

[2] Тукалевская (по первому мужу — Голуб, во втором браке — Маринова) Тамара Владимировна — дочь Н. Н. Тукалевской, поэтесса, в 1930-е годы входила в поэтическое объединение «Скит». Умерла в 1965 г. в Женеве. Шила для Цветаевой. Сохранилась записка Цветаевой, в которой она просит Т. В. Тукалевскую поскорее закончить пижаму для Мура, чтобы она успела с ней расплатиться — «иначе деньги уйдут». (*Звезда*. 1992. № 10. С. 140.)

3

[1] См. комментарий 5 к письму 13 к В. Н. Буниной.

[2] *Dives* — городок, где Цветаева в 1938 г. провела свой последний летний отдых. Как следует из текста письма, Н. Н. Тукалевская тоже была там вместе с Цветаевой. (См. также письма 65 и 66 к А. Берг.)

[3] Чуть измененная первая строка из стихотворения без названия А. Ахматовой «Столько просьб у любимой всегда!..» (1913).

[4] Просьба, по-видимому, связана с тем обстоятельством, что Цветаева так и не смогла получить для своего архива оттиска «Воли России» с главами «Крысолова» (см. письма к В. В. Морковину). Только неясно тогда, должна ли была Н. Н. Тукалевская в случае, если бы она нашла оттиски, передать их в ту часть архива Цветаевой, которая оставалась у Лебедевых, или каким-то образом переправить Цветаевой в Советскую Россию.

[5] См. комментарий 4 к письму 74 к А. Берг.

А. И. АНДРЕЕВОЙ

Еще-Париж, 8-го июня 1939 г., четверг

Дорогая Анна Ильинична!

Прощайте.

Проститься не удалось, — всё вышло молниеносно.

Спасибо за всё — от Вшенор[1] до Ванва[2] (в которой *Вы* меня завели, а потом сами — уехали, но я не жалею: — «Был дом — как пещера...»)[3]

Спасибо за чудную весну с Максом[4], за прогулки — мимо стольких цветущих заборов — а помните поездку в лес — давнюю — Вы были в своем леопарде, а я — в «кое-чём» — и Мур еще со всего маху наступил в грозовую лужу...

Помню и *буду* помнить — всё.

Уезжаю с громадным, добрым, умным и суровым Муром — помните его рождение? («Сразу видно, что сын интеллигентных родителей!» — Вы, любуясь на резкость его новорожденного профиля). — Дружили мы с вами 14 с половиной лет, — два раза обновилась кожа...[5] (NB! *второй* раз — состарилась!) Ибо мы с вами *никогда* не переставали дружить, хотя и не виделись, просто — расставание (неминуемое) произошло *раньше* отъезда, м. б. — так лучше: и Вам, и мне...

Живописнее, увлекательнее, горячее, *даровитее*, неожиданнее и, в чем-то *глубоком — НАСТОЯЩЕЕ* человека — я никогда не встречу.

Прочтите у М. Н. Л⟨ебедевой⟩[6] мои стихи к Чехии — они мои *любимые* и уже поехали к Бенешу[7] с надписью: — С той верой, которая твéржеская[8].

Жаль уезжать. Я здесь была очень счастлива.

Желаю Вам счастливой Америки с Саввой[9]. Ему — горячий привет. Я его *очень* оценила, и всегда рассказываю о нем (*и о Вас) СКАЗКИ,* которые — *ПРАВДА.*

Обнимаю и *НИКОГДА* не забуду. Мою память, которая есть *сердце,* Вы — знаете.

М.

Андреева (урожденная Денисевич, в первом браке Карницкая; 1883—1948) Анна Ильинична — вдова писателя Л. Н. Андреева. Знакомство М. И. Цветаевой с А. И. Андреевой, состоявшееся в 1924 г. в Чехии, со временем переросло в настоящую дружбу. См. об этом в письме 1 к Л. В. Веприцкой. Более подробно см.: Андреева В. Эхо прошедшего (М.: Сов. писатель, 1986. С. 282—285).

Впервые — в кн.: Эхо прошедшего. С. 346—347 (с многочисленными ошибками). Печатается по тексту публикации, выполненной Е. И. Лубянниковой по копии с оригинала (*Звезда.* 1992. № 10. С. 143).

[1] Чешская деревня *Вшеноры* в 1924—1925 гг. была постоянным местом жительства семей Цветаевой и Андреевой.

[2] Семья Андреевой в 1930-е годы жила в парижском предместье Исси-Ле-Мулино, недалеко от цветаевского дома в Ванве. (*Звезда.* С. 43.)

[3] Из стихотворения Г. В. Адамовича «Был дом, как пещера. О, дай же мне вспомнить...» из его сборника «На Западе» (Париж, 1939. С. 36—37). Это стихотворение Цветаева переписала к себе в тетрадь: « — Себе на память — (2 июня 1939 г., пятница)», приписав под ним: «Чужие стихи, но к⟨отор⟩ые местами могли быть моими — МЦ)». (*Звезда.* С. 44.)

[4] По-видимому, Цветаева пишет о встречах весной 1933 г., когда она готовила к печати очерк «Живое о живом» (см., например, письмо 1 к В. В. Рудневу).

[5] То есть семилетние циклы по аналогии с обновлением шкуры у сказочного змея — шесть старых шкур сбрасываются, остается только седьмая, новая. Ср. стихотворение Цветаевой 1921 г. «Семеро, семеро...» (т. 2).

[6] *Лебедева* М. Н. — см. комментарий 2 к письму 101 к А. А. Тесковой (т. 6).

[7] О том, что Цветаева послала чехословацкому президенту Эдуарду Бенешу свои «Стихи к Чехии», она писала и А. А. Тесковой (письмо 118).

[8] *...твéржеская* — от чешского tvrz (крепость), *tvrdý* (твердый).

[9] *Андреев* Савва Леонидович (1909—1970) — старший сын А. И. Андреевой. Танцовщик, был занят в балетных труппах И. Рубинштейн и «Казино де Пари».

И. МАРИНОВУ

12-го июня 1939 г.[1]

Последний привет! Будьте здоровы и благополучны. Спасибо! Ждем книги. Провожайте мысленно.

М.

Маринов Иван — второй муж Т. В. Тукалевской (См. письма к Н. Н. Тукалевской). Какими-либо сведениями о нем мы не располагаем.

Впервые — *Труды симпозиума в Лозанне*. С. 399 (публикация Жоржа Нива). Печатается по тексту первой публикации.

[1] Открытка написана в Гаврском порту. На ней — изображение корабля «Нормандия». (Там же. С. 399.)

В СЛЕДСТВЕННУЮ ЧАСТЬ НКВД

При отъезде из заграницы в Союз я отправила свой багаж по адресу дочери[1], так как не могла тогда точно знать, где поселюсь по возвращении в Москву.

По прибытии сюда я в течение двух месяцев еще не имела паспорта и поэтому не могла получить багажа, пришедшего в начале августа с⟨его⟩ г⟨ода⟩.

В соответствии с указанием таможни я получила от моей дочери, Ариадны Сергеевны Эфрон, доверенность на принадлежащий мне багаж. Но получить его я тоже еще не могла из-за отсутствия у меня свидетельства с пограничного пункта, которого у меня не имелось, так как я, с сыном 14 лет, ехала специальным пароходом до Ленинграда.

Было возбуждено соответствующее ходатайство о выдаче мне необходимого документа. В это же время, в конце августа, была арестована моя дочь, и багаж оказался, по-видимому, задержанным на таможне.

Я живу загородом, наступает зима, ни у меня ни у сына нет теплой одежды, одеял и обуви, и пока что нет возможности приобрести таковые заново.

Настоящим ходатайствую, в случае если невозможно сейчас получить всего мне принадлежащего багажа, о разрешении на получение мною из него самых необходимых мне и сыну зимних вещей, без которых я не вижу, как мы перезимуем.

О Вашем решении по этому вопросу очень прошу поставить меня в известность[2].

Марина Цветаева

Ст⟨анция⟩ Болшево Северной ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩
Поселок Новый Быт
дача 4/33
Марина Ивановна Цветаева
31-го октября 1939 г.

Впервые — Литературная газета. 1992. 2 сентября (публикация М. Фейнберг и Ю. Клюкина). Печатается по тексту первой публикации.

[1] Цветаева с сыном прибыли в Советский Союз 18 июня 1939 г.; А. С. Эфрон — 18 марта 1939 г. Подробно о последних двух годах жизни Цветаевой в СССР и судьбе ее близких см. в книге М. Белкиной «Скрещение судеб». Изд. 2-е, доп. М.: Благовест; Рудомино, 1992. (По сравнению с первым изданием в книге добавлены страницы о С. Я. Эфроне.)

[2] Разрешение на получение багажа Цветаева получила лишь 25 июля 1940 г., а последний чемодан (в нем находились рукописи) таможня выдала Цветаевой 3 августа.

Л. П. БЕРИИ

1

Голицыно, Белорусской ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩ Дом Отдыха Писателей 23-го декабря 1939 г.

Товарищ Берия,

Обращаюсь к Вам по делу моего мужа, *Сергея Яковлевича Эфрона-Андреева,* и моей дочери — *Ариадны Сергеевны Эфрон,* арестованных: дочь — 27-го августа, муж — 10-го октября сего 1939 года.

Но прежде чем говорить о них, должна сказать Вам несколько слов о себе.

Я — писательница, *Марина Ивановна Цветаева.* В 1922 г. я выехала за границу с советским паспортом и пробыла за границей — в Чехии и Франции — по июнь 1939 г., т. е. 17 лет. В политической жизни эмиграции не участвовала совершенно, — жила семьей и своими писаниями. Сотрудничала главным образом в журналах «Воля России» и «Современные Записки», одно время печаталась в газете «Последние Новости», но оттуда была удалена за то, что открыто приветствовала Маяковского. Вообще — в эмиграции была и слыла одиночкой. («Почему она не едет в Советскую Россию?») В 1936 г. я всю зиму переводила для французского революционного хора (Chorale Révolutionnaire) русские революционные песни, старые и новые, между ними — Похоронный Марш («Вы жертвою пали в борьбе роковой»)[1], а из советских — песню из «Веселых ребят»[2], «Полюшко — ширóко поле»[3], и многие другие. Мои песни — пелись.

В 1937 г. я возобновила советское гражданство, а в июне 1939 г. получила разрешение вернуться в Советский Союз. Вернулась я, вместе с 14-летним сыном Георгием, 18-го июня 1939 г., на пароходе «Мария Ульянова», везшем испанцев.

Причины моего возвращения на родину — страстное устремление туда всей моей семьи: мужа — Сергея Эфрона, дочери — Ариадны Эфрон (уехала первая, в марте 1937 г.) и моего сына Георгия, родившегося за границей, но с ранних лет страстно мечтавшего о Советском Союзе. Желание дать ему родину и будущность. Желание работать у себя. И полное одиночество в эмиграции, с которой меня давным-давно уже не связывало ничто.

При выдаче мне разрешения мне было устно передано, что никогда никаких препятствий к моему возвращению не имелось.

Если нужно сказать о происхождении — я дочь заслуженного профессора Московского Университета, Ивана Владимировича Цветаева, европейской известности филолога (открыл одно древнее наречие, его труд «Осские надписи»), *основателя и собирателя Музея Изящных Искусств* — ныне Музея Изобразительных Искусств. Замысел Музея — его замысел, и весь труд по созданию Музея: изысканию средств, собиранию оригинальных коллекций (между ними — одна из лучших в мире коллекций египетской живописи, добытая отцом у коллекционера Мосолова), выбору и заказу слепков и всему музейному оборудованию — труд моего отца, безвозмездный и любовный труд 14-ти последних лет его жизни. Одно

из ранних моих воспоминаний: отец с матерью едут на Урал выбирать мрамор для музея. Помню привезенные ими мраморные образцы. От казенной квартиры, полагавшейся после открытия Музея отцу, как директору, он отказался и сделал из нее 4 квартиры для мелких служащих. Хоронила его вся Москва — все бесчисленные его слушатели и слушательницы по Университету, Высшим Женским Курсам и Консерватории, и служащие его обоих Музеев (он 25 лет был директором Румянцевского Музея).

Моя мать — Мария Александровна Цветаева, рожд‹енная› Мейн, была выдающаяся музыкантша, первая помощница отца по созданию Музея и рано умерла.

Вот — обо мне.

Теперь о моем муже — Сергее Эфроне.

Сергей Яковлевич Эфрон — сын известной народоволки Елизаветы Петровны Дурново (среди народовольцев «Лиза Дурново») и народовольца Якова Константиновича Эфрона[4]. (В семье хранится его молодая карточка в тюрьме, с казенной печатью: «Яков Константинов Эфрон. Государственный преступник».) О Лизе Дурново мне с любовью и восхищением постоянно рассказывал вернувшийся в 1917 г. Петр Алексеевич Кропоткин, и поныне помнит Николай Морозов[5]. Есть о ней и в книге Степняка «Подпольная Россия»[6], и портрет ее находится в Кропоткинском Музее.

Детство Сергея Эфрона проходит в революционном доме, среди непрерывных обысков и арестов. Почти вся семья сидит: мать — в Петропавловской крепости, старшие дети — Петр, Анна, Елизавета и Вера Эфрон — по разным тюрьмам. У старшего сына, Петра — два побега. Ему грозит смертная казнь и он эмигрирует за границу. В 1905 году Сергею Эфрону, 12-летнему мальчику, уже даются матерью революционные поручения. В 1908 г. Елизавета Петровна Дурново-Эфрон, которой грозит пожизненная крепость, эмигрирует с младшим сыном. В 1909 г. трагически умирает в Париже, — кончает с собой ее 13-летний сын, которого в школе задразнили товарищи, а вслед за ним и она[7]. О ее смерти есть в тогдашней «Юманитэ».

В 1911 г. я встречаюсь с Сергеем Эфроном. Нам 17 и 18 лет. Он туберкулезный. Убит трагической гибелью матери и брата. Серьезен не по летам. Я тут же решаю никогда, что бы ни было, с ним не расставаться и в январе 1912 г. выхожу за него замуж.

В 1913 г. Сергей Эфрон поступает в московский университет, филологический факультет. Но начинается война и он едет братом милосердия на фронт. В Октябре 1917 г. он, только что окончив Петергофскую школу прапорщиков, сражается в Москве в рядах белых и тут же едет в Новочеркасск, куда прибывает одним из первых 200 человек. За все Добровольчество (1917 г. — 1920 г.) — непрерывно в строю, никогда в штабе. Дважды ранен.

Все это, думаю, известно из его предыдущих анкет, а вот что́, может быть, *не* известно: он не только не расстрелял ни одного пленного, а спасал от расстрела всех кого мог, — забирал в свою пулеметную команду. Поворотным пунктом в его убеждениях была

казнь комиссара – у него на глазах – лицо с которым этот комиссар встретил смерть. – «В эту минуту я понял, что наше дело – ненародное дело».

– Но каким образом сын народоволки Лизы Дурново оказывается в рядах белых, а не красных? – Сергей Эфрон это в своей жизни считал роковой ошибкой. Я же прибавлю, что так ошибся не только он, совсем молодой тогда человек, а многие и многие, совершенно сложившиеся люди. В Добровольчестве он видел спасение России и правду, когда он в этом разуверился – он из него ушел, весь, целиком – и никогда уже не оглянулся в ту сторону.

Но возвращаюсь к его биографии. После белой армии – голод в Галлиполи и в Константинополе, и, в 1922 г., переезд в Чехию, в Прагу[8], где поступает в Университет – кончать историко-филологический факультет. В 1923 г. затевает студенческий журнал «Своими Путями» – в отличие от других студентов, ходящих чужими – и основывает студенческий демократический Союз, в отличие от имеющихся монархических. *В своем журнале первый во всей эмиграции перепечатывает советскую прозу (1924 г.)*[9]. С этого часа его «полевение» идет неуклонно. Переехав в 1925 г. в Париж, присоединяется к группе Евразийцев и является одним из редакторов журнала «Версты», от которых вся эмиграция отшатывается. Если не ошибаюсь – уже с 1927 г. Сергея Эфрона зовут «большевиком». Дальше – больше. За Верстами – газета Евразия (в ней-то я и приветствовала Маяковского, тогда выступившего в Париже)[10], про которую эмиграция говорит, что это – открытая большевистская пропаганда. Евразийцы раскалываются: правые – левые. Левые, оглавляемые Сергеем Эфроном, скоро перестают быть, слившись с Союзом Возвращения на Родину.

Когда, в точности, Сергей Эфрон стал заниматься активной советской работой – не знаю, но это должно быть известно из его предыдущих анкет. Думаю – около 1930 г. Но что я достоверно знала и знаю – это о его страстной и неизменной мечте о Советском Союзе и о страстном служении ему. Как он радовался, читая в газетах об очередном советском достижении, от малейшего экономического успеха – как сиял! («Теперь у нас есть то-то... Скоро у *нас* будет то-то и то-то...») Есть у меня важный свидетель – сын, росший под такие возгласы и с пяти лет другого не слыхавший.

Больной человек (туберкулез, болезнь печени), он уходил с раннего утра и возвращался поздно вечером. Человек – на глазах – горел. Бытовые условия – холод, неустроенность квартиры – для него не существовали. Темы, кроме Советского Союза, не было никакой. Не зная подробности его дел, знаю жизнь его души день за днем, все это совершилось у меня на глазах, – целое перерождение человека.

О качестве же и количестве его советской деятельности могу привести возглас парижского следователя, меня после его отъезда допрашивавшего: «Mais Monsieur Efron menait une activité soviétique foudroyante!» («Однако, господин Эфрон развил потрясающую советскую деятельность!») Следователь говорил над папкой его дела и знал эти делá лучше чем я (я знала только о Союзе Возвращения и об Испании). Но чтó я знала и знаю – это о беззаветности его преданности. Не целиком этот человек, по своей природе, отдаться не мог.

Все кончилось неожиданно. 10-го октября 1937 г. Сергей Эфрон спешно уехал в Союз. А 22-го ко мне явились с обыском и увезли меня и 12-летнего сына в парижскую Префектуру, где нас продержали целый день. Следователю я говорила все, что знала, а именно: что это самый благородный и бескорыстный человек на свете, что он страстно любит свою родину, что работать для республиканской Испании — не преступление, что знаю его — 1911 г. — 1937 г. — 26 лет — и что больше не знаю ничего. Через некоторое время последовал второй вызов в Префектуру. Мне предъявили копии телеграмм, в которых я не узнала его почерка, и меня опять отпустили и уже больше не трогали[11].

С Октября 1937 г. по июнь 1939 г. я переписывалась с Сергеем Эфроном дипломатической почтой, два раза в месяц. Письма его из Союза были совершенно счастливые — жаль, что они не сохранились, но я должна была их уничтожать тотчас же по прочтении — ему недоставало только одного: меня и сына.

Когда я 19-го июня 1939 г., после почти двухлетней разлуки, вошла на дачу в Болшево и его увидела — я увидела *больного* человека. О болезни его ни он, ни дочь мне не писали. Тяжелая сердечная болезнь, обнаружившаяся через полгода по приезде в Союз — вегетативный невроз. Я узнала, что он эти два года почти сплошь проболел — пролежал. Но с нашим приездом он ожил, — за два первых месяца ни одного припадка, что доказывает, что его сердечная болезнь в большой мере была вызвана тоской по нас и страхом, что могущая быть война разлучит навек... Он стал ходить, стал мечтать о *работе*, без которой *изныл*, стал уже с кем-то из своего начальства сговариваться и ездить в город... Всё говорили, что он, действительно воскрес...

И — 27-го августа — арест дочери.

Теперь о дочери. Дочь моя, Ариадна Сергеевна Эфрон, первая из всех нас уехала в Советский Союз, а именно 15 марта 1937 г. До этого год была в Союзе Возвращения на Родину. Она очень талантливая художница и журналистка. И — абсолютно лояльный человек. В Москве она работала во французском журнале «Ревю де Моску» (Страстной бульвар, д⟨ом⟩ 11) — ее работой были очень довольны. Писала (литературное) и иллюстрировала, отлично перевела стихами поэму Маяковского. В Советском Союзе себя чувствовала очень счастливой и никогда ни на какие бытовые трудности не жаловалась.

А вслед за дочерью арестовали — 10-го Октября 1939 г., ровно два года после его отъезда в Союз, день в день, — и моего мужа, совершенно больного и истерзанного *ее* бедой[12].

Первую денежную передачу от меня приняли: дочери — 7-го декабря, т. е. 3 месяца, 11 дней спустя после ее ареста, мужу — 8-го декабря, т. е. 2 месяца без 2-х дней спустя ареста. Дочь п⟨...⟩*

7-го ноября было арестовано на той же даче семейство Львовых[13], наших сожителей, и мы с сыном оказались совсем одни, в запечатанной даче, без дров, в страшной тоске.

Я обратилась в Литфонд, и нам устроили комнату на 2 месяца, при Доме Отдыха Писателей в Голицыне, с содержанием в Доме Отдыха —

* Не дописано.

после ареста мужа я осталась совсем без средств. Писатели устраивают мне ряд переводов с грузинского, французского и немецкого языков. Еще в бытность свою в Болшеве (ст⟨анция⟩ Болшево, Северной ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩, Поселок Новый Быт, дача 4/33) я перевела на французский ряд стихотворений Лермонтова — для «Ревю де Моску» и Интернациональной Литературы. Часть из них уже напечатана[14].

Я не знаю, в чем обвиняют моего мужа, но знаю, что ни на какое предательство, двурушничество и вероломство он не способен. Я знаю его — 1911 г. — 1939 г. — без малого 30 лет, но то, что знаю о нем, знала уже с первого дня: что это человек величайшей чистоты, жертвенности и ответственности. То же о нем скажут друзья и враги. Даже в эмиграции, в самой вражеской среде, никто его не обвинил в подкупности, и коммунизм его объясняли «слепым энтузиазмом». Даже сыщики, производившие у нас обыск, изумленные бедностью нашего жилища и жесткостью его кровати (— «Как, на этой кровати спал г⟨осподи⟩н Эфрон?») говорили о нем с каким-то почтением, а следователь — так тот просто сказал мне: — «Г⟨осподи⟩н Эфрон был энтузиаст, но ведь энтузиасты тоже могут ошибаться...»

А *ошибаться* здесь, в Советском Союзе, он не мог, потому что все 2 года своего пребывания болел и нигде не бывал.

Кончаю призывом о справедливости. Человек душой и телом, словом и делом служил своей родине и идее коммунизма. Это — тяжелый больной, не знаю, сколько ему осталось жизни — особенно после такого потрясения. Ужасно будет, если он умрет *не* оправданный[15].

Если это донос, т. е. недобросовестно и злонамеренно подобранные материалы — проверьте доносчика.

Если же это ошибка — *умоляю*, исправьте пока не поздно.

Марина Цветаева

2

Москва, 14-го июня 1940 г.
Народному Комиссару Внутренних Дел тов⟨арищу⟩ Л. П. Берия.

Уважаемый товарищ,

Обращаюсь к вам со следующей просьбой. С 27-го августа 1939 г. находится в заключении моя дочь, Ариадна Сергеевна Эфрон, и с 10-го октября того же года — мой муж, Сергей Яковлевич Эфрон (Андреев).

После ареста Сергей Эфрон находился сначала во Внутренней тюрьме, потом в Бутырской, потом в Лефортовской, и ныне опять переведен во Внутреннюю. Моя дочь, Ариадна Эфрон, все это время была во Внутренней.

Судя по тому, что мой муж, после долгого перерыва, вновь переведен во Внутреннюю тюрьму, и по длительности срока заключения обоих (Сергей Эфрон — 8 месяцев, Ариадна Эфрон — 10 месяцев), мне кажется, что следствие подходит — а может быть уже и подошло — к концу.

Все это время меня очень тревожила судьба моих близких, особенно мужа, который был арестован больным (до этого он два года тяжело хворал).

Последний раз, когда я хотела навести справку о состоянии следствия (5-го июня, на Кузнецком, 24), сотрудник НКВД мне обычной анкеты

не дал, а посоветовал мне обратиться к вам с просьбой о разрешении мне свидания.

Подробно о моих близких и о себе я уже писала вам в декабре минувшего года. Напомню вам только, что я после двухлетней разлуки успела побыть со своими совсем мало: с дочерью — 2 месяца, с мужем — три с половиной, что он тяжело болен, что я прожила с ним 30 лет жизни и лучшего человека не встретила.

Сердечно прошу вас, уважаемый товарищ Берия, если есть малейшая возможность, разрешить мне просимое свидание.

Марина Цветаева

Сейчас я временно проживаю по следующему адр⟨есу⟩:
Москва
Улица Герцена, д⟨ом⟩ 6, кв⟨артира⟩ 20
Телеф⟨он⟩ К-0-40-13
Марина Ивановна Цветаева

Берия Лаврентий Павлович (1899—1953)—глава НКВД с 1938 г., соратник Сталина.

Впервые—текст письма 1 опубликован как письмо к И. В. Сталину, без обращения и двух начальных абзацев, в газете «Русская мысль», 1991, 21 августа (публикация Л. Мнухина, по машинописной копии из личного архива)*, это же письмо с начальными абзацами, но уже адресованное Л. П. Берии (в остальном тексты в обеих публикациях идентичны)**, и письмо 2 были напечатаны в «Литературной газете», 1991, 2 сентября (публикация М. Фейнберг и Ю. Клюкина, по материалам, хранящимся в архиве Министерства безопасности России). Печатаются по текстам публикации в «Литературной газете».

1

[1] См. комментарий 3 к письму 1 к П. И. Юркевичу (т. 6).

[2] Марш из кинофильма «Веселые ребята» («Легко на сердце от песни веселой...», 1934). Слова В. И. Лебедева-Кумача (1898—1949), музыка И. О. Дунаевского (1900—1955).

[3] Песня «Полюшко-поле» («Степная кавалерийская», 1934), на слова советского поэта В. М. Гусева (1909—1944), музыка Л. К. Книппера (1898—1974).

[4] См. письмо к П. П. Сувчинскому и Л. П. Карсавину и комментарии к ним. См. также: *А. Эфрон*. С. 43—44, 46—47.

[5] *Кропоткин* Петр Алексеевич, князь (1842—1921)—революционер, географ и геолог. Теоретик анархизма. *Морозов* Николай Александрович (1854—1946)—революционер-народник, ученый.

[6] *Степняк*—Степняк-Кравчинский (настоящая фамилия Кравчинский) Сергей Михайлович (1851—1895)—революционер, писатель. Его историко-публици-

* М. И. Белкина пишет в своих воспоминаниях: «Впервые Аля рассказала мне об этом письме Сталину где-то в середине шестидесятых годов... О письме Сталину она еще говорила, что полного текста письма, копии письма, не сохранилось, есть только черновые наброски в тетради с переводами...» (Белкина М. С. 89—90).

** Вопрос о том, предназначалось письмо одному только Берии или оно адресовалось и Берии, и Сталину, остается открытым, поскольку оригинал письма к Сталину не обнаружен. (См. заметки А. Саакянц и Л. Мнухина «Еще раз о письме Марины Цветаевой И. В. Сталину».—*Рус. мысль*. 1991. 18 сентября.)

стическая книга «Подпольная Россия», написанная по-итальянски, в русском переводе автора вышла в Лондоне в 1893 г.

[7] Константин Эфрон погиб в 1910 г. «Константин, который уйдет из жизни подростком и уведет за собой мать». (*А. Эфрон.* С. 47.)

[8] С. Я. Эфрон приехал в Прагу в ноябре 1921 г.

[9] Имеется в виду проза Б. Л. Пастернака «Воздушные пути», опубликованная в журнале «Своими путями» (1925, № 6/7).

[10] См. комментарий к письму к Маяковскому.

[11] Подробно о деятельности С. Я. Эфрона, в том числе о его участии в убийстве И. Рейсса см.: анонимные статьи «Где С. Я. Эфрон» в газете «Последние новости» (1937, 24 октября) и «Похищение ген. Е. К. Миллера» в газете «Возрождение» (1937, 29 октября), а также: Хубер П. (совместно с Д. Кунци). Смерть в Лозанне.—Новое время. М. 1991. № 21. С. 36—39; Бросса А. Групповой портрет с дамой.—Иностранная литература. 1989. № 12. С. 235—242; Фейнберг М., Клюкин Ю. Я возвращаю себе свободу.—Горизонт. М. 1991. № 7. С. 38—46).

[12] О материалах дела А. С. Эфрон и С. Я. Эфрона см. также: Фейнберг М., Клюкин Ю. По вновь открывшимся обстоятельствам...—Горизонт. 1992. № 1. С. 49—64; те же авторы. Дело Сергея Эфрона.—Столица. 1992. № 38. С. 56—62, № 39. С. 56—62; Кудрова И. Сергей Эфрон в застенках Лубянки.—*Рус. мысль.* 1992. 9, 16, 23, 30 октября.

[13] Под фамилией *Львовы* на болшевской даче жили Клепинин Николай Андреевич (1899—1941) и его жена Антонина Николаевна (урожденная Насонова; 1894—1941). Он был арестован на даче, она—в Москве у своей матери. Был арестован и старший сын А. Н. Клепининой, Алексей Васильевич Сеземан (1916—1989).

[14] См. комментарий 2 к письму к П. А. Павленко.

[15] С. Я. Эфрон был реабилитирован посмертно 22 сентября 1956 г.

Л. В. ВЕПРИЦКОЙ

1

Голицыно, безвестный переулок, дом с тремя красными звездочками, 40 гр⟨адусов⟩ мороза, 9-го января 1940 г.

Дорогая Людмила Васильевна,

Это письмо Вам пишется (мысленно) с самой минуты Вашего отъезда. Вот первые слова его (мои—Вам, когда тронулся поезд):

— С Вами ушло все живое тепло, уверенность, что кто-то всегда (значит—и сейчас) будет тебе рад, ушла смелость входа в комнату (который есть вход в душу). Здесь меня, кроме Вас, никто не любит, а мне без этого холодно и голодно, и без этого (любви) я вообще не живу.

О Вас: я вам сразу поверила, а поверила, потому что *узнала*—свое. Мне с Вами сразу было *свободно* и *надежно*, я знала, что Ваше отношение от градусника—уличного—комнатного—и *даже* подмышечного (а это—важно!) *не* зависит, с колебаниями—*не* знакомо. Я знала, что Вы меня приняли *всю*, что я могу при Вас—*быть*, не думая—как то́ или иное воспримется—истолкуется—взвесится—исказится. Другие ставят меня

на сцену (самое противоестественное для меня место) — и смотрят. Вы не смотрели, Вы — любили. Вся моя первая жизнь в Голицыне была Вами бесконечно согрета, даже когда Вас не было (в комнате) я чувствовала Ваше присутствие, и оно мне было — оплотом. Вы мне напоминаете одного моего большого женского друга, одно из самых увлекательных и живописных и *природных* женских существ, которое я когда-либо встретила. Это — вдова Леонида Андреева, Анна Ильинична Андреева[1], с которой я (с ней *никто* не дружил) продружила — 1922 г. — 1938 г. — целых 16 лет.

Но — деталь: она встретила меня молодой и красивой, на *своей* почве (гор и свободы), со всеми козырями в руках, Вы — меня убитую и такую плачевную в зеркале, что — просто смеюсь! (Это — *я???*)... От нее шел *Ваш* жар, и у нее были *Ваши* глаза — и Ваша масть, и встретившись с Вами, я не только *себя*, я и *ее* узнала. И она тоже со всеми ссорилась! — сразу! — и ничего не умела хранить...

Да! очень важное: Вы не ограничивали меня — поэзией, Вы может быть даже предпочитали меня (живую) — моим стихам, и я Вам за это бесконечно-благодарна. Всю жизнь «меня» любили: переписывали, цитировали, берегли все мои записочки («автографы»), а *меня* — та́к мало любили, так — *вяло*. Ничто не льстит моему самолюбию (у меня его *нету*) и *все* льстит моему сердцу (оно у меня — есть: только оно и есть). Вы польстили моему сердцу.

— Жизнь здесь. Холодно. Нет ни одного надежного человека (для души). Есть расположенные и любопытствующие (напр⟨имер⟩ — Кашкин[2]), есть равнодушные (почти все), есть один — милый, *да* и даже любимый *бы* — если *бы*...[3] (сплошное сослагательное!) я была уверена, что это ему нужно, или от этого ему, по крайней мере — нежно... («И взвешен был, был найден слишком легким» это у меня, в пьесе «Фортуна»[4], о Герцоге Лозэне, которого любила Мария-Антуанэтта — и Гр⟨афиня⟩ Чарторийская — и многие, многие — а в жизни (пьесе обратной *Фортуне*) почти обо всех, кого *я́* любила... Я всю жизнь любила таких как Т⟨агер⟩ и всю жизнь была ими обижена — не привыкать — стать... «Влеченье, род недуга...»[5])

Уехала жена Ноя Григорьевича[6] (я его очень люблю, и о́н меня, но последнее время мы мало были вместе, а вместе для меня — вдвоем, могу и втроем, но не с такой нравоучительной женой), завтра уезжает и он (на несколько дней), уезжает татарин с женой (навсегда), и Живов[7], который нынче, напоследок, встал в 2 1/2 ч. *дня*, а вечером истопил в столовой — саморучно — хороший воз дров.

Новые: некто Жариков[8], с которым мы сразу поспорили. В ответ на заявление Жиги[9], что идя мимо «барского дома» естественно захотеть наломать цветов, он сказал, что не только — наломать, но *поломать* все цветы и кусты, потому что это — *чужое, не* мое. Я же сказала, что цветы — вообще ничьи, т. е. *и* мои — как звезды и луна. Мы *не* сошлись.

«И большинство людей — та́к чувствуют», утвердил молодой писатель. — 9/10 та́к чувствуют, а 1/10 — *не* так», — спокойно заметил Н⟨ой⟩ Г⟨ригорьевич⟩ (Я, в полной чистоте сердца никогда не считала цветок — *чужим*. Уж скорей — каждый — *своим:* внутри себя — своим... Но разная собственность бывает...) Жига сказал, что я уж слишком «поэтично» смотрю на вещи, а Мур — такое отношение к чужим садам объяснил

моей интеллигентной семьей, не имевшей классовых чувств... — Ух! И все это — потому что мне *не* хочется камнем пустить в окно чужой оранжереи... (Почему все самые простые вещи — так трудно объяснимы и, в конечном счете — *недоказуемы?!*)

Еще был спор (но тут я спорила — *внутри* рта) — с тов⟨арищем⟩ Санниковым[10], может ли быть поэма о синтетическом каучуке. Он утверждал, что — да, и что таковую пишет, потому что *всё* — тема. (— «Мне кажется, каучук нуждается не в поэмах, а в заводах» — мысленно возразила я.) В поэзии нуждаются только вещи, в которых никто не нуждается. *Это — самое бедное место на всей земле.* И это место — свято. (Мне очень трудно себе представить, что можно писать такую поэму — в полной чистоте сердца, от души и для души.)

Теперь — о достоверном холоде: в столовой, по утрам, 4 гр⟨адуса⟩, за окном — 40. Все с жадностью хватаются за чай и с нежностью обнимают подстаканники. Но в комнатах тепло, а в иных даже пекло. Дома (у меня) вполне выносимо и даже уютно — как всегда от общего бедствия. В комнате бывшего ревизора живут куры, а кошка (дура!) по собственному желанию ночует на воле, на 40-градусном морозе. (М. б. она охотится за волками??)

Ваш «недоносок» безумно-умилителен[11]. Сосать — впустую! Даже — без соски! И — блаженствовать. Чистейшая лирика. А вот реклама (не менее умилительная!) для сосок — Маяковского (1921 г.) (Первые две строки — не помню)

...Ну уж и соска, — всем соскам — соска!
Сам эту соску сосать готов![12]

(Почему-то эта соска в его устах мне видится — садовой шлангой, или трубкой громкоговорителя, или — той, Страшного Суда...)

А вот — о «горбатости», Вашей и моей, — старые стихи 1918 г., но горб все тот же:

И вот, навьючив на верблюжий горб,
На добрый, стопудовую заботу,
Отправимся — верблюд смирён и горд —
Справлять неисправимую работу.

Под темной тяжестью верблюжьих тел,
Мечтать о Ниле, радоваться — луже...
Как господин и как Господь велел
Нести свой крест — по-божьи, по-верблюжьи.

И будут в золоте пустынных зорь
Горбы — болеть, купцы — гадать: откуда,
Какая это вдруг напала хворь
На доброго, покорного верблюда?

Но, ни единым взглядом не моля —
Вперед, вперед — с сожженными губами,
Пока Обетованная земля
Большим горбом не встанет над горбами[13].

Но верблюды мы с вами — *добровольные*.

(Кстати, моя дочь Аля в младенчестве говорила: горблюд, а Мур — люблюд (от *люблю*)

Кончаю. Увидимся — и будем видаться — непременно. Я за Вашу дружбу — держусь.

Обнимаю Вас и люблю

Очень хочу, чтобы Вы сюда приехали[14].

МЦ.

2

Голицыно, 29-го января 1940 г.

Дорогая Людмила Васильевна,

Начну с просьбы — ибо чувствую себя любимой.

(«Сколько просьб у любимой всегда...»)[1] Но эта просьба, одновременно, упрек, и дело — конечно — в Т⟨агере⟩.

Я достала у Б⟨ориса⟩ П⟨астернака⟩ свою книгу «После России», и Т⟨агер⟩ не хотел с ней расставаться (NB! с ней — не со мной, — passions* —) Когда он уезжал, я попросила его передать ее *Вам* — возможно скорее — но тут начинается просьба: я мечтала, чтобы Вы ее мне перепечатали — в 4 экз⟨емплярах⟩, один — себе, один — мне, один — Т⟨агеру⟩, и еще запасной. — «Нужно мне отдельно писать Л⟨юдмиле⟩ В⟨асильевне⟩?» — «Нет, я тотчас ей ее доставлю».

По Вашему (вчера, 28-го полученному) письму вижу, что Т⟨агер⟩ не только Вам ее не отнес, а Вам даже не позвонил.

Дело же, сейчас, отнюдь не только лирическое: один человек из Гослитиздата, этими делами ведающий, настойчиво предлагает мне издать книгу стихов[2], — с контрактом и авансом — и дело только за стихами. Все меня торопят. Я вижу, что это — важно. Давать же борисину книгу я не хочу и не могу: во-первых, там — надпись[3], во-вторых — ее по рукам затреплют, а он ее любит, в-третьих — она по старой орфографии («Живет в пещере, по старой вере» — это обо мне один дальний поэт, *люблю* эти строки...)[4] Словом, мне до зарезу нужен ее печатный оттиск, по новой орфографии.

Конечно, я бы могла отсюда позвонить Т⟨агеру⟩, но... я — и телефон, раз, я — и сам Т⟨агер⟩, два. Т⟨агер⟩ очень небрежно поступил со мной — потому что я — с ним — слишком бережно, и даже больше (переписала ему от руки целую поэму (Горы́)[5] и ряд стихов, и вообще нянчилась, потому что привязалась, и провожала до станции, невзирая на Люсю[6] и ее выходки...) — я назначила ему встречу в городе, нарочно освободила вечер (единственный) — все было условлено заранее, и, в последнюю минуту — телеграмма: — К сожалению, не могу освободиться — и (без всякого привета). После этого у меня руки — связаны, и никакие бытовые нужды не заставят меня его окликнуть, хотя бы я теряла на нем — миллиарды и биллиарды.

Он до странности скоро — зазнался. Но я всегда думала, что презрение *ко мне* есть презрение *к себе*, к лучшему в себе, к лучшему себе.

---

* Предметы страсти *(фр.)*.

Мне было больно, мне уже не больно, и что́ сейчас важно — раздобыть у него книгу (его — забыть).

Тот вечер (с ним) прошел — с Б⟨орисом⟩ П⟨астернаком⟩, который, бросив последние строки Гамлета[7], пришел по первому зову — и мы ходили с ним под снегом и по снегу — до часу ночи — и всё отлегло — как когда-нибудь отляжет — сама жизнь.

О *здесь*. Здесь много новых и уже никого старого. Уехал Ной Григорьевич, рассказывавший мне такие чудные сказки. Есть один, которого я сердечно люблю — Замошкин[8], немолодой уже, с чудным мальчишеским и изможденным лицом. Он — родной. Но он очень занят, — и я уже обожглась на Т⟨агере⟩. — *Старая дура.*

— Годы твои — гора,
Время твое — царей.
Дура! любить — стара,
— Други! любовь — старей:

Чудищ старей, корней,
Каменных алтарей
Критских старей, старей
Старших богатырей...[9]

Так я всю жизнь — отыгрывалась. Та́к получались — книжки.

Ваши оба письма — дошли. Приветствую Ваше тепло, — когда в доме мороз — все вещи мертвые: вздыхают на глазах, и несвойственно живому жить среди мертвецов, грея их последним теплом — сердечным. Молодец — Вы, этой удали у меня нет.

О себе (без Т⟨агера⟩) — перевожу своего «Гоготура»[10] — ползу — скука — стараюсь оживить — на каждое четверостишие — по пять вариантов — и кому это нужно? — а иначе не могу. Мур ходит в школу, привык сразу, но возненавидел учительницу русского языка — «паршивую старушонку, которая никогда не улыбается» — и желает ей быстрой и верной смерти.

Ну, вот и все мои новости. Хозяйка едет в город — тороплюсь.

Очень прошу: когда будете брать у Т⟨агера⟩ книгу — ни слова о моей обиде: много чести.

Не знаю, как с бумагой, но лучше бы каждое стихотворение на отдельном листке, чтобы легче было потом составить книгу, без лишней резни. И — умоляю — если можно — 4 экз⟨емпляра⟩, п. ч. целиком перепечатываться эта книга — навряд ли будет.

Обнимаю Вас и люблю. Пишите.

МЦ.

3

Голицыно, 3-го февраля 1940 г.

Дорогая Людмила Васильевна,

Вчера вечером, с помощью Ноя Григорьевича — моего доброго гения — звонила Т⟨агеру⟩. Говорила любезно и снисходительно, и выяснила следующее: он не знал, что это «так спешно» (хотя предупреждала

его, что книга — чужая, дана мне на срок, и т. д.), с Вами у него вышло «какое-то недоразумение», как раз нынче собирался мне звонить, и даже как-нибудь мечтает приехать — словом, все очень мягко и неопределенно. (Я ни слова не сказала ему о тоне Вашего письма, — только, что Вы до сих пор от него книги не получили.) Когда же я стала настаивать, чтобы он немедленно (хорошее немедленно, когда он уехал 23-го!) Вам книгу свез, он стал петь, что *его* цель — получить оттиск, а Вы ему такового *не* дадите. — Да, но *моя* цель — возможно скорее иметь *свой* оттиск, п. ч. это нужно для Гослитиздата! — но тут случился сюрприз; оказывается, у него на руках и другая моя книга, к‹отор›ую я ищу по всей Москве, и тоже до зарезу мне нужная[1] (из двух будет (*если* будет) — одна). Пришлось сдержать сердце — и даже просить — чтобы он меня выручил, т. е. одолжил на время.

Относительно же первой «сговорились» — та́к: так как он безумно хочет иметь свой оттиск, а Вы не дадите, он попытается устроить перепечатку сам — в течение 5-ти дней. Я, сначала, было, возмутилась (ибо книга — *моя*, всячески) но тут же поняла, что он этим Вас избавляет от большой работы, а что, если Вы бы когда-нибудь захотели иметь *свой* оттиск, Вы бы всегда смогли, не спеша, перепечатать для себя — с моего. Командовать же мне не пришлось, п. ч. вторая книга — у него, и она мне необходима, и он мог бы озлобиться. — Уф! —

Но все-таки — такую вещь он услышал: — Торговаться со мной — чистое безумие, и даже невыгодно: я *всегда* даю *больше*, и Вы это — знаете.

Чем кончится история с *его* перепечаткой — не знаю. Диву даюсь, что он, держа книгу на руках целых десять дней — да ничего, просто *продолжал* держать…

Подала заявление в Литфонд, отдельно написала Новикову[2], отдельно ездила к Оськину[3], к‹отор›ый сказал, что решение будет «коллегиальное»[4] (кстати, оно уже должно было быть — 1-го). Теперь — жду судьбы. Мур учится, я кончаю своего «Гоготура». А в общем — темна вода во облацех. При встрече расскажу Вам одну очень странную (здесь) встречу.

В общем, подо всем: работой, хождением в Дом Отдыха, поездками в город, беседами с людьми, жизнью дня и снами ночи — *тоска*.

Обнимаю Вас и прошу простить за скуку этого письма, автор которой — *не я*.

МЦ.

4

Голицыно, 5-го февраля 1940 г.

Дорогая Людмила Васильевна! Первое письмо залежалось, п. ч. не успела передать его надежному отъезжающему — уехал до утреннего завтрака. Но вот оно, все же — как доказательство (впрочем, не сомневаюсь, что Вы во мне — *не* сомневаетесь). А вчера вечером — Ваше, с двумя Т — Тютчевым[1] — и другим[2]. Первый восхитил и восхи́тил — от второго, второй — *не* удивил. Я, как и Вы, наверное, всегда начинаю с любви (т. е. всяческого кредита) и кончаю — знакомством. А от знакомиться недалеко и до раззнакомиться.

Я Т⟨агером⟩ не меньше обижена, чем Вы, а м. б.—больше, а скорей всего—одинаково:—Но мне порукой—Ваша *честь,*—И *смело* ей себя вверяю![3]—(Побольше бы *чести*—и поменьше бы *смелости!* Кстати, по мне, Татьяна—изумительное существо: героиня не верности, а достоинства: не женской верности, а человеческого достоинства.—Люблю ее[4].)

Сейчас, кстати, Т⟨агер⟩ мною взят на испытание: одолжит ли мне мною просимую книгу, за которой я к нему направила одного милейшего здешнего человека. (Может, конечно, отвертеться, что книга—чужая, ему—доверена, и т. д.)

Дорогая Л⟨юдмила⟩ В⟨асильевна⟩ (простите за сокращение, но та́к—сердечнее), никакой Т⟨агер⟩ нас с Вами никогда не рассорит, ибо знаю цену—Вашей душе и его (их) бездушию. Ведь это тот же «Юра»—из Повести[5], и та же я—20 лет назад, но только оба были красивее, и все было—куда́ серьезнее. Безнадежная любовь? *Неодушевленность любимого тобою предмета*—если он человек. Ведь даже янтарь от твоей любви (сердечного жара!)—сверкает, как никогда не сверкает—от солнечного.

— Кончаю своего «Гоготура», и у Мура даже глагол—гоготуриться. Сплошное го-го—и туры (звери). Когда Гоготур (впрочем, не он, mais cest tout comme*) раскаивается—он *долго* бьет себя по голове пестом (медным). Как такое передать в одной строке?? (Подстрочник: «Раскаявшись, он долго бил себя по голове пестом»...) Теперь он уже отбил себя и в виде хэвис-бэри (смесь муллы и священника) испрашивает благодать на Грузию. А по ночам раскаивается в раскаянии и воет по своем «мертвом молодечестве». Сур-ровая поэма! На очереди—Барс[6] (звериный Гоготур)—и—боюсь—отъезд, переезд—куда??? Мне нужно серьезно с Вами посоветоваться. Оськин спросил:—«А какие у Вас—*дальнейшие* планы?» И я ответила—Никаких.

— С книгой. Будем ждать событий. В конце концов: я всегда смогу *отобрать* ее у Т⟨агера⟩—и переписать от руки.

Целую Вас, пишите. Я все еще (из трусости) не справилась в Литфонде, а срок мой—12-го.

М.

(Приложение)

5-го вечером

Нынче Сер⟨афима⟩ Ив⟨ановна⟩[7] звонила в Литфонд, справлялась о моей судьбе: решение отложено до 7-го. А 12-го—истекает срок.

Но в лучшем случае—если даже продлят—мы здесь только до 1-го апреля, п. ч. с 1-го комната сдана детскому саду. Мне *очень* жаль Мура—придется бросать и эту школу, уже вторую за год.

Съезжать—куда??? На наше прежнее место я *не* поеду, потому что там—смерть[8]. Кроме того (хорошее—кроме!) эту несчастную последнюю уцелевшую комнату у меня оспаривают *два* учреждения.

Кроме того—дача летняя, и вода на полу—при *полной* топке—мерзнет. И полкилометра сосен, и *каждая*—соблазнительна!

---

* Но это все равно *(фр.)*.

Книгу (ту самую) нынче получила, но она — совершенно негодная, на всю ее — 5, 6 годных, т. е. терпимых — страниц. Уж-жасная книга! Я бы, на месте Т⟨агера⟩, и читать не стала. Прислал с записочкой — приветливой.

Ну, до свидания! Спасибо за все. Буду знать о своей судьбе — извещу.

М.

P. S. *Никогда* не рассоримся: еще то дерево не выросло, из к⟨оторо⟩го колыбель будет для того Т⟨агера⟩, к⟨отор⟩ый нас рассорит!

Веприцкая Людмила Васильевна (1902—1988) — детская писательница, драматург, сценарист.

Знакомство Цветаевой с Веприцкой, перешедшее вскоре в недолгую дружбу, состоялось в конце 1939 г. в Доме творчества писателей в Голицыне. Подробнее см.: Из воспоминаний Людмилы Веприцкой. — *Рус. мысль.* 1992. 16 октября. Спец. приложение.

Впервые — Грани. Франкфурт-на-Майне. 1990. № 155. С. 134—145 (публикация И. Шенфельда). Печатаются по текстам первой публикации.

1

[1] См. письмо к А. И. Андреевой.

[2] *Кашкин* Иван Александрович (1899—1963) — критик, переводчик с английского.

[3] Имеется в виду Евгений Борисович Тагер. См. письма к нему.

[4] Чуть измененная цитата из пятой картины драмы М. Цветаевой «Фортуна» (см. т. 3). В пьесе: «Что, взвешен быв...»

[5] Цитата из 4-го действия комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1822—1824).

[6] *Лурье* Ной Григорьевич (настоящее имя Ноях Гершелевич; 1886—1960) — еврейский писатель, драматург. См. его воспоминания «Зимой в Голицыне» — *Воспоминания о Цветаевой*». С. 467—468.

[7] *Живов* Марк Семенович (1893—1962) — литературовед, переводчик.

[8] *Жариков* Леонид (настоящее имя Илья Малахиевич; 1911—1985) — детский писатель, очеркист.

[9] *Жига* (настоящая фамилия Смирнов) Иван Федорович (1895—1949) — писатель-очеркист.

[10] *Санников* Григорий Александрович (1899—1969) — поэт, автор поэмы «Сказание о каучуке» (1934).

[11] Имеется в виду щенок Л. В. Веприцкой.

[12] Перефразированные Цветаевой рекламные стихи Маяковского: «Лучше сосок не было и нет — //Готов сосать до старости лет» (1923).

[13] Цитируемое с разночтением в третьей строфе стихотворение датируется 14 сентября 1917 г. (см. т. 1).

[14] А. С. Эфрон говорила Л. В. Веприцкой, что в период 1939—1941 гг. ее мать никому не писала подобных писем, что это лучшее письмо тех дней. (*Рус. мысль.* 1992. 16 октября. Спец. приложение.)

2

[1] См. комментарий 3 к письму 3 к Н. Н. Тукалевской.

[2] Подробно историю невышедшего сборника стихов Цветаевой 1940 г. см. в кн.: Цветаева М. Где отступается Любовь...: Сборник 40-го года. Последние стихи и письма. Воспоминания современников. Сост. Н. В. Ларцева. Петрозаводск: Карелия, 1991.

[3] Текст надписи Цветаевой на подаренном Пастернаку сборнике «После России»: «одним словом Борису — Марина. Медон, 1928 г.».

[4] Как вспоминает Л. В. Веприцкая, со слов Цветаевой, Ходасевич советовал ей сделать на двери (дома в Ванве. — *Сост.*) табличку: «Живет в пещере, по старой вере». (*Рус. мысль.* 1992. 16 октября. Спец. приложение.) См. также письмо к А. И. Андреевой и комментарий 3 к нему.

[5] Цветаева переписала всю «Поэму Горы» и подарила автограф жене Е. Б. Тагера, Елене Ефимовне (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 462).

[6] *Люся* — Тагер (урожденная Хургес) Елена Ефимовна (1909—1981) — искусствовед, жена Е. Б. Тагера.

[7] В 1939—1940 гг. Б. Л. Пастернак работал над переводом «Гамлета» Шекспира по договору с МХАТом. 19 апреля 1940 г. Пастернак читал свой перевод в клубе писателей. Цветаева присутствовала на этом чтении. «Марина Ивановна пришла, когда чтение уже началось. Пастернак, увидев ее в дверях, остановился, пошел к ней навстречу, поцеловал руку и провел на приготовленное место в первом ряду» (Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: Сов. писатель, 1989. С. 544).

[8] *Замошкин* Николай Иванович (1896—1960) — литературный критик.

[9] Стихотворение М. Цветаевой (24 января 1940 г.). См. также стихотворение «Пора! для *этого* огня...», написанное днем ранее и обращенное к Е. Б. Тагеру (т. 2).

[10] Поэма Важа Пшавела «Гоготур и Апшина», над переводом которой работала Цветаева. См. также письма к В. В. Гольцеву.

3

[1] Цветаева пишет о своем с орнике «Ремесло» (1923). См. письмо 3 к В. Я. Эфрон (т. 6).

[2] *Новиков* Иван Алексеевич (1877—1959) — писатель, поэт, переводчик. Был знаком с Цветаевой и вхож в ее дом еще до революции. В Орловском государственном литературном музее И. С. Тургенева хранится сборник Цветаевой «Волшебный фонарь» с дарственной надписью: «Милому Ивану Алексеевичу Новикову — с просьбой приходить к нам последним и надолго. Марина Эфрон, урожд⟨енная⟩ Цветаева, Москва, 11-го апреля 1913 г., Страстной четверг». (Сообщено Д. А. Кавыршиной.)

[3] *Оськин* — в то время директор Литфонда.

[4] Речь идет о решении вопроса с продлением срока пребывания Цветаевой в Голицыне.

4

[1] В воспоминаниях Л. В. Веприцкой описан такой эпизод: «Под Новый год Марина Ивановна поднялась ко мне на второй этаж. Постучала. Я читала в это время томик Тютчева. «Войдите», — сказала я и заложила пальцем книгу на читаемом стихотворении. Палец лег на строфу: «Дни сочтены, утрат не перечесть,//Живая жизнь давно уж позади,//Передового нет, и я как есть//На роковой стою очереди». (Заключительная строфа из стихотворения «Брат, столько лет сопутствующий мне...», написанного в 1870 г. по дороге из Москвы в Петербург, куда Ф. И. Тютчев возвращался после похорон брата. — *Сост.*). Марина Ивановна попросила показать ей заложенное место, прочла строфу и сказала: «Это про меня, ведь я постучала к Вам, и Вы сказали, чтобы я вошла. Поэтому эта строфа непременно относится ко мне» (*Рус. мысль.* 1992. 16 октября. Спец. приложение).

[2] Е. Б. Тагером.

[3] Заключительные строки письма Татьяны из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

[4] Ср. строки Цветаевой, посвященные Татьяне, в «Моем Пушкине»: «Урок смелости. Урок гордости. Урок верности...» и далее (т. 5).

[5] *«Юра»—из Повести*—Юрий Александрович Завадский, один из героев «Повести о Сонечке» (см. т. 4).

[6] *«Барс»*—поэма Важа Пшавела «Раненый барс». О переводе ее Цветаевой см. также письмо 1 к В. В. Гольцеву.

[7] *Фонская* (урожденная Журавлева) Серафима Ивановна (1897—1967)—заведующая голицынским Домом творчества. Небольшие, но малодостоверные воспоминания С. И. Фонской о Цветаевой вошли в ее книгу «Дом в Голицыне». М.: Сов. Россия, 1967. С. 98—101. Фонская плохо относилась к Цветаевой. Л. В. Веприцкая в своих воспоминаниях приводит ее фразу, относящуюся к Цветаевой: «Когда мы строили революцию, они там в Париже пряниками объедались».

[8] Имеется в виду дача в Болшеве. См. письмо к П. А. Павленко.

Е. Б. ТАГЕРУ

1

Концы разговоров[1]

— «Чем меньше Вы будете уделять мне внимания—тем будет лучше».

Первое: больно. Второе:—*кому* лучше? Вам (ибо мне от этого будет хуже: *ужé* плохо!) Т. е. Вам будет лучше, если я о Вас не буду думать, и будет совсем хорошо, если Вы для меня перестанете существовать.

Как это понять? *Из себя* я этого не пойму: я *бесконечно* дорожу всяким вниманием, и *вне* его—человеческого отношения *не* вижу.

Внимание и вникание—вот мой единственный путь к человеку, т. е. начало того пути, конец которого *погружение* в человека и, по возможности, потопление (по невозможности—растворение) в нем.

Еще: если я человека люблю, я хочу, чтобы ему от меня стало лучше—хотя бы пришитая пуговица. От пришитой пуговицы—до всей моей души.

— А, может быть, Вы из тех несчастных, которые хотят *хуже* и не терпят *лучше?* Тогда—тогда вся я́ в Вашей жизни—зря, потому что я человеку несу добро, а не зло.

— «Чем меньше внимания»...—какое пренебрежение к себе! Точно Вы этим хотите сказать, что Вы этого внимания—не сто́ите. За кого же Вы *меня* принимаете, с этим неуместным вниманием—к недостойному.

...Если бы Вы меня, сегодня, в снегу, вместо всех этих неуместных вниманий, просто спросили:—Это *всегда* так будет—от Вас ко мне?—я бы не задумавшись ответила: да—и была бы счастлива.

(Числа не помню, прогулка в снегу)

...— Вы отлично «занимаете» весь стол[2].

— Вы отлично знаете, что пока я «занимаю» весь стол, мне хочется сидеть рядом с Вами, обняв Вас за плечо—и ничего не говорить.

— Если Вы хоть немножко дорожите нашей дружбой, не делайте из меня чудовища, нечеловека, победителя — т. д. Мне больно *как всем,* и сейчас (после беседы) мне *очень* больно. Больно от того, что Вы мне не верите. Больно от Вашего молчаливого вопроса: — Зачем я Вам? — Я ведь еще ни слова не сказала Вам ктó Вы́, а Вы уже отнекиваетесь: — *Не* я! Вы ничего не хотите взять из того, что я Вам Несу. Вы отводите руку, и мои — опускаются. Из нас двоих Вы — богатый, а не я.

Вы унижаете меня до доказательств: — «Докажите, почему я Вам дорог, почему именно я́» — и я начинаю чувствовать себя виноватой — что Вы мне дороги, и сама перестаю понимать.

Я из Вас возвращаюсь — неузнаваемой: «победителем», чудовищем, нечеловеком. Моя хозяйка, с которой я живу жизнь дней[3], Вам лучше скажет — кто я́.

— Сказать Вам как это было? Может быть, это Вам *все* скажет, а если *это* не скажет — уже ничего не скажет.

— Пойдем будить Т‹агера›?[4]

Я вошла. На кровати, сверх кровати — как брошенная вещь — лежали Вы, в коричневой куртке, глубоко и открыто спящий, и у меня сердце сжалось, и что-то внутри — там где ребра расходятся — зажглось и стало жечь — и стало болеть.

Милый друг, *может* быть, если бы мы сели рядом, плечо с плечом, все сразу бы дошло, и не пришлось бы так много спрашивать. Есть вопросы, на которые нельзя ответить словами, можно ответить плечом и ребром, потому что слова — даже то же ребро Поэмы Конца — всегда умны́ (ребро: Адам: Ева — и так далее — и даль во все стороны — и неминуемо отводит друг от друга) — и содрогание от такого стихотворного ребра — только призрак того *живого* содрогания. Мы — словами — выводим вещь из ее темного лона на свет, и этот свет неизменно — холоден. (Ведь горит — Люся[5] — от Поэмы Конца, от того самого ребра, только потому, — что она это ребро возвращает обратно в грудь (откуда это ребро сразу рвется — к другому ребру), с бумаги — в грудь, всю Поэму Конца — с бумаги — в грудь, *уничтожая* слова, делая их тем, чем они были: боком, плечом, ребром, вздохом. — Спросите — ее. Недаром она говорила о каком-то *недозволенном* ее чтении: недозволенном присвоении[6].

Мы с вами — *не то* делаем — мы с чем-то — жестко обходимся.

«Трамплин для стихов» — тот, живой, спящий, щемящий Вы?

...И еще: голос, странная, завораживающая певучесть интонации, голос не совсем проснувшегося, еще — спящего, — в котором и озноб рассвета и остаток ночного сна. (То самое двусмысленное «дрогнете вы»[7], — впрочем, все равно: говорить я их не буду, печатать — тоже нет, а Вы теперь — знаете.)

И еще: — зябкость, нежелание гулять, добровольный затвор с рукописью, — что-то монашеское и мальчишеское — и щемяще-беззащитное — и очень стойкое...

Я не хотела Вам всего этого говорить, я думала — Вы сами поймете, и говорю Вам это почти насильно — от непосильного чувства, что я того спящего — чем-то обидела, ибо: если я — достоверно (хотя и мимовольно)

Вами обижена, то может быть и Вы — моим призраком, тем нечеловеком, который *не* я. Я или не я — но обида — была, и она носит мое имя, и я за нее ответственна, и звучит она из Ваших уст — приблизительно — та́к: — «Ты меня не знаешь* и по моему поводу «галлюцинируешь» («как визионера дивинация»...[8]), а я — живой человек, может быть хуже, чем *твой*, но живой, а каждый живой заслуживает внимания. Твоя любовь — обида, ибо она меня минует и почему-то все-таки заимствует мои черты и входит в *мою* дверь».

Та́к ведь?

Ну, вот.

(И вот — откуда-то — строки:

В царство хвойное, мховое,
Мехово́е, пухово́е...

Это еще тот мех и пух во мне не успокоились[9])

Но нужно кончать

Итак —

Еще одна такая беседа (которая есть — противустояние) и я не смогу, потому что не могу жить на подозрении — в чем бы то ни было.

Попробуйте быть ко мне проще — и добрее — и доверчивее.

Бросим споры. Бросим меня. Говорите о себе.

Нам с вами дан краткий срок (о, я и *без* Вас скучала, весь мой правый бок не существовал, и весь белый дом со всеми белыми березами не существовал, и неужели Вы, странный человек, не почувствовали, как я Вам обрадовалась?)

Но довольно о «радостях». Может быть у Вас — *свои* беды, есть беда еще целый человек — Вы: вне меня, до меня, и после меня, — идите ко мне *с ним*. (Господи, какое счастье когда это делается само, и как *страшно* об этом просить! Но Вы меня — вынуждаете.)

Обнимаю Вас за плечо, коричневое

М.

Голицыно, 11-го января 1940 г.

2

Нынче, 22-го января 1940 г., день отъезда[1]

Мой родной! Непременно приезжайте — хотя Вашей комнаты у нас не будет — но мои стены (*не*стены!) будут — и я Вас не по ниточке, а — за́ руку! поведу по лабиринту книжки[2]: моей души за 1922 г. — 1925 г., моей души — тогда и всегда.

Приезжайте с утра, а может быть и удача пустой комнаты — и ночевки — будет, тогда всё договорим. Мне важно и нужно, чтобы Вы твердо знали некоторые вещи — и даже факты — касающиеся непосредственно Вас.

С Вами нужно было сразу по-другому — по страшно-дружному и нежному — теперь я это знаю — взять всё на себя! — (я предоставляла — Ва́м).

---

* Кстати, сличите с первой строкой первого листа: тот упрек *с этим (примеч. М. Цветаевой)*.

Одного не увозите с собой: привкуса прихоти, ее *не было*. Был живой родник.

Спасибо Вам за первую радость — здесь[3], первое доверие — здесь, и первое вверение — за многие годы. Не ломайте себе голову, почему именно Ва́м вся эта пустующая дача распахнулась всеми своими дверями, и окнами, и террасами, и слуховыми оконцами и почему именно на Вас — всеми своими дверями и окнами и террасами и слуховыми глазка́ми — сомкнулась. Знайте одно: доверие давно не одушевленного предмета, благодарность вещи — вновь обретшей душу. («Дашь пить — будет говорить!») А сколько уже хочется сказать!

Помните Антея, силу бравшего от (легчайшего!) прикосновения к земле, в воздухе державшегося — землею[4]. И души Аида, только тогда говорившие, когда о́тпили жертвенной крови[5]. Все это — и антеева земля и аидова кровь — одно, то, без чего *я* не живу, *не я* — живу! Это — единственное, что *вне* меня, чего я не властна создать и без чего меня *нету*...

Еще одно: когда его нет, я его забываю, живу без него, забываю та́к, как будто его никогда не было (везде, где «его», проставьте: *ее*, живой любви), даже отрекаюсь, что она вообще есть, и каждому докажу как дважды два, что это — вздор, но когда она есть, т. е. я вновь в ее живое русло попадаю — я *знаю*, что только она и есть, что я только тогда и есть, когда *она* есть, что вся моя иная жизнь — мнимая, жизнь аидовых теней, не отпивших крови: *не*-жизнь.

Та́к, может быть, следует толковать слово Ахилла[6] — Я предпочел бы быть погонщиком мулов в мире животных, чем царем в царстве теней.

Но все это: и Ахиллы и Аиды и Антеи исчезает перед живой достоверностью, что я нынче в последний раз сидела с Вами за столом, что мне уж не́куда будет — со всеми Ахиллами и Аидами и Антеями, что руки, в которые всё шло — шла — вся — отняты.

(У меня чувство, что мы с вами — и не начинали!)

Напишите первый. Дайте верный адрес. Захотите приехать — предупредите. Приезжайте один. Я *себя к Вам* ни с кем не делю. Один, на весь день — и на очень долгий вечер.

Спасибо за всё.

Обнимаю Вас, родной.

М.

Тагер Евгений Борисович (1906 — 1984) — педагог и литературовед, специалист по творчеству А. М. Горького. О своей встрече с Цветаевой оставил воспоминания (*Воспоминания о Цветаевой*. С. 460 — 466). Кроме уже упомянутого стихотворения «Пора! для *этого* огня...», к Тагеру обращены также стихи «Всем покадили и потрафили...», «Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!..» и «Ушел — не ем...» (см. т. 2).

Впервые — письмо 1 в сборнике «Песнь жизни». Сборник материалов о Цветаевой. Париж, 1995 (публикация Е. И. Лубянниковой), письмо 2 — «Таллин». Таллинн, 1986. № 2. С. 99 — 100 (публикация Е. И. Лубянниковой и Л. А. Мнухина). Печатаются по текстам первой публикации с использованием комментариев.

1

[1] В письме приводятся реальные слова Е. Б. Тагера, взятые Цветаевой из разговоров с адресатом.

[2] Имеются в виду беседы и споры, происходившие в столовой голицынского дома за общим столом.

[3] То есть хозяйка дачи, А. Ф. Лисицына, где Цветаева снимала комнату.

[4] Е. И. Лубянникова делает предположение, что эти слова принадлежат Л. В. Веприцкой.

[5] *Люся* — Е. Е. Тагер. См. комментарий 6 к письму 2 к Л. В. Веприцкой.

[6] В первую же встречу в Голицыне Е. Е. Тагер призналась Цветаевой в своем «недозволенном прочтении» и «недозволенном присвоении» ее произведений: оно выражалось в отсутствии дистанции между поэтом и читателем, в ощущении своего соавторства по отношению к прочитанному. (Комментарий Е. И. Лубянниковой.)

[7] Из стихотворения М. Цветаевой «Двух — жарче меха! рук — жарче пуха...» (7 января 1940 г.). См. т. 2.

[8] Из стихотворения Б. Пастернака «Кремль в буран конца 1918 года». (1918 — 1919).

[9] Ср. стихотворение «Двух — жарче меха! рук — жарче пуха...»

2

[1] То есть отъезда из Голицыно.

[2] Имеется в виду сборник «После России», который Цветаева направила с Тагером в Москву Веприцкой для перепечатывания. (См. письмо 2 к Л. В. Веприцкой.) Цветаева надеялась, что Тагер приедет с книгой в Голицыно и они вместе будут отбирать стихи.

[3] *Спасибо... за первую радость...* — Тагер писал в своих воспоминаниях: «В первый же день я встретил ее в проходной комнате, идущей от столовой. «Как я рад приветствовать вас, Марина Ивановна», — сказал я. «А как я рада слышать, когда меня называют Марина Ивановна», — отвечала она». (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 462.)

[4] *Антей* — сын богини земли Геи, был непобедим, пока прикасался к земле — своей матери (греч. миф.).

[5] Согласно рассказу легендарного героя Одиссея, проделавшего путь к царству мертвых *Аиду*, тени умерших слетались к вырытой им яме и, напившись из нее жертвенной крови, заговаривали с ним. (Гомер. «Одиссея».)

[6] *Ахилл* — герой Троянской войны. Выражение восходит к «Одиссее» Гомера (Песнь II).

М. С. ШАГИНЯН

1

〈Конец декабря 1939 г. — начало 1940 г.〉[1]

Милая Мариэтта Сергеевна, сегодня Вы в моем сне мне упорно жаловались, что Вам *все* (каждая вещь) стоит 10 руб〈лей〉.

Проснувшись, я задумалась — дорого ли это или дешево.

2) Давайте мне Ваши темные места (Низами), я сейчас жду перевода и более или менее свободна. Давайте мне и текст и размер, но размер не нарисованный, а написанный — любыми, хотя бы бессмысленными русскими словами.

2

⟨Конец декабря 1939 г.—начало 1940 г.⟩

Я бы не решилась изменить ударение амбра, *особенно* в рифме. В общем—*очень* хорошо, есть *чудные* места, но *ужасны* (не сердитесь!) субстанция и акциденции. Конечно работа громадная: гора![1]

3

⟨Начало 1940 г.⟩

Милая Мариэтта Сергеевна, я не знаю, что мне делать. Хозяйка, беря от меня 250 р⟨ублей⟩ за следующий месяц за комнату, объявила, что больше моей печи топить не может—п. ч. у нее нет дров, а Сераф⟨има⟩ Ив⟨ановна⟩ ей продавать не хочет.

Я не знаю, как с этими комнатами, где живут писатели, и *кто* поставляет дрова??? Я только знаю, что я плачу очень дорого (мне все говорят), что эту комнату нашла С⟨ерафима⟩ И⟨вановна⟩ и что Муру сейчас жить в нетопленой комнате—опасно. Как бы выяснить? Хозяйке нужен кубометр.

4

Голицыно, Белорусской ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩
— возле Дома Писателей—
28-го марта 1940 г.

Дорогая Мариэтта Сергеевна,

(Пишу Вам своим рукописным почерком,—так я, на бумаге, исходила тысячи и тысячи верст...)

Очень надеюсь, что мой привет Вас еще застанет[1] (если везущий не протаскает его в кармане...).

Без Вас в доме творчества—меньше *дома* и меньше творчества, и Ваше место за столом—явно пустует, хотя с виду—для виду—и занято.

Вы—очаг тепла и люди сами не знают, сколько они Вам должны—радости.

— А Муру опять не везет: опять грипп с t°, сильнейшим кашлем и насморком. Лежит, рисует, читает, учится. Лечу его уротропином и горчичниками. Надеюсь—обойдется, но все это очень выбивает из колеи и омрачает и без того уже нерадостную жизнь. Погода—поганая—мокрая метель, весна была и прошла.

Принимаюсь наконец за гору Этери[2] (полторы тысячи строк)—но что моя—перед Вашей!

Да! Мне, может быть (очень надеюсь), дадут французский перевод Низами[3]—в половине июля, когда сброшу с себя вышеназванную гору Этери.—Вот мы с Вами и побратаемся!

Только что кончила Робин Гуда и Маленького Джона (разбойничий обряд крестин)[4]—очень весело—сама веселилась—и правку большого чужого французского перевода ⟨...⟩[5]

La — bas, prés de l'Altaï, oú le soleil se léve,
Est, dit-on, de Boumbá le vieux pays de rêve.
Un mont sempiternel s'élevé en son milien.
Et souverainement l'unit aux larges cieux*.

— так я́ вступаю в поэму, вообще очень многое пришлось сделать заново, но я *обожаю* такую работу: то же чувство, когда оттираешь медь (красную).

До свидания, хочу нынче же отправить, обнимаю Вас, спасибо за все, очень люблю Вас, добрый путь! — откликнитесь по приезде.

МЦ.

Огромное спасибо за книгу Муру — он, читая, веселился вслух, сам с собою, теперь (поздней ночью) буду веселиться — я[6].

Сердечный привет Якову Самсоновичу[7], Мирэль[8] поцелуйте ⟨...⟩

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888 — 1982) — русская советская писательница. Начинала как поэт и журналист. Писала о первых сборниках Цветаевой (Приазовский край. Ростов-на-Дону. 1911. 3 октября; 1914. 4 мая). Ее поздние воспоминания о Цветаевой отличаются высокомерием и фальшью (Новый мир. 1977. № 1. С. 85 — 90).

Кратковременное знакомство Цветаевой с Шагинян состоялось в конце 1939 — начале 1940 г. в Голицыне. Шагинян в то время работала над переводом (с персидского) поэмы азербайджанского поэта Низами (ок. 1141 — ок. 1209) «Сокровищница тайн». Столкнувшись с трудностями перевода, она обратилась к Цветаевой за помощью.

Впервые — письма (записки) 1 — 3 в книге воспоминаний М. С. Шагинян «Человек и время» (Новый мир. 1977. № 1. С. 87 — 89), письмо 4 — в публикации Е. Шагинян дневниковых записей М. С. Шагинян (Октябрь. 1986. № 3. С. 199). Печатаются по текстам первых публикаций.

1

[1] Эта и последующие две записки, датируемые по их содержанию и воспоминаниям М. С. Шагнинян, были написаны Цветаевой без дат и подписи. Цветаева подсовывала их под дверь комнаты М. С. Шагинян, когда той не было дома.

2

[1] По поводу этой записки М. С. Шагинян писала: «Ах, как мне жалко было мои субстанции и акциденции — ведь это были чуть ли не единственные западные островки в восточном океане мусульманства! Но совет Цветаевой был безукоризнен — и по прямоте и по верности». (Новый мир, 1977. № 1. С. 88). *Субстанция и акциденции* — сущность и несущественные свойства предмета.

4

[1] 2 апреля 1940 г. Шагинян уезжала в Армению.
[2] Очередная поэма Важа Пшавела, которую Цветаева взялась переводить.

---

* Там у (самого) Алтая, где встает солнце,
Есть, говорят, Бумба, древняя страна грез.
Вершина вечная вздымается в ее средине
И царственно объединяется с просторами небес.
(Пер. В. Д. Васильева.)

[3] Получила ли Цветаева французский перевод Низами, неизвестно, скорее всего, — нет.

[4] Перевод английской баллады «Робин Гуд и маленький Джон» (см. т. 2). Был опубликован в журнале «Интернациональная литература» (1941. № 6). Перевод Цветаевой другой баллады «Робин Гуд спасает трех стрелков» напечатан в 1942 г. (Баллады и песни английского народа. М.: Государственное издательство детской литературы).

[5] Речь идет о редактировании французского перевода одного эпизода калмыцкого эпоса «Джангар». (В 1940 г. отмечалось 500-летие эпоса.) Французский перевод был сделан с выполненного С. И. Липкиным русского перевода, который вышел в 1940 г. отдельным изданием. См. также диалог Цветаевой с Липкиным по поводу его перевода «Джангара» в кн.: *Воспоминания о Цветаевой*. С. 499 — 500.

[6] Вероятнее всего, речь идет о романе М. С. Шагинян «Месс-Менд». В письме от того же 28 марта 1940 г. Мур благодарит ее за книги и называет «самым удачным» произведение «Дорога в Багдад» (так называлась третья часть романа). (Октябрь. 1986. № 3. С. 199.)

[7] *Хачатрянц* Яков Самсонович (1884 — 1960) — муж М. С. Шагинян, переводчик, литературовед.

[8] *Мирэль* — Шагинян Мирэль Яковлевна — дочь М. С. Шагинян, художник.

В. В. ГОЛЬЦЕВУ

1

Голицыно, Дом Писателей, 2-го февраля 1940 г.

Милый Виктор Викторович,

Договор я получила, но подписать его в таком виде никак не могу[1].

Во-первых — срок: 25-ое февраля на *обе* вещи — боюсь, что не справлюсь, а если подпишу — от страху наверняка не справлюсь. Гоготура у меня пока сделано 3/4, а Барс вовсе не начат, из остающихся же 23-х дней — несколько уж наверное выпадут — на поездки в город, приезды знакомых, домашние дела — и прочее. Считаясь с медленностью моей работы (не больше 20 строк[2], а когда и меньше, а на 330 сделанных строк — уже целая громадная черновая тетрадь, могу показать), я никак не могу поручиться за срок — тем более, что дней пять у меня еще уйдет на *правку* Гоготура.

Второе: в договоре неверное количество строк: в Гоготуре не 424 строки, а *442*, в Барсе — не 140, а *169*, — в *общем на 47 строк больше, чем сказано в договоре*. Давайте так: либо 25-ое февраля — на *одного* Гоготура, либо 10-е марта — на *обе* вещи, — как хотите, но только не 25-ое февраля на обе. Я не хочу гнать через пень-колоду, подгоняемая страхом. Меня подгонять вообще не надо: я всегда даю свой максимум, не моя вина — что он так мал.

Вполне возможно, что я обе вещи закончу раньше 10-го марта — это уже дело *удачи* — тогда и представлю их раньше, но раньше, чем они будут совсем хороши — не сдам, поэтому и не хочу этого срока.

До Вашего ответа договор держу у себя — и работаю дальше. Если не хотите писать — позвоните мне в Голицыно, Дом Писателей, где я еже-

дневно бываю от 1 ч. 30 м⟨инут⟩ до 2 ч. 30 м⟨инут⟩ и от 6 ч. до 7 ч. и немножко позже (9-го вечером и 10-го днем меня не будет).

Шлю Вам сердечный привет и надеюсь, что Вы поймете *серьезность* моих доводов. Первый заинтересованный – Ваш (или: наш) автор.

МЦ.

2

Голицыно, 12-го февраля 1940 г.

Дорогой Виктор Викторович,

(Начала Барса)

14-го, около 11 ч. утра позвоню Вам, чтобы узнать, как мне быть с деньгами – будут ли у Вас к 14-му для меня деньги, чтобы заплатить за месяц нашего содержания с Муром (наша путевка кончается нынче, 12-го, заведующая обещала подождать до 14-го).

Мне нужно 800 руб⟨лей⟩ за еду и – но тут у меня надежда: не оплатил бы Литфонд моей комнаты, п. ч. 250 р⟨ублей⟩ ужасно дорого. Этот совет мне дала заведующая, к⟨отор⟩ая *пока* с меня за комнату денег не просит, сама находя, что это очень дорого.

Если бы Вы могли – к 14-му достать мне тысячу рублей (у меня, вообще, ни копейки) под Гоготура и выяснить с комнатой – было бы чудно.

Итак, буду звонить Вам 14-го, около 11 ч.

Сердечный привет, спасибо за помощь, Барс – хороший.

МЦ.

3

Голицыно, 26-го февраля 1940 г.

Дорогой Виктор Викторович,

Вот – Барс. Работала его до последней минуты – 40 мелких страниц черновика огромного формата – некоторые места нашла *во сне.*

Мечтала его Вам завтра сама вручить, – но серьезно заболел Мур: застудил в холодном вагоне начинающийся грипп, о котором и сам не знал, вернулся из города с t° 39,6 – местная докторша меня напугала: не слышит дыхания – поставила банки – теперь лежит – глубокий кашель – так что я завтра буду в городе только на самый короткий срок.

С Барсом вышло большое огорчение: я все била на его *полосы,* ибо в подстрочнике он *определенно* и постоянно полосат, а оказалось, что он *не* полосатый, – пятнистый, и пришлось убрать все полосатые (обольстительные!) места.

Теперь – просьба. Как мне быть с перепечаткой? Гоготура мне сделали по дружбе, но тот человек уехал, да и все равно, я бы не обратилась – вторично. Нет ли у Вас знакомой машинистки? Это бы ускорило дело, – я до Муриного полного выздоровления в Москве не буду, да все равно у меня машинистки – нет. Дружеская услуга – не выход из положения, мне бы нужно кого-нибудь, кто всегда бы мог для меня печатать. Как это делается? С удовольствием заплачу что нужно. Барс – маленький, его можно скоро сделать, так что Вы до отъезда смогли бы показать его кому следует. Хорошо бы – три экз⟨емпляра⟩.

Позвоните мне в Голицыно — либо к 1 ч. 30 м⟨инутам⟩ — 2 ч., либо к 6 ч. 30 м⟨инутам⟩ — 7 ч., мне очень интересно, как Вам понравился Барс[1].

До свидания! Спасибо за все.

МЦ.

4

⟨*Начало июня 1940 г.*⟩[1]

Милый Виктор Викторович,

Я вчера Вам звонила, нас разъединили и после этого я в течение всего дня и нынешнего утра не могла к Вам дозвониться.

Ответьте мне, пожалуйста, через Мура, или позвоните по телеф⟨ону⟩ К-0-40-13, как обстоят дела с Этери. Мне крайне нужны деньги, я у всех заняла и больше не у кого, и дошла до последних 2 р⟨ублей⟩.

Мне бы хотелось знать:

1) одобрили ли Вы сделанное[2]

2) если да — *когда* и к *кому* мне идти за деньгами.

Сердечный привет.

МЦ.

Гольцев Виктор Викторович (1901—1955) — критик, литературовед, специалист по грузинской литературе.

М. И. Цветаева была знакома с В. В. Гольцевым еще в конце 10-х — начале 20-х годов, по студии Вахтангова, где работала его сестра, актриса Вера Гольцева (в замужестве — Яблонская).

Впервые — *Вестник РХД,* 1979, № 128. С. 189—191) (публикация В. А. Швейцер). Печатаются по тексту первой публикации с уточнениями по копиям, сверенным с оригиналами из РГАЛИ.

1

[1] Все письма Цветаевой к Гольцеву посвящены ее работе над переводом поэм Важа Пшавела. Гольцев был составителем и редактором антологии грузинской поэзии, а также одним из редакторов будущей книги В. Пшавела «Поэмы» (книга появилась только в 1947 г. В нее вошли все три перевода Цветаевой).

[2] Эту цифру подтверждает и Пастернак: «Она (Цветаева. — *Сост.*) не понимала, как можно переводить с языков, которых не знаешь. Жаловалась мне, что делает только 20 строк в день да потом их еще четыре дня переделывает. Я ей говорил, что для того, чтоб имело смысл этим заниматься, надо делать 100 строк в день. Я в то время мог делать по 150». (Цит. по кн.: Масленикова З. А. Портрет Бориса Пастернака. М.: Сов. Россия, 1990. С. 39—40.)

3

[1] Перевод «Раненого барса» — единственный перевод Цветаевой из Пшавела, который был опубликован в 1941 г. (Дружба народов. 1941. № 6. С. 296—301).

4

[1] Датируется условно, по содержанию. Как следует из письма 2 к Н. Я. Москвину, перевод «Этери» Цветаева предполагала закончить в июне. См. также следующий комментарий.

[2] В письме от 1 июня 1940 г. в адрес Гослитиздата, где должна была выйти книга поэм Пшавела, Гольцев дал свою характеристику цветаевскому переводу «Этери»: «М. Цветаева, будучи настоящим мастером поэтического слова, к сожалению, многого не уловила в поэме Важа Пшавела «Этери». Вещь не пришлась ей по душе и это сказалось на работе. Как человек очень добросовестный, она постаралась «исправить» авторский текст и потратила на это много лишнего времени. Но многое она сделала напрасно... Есть в переводе много очень хороших мест. *Считаю, что его можно принять и даже оплатить, но предупредить М. И. Цветаеву о необходимости внести целый ряд исправлений»* (выделено Гольцевым) (*Вестник РХД*. 1979, № 128. С. 190–191).

В. А. МЕРКУРЬЕВОЙ

1

Голицыно, Дом отдыха писателей (Белорусск⟨ой⟩ ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩)
20-го февраля 1940 г.

Дорогая Вера Меркурьева,
(Простите, не знаю отчества)

Я Вас помню – это было в 1918 г., весной, мы с вами ранним рассветом возвращались из поздних гостей. И стихи Ваши помню – не стро́ками, а интонацией, – мне кажется, вроде заклинаний?

Э⟨ренбур⟩г мне говорил, что Вы – ведьма и что он, конечно, мог бы Вас любить[1].

...Мы *все* старые – потому что мы раньше роди́лись! – и все-таки мы, в беседе с молодыми, моложе их, – какой-то неистребимой молодостью! – потому что на нашей молодости кончился старый мир, на ней – оборвался.

– Я редко бываю в Москве, возможно реже: ледяной ад поездов, и катящиеся лестницы, и путаница трамваев, – и у меня здесь в голицынской школе учится сын, от которого я не уезжаю, а – отрываюсь, и я как вол впряглась в переводную работу, на которую уходит *весь* день. И первое желание, попав в Москву – выбраться из нее. (У меня нет твердого места, есть – нора, вернее – четверть норы – без окна и без стола, и где – главное – нельзя курить.)

Но я все-таки приду к Вам – из благодарности, что вспомнили и окликнули.

МЦ.

2

Голицыно, 10-го мая 1940 г.

Дорогая Вера Меркурьева,

Не объясните равнодушием: всю зиму болел – и сейчас еще хворает сын, всю зиму – *каждый* день – переводила грузин – огромные глыбы неисповедимых подстрочников – а теперь прибавилось хозяйство (раньше мы столовались в Доме отдыха, теперь таскаю сюда и весь день перемываю свои две кастрюльки и переливаю – из пустого в порожнее:

если бы — из пустого в порожнее!) — кроме того, не потеряла, а *погребла* Ваше письмо с адресом, только помнила: Арбат, а Арбат — велик.

О Вашем знакомом[1]. Я поняла, что писатель, приехавший в писательский дом — жить, и рассчитывала встретиться с ним вечером (мы иногда заходим туда по вечерам), а когда мы пришли — его там не оказалось, т. е. оказалось, что он нарочно приезжал от Вас и тотчас же уехал. Вышло очень неловко: я даже не предложила ему чаю.

Буду у Вас (т. е. — надеюсь быть) 12-го, в выходной день, часам к 11-ти — 12-ти утра, простите за такой негостевой час, но я в городе бываю редко и всегда намало, и всегда столько (маленьких!) дел.

10-го июня собираюсь перебраться поближе к Москве, тогда, авось, будем чаще встречаться — если Вам этого, после встречи со мной, захочется.

Итак, до послезавтра!
Сердечно обнимаю

МЦ.

Непременно передайте Вашему знакомому, что я очень жалею, что его тогда — та́к — отпустила, но мне было просто неловко задерживать его, думая, что он торопится раскладываться и устраиваться.

Объясните ему.

3

Москва, 31-го августа 1940 г.

Дорогая Вера Александровна,

Книжка и письмо дошли, но меня к сожалению не было дома, так что я Вашей приятельницы[1] не видела. Жаль. Для меня нет чужих: я с каждым — с конца, как во сне, где нет времени на предварительность.

Моя жизнь очень плохая. Моя нежизнь. Вчера ушла с ул⟨ицы⟩ Герцена[2], где нам было очень хорошо, во временно-пустующую крохотную комнатку в Мерзляковском пер⟨еулке⟩[3]. Весь груз (колоссальный, все еще непомерный, несмотря на полный месяц распродаж и раздач) оставили на ул⟨ице⟩ Герцена — до 15-го сентября, в пустой комнате одного из профессоров. — А дальше??? —

Обратилась к заместителю Фадеева — Павленко[4] — очаровательный человек, вполне сочувствует, но дать ничего не может, у писателей в Москве нет *ни метра,* и я ему верю. Предлагал за́город, я привела основной довод: *собачьей тоски,* и он понял и не настаивал. (Загородом можно жить большой дружной семьей, где один другого выручает, сменяет, и т. д. — а та́к — Мур в школе, а я с утра до утра — одна со своими мыслями (трезвыми, без иллюзий) — и чувствами (безумными: *якобы*-безумными, — вещими), — и переводами, — хватит с меня одной такой зимы.⟨)⟩

Обратилась в Литфонд, обещали помочь мне приискать комнату, но предупредили, что «писательнице с сыном» каждый сдающий предпочтет одинокого мужчину без готовки, стирки и т. д. — Где мне тягаться с одиноким мужчиной!

Словом, Москва меня не вмещает.

Мне некого винить. И себя не виню, п. ч. это была моя судьба. Только — чем кончится??

Я свое написала. Могла бы, конечно, еще, но свободно могу *не.* Кстати, уже больше месяца не перевожу ничего, просто не притрагиваюсь к тетради: таможня, багаж, продажи, подарки (кому — чтó), беганье по объявлениям[5] (дала четыре — и *ничего* не вышло) — сейчас — переезд... И — доколе?

Хорошо, не я одна... Да, но мой отец поставил Музей Изящных Искусств — один на всю страну — óн основатель и собиратель, *его* труд — 14-ти лет, — о себе говорить не буду, нет, все-таки скажу — словом Шенье, его *последним* словом: — Et pourtant il y avait quelque chose là...* (указал на лоб)[6] — я не могу, не кривя душой, отождествить себя с любым колхозником — или одесситом — на к⟨оторо⟩го *тоже* не нашлось места в Москве.

Я не могу вытравить из себя чувства — *права.* Не говоря уже о том, что в бывшем Румянцевском Музее *три* наши библиотеки: деда: Александра Даниловича Мейна, матери: Марии Александровны Цветаевой, и отца: Ивана Владимировича Цветаева. *Мы* Москву — задарили. А она меня вышвыривает: извергает. И кто она такая, чтобы передо мной гордиться?

У меня есть друзья, но они бессильны. И меня начинают жалеть (чтó меня уже смущает, наводит на мысли) — совершенно чужие люди. Это — хуже всего, потому что я от малейшего доброго слова — интонации — заливаюсь слезами, как скала водой водопада. И Мур впадает в гнев. Он *не* понимает, что плачет не женщина, а скала.

...Единственная моя *радость* — Вы будете смеяться — восточный мусульманский янтарь, который я купила 2 года назад, на парижском «толчке» — совершенно мертвым, восковым, обогретым плесенью, и который с каждым днем на мне живеет: оживает, — играет и сияет изнутри. Ношу его на теле, невидимо. Похож на рябину.

Мур поступил в хорошую школу, нынче был уже на параде, а завтра первый день идет в класс.

...И если в сердечной пустыне,
Пустынной — до краю очей,
Чего-нибудь жалко — так сына:
Волчонка — еще поволчей...[7]

(Это — старые стихи. Впрочем, все старые. Новых — нет.)

С переменой мест я постепенно утрачиваю чувство реальности: *меня* — все меньше и меньше, вроде того стада, к⟨отор⟩ое на каждой изгороди оставляло по клоку пуха... Остается только мое основное *нет.*

---

* А все же кое-что здесь было... *(фр.)*

Еще одно. Я от природы очень веселая. (М. б. это — другое, но другого слова нет.) Мне *очень* мало нужно было, чтобы быть счастливой. *Свой* стол. Здоровье своих. Любая погода. Вся свобода. — Всё. — И вот — чтобы это несчастное счастье — та́к добывать, — в этом не только жестокость, но глупость. Счастливому человеку жизнь должна — радоваться, поощрять его в этом *редком* даре. Потому что от счастливого — идет счастье. От меня — шло. Здо́рово шло. Я чужими тяжестями (взва́ленными) играла, как атлет гирями. От меня шла — свобода. Человек — вдруг — знал, что выбросившись из окна — упадет *вверх.* На мне люди оживали как янтарь. Сами начинали играть. Я не в своей роли — скалы под водопадом: скалы, вместе с водопадом *падающей* на (совесть) человека... Попытки моих друзей меня растрагивают и расстраивают. Мне — совестно: что я еще жива. Та́к себя должны чувствовать столетние (умные) старухи...

Если бы я была на десять лет моложе: нет — на́ пять! — часть этой тяжести была бы — *с моей гордости* — снята тем, что мы для скорости назовем — женской прелестью (говорю о своих мужских друзьях) — а та́к, с моей седой головой — у меня нет ни малейшей иллюзии: всё, что для меня делают — делают *для меня* — а не для себя... И это — горько. Я та́к* привыкла — дарить!

(NB! Вот куда завела — «комната».)

Моя беда в том, что для меня нет ни одной *внешней* вещи, всё — сердце и судьба.

Привет Вашим чудным тихим местам. У меня лета не было, но я не жалею, единственное, что во мне есть русского, это — совесть, и она не дала бы мне радоваться воздуху, тишине, синеве, зная, что, ни на секунду не забывая, что — другой в эту же секунду задыхается в жаре и камне.

Это было бы — лишнее терзание.

Лето хорошо прошло: дружила с 84-летней няней, живущей в этой семье *60* лет. И был *чудный* кот, мышиный, египтянин, на высоких ногах, урод, но божество. Я бы — *душу* отдала — за такую няню и такого кота.

Завтра пойду в Литфонд («еще много-много раз») — справляться о комнате. *Не* верю. Пишите мне по адр⟨есу⟩: Москва, Мерзляковский пер⟨еулок⟩, д⟨ом⟩ 16, кв⟨артира⟩ 27

Елизавете Яковлевне Эфрон

(для М. И. Ц.)

Я здесь не прописана и лучше на меня не писать.

Обнимаю Вас, сердечно благодарю за память, сердечный привет Инне Григорьевне[8].

МЦ.

---

* Подчеркнуто три раза.

4

Ответ на письмо поэтессе В. А. Меркурьевой[1].
(меня давно знавшей)
— «В одном Вы ошибаетесь — насчет *предков*»...
Ответ: отец и мать — не предки. Отец и мать — исток: рукой подать. Даже дед — не предок. Предок ли прадед? Предки — давно и далёко, предки — череда, приведшая ко мне, ...
Человек, не чувствующий себя отцом и матерью — подозрителен. «Мои предки» — понятие доисторическое, мгла (туман) веков, из к‹ото-р›ой наконец проясняются: дед и бабка, отец и мать, — я.
Отец и мать — те, без к‹отор›ых меня бы не было. Хорош — туман! *Тó*, что я, *всё*, что я — от них (через них), и то, что они всё, что они — я.
Даже Гёте усыновил своего маниакального отца:

Von Vater hab ich die Statur,
Des Lebens ernstes Führen[2],
V‹on Mütterchen die Fohnatur›
U‹nd Lust zu fabulieren›*.
А Марк Аврелий — тот просто начинает:
Отцу я обязан...[3] — и т. д.

Без этой обязанности отцу, без гордости им, без ответственности за него, без связанности с ним, человек — СКОТ.
— Да, но сколько недостойных сыновей. Отец — собирал, сын — мот...
— Да, но разве это *мой* случай?
Я ничем не посрамила линию своего отца. (Он поставил) Он 30 лет управлял Музеем, в библиотеке к‹оторо›го — все мои книги.
Преемственность — налицо.
— «Отец, мать, дед»... «Мы Москву задарили»... «Да Вы-то сами — что́ дали Москве?»
Начнем с общего. Человек, раз он родился, имеет право на каждую точку земного шара, ибо он родился не только в стране, городе, селе, но — в мире.
Или: ибо родившись в данной стране, городе, селе, он родился — по распространению — в мире.
Если же человек, родясь, не имеет права на каждую точку земного шара — то на какую же единств‹енную› точку земного шара он имеет право? На ту, на к‹отор›ой он родился. На свою родину.
Итак я, в порядке каждого уроженца Москвы, имею на нее право, п. ч. я в ней родилась.
Что можно дать городу, кроме здания — и поэмы? (Канализацию, конечно, но никто меня не убедит, что канализация городу нужнее поэм. Обе нужны. По-иному — нужны.)

---

* Отцу обязан ростом я,
Серьезной в жизни целью,
‹От матушки — любовь моя
К рассказам и веселью.›
(Пер. с нем. Н. А. Холодковского.)

Перейдем к частному.

Что «я-то сама» дала Москве?

«Стихи о Москве» — «Москва, какой огромный странноприимный дом...» «У меня в Москве — купола горят»... «Купола — вокруг, облака — вокруг»... «Семь холмов — как семь колоколов»... — много еще! — не помню, и помнить — *не мне.*

Но даже — не напиши я Стихи о Москве — я имею право на нее в порядке русского поэта, в ней жившего и работавшего, книги к⟨оторо⟩го в ее лучшей библиотеке. (Книжки нужны? а поэт — нет?! Эх вы, лизатели сливок!)

Я ведь не на одноименную мне станцию метро и не на памятную доску (на доме, к⟨отор⟩ый снесен) претендую — на письменный стол белого дерева, под к⟨оторы⟩м пол, над к⟨отор⟩ым потолок и вокруг к⟨оторо⟩го 4 стены.

Итак, у меня два права на Москву: право Рождения и право избрания. И в глубоком двойном смысле —

Я дала Москве то, что я в ней родилась.

Родись я в селе Талицы Шуйского уезда Владим⟨ирской⟩ губ⟨ернии⟩, никто бы моего права на Талицы Шуйского уезда Владим⟨ирской⟩ губ⟨ернии⟩ не оспаривал.

Значит, всё дело в Москве — миров⟨ом⟩ городе.

А какая разница — Талицы и Москва?

Но «мировой город» — то она стала — потом, после меня, я — раньше нынешней, на целых 24 года, я родилась еще в «четвертом Риме»[4] и в той, где

...пасут свои стада
Патриархальные деревни
У Патриаршего пруда[5]

(*моего* пруда, пруда моего младенчества).

Оспаривая мое право на Москву, Вы оспариваете право киргиза на Киргизию, тунгуса на Тунгусию, зулуса на Зулусию.

Вы лучше спросите, что здесь делают 3 1/2 милл⟨иона⟩ немосквичей и что *они* Москве дали.

— Право уроженца — право русского поэта — право вообще — поэта, ибо если герм⟨анский⟩ поэт Р⟨ильке⟩, сказавший⟨:⟩

Als mich der grosse Ivan ans Herz schlug*[6], на Москву не вправе... то у меня руки опускаются, как всегда — от всякой неправды — кроме случая, когда правая — в ударе — заносится.

Все права, милая В⟨ера⟩ Ал⟨ександровна⟩, все права, а не одно.

Итак, тройное право, нет, четверное, нет, пятерное: право уроженца, право русского поэта, право поэта Стихов о Москве, право русского поэта и право вообще поэта:

Я — вселенной гость,
Мне — повсюду пир.
И мне дан в удел —
Весь подлунный мир![7]

---

* Когда Иван Великий ударил меня по сердцу... *(нем.)*

И не только подлунный!

МЦ.

14 сент⟨ября⟩ 1940 г. (NB! чуть было не написала *30 г.* А — хорошо бы!)

Меркурьева Вера Александровна (1876—1943)—поэтесса, переводчица. Публиковалась в альманахах и периодических изданиях. Участвовала в московском литературном кружке «Зерна» (1917—1918). Выпустила единственную книгу—переводы Шелли (Москва, 1937).

Впервые письма 1—3—*НП*, письмо 4—в книге: *М. Белкина.* С. 152—154, где оно опубликовано по тексту черновой тетради. Печатаются по текстам первой публикации, при этом письма 1—3 сверены по копиям с оригиналов.

1

[1] Ср. в письме И. Г. Эренбурга М. А. Волошину от 30 октября 1918 г.: «Я перевидел за год немало людей, но близко ни с кем не сошелся кроме двух поэтесс—Кузьм⟨иной⟩-Караваевой и Меркурьевой». (Цит. по: Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. Т. 1. М.: Сов. писатель, 1990. С. 582.)

2

[1] А. С. Кочетков (см. письмо к нему). Возможно, Меркурьева хотела познакомить с ним Цветаеву и пригласить на лето в местечко Старки под Москвой. (Подробнее см.: Петросов К. Г. Литературные Старки. М.: Знание, 1991. С. 37—39.)

3

[1] *Ваша приятельница*—Збруева Нина Павловна. Направляя Н. П. Збруеву к Цветаевой, Меркурьева писала ей 24 августа 1940 г.: «...мож⟨ет⟩ быть, она (т. е. Збруева.—*Сост.*) Вам сможет в чем-нибудь помочь. В ее добром желании можно не сомневаться». (*М. Белкина.* С. 146.)

[2] После отъезда из Голицыно, с июня по конец августа, Цветаева с сыном жили в университетском доме по улице Герцена, 6, в квартире академика А. Н. Северцова. (Подробнее см.: *М. Белкина.* С. 132—135).

[3] *Комнатка* Е. Я. Эфрон и З. М. Ширкевич. Ее обитатели в это время жили на даче. См. письмо 13 к Е. Я. Эфрон (т. 6).

[4] См. письмо к П. А. Павленко.

[5] Речь идет об объявлениях о снятии квартиры. Вот одно из них: «Писательница с сыном снимет ⟨на⟩ длит⟨ельный⟩ срок комн⟨ату⟩ 20 м⟨етров⟩ (без мебели). И 1-22-15, с 6—9 ч.» (Вечерняя Москва. 1940. 20 августа).

[6] Эту фразу А. Шенье Цветаева приводила и в письме к А. А. Тесковой от 10 ноября 1938 г. (письмо 111, т. 6).

[7] Заключительная строфа стихотворения М. Цветаевой «Уж если кораллы на шее...» (1935). См. т. 2.

[8] Жена поэта А. С. Кочеткова.

4

[1] О письме В. А. Меркурьевой, текст которого неизвестен, и черновике ответа Цветаевой на него, М. И. Белкина писала:

«Письмо Меркурьевой, на которое дает ответ Марина Ивановна, я никогда не держала в руках, но все же как-то не верится, чтобы старая интеллигентная женщина, доброжелательно относящаяся к Марине Ивановне, разыскавшая ее, окликнувшая по возвращении из эмиграции (на что отнюдь не у многих из прежних друзей и знакомых хватило храбрости), вдруг столь бестактно могла бы написать—мол, предки-предками, а вы-то сами что дали Москве, какое у вас на нее право?!...

Может, этот черновой набросок *ответа* и есть тот внутренний монолог, тот спор *внутри* себя, который нам так часто приходится вести, уподобляясь Дон-Кихоту, сражающемуся с ветряными мельницами,—изматываясь, изнашиваясь от этой бесплодной и безнадежной борьбы, но не имея сил и возможности, по тем или иным причинам, высказать все напрямик там, где надо бы, где следовало бы и кому следовало бы! И потом вдруг, уже вконец измучившись от бессмысленного повторения, от безнадежного спора *внутри* себя,—срываемся на чем-то, на ком-то, не имеющем отношения к тому, что нас мучало.

Может, Марина Ивановна дает эту гневную отповедь, зацепившись за какую-то случайную и не очень точно сформулированную фразу в письме Меркурьевой?!» (*М. Белкина.* С. 154.)

[2] Начальная строфа стихотворения Гёте из цикла «Zahm Xenien», VI («Кроткие ксении»).

[3] См. комментарий к письму 2 к Л. О. Пастернаку (т. 6).

[4] *«четвертый Рим»*—выражение восходит к теории о Москве как третьем Риме, хранителе православия, притом что «четвертому не бывать». Автор этой теории—игумен одного из Псковских монастырей, старец Филофей (XVI в.). В письме Цветаевой «четвертый Рим» означает самую «последнюю настоящую», «подлинную» Москву (дореволюционную) в отличие от «нынешней, зазнавшейся». Ср. также стихотворение О. Мандельштама «На розвальнях, уложенных соломой...» (1916).

[5] Цитата из стихотворения П. А. Вяземского «Твердят: ты с Азией Европа...» (1858) из цикла «Очерки Москвы».

[6] Цветаева пересказывает слова Рильке из его письма 1904 г. к Лу Андреас-Саломе, где Рильке пишет о своем впечатлении от пасхальной ночи, проведенной им в московском Кремле. См.: *Небесная арка.* С. 115, 240.

[7] Перефразированные строки из стихотворения К. Павловой «Поэт»; «Он вселенной гость, ему всюду пир,//Всюду край чудес;//Ему дан в удел весь подлунный мир,//Весь объем небес...» В своей интерпретации Цветаева часто цитирует эти строки. См., например, «Герой труда» (т. 4), «Поэт-альпинист» (т. 5).

Н. Я. МОСКВИНУ

1

Голицыно, 9-го/22-го марта 1940 г., весна.

Дорогой Николай Яковлевич!

Приветствую Вас сегодня, в первый день весны. У нас он—сияющий. К. Зелинский[1], огромного роста, с утра расчищает в саду огромную, по росту—не дорожку, а дорогу—целую дорогу весны.

Я о Вас скучаю, по-настоящему, я к Вам очень привязалась.

Кончаю очередного Робин Гуда – выручало – и тихо, но верно подхожу к подножию полуторатысячестрочной горы – Этери[2]. Эта Важа (она же – Пшавела) меня когда-нибудь – раздавит.

Народ – всё критики, из некритиков – Пяст[3], очень больной, тяжко и громко дышащий, и трогательно старающийся быть как все, и чем больше старается – тем безнадежней отличается.

Мур как будто выздоровел, целую пятидневку ходит в школу, но – новая напасть: ему хотят привить тиф, а я боюсь, п. ч. t° к 6 ч. иногда еще повышается, и боюсь за сердце – ослабленное. Пока что – оттянула и написала Струкову[4] – что посоветует.

Из местных новостей – сильнейшая реакция М. С. Ш⟨агинян⟩ на статью Асеева – два Ш.[5] Я, не входя в содержание спора, любовалась ее живостью.

– Ах, жаль, Вас нет, потому что –

Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной – седьмой![6]

А шкура – самая настоящая: баррранья, только не вызолоченная, а высеребренная, седая, мне в масть, цвета талого снега, купила за 70 р⟨ублей⟩ в местном Сельмаге, в мире реальном это воротник, огромный.

Бог наделил меня самой демократической физикой: я все люблю – самое простое, и своего баррана не променяла бы ни на какого бобра.

Эта шкура – Вам в честь.

До свидания – не знаю, когда, но *всегда* – с огромной радостью. Поцелуйте Таню[7], Вас обнимаю. Мур шлет привет.

МЦ.

– Каждый раз – когда ели крабов – укол грусти, ибо никто их так весело не ест, как мы с Вами, теперь я их ем *одна* – и они стали простым продовольствием.

В последнюю минуту убедилась, что у меня нет Вашего другого адр⟨еса⟩ – посылаю на Таню.

2

Голицыно, Белорусской ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩ – возде Дома Писателей – 28-го марта 1940 г.

Дорогой Николай Яковлевич,

Нынче утром я шла в аптеку – за лекарством для Мура (у него очередной грипп, пролежал несколько дней с t°, нынче первый день встал, но, конечно, не выпускаю) – итак, бегу в аптеку, встречаю у станции С⟨ерафиму⟩ И⟨вановну⟩ и, радостно: – Ну, что – получили деньги? (Я вчера вечером, наконец, принесла ей остаток долга, но ее не было, оставила, для передачи Финку)[1] – Да. – Значит, мы в расчете? – Да, М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩, но когда же – остальное? – Т. е. какое остальное? Я же внесла все 830 р⟨ублей⟩! – Да, но это – одна путевка... – Т. е. как – одна? – Да, плата за одну путевку – 830 р⟨ублей⟩, а за две 1660 р⟨ублей⟩. – Вы хотите сказать – за два месяца? – Нет, за один. Последнее постановление Литфонда. Вы, очевидно, меня не поняли: пользующиеся Домом свыше 3-ех месяцев платят 830 р⟨ублей⟩. – Но мы же не в *доме*,

мы в доме—часу не жили, мы же еще за комнату платим 250 р⟨уб-лей⟩.—Я им говорила, что Вы мало зарабатываете...—И еще скажите. Скажите, что я больше 850 р⟨ублей⟩ за двоих платить не могу.—Тогда они сразу снимут одного из вас с питания.

Расходимся. Два часа спустя прихожу в Дом завтракать—в руках, как обычно, кошелка с Муриной посудой. У телефона—С⟨ерафима⟩ И⟨вановна⟩.

— «...Она говорит, что столько платить не может»...—Пауза.—«Снять с питания? Хорошо. Сегодня же? Так и сделаю».

Иду в кухню, передаю свои котелки. Нюра:—Да разве Вы не завтракаете?—Я:—Нет. Дело в том—дело в том—что они за каждого просят 830 р⟨ублей⟩—а у меня столько нет—и я, вообще, честный человек—и—я желаю им всего худшего—и дайте мне, пожалуйста, на одного человека.—

Зашла С⟨ерафима⟩ И⟨вановна⟩, предложила сегодня меня еще накормить, предложила мне воды, воду я выпила, от еды отказалась.—Сначала, сгоряча, я хотела написать Новикову[2]—Шагинян—или даже поехать,—но потом—вдруг—поняла, что *не* надо, что это—моя судьба, что «одно к одному», т. е. данное—к многому.—Я, было, обратилась к Ермилову[3], члену правления Литфонда, выписала ему все цифры: весь доход за 5 месяцев (вплоть до 15-го июня)—и то, что уже выплачено в Литфонд, и за комнату, все очень *точно*, но—встретив его вторично, на улице (шла на почту), сказала, что главная моя цель— чтобы Мур смог здесь кончить школу, т. е. чтобы Литфонд—у нас путевка до 15-го апреля—дал нам путевку еще на 2 месяца. Продолжаю—Вам: если я буду просить *сбавки* (т. е. 830 р⟨ублей⟩—850 р⟨ублей⟩ за двоих), они нам не продлят и тогда вся эта мука с Муром, и его школой, и докторами, и банками, и ежемесячным учителем—была *зря*. Возможный случай: они нам дадут *две* путевки с условием, что я при первой возможности верну. Не хочу подписывать такой бумаги: 1) п. ч. знаю, что *не* верну, 2) п. ч. считаю такую цену—830 р⟨ублей⟩ за одну только еду: *мою* еду—ну—для себя неловкой, я никогда так широко не жила, не теперь начинать.

Этим кончается целый период моей голицынской жизни: вся *совместность*. Жаль—для Мура, для себя—не очень, последнее время все было очень *сухо,*—не сравнить с нашими временами, просто: у меня не было ни одного человека, которому бы я радовалась, а без этого мне и все сорок не нужны. Приехала очень элегантная детская писательница[4] и сразу дала мне совет писать сначала все начерно, а потом уже «отделывать», на что я скромно ответила, что у каждого—свой опыт, свои возможности—и невозможности... Я, вообще, с Вашего отъезда, перед всеми извиняюсь, что я так *хорошо* (т. е. медленно, тщательно, беспощадно) работаю—и так мало зарабатываю. На обороте, кстати, найдете мой заработок. Я убеждена, что, если бы я плохо работала и хорошо зарабатывала, люди бы меня бесконечно больше уважали, но—мне из людского уважения—не шубу шить: мне не из людского уважения шубу шить, а из своих рукописных страниц.

С 15-го февраля по 15-ое марта Литфонд за столование нас обоих взял 800 р⟨ублей⟩, т. е. 400 р⟨ублей⟩ за человека.

С 15-го марта по 15-е апреля Литфонд за столование нас обоих хочет 1660 р⟨ублей⟩, т. е. 830 р⟨ублей⟩ за человека, т. е. больше чем вдвое.

И мы еще платим 250 р⟨ублей⟩ за комнату, т. е. вся жизнь нам обходится 1910 р⟨ублей⟩, т. е. *955 р⟨ублей⟩ на человека.* Живущие же в Доме отдыха платят *550 р⟨ублей⟩* и пользуются всем (чем мы *не*).

Мои получки

60% за Важу Пшавелу — Гоготур и Апшина	—	1190 р⟨ублей⟩
100% за Важу Пшавелу — Барс	—	600 р⟨ублей⟩
60% за Робин Гуда I	—	200 р⟨ублей⟩
25% аванса за «Этери»	—	1300 р⟨ублей⟩
		3290 р⟨ублей⟩

+ 60% за редактирование французского перевода Джангара — приблизительно 150 р⟨ублей⟩ и 60% за Р. Гуда — 300 р⟨ублей⟩, к⟨отор⟩ые вскоре должна получить.

Итого, с 15-го января по 15-ое июня (ибо до сдачи Этери не заработаю больше ни копейки) — 3840 р⟨ублей⟩ — за 5 месяцев. А с меня требуют 1910 р⟨ублей⟩ *в месяц.*

Этери еще не начинала, теперь весь день придется мыть посуду, п. ч. ее мало и не выношу грязной.

Звонить больше не придется, буду бывать в Доме 2 раза в день, — к 2 ч. и к 7 ч. — забирать пó две еды, а то — неловко. Дружок, когда Вы говорили: занять у Литфонда — я уже тогда ощутила — безнадежность. *Дают только богатым.* — On ne prête qu' aux riches: *старая* французская поговорка[5]. Читаю сейчас Житие протопопа Аввакума[6]. Обнимаю Вас и Таню.

МЦ.

Москвин (настоящая фамилия Воробьев) Николай Яковлевич (1900—1968) — русский советский писатель.

С Н. Я. Москвиным и его женой Т. Н. Кваниной (см. письма к ней) Цветаева познакомилась в декабре 1939 г. в Голицыно.

Впервые — *Вестник РХД,* 1979, № 128. С. 180—184 (публикация В. А. Швейцер). Печатаются по текстам первой публикации с исправлением опечаток и неточностей по сверенным с оригиналами копиям.

1

[1] *Зелинский* Корнелий Люцианович (1896—1970) — советский литературовед, критик. См. запись Цветаевой от 6 января 1941 г. и комментарии к ней в т. 4.

[2] См. комментарий 2 к письму 4 к М. С. Шагинян.

[3] *Пяст* (настоящая фамилия Пестовский) Владимир Алексеевич (1886—1940) — поэт, переводчик.

[4] *Струков* Евгений Владимирович — врач из поликлиники Литфонда.

[5] *...на статью Асеева — два Ш...* — имеется в виду статья Н. Н. Асеева «Довольно ли Маяковского?» (Правда, 1940. 20 марта), где автор рассказывает о встрече «писательницы Ш»⟨агинян⟩ с «писателем Ш»⟨кловским⟩. Узнав, что писатель только что закончил книгу о Маяковском, писательница «поморщилась»: «Опять о Маяковском? Не довольно ли Вашего Маяковского? Надоело! Одна строчка Шевченко лучше всего Маяковского!..»

Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — писатель, литературовед. В 1940 г. вышла его книга «О Маяковском» (М.: Сов. писатель).

[6] Из стихотворения М. Цветаевой «Здравствуй! Не стрела, не камень...» (1922). См. т. 2.

[7] *Таня* — Т. Н. Кванина.

2

[1] *С⟨ерафима⟩ И⟨вановна⟩* – С. И. Фонская.

Финк Виктор Григорьевич (1888–1973) – советский писатель, прозаик.

[2] И. А. Новиков – см. комментарий 2 к письму 3 к Л. В. Веприцкой.

[3] *Ермилов* Владимир Владимирович (1904–1965) – советский критик, литературовед.

[4] *Любимова* Валентина Алеrсандровна (1895–1968) – детская писательница, драматург.

[5] Поговорка восходит к Евангелию (Матфей, XIII, 12): «Кто имеет, тому дано будет и приумножиться».

[6] *Житие протопопа Аввакума* – памятник древнерусской литературы (1672–1675), автобиография главы и идеолога старообрядчества Аввакума Петровича (1620 или 1621–1682). Сожжен по царскому указу. «Житие» было впервые опубликовано в 1851 г., с тех пор неоднократно переиздавалось.

О. А. МОЧАЛОВОЙ

Голицыно, Белорусской ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩
Дом Писателей.
29-го мая 1940 г.

1

Мне кажется – это было лето 1917 г. Достоверно – Борисоглебский переулок, старый дом, низкий верх, наши две молодости – с той, неувядающей. Помню слово Бальмонта после Вашего ухода: – Ты знаешь, Марина, я слышал бесчисленных начинающих поэтов и поэтесс: и в *женских* стихах – *всегда* что-то есть.

Не было ли у Вас стихов про *овощи* (морковь)? Или я путаю? Тогда – простите.

...А волк мне – и по сейчас нравится, и если бы Вы знали, как я именно *сейчас* по такому сытому волку (ску) – тоскую! Вот Вам выписка, с полей моей черновой тетради (перевожу третью за́ зиму – и неизбывную – грузинскую поэму)[1]:

«Голицыно, кажется 24-го мая 1940 г. – новый неприютный дом – по ночам опять не сплю – боюсь – слишком много *стекла* – одиночество – ночные звуки и страхи: то машина, черт ее знает что́ ищущая, то нечеловеческая кошка, то треск дерева – вскакиваю, укрываюсь на постель к Муру (*не* бужу), – и опять читаю (хорошо *ему* было – писать! лучше, чем мне – читать!) – и опять – треск, и опять – скачок, – и та́к – до света. Днем – холод, просто – лед, ледяные руки и ноги и мозги, девчонка переехала ногу велосипедом, второй день не выхожу: нога – гора, на телеграмму, посланную 21-го – ни звука, в доме – ни масла, ни овощей, одна картошка, а писательской еды не хватает – голодновато, в лавках – ничего, только маргарин (брезгую – неодолимо!) и раз удалось достать клюквенного варенья. Голова – тупая, ледяная, уж не знаю что́ тупее (бездарнее) – подстрочник – или я??

У меня нет друзей, а без них – *гибель*».

(Мур — это мой 15-летний сын, *всю* зиму болевший: пять болезней, — только что отболел пятой. Остальные пояснения — при встрече.)

Спасибо за стихи[2]. Они мне напомнили — и на секунду *вернули* — меня — тý. Но водопад — упал.

Мне очень, очень хочется Вас увидеть — у меня из тех времен почти никого не осталось: — иных уж нет, а те — далече... и у меня здесь нет *ни одного женского друга.*

Теперь — как осуществить встречу? Хотите — приезжайте ко мне в следующий выходной (т. е. *через — следующий*) — 6-го. Это наши с сыном последние здесь дни, 8-го начнутся сборы, а 10-го мы выезжаем, — куда, еще неизвестно — во всяком случае встреча — затянется.

Ехать с Белорусского вокзала, касса пригородных поездов (впрочем, раз *Фили* — Вы эту дорогу знаете). Вот, на выбор, два поезда: 12 ч. 55 м. (т. е. без пяти час) — тогда Вы у меня будете в начале третьего, и 2 ч. 41 м. — тогда Вы у меня будете без чего-то четыре. Поезжайте лучше первым, — больше времени будет, пойдем в лес (мы на самой опушке), около 7 ч. пообедаем (завтра еду в город и чего-нибудь куплю, — голодной *не* будете), а вечером — когда захотите — проводим Вас с сыном на вокзал, вечерних поездов — много.

Если же *тотчас же* по получении напишете мне по адр⟨есу⟩ Ст⟨анция⟩ Голицыно, Белорусской ж⟨елезной⟩ д⟨ороги⟩, Дом творчества писателей, М. И. Ц⟨ветаевой⟩ (последнее, конечно — полностью!) — *каким* поездом выедете — мы Вас встретим, а Вы нас — конечно узнаете: я, все-таки, немножко — похожа, а сын похож на меня — тý, еще примета: он очень высокий. — Пишите час *отхода* поезда, час прихода я высчитаю.

Дальше: если бы мы почему-нибудь — разминулись — спрашивайте Коммунистический проспект. Дом Писателей (всякий знает), и, минуя Дом Писателей, идите по Коммунистическому проспекту дальше, до самого конца, последний дом справа: дача Лисицыной, № 24, открывайте калитку, проходите куриный дворик, открывайте вторую калитку — и левое крыльцо — наше.

Но если вóвремя известите — встретим, непременно.

До свидания! Еще раз спасибо за стихи и память.

МЦ.

Я живу — не в Доме, но письма идут — туда.

2

Москва, 31-го мая 1940 г.

Милая Ольга Алексеевна,

Вчера, 30-го, отправила Вам письмо с приглашением на 6-ое, и вчера же узнала, что мы должны выехать уже 7-го и что, кроме того, я должна галопом переписывать свой грузинский перевод. Поэтому — увы — наша встреча откладывается.

3-го должна смотреть комнату[1], сдающуюся на лето, как только устроюсь — напишу Вам, и увидимся уже в Москве.

Мне очень жаль, что так вышло, но кто из нас — хозяин своей судьбы?

Итак — до скорого свидания!

Я думаю — мы сможем увидеться около 12-го, когда хоть немножко устроюсь и сдам грузин.

МЦ.

3

Воскресенье, 8-го декабря 1940 г.

Милая Ольга Алексеевна,

Хотите — меняться? Мне до зарезу нужен полный Державин, — хотите взамен мое нефритовое кольцо (жука), оно — счастливое и в нем вся мудрость Китая. Или — на что́ бы Вы, вообще, обменялись?

Назовите *породу* вещи, а я соображу.

Я бы Вам не предлагала, если бы Вы *очень* его любили, а я его — *очень* люблю.

Есть у меня и чудное ожерелье богемского хрусталя, — вдвое или втрое крупнее Вашего. Раз Вы эти вещи — любите.

Думайте и звоните[1].

Всего лучшего! Привет Зосе[2]. Она обмен одобрит, ибо кольцо будет закатывать (под кровать), а ожерелье — объект: по ягодке.

МЦ.

Мочалова Ольга Алексеевна (1898 — ок. 1978) — поэтесса, окончила Московский университет по отделению языкознания, практически не публиковалась.

Весной 1940 г. О. А. Мочалова окликнула Цветаеву «письмом признания и участия». Цветаева ответила. Личная же их встреча состоялась в ноябре 1940 г. О встрече см. также письмо 1 к Т. Н. Кваниной. Подробнее см.: *Воспоминания о Цветаевой.* С. 488 — 494.

Впервые — письма 1 и 2 в *НП* (с неточностями), письмо 3 — *Вестник РХД,* 1976, № 119. С. 232. Печатаются по тексту републикации, выверенному А. Саакянц по оригиналам (в кн.: Цветаева М. «Поклонись Москве...» М.: Моск. рабочий, 1989. С. 493 — 495).

1

[1] Поэма Важа Пшавела «Этери».

[2] О стихах О. А. Мочаловой см. также предисловие Вячеслава Иванова к невышедшему сборнику ее стихов (1924) (Новый журнал. 1978. № 30. С. 156 — 158).

2

[1] См. комментарий 2 к письму 3 к В. А. Меркурьевоей.

3

[1] Обмен совершился в очередной приход Цветаевой к Мочаловой. (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 493).

[2] Мочалова писала о первом посещении Цветаевой ее дома 7 декабря 1940 г.: «Как только Марина Цветаева вошла в мою комнату, она бросилась обнимать и ласкать кота Василия и кошку Зосю. Зося имела особенный успех». (Там же. С. 491.)

П. А. ПАВЛЕНКО

Москва, ул⟨ица⟩ Герцена,
д⟨ом⟩ 6, кв⟨артира⟩ 20 (Северцова)
27-го августа 1940 г.

Многоуважаемый товарищ Павленко,

Вам пишет человек в отчаянном положении.

Нынче 27-ое августа, а 1-го мы с сыном, со всеми нашими вещами и целой библиотекой — на улице, потому что в комнату, которую нам сдали временно, въезжают обратно ее владельцы.

Начну с начала.

18-го июня 1939 г., год с лишним назад, я вернулась в Советский Союз, с 14-летним сыном, и поселилась в Болшеве, в поселке Новый Быт, на даче, в той ее половине, где жила моя семья, приехавшая на 2 года раньше. 27-го августа (нынче годовщина) была на этой даче арестована моя дочь, а 10-го Октября — и муж. Мы с сыном остались совершенно одни, доживали, топили хворостом, который собирали в саду. Я обратилась к Фадееву за помощью. Он сказал, что у него нет ни метра[1]. На даче стало *всячески* нестерпимо, мы просто *замерзáли*, и 10-го ноября, заперев дачу на ключ (NB! у нас нашей жилплощади никто не отнимал, и я была там прописана вместе с сыном на площади мужа) — итак, заперев дверь на ключ, мы с сыном уехали в Москву к родственнице, где месяц ночевали в передней без окна на сундуках, а днем бродили, потому что наша родственница давала уроки дикции и мы ей мешали.

Потом Литфонд устроил нас в Голицынский Дом Отдыха, вернее мы жили *возле* Дома Отдыха, столовались — там. За комнату, кроме 2-х месяцев, мы платили сами — 250 р⟨ублей⟩ в месяц, — маленькую, с фанерной перегородкой, не доходившей дó верха. Мой сын, непривычный к такому климату, *непрерывно* болел, болела и я, к весне дойдя до кровохарканья. Жизнь была очень тяжелая и мрачная, с керосиновыми негорящими лампами, таcканьем воды с колодца и пробиваньем в нем льда, бесконечными черными ночами, вечными болезнями сына и вечными ночными страхами. Я всю зиму не спала, каждые полчаса вскакивая, думая (надеясь!), что уже утро. Слишком много было стекла (вс́е эти стеклянные террасы), черноты и тоски. В город я не ездила никогда, а когда ездила — скорей кидалась обратно от страха не попасть на поезд. Эта зима осталась у меня в памяти как полярная ночь. Все писатели из Дома Отдыха меня жалели и обнадеживали...

Всю зиму я переводила. Перевела две английские баллады о Робин Гуде, три поэмы Важа Пшавела (больше 2000 строк), с русского на французский ряд стихотворений Лермонтова[2], и уже позже, этим летом, с немецкого на французский большую поэму Бехера[3] и ряд болгарских стихотворений[4]. Работала не покладая рук — ни дня роздыха.

В феврале месяце мы из Голицына дали объявление в Веч⟨ерней⟩ Москве о желании снять в Москве комнату. Отозвалась одна гражданка, взяла у нас за 6 месяцев вперед 750 руб⟨лей⟩ — и вот уже *6* месяцев как предлагает нам комнату за комнатой, *не показывая* ни одной и давая нам ложные адреса и имена. (Она за этот срок «предложила» нам *4* комнаты,

а показала только одну, в которую так и не впустила, потому что там живут ее родные.) Она все отговаривалась «броней», которую достает, но ясно, что это — мошенница.

— Дальше. —

Если не ошибаюсь, к концу марта, воспользовавшись первым теплом, я проехала к себе в Болшево (где у меня оставалось полное хозяйство, книги и мебель) — посмотреть — как там, и обнаружила, что дача взломана и в моих комнатах (двух, одной — 19 метров, другой — 7-ми метров) поселился начальник местного поселкового совета. Тогда я обратилась в НКВД и совместно с сотрудниками вторично приехала на дачу, но когда мы приехали, оказалось, что один из взломщиков — а именно начальник милиции — *удавился*, и мы застали его гроб и его — в гробу. Вся моя утварь исчезла, уцелели только книги, а мебелью взломщики до сих пор пользуются, потому что мне *некуда* ее взять.

На возмещение отнятой у меня взломщиками жилплощади мне рассчитывать нечего: дача отошла к Экспортлесу, вообще она и в мою бытность была какая-то спорная, неизвестно — чья, теперь ее по суду получил Экспортлес.

Так кончилась моя болшевская жилплощадь.

— Дальше. —

В июне мой сын, несмотря на непрерывные болезни (воспаление легких, гриппы и всяческие заразные), очень хорошо окончил седьмой класс Голицынской школы. Мы переехали в Москву, в квартиру профессора Северцова (университет) нá 3 месяца, до 1-го сентября. 25-го июля я наконец получила по распоряжению НКВД весь свой багаж, очень большой, около года пролежавший на таможне под арестом, так как был адресован на имя моей дочери (когда я уезжала из Парижа, я не знала, где буду жить, и дала ее адрес и имя). Всё носильное и хозяйственное и постельное, весь мой литературный архив и вся моя *огромная* библиотека. Все это сейчас у меня на руках, в одной комнате, из которой я 1-го сентября *должна* уйти со *всеми* вещами. Я *очень* много раздарила, разбросала, пыталась продавать книги, но одну берут, двадцать *не* берут, — хоть на улицу выноси! — книг *5* ящиков, и вообще — груз огромный, ибо мне в Советском Консульстве в Париже разрешили везти *всё* мое имущество, а жила я за границей — 17 лет. —

Итак, я *буквально* на улице, со всеми вещами и книгами. Здесь, где я живу, меня больше не прописывают (Университет), и я уже 2 недели живу без прописки.

1-го сентября мой сын пойдет в 167 школу — *откуда?*

Частная помощь друзей и всё их усилия не привели ни к чему.

Положение безвыходное.

Зáгород я не поеду, п. ч. там *умру* — от страха и черноты и полного одиночества. (Да с таким багажом — и зарежут.)

Я *не* истеричка, я совершенно здоровый, простой человек, спросите Бориса Леонидовича.

Но — меня жизнь за этот год — добила.

Исхода *не* вижу.

Взываю к помощи.

Марина Цветаева

Павленко Петр Андреевич (1899—1951)—советский писатель. Главный редактор журнала «30 дней», альманаха «Дружба народов», секретарь Союза писателей.

Цветаева познакомилась с Павленко после того, как он получил ее письмо. Подробнее см.: *М. Белкина*. С. 145—146.

Впервые—*Соч., 88, 2*. С. 545—548. Печатается по тексту первой публикации.

[1] *Фадеев* Александр Александрович (1901—1956)—советский писатель. В 1939—1944 гг.—секретарь Союза писателей. Сохранилось ли письмо Цветаевой к нему, неизвестно. В своем ответе от 17 января 1940 г. Фадеев отказал Цветаевой в жилплощади:

«⟨...⟩ Но достать Вам в Москве комнату абсолютно невозможно. У нас большая группа очень хороших писателей и поэтов, нуждающихся в жилплощади. И мы годами не можем достать им ни одного метра.

Единственный выход для Вас: с помощью директора Дома отдыха в Голицыно (она член местного поселкового Совета) снять комнату или две в Голицыно. Это будет стоить Вам 200—300 рублей ежемесячно. Дорого, конечно, но при Вашей квалификации Вы сможете много зарабатывать одними переводами—по линии издательств и журналов. В отношении работы Союз писателей Вам поможет». (Цит. по: *М. Белкина*. С. 73.)

[2] В июле—августе 1939 г. в Болшеве Цветаева перевела на французский двенадцать стихотворений М. Ю. Лермонтова: Сон («В полдневный жар...»), Казачья колыбельная песня, «Выхожу один я на дорогу...», И скучно, и грустно, Любовь мертвеца, «Прощай, немытая Россия...», Эпиграмма («Под фирмой иностранной иностранец...»), Родина, Предсказание, Смерть поэта, «Опять, народные витии...», «Нет, я не Байрон...». Три из них (И скучно, и грустно, Смерть поэта, «Нет, я не Байрон...») были опубликованы в журнале «Revue de Moscou» (1939, № 10). Последняя редакция переводов Лермонтова находится в цветаевской части коллекции А. Крученых в РГАЛИ. (Встречи с прошлым. Вып. 3. М.: Сов. Россия, 1973. С. 298.)

[3] Перевод поэмы немецкого писателя Иоганнеса Роберта *Бехера* (1891—1958) не обнаружен.

[4] Переводы Цветаевой с болгарского из Е. Багряны, Н. Ланкова, Л. Стоянова были опубликованы в журнале «Интернациональная литература» (1940, № 7—8). См. т. 2.

Н. Н. ВИЛЬЯМУ-ВИЛЬМОНТУ

⟨7-го октября 1940 г.⟩[1]
Покровский бульв⟨ар⟩ д⟨ом⟩ 14/5, 4-й подъезд, кв⟨артира⟩ 62 (6 эт⟨аж⟩).

Дорогой Николай Николаевич,

я выбрала стихи из Ремесла[2] (около 500 стр⟨ок⟩), но—ряд сомнений, самостоятельно неразрешимых. Хотелось бы поскорее Вам их показать (*до* переписки). Позвоните мне, пожалуйста 1) не могли бы Вы ко мне заехать *днем*, когда хотите, начиная с 3 час⟨ов⟩ (к 7 1/2 час⟨ам⟩ я начинаю вечернюю возню с кухней ⟨)⟩ 2) если нет—когда мне можно заехать к Вам вечером, уже накормив Мура, т. е. между 9 ч. и 10 ч. (он приходит то в 8 ч., то в 9 ч.). *Мне* было бы приятнее, чтобы днем—п. ч. голова

светлее 〈...〉* и я к Вам, но, по-моему, Вы в эти часы дома не бываете.

Словом — как Вам удобнее.

Хотелось бы сдать книгу еще на этой неделе, будет — гора с плеч!

Не звоню, п. ч., мне кажется, Вас дома неохотно вызывают, и я боюсь. («Я всего боюсь» — мой вариант знаменитого речения Достоевского.)[3]

До свидания, милый. Жду звонка.

МЦ.

Мой тел. К-7-96-23

P. S. Кроме *9-го вечером* (если я́ — к Вам).

Вильям-Вильмонт Николай Николаевич (1901 — 1986) — литературовед, переводчик, германист, автор многочисленных статей о немецкой литературе.

Цветаева подружилась с Вильмонтом в 1940 г., писала ему письма (по-немецки, они не сохранились). «Она говорила, что Вильмонт похож на Рильке, он напоминает ей Рильке, которого, кстати, она никогда и не видела. Вильмонт сердился: при чем тут Рильке? Но она ведь увлеклась Вильям-Вильмонтом, каким он представлялся ее воображению, — каким она его творила!» (*М. Белкина.* С. 174.)

Впервые — в кн.: *М. Белкина.* С. 166. Печатается по тексту первой публикации.

[1] Датировано по почтовому штемпелю *(Поэт и время.* С. 150).

[2] Сборник Цветаевой (1923). Цветаева продолжала работу над «Сборником 1940 года».

[3] *«Я всего боюсь»...* — В письме к В. П. Кавериной от 22 февраля 1857 г. Достоевский писал: «...я не боюсь *долга* и *обязанностей* в одном отношении. Иногда долг и обязанность полезны *в иной* жизни, и полезно даже *связать* себя ими. Если человек честен, то явится и энергия к исполнению долга. А не терять энергию, не упадать духом — это главная потребность моя...» (Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. Т. 1. 1832 — 1867. М.; Л.: ГИЗ, 1928. С. 214).

Т. Н. КВАНИНОЙ

1

Москва, Покровский бульвар, д〈ом〉 14/5, кв〈артира〉 62.
17-го ноября 1940 г., воскресенье.

Дорогая Таня,

нынче, проснувшись, я мысленно сказала Вам: — Если бы Вы жили рядом — если бы мы жили рядом — я была бы наполовину счастливее. Правда.

Вчера, до Вас, у меня была одна женщина, которую я видела раз — час — в 1918 г. — ее ко мне привел Бальмонт, это была начинающая

* Слово стерто. Возможно: «могла бы».

поэтесса, и она писала стихи про морковь[1] (честное слово!) — и сама была румяная как морковь, — я даже удивилась. И вот, в прошлом году, в Голицыне, 21 год спустя, я получаю от нее письмо — со стихами (хорошие стихи, уже *не* про морковь, — начинались так: — Душа водопадная! Тобой я верю в страну...) — и потом еще несколько писем, и вчера мы, наконец, с ней свиделись, и — Я совсем не знала, *кого* я увижу, я так хотела — любить! и — я просидела с ней три часа, мы говорили с ней о бывших друзьях и временах, мы (как будто) — люди одного мира, она умная, мне очень преданная, пишет стихи, и — Таня! я *ничего* не почувствовала, ни малейшего волнения, ни притяжения, и у меня был ледяной, разумный, даже резонный, голос (Таня, в эту минуту Вам за нее больно. Нет, пусть Вам будет больно *за меня*, потому что она-то все равно — счастливая, потому что она меня любит, а дело в том, *всё* дело в том, чтобы *мы* любили, чтобы у *нас* билось сердце — хотя бы разбивалось вдребезги! Я *всегда* разбивалась вдребезги, и все мои стихи — те самые серебряные сердечные дребезги).

Таня, у меня с той вчерашней гостьей общие корни, и мы одного возраста, и она тоже пишет стихи и — Таня, я к ней ничего не почувствовала, а к Вам — с первого раза — все.

Но об этом у нас разговор еще впереди. А может быть, его никогда не будет — не удастся — не задастся — быть. Если бы у меня с Вами был какой-нибудь *долгий* час — на воле, в большом пустом саду (были у меня такие сады!) — этот разговор бы был — невольно, неизбежно, силой вещей, силой всех деревьев сада, — а та́к — в четырех стенах — на каких-то этажах (Таня! я Вас еще нежно люблю за то, что Вы боитесь лифта, это было мне вчера — как подарок, как дар в руки).

Здесь на такое нет ни времени, ни места.

...Да, еще одно. У меня есть одна приятельница. Ее зовут Наталья[2], а я всегда о ней говорю — *Таня*, и Мур злится: «Она не Таня!», а я каждый раз поясняю: «Да, Таня не она, она не Таня, была у меня *Таня* — да прошла».

Таня! Не бойтесь меня. Не думайте, что я умная, не знаю что еще, и т. д., и т. д., и т. д. (подставьте все свои страхи). Вы мне можете дать — бесконечно — много, ибо *дать* мне может только тот, от кого у меня бьется сердце. Это мое бьющееся сердце он мне и дает. Я, когда не люблю — не я. Я так давно — не я. С Вами я — я.

До свидания. Знайте и помните одно, что всегда, в любую минуту жизни и суток — бодрствую я или сплю, перевожу Франко[3] или стираю (например, как сегодня: *в ведре — сельдерей*), Вы, Ваш голос мне — радость.

Этого я, кажется, здесь не могу сказать никому.

— ...«Если я Вам понадоблюсь»... — «Да, Вы мне можете очень понадобиться», — сказала я, почти с иронией (не над собой, не над Вами, над самим недоразумением жизни) — до того Ваше «понадоблюсь» расходилось с моей в Вас — на́добой...

Моя на́доба от человека[4], Таня, — любовь. *Моя* любовь и, если уж будет такое чудо, *его* любовь, но это — как чудо, в чудном, чудесном порядке *чуда*. Моя на́доба от другого, — Таня, — его на́доба во мне, моя

нужность (и, если можно, необходимость) — ему, поймите меня раз навсегда и всю — моя возможность любить в *мою* меру, т. е. *без* меры.

— Вы мне нужны как хлеб — лучшего слова от человека я не мыслю. Нет, мыслю: *как воздух.*

Но есть этому (всегда, во всех случаях, но особенно — в нашем) — помеха: время и место. И, как волной отнесенная к началу письма, к первым сонным словам моего пробуждения: «Если бы мы жили рядом». Так просто рядом, как я сейчас живу рядом — с этой чужой парой[5], которой от этого — никакого проку и для которой я — или *странная* писательница (все время сушит овощи, и т. д.) — или *странная* домашняя хозяйка (которую все время вызывают по телефону редакции)... Так просто — рядом. Присутствие за стеной. Шаг в коридоре. Иногда — стук в дверь. *Сознание* близости, которое и есть — близость. Одушевленный воздух дома. Вот свободных два часа. Пойдем? (Ведь, в конце концов, все равно — куда, ведь все равно, Елисейских полей (не парижских, а тех) — нет, но каждое поле ими может стать, каждый пустырь, *каждое облако!*)

Ведь ничего необычайного вокруг не нужно, раз внутри — необычайно. Но что-то, все-таки, нужно. И это что-то — время и место.

Так просто: вместе жить и шить.

Радость от присутствия, Таня, страшная редкость. Мне почти со всеми — сосуще-скучно, и, если «весело» — то parce que s'y mets les frais*, чтобы *самой* не сдохнуть. Но какое одиночество, когда, после такой совместности, вдруг оказываешься на улице, с звуком собственного голоса (и смеха) в ушах, не унося ни одного слова — кроме стольких собственных.

Ведь что́ со мной делают? Зовут читать стихи. Не понимая, что каждая моя строка — любовь, что если бы я всю жизнь вот так стояла и читала стихи — никаких стихов бы не было. «Какие хорошие стихи!» Ах, не стихи — хорошие.

Да, недавно одна такая любительница стихов, глядя мне в лицо широкими голубыми глазами, мне сказала: «Ах, почему Вы такая... равнодушная, такая — разумная... Как Вы можете писать такие стихи — и быть такой...»

— Я только с Вами *такая,* — ответила я мысленно, — потому что я Вас *не* люблю. (И что-то очень резонное — вслух.)

Это письмо идет издалека. Оно пишется уже целый год — с какой-то прогулки — с каким-то особенным деревом (круглой — сосною?) — по которому Вы узнавали den Weg zurück** — «Такое особенное дерево»... Ну вот, Таня, если у Вас хватило — Ваших больших глаз — на *его* особенность — может быть, хватит — и на мою.

Что касается деревьев, я в полный серьез говорю Вам, что каждый раз, когда человек при мне отмечает: *данный* дуб — за прямость — или данный клен — за роскошь — или данную иву — за плач ее — я чувствую себя польщенной, точно *меня* любят и хвалят, и в молодости мой вывод был скор: «Этот человек не может не любить — меня».

---

* То за мой счет *(фр.).*

** Дорогу назад *(нем.).*

(Сейчас, мимо моего лба, в самом небе, пролетела стая птиц. Хорошо!..)
До свидания, Таня, иначе это письмо никогда не кончится.

Так как оно по старой орфографии — не показывайте его чужим. Но такого письма я бы никогда не написала по новой. Вам ведь пишет — старая я: молодая я, — та, 20 лет назад, — точно этих 20-ти лет и не было!

Сонечкина[6] — я.

МЦ.

2

Кажется, 6 дек⟨абря⟩, наверное, пятница и 1940 г.

Моя дорогая Танечка!

Умоляю Вас возможно скорее узнать насчет *шерстяного* ватина (NB! *не* шерстяной есть — всюду, и это — гадость) и *полушубка.*

И *тотчас* же позвонить мне: К-7-96-23. Дело — *спешное.* Если меня, случайно, не будет — скажите Муру и настойте, чтобы он все записал. Жалею, что вчера сразу не дала Вам денег — *пока* они есть, если шерст⟨яной⟩ ватин или полушубок *имеются*, назначьте мне сразу место и время, чтобы я могла передать Вам деньги. Повторяю, дело — спешное, и я нынче не спала всю ночь. Танечка! Мы должны (помимо дел) увидеться *раньше* четверга. Найдите время! *Я — для Вас* — всегда свободна. Пишу Вам письмо — о совсем другом. («В просторах души моей», где нет — ватинов). Обнимаю Вас, жду звонка.

М.

P. S. Узнайте точные цены: 1 м ватина и полушубка (если есть).

Найдите время — раньше четверга! Я Вас нежно и *спешно* люблю.

Я недолго буду жить. Знаю.

3

Москва, 25-го мая 1941 г.

Милая Таня, Вы совсем пропали — и моя Сонечка[1] тоже — и я бы очень хотела, чтобы вы обе нашлись.

Позвоните мне — лучше утром, я до 12 ч. всегда дома — К-7-96-23, и сговоримся, — только не очень откладывайте.

Целую Вас. Н⟨иколаю⟩ Я⟨ковлевичу⟩ сердечный привет. *МЦ.*

Кванина Татьяна Николаевна (р. 1908) — преподаватель русского языка и литературы, жена Н. Я. Москвина. См. письма к нему. См. также воспоминания Т. Н. Кваниной (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 469—482).

Впервые — *Вестник РХД*, 1979, № 128. С. 184—188 (публикация В. А. Швейцер). Печатаются по тексту первой публикации с исправлением опечаток и неточностей по сверенным с оригиналами копиям.

1

[1] Имеется в виду О. А. Мочалова. См. письмо 1 к ней.

[2] *Габричевская* (урожденная Северцова) Наталья Алексеевна (1901—1970) — актриса, художница. В ее квартире на улице Герцена Цветаева жила летом 1940 г.

[3] Известны переводы Цветаевой пяти стихотворений И. Франко. При жизни поэта опубликованы не были (см. т. 2).

[4] Ср. стихотворение «Наконец-то встретила». («Наконец-то встретила//Надобного—мне://У кого-то смертная//Надоба во мне...» (1936). См. т. 2.

[5] Хозяин квартиры, Бронислав Иванович Шукст, с семьей уехал работать в Заполярье. В доме осталась лишь его дочь, которая заканчивала 10-й класс. Ида Брониславовна (впоследствии по мужу—Игнатова) пишет в своих воспоминаниях: «Квартира наша состояла из 3-х смежно-изолированных комнат. В одной, большой, расположенной посередине, осталась я, а две другие сдавали. Одну—Марине Ивановне, другую—супружеской паре, примерно одних с Мариной Ивановной лет. Они были чистоплотны до педантичности, очень молчаливы и по образу жизни и отношению к жизненным ценностям мало совместимы с Мариной Ивановной». (Подробнее см.: Игнатова И. Вспоминая М. И. Цветаеву. Голос труда. г. Александров. 1994. 25 июня.)

[6] *Сонечкина*—т. е. времени дружбы с С. Е. Голлидэй (1919). См. «Повесть о Сонечке» (т. 4), а также письма 103 и 104 к А. А. Тесковой (т. 6).

3

[1] Речь идет о рукописи «Повесть о Сонечке», которую Цветаева дала прочесть Т. Н. Кваниной.

А. А. ТАРКОВСКОМУ

〈Октябрь 1940 г.〉[1]

Милый тов〈арищ〉 Т〈арковский,〉

Ваша книга—прелестна[2]. Как жаль, что Вы (то есть Кемине) не прервал стихов. *Кажется* нá: У той душа поет—дыша. 〈Да кости—тоньше〉* камыша...[3] (Я знаю, что так нельзя Вам, переводчику, но Кемине было можно—и должно). Во всяком случае, на *этом* нужно было кончить (хотя бы продлив четверостишие). Это восточнее—*без* острия, для *〈неразб〉*—все равноценно.

Ваш перевод—прелесть. Чтó Вы можете—сами? Потому что за другого Вы можете—*всё*. Найдите (полюбите)—*слова* у Вас будут.

Скоро я Вас позову в гости—вечерком—послушать стихи (мои), из будущей книги. Поэтому—дайте мне Ваш адрес, чтобы приглашение не блуждало—или не лежало—как это письмо.

Я бы очень просила Вас этого моего письмеца никому не показывать, я—человек уединенный, и я пишу—Вам—зачем Вам другие? (руки и глаза) и никому не говорить, что вот, на днях, усл〈ышите〉 мои стихи—скоро у меня будет открытый вечер, тогда—*все* придут. А сейчас—я вас зову по-дружески.

Всякая рукопись—беззащитна. Я вся—рукопись.

МЦ.

* В рукописи неразборчиво. Слова вписаны по тексту А. Тарковского.

Тарковский Арсений Александрович (1907–1989)–поэт, переводчик.

Цветаева встретилась с Тарковским у Нины Герасимовны Яковлевой (1888–1967), переводчицы, в ее единственной комнате в Телеграфном переулке. «Они познакомились у меня в доме. Мне хорошо запомнился этот день. Я зачем-то вышла из комнаты. Когда я вернулась, они сидели рядом на диване. По их взволнованным лицам я поняла: так было у Дункан с Есениным. Встретились, взметнулись, метнулись. Поэт к поэту. В народе говорят: «Любовь с первого взгляда...»–вспоминала позднее Яковлева. (*Воспоминания о Цветаевой*. С. 483.) Однако «первый всплеск» не перешел в настоящую дружбу двух поэтов. Тарковский был много моложе Цветаевой и любил ее как поэта (но, по его словам, «с ней было тяжело».–Там же. С. 483), а Цветаевой он нужен был таким, каким она его себе вообразила.

Первой встрече с Тарковским предшествовало письмо Цветаевой, поводом для написания которого явилось ее знакомство с его переводами. Подлинник письма не сохранился, остался только черновик в тетради Цветаевой.

Впервые–*НП*. С. 632. Печатается по выверенной копии, опубликованной в кн.: *М. Белкина*. С. 169–170.

[1] Датировано условно по датам предыдущей и последующей за письмом записи в черновой тетради (см. т. 4).

[2] Речь идет о книге: Кемине. Собрание песен и стихов в переводе Арсения Тарковского с добавлением избранных народных рассказов о жизни прославленного поэта. М.: ГИХЛ, 1940. *Кемине* (настоящая фамилия Мамедвели; ок. 1770–1840)–туркменский поэт-сатирик и лирик.

[3] Неточная цитата из стихотворения Кемине «Кажется» в переводе А. Тарковского.

Е. Н. СОМОВУ

⟨Март-апрель 1941 г.⟩[1]

Женя родной, спасибо. Ваше письмо–первое, которое я получила за 4 месяца, и это письмо–первое, которое я пишу за 4 месяца, и может быть это Вас всё-таки–немножко–порадует, *доказывая* Вам–сторонне, помимо *Вас*–исключительность Вашей привязанности, просто ставя Вас (в несуществующем ряду) на первое место–одинокое место–единственное.

Я сейчас *убита*, меня сейчас *нет*, не знаю, буду ли я когда-нибудь–но, помимо чувства, всей справедливостью моей, не терпящей чтобы такое осталось без ответа, всем взглядом из будущего, взглядом всего будущего, устами *будущих* отвечаю

Спасибо Вам!

М.

Сомов (настоящая фамилия Сомов-Насимович) Евгений Николаевич (1910–1942)–шахматный композитор; писал также стихи, работал корректором в издательстве «Известия».

Знакомство Сомова с Цветаевой, по всей видимости, произошло в доме Е. Я. Эфрон (предположение Е. И. Лубянниковой). Летом 1940 г. он помогал Цветаевой в поисках комнаты.

Впервые–*НП*. Печатается по копии с оригинала, хранящегося в РГАЛИ.

[1] Датировано Е. И. Лубянниковой.

А. С. КОЧЕТКОВУ

Дорогой Александр Сергеевич!

У нас перестал действовать телефон, м. б. совсем, м. б. временно — не знаю.

Мы остаемся на прежнем месте, так как *нигде* новых жильцов не прописывают.

Вся надежда — на дачу.

Нынче я от 6 ч. до 8 ч. в Клубе Писателей на лекции П⟨ротиво⟩ В⟨оздушной⟩ Х⟨имической⟩ О⟨бороны⟩, оттуда пойду домой и буду Вас ждать.

Еще я дома с утра часов до четырех, — как Вам удобнее. *Очень* нужно повидаться.

Очень растерянная и несчастная

МЦ.

10-го июня 1941 г.

Кочетков Александр Сергеевич (1900 — 1953) — поэт, переводчик.

Письмо Цветаевой к Кочеткову связано с ее решением поехать в Старки (станция Пески Рязанской железной дороги, село Черкизово, погост Старки), где обычно проводили лето Меркурьева, Кочетков и другие ее знакомые переводчики. (См.: *М. Белкина.* С. 241 — 243.)

Впервые — *НП.* Печатается по тексту, сверенному с оригиналом и опубликованному в кн.: М. Цветаева. «Поклонись Москве...» М.: Моск. рабочий, 1989. С. 508.

Т. ИМАМУТДИНОВУ

⟨Около 18-го августа 1941 г.⟩[1]

Уважаемый тов⟨арищ⟩ Имамутдинов!

Вам пишет писательница-переводчица Марина Цветаева. Я эвакуировалась с эшелоном Литфонда в гор⟨од⟩ Елабугу на Каме. У меня к Вам есть письмо от и. о. директора Гослитиздата Чагина[2], в котором он просит принять деятельное участие в моем устройстве и использовать меня в качестве переводчика. Я не надеюсь на устройство в Елабуге, потому что кроме моей литературной профессии у меня нет никакой. У меня за той же подписью есть письмо от Гослитиздата в Татиздат с той же просьбой.

На днях я приеду в Казань и передам Вам вышеуказанное письмо[3].

Очень и очень прошу Вас и через Вас Союз писателей сделать все возможное для моего устройства и работы в Казани.

Со мной едет мой 16-летний сын. Надеюсь, что смогу быть очень полезной, как поэтическая переводчица.

Марина Цветаева.

Имамутдинов Тухфат — в то время председатель правления Союза писателей Татарии.

Впервые — газета «Новая Кама». Елабуга. 1966. 11 февраля (публикация Р. А. Мустафина). Печатается по тексту первой публикации.

[1] Датируется по почтовому штемпелю от 18 августа 1941 г.

[2] *Чагин* (настоящая фамилия Болдовкин) Петр Иванович (1898 — 1967) — литературный деятель, издательский работник.

[3] Поездка Цветаевой в Казань не состоялась.

СОВЕТУ ЛИТФОНДА

В Совет Литфонда.

Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда.

М. Цветаева

26-го августа 1941 г.

Заявление о приеме на работу написано в Чистополе, куда Цветаева из Елабуги ездила в надежде устроиться с жильем и работой. Подробнее о поездке Цветаевой в Чистополь см. воспоминания Л. К. Чуковской «Предсмертье» (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 528 — 550).

Впервые — «Время и мы», Нью-Йорк — Иерусалим — Париж, 1982, № 66. С. 231 (публикация Л. К. Чуковской). Печатается по тексту первой публикации.

Г. С. ЭФРОНУ

⟨31-го августа 1941 г.⟩[1]

Мурлыга! Прости меня но дальше было бы хуже. *Я тяжело больна*, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что *попала в тупик*.

Эфрон Георгий Сергеевич (1925 — 1944) — сын М. И. Цветаевой. Домашнее прозвище — Мур. Погиб летом 1944 г. на фронте.

Впервые — *М. Белкина.* С. 282. Печатается по тексту первой публикации.

[1] Эта и две следующие записки написаны Цветаевой перед смертью. 31 августа 1941 г. она покончила с собой.

⟨ПИСАТЕЛЯМ⟩

⟨31-го августа 1941 г.⟩

Дорогие товарищи!

Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто может, отвезти его в Чистополь к Н. Н. Асееву. Пароходы — страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему и с багажом — сложить и довезти в Чистополь. Надеюсь на распродажу моих вещей.

Я хочу чтобы Мур жил и учился. *Со мною он пропадет.* Адр⟨ес⟩ Асеева на конверте.

Не похороните живой! Хорошенько проверьте.

Впервые — *М. Белкина.* С. 282—283. Печатается по тексту первой публикации.

Н. Н. АСЕЕВУ И СЕСТРАМ СИНЯКОВЫМ

⟨31-го августа 1941 г.⟩

Дорогой Николай Николаевич!

Дорогие сестры Синяковы!

Умоляю Вас взять Мура к себе в Чистополь[1] — *просто взять его в сыновья* — и чтобы он *учился.* Я для него больше ничего не могу и только его гублю.

У меня в сумке 150 р⟨ублей⟩ и если постараться распродать все мои вещи[2]

В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с оттисками прозы[3].

Поручаю их Вам, берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына — *заслуживает.*

А меня простите — *не вынесла.*

МЦ

Не оставляйте его *никогда.* Была бы без ума счастлива, если бы он жил у вас.

Уедете — увезите с собой.

Не бросайте[4].

Асеев Николай Николаевич (1889—1963) — русский советский поэт.

Сестры Синяковы — Ксения Михайловна (1893—1985) — жена Н. Н. Асеева; Мария Михайловна (по мужу — Уречина; 1890—1984) — художница; Надежда Михайловна (по мужу — Пичета; 1889—1975) — певица.

В Чистополе жила еще одна Синякова (по мужу — Гехт) Вера Михайловна (1895—1973) — жена писателя С. Г. Гехта.

Впервые — *М. Белкина.* С. 283. Печатается по тексту первой публикации.

[1] Приехав в Чистополь из Елабуги, Мур прожил у Асеевых с 4 по 10 сентября, после чего переехал в чистопольский интернат для детей писателей. Подробнее см. главу «Мур» в кн. *М. Белкиной.*

[2] «В Чистополе я распродал 90% вещей М⟨арины⟩ И⟨вановны⟩,—чтобы обеспечить себя какой-то суммой денег (М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩ так и писала в письме—чтобы я распродал все ее вещи). Итак, мне обеспечено жилье, стирка, глажка и, главное—учеба. Буду учиться в Чистопольской школе»,—писал 11 сентября 1941 г. Мур Е. Я. Эфрон. (*М. Белкина.* С. 288.) В Чистополе Мур пробыл до конца сентября. 28-го сентября он уехал в Москву.

[3] Асеев отказался взять у Мура на сохранение что-либо из рукописей Цветаевой: «Это мне потом всю жизнь с архивом Цветаевой не разделаться!? Сдавай все в Литературный музей, да и дело с концом». На это Мур ответил: «Нет, ни за что не отдам в музей, я им не доверяю». (Там же. С. 295—296.)

[4] Спустя две-три недели после трагедии, одна из сестер, Надежда Михайловна, писала знакомому в Москву: «Живем мы хорошо. Мне здесь нравится, люди симпатичные, половина татар. Скучать некогда. Нас постигло несчастье, Цветаева лишила себя жизни, она повесилась. Печально, очень ее жаль. По вечерам Коля читает ее великолепные стихи. Ее сын здесь живет в общежитии пионеров» («Чистопольские страницы»/Сост. Г. С. Муханов. Казань, 1987. С. 94).

Последнюю просьбу Цветаевой Асеев и сестры Синяковы не исполнили.

ПРИЛОЖЕНИЯ*

СТИХОТВОРЕНИЯ

На 18-ое июля

Когда твердишь: «Жизнь—скука, надо с ней
Кончать, спасаясь от тоски»,
Нет ничего светлей и радостней
Пожатья дружеской руки.
Душа куда-то ввысь возносится,
Туда, где ярок солнца свет,
И в сердце тихо произносится
Молчаньем скрепленный обет.
Не будем строгими и зрелыми,
Пусть мы безумны, ну так что ж!
Мы знаем, правда только с смелыми,
А всё другое только ложь.
Пусть скажут: «Только безрассудные
Поверят дружеским словам»,
За светлый луч в минуту трудную
От всей души спасибо Вам.
И вот теперь скажу уверенно
(Я знаю, между нами—нить):
«О нет, не всё еще потеряно,
И есть исход и можно жить!»—

---

* В приложения вошли материалы, опубликованные после подписания в печать первых шести томов собрания сочинений.

Не вообразите о себе слишком многого, избалованный Понтик! —

Написано в «веселом» настроении 21-го июля 1908 (после езды на конях).

⟨21 июля 1908 г., Орловка⟩

Если слышишь ты в сердце малиновый звон,
Переливчатый звон с колокольных высот,
Это подвиг пришел, это он, это он,
О, иди, он зовет, он зовет!
Это подвиг в венце лучезарных лучей,
Светозарных лучей ярко искристый свет,
Это отклик на стон, это верный ответ
На загадку бессонных ночей.
Если рвется в восторге безумном душа,
Если рвется безумно в простор голубой,
Ты узнаешь, что жизнь — это радостный бой,
А что смерть хороша, хороша.

1908

ПРЕЖНЕМУ ПОНТИКУ

В наших душах, стоявших на страже,
Вдруг при встрече растаяла мгла.
Было странно и радостно. Чья же,
Чья же тень между нами легла?
Я не скрою: мы были капризны:
(Всё обида сердцам молодым!)
Под дыханьем больной укоризны
Нашей дружбы развеялся дым.
В спорах злы, в объясненьях неловки
Мы расстались без трепета рук.
Вашей темной, кудрявой головки
Я ценила упрямство, мой друг,
Всё, что ценно — непрочно и хрупко,
Мы живем, как велит ветерок...
Только помните, друг, не уступка
Эти несколько ласковых строк!
Я нечаянно прошлого зонтик
Приоткрыла: мечта — расцвела...
Чья же тень, расскажите мне, Понтик,
Между нами, родными, легла? —

31-го Августа 1909 г., Таруса

«Когда твердишь: «Жизнь — скука, надо с ней...» — Впервые — в газете «Московский комсомолец». 1994. 22 ноября. Печатается по тексту публикации в «Новом мире». 1995. № 6. Стихотворение, как и два последующих, обращено к П. И. Юркевичу. (См. комментарии к письмам П. И. Юркевичу в настоящем приложении.)

Датируется днем отъезда Цветаевой из Орловки (см. письмо 2 к П. И. Юркевичу в т. 6 и комментарий по поводу датировки указанного письма в настоящем приложении) *..после езды на конях* — см. письма 4 к П. И. Юркевичу в т. 6.

Сложенный втрое листок со стихотворением надписан рукой М. Цветаевой: «Вечерняя почта из Горбачева.//«Понтику» (своеобразному пойнтеру, не вошедшему в возраст)». *Горбачево* — железнодорожная станция недалеко от Орловки (Чернский уезд, Тульская губерния), где находилось имение Юркевичей.

«Если слышишь ты в сердце малиновый звон...», Прежнему Понтику — Печатается по тексту первой публикации в «Новом мире». 1995. № 6.

ПРОЗА

ПУШКИН И ПУГАЧЕВ
(фрагмент, не вошедший в окончательный текст)

Нет, я не льстец, когда царю
Я правду говорю свободно...

Не льстец, конечно. Не лесть, но неудавшаяся попытка любви, даже не самообман, а попытка самообмана, поди-ка обмани самого себя с такими *ясными* очами!

Не лесть, — а грусть. Не лесть, а месть: самой природы поэта — поэту за насильную любовь. Поэтому всё стихотворение от конца до начала — особенно в строке: Он бодро, честно правит нами — так неубедительно и оставляет нас такими холодными. «Он бодро, честно правит нами»... Если со всей живостью своего африканского и пиитического воображения, со всей ясностью своего французского разума Пушкин ничего не нашел, кроме этого «честно, бодро» — значит в герое его — уже вовсе ничего не было. Как оно и было.

(Как царю легко быть любимым поэтом! ⟨над строкой: и народом⟩ Как *мало* для этого нужно! Но как этого *«мало»* — мало среди венчанных голов!)

Есть у поэта, ⟨в⟩ котором, как в народе, все обратные, который, как народ — все обратные — обратная страсти к мятежу — страсть к законному монарху. (Простая законная неистребимая ⟨над строкой: неискоренимая⟩ сыновняя любовь. Есть на это у Пушкина прямое указание: «Его я *просто* полюбил», читай: пытался просто полюбить, как сын — отца...) Любовь поэту, кроме сыновности, предписываемая еще его честью (достоинством): того — кому подвластен — любить. Но любить Николая I — только весь лоб себе обобьешь. Пушкину в Николае не за что было уцепиться. Сила воли? Но когда сила — от отсутствия всего остального, и воля — от непонимания лучших в мире вещей, и сила воли — от тупости, есть ли сила — сила и воля — воля и не есть ли сила — насилие —

и воля — произвол? Его внешняя красота (стать)? Но на это есть женщины, та же Наталья Гончарова, в мужчине, и особенно в царе, мужчина хочет — другого. И другого. Высшего. Или — по крайней мере — равного.

И не звучит ли «Он честно, бодро правит нами» в качестве духовной оценки монарха совершенно так же, как «У нее красивые глаза» в качестве физической оценки — женщины? Т. е. совершенно безнадежно?

Нужно сказать, Пушкину с Николаем I на редкость не повезло. Из всех российских государей это — единственный истукан. Николай I не только нехудожественен, он — антихудожественен, и нам даже как-то стыдно их видеть — рядом.

Даже гадательный Александр I его, походя, изгнавший, — лучше, не говоря уже о Павле.

Николай I и Пушкин — заранее и заведомо обреченный союз.

В т. 5 приведена первая часть финала статьи (начиная со строк: «Поэт не может любить врага...»), не вошедшего в окончательны текст. Вторая часть финала печа ается по тексту первой публикации в статье Е. Б. Коркиной «Пушкин и Пугачев: лирическое расследование». (Tsvetaeva M. One Hundred Years. Столетие Цветаевой. Papers from the Tsvetaeva Centenary Symposium Amherst College. 1992. Berkely Slavic Specialties. 1994. С. 232—233.)

«Нет, я не льстец, когда царю...» — Неточно цитируемые начальные строки из стихотворения А. С. Пушк а «Друзьям» (1828). У Пушкина: «Нет, я не льстец, когда царю//Хвалу свободную слагаю...»

ПИСЬМА

П. И. ЮРКЕВИЧУ

1

Говорила я Вам, Понтик, что буду писать по два раза в день[1].

Сегодня получила письмо от Сережи[2].

Представьте себе, в каких обстоятельствах он вспомнил меня: оркестр в японском театре заиграл Хиавату[3], и он, конечно, не мог не вспомнить.

Не могу сказать, чтобы я была очень польщена этим обстоятельством[4].

Сейчас особенно темно на душе. Ася с Андреем уехали в гости с ночевкой, я одна с француженкой[5]. Ворчит-поварчивает на столе самовар, темная, совсем осенняя ночь обступила стены дома и старается проникнуть в него через черные стекла.

У меня был сегодня странный разговор, после к⟨оторо⟩го я никак не могу прийти в себя.

Странный субъект — этот мой знакомый[6]. Он не сильный, я его страшно боюсь. Боюсь его и иду к нему, потому что не могу не идти.

Он холодный, мертвый. Увидит светлую точку и мгновенно загасит ее. Зажечь он ничего не может. Вся жизнь его полна призраков.

Сегодня он мне сказал такую вещь:

— «Как прекрасно иметь в себе огонь и тушить его!»[7] — Я долго над этим думала. Что можно ответить на такую вещь?

К чему гасить огонь? Гасить его не надо. А к чему разжигать? Человек может погибнуть, если огонь вспыхнет в нем слишком сильно. Горение могут вынести только немногие избранные. Я лично говорю: надо всегда разжигать костер в сердце прохожих, только искру бросить, огонь уж сам разгорится.

Лучше мученья, огненные, яркие, чем мирное тленье. Но как убедить людей, что гореть надо, а не тлеть. Они потребуют моментально гарантию, расписку в счастье.

Всё сводится к риску и дерзости. Только они спасут людей от спячки.

Дерзость мысли, чувства, слова! Говорить, не боясь преград, идти смело, никому не отдавая отчета, куда и зачем, влечь за собой толпу...

Это чудно! Но ... если не горенье нужно, а замерзание! Вот Брюсов, — забрался на гору, на самую вершину (по его мнению) творчества и, борясь с огнем в своей груди, медленно холодеет и обращается в мраморную статую.

Разве замерзание не так же могуче и прекрасно, как сгорание? Милый Понтик, глядя ⟨на⟩ все это с медицинской точки зрения, Вы скажете, что это всё сплошная отвлеченность, что природа не считается с капризами отдельных личностей и пр.

Но Вы мне тем-то и нравитесь, что в Вас эстетик сильнее врача, а то бы я не стала Вам писать всего этого.

Вы, м. б., помните мои стихи «В Монастыре»[8], к⟨отор⟩ые показывала Вам Соня?[9] Они написаны под впечатлением разговора с этим странным знакомым.

В нем есть что-то каменное и холодное. Когда я поговорю с ним, все светлое, красивое, смелое исчезает и дает место какому-то кошмарному бреду, полному диких ужасов и страшных картин.

Во время разговора с Вами я чувствовала себя так ясно, так хорошо. Вообще я очень отдохнула в Орловке. А теперь всё смято, беспорядочно, сумбурно. В голове бродят какие-то отрывки мыслей. Ничего не могу обобщить. Связь как-то утерялась.

Порой мне бывает страшно и откуда-то со дна всплывает что-то темное. Мне кажется, что это начало сумасшествия. Впрочем, это шаблонно — все так говорят и никто не сходит с ума.

Прочтите это письмо еще раз вечером, если хотите меня понять.

О, Петя, как тяжело жить одной. Я боюсь одиночества и своей тоски. Бегу ко всем, лишь бы забыться. Как бы мне хотелось быть сейчас в столовой и слушать «Два гренадера»[10]. Вижу отсюда, как Соня полулежит на диване, а Вы вкладываете валик и приговариваете:

— «Ах ты черт, странно, что ж это он не лезет?» —

Глажу Вас против шерстки.

Лапу, товарищ!

МЦ.

22-го июля 1908

2

⟨23-го июля 1908 г., Таруса⟩[1]

Вы, Понтик, пожалуйста, не воображайте, впрочем, Вы такой умный, что ничего и не вообразите.

Передо мной лежит раскрытая химия[2] и ехидно улыбается.

Знаете что? Устроим зимой кружок, хотя бы литературный с рефератами по поводу прочитанного и прочим. К этому я стремлюсь из чувства самосохранения: с другими тоска не так страшна, да ⟨и⟩ приятно (хотя слово «приятно» сюда не годится) обмениваться мнениями насчет прочитанного и таким образом проверить стойкость и верность своих убеждений. Как Вы думаете на этот счет? У Вас, верно, есть кто-нибудь, кто бы пожелал участвовать?

Оказывается, что экзамен мой будет числа 28-го сент⟨ября⟩ месяца, так что я напрасно не осталась у Вас, чтобы ехать в Соковнино[3]. Ругаю себя, но от этого ничего не меняется.

Погода у нас беспросветная.

«Дождь и холод, грязь и слякоть,
Светлых точек нить*,
Небо хочет нас оплакать
И похоронить...»[4]

Все тарусские находят, что я загорела, как цыганка. Здесь — всё лес и лес, даже странно с непривычки и грустно без открытого горизонта тульских широких полей.

Кто-то теперь без меня ласкает Буяна?[5]

Да, Петя, пожалуйста, составьте мне список Ваших достопримечательностей (не лично Ваших, хотя, если хотите, и этот), а то я было начала перечислять и запнулась на Чермашне и Мокром[6].

Папа очень доволен, что я побывала у Вас, и, кажется, ничего не имеет против меня еще когда-нибудь отпустить к Вам.

Соня на меня не дуется, не знаете? Мы ведь с ней порядочно грызлись.

Завтра беру первый урок по алгебре, — перспектива не из приятных.

Химию начну сегодня же, по крайней мере надеюсь начать.

Как я только приехала, Ася тотчас же начала изводить меня, впрочем, очень дружелюбно. Она представляла, как я в очках, согнувшись в 3 погибели, прицепилась к лошади, и как последняя, тоже скрючившись, лениво двигается.

Слушайте, Понтик, Вы ничего не имеете против того, чтобы осенью познакомиться с одной нашей знакомой зубоврачихой[7] — разочарованной барыней слегка в декадентском вкусе.

У нее всегда бывает много народа, иногда интересного.

Нас с Асей она, не знаю за что, очень любит и всегда рада всем нашим знакомым и друзьям. Ее гостиную я зову «зверинцем», уж очень разнообразные звери там бывают.

Не ручаюсь, что это общество Вам понравится, но посмотреть стоит. Как полная противоположность ей — у меня есть одна знакомая эсдечка, смелая, чуткая, умная, настоящая искорка[8].

---

* Этого, положим, нет *(примеч. М. Цветаевой).*

В ее присутствии всем делается светло и радостно на душе, уж очень она сердечный и искренний человек.

Посмотрите, Петя, познакомитесь — влюбитесь, да мимо нее нельзя пройти равнодушно.

В свою очередь погляжу на Ваших знакомых, так как, судя по Вашим рассказам, есть среди них интересные. Соня мне говорила, что Вы очень избалованы всеми.

Это правда?

Трогательно: отсылаю одновременно письма всем троим: Сереже, Вам и Соне. Не хватало бы еще письма Володе[9]. Кстати, когда будете ему писать, напишите, что ему надо еще много практиковаться, прежде чем определять верно по почерку характер человека.

Впрочем, задатки у него есть, и Бог знает, м. б. он прославится не как инженер, а как определитель людей по почерку.

Как он узнал, что я близорукая? Это интересно.

Сердечно завидую Вам: 24-го или 25-го будете слушать музыку[10], а я, м. б., в это же время буду учить, как «кристаллы падают, так вообще»...

Папа окончательно велел нам бросить с Асей наши фуражки[11]. Он купил нам красные береты с перьями, как носили средневековые пажи. Представляю себе удивленные лица всех Ваших соседей, если бы они их увидели.

Пока всего хорошего.

Пишите.

Ваша МЦ.

3

⟨28-го июля 1908 г., Таруса⟩

Откровенность за откровенность, Понтик.

Хотите знать, какое впечатление у меня осталось от Вашего письма?

Оно всецело выразилось в тех нескольких словах, к⟨отор⟩ые вырвались у меня невольно:

— «Какой чистый, какой смелый!» —

— «Кто? — спросила сидевшая тут же Ася и многозначительно прибавила, — да мне вовсе не интересно знать. Кто бы то ни был — всё равно разочаруешься!» —

— «Не беспокойся, этого не будет!» — сказала я.

— Давай пари держать, что через месяц, много 1 1/2 ты придешь ко мне и скажешь: „А знаешь, Ася, это не то, совсем не то“». —

— «Пари держать не хочу, всё равно проиграешь ты. Знаешь, повесь меня, если это не будет так!» —

— «Ладно!» — Ася подошла к стене и нарисовала виселицу с висящей мной.

— «Я тебе дюжину примеров приведу, — продолжала моя дорогая сестрица, — больше дюжины, считая только последние два года!» —

Действительно, пришлось нехотя признаться в том, что каждое «очарование» влекло за собой неминуемое «разочарование».

А сколько их было! —

Но не о них я хотела говорить.

Ваш тип—тип смелого, чистого, самоотверженного борца сходит со сцены.

От Вас веет чем-то давно прошедшим, милым, светлым.

В Вас есть свойство, почти исчезнувшее,—энтузиазм, любовь к мечте.

А это много, скажу больше—это почти всё! Энтузиазм, стремление вверх, к звездам, прочь от пошлой скуки, жажда простора и подвига—вот что движет жизнь вперед, делает ее сверкающей, сказочной. А жизнь должна быть сказкой... по смыслу (по форме это редко удается). Только не детской веселой сказочкой с опасностью в виде бабы-яги посредине и благополучным концом (в виде национального гимна и Тасенек[1]), а такой сказкой, чтобы дух захватывало, когда ее станешь читать или, вернее, когда «наши внуки» станут ее слушать.

Я люблю граненые стекла[2] и в детстве была способна по целым часам их рассматривать, не скучая. Пусть наша жизнь будет как граненые стекла,—на меньшем мириться нельзя. Моему понятию о жизни всецело соответствует следующее стихотворение[3] Максима Горького, писанное им, когда он еще не был правоверным марксистом.

Песня о Марко

В лесу над рекой жила фея,
В реке она часто купалась,
Но раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.
Ее рыбаки испугались,
Но был с ними юноша Марко.
Схватил он красавицу-фею
И стал целовать ее жарко.
А фея, как гибкая ветка,
В могучих руках извивалась
И в Марковы очи глядела
И тихо чему-то смеялась.
Весь день она Марко ласкала,
А как только ночь наступила,
Пропала веселая фея...
У Марко душа загрустила.
И день ходит Марко, и ночи
В лесу над рекой, над Дунаем,
Всё ищет, всё стонет – «Где фея?» –
А волны смеются: «Не знаем!» –
Но он закричал им—«Вы лжете,
Вы сами играете с нею!»...
И кинулся юноша глупый—
В Дунай, чтоб найти свою фею...—
Купается фея в Дунае,
Как прежде до Марко купалась,
А Марко уж нету, но все же
О Марко хоть *песня* осталась!
А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут,—
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют.

Конечно, если смотреть на всю эту историю с точки зрения «пользы» и «результатов»—получится бессмыслица. К чему Марко бросился в реку? Наконец, не лучше ли ему было остаться на берегу за чисткой рыбы и бросить мысли о промелькнувшей в его жизни сказке—фее.

Такая идиллия: чистил бы Марко свою рыбу или возил ее в соседний город, откуда возвращался бы навеселе, а на следующий день снова закидывал свои сети, и так всю жизнь.

Но случилось нечто странное: увидев фею, Марко вдруг понял, что Дунай лучше жизни с продажей рыбы.

Он сгорел за свою мечту, за свой порыв. Именно так я понимаю революцию—не как средство наполнения голодных желудков, а как горение за мечту, м. б., такую же призрачную и обманчивую, как дунайская фея.

В этом мы наверное с Вами разойдемся. Вы говорите: отдать жизнь за счастье других. Я скажу: отдать жизнь за мечту (к⟨отор⟩ая, может быть, причинит людям вред, впрочем в моем случае и в Вашем это не так).

Сейчас душно, — собирается гроза, и поэтому как-то не пишется.

Вернулась сейчас с купанья, во время к⟨оторо⟩го произошла следующая сценка. Когда мы пришли на берег — там сидел один маленький мальчишка с коровой и теленком. Мы пообещали ему стеречь корову, если он уйдет. В самый разгар купанья корова и теленок, накупавшись вдоволь, ушли на луг. Вскоре послышался рев пастушонка, к⟨отор⟩ый околачивался где-то поблизости.

— «Как, ты здесь, Лялька, ты не ушел? — крикнула Ася, обрадовавшись предлогу избавиться от коровы и теленка, — ты обещал уйти, а сам не уходишь, вот теперь загоняй их сам!» —

Рев еще более усилился.

— «Да, Лялька! — поддержала я, — и не воображай, что мы будем их загонять!» —

Рев перешел в нечто еще более сильное, чему названия я не знаю.

— «Загоняй сам!» — радостно вопили мы из воды. Вдруг среди рева послышалось нечто похожее на слова.

— «Что?» — переспросили мы.

— «ё-ё-ёнка!» — донеслось с горки.

— «Что?» —

— «Тейё-ё-ёнка-а-а!» —

— «Да что?» —

— «Я койову, а вы тейё-ёнка!» —

На том и порешили. Лялька с ревом загнал корову, а теленка, к⟨отор⟩ый был рядом с ней, оставил для нас. Простите за такую ерунду, просто очень уж смешно было, а Вам, наверное, со стороны просто странно. Вчера вечером я вышла побродить в поле. У нас полей мало, всё больше лес. Ну вот бродила я меж желтой рожью, садилось солнце — и край неба был огненно-красный, переходящий в золотой. Приближающаяся темнота, бледный месяц, голубоватая даль — всё это настраивало к грусти. Я думала над тем, почему люди так одиноки. Ведь это ужас, подумайте, это проклятие. И ведь никогда люди, даже самые, самые близкие, не могут знать, что происходит в душе друг у друга. Счастлив тот, кто не гонится за тем, чтобы понять. Вот я говорю с Вами (это я так для примера беру) и никогда не знаю, серьезно ли Вы говорите или шутя, не могу поручиться за то, что Вы понимаете мое настроение...

Ну вот, я думала так и медленно шла, глядя на тоскливую даль. ⟨*Зачеркнуто две строки*⟩ И как-то сразу сделалось холодно и захотелось домой.

Небо совсем померкло, а при свете луны поля сделались какие-то странные, грезящие, холодные.

Вся оторванность человека от природы вдруг ярко стала мне понятна. И вышло так: люди — чужие, природа — чужая, далекая.

И грустно-грустно было возвращаться по лесу домой, где кроме химии и алгебры никто не ждет.

Вы будете виноваты, если я провалюсь по обоим предметам, так и скажу.

— «Это Петя виноват, я хотела учиться!» —

— «Какой Петя?» — удивленно спросит педагог.

— «А такой, Понтик! — сквозь слезы отвечу я и для пояснения прибавлю — черный!» —

На педагогическом совете будет разбираться вопрос о причине неуспешности экзамена г⟨оспо⟩жи Ц⟨ветаевой⟩.

— «Мое мнение, — проворчит нечто вроде Степаненки[4], — что она во сне увидела какого-нибудь арапа, Петю...»

— «Почему же Петю, а не Колю?» — тоненьким голоском спросит учитель алгебры. —

— «Это всегда так во сне! — скажет начальница, — думаешь про Колю, а увидишь Петю».

— «И так испугалась, что ничего не сумела сказать», — докончит «нечто». —

— «Черный... Гм... Это не антихрист ли? — глубокомысленно изречет батюшка, — оно иногда того...»

— «Именно, именно, анархист! — тоненьким голосом поддержит «алгебра», — а за знакомство с анархистом...»

— «Антихристом!» — поправит батюшка.

— «Да, да, я так и сказал. Итак, за знакомство с недозволенными лицами мы г⟨оспо⟩же Ц⟨ветаевой⟩ поставим 0». —

— «Для искоренения злонравия», — буркнет «нечто». —

— «Для возвращения заблудшей овцы на путь истинный!» — пробасит молчавшая «химия».

Итак, Вы и анархист и антихрист, а по-настоящему милый черный пойнтер. Как у нас красиво! Я часто ужасно жалею, что Вас здесь нет. Такая широкая спокойная река, отражающая все настроения неба, заглохшие дороги, заливные луга, горы. Вам бы, верно, здесь очень понравилось. Почему я не могу Вас пригласить вместо Сони? Сижу на своей вышке[5], где провожу почти весь день. Видна голубая вдумчивая река, нежно-зеленые, трепетные березы, в к⟨отор⟩ых я в детстве по близорукости и сильно развитой фантазии видала рыцарей и волшебников с длинными бородами. Вы когда-нибудь обращали внимание на красоту дыма. Он так хорошо умирает наверху, в голубом небе!

Недавно я написала стихи, конч⟨ающиеся⟩ так

⟨*Зачеркнуто три слова*⟩

Не смущайтеся, люди, исканьями правды напрасными,
Будьте дети, идите к тому, что вас манит и радует,
Только в смерти должны мы печальными быть и прекрасными,
Как те грустные листья, что падают, падают, падают...[6]

Когда я получила Вашу закрытку, я ужасно удивилась и весь день ходила в очень странном настроении.

Мне даже одну минуту показалось, что Вы — нечто мной вымышленное, а не действительность.

Бывают дни, когда ходишь как во сне, мало замечая то, что происходит. Мой учитель по алгебре был страшно удивлен, вернее, недоволен тем, что я никак не могла понять, что такое разложение на множители и алгебр⟨аическое⟩ деление. (Последнее, кстати, так и осталось непонятым мною, и опять Вы виноваты.)

Больше всего меня удивило в Вашей закрытке то выражение, что «и у меня» бывает хандра. Повторяю Вам, что тоска — мое обычное состояние, из к⟨оторо⟩го я на время вышла, благодаря Вам. Унизительно жить, не зная зачем. А вот что Вы, избалованный, хорошенький дамский кавалер, очаровательный «jeune homme»* — и вдруг отрицаете саниновщину[7] — это меня ужасно удивило и обрадовало.

Я Вас раньше ведь терпеть не могла (м. б. это так будет, не ручаюсь за себя дольше сегодняшнего дня, и то много!), всё говорила Соне — «Ну, милая, и противный же твой Петя, вот антипатичный!» —

Я никого больше на свете не ненавижу, чем хорошеньких студентов, для к⟨отор⟩ых цель жизни «побеждать» всех, начиная с высокопоставленных дам и кончая горничными и др⟨угими⟩ еще получше, а Вы мне казались именно таким типиком. И вот, когда я узнала от Сони, что Вы должны скоро приехать, м. б. уже приехали, мне сделалось очень неприятно, так как я не желала нарушать тишины Вашего дома и вместе с тем быть приветливой к «победителю» не могла. Я даже колебалась, ехать ли.

А что я немножко «щетинилась» вначале — естественно.

Во всяком случае, в настоящую минуту я к Вам отношусь очень хорошо, а что будет — не знаю, тогда увидим. Это и не так важно.

Потом когда-нибудь, в Москве, если будем друзьями, я Вас спрошу одну вещь, к⟨отор⟩ую мне бы хотелось знать. Только не в комнате. Где-нибудь на улице, вечером, а то я совсем не могу разговаривать, когда на меня смотрят.

Теперь лунные ночи. Гуляете ли Вы? Давайте поедем на шарабане сегодня вечером. Никогда не забуду того тоскливого чувства одиночества, к⟨отор⟩ое охватило меня, когда поезд двинулся[8].

Слушайте, пожалуйста, назовите Вашу первую дочь Мариной, ладно?

Часто ли Вам пишет Е(ва?)[9].

Глажу Вас против шерстки и буду рада, когда она отрастет.

Писал ли Сережа? Насчет него я нахожусь в одном сомнении.

Я на Вас загадывала по одной книге, и вот что вышло:

«...И думы шептали: «Не ждите чудес,
Жрецы Вам солгали, и Он не воскрес!»
И долго с тревогой глядели в окно.
Там не было Бога, там было темно»[10].

Вы, наверное, очень мучились над религиозными вопросами?

Наверное, Соня очень рада, что я уехала. Устроила ли она Вам то, о чем я ее просила, или нет?

⟨*Зачеркнута одна строка*⟩

Пока всего Вам хорошего. Спасибо за хорошее письмо.

Написала много ерунды — не взыщите.

Исполнится ли Асино предсказание, — мне интересно. Пишите.

МЦ.

---

* Молодой человек *(фр.)*.

Вечером 28-го июля 1908

Милый щененок Вы мой (не обижайтесь, что я Вас так зову, я очень люблю собак), как бы Вам объяснить получше, почему мне так трудно жить.

Видите ли, я сознаю свою полную непригодность для жизни. Революция, как и всякий подъем, — только миг, а жизнь так длинна. Представьте себе, ведь не сразу же Вы из маленького мальчика с оскаленными постоянно для смеха зубами сделались большим и серьезным.

Это ведь всё сделалось день за днем, никаких скачков в Вашей жизни не было. Ведь вся жизнь — бесконечный ряд «сегодня», «вчера» и «завтра».

Чем заполнить жизнь? Ну, укажите мне что-нибудь такое, чем можно было жить всю жизнь.

Мне страшно хочется умереть рано, пока еще нет стремления вниз, на покой, на отдых.

Ну представьте себе такую встречу. Вы — почтенный учитель гимназии, отец семейства и пр. Я — сорокалетняя дама с солидным супругом. Очаровательно, не правда ли?

А самое худшее — это если мы оба не окончательно заснем и при встрече вспомним прошлое.

Подумайте, до чего легко свернуться* с пути. Момент слабости, отчаяния, минутное увлечение — и расплата на всю жизнь.

Нужно быть вечно на страже, как бы не свихнуться.

Петя, Вы вот умный, смелый, чистый, скажите — чем нужно жить? Если жить чувством, порывом — какое право мы имеем тогда обвинять Санина? Делить порывы на добрые и злые слишком рассудочно и скучно. Выходит какая-то добродетель на постном масле. Выходит так: или постоянно следить за собой, держать себя в своих руках, или жить по голосу сердца, называя добрым то, что искренно, будь это хоть та же ненавистная саниновщина.

Я понимаю — быть одиноким ради чего-нибудь, ради какой-нибудь идеи. Но не имея ничего определенного, что бы заполняло всё существо, и быть одиноким — трудно.

На пути столько заманчивых станций, кажется, что только на минутку зайдешь отдохнуть, а там не хватит силы выбраться на настоящую дорогу, махнешь рукой и останешься.

Вот странно, я Вас так мало знаю и говорю с Вами так откровенно, как с немногими. М. б. это потому что я пишу вечером? Но начало письма писалось утром, при солнце.

Если Вы думаете, что я ломаюсь, — пожалуйста, напишите.

М. б. Вы и сам ломаетесь, а совсем не я. Меня злость разбирает.

Мы едем с Вами в шарабане. Уже стемнело. Звезды. Налево небольшой лесок, кругом всё поле, ровное-ровное, как будущий строй.

Мне жаль, что я не знала Вас маленьким. Какой Вы были? Самолюбивый, с выдержкой, мне кажется. Отчего-то с Сережей нам никогда не удавалось поговорить как следует. Пробовали переписываться прошлым летом и рассорились. Сережа больно взъелся на меня за то, что я была

* Так в оригинале письма.

причиной падения (на очень короткий срок) его авторитета в глазах Сони. Кстати, Соня прислала Асе «серьезное» письмо, полное «изречений».

Будем ли мы видеться в Москве?

Ну, пора кончать, да и Вам пора спать. По-прежнему ли Вы спите целыми днями? Весело ли было в Соковнине? Как сошел концерт?

Написала я Вам, кажется, много лишнего, но горе мое в том, что я всегда пересолю, — не умею остановиться вовремя.

Никогда бы не сказала, что буду писать такие длинные письма «избалованному мальчику».

Как хорошо, что мы не «благородно ретировались» друг перед другом, правда?

Напишите мне хорошенько обо всем.

Всего, всего лучшего.

МЦ.

4

〈Не позднее 31-го июля 1908 г., Таруса〉[1]

Никакой милости от Вас в виде «протянутой руки» и Ваших посещений я не желаю, и не думала даже рассчитывать на Вас, так что Ваши опасения оказались напрасными.

Помилуйте, рассчитывать на такого интересного молодого человека — да еще в Москве, к〈отор〉ая переполнена такими хорошенькими барышнями (даже в декадентском вкусе есть), — это мне даже в голову не приходило, а если и приходило — то на очень короткое время и теперь уже не придет, смею Вас в этом уверить.

Извиняюсь за те длинные сердечные излияния, к〈оторы〉ми утруждала Вас, жалею, что Вы с самого начала нашего знакомства не «указали мне мое место».

Впрочем, винить здесь некого, так как я сама должна была бы его знать.

Очень благодарна Вам за перечисления знаменитостей, населяющих Тульскую губ〈ернию〉.

Забудьте эпизод нашего знакомства и не берите на себя труд мне отвечать.

М. Цветаева.

5

〈Между 18-м и 24-м августа 1908 г., Москва〉[1]

Ну вот я и в Москве. Что-то странно после Тарусы: шум экипажей, фонари, толпа на улицах. Учу свою химию (25-го и 26-го экз〈амены〉 по ней и по алгебре). В общем рада, что в городе, хотя тех немногочисленных знакомых, с к〈отор〉ыми еще не рассорилась, еще не видала.

Спасибо Вам за письмо, Петя. Я хорошо понимаю Ваше тогда настроение. Такой фразы я бы пожалуй никогда не простила[2]. Вот и Вы простить-то простили, а уж верно забыть ее никогда не сможете.

Насчет моих стихов, о к⟨отор⟩ых писала ⟨*зачеркнуто три строки*⟩ присылаю Вам их[3], ⟨*зачеркнуто несколько слов*⟩.

Мне очень трудно теперь стало Вам писать, какое-то неуверенное чувство.

Рада буду повидать Вас в Москве. Здесь всё еще по-летнему: стук эпипажей, зеленые деревья, пыль на улицах. Очень тянет в синематограф, такая подзадоривающая музыка[4]. Помните, как мы все ходили тогда весной. Я еще сказала Вам: «Если буду объясняться в любви — Вы не верьте. Весной я всякому готова!» —

Да, Понтик, Вам Соня давала читать мое последнее письмо? В нем нет ни слова правды, это мы с Асей Соню мистифицируем. Только не выдавайте нас, прошу. А Вы поверили?

Соне я пишу, верней писала в многочисленных письмах, что я влюблена в одного там типа. Сонечка аккуратно в каждом письме объясняла мне, что такое любовь, как надо любить и пр. Между прочим от нее узнала Ваше мнение, что исход любви — брак. Это как-то с Вами не вяжется.

Сегодня папа разрыл мой дневник[5] и прочел в нем наши проделки в Тарусе. Приходит весь взволнованный к моей старшей сестре Валерии и объявляет ей — «Представь себе, Марина влюблена в Мишу[6]» (это сын нашего сторожа, симпатичный мальчик). Валерия так и не могла разуверить его в этом. Ну, пускай думает.

Скучно дома. Всё какие-то толки, предостережения, намеки. (Папа начитался Санина и выражал Валерии опасение, как бы я не «вступила в гражд⟨анский⟩ брак» с каким-нибудь гимназистом, каково?)

Кстати, что это Соня все только и говорит, что о браке, любви и пр. Которое письмо уж.

Ну, Петя, Вы не сердитесь, что пишу так неинтересно и мало. Я как останусь одна — так сейчас грусть.

Внешние неудачи, домашние скандалы, разные сплетни — ерунда, вот уж что меня не огорчает, а «вопросы»[7] разные — мое горе. Хочется понять жизнь.

Какой Вы, Понтик, хороший, а еще ругались на меня за то, что я слишком много о Вас думаю.

Отчего люди так скрывают хорошие стороны?

До свидания, спасибо за славное, искреннее письмо. Не думайте, что я не оценила Вашего доверия.

Крепко жму Вам руку.

МЦ.

Когда будете в Москве? —

6

⟨*Между 18-м и 27-м августа 1908 г., Москва*⟩

Написано после письма насчет «рассчитывания» и пр., 31-го VII ⟨19⟩08[1].

Стало холодно вдруг и горели виски
И казалась вся жизнь мне — тюрьма.
Но скажите: прорвалась хоть нотка тоски
В ироническом тоне письма?

Был ли грустной мольбы в нем малейший намек,
Боль о том, что навек отнято,
И читался ли там, меж презрительных строк
Горький отклик: «За что? О, за что?» —
Кто-то тихо сказал: «Ты не можешь простить,
Плачь в душе, но упреков не шли.
Это гордость в себе свое горе носить!» —
И сожгла я свои корабли...
Кто-то дальше шептал — «В сердце был огонек,
Огонькам ты красивым не верь!» —
И за этот за горький, тяжелый урок
Я скажу Вам — спасибо теперь.
Только грустно порою брести сквозь туман,
От людей свое горе тая, —
Может быть, это был лишь красивый обман,
И не знаю, любила ли я...

И Вы в свою очередь, Петя, не смейтесь. Ведь очень легко можно сказать Вам: «Вот сентиментальная девица. Почти что признание в любви!» — На что отвечу: это дело прошлое. Стихи эти написаны под впечатлением обиды и живым воспоминанием о Вас, каким я знала Вас в Орловке. Теперь всё изменилось. Не то чтобы ссора наша отдалила нас друг от друга, а всё-таки есть что-то. Вы и сам верно это чувствуете. Согласны ли Вы? —

Ну так вот, Вы не смейтесь. А всё-таки мы пожалуй еще будем друзьями, и близкими. Мне отчего-то так кажется. О многом поговорим, когда увидимся и если увидимся.

Какое впечатление осталось у Вас от моих этих стихов? Пишите.

Соне передайте от меня, что «Лева[2] в Москве». —

Ну, до свидания.

Хорошо бы, если зимой началось что-нибудь! Так жить нельзя, копаться в своей душе вечно — значит лишить себя всякой радости. Поменьше комнатной жизни! —

7

Какая у меня сейчас отчаянная тоска, Понтик! Осень, колокольный звон, сознание, что лучшее время уходит без радости. Вы вот говорите о том, что я слишком много занимаюсь своим «я». А откуда взять внешние события, когда их нет? Ходить в гости? Но это мне доставляет гораздо больше мучения, чем радости. Кто-нибудь пошутит, так себе, без всякого умысла, а я потом думаю, думаю об этой фразе, выворачиваю ее во все стороны, пока не додумаюсь до того, что всем на меня наплевать и пр.

Бывают у меня минуты, когда мне хочется, чтобы меня пожалели. Под таким настроением (опять-таки только настроением) вылилось у меня след⟨ующее⟩ стихотворение, к⟨отор⟩ое Вы найдете на 2-ой стр⟨анице⟩.

Я сама знаю, что не надо так возиться с собой. Да если бы теперь началось «что-нибудь», разве я бы стала хандрить? При одной мысли о возможности революции у меня крылья вырастают. Только не верится что-то.

Гляжу сейчас на поблекший хмель на стенах сарая, на безучастные крыши домов, на небо без просвета, без голубого клочка... А где-то солнце, цветы, где-то люди смеются.

Ну, слушайте стихи.

В ожидании ответа на мое «покаянное» письмо[1].

Вы простите, я знаю, мы встретимся дружно
И не будем смеяться намеками зло,
Но о том, что казалось так близко, так нужно,
Не смогу я сказать — ведь так много ушло!
Эта грустная мысль уж меня не тревожит,
Вспыхнет вновь ли костер, что горел в темноте?*
Будут новые искры, и лучше, быть может,
Будут новые искры, но только не те.
Это рок. Человеческой жизни тоска в нем.
Помню всё, и порывистый наш разговор...
Вспоминаю о нем как о милом, о давнем,
Хоть немного недель промелькнуло с тех пор.
Если всё это было не призрачным словом,
Что читалось под солнцем июльского дня,
Снова вспыхнет тоска, и в доверии новом
Я приду и скажу: «Пожалейте меня!» —

В одном из Ваших писем, Понтик, Вы спрашиваете, откуда я беру данные для пессимистического мировоззрения. Ну хотя бы из такой хандры, к⟨отор⟩ая иногда длится несколько дней подряд.

Из гордости не лезу к людям за участием («а ко мне лезешь» дополните Вы), а сами приласкать не догадаются. Малейшая шутка так бесит, так обижает, что иногда даешь себе волю и говоришь, что попадется на язык. Разумеется, уж не нежное.

Конечно глупо обвинять мир в том, что мне скверно, да я и не обвиняю, но невольно общие выводы окрашиваются в черный цвет, или в серый, это верней. Это всё очень банально, что я говорю.

От Вашего письма у меня осталось двойственное впечатление. Так было я ему обрадовалась, и вдруг натыкаюсь на такую зачеркнутую фразу

— «Вот Вам мой взгляд. Понимайте как хотите. Мне совершенно все равно, так как это меня сейчас совершенно не интересует». —

Я это и так знаю, Петя, у меня душа не из носорожьей кожи, я всё очень быстро понимаю.

Жаль, что не зачеркнули почерней, так как я всегда очень основательно изучаю зачеркнутые места в полной уверенности найти там что-нибудь неприятное.

Желаю Вам удачного перехода на естественный факультет[2]. Теперь Вам конечно недосуг будет писать, ну, а когда освободитесь немножко, буду рада получить от Вас известие, как Вы устроились и пр.

---

* Когда мы ломали балки-то, помните? Каж⟨ется⟩ 19-го вечером *(примеч. М. Цветаевой)*.

Всего лучшего.
Оба экзамена выдержала на 4 (по отдельности)[3].
Иду на молебен.

МЦ.

27-го VIII 〈19〉08

8

〈Не ранее второй половины сентября 1908 г., Москва〉[1]

Милый, славный Понтик! Не сердитесь, всё равно этим ничего не достигнете. Нужно было чем-нибудь выразить то чувство, названия к〈оторо〉го я не знаю,—если вышло по-ребячески и глупо—изменять теперь поздно. Обещать ничего не обещаю, совсем не вижу, почему я *должна* обещать. Скажу одно: такие поступки не повторяются.

Сейчас вечер. В комнатах ясный сумрак. Небо желто-розовое, светлое, звонят колокола.

В такие вечера я никак не могу найти себе места. Как красиво, когда лучи заходящего солнца отражаются в окнах домов! Точно чьи-то широко раскрытые блестящие глаза! Дребезжат пролетки...

Милый мальчик мой, как мне вчера было хорошо с Вами.

Любовь, дружба ли—не всё ли равно? Дело не в названии.

Господи, Понтик, как много в жизни такого, чего нельзя выразить словами! Слишком мало на земле слов.

Крепко жму Вам руку. Не сердитесь за вчерашний порыв. Бывают минуты, когда не сама действуешь, а под влиянием чего-то очень сильного. Если всё-таки недовольны, постарайтесь забыть. Я напоминать не буду.

Ну, друзья что ли?

Ваша МЦ.

P. S. Прилагаемое письмо будьте добры—передайте Сереже.
Напишите, как Вы, сердитесь или нет? Милый, хороший!

9

〈Не ранее второй половины сентября 1908 г., Москва〉[1]

Знаете, Понтик, я никак не могу решить, Вас ли я любила или свое желание полюбить? «Жить скверно и холодно, согревает и светит любовь». Так говорят люди. Я хотела попробовать, способна ли я любить или нет. Но все встречные были такие противные, мелочные, дрянные, что, увидев Вас, мне показалось: «Да, такого можно любить!» И мало того—я почувствовала, что люблю Вас.

Все дни, когда от Вас не было писем, и эти последние, московские дни мне было отчаянно-грустно. А теперь я несколько дней совершенно о Вас не вспоминала. А герцога Рейхштадтского[2], к〈оторо〉го я люблю больше всех и всего на свете, я не только не забываю ни на минуту, но даже часто чувствую желание умереть, чтобы встретиться с ним. Его ранняя смерть, фатальный ореол, к〈отор〉ым окружена его судьба, наконец то, что он никогда не вернется, всё это заставляет меня

преклоняться перед ним, любить его без меры так, как я не способна любить никого из живых. Да, это всё странно.

К Вам я чувствую нежность, желание к Вам приласкаться, погладить Вас по шерстке, глядеть в Ваше славное лицо. Это любовь? Я сама не знаю. Я бы теперь сказала – это жажда ласки, участия, жажда самой приласкать. Но сравниваю я свое чувство к Наполеону II с своей любовью к Вам и удивляюсь огромной их разнице.

М. б. так любить, как люблю я Наполеона II, нельзя живых. Не знаю[3].

Чувствую только, что умерла бы за встречу с ним с восторгом, а за встречу с Вами – нет.

Понтик, я считаю Вас настолько чутким, что надеюсь, Вы не обвините меня в бегстве перед Вами.

То, что сказано, – сказано. Если Вы думаете, что я теперь из гордости говорю Вам всё это, – можете потребовать от меня чего-нибудь, что меня бы унизило. Я исполню.

Трусить я перед Вами не трушу и не раскаиваюсь в том, что было, а просто делюсь с Вами сомнениями, к〈отор〉ые возникли у меня на этот счет.

Я купила большой портрет Герцога Рейхштадтского ребенком[4]: продолговатое личико с недоверчивым взглядом темных серьезных глаз, высокомерное выражение красивых губ, мягкие, пушистые волосы, оттеняющие высокий лоб... Общее выражение лица грустно-надменное. По целым часам могу смотреть на это чудесное личико сломленного жизнью гениального ребенка.

У меня к нему такое чувство восторга, жалости и преклонения, что я бы на всё пошла ради него.

Я всё лето, всю прошлую весну жила мыслями, снами, чтением о нем. Есть драма «Орленок» («L'Aiglon»)[5], это моя любимая книга. В ней в проникновенных стихах выражается вся трагическая судьба сына Наполеона I. Его детство, смутные воспоминания о Версале, об отце, потом юность среди врагов, в Австрии, все его грезы о Франции, о битвах, вся его молодая странная жизнь проходит перед нами. Есть места, к〈отор〉ые можно перечитывать без конца. Читаешь и чувствуешь, как подступают слезы, и плачешь в тоске по этому молодому, чудесному, непризнанному ребенку, так несправедливо загубленного* судьбой.

Да, такая любовь, как моя к этому болезненному мальчику, этому призраку, – это действительно любовь.

Если бы мне сказали: «Ты согласна сейчас увидеть драму «L'Aiglon», а потом умереть?» – я бы без колебаний ответила – «Да!»[6] –

Увидеть эту аристократическую голову, эту гибкую фигуру с белокурой прядью на лбу, услышать этот голос, говорящий предсмертные слова. – Господи, да за это все мучения можно претерпеть, не то что умереть!

Я знаю, что никогда не достигну своей мечты – увидеть его, поэтому и буду любить его до самой смерти больше всех живых.

---

* Так в оригинале письма.

Ну, заговорилась я.

Милый Понтик, не сердитесь, верьте мне, я не виновата в том, что я такая неровная.

Крепко жму Вам руку.

Ваша МЦ.

P. S. ⟨*Зачеркнуто одно слово*⟩ Я люблю Вас больше всех *живых* на свете, оговорку*, о к⟨отор⟩ой я раньше забыла.

10

⟨*Осень 1908 г., Москва*⟩

Ну вот, хотела с Вами поссориться[1], да сейчас раздумала.

Читаю я «Дух времени» Вербицкой[2]. Вещь совсем не талантливая, но, подойдя к описанию октябрьских событий, похорон Баумана[3], я прямо не выдержала: швырнула книжку в потолок и села за письмо к Вам. Мне прямо *больно* читать такие книги. Мысль, что всё это прошло, что молодость пройдет без этого, не дает мне покоя. Подумайте, вдруг, когда нам будет по сорока лет, всё это начнется. Ведь нельзя жить без этого!

Можно жить без очень многого: без любви, без семьи, без «теплого уголка». Жажду всего этого можно превозмочь. Но как примириться с мыслью, что революции не будет? Ведь только в ней и жизнь?

Рядом с мыслью о ней всё так мелко, все эти самолюбия, намеки, весь этот чад, вся эта копоть!

Охотно прощаю Вам Ваше «спать хочется»[4]. Всё это ерунда. Хочется — и спите. Спите крепко, без сновидений. Спать хочется? С чем и поздравляю. Нет, всё это не стоит тоски!

Неужели эти улицы никогда не потеряют своего мирного вида? Неужели эти стекла не зазвенят под камнями? Неужели всё кончено?

Слишком много могу Вам сказать. Вот передо мной какие-то статуи...[5] Как охотно вышвырнула бы я их за окно, с каким восторгом следила бы, как горит наш милый старый дом!

Ничего не надо, ничего не жалко!

Только бы началось.

Восьмидесятников[6] у меня нет, искала-искала, не нашла.

МЦ.

11

⟨*Осень 1908 г., Москва*⟩

Спасибо за Ваше письмо. Я рада, что Вы прочли мою автобиографию[1].

Не подумайте, Петя, что я забыла о Вас вчера, но Эллис[2] довольно капризен и пожалуй, не зная о Вас от меня, стал бы ехидничать или вообще выкинул бы что-нибудь. Поэтому я Вас не позвала. Вы, как человек обидчивый, наверное, рассердились бы, и вообще заварилась бы каша. Если он Вас интересует и Вы пожелали бы его повидать — ожидайте худшего, к⟨отор⟩ое, м. б., и не осуществится. Напишите мне насчет этого — тогда извещу Вас, когда он у нас будет.

---

* Так в оригинале письма.

У меня сейчас настроение досады на себя. Мне кажется, что я веду с людьми себя непростительно-искренно и глупо.

Дождь, дождь, дождь. Крыши такие унылые со своим мокрым слезливым видом. Что может быть хуже домов? Ящики: непростительно правильные, грузные, все такие похожие[3].

Что было здесь несколько тысяч лет тому назад? Так же падали желтые листья, только вместо «рыжего дома со ставнями»[4] здесь были болота.

А всё-таки осень хороша. Как красиво падает лист! Вот он оторвался, в нерешительности кружится, потом опускается ниже, ниже и наконец плавным движением приникает к земле, где лежат его братья — все тем же путем окончившие короткую жизнь. Падение листьев — символ жизни человеческой. Все мы рано или поздно после недолгого кружения по воздуху своих мыслей, грез, заветных дум возвращаемся к земле. Все радости и все печали осени — в ее неминуемости. Желтый сарай с увядшим хмелем, мокрая черная земля, скользкие мостки, желтые грустные листья — всё это и ненавистно и дорого, и ласкает и мучит.

Да, грустно. Радует меня то «нечто», чем пахнет в воздухе. Только не могу, не смею верить я, что оно действительно осуществится. Не забастовка, нет, но боевая готовность, уснувшая даже в лучших, жажда грозных слов и великих дел.

Нет больше пороха в людях, устали они, измельчали, и не верю я, что эти самые, обыкновенные и довольные, могли бы воскресить революцию. Не такие творят, о нет! А м. б. те, что творят, настоящие, нежные и глубокие только и существуют, что в сочинениях Вербицкой и «Андрее Кожухове» Степняка[5]. Можно бороться, воодушевляясь прочитанным, передуманным (никакими экономическими идеалами и настоящими марксистами нельзя воодушевиться), можно бороться, воодушевляясь *мечтой*, мечтой нечеловеческой красоты, недостижимой свободы, *только недостижимой!*

Красота, свобода — это мраморная женщина, у ног к⟨отор⟩ой погибают ее избранники. Свобода — это золотое облачко, к к⟨оторо⟩му нет иного пути кроме мечты, сжигающей всю душу, губящей всю жизнь. Итак, бороться, за недостижимую свободу и за нездешнюю красоту я буду бороться в момент подъема. Не за народ, не за большинство, к⟨отор⟩ое тупо, глупо и всегда неправо. Вот теория, к⟨отор⟩ой можно держаться, к⟨отор⟩ая никогда не обманет: быть на стороне меньшинства, к⟨отор⟩ое гонимо* большинством[6]. Идти против — вот мой девиз! Против чего? спросите Вы. Против язычества во времена первых христиан, против католичества, когда оно сделалось господствующей религией и опошлилось в лице его жадных, развратных, низких служителей, против республики за Наполеона, против Наполеона за республику, против капитализма во имя социализма (нет, не во имя его, а за мечту, свою мечту, прикрываясь социализмом), против социализма, когда он будет проведен в жизнь, против, против, против!

Нет ничего реального, за что стоило бы бороться, за что стоило бы умереть. Польза! Какая пошлость! Приятное с полезным, немецкий педантизм, слияние с народом... Гадость, мизерия, ничтожество!

---

* В оригинале письма: «гонито».

Умереть за ...русскую конституцию. Ха ха ха! Да это звучит великолепно. На кой она мне черт, конституция, когда мне хочется Прометеева огня. «Это громкие слова», — скажете Вы. Пусть громкие слова! Громкие красивые слова выражают громкие, дерзкие мысли! Я безумно люблю слова[7], их вид, их звук, их переменность, их неизменность. Ведь слово — всё! За свободное слово умирали Джиордано Бруно, умер раскольник Аввакум[8], за свободное слово, за простор, за звук слова «свобода» умерли они.

Свободное слово! Как это звучит!

Понтик, милый мой, брат, милый брат, Вы меня понимаете?

Вдруг исчезла бы Москва с синематографами, конками, гостиницами, эпипажами, четвергами, субботами, всей этой суетней, и вместо нее — Кавказ, монастырь, где томилась Тамара[9], скалы, орлиные гнезда, аулы, смуглые лица черкесов, их гортанный говор, пляска их девушек, обрывы, кони, звездные ночи, вершины Казбека и Эльбруса. Но Кавказ дикий, девственный Кавказ 300 — 400 л⟨ет⟩ тому назад.

Быть героем какой-нибудь книги, ехать ночью верхом, скатиться в пропасть, встретиться с душманами. Изведать хоть раз чувство одинокого творчества там, наверху, забыть о Москве, не знать о митингах, кадэтах и эсдеках, холере и синематографах. Вы понимаете?

Дождь, дождь, дождь. Мокрые крыши, желтые листья, заливается на соседнем дворе шарманка...

Пишите, Понтик.

Ваша МЦ.

12

Weisser Hirsch, 8-го Июля 1910 г.[1]

У меня к Вам, Петя, большая просьба: пожалуйста, прочтите Генриха Манна «Богини» и «Голос крови»[2].

Вы этим доставите мне большую радость, а себе — по меньшей мере несколько ярких, незабываемых часов.

Чтение Манна — плаванье по очень яркому морю, под очень синим небом, на очень красивой галере с очень красивыми гребцами, мимо очень пестрых городов.

Судите немцев не по добродушным бюргерам, а по таким, как Манн. Хотя нельзя сказать «по таким», так как Манн один и не похож ни на кого из всех существующих и когда-либо бывших писателей.

Если сравнивать его с кем-нибудь — его, пожалуй, можно сравнить еще с D'Annunzio[3].

Знакомы ли Вы с произведениями последнего?

Если нет — будьте хорошим мальчиком, прочтите его «Огонь», «Наслаждение», «Девы скал»[4].

Поймите, я прошу только для Вас. Сама я ведь читала эти вещи, и выгоды в том, что Вы их прочтете, для меня никакой нет.

Я когда-то заметила в Вас искорку, Петя, и мне хочется, чтобы она *никогда* не погасла, несмотря ни на что.

Берегите ее! Все лишившиеся ее перестали жить.

Все, никогда ее не имевшие, вовсе не жили.

И в Орловке можно жить с тревожно бьющимся сердцем.

И в Париже можно жить без всякого волнения.

Всё зависит от нас — не от нас, желающих чего-нибудь, а от нас, всегда чувствующих себя, ощущающих каждое биение своего сердца.

Понятны Вам мои слова?

Природа и книги, — выше и ярче нет ничего[5]. Музыка, музеи, книги, розовые вечера и розовые утра, вино, бешеная езда, — всё это мне необходимо, ибо только тогда я живу, когда чувствую в себе дрожь яркого переживания.

Всё остальное — самообман.

Я не боюсь пошлости, так как знаю, что ее во мне нет.

Я боюсь одного в мире — минуты, когда во мне замирает жизнь.

Это — расплата за каждый праздник. И тогда я бессильна перед жизнью. Кроме такого мгновенного затишья нет для меня ничего страшного, потому что я чувствую в себе бесконечный восторг перед каждым облачком, напевом, поворотом дороги.

И вот, Петя, мне хотелось бы и Вам передать свою сладкую способность вечно волноваться.

Мне хотелось бы, чтобы Вы, благодаря мне, пережили многое — и не забыли его.

Верьте и доверьтесь мне.

Я много перемучалась. Вспомните то, что я говорила о расплате за праздники.

Читайте, Понтик, Манна и д'Аннунцио и читая вспоминайте меня. Это мне будет большой радостью.

Ни один человек, встретившийся со мною, не должен уйти от меня с пустыми руками.

У меня так бесконечно много всего!

Умейте только брать, выбирать.

Я говорю: «ни один человек»...

Пожалуйста, не думайте, что я хочу сказать: «ни один первый встречный». Нет, я говорю только о тех, с кем у меня есть хоть немного общего.

Обижаться на мое письмо, если Вам и захочется, Понтик, не надо! К чему эта мелочность? Я пишу Вам в хорошую минуту. Сумейте увидать в этом письме настоящую меня и не обижаться на то, что Вам покажется обидным.

Я пишу Вам с горячим желанием передать Вам свое настроение. Возьмите его, если захотите... Вот и всё!

МЦ.

Публикуемые ниже письма М. И. Цветаевой к П. И. Юркевичу — еще одна часть сохранившейся переписки между ними. Другая ее часть, помещенная в т. 6, была напечатана ранее в альманахе «Минувшее», 11, 1991. (См. т. 6.)

Тогда же публикаторами высказывалось предположение о возможной цветаевской описке в дате одного из писем, влекущей за собой неверное датирование другого письма и нарушение хронологической последовательности писем 1908 г. (см. *Минувшее.* С. 343). Догадка эта полностью подтвердилась. Таким образом, правильная датировка писем, опубликованных в «Минувшем» (и в т. 6), следующая: 1 — 22 июля 1908 г. (вместо 22 июня), 2 — 13 августа 1908 г. (вместо 13 июля). В дальнейшем в ссылках на эти письма приводится исправленный вариант их датировки.

Письма 1—11 настоящего приложения впервые—Новый мир. 1995. № 6 (публикация О. П. Юркевич, состав., подгот. текста и коммент. Е. И. Лубянниковой и Л. А. Мнухина, предисловие А. А. Саакянц); письмо 12—«Московский комсомолец». 1994. 22 ноября (публикация Н. Дардыкиной «Любовь юной Цветаевой», с неточностями). Все письма печатаются по тексту публикации в «Новом мире», с частичным использованием приведенных там примечаний.

1

[1] Первое письмо от 22 июля 1908 г. было написано утром (см. комментарий выше и письмо 1 в т. 6).

[2] Сергей Иванов ч Юркевич—см. о нем комментарий 15 к письму 1 к П. И. Юркевичу в т. 6).

[3] *Хиавата.*—Можно предположить, допуская возможность неверного транскрибирования Цветаевой английских слов, что речь идет об опере (или об увертюре к ней) чешского композитора Антонина Дворжака (1841—1904) «Hiawatha» (1892—1895), созданной по поэме американского поэта Генри У. Лонгфелло (1807—1882) «The Song of Hiawatha» (1855). Не исключено также, что речь может идти о симфонии Дворжака «Из Нового Света», № 5 (1893), связанной отчасти с «Песней о Гайавате» (программной основой второй части симфонии является сцена похорон Миннегаги—подруги Гайаваты).

[4] Е. И. Лубянникова высказала предположение, что вероятна связь между мотивировкой Цветаевой прошлогодней ссоры с ней С. Юркевича (см. письмо 3 настоящего приложения) и образом Гайаваты—пророка, учителя. Ср. также строки поэмы: «И придет Пророк на землю//И укажет путь к спасенью;//Он наставником вам будет,//Будет жить, трудиться с вами.//Всем его советам мудрым//Вы должны внимать покорно». (Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате. Пер. И. А. Бунина. Спб.: Изд. т-ва «Знание», 1903. С. 10—11.)

[5] *Ася*—Анастасия Ивановна Цветаева, *Андрей*—Андрей Иванович Цветаев. *Француженка*—лицо неустановленное.

[6] Вероятнее всего, имеется в виду Виноградов Анатолий Корнелиевич, знакомый сестер Цветаевых по Тарусе и Москве; увлекался младшей из них. См. также рассказ «Жених» и комментарии к нему в т. 5.

[7] Ср. фрагмент записи А. К. Виноградова 1909 г. о Д. С. Мережковском: «Великой волей своей он себя держит и не позволяет пролиться этому огню» (РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 296, зап. кн. 2. С. 57). Указано Ст. А. Айдиняном.

[8] Об этом стихотворении М. Цветаевой ничего не известно. Позднее к «монастырской» теме она обратилась в стихотворении «А всему предпочла...» (1918). (См. т. 1.)

[9] Софья Ивановна Юркевич—см. о ней комментарий 8 к письму 1 к П. И. Юркевичу в т. 6.

[10] *«Два гренадера»*—баллада немецкого композитора Роберта Шумана на стихи Генриха Гейне «Die beiden Grenadiere»; русский текст «Двух гренадеров» принадлежит М. Л. Михайлову (1829—1865). Эта баллада была особенно любима Ф. И. Шаляпиным, и вполне допустимо, что речь идет о граммофонной записи его исполнения.

2

[1] Датируется по упоминанию концерта в Соковнино.

[2] См. комментарий 7 к письму 1 к П. И. Юркевичу в т. 6.

[3] *Соковнино*—село Чернского уезда Тульской губернии, расположенное на оживленной торговой дороге, в 20-ти верстах от Орловки. Там находилось имение тетки Юркевича по материнской линии—Анны Николаевны Бодиско; возможно, туда и собирались отправиться Юркевичи на музыкальный концерт.

[4] Цветаева приводит первую строфу стихотворения без названия из книги революционного поэта Евгения Тарасова «Земные дали. Вторая книга стихов» (Спб.: Шиповник, 1908. С. 38). См. также письмо 2 и комментарий 2 к нему в т. 6.
[5] См. комментарий 17 к письму 1 к П. И. Юркевичу в т. 6.
[6] *Чермашня* и *Мокрое* — названия сел в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879—1880). Судя по всему, обитатели Орловки связывали эти названия с расположенными неподалеку селами Белевского уезда — Чермошны и Мокрое. Между тем у Достоевского речь идет о деревне Чермашня, которая была куплена в 1832 г. родителями писателя и находилась в Каширском уезде. Что касается села с распространенным в России названием — *Мокрое*, то реальная связь между селом, упомянутым в романе, и селом, о котором пишет Цветаева, не выявлена.
[7] Речь идет о Л. А. Тамбурер. См. комментарии к стихотворению «Последнее слово» (т. 1) и очерки «Лавровый венок» и «Отец и его музей» (т. 5).
[8] *Эсдечка* — социал-демократка. О ком идет речь, установить не удалось.
[9] Старший брат П. И. Юркевича, Владимир Иванович (1885—1964), всемирно известный корабельный инженер, создатель французского суперлайнера «Нормандия», завоевавшего в 1935 г. «Голубую ленту» Атлантики. В годы публикуемой переписки В. И. Юркевич — студент кораблестроительного отделения Санкт-Петербургского политехнического института, затем молодой балтийский судостроитель.
[10] См. комментарий 3.
[11] «Фуражка с венчиком» запечатлена Цветаевой в стихотворении «Проснулась улица. Глядит усталая...», датированном мартом 1908 г. (см. т. 1).

3

[1] См. «сценку» из будущей жизни Юркевича, описанную в письме от 22 июля 1908 г. (письмо 1, т. 6). *Национальный гимн* — см. комментарий 19 к письму 1 в т. 6. *Тасенька* — воображаемая дочь Юркевича.
[2] След этого пристрастия мы находим в таких ранних (неизвестных) строках М. Цветаевой:

В зеленой башне все было странно,
Глядели окна так многогранно,
Как будто взоры мильона глаз...

(записаны А. И. Цветаевой по памяти, датированы ею приблизительно зимой 1907—1908 гг.). (Сведения Е. И. Лубянниковой.)
[3] Ранняя редакция стихотворения впервые опубликована в тексте сказки «О маленькой фее и чабане. Валашская сказка» (Самарская газета. 1896. 11 мая). Как самостоятельное произведение (редакция не позднее 1903 г.) под заголовком «Легенда о Марко» вошло в изд.: Горький М. Песня о соколе. Песня о буревестнике. Легенда о Марко. Спб. Изд. т-ва «Знание». 1906. С. 8. В дальнейшем при жизни автора не перепечатывалось.
Цветаева, по всей видимости, цитирует стихотворение по памяти.
[4] По-видимому, имеется в виду Степаненко Николай Николаевич — преподаватель Женской гимназии им. фон Дервиз, где обучалась Цветаева в 1906—1907 гг., и Московской 4-й мужской гимназии, которую окончили Юркевич и его братья.
[5] Подразумевается небольшая, левая, светелка на втором этаже тарусского дома Цветаевых. Другую, правую, занимала А. Цветаева.
[6] Ср. с другим ранним стихотворением М. Цветаевой: «По дорожке желтой лилового сада//Тихо листья падали, падали шурша...» и т. д. См. т. 1.
[7] Правильно: санинщина. См. письмо 1 и комментарий 6 к нему в т. 6.
[8] Речь идет об отъезде Цветаевой из Орловки. См. письмо 1 в т. 6.

[9] Здесь, вероятно, игра Цветаевой, восстанавливающей по инициалу имя корреспондентки Юркевича не без намека на библейский персонаж. Ср. ироническое упоминание «всяких Ев и тому подобных прелестей» в письме от 22 июля 1908 г. (письмо 1, т. 6).

[10] Цветаева цитирует стихотворение «Бог» из сборника Е. М. Тарасова «Земные дали» (Спб.: Шиповник, 1908. С. 38), соединив воедино две строфы, 3-ю с конца и последнюю.

4

[1] Письмо датируется по упоминанию о нем в письме 6.

5

[1] Датируется по упоминанию сроков отъезда Цветаевой из Тарусы (см. письмо 2, т. 6) и предстоящих экзаменов (см. настоящее письмо).

[2] По всей видимости, Цветаева ссылается на фразу из письма 3 (см. настоящее приложение), которое послужило причиной ее эпистолярной размолвки с адресатом.

[3] Текст этого стихотворения в семейном архиве адресата не обнаружен.

[4] Ср. воспоминания А. И. Цветаевой: «Иногда — и все чаще — мы шли в синематограф. От картин тех лет в памяти — светлый туман. Каждый наш поход туда погружал нас в романтику, обогащал еще одной печалью: трагедией еще чьей-то судьбы» (*А. Цветаева.* С. 270).

[5] О том, что Цветаева в те годы вела дневник, известно из воспоминаний ее бывшей гимназической подруги В. К. Генерозовой. Вот что она писала по этому поводу: «...дневник свой она ⟨Цветаева⟩ начала вести с самого раннего детства, когда она жила с матерью в Италии, в Нерви. ⟨...⟩ Я перечитала все толстые клеенчатые тетради (ее детские дневники), которые Марина постепенно перетаскала мне ⟨...⟩. Меня поражало, когда я читала ее детские записи, как мог маленький ребенок так осмысленно, почти по-взрослому, описывать свою жизнь, то есть свои радости, горести, игры и шалости, обиды, наказания и прочие детские переживания. В основном же, как в дневниках (уже более старшего возраста), так и в своих письмах, Марина скупо описывала какие-нибудь события из своей жизни, а больше в них было размышлений и рассуждений на самые разнообразные темы» (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 24—25).

Дневники Цветаевой времен ее отрочества и ранней юности не сохранились.

[6] *Миша* — Монахов Михаил Семенович (1890—?), сын сторожа тарусской богадельни и расположенной рядом с ней цветаевской дачи «Песочное». О его семье и дружбе с ним сестер Цветаевых см.: *А. Цветаева.* С. 238—240, 263—264. Выведен «рыцарем» младшей сестры в посвященном ей стихотворении М. Цветаевой «Лесное царство» (1908, т. 1). Дружба эта оборвалась по причине переезда семьи Монаховых в Серпухов после лета 1908 г.

[7] В письме от 13 августа 1908 г. Цветаева писала: «А «больные» вопросы, Вы правы, теперь не следует затрагивать, лучше когда-нибудь потом» (письмо 2, т. 6).

6

[1] Речь идет о письме 4.

[2] По-видимому, имеется в виду Лев Николаевич Липеровский (1887—1963) — брат будущего мужа С. И. Юркевич. Сын священника, в 1907—1913 гг. — студент медицинского факультета Московского университета, затем земский и военный врач; участник московских религиозных кружков. После революции эмигрировал в Шанхай. Впоследствии жил во Франции, где стал активистом Русского христианского движения, принял священство (умер в сане протоиерея).

7

[1] Речь идет о письме от 4 августа 1908 г. (письмо 3, т. 6).

[2] Колебания Юркевича в выборе профессии отражены и в нарисованных Цветаевой «сценках» из будущей жизни, где он предстает или врачом, или учителем (см. письмо 1, т. 6 и письмо 3 настоящего приложения). В действительности, Юркевич поступил в 1907 г. на медицинский факультет, в 1908—1909 учебном году обучался на историко-филологическом факультете, затем снова стал студентом медицинского факультета.

[3] То есть по химии и по алгебре. См. комментарий 7 к письму 1 в т. 6.

8

[1] Датируется по содержанию письма П. Юркевича. Приводим текст недатированного черновика этого письма:

«Марина, Вы с Вашим самолюбием пошли на риск первого признания, для меня совершенно неожиданного, возможность которого не приходила мне и в голову. Поэтому отвечать искренне и просто на Ваш ребром поставленный вопрос, если бы Вы знали, как мне трудно. Что я Вам отвечу? Что я Вас не люблю? Это будет неверно. Чем же я жил *эти два месяца* (курсив наш.—*Сост.*) как не Вами, не Вашими письмами, не известиями о Вас? Но и сказать: да, Марина, люблю... Не думаю, что имел бы на это право. Люблю как милую, славную девушку, словесный и письменный обмен мыслями с которой как бы возвышает мою душу, дает духовную пищу уму и чувству. Если бы я чувствовал, что люблю сильно, глубоко и страстно, я бы Вам сказал: люблю, люблю любовью, не знающей преград и препятствий, ты мое счастье, моя радость, жизнь мою превратишь в царство любви. Но чувствую: сказал бы сейчас это фразой, а не делом, и в скором времени сплоховал бы каким-нибудь позорным образом. Вот Вам мой ответ правдивый, честный, искренний (но не страстный).

Любящий Вас, преклоняющийся перед Вашей сложной, почти гениальной натурой и от души желающий Вам возможного счастья на земле.

Ваш П. Ю.».

(Опубликовано в газете «Московский комсомолец». 1994. 22 ноября.)

9

[1] Датируется по содержанию письма П. И. Юркевича (см. комментарий к предыдущему письму).

[2] См. комментарий к стихотворению «В Париже» (т. 1). Пылкая любовь М. Цветаевой к герцогу Рейхштадтскому (Наполеону II) выражена также в стихотворениях «В Шенбрунне», «Камерата», «Герцог Рейхштадтский» и др. (см. т. 1).

[3] А. И. Цветаева писала о сестре: «Кого из них 〈Наполеона I или Наполеона II〉 она любила сильнее—властного отца, победителя стольких стран, или угасшего в юности его сына, мечтателя, узника Австрии? Любовь к ним Марины была раной, из которой сочилась кровь» (*А. Цветаева.* С. 269).

[4] Имеется в виду портрет работы английского живописца Томаса Лоренса (Лауренса; 1769—1830) «La Roi de Rome» («Король Римский», 1820). Репродуцирован в кн.: Aubry O. L'Aiglon. Des Tuileries aux Invalides. Paris: Flammarion, б/г. Фронтиспис.

Ср. описание этого портрета в воспоминаниях А. И. Цветаевой: «...овальный портрет отрока Рейхштадтского, знаменитый портрет Лоренса—нежное личико мальчика лет девяти, с грациозной благожелательностью и с недетской печалью глядящее из коричневатых волнистых туманностей рисунка, словно из облаков» (*А. Цветаева.* С. 269).

[5] См комментарий к стихотворению «В Париже» (т. 1), а также «Ответ на анкету» 1926 года (т. 4).

[6] О попытке самоубийства М. Цветаевой на спектакле «Орленок» в декабре 1908 г. см.: *А. Цветаева.* С. 322—327, 716—717, а также: *Минувшее.* 11. 1991. С. 348 и Новый мир. 1995. № 6 (примечание 11 к письму 10).

10

[1] См. комментарий 4.

[2] *Вербицкая* Анастасия Алексеевна (урожденная Зяблова; 1861—1928)—писательница, издательница, педагог. Реабилитировала форму бульварного, или сенсационного, романа. Была очень популярна в годы реакции, наступившей после революции 1905—1907 гг.

«Дух времени»—роман, отражающий жизнь русского общества в период с 1903 по 1905 г., включая события Московского вооруженного восстания. (Роман в 2 кн. М. [изд. автора], 1907—1908). «...Я начала писать «Дух времени», все еще полная отзвуками этой удивительной эпохи»,—писала Вербицкая в 1910 г. (Лица. Биографический альманах. 5. М.; Спб.: Феникс, Atheneum. 1994. С. 105).

[3] *Бауман* Николай Эрнестович (псевдоним Грач; 1873—1905)—профессиональный революционер, большевик. Убит черносотенцами. Его похороны 20 октября 1905 г. в Москве вылились в трехсоттысячную политическую демонстрацию.

[4] См. обращенное к П. Юркевичу стихотворение «Месяц высокий над городом лег...» и комментарии к нему (т. 1).

[5] Как вспоминала А. И. Цветаева, в их доме в Трехпрудном переулке, в углах гостиной, у окон, на белых круглых колоннах-постаментах стояли бюсты греческих богов Аполлона и Дианы (*А. Цветаева.* С. 42, 302). Названия этих скульптур, о которых М. Цветаева пишет как о «статуях», были ей, несомненно, хорошо известны.

Ср. упоминания о них в ее юношеской поэме «Чародей» (т. 3):

Вплываем в царство белых статуй
и старых книг.
. . . .
Бюст Аполлона—план Музея—
И всё—как сон.

[6] Имеются в виду либеральные народники, влияние которых усилилось в середине 1880-х годов, в период кризиса народничества («малых дел теория» Я. В. Абрамова, выступления против марксизма Н. К. Михайловского и др.). См. также комментарий 5 к письму от 22 июля 1908 г. (письмо 1, т. 6).

11

[1] Упоминание об автобиографии см. также в письме к В. К. Генерозовой в настоящем приложении.

[2] См. письма к Эллису (т. 6).

[3] Ср. в раннем стихотворении «Домики старой Москвы» строки о современных строениях: «Вас заменили уроды,—//Грузные, в шесть этажей...» (см. т. 1).

[4] Подразумевается дом Цветаевых в Трехпрудном переулке, № 8. По свидетельству А. И. Цветаевой, «крашеный—сколько помню его, с 1897 г.,—коричневой краской» (*А. Цветаева.* С. 40).

[5] *Степняк* Сергей Михайлович (настоящая фамилия Кравчинский; 1851—1895)—революционер-народник, писатель. В эмиграции основал «Фонд вольной русской прессы». Автор произведений о русских революционерах: романа «Андрей Кожухов» (английский оригинал «The Career of Nihilist», 1889), очерков «Подпольная Россия» (1882) и др.

Цветаевой могли быть доступны издания: Степняк С. (Кравчинский С. М.) Андрей Кожухов. Роман. Пер. с англ. Предисл. Г. Брандеса. Женева: Изд. Ф. Степняк, 1898; Степняк-Кравчинский С. М. Собр. соч.: В 6 ч. Ч. 4. Андрей Кожухов. Пер. с англ. и предисл. Ф. М. Степняк. Под ред. и с предисл. П. А. Кропоткина. Спб.: Светоч, 1907.

Об увлечении Цветаевой-гимназистки этим романом упоминает С. И. Липеровская (Юркевич): «Особенно увлекал Степняк-Кравчинский; Андрей Кожухов стал любимым героем. Марина пополняла арсенал «недозволенных» книг» (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 32).

[6] Спустя четверть века Цветаева писала: «Все мои непосредственные реакции—*обратные.* Преступника—выпустить, судью—осудить, палача—казнить...» (из письма 13 к Ю. П. Иваску. См. в настоящем томе). О кредо Цветаевой, что «надо всегда, повсюду, и в прошлом, и настоящем, и будущем, быть на стороне побежденных», писал близко знавший ее В. Б. Сосинский (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 369).

[7] Ср. в письме 3 (т. 6): «Соглашаюсь с вами, что слишком люблю красивые слова».

[8] *Бруно* Джордано (1548—1600)—итальянский философ и поэт. По обвинению в ереси был сожжен инквизиторами. *Аввакум* Петрович (1620 или 1621—1682)—протопоп, писатель, глава русского церковного раскола. Сожжен по царскому указу.

[9] *Тамара* (ок. середины 60-х гг. 12 в.—1207)—грузинская царица (1184—1207), отличалась мудростью и красотой. Причислена к лику святых.

12

[1] Лето 1910 г. Марина и Анастасия Цветаевы провели в местечке Лохвиц в горной части маленького городка Вайсер-Хирш, под Дрезденом, в семье пастора Бахмана. М. Цветаева вспоминала об этой поездке в дневниковой прозе «О Германии» (т. 4). См. также: *А. Цветаева.* С. 331—341.

[2] Пространный отзыв Цветаевой о трилогии «Богини» и других произведениях см. в письме 5 к М. А. Волошину (т. 6). *«Голос крови»*—под таким названием в переводе М. Славинской и Р. Ландау (М.: Польза; В. Антик и К°, 1909) был опубликован роман Г. Манна «Zwischen den Rassen» («Между расами») (München: A. Langen, 1907).

[3] *D'Annunzio*—Д'Аннунцио Габриеле (1863—1938), итальянский писатель, сторонник идеи «сверхчеловека» и диктатуры «сильной личности».

[4] «Огонь»—роман «Il fuoco» (1900); в России был опубликован под названием «Огонь жизни» (Пер. Е. Д-ва. Спб.: Ред. «Нового журнала иностранной литературы», 1901) и под названием «Пламя» в двенадцатитомном собрании сочинений Д'Аннунцио (Т. 7. Пер. Э. Венгеровой. Спб.: Шиповник, 1909). *«Наслаждение»*—роман «Il piacero» (1889); вышел в указанном собрании сочинений (Т. 5. Пер. Е. Летковой, б/г) и отдельным изданием (Пер. Е. Роговиной; под

ред. Ю. Балтрушайтиса. М.: Идея, 1908). *«Девы скал»*—роман «Le vergini delle rosse» (1895); в русском переводе выдержал несколько изданий.

[5] Об отношении Цветаевой к книгам см. также письмо 14 к М. А. Волошину (т. 6).

В. К. ГЕНЕРОЗОВОЙ

⟨1908—1910⟩[1]

Валя, поверьте мне! Вы себя не знаете. Вам кажется, что у Вас не хватит силы прожить без личной любви? А товарищество, любовь в широком смысле разве не заменят Вам замужества? Разве Вам нужна именно только такая любовь? Неужели Вы не боитесь скуки, разочарования и пошлости, связанных с долгими годами семейной жизни. Утешение—дети. Если посвятить себя совершенно их жизни, их развитию, воспитанию, если сделать из них людей сильных, сильных сердцем и умом, бояться нечего. Только мне жаль Вашей силы, которой придется разменяться на мелкие монеты.

Мне бы так хотелось увидать в Вас товарища, борца, а не мать, не жену. Н. А.[2], я думаю, будет довольна своей жизнью, а Вы? Удовлетворитесь ли Вы такой семейной жизнью? Какая у Вас цель? Какой Ваш девиз? Что Вы хотите быть зрителем или борцом? Признаете ли Вы компромиссы? Ответьте мне на все это.

Валенька, не знаю кто Вы, но чувствую, что Вы—талант[3], сила. Или Вы будете солнцем, или... Жизнь докажет, кто из нас прав. Прощайте! Ваша Маруся.

Любите ли Вы детей? Можете ли Вы посвятить им всю, всю жизнь? Поймете ли мою сказку? Автоб⟨иография⟩ подвигается, 411 стр⟨аниц⟩. Скоро напишу Вам еще. Пишите, пишите! Валенька—солнце мое!

Генерозова В. К. (1892—1967*)—см. комментарии к письму М. И. Цветаевой к В. К. Генерозовой в т. 6.

Печатается впервые по оригиналу, любезно предоставленному Е. С. Толкачевой, внучкой адресата, и Г. В. Вальтером (ныне хранится в архиве составителя).

[1] Письмо написано на открытке с видом Генуи. Под изображением приписка М. Цветаевой: «Это генуэзский порт ночью». Почтовые штемпеля отсутствуют. Открытка, по-видимому, была вложена в конверт, который не сохранился.

Датируется условно по содержанию письма. В начале 1910 г. Генерозова уехала сначала к родственникам в Саратов, затем перебралась в Сибирь, где познакомилась с В. А. Зарембой, своим будущим мужем. Возможно, этими обстоятельствами и навеяно содержание письма Цветаевой. Однако мы не исключаем возможности того, что письмо было написано одним-двумя годами ранее предполагаемой выше даты. Поводом для подобных сомнений является упоминание Цветаевой в письме своей автобиографии. О ней она пишет П. И. Юркевичу осенью 1908 г. (см. письмо 11 к нему в настоящем приложении).

* Дата смерти В. К. Генерозовой уточнена Е. С. Толкачевой.

[2] О ком идет речь, не установлено.

[3] Софья Юркевич писала о Валентине Константиновне: «Очень эмоциональная, музыкальная, выступала на вечерах: пела романсы, читала стихи. Ее заветная мечта — учиться после гимназии музыке — не осуществилась из-за недостатка средств. Так и погиб ее талант» (*Воспоминания о Цветаевой.* С. 33—34).

Б. Л. ПАСТЕРНАКУ

Начну со стены. Вчера впервые (за всю с тобой — в тебе — жизнь), не думая о том, что̀ делаю (и делая ли то, что̀ думаю?), повесила на стену тебя — молодого, с поднятой головой, явного метиса, работы отца. Под тобой — волей случая — не то окаменевшее дерево, не то одеревеневший камень — какая-то тысячелетняя «игрушка с моря», из тех, что я тебе дарила в Вандее, в 26-том. Рядом — дивно-мрачный Мур, трех лет.

Когда я — т. е. все годы до — была уверена, что мы встретимся, мне бы и в голову, и в руку не пришло та́к выявить тебя воочию — себе и другим. Ты был моя тайна — от всех глаз, даже моих. И только закрывая свои — я тебя видела — и ничего уже не видела кроме. *Я свои* закрывала — в *твои.*

Выходит — сейчас я просто тебя из себя — изъяла — и поставила — как художник холст — и возможно дальше — отошла. Теперь я могу сказать: — А это Б⟨орис⟩ П⟨астернак⟩, лучший русский поэт, мой большой друг, говоря этим ровно столько, сколько сама знаю.

⟨25 июня 1931 г.⟩

Наброски письма к Б. Л. Пастернаку из черновой тетради М. И. Цветаевой. Впервые — Коркина Е. Б. «Пушкин и Пугачев: лирическое расследование» — В сб. Tsvetaeva M. One Hundred Years. Столетие Цветаевой. Papers from the Tsvetaeva Centenary Symposium Amherst College. 1992. Berkely Slavic Specialties. 1994. С. 234.

Письму предшествует ремарка М. Цветаевой: («Письмо Борису — себе в тетрадку, не знаю — отослано ли)».

А. С. ЭФРОН

1

5-го февраля 1941 г.

Дорогая Аля! У нас есть для тебя черное зимнее пальто на двойной шерстяной вате, серые валенки с калошами, моржовые полуботинки — непромокаемые, всё это — совершенно новое, пиши скорей, что̀ еще нужно — срочно. О твоем отъезде я узнала 27-го января, и всё эти дни выясняла твой точный адрес, надеюсь, что этот — достаточно точный. — 1-го Муру исполнилось 16 лет. Весь прошлый год он болел (воспаление легких, бесчисленные гриппы), и уже с прошлой весны стал худым как стебель. Он очень слаб, от всего устает.

В начале прошлой зимы мы переехали в другой за́город[1], снимали комнату, а кормились в Писат⟨ельском⟩ доме отдыха. Мур ходил в местную школу[2]. Летом жили в Москве, осенью с помощью Лит-

фонда нашли комнату на 2 года. Наш адр⟨ес⟩: Покровский бульв⟨ар⟩, д⟨ом⟩ 14/5, кв⟨артира⟩ 62. Я непрерывно переводила и перевожу — всех: грузин, немцев, поля́ков (Мицкевича), сейчас — белорусских евреев. На жизнь — нарабатываю. Моя книга стихов включена в план Гослитиздата на 1941 г. Мур учится в 8-ом кл⟨ассе⟩, *очень* старателен, но точные науки даются с трудом, и он почти не гуляет. В школе его (тьфу, тьфу!) любят — все̂, во всех школах, п. ч. эта — уже четвертая. Все̂ книги, рукописи и вещи получила[3], комната очень заставлена. Теперь жду вести от тебя, я, когда носила деньги, всегда писала адр⟨ес⟩ и телеф⟨он⟩, надеясь на свидание. Надеюсь, что серый воротник греет, узнала ли синюю юбку? А красная фуфайка — п. ч. оказалась теплее всех. Муля[4] нам неизменно-предан и во всем помогает, это золотое сердце. Собирается к тебе, сам все привезет. Пиши насчет летнего. Вообще, ты́ пиши — о себе, а мы̀ будем писать — о себе. Вопросов, экономя место, не ставлю, но ответов жду: климат, условия, здоровье. Будь здорова, целую тебя, если бы не Мур (хворый) я бы сейчас собралась, но твердо надеюсь, что как-нибудь осуществлю это позже. Обнимаю тебя.

Мама.

2

Москва, Покровский бульв⟨ар⟩, д⟨ом⟩ 14/5, кв⟨артира⟩ 62
10-го марта 1941 г., поне⟨дельник⟩

Дорогая Аля! Наконец-то письмо от тебя (Муле), с точным адр⟨есом⟩. Из двух твоих открыток, еще московских, я не получила ни одной, — горькая случайность. 27-го января, когда я подошла к окошечку с передачей, мне сказали, что ты выбыла и дали адрес, но только — общий, тогда я запросила на Кузнецком, и мне через три дня дали приблизительно тот же адр⟨ес⟩, только уже не Котлас, а Княжий Погост, туда мы с Мулей тебе много писали и телеграфировали, но очевидно не дошло. — Ну, всё хорошо. — О нас: из Болшева мы ушли 10-го ноября[1], месяц жили у Лили, на твоем пепелище, потом Литфонд нас с Муром устроил в Голицыне Белорусск⟨ой⟩ дор⟨оги⟩, снял нам комнату, а столовались мы в Писат⟨ельском⟩ Доме отдыха. Я сразу стала переводить Важу Пшавелу — много поэм, на это ушла вся зима. Летом мы жили в Университете, в комнате уехавшего на дачу проф⟨ессора⟩. Осенью с помощью Литфонда нашли комнату на 2 года, на 7 эт⟨аже⟩, откуда тебе и пишу[2]. Непрерывно перевожу — всех: франц⟨узов⟩, немцев, поляков, болгар, чехов, а сейчас — белорусских евреев, целую книгу. Один мой перевод (болг⟨арской⟩ поэтессы) уже читали по радио[3], а Журавлев собир⟨ается⟩ читать только что вышедшего в Дружбе Народов (пришлю) моего грузинского Барса[4]. Есть друзья, немного, но преданные. Мур учится в 8-ом кл⟨ассе⟩ соседней школы. Ты бы его не узнала: он совершенно-худой и прозрачный, в Голицыне у него было воспаление легких, после него он стал неузнаваем, да и летом никуда не уезжали. Кошки погибли, Муля расскажет. Сегодня несу папе передачу. У нас есть для тебя: новое черное очень теплое (шерст⟨яная⟩ вата) пальто, мерили на меня, шил портной, серые фетр⟨овые⟩ валенки с калошами, шапка с ушами, чудесные морж⟨овые⟩ полуботинки — *без сносу*, вечные, на к⟨отор⟩ые я *наконец* нашла ботики, и т. д. Пиши что̀ тебе нужнее всего. Узнала ли синюю юбку, туфли, роз⟨овое⟩ белье,

т. е. поняла ли, что багаж получили? Получили — всё и всѐ рукописи, летом 1940 г. Жду письма. Муля деятельно собирается к тебе, тогда всё получишь.

〈*Приписка на полях:*〉

Обнимаю тебя, будь здорова, пиши подробно, м. б. до Мули устроим посылку. Мама.

〈*Приписка фиолетовыми чернилами:*〉

Передачу взяли опускаю там же

3

Москва, Покровский бульв〈ар〉, д〈ом〉 14/5, кв〈артира〉 62 (IV подъезд)

Дорогая Аля, наконец-то письмецо от тебя, — в письме к Муле — шло всего 4 дня. А эта открытка — третья по твоему точному адр〈есу〉, раньше мы писали на Княжий Погост. Повторю вкратце: из Болшева мы ушли 8-го ноября — совсем, — было холодно и страшно — месяц жили у Лили на твоем пепелище, нà и пòд твоим зел〈еным〉 одеялом (Мур спал на твоем сундуке), а днем гуляли, без всякого удовольствия, по Москве, п. ч. Лиля давала уроки. 16-го дек〈абря〉 переехали в Голицыно Белор〈усской〉 дор〈оги〉, в комнату, к〈отор〉у нам снял Литфонд (столовал〈ись〉 в Доме Писателей). Мур поступил в местную школу, но всю зиму проболел: краснуха, свинка, всяческие простуды и, наконец, воспаление легких 〈...〉 полный успех, лестные отзывы по радио. Вещи и рукописи получила *всё*. Прошлым летом. Ты наверное поняла по вещам, переданным. Мы с Мулей давно копим тебе приданое: есть черное новое ватное пальто (шерст〈яная〉 вата), шил портной, — серые фетр〈овые〉 валенки с калошами, мои новые моржовые полуботинки, элегантные и вечные, с ботиками, завтра пойду хлоп〈отать〉 об открытии твоего сундука (у Лили), тогда достанем всё по списку, остальное докупим. Муля деятельно собирается, копит продовольствие и т. д. и только о поездке и думает. Я на каждом листке передачи писала кроме адреса свой *телеф〈он〉*, рассчитывая на свидание, давала его всюду, где могла. — Твои моск〈овские〉 открытки пропали, и ни одна из теперешних до Лили не дошла. Дошли 2 письма к Муле. Папе передачу 10-го — приняли, и это всё, что я о нем знаю с 10-го Октября 1939 г. Будь здорова, деньги высланы давно, жди Мулю, он всё делает и сделает. У нас над радио — карта. Мур сразу тебя нашел. Он тебе писал уже дважды. Он сейчас в 8 кл〈ассе〉, еще 2 года — и армия... Ну, обнимаю, желаю, буду писать часто.

〈*Приписка на полях:*〉

Кошки погибли, Муля расскажет. Погибли — последними[1].

Мама

16-го марта 1941 г.

4

Москва, Покровский бульв〈ар〉, д〈ом〉 14/5, кв〈артира〉 62 (4 подъезд)
18-го марта 1941 г.

Моя дорогая Аля! Это — пятая открытка, с двумя Муриными — седьмая, по твоему точному адр〈есу〉, сообщ〈енному〉 тобою Муле. Он получил два тв〈оих〉 письма, в последнем — письмецо ко мне, и шло оно

всего четыре дня. Всё будет, и всё будет — хорошее, и всё хорошее — будет. О тв⟨оем⟩ отъезде узнала 27-го янв⟨аря⟩, когда принесла передачу, сначала писали на Котлас, потом (справилась на Кузнецком) на Княжий Погост, Муля отправил ряд телегр⟨амм⟩ и даже одну — начальнику лагеря — и, наконец, твой адрес — твоей рукой! Будем радоваться. Худшее — позади. О вещах: на днях (уже приходили, но не застали) будет распечатан у Лили твой бедный рыжий сундук, на к⟨отор⟩ом позапрошлой осенью месяц жил и спал Мур, и вещи будут сданы — мне. Всё, по твоему списку, достанем, остальное докупим, многое уже есть: новое черное пальто на шерст⟨яной⟩ вате — здоровенное —, мерили на меня, шил портной, серые фетровые валенки с калошами — мой первый тебе подарок, еще осенью 1939 г., мои Паризьен моржов⟨ые⟩ желт⟨ые⟩ полуботинки с ботиками, элегантные и непроноские, черное шерст⟨яное⟩ платье (подарок Мули), словом — много, много чего, и всё — новое. Мы для тебя собираем уже 1 1/2 года. О нас: 8-го ноября 1939 г. мы ушли из Болшева — навсегда, месяц жили у Лили, на твоем пепелище, зимовали, с деятельной помощью Литфонда, в Голицыне, Белорусск⟨ой⟩ дороги (столовались в Писат⟨ельском⟩ Доме), летом жили в Универс⟨итете⟩, и осенью совместно с Литф⟨ондом⟩, наконец, после беск⟨онечных⟩ мытарств, нашли эту комн⟨ату⟩ — на 2 года (газ, электр⟨ичество⟩, телефон, 7 эт⟨аж⟩, даже кусок балкона! Но попадать на него — из окна), — где тебе и пишу. Тебе пишут Лиля, Зина и Нина[1]. С Ниной у нас наст⟨оящая⟩ дружба, золотое сердце, цельный и полный человек. Мур оказался очень хрупким, это его 4-ая школа, всю прошлую зиму в Голиц⟨ыне⟩ проболел — свинка, краснуха, непрер⟨ывные⟩ гриппы, воспаление легких, после к⟨оторо⟩го так окончат⟨ельно⟩ и не оправился. Худой и прозрачный, слабый. Папе передачу 10-го приняли, знач⟨ит⟩ (тьфу —) — жив. Ничего не знаю о нем с 10-го Окт⟨ября⟩ 1939 г.

⟨Приписка на полях:⟩

Обе тв⟨ои⟩ москов⟨ские⟩ откр⟨ытки⟩ пропали — горькая случайность.

Кошки погибли. Муля расскажет. Перевожу — всех. Хвалят — даже по радио. Багаж получила. Обнимаю.

Мама.

5

Москва, Покровский бульв⟨ар⟩, д⟨ом⟩ 14/5, кв⟨артира⟩ 62 (4 подъезд)
22-го марта 1941 г., день весеннего равноденствия

Дорогая Аля! В день весеннего равноденствия пытаюсь написать тебе первое письмо, — открыток по точному адр⟨есу⟩ было шесть, с Муриными двумя — восемь, а до этого писала на Княжий Погост, но это не в счет. Во всех открытках писала тебе то же самое, а именно:

Твоих двух московских открыток на Лилю не получила — горькая случайность. Первый звук от тебя — письмецо в письме к Муле, к⟨оторо⟩ый от тебя, пока, получил 2 письма. Он тебе много писал и несколько раз телеграфировал. На каждом листке с передачей я писала свой адр⟨ес⟩ и *телефон* — на всякий случай. Ну, не послужило. О нас с Муром: 8-го ноября 1939 г. мы ушли из Болшева — навсегда. Месяц жили у Лили,

на твоем пепелище, я — на твоем зеленом одеяле, Мур — на твоем бедном рыжем сундуке (где, кстати, всё цело: моль ничего не сожрала, и на днях этот сундук будет передан мне на хранение, уже приходили к Лиле, но не застали ни ее ни Зины). На́м очень сердечно помогал Литфонд, благодаря к⟨оторо⟩му мы смогли снять комнату при Доме Писателей в Голицыне Белорусской дор⟨оги⟩. Столовались в доме, и первые 2 месяца нам всё оплачивалось. Я сразу принялась за переводы, Мур пошел в очередную школу, где его тоже все́ сразу полюбили. Мура ты не узнала бы: он худой, прозрачный, руки как стебли (или как плети, очень слаб), все́ говорят о его хрупкости. В Голицыне он болел: непрерывными гриппами, свинкой и краснухой, после к⟨отор⟩ой схватил воспаление легких (зима была лютая). Перевели его в 8-ой класс без экзаменов — и по болезни и по успехам. Лето мы прожили в Москве, в Университете, искали комнату, — все с той же помощью Литфонда, и наконец — после бесконечных мытарств, лачуг, задворков, ненормальных хозяев — (неописуемо!) — нашли — ту самую где тебе и пишу: 12 1/2 метр⟨ов⟩, 7-ой эт⟨аж⟩, лифт, газ, электр⟨ичество⟩ и даже свой кусок балкона (но вылезать нужно из окна п. ч. дверь — у соседей) — на 2 года, с договором, безумно-дорогую, но, пока, выручили писатели: мне такая сумма и во сне не снилась.

Мур учится в 4-ой счетом школе (3-тья была на Тверской, образцовая) — в 8-ом кл⟨ассе⟩. Блестящ по всем гуманитарн⟨ым⟩ наукам, по литер⟨атуре⟩ — сплошное отлично, лучше всех в классе знает язык, читает доклады с собственными мнениями и т. д., отлично и по черчению, все остальное — посильно, но так как *очень* старается (*одну* задачу из пяти делает по полтора, а то по̀ два часа), то совсем не дышит: с утра до 3 ч. — школа, с 3 ч. до 9 ч. — уроки. Совсем зачах. Внутри он все такой же суровый и одинокий и — достойный: ни одной жалобы — ни на что. Ко мне он привык — как кот. Мне его бесконечно-жаль, и я так мало для него могу, разве что — пирожное. — Или очередной книжный подарок, напр⟨имер⟩ — Историю Дипломатии или сборник статей Кирпотина[1]. Из поэтов любит Маяковского, Асеева и Багрицкого, собирает их в самых разнообразных изданиях.

Мои переводы: груз⟨инский⟩ поэт Важа Пшавела: Гоготур и Апшина, Раненый Барс (напечатан в Дружбе Народов) и Этери, все вместе — 3.000 строк (рифмованных!).

Потом — всѐ: немецкий фольклор, совр⟨еменные⟩ болгары (их, хваля, читали по радио), французы, немец Бехер (с немецк⟨ого⟩ на франц⟨узский⟩), — поляки, ляхи (это — отдельный народ, разновидность чехов) а сейчас — целый том белорусских евреев. Да, — англичан позабыла: Баллады о Робин Гуде. Работаю в Интернац⟨иональной⟩ Литературе и в Гослитиздате — сектор Дружба Народов. Отношение ко мне самое сердечное и почтительное, а некоторые — просто любят. Моя книжка стихов включена в план Гослитиздата[2], но не знаю что̀ получится, сейчас очень сокращают, а это ведь — чисто-лирическая книга...

Живу — та̀к: с утра пишу (перевожу) и готовлю: к моему счастью я по утрам совсем одна, в 3 ч. приходит Мур, — обедаем, потом либо иду в Гослитиздат, либо по каким-нибудь другим делам, к 5 ч. — 6 ч. — опять пишу, потом — ужин. В театре и концертах не бываю никогда — не тянет. Мур ложится рано, у нас никто не бывает. Летом 1940 г. — т. е. про-

шлым — я получила весь багаж, и всѐ рукописи, и всѐ книги — и тоже ни моль, ни мыши ничего не тронули, всё было в полной сохранности. Только дорого взяли за хранение: больше тысячи, — сто рубл⟨ей⟩ помесячно. Т. е. — *не* дорого, но мне-то — дорого. Всё тебе присланное — оттуда. Да важная вещь: у нас с Мулей для тебя: новое черное пальто на шерст⟨яной⟩ вате, шил портной, мерили на меня, ловкое и очень теплое и *не* тяжелое, серые фетр⟨овые⟩ валенки с калошами, мои моржовые полуботинки Паризьен, желтые, — элегантные и непроносные, и к ним — ботики, кроме того — у Мули — всякие отрезы, косынки, то̀, что уже сам покупал. По присланному списку получишь — всё, у меня многое имеется, чего нет — докупим. Но ты ничего не пишешь про одеяло. У меня есть — на выбор: мое вязаное (очень разноцветное), теплое и не тяжелое — и: синяя испанская шаль с бахромой, к⟨отор⟩ая тем хороша, что и шаль и одеяло. *Непременно ответь.* Устроишься — довезем и второе. Муля только тобой и жив, после писем повеселел, подписал договор на большую работу, деятельно собирается к тебе. Он был нам неустанным и неизменным помощником — с самой минуты твоего увода. Папе 10-го передачу приняли, ничего не знаю о нем с 10-го Октября 1939 г. Тебе пишут Лиля и Нина. Вчера мы у нее были на дне рождения, я подарила ей старинную оловянную чашечку — кофейную, ты их наверное помнишь, и пили вино — за твое здоровье и возвращение, она вспоминала как вместе с тобой проводила этот день. Она очень худая и всё время болеет, но молодец и — настоящий человек.

Есть друзья, немного, но преданные, но вижусь редко — всё безумно-заняты — да и негде. К быту я привыкла, одна хожу и езжу — Аля, даже на А! Едим хорошо, в Москве абсолютно всё есть, но наша семья — котлетная, и если день не было котлет (московских, полтинник — штука), Мур ворчит, что я кормлю его гадостями. По-прежнему вылавливает из супа зеленявки — я осенью зелени (моркови, сельд⟨ерея⟩, петрушки-персиля) насушила на целый год. М. б. *тебе* нужна — сухая зелень? Можно морковь разводить в кипятке, если негде варить. Ответь: 1) одеяло или шаль 2) нужна ли моя сушка.

Муру 1-го февр⟨аля⟩ исполнилось 16 лет, второй месяц добывает паспорт — сам. Был уже в четырех учреждениях, и у д⟨окто⟩ра — установить возраст. Всё в порядке, обещали вызвать. Мур — удивительно ответственный человек, вообще он — совсем взрослый, если не считать вязаных лоскутьев, с к⟨оторы⟩ми спит и к⟨отор⟩ые я по-прежнему должна разыскивать. Муля везет тебе целую гору продовольствия, напиши в точности — что̀ нужней? Чеснок у меня есть, но м. б. ты его не ешь? — Свежий. — Да, тебе нужны миски или тазики? Муля собирается везти медный, а я — сомневаюсь. Ответь!

Прилагаю конверт с листочком. Деньги тебе высланы давным-давно, сразу после твоего перв⟨ого⟩ письма Муле.

У нас очень холодно, была весна и прошла, вчера, возвращаясь от Нины, мы с Муром совсем окоченели, мороз сбривал голову. О вещах не беспокойся: *всё* получишь, и для тебя и для товарок, — у меня свой список, у Мули — свой. Целую тебя, желаю, бодрись и держись.

Мама

⟨*Приписка на полях:*⟩

Твое второе письмо к Муле (с моим) пришло на пятый день.

6

29-го марта 1941 г.
Москва, Покровский бульв⟨ар⟩, д⟨ом⟩ 14/5, кв⟨артира⟩ 62, 4-тый подъезд.

Дорогая Аля! Я делаю что̀ могу — опускаю на Гл⟨авном⟩ Моск⟨овском⟩ Почтамте. Эта открытка — восьмая по точн⟨ому⟩ адресу, данному тобой Муле; 21-го (в день весеннего равноденствия) отправила тебе большое письмо, и было еще три открытки от Кота. А до этого — ряд открыток на Княжий Погост: адр⟨ес⟩, к⟨отор⟩ый мне дали на Кузнецком. (В Бутырках мне дали адр⟨ес⟩: Котлас.)

Муля скоро приедет. Всё привезет. Получил от тебя 2 письма и вчера еще одно, где пишешь, что работаешь в Клубе. Всё привезет по списку. Кроме — есть: новая черная шуба на шерст⟨яной⟩ вате, серые фетр⟨овые⟩ валенки с калошами, мои моржовые полуботинки «Паризьен» с ботиками, элегантные и вечные, всякие отрезы и косынки, мы собирали всю прошлую зиму — по эту. Я от тебя ничего не получала, те московск⟨ие⟩ откр⟨ытки⟩, по горькой случайности, не дошли, а я даже телефон давала, каждый раз, на всякий случай. Лиля тоже ничего не получала. О нас: папе передачу приняли третьего дня, 27-го марта, значит — пока жив. Я ничего не знаю о нем с 10-го Окт⟨ября⟩ 1939 г. Мур учится в 8-ом кл⟨ассе⟩. Из Болшева мы ушли 8-го ноября 1939 г., месяц ютились у Лили, зимовали в Голицыне, возле Пис⟨ательского⟩ Дома, Мур болел всеми болезнями, вплоть до восп⟨аления⟩ легких, ты его не узнаешь: свеча! Летом жили в Москве, в Университете, осенью с помощью Литфонда нашли эту комн⟨ату⟩ — на̀ 2 года, за безумную цену (5.000 в год!). Я — непрерывно перевожу — всех: франц⟨узов⟩, немц⟨ев⟩, грузин, болгар, чехов, поляков, а сейчас — белорусских евреев. Меня часто читают по радио. Есть друзья, — не много, но преданные.

Прости, что пишу всё то же самое. Сегодня иду на Кузнец⟨кий⟩, чтобы скорее распечатали твой сундук (приходили, но Лили не было дома). Муля очень деятельно собирается, подпис⟨ал⟩ договор. Его дела — хороши. Будь здорова, пиши и сюда и на Лилю. Всё будет, и всё будет — хорошее, и всё хорошее — будет. Я к тебе тоже собираюсь, но позже, сейчас не могу из-за хворого и беспомощного Мура. Целую. Авось дойдет!

Мама

⟨Приписка на полях:⟩
Деньги высланы очень давно, надеюсь, что уже получила.

7

Москва, Покровский бульв⟨ар⟩, д⟨ом⟩ 14/5, кв⟨артира⟩ 62 (4 подъезд)
— или пиши на Лилю — или на Мулю.
8-го апреля 1941 г.

Дорогая Аля! Муля получил 4 твоих письма, я — одно, давно, в письме к нему. Тебе уже написали Лиля и Нина. Знаю из последнего письма к Муле, что ты получ⟨ила⟩ мою *первую* открытку — от 3-го февр⟨аля⟩. Аля! Сундук твой свободен, вчера получила на него документ, — сама сниму печать. Бедная Лиля как она за него (нее) боялась! ведь на нем спал Мур, тогда — толстый! У меня для тебя — 8 кило сахару (4 — песку,

4—грызо́мого), теперь буду собирать бэкон (*дивное* копч⟨еное⟩ сало). Муля на днях получает аванс. Перетерпи: все тебе будет + Муля — и когда-нибудь — я. Если бы не Мур (*очень* слабый), поехала бы сейчас. Сейчас думаю о летнем для тебя, есть чудное полотн⟨яное⟩ платье, из номы́[1], суровое, мне его подарила Маргарита[2]. Твое голубое одеяло вяз⟨аное⟩ пропало в Болшеве; — хочешь взамен — мое, тоже вязаное, всех цветов! Оно — очень теплое и *не* тяжелое. Или прислать львиный плэд — подарок? Или — испанскую синюю шаль, она может послужить одеялом. *Ответь.* Аля! Не восемь лет, а шесть с половиной, это мне сказали на Кузнецком. А у меня — тоже катар верхушек и тоже нет палочек. С продовольствием и гуляньем поправишься непременно. Муля привезет — воз. Лечи зубы, если есть зубной врач. Мур писал три раза. Дошло ли мое большое письмо — от 21-го марта? Целую и пишу непрерывно.

Мама

⟨Приписка на полях:⟩

10-го несу передачу папе, ничего о нем не знаю с 10-го Окт⟨ября⟩ 1939 г. Обнимаю. Пиши. Ответь про одеяло.

8

16-го апреля 1941 г., среда

Дорогая Аля, я думаю — мои открытки очень глупые, но когда нужно сказать так много, всегда выбираешь глупости. Во-первых, мне очень стыдно за вечное будущее время: пришлю, получишь, и т. д. но, честное слово, всё делается, и всё — реальность. Мы с Мулей решили до поездки — посылку, чисто-продовольственную, та̀к у тебя будет — вдвое, п. ч. он своим чередом повезет. А та̀к — хоть немножко отляжет от сердца. Описывать посылки не буду, всё будет непортящееся, насущное и приятное. Муля получил твой добавочный список, всё будет (опять — будет!) сделано, словом, будет та минута, когда всё это — доедет. Мы с Мулей как раз получили гонорары. Но про платья (подарок) я тебе все-таки напишу, оба летние, одно полотняное суровое с воротничком, другое сизое шелковистое, отлично стирающееся, можно даже не гладить, юбка — моя вечная летняя — в сборах (можешь переделать на складки), а лиф в талию, с огромными пузырями-рукавами, застежка на спине, совсем не маркое и не мявкое. «Глазки да лапки» ... Я очень тронута, что тебе хочется носить пестрое, мы тебя пестротой зальем, Муля уже полтора года как закупает косынки. Очень хорошо, что ты остриглась — я так и думала. Защемки пришлем, вообще не беспокойся, всё мелочи — будут, даже то, о чем ты не подумала. Очень тронута, что ты интересуешься моими переводами, их вышло уже порядочно, а еще больше — выйдет, и всё хвалят, о̀чно и заочно. Кончаю своих Белорусских Евреев — эту книгу переводим втроем, Державин[1], я, и еще один, — потом будут грузины, потом — балты. Мой лучший перевод — Плаванье — Бодлера[2], п. ч. подлинник — лучший. Это — моя главная жизнь. Меня единогласно провели в Групком и в Профсоюз. Пожалуйста, радуйся башмакам! Они чудные и вечные, можно носить без калош, но есть специальные ботики. Вообще, не унывай, да ты и так — молодец!

Мама

Твое письмо получила и ответила.

9

Москва, Покровский бульв⟨ар⟩, д⟨ом⟩ 14/5, кв⟨артира⟩ 62 (4 подъезд)
16-го мая 1941 г.

Дорогая Аля! Мур, уходивший в школу, увидел в щели ящика письмо — и оно оказалось твоим. Урра! А мы как раз вчера с Мулей горевали, что так давно от тебя — ничего, и Муля, после ряда утешительных предположений, сам себе, тихо: — От своего оптимизма я когда-нибудь повешусь.

Сначала о деловом: тебе 26-го отосланы две продовольственные посылки, общим весом 16 кило. В них — всё, плюс чулки. Это — первая (грузная) ласточка. Вещи Муля повезет сам, но мы узнали, что без разрешения отсюда — ехать бессмысленно. Значит, в нем — дело. Мы вчера с Мулей очень подробно об этом говорили, у него всякие надежды, и слово его — твердо: не поехать я не могу, в этом моя жизнь. Слыхала я, что его просьба должна быть подтверждена твоей, но об этом он тебе сам напишет подробно. Теперь опишу тебе пальто (хотя не по сезону!): собственно, черная шинель, с бантовой складкой сзади, и очень ольшим запа̀хом: ширины мы не убавляли, — на шерстяной вате и черном сатине. Моя шуба (на черном баране, вроде медведя) безумно-тяжела, иначе послала бы ее. Пальто очень складное, но, конечно, рабочее. Валенки — чудные, это мой первый тебе подарок, еще в октябре 1939 г.: серые, легкие и теплые, к ним — калоши. Моржовые — большие и широкие, рассчитаны на шерстяные чулки, но совсем не жесткие, я их вот уже почти год мажу специальной моржовой мазью. К ним — ботики. Постараемся добыть еще одну пару, новую, полегче, — моржовые тяжеловаты, но зато без сносу. В таких ушел папа. На днях носили с Мулей ему вещи, целый огромный, почти в человеческий рост, мешок, сшитый Зиной по всем правилам, с двойным дном, боковыми карманами и глазка̀ми для продержки, всё без единой металлической части. Так как в открытке было только «принесите вещи такому-то», то я уж сама должна была решить — что̀, и многое мне вернули: валенки, шапку, варежки, непромок⟨аемое⟩ пальто, вязаную куртку, ночн⟨ые⟩ туфли, подушку и галстук. Зато приняли: его серое пальто, положенное на шерстяную вату, новые гигантские башмаки, черные, с калошами *15* номер! (искала *две* зимы!), Мурин почти новый костюм, невидный, но замечательный, подаренный ему твоей тезкой Ариадной[1] — а новый будет лежать и ждать — 4 п⟨ары⟩ штанов (2 п⟨ары⟩ шерст⟨яных⟩, 2 п⟨ары⟩ простых), 2 нижних рубашки, 3 верхних, две простыни, две наволочки, 6 платков и, в конце концов — одеяло, его, вязаное, к⟨оторо⟩го сначала никак не хотели брать, но вдруг — в последнюю минуту — взяли. На платочках, его подарке, была моя метка, — и это был весь мой привет. Но сейчас у меня — гора с плеч, ведь это всё шилось, покупалось, нафталинилось — та̀к, на авось, в полной неизвестности. В последнюю минуту закрепила всѐ пуговицы, а Зина штаны положила на подкладку, кроме того есть жилет — на заплаты, а вместо летнего он может носить свое брезентовое, в к⟨отор⟩ом ушел, если только догадается снять барана. К сожалению не взяли еще летних штанов, парусиновых, синих, и тюбетейки, но зато взяли сюэдинковую новую кэпку. Но, вообще, как видишь, взяли 3/4, и были очень милы. Это было 5-го мая, а 10-го передачу приняли. А больше о нем не знаю ничего.

Может быть, если Муля задержится (не от него зависит!) пошлю тебе посылочкой два летних платья, своих, новых: одно темно-сизое, чудный цвет, шелковистое, но не шелковое, с огромными рукавами и широчайшей юбкой, другое простое серое полотняное из «номѝ», оба чудно стираются. И несколько косыночек, их у нас для тебя множество: и мои привозные, и Муля накупил. А вещи я получила по суду, т. е. вернули мне их до суда, только пришлось уплатить более тысячи за хранение, зато вернули абсолютно-всѐ, и вещественное и бумажное.

О себе: я за это время перевела: Важа Пшавела — поэма Барс, поэма — Гоготур и Апшина, поэма Этери (всего около 2.500 строк), 2 баллады о Робин Гуде с английского, немецкие и франц⟨узские⟩ песенки (народное), ряд переводов с болгарского, ряд переводов с ляхского (разновидность чешского), Плаванье Бодлера (мой лучший перевод!), полсборника Белорусских Евреев (только что закончила), ряд стихов украинского поэта Франко, вроде Надсона, ряд стихов молодых польских поэтов (один — замечательный![2]), и сейчас, кажется, буду делать ряд новых текстов к песням Шуберта[3], т. е. — если не ошибаюсь — Гёте, это уж — заказ Консерватории. Я очень дружна с Нейгаузом[4], он обожает стихи. Вообще, все было бы чудно — — —. Пока, в печати, появился: Барс, болгары, ляхи, а поляков моих читали по радио, и я получила за чтение 150 р., — по соседству от твоей бывшей службы[5]. Меня заваливают работой, но так как на каждое четверостишие — будь то Бодлер или Франко — у меня минимум по четыре варианта, то в день я делаю не больше 20-ти строк (т. е. 80-ти черновых), тогда как другие переводчики (честное слово!) делают по 200, а то и 400 строк *чистовика*[6]. Меня приняли в Групком Гослитиздата, теперь я член проф. союза, и мы с Муром приписаны к амбулатории. Выплачиваю понемножку долги Литфонду, вчера внесла очередные 100 руб. Меня всѐ, почти всѐ, очень любят, и очень ценят мою работу. Подружилась с Н. Н. Асеевым, т. е. это он со мной решил дружить, прочтя какой-то мой перевод, и даже скажу — какой: про какую-то бабку, которая варила пиво и потом повесилась, предварительно сорвав распятье с гвоздя, — на том же гвозде[7]. Это произвело на него сильное впечатление, и теперь мы — друзья. Он строит себе дачу — не доезжая до Голицына — и уже зовет в гости, а я уговариваю завести большого простого пса, деревенского (в Москве только породистые), и вообще даю советы по устройству.

Борис[8] всю зиму провел на даче, и не видела его с осени ни разу, он перевел Гамлета[9] и теперь, кажется, Ромео и Джульетту, и кажется хочет — вообще всего Шекспира. Он совсем не постарел, хотя ему 51 год, — *чуть* начинает седеть. У него чудный мальчик[10], необычайной красоты, и это — вся его любовь. Про жену он начинает спрашивать знакомых: — А может быть она — *не* красавица?? Написал и напечатал два чудесных стихотворения про жару и ночь. Там есть такая строка: «Кувшин с водою и цветами»[11] — это он, остыв от работы на огороде. Огород у него — феноменальный: квадратная верста, и всё — огурцы. Я была у него раз на даче, прошлой осенью. — У Мура на днях экзамены. По гуманитарным наукам — пока сплошное отлично, по остальным — сплошное посредственно, кроме геометрии — хорошо. Он необычайно-серьезен, накупает книги о критике (некоторые, потом, быстро продает), ходит в концерты, и никуда со мной ходить не хочет — никогда, а если когда

и идет — в гости, то силком, как волк на аркане. Близких друзей у него нет, но в школе его любят все. Летом мы никуда не собираемся: через два месяца мне нужно уплатить вперед пять тысяч за комнату, по договору: 4.200 за комнату, 750 р. за ремонт — к⟨отор⟩ый будет сделан, когда я выеду, но платить нужно заранее. Но у нас есть кусочек балкона, на к⟨отор⟩ый ход из окна, и я вчера размазала окно, и сейчас сижу с открытым (окно итальянское, открываются боковые створки) и гляжу на вербу в банке, — это мое любимое дерево[12], самое неприхотливое, и моя уже дала зеленые ростки и белые корешки. А Мур нынче идет за паспортом, — наконец, добился! было трудно, п. ч. не было метрики, а без паспорта нельзя, п. ч. уже 16 лет. А про имянины его мы *забыли*, напомнила Лиля и обещала просроченный пирог. Лиля и Зина тебе писали, также Нина, у к⟨отор⟩ой новая работа, рядом со мной, теперь будем чаще видеться. И Нина просила передать, что вообще будет тебе писать, и мечтает, чтобы и ты — ей. Она — прелестная, только жаль, что хворая: болит когда-то сломанная рука: «костная мышь», к счастью ей сейчас не надо писать на машинке. Буду летом ездить с ней в Сокольники, она всё вспоминает, как вы — ездили, и помнит всё семейные праздники, и вообще все даты. — Аля, не нужно ли тебе кроме черного ватного пальто — мое синее кожаное, на осень? Оно на шерст⟨яной⟩ подкладке, не новое, но вполне приличное и непромокаемое — абсолютно. *Не* тяжелое. Очень рада, что выбрала — шаль: темно-синяя, мягкая, теплая, с толстой бахромой, подарок Веркиной матери, она в нее заворачивалась с внучкой! Куртку коричневую и куртку верхнюю вязаную пришлю с Мулей, вместе со всем. Ответь про кожаное пальто*, ты в него вполне влезешь, и будет оно тебе несколько ниже колен. Мечтаю как будешь получать наши продов⟨ольственные⟩ посылки: кажется, ничего не забыли! Морковь привезет Муля, он не смог за ней зайти, п. ч. его торопили отъезжающие. До свидания! Целую. Не хворай. Держись. Бодрись. Пишу часто.

⟨*Приписка на полях:*⟩

От тебя получила: записку через Мулю, письмо Муру и сегодняшнее, от 2-го мая, шло 14 дней, и самое главное — дошло! До свиданья. Люблю. Помню. Стараюсь.

Мау

Прилагаю маленькую паспортную карточку Мура

10

16-го мая 1941 г.
Москва, Покровский бульв⟨ар⟩, д⟨ом⟩ 14/5, кв⟨артира⟩ 62 (4 подъезд)

Дорогая Аля! Только что — твое большое письмо, от 2-го мая, шло 14 дней. Всё утро писала тебе ответ — 4 мелких страницы, авось дойдет, — уже опущено. 26-го тебе отправлены были две продовольственных посылки, весом 16 кило обе, там — всё, даже печёночный экстракт. Угостишься, и других угостишь, и посылать будем непрерывно. Муля очень собирается ехать, но — оказывается — нужно достать разрешение

* Подчеркнуто красным карандашом.

здесь. Этим и занят. Я тоже приеду, но позже. Муля не только не отошел, но лез (как и Лиля) с нами в самое пёкло. Вещи папе передали, и передачу 10-го приняли, а больше не знаю о нем ничего. У Мура на днях экзамены, послала тебе в письме его паспортную карточку. Аля, если бы ты знала, как я скучаю по тебе и папе. Мне очень надоело жить, но хочется дожить до конца мировой войны, чтобы понять: что̀ — к чему. У нас радио, слушаем всѐ вечера, берет далёко, и я иногда как дура рукоплещу — главным образом — высказываниям здравого смысла, это — большая редкость, и замечаю, что я сама — сплошной здравый смысл. Он и есть — *ПОЭЗИЯ*. Не хворай, пожалуйста, дождись. Вещи свои я получила по суду, летом 1940 г., но до суда не довели, та̀к отдали. Не нужно ли тебе кожаное пальто, скромное, на теплой подкладке, абсолютно-непромокаемое? Ответь! Целую. Пиши. Пишу.

Мама

11

Москва, 18-го мая 1941 г., воскресенье.

Дорогая Аля! Сегодня — тридцать лет назад — мы встретились с папой: 5-го мая 1911 г. Я купила желтых цветов — вроде кувшинок — и вынула из сундучных дебрей его карточку, к⟨отор⟩ую сама снимала, когда тебе было лет четырнадцать — и потом пошла к Лиле, и она конечно не помнила. А я всѐ годы помнила, и, кажется, всегда одна, п. ч. папа всѐ даты помнит, но как-то по-своему. 16-го отправила тебе большое письмо с Муриной паспортной карточкой от 15-го, в ответ на твое, от 2-го мая, к⟨отор⟩ое шло 2 недели. Повторяю: разрешение на свидание нужно хлопотать отсюда, так Муле сказали, и он этим занят. Надеюсь, что когда получишь эту открытку, посылки (две) уже дойдут. Тогда сразу начнешь поправляться, а мы всё время будем посылать. Такой вопрос, вернее совет: если тебе надоели некоторые носильные вещи, напр⟨имер⟩ летние платья, не раздашь ли ты их там, в обмен на новые, когда их привезет Муля, чтобы не загромождать себя слишком веским мешком. Напиши на всякий случай, что̀ очень на оело или опротивело, чтобы я тут же нашла замену, чтобы *успела* ее обдумать. Очень советую тебе согласиться на синее кожаное пальто, оно скромное, теплое, легкое и абсолютно-непромокаемое. Вязаные куртки (верхнюю и нижнюю) и коричневую под замшу — пришлю, вообще — ничего не забуду, только бы у Мули скорей выяснилось... У Мура завтра первый экзамен — алгебра, но он как всегда абсолютно-спокоен: сильное чувство судьбы. Я вчера отложила для тебя целую пачку маленьких фотографий, — тебя в детстве, Мура, нас всех порознь и вместе, на̀ море и в горах, постепенно буду посылать. Да! Когда Муля поедет — в чем везти вещи (носильные): сундучок? мешок? что удобнее? Ответь, и не забудь про кожаное. Целую, скучаю. У нас холодюга, вчера был снег.

Мау

⟨Приписка на полях:⟩

У меня для тебя Альманах Дружбы Народов с моим Барсом и № 5 «Знамени» с моим переводом старого евр⟨ейского⟩ поэта[1].

М. б. пойдет моя проза о Пушкине[2].

12

Москва, 23-го мая 1941 г.

Дорогая Аля, мне очень неприятно, что я ничего твердого не могу тебе написать о Мулином приезде — я знаю, что это для тебя главное — но мне он о ходе своих хлопот подробно не рассказывает, вообще, он безумно занят, и видимся мы с ним сравнительно редко, чаще — созваниваемся. Знаю только, что он всё делает и сделает, а подробности он наверное тебе пишет сам. Да! Ужасно жаль, что он тебе моего Барса (Альманах Дружбы Народов) отправил без моей надписи, я так хотела тебе его надписать, п. ч. это мой первый перевод, сразу после Болшева и полусуществования у Лили — как только у меня оказался стол. Вчера Мур купил для тебя Новый Мир и Октябрь, в Н⟨овом⟩ М⟨ире⟩ парижские стихи Эренбурга и хороший рассказ еврейского писателя Перепа «Эпидемия», и повесть сказительницы Голубковой «Два века в полвека», и большая биография Крамского, вообще — интересный номер — Аля, я перепутала: это — в «Октябре», — а стихи Эренбурга — в Нов⟨ом⟩ Мире[1]. Словом, получишь и прочтешь. Сегодня я в последний раз прикладываю руку к своим Белорусским Евреям, мне там заменили, т. е. подменили ряд строк, но я всё расчухала — и взвыла — и настояла на своих. Книгу переводили трое: Державин, Длигач[2] и я, и выходит она в срочном порядке[3]. А сейчас мне предложили — из Консерватории — новые тексты к гётевским песням Шуберта: песни Миньоны. Не знаю тѐх переводов, но знаю, что именно эти вещи Гёте — непереводимы, не говоря уже о пригнании их к уже существующей *музыке*: ведь Шуберт-то писал — с Гёте, а я должна — чтобы можно было петь — писать с Шуберта, т. е. не с Гёте, а с музыки. Но даже вне этого: вот дословный перевод одной из лучших — всё лучшие! — тогда скажем: моей любимой песни Миньоны: — О, дай мне казаться, пока я *буду* (*сбудусь*, но это уже — толкование), а размер онегинский, *не* вмещающий. Такие вещи можно переводить только *абсолютно*-вольно, т. е. в духе и в слухе, но — неизбежно *заменяя* образы, а я этого — на этот раз — не хочу и не могу[4], ибо это — совершенно. Поэтому — отказываюсь: пусть портят: фантазируют или дают рифмованный подстрочник — другие. Для песен Миньоны стòит изучить *язык*. С такими требованиями к себе — ты сама понимаешь, что мне работать труднее, чем кому бы то ни было. Я сама себе препятствие. Моя беда, что я, переводя любое, хочу дать художественное произведение, которым, часто, *не* является подлинник, что я не могу повторять авторских ошибок и случайностей, что я, прежде всего, выправляю *смысл*, т. е. довожу вещь до поэзии, перевожу ее — из царства случайности в царство необходимости, — тàк я, недавно, около месяца переводила 140 строк стихов молодого грузина, стараясь их осуществить, досоздать, а матерьял не всегда поддавался, столько было напутано: то туманы — думы гор, то эти же туманы — спускаются нà горы и их одевают, так чтò же они: думы — или покров? У автора — оба, но я так не могу, и вот — правлю *смысл*, и не думай, что это всегда встречается сочувственно: — «У автора — не так». — «Да, у автора — *не так*». Но зато моими переводами сразу восхищаются чтецы — и читатели — п. ч. главное для них, как для меня — хорошие стихи. И я за *это* бьюсь[5]. — Прости, что так много о себе, но мне, в общем, не с кем об этом говорить. Но, чтобы

закончить: недавно телеф‹онный› звонок из «Ревю де Моску», — у них на руках оказались мои переводы Лермонтова[6], хотят — Колыбельную Песню, но — «замените четверостишие». — Почему? — *Мне* оно не нравится. — И так далее. Я сказала: — Я работала для своей души, сделала — как могла, простите, если лучше не могу. — И всё. — Не могу же я сказать, словами сказать, что мое имя — достаточная гарантия.

Аля! Приобретение в дом: я обменяла своего Брейгеля[7] — огромную книгу репродукций его *рисунков* — на всего Лескова, 11 томов в переплете, и даже — переплетах, п. ч. разные, и весь Лесков — сборный, но — весь. Я подумала, что Брейгеля я еще буду смотреть в жизни — нỳ, раз десять — а Лескова читать — всю жизнь, сколько бы ее ни оставалось. И у меня остается еще другой Брейгель: *цветной*, такой же огромный, и которого уже не обменяю ни на что. Лесков — самый подержанный — стòит не меньше 350 руб., и я бы навряд ли его когда-нибудь купила. А тàк — тебе останется, п. ч. Мур навряд ли его будет любить.

— Перекличка. Ты пишешь, что тебе как-то тяжелее снести радость, чем обратное, со мной — то же: я от *хорошего* — сразу плачу, глаза сами плачут, и чаще всего в общественных местах, — просто от ласковой интонации. Глубокая израненность. Но я — от всего плачу: просто открываю рот как рыба и начинаю глотать (давиться), а другие не знают куда девать глаза.

У Мура сейчас экзамены, сдал алгебру на «хорошо» и физику на «посик» (так у них нежно зовут «посредственно»), а нынче — такое происшествие: сидим у стола: он за учебником литературы, я за своими Белорусскими Евреями, — половина десятого — в коридоре гремят каменщики (капитальный ремонт, по всему дому сменяют газ) и — нечто вроде легчайшего стука. Да. Стучат. Ученица. — «Здесь живет такой-то? Так что ж он не идет на экзамен??» Оказывается — экзамен (сочинение) в *9 ч.* утра, а он твердо был уверен, что в 12 ч. — и вообще мог уйти на бульвар читать газету, или (мания!) стричься... Хорошо еще, что школа — рядом. Рассеянность его неописуема: из-за ремонта не ходит лифт, так неизменно, проскакивая 7-ой этаж, подымается на чердак, на метро едет в обратном направлении, платит за плюшку и забывает взять, берет — и забывает съесть, только *одно* помнит: калоши, с таким трудом давшиеся — из-за непомерности номера (*14*, но папе я достала и передала — 15-тый!!) — которые он держит в парте и с которых глаз не сводит — к великому изумлению учеников и учителей. В письме от 16-го я послала тебе его паспортную карточку. Твое последнее письмо (второе) было от 2-го мая, получила его 16-го, и в тот же день ответила, а 18-го (в день нашей встречи с папой 30 лет назад) отправила тебе открытку. — Дошли ли посылки?? Если *да*, жажду знать кàк получила. Пиши про здоровье. Я тоже — мгновенно простужаюсь, всю зиму из простуды не вылезала, простудила себе (сама виновата) всю зиму лежа у незамазанного окна (там — еда) весь правый бок: плечо, легкое, руку, всё — ноет, и руку без боли не могу поднять, невралгия или ревматизм, какая-то гадость, но м. б. пройдет летом. У нас не май, а октябрь, но м. б. и лучше, у меня от хорошей погоды — лютая тоска, а тàк — серо, и как будто ничего... В том письме подробно писала тебе про папину вещевую передачу: взяли всё основное, кроме очень уж зимнего (валенки, мех‹овая› шапка, такое) и подушки. Списка не было, поэтому я в точности не знала, чтò можно,

и понесла на авось — всё. Теперь у него прочный (Мурин) костюм, хорошие башмаки, с калошами, серое пальто, положенное на шерст⟨яную⟩ вату, и белье, и носки (всякие), словом — всё основное.

Скоро получишь книжную посылочку. А пока — целую тебя, желаю здоровья и бодрости.

Посылаю: нас с Муром на лесенке, и Мура — трехлетнего, в парке. У меня для тебя множество карточек.

Мау

13

Москва, 29-го мая 1941 г., четверг

Дорогая Аля, узнала от Мули, что ты получила книги и, в частности моего Барса, только жалею, что отослал без моей надписи, — я так хотела тебе его надписать, — ведь это была моя первая работа, сразу после Болшева и Лили, как только у меня оказался стол. Скоро выходит очередная Дружба Народов, с моими поляками и частью моих евреев, пришлю непременно[1]. — Твое последнее письмо (второе), от 2-го мая, получила 16-го, 16-го же ответила, а 18-го отправила открытку — так как это было тридцатилетие нашей встречи с папой — вспомнил ли? — 5/18 мая 1911 г., в Коктебеле, и 22-го или 23-го еще письмо, и Мур — письмо, с двумя старыми фотографиями. В том, от 16-го была Мурина паспортная карточка — от 15-го, п. ч. паспорт он, наконец, получил, и даже — книжку, и даже — на̀ пять лет. У него сейчас экзамены. Сочинение — Родина в Слове о Полку Игореве — отлично, и устная литература (отвечал последним и вытащил первый билет!) — отлично. Черты классицизма в Недоросле. — Оды Ломоносова. — Творчество Пушкина до 1817 г. Вообще, он лучший ученик по русскому: к *нему* обращаются за правильностью ударений, и нужно сказать, что филологическое чутье у него — непогрешимое. Завтра — геометрия, потом анатомия, и — конец делу венец — (тьфу, тьфу!) — французский.

— Неожиданно вернулась с Кольского Полуострова половина наших хозяев, а именно хозяйка со старшей девочкой, к⟨отор⟩ая, катаясь с горы на санках, налетела на телегр⟨афный⟩ столб и раздробила себе тазобедренную кость. На днях приедет хозяин с младшей девочкой (2 1/2 года), но, кажется, опять уедет, п. ч. у него договор на́ 2 года. Не знаю, что̀ будет с нами, т. е. удовлетворится ли хозяйка (очевидно, остающаяся) — хотя и громадной, но одно̀й комнатой на четырех человек: себя, старшую дочь и двух младших. Если *нет*, кому-нибудь из жильцов придется съезжать, м. б. — нам, п. ч. такая возможность, с предупреждением за месяц, оговорена в договоре. Жаль будет района, просторного и тихого, бульвара, вида, газа, близости метро и трамваев, с трудом усвоенной местности. И, вообще, кошмар переезда — неизвестно куда: ведь мы *эту* искали месяцев шесть. Но, может быть — обойдется.

У нас нынче заканчивается капитальный ремонт, длившийся 2 месяца — меняли газовые трубы — и мы жили, засыпанные известкой, не только мы, но всё: еда, даже покрытая, книги, одежда, — всё было седое. Коридор был груда развалин: сначала выбили полстены, потом пробили потолок, потом — пол, и я свои огромные кипящие кастрюли носила,

танцуя с уступа на уступ или крадясь под балками, и раз чуть не провалилась в нижний этаж, пока еще не заложили досками, — из нашей квартиры в нижнюю и та̀к — семь этажей подряд — до самого низу — был сплошной пролет, и весь дом жил одной жизнью — очень громкой. Но нынче — кончено.

— Милая Аля, дошли ли, наконец, посылки, и ка̀к получила, открывала, вынимала и т. д., напиши подробно. Муля мне сказал, что обо всех приездных делах пишет тебе сам, чем с меня снимает гору: я знаю, что это для тебя — главное, а я как-то не решаюсь его расспрашивать, знаю, что малейшую удачу сообщит сам. Вчера была у Лили, она всю зиму болеет (сердце и осложнение на почки, должна есть без соли, и т. д.), — месяца два не встает, но преподавание продолжает, группа из Дома Ученых, к⟨отор⟩ую она ведет, собирается у нее на дому, и вообще она неистребимо-жизнерадостна, — единственная во всей семье, вернее — точно вся радость, данная на всю семью, досталась — ей. Она очень обрадовалась, узнав, что ее весточка дошла. Дошло ли письмецо Нины? — Все̇ твои вещи: игрушки и книги и много карточек, не говоря уже о крупном, у Лили в полной сохранности, и я ни одной из твоих книг, мне предназначенных, не взяла, — слишком грустно! — но читала их, с грустью и благодарностью, когда мы там жили, по ночам, под твоим же зеленым одеялом. Усыновила я — временно — только твою лубяную банку, держу в ней бусы.

Это — пустяки, но м. б. тебе будет интересно: из болшевского хозяйства уцелела твоя детская ванна, спасавшая и спасающая меня, твоих два ножа и тот «с головкой», который мне вернули вторженцы, приняв львиную голову за женскую, — и еще ряд мелочей, и каждая — живая растрава. Из *твоих* вещей, вообще, не пропала ни одна: все̇ были увезены Мулей и Ниной, да и наше долго было цело, п. ч. мы с Мулей наезжали и топили хворостом моего запаса, но потом из-за дальности расстояния (Голицыно — Болшево) и лютости зимы и, главное, Муриных непрерывных болезней — не смогли, и тут-то и взломали, и вселились, и разграбили[2], теперь их уже нет, дача отошла Экспортлесу. Помнишь огород и белую лошадь[3], которая в одну из последних ночей всё пожрала и потоптала? Как мы ее гоняли! Она была спутанная, страшная, ночь была черная, до сих пор слышу ее топот, Мура тогда подняли с постели и мы втроем гонялись. Я больше никогда не буду жить за̀ городом.

Папе 27-го передачу приняли и я подала очередную просьбу о продовольственной. О вещевой тебе уже писала, повторю вкратце: так как я не знала что̀ — я принесла всё, и всё основное приняли, не приняли только очень зимнего (две зимы искала ему валенки и, наконец, нашла: гигантские! лежат в шкафу в нафталине) и еще подушку. Но все-таки он будет одет. Его серое пальто Зина положила на шерст⟨яную⟩ вату, сделали и снимающийся меховой воротник. О пальто (пишу в каждом письме, прости за скуку!) — нужно ли тебе мое синее, хотя поношенное и не очень уж синее, но прочное, теплое, легкое и абсолютно-непромокаемое? Лиля и Муля говорят, что оно как-то неуместно, но тебе видней и только ты можешь решить. Ведь с одним черным (новым) ты не обойдешься. Все̇ другие поручения помню и выполню — только бы Муля поскорей собрался!

Мечтаю послать тебе два номера Интернациональной Литературы с романом негрского писателя Райт'а — Сын Америки[4]. Ничего страшнее я не читала. Очень сильная вещь, но какая-то невыносимая, во всяком случае — не по моим силам. Вчера читала до 3 ч. утра и во сне сочинила конец, и каков мой ужас, когда — оказывается — еще пятьдесят страниц мытарств! Мне очень интересно что̀ ты о ней скажешь. А та̀к — перечитываю сейчас — Лескова, к⟨оторо⟩го не читала с 1913 г., когда жила в Феодосии.

Конец мая, а серо̀, холодно, дожди, деревья еле и вяло запушились, но мне так легче: совсем не хочется лета с его роскошью и радостью. Никуда не поедем, будем ездить за̀город к Лиле и к одной старушке-переводчице[5], к⟨отор⟩ая очень нас любит с Муром. У меня от мысли о за̀городе — просто содроганье. Пиши о погоде — у вас, как идет весна, есть ли новое в севере. Мне все советуют съездить в Коктебель, ни за что не поеду — никогда — и никто не хочет понять — и расхваливают: красоты природы, веселье жизни. Я недавно подумала, что привязанность дело длительное: чтобы привязаться, нужно сжиться, а у меня уже времени на это нет, да и охоты, да и силы. Кончаю, нужно греть ужин, и хочу чтобы письмо пошло нынче же. В последнем послала тебе Мура — маленького, в парке, и нас с Муром в 1935 г., на лесенке. Вот еще две, была бы счастлива, если бы дошли.

⟨*Рукой Г. С. Эфрона:*⟩

Милая Аля, пишу на свободном мамином кусочке. Экзамены идут хорошо. Завтра — геометрия. Испытания надоели — скоро кончатся. Но все-таки с кем-то разговариваешь, общаешься. У нас в доме кончается ремонт. Сижу дома и слушаю радио.

Целую крепко. *Мур*

Эфрон Ариадна Сергеевна — см. письма к ней в т. 6. Включенные в настоящее приложение письма — впервые: Марина Цветаева. Письма к дочери. Дневниковые записи. Калининград. Московская обл., Музей М. И. Цветаевой в Болшеве; Изд-во «Луч-1», 1995. (Публикация и примечания Е. Б. Коркиной.) Печатаются по тексту первой публикации.

1

[1] Голицыно. См. комментарий 10 к письму 13 к Е. Я. Эфрон (т. 6).
[2] См. письмо 13 к Е. Я. Эфрон (т. 6).
[3] См. письмо «В следственную часть НКВД» и комментарии к нему.
[4] С. Д. Гуревич. См. комментарий 7 к письму 13 к Е. Я. Эфрон (т. 6).

2

[1] Описка М. И. Цветаевой. См. следующие письма.
[2] См комментарии 2 и 5 к письму 1 к Т. Н. Кваниной.
[3] По-видимому, Елисавета Багряна. Перевод М. Цветаевой ее стихотворения «Правнучка» см. в т. 2.
[4] *Журавлев* Дмитрий Николаевич (1900—1991) — артист, выдающийся мастер художественного слова. «Раненый барс» — см. комментарий 1 к письму 3 к В. В. Гольцеву.

3

[1] Кошки А. С. Эфрон, жившие в болшевском доме (Марина Цветаева. Письма к дочери. Дневниковые записи. С. 69).

4

[1] *Зина* — см. комментарий 9 к письму 13 к Е. Я. Эфрон (т. 6). *Нина* — см. комментарий 10 к письму 5 к А. С. Эфрон (т. 6).

5

[1] *Кирпотин* Валерий Яковлевич (1898—1990) — советский литературовед, критик. Возможно, речь идет о его книге «Классики» (М., 1938).
[2] См. комментарий 2 к письму 2 к Л. В. Веприцкой.

7

[1] *Нома* (Noma) — сеть дешевых французских магазинов.
[2] М. Н. Лебедева.

8

[1] *Державин* Владимир Васильевич (1908—1975) — поэт, переводчик.
[2] См. т. 2.

9

[1] А. В. Чернова. См. письма к ней в т. 6.
[2] Речь идет о Ю. Пшибосе. См. т. 4. С. 614.
[3] О переводах Цветаевой для сборника песен Шуберта см. т. 4. С. 679.
[4] *Нейгауз* Генрих Густавович (1888—1964) — пианист, профессор консерватории. См. также: *Воспоминания о Цветаевой*. С. 576.
[5] То есть журнально-газетного объединения Жургаз (Страстной бульвар, 11).
[6] См. письмо 1 к В. В. Гольцеву и комментарий 2 к нему.
[7] Цветаева имеет в виду свой перевод из О. Лысогорского («Баллада о кривой хате». См. т. 2).
[8] Б. Л. Пастернак.
[9] См. письмо 2 к Л. В. Веприцкой и комментарий 7 к нему.
[10] Пастернак Леонид Борисович (1937—1976) — младший сын поэта.
[11] Неточно цитируемая строка из стихотворения Б. Л. Пастернака «Летний день» (1940, 1942). У Пастернака: «А ночь войдет в мой мезонин//И, высунувшись в сени,//Меня наполнит, как кувшин,//Водою и сиренью».
[12] См. стихотворение М. И. Цветаевой «С вербочкою светлошерстой...» (1918). Т. 1.

11

[1] Перевод Цветаевой стихотворения И. Л. Переца «Библейский мотив» был опубликован в № 5 журнала «Знамя» за 1941 г.
[2] Публикация не осуществилась.

12

[1] В № 5 журнала «Новый мир» за 1941 г. опубликованы три стихотворения И. Г. Эренбурга: 1. «Не здесь на обломках, в походе, в окопе...» (1939), 2. «Упали окон вековые веки...» (1940), 3. «О чем молчат арденские леса...» (1941). (С. 147—148); в № 5 журнала «Октябрь» за тот же год были напечатаны: Перец И. Во время эпидемии. Рассказ. С. 73—85; Голубкова М. Два века в полвека (окончание, начало — в № 3 и 4). С. 7—61; Евдокимов И. Крамской. Повесть. С. 86—176.

[2] *Длигач* Лев Михайлович (1904—1949)—поэт, переводчик.
[3] Книга не вышла.
[4] См. комментарий 3 к письму 9 настоящего приложения.
[5] См. комментарий 2 к письму 4 к В. В. Гольцеву.
[6] О французских переводах Цветаевой стихотворений М. Ю. Лермонтова и публикации их в журнале «Revue de Moscou» см. комментарий 2 к письму к П. А. Павленко.
[7] *Брейгель* (Старший) Питер (между 1525 и 1530—1569)—нидерландский живописец. Репродукцию с картины Брейгеля «Рождество» М. И. Цветаева подарила Д. Н. Журавлеву с надписью «Дорогому Дмитрию Николаевичу.—Мое место и век. МЦ». (Журавлев Д. Н. Жизнь, искусство, встречи. М.: ВТО, 1985. С. 128.)

13

[1] «Дружба народов», 1941, № 8. В журнале были напечатаны переводы Цветаевой с польского Ю. Пшибося, Л. Шенвальда, А. Важика. См. т. 2.
[2] См. об этом письмо к П. А. Павленко.
[3] Ср. о «белой лошади» и связанных с нею событиях в очерке М. Цветаевой «Наталья Гончарова». См. т. 4. С. 86, 645.
[4] *Райт Ричард* (1908—1960)—американский писатель. Его роман «Сын Америки» (1940) был опубликован в № 1—2 журнала «Интернациональная литература» за 1941 г.
[5] По-видимому, речь идет о В. А. Меркурьевой. См. письма к ней, а также: Марина Цветаева. Письма к дочери. Дневниковые записи. С. 76.

К. Б. РОДЗЕВИЧУ

Прага, 23-го Декабря 1923 г.[1]

Мой родной,

Я не напоминаю Вам о себе (Вы меня не забыли!) я только не хочу, чтобы Ваши праздники прошли совсем без меня.

Расставшись с Вами во внешней жизни, не перестаю и не перестану—

Впрочем, Вы все это знаете.

МЦ.

А на прилагаемую мелочь—не сердитесь (не сéрдитесь?) право выручить Вас—мне, и Вам—меня, это жалкое право мы ведь сохраняем?

Буду думать о Вас все праздники и всю жизнь.

Родзевич К. Б.—см. письма к нему в т. 6. Впервые—*Поэт и время.* С. 111—112. Печатается по тексту первой публикации.

[1] Письмо переплетено К. Б. Родзевичем вместе с оттиском «Поэмы Конца» из сборника «Ковчег».

УКАЗАТЕЛИ к тт. 1–7 СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ*

Указатель включает имена реальных лиц, мифологические и библейские персонажи, а также названия периодических изданий, альманахов, сборников, обществ и организаций, музеев, театров, учебных заведений, издательств, упомянутых в текстах М. И. Цветаевой и комментариях.

Названия произведений литературы даны под фамилией автора, персонажи – под соответствующими литературными произведениями (если автор установлен).

Фамилии и названия на иностранных языках приведены в конце указателя.

В случаях разночтения с текстами М. И. Цветаевой в указателе приводятся правильные варианты цитат и написание фамилий и названий в соответствии с современными литературными нормами. В круглых скобках даны варианты фамилий и названий, в квадратных – варианты М. И. Цветаевой.

В указателе учтены поправки к томам.

Страницы текста М. И. Цветаевой даны прямым шрифтом, комментарии – курсивом.

* Указатель составлен Г. С. Бернштейн.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ, УПОМИНАЕМЫХ в тт. 1–7*

* Указатель составлен Г. С. Бернштейн.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДРУГИХ АВТОРОВ, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

С русского на французский

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ (тт. 3–5)*

* Указатель стихотворений, включенных в тт. 1–2, приведен в т. 2; стихотворения, вошедшие в приложение и т. 4, – см. в «Указателе стихотворений, не включенных в тт. 1–2».

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ, НЕ ВОШЕДШИХ в тт. 1–2

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ ПО АДРЕСАТАМ (тт. 6–7)

ПОПРАВКИ к тт. 1—6

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
		ТОМ 1	
101	Подпись под стихотворением	27 ноября 1910	27 декабря 1910
140	2-я сверху	Regner	Regnier
623	6-я сверху	Regner	Regnier
291	4-я снизу	Она	Он
353	11-я снизу	Спать в тобою	Спать с тобою
389	2-я снизу	Покинув в грудь	Покинув грудь
592	11-я сверху	(1874—1947)	(1879—1947)
592	16-я сверху	Нине Корнилисвне	Нине Корнелиевне

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
613	11-я сверху	Памяти А. А. Стаховича (1—3)	Памяти А. А. Стаховича (1—4)
626	27-я снизу	«Все прочие правды...»	«Все прежние правды...»
		ТОМ 2	
274	Подпись под эпиграфом	«Однодневная газета», 24 апреля 1920 г.	«Однодневная газета», 24 апреля 1930 г.
367	Дата под стихотворением	29 января 1940	24 января 1940
518	6-я снизу	О. О. Россет	А. О. Россет
524	12-я сверху	Калисто	Каллисто
542	9-я снизу	1,235	2,235
560	21-я сверху	милого сада	лилового сада
		ТОМ 3	
775	7-я сверху	1874—1947	1879—1947
789	13-я снизу	пленив иудея Соломона	пленив иудея Самсона
812	15-я сверху	(1884—после 1929)	(1884—1964)
		ТОМ 4	
82	19-я снизу	страж	страх
113	17-я сверху	церевну	царевну
352	5-я снизу	я не я	а не я
457	9-я снизу	вместо пленок	вместо пеленок
573	16-я снизу	томные глаза, миндалевидные почти	томные позы, миндалевидные ногти
593	3-я сверху	Не те были мастера	Но те были мастера
641	17-я снизу	Честертон Гильберт Кит (1874—1936), английский писатель	Чаттертон Томас (1752—1770), английский поэт. Отравился из-за неудач на литературном поприще.
658	15-я снизу	1922	1992
679	6-я сверху	«Yes Regrets»	«Les Regrets»
		ТОМ 5	
17	14-я сверху	европейскому	еврейскому
113	16-я снизу	они давно не виданные	одни давно не виданные
229	2-я снизу	«Прихожий»	«Прохожий»
275	3-я снизу	невязка!	неувязка!
283	14-я сверху	К тому еще прислушаюсь!	К кому еще прислушаюсь!
396	30-я сверху	Будем жить.	Будем ждать.
442	20—21-я сверху	внимальный	внимательный
671	10-я снизу	Бернет	Бернетт
681	16-я снизу	Начиная со слов: «Возможна описка Цветаевой...» и до конца абзаца.	Речь идет об ответе Диогена Александру Македонскому.
704	20-я сверху	«Что почек, то клейких заплывших огарков...»	«Что почек, что клейких заплывших огарков...»
		ТОМ 6	
11	1-я сверху	А. Доменик	А. Доминик
71	24-я снизу	в прозрачной тот час	в прозрачный тот час
211	10-я сверху	о сыновьях А. Каннегисера	о сыновьях И. С. Каннегисера
502	18-я снизу	Д. В. Философа	Д. В. Философова
503	5-я снизу	(1871—1955)	(1871—1945)
541	5—6-я снизу	См. письма к А. С. Ященко и комментарии к ним (т. 7)	См. письма к А. С. Ященко и комментарии к ним.
542	23-я снизу	(М.: Костры, 1922)	(М.: Костры, 1921)
654	18-я сверху	стихотворение «Струна»	стихотворение «Страна»
784	Даты жизни М. Л. Заблоцкого	(?—1938)	(1861—1944, похоронен в Праге)

СОДЕРЖАНИЕ

Цветаева М.

Ц25 Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7: Письма/Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. — М.: Эллис Лак, 1995. — 848 с.

ISBN 5-7195-0018-9 (Т. 7)

В седьмой том вошли письма М. Цветаевой.

Ц $\frac{4700000000-017}{130(03)-95}$ Без объявл. **ББК 84Ря44**

Цветаева Марина Ивановна

Собрание сочинений в семи томах

Том седьмой

Редактор *Т. А. Горькова*
Художественный редактор *В. Н. Сергутин*
Технический редактор *Л. В. Жигульская*
Корректоры *Н. П. Задорнова, Э. С. Корчагина, О. В. Мокрович*
Мл. редакторы *О. А. Мычко, Д. Р. Памфилова*

Сдано в набор 16.08.94. Подписано в печать 06.10.95.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 53,0. Уч.-изд. л. 64,4.
Тираж 25 000 экз. Заказ 162. С-19. ЛР № 040571 от 19.01.93.

Издательство «Эллис Лак»
123242, Москва, ул. Большая Грузинская, 3, стр. 1.
Тел. 254-74-72, 254-26-11. Факс 254-52-80.

Типография ИПО «Полигран»
125438, Москва, Пакгаузное шоссе, 1.

